ovič
aja
na

4° P. o. russ. 4 z

П. П. РОМАНОВИЧЪ.

РУССКАЯ СТАРИНА ВЪ РОДНОЙ ПОЭЗІИ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ СБОРНИКЪ СТИХОТВОРНЫХЪ ОБРАЗЦОВЪ СЪ ПРИМѢЧАНІЯМИ И СЛОВАРЕМЪ.

Молодымъ людямъ на поученье,
Старымъ людямъ на послушенье.
Изъ народ. былины.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

НОВГОРОДЪ.
Типо-литографія Губ. Правленія.
1890.

4° P. o. russ. 4 z

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 27 сентября 1889 года.

Bayeris[che]
Staatsbi[bliothek]
München

G
Fg T | 79 | 6658

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемый вниманію читателей сборникъ предназначается, главнымъ образомъ, для юношей и представляетъ попытку соединенія стихотворныхъ образцовъ, имѣющихся въ нашей литературѣ, въ одно цѣлое такъ, чтобы они служили *иллюстраціей* къ курсамъ русской исторіи, изложеннымъ въ наиболѣе распространенныхъ учебникахъ, каковы: Иловайскаго, Рождественскаго, Беллярминова и др. *) Въ то же время книга эта можетъ служить нагляднымъ доказательствомъ, на какую историческую эпоху, на какіе историческіе моменты наиболѣе откликалось творчество поэтовъ и народа, гдѣ ихъ вдохновеніе оставило больше слѣдовъ, какая изъ минутъ родной исторической жизни вызывала поэтическую дѣятельность чаще и сильнѣй и какая совсѣмъ почти не пробуждала ея. Желая съ этой послѣдней стороны сдѣлать свой сборникъ полнѣе, я, иногда за недостаткомъ подъ рукою лучшихъ образцовъ, не могъ пренебрегать и такими произведеніями, которыя принадлежатъ перу авторовъ, малоизвѣстныхъ въ литературѣ. Многіе образцы приходилось и отбрасывать: или потому, что они слишкомъ удалялись отъ исторической правды, или потому, что освѣщеніе и толкованіе въ нихъ историческихъ фактовъ, а также и обрисовка тѣхъ или другихъ историческихъ дѣятелей, совсѣмъ не согласны ни съ учебниками, ни съ спеціальными сочиненіями по исторіи.

Книгу свою, на основаніи личнаго опыта, я позволяю себѣ смѣло назвать **дополнительною** къ учебникамъ исторіи. Чтеніе поэтическаго образца, музыкально построеннаго, служитъ во время урока, послѣ разсказа учителя, прекраснымъ оживленіемъ и, безъ особаго участія преподавателя, уясняетъ ученику всю разницу въ изложеніи одного и того же событія у историка, народа и поэта. Вотъ почему въ сборникѣ очень часто стихотворенія сопоставляются съ былинами, или на одинъ и тотъ же историческій фактъ приводятся стихотворенія различныхъ поэтовъ.

Поэтическое произведеніе, хорошо прочитанное, прочнѣе запечатлѣетъ въ молодомъ умѣ учащагося разсказанное учителемъ, повторенное по учебнику и ярче обрисуетъ эпоху и ея дѣятелей.

---

*) Первыя двѣ части нашего сборника были приготовлены къ печати еще въ 1884 г. и о предстоящемъ ихъ выпускѣ въ свѣтъ объявлялось въ 1885 г. въ журналахъ: «Филологическія Записки» «Русскій Филологическій Вѣстникъ» и «Педагогическій Сборникъ,» позднѣе въ 1887 г. и на страницахъ «Русской Старины.» Но по нѣкоторымъ обстоятельствамъ печатаніе книги пришлось отложить. Въ концѣ 1887 г. вышелъ сборникъ г. Вейнберга «Русская исторія въ русской поэзіи,» по идеи совершенно однородный съ нашей книгой, но по исполненію существенно отъ нея отличающійся.

Недаромъ младенчествующіе народы, стремясь сохранить въ памяти дѣятельность своихъ вождей и собратій, слагали свою исторію пѣсеннымъ складомъ. Отецъ пѣлъ сыну о славныхъ дѣлахъ предковъ, а тотъ уже съ дѣтскихъ лѣтъ запечатлѣвалъ въ своей душѣ ихъ образы и въ той же музыкальной, въ той же стихотворной формѣ, самъ распѣвалъ своимъ дѣтямъ былины о дорогомъ прошломъ. Недаромъ всѣ нынѣ культурные народы еще въ глубокой древности имѣли своихъ пѣвцовъ,—бардовъ, менестрелей, бандуристовъ, кобзарей, гусляровъ, сказителей и рапсодовъ; недаромъ почитали ихъ и часто отдавали въ ихъ руки правосудіе: пѣвцы, какъ лучшіе знатоки родной старины и завѣтовъ предковъ, распѣвая о тяжеломъ и славномъ прошломъ, или мирили слушателей съ настоящей кручиной, или вдохновляли ихъ на ратные подвиги. Народы, не имѣвшіе такихъ пѣвцовъ и пѣсенъ, или рано утратившіе ихъ, не имѣютъ и исторіи, лишены единства, прогресса и національной гордости. „Не было примѣра,“ говоритъ извѣстный переводчикъ пѣсенъ разныхъ народовъ Ѳ. Н. Бергъ, „чтобы народъ, спустившійся на самую низкую степень образованія, народъ обмельчавшій, спѣлъ хорошую пѣсню.“

Значеніе исторической пѣсни велико и священно:

О пѣсня, пѣсня, ты ковчегъ,
Куда народъ во дни печали
Несетъ свой рыцарскій доспѣхъ,
И мечъ, и славныхъ дней скрижали!
Ты гласомъ вѣщимъ говоришь,
Изъ вѣка въ вѣкъ переходящимъ,
И чудодѣйственно миришь
Былое наше съ настоящимъ!
Всегда жива, одна и таже...
О пѣсня, ты стоишь на стражѣ
Съ мечомъ хранительнымъ у вратъ
Намъ дорогихъ воспоминаній;
О пѣсня, ты священный кладъ,
Ты цвѣтъ народныхъ достояній!

Въ силу такого высокаго значенія, историческая пѣсня должна явиться неразлучнымъ спутникомъ курса исторіи, такъ какъ при прохожденіи этого учебнаго предмета школа, помимо формальныхъ цѣлей, задается еще и цѣлью воспитательною. Эта же послѣдняя задача заключается въ развитіи и укрѣпленіи въ дѣтскихъ и юношескихъ душахъ горячей любви и несокрушимой преданности къ своей родинѣ, къ ея религіи, къ ея вѣнценоснымъ вождямъ, къ ея радѣльцамъ и страдальцамъ. „Напоминать юношеству,“ говоритъ Нѣмцевичъ: „о подвигахъ предковъ, знакомить его съ свѣтлѣйшими эпохами народной исторіи, сдружить любовь къ отечеству съ первыми впечатлѣніями памяти—вотъ вѣрный способъ для привитія народу сильной привязанности къ родинѣ: ничто уже тогда сихъ первыхъ впечатлѣній, сихъ раннихъ понятій не въ состояніи изгладить. Они крѣпнутъ съ лѣтами и творятъ храбрыхъ для бою ратниковъ, мужей доблестныхъ для совѣта.“ И эти слова стоятъ у Нѣмцевича въ предисловіи къ его историческимъ пѣснямъ („Spiewy Historyczne“).

Еще задолго до школы, до изученія исторіи, сборникъ нашъ можетъ читаться дома, въ семьѣ, подъ руководствомъ матери или отца. Дѣти познакомятся съ родными героями, съ прошлой жизнью своего народа, съ его радостями и невзгодами по произведеніямъ, искренность и правдивость которыхъ глубоко западетъ въ ихъ впечатлительныя души, а потому и въ школѣ, на урокахъ исторіи, они станутъ внимательно слушать разсказы учителя и ловить каждое слово его, такъ какъ это слово будетъ о людяхъ, хотя и прошлой поры, но о знакомыхъ уже, близкихъ и дорогихъ ихъ чуткому, нѣжному сердцу. Да и для взрослаго, когда-то учившагося исторіи, многое изъ нея позабывшаго, предлагаемый сборникъ не будетъ лишенъ интереса.

Книга обнимаетъ тысячелѣтній періодъ русской исторіи и распадается на три части, изъ которыхъ первыя двѣ замыкаются приложеніями, а третья заключеніемъ. Видное мѣсто отводится въ сборникѣ образцамъ народной поэзіи, такъ какъ „наши народныя пѣсни, которыхъ богатствомъ и истинно народнымъ поэтическимъ духомъ мы можемъ предъ другими народами хвалиться, во многихъ отношеніяхъ важны исторически.“ *) Многіе изъ образцовъ имѣютъ при себѣ эпиграфы, которые для народныхъ пѣсенъ и былинъ взяты преимущественно изъ лѣтописей и указываютъ на ихъ возникновеніе, или роднятъ ихъ съ тѣмъ или другимъ событіемъ отечественной исторіи. Эпиграфы же, стоящіе надъ произведеніями поэтовъ, заимствованы изъ манифестовъ, указовъ, рескриптовъ, изъ изреченій государей и великихъ ихъ сподвижниковъ, а также изъ историческихъ пословицъ и произведеній другихъ поэтовъ. Всѣ эти эпиграфы или поясняютъ содержаніе образца, или рѣзче, сильнѣе характеризуютъ событія, героевъ и ихъ дѣянія. Почти всѣ образцы снабжены подстрочными примѣчаніями, число которыхъ доходитъ до 520. При составленіи послѣднихъ я былъ чуждъ всякой претензіи на научную самостоятельность и имѣлъ лишь въ виду разъясненіе анахронизмовъ, встрѣчающихся въ образцахъ, и сообщеніе свѣдѣній, опускаемыхъ въ учебникахъ, но связанныхъ съ содержаніемъ поэтическихъ произведеній, внесенныхъ въ сборникъ. Многія изъ примѣчаній представляютъ цитаты изъ трудовъ болѣе извѣстныхъ нашихъ ученыхъ, имена которыхъ въ такомъ случаѣ и отмѣчаются въ скобкахъ.

Книга заканчивается словаремъ, въ который внесено объясненіе старинныхъ, областныхъ и иностранныхъ словъ, встрѣчающихся, какъ въ стихотвореніяхъ, такъ и въ эпиграфахъ и примѣчаніяхъ; большинство толкованій цѣликомъ взято изъ трудовъ Шимкевича, Буслаева, Аѳанасьева, Тихонравова, Перевлѣсскаго и изъ словарей: Академическаго, Даля, Изюмова и Справочнаго Энциклопедическаго изд. К. Крайя.

Исходя изъ той мысли, что картины такъ же, какъ и поэтическія произведенія, даютъ возможность воскресить передъ дѣтьми прошлую жизнь и событія давно минувшихъ временъ, я употребилъ не мало хлопотъ, чтобы сборникъ мой былъ иллюстрированъ. Слишкомъ тяжелыя условія, поставленныя однимъ изъ издателей, заставили меня обратиться къ услугамъ мѣстнаго гравера В. И. Моисеева, который и исполнилъ, на сколько могъ хорошо, большинство рисунковъ, приложенныхъ къ книгѣ на отдѣльныхъ листахъ. При этомъ считаю долгомъ выразить признательность В. И. Сизову и С. Е. Рождественскому, разрѣшившимъ мнѣ переснять картины съ ихъ изданій, а также А. Н. Саблукову, Ѳ. Ѳ. Пуцыковичу, С. Е. Добродѣеву,

*) Слова покойнаго Н. И. Гнѣдича.

Ф. Ф. Павленкову и А. А. Гатцуку, давшимъ мнѣ возможность имѣть въ своемъ распоряженіи клише остальныхъ рисунковъ.

Выпуская изъ печати настоящій сборникъ, на составленіе котораго было употреблено мною около десяти лѣтъ, разстаюсь съ трудомъ своимъ, памятуя словеса Лаврентія мниха: *„оже ся буду описалъ, или переписалъ, или не дописалъ, чтите исправливая Бога дѣля, а не клените.“*

П. Романовичъ.

17 іюня 1890 г.
г. Новгородъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

РУСЬ УДѢЛЬНО-КНЯЖЕСКАЯ, ВѢЧЕВАЯ.

ВВЕДЕНІЕ.

Стран.

Никогда. *А. Майкова* 3
Святогоръ. *Народная былина* 6
Изъ народныхъ былинъ . . . . . . —
1) Дунай Ивановичъ . . . . —
2) Днѣпра Королевична и Донъ Ивановичъ. —
Былина. *Н. Нѣжаты* 7

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Начало Русскаго государства и Святой равноапостольный великій князь ласковый свѣтъ — Владиміръ Святославичъ Красное солнышко.

Время первыхъ князей.

Синеусовъ курганъ у Бѣла озера. *Н. Берга* 9
Вольга Святославичъ и Микула Селяниновичъ. *Народная былина* . . . 10
Былина о походѣ Олега на Византію. 12
Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ. *А. Пушкина*. 13
Тризна по Олегѣ. *Н. Языкова* . . . 14
Дружина Святослава на Дунаѣ. *Его же*. 15
Борьба Святослава съ Цимисхіемъ. *** 16

Введеніе христіанства на Руси.

Пророчество Андрея Первозваннаго. *С. П.* 17
Первые мученики на Руси. *Б. Алмазова* . . . . —
Выборъ вѣры. *О. Чюминой (Михайловой)* 19
Пѣснь о великомъ князѣ Владимирѣ. *Гр. А. Толстого* 20
Былина о крещеніи Руси. *С. Дрожжина* 21
Памяти великаго князя Владимира. *В. Головина* 22
Кудесникъ. *Н. Языкова* 23
Волхвъ. *Л. Мея* 24
Кіевъ. *Н. Арбузова* 25
Кіевъ. *В. Бенедиктова* . . . . . . —
Янъ Усмошвецъ. *Г. Данилевскаго* . . . —

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Удѣлы, усобицы и борьба съ кочевниками.

Сыновья Владимира Святого.

Духовный стихъ о Борисѣ и Глѣбѣ . 28
Святополкъ. *** 29
Святополкъ Окаянный. *В. Юрьева* . . 30
Мстиславъ Удалой. *** . . . . . . —

Стран.

Дальнѣйшіе потомки Владиміра Святого.

Смерть Изяслава Ярославича. *Гр. А. Толстого* 32
Василько. *И. Сурикова* . . . . . . —
Ставръ Годиновичъ. *Изъ народной былины* 39
Слово о полку Игоря (*съ древне-русскаго*) 40
1) Запѣвъ. *Н. Гербеля* 40
2) Вѣщее затменіе. *Его же* . . . . . —
3) Похвала пѣвца Игорю въ духѣ Бояна. *Л. Мея* 41
4) Прибытіе Всеволода. *Его же* . . —
5) Походъ и новыя предзнаменованія. *Его же* . . . . —
6) Побѣда. *А. Майкова* 42
7) Воспоминаніе объ усобицахъ. *Его же* . . . . —
8) Пораженіе. *Н. Гербеля* . . . . —
9) Плачъ пѣвца. *А. Майкова* . . 43
10) Сонъ Святослава. *Его же* . . . 44
11) Воззваніе къ князьямъ. *Н. Гербеля* . . . . —

Стран.

12) Воспоминаніе о минувшемъ. *А. Майкова* 45
13) Плачъ Ярославны (два перевода). *И. Козлова* и *Н. Гербеля* . . 46
14) Бѣгство Игоря. *Л. Мея* 47
15) Возвращеніе Игоря и заключительное славословіе. *Н. Гербеля* . 49

Новгородская община и колонизація сѣверо-восточнаго края.

Новгородъ. *Н. А. Вроцкаго* (*А. А. Навроцкаго*) 49
Чудо Знаменской иконы. *О. Чюминой*. 51
Новгородская военная пѣсня. *Н. Языкова* 52
Ушкуйникъ. *Гр. А. Толстого* . . . —
Движеніе новгородцевъ на сѣверъ. *** . —
Василій Буслаевичъ. *Народ. былины* . 53
1) Молодость Василія Буслаевича. . 53
2) Путешествіе Василія Буслаевича. 56
Садко-богатый гость *Народная былина* 58
Егорій Храбрый. *Духовный стихъ* . 62

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Монгольское иго и возвышеніе Москвы.

Порабощеніе Руси татарами.

Разгромъ Рязани. *Л. Мея* 65
1) Появленіе татаръ въ окрестностяхъ Рязани 65
2) Княгиня Евпраксія 66
3) Гибель Рязани . . . . —
4) Евпатій Коловратъ 67
Евпатій. *Н. Языкова* 68
Царь Бахметъ и Авдотья Рязаночка. *Народная былина* 69
Градъ Великій Китижъ па Свѣтлояромъ озерѣ. *А. Майкова* . . . 70
Ситскіе курганы. *Л. Трефолева* . . —
Злой городъ. *Н. А. Вроцкаго* . . . 71
Ожиданіе кіевлянами Батыя. *Изъ народной былины* 74
Калинъ царь (Осада Кіева). *Изъ народной былины* . . . . —
Развалины Десятинной церкви. *Бар. Розена* 75
Татарское иго на Руси. *А. Майкова*. 76
Плѣнъ княгини Марьи Юрьевны. *Изъ народной былины* . . . . —
Народныя пѣсни о злой татарщинѣ. . 77
Михаилъ Черниговскій (*изъ Гушалевича*). *О. Лепко* 78
Михаилъ и Θеодоръ Черниговскіе. *Духовный стихъ* . . . . —
Данило Романовичъ. *В. Юрьева* . . 79

Александръ Невскій. *Л. Мея* . . . 80
Въ Городцѣ въ 1263 году. *А. Майкова* 83
Александръ Невскій. *Духовный стихъ*. 85

Возвышеніе Москвы.

Преданіе о Москвѣ. *А. Волкова* . . 86
Михаилъ Тверской. *А. Лукьяновскаго*. —
Щелканъ Дудентьевичъ. *Народн. былина* 89
Еще народн. пѣсня о злой татарщинѣ. 90
Княженіе Ивана Калиты. *А. Майкова*. 92
Пророчество святит. Петра. *Его же* . —
Петръ митрополитъ. *Духовный стихъ*. —

Первоначальникъ славы Димитрій Іоанновичъ Донской.

Исцѣленіе Тайдулы. *Л. Бутовскаго* . 93
Изъ драм. хрон. «Мамаево побоище.» *Д. Аверкіева* 94
Пѣсня. *Д. Минаева* 97
Изъ трагедіи «Димитрій Донской.» *В. Озерова* 98
Предсказаніе Боброка. *Д. Аверкіева*. 103
Мамаево побоище. *Гр. А. Голенищева-Кутузова* 104
Дмитровская суббота. *Духовн. стихъ*. 105

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Богатыри временъ Святого Владимира.

Стран.

Славный оберегатель земли Русской, старъ-матеръ богатырь Илья Муромецъ, крестьянскій сынъ. . . 107
1) Исцѣленіе Ильи 107
2) Первая поѣздка 108
3) Встрѣча со станишниками 109
4) Соловей-разбойникъ. . . . . . . —
5) Идолище поганое. 111
6) Жидовинъ. 112
Алеша Поповичъ 114
Добрыня Никитичъ 117
Соловей Будиміровичъ 118
Отчего перевелись богатыри на святой Руси. 119

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

РУСЬ ЦАРСКАЯ, ВЕЛИКАЯ, МОСКОВСКАЯ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Уничтоженіе удѣльно-вѣчевого порядка и усиленіе монархической власти.

Великіе московскіе князья Іоаннъ III и сынъ его Василій III.

Москва. *М. Дмитріева.* 123
Видѣніе св. Зосимы. *О. Чюминой* . . 124
Паденіе Новгорода. *В. Петрова* . . . 125
Старица-пророчица. *А. Пушкина* . . 126
Изъ трагедіи «Мароа Посадница.» *М. Погодина.* . . . . —
Причины паденія Новгорода. *Н. Жандра.* 129
Новгородское преданіе. *К. Случевскаго.* 130
Новгородъ. *Э. Губера.* 131
Сверженіе татарскаго ига. *А. Майкова.* . . . . —
Изъ трагедіи «Матери-соперницы.» *И. Лажечникова.* . . . . —
Паденіе Пскова. *Н. А. Вроцкаго.* . . 134
Присоединеніе Сѣверскаго удѣла. *Его же.* 135

Первый царь всея Руси Іоаннъ IV Васильевичъ Грозный.

Предсказаніе о рожденіи Грознаго. *Л. Мея.* . . . . —
Старая пѣсня. *А. Кольцова.* . . . . —
Народныя пѣсни о покореніи Казани . 136
Пушкарь Зилантъ. *В. Юрьева.* . . . 137
Завѣщаніе царицы Анастасіи Романовны. *Изъ народн. былины.* . . 140
Воспоминаніе царя о 1553 г. *Л. Мея.* —
Путешествіе царя на богомолье. *А. Майкова.* 142
Горшеня (народная сказка). *В. Крестовскаго.* 143
Мастрюкъ Темрюковичъ. *Народная былина.* 144
Кулачный бой. *М. Лермонтова.* . . . 146
Князь Михайло Репнинъ. *Гр. А. Толстого.* 148
Василій Шибановъ. *Его же.* . . . . —
Печальникъ Русской земли. *Н. А. Вроцкаго.* 150
Новгородъ. *Н. Арбузова.* 152
Разгромъ Новгорода. *Л. Мея.* 153
Набѣгъ крымскихъ татаръ. *Народная пѣсня.* 159
Оговоръ царевича передъ Грознымъ. *Народная былина* 160
Народная пѣсня про осаду Пскова. . 161
Изъ трагедіи «Смерть Грознаго.» *Гр. А. Толстого.* 162
Покореніе Сибири. *Народн. былина.* . 167
Ермакъ. *И. Дмитріева.* 170
Народная пѣсня про смерть Грознаго. 172
У гроба Грознаго. *А. Майкова.* . . . —

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Прекращеніе Рюриковой династіи и Смутное время на Руси.

Стран.

Царь Θеодоръ Іоанновичъ и Борисъ Годуновъ.

Какъ царь занимался дѣлами. *Гр. А. Толстого.* 175
Прикрѣпленіе крестьянъ. *Н. А. Вроцкаго* 177
Восшествіе на престолъ Годунова. *А. Пушкина.* 178
Народная пѣсня про Годунова. . . . 182
V-ая сцена изъ драмы «Борисъ Годуновъ». *А. Пушкина.* . . . . . —
Заточеніе М. И. Романовой. *Θ. Глинки.* 185
Иванъ Великій. *Е. Милькѣева.* 186
Душевное состояніе Годунова въ концѣ царствованія. *А. Пушкина.* . . . —
Появленіе самозванца. 187
1) Пребываніе самозванца въ Польшѣ. *А. Львовой.* 187
2) Вѣсть о самозванцѣ въ Москвѣ. *А. Пушкина.* 190
3) Мѣры Годунова противъ самозванца. *Гр. А. Толстого.* 194
Смерть царя Бориса. *А. Пушкина.* . 195
Народная пѣсня про царевну Ксенію. 197

Лжедимитрій I.

Изъ драм. хрон. «Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій.» *А. Островскаго.* . . . . —
Изъ трагедіи «Димитрій Самозванецъ.» *А. Хомякова.* 199
Послѣдніе дни жизни самозванца. *А. Львовой.* 202
1) Ропотъ въ народѣ 202
2) Въѣздъ Марины Мнишекъ въ Москву 203
3) Безпечность самозванца передъ грозой. 204
4) Заговоръ Шуйскаго. . . . . . . —
5) Мятежъ. 205

Стран.

Сверженіе съ престола Лжедимитрія. *А. Островскаго.* 205
Надруганіе надъ трупомъ самозванца. *А. Львовой.* 210
Гришка Отрепьевъ. *Народн. былина.* —

Василій Шуйскій (полуцарь) и Тушинскій воръ (царекъ).

Смута. *Б. Алмазова.* 212
Появленіе второго самозванца. *А. Львовой.* 213
Народная пѣсня про Тушинскаго вора. 215
Перелеты. *А. Островскаго.* . . . . . —
Осада Троицкой Лавры. *Гр. А. Толстого.* 218
Князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій. *Народная былина.* 219
Смерть Михаила Шуйскаго. *О. Чюминой.* 221
Сверженіе съ престола Василія Шуйскаго. *А. Львовой.* 222

Междуцарствіе.

Прокопій Петровичъ Ляпуновъ. *Народная пѣсня.* 224
Нижегородское ополченіе. *А. Островскаго.* 225
1) Лихолѣтье. 225
2) Пожертвованія. 226
3) Выступленіе земской рати. . . . 228
Смерть патріарха Гермогена. *М. Розенгейма.* 229
Освобожденіе Москвы. *И. Дмитріева.* 231
Asked Мининъ и Пожарскій. *Народн. пѣсня.* 232
Избраніе Михаила Θеодоровича Романова. *Народная пѣсня* 233
Мечъ Пожарскаго. *Гр. Е. Ростопчиной.* 234
Иванъ Сусанинъ. *** . . . . —
Заключеніе. *А. Львовой.* 235

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Эпоха первыхъ царей изъ Дома Романовыхъ и состояніе юго-западной Руси въ XVI и XVII вв.

Народныя пѣсни про время царя Михаила Θеодоровича.

Битва подъ Астраханью. 237
Въѣздъ въ Москву патріарха Филарета. 238
Донской казакъ въ плѣну азовскомъ . —

Стран.

Царь Алексѣй Михайловичъ.

Патріархъ Никонъ. *Н. А. Вроцкаго.* . . 239
1) Принятіе Никономъ патріаршаго сана 239
2) Низложеніе патріарха Никона . . 241
3) Жизнь Никона въ ссылкѣ . . . 242
4) Кончина Никона. . . . . —
Пѣсня про осаду Соловецкаго монастыря 244
Раскольничьи стихи 245
1) Похвала пустыни 245
2) Самосожигательство. 246
Пѣснь про боярина Артамона Матвѣева. *А. Чепы* 246
Царская охота (изъ стих. «Спаситель»). *Л. Мея* 249
Народныя пѣсни о кончинѣ Алексѣя Михайловича. 250

Юго-западная Русь въ XVI и въ первой половинѣ XVII столѣтія.

Кіевъ. *** 251
Надъ Днѣпровскимъ порогомъ. *Н. Арбузова* 251
Гетманъ Свирговскій. 252
1) Походъ въ Молдавію. *Е. Гребенки.* 252
2) Смерть гетмана. *Н. Гербеля* . . 253
Иванъ Подкова (*Изъ Т. Шевченка*). *М. Михайлова.* 253
Упія. *А. Плещеева.* 254
Западная Русь. *А. Майкова.* . . . . —
Наливайко. . . . . —
1) Возстаніе Наливайка. *Е. Гребенки.* 254
2) Казнь Наливайка. *Н. Сурикова* . 255
Тарасова ночь (*Изъ Т. Шевченка*). *Н. Гербеля.* 256
Хмельницкій и Барабашъ. *Е. Гребенки.* 257
Бѣгство Хмельницкаго въ Сѣчь. *Н. Маклакова* 258
Осьмое января 1654 г. *Е. Гребенки* . 262
Избраніе въ гетманы сына Хмельницкаго Юрія. *Н. Маклакова.* . . 263
Кіевъ. *А. Хомякова.* 266

ПРИЛОЖЕНІЕ КО ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Голубиная книга. 267
Горе-Злосчастье. 269
Сказка про Ерша Ершовича сына Щетинникова. 273

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

РУСЬ ИМПЕРАТОРСКАЯ, ПРЕОБРАЗОВАННАЯ, ВСЕРОССІЙСКАЯ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Отецъ отечества, царь-работникъ Петръ I Алексѣевичъ Великій, императоръ Всероссійскій.

(Преобразованіе Россіи и присоединеніе ея къ европейскимъ государствамъ).

Правленіе царевны Софіи и воцареніе Петра.

Рожденіе царевича Петра Алексѣевича. *Народная пѣсня* 279
Гибель Ивана Нарышкина. *Д. Черткова* 280
Стрѣлецкое сказаніе о царевнѣ Софьѣ. *А. Майкова* 284
Правительница Софья. *О. Чюминой.* . 286
Князь Василій Голицынъ. *Народная пѣсня.* 287
Паденіе Софьи. *Н. А. Вроцкаго.* . . 288
1) Поѣздка Софьи въ Лавру . . . 288
2) Выдача Шакловитаго 291
Народныя пѣсни про взятіе Азова . . 294
Петръ Великій въ Острогожскѣ. *** . 295
Поѣздка Петра Великаго за-границу. *Народная пѣсня.* 296
Царица Евдокія Θеодоровна Лопухина. *Народныя пѣсни.* 297

Стран.

Расправа со стрѣлецкимъ атаманомъ. *Народныя пѣсни* 298
1. Моленіе атамана о пощадѣ . . . 298
2. Казнь атамана . . . . —
Сухарева башня. *Е. Милькѣева* . . 299
1-е января 1700 года. *П. Гнѣдича* . —
Бояринъ. *П. А. Вроцкаго* 300

Русь въ періодъ Великой Сѣверной войны.

Вѣщій сонъ о Шведской войнѣ. *Народная пѣсня* 301
Народныя пѣсни про взятіе Шлиссельбурга . . . . —
Кто онъ? А. *Майкова* 302
Основаніе Петербурга. *А. Пушкина* . 303
Домикъ Петра Великаго. *М. Розенгейма*. 305
Пѣсня «*Какъ на матушкѣ на Невѣрѣкѣ*» 306
Петербургъ и Нева со временъ Петра Великаго *Народная пѣсня* . . . —
Изъ пѣсни Балтійскимъ водамъ. *Н. Языкова* . . . . —
Изъ поэмы «Полтава». *А. Пушкина* . —
1. Волненіе въ Украйнѣ до вторженія въ нее Карла 303
2. Казнь Кочубея и Искры 307
3. Измѣна Мазепы . . . . —
Отправленіе Шереметева подъ Полтаву. *Народная пѣсня* 309
Полтавскій бой. *А. Пушкина* 310
Полтавская битва. *П. Молчанова* . . 312
Полтавское дѣло. *Народная пѣсня* . . —
Король Шведскій и Мазепа. *Народная пѣсня* 313

Стран.

Разсказъ Войнаровскаго про смерть Мазепы. *** 313
Покореніе Прибалтійскаго края. *Народныя пѣсни* 316
1. Ревель 316
2. Взятіе Риги . . . . —
3. Осада Выборга 317
Петръ и сынъ его Алексѣй. *Д. Аверкіева*. 317
Ладожское озеро. *М. Ломоносова* . . . 320
Ладожскій каналъ. *Народная пѣсня* . —
Пиръ Петра Великаго. *А. Пушкина* . 321

Смерть императора Петра Великаго.

(народныя пѣсни).

Петръ I кончается 321
Померъ государь (*двѣ пѣсни*) . . . 322
Плачъ государыни . . . . —
Плачъ войска 323

Характеристика Петра Великаго.

(Стихотворенія, посвященныя памяти Петра I).

Изъ поэмы «Петръ Великій». *М. Ломоносова* 323
Пѣснь Петру Великому. *Г. Державина*. 324
Стансы. *А. Пушкина* 325
Малое слово о Великомъ. *В. Бенедиктова* —
Петръ Алексѣевичъ. *Кн. П. Вяземскаго* 328
Надписи къ бюсту Петра. *М. Ломоносова* 329
Петру I Екатерина *П. Л. Бутовскаго* 330
Всадникъ. *М. Розенгейма* . . . . . . —
Памятникъ Петру Великому. *П. Кускова* —

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Состояніе Россіи послѣ смерти Петра Великаго и развитіе ея могущества въ концѣ XVIII вѣка.

Ближайшіе преемники Петра Великаго.

Изъ поэмы «Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая». *И. Козлова* . 331
Казнь князя Ивана Долгорукаго. *Народная пѣсня* 337
Война Шведская. *Народная пѣсня* . —
Отрокъ. *М. Ломоносова* 338
Мальчикъ въ лаптяхъ и въ нагольномъ тулупѣ. *Ѳ. Глинки* . . . . . . —
Памяти М. В. Ломоносова. *Б. Алмазова*. 340
М. В. Ломоносову. *А. Майкова*. . . 341
Ода на день восшествія на престолъ Елисаветы Петровны. *М. Ломоносова*. 342
На кончину Ивана Ивановича Шувалова. *Кн. И. Долгорукаго* . . . 345
Участіе Россіи въ Семилѣтней войнѣ. *Народныя пѣсни* . . . . —
1. Походъ въ землю Прусскую . . . 345
2. Битва при Гроссъ-Егерсдорфѣ и смерть Лопухина 346
3. Ферморъ . . . . —
4. Стѣсненъ король Прусскій . . 347
5. Возвращеніе изъ похода . . . . . —

Стран.

Мать отечества

Императрица Екатерина II Алексѣевна Великая.

Фелица. *Г. Державина* 348
Первая Турецкая война. *Народныя и военныя пѣсни* 352
1. Румянцевъ 352
2. Спиридовъ . . . . —
3. Долгоруковъ 353
4. О немъ же . . . . —
5. Хоръ на миръ съ Портою 354
Чесменскіе трофеи. *** 354
Вторая Турецкая война. *Народныя и военныя пѣсни* 356
1. Начало войны 356
2. Кинбурнская коса . . . . —
3. Очаковъ 357
4. То же . . . . —
5. Русскій чудо-богатырь батюшка—Суворовъ . . . . —

Стран.

Ода Суворову. *Е. Кострова* 358
На взятіе Измаила. *Г. Державина* . 359
На Шведскій миръ. *Его же* 361
Послѣдній пиръ. *В. Бенедиктова* . . 362
Водопадъ. (На смерть Потемкина). *Г. Державина* 365
Костюшка. *Народная пѣсня* 368
На взятіе Варшавы. *Г. Державина* . —
Суворовъ въ Польшѣ. *Народная пѣсня*. 369
Надгробіе императрицѣ Екатеринѣ II. *Г. Державина* . . . . —
Плачъ войска по государынѣ. *Пѣсня*. 370

Императоръ Павелъ Петровичъ.

Орелъ. *Г. Державина* 370
Суворовъ въ Италіи. *Народная пѣсня* 371
На переходъ Альпійскихъ горъ. *Г. Державина* . . . . —

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Россія въ первую половину XIX вѣка и вліяніе ея на дѣла Европы.

Императоръ Александръ I Павловичъ Благословенный и Отечественная война.

Начало отечественной войны. *Народныя пѣсни* 375
1. Объявленіе войны 375
2. Ожидавіе французовъ . . . . . —
Переходъ черезъ Нѣманъ. *Я. Полонскаго* 377
Проѣздомъ черезъ Ковно. *Ѳ. Тютчева*. —
Полководецъ. *А. Пушкина* 378
Бородино. *М. Лермонтова* 379
Москва. *Ѳ. Глинки* 380
Воробьевы горы. *А. Майкова* . . . . —
Поклонная гора. *М. Дмитріева* . . . 381
Французы въ Москвѣ. *Н. Языкова* . . 382
Русскій среди пылающей Москвы. *Тимофеева*. . . . . —
Великая панихида (*Изъ Челяковскаго*). *М. П—аго* . . . . —
Изъ Коллара. *Н. Берга* 383
Состояніе Москвы при французахъ . —
1. Посланіе къ Жуковскому *Кн. П. Вяземскаго* 383
2. Къ Д. В. Дашкову. *К. Батюшкова* 384
Плачъ надъ Москвою. *Кн. И. Долгорукаго*. 384
Хоть Москва въ рукахъ французовъ. *И. Кованька* 385
Обозъ. *Басня И. Крылова* . . . . . —
Ворона и Курица. *Басня его же* . . 386
Ночь темна была. *Пѣсня* . . . . . . —
Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ (отрывокъ). *В. Жуковскаго* . . . 387
Отступленіе и бѣгство «великой арміи». *Барона А. Дельвига* 392
Партизанъ. *Д. Давыдова* 392
Партизанская пѣсня. *** 393
Кутузову послѣ сраженія подъ Краснымъ. *В. Жуковскаго* . . . . . —
Волкъ на псарнѣ. *Басня И. Крылова* . 394
Преслѣдованіе французовъ. *Народная пѣсня* 395
Щука и Котъ. *Басня И. Крылова* . —
Сказаніе о 1812 годѣ. *А. Майкова* . 396
25 декабря. Воспоминаніе избавленія Церкви и Державы Россійской отъ нашествія галловъ и съ ними двадесяти языкъ. *Л. Бутовскаго*. 397
На смерть Кутузова. *Солдатская пѣсня* . . . . —
Ко гробу Кутузова. *А. Пушкина* . . 398
Переходъ русскихъ войскъ черезъ Рейнъ. *К. Батюшкова* . . . . . —
Платовъ. *Народная пѣсня* 399
Донъ. *М. Розенгейма* 400
Подъ Парижемъ. *Народныя пѣсни* . . —
Воспоминаніе въ Царскомъ Селѣ. *А. Пушкина* 401
Два великана. *М. Лермонтова* . . . 402
Пѣсня «*Ѣздилъ Русскій Бѣлый царь*» . —
На возвращеніе Александра I изъ Парижа въ 1815. *А. Пушкина* . 403
Чижъ и Ежъ. *Басня И. Крылова* . . 404
Наводненіе въ Петербургѣ. *А. Пушкина* —
Кончина государя. *Народная пѣсня* . 405
Плачъ войска по государѣ. *Народная пѣсня* . . . . —

Стран.

Надписи къ бюсту Александра I . . 406
1. *И. Дмитріева* 406
2. *Кн. П. Вяземскаго* . . . . . . —
3. *А. Мартынова* . . . . —

Императоръ Николай I Павловичъ.

Паскевичъ. *Народная пѣсня* 406
Олеговъ щитъ. *А. Пушкина* 407
Эдырне. *А. Хомякова* . . . . . . —
Клеветникамъ Россіи. *А. Пушкина* . —
Походъ подъ Варшаву. *Народная пѣсня.* 408
На взятіе Варшавы. *Ѳ. Тютчева* . . 409
Бородинская годовщина. *А. Пушкина.* —
На смерть Пушкина. *М. Лермонтова.* 410
Бородинская годовщина. *В. Жуковскаго.* 411
Нѣсколько словъ о Крыловѣ. *В. Бенедиктова* 414
Споръ. *М. Лермонтова* 416
Кавказъ. *М. Розенгейма* 417
Россіи. *А. Хомякова* 418
На 18 ноября 1853 г. *С. Шевырева* . —
На переходъ Дуная россійскими войсками. *В. Бажанова* 419
Ура!.. На трехъ ударимъ. *Ѳ. Глинки.* —
Крещеніе Одессы. *Н. Арбузова* . . . 420
14 іюня 1854 года. *Н. Некрасова* . . 421
Стихъ о нападеніи англичанъ на Соловецкій монастырь 422

Стран.

Англичане въ Камчаткѣ. *В. Бенедиктова* 422
Воспоминаніе о Крымѣ. *** 423

Первые годы царствованія царя-освободителя Александра II Николаевича.

Утро въ Москвѣ 17 апрѣля 1818 года *В. Жуковскаго* 424
На рожденіе Александра II. *Его же* . —
Послѣдній штурмъ Севастополя. *М. Розенгейма* . . . . —
На развалинахъ Севастополя. *Его же* 425
То же. *В. Немировича-Данченка* . . 426
Севастополь. *В.* . . . . —
Гимнъ Севастополю. *Свящ. Дорошкевича* —
На взятіе Карса. *И. Никитина* . . 428
На миръ 1856 года. *Гр. Е. Ростопчиной.* —
Тишина. *Н. Некрасова* 429
26 августа 1856 года. *А. Хомякова* . 430
Была пора. *А. Плещеева* . . . . . . —
Трудились, бѣдные. *Его же* 431
Чтеніе манифеста 19 февраля 1861 года. *А. Майкова* 432
Великое дѣло. *В. Бенедиктова* . . . —
День встаетъ. *И. Аксакова* . . . . —
Христосъ Воскресъ. *М. Розенгейма* . 433
Погостъ. *И. Никитина* . . . . . —
Завѣтъ старины. *А. Майкова* . . . 434
Новая жизнь. *В. Бажанова* . . . . —
Царю-освободителю. *А. Яхонтова* . . —

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Русь. *И. Никитина* 435
Молитва за Русскаго царя. *** . 436
Величальныя пѣсни Русскому царю . —
Русскій народный гимнъ. *А. Пушкина* 437
То же. *В. Жуковскаго* . . . . . . —
Многолѣтіе. *Его же* 438

СЛОВАРЬ 439

РИСУНКИ ВЪ ТЕКСТѢ:

Стран.

Памятникъ тысячелѣтія Россіи, окруженный *сверху* государственнымъ гербомъ, *съ лѣвой стороны* памятниками: 1) Владиміру Св. въ Кіевѣ, 2) на Куликовомъ полѣ, 3) Ермаку въ Тобольскѣ, 4) Минину и Пожарскому въ Москвѣ и 5) Сусанину въ Костромѣ, *съ правой стороны:* 1) Петру В. въ Петербургѣ, 2) на Полтавскомъ полѣ, 3) Екатеринѣ В. въ Петербургѣ, 3) на Бородинскомъ полѣ и 5) Александровской колонной въ Петербургѣ, и *снизу* —памятникомъ Хмельницкому въ Кіевѣ. Рисунокъ исполненъ художникомъ *В. А. Табуринымъ*, травл. на цинкѣ *фотогр. Францемъ Кройсомъ*. . . . . обложка.

Древніе славяне 8

Владиміръ Святой 23

Кіево-Печерская Лавра. 27

Ярославъ Мудрый 31

Владиміръ Мономахъ 37

Вооруженіе русскихъ съ IX по XIV столѣтіе 48

Софійскій соборъ въ Новгородѣ . . . 50

Александръ Невскій 80

Св. Петръ митрополитъ. 93

Св. Алексѣй митрополитъ 94

Стран.

Троице-Сергіевская Лавра 96

Димитрій Донской 98

Вооруженіе русскихъ войскъ въ XIV столѣтіи 106

Соловецкій монастырь 124

Св. Филиппъ митрополитъ 151

Патріархъ Гермогенъ 229

Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ 238

Царь Алексѣй Михайловичъ 240

Патріархъ Никонъ. . . . . —

Вооруженіе русскихъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ 244

Петръ Великій 303

Памятникъ Петру Великому въ Петербургѣ. 330

Ломоносовъ 338

Екатерина Великая 350

Суворовъ 358

Потемкинъ-Таврическій. 363

Памятникъ Екатеринѣ II-ой въ Петербургѣ. 369

Павелъ Петровичъ. 371

Императоръ Александръ Павловичъ . 376

Кутузовъ 385

Николай Павловичъ. 408

Пушкинъ 411

Крыловъ 415

Императоръ Александръ II-ой. . . . 431

Государственный гербъ. 435

РИСУНКИ НА ОТДѢЛЬНЫХЪ ЛИСТАХЪ.

Памятникъ тысячелѣтія Россіи въ Новгородѣ . . . при введеніи.

Крещеніе Руси. Съ картины *В. И. Сизова* . . . . . при I гл.

Батый во Владимірѣ. Съ картины *В. И. Сизова* . . » II »

Св. Сергій Радонежскій благословляетъ Димитрія Донского на битву съ татарами. Съ картины *В. И. Сизова* . . . . » III »

Іоаннъ III разрываетъ ханскую грамоту. Съ картины худож. *С. И. Верещагина* . . . . . . » IV »

Грозный царь. Со статуи *М. Антокольскаго*. . . . » — »

Убіеніе царевича Димитрія. Съ картины худож. *И. Ѳ. Ильшанова* . . . . » V »

Въѣздъ Пожарскаго въ Кремль. Съ картины *В. И. Сизова*. . . . . » — »

Подданство Малороссіи. Съ картины *В. И. Сизова* » VI »

Преемники Петра Великаго: 1) Екатерина I, Петръ II, 3) Анна Іоанновна, 4) Елисавета Петровна и 5) Петръ III . . . . » VIII »

Переходъ Суворова черезъ Чѳртовъ мостъ. Съ изданія *С. Е. Рождественскаго*	»	VIII	»
Въѣздъ императора Александра I въ Парижъ. Съ изданія *С. Е. Рождественскаго*	«	IX	«
Крестьяне благодарятъ государя за освобожденіе отъ крѣпостной зависимости. Съ карт. *Б. Рожанскаго.*	»	—	»
Ихъ Императорскія Величества и Августѣйшее Семейство. Съ фотографіи.	при заключ.		

ПАМЯТНИКЪ ТЫСЯЧЕЛѢТІЯ РОССІИ ВЪ НОВГОРОДѢ.

(открытъ 8 сентября 1862 г.)

Времена̀ и҆ лѣта̀ въ рꙋцѣ̀ Своéй положи́вый, Гóсподи, Твои́мъ премꙋ́дрымъ, всеблаги́мъ Прóмысломъ тысящелѣ́тнѣ сохраня́емомꙋ и҆ возраща́емомꙋ ца́рствꙋ Всероссíйскомꙋ прова́ви ве́лію ми́лость Твою̀ и҆ сохраня́й ѻ҆́ное въ вѣ́рѣ и҆ пра́вдѣ, во благозакóніи и благоꙋстрое́ніи на лѣта̀ и҆ вѣ́ки мнóгіе.

1890 г. Типо-литогр. Новгород. Губ. Правл.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

РУСЬ

УДѢЛЬНО-КНЯЖЕСКАЯ, ВѢЧЕВАЯ.

ВВЕДЕНІЕ.

...темной старины завѣтныя преданья!

М. Лермонтовъ.

НИКОГДА. [1]

Первая встрѣча славянъ съ римлянами.

Гонитъ волны быстръ Дунай,
Разлился широко;
Надъ Дунаемъ свѣтлый градъ
На горѣ высокой.
Становился римскій царь
Станомъ передъ градомъ;
Забѣлѣлися шатры,
Рядъ стоитъ за рядомъ.
На престолѣ царь сидитъ
Подъ златой порфирой;
Вкругъ престола, словно лѣсъ,
Копья и сѣкиры.
И съ престола римскій царь
Говоритъ съ послами:
Незнакомый людъ стоитъ
Предъ его очами.
Молодецъ все къ молодцу:
Кудри золотыя
Густо вьются по плечамъ;
Очи—голубыя;
Словно всѣ въ одно лицо,
Та-жъ краса и сила,
Словно всѣхъ то ихъ одна
Матерь породила.
Породила жъ ихъ одна
Мать, земля родная,
Что отъ Татры подошла
Вплоть до волнъ Дуная, [1]
И за Татрою идетъ
На другое море,
На полночь и на востокъ,
Гдѣ въ святомъ просторѣ
Уготовала поля,
Долы и дубравы,
Какъ святую колыбель
Для великой славы!
Ихъ послалъ славянскій родъ,
Положивъ совѣтомъ
Встрѣтить римскаго царя
Дружбой и привѣтомъ.
Не лежатъ они челомъ
Передъ нимъ во прахѣ,
Не цѣлуютъ ногъ его
Въ раболѣпномъ страхѣ;
Но подносятъ божій даръ—
Хлѣбъ и соль родную,
И къ великому царю
Держатъ рѣчь такую:
„Весь народъ нашъ, старшины
И князья послали
Насъ, чтобъ мы тебѣ, о царь,
Добрый день сказали.
Ты нашъ гость, лишь доступилъ
Нашего порога;
Мы—*славяне*; [2]) край сей данъ
Намъ въ удѣлъ отъ Бога.
Щедро Имъ онъ надѣленъ

---

[1]) Стихотвореніе это по-словацки Mor'ho (т. е. убивай его!), переведено А. Н. Майковымъ изъ словацкаго поэта Халупки. Событіе, взятое Халупкой за основаніе его разсказа, записано у Амміана Марцеллина и относится къ IV в. Хотя стихотвореніе это и не имѣетъ прямого отношенія къ исторіи нашего отечества, но помѣщается здѣсь какъ образецъ, въ которомъ весьма полно и вполнѣ вѣрно рисуются бытъ и нравы нашихъ предковъ—*славянъ*.

[1]) **Татры**—самая высокая часть Карпатскихъ горъ, составляющая ихъ узелъ.

[2]) **Славяне** принадлежатъ къ бѣлой или кавказской породѣ людей, называемой *арійцами* (отъ корня ov—пахать), родиной которыхъ былъ Туркестанъ. Тѣснимые отсюда монголами, арійцы начинаютъ выселяться (около 2500 лѣтъ до Р. Х.). Движеніе это совершается не вдругъ, а въ теченіе многихъ вѣковъ. Первыми выходятъ *греко-италійцы* и *кельты*, которые населяютъ

Благодатью съ неба:
Не полѣнишься, такъ всѣмъ
Свой кусокъ есть хлѣба.
Много ль, мало ль,— съ насъ того
Будетъ, что имѣемъ:
Благо сѣемъ на своемъ,
Жнемъ, что сами сѣемъ.
И придетъ ли странникъ къ намъ,
Кто, зачѣмъ, не спросимъ,
Съ Богомъ, дверь отворена!
Милости къ намъ просимъ!
Будь онъ свой или чужой,
Человѣкъ прохожій,
Про него всегда у насъ
На столѣ даръ Божій.
Вольно всѣмъ здѣсь жить!—Зарокъ
Богомъ данъ славянамъ:
Грѣхъ великій—быть рабомъ,
Вящій грѣхъ—быть паномъ!
И грѣховъ тѣхъ нѣтъ у насъ,
Нѣтъ во всемъ народѣ!
Всѣмъ у насъ открытый путь
Къ славѣ и слободѣ!

„Правда, какъ весной снѣга
Съ горъ крушатся на долъ,
Лютый врагъ на край нашъ вдругъ,
Словно съ неба, падалъ;
Здѣсь засѣвъ, ужъ думалъ всѣхъ
Насъ держать въ неволѣ,
Нами сѣять и пахать
И на нашемъ полѣ
Кобылицъ своихъ пасти—
Только—блажь пустая!
Поднималась вся земля
Съ края и до края!
И спроси ты: гдѣ же тѣ,
Что́ намъ цѣпь ковали?
Гдѣ, спроси ихъ?—Мы стоимъ,
А они—пропали!
Положенъ ужъ такъ зарокъ,
Вѣки неизмѣнный:
Кто бъ, откуда бъ не пришелъ,
Врагъ иноплеменный,
Завладѣй хоть міромъ, здѣсь
Бѣгъ свой остановишь,
Здѣсь, въ землѣ славянской, гробъ
Самъ себѣ сготовишь.

„Ты теперь, о царь, стоишь
Здѣсь у нашей грани.
Что жъ несешь съ собою къ намъ:
Мечъ иль миръ во длани?
Если мечъ, то вѣдь мечи
И у насъ есть тоже;
А востры ль они, узнать
И не дай ти Боже!
Если жъ къ намъ идешь, какъ гость,
Съ миромъ, съ доброй вѣстью,
Ужъ на славу угостимъ,
И проводимъ съ честью!
Вотъ тебѣ отъ насъ хлѣбъ-соль!
И принять ихъ просимъ
Такъ же честно, какъ тебѣ,
Царь, мы ихъ подносимъ."

Хлѣба-соли не взялъ царь,
Ликомъ омрачился;
Ярый гнѣвъ въ его очахъ
Гордо засвѣтился;
И къ посламъ славянскимъ онъ
Съ трона золотого
Обратилъ, поднявъ главу,
Таковое слово:
„Солнце шествуетъ въ пути—
И къ нему всѣ очи;
Отъ него—вся жизнь и свѣтъ,
Безъ него мракъ ночи;
Съ нимъ у твари спора нѣтъ,
Ни переговоровъ;
Для народовъ солнце—я,
И со мной нѣтъ споровъ!
Какъ судьба, для всѣхъ моя
Власть неотразима:
Повелитель міра—Римъ,
Я жъ—владыка Рима!
Межъ народовъ хоть одинъ
Есть ли во вселенной,
Кто, противиться ему
Возмечтавъ, мгновенно
До послѣдняго раба
Не исчезъ со свѣта!
Всѣ склоняются предъ нимъ,
И живутъ—чрезъ это.

прибрежья Средиземнаго м. и Атлантическаго ок.; вторыми—*германцы*, занимающіе средину з. Европы, и третьими -*славяне* и *литовцы*, на долю которыхъ достались: побережья Нѣмана и средняя Россія до верховьевъ Оки, гдѣ жили финны, и до Камы и Волги, гдѣ обиталъ другой народъ монгольскаго племени—болгары. Около Р. Х. славяне доходятъ на СЗ. до Новгорода, а на ЮЗ. до Карпатскихъ горъ. Во время переселенія народовъ (въ IV—V вв.), славяне выселяются изъ Карпатъ: одни изъ нихъ направляются на СЗ. и занимаютъ долины рр. Тиссы, Эльбы (въ древ. Лаба), Одера, Вислы и Балтійское поморье; другіе устремляются на Ю., за Дунай, занимаютъ Мизію (нын. Болгарію) и доходятъ до Греціи и о-въ Архипелага. Съ этого времени греки впервые начинаютъ называть ихъ *славянами* (проф. Трачевскій).

Преклонитесь же и вы!
Я вашъ край устрою:
Поселю здѣсь римлянъ, васъ
Выведу съ собою,
Въ Римъ—старшинъ, а молодежь—
Прямо въ легіоны;
Покоритесь, будетъ вамъ
Миръ, почетъ, законы;
Нѣтъ—васъ съ семьями къ себѣ
Погоню гуртами,
Въ плуги запрягу, пахать
Землю буду вами!
На цѣпи, какъ псовъ, сидѣть
У воротъ заставлю,
Буду тысячами васъ
Львамъ кидать на травлю—
Горе будетъ, говорю,
Дѣтямъ вашимъ, женамъ;
Бойтесь, если кликну я:
„Горе побѣжденнымъ!“
Бойтесь! этотъ римскій кликъ
Пуще Божья грома!..
Я сказалъ. Вотъ мой отвѣтъ!
Передайте дома!“

Рѣчь окончилъ римскій царь,
Все кругомъ молчало.
Какъ нежданный громъ, она
На славянъ упала.
На царя стремятъ они
Взглядъ оторопѣлый...
Вдругъ какъ будто съ ихъ очей
Заблистали стрѣлы,
И по лицамъ словно вдругъ
Молніи мелькнули,
Разомъ взвизгнувши, мечи
Изъ ноженъ сверкнули,
И у всѣхъ единый кликъ
Вырвался изъ груди:
„Никогда!“

Вокругъ царя
Всполошились люди,
И поднять щиты едва
Вкругъ него успѣли...
Самъ онъ мигомъ съ трона прочь...
Трубы загремѣли,
Разомъ лагерь поднялся:
Скачутъ нумидійцы,
Взводъ безсмертныхъ, взводъ пароянъ,
Галлы, иберійцы [1])
И, копье на перевѣсъ,
Римская пѣхота,—
Окружили молодцовъ,
И пошла работа!
Что медвѣдь лѣсной въ кругу
Псовъ остервенѣлыхъ,
Бьется горсть богатырей
Противъ полчищъ цѣлыхъ;
Съ шумомъ рушатся вкругъ нихъ
Всадники и кони,
Копья ломятся, звенятъ
Шишаки и брони...
Бьется горсть богатырей—
Но сама рѣдѣетъ...
Вотъ лишь трое ихъ: кругомъ
Смерть надъ ними рѣетъ
Въ блескѣ копій и мечей...
Вотъ всего лишь двое—
Вотъ одинъ... и этотъ палъ...

И вкругъ павшихъ въ боѣ
Побѣдители стоятъ
Въ изумленьи сами;
Въ легіонахъ недочетъ:
Цѣлыми рядами
Мертвыхъ, раненыхъ кладутъ...
Самъ, съ разноплеменной
Свитой, кесарь подскакалъ
Мрачный и смущенный;
Разглядѣть желаетъ онъ
Варваровъ, которымъ
Показалась рѣчь его
Вдругъ такимъ позоромъ...
А той рѣчи внемлетъ міръ,
Всѣ цари земные!
„Что жъ за люди это тамъ?
Мыслитъ,—кто жъ такіе?
И задумчиво къ горамъ
Обратилъ онъ взоры:
Грозно смотрятъ изъ-подъ тучъ
Сумрачныя горы;
Стая темная орловъ
Изъ-за нихъ несется;
Словно гулъ какой оттоль
Смутно раздается...

---

[1]) *Нумидійцы, пароянe, галлы* и *иберійцы*—воины изъ подвластныхъ Риму провинцій: Нумидіи, Пароіи, Галліи и Иберіи. **Нумидія** простиралась отъ Мавританіи (нын. Марокко) до Кирены, бывшей греческой колоніи по африканскому берегу Средиземнаго м., недалеко отъ Египта. **Пароія** (нынѣ Хорасанъ) находилась въ передней Азіи и занимала пространство отъ Ефрата до Инда и Хивы. **Галлія**—нынѣшняя Франція, а **Иберія**—нынѣшняя Грузія.

Смотритъ царь, и вдругъ велитъ—
Станъ снимать свой ратный,
И полки переправлять
За Дунай обратно.

А. Майковъ.

СВЯТОГОРЪ [1])

(народная былина).

Снарядился Святогоръ вовъ чисто поле гуляти,
Засѣдлаетъ своего добра коня,
И ѣдетъ по чисту полю.
Не съ кѣмъ Святогору силой помѣряться,
А сила-то по жилочкамъ
Такъ живчикомъ и переливается.
Грузно отъ силушки, какъ отъ тяжелаго бремени,
Вотъ и говоритъ Святогоръ:
„Какъ бы я тяги нашелъ,
Такъ я бы всю землю поднялъ!“
Наѣзжаетъ Святогоръ въ степи,
На маленькую сумочку переметную;
Беретъ погонялку, пощупаетъ сумочку: она не скрянется;
Двинетъ перстомъ ее—не сворохнется,
Хватитъ съ коня рукою—не подымется:
„Много годовъ я по свѣту ѣзживалъ,
А эдакова чуда не наѣзживалъ,
Такова дива не видывалъ:
Маленькая сумочка переметная
Не скрянется, не сворохнется, не подымется!“
Слѣзаетъ Святогоръ съ добра коня,
Ухватилъ онъ сумочку обѣма рукама,
Поднялъ сумочку повыше колѣнъ:
А по бѣлу лицу не слезы, а кровь течетъ.
Гдѣ Святогоръ угрязъ, тутъ и встать не могъ,
Тутъ ему было и конченіе.

Тяги-то земли онъ нашелъ, прибавила разсказчица, а Богъ его и попуталъ за похвальбу.

---

[1]) Колоссальный образъ богатыря Святогора безспорно заключаетъ въ себѣ черты глубокой древности. Самое имя его указываетъ уже на связь съ горами. Постоянное пребываніе Святогора - Святыя Горы (вѣроятно, Карпаты). Сила его необычайна, но ему не съ кѣмъ помѣряться. Поэтому Святогоръ пытается поднять землю, но самъ погружается въ нее, остается въ ней и торчитъ изъ нея, будто исполинская скала.

ИЗЪ НАРОДНЫХЪ БЫЛИНЪ [1])

1.

Дунай Ивановичъ.

«Тихій Дунаюшка Ивановичъ» состязался съ своею женою Настасьей въ стрѣльбѣ изъ лука, «полагалъ ей колечико серебряно на головушку беретъ свой тугой лукъ разрывчатый въ бѣлы руки... спустилъ какъ онъ стрѣлочку каленую» и попалъ Настасьѣ «во самое во темечко,—убилъ онъ Настасью Королевичну,» потомъ

Бралъ въ руки саблю вострую,
Самъ говорилъ таковы слова:
„Гдѣ пала Настасьина головушка
И гдѣ протекала Настасья рѣка
И тутъ протеки-тко Дунай рѣка.“
Исподъ эвтого исподъ мѣстечка
Протекали двѣ рѣченьки быстрыихъ,
И на двѣ струечки оны расходилися,
И още оны въ мѣсто сходилися.

2.

Днѣпра Королевична и Донъ Ивановичъ.

Состязаніе въ стрѣльбѣ подобное вышеописанному. Донъ убилъ Нѣпру.

Пала Нѣпра на сыру землю,
Обливалася кровью горючею.
...Разгорѣлось его (Дона) сердце богатырское,
Становилъ онъ ножище—кинжалище;
Становилъ онъ, самъ выговаривалъ:
„Куда пала головушка бѣлы лебеди,
Тутъ пади головушка и сѣра гуся.“
Палъ онъ тутъ на ножище—кинжалище.
Тутъ отъ нихъ протекала Донъ рѣка,
Отъ тыя отъ крови христіянскія,
Отъ христіянскія крови отъ напрасныя,
Глубиною рѣка двадцати сажень,
А шириною рѣка сорока сажень.

---

[1]) По былинамъ, рѣка Дунай произошла отъ богатыря Дуная, а рр. Днѣпръ и Донъ—отъ богатыря Дона и супруги его Нѣпры Королевичны. Эти былины указываютъ на то старое доисторическое время, когда предки наши славяне, ведя кочевую жизнь, разселялись по рѣкамъ, которыя были для нихъ и путями переселенія и сообщенія и главными мѣстами, гдѣ они основывали свои становища, когда, въ силу этого значенія рѣкъ, они питали къ нимъ религіозное почтеніе, какъ къ мѣстамъ самымъ благодѣтельнымъ и священнымъ. «По многихъ временѣхъ, говоритъ Несторъ, славяне сѣли по *Дунаю*, гдѣ нынѣ земля угорская и болгарская. Отъ тѣхъ славянъ разошлись другіе по землѣ и прозвались своими именами, смотря потому, *гдѣ кто сѣлъ, на которомъ мѣстѣ.*» Поэтому, конечно, Дунай, какъ мѣсто первоначальнаго поселенія славянъ, нашихъ предковъ,

БЫЛИНА.[1]

Давно то было, свѣты мой, когда
На мѣстѣ Кіева дремучая дубрава
Шумѣла у широкаго Днѣпра,—
На западъ солнца, въ Угорской землѣ, [2]
Въ долинахъ, да въ ущелинахъ глубокихъ
Жила-была семья богатырей,
Какихъ теперь на свѣтѣ не бываетъ.
Жили,—и долго-ль, коротко ли, только
Тѣсненько стало вмѣстѣ молодцамъ.
Совѣтъ собрали братья и рѣшили
Искать земли въ далекой сторонѣ:
Гдѣ кто найдетъ, пусть тамъ и поселится.
Родной землѣ всѣ отдали поклоны,
По горсточки родной землицы взяли,
Поцѣловались, вмѣстѣ потужили
И разошлись по разнымъ сторонамъ:
Кто на Волынь, кто къ Кіеву подался,
Кто въ Сѣверскую землю, [3] поосѣли
Гдѣ кто и стали жить да поживать,
Остался лишь на мѣстѣ Святогоръ,
Какъ старшій братъ, а братьямъ на прощанье
Такую рѣчь держалъ онъ: „кто куда
Ни забредетъ, меня не забывайте.
Покуда живъ, опорой буду вамъ;
А какъ придетъ пора моей кончины,
То не забудьте брата навѣстить,
И кто изъ васъ сильнѣе будетъ духомъ,
Тому и передамъ я старшинство
И на того дохну я передъ смертью,
И будетъ онъ владѣть моимъ мечомъ,
И быть тому главою во славянахъ.“
Ушли браты, а Святогоръ остался,
Оберегая старое гнѣздо.
Ушли браты и родину забыли!
Рубили лѣсъ, копали городки,
Дороги пролагали по раздолью;
Съ ордою безпріютной воевали,
Рядили край,—а время шло да шло;
О старшемъ братѣ думать перестали,—
У каждаго заботъ не перечесть!
И такъ, среди заботъ, и перемерли.
А старшій братъ старѣетъ, братьевъ ждетъ,—
И жить усталъ, а землю стережетъ.
Наказывали братья сыновьямъ
О старшемъ братѣ;—дѣти позабыли,
И такъ прошло не много и не мало,
И счетъ годамъ забыли. Между тѣмъ
Жило въ народѣ имя Святогора,
И вотъ Илья, могучій богатырь,
Надумалъ побывать на староселье.
Черезъ лѣса, по рѣкамъ, по ущельямъ,
На западъ солнца ѣдетъ богатырь,—
Чѣмъ дальше,—выше горы. Шумъ стоитъ,
Грохочутъ камни, льются водопады,
По гнѣздамъ пріютилися орлы,
И глушь, и дичь; а славный богатырь
Все дальше ѣдетъ, ищетъ Святогора,
Молчитъ и лишь глядитъ по сторонамъ.
И видитъ онъ, поверхъ горы стоитъ
Могучій конь и голову повѣсилъ.
Спустилась грива бѣлая волной
Къ сырой землѣ, съ травою перевилась,
И мохомъ вкругъ копыта поросли.
А на конѣ, сѣдой какъ лунь, могучій
Какъ дубъ, сидитъ уснувшій богатырь.
На золотомъ шеломѣ солнце блещетъ,
И длинный мечъ положенъ поперекъ.
Тутъ конь Ильи заржалъ и всполохнулся,
И грознымъ окомъ вкругъ себя поводитъ.
И мечъ поднялъ могучій Святогоръ,
И крикнулъ онъ: „откудова, соколъ,
Пожаловалъ сюда на староселье?“
Метнулся конь Ильи богатыря,
И гулъ пошелъ по горному раздолью.
Сталъ Святогоръ допрашивать Илью,
Гдѣ кто осѣлъ, какимъ живутъ обычьемъ,
Кто гдѣ княжитъ и много ли дружины
И у кого честнѣй богатыри;
Когда жъ узналъ, что нѣтъ честнѣе князя
Какъ Володимиръ, солнышко земли,
То мечъ поднялъ и вымолвилъ: „отнынѣ

и до сихъ поръ воспѣвается въ нашихъ хороводныхъ пѣсняхъ: «*Дунай ли мой Дунай, сынъ Ивановичъ Дунай.*» При указанномъ значеніи рѣкъ для предковъ, совершенно понятнымъ становится олицетвореніе Дуная, Дона и Днѣпра въ видѣ славныхъ богатырей (проф. Порфирьевъ, Истор. рус. слов., ч. 1, стр. 59).

[1]) Содержаніе даннаго образца значительно разнится отъ народной былины про смерть Святогора. По этой былинѣ, Святогоръ и Илья Муромецъ ѣхали однажды по чистому полю и встрѣтили великій гробъ, на которомъ была надпись: «кому суждено въ гробу лежать, тотъ въ него и ляжетъ.» Легъ сперва Илья, но гробъ не по немъ, легъ потомъ и Святогоръ,—гробъ какъ нарочно для него сдѣланъ. Сталъ онъ просить Илью закрыть крышку, но Илья отказался. Тогда Святогоръ закрылъ себя самъ, но закрывшись, не могъ уже поднять крышки. Илья по просьбѣ Святогора ударяетъ поперекъ крышки мечомъ и вырастаетъ на ней полоса желѣзная, ударяетъ еще—вырастаетъ другая. Понялъ тогда Святогоръ, что пришелъ его конецъ, попросилъ Илью наклониться къ гробу и передалъ ему часть своей богатырской силы, а самъ задохнулся. Такимъ образомъ Илья получаетъ въ наслѣдье достояніе старшаго богатыря Святогора, представителя горныхъ силъ.

[2]) *Угорская* земля нынѣшняя Венгрія. Венгры, народъ тюркскаго племени, назывались въ старину *уграми*.

[3]) Сѣверская земля—часть Днѣпровскаго бассейна, омываемая рр. Десною, Сеймомъ и Сулою, была заселена одной изъ вѣтвей славянскаго племени—*сѣверянами*.

Владиміръ—князю землю охранять,
Его землѣ и шириться и крѣпнуть,—
А мнѣ теперь пора и на покой."
И онъ сошелъ съ могучаго коня,
Илью мечомъ широкимъ опоясалъ
И въ гробѣ златокованномъ ложится.
Дохнулъ могучей грудью богатырь,
И задрожали каменныя горы,
И все туманомъ скрыло. А когда
Разсѣяло со мглою предразсвѣтной
Ночной туманъ,—не видѣлъ ужъ Илья
Ни гроба, ни коня, ни горъ; а лѣсъ
Кругомъ шумѣлъ, да бился при бедрѣ
Широкій мечъ, наслѣдье Святогора.

Вотъ какъ народъ посвоему толкуетъ
Событія далекой старины.
Такъ, здѣсь у насъ, на Кіевѣ, завязанъ
Великій узелъ будущей судьбы
Славянъ, теперь раскинутыхъ широко
Отъ солнечной далекой стороны
До стороны, окутанной туманомъ.
Такъ, тѣмъ мечомъ надежная рука
Владѣетъ на защиту угнетенныхъ.
И сколько бы вѣковъ не пронеслось,
Вокругъ меча славяне соберутся
И славныя преданья старины
О старомъ Святогорѣ не забудутъ.

Н. Нѣжата.

ДРЕВНІЕ СЛАВЯНЕ.

А добрые кони по семи рублей;
А только надѣлу было дешево,—женскій полъ:
Старушечки были по полушечкѣ,
А молодушечки по двѣ полушечки,
А красныя дѣвушки по денежкѣ.

ПѢСНЬ О ВѢЩЕМЪ ОЛЕГѢ. [1]

Какъ нынѣ сбирается вѣщій Олегъ
Отмстить неразумнымъ хазарамъ;
Ихъ села и нивы за буйный набѣгъ
Обрекъ онъ мечамъ и пожарамъ. [2]
Съ дружиной своей въ цареградской бронѣ
Князь по полю ѣдетъ на вѣрномъ конѣ.

Изъ темнаго лѣса, на встрѣчу ему,
Идетъ вдохновенный кудесникъ,
Покорный Перуну старикъ одному,
Завѣтовъ грядущаго вѣстникъ,
Въ мольбахъ и гаданьяхъ проведшій весь вѣкъ,
И къ мудрому старцу подъѣхалъ Олегъ.

„Скажи мнѣ, кудесникъ, любимецъ боговъ,
Что сбудется въ жизни со мною?
И скоро-ль на радость сосѣдей—враговъ
Могильной засыплюсь землею?
Открой мнѣ всю правду, не бойся меня:
Въ награду любого возьмешь ты коня.“

„Волхвы не боятся могучихъ владыкъ,
А княжескій даръ имъ не нуженъ;
Правдивъ и свободенъ ихъ вѣщій языкъ
И съ волей небесною друженъ.

Грядущіе годы таятся во мглѣ;
Но вижу твой жребій на свѣтломъ челѣ.

„Запомни же нынѣ ты слово мое:
Воителю слава—отрада;
Побѣдой прославлено имя твое;
Твой щитъ на вратахъ Цареграда;
И волны, и суша покорны тебѣ;
Завидуетъ недругъ столь дивной судьбѣ.

„И синяго моря обманчивый валъ
Въ часы роковой непогоды,
И пращъ, и стрѣла, и лукавый кинжалъ
Щадятъ побѣдителя годы...
Подъ грозной броней ты не вѣдаешь ранъ;
Незримый хранитель могущему данъ.

„Твой конь не боится опасныхъ трудовъ;
Онъ, чуя господскую волю,
То смирный стоитъ подъ стрѣлами враговъ,
То мчится по бранному полю,
И холодъ, и сѣча ему ничего:
Но примешь ты смерть отъ коня своего.“

Олегъ усмѣхнулся, однако чело
И взоръ омрачилися думой.
Въ молчаньи, рукой опершись на сѣдло,
Съ коня онъ слѣзаетъ угрюмый;
И вѣрнаго друга прощальной рукой
И гладитъ, и треплетъ по шеѣ крутой.

„Прощай, мой товарищъ, мой вѣрный слуга;
Разстаться настало намъ время:
Теперь отдыхай; ужъ не ступитъ нога
Въ твое позлащенное стремя.
Прощай, утѣшайся, да помни меня;
Вы, отроки—други, возьмите коня!

„Покройте попоной, мохнатымъ ковромъ,
Въ мой лугъ подъ уздцы отведите,
Купайте, кормите отборнымъ зерномъ,
Водой ключевою поите.“
И отроки тотчасъ съ конемъ отошли,
А князю другого коня подвели.

(912 г.).

Пируетъ съ дружиною вѣщій Олегъ
При звонѣ веселомъ стакана.
И кудри ихъ бѣлы, какъ утренній снѣгъ
Надъ славной главою кургана...
Они поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

„А гдѣ мой товарищъ, промолвилъ Олегъ,
Скажите, гдѣ конь мой ретивый?

---

[1]) Смерть Олега въ лѣтописи носитъ признакъ древняго миѳа. Вѣщій Олегъ, при всей своей мудрости, успѣхахъ, могуществѣ, славѣ, не можетъ уразумѣть смысла прорицанія, голоса судьбы, не можетъ понять, что избѣгать своей судьбы не нужно, потому что невозможно. Мы встрѣчаемъ нѣсколько поразительно сходныхъ сказаній со сказаніемъ о смерти Олега. Въ скандинавскихъ сагахъ разсказывается, что богатырю Орвару Одду была предсказана смерть отъ любимаго коня. Богатырь умертвилъ его, но чрезъ много лѣтъ смерть постигаетъ Орвара отъ укушенія ящерицы, которая выползла изъ черепа его коня. Вотъ и еще преданіе, записанное въ глубинѣ Сербіи. Турскому царю докторъ предсказалъ смерть отъ любимаго коня. Царь приказалъ отвести коня на лугъ и оставить безъ присмотра; конь осенью околѣлъ. Спустя послѣ того пять или шесть лѣтъ, царь послѣ пира вздумалъ прогуляться по лугу и наткнулся на голову своего коня. Онъ посмѣялся надъ прорицателемъ, но въ это время изъ черепа выползла змѣя и ужалила его въ ногу; отъ этого царь умеръ и прорицаніе сбылось. (Костомаровъ. Преданія рус. лѣтописи).

[2]) **Хазары** (Казары)—полукочевой народъ тюркскаго племени, жившій между Дономъ и нижнею Волгою. Хазарское ханство въ VII—IX вв. было очень сильно. Въ это время южныя славянскія племена находились въ зависимости отъ хазаръ и платили имъ дань. Съ X в. хазары слабѣютъ, и ханство ихъ окончательно разрушается русскими дружинами.

Здоровъ-ли? Все также-ль легокъ его бѣгъ?
Все тотъ же ль онъ бурный, игривый?"
И внемлетъ отвѣту: на холмѣ крутомъ
Давно ужъ почилъ непробуднымъ онъ сномъ.

Могучій Олегъ головою поникъ
И думаетъ: „что же гаданье?
Кудесникъ, ты лживый, безумный старикъ!
Презрѣть бы твое предсказанье:
Мой конь и донынѣ носилъ-бы меня!"
И хочетъ увидѣть онъ кости коня.

Вотъ ѣдетъ могучій Олегъ со двора,
Съ нимъ Игорь и старые гости,
И видятъ: на холмѣ, у брега Днѣпра,
Лежатъ благородныя кости;
Ихъ моютъ дожди, засыпаетъ ихъ пыль,
И вѣтеръ волнуетъ надъ ними ковыль.

Князь тихо на черепъ коня наступилъ
И молвилъ: „спи, другъ одинокій!
Твой старый хозяинъ тебя пережилъ:
На тризнѣ, уже недалекой,
Не ты подъ сѣкирой ковыль обагришь,
И жаркою кровью мой прахъ напоишь!

„Такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя!
Мнѣ смертію кость угрожала!"
Изъ мертвой главы гробовая змѣя
Шипя, между тѣмъ, выползала;
Какъ черная лента, вкругъ ногъ обвилась:
И вскрикнулъ внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые запѣнясь шипятъ
На тризнѣ плачевной Олега:
Князь Игорь и Ольга [1]) на холмѣ сидятъ;
Дружина пируетъ у брега;
Бойцы поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

А. Пушкинъ.

ТРИЗНА ПО ОЛЕГѢ.

Не лѣсъ завываетъ, не волны шумятъ
Подъ сильнымъ крыломъ непогоды;
То люди выходятъ изъ кіевскихъ вратъ:
Князь Игорь, его воеводы,
Дружина, свои и чужіе народы
На берегъ днѣпровскій, въ долину спѣшатъ.
Могильнымъ общественнымъ хоромъ
Отправить Олегу почетный обрядъ,
Великому бранью и миромъ.

Пришли—и широко бойцовъ и гражданъ
Толпы обступили густыя
То мѣсто, гдѣ черный возстанетъ курганъ,
Да вѣщаго помнитъ Россія;
Гдѣ князь бездыханный, въ доспѣхахъ златыхъ,
Лежалъ средь зеленаго луга,
И бурный товарищъ трудовъ боевыхъ—
Конь бѣлый стоялъ изукрашенъ и тихъ
У ногъ своего господина и друга.

Всѣ, малый и старый, отрадой своей,
Отцомъ опочившаго звали;
Горючія слезы текли изъ очей,
Носилися вопли печали;
И долго, и долго вопилъ и стеналъ
Народъ, покрывавшій долину:
Но вотъ на срединѣ булатъ засверкалъ,
И бранному въ честь властелину
Конь бѣлый, булатомъ сраженный, упалъ
Безъ жизни къ ногамъ своему господину.
Все стихло... руками бойцовъ и гражданъ
Подвигнулись глыбы земныя...
И вонъ на долинѣ огромный курганъ,
Да вѣщаго помнитъ Россія.

Волнуясь могилу народъ окружалъ,
Какъ волны морскія несмѣтный;
Тамъ праздникъ надгробный самъ князь начиналъ:
Въ стаканъ золотой и завѣтный
Онъ медъ наливалъ искрометный,
Онъ въ память Олегу его выпивалъ;
И вновь наполняемый медомъ,
Изъ рукъ молодого владыки славянъ,
Съ конца до конца, межъ народомъ,
Ходилъ золотой и завѣтный стаканъ.

Тогда торопливо, по данному знаку,
Откинувъ доспѣхъ боевой,
Свершить на могилѣ потѣшную драку,
Воители строятся въ строй;
Могучи, отваги исполнены жаромъ,
Отъ разныхъ выходятъ сторонъ,
Сошлися и бьются... ударъ за ударомъ,
Ударомъ ударъ отраженъ!
Сверкаютъ ихъ очи; десницы высокой
И ловокъ и мѣтокъ размахъ;
Увертливы станомъ и грудью широкой,
И тверды бойцы на ногахъ!

---

[1]) **Игорь**—сынъ Рюрика, **Ольга**—супруга Игоря. Ольга въ 955 г. приняла христіанство и во святомъ крещеніи названа Еленою. Преданіе называетъ ее *хитрою*, исторія—*мудрою*, лѣтописецъ—*«денницею и луною спасенія»*, а Церковь причла ее къ лику святыхъ и чтитъ ея память 11 іюля.

Расходятся, сходятся... сшибка другая...
И пала одна сторона!
И громко народъ зашумѣлъ, повторяя
Счастливыхъ бойцовъ имена.
Тутъ съ поприща боя ихъ рѣчью привѣтной
Князь Игорь къ себѣ подзывалъ;
Въ стаканъ золотой и завѣтный
Онъ медъ наливалъ искрометный,
Онъ самъ его бодрымъ бойцамъ подавалъ;
И вновь наполняемый медомъ
Изъ рукъ молодого владыки славянъ,
Съ конца до конца, межъ народомъ,
Ходилъ золотой и завѣтный стаканъ.

Вдругъ—словно мятежъ усмиряется шумный
И чинно дорогу даетъ,
Когда посѣдѣлый въ добрѣ и разумный
Бояринъ на вѣче идетъ—
Толпы разступились... и сталъ среди схода
Съ гуслями въ рукахъ славянинъ.
Кто онъ? онъ не князь и не княжескій сынъ,
Не старецъ, совѣтникъ народа,
Не славный дружинъ воевода,
Не славный соратникъ дружинъ.
Но всѣ его знаютъ, онъ людямъ знакомъ
Красой вдохновеннаго гласа...
Онъ сталъ среди схода - молчанье кругомъ,
И звучная пѣснь раздалася!

Онъ пѣлъ, какъ премудръ и какъ муже-
ственъ былъ
Правитель полночной державы;
Какъ первый онъ громомъ войны огласилъ
Древлянъ вѣковыя дубравы [1]);
Какъ дружно сбирались въ далекій походъ
Народы по слову Олега;
Какъ шли чрезъ пороги, подъ грохотомъ водъ,
По высямъ днѣпровскаго брега;
Какъ по морю бурному вѣтеръ носилъ
Проворные русскіе челны;
Летѣла, шумѣла станица вѣтрилъ
И прыгали челны чрезъ волны;
Какъ послѣ водима любимымъ вождемъ
Сражалась, гуляла дружина
По градамъ и селамъ съ мечомъ и съ огнемъ
До града царя Константина;

[1]) **Древляне (Деревля, Дерева)**, получившіе свое названіе, по объясненію лѣтописца, отъ лѣсистой мѣстности, занятой ими («за несѣдоша въ лѣсѣхъ»), жили по теченію р. Припети. Задолго еще до основанія Русскаго государства древляне обособились отъ другихъ славянскихъ вѣтвей. Рюриковичи, сдѣлавъ Кіевъ центромъ русскихъ владѣній, покоряютъ и древлянъ: впервые въ 884 г. (Олегъ), а окончательно въ 945 г. (Ольга).

Какъ тамъ побѣдитель къ воротамъ прибилъ
Свой щитъ, знаменитый во брани,
И какъ онъ дружину свою одѣлилъ
Богатствами греческой дани.

Умолкъ онъ—и радостнымъ крикомъ похвалъ
Народъ отзывался несмѣтный,
И братски бояна самъ князь обнималъ;
Въ стаканъ золотой и завѣтный
Онъ медъ наливалъ искрометный,
И съ ласковымъ словомъ ему подавалъ;
И вновь наполняемый медомъ,
Изъ рукъ молодого владыки славянъ,
Съ конца до конца, межъ народомъ
Ходилъ золотой и завѣтный стаканъ.

Н. Языковъ.

ДРУЖИНА СВЯТОСЛАВА НА ДУНАѢ.

Бывало:
Ратники лежатъ вокругъ огней
По брегу свѣтлаго Дуная,
Когда тревога боевая
Молчитъ до утреннихъ лучей.
Вдали—туманомъ покровенный
Станъ грековъ, и надъ нимъ грозна,
Какъ щитъ, въ бою окровавленный,
Восходитъ полная луна!

И тихій сонъ во вражьемъ станѣ;
Но тамъ, гдѣ вы, сыны снѣговъ,
Тамъ вдохновенный, на курганѣ,
Поетъ дѣянья праотцовъ—
И персты вѣщіе летаютъ
По звонкимъ пламеннымъ струнамъ,
И взоры воиновъ сверкаютъ,
И рвутся длани ихъ къ мечамъ!

„О ночь! о ночь! лети стрѣлой!
Несносенъ отдыхъ Святославу:
Онъ жаждетъ битвы роковой.
О ночь! о ночь! лети стрѣлой!
Несносенъ отдыхъ Святославу!

„Цимисхій! крѣпокъ ли твой щитъ?
Не тонки-ль кованыя латы? [1])

[1]) Византійскій императоръ **Іоаннъ Цимисхій** (армянск. «малорослый»), родомъ армянинъ, велъ ожесточенную войну съ княземъ Святославомъ и принудилъ, наконецъ, послѣдняго покинуть дунайскую Болгарію. Цимисхій былъ сперва византійскимъ полководцемъ и достигъ престола съ помощью вѣроломной Өеофано, супруги императора Никифора Фоки. Өеофано помогла Цимисхію убить ея мужа.

Нашъ князь убійственно разитъ.
Цимисхій! крѣпокъ ли твой щитъ?
Не тонки-ль кованыя латы?

„Дружинѣ борзыхъ дай коней;
Не то—мечи ее нагонятъ,
И не ускачетъ отъ мечей.
Дружинѣ борзыхъ дай коней;
Не то-мечи ее нагонятъ.

„Ты рать обширную привелъ;
Не много насъ, но мы славяне:
Ударъ нашъ мѣтокъ и тяжелъ.
Ты рать обширную привелъ;
Не много насъ, но мы славяне!

„О ночь! о ночь! лети стрѣлой!
Поля откройтесь для побѣды,
Проснися ужасъ боевой!
О ночь! о ночь! лети стрѣлой!
Поля откройтесь для побѣды!“

На утро солнце лишь возстало,
Проснулся дерзостный булатъ:
Валятся греки—рядъ на рядъ
И ихъ полковъ—какъ не бывало.

Н. Языковъ.

БОРЬБА СВЯТОСЛАВА СЪ ЦИМИСХІЕМЪ.

«Уже намъ нѣкамо ся дѣти, волею и неволею стати противу: да не посрамимъ землѣ Рускіѣ, но ляжемъ костьми, мертвыи бо срамъ не имамъ; аще ли побѣгнемъ, срамъ имамъ, и имамъ убѣжати; но станемъ крѣпко, азъ же предъ вами пойду, аще моя глава ляжеть, то промыслите собою.» (Рѣчь Святослава къ дружинѣ).

О Святославъ, бичъ древнихъ лѣтъ,
Се твой полетъ орлиный.
«Погибнемъ! мертвымъ срама нѣтъ!»
Гремитъ передъ дружиной.
В. Жуковскій.

Съ Цимисхіемъ въ борьбѣ кровавой,
Не разъ подъ тучей грозныхъ стрѣлъ
Нашъ Святославъ увѣнчанъ славой...
По манію его руки
Безстрашный россъ, пылая местью,
На грозные враговъ полки
Леталъ—и возвращался съ честью.
Онъ на равнинахъ дальнихъ сихъ,
Для славы на бѣды готовый,
Дивилъ и чуждыхъ и своихъ
Своею жизнію суровой.
Ему сводъ неба былъ шатромъ
И въ лѣтній зной, и въ зимній холодъ,
Земля подъ войлокомъ-одромъ,
А пищею—конина въ голодъ.
„Друзья, насъ бѣгство не спасетъ!“
Гремѣлъ герой на бранномъ полѣ:
„Позоръ на мертвыхъ не падетъ;
„Намъ биться волей, иль неволей...
„Сразимся жъ, храбрые, смѣлѣй;
„Не посрамимъ отчизны милой—
„И груды вражескихъ костей
„Надбросимъ надъ своей могилой!“
И горсть славянъ на тьмы враговъ
Текла, вождя послышавъ голосъ—
И у врага хладѣла кровь,
И дыбомъ становился волосъ!...
Съ утра до вечера кипѣлъ
На ближнемъ полѣ бой кровавый;
Двѣнадцать разъ герой хотѣлъ
Вѣнчать побѣду звучной славой.
Валились грудами тѣла,
И грекъ не разъ бѣжалъ изъ боя;
Но рать враговъ превозмогла
Надъ чудной доблестью героя!
Закинувъ на̀-спину щиты,
Славяне шли, какъ львы съ ловитвы,
Грозя съ нагорной высоты
Кровопролитьемъ новой битвы.
Столь дивной изумленъ борьбой
Владыка гордой Византіи,
Свиданіе и миръ съ собой
Здѣсь предложилъ главѣ Россіи.
И къ славѣ сѣверныхъ племенъ
И цареградскаго престола
Желанный миръ былъ заключенъ
Не вдалекѣ отъ Доростола. [1])
О князь! давно истлѣлъ твой прахъ; [2])
Но живъ еще твой духъ геройскій!
Питая къ славѣ жаръ въ сердцахъ,
Онъ окрыляетъ наши войски!

* * *

---

[1]) Городъ **Доростолъ** (нынѣ Силистрія), въ Болгаріи, на Дунаѣ. Святославъ, стѣсненный въ Доростолѣ Цимисхіемъ, принужденъ былъ просить у него мира, на что Цимисхій охотно согласился. Святославъ обѣщалъ выдать всѣхъ плѣнныхъ, сдать городъ, уйти изъ Болгаріи, не помышлять болѣе о войнѣ съ греками и удерживать отъ нападеній на Грецію и другихъ непріятелей. Послѣ заключенія договора, князь и императоръ свидѣлись на Дунаѣ. Вѣроятно, Святославъ просилъ Цимисхія, чтобы онъ потребовалъ отъ печенѣговъ свободнаго пропуска руссовъ въ отечество. (Д И. Иловайскій. Др. и Нов. Рос. 1876 г. № 1).

[2]) Святославъ погибъ при возвращеніи изъ Болгаріи въ Кіевъ (97ѕ г.). Въ Днѣпровскихъ порогахъ печенѣги устроили засаду, убили князя, и изъ черепа его печенѣжскій князь Куря сдѣлалъ себѣ чашу. **Печенѣги,** кочевники тюркскаго плем., явились у русскихъ предѣловъ около 918 г. Въ теченіе цѣлаго полстолѣтія они оставались безопасными сосѣдями Руси. Но войны Святослава съ Болгаріей поблагопріятствовали усиленію печенѣговъ въ зап. Поднѣпровьѣ. Они скоро захватываютъ Днѣпровскіе пороги и подвигаютъ свои кочевья почти къ самому Кіеву.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

НАЧАЛО РУССКАГО ГОСУДАРСТВА

И

СВЯТОЙ РАВНОАПОСТОЛЬНЫЙ ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ

ЛАСКОВЫЙ СВѢТЪ—ВЛАДИМІРЪ СВЯТОСЛАВИЧЪ КРАСНОЕ СОЛНЫШКО.

(862 г.—988 г.).

Призвалъ варяга славянинъ;
Пошли гулять ихъ буйны рати;
Кругомъ руля полночныхъ братій
Взревѣлъ испуганный Эвксинъ...
Но вышелъ Святославовъ сынъ
И поднялъ знамя благодати.

В. Жуковскій.

ВРЕМЯ ПЕРВЫХЪ КНЯЗЕЙ.

СИНЕУСОВЪ КУРГАНЪ У БѢЛА ОЗЕРА. [1]

Курганъ Бѣлозерскій я видѣлъ и тамъ
Сидѣлъ на вершинѣ; шумѣли кругомъ
Колосья, какъ волны, катясь по полямъ,
Мѣшаясь то съ синимъ цвѣткомъ—василькомъ,
То съ куколемъ краснымъ; вилась предо мной
Дорога, что лента; межъ нивъ и полей
Брели пѣшеходы усталой толпой
И тройка лихая скакала по ней;
Околица вправо... село и гумно...
Село искони Росляковымъ зовутъ;
Названье такое не даромъ дано...[2])
Постой-ка, чего не случилось ли тутъ?
Вонъ Бѣлое озеро плещетъ вдали,
Качая расшивы на бурыхъ волнахъ:

[1]) Въ этомъ произведеніи поэтъ искусно передаетъ въ стихотворной формѣ разсказъ первоначальной лѣтописи о призваніи князей (862 г.).

[2]) Деревня *Росляково* находится въ 4-хъ верстахъ отъ г. Бѣлозерска и въ 2-хъ верстахъ отъ Бѣлаго озера.

Когда то варяги оттуда пришли...[1])
Я вспомнилъ невольно о тѣхъ временахъ,
Какъ праотцы наши Словѣни-народъ
Изгнаша Варѧги и сами в собѣ
Почѧша владѣти, и въста родъ на родъ;
Оусобицѣ быша, и правды не бѣ.
И шедше Словѣни к Варѧгомъ в совѣтъ,
Рекоша: обильна всѧ наша землѧ,
А нѣтъ в ней нарѧда, и правды в ней нѣтъ:
Идитете к намъ кнѧжить. И роды своѧ
Поѧше и шедше г (з) брата изъ Русъ

[1]) О происхожденіи **варяговъ** въ нашей исторической литературѣ существуютъ разнообразныя мнѣнія. Большая часть ученыхъ, признавая за варягами германское происхожденіе, исключительно видитъ въ нихъ норманновъ, обитавшихъ въ Скандинавіи (Байеръ, Шлецеръ, Эверсъ, Куникъ, М. Погодинъ и др.). Другіе же, какъ напр. С. М. Соловьевъ, разумѣютъ подъ варягами дружины, составленныя изъ людей, волею или неволею покинувшихъ свое отечество и принужденныхъ искать счастія на моряхъ или въ странахъ чуждыхъ. По мнѣнію Соловьева, названіе «**варягъ**» образовалось на западѣ у германскихъ племенъ, на востокѣ же, у славянъ, финновъ, грековъ и арабовъ, ему соотвѣтствовало имя **Русь (Рось)**.

По пра́вꙋ сꙋди́ти в Словѣньских земле́хъ,
Старѣйшій бѣ Рю́рикъ, дрꙋгій Синеꙋсъ,
А тре́тій Изъбо́рьстѣ Трꙋво̀ръ. И ѿ тѣхъ
Въ Словѣнехъ Варяжескъ начяшеся ро́дъ,
Поне́же Варязи прише́льцы тѣ сꙋть,
И Рꙋсь наре́чеся ѕемля̀ й наро́дъ,
А пре́же бо бѣша Словѣни й Чюдь. [1])
И брани взгремѣли... Извѣдалъ сосѣдъ
Ихъ мечъ и лихой шестопёръ, буздыганъ.
Но вотъ прокатилася тысяча лѣтъ,—
Тѣхъ витязей нѣту .. Что-жъ этотъ курганъ?
Могила онъ что ли? Откуда возникъ?
Какъ сторожъ безсмѣнный окрестныхъ полей,
Стоитъ... Разскажи-ка, послушай, старикъ,
Откуда онъ взялся? Не знаешь ли, чей?
„Не знаю я, баринъ, про то ничего;
„Но помню, когда еще коней держалъ,
„Привезъ господина я здѣсь одного,
„Такъ онъ у кургана съ телѣги слѣзалъ,
„Здоровался съ нимъ и прощался; потомъ
„Сказалъ, что какой то подъ нимъ Синій-Усъ
„Лежитъ,—а допрежъ мы не знали о томъ,—
„И больше разсказывать я не берусь...“—

Н. Бергъ.

ВОЛЬГА СВЯТОСЛАВИЧЪ И МИКУЛА СЕЛЯНИНОВИЧЪ. [2])

(народная былина).

Когда возсіяло солнце красное
На это небушко на ясное,
Тогда зарождался молодой Вольга̀,
Молодой Вольга̀ Святославовичъ.
Сталъ Вольга растѣть-матерѣть;
Похотѣлося Вольгѣ много мудрости:
Щукой-рыбоюходитьемувъглубокіихъморяхъ,
Птицей-соколомъ летать подъ оболока,
Сѣрымъ волкомъ рыскать во чистыхъ поляхъ;
Уходили всѣ рыбы во синія моря,
Улетали всѣ птички за оболока,
Убѣгали всѣ звѣри во темные лѣса.
Сталъ Вольга̀ растѣть-матерѣть,
Избирать собѣ дружинушку хоробрую,
Тридцать молодцевъ безъ единаго,
Самъ още́ Вольга̀ во тридцатыихъ...
...Со своею дружинушкой хороброю
Онъ поѣхалъ къ городамъ за получкою.
Выѣхалъ въ раздольице чисто́ поле,
Онъ услышалъ въ чистомъ полѣ ра́тая:
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ,
Омѣшики по камешкамъ почеркиваютъ.
Ѣхалъ Вольга̀ до ратая
День съ утра онъ до вечера,
Со своёю дружинушкой хоробреей,
А не могъ онъ до ратая доѣхати.
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ,
Омѣшики по камешкамъ почеркиваютъ.
Ѣхалъ Вольга̀ ощѐ третій день,
Третій день съ утра до па̀бѣдья,
Наѣхалъ онъ въ чистомъ полѣ ратая.
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Съ края въ край бороздки пометываетъ;
Въ край онъ уѣдетъ, другого не видать;
Коренья, каменья вывертываетъ,
А великіе-то всѣ каменья въ борозду валитъ;
Кобыла у ратая соловая,
Сошка у ратая кленовая,
Гужики у ратая шелковые,
Говоритъ Вольга таковы слова:
„Божья ти помочь, оратаюшко!
„Орать, да пахать, да крестьянствовати,

---

[1]) С. и с-в. Россіи искони населяли финскія племена, которыя издавна носили на Руси названіе **Чуди.** Подъ Чудью въ собственномъ смыслѣ этого слова нужно разумѣть тѣхъ финновъ, которые жили на в. побережьѣ Балтійскаго моря. Эти-то финны и находились въ самой тѣсной связи съ племенемъ новгородскихъ славянъ и кривичей; вмѣстѣ съ ними Чудь подпадаетъ въ половинѣ IX в. власти варяговъ, затѣмъ изгоняетъ ихъ и наконецъ призываетъ русскихъ князей. При такихъ близкихъ отношеніяхъ къ Руси, Чудь должна была войти въ составъ Русскаго государства съ самаго его основанія. И дѣйствительно, первые князья размѣщаются такъ: Рюрикъ въ Новгородѣ—у славянъ, Синеусъ на Бѣломъ озерѣ—у Чуди, а Труворъ въ Изборскѣ—у кривичей (проф. Н. П. Барсовъ).

[2]) Въ лицѣ **Микулы Селяниновича** представляется образъ могучаго богатыря крестьянина—пахаря. Типъ его, какъ и Святогора, сложился подъ вліяніемъ образа какого-нибудь титаническаго существа, бывшаго, вѣроятно, олицетвореніемъ земли, или бога—покровителя земледѣлія. Но самъ Микула представляетъ уже не землю, какъ стихію, а идею осѣдлой земледѣльческой жизни, въ которой онъ и поставляетъ свою силу и значеніе («я ржи напашу» и т. д.). Въ лицѣ же **Вольги Святославича** изображается типъ богатыря князя-дружинника, образцомъ для котораго послужилъ народу историческій князь Олегъ вѣщій (Порфирьевъ). Такимъ образомъ, въ былинѣ этой сопоставляются два быта, воинскій (князь съ дружиной) и земледѣльческій, изъ которыхъ послѣднему отдается преимущество. Дружина съ княземъ, содержа себя на счетъ получки даней съ подвластныхъ славянскихъ племенъ, должна была безпрестанно ходить на войну и, не ограничиваясь своими силами, обращаться за помощью къ силѣ земской. Такимъ образомъ, въ былинѣ этой, справедливо замѣчаетъ проф. Костомаровъ, представляется самый первичный зародышъ государства.

„Съ края въ край бороздки пометывати,
„Коренья, каменья вывертывати!“
Говоритъ оратай таковы слова:
— Подитко, Вольга Святославговичъ,
— Со своею дружинушкой хороброю,
— Мнѣ-ка надобна Божья помочь крестьянствовати!
— Далеко-ль, Вольга, ѣдешь, куда путь держишь
— Со своею со дружинушкой хороброю?—
„Ай же ты, ратаю, ратаюшко!
„Ѣду къ городамъ за получкою:
„Ко первому городу ко Гурчевцу,
„Ко другому ко городу къ Орѣховцу,
„Ко третьему городу ко Крестьяновцу.“
Говорилъ оратай таковы слова:
— Ай же, Вольга Святославговичъ!
— А недавно я былъ въ городни, третьёво-дни,
— На своей кобылкѣ соловоей,
— Увезъ я оттоль соли столько два мѣха.
— Два мѣха соли по сороку пудъ.
— И живутъ-то мужики все разбойники,
— Оны просятъ грошéвъ подорожныихъ;
— А былъ я съ шалыгой подорожною,
— Платилъ имъ гроши подорожные:
— Который стоя стоитъ, тотъ и сидя сидитъ,
— А который сидя сидитъ, тотъ и лежа лежитъ.
Говорилъ Вольга таковы слова:
„Ай же, оратай, оратаюшко!
„Поѣдемъ со мною во товарищахъ.“
Этотъ оратай, оратаюшко
Гужики шелковеньки повыстегнулъ,
Кобылку изъ сошки повывернулъ,
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.
Говоритъ оратай таковы слова:
— Ай же, Вольга Святославговичъ!
— Оставилъ я сошку въ бороздочкѣ,
— И не гля-ради прохожаго, проѣзжаго,
— А гля-ради мужика деревенщины,
— Какъ бы сошка съ земельки повыдернути,
— Изъ омѣшиковъ земелька повытряхнути
— И бросить бы сошка за ракитовъ кустъ?—
Молодой Вольга Святославговичъ
Посылаетъ онъ съ дружинушки хоробрыя
Пять молодцевъ могучiихъ,
Чтобы сошку съ земельки повыдернули,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
Эта дружинушка хоробрая,
Пять молодцевъ могучiихъ,
Прiѣхали къ сошкѣ кленовыя:
Оны сошку за обжи вокругъ вертятъ,
А не могутъ съ земельки повыдернуть,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Молодой Вольга Святославговичъ
Посылаетъ онъ цѣлыимъ десяточкомъ,
Чтобы сошку съ земельки повыдернули,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
Оны сошку за обжи вокругъ вертятъ:
Сошки отъ земли поднять нельзя,
Не могутъ изъ омѣшиковъ земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Посылалъ онъ всю дружинушку хоробрую:
Оны сошку за обжи вокругъ вертятъ,
А не могутъ сошки съ земельки повыдернути,
Изъ омѣшиковъ земельки повытряхнути,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Подъѣхалъ оратай-оратаюшко
На своей кобылкѣ соловенькой
Ко этой ко сошкѣ кленовоей:
Бралъ-то онъ сошку одной рукой,
Сошку съ земельки повыдернулъ,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнулъ,
Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.
Оратая-то кобылка рысью идетъ,
А Вольгинъ-отъ конь оставается.
Сталъ Вольга тутъ покрикивати,
Колпакомъ Вольга сталъ помахивати.
„Постой-ка ты, ратай-ратаюшко!
„Этая кобылка конькомъ бы была,—
„За эту кобылку пятьсотъ бы дали.“
Говоритъ оратай таковы слова:
— Глупый Вольга Святославговичъ!
— Взялъ я кобылку жеребчикомъ сподъ матушки
— И заплатилъ за кобылку пятьсотъ рублей:
— Этая кобылка конькомъ бы была,—
— За эту кобылку смѣты бы нѣтъ.—
Говорилъ Вольга Святославговичъ:
„Ай же ты, ратаю-ратаюшко!
„Какъ-то тебя именемъ зовутъ,
„Какъ звеличаютъ по отечеству?“
Говорилъ оратай таковы слова:
— Ай-же, Вольга Святославговичъ!
— А я ржи напашу, да во скирды сложу,
— Во скирды складу, домой выволочу,
— Домой выволочу, да дома вымолочу,
— Драни надеру, да и пива наварю,
— Пива наварю, да и мужичковъ напою.—
— Станутъ мужички меня покликивати:
— „Молодой Микулушка Селяниновичъ!“

БЫЛИНА О ПОХОДѢ ОЛЕГА НА ВИЗАНТІЮ. [1])

...И будутъ во градѣ во Кіевѣ,
Со своею дружиною со доброю,
И скажетъ Вольга сударь Буслаевичъ:
„Дружина моя добрая, хоробрая!
„Кого бы намъ послать во Турецъ-землю,
„Провѣдати про думу про царскую,
„Что царь думы думаетъ,
„Думаетъ ли ѣхать на святую Русь?
„Стараго послать - будетъ долго ждать;
„А середняго послать-то — виномъ запоятъ,
„А малаго послать... будетъ долго ждать.
„Будетъ, видно, Вольгѣ самому пойти!“
Повернулся Вольга сударь Буслаевичъ
Малою птицею — пташицей.
Полетѣлъ ёнъ по подоблачью.
И скоро будетъ во Турецъ — землѣ.
Будетъ у царя турецкаго,
Противъ самыхъ окошечекъ,
И слушаетъ онъ рѣчи тайныя, —
Говоритъ царь со царицею:
„Ай же ты, царица Панталовна!
„Я знаю про то, вѣдаю:
„На Руси-то трава растетъ не по старому,
„Цвѣты цвѣтутъ не по прежнему,
„А видно Вольги-то живого нѣтъ.“
Говоритъ царица Панталовна:
— Ай же ты, царь, Турецъ-Санталъ! [2])
— На Руси трава все растетъ по старому,
— Цвѣты-то цвѣтутъ все по прежнему:
— А ночесь спалось — во сняхъ видѣлось:
— Бывъ сподъ восточнія сподъ сторонушки
— Налетѣла птица малая пташица,
— А сподъ западней сподъ сторонушки
— Налетѣла птица черный воронъ;
— Слеталися оны во чистомъ полѣ,
— Промежду собой подиралися;
— Малая-то птица пташица
— Черного ворона повыклевала,
— По перышку она повыщипала
— И на вѣтеръ все повыпускала. —
Проговорилъ царь Турецъ-Санталъ:
„Ай же ты, царица Панталовна!
„А я думаю скоро ѣхать на святую Русь,
„Возьму я девять городовъ
„И подарю своихъ девять сыновей,
„Привезу себѣ шубоньку дорогую!“
Говоритъ царица Панталовна:
— А не взять тебѣ девяти городовъ,
— И не подарить тебѣ девяти сыновей,
— И не привезти тебѣ шубоньку дорогую? —
Проговорилъ царь Турецъ-Санталъ:
„Ахъ ты, старый чортъ!
„Сама спала, себѣ сонъ видѣла!“
И ударитъ онъ по бѣлу лицу,
И повернется — по другому,
И кинетъ царицу о кирпиченъ полъ,
И кинетъ во второй-то разъ!
„А поѣду я на святую Русь,
„Возьму я девять городовъ
„И подарю своихъ девять сыновей,
„Привезу себѣ шубоньку дорогую!“
Повернулся Вольга сударь Буслаевичъ
Малымъ горносталюшкомъ:
Зашелъ во горницу во ружейную;
И повернется онъ добрымъ молодцемъ;
И тугіе луки переломалъ,
И шелковыя тетевочки перервалъ,
И каленыя стрѣлы всѣ повыломалъ,
И у оружей замочки повывертѣлъ,
Въ боченочкахъ порохъ перезалилъ.
Повернулся Вольга сударь Буслаевичъ сѣрымъ волкомъ;
Поскочилъ онъ на конюшенъ дворъ,
Добрыхъ коней перебралъ,
А глотки у всѣхъ у нихъ перервалъ.
Повернулся Вольга сударь Буслаевичъ
Малою птицею-пташицею, —
И будутъ во градѣ во Кіевѣ
Со своею со дружиною со доброю:
„Дружина моя добрая, хоробрая,
„Пойдемъ-те мы во Турецъ-землю!“
И пошли оны во Турецъ-землю,
И силу турецкую во полонъ брали.
„Дружина моя, добрая, хоробрая!
„Станемъ-те теперь полону подѣлять!“
Что было надѣлу дорого
И что было надѣлу дешево?
Вострыя сабли по пяти рублей,
А оружье булатное по шести рублей,

---

[1]) Въ этой былинѣ личность князя Олега носитъ на себѣ миѳическій колоритъ. Названный за свой славный походъ въ Византію *Вѣщимъ*, Олегъ казался въ глазахъ народа существомъ сверхъестественнымъ. Самое рожденіе его было необыкновенное - отъ змѣя, а отъ послѣдняго народная фантазія производитъ вѣдовство, колдовство и оборотничество. Происшедши отъ такого существа, Вольга самъ становится вѣдуномъ и оборотнемъ. Онъ беретъ сплошь и рядомъ не физической силой, а мудростью — хитростью. Этимъ-то качествомъ онъ и отличается отъ другихъ старшихъ богатырей.

[2]) Подъ «*Турецъ-землей*» нужно разумѣть Византію, а подъ «*турецкимъ царемъ Санталомъ*» — византійскаго императора. Забывъ первыя имена, рапсоды наши вставили новыя и императора византійскаго Леона назвали Санталомъ, т. е. султаномъ.

ВВЕДЕНІЕ ХРИСТІАНСТВА НА РУСИ.

(988 г.).

Владимиръ свой народъ преобразилъ, прославилъ;
Кумировъ истребилъ и Богу храмъ поставилъ.

М. Херасковъ.

ПРОРОЧЕСТВО АНДРЕЯ ПЕРВОЗВАННАГО. [1]

Видите ли горы сія? яко на сихъ горахъ возсіяетъ благодадь Божія, имать градъ великъ быть, и церкви многи имать Богъ воздвигнути.

(Слова ап. Андрея).

...Мысль летитъ въ вѣка былые,
Въ вѣка далекіе отъ насъ,
Къ минутѣ той, когда впервые
Здѣсь вѣсть святая пронеслась;

Какъ изъ земли обѣтованной,
Съ великимъ словомъ о Христѣ,
Пришелъ апостолъ Первозванный
Къ сей живописной красотѣ.

Какъ онъ оглянулъ зоркимъ окомъ,
И славу въ будущемъ сихъ мѣстъ
Изрекъ восторженнымъ пророкомъ
И водрузилъ здѣсь—первый крестъ!...

С. П.

ПЕРВЫЕ МУЧЕНИКИ НА РУСИ. [2]

(983 г.).

Взволновался стольный городъ Кіевъ,
Весь народъ повысыпалъ на стогны:
Бирючи стоятъ на перекресткахъ—
Кличутъ кличъ по княжему велѣнью:

Повелѣлъ де нынѣ князь великій,
Стольный князь Владиміръ Святославичъ
Городскимъ всѣмъ старцамъ и боярамъ,
Горожанамъ кіевскимъ и гостямъ
И инымъ честны̀мъ и вольнымъ людямъ
Предъ дворомъ теремнымъ собираться
Вкругъ холма, гдѣ страшному Перуну
Истуканъ поставленъ среброглавый,
И метать тамъ же́ребей всѣмъ міромъ
И кому бы жеребей не выпалъ,
Быть тому заколоту жрецами
На потребу грозному Перуну,
Да насытясь крови человѣчей,
Будетъ добръ онъ къ князю и дружинѣ
И ко всей землѣ великой Русской.

Собрался предъ княжій дворъ теремный
Весь народъ вокругъ бояръ и старцевъ
И метать сталъ жеребей всѣмъ міромъ,
И палъ жеребей на отрока варяга
(Тотъ варягъ былъ вѣры христіанской).
И къ отцу его послали старцы
Трехъ мужей, чтобъ выдалъ онъ имъ сына.
И пришли тѣ му̀жи въ домъ варяга
И такую рѣчь къ нему держали:
„Насъ къ тебѣ прислали старцы наши,
И бояре княжіи, и гридни,
И весь міръ честно̀й тебѣ повѣдать,
Что Перунъ и съ нимъ всѣ боги наши
Заколоть намъ нынѣ указали
Отроча твое себѣ въ потребу."

Отвѣчалъ на рѣчь ихъ христіанинъ:
„Не отдамъ вамъ дѣтища родного,
Не отдамъ его вамъ на закланье,
Не предамъ бѣсамъ на поруганье!
Я богамъ не кланяюся вашимъ:
Ваши боги дерево простое—
Ничего не видятъ и не слышатъ

[1]) Первоначальная лѣтопись наша говоритъ, что св. апостолъ Андрей, братъ Петра, принялъ путешествіе въ нынѣшнюю Россію и дошелъ до озера Ильменя. Поднявшись па горы, гдѣ теперь Кіевъ, онъ водрузилъ крестъ и предсказалъ будущее величіе этого города. Преосвященный Макарій подерживаетъ, хотя и нерѣшительно, достовѣрность этого преданія и прибавляетъ, что Андрей отправился изъ Новгорода въ прибалтійскія страны и оттуда повернулъ па югъ, къ Риму. (Введеніе въ исторію православной Церкви).

[2]) Память мучениковъ Θеодора варяга и сына его Іоанна православная Церковь чтитъ 12 іюля.

И рѣчей людскихъ не разумѣютъ,
Не отдамъ имъ отрока на жертву,
Не отдамъ—такъ и скажите старцамъ
И всему народу повѣстите.“

И пришли назадъ на холмъ Перуновъ
Посланцы съ отвѣтомъ отъ варяга;
Тотъ отвѣтъ услышавъ, лютой злобой,
Словно звѣрь, народъ весь распалился,
Завопилъ и въ слѣдъ жрецамъ и старцамъ
Къ воротамъ варяга повалилъ онъ.
А варягъ, заслыша крикъ народа,
Затворилъ тесовыя ворота
И засовомъ крѣпкимъ ихъ задвинулъ.
Сотворилъ онъ знаменіе крéстно,
Осѣнилъ крестомъ и обнялъ сына
И поднялся молча съ нимъ на вышку,
Чтò была подъ кровлею теремной.

Привалилъ народъ къ двору варяга;
Лишь его на вышкѣ онъ завидѣлъ,
Пущей злобой въ сердцѣ распалился
И заразъ ему всѣмъ міромъ грянулъ:
„Выходи, ругатель окаянный,
Выходи на сходку передъ міромъ!
Покорись богамъ и волѣ княжей,
Покорись—самъ отрока намъ выдай,
А не то возьмемъ его мы силой:
Весь твой дворъ размечемъ по тесницѣ
И тебя заколемъ вмѣстѣ съ сыномъ.“

Отвѣчалъ народу христіанинъ:
„Я боговъ не знаю вашихъ, братья;
Какъ же имъ могу я покориться?!
Богъ единъ—Онъ создалъ небо, землю;
Сотворилъ—Онъ мѣсяцъ, солнце, звѣзды,
Сотворилъ изъ перста человѣка
И вдохнулъ въ него живую душу.
А чтò вамъ создали ваши боги?
Ничего. Вѣдь боги ваши сами
Созданы всѣ вашими руками.
Чтò они? повапленное древо!..
Въ слѣпотѣ своей вы мните, братья,
Что себѣ въ угоду боги ваши
Проливать велятъ вамъ кровь людскую.
Хороши жъ по правдѣ ваши боги,
Коли крови жаждутъ неповинной.
Не таковъ Богъ истинный, единый—
Тотъ, Кому мы молимся и служимъ:
Онъ есть благъ, незлобивъ, кротокъ сердцемъ—
Онъ не жаждетъ, братья, нашей крови
И за насъ—любви насъ научая—
Самъ Онъ кровь свою святую пролилъ,
Самъ терпѣлъ страданіе и муки,
Чтобъ спасти отъ муки насъ и смерти.
Коли вправду боги ваши боги,
А не пни, бездушные во златѣ,—
Такъ пускай придутъ на дворъ мой сами
И изъ рукъ моихъ пусть силой вырвутъ
И пожрутъ мое родное чадо.“

Не стерпѣлъ народъ разсвирѣпѣлый,
Не стерпѣлъ боговъ онъ поруганья:
Разметалъ, разнесъ заборъ тесовый,
И къ хоромамъ бросился онъ съ воплемъ.
Застучали ломы съ топорами,
Затряслись сосновыя хоромы,
Затряслись хоромы, пошатнулись...
Сотворилъ молитву христіанинъ,
Осѣнилъ крестомъ себя трикраты,
Осѣнилъ крестомъ трикраты сына
И къ груди своей широкой крѣпко
Дорóгое дѣтище прижалъ онъ...
Затряслись опять подъ нимъ хоромы,
Затряслись, шатнулись, затрещали
И качаясь рухнули на землю.
И горой тяжелой на варяговъ
Груда брёвенъ съ трескомъ повалилась.
И народъ, какъ словно опьянѣлый,
Завопилъ отъ радости безумной,
Завопилъ, и съ хохотомъ и бранью
Принялся размётывать онъ брёвна.
Разметалъ и видитъ онъ два тѣла—
Сынъ съ отцомъ; лежатъ они обнявшись—
Крѣпко сынъ къ груди отца прижался,
И сплелись и замерли ихъ руки,
И уста къ устамъ прильнули крѣпко.
И замолкъ народъ и утишился,
Словно вдругъ очнулся онъ отъ хмеля,
Отошелъ онъ молча отъ варяговъ—
По домамъ въ раздумьѣ разошелся...

. . . .

Не туманъ, не туча громовая
Божій свѣтъ надъ Кіевомъ затьмила,
Не зашло за тучу солнце красно,
Не сошла по Божьему велѣнью
Середь дня на землю тьма ночная:
То въ умѣ задумалъ крѣпку думу
Стольный князь Владиміръ Святославичъ.
Опустилъ онъ въ землю очи ясны
И вздохнулъ великій князь Владиміръ,
И вздохнувъ такое слово молвилъ:
„Слышалъ всякъ, какое слово молвилъ
Про боговъ отецъ того варяга,
Чтò богамъ на жертву обрекли вы.

Молвилъ намъ онъ истинную правду:
Наши боги нашихъ рукъ творенье...
Не хочу имъ больше поклоняться,
Не хочу ихъ чествовать дарами,
Не хочу бездушнымъ истуканамъ
Приносить живыхъ людей на жертву.
Я хочу найти другую вѣру,
Чтобъ была та истинная вѣра;
Я хочу служить такому богу,
Что не созданъ нашими руками."
Такъ сказалъ великій князь Владимиръ
На пиру честно́мъ своей дружинѣ,
Проронилъ между друзьями слово
Супротивъ своей неправой вѣры,
А пошло то княжеское слово,
Понеслось стрѣлой по свѣту Божью:—
Пронеслось то слово за Карпаты,
Отдалось то слово въ Цареградѣ,
Отдалось въ великомъ градѣ Римѣ,
Отдалось за Волгою и Камой—
Пронеслось то слово, прокатилось,
Словно громъ небесный, надъ землею...
Всюду слухъ пронесся всѣмъ желанный:
Русскій князь мѣнять задумалъ вѣру.

Б. Алмазовъ.

ВЫБОРЪ ВѢРЫ.
(Преданіе о св. Князѣ Владимирѣ).

Въ гриднѣ, убранной богато,
Въ стольномъ Кіевѣ своемъ,
Возсѣдаетъ князь Владимиръ
Съ озабоченнымъ челомъ.

Не блистаетъ взоръ орлиный,
Прежней удалью горя,
Омрачился тѣнью думы
Свѣтлый ликъ богатыря...

Не милы ему: ни ловля,
Ни веселый рокотъ струнъ,
Ни походы удалые,
Ни великій богъ —Перунъ!

Шепчетъ князь, нахмуря брови:
„Идолъ!.. дерева кусокъ!...
Отстоять себя не въ силахъ
Деревянный этотъ богъ!

Будь онъ богомъ—онъ на мѣстѣ
Поразилъ бы христіанъ,
А не слушалъ ихъ глумленій
Неподвижно, какъ болванъ...

Да, пора принять мнѣ съ Русью
Вѣру новую, пора!
Но какую? Какъ послушать—
Вѣра каждая мудра."

И Владимиръ оживяся
Шлетъ немедленно гонцовъ,
Приказавъ ввести въ палату
Иноземныхъ мудрецовъ.

Чинно въ гридницу княжую
Старцы мудрые вошли.
Первый былъ въ чалмѣ зеленой
Аравійскія земли,

Съ рѣчью важной и цвѣтистой,
Съ длинной бѣлой бородой.
А другой—съ орлинымъ носомъ,
Юркій, смуглый и худой...

Третій былъ царьградскій инокъ
Съ блѣднымъ, вдумчивымъ лицомъ
И съ очами, что сіяли
Подъ высокимъ клобукомъ...

И промолвилъ князь Владимиръ,
Отвѣчая на поклонъ:
„Пусть изъ васъ разскажетъ каждый,
Чѣмъ хорошъ его законъ?

Духъ мой жаждетъ силой вѣры
Разогнать безвѣрья тьму:
Чья полюбится мнѣ болѣ,—
Ту съ народомъ и приму."

Первый началъ представитель
Правовѣрныхъ масульманъ
И Аллаха выхваляя,
Онъ цитировалъ коранъ;

Объяснялъ, что такъ отраденъ
Магометовъ чудный рай
Для бойцовъ, погибшихъ съ честью,
Что ложись да умирай!

„Тамъ въ садахъ, гдѣ слышенъ говоръ
Сладкозвучныхъ ручейковъ
И на солнцѣ ярко рдѣютъ
Кисти сочныя плодовъ,—

Вѣчно воины пируютъ
Съ сонмомъ гурій—райскихъ дѣвъ,
И ласкаетъ ихъ, и нѣжитъ
Чудной музыки напѣвъ...

Все прекрасно въ раѣ нашемъ,
Лишь одно запрещено:

Сокъ изъ гроздей винограда
Опьяняющій—вино!“

И промолвилъ князь нахмурясь:
„Безъ вина не можемъ быть!
Или ты не слышалъ развѣ,
Что Руси веселье—пить?“

Тотчасъ выступилъ со словомъ
Смугловатый іудей
И повѣдалъ о законѣ,
Что оставилъ Моисей,

О величьи Іеговы,
Спасшемъ избранный народъ
Посреди песковъ пустыни,
Посреди мятежныхъ водъ...

„Но страна-то ваша гдѣ-же?“
Тутъ Владимиръ вопросилъ.
И отвѣтилъ тотъ со вздохомъ:
„Богъ во гнѣвѣ расточилъ

Свой народъ, когда-то славный,
По лицу всея земли!“
„—Какъ?“ разгнѣвался Владимиръ:
„Какъ же вы дерзнуть могли

Насъ учить,—когда вы сами
По землѣ расточены?...
Нѣтъ, ступайте восвояси,
Здѣсь вы также не нужны!“

Тутъ приблизился и инокъ...
Оживился блѣдный ликъ,
Страстнымъ жаромъ вдохновенья
Озарившійся на мигъ.

Говорилъ онъ о прощеньи,
О Спасителѣ Христѣ,
Искупившемъ грѣхъ вселенной
Смертной мукой на крестѣ.

Какъ апостолы святые
Шли къ нему изъ разныхъ странъ,
Какъ крестилъ Его водою
Іордана—Іоаннъ...

И—символомъ жизни новой,
Очищеніемъ грѣховъ—
Стало таинство крещенья
Для Его учениковъ...

Какъ страдая Онъ—Распятый—
Предъ кончиною своей
За враговъ своихъ молился,
За безумныхъ палачей!

Какъ воскреснувшій изъ мертвыхъ,
Онъ вознесся къ небесамъ!—
Смолкнулъ инокъ и—дивится...
Глядь—у князя по щекамъ

Заструились тихо слезы:
Онъ заплакалъ въ первый разъ,
Въ первый разъ слеза катилась
Изъ суровыхъ этихъ глазъ!

Поднялъ голову Владимиръ,
Засвѣтился взоръ очей;
И вскричалъ онъ: „Эта вѣра
Будетъ вѣрою моей!

Пусть же свѣтъ ея разсѣетъ
Окружающую тьму
Въ день, когда со всею Русью
Я крещеніе приму!“

О. Чюмина (Михайлова).

ПѢСНЬ О ВЕЛИКОМЪ КНЯЗѢ ВЛАДИМИРѢ.

(988 г.).

Свершился въ соборѣ крещенья обрядъ,
Свершился обрядъ обвѣнчанья,
Идетъ со княгяней Владимиръ назадъ,
Вдоль улицъ старинныхъ до свѣтлыхъ палатъ,
Кругомъ ихъ толпы ликованье...

И князь говоритъ: „Я построю вамъ храмъ
На память, что здѣсь я крестился,
А городъ Корсунь возвращаю я вамъ, [1])
И выкупъ обратно всецѣло отдамъ,
Зане я душою смирился!“

Застольный гремитъ заливаяся хоръ,
Шипучія пѣнятся вина,
Веселіемъ блещетъ Владимира взоръ,
И строить готовится новый соборъ
Крещеная съ княземъ дружина.

Привозится яшма водой и гужомъ,
И мраморъ привозится бѣлый,
И быстро Господень возносится домъ,
И ярко на полѣ горятъ золотомъ
Иконы муссійскаго дѣла.

---

[1]) Городъ **Корсунь** (Херсонъ) находился въ **Корсунской** области, простиравшейся по сѣверному берегу Чернаго моря (Понта) отъ Тмутараканскихъ границъ на востокѣ до Бѣлобережья, днѣпровскаго устья, на западѣ. Городъ имѣлъ гавань и водопроводы. Въ память своего крещенія Владимиръ св., посреди торговой площади, построилъ церковь св. Василія.

И взапуски князя синклитъ и сенатъ,
И сколько тамъ грековъ не сталось,
Всю зиму пирами честятъ да честятъ,
Но молвитъ Владимиръ: «Пора мнѣ назадъ,
По Кіевѣ мнѣ встосковалось!

„Вы отроки—други, спускайте ладьи,
Трубите дружинѣ къ отбою,
Кленовыя весла берите свои;
Ужъ въ Кіевѣ, чаю, поютъ соловьи,
И въ рощахъ запахло весною!...

„Спускайте-жъ ладьи, бо и ночью, и днемъ
Я гласу немолчному внемлю;
Велитъ онъ въ краю намъ не мѣшкать чужомъ.
Да свѣтъ, озаряющій насъ, мы внесемъ
Торжественно въ Русскую землю!“

По лону днѣпровскихъ сіяющихъ водъ,
Гдѣ празднуя жизни отраду,
Весной все гремитъ, и цвѣтетъ, и поетъ,
Владимиръ съ дружиной обратно плыветъ
Ко стольному Кіеву—граду.

Все звонкое птатство летаетъ кругомъ,
Ликуючи въ тысячу глотокъ,
А князь многодумнымъ поникнулъ челомъ,
Свершился въ могучей душѣ переломъ,
И взоръ его миренъ и кротокъ...

Великое слово корсунцамъ храня,
Князь не взялъ съ нихъ денегъ повинныхъ;
Но городъ поднесъ ему, въ честь того дня,
Изъ бронзы коринѳской четыре коня
И статуй не мало старинныхъ...

Плыветъ и священства, и дьяконства хоръ,
Съ ладьею Владимира рядомъ;
Для Кіева синій покинувъ Босфоръ,
Они оглашаютъ днѣпровскій просторъ
Уставнымъ демественнымъ ладомъ.

Когда-жъ умолкаетъ священный канонъ,
Запѣвъ зачинаютъ дружины,
И съ разныхъ кругомъ раздаются сторонъ
Завѣтныя пѣсни минувшихъ временъ
И дней богатырскихъ былины.

Такъ вверхъ по Днѣпру, по широкой рѣкѣ,
Плывутъ ихъ ладей вереницы,
И вотъ передъ ними, по лѣвой рукѣ,
Все выше и выше растетъ вдалекѣ
Градъ Кіевъ съ горой Щекавицей. [1])

[1]) Щекавица (Скавица)—урочище Кіева, гдѣ, по преданію, былъ похороненъ Олегъ.

Владимиръ съ княжого сѣдалища всталъ,
Прервалось весельщиковъ пѣнье,
И мигъ тишины и молчанья насталъ,
И князю, въ сознаніи новыхъ началъ,
Открылося новое зрѣнье:

Какъ сонъ, вся минувшая жизнь пронеслась,
Почуялась правда Господня;
И брызнули слезы впервые изъ глазъ,
И мнится Владимиру: въ первый онъ разъ
Свой городъ увидѣлъ сегодня.

Народъ, издалека ихъ поѣздъ узнавъ,
Столпился на берегъ, и много,
Скитавшихся робко безъ крова и правъ,
Пришло христіанъ изъ пещеръ и дубравъ,
И славятъ Спасителя Бога.

И палъ на дружину Владимира взоръ:
„Вамъ, други, доселѣ со мною
Стяжали побѣды лишь мечъ да топоръ,
Но время настало—и мы съ этихъ поръ
Сильны еще силой иною!

Что смутно въ душѣ мнѣ сказалось моей,
То ясно вы нынѣ познайте:
Дни правды дороже воинственныхъ дней!
Гребите же, други, гребите сильнѣй,
На весла дружнѣй налегайте...“

И на-берегъ вышелъ, душой возрожденъ,
Владимиръ для новой державы,
И въ Русь милосердія внесъ онъ законъ—
Дѣла стародавнихъ, далекихъ временъ,
Преданья неувянущей славы!

Гр. А. Толстой.

БЫЛИНА О КРЕЩЕНІИ РУСИ.

Отчего вокругъ
На святой Руси
Колокольный звонъ
Разливается,
И крещеный людъ
Изо всѣхъ сторонъ
Въ храмы Божіи
Собирается?!

Много съ той поры
Утекло воды,
Много дивныхъ дѣлъ
Совершилося,
Когда колоколъ

Въ первый разъ гудѣлъ,
Когда въ первый разъ
Русь крестилася...

Гой, широкій Днѣпръ,
Уноси пѣвца
Въ стольный Кіевъ—градъ
По своимъ волнамъ!
Пойся, пѣснь моя,
Подъ гуслярный ладъ,
Ты греми по всѣмъ,
Золотымъ струнамъ!..

У Владимира,
Князя въ Кіевѣ,
Былъ великій пиръ
Столованіе,
Среди княжескихъ
Парчевыхъ порфиръ,
Люди разнаго
Были званія:

Тутъ сидѣлъ Илья,
И Микулушка,
Богатырь—мужикъ
Селяниновичъ,
Хотенъ Блудовичъ,
Михаилъ Потыкъ,
Добрый молодецъ
Ставръ Годиновичъ.

Всѣ промежъ собой
Разговоръ вели.
Съ медомъ турій рогъ
Обходилъ кругомъ,
Изъ ковшей рѣзныхъ
Пилъ кто сколько могъ
Пива хмельнаго
Съ дорогимъ виномъ.

Только князь одинъ
Не мочилъ усовъ,
И вокругъ стола
Лишь похаживалъ,
А гусляръ давно
Про его дѣла
По былинному
Гусли слаживалъ,—

Заигралъ—запѣлъ,
Какъ разсыпался;
Подхватилъ народъ
Пѣсню славную,
И до сей поры
Онъ ее поетъ,
Оглашая Русь
Православную;

Есть-ли гдѣ нибудь
Уголокъ такой,
Гдѣ бы—гдѣ она
Не сказалася,
Изъ какой души.
Какъ съ морского дна,
Скатнымъ жемчугомъ
Не поднялася?!

Пѣлъ гусляръ про то,
Какъ во Кіевѣ,
У Днѣпра, Перунъ
На скалѣ стоялъ,—
И самъ мыслію,
Чуть касаясь струнъ,
Краснымъ кречетомъ
Въ облака леталъ.

Тлѣлся жертвенникъ
Передъ идоломъ,
И шелъ дымъ вокругъ
Отъ кажденія
До тѣхъ поръ, пока
Вслѣдъ за княземъ вдругъ
Не принялъ народъ
Самъ крещенія.

Вотъ съ чего былъ пиръ
У Владимира,
А сегодня звонъ
Разливается,
И крещеный людъ
Изо всѣхъ сторонъ
Въ храмы Божіи
Собирается.

С. Дрожжинъ.

ПАМЯТИ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА,

ПРОСВѢТИТЕЛЯ РУСИ.

Ты зову Неба чуткимъ сердцемъ внялъ
И на челѣ рождавшейся Россіи
Несокрушимый крестъ святой Софіи
Ты, какъ Христовъ апостолъ, начерталъ.

Хвала тебѣ, купецъ благочестивый!
Ты бисера нетлѣннаго искалъ,—
И Богъ тебѣ безцѣнный бисеръ далъ:
Далъ свѣтъ Христовъ душѣ твоей пытливой!

Чуть брезжившей предутренней зарей,
Денницею предъ солнцемъ просвѣщенья
Преставилась въ небесныя селенья
Твоя святая бабка предъ тобой.

Владиміръ Святой.

Но вслѣдъ за нею ты пришелъ разсвѣтомъ
И „краснымъ солнцемъ“ ясныхъ нашихъ дней;
Благослови-жъ съ небесъ своихъ дѣтей
И вновь взгляни на родину съ привѣтомъ

Всему, что грѣетъ сердце намъ и грудь,
Что, подъ щитомъ благой твоей державы,
Влечетъ славянъ, сыновъ любви и славы,
На *русскій* путь, на *всеславянскій* путь!

Прикрой своей крещальной багряницей
Побѣдный стягъ родныхъ тебѣ полковъ
И нашихъ младшихъ братьевъ изъ оковъ
Освободи могучею десницей!

Святой нашъ князь, Христа за Русь моли
И сокруши враговъ славянства козни;
Пошли намъ миръ и змѣя нашей розни
Огнемъ любви Христовой попали!..

Пусть нашу мощь блюдетъ *самодержавье*,
Единства, блага русскаго оплотъ;
Пусть высоко надъ міромъ вознесетъ
Свой яркій крестъ родное *православье!*

На нихъ свѣтясь печать вѣковъ горитъ;
На нихъ взросла земли родимой сила;
На нихъ—закрѣпы русскаго кормила,
И твердо Русь Владиміра стоитъ.

В. Головинъ.

КУДЕСНИКЪ.
(1071 г.).

На мѣстѣ священномъ, гдѣ съ дѣдовскихъ дней,
Счастливый дарами природы,
Народъ Ярославовъ, на волѣ своей,
Себѣ избираетъ и ставитъ князей,
Полкамъ назначаетъ походы

И жалуетъ миромъ сосѣдей—враговъ,—
Толпятся: кудесникъ явился изъ Чуди...
Къ нему-то съ далекихъ и ближнихъ концовъ
Стеклись любопытные люди.

И старецъ кудесникъ, съ соблазномъ въ устахъ,
Въ толпу изъ толпы переходитъ;
Народу о черныхъ крылатыхъ духахъ,
О многихъ и страшныхъ своихъ чудесахъ
Твердитъ и руками разводитъ;

Святителей, церковь и святость мощей,
Христа и пречистую Дѣву поноситъ;
Онъ сдѣлаетъ чудо и добрыхъ людей
На чудо пожаловать проситъ.

Онъ сладко, хитро празднословитъ и лжетъ,
Смущаетъ умы и морочитъ:
Ужъ онъ-то потѣшитъ великій народъ;
Ужъ онъ-то, кудесникъ, чрезъ Волховъ пойдетъ
Водой и ноги не замочитъ.

Вотъ вышелъ епископъ Ѳеодоръ съ крестомъ
Къ народу,—народъ отъ него отступился,
Лишь князь со своимъ правовѣрнымъ полкомъ
Къ святому кресту приложился. [1])

И вдругъ къ соблазнителю твердой стопой
Подходитъ онъ, грозенъ и пылокъ:
„Кудесникъ! скажи мнѣ, что будетъ съ тобой?“
Замялся кудесникъ, и самъ онъ не свой,
И жмется, и чешетъ затылокъ.

—Я сдѣлаю чудо.— „Безумный старикъ,
Солгалъ ты!“ И княжеской дланью своею
Онъ поднялъ топоръ свой тяжелый и въ мигъ
Чело раздвоилъ чародѣю.

Н. Языковъ.

---

[1]) Князь Глѣбъ Святославичъ, правнукъ Владиміра св., сынъ Святослава Ярославича.

ВОЛХВЪ.

Созвонили про вѣче... далече—далече
Загудѣлъ *благовѣстникъ софійскій* про вѣче,
И созвалъ разудалыхъ, лихихъ молодцовъ,
Изо всѣхъ изъ *пятинъ*, изо всѣхъ изъ *концовъ;*
Приподнялъ онъ и въ свѣтлой, во гридницѣ княжей,
Со гагачей постели, съ подушки лебяжей,
Князя стольнаго Глѣба Мстиславича...

Всталъ,
И топоръ съ поворузой ременною снялъ
Подъ рукавъ, и въ конюшнѣ сѣдлалъ вороного;
Но на вызовъ народный не выронилъ слова...
Да и что тутъ, какія же были бъ слова.
Если ѣдешь на встрѣчу и рѣчи волхва,
Наипаче, коль онъ сатаной обученный
И вѣдуньями въ чарномъ кострѣ опаленный?..
Да. Прошла про волхва издалека молва:
„Не бывало во-вѣки такого волхва!
Ворожбой онъ узнаетъ—гдѣ шито да крыто?..
Гдѣ у бабъ и у дѣвокъ пшеница да жито?..
Все-про-все ужъ доточно провѣдаетъ онъ,
И наружу, что крадено, высыплетъ вонъ,
И не спрячешь за пазухой зернышка хлѣба...
Взглянетъ нá небо,—нѣтъ тебѣ синяго неба:
Звѣзднымъ свиткомъ свернется и скатится прочь
И оставитъ одну непроглядную ночь...
Взглянетъ нá море,—въ трепетномъ ужасѣ—
—страхѣ,
Волны лижутъ, въ пескѣ и во прахѣ,
Слѣдъ отъ стопъ его мощныхъ...

Да что говорить?..
И убить, и въ тотъ мигъ же опять воскресить,—
Можетъ онъ нерекомой своей ворожбою,
Можетъ, словно калиткой, ворочать душою...
Значитъ: знаетъ отъ Бога такія слова...
Не бывало во-вѣки такого волхва!“

Вотъ и вышелъ онъ, волхвъ и язычникъ, на вѣче;
Вотъ гудитъ—и гудитъ „*благовѣстникъ*“ далече...
И съ пяти всѣхъ концовъ всѣ посадники тутъ;
И сошелся къ волхву добровольный весь людъ;
И собрались за нимъ горожане на вѣче;
И повелъ вѣщій волхвъ имъ безстыдныя рѣчи...

Говоритъ:

—„Новугороду слава и честь...
Есть поклонъ вамъ отъ Бога и вѣсточка есть—
Онъ глаголетъ: *Меня* вы не знаете, люди!
Вы язычники болѣе ями и чуди,
И литвы... Вы глядите прилежно сюда.
Все ровно предо *мною* земля, иль вода:
Поглядите же всѣ вы очами, какъ мимо,
Вдоль по Волхову, сынъ *мой* пройдетъ невредимо
И на берегъ наступитъ нетлѣнной пятой,—
Ибо сынъ онъ *мой* вѣщій и праведникъ *мой!*“

Сомутилися вѣчники-люди не въ мѣру,
И повѣрили всуе волхву—изувѣру...
Не повѣрилъ владыка Ѳеодоръ о немъ:
Предъ соборомъ Софійскимъ онъ сталъ со крестомъ
Возглашая: „Кто Господа Бога боится,—
Передъ страшнымъ Господнимъ крестомъ преклонится,
Кто же грѣшенъ предъ Божіимъ страшнымъ крестомъ,
Тотъ ошую и стань съ окаяннымъ волхвомъ...“
Отъ епископа Новгородъ весь отщетился;
Волхвованіемъ дьявольскимъ весь соблазнился,
И засѣлъ, словно маковникъ, окрестъ волхва;
Да въ то время лѣвша не бывала права...

Ко епископу князь подошелъ со дружиной;
И крестомъ оградилися всѣ,—какъ единый;
Приложились дружинники князя; потомъ
Оградился и князь всепобѣднымъ крестомъ,
И встряхнулъ, молодечества буйнаго ради,
Онъ кудрей темнорусыхъ шелковыя пряди,
Подъ собольею шапкой, и молвилъ волхву
Очи въ очи: —„Такъ ты не во-снѣ—на-яву
Бредишь?.. Ну! А скажи мнѣ—о чемъ говорила
Ноньче зорька съ тобою и что посулила?“
—„Знаю все и всегда, повседневно, точь въ точь,
Что сулитъ мнѣ и зорька, и темная ночь.“
—„Право?“ молвилъ князь Глѣбъ.—А скажи мнѣ: сегодня
Знаешь—какъ тебѣ вызволитъ воля Господня?“
—„Знаю; я сотворю чудеса!..“

Но, въ упоръ,
Перешибъ всѣ мозги зарукавный топоръ,
И хвастливый языкъ, и гортань всю по груди...
И бѣжали со страхомъ всѣ вѣчники—люди!

Л. Мей.

КРЕЩЕНІЕ КІЕВЛЯНЪ.

(Съ картины В. И. Сизова).

1890г. Типо-Литографія Новгор. Губ. Правленія.

КІЕВЪ.

Я видѣлъ колыбель величія Россіи;
Я видѣлъ синій Днѣпръ; я былъ на тѣхъ холмахъ,
Гдѣ древній Кіевъ нашъ, питомецъ Византіи,
Вознесъ до облаковъ двѣнадцать главъ Софіи,
И бережетъ вѣковъ краснорѣчивый прахъ.

Я былъ на крутизнѣ, которая пророкомъ
За двадесять вѣковъ крестомъ осѣнена;
Гдѣ онъ грядущее прозрѣлъ орлинымъ окомъ,
И гдѣ ему тогда, въ молчаніи глубокомъ,
Внимала лишь одна днѣпровская волна.

Священная гора на берегу пучины
Громадной каѳедрой воздвиглась для него,
И какъ гигантъ, съ ея подоблачной вершины
Онъ проповѣдуетъ торжественно понынѣ
Слова учителя и Бога своего.

Нашъ Кіевъ мнѣ предсталъ въ священномъ блескѣ славы,
Межъ русскихъ городовъ, какъ патріархъ сѣдой;
Какъ золотой вѣнецъ, его сіяли главы,
А благовѣстъ его, какъ голосъ величавый,
Повѣствовалъ сынамъ о старинѣ святой.

Внимала Русь ему среди благоговѣнья,
И разносился онъ торжественно окрестъ;
И полонъ былъ тогда великаго значенья
Являвшійся вдали надъ градомъ, какъ видѣнье,
Въ рукахъ Владимира, залогъ побѣды—крестъ.

Н. Арбузовъ.

КІЕВЪ.

Въ ризѣ святости и славы
Опоясанъ стариной,
Старецъ—Кіевъ предо мной
Возблисталъ золотоглавый,
Здравствуй, старецъ величавый!
Здравствуй, труженикъ святой!

Здравствуй, Днѣпръ—поитель дивный
Незабвенной старины!
Чу! на звонъ моей струны
Сердце слышитъ плескъ отзывный
Удалой, многоразливной
Святославовской волны.

Здѣсь Владимиръ кругомъ тѣснымъ
Сыновей своихъ сомкнулъ,
И хоругви развернулъ,
И наитьемъ полнъ небеснымъ,
Въ Днѣпръ, подъ знаменіемъ крестнымъ,
Русь—младенца окунулъ.

Днѣпръ—Перуна гробъ кровавый,
Путь нашъ къ грекамъ! Не въ тебѣ-ль
Русской силы колыбель?
Ты истокъ родной державы,
Водный поясъ нашей славы,
Наша крестная купель!..

Божьей милостью обильный,
Кіевъ, много тѣлъ святыхъ
Въ глубинѣ пещеръ твоихъ
Полны жизни безмогильной,
И является Всесильный
Въ чудотворной силѣ ихъ...[1])

В. Бенедиктовъ.

ЯНЪ УСМОШВЕЦЪ.[2])

(992 г.).

Не орлы слеталися на рѣченьку,
Не орлы, да не сѣрые кречеты;
Свѣтелъ князь наступалъ степью вольною,
Что кругомъ-то, какъ море, раскинулась,
Выступалъ со своею дружиною...
И стѣной становились, какъ встрѣтились,
Басурманская рать противъ княжеской;
Возсѣдалъ тутъ каганъ на сѣдалищѣ,
Ставилъ боги, изъ камени сѣчены,
Возжигалъ противъ жертвы цѣнныя,
Многодымныя жертвы, кумирныя.

Свѣтелъ князь становился подъ яворомъ
Подъ зеленымъ, широко-раскидистымъ;
Вкругъ него замыкалися стражники,
А надъ нимъ поднимали со молебнами
Княженецкое знамя походное,
Парчевое съ зелеными каймами...

---

[1]) Въ послѣдней строфѣ поэтъ говоритъ о Кіево-Печерскомъ монастырѣ, который получилъ свое названіе отъ слова *печера*, что значитъ *пещера* (отъ *пещь*, *печь*; въ старину печь была ямой).

[2]) **Усмошвецъ** (швецъ кожи) записанъ въ позднѣйшія украинскія думы подъ именемъ *Семена—швеца*. Тотъ же герой является и въ русскихъ сказкахъ подъ именемъ *Никиты Кожемяки*. (Безсоновъ. Примѣч. къ IV в. пѣсенъ Кирѣевскаго). Разсказъ лѣтописца о единоборствѣ молодца съ печенѣжскимъ богатыремъ представляетъ изъ себя, по мнѣнію Костомарова, видоизмѣненіе глубоко-древняго миѳа о борьбѣ съ чудовищемъ и объ освобожденіи отъ него угнетенныхъ существъ. У древнихъ грековъ миѳъ этотъ воплатился въ исторіи Тезея, у насъ же въ сказкѣ «Никита Кожемяка» и въ легендѣ «Егорій Храбрый».

То не слонъ во чистомъ полѣ слóнится,
Не сырой дубъ во полѣ качается,
Что качается, слонится чудище,
Человѣкъ—печенѣгъ, сила крѣпкая,
Онъ идетъ не идетъ, самъ шатается;
А на немъ-то броня трехпудовая,
Армячекъ на плечахъ густо-звенчатый;
На башкѣ-то сидитъ шапка рысія,
Черепъ голъ, какъ котелъ, очи крысія;
Черепъ голъ, какъ котелъ, самъ собака хитеръ.
Да какъ сталъ-то силачъ пріосанился,
Да на весь-то народъ и разлаялся:
—„Выходи, говоритъ, Русь поганая,
Полно спать, ты узнай каковы-де мы!
Ужъ и нѣтъ на землѣ нашимъ супротивъ,
Выходите на битву—не бойтеся!
Я не всѣхъ положу въ лоскъ на травушку,
Сохраню человѣка на сѣмени!“
Оробѣлъ тутъ народъ, его видючи...
Молодые бойцы пріумолкнули,
Да и старые тожъ поосунились,
За молоденькихъ всѣ схоронилися!
И напрасно кричали тѣ вѣстники,
Нарочитые княжьи глашатаи,
На врага—удальца вызываючи...

Да не долго орда потѣшалася:
Тѣмъ не долго орда похвалялася,
Будто русскій народъ только хвастаетъ...
Разступается людъ на двѣ стороны,
Къ князю старецъ выходитъ засельщина,
Слово молвитъ ему деревенщина:
—„Сударь-князь, не казни, слово выслушай!
„У меня на селѣ есть дѣтинушка,
„Парень Янъ, Усмошвѣцъ по прозванію.
„Его силушки, князь, я не вѣдаю,
„Да и самъ, почитай, онъ не вѣдаетъ;
„Только съ дѣтства никто съ нимъ не игрывалъ,
„Шутки съ нимъ во забавахъ не шучивалъ!
„Было разъ—мялъ онъ кожи на торжище,
„На меня старика младъ разгнѣвался—
„И порвалъ пополамъ кожи крѣпкія,
„Сыромятныя, вдвое положены!
„Не обидь ты его, сударь-батюшка,
„Прикажи съ супостатомъ помѣряться!“

Говорилъ свѣтелъ князь:—„Старецъ вѣрный мой,
„Гдѣ-же сына тваво намъ отыскивать?
„Врагъ не ждетъ, да и время намъ спѣшное!“
—„Надо парня искать, князь, позади всѣхъ,
„Во кружалѣ твоемъ во веселыемъ;
„Съ голыдьбою тамъ со кабацкою,
„Отъ утра до утра, младъ-дѣтинушка
„Любитъ пѣсни водить, любитъ бражничать,
„Свѣторусскую душеньку тѣшити!“

Посылалъ князь гонцовъ за дѣтинушкой,
Ждалъ-пождалъ, сглядалъ свои полчища;
Да и тутъ не успѣлъ слово вымолвить,
Во лугахъ парня Яна завидѣли...

Свѣтлорусъ шелъ дѣтина приземистый,
Кудреватъ да румянъ; усъ—бородушка
Первымъ пухомъ въ лицѣ пробивалися.
Шелъ онъ смутно, и самъ не гадаючи,
Отчего въ немъ вся душенька маялась;
Что въ одной ли дѣтина сороченькѣ,
Вдоль подола, груди и по вороту
Бѣлой, вышитой синими стежками,
Въ подрукавникахъ съ алыми клиньями,
Онъ веревкой одной подпоясанный...

И пытали его силу крѣпкую,
Выпускали быка на дѣтинушку—
Выпускали быка разъяреннаго,
Раскаленнымъ шипомъ обожженнаго.
Какъ бѣжалъ ярый быкъ вдоль по выгону,
На лету ухватилъ его мóлодецъ,
Ухватилъ на лету, не шелохнувшись
И ногою на пядень не сдвинувшись.
Онъ живьемъ со груди смуропепельной,
Какъ заялъ пятерней край подплечія,
Вырвалъ съ кожею клинъ мяса алаго,
И живьемъ мясо алое съ кожею
Надъ толпою поднялъ усмѣхаючись...

Тутъ умолкли кругомъ рати грозныя;
Вольный конъ вдоль по степи размѣряли;
Становились на конъ поединщики.
Вѣстовая труба откликалася,
Удалая борьба начиналася...

Поглядѣлъ на бойца малорослаго,
Сталъ смѣяться силачъ-басурманщина:
—„Ужъ и гдѣ же бывало то видано,
„Чтобъ такой мелкотой битву красили?
„Ужъ остался бы лучше ты съ бабами,
„Веретена строгалъ, спалъ безъ просыпу!..“
Выходилъ парень Янъ на противника,
Ни повадкой, ни рѣчью не хвастая.
Тихимъ походомъ шелъ, словно нéхотя,
Словно парень робѣлъ, не умѣючи,
На врага-то и глянуть не смѣючи...

И схватились бойцы, крѣпко обнялись,
Будто братья родимые обнялись...
Они долго бойцы приловчалися,
Будто братья съ собой цѣловалися!

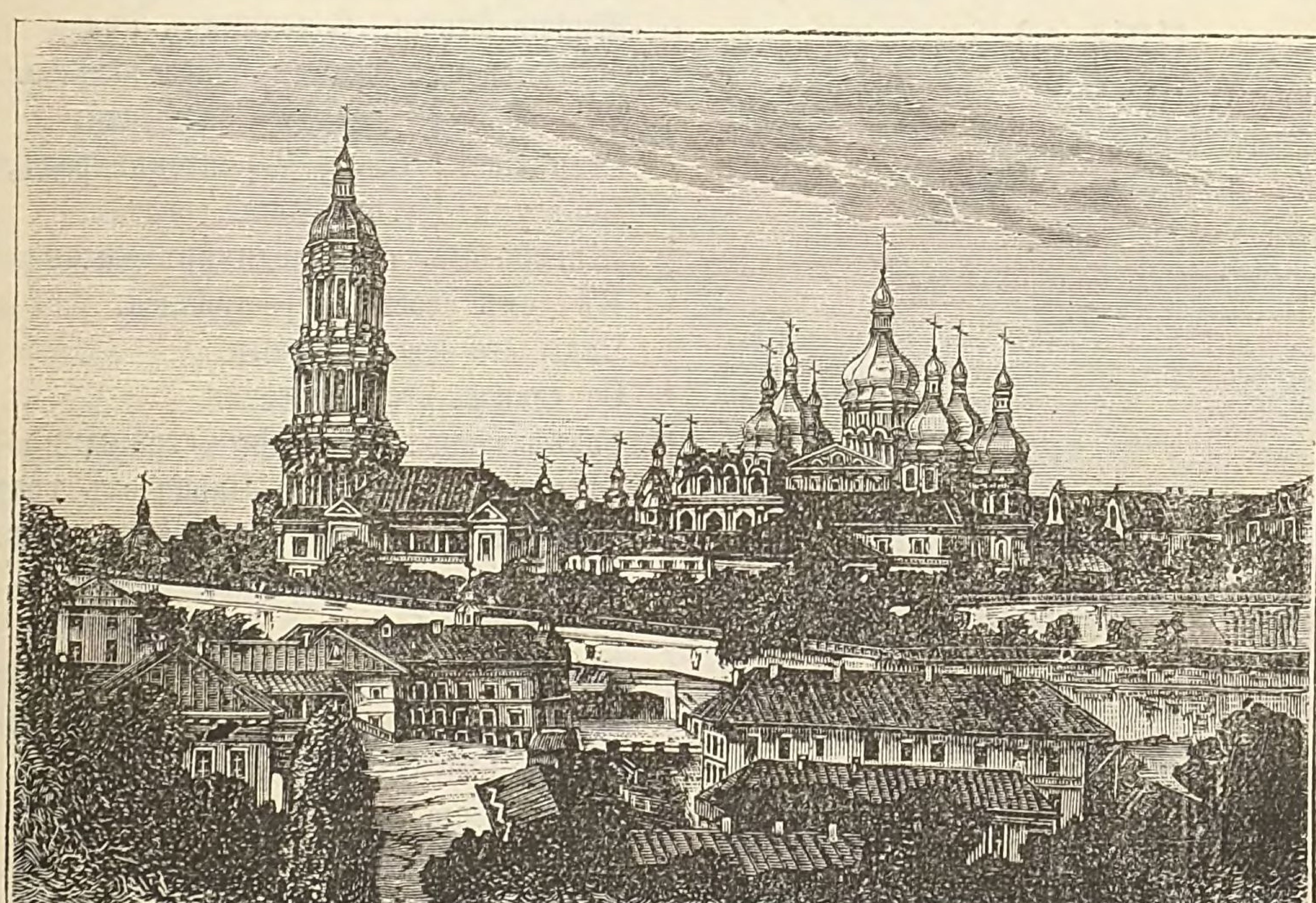
Тутъ и дрогнули рати дозорныя;
Громкій кличъ пролетѣлъ надъ долиною...
Парень Янъ подхватилъ басурманина!
Подхватилъ онъ его, словно дитятко,
Прижималъ ко груди пятипяденной,
Да потомъ, какъ развелъ руки крѣпкія,
Попритиснулъ врага къ своей душенькѣ—
Тутъ и смерть-то ему приключилася...
Удавилъ на груди супротивника,
И съ розмаха ударилъ имъ о землю,
Индо вольная степь перекликнулась!...
Поломалъ ему сразу всѣ косточки,
Всѣ суставы, всѣ ребра и голени...

Тутъ завыла орда, заметалася,
И во всѣ во концы разбѣгалася;
А покамѣстъ бойцы свѣторусскіе
Выходили въ погоню семейками,
Бѣглецовъ догоняли за рѣчкою,
Калачами совстрѣчниковъ потчуя,
Алъ-кумачъ по травѣ разстилаючи,
Зубы бабамъ на бусъ подбираючи—
Свѣтелъ—князь отличалъ добра молодца,
Восхвалялъ онъ его, приговаривалъ:
—„Ужъ теперь-то тебя мы пожалуемъ,
„Отличимъ, наградимъ, женимъ молодца;
„Только тѣшься, живи, младъ дѣтинушка,
„Во чести, во пирахъ, во забавушкахъ,
„Да плоди въ нашу честь племя сильное,
„Племя сильное, честью обильное—
„А и въ немъ наша Русь не умалится
„И по вѣки-то ею восхвалится!“

Ворочался тутъ князь въ свои станочки,
Созывалъ своихъ слугъ и приспѣшниковъ.
Нарекалъ тѣ мѣста **Переяславомъ,**
Переялъ-де онъ тамъ *славу* вражію— [1])
Возсѣдалъ за столы княженецкіе...
И опять пили всѣ, прохлаждалися,
На привольѣ своемъ потѣшалися,
На пиру тутъ сидѣли старѣйшины
И сложили такое вѣщаніе:
—„Не удачей возьметъ, не уловкою
„Не мудреной какою снаровкою,
„Своей силой возьметъ Русь—кормилица:
„Передъ ней же ничто не схоронится,
„Какъ пойдетъ—все на свѣтѣ сторонится!

Г. Данилевскій.

[1]) Городъ **Переяславль** на р. Трубежѣ, притокѣ Днѣпра. Въ XII в., въ отличіе отъ другихъ одноименныхъ городовъ, получилъ и званіе **Русскаго**. Городъ этотъ несомнѣнно существовалъ ранѣе побѣды Владиміра надъ печенѣгами, такъ какъ упоминается въ числѣ русскихъ городовъ еще при Олегѣ.

Кіево-печерская лавра.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

УДѢЛЫ, УСОБИЦЫ И БОРЬБА СЪ КОЧЕВНИКАМИ.

(1015 г.—1224 г.).

«Отъ усобицъ княжихъ—гибель Руси!
Братья спорятъ: то мое, и это!
Золъ раздоръ изъ малыхъ словъ заводятъ,
На себя куютъ крамолу сами,
А на Русь съ побѣдами приходятъ
Отовсюду вороги лихіе!..»
. . . .
Широко печаль течетъ по Руси.

А. Майковъ (перев. Сл. о полк. Иг.).

СЫНОВЬЯ ВЛАДИМИРА СВЯТОГО.

ДУХОВНЫЙ СТИХЪ О БОРИСѢ И ГЛѢБѢ. [1)]

(1015 г.).

Со Восточнаго Державія,
Во словесномъ Кіевѣ градѣ,
Жилъ себѣ Володимиръ князь;
Имѣлъ себѣ трёхъ сыновъ:
Старѣйшій братъ а болшій князь,
А мѐньшихъ два брата, Борисъ и Глѣбъ.
Живши-бывши, Володимиръ князь
Сталъ своимъ чадамъ благословляти,
А удѣльными градами надѣляти:
Старѣйшему брату Черниговъ градъ,
Борису и Глѣбу Кіевъ градъ.
Живши-бывши, Володимиръ князь
Въ домѣ своемъ преставился.
Чады его возлюбленныя
Со славою его погребали.
Разъѣзжались въ разныя страны:
Старѣйшій братъ въ Черниговъ градъ,
А Борисъ и Глѣбъ во Кіевъ градъ.
Живши-бывши, старѣйшій братъ,
Старѣйшій братъ, а болшій князь,
Въ умѣ своемъ разумѣ смѣшался,
И пишетъ князь злописаніе
Двумъ бра́тамъ, Борису и Глѣбу:
Вы мѐньшіе братья, святые князья,
Святые князья, благовѣрные,
Два брата мои, Борисъ и Глѣбъ!
Прошу я васъ на пиръ пировать:
Во честный пиръ вамъ пиръ пировать;
Мы будемъ въ моемъ домѣ отца поминать.

1) Память св. Бориса и Глѣба, первыхъ князей-мучениковъ, глубоко почиталась, и житія ихъ, написанныя черноризцемъ Іаковомъ и преп. Несторомъ, составляли предметъ любимаго чтенія у народа. Народъ сложилъ объ нихъ особый Стихъ, въ которомъ, впрочемъ, нѣкоторыя обстоятельства ихъ кончины излагаются въ другомъ видѣ, чѣмъ въ житіяхъ. Существенное отличіе Стиха отъ житей заключается въ томъ, что житія представляютъ въ Борисѣ и Глѣбѣ примѣръ братской любви, а Стихъ главною чертою выставляетъ въ нихъ сыновную любовь къ отцу, вслѣдствіе которой они не послушали даже совѣта матери, предостерегавшей ихъ отъ Святополка (проф. Порфирьевъ). Непослушаніе же родительской волѣ, думаетъ народъ, и приводитъ дѣтей къ погибели. Проф. О. Ѳ. Миллеръ отличаетъ въ Стихѣ и другой взглядъ народа, а именно: всякое злодѣяніе совершается не въ здравомъ умѣ, почему и Святополкъ еще въ началѣ Стиха выводится помѣшаннымъ. Вообще Стихъ изобилуетъ анахронизмами: такъ Борисъ былъ не муромскій, а ростовскій князь, Глѣбъ же наоборотъ, убиты они не въ одно время: Борисъ раньше, Глѣбъ же на пути изъ Кіева, къ своему удѣлу и т. п. Ороографія даннаго образца удержана та же, какъ и въ Извѣст. Импер. Акад. Наукъ 1860 г. в. IV стр. 253—55, гдѣ напечат. этотъ Стихъ.

Послѣ его прихождали
И посыльный листъ приношали
Двумъ братамъ, Борису и Глѣбу.
Два брата, Борисъ и Глѣбъ,
Посыльный листъ принимали,
Передъ матушкой прочитали;
И начали плакати-рыдати,
И жалобнымъ гласомъ причитати.
Ихъ матушка говорила:
Возлюбленныя мои чада,
Святые князья, благовѣрные!
Не ѣздите вы къ большому брату въ гости,
Къ старѣйшему брату Святополкію;
Не на пиръ онъ зоветъ пировати,
Не отца въ своемъ домѣ поминати:
Хочетъ онъ васъ затребити,
Всею Расѣей завладати,
Со всѣми со удѣльными городами,
Со всѣми со вѣрными со слугами!
Они матушки не слушались;
Садились на добрыихъ коней,
Поѣхали къ болшому брату въ гости,
Къ старѣйшему брату и къ болшему князю —
А болшій князь, ненавистный, злой,
Не въ домѣ онъ братіевъ встрѣчаетъ;
Встрѣчаетъ далече въ чистомъ полѣ;
Свирѣпо на братьевъ взираетъ,
Онъ зритъ на нихъ, яко разбойникъ.
Два брата, Борисъ и Глѣбъ,
Видютъ они напасть свою,
Слѣзаютъ съ добрыхъ коней,
Упали къ большому брату въ ноги,
Старѣйшему брату Святополку:
Борисъ упалъ въ правую ногу,
А Глѣбъ упалъ въ лѣвую;
Начали они плакать и рыдати,
И жалобнымъ гласомъ причитати:
Любимый ты нашъ старѣйшій братъ,
Старѣйшій братъ а болшій князь!
Не срѣжь тѣ главы незрѣлыя,
Не пролей ты крови христіанской,
Крови христіанской понапрасну!
Возьми ты насъ въ рабы себѣ,
Работай ты нами, какъ рабами!
А болшій князь, ненавистный, злой,
Ни на что злодѣй не взираетъ,
Ни на плаканье, ни на рыданье,
Ни на жалобное ихъ причитанье:
Бориса взялъ копьемъ вружилъ,
А Глѣба ножомъ зарѣзалъ,
И повелѣлъ эти тѣла, Борисово,
Борисово и Глѣбово,
Затащить во темны лѣса.
И садился злой на добрый конь,
И сталъ разъѣзжать и похваляться:
Слуги мои вѣрные!
Теперича наша вся Росѣя,
Со всѣми со удѣльными городами,
Со всѣми со вѣрными со слугами!
А Господь хвалы не слушаетъ.
Ссылаетъ Господь двоихъ ангеловъ
Со копіемъ со вострыимъ;
Повелѣлъ Господь земли подрѣзáти,
Подрѣзати и потрясати;
И оны землю подрѣзàли,
Подрѣзали и потрясали;
Земля съ кровію смѣшалася;
Вся вселенная ужаснулась,
Словно въ синіемъ морѣ волны всколыхалися.
Онъ думалъ злодѣй — рай растворился,
Анъ самъ сквозь сырой земли провалился.
А тѣ тѣла, Борисово,
Борисово и Глѣбово,
Лежали ровно тридцать лѣтъ:
Ни звѣрь ихъ, ни птица не тронули,
Ни мрачное помраченіе,
Ни солнечное попеченіе.
Какъ тридцать лѣтъ миновалося,
Явилося явленіе:
Явился столбъ красный, огненный,
Отъ земли и до нѣба.
Къ тому столбу огненному
Сходилися, соѣзжалися
Цари, власти и патріархи
И всѣ православные христіане.
Служили молебны благочестны
Двумъ братамъ, Борису и Глѣбу,
Святыя тѣла обрѣтоша намъ
Двухъ братовъ, Бориса да Глѣба.
Отъ святыхъ мощей было прощеніе.
Погрѣбали ихъ, свѣтовъ, со славою.
А мы поемъ славу Борисову,
Борисову славу и Глѣбову
Во вѣки вѣковъ, аминь.

СВЯТОПОЛКЪ.

Въ глуши богемскихъ дикихъ горъ,
Куда ни голосъ человѣка,
Ни любопытства дерзкій взоръ
Не проникалъ еще отъ вѣка,
Гдѣ только въ дебряхъ сѣрый волкъ
Съ щетинистымъ вепрёмъ встрѣчался, —

Братоубійца Святополкъ,
Отъ всѣхъ оставленный, скитался...
Ему былъ страшенъ взоръ людей:
Онъ видѣлъ въ немъ себѣ укоры;
Страдальцу мнилось: „ты—злодѣй!“
Въ глухихъ отзывахъ вторятъ горы.
„Злодѣй!“ казалось, вопіютъ
Ему лѣсовъ дремучихъ сѣни,
И всюду грозныя бѣгутъ
За нимъ убитыхъ братьевъ тѣни.

Изъ дебри въ дебрь, изъ лѣса въ лѣсъ
Въ неистовствѣ перебѣгая,
Встрѣчалъ онъ всюду гнѣвъ небесъ—
И кончилъ дни свои страдая...
Никто слезы не уронилъ
На прахъ отверженника неба,
И всѣхъ проклятье заслужилъ
Убійца—братъ святого Глѣба...

Отъ современниковъ до насъ
Дошло ужасное преданье,
И сочеталъ народа гласъ
Съ нимъ „Окаяннаго“ прозванье.

***

СВЯТОПОЛКЪ ОКАЯННЫЙ.

„Отроки—други, скачите скорѣй!
„Слышу я топотъ далекой погони...“
Отроки молча торопятъ коня;
Мчатся, какъ стрѣлы, могучіе кони.

Сходятся тучи въ лазури небесъ,
Тихая ночь настаетъ понемногу;
Тише и глуше становится лѣсъ,—
Сосны, березы стѣснили дорогу.

Кони устали, но князь Святополкъ
Гонитъ коня своего въ изступленьи;
Скачетъ назадъ, озираясь какъ волкъ...
„Князь, отдохнуть бы конямъ хоть мгновенье!“

„Други, спѣшите! Спасите меня!
Слышу я, чувствую,—гонятся братья!
Въ сердцѣ моемъ будто море огня...“
Падаетъ конь Святополка... „Проклятье!“

Блѣденъ лежитъ на дорогѣ лѣсной.
„Проклято будь ты, всесильное небо!
Други, смотрите,—стоятъ предо мной
Страшныя тѣни Бориса и Глѣба!“

Въ страхѣ лежитъ князь—въ поту и пыли
„Страшно! Спасите-же, отроки-други!“
Князя на плечахъ своихъ понесли
Дикой дорогою вѣрные слуги.

Други, бѣгите! Бѣгите скорѣй!
Тѣни какія-то мчатся за мною;
Въ бѣдной груди моей тысячи змѣй,—
Я оторвать не могу ихъ рукою...“

Вѣрные слуги идутъ и бѣгутъ.
Въ чащу они углубились лѣсную;
Страшныя тѣни предъ княземъ встаютъ,
Душу томятъ Святополка больную.

Нѣтъ ему отдыха ночью и днемъ,
Сонъ не закроетъ усталыя очи;
Охнетъ-ли филинъ въ затишьи ночномъ,
Листъ шелохнется-ли въ сумракѣ ночи,—

Князь уже поднялъ измученныхъ слугъ...
„Други, вставайте! Погоня за нами!
Шопотъ таинственный слышу вокругъ...
Крадутся... Вѣтки хрустятъ подъ ногами...“

„Князь! Успокойся,—засни: ты усталъ;
Кто насъ найдетъ въ чащѣ ночью туманной!“
„Други, бѣгите!..“ Въ лѣсу, какъ шакалъ,
Безъ вѣсти сгибъ Святополкъ—Окаянный...

В. Юрьевъ.

МСТИСЛАВЪ УДАЛОЙ.

(1022 г.).

Какъ тучи, съ горъ текли косоги,
На встрѣчу имъ Мстиславъ летѣлъ.
Стеналъ поморья брегъ пологій,
И въ полѣ гулъ глухой гремѣлъ.
Ужъ звукъ трубы на полѣ брани
Сзывалъ храбрѣйшихъ изъ полковъ;
Ужъ храбрый князь Тмутаракани
Кипѣлъ ударить на враговъ. [1])

---

[1]) **Тмутаракань**—славяно-русская колонія на устьяхъ р. Кубани, возникшая на мѣстѣ старой византійской колоніи *Тамань* (въ древности *Фанагорія*). Усиленіе Тмутаракани было послѣдствіемъ войнъ Олега и особенно Святослава съ хазарами и походовъ русскихъ дружинъ, которыя, разрушивъ Хазарское царство, раздвинули предѣлы Русскаго государства до Кавказскихъ горъ, т. е. до такой окраины, гдѣ необходимо должна была вестись борьба съ кочевыми выходцами изъ Азіи и съ сосѣдними горными племенами, между которыми **ясы** и **косоги** (или черкесы) были къ Тмутаракани ближайшими обитателями.

Вдругъ, кожею покрытъ медвѣдя,
Отъ вражьихъ отдѣлясь дружинъ,
Явился съ палицей Редедя,
Племенъ косожскихъ властелинъ.
Онъ къ войску шелъ, какъ въ океанѣ
Валится въ бурѣ черный валъ,
И сталъ, какъ со̀сна, на курганѣ,
И громогласно провѣщалъ:

„Почто кровавыхъ битвъ упорствомъ
Губить и войско и народъ?
Рѣшимъ войну единоборствомъ:
Пускай одинъ за всѣхъ падетъ!
Иди, Мстиславъ, сразись со мною:
И кто въ сей битвѣ побѣдитъ,
Тому владѣть врага страною,
Или отдать ее на щитъ!“

„Готовъ!“ князь русскій восклицаетъ—
И грозный сталъ передъ бойцомъ;
Съ коня—и на курганъ взлетаетъ
Удалый яснымъ соколомъ;
Сошлись, схватились, въ бой вступили...
Могучъ и князь и великанъ!
Другъ друга стиснули, сдавили;
Трещатъ... колеблется курганъ...

Глаза, налившись кровью, блещутъ
Колѣна крѣпкія дрожатъ,
И мышцы сильныя трепещутъ,
И искры сыплются отъ латъ...
Но вотъ—Мстиславъ изнемогаетъ...
Онъ падаетъ!.. Конецъ борьбѣ...
„Святая Дѣва!“—восклицаетъ:
„Я храмъ сооружу тебѣ!...“

И сила дивная мгновенно
Влилася въ князя... Онъ возсталъ,
Рванулся бурей разъяренной—
И новый Голіаѳъ упалъ!
Упалъ—и сталъ курганъ горою...
Мстиславъ широкій мечъ извлекъ
И, придавивъ врага пятою,
Главу огромную отсѣкъ.

* * *

Ярославъ Мудрый.

ДАЛЬНѢЙШІЕ ПОТОМКИ ВЛАДИМИРА СВЯТОГО.

СМЕРТЬ ИЗЯСЛАВА ЯРОСЛАВИЧА,

Князя Кіевскаго [1]).

(1078 г.).

По синему морю клубится туманъ,
Всю даль облака застилаютъ,
Изъ разныхъ слетаются вороны странъ,
Другъ друга кружась вопрошаютъ:

— Откуда летишь ты?—Изъ Русской земли!
Я былъ на пиру въ Заднѣпровьѣ,
Тамъ всѣ Изяслава полки полегли,
Все поле упитано кровью.

Съ разсвѣтомъ на половцевъ князь Изяславъ
Тамъ выѣхалъ, грозенъ и злобенъ,
Свой мечъ двоеручно высоко поднявъ,
Святому Георгью подобенъ.

Но къ ночи, руками за гриву держась,
Конемъ увлекаемый съ бою,
Ужъ пó полю мчался израненный князь
Съ закинутой навзничь главою,

И каркая долго летѣлъ я надъ нимъ,
И ждалъ, чтобъ онъ нà-земь свалился,
Но былъ онъ, должно быть, судьбою хранимъ,
Иль Богу скача помолился;

Упалъ лишь надъ самымъ Днѣпромъ онъ съ коня,
Въ ладью рыбаки его взяли,
А я полетѣлъ, неудачу кляня,
Туда, гдѣ другіе лежали!

Поютъ во Софійскомъ соборѣ попы,
По князѣ идетъ панихида;
Рыдаетъ княгиня средь плача толпы

. . . .

Княгиня рыдаетъ:—О, князь Изяславъ,
Въ неравномъ посѣченъ ты спорѣ!
Побѣды обычной въ бою не стяжавъ,
Погибъ ты, о горе! о горе!

Печерскіе иноки, выстроясь въ рядъ,
Протяжно поютъ: аллилуя!
А братья княжіе другъ друга корятъ,
И жадные вороны съ кровель глядятъ,
Усобицу близкую чуя.

Гр. А. Толстой.

ВАСИЛЬКО [1]).

I.

Василько видѣлъ страшный сонъ,
Остановившись на ночлегѣ.
Ему приснилось, будто онъ
Въ глухомъ лѣсу, въ худой телѣгѣ
Лежитъ закованъ, недвижимъ,
И воронъ каркаетъ надъ нимъ,
И слышенъ стукъ мечей о брони,
И ржутъ испуганные кони.

Василька ищетъ Володарь,
И громко кличетъ: „Братъ, за нами!"—
И хочетъ князь, какъ было встарь,
Тряхнуть могучими руками,—
Но крѣпко скованы онѣ;
И хочетъ крикнуть онъ во снѣ,—
Но вмѣсто крика стонъ раздался:
Языкъ ему не покорялся.

Не могъ онъ стономъ заглушить
Шумъ боя, крикъ зловѣщей птицы...
Глаза онъ силился открыть—
Не поднимаются рѣсницы...
Въ нѣмомъ отчаяньи дрожа,
Онъ слышитъ—лезвіемъ ножа
Къ нему вдругъ кто-то прикоснулся,—
И князь испуганный проснулся.

---

[1]) Изяславъ, сынъ Ярослава Мудраго, два раза былъ изгоняемъ съ Кіевскаго княженія (одинъ разъ горожанами, въ другой—братьями). Онъ погибъ въ борьбѣ съ племянникомъ своимъ Олегомъ, сыномъ Святослава Черниговскаго; въ роковой для Изяслава битвѣ Олегу помогали половцы. **Половцы**, кочевники тюркскаго племени, появились впервые въ придонскихъ степяхъ около средины XI в. Они нанесли рѣшительный ударъ своимъ кочевымъ предшественникамъ, въ частности печенѣгамъ, и стали сильно безпокоить Русь. Черниговскіе князья находили себѣ въ нихъ постоянныхъ союзниковъ.

[1]) **Василько** и **Володарь** были сыновьями князя-изгоя Ростислава Владимировича, отецъ котораго умеръ еще при жизни родителя своего Ярослава I. Василько получилъ въ удѣлъ отъ великаго князя Всеволода *Теребовльскую* землю, которая лежала между ляхами на с-з., уграми на ю-з., степными кочевниками на югѣ, Кіевскимъ и Володимирскимъ княжествами на в. и с. *Г. Теребовль* (нынѣ *Теребовля* въ Галиціи) былъ расположенъ въ ю-з. части Теребовльскаго удѣла. Впослѣдствіи, при сынѣ Володаря Владимиркѣ, изъ Теребовля вмѣстѣ съ г. Перемышлемъ образовалось особое Галицкое княжество.

Прохлада яснаго утра
Василька скоро освѣжила,
Ужъ разсвѣло. Кругомъ шатра
Бродили слуги. Слышно было,
Какъ отрокъ борзаго коня
Сѣдлалъ для князя; у огня
Проворный поваръ суетился;
Шумъ, говоръ въ станѣ разносился.

Князь поднялъ край шатра. Предъ нимъ
Открылся Днѣпръ, залитый блескомъ,
И нѣжилъ слухъ его своимъ
Невозмутимо-ровнымъ плескомъ.
Василько влѣво бросилъ взглядъ—
Тамъ возвышался Кіевъ-градъ,—
И сна дурное впечатлѣнье
Разсѣялось въ одно мгновенье.

Верхушки кіевскихъ церквей
На солнцѣ ярко золотились,
И отъ посада въ глубь полей
Далеко нивы расходились;
Вдали степей синѣла ширь,
И Ѳеодосьевъ монастырь,
Высокимъ тыномъ обнесенный,
Вѣнчалъ собою холмъ зеленый [1]).

Отрадно стало и свѣтло
Въ душѣ Василька. Грудь дышала
Спокойно. Утро принесло
Ему съ собою думъ немало.
Какъ львенокъ, вышедшій впервой
На ловъ, тряхнулъ онъ головой,
Глаза его сверкали смѣло:
Онъ замышлялъ большое дѣло.

На съѣздѣ въ Любечѣ [2]) князья
Рѣшили: княженецкой власти
Опоры нѣтъ, что воронья,
Мы Русь родную рвемъ на части.
Пусть каждый отчиной своей
Владѣетъ въ мирѣ съ этихъ дней,
И да не будетъ ссоръ межъ нами,
Мы братья,—намъ ли быть врагами?

Василько думаетъ: „Пойду
Теперь я смѣло къ Теребовлю,
И хитрымъ ляхамъ на бѣду
Зимой дружину приготовлю.
Давно душа моя горитъ
Взять землю Ляшскую на щитъ,
И Руси недруговъ лукавыхъ
Похоронить въ глухихъ дубравахъ.

Потомъ въ Дунай ладьи спущу
И на болгаръ грозой ударю,
И ратной славы поищу
Себѣ и брату Володарю;
Сожгу ихъ села, и въ полонъ
Возьму дѣтей, дѣвицъ и женъ,
И потоплю въ волнахъ Дуная
Всю силу славнаго ихъ края.

Потомъ за помощью приду
Я къ Святополку съ Мономахомъ,
И Половецкую орду
Въ глухихъ степяхъ развѣю прахомъ.
Я дамъ родимой сторонѣ
Покой, хотя пришлось бы мнѣ
Лечь головой въ борьбѣ кровавой“...
Такъ думалъ правнукъ Ярослава.

Такъ онъ задумывалъ одно,—
Но у Давыда съ Святополкомъ
Другое было рѣшено
На ихъ совѣтѣ тихомолкомъ.
„Василько,—думалъ князь Давыдъ,—
Мое добро себѣ рачитъ,
Покуда родъ его не вымеръ,
За мной не крѣпокъ Володимеръ.

Возьми его,—онъ ворогъ злой,
Не родичъ намъ, шепталъ онъ брату,—
Ужели хочешь Кіевъ свой
Отдать ему, какъ супостату?
Въ крови потопитъ и въ слезахъ
Онъ нашу землю. Мономахъ
Его пособникъ произволу,
Съ нимъ заодно куетъ крамолу.

Какъ звѣри лютые, придутъ
Они съ наемной силой вражьей,
Владимеръ галичскій возьмутъ,
Отнимутъ столъ великокняжій.
Нѣтъ правды, вѣрь мнѣ, въ ихъ сердцахъ!
И дикій половецъ и ляхъ
На Русь пойдутъ за ними слѣдомъ.
Иль замыслъ ихъ тебѣ не вѣдомъ?

О томъ, что мыслитъ князь-изгой,
Мои дозналися бояре.
Онъ запалитъ костеръ большой—
И намъ, братъ, сгибнуть въ томъ пожарѣ.
Возьми-жъ его, пока онъ тутъ;
Напрасенъ будетъ послѣ трудъ:

[1]) Кіево-Печерскій монастырь.

[2]) Подъ **Любечемъ**, гдѣ былъ княжескій сеймъ, проф. Н. П. Барсовъ разумѣетъ не городъ Черниговскаго княжества, а урочище подъ Кіевомъ. Не было никакого основанія устраивать сеймъ 1097 г. въ Черниговской землѣ, такъ какъ всѣ съѣзды южнорусскихъ князей происходили обыкновенно въ окрестностяхъ Кіева. (Очеркъ рус. историч. географіи, стр. 143).

Мѣшать намъ плохо волку въ ловлѣ,
Когда онъ будетъ въ Теребовлѣ.

Самъ Богъ намъ съ властью далъ уставъ—
Блюсти отъ зла свою державу“.—
И внялъ великій князь сказавъ:
„Да будетъ такъ! Когда-жъ неправо
Ты молвишь,—Богъ тебѣ судья.
Намъ не простятъ того князья,—
Противу насъ найдутъ улики,—
И будетъ то намъ въ стыдъ великій.“

И князь на Рудицы послалъ
Василька звать на именины.
Тамъ не далеко отъ забралъ
И кіевскихъ бойницъ, съ дружиной
Передвигаясь въ городъ свой,
Сталъ станомъ княжичъ удалой,
Про то не вѣдая, что вскорѣ
Его постигнетъ злое горе.

II.

Звонятъ къ обѣднѣ. Стольный градъ
Проснулся. Ясенъ день холодный.
Въ стану Васильковомъ скрипятъ
Телѣги съ рухлядью походной.
Трясетъ серебряной уздой
И стременами конь княжой;
Передъ княжимъ шатромъ закрытымъ,
Храпитъ и землю бьетъ копытомъ.

Кормиличъ княжичій, старикъ,
Торопитъ въ путь дружину съ княземъ.
„Намъ впереди походъ великъ,—
Какъ разъ обозъ въ грязи увязимъ.
Пойдемъ-ка, князь! Того и жди,
Польютъ осенніе дожди,
И стой тогда въ болотной тинѣ!
Вели-ка станъ снимать дружинѣ!“

Василько вышелъ изъ шатрà,
Чтобъ нарядить, уладить сборы,
Проститься съ берегомъ Днѣпра,
Взглянуть на кіевскія горы.
Быть можетъ, долго не видать
Тѣхъ мѣстъ, гдѣ вѣры благодать
Надъ темной Русью просіяла,
Гдѣ Русь крещенье воспріяла.

И грустно сердце сжалось въ немъ,
Какъ будто чуя скорбь и горе,
И вспомнилъ княжичъ о быломъ
И о княжой недавней ссорѣ.

„Мнѣ, можетъ,—думалъ онъ,—сулитъ
Судьба въ грядущемъ рядъ обидъ,
Отъ близкихъ родичей истому,
И вмѣсто славы—наполому.

Въ худое время мы живемъ,
За распри другъ на друга ропщемъ;
Радѣетъ всякій о своемъ,
А о землѣ, наслѣдьѣ общемъ,
Никто не хочетъ пожалѣть,
Отдавъ ее врагамъ на снѣдь.
Мы, вмѣсто мира, устроенья,
Заводимъ ссоры да смятенья.

Великій прадѣдъ Ярославъ!
Берегъ ты землю отъ печали,
Храня отеческій уставъ,—
И наши вόроги молчали.
Могучъ, какъ древле царь Давидъ,
Ты громкой славой былъ покрытъ—
Но время тихое минуло—
И Русь въ крамолахъ потонула.“

Такъ Ростиславичъ размышлялъ
О распрѣ—княжеской заразѣ,
А передъ нимъ уже стоялъ
Посолъ отъ Кіевскаго князя,—
И молвилъ, низко поклонясь:
„Зоветъ тебя на праздникъ князь
И проситъ въ Кіевъ, господине,
Для именинъ пріѣхать нынѣ.“

„Мнѣ дома быть пора давно,—
Князь отвѣчалъ,—гулять не время.
Рать будетъ дома неравно,
Да и другихъ заботъ беремя.
Коль призванъ править князь землей,
Ему гостить въ землѣ чужой
Не слѣдъ: въ семьѣ владыка нуженъ,
Скажи: теперь я не досуженъ.“

Ушелъ гонецъ; но вслѣдъ за нимъ
Великій князь прислалъ другого;
„Хоть на денекъ приди къ роднымъ,—
Съ гонцомъ княжое было слово,—
Объ этомъ я прошу любя.“
Давыдъ прибавилъ отъ себя:
„Пожалуй въ Кіевъ нынче, брате!
Куда спѣшишь? Не слышно рати!

Отказъ твой сѣмя къ распрѣ дастъ.
Ужели хочешь новой ссоры?—
На злое дѣло князь гораздъ,
И въ немъ вражда созрѣетъ скоро.

Изъ друга сдѣлаться врагомъ
Ему не диво,—знай о томъ.
Коль не пріѣдешь къ Святополку,
Не будетъ въ съѣздѣ нашемъ толку.“—

Василько вымолвилъ: „Аминь!
О ссорѣ мнѣ и думать больно.“
Онъ станъ отправилъ на Волынь,
И самъ поѣхалъ въ Кіевъ стольный.
Торопитъ онъ и бьетъ коня;
Но конь, уздечкою звеня,
Идетъ неспѣшно и лѣниво,
Храпитъ, потряхивая гривой.

Безпечно ѣдетъ князь впередъ.
На встрѣчу отрокъ приближенный
Спѣшитъ отъ кіевскихъ воротъ
Къ нему, печальный и смущенный,
Онъ сталъ предъ нимъ и говоритъ:
„Не ѣзди, князь! Бѣда грозитъ!
Вернись—иль быть грѣху да брани!
Тебя возьмутъ,—вернись заранѣ!

Не ѣзди: Кіевъ—западня,
Повѣрь моей правдивой рѣчи.
Верни ретиваго коня,—
Твоя дружина недалече.
И ты, какъ дома, будешь съ ней.
Уйди подальше отъ князей,—
Они лишатъ тебя удѣла,
Въ нихъ мысль ехидная созрѣла.“

„За что-жъ князья меня возьмутъ?—
Спросилъ Василько удивленный,—
Не вѣрю я, нѣтъ правды тутъ,—
Схватить нельзя же беззаконно?
Я Святополка не боюсь:
Не для того со мной союзъ
Скрѣпилъ онъ крестнымъ цѣлованьемъ,
Чтобъ встрѣтить гостя злодѣяньемъ.

Ходилъ я всюду напрямикъ,—
Зачѣмъ назадъ мнѣ возвращаться?
Я въ битвахъ взросъ и не привыкъ
Отъ юныхъ лѣтъ враговъ бояться.“—
Такъ Ростиславичъ отвѣчалъ;
И путь свой въ Кіевъ продолжалъ:
Былъ княжичъ чистъ и прямъ душою,
Не знался съ хитростью людскою.

Спокоенъ въ Кіевъ въѣхалъ онъ,
И у хороминъ княженецкихъ
Остановился. Окруженъ
Толпой дружинниковъ и дѣтскихъ,
Выходитъ къ гостю на крыльцо
Великій князь; его лицо
Омрачено; съ улыбкой странной
Онъ молвилъ: „здравствуй, гость желанный!“

И ввелъ его онъ въ тотъ покой,
Гдѣ князь Давыдъ, потупя очи,
Поникнувъ хитрой головой,
Сидѣлъ темнѣй осенней ночи.
Увидѣвъ гостя, вздрогнулъ онъ,
И на привѣтливый поклонъ
И рѣчи князя молодого
Не можетъ вымолвить ни слова.

Василько веселъ и не ждетъ
Грозы; а громъ надъ головою,
И скоро часъ бѣды придетъ.
Великій князь кривитъ душою,
Кривитъ предъ нимъ, а князь Давыдъ,
Нѣмой, какъ рыба, внизъ глядитъ.
Ждутъ слуги взгляда, и готовы
Для Ростиславича оковы.

III.

Прошло съ тѣхъ поръ четыре дня.
Въ мѣстечкѣ Здвиженьѣ тревога,
И шумъ и смердовъ бѣготня
Въ избѣ священника убогой.
Толпа Давыдовыхъ людей
Тѣснится около дверей,
И двое слугъ несутъ въ ворота
Въ ковры завернутое что-то.

То князь Василько. Но зачѣмъ
Въ такомъ печальномъ онъ нарядѣ
Лежитъ безъ чувствъ, безсиленъ, нѣмъ?—
Въ глухую ночь, вчера, въ Бѣлградѣ,
Онъ былъ злодѣйски ослѣпленъ [1]).
Недавній сбылся князя сонъ!
Полуживой, онъ дышетъ еле...
Давыдъ достигъ желанной цѣли.

Народомъ полонъ ветхій срубъ;
Скрипятъ гнилыя половицы;
На лавкѣ князь лежитъ, какъ трупъ...
Лицо порѣзано; зеницы
Изъ впадинъ вырваны глазныхъ,
И страшно кровь чернѣетъ въ нихъ;
Разбита грудь его, и тѣло
Изнемогло и посинѣло.

[1]) **Здвиженскъ** (нынѣ Здвижка, селеніе Радомысльскаго уѣзда) и **Бѣлгородъ**—города Кіевскаго княжества; первый на Здвижѣ, правомъ притокѣ Тетерева, второй по Ирпени, притокѣ Днѣпра.

Сняла съ Василька попадья
Рубаху, кровью залитую,
И говоритъ: „Какой судья
Тебѣ назначилъ казнь такую?
Али такъ много грѣшенъ ты,
Что ни очей, ни красоты
Не пощадили?.. Вепрь не станетъ
Такъ мучить, туръ такъ не изранитъ!

Давно на свѣтѣ я живу,
Годамъ и счетъ-то потеряла,
Но ни во снѣ, ни на яву,
Такой я казни не видала.
Худое времечко пришло:
Рвутъ людямъ очи, въ братьяхъ зло—
Знать нѣту въ мірѣ Божья страху!“—
И стала мыть она рубаху.

И слезы горькія свои
На полотно она роняла.
Отъ плача старой попадьи
Очнулся князь... Не могъ сначала
Припомнить онъ: что было съ нимъ?—
И лютой жаждою томимъ,
Онъ простоналъ. Тотъ стонъ услыша,
Хозяйкѣ стража шепчетъ: „тише!“

Надъ нимъ нагнулась попадья;
Ея почувствовавъ дыханье,
Василько вымолвилъ: „Гдѣ я?“
И, заглушивъ въ себѣ рыданья,
Она, качая головой,
Сказала: „Въ Здвиженьѣ, родной!“
И грудь его, съ печалью тяжкой,
Покрыла вымытой рубашкой.

Рукою грудь ощупалъ онъ
И черезъ силу приподнялся,—
Блѣднѣетъ стража: страшный стонъ
И вопль княжой въ избѣ раздался.
Рыдая онъ къ скамьѣ приникъ,
И проходили въ этотъ мигъ
Передъ духовными очами
Слѣпца видѣнія рядами.

Припомнилъ онъ, честной какъ крестъ
На съѣздѣ братья цѣловали.
Надежды свѣтлыя на съѣздъ
Они великій возлагали.
И вотъ—нарушенъ земскій миръ!
На страшный, вновь кровавый пиръ,
Для казни, прежнихъ казней злѣйшей,
Призвалъ Василька князь старѣйшій.

Припомнилъ онъ, какъ безъ причинъ
Онъ схваченъ былъ по волѣ братской;
Какъ на глазахъ его Торчинъ
Точилъ свой ножъ въ избѣ бѣлградской.
Заранѣ свѣтъ померкъ въ очахъ...
Какъ дикій барсъ лѣсной въ сѣтяхъ,
Боролся княжичъ съ сильной стражей,
Но не осилилъ злобы княжей.

Не могъ онъ выдержать борьбы...
Василька на полъ повалили
Немилосердые рабы,
И грудь доской ему сдавили:
Усѣлись конюхи на ней,—
Взмахнулъ ножемъ Торчинъ-злодѣй,—
Несчастный вскрикнулъ, и рванулся—
И теплой кровью захлебнулся...

И Божій міръ для князя сталъ
Безмолвно-глухъ, какъ склепъ огромный;
Безъ чувствъ и памяти, онъ спалъ,
Какъ трупъ, подъ ризой смерти темной;
Но былъ не дологъ этотъ сонъ!
О! для чего проснулся онъ,
Зачѣмъ вернулося сознанье
Къ нему для новаго страданья?

Весь ужасъ участи своей
Теперь лишь понялъ князь несчастный:
Сознанье это смерти злѣй—
И князь зоветъ ее напрасно,
И съ громкимъ воплемъ говоритъ:
„Кто свѣтъ очей мнѣ возвратитъ?—
О, пусть Господь воздастъ Давыду
За кровь, за муку, за обиду!..“

И участь горькую кляня,
Припалъ Василько къ изголовью.
„Зачѣмъ снимали вы съ меня
Рубашку, залитую кровью?
Передъ Всевышнимъ Судіей
Предсталъ бы я въ рубашкѣ той—
И кровь Ему бъ заговорила
Звончѣе трубъ, слышнѣе била!“

Лишь передъ утромъ князь затихъ.
Въ избушкѣ ветхой было жутко;
Едва мерцалъ дымясь ночникъ;
Въ сѣняхъ дремали слуги чутко;
Храпѣли кони у крыльца,
И попадья у ногъ слѣпца,
Очей усталыхъ не смыкая,
Сидѣла, точно мать родная.

Въ его разстроенномъ умѣ
Не разсвѣтало; сердце ныло,
Какъ въ замуравленной тюрьмѣ,
Въ груди темно и пусто было.
Его надеждъ блестящихъ рядъ,
Все, чѣмъ досель онъ былъ богатъ,
Все было отнято съ очами,
И въ грязь затоптано врагами.

И не видалъ несчастный князь,
На жесткомъ ложѣ плача глухо,
Какъ вскорѣ стража поднялась,
Какъ ставень вынула старуха,
И солнца лучъ блеснулъ въ окно.
До гроба было суждено
Ему нести страданья цѣпи
И въ мірѣ жить, какъ въ темномъ склепѣ.

IV.

Неудержимая летитъ
Повсюду вѣсть о дѣлѣ черномъ.
Для всѣхъ чудовищемъ Давыдъ
Сталъ ненавистнымъ и позорнымъ.
Въ стѣнахъ хоромъ и тѣсныхъ хатъ
Гремятъ проклятья, какъ набатъ,—
Клянутъ князья, бояре, смерды
Давыдовъ судъ немилосердый.

И одолѣть не въ силахъ гнѣвъ,
Услыша вѣсть о новомъ горѣ,
Владимиръ вспрянулъ, точно левъ,
И шлетъ гонца къ Олегу вскорѣ [1]).
„Доколѣ намъ коснѣть во злѣ?—
Онъ пишетъ.—Всей родной землѣ
Грозитъ бѣда,—судите сами:
Давыдъ повергнулъ ножъ межъ нами.

Коль не исправимъ зла того
И не упрочимъ миръ желанный,
То братъ на брата своего
Возстанетъ въ злобѣ окаянной,
Въ крови потопится земля;
Селенья наши и поля
Возьмутъ враги, разрушатъ грады,
И сгибнутъ въ распряхъ наши чады.

Раздорамъ надо быть концу,—
Давно мы ими Русь безславимъ.

[1]) «Володимиръ (Мономахъ), разсказываетъ лѣтописецъ, слышавъ, яко ятъ бысть Василько и слѣпленъ, ужасеся, и всплакавъ и рече: «сего не бывало есть въ Руськѣй земли, ни при дѣдѣхъ нашихъ, ни при отцихъ нашихъ сякого зла».

Придите, братья, къ Городцу,—
Скорѣе вмѣстѣ зло исправимъ.
Стоять за правду вы клялись.“—
И княжьи счеты улеглись
Передъ бѣдою этой новой,
Исчезъ въ нихъ духъ вражды суровой.

Владимиръ Мономахъ.

И Святославичи пришли,
Спѣша исправить злое дѣло,
Туда, гдѣ грозный стражъ земли
Уже стоялъ съ дружиной смѣлой.
Къ борьбѣ нешуточной готовъ,
Отправилъ въ Кіевъ онъ пословъ
Съ такою рѣчью къ Святополку:
Зачѣмъ затѣялъ онъ размолвку?—

Зачѣмъ нарушилъ клятву онъ—
Не изнурять земли враждою?
За что Василько ослѣпленъ,
Давыду выданъ головою?
Когда вина была на немъ,
Зачѣмъ судилъ своимъ судомъ?
Объ этомъ братьямъ далъ-бы вѣсти,
Мы разсудить сумѣли бъ вмѣстѣ.

„Не я слѣпилъ его—Давыдъ,—
Князь Святополкъ на то отвѣтилъ,—
Великій грѣхъ на немъ лежитъ:
Онъ сѣсть на столъ Давыдовъ мѣтилъ,

Хотѣлъ со мной затѣять рать,
И столъ и жизнь мою отнять
И съ Мономахомъ заедино
Взять Туровъ, Пинскъ и Погорину.

Не самъ о томъ дознался я,—
Мнѣ обо всемъ Давыдъ повѣдалъ.
За то-ль винятъ меня князья,
Что я Василькѣ воли нѐ далъ?—
Вины своей не признаю
Предъ ними. Голову свою
Сложить мнѣ не было охоты.
Пускай съ Давыдомъ сводятъ счеты".

„Увѣришь братьевъ ты наврядъ,—
Сказали посланные мужи,—
Что не тобой Василько взятъ:
Ты взялъ,—вина твоя наружѣ."—
И разошлися до утра,
Чтобъ съ новымъ днемъ, по льду Днѣпра,
Подъ стольный Кіевъ перебраться
И съ княземъ въ полѣ посчитаться.

Не захотѣвъ пропасть въ бою,
Великій князь, объятый страхомъ,
Жалѣя голову свою,
Тогда бѣжать задумалъ къ ляхамъ;
И матерь русскихъ городовъ
Онъ Кіевъ кинуть былъ готовъ,
Но не пустили кіевляне
Его, боясь большей брани.

Нѣтъ, не успѣетъ Мономахъ
Достигнуть утромъ переправы:
Чѣмъ свѣтъ весь Кіевъ на ногахъ;
Но не воздвигнутъ величавый
Стягъ Святополка у воротъ,
Дружина княжья не зоветъ
Смущенныхъ гражданъ къ оборонѣ,
И не стучатъ мечи и брони.

Великій князь, земли глава,
Боится пасть въ бою открытомъ,
И Всеволожская вдова
Идетъ съ отцомъ-митрополитомъ
Въ станъ Мономаха; весь народъ,
Сопровождая крестный ходъ,
Усердно молится иконамъ,
И по̀лонъ городъ краснымъ звономъ.

Передъ Владиміромъ склонясь,
Сказала старая княгиня:
„Будь милосердъ, родной мой князь!
Къ тебѣ пришли мы съ просьбой нынѣ.
Князь! покажи намъ милость въявь
И новой скорби не прибавь
Въ правдивомъ гнѣвѣ къ нашимъ болямъ,—
Тебя о томъ мы слезно молимъ.

Земли защитникъ ты, не врагъ,
Не поло̀вчи́нъ, не то̀рчинъ ярый!"—
Заплакалъ горько Мономахъ,
Услыша вопль княгини старой.[1])
И говоритъ онъ братьямъ рѣчь:
„Ужель намъ землю не беречь?
Её отцы трудомъ стяжали,
А мы терзать въ раздорахъ стали!

Какъ сынъ, Василько мной любимъ,
Но обреку-ль бѣдамъ и мщенью
Людей, невинныхъ передъ нимъ
И не причастныхъ преступленью?
Пусть Богъ воздастъ его врагамъ
По ихъ неправеднымъ дѣламъ;
Но мы невинныхъ не осудимъ."
И далъ онъ миръ землѣ и людямъ.

V.

Волынь въ тревогѣ: снова рать,
И духъ вражды опять повѣялъ;
Князь Володарь заставилъ сжать
Давыда то, что онъ посѣялъ.
Василько имъ освобожденъ;
За ослѣпленье и поло̀нъ,
За муки всѣ отмстить заклятымъ
Своимъ врагамъ идетъ онъ съ братомъ.

Уже не въ силахъ Мономахъ
Остановить кровопролитья,
И пробудилъ Давыда страхъ,
Какъ громъ, отъ сладкаго забытья.
Его совѣтники бѣгутъ;
Но братья требуютъ на судъ
Ихъ, виноватыхъ въ грозной брани,
И ставятъ висѣлицы въ станѣ.

И долженъ выдать ихъ Давыдъ,
И долженъ самъ понесть безчестье.
Слѣпецъ разгнѣванный грозитъ
И Святополку страшной местью.
Ставъ съ Володàремъ на Рожнѣ [2]),
Предать разгрому и войнѣ

---

[1]) *Старая княгиня*—вдова в. кн. Всеволода Ярославича, мачеха Мономаха.

[2]) **Рожня** (село) и **Рожне поле**, какъ полагаетъ проф. Барсовъ, были на пути отъ Теребовля къ Звенигороду (близъ Львова), между р. Середомъ и Голыми горами (теперь Гологоры). Здѣсь и подъ Перемышлемъ Святополкъ потерпѣлъ пораженіе отъ Василька и Володаря Ростиславичей.

Безъ сожалѣнья и пощады
Онъ хочетъ княжескіе грады.

Въ душѣ Василька ночи тѣнь,
И этотъ мракъ, какъ смерть, ужасенъ.
А Божій міръ такъ свѣтелъ, день
Весенній радостенъ и ясенъ;
Деревья въ зелень убраны;
Тепло... но вѣянье весны
Грудь Ростиславича не грѣетъ:
Въ ней скорби ледъ, въ ней злоба зрѣетъ.

Лучъ солнца ласково скользитъ
По золоченому оплечью,—
Не видитъ солнца князь; громитъ
Онъ Святополка грозной рѣчью.
„Вотъ чѣмъ мнѣ клялся стольный князь!"—
Воскликнулъ онъ, остановясь
Передъ дружиной боевою,
И поднялъ крестъ надъ головою.—

Онъ отнялъ свѣтъ моихъ очей,—
Теперь отнять и душу хочетъ.
И такъ я нищаго бѣднѣй!
Я радъ-бы плакать, но не точатъ
Мои слѣпыя очи слезъ,
И грудь больную злѣе осъ
Терзаютъ страшные недуги...
За жизнь мою постойте, други!"—

Палъ Святополковъ скоро стягъ.
Великокняжая дружина
Бѣжитъ, разбитая во прахъ.
Покрыта павшими равнина,
Гдѣ совершенъ упорный бой.
Но не ликуетъ князь слѣпой,
Побѣды славной слыша звуки,
А говоритъ, поднявши руки:

„Отъ вѣрныхъ ратниковъ моихъ
Бѣгутъ и пѣшіе и кмети
Уже не первый разъ; для нихъ,
Какъ пиръ,—утѣшны битвы эти.
А я, несчастный, слыша громъ,
Могу лишь въ воздухѣ мечомъ
Махать, грозя врагамъ безвредно.
Меня не тѣшитъ крикъ побѣдный.

На свѣтѣ горько жить слѣпцу.
Что̀ мнѣ въ моей ненужной силѣ,
Коль не могу лицомъ къ лицу
Съ врагомъ сойтиться? — Лишь въ могилѣ,
Когда придетъ моя пора,
Увижу ясный свѣтъ утра
Я послѣ долгой, страшной ночи,
И только смерть вернетъ мнѣ очи!.."

И. Суриковъ.

СТАВРЪ ГОДИНОВИЧЪ.[1]

(изъ народной былины).

(1118 г.).

У ласкова князя у Владимира
Былъ хорошъ пиръ—пированьице
На всѣхъ князей и на бояръ,
На русскіихъ могучихъ на богатырей
И на всю паленицу удалую.
Красное солнышко на вечери,
Всѣ молодцы пьяны—веселы,
Всѣ на пиру прирасхвастались,
А только сидитъ одинъ Ставёръ сынъ Годиновичъ,
Не ѣстъ, не пьетъ и не хвастаетъ.
Тутъ Владимиръ князь стольно-Кіевскій
Налилъ ему чару зелена вина,
Не малую стопу—полтора ведра,
Разводилъ медами настоялыми,
Подносилъ ко Ставру сыну Годиновичу,
А самъ говорилъ таковы слова:
„Чтоже ты, Ставеръ сынъ Годиновичъ,
„Не ѣшь, не пьешь и не кушаешь,
„Самъ ты сидишь—ни чимъ не хвастаешь?
„Или не чимъ тебѣ, молодцу, похвастати?"
Говорилъ Ставеръ сынъ Годиновичъ:
— Владимиръ, князь стольно-Кіевскій!
— Още есть у Ставра чимъ похвастати:
— Мои добрые молодцы не старятся,
— Мои добрые конюшки не держатся,
— Моя золота казна не тащится;
— Да още есть у Ставра чимъ похвастати,—
— Есть у Ставра молода жена,
— Молода Василиста Микулична:
— Всѣхъ-то князей—бояръ пріобманетъ,
— Самого тебя, Владимира, съ ума сведетъ.—
Говорилъ Владимиръ таковы слова:
„Ай же, мои слуги вѣрные!

---

[1]) Въ лѣтописи подъ 1118 г. имѣется слѣдующее извѣстіе. Владимиръ Мономахъ призвалъ всѣхъ новгородскихъ бояръ въ Кіевъ, привелъ ихъ къ присягѣ себѣ и часть отпустилъ домой, по нѣкоторыхъ, по гнѣву за ихъ проступки, въ томъ числѣ Ставра, послалъ въ заточеніе. Объ отношеніяхъ Мономаха къ Ставру и вспоминаетъ былина, только по одинаковости именъ и сходству эпохъ переноситъ дѣйствіе отъ Владимира Всеволодовича на Владимира святого.

„Берите-тко Ставра сына Годиновича
„За него за ручушки за бѣлыя,
„За него за перстни за злаченые,
„И ведите-ка на погреба холодные
„За него за рѣчи неумильныя.“
Взяли Ставра сына Годиновича
За него за ручушки за бѣлыя,
За эти за перстни за злаченые,
И свели его на погреба холодные.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЯ. [1]

(съ древне-русскаго).

ЗАПѢВЪ.

Не начать-ли намъ, ребята,
Складомъ повѣстей невзгодъ,
Про походъ на супостата,
Князя Игоря походъ?
И начать намъ безъ обмана—
Эту пѣсню про князей—
По былинамъ нашихъ дней,
Не по замысламъ Бояна?
Если былъ пѣвецъ Боянъ
Вѣщимъ духомъ обуянъ,
То носился мыслью—птицей
По дубравамъ, по лѣсамъ,
Сѣрымъ волкомъ по полямъ,
Или сизою орлицей
Поднимался къ облакамъ.
А когда о враждебливыхъ
Временахъ онъ вспоминалъ—
Десять соколовъ пускалъ
На лебедокъ говорливыхъ,
И лишь соколъ налеталъ,
Лебедь пѣсню начиналъ
То про старца Ярослава,
То про храбраго Мстислава,
Что косоговъ побѣдилъ
И Редедю великана
Въ поединкѣ умертвилъ,
То про краснаго Романа. [1]
Не на стадо лебедей
Нашъ Боянъ, нашъ соловей,
Десять соколовъ пускаетъ:
Онъ перстами пробѣгаетъ
По рокочущимъ струна́мъ,
И онѣ ужъ возглашаютъ
Славу доблестнымъ князьямъ.

Такъ начну же наше слово
Отъ Владимира святого,
И про Игоря, друзья,
Пѣсней вамъ окончу я:
Какъ, наполнясь духомъ ратнымъ,
Онъ свой разумъ изострилъ,
Словно панцыромъ булатнымъ,
Сердце мужествомъ покрылъ
И за Русь повелъ дружину
Въ Половецкую краину.

ВѢЩЕЕ ЗАТМЕНІЕ.

Князь Игорь взглянулъ на дневное свѣтило,
И видя, что вмѣсто лучей,

---

[1]) «Неизвѣстный по имени сочинитель XII в., въ стилѣ народныхъ былинъ, изобразилъ неудачный походъ князей Сѣверскихъ на половцевъ, предпринятый въ 1185 г., вскорѣ послѣ пораженія этихъ кочевниковъ Святославомъ Всеволодовичемъ Кіевскимъ (въ 1184 г.). Князей Сѣверскихъ было четверо: герой Слова—*Игорь Новгородскій* (Новгорода Сѣверскаго въ Черниговъ. губ.), братъ его *Всеволодъ Трубчевскій*, Святославичи, дѣти Святослава Ольговича († 1165 г.), потомъ племянникъ ихъ *Святославъ Ольговичъ Рыльскій* и сынъ Игоря *Владимиръ Путивльскій*. Отказавшись отъ участія въ походѣ Святослава Кіевскаго, они сами хотѣли прославиться побѣдою надъ половцами, но потерпѣли сильное пораженіе.» (Буслаевъ). По предположенію Д. И. Иловайскаго, походъ этотъ былъ предпринятъ съ цѣлью добыть отъ дикихъ половцевъ далекую Тмутаракань, которою послѣдніе завладѣли. «Самое начало похода было неудачно. Солнечное затменіе, тогда случившееся, смутило суевѣрные умы предвѣстіемъ бѣды. Впрочемъ русскіе сначала поразили половцевъ, но потомъ были разбиты ими на голову, а князья взяты въ плѣнъ, откуда спасся кн. Игорь бѣгствомъ. Оплакивая бѣдствія Игоря, пѣвецъ воспоминаетъ о славныхъ подвигахъ его предковъ, умоляетъ современныхъ ему князей вступиться за *обиду сего времени* и негодуетъ на княжескія усобицы, видя въ нихъ причину ослабленія русскихъ силъ. Онъ вѣрно передаетъ современныя историческія событія и хорошо знаетъ лѣтописи своего отечества. Слѣдуя былинамъ своего времени, онъ не забываетъ эпическихъ сказаній старины, называя ихъ *старыми словесами*, и не разъ упоминаетъ о старинномъ пѣвцѣ **Боянѣ**, приводя его поэтическія изреченія или *припѣвки*. Къ преданіямъ же старины принадлежатъ въ Словѣ намеки на языческія божества и миѳологическія вѣрованія. Слово это находилось въ рукописномъ сборникѣ XV или XVI в., принадлежащемъ гр. Мусину-Пушкину и сгорѣвшемъ въ 1812 г. Утраченную рукопись Слова замѣняетъ намъ его первое изданіе, выпущенное въ свѣтъ тѣмъ же гр. Мусинымъ-Пушкинымъ въ 1800 г. въ Москвѣ» (Буслаевъ). Драгоцѣнная поэма эта много разъ перелагалась въ стихи; лучшими переводами считаются Л. Мея, Н. Гербеля и А. Н. Майкова. Въ переложеніяхъ этихъ поэтовъ мы и представляемъ Слово, опуская изъ него тѣ части, смыслъ которыхъ еще до сихъ поръ не разъясненъ и даетъ лишь пищу для однѣхъ только догадокъ. Мѣста эти были уже отмѣчены Кеневичемъ и Скопинымъ, а также и въ книгѣ Стоюнина «О преподаваніи рус. литер.» Большинство примѣчаній къ Слову взято нами изъ «Русской христоматіи» ак. Буслаева.

[1]) Старинный пѣвецъ **Боянъ** именуется *вѣщимъ*, т. е. не только умнымъ и краснорѣчивымъ, но и предсказателемъ и чародѣемъ. Онъ растекался въ своихъ пѣсняхъ и въ ширину и въ высоту. Его пальцы уподобляются соколамъ, а струны на гусляхъ—стаду лебедей. Боянъ воспѣвалъ Ярослава († 1054 г.), брата его Мстислава Тмутараканскаго († 1036 г.), именно его единоборство съ Редедею, и Романа Святославича († 1079 г.).

Полки его мглою оно осѣнило,
Промолвилъ дружинѣ своей:

„Не лучше ль погибнуть средь битвы кровавой,
Чѣмъ даться живому въ полонъ!
И такъ на коней и за новою славой,
Туда, гдѣ синѣется Донъ!“

Въ могучее сердце запало желанье
Напиться изъ Дона-рѣки—
И доблестный Игорь забылъ предвѣщанье,
Подъ гнетомъ душевной тоски.

„Хочу я копье мое—молвилъ—далече,
Въ землѣ Половецкой сломить:
Хочу я сложить свою голову въ сѣчѣ,
Иль Дону шеломомъ испить!“

Н. Гербель.

ПОХВАЛА ПѢВЦА ИГОРЮ ВЪ ДУХѢ БОЯНА.

Охъ-ты, гой-еси, гремучій соловей Боянъ!
Кабы ты теперь, соловушка,
Намъ защелкалъ про дружины князя Игоря,
(Ты порхнулъ бы въ вѣтви мысленнаго дерева),
Ты взвился бъ умомъ подъ облако,
Свилъ бы свиткомъ славу нашихъ дней,
Да со славой стародавнею
И порхнулъ-бы—полетѣлъ стезей
По полямъ и по угоріямъ.
Вотъ тебѣ бы пѣсню складывать про Игоря,
Про того-ли внука про Олегова...
Да не буря соколовъ несетъ
Черезъ поле—степь широкую—
Стаи галочьи метутся на великій Донъ:
Не тебѣ, Бояну вѣщему,
(Внуку мудрому Велесову),—
Намъ пришлося пѣсню складывать. [1])

ПРИБЫТІЕ ВСЕВОЛОДА.

Кони ржутъ за Сулою; [2])
Звенитъ слава въ Кіевѣ;
Трубы трубятъ въ Новѣгородѣ;
А въ Путивлѣ знамена стоятъ.
Поджидаетъ Игорь—князь
Мила—брата Всеволода:
Молвитъ буй-туръ Всеволодъ:
„Нѣтъ мнѣ свѣту свѣтлаго,
Кромѣ брата милаго,
Игоря родимаго:
Оба мы Святославичи.
Сѣдлай, братъ, лихихъ коней,
А мои осѣдланы,
У Курска сготовлены.
А мои куряне-то
Конники бывалые:
Подъ трубами повиты,
Подъ шеломами взлелѣяны,
Концомъ копьевъ вскормлены;
Дороги имъ вѣдомы,
Овраги имъ знаемы,
Луки ихъ натянуты,
Колчаны отворены,
А сабли отпущены:
Скачутъ они по полю,
Словно волки сѣрые,
Себѣ чести—почести
Князю—славы ищучи!“

ПОХОДЪ И НОВЫЯ ПРЕДЗНАМЕНОВАНІЯ.

Втапоры вступаетъ Игорь—князь золотъ стремень,
Выѣзжаетъ въ поле чистое...
Заступило солнце путь ему потемками;
Застонала ночь, грозою разбудила птицъ;
Воютъ звѣри на распутіи...
Тутъ то половцы, путями неготовыми,
Побѣжали на великій Донъ;
Заскрипѣли ихъ телѣги со полуночи,
Словно лебеди крикливые снялися съ мѣстъ.
Игорь воиновъ на Донъ ведетъ:
Налетаютъ птицы стаями, почуя кровь,
По оврагамъ волки воемъ ворожатъ грозу,
И орлы звѣрей сзываютъ клёктомъ на кости,
И лисицы на красны щиты разлаялись...
Охъ-ты, гой-еси земля Русская,
За холмами ты схоронилася!
Поздно. Меркнетъ ночь. Свѣтъ-зорька закатилася,
Потемнѣло поле чистое;
Задремала пѣсня соловьиная;
Пробудила говоръ галочій.
А какъ русскіе по полю по великому
Изгороду изъ щитовъ багряныхъ вывели,
Себѣ чести, князю славы добываючи.

Л. Мей.

[1]) Пѣвецъ намѣревается воспѣть Игоря, внука Олегова, въ стилѣ Бояна. Бояна называетъ онъ внукомъ (вообще потомкомъ) *Велеса* или *Волоса*, скотья бога, т. е. божества изобилія и богатства, которое и измѣрялось въ старину скотомъ и звѣриными шкурами. Согласно понятіямъ родового быта, въ Словѣ удержано внучатное отношеніе и людей и стихій къ божествамъ, которыя въ этомъ смыслѣ оказываются дѣдами. (Б).

[2]) **Сула**—правый притокъ Нѣмана, въ зап. части Минскаго уѣзда.

ПОБѢДА.

И въ пятокъ-то было; съ позаранья,
Потоптали храбрые поганыхъ!
По полю разсыпавшись, что стрѣлы,
Красныхъ дѣвъ помчали половецкихъ,
Аксамиту, па̀волокъ и злата,
А мѣшковъ и всякихъ узорочій,
Кожуховъ и юртъ такую силу,
Что мосты въ грязяхъ мостили ими.
Все дружинѣ храброй отдалъ Игорь,
Красный стягъ одинъ себѣ оставилъ,
Красный стягъ, серебряное древко,
Съ алой чолкой, съ бѣлою хоругвью.

Дремлетъ храброе гнѣздо Олега.
Далеко, родное, залетѣло! [1])

А ужъ Гзакъ несется сѣрымъ волкомъ
И Кончакъ за Гзакомъ имъ на встрѣчу...[2])

И въ другой день, полосой кровавой,
Повѣщаютъ день кровавый зори...
Идутъ тучи черныя отъ моря,
Тьмой затмить хотятъ четыре солнца... [3])
Синія въ нихъ молніи трепещутъ...
Грому быть, великому быть грому!
Лить дождю калеными стрѣлами!
Поломаться копьямъ о кольчуги,
Потупиться саблямъ о шеломы,
О шеломы половчанъ поганыхъ!

А ужъ въ степь зашла ты, Русь, далеко;
Переналъ давно переступила!

Чу! Стрибожьи чада понеслися, [4])
Вѣютъ вѣтры, ужъ наносятъ стрѣлы,
На полки ихъ Игоревы сыплютъ...
Помутились, пожелтѣли рѣки,
Загудѣло поле, пыль поднялась,
И сквозь пыли ужъ знамена плещутъ...
Ото всѣхъ сторонъ враги подходятъ,
И отъ Дона, и отъ синя моря,
Обступаютъ нашихъ отовсюду!
Отовсюду бѣсовы исчадья
Понеслися съ гиканьемъ и крикомъ:
Молча Русь, отпоръ кругомъ готовя,
Подняла щиты свои багряны.

---

[3]) *Храброе гнѣздо Олега*, т. е. князья Сѣверскіе, Олеговичи, внуки и правнуки Олега Святославича.

[4]) **Гзакъ** и **Кончакъ**—половецкіе ханы. *Гзакъ*, иначе *Гза* (въ лѣтописяхъ *Кза*).

[1]) «*Четыре солнца*» то же *гнѣздо Олегово*, именно: Игорь, его братъ Всеволодъ, сынъ Владиміръ и племянникъ Святославъ.

[2]) *Стрибожьи чада*—вѣтры, которыхъ пѣвецъ представляетъ дѣтьми языческаго божества Стрибога.

Ярый туръ ты, Всеволодъ, стоишь ты
Впереди съ курянами своими!
Прыщешь стрѣлами на вражьихъ воевъ,
О шеломы ихъ гремишь мечами!
Гдѣ ты, буй-туръ, ни поскачешь въ битвѣ,
Золотымъ посвѣчивая шлемомъ,—
Тамъ валятся головы поганыхъ,
Тамъ трещатъ аварскіе шеломы
Вкругъ тебя отъ сабель молодецкихъ!
Не считаетъ ранъ ужъ онъ на тѣлѣ!
Да ему о ранахъ ли тутъ помнить,
Коль забылъ онъ и Черниговъ славный,
Отчій столъ, честны пиры княжіе
И своей красавицы княгини,
Той ли свѣтлой Глѣбовны, утѣхи,
Милый ликъ и ласковый обычай!

ВОСПОМИНАНІЕ ОБЪ УСОБИЦАХЪ.

Ярослава годы миновали;
Были брани храбраго Олега...
Тотъ Олегъ мечо́мъ ковалъ крамолу,
Сѣялъ стрѣлы по землѣ по Русской...
И тогда жъ, въ тѣ злые дни Олега,
Сѣялось крамолой и ростилось
На Руси отъ внуковъ Гориславны; [1])
Погибала жизнь дажьбожьихъ внуковъ, [2])
Сокращались вѣки человѣкамъ...
Въ дни тѣ рѣдко ратаи за плугомъ
На Руси покрикивали въ полѣ;
Только враны каркали на трупахъ,
Галки рѣчь вели между собою,
Далеко почуя мертвечину.

Такъ въ тѣ брани, такъ въ тѣ рати было,
Но такой, какъ Игорева битва,
На Руси не видано отъ вѣка!

А. Майковъ.

ПОРАЖЕНІЕ.

Вплоть до вечера съ разсвѣта,
И отъ вечера до свѣта
Копья крѣпкія трещатъ,
Свищутъ стрѣлы каленыя,

---

[1]) По поводу пораженія сѣверской дружины половцами, авторъ воспоминаетъ здѣсь кстати о томъ, какъ нѣкогда дѣдъ ихъ навелъ этихъ же враговъ на Русскую землю, и какъ произошла между враждующими князьями «злая сѣча» близъ Чернигова, «у села на Нежатиной нивѣ.» Такъ какъ своими крамолами Олегъ и себѣ, и всей Русской землѣ принесъ много *горя*, то и называется потому *Гориславичемъ*.

[2]) *Дажьбожьи внуки*, т. е. *Дажь-бога*, бога солнца, какъ знач. въ лѣтописи: «сольнце царь, сынъ *Сварогов*ъ, еже есть Дажь-богъ.» Потому онъ же иначе называется *Сварожичемъ*.

Сабли острыя гремятъ
О шеломы боевые,
Средь невѣдомыхъ полей
Половецкихъ дикарей.
Подъ копытомъ—подъ конями
Поле вздулось бороздами;
А была поляна та
Позасѣяна костями,
Кровью алой полита:
И взошелъ посѣвъ тоскою
По-надъ Русскою землею.
Что за топотъ, что за звонъ
Рано утромъ, предъ зарею?
Это Игорь!—это онъ
Вновь полки сзываетъ къ бою:
Сердцу вѣрному его
Жалко брата своего.
Бились день—не отступали,
Храбро билися другой,
Въ третій, въ полдень, подъ грозой
Стяги княжескіе пали.
Тутъ надъ берегомъ, гдѣ бились,
Оба брата разлучились;
Гдѣ гульлива и буйна
Мчится быстрая Каяла, [1])
Тутъ кроваваго вина
Не хватило, не достало; [2])
Тутъ, у вражеской рѣки,
Наши братья—земляки
Пиръ кровавый довершили,
Жданныхъ сватовъ напоили
И за честь своей земли
Сами трупами легли.

Вянетъ на полѣ былина
Подъ кручиною—тоской,
И къ землѣ тоска -кручина
Клонитъ яворъ молодой.

Н. Гербель.

ПЛАЧЪ ПѢВЦА.

Невеселый часъ насталъ, о братья!
Ужъ пустыня скрыла поле боя,
Гдѣ легла дажьбожья внука сила—
Но надъ ней стоитъ ея Обида...
Обернулась дѣвою Обида,
Распустила крылья лебедины
И, крылами плещучи у Дона,
Въ синемъ морѣ плеща, громкимъ гласомъ
О годахъ счастливыхъ поминала:

„Отъ усобицъ княжихъ—гибель Руси!
„Братья спорятъ: то мое и это!
„Золъ раздоръ изъ малыхъ словъ заводятъ,
„На себя куютъ крамолу сами,
„А на Русь съ побѣдами приходятъ
„Отовсюду вороги лихіе!

„Залетѣлъ далече ясный соколъ,
„Загоняя птицъ ко синю морю,—
„А полка ужъ Игорева нѣту!
„На всю Русь поднялся вой поминокъ,
„Поскочила скорбь отъ веси къ веси,
„И, мужей зовя на тризну, мечетъ
„Имъ смолой пылающіе роги...
„Жены плачутъ, слезно причитаютъ:
„Ужъ ни мыслью милыхъ намъ не смыслить!
„Ужъ ни думой ладъ своихъ не сдумать!
„Ни очами намъ на нихъ не глянуть,
„Златомъ, сребромъ намъ уже не звякнуть!

„Стонетъ Кіевъ, тужитъ градъ Черниговъ,
„Широко печаль течетъ по Руси;
„А князья куютъ себѣ крамолу,
„А враги съ побѣдой въ селахъ рыщутъ,
„Собираютъ дань по бѣлкѣ съ дыму... [1])
„А все храбрый Всеволодъ да Игорь!
„То они зло лихо разбудили:
„Усыпилъ было его могучій
„Святославъ, князь Кіевскій великій...
„Былъ грозой для ханов половецкихъ!
„Наступилъ на землю ихъ полками,
„Притопталъ ихъ холмы и овраги,
„Возмутилъ ихъ рѣки и озера,
„Изсушилъ потоки и болота!
„А того поганаго Кобяка,
„Изъ полковъ желѣзныхъ половецкихъ,
„Словно вихрь, исторгъ изъ лукоморья—
„И упалъ Кобякъ во стольный Кіевъ,
„Въ золотую гридню къ Святославу... [2])

---

[1]) **Каяла**—нынѣ **Кагальникъ** въ Области Войска Донского.

[2]) «*Тутъ кроваваго вина не хватило, не достало*»—народная поэзія очень часто представляетъ битву въ видѣ пира.

[1]) «*По бѣлкѣ съ дыму*»—сборъ дани производился шкурами бѣлокъ, куницъ, соболей и прочихъ звѣрей, а не деньгами, которыхъ въ обращеніи было мало. Торговый обмѣнъ шелъ также на мѣха, а не на деньги.

[2]) По поводу пораженія князей Сѣверскихъ половцами авторъ припоминаетъ побѣду, одержанную надъ этими же дикарями за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ (1184 г.) Святославомъ Всеволодовичемъ, вмѣстѣ съ другими удѣльными князьями. Русскіе взяли тогда до 7000 половцевъ, много половецкихъ князей, въ томъ числѣ «Кобяка руками яша,» и возвратились домой, по свидѣтельству лѣтописца, «со славою и честію великою.»

„Нѣмцы, греки и венеціяне,
„И морава хвалятъ Святослава, [1]
„И корятъ всѣ Игоря, смѣются,
„Что на днѣ Каялы половецкой
„Погрузилъ онъ русскую рать-силу,
„Рѣку русскимъ золотомъ засыпалъ,
„Да на ней же самъ съ сѣдла златого
„На сѣдло кощея пересаженъ. [2]

СОНЪ СВЯТОСЛАВА.

Въ городахъ затворены ворота.
Пріумолкло на Руси веселье.
Смутенъ сонъ приснился Святославу.
„Снилось мнѣ, онъ сказывалъ боярамъ,—
„Что меня, на кипарисномъ ложѣ,
„На горахъ, здѣсь въ Кіевѣ, охъ, чернымъ
„Одѣвали съ вечера покровомъ;
„Съ синимъ мнѣ виномъ мѣшали зелье;
„Изъ поганыхъ половецкихъ туловъ
„Крупный жемчугъ сыпали на лоно;
„На меня, на мертвеца, не смотрятъ,—
„Въ терему жъ золотоверхомъ словно
„Изъ конька повыскочили доски...“ [3]

Отвѣчали княжіе бояре:
„Умъ твой, княже, полонило горе!
„Съ златъ стола два сокола слетѣли,
„Захотѣвъ испить шеломомъ Дону,
„Поискать себѣ Тмутаракани.
„И подсѣкли половцы имъ крылья,
„А самихъ опутали въ желѣза!
„Въ третій день внезапу тьма настала!
„Оба солнца красныя померкли,
„Два столба багряные погасли,
„Съ ними оба тьмой поволоклися
„И въ небесныхъ безднахъ погрузились,
„На веселье ханамъ половецкимъ,
„Молодые мѣсяцы, два свѣта—
„Володимиръ съ храбрымъ Святославомъ!
„На Каялѣ Тьма нашъ Свѣтъ покрыла,
„И простерлись половцы по Руси,
„Словно люты пардусовы гнѣзда!..
„До веселья-ль, княже, тутъ дружинѣ!“

[1]) Въ XII в. въ Кіевѣ проживали не только греки и славяне (*Морава*), но и нѣмцы и венеціанцы, которые принимали живое участіе въ дѣлахъ русскихъ князей.

[2]) Пересѣлъ изъ княжескаго сѣдла въ сѣдло плѣнника, или раба, т. е. былъ взятъ въ плѣнъ.

[3]) Это—сонъ вѣщій и притомъ не къ добру (*мутенъ сонъ*). Святославъ Всеволодовичъ, вел. кн. Кіевскій, разсказываетъ боярамъ, что онъ въ эту ночь видѣлъ во снѣ, и бояре объясняютъ его сновидѣніе тѣмъ, что, по причинѣ пораженія его племянниковъ, князей Сѣверскихъ, скорбь обуяла его умъ.

Изронилъ тогда, въ отвѣтъ боярамъ,
Святославъ изъ устъ златое слово,
Горючьми слезами облитое:

„Дѣтки, дѣтки, Всеволодъ мой, Игорь!
„Сыновцы мои вы дорогіе!
„Не въ пору искать пошли вы славы
„И громить мечами вражью землю!
„Ни побѣдой, ни пролитой кровью
„Для себя не добыли вы чести!
„Да сердца то ваши удалыя
„На огнѣ искованы на лютомъ,
„Во отвагѣ буйной закалены!
„Что теперь вы, дѣти, сотворили
„Съ сѣдиной серебряной моею?...
„Старику бъ помолодѣть не диво!
„Вьетъ гнѣздо соколъ и птицъ взбиваетъ,
„Своего гнѣзда не дастъ въ обиду,
„Да бѣда—въ князьяхъ мнѣ нѣтъ помоги!
„Времена тяжелыя настали.“

А. Майковъ.

ВОЗЗВАНІЕ КЪ КНЯЗЬЯМЪ.

Великій князь Всеволодъ храбрый!
Зачѣмъ ты не здѣсь? Отчего
Не мчишься грозой на защиту
Престола отца своего?

Ты можешь могучую Волгу
Разбрызгать веслами ладéй
И вычерпать Донъ многоводный
Шеломами рати своей. [1]

Когда бъ ты былъ здѣсь—по ногатѣ
Скупать бы мы плѣнныхъ могли,
Платили бъ по мелкой резани
За дѣвъ Половецкой земли.

Ты можешь стрѣлять и на сушѣ
Огнемъ самопаловъ живыхъ:
Потомками Глѣба, семьею
Его сыновей удалыхъ.

Ты, Рюрикъ отважный и буйный!
И ты, князь Давидъ молодой! [2]
Не ваши ль златые шеломы
Забрызганы кровью чужой?

[1]) Здѣсь разумѣется **Всеволодъ Большое Гнѣздо**, кн. Суздальскій († 1212 г.). Въ словахъ «*Волгу разбрызгать веслами*» заключается намекъ на побѣду Всеволода надъ волжскими болгарами въ 1182—1184 г.

[2]) **Рюрикъ** и **Давидъ** дѣти Ростислава, сына Мстислава Владимировича Великаго.

Не ваши ль дружины рыкаютъ
Среди незнакомыхъ полей,
Подобно израненнымъ турамъ
Концами каленыхъ мечей?

Скорѣй въ стремена золотыя
Вступайте—и вихремъ за Донъ—
За Русскую землю, за раны,
За Игоревъ тяжкій полонъ!

А ты, Ярославъ именитый,
Князь Галицкій, славный умомъ!
Высоко сидишь ты на тронѣ,
На тронѣ своемъ золотомъ.

Карпатскія горы могучей
Дружиной своей оградилъ;
Метая каменья за тучи,
Ты путь королю заступилъ;

Замкнулъ, затворилъ воротàми
Дуная широкую пасть,
И, правя суды до Дуная,
Далеко простеръ свою власть. [1])

Молва о дѣлахъ твоихъ славныхъ
Гремитъ по далекимъ землямъ
И къ Кіеву путь пролагаетъ,
Къ его золотымъ воротàмъ.

Высоко сидя на отцовскомъ
Золòченомъ пышно столѣ,
Стрѣляешь могучихъ султановъ
За моремъ, въ далекой землѣ.

Направь свои стрѣлы въ Кончака!
Пусть мщенье извѣдаетъ онъ—
За Русскую землю, за раны,
За Игоревъ тяжкій полонъ.

Н. Гербель.

ВОСПОМИНАНІЕ О МИНУВШЕМЪ.

Не снопы то стелютъ на Нѣмигѣ,
Человѣчьи головы кидаютъ!
Не цѣпами молотятъ, мечами!
Жизнь на токъ кладутъ и вѣютъ душу,
Вѣютъ душу храбрую отъ тѣла!
Охъ, не житомъ сѣяны, костями
Берега кровавые Нѣмиги,
Все своими русскими костями!..
Днемъ Всеславъ суды судилъ народу,
И ряды рядилъ между князьями,
Въ ночь же волкомъ побѣжитъ, бывало,
Къ пѣтухамъ въ Тмутаракань поспѣетъ,
Хорсу путь его перебѣгая...
Да! ему заутреню, бывало,
Зазвонятъ у полоцкой Софіи,
Онъ же звонъ у кіевской ужъ слушалъ.
А хотя и съ вѣщею душою
Былъ, великій, въ богатырскомъ тѣлѣ,
Все жъ бѣды терпѣлъ таки не мало!
Про него и спѣлъ Боянъ припѣвку:
„Будь хитеръ—гораздъ, вертись хоть птицей,
„Все суда ты Божьяго не минешь!..“ [2])

Охъ, стонать землѣ великой Русской,
Про князей воспоминая давнихъ,
Вспоминая прежнее ихъ время!
Да нельзя жъ вѣдь было пригвоздити
Ко горамъ ко кіевскимъ высокимъ
Старика Владимира на вѣки!
По рукамъ пошли его знамена
И ужъ розно машутъ бунчуками,
Розно копья пѣть пошли по рѣкамъ!

А. Майковъ.

---

[1]) **Ярославъ Осмомыслъ** († 1187 г.), сынъ Владимирка Володаревича, тесть Игоря Святославича, господствовалъ отъ Карпатскихъ (Угорскихъ) горъ до устья Середа и Прута; потому онъ и могъ *затворять Дунаю ворота*, т. е. загрождать въ него входъ, препятствовать плаванію по немъ.

[2]) Битва на *Нѣмигѣ* или *Нѣмизѣ* (протокъ въ Минской губ., впадающій въ Свислочь) была слѣдствіемъ занятія Новгорода Всеславомъ Брячиславичемъ Полоцкимъ († 1101 г:). Въ 1067 г. онъ взялъ Новгородъ, ограбилъ его, снялъ даже колокола и паникадила въ Софійскомъ соборѣ, а черезъ годъ сидѣлъ уже на Кіевскомъ престолѣ. Ярославичи, Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ, соединились вмѣстѣ и на Нѣмигѣ поразили Всеслава, такъ что онъ былъ принужденъ бѣжать. Въ Словѣ битва эта уподобляется молотьбѣ и вѣянію. Кн. Всеславъ представляется въ Словѣ въ видѣ оборотня, какъ Вольга и другіе богатыри въ нашихъ былинахъ: у Всеслава была душа *вѣщая* и переходила въ чужое тѣло, т. е. въ лютаго звѣря, или волка. Это бывало по ночамъ, когда Всеславъ перебѣгалъ путь солнцу (*Хорсу* или *Дажь-богу*), т. е. до восхода солнечнаго. Такъ онъ дорыскалъ и до Тмутаракани до пѣтуховъ, предвѣстниковъ разсвѣта. Къ такимъ баснословнымъ преданіямъ о Всеславѣ дала поводъ сама лѣтопись, которая говоритъ, что онъ родился отъ волхвованія.

ПЛАЧЪ ЯРОСЛАВНЫ [1]).

(два перевода).

I.

То не кукушка въ рощѣ темной
Кукуетъ рано по зарѣ;
Въ Путивлѣ плачетъ Ярославна
Одна на городской стѣнѣ:

„Я покину боръ сосновый,
Вдоль Дуная полечу,
И въ Каяль-рѣкѣ бобровый
Я рукавъ мой обмочу;
Я домчусь къ родному стану,
Гдѣ кипѣлъ кровавый бой;
Князю я обмою рану
На груди его младой.“

Въ Путивлѣ плачетъ Ярославна
Зарей на городской стѣнѣ:

„Вѣтеръ, вѣтеръ, о могучій,
Буйный вѣтеръ! что шумишь?
Что ты въ небѣ черны тучи
И вздымаешь, и клубишь?
Что ты легкими крылами
Возмутилъ потокъ рѣки,
Вѣя ханскими стрѣлами
На родимые полки?“

Въ Путивлѣ плачетъ Ярославна
Зарей на городской стѣнѣ:

„Въ облакахъ ли тѣсно вѣять
Съ горъ крутыхъ чужой земли?
Если хочешь ты лелѣять
Въ синемъ морѣ корабли:
Чтоже страхомъ ты усѣялъ
Нашу долю? Для чего
По ковыль-травѣ развѣялъ
Радость сердца моего?“

Въ Путивлѣ плачетъ Ярославна
Зарей на городской стѣнѣ:

„Днѣпръ мой славный! ты волнами
Скалы половцевъ пробилъ;
Святославъ съ богатырями
По тебѣ свой бѣгъ стремилъ:
Не волнуй же, Днѣпръ широкій,
Быстрый токъ студеныхъ водъ;
Ими князь мой черноокій
Въ Русь святую поплыветъ.“

Въ Путивлѣ плачетъ Ярославна
Зарей на городской стѣнѣ:

II.

Звучный голосъ раздается
Ярославны молодой;
Стономъ горлицы несется
Онъ предъ утренней зарей:

„Я быстрѣй лѣсной голубки
По Дунаю полечу,
И рукавъ бобровой шубки
Я въ Каялѣ обмочу;
Князю милому предстану
И на тѣлѣ на больномъ
Окровавленную рану
Оботру тѣмъ рукавомъ.“

Такъ въ Путивлѣ, изнывая
На стѣнѣ на городской,
Ярославна молодая
Горько плачетъ предъ зарей:

„Вѣтеръ, что ты завываешь
И на крыльяхъ на своихъ
Стрѣлы ханскія вздымаешь,
Мечешь въ воиновъ родныхъ?
Иль тебѣ ужъ на просторѣ
Тѣсно вѣять въ облакахъ,
Корабли на синемъ морѣ
Мчать, лелѣять на волнахъ?
Для чего жъ однимъ размахомъ
Радость лучшую мою
Ты развѣялъ легкимъ прахомъ
По степному ковылю?“

Такъ въ Путивлѣ, изнывая
На стѣнѣ на городской,
Ярославна молодая
Горько плачетъ предъ зарей:

„Днѣпръ мой славный! ты волнами
Горы крѣпкія пробилъ,
Половецкими землями
Путь свой дальній проложилъ;

---

[1]) **Ярославна**, по имени **Евфросинія**, дочь Ярослава Осмомысла, съ 1184 г. вторая супруга Игоря. Она горюетъ, а горюющихъ женщинъ народная поэзія уподобляетъ кукушкѣ. Ярославна обращается къ вѣтру, Днѣпру и солнцу, представляя ихъ предметами одушевленными или существами миѳологическими. Ярославна обращается къ Днѣпру, и бѣдствія Игорева похода наводятъ ее на мысль о славной побѣдѣ, незадолго передъ тѣмъ одержанной надъ половцами Святославомъ Всеволодовичемъ Кіевскимъ вмѣстѣ съ другими князьями. При обращеніи къ солнцу, Ярославна представляетъ себѣ тѣ бѣдствія, которыя терпѣла дружина Игоря отъ безводья и страшной жары.

„О рѣка! отдай мнѣ друга;
На волнахъ его лелѣй,
Чтобы грустная подруга
Обняла его скорѣй;
Чтобъ я болѣ не видала
Вѣщихъ ужасовъ во снѣ;
Чтобъ я слезъ къ нему не слала
Синимъ моремъ на зарѣ.“

Въ Путивлѣ плачетъ Ярославна
Зарей на городской стѣнѣ:

„Солнце, солнце, ты сіяешь
Всѣмъ прекрасно и свѣтло!
Въ знойномъ полѣ что сжигаешь
Войско друга моего?
Жажда луки съ тетивами
Изсушила въ ихъ рукахъ,
И печаль колчанъ съ стрѣлами
Заложила на плечахъ.“

И тихо въ теремъ Ярославна
Уходитъ съ городской стѣны.

И. Козловъ.

На себѣ, сквозь всѣ преграды,
Ты лелѣяла, рѣка,
Святославовы насады
До улусовъ Кобяка.
О когда бъ ты вновь примчала
Друга къ этимъ берегамъ,
Чтобы я къ нему не слала
Слезъ на мо̀ре по утрамъ!“

Такъ въ Путивлѣ, изнывая
На стѣнѣ на городской,
Ярославна молодая
Горько плачетъ предъ зарей:

„Солнце ясное трикраты!
Всѣмъ ты красно и тепло!
Для чего лучомъ утраты
Войско милаго сожгло?
Для чего въ безводномъ полѣ
Жаждой луки имъ свело
И что гнетъ тоски—недоли
На колчаны налегло?“

Н. Гербель.

БѢГСТВО ИГОРЯ.

Прыщетъ море со полуночи,
Идутъ тучи мглою черною;
Князю Игорю Богъ кажетъ путь
Изъ земли изъ Половецкой въ землю Русскую,
Къ золоту престолу отчему [1]).
Погасаютъ зори красныя вечернія;
Игорь спитъ—не спитъ, а мыслію
Измѣряетъ поле отъ Дону великаго
И до малаго Донца рѣки.
Конь осѣдланъ со полуночи;
За рѣкою засвисталъ Овлуръ [2]),
Разумѣть велитъ: не мѣшкать князю Игорю!
Загудѣла—заходила—ходенемъ земля;
Зашумѣла зелена трава;
Снялись съ мѣста ставки половецкія...
А князь Игорь горностаемъ проюркнулъ въ тростникъ,
Канулъ въ воду бѣлымъ гоголемъ,
И взмахнулся на добра коня;
Соскочивъ съ него, какъ сѣрый волкъ,
Проскокавши по лугамъ Донца,
Полетѣлъ въ туманѣ соколомъ,
Лебедей съ гусями избиваючи
На обѣдъ, на полдникъ и на вечерю.
Коли Игорь соколомъ летѣлъ,
Такъ Овлуръ за нимъ, какъ волкъ, бѣжалъ,
Студеную росу отряхаючи...
А лихихъ коней ужъ загнали...
Говоритъ Донецъ:—„Охъ, Игорь князь!
„Много, князь, тебѣ величія,
„А Кончаку недолюбія,
„А землѣ Русской веселія!“
Игорь молвилъ:—„Охъ, Донецъ-рѣка,
„И тебѣ не мало вѣдь величія:
„Ты волнами князя убаюкивалъ,
„Сталъ ему траву зеленую
„По серебряному берегу,
„И подъ тѣнью дерева зеленаго
„Одѣвалъ его мглами теплыми:
„На водѣ стерегъ его—гоголемъ,
„На струяхъ стерегъ—чайками,
„На вѣтру стерегъ—чернедьми,
„А Стугна рѣка не таковская
„И бѣжитъ струей не доброю,
„Не свои ручьи пожираючи,
„По кустамъ струга растираючи.
„Ростислава, князя юнаго,

[1]) «*Кажетъ путь*», т. е. показываетъ дорогу. *Казать путь, дорогу* въ древности значило выгонять, высылать.

[2]) **Овлуръ** (или **Влуръ**), по лѣтописи **Лаверъ** или **Лавръ**,—половчанинъ, по матери русскій, помогшій Игорю убѣжать съ неволи на родину.

„Не пустилъ на темный берегъ Днѣпръ:
„Горько плачетъ Ростислава мать по юношѣ;
„Прилегли цвѣты отъ жалости
„И съ тоски къ землѣ пригнулось дерево.“

Не сороки встрекотали тамъ,—
Гзакъ съ Кончакомъ выслѣжаютъ князя Игоря.
Тогда вороны не каркали,

Говоритъ тогда Кончаку Гзакъ:
—„Коли соколъ ко гнѣзду летитъ,
„Такъ стрѣлами золочеными
„Разстрѣляемъ мы соколика.“
А Кончакъ ему въ отвѣтъ на то:
—„Коли соколъ ко гнѣзду летитъ,
„Такъ соколика опутаемъ

Вооруженіе русскихъ съ IX по XIV столѣтіе.

Галки смолкли; лишь, по сучьямъ гибкимъ ползая,
Дятлы тектомъ кажутъ путь къ рѣкѣ;
Соловьи веселой пѣсней величаютъ свѣтъ.

„Мы красавицею—дѣвицей.“
А Кончаку снова молвитъ Гзакъ:
„Коли дѣвицей—красавицей
„Мы соколика опутаемъ,

„Не видать намъ ни соколика,
„Ни красавицы той дѣвицы,
„А начнутъ насъ въ половецкомъ полѣ птицы
бить“ [1]).

Л. Мей.

ВОЗВРАЩЕНІЕ ИГОРЯ И ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛАВОСЛОВІЕ.

Вѣдь сказалъ же Боянъ,
Какъ и вѣщій Коганъ,
Пѣснотворецъ временъ Ярослава,
Говорилъ въ старину,
Прославляя войну
И походъ старика Святослава:

„Тяжело на землѣ
Жить безъ плечъ головѣ,
Тяжело богатырскому тѣлу
Безъ головушки жить!“
Такъ безъ Игоря быть
Землѣ Русской, родному удѣлу.

Солнце—свѣтъ въ небеси,
Игорь—князь на Руси.
На Дунаѣ запѣли дѣвицы—
И летятъ голоса
Чрезъ моря и лѣса
Къ высямъ Кіева, пышной столицы.

Игорь ѣдетъ домой—
Къ Пирогощѣ святой
По Боричеву путь направляетъ [2]).
По дорогѣ народъ
Веселится, поетъ,
Своихъ старыхъ князей величаетъ,

А потомъ молодыхъ.
Такъ прославимъ же ихъ!
Слава Игорю, ихъ властелину!
Храбрецу, удальцу
Всеволоду—бойцу
И Владиміру, Игоря сыну!

Много здравствовать вамъ,
И князьямъ и войскамъ,
Поборавшимъ всегда и до нынѣ
За мірянъ-христіанъ
На полки басурманъ!
Слава храбрымъ князьямъ и дружинѣ!

Н. Гербель.

НОВГОРОДСКАЯ ОБЩИНА

И

КОЛОНИЗАЦІЯ СѢВЕРО-ВОСТОЧНАГО КРАЯ.

НОВГОРОДЪ.

На челнѣ, ночной порою
Я плылъ по родимой рѣкѣ,
Лежали недвижимо весла
Въ моей утомленной рукѣ.

Налѣво—въ туманѣ, чернѣла,
Горой поднимаясь, земля,
И рѣзко на ней выдѣлялись
Зубчатыя стѣны Кремля.

За ними, вѣнчаясь крестами,
Невольно приковывалъ взоръ,
Краса Новограда, Софіи
Премудрости Божьей соборъ.

Направо—вдоль берега, близко,
Тянулись заборы, дома,
Надъ ними едва возвышалась
Завѣтная башня одна.

Когда-то звучалъ тамъ свободный
Народный языкъ вѣчевой,
Когда созывалъ новгородцевъ
На вѣче, на судъ, иль на бой.

---

[1]) Владиміръ Игоревичъ дѣйствительно, женился въ плѣну, черезъ два года, на дочери Кончака.

[2]) **Боричевъ взвозъ**—урочище въ Кіевѣ, соединяющее исконную часть города **Гору** съ **Подольемъ**. Въ древности у этого спуска къ Днѣпру былъ перевозъ; нынѣ же, неподалеку отъ него, стоитъ Михайловскій монастырь. **Пирогощей** именовалась церковь во имя Пресв. Богородицы, чудотворная икона которой, написанная по преданію евангелистомъ Лукой, была вывезена изъ Цареграда купцомъ *Пирогощею*. Нынѣ на этомъ мѣстѣ стоитъ храмъ Трехъ Святителей.

Широкой, могучей волною
Катилася мѣрно рѣка,
И мнилось, какъ будто качаетъ
Меня дорогая рука.

Луна то скрывалась за тучи,
То ярко блестѣла въ водѣ,
И было торжественно чудно,
И было безмолвно вездѣ.

Челнокъ самъ собой подвигался,
А я, полный думъ и тоски,
Сидѣлъ неподвижно, внимая
Обычному шуму рѣки.

И въ этихъ рокочущихъ звукахъ
Свободно бѣгущей волны

Смотри, вонъ тамъ—былъ шумный торгъ,
Туда свозилъ народъ
Свои достатки и труды
Хозяйственныхъ работъ.

А тамъ, смотри, вонъ тамъ звучалъ
Тотъ колокольный звонъ,
Когда на вѣче созывалъ
Новогородцевъ онъ.

Тамъ волновался и шумѣлъ
Свободный городъ мой,
Когда сбирался толковать
Народъ между собой.

На вѣчѣ онъ творилъ свой судъ
И изгонялъ князей,

Софійскій соборъ въ Новгородѣ.

Мнѣ сказывалъ дѣдушка-Волховъ
Завѣтныя думы свои:

„Была пора, я гордо несъ
Новогородскія ладьи,
Когда онѣ нагружены
Пускались въ дальнія страны.

Лихіе витязи—купцы
Вселяли миръ, внушали страхъ,
Держа вѣсы, держа и мечъ
Въ привычныхъ къ дѣйствію рукахъ.

Смотри, вонъ тутъ—заморскихъ странъ
Стояли корабли,
Мѣняя привозной товаръ
На звонкіе рубли.

На вѣчѣ избиралъ владыкъ
И отличалъ друзей;

И власть посадника его
Была сильна̀, грозна̀,
Зане народною душой
Являлася она.

Въ своихъ ладьяхъ и на моряхъ
Умѣлъ онъ побѣждать,
Предъ нимъ не разъ склонялись—шведъ
И крестоносцевъ рать.

Онъ торговалъ, но честенъ былъ
И былъ за то любимъ,
И даже дальняя Ганза
Была въ союзѣ съ нимъ.

Былъ славенъ онъ и на Руси,
Могучъ, силенъ, богатъ,
Вотъ былъ каковъ, въ былые дни,
Мой вольный Новоградъ!“

Н. А. Вроцкій (А. Навроцкій).

ЧУДО ЗНАМЕНСКОЙ ИКОНЫ. [1]

(изъ новгородской лѣтописи).

(25 февраля 1170 г.).

Не тучей покрылся вдали небосклонъ,
Не молнія блещетъ лучами—
Стремясь нанести Новограду уронъ,
Дружины со всѣхъ подступаютъ сторонъ,
Сверкая на солнцѣ мечами.

Огню безъ пощады селенья предавъ,
Враги укрѣпилися станомъ;
Желая достигнуть утраченныхъ правъ
И мстить за обиду—пришелъ Святославъ
Изъ Суздаля, съ княземъ Романомъ.

Заранѣй побѣдою вѣрной кичась,
При блескѣ пожаровъ слободскихъ,
По жребію дѣлитъ съ дружиною князь,
Надъ городомъ древнимъ съ насмѣшкой глумясь,
И женъ, и дѣтей новгородскихъ.

Борьба началася, и тысячи стрѣлъ
Взвилися надъ городомъ тучей;
Валялися груды неприбранныхъ тѣлъ,
Три дня миновало... Ужъ городъ слабѣлъ—
Всѣ ждали бѣды неминучей...

Четвертой же ночью, отъ всѣхъ удалясь,
Владыка молился во храмѣ. [2]
И вотъ, онъ услышалъ божественный гласъ:
—„Возстань, ибо завтра, въ указанный часъ,
Побѣда васъ ждетъ надъ врагами.

„Заутра иди во Спасителя храмъ,
Съ усердьемъ моляся немалымъ,
Царицы Небесной стоящую тамъ
Икону святую воздвигни ты самъ
И самъ вознеси надъ забраломъ!“

Поспѣшно владыкой былъ созванъ соборъ;
Стекался народъ богомольный.
Слезой былъ увлаженъ святителя взоръ,
Когда раздался, оглашая просторъ,
Торжественный звонъ колокольный.

При пѣньи молебна, толпой окруженъ,
Вступилъ съ духовенствомъ владыка
Въ смиренную церковь и, павъ на амвонъ,
Молился онъ долго, душой умиленъ
При видѣ Владычицы лика.

По знаку его, выступая впередъ,
Діаконъ, подъ звуки канона,
Пытался воздвигнуть священный кіотъ,
Но тщетно молился и плакалъ народъ—
Не тронулась съ мѣста икона,

Тогда самъ святитель, приблизившись къ ней,
Приподнялъ кіотъ драгоцѣнный...
И зимнее солнце сіяло яснѣй,
Когда со священною ношей своей
Владыка, поднявшись на стѣны,

Надъ самымъ забраломъ икону вознесъ
Подъ тучею стрѣлъ заострённыхъ!
При шумѣ сраженья и дикихъ угрозъ,
Скатилися капли прозрачныя слезъ
Изъ кроткихъ очей огорченныхъ

Пречистой, упавъ на владыки фелонь!...
Враги, внѣ себя отъ испуга,
Какъ будто настигъ ихъ небесный огонь,
Бѣжали... Смѣшались и всадникъ, и конь...
Свои избивали другъ друга.

Тогда новгородцы, на дерзкихъ враговъ
Ударивъ,—разбили дружину.
Струилась потоками алая кровь,
И много легло тамъ отважныхъ бойцовъ,
Усѣявъ тѣлами долину...

Заутра же снова въ Софійскій соборъ
Стекался народъ богомольный,
И славилъ Царицу Небесную хоръ,
И снова гудѣлъ, оглашая просторъ,
Торжественный звонъ колокольный!

О. Чюмина.

---

[1]) Праздникъ въ честь иконы Знаменія Божіей Матери бываетъ 27 ноября. Чудесное избавленіе Новгорода отъ нашествія Суздальской рати въ 1170 г. подробно изложено въ кн. протоіер. Тихомирова «Истор. описаніе Новгород. Знаменскаго собора.» Новгородъ 1889 г., стр. 57—76.

[2]) Св. Іоаннъ—первый архіепископъ Новгородскій съ 1165 г. по 1186 г. Мощи его почиваютъ въ Софійскомъ соборѣ.

НОВГОРОДСКАЯ ВОЕННАЯ ПѢСНЯ.

Свободно, высоко взлетаетъ орелъ,
Свободно волнуется море;
Замедли орлиный полетъ,
Сдержи своенравное море!

Не такъ ли, о други, къ отчизнѣ любовь,
Краса благороднаго сердца,
На битву за славу и честь
Смѣла, и сильна, и побѣдна?

Смотрите, какъ пышенъ рождается день,
Какъ наши играютъ знамена;
Не даромъ красуется день,
Не даромъ играютъ знамена.

Виднѣе сражаться подъ яркой зарей;
Отважнѣй душа и десница,
Когда передъ добрымъ полкомъ
Хоругви завѣтныя блещутъ.

Гремите же, трубы! На битву, друзья,
Потомки бойцовъ Ярослава!
Не выдадимъ чести народной,
Свободы наслѣднаго права.

Что вольныхъ сосѣдей завистныхъ вражда
И темныя рати Андрея?
Къ отчизнѣ святая любовь
Смѣла, и сильна, и побѣдна.

Свободно, высоко взлетаетъ орелъ,
Свободно волнуется море;
Замедли орлиный полетъ,
Сдержи своенравное море!

Н. Языковъ.

УШКУЙНИКЪ. [1])

Одолѣла сила—удаль меня, молодца,
Не чужая, своя удаль богатырская!
А и въ сердцѣ тая удаль-то не вмѣстится,
А и сердце-то отъ удали разорвется!

Пойду къ батюшкѣ на удаль горько плакаться!
Пойду къ матушкѣ на силу въ ноги кланяться:
Отпустите свое дѣтище дрочёное,
Новгородскимъ-то порядкомъ неученое!

Отпустите поиграти игры дѣтскія:
Тѣ ль обозы бить низовые купецкіе,
Багрить нà-морѣ кораблики урманскіе,
Да на Волгѣ жечь остроги басурманскіе!...

Гр. А. Толстой.

ДВИЖЕНІЕ НОВГОРОДЦЕВЪ НА СѢВЕРЪ.

То не говоръ ли потока?
То не вѣтеръ ли шумитъ?
Нѣтъ, какъ будто издалека
Пѣсня звонкая гремитъ,
Пѣсня звонкая, лихая,
Вся та—удаль, сила, гнѣвъ...
И далеко, не смолкая,
Чьи-то груди надрывая,
Вольный носится напѣвъ.
Ближе... Лодки надъ волнами
Остроносыя скользятъ,
Весла искрятся на солнцѣ,
Флаги бѣлые блестятъ...
Ближе—громче!.. Кто отважный
Въ глушь пустынную проникъ?
Чей надъ этими лѣсами
Далеко несется крикъ?
Дѣти ль чуди бѣлоглазой,
Иль варяговъ злая рать
Мчится дикія кочевья
Грабить, бить и истреблять?
Нѣтъ, то Руси вольной слово,
Нѣтъ, то пѣснь ея сыновъ.
Точно вьется надъ пустыней
Стая дикая орловъ.
Это Новгорода дѣти,
Дѣти славы вѣчевой:
Ищутъ доли да простора,
Ищутъ битвы роковой...
Въ пѣснѣ ихъ—орлиный клекотъ,
Вольный кличъ лихихъ бойцовъ,
Точно слышится отзвучье
Вѣчевыхъ колоколовъ.
Оживляются пустыни,
Встрепенулся темный боръ—
Гдѣ бродилъ одинъ сохатый,
Тамъ съ утра звенитъ топоръ.

---

[1]) **Ушкуйниками** (отъ ушкуя—лодка) или **повольниками** назывались въ Новгородѣ удалые молодцы, составлявшіе дружину, члены которой были связаны другъ съ другомъ клятвою стоять заодно, не измѣнять дружинѣ ни въ какихъ опасностяхъ, не выдавать товарищей. Дружины эти составлялись преимущественно изъ самой буйной и неугомонной молодежи, которая не выносила скучной, обыденной жизни и просилась на волю, погулять по бѣлу свѣту. Предводителями и собирателями повольничьихъ дружинъ чаще всего бывали сыновья богатыхъ бояръ и новгородскихъ купцовъ. Удалые молодцы отправлялись въ чужія страны, въ древности на Варяжское море, позднѣе на Волгу, и тамъ пробовали свою удаль и силу (проф. Бѣляевъ. Исторія Новгорода).

Глушь, безлюдье, бездорожье...
Царство дремы, край земли
Этимъ сѣятелямъ жизни
Тучной почвою легли.
И бредетъ ушкуйникъ смѣлый
По трущобамъ вѣковымъ.
Какъ грибы, растутъ поселки,
Вѣче слышится за нимъ...
Ой! сбирайтеся, дружины!
Воля кличетъ—бой зоветъ...
И съ конца въ конецъ по краю
Громкій колоколъ гудетъ,
И звучитъ не умолкая
Надъ пустынею глухой,
Выше, выше залетая,
Пѣсня Руси молодой...

* * *

ВАСИЛІЙ БУСЛАЕВИЧЪ.

(народныя былины).

«.... лѣта 6. 679 (1171) преставися в Новѣгороде посадникъ Васка Буслаевичъ» [1])
изъ *Никоновской* лѣтописи.

1.

МОЛОДОСТЬ ВАСИЛІЯ БУСЛАЕВИЧА [2]).

Во славномъ великомъ Новѣградѣ
А и жилъ Буслай до девяноста лѣтъ;
Съ Новымъ-городомъ жилъ не перечился,
Со мужики Новогородскими
Поперекъ словечка не говаривалъ.
Живучи Буслай состарѣлся,
Состарѣлся и переставился,
Послѣ его вѣку долгаго
Оставалося его житье-бытье
И все имѣніе дворянское;
Осталася матера вдова,
Матера Амелѳа Тимоѳеевна,
И оставалося чадо милое
Молодой сынъ Василій Буслаевичъ.
Будетъ Васинька семи годовъ,
Отдавала матушка родимая,
Матера вдова Амелѳа Тимоѳеевна,
Учить его во грамотѣ,—
А грамота ему въ наукъ пошла;
Присадила перомъ его писать,—
Письмо Василью въ наукъ пошло;
Отдавала пѣтью учить церковному,—
Пѣтье Василью въ наукъ пошло,
А и нѣтъ у насъ такова пѣвца,
Во славномъ Новѣ-городѣ,
Сопротивъ Василья Буслаева!
Поводился вѣдь Васька Буслаевичъ
Со пьяницы, съ безумницы,
Съ веселыми удалыми добрыми молодцы,
Допьяна ужъ сталъ напиватися,—
А и ходя въ городѣ уродствуетъ:
Котораго возьметъ онъ за руку,
Изъ плеча тому руку выдернетъ;
Котораго задѣнетъ за ногу,
То... ногу выломитъ;
Котораго хватитъ поперекъ хребта,
Тотъ кричитъ-реветъ, окорачь ползетъ.
Пошла-то жалоба великая.
А и мужики Новогородскіе,
Посадскіе, богатые,
Приносили жалобу они великую
Матерой вдовѣ Амелѳѣ Тимоѳеевнѣ
На того на Василья Буслаева;
А и мать-то стала его журить-бранить,
Журить-бранить его на умъ учить:
Журьба Васькѣ не взлюбилася.

Пошелъ онъ, Васька, во высокъ теремъ,
Садился Васька на ременчатой стулъ,
Писалъ ярлыки скорописчаты,
Отъ мудрости слово поставлено:
„Кто хощетъ пить и ѣсть изъ готоваго,
„Валися къ Васькѣ на широкой дворъ,
„Тотъ пей и ѣшь готовое,
„И носи платье разноцвѣтное!“

---

[1]) Какъ въ былинѣ, такъ и въ лѣтописи **Василій Буслаевичъ** называется не полнымъ, а уменьшительнымъ именемъ—**Васкою, Ваською.** Такое употребленіе имени отнюдь не показываетъ презрѣнія, а напротивъ свидѣтельствуетъ о любви народа къ своему герою. Васька, болѣе чѣмъ Василій, подходитъ къ удальцу, проказнику, народному любимцу, а что Василій Буслаевъ былъ таковымъ, несомнѣнно доказывается и лѣтописью иначе его смерть и не была бы отмѣчена въ ней наряду съ важнѣйшими событіями (см. подробнѣе прилож. къ V в. пѣсенъ Кирѣевскаго, стр. LXIV—VI).

[2]) Василій Буслаевичъ не отдѣльная личность, а типъ предводителя повольниковъ. Онъ стоитъ во главѣ безшабашной *вольницы* или *вольныхъ людей*, которые, не принадлежа ни къ какой общинѣ, не неся никакихъ общинныхъ обязанностей, а слѣдовательно, и не имѣя тѣхъ правъ, какими община снабжаетъ своего члена, вели бродячую и буйную жизнь, гуляли и пьянствовали, заводили ссоры и кулачные бои. Картину такого боя и передаетъ намъ былина. Вмѣстѣ съ этимъ, по ней мы знакомимся и съ нѣкоторыми бытовыми чертами древняго Новгорода. Такъ видимъ, что въ Новгородѣ дѣтей учили чтенію, письму и церковному пѣнію, что новгородская женщина пользовалась свободой и вмѣшивалась въ городскіе интересы. Былина знакомитъ насъ еще съ одной весьма драгоцѣнной чертой стариннаго русскаго быта—покорностью дѣтей своимъ родителямъ, даже такихъ, какъ буйный Васильюшка.

Разсылалъ тѣ ярлыки со слугой своимъ
На тѣ улицы широкія
И на тѣ частые переулочки.
Въ то же время
Поставилъ Васька чанъ середи двора,
Налилъ чанъ полонъ зелена вина,
Опущалъ онъ чару въ полтора ведра.

Во славномъ было во Новѣ-градѣ
Грамотны люди шли,
Прочитали тѣ ярлыки скорописчаты,
Пошли къ Васькѣ на широкой дворъ
Ко тому чану, зелену вину.
Вначалѣ былъ Костя Новоторженинъ;
Пришелъ онъ, Костя, на широкой дворъ:
Василій тутъ его опробовалъ,
Сталъ его бити червленымъ вязомъ,—
Въ половинѣ было налито
Тяжела свинцу Чебурацкаго,
Вѣсомъ тотъ вязъ былъ во двѣнадцать пудъ;—
А бьетъ онъ Костю по буйной головѣ:
Стоитъ тутъ Костя—не шевельнется
И на буйной головѣ кудри не тряхнутся;
Говорилъ Василій сынъ Буслаевичъ:
„Гой еси ты, Костя Новоторженинъ!
„А и будь ты мнѣ названой братъ,
„И паче мнѣ брата родимаго!"
А и мало время позамѣшкавши,
Пришли два брата боярченка,
Лука и Моисей, дѣти боярскіе,
Пришли ко Васькѣ на широкой дворъ:
Молодой Василій сынъ Буслаевичъ
Тѣмъ молодцамъ сталъ радошенъ и веселешенекъ.
Пришли тутъ мужики Залѣшена:
И не смѣлъ Василій показатися къ нимъ.
Еще тутъ пришло семь братьевъ Збродовичи.
Собиралися—сходилися
Тридцать молодцовъ безъ единаго,
Онъ самъ Василій тридцатой сталъ:
Какой зайдетъ,—убьютъ его,
Убьютъ его и за ворота бросятъ.

Послышалъ Васинька Буслаевичъ
У мужиковъ Новгородскіихъ
Канунъ варенъ, пива ячныя:
Пошелъ Василій со дружиною.
Пришелъ во братчину во Никольщину:
„Не мало мы тебѣ сыпь платимъ,
„За всякаго брата по пяти рублевъ!"
А за себя Василій даетъ пятьдесятъ рублевъ [1]).
А и тотъ-то староста церковной
Принималъ ихъ во братчину въ Никольщину,
А и зачали они тутъ канунъ варенъ пить,
А и тѣ-то пива ячныя.
Молодой Василій сынъ Буслаевичъ
Бросился на царевъ кабакъ
Со своею дружиною хораброю:
Напилися они туто зелена вина
И пришли во братчину въ Никольщину.
А и будетъ день ко вечеру:
Отъ малаго до стараго,
Начали ужъ ребята боротися,
А въ иномъ кругу въ кулаки битися;
Отъ тое борьбы отъ ребячія,
Отъ того бою отъ кулачнаго,
Началася драка великая;
Молодой Василій сталъ драку разнимать:
А иной дуракъ зашелъ съ носка,
Его по уху оплелъ,—
А и тутъ Василій закричалъ громкимъ голосомъ:
„Гой еси ты, Костя Новоторженинъ!
„И Лука, Моисей, дѣти боярскіе!
„Уже Ваську меня бьютъ!"
Поскакали удалы-добры молодцы,
Скоро они улицу очистили,
Прибили уже много до смерти,
Вдвое, втрое перековеркали,
Руки—ноги переломали;
Кричатъ—ревутъ мужики посадскіе;
Говоритъ тутъ Василій Буслаевичъ:
„Гой еси вы, мужики Новгородскіе!
„Бьюсь съ вами о великъ закладъ:
„Напущаюсь я на весь Новгородъ
„Битися—дратися
„Со всею дружиною хораброю;
„Тако вы меня съ дружиною побьете Новымъ-городомъ,—
„Буду вамъ платить дани—выходы по смерть свою,
„На всякой годъ по три тысячи;
„А буде же я васъ побью,
„И вы мнѣ покоритеся,—
„То вамъ платить мнѣ такову же дань."
И въ томъ-то договорѣ руки они подписали.
Началась у нихъ драка-бой великая.

---

[1]) Въ Новгородѣ по церковнымъ приходамъ устраивались союзы, называемые *братчинами*. Члены братчины вносили свои вклады, сперва житомъ, впослѣдствіи деньгами. Вклады эти назывались *сыпью*; они шли на вареніе въ честь пятницы или воскресенья *кануна* (ячменнаго напитка).

А мужики Новгородскіе,
И всѣ купцы богатые,
Всѣ они вмѣстѣ сходилися,
На млада Васютку напущалися,
И дерутся они день до вечера;
Молодой Василій сынъ Буслаевичъ,
Со своею дружиною хораброю,
Прибили они во Новѣ-градѣ,
Прибили уже много до смерти.
А и мужики Новгородскіе догадалися,
Пошли они съ дорогими подарки
Къ матерой вдовѣ Амелѳѣ Тимоѳеевнѣ:
„Матера вдова Амелѳа Тимоѳеевна!
„Прими у насъ дороги подарочки,
„Уйми свое чадо милое,
„Василья Буслаевича!"
Матера вдова Амелѳа Тимоѳеевна
Принимала у нихъ дороги подарочки,
Посылала дѣвушку-чернавушку
По того Василья Буслаева.

Прибѣжала дѣвушка-чернавушка,
Схватала Ваську во бѣлы руки,
Потащила къ матушкѣ родимыя,
Притащила Ваську на широкой дворъ:
А и та старуха неразмышлена
Посадила въ погреба глубокіе
Молода Василья Буслаева,
Затворяла дверьми желѣзными,
Запирала замки булатными.

А его дружина хорабрая
Со тѣми мужики Новгородскими
Дерутся-бьются день до вечера:
А и та-то дѣвушка-чернавушка
На Волхъ рѣку ходила по воду,
А взмолятся ей тутъ добры молодцы:
„Гой еси ты, дѣвушка-чернавушка!
„Не подай (не оставь) насъ у дѣла у ратнаго,
„У того часу смертнаго!"
И тутъ дѣвушка-чернавушка
Бросала она ведро кленовое,
Брала коромысло кипарисово,
Коромысломъ тѣмъ стала она помахивати,
По тѣмъ мужикамъ Новгородскіимъ:
Прибила ужъ много до смерти.
И тутъ дѣвка запыхалася,
Побѣжала ко Василью Буслаеву,
Срывала замки булатные,
Отворяла двери желѣзныя:
— А и спишь ли, Василій, или такъ лежишь?
— Твою дружину хорабрую
— Мужики Новгородскіе
— Всѣхъ перебили-переранили,
— Булавами буйны головы пробиваны!—
Ото сна Василій пробуждается,
Онъ выскочилъ на широкой дворъ,—
Не попала палица желѣзная,
Что попала ему ось телѣжная;
Побѣжалъ Василій по Нову-городу,
По тѣмъ по широкимъ улицамъ;
Стоитъ тутъ старецъ Пилигримище:
— А стой ты, Васька, не попорхивай,
— Молодой глуздырь, не полетывай:
— Изъ Волхова воды не выпити,
— Во Новѣ-градѣ людей не выбити,
— Есть молодцовъ сопротивъ тебя,
— Стоимъ мы, молодцы, не хвастаемъ!—
Говорилъ Василій таково слово:
„А и гой еси, старецъ Пилигримище!
„А и бился я о великъ закладъ
„Со мужики Новогородскими,
„Опричь почестнаго монастыря,
„Опричь тебя, старца Пилигримища:
„Во задоръ войду —тебя убью!"
Ударилъ онъ старца во колоколъ
А и той-то осью телѣжною,—
Качается старецъ не шевелнится;
Заглянулъ онъ Василій старца подъ колоколомъ,
А и во лбѣ глазъ—ужъ вѣку нѣту [1]).

Пошелъ Василій по Волхъ рѣкѣ,
А идетъ Василій по Волхъ рѣкѣ,
По той Волховой по улицѣ;
Завидѣли добрые молодцы,
А его дружина хорабрая,
Молода Василья Буслаева,—
У ясныхъ соколовъ крылья отросли,
У нихъ-то молодцовъ думушки прибыло,.
Молодой Василій Буслаевичъ
Пришелъ-то молодцамъ на выручку,—
Со тѣми мужики Новогородскими
Онъ дерется, бьется день до вечера;
А ужъ мужики покорилися,
Покорилися и помирилися—
Понесли они записи крѣпкія
Къ матерой вдовѣ Амелѳѣ Тимоѳеевнѣ;

---

[1]) Судя по этому изображенію Старчища, можно думать, что въ немъ олицетворенъ совѣтъ стариннаго новгородскаго *Вѣча* съ его колоколомъ. Покойный Срезневскій видитъ въ Старчищѣ образъ *калики странника*, а подъ *колоколомъ* Старчища разумѣетъ древнее чешское Klakol—плащъ въ родѣ капы (капишона), носимый пилигримами. Въ одномъ варіантѣ былины о колоколѣ совсѣмъ не упоминается, а говорится, что Старчище «колпакъ на голову полагаетъ въ 20 пудовъ».

Насыпали чашу чистаго серебра,
А другую чашу краснаго золота,
Пришли ко двору дворянскому,
Бьютъ челомъ, покланяются:
— Осударыня матушка,
— Принимай ты дороги подарочки,
— А уйми свое чадо милое,
— Молода Василья со дружиною;
— А и ради мы платить
— На всякой годъ по три тысячи,
— На всякой годъ будемъ тебѣ носить:
— Съ хлѣбниковъ по хлѣбику,
— Съ калачниковъ по калачику,
— Съ молодицъ повѣнечное,
— Со всѣхъ людей со ремесленныхъ,
— Опричь поповъ и дьяконовъ.

Втапоры матера вдова
Амелѳа Тимоѳеевна
Посылала дѣвушку-чернавушку
Привести Василья со дружиною;
Пошла та дѣвушка-чернавушка,
Бѣжавши та дѣвка запыхалася,
Нельзя пройти дѣвкѣ по улицѣ,
Что полтеи по улицѣ валяются
Тѣхъ мужиковъ Новогородскiихъ.
Прибѣжала дѣвушка-чернавушка,
Сохватила Василья за бѣлы руки,
А стала ему разсказывати:
— Мужики пришли Новогородскіе,
— Принесли они дороги подарочки,
— И принесли записки заручныя
— Ко твоей сударынѣ матушкѣ;
— Къ матерой вдовѣ Амелѳѣ Тимоѳеевнѣ. —
Повела дѣвка Василья со дружиною
На тотъ на широкой дворъ,
Привела-то ихъ къ зелену вину;
А сѣли они молодцы во единый кругъ,
Выпили вѣдь по чарочкѣ зелена вина,
Съ того уразу молодецкаго
Отъ мужиковъ Новгородскихъ;
Вскричатъ тутъ ребята зычнымъ голосомъ:
— У мота и у пьяницы,
— У млада Васютки Буслаева
— Неупито, неуѣдено,
— Вкраснѣ хорошо нухожено (не ухожено),
— А цвѣтнаго платья не упошено—
— А увѣчье на вѣкъ залѣзено.—
И повелъ ихъ Василій обѣдати
Къ матерой вдовѣ Амелѳѣ Тимоѳеевнѣ.
Втапоры мужики Новогородскіе
Приносили Василью подарочки,—
Вдругъ сто тысячей,—
И за тѣмъ у нихъ мирова пошла;
А и мужики Новогородскіе
Покорилися и сами поклонилися.

2.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВАСИЛІЯ БУСЛАЕВИЧА. [1])

Подъ славнымъ, великимъ Новымъ-городомъ,
По славному озеру по Ильменю,
Плаваетъ, поплаваетъ сѣръ селезень,
Какъ бы ярой гоголь поныриваетъ;
А плаваетъ, поплаваетъ червленъ корабль
Какъ бы молода Василья Буслаевича,
А и молода Василья, со его дружиною хораброю,
Тридцать удалыхъ молодцовъ:
Костя Никитинъ корму держитъ,
Маленькой Потаня на носу стоитъ,
А Василій то по кораблю похаживаетъ,
Таковы слова выговариваетъ:
„Свѣтъ моя дружина хоробрая,
„Тридцать удалыхъ добрыхъ молодцовъ!
„Ставьте корабль поперекъ Ильменя,
„Приставайте, молодцы, ко Нову-городу.“
А и тычками къ берегу притыкалися,
Сходни бросили на крутой бережокъ,
Походилъ тутъ Василій ко своему онъ двору дворянскому,
И за нимъ идетъ дружинушка хорабрая,
Только караулы оставили.
Приходитъ Василій Буслаевичъ
Ко своему двору дворянскому,
Ко своей сударынѣ матушкѣ,
Матерой вдовѣ Амелѳѣ Тимоѳеевнѣ,
Какъ вьюнъ около ее увивается,
Проситъ благословеніе великое:
„А свѣтъ ты, моя сударыня матушка,
„Матера вдова Амелѳа Тимоѳеевна!
„Дай мнѣ благословеніе великое
„Итти мнѣ Василью въ Ерусалимъ градъ,
„Со всею дружиною хораброю,
„Мнѣ-ко Господу помолитися,
„Святой святыни приложитися,
„Во Ерданѣ рѣкѣ искупатися.“
Что взговоритъ матера вдова,

---

[1]) Былина эта рисуетъ намъ отважные походы смѣлыхъ повольниковъ въ далекія, часто въ невѣдомыя для нихъ страны. Разбойники, повстрѣчавшіеся Василію Буслаевичу на пути въ Іерусалимъ, по предположенію проф. Аристова, были тѣ же новгородцы: они узнаютъ героя по соколиной полеткѣ и по молодецкой поступи, а слѣдовательно были знакомы съ нимъ уже раньше. Герой этотъ—ихъ землякъ: ему они рады, а потому и угощаютъ его.

Матера Амелѳа Тимоѳеевна:
— Гой еси ты, мое чадо милое,
— Молодой Василій Буслаевичъ!
— То коли ты пойдешь на добрыя дѣла,
— Тебѣ дамъ благословеніе великое;
— То коли ты, дитя, на разбой пойдешь,
— И не дамъ благословенія великаго,
— А и не носи Василья сыра земля.—
Камень отъ огня разгорается,
А булатъ отъ жару растопляется,
Материно сердце распущается;
И даетъ она много свинцу, пороху,
И даетъ Василью запасы хлѣбные,
И даетъ оружіе долгомѣрное:
— Побереги ты, Василій, буйну голову свою.
Скоро молодцы собираются,
И съ матерой вдовой прощаются.
Походили они на червленъ корабль,
Подымали тонки парусы полотняные,
Побѣжали по озеру Ильменю;
Бѣгутъ они ужъ сутки другія,
А бѣгутъ уже недѣлю другую,—
Ввстрѣчу имъ гости корабельщики:
— Здравствуй, Василій Буслаевичъ!
— Куда, молодецъ, поизволилъ погулять?
Отвѣчаетъ Василій Буслаевичъ:
„Гой еси вы, гости—корабельщики!
„А мое-то вѣдь гулянье неохотное:
„Смолоду бито много граблено,
„Подъ старость надо душа спасти.
„А скажите вы, молодцы, мнѣ прямого путя
„Ко святому граду Іерусалиму.“
Отвѣчаютъ ему гости—корабельщики:
— А и гой еси, Василій Буслаевичъ!
— Прямымъ путемъ въ Іерусалимъ градъ
— Бѣжать семь недѣль,
— А окольной дорогой полтора года.—

«На прямомъ пути, по словамъ корабельщиковъ, стоитъ застава крѣпкая, стоятъ атаманы казачіе... грабятъ бусы-галеры.»—А не вѣрую я, Васинька, ни въ сонъ ни въ чохъ, а и вѣрую въ свой червленый вязъ.—Сказалъ Василій и велѣлъ бѣжать прямымъ путемъ. На горѣ Сорочинской нашелъ пустую голову и пнулъ ее съ дороги прочь. «Провѣщится пуста голова человѣческая:.. гдѣ лежитъ пустая голова.. лежать будетъ головѣ Васильевой.—Плюнулъ Василій, прочь пошелъ.»—Побѣжали по морю Каспійскому на заставу корабельную. На пристани стояли «казаки-разбойники.» Скочилъ Василій на берегъ, червленымъ вязомъ подпирается; разбойники перепугались и побѣжали съ пристани; атаманы просили его «за единый столъ хлѣба кушати,» но Василій распросилъ только о прямомъ пути въ Іерусалимъ, взялъ подарки и провожатаго и отправился дальше. [1])

Будутъ они во Ердань рѣкѣ, —
Бросали якори крѣпкіе,
Сходни бросали на крутъ бережокъ;
Походилъ тутъ Василій Буслаевичъ,
Со своею дружиною хораброю,
Въ Іерусалимъ градъ;
Пришелъ во церкву соборную;
Служилъ обѣдни за здравіе матушки
И за себя Василья Буслаевича,
И обѣдню съ панихидою служилъ
По родимомъ своемъ батюшкѣ
И по всему роду своему;
На другой день служилъ обѣдни съ молебнами
Про удалыхъ добрыхъ молодцовъ,—
Что смолоду бито много граблено,
И ко святой святынѣ приложился онъ,
И въ Ерданѣ рѣкѣ искупался.
И расплатился Василій съ попами и съ дьяконами;
И которые старцы при церкви живутъ,
Даетъ золотой казны не считаючи.
И походитъ Василій ко дружинѣ
Изъ Ерусалима на свой червленъ корабль:
Втапоры его дружина хорабрая
Купалися во Ерданѣ рѣкѣ,
Приходила къ нимъ баба залѣсная,
Говорила таково слово:
— Почто вы купаетесь во Ерданѣ рѣкѣ?
— А не кому купатися, опричь Василья Буславьевича.—
— Во Ерданѣ рѣкѣ крестился самъ Господь Іисусъ Христосъ;
— Потерять его вамъ будетъ большаго
— Атамана Василья Буслаевича.—
И они говорятъ таково слово:
„Нашъ Василій тому не вѣруетъ ни въ сонъ ни въ чохъ.“
И мало время поизойдучи,
Пришелъ Василій ко дружинѣ своей,
Приказалъ выводить корабль
Изъ усть Ердань рѣки;
Подняли тонки паруса полотняны;
Побѣжали по морю Каспійскому.
. . . .
А и ѣдутъ недѣлю спорядку,
А и ѣдутъ уже другую;
И завидѣлъ Василій гору высокую Сорочинскую,
Захотѣлось Василью на горѣ побывать,—
Приставали къ той Сорочинской горѣ,
Сходни бросали на ту гору.
Пошелъ Василій со дружиною
И будетъ онъ въ полъ-горы,

[1]) Изъ сборника г. Воскресенскаго «Рус. народ. поэзія» ст. 153.

И на пути лежитъ пуста голова, человѣчья кость,
Пнулъ Василій тое голову съ дороги прочь;
Провѣщится пуста голова:
— Гой еси ты, Василій Буслаевичъ!
— Къ чему меня голову попинываешь,
— И къ чему побрасываешь?
— Я молодецъ не хуже тебя былъ,
— Да умѣю валятися на той горѣ Сорочинскія;
— Гдѣ лежитъ пуста голова,
— Лежать будетъ и Васильевой головѣ.—
Плюнулъ Василій, прочь пошелъ.
Взошелъ на гору высокую,
На ту гору Сорочинскую,
Гдѣ стоитъ высокой камень,
Въ вышину три сажени печатныя,
И черезъ его только топоромъ подать,
Въ долину три аршина съ четвертью;
И въ томъ-то подпись подписана:
А кто-де у каменя станетъ тѣшиться,
А и тѣшиться, забавлятися,
Вдоль скакать по каменю,
Сломить будетъ буйну голову.
Василій тому не вѣруетъ;
Сталъ съ дружиною тѣшиться и забавлятися,
Поперекъ каменю поскакивати;
Захотѣлось Василью вдоль скакать,
Разбѣжался, скочилъ вдоль по каменю,
И не доскочилъ только четверти,
И тутъ убился подъ каменемъ.
Гдѣ лежитъ пуста голова,
Тамъ Василья схоронили.
Побѣжала дружина съ той Сорочинской горы
На свой червленъ корабль,
Подымали тонки парусы полотняные,
Побѣжали ко Нову-городу.
И будутъ у Нова-города,
Бросали съ носу якорь и съ кормы другой,
Чтобы крѣпко стоялъ и не шатался онъ.
Пошли къ матерой вдовѣ къ Амелѳѣ Тимоѳеевнѣ,
Пришли и поклонилися,
Всѣ письмо въ руки подали,
Прочитала письмо матера вдова, сама заплакала,
Говорила таковы слова:
— Гой вы еси, удалы добры молодцы!
— У меня нынѣ вамъ дѣлать нечего;
— Подите въ подвалы глубокіе,
— Берите золотой казны не считаючи.—
Повела ихъ дѣвушка-чернавушка
Къ тѣмъ подваламъ глубокіимъ,
Брали они казны по малу числу;
Пришли они къ матерой вдовѣ,
Взговорили таковы слова:
„Спасибо, матушка Амелѳа Тимоѳеевна!
„Что поила, кормила, обувала и одѣвала добрыхъ молодцовъ.“
Втапоры матера вдова Амелѳа Тимоѳеевна
Приказала наливать по чарѣ зелена вина,
Подноситъ дѣвушка-чернавушка
Тѣмъ удалымъ добрымъ молодцамъ;
А и выпили они, сами поклонилися,
И пошли добры молодцы
Кому куда захотѣлося.

САДКО-БОГАТЫЙ ГОСТЬ [1].

(народная былина).

«Въ лѣто 1167... заложи церковь каменну святыхъ страстотерпцевъ Бориса и Глѣба Сатко въ каменномъ городѣ Дѣтинцѣ, идѣже прежде была Софія при архіепископѣ Іоакимѣ (изъ *Новгородской* третьей лѣтописи).

Во славномъ во Новѣ-градѣ
Какъ былъ Садко̀ купецъ, богатый гость,
А прежде у Садка имущества не было:
Одни были гусельки яровчаты;
По пирамъ ходилъ—игралъ Садко̀.
Садка день не зовутъ на почестенъ пиръ,
Другой не зовутъ на почестенъ пиръ,
И. третій не зовутъ на почестенъ пиръ.
Потомъ Садко̀ соскучился:
Какъ пошелъ Садко̀ къ Ильмень озеру,
Садился на бѣлъ-горючъ камень
И началъ играть въ гусельки яровчаты.
Какъ тутъ-то въ озерѣ вода всколыбалася,
Тутъ-то Садко̀ перéпался,

---

[1]) Не одинъ только Садко построилъ своимъ иждивеніемъ церковь,—были и другіе строители. Однако лѣтопись отмѣчаетъ только его имя, что прямо указываетъ на извѣстность эгой личности въ Новгородѣ. Садко—типъ новгородскаго купца, а вся былина--картина стариннаго состоянія Новгорода, гдѣ люди обогащались преимущественно черезъ торговлю. Здѣсь и представлены черты жизни промышленнаго и торговаго города. Новгородъ расположенъ на водныхъ путяхъ, около озера Ильменя, которое давало много рыбы, а чрезъ рр. Ловать и Мсту связывало Новгородъ съ приднѣпровскими и приволжскими странами. Богатые купцы на своихъ ладьяхъ отважно пускались въ заморскія страны, вели тамъ торгъ и возвращались домой съ золотой казною. Садко богатѣетъ чудеснымъ образомъ, потому что гусляръ, а гуслярамъ, по понятію народа, помогаютъ сверхъестественныя силы, въ данномъ случаѣ озеро Ильмень, которое еще въ глубокую старину считалось божествомъ, благопріятствующимъ новгородцамъ.

Пошелъ прочь отъ озера во свой во Новгородъ.
Садка день не зовутъ на почестенъ пиръ,

Не зовутъ на другой и на третій день. Садко опять отправляется съ гусельками къ озеру, вода опять «колыбается», но въ Новгородѣ попрежнему ему нѣтъ удачи.

Какъ пошелъ Садко къ Ильмень озеру,
Садился на бѣлъ-горючъ камень
И началъ играть въ гусельки яровчаты.
Какъ тутъ-то въ озерѣ вода всколыбалася,
Показался царь морской,
Вышелъ со Ильменя со озера,
Самъ говорилъ таковы слова:
„Ай же ты, Садко Новгородскій!
„Не знаю, чѣмъ буде тебя пожаловать
„За твои за утѣхи за великія,
„За твою то игру нѣжную:
„Аль безсчетной золотой казной?
„А не то ступай въ Новгородъ
„И ударь о великъ закладъ,
„Заложи свою буйну голову,
„И выряжай съ прочихъ купцовъ
„Лавки товара краснаго,
„И спорь, что въ Ильмень озерѣ
„Есть рыба—золоты перья.
„Какъ ударишь о великъ закладъ,
„И поди—свяжи шелковой неводъ.
„И пріѣзжай ловить въ Ильмень озеро:
„Дамъ три рыбины—золоты перья.
„Тогда ты, Садко, счастливъ будешь."
Пошелъ Садко отъ Ильменя отъ озера,
Какъ приходилъ Садко во свой во Новгородъ,
Позвали Садко на почестенъ пиръ.
Какъ тутъ Садко Новгородскій,
Сталъ играть въ гусельки яровчаты;
Какъ тутъ стали Садко попаивати,
Стали Садку подпашивать,
Какъ тутъ-то Садко сталъ похвастывать:
„Ай же вы, купцы Новгородскіе!
„Какъ знаю чудо чудное въ Ильмень озерѣ:
„А есть рыба—золоты перья въ Ильмень озерѣ."
Какъ тутъ-то купцы Новгородскіе
Говорятъ ему таковы слова:
— Не знаешь ты чуда чуднаго,
— Не можетъ быть въ Ильмень озерѣ рыбы—золоты перья.
„Ай же вы, купцы Новгородскіе!
„О чемъ же бьете со мной о великъ закладъ?
„Ударимъ-ка о великъ закладъ?
„Я заложу свою буйну голову,
„А вы залагайте лавки товара краснаго."
Три купца повыкинулись,
Заложили по три лавки товара краснаго.
Какъ тутъ-то связали неводъ шелковый
И поѣхали ловить въ Ильмень озеро,
Закинули тоньку въ Ильмень озеро,
Добыли рыбку-золоты перья;
Закинули другую тоньку въ Ильмень озеро,
Добыли другую рыбку-золоты перья.
Третью закинули тоньку въ Ильмень озеро,
Добыли третью рыбку-золоты перья.
Тутъ купцы Новгородскіе
Отдали по три лавки товару краснаго.
Сталъ Садко поторговывать,
Сталъ получать барыши великіе.
Во своихъ палатахъ бѣлокаменныхъ
Устроилъ Садко все по небесному:
На небѣ солнце—и въ палатахъ солнце;
На небѣ мѣсяцъ—и въ палатахъ мѣсяцъ;
На небѣ звѣзды—и въ палатахъ звѣзды.

Потомъ Садко купецъ, богатый гость,
Зазвалъ къ себѣ на почестенъ пиръ
Тыихъ мужиковъ Новгородскіихъ
И тыихъ настоятелей Новгородскіихъ.
Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на пиру напивалися,
Похвальбами всѣ похвалялися.
Иный хвастаетъ безсчетной золотой казной,
Другой хвастаетъ силой-удачей молодецкою,
Который хвастаетъ добрымъ конемъ,
Который хвастаетъ славнымъ отечествомъ,
Славнымъ отечествомъ, молодымъ молодечествомъ,
Умный хвастаетъ старымъ батюшкомъ,
Безумный хвастаетъ молодой женой.
Говорятъ настоятели Новогородскіе:
„Всѣ мы на пиру наѣдалися,
„Всѣ на почестномъ напивалися,
„Похвальбами всѣ похвалялися.
„Что же у насъ Садко ничѣмъ не похвастаетъ,
„Что у насъ Садко ничѣмъ не похваляется?"
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
„А чѣмъ мнѣ, Садку, хвастаться,
„Чѣмъ мнѣ, Садку, похвалятися?
„У меня-ль золота казна не тощится,
„Цвѣтно платьице не носится,
„Дружина хоробра не измѣняется.
„А похвастать не похвастать безсчетной золотой казной:
„На свою безсчетну золоту казну
„Повыкуплю товары Новогородскіе,
„Худые товары и добрые!"

Не успѣлъ онъ слова вымолвить,
Какъ настоятели Новогородскіе
Ударили о великъ закладъ,
О безсчетной золотой казны,
О денежкахъ тридцати тысячахъ:
Какъ повыкупить Садку товары Новогородскіе,
Худые товары и добрые,
Чтобъ въ Новѣ-градѣ товаровъ въ продажѣ болѣ не было.
Ставалъ Садко на другой день раныимъ-рано,
Будилъ свою дружину хоробрую,
Безъ счета давалъ золотой казны,
И распущалъ дружину по улицамъ торговыимъ,
А самъ то прямо шелъ въ гостиный рядъ,
Какъ повыкупилъ товары Новогородскіе,
Худые товары и добрые,
На свою безсчетну золоту казну.
На другой день ставалъ Садко ранымъ-рано,
Будилъ свою дружину хоробрую,
Безъ счета давалъ золотой казны,
И распущалъ дружину по улицамъ торговыимъ,
А самъ-то прямо шелъ въ гостиный рядъ:
Вдвойнѣ товаровъ принавезено,
Вдвойнѣ товаровъ принаполнено
На тую на славу на великую Новогородскую.
Опять выкупалъ товары Новогородскіе,
Худые товары и добрые,
На свою безсчетну золоту казну.
На третій день ставалъ Садко ранымъ-рано,
Будилъ свою дружину хоробрую,
Безъ счета давалъ золотой казны,
И распущалъ дружину по улицамъ торговыимъ,
А и самъ то прямо шелъ въ гостиный рядъ:
Втройнѣ товаровъ принавезено,
Втройнѣ товаровъ принаполнено,
Подоспѣли товары Московскіе
На ту на великую на славу Новогородскую.
Какъ тутъ Садко пораздумался:
„Не выкупить товара со всего бѣла свѣта:
„Ощо выкуплю товары Московскіе,
„Подоспѣютъ товары заморскіе.
„Не я, видно, купецъ, богатъ Новогородскій—
„Побогаче меня славный Новгородъ.“ [1])

[1]) Слова эти указываютъ на несмѣтное богатство Новгорода, предъ которымъ смиряется даже такой богачъ, какъ Садко. Впрочемъ, по другимъ варіантамъ Садко беретъ верхъ надъ Новгородомъ.

Отдавалъ онъ настоятелямъ Новгородскіимъ
Денежекъ онъ тридцать тысячей.

На свою безсчетну золоту казну
Построилъ Садко тридцать кораблей,
Тридцать кораблей, тридцать черленыихъ,
На ты на корабли на черленые
Свалилъ товары Новгородскіе,
Поѣхалъ Садко по Волхову,
Со Волхова во Ладожско,
А со Ладожска во Неву рѣку,
А со Невы рѣки во сине море...
Какъ поѣхалъ онъ по синю морю,
Воротилъ онъ въ Золоту Орду, [1])
Продавалъ товары Новогородскіе,
Получалъ барыши великіе,
Насыпалъ бочки сороковки красна золота, чиста серебра,
Поѣзжалъ назадъ во Новгородъ,
Поѣзжалъ онъ по синю морю.
На синемъ морѣ сходилась погода сильная,
Застоялись черлены корабли на синемъ морѣ:
А волной-то бьетъ, паруса рветъ,
Ломаетъ кораблики черленые;
А корабли нейдутъ съ мѣста на синемъ морѣ.
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость,
Ко своей дружины ко хоробрыя:
„Ай же ты, дружинушка хоробрая!
„Какъ мы вѣкъ по морю ѣздили,
„А морскому царю дани не плачивали;
„Видно, царь морской отъ насъ дани требуетъ,
„Требуетъ дани во сине море. [2])
„Ай же, братцы, дружина хоробрая!
„Взимайте бочку сороковку чиста серебра,
„Спущайте бочку во сине море.“
Дружина его хоробрая
Взимала бочку чиста серебра,
Спускали бочку во сине море:
А волной-то бьетъ, паруса рветъ,
Ломаетъ корабли черленые;
А корабли нейдутъ съ мѣста на синемъ морѣ.
Тутъ его дружина хоробрая
Брали бочку сороковку красна золота,
Спускали бочку во сине море:
А волной-то бьетъ, паруса рветъ,
Ломаетъ корабли черленые;

[1]) Не въ Ганзу-ли?

[2]) Садко съ дружиной хороброй хочетъ задобрить море. Еще въ глубокую древность предки наши обоготворяли водную стихію и приносили ей жертвы. Обычай отдаривать воду сохранялся у насъ долгое время. Такъ напр. Стенька Разинъ бросаетъ персидскую княжну въ Волгу за то, что послѣдняя хранила его и служила ему.

А корабли все нейдутъ съ мѣста на синемъ морѣ.
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
„Видно, царь морской требуетъ
„Живой головы во сине море.
„Дѣлайте, братцы, жеребья вольжаны,
„Я самъ сдѣлаю на красноемъ на золотѣ,
„Всякъ свои имена подписывайте,
„Спущайте жеребья на сине море:
„Чей жеребей ко дну пойдетъ,
„Таковому итти въ сине море.“
Дѣлали жеребья вольжаны,
А самъ Садко дѣлалъ на красномъ на золотѣ,
Всякъ свое имя подписывалъ,
Спущали жеребья на сине море.
Какъ у всей дружины хоробрыя
Жеребья гоголемъ по воды плывутъ,
А у Садка купца ключомъ на дно.
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
„Ай же, братцы, дружина хоробрая!
„Этыя жеребья неправильны:
„Дѣлайте жеребья на красноемъ на золотѣ,
„А я сдѣлаю жеребей вольжаный.“
Дѣлали жеребья на красноемъ на золотѣ,
А самъ Садко дѣлалъ жеребей вольжаный,
Всякъ свое имя подписывалъ,
Спущали жеребья на сине море:
Какъ у всей дружины хоробрыя—
Жеребья гоголемъ по воды плывутъ,
А у Садки купца ключомъ на дно...
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
„Ай же, братцы, дружина хоробрая!
„Видно, царь морской требуетъ
„Самого Садко богатаго въ сине море.
„Несите мою чернилицу вальяжную,
„Перо лебединое, листъ бумаги (гербовый),“
Несли ему чернилицу вальяжную,
Перо лебединое, листъ бумаги (гербовый),
Онъ сталъ имѣньице описывать;
Кое имѣнье отписывалъ Божьимъ церквамъ,
Иное имѣніе нищей братіи,
Иное имѣнье молодой жены,
Остатнее имѣнье дружины хоробрыя.
Говорилъ Садко купецъ, богатый гость:
„Ай же, братцы, дружина хоробрая!
„Давайте мнѣ гуселки яровчаты,
„Поиграть-то мнѣ въ остатнее:
„Больше мнѣ въ гуселки не игрывати—
„Али взять мнѣ гусли съ собой въ сине море?“
Взимаетъ онъ гуселки яровчаты,
Самъ говоритъ таковы слова:
„Свалите дощечку дубовую на воду:
„Хоть я свалюсь на доску дубовую,
„Не толь мнѣ страшно принять смерть на синемъ морѣ.“
Свалили дощечку дубову на воду;
Потомъ поѣзжали корабли по синю морю,
Полетѣли, какъ черные вороны,
Остался Садко на синемъ морѣ.
Со тоя со страсти со великія
Заснулъ на дощечкѣ на дубовой.
Проснулся Садко во синемъ морѣ,
Во синемъ морѣ, на самомъ днѣ. [1])
Сквозь воду увидѣлъ пекучись красное солнышко,
Вечернюю зорю, зорю утреннюю.
Увидѣлъ Садко,—во синемъ морѣ
Стоитъ палата бѣлокаменная,
Заходилъ Садко въ палату бѣлокаменну:
Сидитъ во палатѣ царь морской,
Голова у царя, какъ куча сѣнная.
Говоритъ царь таковы слова:
„Ай же ты, Садко купецъ, богатый гость!
„Вѣкъ ты, Садко, по морю ѣзживалъ,
„Мнѣ царю дани не плачивалъ,
„А нонь весь пришелъ ко мнѣ во подарочкахъ.
„Скажутъ, мастеръ играть во гуселки яровчаты.“
Какъ началъ играть Садко во гуселки яровчаты,
Какъ началъ плясать царь морской во синемъ морѣ,
Какъ расплясался царь морской.
Игралъ Садко сутки, игралъ и другіе,
Да игралъ ощé Садко и третьіи,
А все пляшетъ царь морской во синемъ морѣ.
Во синемъ морѣ вода всколыбалася,
Со желтымъ пескомъ вода смутилася,
Стало разбивать много кораблей на синемъ морѣ,
Стало много гинуть имѣньицевъ,
Стало много тонуть людей праведныхъ:
Какъ сталъ народъ молиться Миколѣ Можайскому.
Какъ тронуло Садко въ плечо во правое:
— Ай же ты, Садко Новогородскиій.
— Полно играть во гуселышки яровчаты!—
Обернулся-глядитъ Садко Новогородскиій:
Ажно стоитъ старикъ сѣдатыій.
Говорилъ Садко Новгородскиій:
„У меня воля не своя въ синемъ морѣ,
„Приказано играть во гуселки яровчаты.“

[1]) Отсюда былина принимаетъ вполнѣ сказочный характеръ, такъ какъ говорится уже о далекихъ невѣдомыхъ странахъ —о морской, немногимъ знакомой стихіи.

Говоритъ старикъ таковы слова:
— А ты струночки повырывай,
— А ты шпенечки повыломай.
— Скажи: „у меня струночекъ не случилося,
— „А шпенечковъ не пригодилося,
— „Не во что больше играть:
— „Приломалися гуселки яровчаты.“
— Скажетъ тебѣ царь морской:
— „Не хочешь ли жениться во синемъ морѣ
— „На душечкѣ на красныя дѣвушки?“
— Говори ему таковы слова:
— „У меня воля не своя во синемъ морѣ.“
— Опять скажетъ царь морской:
— „Ну, Садко, вставай по утру ранешенько,
— „Выбирай себѣ дѣвицу красавицу.“
— Какъ станешь выбирать дѣвицу красавицу,
— Такъ перво триста дѣвицъ пропусти,
— И друго триста дѣвицъ пропусти,
— И третье триста дѣвицъ пропусти:
— Позади идетъ дѣвица красавица,
— Красавица дѣвица Чернавушка,
— Бери тую Чернаву за себя замужъ...
— Будешь, Садко, во Новѣ-градѣ,
— А на свою безсчетну золоту казну
— Построй церковь соборную Миколы Можайскому.—
Садко гуселки во струночкахъ повыдернулъ,
Шпенечки во яровчатыхъ повыломалъ,
Говоритъ ему царь морской:
— Ай же ты, Садко Новгородскиій!
— Что же не играешь во гуселки яровчаты?—
„У меня струночки во гуселкахъ повыдернулись,
„А шпенечки во яровчатыхъ повыломались:
„А струночекъ запасныхъ не случилося;
„А шпенечковъ не пригодилося.“
Говоритъ царь таковы слова:
— Не хочешь ли жениться во синемъ морѣ?
— На душечкѣ на красныя дѣвушкѣ?—
Говоритъ ему Садко Новогородскиій:
„У меня воля не своя во синемъ морѣ“
Опять говоритъ царь морской:
— Ну, Садко, вставай по утру ранешенько,
— Выбирай себѣ дѣвицу красавицу.—
Вставалъ Садко по утру ранешенько,
Поглядитъ, идетъ триста дѣвушекъ красныихъ:
Онъ перво триста дѣвицъ пропустилъ,
И друго триста дѣвицъ пропустилъ,
И третье триста дѣвицъ пропустилъ;
Позади шла дѣвица красавица,
Красавица дѣвица Чернавушка:
Бралъ тую Чернаву за себя замужъ...
Какъ проснулся Садко во Новѣ-градѣ,
О рѣку Чернаву на крутомъ кряжу;
Какъ поглядитъ, ажно бѣжатъ
Свои черленые корабли по Волхову.
Поминаетъ жена Садко со дружиной во синемъ морѣ:
— Не бывать Садку со синя моря!—
А дружина поминаетъ одного Садка:
— Остался Садко во синемъ морѣ!—
А Садко стоитъ на крутомъ кряжу,
Встрѣчаетъ свою дружинушку со Волхова.
Тутъ ли его дружина сдивовалася:
— Остался Садко во синемъ морѣ,
— Очутился впереди насъ во Новѣ-градѣ.
— Встрѣчаетъ дружину со Волхова!—
Встрѣтилъ Садко дружину хоробрую
И повелъ во палаты бѣлокаменны.
Тутъ его жена зрадовалася,
Брала Садка за бѣлы руки,
Цѣловала во уста во сахарнія,
Началъ Садко выгружать со черленыхъ со кораблей.
Имѣньице—безсчетну золоту казну.
Какъ повыгрузилъ со черленыихъ кораблей,
Состроилъ церковь соборную Миколы Можайскому.
Не сталъ больше ѣздить Садко на сине море,
Сталъ поживать Садко во Новѣ-градѣ.

ЕГОРІЙ ХРАБРЫЙ [1].

(духовный стихъ).

Во святой землѣ, православной,
Нарожается желанное дѣтище
У тоя ли премудрыя Софіи;
И нарекаетъ она по имени

[1] «Въ Стихѣ о Егоріи Храбромъ народный эпосъ выразилъ идею первоначальнаго «земскаго строенія», физической культуры Русской земли, идею могучей богатырской силы славянскаго племени въ борьбѣ съ лѣсами дремучими, съ стадами звѣрей рыскучихъ и рогатыхъ, да съ чудью языческой, а съ XIII в. съ татарами—бесерменами. Какъ Егорій Храбрый проторялъ себѣ путь до перваго жилья, поселенія человѣческаго, черезъ темные дремучіе лѣса, черезъ широкія рѣки, черезъ болота топучія, черезъ стада лютыхъ звѣрей и волковъ рыскучихъ, черезъ лютыя стада змѣиныя, такъ и славянорусское племя проторяло себѣ путь колонизаціи на финскомъ сѣверо-востокѣ, сквозь темные дремучіе лѣса, черезъ зыбучія болота и толкучіе холмы, по широкимъ рѣкамъ, пробираясь съ одной стороны въ слѣдъ за удалыми новгородскими ушкуйниками и гостьми—устроителями сѣверо-поморской земли, съ другой—по слѣдамъ Юрія Долгорукаго, неутомимаго устроителя волжской земли. На пути своемъ славянорусскій народъ раздѣлялъ лѣсъ

Свое дѣтище Георгій,
По прозваньицу—Храбрый.
Возрастаетъ Георгій Храброй
Промежъ трехъ родныхъ сестеръ,
Отъ добра дѣла не отходючи,
Святымъ словомъ огрожаючи,
Міру крещеному угожаючи.
Какъ и сталъ онъ, Георгій Храброй,
Во матеръ возрастъ приходити,
Умъ-разумъ спознавати,
И учалъ онъ во тѣ поры
Думу крѣпкую оповѣдати
Своей родимой матушкѣ,
А и ей ли, премудрой Софіи:
„Соизволь, родимая матушка,
„Осударыня премудрая Софія,
„Ѣхать мнѣ ко землѣ свѣтло-Русской
„Утверждать вѣры христіанскія.“
И даетъ ему родимая матушка,
Она ли, осударыня премудрая Софія,
Свое благословеніе великое:
Ѣхать ко той землѣ свѣтло-Русской,
Утверждать вѣры христіанскія.
Ѣдетъ онъ, Георгій Храброй,
Ко той землѣ свѣтло-Русской,
Отъ востока до запада поѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Бесерменскую вѣру побѣждаючи.
Наѣзжаетъ онъ, Георгій Храброй,
На тѣ лѣса, на темные,
На тѣ лѣса, на дремучіе;
Хочетъ онъ, Георгій, туто проѣхати,
Хочетъ онъ, Храброй, туто проторити:
Нельзя Георгію туто проѣхати,
Нельзя Храброму туто подумати.
И Георгій Храброй проглаголуетъ:
„Ой вы, лѣса, лѣса темные!
„Ой вы, лѣса, лѣса дремучіе!
„Зароститеся, лѣса темные,
„По всей землѣ свѣтло-Русской,
„Раскиньтеся, лѣса дремучіе,
„По крутымъ горамъ по высокіимъ,
„По Божьему все велѣнію,
„По Георгіеву все моленію.“
По его слову, Георгіеву,
По его ли, Храбраго, моленію,
Заростали лѣса темные
По святой землѣ свѣтло-Русской,
Раскидалися лѣса дремучіе,
По крутымъ горамъ, по высокіимъ.
Наѣзжаетъ онъ, Георгій Храброй,
На тѣ горы на высокія,
На тѣ холмы на широкіе;
Хочетъ онъ, Георгій, туто проѣхати,
Хочетъ онъ, Храброй, туто проторити;
Нельзя Георгію туто проѣхати,
Нельзя Храброму туто подумати.
И Георгій Храброй проглаголуетъ:
„Ой вы, горы, горы высокія!
„Ой вы, холмы, холмы широкіе!
„Разсыпьтеся, горы высокія,
„По всей землѣ свѣтло-Русской,
„Становитесь, холмы широкіе,
„По степямъ, полямъ зеленымъ,
„По Божьему все велѣнію,
„По Георгіеву все моленію!“
По его ли слову Георгіеву,
По его ли, Храбраго, моленію,
Разсыпалися горы высокія,
По всей землѣ свѣтло-Русской,
Становилися холмы широкіе
По степямъ, полямъ зеленымъ.
Наѣзжаетъ онъ, Георгій Храброй,
На тѣ моря, на глубокія,
На тѣ рѣки на широкія;
Хочетъ онъ, Георгій, туто проѣхати,
Хочетъ онъ, Храброй, туто проторити,
Нельзя Георгію туто проѣхати,
Нельзя Храброму туто подумати,
И Георгій Храброй проглаголуетъ:
„Ой вы, моря, моря глубокія!
„Ой вы, рѣки, рѣки широкія!
„Потеките, моря глубокія,
„По всей землѣ свѣтло-Русской,
„Побѣгите, рѣки широкія,
„Отъ востока да и до запада,
„По Божьему все велѣнію,
„По Георгіеву все моленію!“
По его слову ли, Георгіеву,
По его ли, Храбраго, моленію,
Протекали моря глубокія,

и поле, поставлялъ на пути гостьбы, торговъ, рядковъ «*погосты въ Чуди, въ Лопи, въ Корьлѣ*» и пр., «*посажалъ деревни и починки на лѣсѣхъ*», *на пашенныхъ, бортныхъ* и другихъ хозяйственно-промышленныхъ *путяхъ* и *ухожьяхъ*. Неутомимо двигался онъ по рѣкамъ Волжско-Камской и Ильменско-Двинской системы, расширяя свои колоніи по землѣ и по водѣ и боролся съ дикими звѣрями, встрѣчаясь въ непроходимыхъ дебряхъ съ цѣлыми стадами волковъ, медвѣдей, оленей и другихъ звѣрей, какъ гласятъ житія сѣверовосточныхъ отшельниковъ русскихъ, которые, въ то же время, по слѣдамъ колонизаціи, распространяли христіанство среди чудскихъ и бесерменскихъ племенъ. Изъ исторіи колонизаціи видимъ, что Егорій Храбрый былъ признаваемъ русскими колонистами спутникомъ и помощникомъ въ борьбѣ съ суровой сѣверо-восточной природой, съ чудью, съ финскимъ язычествомъ, а потомъ, съ XIII в, и съ басурманствомъ.» (Щаповъ).

По всей землѣ свѣтло-Русской,
Пробѣгали рѣки широкія
Отъ востока да и до запада.
Наѣзжаетъ онъ, Георгій Храброй,
На тѣхъ звѣрей на могучіихъ,
На тѣхъ звѣрей на рогатыихъ;
Хочетъ онъ, Георгій, туто проѣхати,
Хочетъ онъ, Храброй, туто проторити:
Нельзя Георгію туто проѣхати,
Нельзя Храброму туто подумати,
И Георгій Храбрый проглаголуетъ:
„Ой вы, звѣри, звѣри могучіе!
„Ой вы, звѣри, звѣри рогатые!
„Заселитеся, звѣри могучіе,
„По всей землѣ свѣтло-Русской,
„Плодитеся, звѣри рогатые,
„По степямъ, полямъ безъ числа,
„По Божьему все велѣнію,
„По Георгіеву все моленію!“
И онъ, Георгій Храброй, заповѣдуетъ
Всѣмъ звѣрямъ могучіимъ,
Всѣмъ звѣрямъ рогатыимъ:
„А и есть про васъ на съѣдомое,
„Во поляхъ трава муравчата,
„А и есть про васъ на пойлицо
„Во рѣкахъ вода студеная.“
По его ли слову Георгіеву,
По его ли, Храбраго, моленію,
Засѣлилися звѣри могучіе
По всей землѣ свѣтло-Русской;
Плодилися звѣри рогатые
По степамъ, полямъ безъ числа;
Они пьютъ, ѣдятъ повелѣнное
Повелѣнное, заповѣданное
Отъ его, Георгія Храбраго.
Наѣзжаетъ онъ, Георгій Храброй,
На то стадо, на зміиное,
На то стадо на лютое;
Хочетъ онъ, Георгій, туто проѣхати,
Хочетъ онъ, Храброй, туто проторити;
И стадо зміиное возговоритъ
Ко тому ли Георгію Храброму:
„Али ты, Георгій, не вѣдаешь,
„Али ты, Храброй, не знаешь:
„Что та земля словомъ заказана,
„Словомъ заказана, заповѣдана.
„По той землѣ заповѣданной
„Пѣшъ человѣкъ не прохаживалъ,
„На коню никто не проѣзживалъ.
„Уйми ты, Георгій, своего коня ретиваго,
„Воротися ты, Храбрый, самъ назадъ.“
Вынималъ Георгій саблю острую,
Нападалъ Храброй на стадо зміиное.
Ровно три дня и три ночи
Рубитъ, колетъ стадо зміиное;
А на третій день ко вечеру
Посѣкъ, порубилъ стадо лютое. [1])
Наѣзжаетъ онъ, Георгій Храброй,
На ту землю свѣтло-Русскую,
На тѣ поля, рѣки широкія,
На тѣ высоки терема, златоверхіе,
Хочетъ онъ, Георгій, туто проѣхати,
Хочетъ онъ, Храброй, туто проторити.
Какъ и тутъ ли ему, Георгію,
Выходятъ на встрѣчу красны дѣвицы,
Какъ и тутъ ли ему, Храброму, приглаголуютъ:
„А и тебя ли мы, Георгій, дожидаючись,
„Тридцать три года не вступаючи
„Съ высока терема, златоверхаго,
„А и тебя ли мы, Храбраго, дожидаючись,
„Держимъ на-роду великъ обѣтъ:
„Отдать землю свѣтло-Русскую,
„Принять отъ тебя вѣру крещеную. [2])
Пріимаетъ онъ, Георгій Храброй,
Ту землю свѣтло-Русскую
Подъ свой великъ покровъ,
Утверждаетъ вѣру крещеную
По всей землѣ свѣтло-Русской.

---

[1]) «Изображаемое въ Стихѣ избіеніе змѣинаго стада указываетъ на легенды народныя о взятіи различныхъ городовъ и царствъ татарскихъ, напр., на казанскую легенду, по которой змѣй лежалъ на крѣпости города Казани, когда ее брали русскіе, и защищалъ, а также на легенды о миѳическихъ змѣяхъ на сѣверѣ въ чудской землѣ и въ низовьяхъ Волги, о змѣевыхъ горахъ и т. п.»

[2]) «Покореніе и обращеніе въ христіанство дѣвицъ намекаетъ на тотъ историческій фактъ, что русскіе, покоряя новыя чудскія или бесерменскія земли, имѣли обычай уводить въ полонъ преимущественно женщинъ и дѣтей, крестили ихъ и на крещеныхъ нерѣдко женились. По слѣдамъ христіанства шла обыкновенно славянорусская колонизація, и совершалось постепенное обрусеніе чудскихъ и бесерменскихъ земель.» (Щаповъ).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

МОНГОЛЬСКОЕ ИГО И ВОЗВЫШЕНІЕ МОСКВЫ.

Была пора: татаринъ злой шагнулъ
Черезъ рубежъ хранительныя Волги.
Погибло все! народъ терпя согнулъ
Главу подъ стыдъ мучительный и долгій!
Безчестнымъ Русь давя ярмомъ,
Баскакъ носился въ край изъ края;
Катилась въ прахъ глава святая
Князей подъ ханскимъ топоромъ.
Но стала Русь передъ врагомъ—
И битва грянула Донская.

В. Жуковскій.

ПОРАБОЩЕНІЕ РУСИ ТАТАРАМИ.

(1237 г.—1241 г.)

РАЗГРОМЪ РЯЗАНИ.

(1237 г.).

1.

ПОЯВЛЕНІЕ ТАТАРЪ ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ РЯЗАНИ.

По рязанскимъ лѣсамъ и по пустошамъ
Завелося подъ осень не доброе.
Кто ихъ знаетъ тамъ—марево, али и-зарево?
Вотъ: встаетъ тебѣ къ небу, съ полуночи,
Красный столпъ сполыньей бѣломорскою;
Вотъ: калякаетъ кто-то калякаетъ...
По деревьямъ топоръ—ровно звякаетъ...
А кому тамъ и быть, коль не лѣшему?
Нѣтъ дороги ни конному тамъ и ни пѣшему...
Раскидали разсыльныхъ—вернулися,
Говорятъ: „Насъ впередъ не посылывать,
А не то ужъ не ждать: со полуночи
Мы того навидались-наслышались,
Что—храни насъ святые угодники!..
Вы послушайте, что починается?..
Отъ царя, отъ Батыя безбожнаго,
Есть на Русскую землю нашествіе.
Слышь: стрѣлой громоносною-молнійной,
Спалъ онъ къ намъ, а отколѣ—незнаемо...
Саранча агарянъ съ нимъ безсчетная:
Такъ про это и знайте—и вѣдайте...“

Было сказано... Слѣдомъ и прибыли
Два ордынца, съ женой-чародѣйницей,
Все-жъ къ великому князю Рязанскому,
И къ другимъ князьямъ—Пронскимъ и Муромскимъ...
„Такъ и такъ: десятиной намъ кланяйтесь
Съ животовъ, со скотовъ и со прочаго.“

Снесся князь со Володимиромъ-городомъ
И съ другими, да знать ужъ, что въ тѣ-поры
Гнѣвъ Господень казнилъ Русь безъ милости:
Отступились со страхомъ и трепетомъ...
Ну, тогда старый князь князя Ѳедора
Повѣщаетъ, что вотъ-молъ безвременье...
Поѣзжай ты съ великимъ моленіемъ
И съ дарами къ нему, нечестивому...
Бей челомъ, чтобъ свернулъ онъ съ Воронежа
Не въ Рязанскую землю, а въ Русскую...
О хозяйкѣ твоей озаботимся...“
Ѳедоръ князь и поѣхалъ.

2.

КНЯГИНЯ ЕВПРАКСІЯ. [1])

Загорѣлося утро по лѣтнему,
Загорѣлось сначала на куполѣ,
А потомъ перешло на верхушки древесныя,
А потомъ поползло по землѣ, словно крадучись,
Гдѣ жемчужинки, гдѣ и алмазинки
У росистой травы отбираючи.
Куманика перловымъ обсыпалась бисеромъ;
Подорѣшникъ всей бѣлою шапкой своей нахлобучился
И поднялъ повалежные листья натужившись;
Съ Осетра валитъ паръ, словно съ каменки—
Значитъ: будетъ днемъ баня опарена....
У Николы Корсунскаго къ ранней обѣднѣ ударили.—
И княгиня проснулась подъ колоколъ...
Къ колыбели птенца своего припадаючи,
Цѣловала его, миловала и пестовала,
И на красное солнышко вынесла,
На подборъ теремной, на свѣтелочный.
Вотъ стоитъ она съ нимъ, смотритъ на поле,
Нà лѣсъ, нà рѣку, смотритъ такъ пристально
На дорогу, бѣгучую подъ гору.
Смотритъ... пыль по дорогѣ поднялася...
Скачетъ кто-то, и конь весь обмы̀ленный...
Ближе глянула, анъ Ополо̀ница— [2])
Не примѣтилъ княгини-бъ, да крикнула:
—„Гдѣ-же князь мой, сожитель мой ласковый?"
Замоталъ головой Ополоница:
—„Не спросила-бы, нѐ было-бъ сказано.
Благовѣрный твой князь Ѳедоръ Юрьевичъ,
Красоты твоей ради неслыханной,
Убіенъ отъ царя, отъ Батыя неистоваго!"
Обмерла-окоченѣла княгиня Евпраксія,
Къ персямъ чадо прижала любезное,
Да съ нимъ вмѣстѣ съ подбора и ринулась
На сырую мать-землю, и тутъ *заразилася* до смерти...
И оттолѣ то мѣсто *Заразомъ* прозвалося,
Потому что на немъ заразилася
Съ милымъ чадомъ *княгиня Евпраксія.*

Охъ ты, батюшка городъ—Зарайскъ новоставленный!
На крутой на горѣ ты красуешься,
На Осетръ на рѣку ты любуешься
И глядишься въ нее веселехонекъ,
Словно вправду не-знаешь—не-вѣдаешь—
Гдѣ ты выросъ, надъ чьими могилами?..
Знать-гора и крута да забывчива,
Знать-рѣка и быстра—да измѣнчива...

3.

ГИБЕЛЬ РЯЗАНИ.

Въ это время Батый, царь неистовый,
На Рязань поднялъ всю свою силу безбожную
И пошелъ прямо къ стольному городу;
Да на полѣ его вся дружина рязанская встрѣтила,
А князья впереди: самъ великій князь,
Князь Давидъ, и князь Глѣбъ, и князь Всеволодъ,—
И кровавую чашу съ татарами ро̀спили.
Одолѣли-бъ рязанскіе витязи,
Да не въ мочь было: по сту татариновъ
Приходилось на каждую руку могучую...
Изрубить-изрубили они тьму несмѣтную,
Наконецъ утомились-умаялись,
И сложили удалыя головы,
Всѣ, какъ билися, всѣ до единаго,
А князь Юрій лёгъ вмѣстѣ съ послѣдними,
Бороня свою землю и отчину,
И семью, и свой столъ, и княженіе...
Какъ объѣхалъ потомъ царь Батый поле бранное,
Какъ взглянулъ онъ на падаль татарскую,—
Преисполнился гнѣва и ярости
И велѣлъ всѣ предѣлы рязанскіе
Жечь и грабить, и рѣзать безъ милости
Всѣхъ,—отъ стараго даже до малаго,
Благо ихъ боронить было некому...
И нахлынули орды поганыя
На Рязанскую землю изгономъ неслыханнымъ,
Взяли Пронскъ, Ижеславецъ и Бѣлгородъ,
И людей изрубили безъ жалости,
И пошли на Рязань... Сутокъ съ четверо
Отбивались отъ нихъ горожане рязанскіе,
А на пятыя сутки ордынцы проклятые
Ворвались таки въ городъ по лѣстницамъ,
Сквозь проломы кремлёвской стѣны и сквозь полымя;

---

[1]) Князь Юрій Рязанскій, оставленный великимъ княземъ, послалъ сына своего Ѳеодора съ дарами къ Батыю, который, узнавъ о красотѣ жены Ѳеодоровой Евпраксіи, хотѣлъ видѣть ее; но сей юный князь отвѣтствовалъ, что христіане не показываютъ женъ злочестивымъ язычникамъ: Батый велѣлъ умертвить его; а несчастная Евпраксія, свѣдавъ о погибели любезнаго супруга, вмѣстѣ съ младенцемъ своимъ Іоанномъ, бросилась изъ высокаго терема на землю и лишилась жизни. Съ того времени сіе мѣсто, въ память ея, называлось *Заразомъ* или убоемъ. (Карамзинъ).

[1]) Ополоница—стремянной князя Ѳеодора Юрьевича.

Ворвалися и въ церковь соборную,—
Тамъ убили княгиню великую,
Со снохами ея и съ княгинями прочими,
Перебили священниковъ, иноковъ...
Храмы Божьи, дворы монастырскіе—
Всѣ пожгли; городъ предали пламени;
Погубили мечомъ все живущее,—
И свершилось по слову Батыеву:
Ни младенца, ни старца въ живыхъ не осталося...
Плакать некому быдо и не́-по-комъ...
Все богатство рязанское было разграблено...
И свалило къ Коломнѣ ордынское полчище...

По зимѣ Ингорь-князь [1] изъ Чернигова
Прибылъ въ отчину, въ землю Рязанскую
И заплакалъ слезами горючими,
Какъ вглянулъ на пожарище стольнаго города.
Подо льдомъ и подъ снѣгомъ помёрзлые,
На травѣ-ковылѣ обнаженны, терзаемы
И звѣрями, и птицами хищными,
Безъ креста и могилы, лежали убитые
Воеводы рязанскіе, витязи,
И семейные князя и сродники,
И все множество люда рязанскаго:
Всѣ одну чашу смертную выпили.
Повелѣлъ погребать ихъ князь Ингорь немедленно;
Повелѣлъ іереямъ святить храмы Божіи
И очистить весь городъ...

4.

ЕВПАТІЙ КОЛОВРАТЪ. [2]

Ходенемъ пошло поле окрестное,
И сыръ-боръ зашатался вотъ-словно подъ бурею...
Налетѣла-ль она многокрылая,
Или сила иная на ставки татарскія,
Только ломятся ставки и валятся;
Только стонъ поднялся вдоль по стану ордынскому.
Загремѣли мечи о шеломы каленые;
Затрещали и копья и бердыши;
Отъ броней и кольчугъ искры сыплятся;
Полилася рѣкой кровь горячая...
Варомъ такъ и варитъ всю орду нечестивую:
Рубятъ, колятъ и бьютъ—кто?—невѣдомо.
Тутъ ордынцы совсѣмъ обезпамятѣли,
Точно пьяные, или безумные.
Кто ничкомъ лежитъ—мертвымъ прикинулся,
Кто бѣжитъ вонъ изъ стана—коней ловить,
А и кони по полю шарахнулись—
Ржутъ и носятся тоже въ безпамятствѣ.
Тутъ все стадо реветъ—всполошилося;
Тамъ ордынки развылись волчихами;
Здѣсь костеръ развели, да не во время:
Два намета сосѣдніе вспыхнули.
А наѣзжая сила незримая
Бьетъ и рубитъ и колетъ безъ устали,—
Слышно только, что русскіе витязи,
А нельзя изловить ни единаго...
Вопятъ батыри въ страхѣ и ужасѣ:
„Мертвецы, мертвецы встали русскіе,
„Встали съ поля рязанцы убитые!“
Самъ Батый убоялся...
...Трубы призывныя грянули,
И зарей заиграло въ поднебесьи зарево.
Въ пору въ самую: близко отъ ставки Батыевой
Пронеслася толпа русскихъ витязей,
Прогоняя татарву поганую
И топча подъ копытами конскими;
Да въ догонку ей стрѣлы, что ливень, посыпались,—
И упали съ коней на̀ земь пятеро.
Подбѣжали ордынцы къ нимъ, подняли
И къ Батыю свели. Ханъ ихъ спрашиваетъ:
„Вы какой земли, вѣры какой, что невѣдомо—
Почему мнѣ великое зло причиняется?“
И отвѣтъ ему держатъ рязанскіе витязи:
„Христіанской мы вѣры, дружинники
Князь Юрья Рязанскаго, по́лку Евпатія
Коловрата; почтить тебя посланы—
Проводить, какъ царю, подобаетъ великому.“
Удивился Батый ихъ отвѣту и мудрости
И послалъ на Евпатія шурина,
И полки съ нимъ татарскіе, многіе.
Хоздоврулъ похвалялся: „живьемъ возьму,
За сѣдломъ приведу къ тебѣ русскаго витязя...“
И сступились полки... у Евпатія

[1]) Ингорь князь—братъ Юрія Рязанскаго.

[2]) «Сей бояринъ, свѣдавъ о нашествіи иноплеменниковъ, спѣшилъ въ свою отчизну; но Батый уже выступилъ изъ ея предѣловъ. Пылая ревностью отмстить врагамъ, Евпатій съ 1700 воиновъ устремился вслѣдъ за ними, настигъ и быстрымъ ударомъ смялъ ихъ полки задніе. Изумленные татары думали, что мертвецы рязанскіе возстали, и Батый спросилъ у пяти взятыхъ его войскомъ плѣнниковъ, кто они.—Слуги князя Рязанскаго, полку Евпатіева отвѣтствовали сіи люди:—намъ велѣно съ честію проводить тебя, какъ государя знаменитаго, и какъ россіяне обыкновенно провождаютъ отъ себя иноплеменниковъ,—стрѣлами и копьями. Горсть великодушныхъ не могла одолѣть рати безчисленной: Евпатій и смѣлая дружина его имѣла только славу умереть за отечество.» (Каразинъ).

Всей дружины-то было-ль двѣ тысячи—
Вся послѣдняя сила рязанская,—
А ордынцы шли черною тучею;
Не окинуть и взглядомъ, не то-чтобъ доврѣдаться—
Сколько ихъ? Впереди Хоздоврулъ барсомъ носится.
Молодецъ былъ и батырь: коня необгоннѣе
И вѣрнѣе копья у ордынцевъ и не было.
И сступились полки... На Евпатія
Налетѣлъ Хоздоврулъ, только не въ пору:
Исполинъ былъ Евпатій отъ младости силою—
И мечомъ раскроилъ Хоздоврула онъ на̀-полы,
До сѣдла, такъ-что всѣ, и свои, и противники,
Отшатнулись со страхомъ и трепетомъ...
Рать ордынская дрогнула, тылъ дала...
Огорчился Батый и разгнѣвался,
Какъ узналъ, что Евпатій убилъ его шурина,
И велѣлъ навести на Евпатія
Онъ *пороки*, орудія тѣ стѣнобитныя...
И убили тогда крѣпкорукаго,
Дерзосердаго витязя; тѣло-же
Принесли передъ очи Батыевы.
Изумился и ханъ, и улусники
Красотѣ его, силѣ и крѣпости.
И почтилъ ханъ усопшаго витязя:
Отдалъ тѣло рязанскимъ дружинникамъ
И самихъ отпустилъ ихъ промолвивши:
„Погребите вы батыря вашего—съ честію,
По законамъ своимъ и обычаямъ,
Чтобъ и внуки могилѣ его покланялися.“

Гдѣ честная могила Евпатія—
Знаютъ ясныя зори съ курганами,
Знала старая пѣсня про витязя,
Да и ту унесло вѣтромъ—вихоремъ.

Л. Мей.

ЕВПАТІЙ.

„Ты знаешь-ли, витязь, ужасную вѣсть?—
„Въ рязанскія степи вломились татары;
„Тамъ сильные долго сшибались удары,
„Тамъ долго сражалась съ насиліемъ честь,
„Но все побѣдили Батыевы рати:
„Нашъ градъ—пепелище, и князь нашъ убитъ!“
Евпатію блѣдный гонецъ говоритъ,
И, страшно блѣднѣя, внимаетъ Евпатій.
„О, витязь! Я видѣлъ сей день роковой:
„Багровое пламя весь градъ обхватило,
„Какъ башня, стремилось,—какъ буря—завыло;
„На стогнахъ смертельный свирѣпствовалъ бой,
„Въ дыму заглушали звенящій булатъ,
„Все пало... и небо стерпѣло сей адъ!“
Ужасно блѣднѣя, внимаетъ Евпатій.

Гдѣ-гдѣ, по широкой долинѣ, огонь
Сверкаетъ во мракѣ ночного тумана:
То грозная рать побѣдителя—хана
Покоится; тихи воитель и конь;
Лишь изрѣдка, черной тревожимый грёзой,
Татаринъ въ просонкахъ съ собой говоритъ,
Иль вздрогнувъ безмолвный подниметъ свой щитъ,
Иль схватитъ свое боевое желѣзо.

Вдругъ... что̀ тамъ за топотъ въ ночной тишинѣ?
„На битву, на битву!“ взываютъ татары.
Откуда-жъ свершитель отчаянной кары?
Не все ли погибло въ крови и въ огнѣ?
Отчизна, отчизна! подъ латами чести
Есть сильное чувство, живое, одно...
Полмертваго руку подъемлетъ оно
Съ послѣднимъ ударомъ рѣшительной мести.

Не синее море кипитъ и шумитъ,
Почуя незапный набѣгъ урагана:
Шумятъ и волнуются ратники хана;
Оружіе блещетъ, труба дребезжитъ;
Толпы за толпами, какъ тучи густыя,
Дружину отважныхъ стѣсняютъ кругомъ;
Сто копій сражаются съ русскимъ копьемъ...
И пало геройство подъ силой Батыя.

Рѣдѣетъ ночного тумана покровъ;
Утихла долина убійства и славы.
Кто сей на долинѣ убійства и славы
Лежитъ, окруженный тѣлами враговъ?
Уста ужъ не кличутъ безтрепетныхъ братій,
Ужъ кровь запеклася въ отверстіяхъ латъ,
А длань еще держитъ кровавый булатъ:
Сей падшій воитель свободы—Евпатій.

Н. Языковъ.

ЦАРЬ БАХМЕТЪ И АВДОТЬЯ РЯЗАНОЧКА.

(народная былина).

Подступалъ туто царь Бахметъ Турецкій,
И разорялъ онъ старую Рязань [1]) городъ подлѣсную,
И полонилъ онъ народу во полонъ сорокъ тысячей,
Увелъ весь полонъ во свою землю.
Оставалиси во Рязани одна женка Рязаночка,
Стосковалиси женка, сгоревалиси,
Милаго-то братца родимаго,
Мужа вѣнчальнаго,
Свекра любезнаго.
И думаетъ женка умомъ-разумомъ:
„Пойду я во землю Турецкую
„Выкупать хоть единыя головушки
„На дороги хорошіе на выкупы.“
Царь Бахметъ Турецкій,
Идучи отъ Рязани отъ города,
Напустилъ все рѣки-озера глубокія,
По дорогамъ поставилъ онъ все разбойниковъ,
Во темныхъ лѣсахъ напустилъ лютыхъ звѣрей,
Чтобы ни кому ни пройти, ни проѣхати.
Пошла женка путемъ да дорогою:
Мелкіе-то ручейки бродомъ брела,
Глубокія рѣки плывомъ плыла,
Широкія озера кругомъ обошла,
Чистыя поля—разбойниковъ о полночь прошла
(О полночь разбойники опочинъ держатъ),
Темные лѣса—лютыхъ звѣрей о полдень прошла
(О полдень люты звѣры да опочинъ держатъ),
Она такъ прошла да путемъ да и дорогою,
Пришла де во землю Турецкую,
Къ царю Бахмы Турецкому,
Понизешеньку ему поклонилася:
„Ты батюшка, царь Бахметъ Турецкій!
„Когда ты разорялъ старую Рязань городъ подлѣсную,
„Полонилъ ты народа сорокъ тысячей,
„У меня полонилъ три головушки:
„Милаго то братца родимаго,
„И мужа вѣнчальнаго,
„Свекра любезнаго.
„И пришла я къ тебѣ выкупать хоть единыя головушки
„На дороги ли хоть на хорошіе на выкупы.
Отвѣчалъ ей царь, отвѣтъ держалъ:
— Ты Авдотья, женка Рязаночка!
— Какъ ты прошла путемъ да и дорогою?
— У меня напущены были всѣ рѣки-озера глубокія,
— А во темныхъ лѣсахъ были напущены люты-звѣри,
— Чтобъ никому ни пройти да ни проѣхати.—
Отвѣтъ держитъ ему Авдотья женка Рязаночка:
„Батюшка, царь Бахметъ Турецкій!
„Я такъ прошла путемъ да и дорогою:
„Мелкія-то рѣчушки бродомъ брела,
„А глубокія рѣчушки плывомъ плыла,
„Чистыя поля—разбойниковъ о полночь прошла
„(О полночь разбойники опочинъ держатъ),
„Темные лѣса—лютыхъ звѣрей о полдень прошла
„(О полдень люты звѣри опочинъ держатъ),
„Я такъ прошла путемъ да и дорогою.“
Говоритъ ей царь Бахметъ Турецкій:
— Ты Авдотья, женка Рязаночка!
— Когда ты умѣла пройти путемъ да и дорогою,
— Такъ умѣй-ка попросить и головушки
— Изъ трехъ единыя;
— А не умѣешь ты попросить головушки,
— Такъ я срублю тебѣ по-плечъ буйну голову.—
Стоючись женка пораздумалась,
Пораздумалась женка, порасплакалась:
„Ужъ ты батюшка, царь Бахметъ Турецкій!
„Я въ Рязани-то была женка не послѣдняя,
„Не послѣдняя я была женка, первая.
„Я замужъ пойду, такъ у меня и мужъ будетъ,
„Свекра стану звать батюшкомъ,
„Приживу я себѣ сына любезнаго,
„Такъ у меня и сынъ будетъ;
„Приживу я себѣ дочку любезную,
„Воспою-скормлю замужъ отдамъ,
„Такъ у меня и зять будетъ.
„Не видать мнѣ буди единыя головушки,
„Мнѣ милаго братца родимаго,
„Да не видать вѣкъ да и по вѣку.“
Сижучись де царь пораздумался:
— Ты Авдотья женка Рязаночка,
— Когда я разорялъ вашу сторону Рязань городъ подлѣсную,
— Тогда у меня убили милаго-то братца родимаго;

[1]) Рязань—исправлено, вмѣсто Казань.

— Не видать буде вѣкъ да и по вѣку. [1])
— За твои-то рѣчи разумныя,
— За твои-то слова за хорошія,
— Ты бери полону, сколько надобно:
— Кто въ родствѣ, въ кумовствѣ, въ крестномъ братствѣ.—
Начала женка ходить въ землѣ Турецкія,
Выбирати полонъ въ свою землю.
Она выбрала весь полонъ земли Турецкія,
Привела де полонъ во свою Рязань городъ подлѣсную,
Разсѣлила Рязань городъ по-старому,
По-старому да по-прежнему.

ГРАДЪ ВЕЛИКІЙ КИТИЖЪ НА СВѢТЛОЯРОМЪ ОЗЕРѢ [2]).

(народная легенда).

(1237 г.).

Есть цѣлый градъ, стоящій многи вѣки
Невидимый, при озерѣ. И было
Сіе вотъ такъ: Егда на Русь съ татары
Пріиде лютый царь Батый, и грады
Вся разорялъ, и убивалъ людей,
И, аки огнь, потекъ по всей странѣ,
Противъ него великій князь Георгій
Ходилъ съ полки свои, и былъ побитъ,
И побѣжалъ во славный Китежъ-градъ—
Его же сотвори во славу Божью;
И погнались татарове за нимъ;
И бысть во градѣ плачъ; и прибѣгоша
Во храмы люди, умоляя Бога,—
И Богъ яви свою надъ ними милость
И сотвори неслыханное чудо:
Егда татары кинулись на приступъ,
Внезапну градъ содѣяся невидимъ!
И по ся дни стоитъ незримъ, и токмо
На озерѣ, когда вода спокойна,
Какъ въ зеркалѣ, онъ кажетъ тѣнь свою;
И видны стѣны съ башнями градскими,
И терема узорчаты, часовни
И церкви съ позлащенными главами...
Пречудное то зрѣлище! и явно—
Все на тѣни: какъ люди идутъ въ церковь,
И старицы и старцы, въ черномъ платьѣ,
По старинѣ одѣтые... и слышенъ
Оттуда гулъ колоколовъ... и тамо
Жизнь безпечальная, подобно райской!
А виденъ градъ всѣмъ жителямъ побрежнымъ,
Кругъ озера по утренней зарѣ,
Иль въ тихіе вечерніе часы,—
Но внити въ оный можетъ токмо тотъ,
Кто путь прейдетъ, ни на минуту Бога
Изъ мысли не теряя; бо сей путь,
„Батыева тропа“ рекомый, страхи
И чудищи различными стрегомъ!
Претерпишь хладъ и гладъ. Звѣрь нападетъ,
И зміи на тебя. Возстанетъ буря.
И бѣсы на тебя наскочутъ, съ песьей
Главою, съ огненными языками,
И эфіопы черные, какъ уголь!
Ты все-жъ иди впередъ и богомысли!
И побѣдишь всѣ дьявольскіе страхи.
Ни хладъ тебя, ни гладъ не остановитъ,
Ни звѣрь, ни змій, ни сатанинскій таборъ
Нигдѣ тебѣ въ пути не воспретитъ—
Тебѣ врата отверзнутся во градѣ;
И выйдутъ старцы другъ за другомъ, съ пѣснью
Пріемлющи сподвижника и брата...
А звонъ у нихъ серебряный и чистый,
И словно какъ не колоколъ гудитъ,
А ровно что небесная лазурь
Сама звенитъ.

А. Майковъ.

1) По всей вѣроятности, Батый говоритъ про Хоздоврула, убитаго Евпатіемъ.

2) Свѣтлоярое озеро близъ села Владимирскаго въ Макарьевскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи. На ю-з. берегу озера подымается гора, подъ которою, какъ говоритъ преданіе, сокрытъ городъ Великій Китижъ, гдѣ и донынѣ живутъ святые мужи. Поразивъ великаго князя Владимирскаго Юрія, Батый направился на Великій Китижъ, но сила Божія посмѣялась надъ злѣйшимъ врагомъ христіанъ и не допустила его овладѣть городомъ: онъ скрылся въ нѣдрахъ земли, сдѣлался для всѣхъ невидимъ и останется такъ до пришествія Христова. (Преданіе изложено подробно въ «Москвитянинѣ» за 1843 г. кн. XII-ая).

СИТСКІЕ КУРГАНЫ.

(*отрывокъ*).

(4 марта 1238 г.).

«Брань великая и сѣча злая».

Гдѣ билась Русь съ тиранами,
    Гдѣ бой кипѣлъ упорный,—
Надъ Ситскими курганами
    Поднялся во̀ронъ черный. [1])

1) **Сить**—притокъ р. Мологи въ Ярославской губерніи. Здѣсь въ битвѣ съ татарами, владимирцы были разбиты и самъ великій князь сложилъ свою голову.

Ты, птица—воронъ, рада-ли,
Или дрожишь отъ злости,
Что здѣсь не видишь падали,
Что спрятаны здѣсь кости?
— „Какая радость ворону
Терпѣть жестокій голодъ?
Мой пращуръ эту сторону
Любилъ, когда былъ молодъ.
Надъ мертвецами голыми
Онъ часто здѣсь кружился,
И съ грозными монголами
Сердечно подружился.
Онъ сохранилъ преданія,
Чудесныя въ потомствѣ:
Не зная состраданія,
Въ свирѣпомъ вѣроломствѣ,
Рубилъ монголъ безъ жалости
Князей святыхъ, великихъ,
И мчался безъ усталости
На кобылицахъ дикихъ.
Подъ страшными ударами
Склонилась Русь въ неволѣ,
Потомъ сошлась съ татарами
На Куликовомъ полѣ... [1])

Л. Трефолевъ.

ЗЛОЙ ГОРОДЪ.

То было давно, княжилъ Рюрика родъ;
Всю Русь на удѣлы разбили
Потомки варяга; славянскій народъ
Они межъ собою дѣлили.
Отростки великой и славной семьи
Чрезмѣрно они расплодились,
И въ вѣчной враждѣ, какъ весной воробьи,
За право владѣнія бились.
Отъ этихъ раздоровъ лишь горе всегда
Народу въ удѣлъ доставалось,
И тяжко надъ бѣдною Русью тогда
Усобица та отражалась.
Вдругъ грянуло новое горе; бѣда
Какой на Руси не бывало:
Съ востока татаръ азіатскихъ орда,
Какъ туча, всю Русь облегала,
Какъ рой саранчи, налетѣла она
Какъ градъ, все собою забила,
И слѣдомъ за ней оставалась одна
Залитая кровью могила,
Батый, ея вождь, какъ восточный тиранъ,
Не вѣдалъ, что значитъ пощада,
Вѣдь муки и кровь изъ зіяющихъ ранъ
Для хищника—только отрада.
Гдѣ только встрѣчала преграду орда,
Живое тамъ все исчезало;
Гдѣ городъ стоялъ—не осталось слѣда,
И мѣсто травой поростало.
Натѣшившись вдоволь и Русь полонивъ
И всѣхъ истребивъ, кто не дался,
И все, гдѣ прошелъ онъ, въ конецъ разоривъ,
Батый ужъ домой возвращался;
Вдругъ городъ одинъ ему путь заслонилъ,
Ничтожный, пустой городишко;
Батыя сначала онъ лишь разсмѣшилъ,
Какъ дерзкій, безумный мальчишка,
Который дерзнулъ бы бороться со львомъ,
И встрѣтивъ голоднаго звѣря,
Сталъ смѣло грозить бы ему кулакомъ,
Въ могучесть его не повѣря.
Батый разсмѣялся и выслалъ пословъ
Сказать этой горсти безумныхъ,
Чтобъ лучше послушались милости словъ,
Чѣмъ мыслей своихъ безразсудныхъ.
Пусть тотчасъ покорно склонятся во прахъ,
И онъ имъ ихъ дерзость прощаетъ,
И чтобъ не вселить въ нихъ отчаянья страхъ,
Имъ жизнь сохранить обѣщаетъ.
Къ воротамъ Козельска прибыли послы;
Но въ городъ пословъ не пустили,
И, выслушавъ ханскій наказъ, у воротъ
Пословъ подождать попросили.
Раздался торжественный звонъ вѣчевой,
И слышанъ былъ звонъ тотъ далече,
И всѣ горожане, готовые въ бой,
Оставивъ на случай отрядъ боевой,
Сошлись на народное вѣче.
Повѣдали имъ, что велѣлъ передать
Посолъ безпощаднаго хана;
Повѣдавъ, спросили:—бороться--иль сдать
И ханское слово, какъ милость, принять,
И въ городъ пустить басурмана?
Безмолвно стояла толпа и ждала
Старѣйшихъ глагола на вѣчѣ.
Привыкла выслушивать молча она,
Довѣріемъ къ старости мудрой полна,
Ихъ мудрыя опытомъ рѣчи.
И вотъ изъ толпы выступаетъ старикъ,
И поступью медленной, важной
На паперть выходитъ; суровъ его ликъ,
Рѣшимостью блещетъ отважной.
И знаменьемъ крестнымъ себя осѣнивъ,

[1]) **Куликово поле** находится вблизи истоковъ Дона и прилегаетъ къ рѣчкѣ Непрядвѣ, въ нынѣшнемъ Епифанскомъ уѣздѣ Тульской губерніи.

Предъ храмомъ старикъ преклонился,
Потомъ, къ горожанамъ лицо обративъ,
Онъ трижды имъ всѣмъ поклонился
И молвилъ: „кто ходитъ молиться во храмъ,
Тотъ пусть татарвѣ не сдается,
Коварнымъ Батыя не вѣря словамъ,
На смерть пусть съ погаными бьется.
Вы знаете всѣ: этихъ тигровъ орда
Всю бѣдную Русь разорила,
И стольный Владимиръ, и всѣ города
Кровавой волною залила.
Неужели-жъ мы не обычнымъ путемъ
Рѣшимся отстаивать волю,
И трусить, какъ малыя дѣти, начнемъ,
И смерти въ бою, какъ рабы, предпочтемъ
Татарскую злую неволю.
Погибнемъ мы всѣ! но не скажутъ про насъ,
Что струсили мы предъ врагами,
Что храбрости лучъ въ нашемъ сердцѣ угасъ
Предъ хана Батыя ордами.
Погибнемъ! но честно, какъ гибнутъ орлы,
Гнѣздо отъ враговъ защищая,
Отвагой и силой могучей полны,
Пощады не ждя и не зная.
Докажемъ, что взять насъ въ неволю нельзя,
Пока у насъ жизнь не отнимутъ!
Припомнимъ завѣтъ Святослава, друзья!
Что мертвые срама не имутъ.“
Тутъ крестъ съ своей шеи могучей онъ снялъ,
И голосъ напрягъ необычный,
И кверху десницу высоко подъялъ,
И крестъ золотой въ ней толпѣ показалъ,
И крикнулъ могуче и зычно:
„Клянитеся, братья! что каждый изъ васъ
На смерть будетъ биться съ врагами!
Клянитеся дружно въ торжественный часъ,
Измѣнниковъ нѣтъ между нами!
А трусомъ никто никогда не посмѣлъ
Назвать насъ—и впредь не рѣшится;
Ребенокъ—и тотъ ужъ отваженъ и смѣлъ,
Когда онъ въ Козельскѣ родится.
Клянитесь!“ — „Клянемся!“ — раздалось въ отвѣтъ,
И дружно всѣ руки подняли,
И знаменьемъ крестнымъ, какъ братства завѣтъ,
Въ знакъ клятвы себя осѣняли.
Вернулись послы и отвѣтъ козельчанъ
Батыю со страхомъ сказали,
И гнѣвомъ вскипѣлъ избалованный ханъ,
И тотчасъ велѣлъ, чтобъ послали

На приступъ татаръ особливую рать,
Ужасныхъ, какъ дикіе звѣри;
И городъ сполна имъ въ добычу отдать,
Чтобъ дерзкихъ безумцевъ въ конецъ наказать
За то, что противиться смѣли.
Полдня нападали на городъ они
И лѣзли на крѣпкую стѣну;
Когда уставали иль гибли одни,
Другіе являлись на смѣну.
Но стойко врага отражая ударъ,
Какъ львы, осажденные бились,
И цѣлыя сотни погибшихъ татаръ,
Какъ мусоръ, со стѣнъ ихъ валились.
Устали татары, ужъ бой затихалъ
И съ тьмою совсѣмъ прекратился;
Самъ грозный Батый поспокойнѣе сталъ,
Должно быть и онъ утомился.
И въ ханскую ставку вернувшись, собрать
Велѣлъ воеводъ и повѣдалъ:
„На завтра смѣнить утомленную рать,
Съ удвоенной силою приступъ начать,
Никто чтобъ пощады не вѣдалъ;
Но бить, и рубить, и колоть, и стрѣлять,
Въ конецъ истребить непокорныхъ,
И страшной расправой примѣръ показать
Надъ горстью безумцевъ задорныхъ.“
На утро опять закипѣлъ страшный бой,
Но городъ врагамъ не сдавался;
Недѣля текла за недѣлей, седьмой
Чередъ подходилъ, но за крѣпкой стѣной
Козельскъ отъ татаръ отбивался.
Рѣдѣла защитниковъ малая рать,
И быстро они умалялись,
Но жены и дѣти, стремясь помогать,
На смѣну усталымъ являлись.
Тушили поджоговъ опасныхъ огни,
На бревна дома разбирали,
И за ночь на стѣны сносили они,
А днемъ на врага ихъ метали.
Торжественно данную клятву блюдя,
Всѣ часа послѣдняго ждали,
И дружно трудясь, не жалѣя себя,
Всѣ свято ее исполняли.
Батый все сильнѣй и сильнѣй свирѣпѣлъ,
И злобою полный надменной,
Орды не щадя, наконецъ повелѣлъ,
Чтобъ съ битвы никто возвратиться не смѣлъ,
Погибнуть—иль взять непремѣнно!
Чтобъ кончить къ закату, и если къ ночи
Батыя приказъ не исполнятъ,
То ихъ головами въ ту ночь палачи
Всѣ рвы городскіе наполнятъ.

БАТЫЙ ВО ВЛАДИМИРѢ.

(Съ картины В. И. Сизова).

1890 г. Типо-Литографія Новгор. Губ. Правленія.

И вотъ закипѣлъ самый яростный бой,
Отчаянно лѣзли татары,
Никто не хотѣлъ возвращаться живой,
Чтобъ ночью разстаться съ своей головой,
Боялись Батыевой кары.
Враги все росли, а защитниковъ горсть
Все меньше числомъ становилась,
Но смѣло встрѣчая татарскую злость,
Все съ той же отвагою билась.
Но храбрость хоть многое можетъ творить,
Однако имѣетъ предѣлы,
И сила должна была храбрыхъ сломить,
Хоть были отважны и смѣлы.
Конецъ наступилъ... но никто не сробѣлъ;
Живыми врагу не сдаваясь,
Погибли они не отъ вражескихъ стрѣлъ,
А грудью съ врагами сражаясь;
Кто тяжко былъ раненъ, себя добивалъ,
Свой мечъ себѣ въ сердцѣ вонзая,
И Господа гнѣвъ на врага призывалъ
За гибель родимаго края.
Орда одолѣла... какъ волны, она
Врывалася въ городъ безъ счета,
Отвагою злобы и мести полна,
Послѣдняго жаждя расчета.
Защитниковъ не было больше нигдѣ,
Для нихъ всѣ окончились бѣды,
И слышались только во градѣ вездѣ
Призывные звуки побѣды.
Проникнувши въ городъ, татары спѣшатъ
На вѣче, къ соборной оградѣ,
Гдѣ сами себя наградить поспѣшатъ,
Какъ волки, въ зарѣзанномъ стадѣ.
Извѣстно имъ было, что немощный людъ,
Кто жизнь лишь влачилъ, умирая
По цѣлымъ годамъ, неспособный на трудъ
Защиты родимаго края,
А главное женщины—цѣнный товаръ,
Предъ ужасомъ муки и срама
Имѣли обычай отъ злобныхъ татаръ
Спасаться подъ сводами храма.
Татары спѣшатъ... подбѣжали... глядятъ...
Но тщетно... для жаднаго взора
Нѣтъ пищи, лишь голыя стѣны стоятъ,
Замкнуты всѣ двери собора.
Заложены наглухо окна его,
Заложены крѣпко бойницы,
Не только людямъ не проникнуть въ него,
Не могутъ проникнуть и птицы.
Татары за дѣло: огромнымъ бревномъ
Стараются выломать двери,
И пробуютъ стѣны рубить топоромъ,
И воютъ, какъ дикіе звѣри.
Но крѣпко могучія стѣны стоятъ,
Не страшны имъ грозные крики,
И только сурово надъ входомъ глядятъ
Святителей строгіе лики.
Въ соборѣ ни звука... Вдругъ легкій дымокъ
Надъ крышей притвора поднялся
И къ небу взвился... вотъ за нимъ огонекъ
Въ окнѣ угловомъ показался...
Еще и еще... все сильнѣй и сильнѣй...
Вотъ треснула крыша отъ жара,
И вспыхнуло, ярко взлетѣвши надъ ней,
Багровое пламя пожара.
Татаръ озаряя своей краснотой,
Все выше оно поднималось...
Вдругъ стройное пѣнье молитвы святой
Во храмѣ пылавшемъ раздалось.
Все громче и громче звучала она,
И пламени трескъ заглушала,
И громко, ужаснаго чувства полна,
Окрестность собой оглашала.
Безмолвно стояли татары вокругъ;
Казалось, что звуки молитвы,
Какъ Божія вѣсть, охватила ихъ вдругъ,
Глуша въ нихъ всѣ ужасы битвы.
Вотъ рухнула крыша... но въ этотъ же мигъ
Открылись соборныя двери,
И въ нихъ показался суровый старикъ,
И грозно сіялъ его доблестный ликъ,
И ярко доспѣхи блестѣли.
Въ десницѣ былъ мечъ, его шуйца съ крестомъ
Высоко была имъ подъята,
И ринулся онъ съ обнаженнымъ мечомъ
На гибель врага-супостата.
За нимъ устремилася горсть удальцовъ,
Сѣдыхъ, но отвагою полныхъ,
Послѣднихъ за волю Козельска бойцовъ,
Послѣднихъ, но самыхъ отборныхъ,
И бились на смерть, гдѣ клялися они,
Гдѣ было послѣднее вѣче,
И всѣ полегли на защитѣ земли
Въ послѣдней, ужаснѣйшей сѣчѣ.

Доволенъ Батый! Наконецъ-то сломилъ
Онъ дерзость безумцевъ упорныхъ;
Но только цѣной дорогой побѣдилъ
Онъ горсть удальцовъ непокорныхъ.
Онъ сѣлъ на коня и, доѣхавъ до стѣнъ,
Сталъ думать, какія бы муки
Измыслить для тѣхъ, кто достанется въ плѣнъ

Въ его всемогущія руки.
На встрѣчу ему приближался Ахметъ,
Любимый его воевода,
Обычный и радостный вѣстникъ побѣдъ,
Потомокъ знатнѣйшаго рода.
—„Великій Батый, не гнѣвися на насъ,—
Онъ молвилъ,—приказъ твой исполненъ;
Насталъ для безумцевъ возмездія часъ,
Ихъ трупами городъ наполненъ,
Съ побѣдою полной! Гнѣздо козельчанъ
Со всѣмъ, что въ немъ есть, намъ досталось.“
—„А плѣнные гдѣ?“ —„Да, должно быть, что страхъ
Ихъ такъ обуялъ, что не смѣли...“
—„А женщины? дѣти?“ —„На нашихъ глазахъ
Живыми во храмѣ сгорѣли.“
Батый побѣдилъ. Но за то никому
Ужъ мстить не пришлось; не осталось
Въ живыхъ ни души, и для мести ему
Лишь кладбище мертвыхъ досталось.
И онъ повелѣлъ, чтобъ свой гнѣвъ показать
И страхъ по Руси всей навѣять:
Разрушить Козельскъ и съ землею сравнять
То мѣсто, гдѣ былъ онъ, сохой запахать
И сорной травою засѣять.
Исполнили волю владыки рабы,
Съ землей бѣдный городъ сравняли,
И городомъ *злымъ*, за упорство борьбы,
Козельскъ съ той поры называли.

Н. А. Вроцкій.

ОЖИДАНІЕ КІЕВЛЯНАМИ БАТЫЯ [1].

(изъ народной былины).

(1240 г.).

Изъ подъ той бѣлой березы кудреватыя,
Изъ подъ чуднаго креста Леванидова
Шли выбѣгали четыре тура Златорогіе,
И шли они бѣжали мимо славенъ Кіевъ-градъ,
И видѣли надъ Кіевомъ чуднымъ-чудно́,
И видѣли надъ Кіевомъ дивнымъ-дивно́:
И по той стѣнѣ городовыя
И ходитъ-гуляетъ душа красная дѣвица,
Въ рукахъ держитъ Божью книгу—Евангеліе,
Сколько ни читаетъ, а вдвое плачетъ.
Побѣжали туры прочь отъ Кіева
И встрѣтили турицу, родну-матушку,
И встрѣтили турицу, поздоровалися:
„Здравствуй, турица, родна матушка!“
— Здравствуйте, туры, малы дѣточки!
— Гдѣ вы ходили, гдѣ вы бѣгали?—
„Шли мы бѣжали мимо Кіевъ-славенъ градъ,
„Мимо ту, мимо стѣнку городовую,
„Мимо тѣ башни городовыя,
„И видѣли мы надъ Кіевомъ чуднымъ-чудно,
„И видѣли мы надъ Кіевомъ дивнымъ-дивно:
„И по той по стѣнѣ городовыя
„Ходитъ-гуляетъ душа красная дѣвица,
„Во рукахъ держитъ Божью книгу—Евангеліе,
„Сколько ни читаетъ, вдвое плачетъ.“
Говоритъ тутъ турица, родна матушка:
— Ужъ вы глупые, туры Златорогіе!
— Ничего вы, дѣточки, не знаете:
— Не душа та красна дѣвица гуляла по стѣнѣ,
— А ходила та Мать Пресвята Богородица,
— А плакала стѣна—мать городовая,
— По той ли по вѣрѣ христіанскія:—
— Будетъ надъ Кіевъ-градъ погибелье...—

КАЛИНЪ ЦАРЬ [1].

(Осада Кіева).

Да изъ Орды, Золотой земли,
Изъ тоя Могозеи богатыя, [2])
Когда подымался злой Калинъ царь,

---

[1]) «Здѣсь предлагается только начало повѣствованія о томъ, какъ царь *Калинъ*, вар. *Батыга* (т. е. Батый), подступилъ съ своимъ войскомъ къ Кіеву. Повѣствованіе начинается описаніемъ чудеснаго видѣнія, которое передаютъ дикіе туры своей матери—турицѣ, какъ они видѣли плачущую дѣву съ Евангеліемъ въ рукахъ: это вмѣстѣ и Богородица, и **стѣна городовая.** При этомъ надобно припомнить два факта изъ мѣстныхъ преданій кіевскихъ, во-первыхъ, что алтарная стѣна въ кіевскомъ Софійскомъ соборѣ, съ колоссальнымъ изображеніемъ Богородицы, доселѣ именуется **Нерушимою Стѣною,** и во-вторыхъ, что судьба Кіева, по сказаніямъ о Татарщинѣ, связана съ его **Золотыми Вратами.** Будто бы, когда было лихолѣтье, или тяжелое время, подступилъ татаринъ къ Кіеву и, будучи обиженъ нѣкоторымъ кіевскимъ богатыремъ Михайликомъ, требовалъ его отъ кіевлянъ себѣ. Кіевляне его выдали, но онъ, сѣвши на коня, поднялъ копьемъ Золотыя Ворота, и вмѣстѣ съ ними уѣхалъ въ Цареградъ. Потому татары и вошли въ Кіевъ и разгромили его, а Золотыя Ворота и доселѣ стоятъ въ Цареградѣ» (акад. Буслаевъ).

[1]) Пѣсни о татарской эпохѣ связываютъ собою историческій эпосъ съ богатырскимъ. Татарскія нашествія оставили такое сильное и страшное впечатлѣніе въ народѣ, что татары сдѣлались для него символомъ вообще всякой непріятельской силы, и эпоха татарская соединилась въ его воображеніи съ эпохой князя Владимира и его богатырей. Съ особенной яркостью ужасъ и тяжесть татарскихъ нашествій изображается въ былинѣ или пѣснѣ о царѣ Калинѣ (проф. Порфирьевъ).

[2]) Т. е., изъ Золотой Орды, которая почему то называется *Могозеею*.

Злой Калинъ царь Калиновичъ,
Ко стольному городу ко Кіеву,
Со своею силою съ поганою;
Не дошелъ онъ до Кіева за семь верстъ,
Становился Калинъ у быстра Днѣпра,
Сбиралося съ нимъ силы на сто верстъ,
Во всѣ тѣ четыре стороны·
За чѣмъ мать сыра земля не погнется?
За чѣмъ не разступится?
А отъ пару было отъ конинаго
А и мѣсяцъ, солнце померкнуло.
Не видать луча свѣта бѣлаго,
А отъ духу татарскаго
Не можно крещенымъ намъ живымъ быть. [1])
Садился Калинъ на ременчатъ стулъ,
Писалъ ярлыки скорописчаты
Ко стольному городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру,—
Что выбралъ татарина выше всѣхъ:
А мѣрою тотъ татаринъ трехъ сажень,
Голова на татаринѣ съ пивной котелъ,
Которой котелъ сорока ведеръ,
Промежъ плечами косая сажень;
Отъ мудрости слово написано:
Что возьметъ Калинъ царь стольной Кіевъ
градъ,
А Владиміра князя въ полонъ полонитъ,
Божьи церкви на дымъ пустить.
Даетъ тому татарину ярлыки скорописчаты,
И послалъ его въ Кіевъ наскоро.
Садился татаринъ на добра коня,
Поѣхалъ ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру;
А и будетъ онъ татаринъ въ Кіевѣ,
Середи двора княженецкаго,
Скакалъ татаринъ съ добра коня,
Не вяжетъ коня, не приказываетъ,
Бѣжитъ онъ во гридню во свѣтлую,
А Спасову образу не молится,
Владиміру князю не кланяется
И въ Кіевѣ людей ничѣмъ зоветъ;
Бросалъ ярлыки на круглой столъ
Передъ великаго князя Владиміра.
Отшедъ татаринъ, слово выговорилъ:

„Владиміръ князь стольной Кіевской!
А наскорѣ сдай ты намъ Кіевъ градъ,
Безъ бою, безъ драки великія,
И безъ того кроволитія напраснаго.“
Владиміръ князь запечалился,
А наскорѣ ярлыки распечатывалъ и просма-
тривалъ,
Глядючи въ ярлыки—заплакалъ свѣтъ.—
По грѣхамъ надъ княземъ учинилося,
Богатырей въ Кіевѣ не случилося,
А Калинъ царь подъ стѣною стоитъ;
А съ Калинымъ силы написано
Ни много, ни мало—на сто верстъ
Во всѣ четыре стороны.
Еще съ Калиномъ сорокъ царей со царевичемъ,
Сорокъ королей съ королевичемъ.
Подъ всякимъ царемъ силы по три тьмы,
по три тысячи.

РАЗВАЛИНЫ ДЕСЯТИННОЙ ЦЕРКВИ.

Дворцы, сребро, врата Златыя,
Толпы граждавъ, толпы дѣтей—
Все стало жертвою Батыя.

***

Могилы древнія! я прикасаюсь къ вамъ,
Великолѣпные остатки,
Вы роковые отпечатки,
Тяжелыхъ бѣдъ! О, Десятинный храмъ!
Тебя-ль привѣтствуетъ восторгъ мой грустно
сладкій!

Безчисленныя вдругъ воспоминанья! Умъ,
Завѣтнымъ бременемъ склоненный
На прахъ родной и незабвенный,
Вздымается приливомъ жаркихъ думъ:
Ахъ, это прежнихъ дней потокъ окровав-
ленный!

Здѣсь мысль обширная простерлась по гробамъ,
И въ ней, какъ въ зеркалѣ, былое!
Вслѣдъ одному спѣшитъ другое:
Варяговъ смерть, Владиміръ, чудный храмъ—
Религіи восторгъ и торжество·святое!

Вдругъ все отравлено междоусобья зломъ:
Отчизна—мрачное кладбище,
Раздоровъ область, пепелище,
Темница... братъ на брата... за Днѣпромъ
Батыя воинство—Всевышній на судищѣ!

Онъ осудилъ... дохнулъ... Монголовъ океанъ,
Всемощный, жадный и злонравный,

---

[1]) Стоитъ обратить вниманіе иа поразительное сходство разсказа объ осадѣ Кіева татарами въ былинѣ и въ лѣтописи. Лѣтописецъ говоритъ: «Въ лѣто 6748 (1240). Приде Батый Кыеву въ силѣ тяжцѣ, многомъ множествомъ силы своей, и окружи градъ и оступи сила татарвская, и бысть градъ во обдержаньи велицѣ... И бѣ Батый у города и отроци его обсѣдяху градъ, и не бѣ слышати отъ гласа скрипанія телѣгъ его множества ревѣнія вельблудъ его, и рычанія отъ гласа стадъ конь его; и бѣ исполнена земля Руская ратныхъ».

Обуреваетъ Кіевъ славный—
И гибели несется великанъ,
Въ кровавомъ саванѣ, надъ жертвою державной!

Не дрогнулъ градъ... скалой сердца̀ отшибли страхъ,
Горятъ великой мыслью лица:
„На смерть, на смерть! сія десница
Не узритъ насъ въ оковахъ: въ сихъ сердцахъ
Непобѣдимая другая есть столица!“

Нагрянулъ приступъ... трескъ... надъ рухнувшей стѣной
Бойцы схватились... Кіевъ воетъ!
Развалинъ груды кровью моетъ,
Средь вражьихъ безднъ, отчаянной десной
Великолѣпную себѣ могилу роетъ.

И Десятинный храмъ наполненъ женъ, дѣтей,
Въ нарядахъ пышныхъ жертвы-дѣвы!
Рыданье, слезы и напѣвы!...
Не слышитъ Богъ... все ближе брань... сильнѣй,
Сильнѣй отверзтые ревутъ драконовъ зѣвы...

Свершилось все! Ты палъ, но велидушно палъ,
Державный Кіевъ, честь съ тобою!
Надъ сей развалиной святою
На мечъ склонясь, въ хламидѣ задремалъ
Хранитель-Ангелъ твой съ увѣнчанной главою!...

Баронъ Розенъ.

ТАТАРСКОЕ ИГО НА РУСИ.

«О! стонати Рустѣй земли, помянувъ пръвую годину, и пръвыхъ князей»
изъ Слова о полку Игоря.

Гой, не туча въ синемъ небѣ разстилается:
Злы татары, валъ за валомъ, по Руси валятъ.
Не видать въ дыму красна солнышка;
Стономъ стонъ стоитъ по лицу земли;
Гдѣ не бьютъ людей, гонятъ полоны...
Полонянички идутъ, другъ друга спрашиваютъ:
„Изъ которой веси ты, какого города?“
—„Я изъ Кіева—изъ Чернигова—
Я изъ Суздаля—изъ Владимира—
Ты прости на вѣкъ, милъ родимый градъ!“
Ты ли, Господи, въ конецъ на Русь прогнѣвался!
Ни пощады ей не будетъ, ни спасенія?...
Въ людяхъ рознь идетъ, въ князьяхъ ко̀торы,
Гдѣ ни глянь кругомъ-темна ночь лежитъ,
Темна ночь лежитъ, непроглядная.

А. Майковъ.

ПЛѢНЪ КНЯГИНИ МАРЬИ ЮРЬЕВНЫ. [1])

(изъ народной былины).

Романъ князь, Митріевичъ младъ,
Поѣзжалъ онъ въ чисто поле
Собирать дани за тѣ годы за старые,
И унимаетъ его княгиня Марья Юрьевна:
„Душенька Романъ князь, сударь Митревичъ!
„Не уѣдь ты въ далеко-чисто поле
„Собирать тѣ дани, сударь, пошлины.
„Какъ ночесь мнѣ, Марьѣ Юрьевнѣ,
„Мало спалось, много видѣлось,
„Много видѣлось, во снѣ грезилось:
„Будто спалъ у меня, у Марьюшки, злаченъ перстень
„Со меньшова перста, съ мизеночка,
„И разсыпался на мелкія зернотка, на мушенки;
„Тутъ изъ далеча, далеча, изъ чиста поля
„Прилетѣло стадо черныхъ вороновъ,
„Расклевали мой, Марьюшкинъ, злаченъ перстень,
„Кто бы могъ мой сонъ теперь разсудить?“
Говоритъ князь Романъ, сударь Митріевичъ:
— Ты не плачь, княгиня Марья Юрьевна,
— Юрьевна, ты, лебедь бѣлая!
— Я какъ съѣзжу въ далеко-чисто поле,
— Такъ сыщу тамъ много знахарей,
— Что̀ могутъ тебѣ разсудить твой сонъ.
Говоритъ княгиня Марья Юрьевна:
„Ты душенька, Романъ князь, сударь Митревичъ!
„Не надо мнѣ твоихъ много знахарей;
„Я могу этотъ сонъ сама весь разсудить:
„Какъ ты уѣдешь въ далеко-чисто поле,
„Такъ изъ той земли изъ басурманскія

[1]) При татарскихъ нашествіяхъ похищенія и уводы въ плѣнъ женщинъ были весьма обыкновеннымъ дѣломъ. Такъ и въ пѣснѣ о князѣ Романѣ Дмитріевичѣ и супругѣ его княгинѣ Марьѣ Юрьевнѣ разсказывается, какъ эта княгиня взята была въ плѣнъ татарами къ царю Батыю.

„Наѣдутъ многи поганы татарове
„На трехъ червленыхъ новыхъ корабляхъ;
„Увезутъ меня, княгиню Марью Юрьевну.“
Ничего князь Романъ не побаровалъ
И уѣзжалъ въ далече-чисто поле.
Въ ту пору, въ то время,
Пріѣзжали поганы татарове
На трехъ червленыхъ новыхъ корабляхъ.
Тутъ княгиня въ побѣгъ пошла:
Выходила изъ высока, нова терема
На новыя сѣни,
Съ новыхъ сѣней на широкой дворъ,
Съ широка двора въ зеленый садъ;
Тамъ приздынула яблонь кудреватую
И садилась подъ яблонь кудреватую.
А тѣ поганы татарове
Выѣзжали на крутой красенъ бережокъ,
Приходили въ высокъ теремъ.
Тутъ ходитъ Марьина протомойница;
Они туто взяли плеточки шелковыя,
Стали туто бить Марьину протомойницу:
— Ты скажи намъ, скажи, не утай, скажи:
— Ты ли есть княгиня Марья Юрьевна?—
И говорила имъ Марьина протомойница:
„Я есть не княгиня Марья Юрьевна,
„Я есть Марьина протомойница...“
Они стали туто бить Марьину ключницу:
— Ты скажи намъ, скажи, не утай, скажи:
— Ты ли есть княгиня Марья Юрьевна?—
И говорила имъ Марьина ключница:
„Я есть не княгиня Марья Юрьевна,
„Я есть Марьина ключница.“
И стали они Марью отыскивать:
Выходили они изъ высока, нова терема
На новы сѣни,
Съ новыхъ сѣней на широкой дворъ,
Съ широка двора во зеленый садъ;
Приздынули туть яблонь кудреватую
И нашли княгиню Марью Юрьевну.
Стали Марьюшку допрашивать:
— Скажи: ты ли есть княгиня Марья Юрьевна?—
„Нѣтъ, я не княгиня есть Марья Юрьевна;
„Я есть Марьина постельница“.
Тутъ они брали плеточки шелковыя,
Стали ее бить,—не жалѣючись,
И стали ее снова допрашивать:
— Скажи, скажи, не утай, скажи:
— Ты ли есть княгиня Марья Юрьевна?—
Тутъ она и сказалась имъ:
„Я есть княгиня Марья Юрьевна.“—
Взяли они княгиню за бѣлы руки
И вели на пристань корабельную,
И привозили къ Батышу на червленъ корабль.

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ О ЗЛОЙ ТАТАРЩИНѢ.

1.

На горѣ, горѣ, да на крутой горѣ,
Огни горятъ да все свѣтлые,
На тѣхъ огняхъ да свѣтлыихъ
Котлы кипятъ да кипучіе.
Вокругъ огней да все свѣтлыихъ
Сидятъ тутъ злые татарове,
Сидятъ, дѣлятъ да все животы
Твоего отца родимаго.
Встань, пробудись, мое дитятко,
Сноимай со стѣны саблю вострую,
Ты коли, руби злыхъ татаровей...

2.

Спи, усни, мое дитятко,
Поколѣва гроза пройдетъ,
Гроза пройдетъ, бѣда минетъ,
Бѣда минетъ наносная!
Спи, усни, мое дитятко!
Твоя матушка—полоняночка,
Твой батюшка—полоняночекъ.
Набѣгали тутъ злы татарове,
Сожигали они домы, теремы.
Спи, усни, мое дитятко!..
Злы татарове набѣгали,
Старыхъ стариковъ убивали,
Молодыхъ въ полонъ полонили;
Разлучили тебя, дитятко,
Со родимой со матушкой,
Отогнали прочь, дитятко,
Твоего отца родимаго.
Ты расти, мое дитятко,
Въ силѣ-крѣпости, въ младости!
У тебя ли въ широкомъ дворѣ
Стоитъ теремъ одинешенекъ,
Что безъ батюшки, безъ матушки,
Безъ твоей молодой жены.
Ты скачи въ Золоту Орду,
Вызови ты родна батюшку
Со родимой матушкой,
Вызови ты молоду жену
Во свой теремъ изукрашенный!

МИХАИЛЪ ЧЕРНИГОВСКІЙ.

(изъ Гушалевича).

(убитъ 20 сентября 1246 г.).

«Рѣче же... в. кн. Михаилъ: «не хощю азъ именемъ токмо зватися христіянъ, а дѣла творите поганыхъ... пріимите славу свѣта сего, а азъ не хощю...» И начаста себѣ пѣти: «страдавше тебѣ ради, Христе, многыя муки претерпѣша.»

(Изъ сказанія священ. *Андрея* въ Пол. Собр. Лѣтоп.).

Города дотлѣваютъ подъ пепломъ,
Не осталось избы въ деревняхъ;
Не гремитъ богатырская слава
И соколики наши въ гробахъ.

Налетѣла изъ дальней сторонки
Стая птицъ поклевать мертвецовъ,
А лебедки за Днѣпръ улетѣли,
Улетѣли—и нѣту слѣдовъ.

Вотъ орлы, обагренные кровью,
Шумной стаей на сѣверъ летятъ,
На Путивль и на Курскъ многолюдный
Съ затаенной кручиной глядятъ.

Что печалитъ васъ, гордыя птицы?
Что за вѣсти несéте съ собой?
Отчего вы обрызганы кровью,
Незастывшею кровью людской?

„Богатырская кровь пролилася
И бѣжитъ по полямъ, по лугамъ.
Веселятся, пируютъ татары—
И конца нѣтъ кровавымъ пирамъ.

„Тамъ мы крылья свои обагрили,
Гдѣ струилася кровь, какъ ручей,
Гдѣ изрублены злыми врагами
Трупы нашихъ отцовъ и дѣтей.

„Стольный Кіевъ въ рукахъ Чингисхана—
За ударомъ наноситъ ударъ...
Знать сокровища Галича—града
Не насытили лютыхъ татаръ.

„Города Переяславль, Черниговъ
Глухо стонутъ въ татарскихъ цѣпяхъ;
Дѣти мрутъ безъ святого крещенья
У своихъ матерей на рукахъ.“

Скачетъ конь изъ Орды басурманской:
Что-то скажешь ты намъ, вороной?
„Князь Черниговскій“—молвитъ онъ тихо—
„Не воротится больше домой:

„Грозный ханъ приказалъ христіанамъ
Поклониться монгольскимъ богамъ—
Михаилъ же Черниговскій молвилъ:
„Лучше голову хану отдамъ!“

„И погибъ онъ за вѣру святую;
Отлетѣла его голова;
Но отъ брызнувшей крови страдальца
Встрепенулась сама татарва.“

Прилетаютъ сѣдыя кукушки—
Три сестрицы—садятся подъ рядъ,
Громко плачутъ, какъ малыя дѣти,
И рыдая орламъ говорятъ:

„На Руси на святой погибаетъ
Ни за что ея вѣрный народъ—
Отъ болѣзней, отъ тяжкихъ мученій,
Отъ чумы и отъ голода мретъ.

„Мы приносимъ печальныя вѣсти:
Не воротимъ счастливыхъ годовъ!
О, прощай, наша Русь дорогая!
Не видать намъ родимыхъ холмовъ!“

Поднялися орлы, полетѣли
И пропали въ густыхъ облакахъ...
Зашумѣлъ имъ во слѣдъ буйный вѣтеръ
И затихъ въ неприступныхъ горахъ.

О. Лепко.

МИХАИЛЪ И ѲЕОДОРЪ ЧЕРНИГОВСКІЕ.

(духовный стихъ).

Восплакася народы о гибели Россіи:
„О Русь, о Русь, прекрасная страна!
Въ тебѣ живутъ теперь татары злые:
Разоряютъ храмы Божьи народы нечестивые,
Ругаются святынѣ раскольники поганы!
О жаль, о жаль, что церкви святой Руси погибаютъ!
Святыхъ мужей, поповъ безбожники ругаютъ.
Вспокайтесь, людіе, къ небесному Отцу припадите,
Отъ чистыхъ вашихъ сердецъ любовь и вѣру Ему принесите:
Онъ милостивъ и благъ, предѣла нѣтъ Его щедротъ,
Онъ къ вамъ святыхъ мужей и избавителей пошлетъ.
Но вы, за милость Его къ вамъ, Ему возблагодарите,

Съ крѣпкою вѣрою мольбы во храмахъ совершите!“
Опомнившись народъ сталъ о грѣхахъ у Бога просити
И всѣмъ соборомъ во храмахъ о избавленіи Его молити:
И видя Богъ, что Русь святая уже погибаетъ,
Простилъ грѣхи и избавителей ей посылаетъ.
Явились на Руси два доблестны мужа съ огненными мечами:
Черниговскій Михайло, Ѳеодоръ, украсили себя россійскими вѣнцами,
Избавили они святую Русь, на краю гибели стоявшу,
И сами святые въ Ордѣ нечистой смерть мученическую пріявши.

ДАНИЛО РОМАНОВИЧЪ.

(† 1264 г.).

Покинулъ свой Галичъ Данило
И ѣдетъ въ Орду на поклонъ,
Подарки и хану и ханшѣ
Везетъ драгоцѣнные онъ.
Давно всѣ князья поклонились
Врагу православной земли,—
Княжое чело осквернили
Въ поганой ордынской пыли́.
Пришлось и ему напослѣдокъ
Склониться предъ грозной Ордой—
Къ борьбѣ не готовъ еще Галичъ,
А ханъ угрожаетъ войной.
Князь ѣдетъ безбрежною степью,
Не слышно копыта въ травѣ...
И дума—глубокая дума
Засѣла въ его головѣ.
„Не нуженъ мнѣ санъ королевскій,—
Корона отъ папы нужна,—
За насъ на враговъ всемогущихъ
Подыметъ весь Западъ она.
И венгровъ, и нѣмцевъ, и франковъ—
Всѣхъ папское слово сберетъ,—
Не даромъ же эта корона
Надъ русской главою блеснетъ?
И грозно подымется Галичъ
За Русскую землю тогда,
И въ битвѣ великой погибнетъ
Надменная, злая Орда.
Порвутся тяжелыя цѣпи,—
Мы братьямъ свободу дадимъ
И дружно, единой семьею
Зберемся подъ стягомъ роднымъ.
Довольно намъ княжьихъ раздоровъ,
Продавшихъ Россію врагамъ!
Довольно враги насъ терзали
И брали всю Русь по частямъ.
Да будетъ Россія единой,
Какъ быть ей сначала должно...
Мой Галичъ не тронутъ врагами,—
Ему всѣхъ собрать суждено.
Поѣду я ко грозному хану;
Приму нашъ послѣдній позоръ,
Чтобъ послѣ готовить спокойно
Татарамъ жестокій отпоръ.
Я выстрою всюду твердыни,
Чтобъ, ярости дикой полна,
Разбилась объ русскія скалы
Татарскаго моря волна.
И только она разобьется
И въ степи на вѣки уйдетъ,—
Возстанетъ изъ праха и пепла
Великій, свободный народъ.
Довольно раздоровъ! Довольно
Лилась у насъ братская кровь;
Пусть царствовать будетъ отнынѣ
Лишь правда, да миръ, да любовь!
Надменныхъ князей и корыстныхъ,
Готовыхъ къ раздорамъ лихимъ,
Мы общимъ соборомъ на вѣки
Смиримъ и удѣловъ лишимъ.“
Такъ думалъ Данило Романовичъ,
Въ Орду направляя свой путь,
И радостной, свѣтлой улыбкой
Лицо озарялось чуть-чуть.
За княземъ спѣшила дружина.
За нею подарки везли...
А въ Галичѣ толки иные
Въ ту пору бояре вели.
Сошлись они тайно въ свѣтлицѣ
И сѣли ликуя за столъ;
Пьютъ вина они и смѣются...
„Погибнетъ въ Ордѣ нашъ орелъ!“
И судятъ, и рядятъ бояре,—
Кому бы имъ Галичъ продать?
Данило, вишь, солонъ пришелся,
Не любитъ имъ волю давать!
„Не любитъ бояръ! Всѣ заботы
О смердахъ—простыхъ мужикахъ!
И что онъ за князь?—Воеводамъ
Нажиться не дастъ въ городахъ!
Трясется надъ каждою гривной,—
Нужны ему стѣны да рвы.

Посмотримъ, что будетъ съ Данилой?—
Ему не снести головы.“ —
И громко идутъ у нихъ толки:
Кто ляховъ, кто венгровъ зоветъ;
Кто нѣмцамъ, а кто и татарамъ
И Галичъ, и Русь продаетъ.

В. Юрьевъ.

АЛЕКСАНДРЪ НЕВСКІЙ.

Сгинь ты, туча—невзгодье ненастное!..
Выглянь, Божіе солнышко красное!

Вотъ сквозь тучу то солнце и глянуло,
Краснымъ золотомъ въ озеро кануло,
Что до самаго дна—недостаннаго,
Бѣлъ-горючими камнями стланнаго...
Только вѣдаютъ волны-разбойнички,
Да топулые въ весну покойнички,
Каково его сердце сердитое
О пороги и берегъ разбитое?
Вихремъ Ладога-озеро, бурей обвѣяно,
И волнами, что хмелемъ бродливымъ, засѣяно.
Колыхается Ладога, все колыхается,
Верстъ на двѣсти, на триста оно разливается,
Со своею со зимнею шубой прощается:
Волховъ съ праваго сняло оно рукава,
А налѣво сама укатилась Нева,
Укатилась съ Ижорой она, на просторѣ,
Погулять на Варяжскомъ родимомъ ей морѣ.
И съ Ижорой въ обгонку несется Нева,
И глядятъ на побѣжку сестеръ острова,
И кудрями своими зелеными
Наклоняются по вѣтру вслѣдъ имъ съ поклонами.
И бѣгутъ онѣ вмѣстѣ, побѣжкою скорою,—
И бѣгутъ въ перегонку—Нева со Ижорою.

Али нѣтъ въ Новогородѣ парней такихъ удалыхъ,
Кто бъ до синяго моря не выслѣдилъ ихъ,
Не стоялъ бы всю ночь до зари на озёрной на стражѣ,
Какъ простоялъ не одну, а три ноченьки даже
Ижорянинъ крещеный Пелгусій? Его отъ купели
Принялъ князь Александръ Ярославичъ, на свѣтлой недѣлѣ,
А владыка Филиппомъ нарекъ...
Вотъ стоитъ онъ—стоитъ
И на устье Ижоры онъ зорко глядитъ.
Ну, и слышитъ онъ, рапнею алой зарею:
Зашумѣла Ижора подъ дивной ладьею:
Подъ ладью опрокинулись всѣ небеса;
Надъ ладьею, что̀ крылья, взвились паруса,
И стояли въ ладьѣ двое юношей, въ ризахъ червленыхъ,
Преподобныя руки скрестивъ на могучихъ раменахъ;
На челѣ ихъ, что солнце, сіяли вѣнцы,
И, окутаны мглою, сидѣли гребцы...
Словно два серафима спустилися съ яснаго неба...
И призналъ въ нихъ Пелгусій святого Бориса и Глѣба.
Говорятъ межъ собою:
„На эту на ночь
Александру, любезному брату, намъ надо помочь!

Александръ Невскій.

Похваляются всуе кичливые шведы,
Что возьмутъ Новоградъ, да не вѣдать невѣрнымъ побѣды!
Ихъ ладьи и ихъ шнеки размечетъ Нева...“

И запомнилъ Пелгусій святыя слова.
И пришелъ съ поблѣднѣлымъ отъ ужаса ликомъ
Къ Александру онъ князю, въ смущеньи великомъ,
И повѣдалъ видѣнье свое онъ въ ночи.

И сказалъ ему князь Александръ:
„Помолчи!“

А была наканунѣ за полночь у князь Александра бесѣда,
Потому бы, что въ Новгородъ прибыли три сановитые шведа,
Три посланника—прямо отъ Магнуса, ихъ короля,
И такой ихъ извѣтъ:
„Весь вашъ Новгородъ—отчая наша земля!..
И теперь ополчаемся мы, королевскою силою:
Али дайте намъ дань, али будетъ вашъ городъ—могилою...
А для стольнаго вашего князя съ дружиною мы припасли
То цѣпей и верёвокъ, что вотъ только бы шнеки снесли...“

— Ну!..—Ратмиръ говоритъ—честь и слава заморской ихъ мочи,
Только мы до цѣпей и веревокъ небольно охочи!..
Не слыхать, чтобы Новгородъ цѣпь перенесъ!..
— На цѣпи въ Новѣгородѣ—развѣ что песъ!
— Да и то, коли лютъ, подсказалъ ему Миша.
— Три корабля трупьемъ своимъ навалиша,
Яковъ Ловчій промолвилъ.
— И Господу силъ
Слава въ вышнихъ! отъ юныхъ по имени—Савва твердилъ.
А Гаврило Олексичъ:
Да что тутъ! А спросту
Я по озеру къ нимъ доберуся безъ мосту!!!

Всталъ князь съ лавки—и всѣ позабыли Олексичій мостъ,
Что за станъ, и плечи, и ростъ!..
Знать не даромъ въ Орду его ханы къ себѣ зазывали,
Знать не даромъ же кесарь и шведскій король его братомъ назвали!
. . . .

А ордынки—у нихъ весь улусъ ошалѣлъ...
Только князь Александръ благовѣрный на нихъ и глядѣть не хотѣлъ.
Да и правду сказать: благолѣпнѣе не было въ мірѣ лица,
Да и не было также нигдѣ удальца
Супротивъ Александра... Родился онъ—самъ съ себя скинулъ сорочку,
А подросъ, такъ съ медвѣдемъ боролся потомъ въ одиночку,
И коня не сѣдлалъ, безъ сѣдла и узды,
Мчался вихремъ онъ съ нимъ, отъ звѣзды до звѣзды,
Да и вышелъ же конь: сквозь огонь, черезъ воду,
Князя вынесетъ онъ, не спросившися броду,
А на вѣчѣ-то княжескій голосъ—то сила, то страсть, то мольба,
То—архангела страшнаго смерти труба...

— Собирайтеся,—молвилъ дружинникамъ князь, со святой благостынею—
И пошелъ попроститься съ своей благовѣрной княгинею,
И въ Софійскій соборъ поклониться пошелъ онъ потомъ,
Воздыхая и плача предъ ликомъ пресвѣтлымъ Софіи, а тоже
Возглашая псаломъ пѣснопѣвца: 81
„О, Господи Боже,
О, Великій, и Крѣпкій и Праведный, насъ со врагомъ разсуди,
И да будетъ Твой судъ правовѣрный щитомъ впереди!“

Собралися дружинники князя—кто пѣше, кто конно...
Александръ Ярославичъ повелъ съ ними рѣчь неуклонно:
— Други-братья, помянемъ—не кровь и не плоть,
А слова, что: „не въ силѣ, а въ правдѣ Господь!“
И дружинники всѣ оградились крестомъ передъ битвою,
И за князь-Александръ-Ярославичемъ двинулись въ поле съ молитвою.

Воевода-то шведскій ихъ, Бюргеръ, куда былъ хитеръ:
На сто саженъ кругомъ онъ раскинулъ шатеръ,
И подперъ его столпнякомъ, глаженымъ, струженымъ, точенымъ,
Сквозь огонь главнымъ розмысломъ шведскимъ золоченымъ.
И пируютъ въ шатрѣ горделиво и весело шведы,
Новгородскія деньги и гривны считая...
И было бесѣды
За полночь у нихъ... И рѣшили они межъ собой:

Доски бросить на берегъ со шнекъ, потому
что весь берегъ крутой,
И пристать неудобно, о весь онъ обсѣлся
глухими кустами...
Порѣшили—и доски со шнекъ протянули
на берегъ мостами...
Конченъ пиръ, провели Спиридона, епископа
ихъ по мостамъ,
Только Бюргеръ на шнеку безъ помочи вы-
брался самъ...
И пора бы: не было бы русской тяжелой
погони,
Да и князь Александра...
Заржали ретивые кони—
И Гаврила Олексичъ, сквозь темныхъ кустовъ,
Сѣрой рысью прыгнулъ на сшалѣлыхъ вра-
говъ,
И сдержалъ свое слово: добрался онъ, спросту
По доскамъ, до епископской шнеки безъ мосту.
И учалъ онъ на право и лѣво рубить все
и сѣчь,
Словно въ жгучія искры о вражьи шеломы
разсыпался мечъ.
Образумились шведы въ ту пору, и вскорѣ
Сотней рукъ они витязя вмѣстѣ съ конемъ
опрокинули въ море.
Да Гаврила Олексичъ куда былъ силенъ и
строптивъ,
Да и конь его Воронъ куда былъ сердитъ
и ретивъ...
Окунулися въ море—да мигомъ на шнеки
опять они оба,
И въ обоихъ ключомъ закипѣла нещадная
злоба:
И желѣзной подковой, и тяжкимъ каленымъ
мечомъ сокрушенъ,
Утонулъ воевода—епископъ и рыцарь ихъ,
самъ Спиридонъ.
А Збыславъ Якуновичъ, тотъ сѣкъ эту чудь,
съ позѣвкомъ, и съ плеча,
И проѣхалъ сквозь полкъ ихъ, и даже
подкладомъ не вытеръ меча;
Хоть вернулся къ дружинѣ, весь красный,
и спереди онъ, да и сзади,
И его Александръ похвалилъ молодечества
буйнаго ради...
А Ратмиръ не вернулся, и только ужъ други
смогли
Вырвать трупъ для схорона, на лонѣ ро-
димой земли.
— Три корабля трупьемъ своимъ наволиша!
Крикнулъ ловчій у князь Александра, а Миша,
Стремянной, говоритъ:—Хоть пасли мы за-
морскихъ гусей ихъ пасли,
Да гусынь ихъ любезныхъ трехъ шнекъ,
почитай, не спасли!"
Балагуръ былъ. А Савва отрокъ досмыслен-
ный былъ
И у Бюргера въ ставкѣ онъ столбъ золо-
той подрубилъ.
Да и вороговъ всѣхъ, что попалися подъ
руку, тоже
Топоромъ изрубилъ онъ въ капусту...
А князь-то... О, Господи Боже!..
Какъ наѣхалъ на Бюргера, ихъ воеводу,
любимымъ конемъ,
Размахнулся съ плеча, и печать кровяную
булатнымъ копьемъ
Положилъ межъ бровей окаянному—шведу...

Затрубили рога благовѣрному князь-Але-
ксандру побѣду,
И со страхомъ бѣжали всѣ шведы, гдѣ
сушью, а гдѣ по водѣ;
Но настигла ихъ быстро Господняя кара
вездѣ;
Ужъ не князь Александръ ихъ настигъ со
своей удалою дружиной,
А другой Судія на крамольниковъ, вѣчно
Единый...

И валилися шведы валежникомъ хрупкимъ,
со смертной тревогой
Убѣгая отъ Божіей страшной грозы, не пу-
темъ, не дорогой:
По лѣсамъ и оврагамъ костями они полегли
Тамъ, гдѣ даже дружинники князя за ними
погоней не шли...
На зарѣ, крѣпкой тайной, съ дружиною
близился князь
Къ Новугороду; только была имъ нежданн-
ная встрѣча;
Застоналъ благовѣстникъ, и громкіе крики
раздалися съ вѣча,
И по Волхову къ князю молебная пѣснь
донеслась,
И въ посадѣ встрѣчали съ цвѣтами его
новгородки—
И княгиня, и красныя дѣвки, и всѣ моло-
дыя-молодки,
Въ сарафанахъ цвѣтныхъ и въ жемчужныхъ
повязкахъ, и съ лентой въ косѣ,
И бросались онѣ на колѣни предъ княземъ
возлюбленнымъ всѣ,

А епископъ и клиръ ужъ стояли давно
предъ Софійскимъ соборомъ,
И ужъ пѣли молебенъ напутственный, князю
съ дружиною хоромъ,
И успѣлъ по поднебесью вѣтеръ развѣять
побѣдную вѣсть:
„Князю Невскому слава съ дружиной, и
многія лѣта, и честь!“

Много лѣтъ прожилъ князь Александръ...
Не бывало на свѣтѣ
Преподобнаго князя мудрѣе—въ миру и въ
войнѣ, и въ совѣтѣ,
И хоругвью Божьею онъ осѣнялъ княже-
нецкій свой санъ;
А затѣмъ и пословъ ему слали и кесарь,
и папа, и ханъ,
И на письмахъ съ нимъ крѣпко любовь и
согласье они заручали;
А король шведскій Магнусъ потомкамъ сво-
имъ завѣщалъ,
Чтобъ никто ополчаться на Русь на свя̀-
тую изъ нихъ не дерзалъ...
Да и князь бы отъ миру со шведомъ не
прочь... Только годы уплыли,—
И преставился князь...
И рыдали, рыдали, рыдали
Надъ усопшимъ и старцы, и малыя дѣти
съ великой печали
Въ Новѣгородѣ... Господи! Кто же тогда
бы зѣницъ
Въ княжій гробъ не сронилъ изъ подъ
слезныхъ рѣсницъ?

Князь преставился...
Лѣтопись молвитъ: „Почилъ безъ
страданья и муки,
И безгрѣшную душу онъ ангеламъ передалъ
въ свѣтлыя руки.
А когда отпѣвали его, въ несказанной пе-
чали-тоскѣ,
Вся святая жизнь князя въочью́ предъ
людьми объявилась,
Потому что для грамоты смертной у князя
десница раскрылась.
И понынѣ душевную грамоту крѣпко онъ
держитъ въ рукѣ!“ [1])

И почіетъ нашъ князь Александръ благо-
вѣрный надъ синей Невою, [2])
И поютъ ему вѣчную память волна за волною.
И поютъ память вѣчную всѣ побережья ему...
Да душевную грамоту онъ передастъ-ли кому?
Передастъ! И крестомъ осѣнилъ чьи-то мощ-
ныя плечи,
И прійдется кому-то услышать святыя, за-
гробныя рѣчи!..

Сгинь ты, туча невзгодье ненастное!...
Выглянь, Божіе солнышко красное!...

Л. Мей.

ВЪ ГОРОДЦѢ въ 1263 году. [1])

Ночь на дворѣ и морозъ.
Мѣсяцъ—два радужныхъ свѣтлыхъ вѣнца
вкругъ него.
По небу словно идетъ торжество;
Въ кельѣ-жъ игуменской зрѣлище скорби
и слезъ.

Тихо лампада предъ образомъ Спаса горитъ;
Тихо игуменъ предъ нимъ на молитвѣ стоитъ;
Тихо бояре стоятъ по угламъ;
Тихъ и не движимъ лежитъ, головой къ об-
разамъ,
Князь Александръ, черной схимой покрытъ..
Страшнаго часа всѣ ждутъ: нѣтъ надежды.
ужъ нѣтъ!
Слышится въ кельѣ порой лишь болящаго
бредъ.

Тихо лампада предъ образомъ Спаса горитъ...
Князь неподвижно во тьму, въ безпредѣль-
ность глядитъ...
Сонъ же проходитъ предъ нимъ, иль ви-
дѣній таинственныхъ цѣпь—

Видитъ онъ - степь, безпредѣльная, бу-
рая степь...

---

[1]) Здѣсь поэтъ передаетъ преданіе, занесенное въ житіе св. князя.

[2]) По повелѣнію императора Петра I, мощи святого князя Александра Невскаго были перенесены изъ Владимира въ С.-Петербургъ, гдѣ и покоятся въ обители, именуемой Александро-Невскою Лаврою. Очевидецъ этого событія В. А. Нащокинъ (род. 1707—† 1761) разсказываетъ о немъ такъ: «И того-жъ августа 30 числа (1724 г.) мощи Св. Александра Невскаго, во имя его построенный монастырь въ С.-Петербургѣ, на берегу Невы рѣки, принесли, которые отъ Шлюшенбурга въ Петербургъ везены водою, и какъ на берегу пристали, тогда подняли мощи лейбъ-гвардіи старшіе капитаны и несли до мѣста, и для встрѣчи мощей великое собраніе было». (Записки В. А. Нащокина. СПб. 1842 г., стр. 19).

[1]) Городъ **Городецъ** (нынѣ село) въ Нижегородской губерніи, на Волгѣ. Здѣсь умерли, возвращаясь изъ Орды, и великій князь Ярославъ, отецъ Александра Невскаго, и онъ самъ.

Войлокъ разосланъ на выжженой солнцемъ землѣ.
Видитъ: отецъ! смертный потъ на челѣ,
Весь изможденъ онъ, и блѣденъ и слабъ...
Шелъ изъ Орды онъ, какъ данникъ, какъ рабъ.
Въ сердцѣ, знать, силъ не хватило обиду стерпѣть...
И простоналъ Александръ: „такъ и мнѣ умереть.—“

Тихо лампада предъ образомъ Спаса горитъ...
Князь неподвижно во тьму, въ безпредѣльность глядитъ...
Видитъ—шатеръ, дорогой, златотканной шатеръ...
Тронъ золотой на пурпурный поставленъ коверъ...
Ханъ возсѣдаетъ средь тысячи мурзъ и князей...
Князь Михаилъ передъ ставкой стоитъ у дверей...
Подняты копья надъ княжеской свѣтлой главой...
Молятъ бояре горячей мольбой...
„Не поклонюсь истуканамъ во вѣкъ“ онъ твердитъ...
Мигъ—и, поверженъ во прахъ, онъ лежитъ...
Топчутъ ногами и копьями колютъ его.—
Ханъ изумленный глядитъ изъ шатра своего...
Князь отвернулся со стономъ и, очи закрывъ,—
„Я жъ,—говоритъ, поклонился болванамъ, чрезъ огнь я прошелъ,
Жизнь я святому вѣнцу предпочелъ...
„Но“—на Спасителя взоръ устремивъ:
„Боже! Ты знаешь—не ради себя—
„Многострадальный народъ свой лишь паче души возлюбя“...
Слышатъ бояре и шепчутъ крестясь:
„Грѣхъ твой, кормилецъ, на насъ!“

Тихо лампада предъ образомъ Спаса горитъ...
Князь неподвижно во тьму, въ безпредѣльность глядитъ.—
Снится ему Ярославовъ въ Новгородѣ дворъ,
Въ шумной толпѣ и мятежъ и раздоръ...
Всѣ собралися концы и шумятъ...
„Всѣ постоимъ за святую Софію!“—вопятъ—
„Дань ей несутъ отъ Угорской земли до Ганзы ..
„Нѣмцамъ и шведамъ страшнѣй нѣтъ грозы...
„Самъ ты водилъ насъ, и—Бюргеръ твое
„Помнитъ досель на лицѣ, чай, копье!...
„Рыцари,—памятенъ имъ поттаявшій ледъ!...
„Конница словно какъ въ морѣ летитъ кровяномъ!...
„Бейте, колите, берите живьемъ
„Лживый, коварный пришельческій родъ!...
„Намъ ли баскаковъ пустить
„Грабить казну, на правежъ насъ водить?
„Злата и серебра горы у насъ въ погребахъ,—
„Намъ ли валяться у хана въ ногахъ!
„Бей ихъ, руби ихъ, баскаковъ поганыхъ татаръ!..“
И разлилася рѣка, взволновался пожаръ...
Князь приподнялся на ложѣ своемъ,
Очи сверкнули огнемъ,
Грозно сверкнули всѣмъ гнѣвомъ высокой души—
Крикнулъ: „эй вы, торгаши!
„Богъ на всю землю послалъ злую мзду.
„Вы ли одни не хотите Его покориться суду?
„Ломятся тьмами ордынцы на Русь—я себя не щажу—
„Я лишь одинъ на плечахъ ихъ держу...
„Время нести—такъ всѣмъ міромъ нести!
„Дружно, что боръ вѣковой, подыматься, расти,
„Вѣруя въ чаянье лучшихъ временъ—
„Все лишь въ конецъ претерпѣвый—спасенъ!“

Тихо лампада предъ образомъ Спаса горитъ...
Князь неподвижно во тьму, въ безпредѣльность глядитъ...
Тамъ, что завѣса, раздвинулась вдругъ передъ нимъ...
Видитъ онъ: облитый словно лучомъ золотымъ
Берегъ Невы, гдѣ разилъ онъ врага...
Вдругъ возникаетъ тамъ городъ... народомъ кишатъ берега...
Флагами вѣютъ цвѣтными кругомъ корабли...
Громъ раздается; корабль показался вдали...
Правитъ имъ кормчій съ открытымъ высокимъ челомъ...
Кормчаго всѣ называютъ царемъ...
Гробъ съ корабля поднимаютъ, ко храму несутъ,
Звонъ раздается, священные гимны поютъ...
Крышу открыли... Царь что-то толпѣ говоритъ...

Слѣдомъ—всѣ люди идутъ приложиться къ мощамъ...
Въ гробѣ жъ—князь видитъ—онъ самъ...

Тихо лампада предъ образомъ Спаса горитъ...
Князь неподвиженъ лежитъ...
Словно какъ свѣтъ надъ его просіялъ головой --
Чудной лицо озарилось красой—
Тихо игуменъ къ нему подошелъ и дрожащей рукой
Сердце ощупалъ его и чело—
И зарыдавъ возгласилъ: „наше солнце зашло!"

А. Майковъ.

АЛЕКСАНДРЪ НЕВСКІЙ.

(духовный стихъ).

Ужъ давно-то христіанска вѣра
Въ Россеюшку взошла,
Какъ и весь то народъ Русскій
Покрестился во нее;
Покрестился, возмолился
Богу Вышнему:
„Ты создай намъ, Боже,
Житье мирное, любовное:
Отжени ты отъ насъ
Враговъ пагубныхъ:
Ты посѣй на нашу Русь
Счастье многое!"

И слышалъ Богъ молитвы
Своихъ новыхъ христіанъ:
Надѣлилъ онъ ихъ
Счастьемъ многіимъ своимъ.
Но забылся народъ Русскій,
Въ счастіи живя;
Онъ сталъ Бога забывать,
А себѣ то гибель заготовлять.
И наслалъ Богъ на нихъ
Казни лютыя,
Казни лютыя смертоносныя:
Онъ наслалъ-то на святую Русь
Нечестивыхъ людей,
Нечестивыхъ людей, татаръ крымскіихъ.

Какъ и двинулось погано племя
Отъ сѣвера на югъ,
Какъ сжигали—разбивали
Грады многіе,
Пустошили—полонили
Земли русскія.
Добрались-то они до святого мѣста,
До славнаго великаго Новагорода.
Но въ этомъ-то градѣ
Жилъ христіанскій народъ:
Онъ молилъ и просилъ
О защитѣ Бога Вышняго.
И вышелъ на враговъ
Славный Новгородскій,
Новгородскій князь Александръ Невскій.
Онъ разбилъ и прогналъ
Нечестивыхъ татаръ;
Возвратившись съ войны,
Во иноки онъ пошелъ,
Онъ за святость своей жизни
Угодникомъ Бога сталъ.

И мы, грѣшніи народы,
Притекаемъ къ нему:
„Ты угодникъ Божій,
Благовѣрный Александръ!
Умоляй за насъ
Бога Вышняго,
Отгоняй отъ насъ
Враговъ пагубныхъ!
И мы тебя прославляемъ!
Слава тебѣ,
Благовѣрный Александре,
Отнынѣ и до вѣка!"

ВОЗВЫШЕНІЕ МОСКВЫ.

Когда небесной грозной кары
Надъ нами новый палъ ударъ,
Когда, пылая местью ярой,
Къ намъ вторглись полчища татаръ,
И застенала вся Россія,
И черный день нашъ наступилъ,
И мечъ свирѣпаго Батыя
Насъ волѣ ханской покорилъ,—
Въ тѣ дни безсильна и уныла,
Ярмомъ позорнымъ стѣснена,
Русь въ тайныхъ нѣдрахъ возрастила
Грядущей силы сѣмена.
Казалось, все у насъ дремало,
Но въ тайнѣ силы собирала
Россіи новая глава —
Нетороливая Москва.

Б. Алмазовъ.

ПРЕДАНІЕ О МОСКВѢ. [1]

(*изъ стих. „Москва и Кремль“*).

Тамъ, гдѣ боръ дремучій, дикій,
Пѣснь отшельника внималъ,
Бѣлокаменный, великій
Выросъ Кремль и засіялъ.

М. Дмитріевъ.

Въ глуши лѣсовъ непроходимой,
Гдѣ вѣчно слышался звѣрей бродячихъ вой,
Пустынникъ жилъ, Букалъ, надъ быстрою рѣкой,
Хранимый дланью невидимой. [2]
Простая хижина, молитвы малый домъ
И въ немъ креста изображенье,
Сосновый, бѣдный тынъ кругомъ—
Вотъ было все тогда пустынное селенье!
Казалось, кто къ нему проложитъ трудный путь?
Быть можетъ, сбившійся съ дороги,
Въ часъ грозныхъ бурь ночныхъ и общія тревоги,
Зайдетъ туда одинъ прохожій отдохнуть!
Казалось, въ жертву лишь забвенья
Все здѣсь судьбой обречено:
И этотъ домъ молитвъ, и кровъ успокоенья,
Куда пустынникомъ одно принесено
Въ грѣхахъ святое покаянье!
Казалось, все одной могилы достоянье,
Все вмѣстѣ съ старцемъ здѣсь умретъ!
Замолкнетъ гласъ его, сокроется святыня—
И мрачная, опять безлюдная пустыня
Права свои назадъ возьметъ!
Смотрите: гдѣ же этотъ боръ?
Гдѣ эти топи и трясины?
Уже съ кремнистыя вершины
Сіяетъ къ намъ крестомъ Спасителя соборъ, [1]
И стѣны тянутся съ высокими зубцами!
За сими жъ грозными стѣнами
Вы видите царей священный, пышный домъ!
Вы слышите: шумятъ повсюду восклицанья,
Гремятъ оружія, несутся ликованья,
И жизнью все кипитъ кругомъ!
О, вѣрно добраго пустынника моленье
На этотъ брегъ крутой, гдѣ мрачный боръ дремалъ,
Отъ неба призвало покровъ, благословенье—
И градъ, обширный градъ, какъ исполинъ, возсталъ!

А. Волковъ.

---

[1]) Объ основаніи Москвы существуетъ нѣсколько преданій, съ содержаніемъ которыхъ можно познакомиться по ст. Бѣляева въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1868 г. въ № 3 и по І-ой главѣ ІІ-го тома «Исторіи Россіи» Д. И. Иловайскаго.

[2]) *Букалъ* или *Вукалъ*, отшельникъ.

МИХАИЛЪ ТВЕРСКОЙ.

Свершился надъ Русью татарскій погромъ:
Отъ курной избы и до княжьихъ хоромъ
Несется рыданье и слышится стонъ,—
То плачъ по убитымъ и взятымъ въ полонъ!
И князей и народъ угнетаетъ ярмо,
Постыднаго рабства безчеститъ клеймо!

---

[1]) **Соборъ Спаса Преображенія**, или **Спасъ на Бору**, находится на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, былъ холмъ, окруженный лѣсомъ, въ которомъ жилъ отшельникъ Букалъ. Первоначально церковь эту заложилъ князь Даніилъ Александровичъ, и сперва она была дубовая; сынъ же Даніила Іоаннъ Калита сдѣлалъ ее каменною. Въ этой церкви совершались крещеніе и постриженіе московскихъ князей и княгинь, и она была свидѣтельницею обѣтовъ, даваемыхъ великими князьями, и ихъ молельнею.

Терзаютъ отчизну усобицы, споры,
Въ конецъ разъѣдаютъ и губятъ раздоры!

Зовутъ Михаила Тверского въ Орду, [1])
Предъ грозныя ханскія очи къ отвѣту.
Народъ и бояре, почуявъ бѣду,
И просятъ, и молятъ: „Внемли ты совѣту,—
Не ѣзди къ Узбеку теперь, государь!
Не ѣзди!.. и нашихъ послушайся слезъ!
Тебя твой племянникъ предъ ханомъ обнесъ,
Но гнѣвъ перейдетъ и помилуетъ царь!“

Племянникъ—Георгій Московскій—лукавъ, [2])
Не держится старыхъ обычаевъ, правъ,—
Заспоривъ о первенствѣ съ дядей, рѣшилъ:
Великаго князя столомъ завладѣть—
И къ хану Узбеку въ Орду поспѣшилъ,
Пусть скажетъ: кому на столѣ томъ сидѣть;
Три года у хана Георгій живетъ
И дядю судиться съ собою зоветъ.

Въ Ордѣ не напрасно Георгій прожилъ:
Старался предъ ханомъ и тѣмъ заслужилъ
Большую онъ милость и ласку, и честь,—
Узбекъ на великомъ княженіи сѣсть
Ему повелѣлъ и, чего и не ждалъ,—
Сестру ему въ жены Кончаку отдалъ! [3])
Соперника въ дядѣ не можетъ снести,—
Задумалъ Георгій его извести!

Отъ этого лютая скорбь на Твери!
Но доблестный князь Михаилъ на мольбы
Бояръ и народа отвѣтилъ: „Судьбы
Своей не уйдешь—хоть хитри—не хитри!
Бѣды не избыть мнѣ,—поѣду я къ хану:
Грозитъ онъ всю Тверь за меня покарать,
Такъ лучше ужъ мнѣ одному умирать!...
Господь мнѣ поможетъ!.. молиться я стану!..“

Молитвой—и страхъ, и печаль утоливъ,
И отчину всю сыновьямъ раздѣливъ,
И давши наказъ имъ въ согласіи жить,
Князь всѣхъ утѣшаетъ: „Не будемъ тужить,
Поручимъ себя и судьбу свою Богу,—
Онъ намъ не пошлетъ нестерпимаго горя!“
Простился—и къ хану пустился въ дорогу.
Нашелъ онъ его у Сурожскаго моря.

---

[1]) Великій князь тверской Михаилъ Ярославичъ былъ роднымъ племянникомъ Александра Невскаго.

[2]) Георгій Даніиловичъ, князь московскій, племянникъ Михаила Ярославича, князя тверского.

[3]) Родная сестра хана Узбека Кончака, во святомъ крещеніи Агаѳія, была выдана замужъ за Георгія Московскаго. Она умерла въ Твери, въ плѣну у Михаила.

У синяго моря, гдѣ тихій, глубокій
Въ него изливается Донъ средь раздольныхъ
Степей безконечныхъ и пастбищъ приволь-
ныхъ,—
Стояло кочевье Узбека; высокій
Возносится къ небу багряный шатеръ—
То ханская ставка; для женъ, и сестеръ,
Для матери-ханши—поменьше другіе
Бѣлѣютъ отдѣльно шатры дорогіе.

Сошлися къ Узбеку сюда на поклонъ
Вожди покоренныхъ народовъ, и онъ
Въ назначенный день принимаетъ пословъ,
Не слушая рабскихъ и льстивыхъ ихъ словъ;
Дождавшись со страхомъ урочной поры—
Узрѣть на престолѣ владыку земли,
Они подносили и дань, и дары,
И кланялись низко, на сколько могли.

Четырежды князь Михаилъ на колѣни
Предъ ханомъ склонялся, пока подходилъ;
И ставъ у престола, кладетъ на ступени
Свой даръ и, какъ видно, царю угодилъ;
Всѣ княземъ довольны,—успѣлъ еще раньше
Дары передать онъ вельможамъ и ханшѣ;
Узбекъ для охраны и пристава далъ,
Чтобъ бережно князя вездѣ соблюдалъ.

Такая отъ хана и милость, и честь!
Какъ вдругъ разнеслася тревожная вѣсть:
Узбекъ объявляетъ, что время приспѣло—
Окончить немедля забытое дѣло:
Георгія съ дядей во всемъ разсудить,—
И судъ надъ князьями велѣлъ нарядить.
Безстрашно къ отвѣту въ судѣ приступилъ,
Надѣясь на правду одну, Михаилъ.

Георгій не дремлетъ,—какъ свой онъ въ
Ордѣ,—
Судей подкупивши, во всемъ на судѣ
Оправданъ съ почетомъ; безчестное дѣло
Затѣявъ, и лжетъ, и клевещетъ онъ смѣло:
Что дядя давно ужъ душою кривилъ,
Что хану всей дани не платитъ сполна,
И что—несмываемый грѣхъ и вина—
Супругу Георгія онъ отравилъ!

А чтожъ Михаилъ?.. въ нечестивомъ совѣтѣ
Не думаютъ судьи о правомъ отвѣтѣ,—
Давно уже участь его рѣшена,
И судъ надъ несчастнымъ—забава одна...
Не выслушавъ толкомъ, сейчасъ заковали;
Въ темницу подъ стражу въ цѣпяхъ за-
ключили;

Злодѣемъ и воромъ его называли;
И вѣрныхъ бояръ отъ него удалили.

Державныхъ трудовъ отложивши заботу,
Задумалъ поѣхать Узбекъ на охоту;
На Терекъ-рѣку выѣзжаетъ теперь—
Тамъ водится всякая птица и звѣрь.
Кочуетъ Узбекъ на привольныхъ степяхъ,—
Влачитъ за собой Михаила въ цѣпяхъ!
Теперь его дѣло рѣшить не досужно,—
Пускай подождетъ, торопиться не нужно!...

Страдаетъ въ оковахъ не жалуясь князь.
Смирившись подъ Божію крѣпкую руку,
Все терпитъ, и денно и нощно молясь,—
Смиренно несетъ нестерпимую муку...
Ужасно злодѣйское сердце людское:
И тутъ не оставилъ Георгій въ покоѣ:
Не жаль ему дядю въ несчастіи видѣть,—
Задумалъ онъ князя въ конецъ изобидѣть:

Однажды средь бѣлаго дня на торгу
Баскакъ Кавгадый, на потѣху врагу,
Несчастнаго князя подъ стражей выводитъ; [1])
Надъ горемъ его издѣваясь, подходитъ
Съ Георгіемъ вмѣстѣ, позоритъ при всѣхъ:
То ханскую милость въ насмѣшку сулитъ,
То стать на колѣни предъ всѣми велитъ:
И дядины слезы—Георгію смѣхъ!...

Стоитъ на посмѣшище князь средь народа:
Окованъ цѣпями, на шеѣ колода,
Стоитъ на колѣняхъ на стыдъ и позоръ.
И горькой слезой затуманился взоръ,—
Не ждалъ надъ собою такого глумленья!..
Злодѣи ушли и не въ многомъ успѣли:
Князь слышитъ отвсюду словъ сожалѣнья!
И стражи ругаться надъ нимъ не посмѣли.

Скорбятъ Михаиловы вѣрные слуги:
„Бѣги, государь, и не бойся погони!
Найдемъ провожатыхъ; надежные кони
Давно наготовѣ!..“—„Нѣтъ, милые други,—
Отъ казни бѣжать не хочу: я боюсь—
Нахлынутъ татары за мною на Русь...
Такъ лучше ужъ смерть!—за отчизну терплю,—
Я больше чѣмъ жизнь Русь родную люблю!“

Такъ князь отвѣчаетъ. Душой умиляясь,
И дни онъ и ночи проводитъ молясь.
Священныхъ псалмовъ вдохновенные звуки
Его укрѣпляютъ. Хоть скручены руки,—

[1]) Кавгадый—татарскій воевода, мстившій Михаилу за свой плѣнъ въ Твери.

Татары его неустанно терзали.
Безжалостно руки и ноги вязали,— 88
Но отроки вѣрные, князя любя,
Держали Псалтирь, не жалѣя себя.

Далеко за Терекъ отъѣхалъ Узбекъ;
Ужъ онъ близъ Дербента, дошелъ и до горъ,
А все не извѣстенъ его приговоръ...
Кажись, не покончитъ онъ съ княземъ во вѣкъ!—
Не опытенъ, молодъ, боясь согрѣшить,
Ханъ медлитъ, не зная на чемъ порѣшить.
Но хитрый Георгій и лжетъ, и клевещетъ,—
И ханское сердце отъ гнѣва трепещетъ.

Дождался Георгій,—ликуетъ злодѣй,
Что дядю предъ ханомъ успѣлъ обвинить:
Одобрилъ Узбекъ беззаконныхъ судей,—
Велитъ Михаила позорно казнить.
Давно ожидая такого рѣшенья,
Князь къ Богу прибѣгнулъ, ища утѣшенья:
Дослушалъ заутреню, молится снова—
Душа разгорѣлась отъ Божьяго слова!

Вдругъ отрокъ вбѣгаетъ: „Охъ, княже, бѣда!..
Георгій Даниловичъ прямо сюда
Съ татарами къ вѣжѣ зачѣмъ-то идетъ!...
И всѣхъ Кавгадый за собою ведетъ!..“
„О Господи!.. знаю, зачѣмъ кровопійцы!..
За жизнью моею!..“ промолвилъ лишь князь,
Какъ разомъ вломилися въ ставку убійцы,
Въ неистовой злобѣ крича и тѣснясь.

Татары прогнали и слугъ, и бояръ,—
И князя, повергши на землю, топтали...
Безпомощенъ мученикъ... тихо шептали
Уста лишь молитву... Смертельный ударъ
Направилъ страдальцу подъ сердце ножомъ
Какой-то крещеный—злодѣй Романецъ...
Князь умеръ, пріявши безсмертный вѣнецъ...
Убійцы межъ тѣмъ занялись грабежомъ.

Окончилъ Георгій ужасное дѣло!
Съ вельможами сѣвши теперь на коней,
Подъѣхалъ онъ къ вѣжѣ и видитъ: средь ней
Нагое лежитъ Михаилово тѣло.
Отъ жалости самъ Кавгадый содрогнулся;
На трупъ обнаженный съ Георгіемъ глядя,
Промолвилъ свирѣпо: „вѣдь это твой дядя!..
Покрой же его!..“ Но злодѣй отвернулся.

Убійца безжалостенъ! злоба и месть
Совсѣмъ заглушили и совѣсть, и честь.
Забывъ о грѣхѣ и о Божіемъ страхѣ,
Онъ радъ, что соперникъ повергнутъ во прахѣ,

И ѣдетъ довольный съ татарами прочь,
А тѣло велитъ въ непроглядную ночь
Тайкомъ отвезти на Москву и въ Кремлѣ
Предать его въ Спасово церкви землѣ.

И вотъ разнеслася по свѣту молва
О гибели князя въ Ордѣ, и едва
На Тверь прилетѣла ужасная вѣсть—
Народъ и бояре, вся княжья семья,
Супруга несчастная и сыновья—
Всѣ всплакались горько; забывши про месть,
Къ Георгію шлютъ лишь моленіе слезное,
Чтобъ сжалившись выдалъ имъ тѣло любезное.

И время настало, и часъ наступилъ—
Вернулся въ родимую Тверь Михаилъ!
Приплылъ онъ по Волгѣ; на новыхъ стругахъ
Везли его тѣло, и на берегахъ—
Несмѣтной толпою, томясь съ ожиданьемъ,
Собрался на встрѣчу народъ и съ рыданьемъ
Стремится къ посмертнымъ останкамъ того,
Кто жизнью пожертвовалъ ради его!

Не взвидѣвши свѣта отъ лютой печали,
Супруга и дѣти его повстрѣчали;
Торжественно службу надъ нимъ отслужили
И въ храмѣ соборномъ его положили
Въ серебряной ракѣ, въ вѣнцахъ золотыхъ...
Господь не оставилъ его на чужбинѣ:
Въ Твери его мощи лежатъ и понынѣ,
А церковь причислила къ лику святыхъ.

А. Лукьяновскій.

ЩЕЛКАНЪ ДУДЕНТЬЕВИЧЪ.[1]

(народная былина).

(1327 г.).

А и дѣялося въ Ордѣ,
Передѣялось въ Большой,—
На стулѣ золотѣ,
На рытомъ бархатѣ,
На червчатой камкѣ
Сидитъ тутъ царь Азвякъ,
Азвякъ Тавруловичъ.
Суды разсуживаетъ
И ряды разряживаетъ,
Костылемъ размахиваетъ
По бритымъ тѣмъ усамъ,
По татарскимъ тѣмъ головамъ,
По синимъ плѣшамъ.
Шурьевъ царь дарилъ,
Азвякъ Тавруловичъ
Городами стольными:
Василья на Плесу,
Гордѣя къ Вологдѣ,
Ахрамея къ Костромѣ;
Одного не пожаловалъ
Любимаго шурина
Щелкана Дудентьевича.
За что не пожаловалъ?
И за то онъ не пожаловалъ,
Его дома не случилося,
Уѣзжалъ то младъ Щелканъ
Въ дальную землю Литовскую,
За моря синія,
Бралъ онъ, младъ Щелканъ,
Дани, невыходы, царскіе невыплаты;
Съ князей бралъ по сту рублевъ,—
Съ бояръ по пятидесять,
Съ крестьянъ по пяти рублевъ,—
У котораго денегъ нѣтъ,
У того дитя возьметъ;
У котораго дитя нѣтъ,
У того жену возьметъ;
У котораго жены-то нѣтъ,
Того самого головой возьметъ.
Вывезъ младъ Щелканъ
Дани выходы царски невыплаты;
Вывелъ младъ Щелканъ
Коня во сто рублевъ,
Сѣдло въ тысячу,
Уздѣ цѣны ей нѣтъ.
Не тѣмъ узда дорога,
Что вся узда золота,
Она тѣмъ узда дорога,
Царское жалованье
Государево величество;

---

[1]) Народная былина передаетъ въ испорченномъ видѣ событіе 1327 г., совершившееся въ Твери. *Щелканъ*, *Щолканъ* или *Шевкалъ*, сынъ *Дюденя* (*Дюдентьевичъ*) не шуринъ, какъ значится въ былинѣ, а двоюродный братъ Узбека, есть извѣстное историческое лицо. Узбекъ названъ въ былинѣ *Азвякомъ Тавруловичемъ*, по имени татарскаго богатыря *Таврула* (Хоздоврула), котораго мѣстныя рязанскія преданія относятъ ко временамъ Батыя и рязанскаго героя Евпатія Коловрата. Что же касается до *двухъ братцевъ родимыихъ*, *двy удалыхъ Борисовичей*, князей тверскихъ, то такъ названы Димитрій и Александръ Михайловичи, изъ которыхъ первый отмстилъ за своего отца, убивъ въ 1325 г. въ Ордѣ Георгія Даниловича московскаго и тамъ же былъ за то казненъ отъ хана Узбека, а другой, получивъ отъ Узбека Тверское княженіе, отмстилъ за своего брата убіеніемъ Шевкала или Щелкана. (Буслаевъ).

А нельзя дескать,
Тое узды ни продать, ни промѣнять
И друга дарить,
Щелкана Дудентьевича.
Проговоритъ младъ Щелканъ,
Младъ Дудентьевичъ:
„Гой еси царь Азвякъ,
„Азвякъ Тавруловичъ!
„Пожаловалъ ты молодцовъ,
„Любимыхъ шуриновъ,
„Двухъ удалыхъ Борисовичевъ:
„Василья на Плесу, [1])
„Гордѣя къ Вологдѣ,
„Ахрамея къ Костромѣ;
„Пожалуй ты, царь Азвякъ,
„Пожалуй ты меня
„Тверью старою, Тверью богатою
„Двумя братцами родимыми,
„Дву удалыми Борисовичи.„
Проговоритъ царь Азвякъ,
Азвякъ Тавруловичъ:
— Гой еси, шуринъ мой,
— Щелканъ Дудентьевичъ!
— Заколитъ-ко ты сына своего,
— Сына любимаго,
— Крови ты чашу нацѣди,
— Выпей ты крови тоя, горячія;
— И тогда я тебя пожалую
— Тверью старою, Тверью богатою,
— Двумя братцами родимыми,
— Дву удалыми Борисовичи.—
Втапоры младъ Щелканъ
Сына своего заколол,
Чашу крови нацѣдилъ
Выпилъ чашу тоя крови горячія;
А втапоры царь Азвякъ
За то его пожаловалъ
Тверью старою, Тверью богатою,
Двумя братцами родимыми,
Дву удалыми Борисовичи.
И втапоры младъ Щелканъ
Онъ судьею насѣлъ
Въ Тверь ту старую, въ Тверь богатую,
А немного онъ судьею сидѣлъ...
Надо всѣми наругатися,
Надъ домами насмѣхатися.
Мужики-то старые, мужики-то богатые,
Мужики-то богатые, посадскіе,
Они жалобы приносили
Двумъ братцамъ родимымъ

[1]) *На Плесу*—нынѣ въ Костромской губерніи.

Двумъ удалымъ Борисовичамъ;
Отъ народа они съ поклономъ
Пошли, съ честными подарками—
И понесли они честные подарки
Злата, серебра и скатнаго жемчугу.
Изошли его въ домѣ у себя
Щелкана Дудентьевича;
Подарки принялъ отъ нихъ,
Чести не воздалъ имъ.
Втапоры младъ Щелканъ
Зачванился онъ, загординился,
И они съ нимъ раздорили—
Одинъ ухватилъ за волосы,
А другой за ноги,
И тутъ его разорвали.
Тутъ смерть ему случилася,
Ни на комъ не сыскалося.

Еще народная пѣсня о злой татарщинѣ. [1])

Какъ за рѣчкою
Да за Дарьею
Злы татарове
Дуванъ дуванили.
На дуваньицѣ
Доставалася,
Доставалася
Тёща зятю.
Вотъ повезъ тёщу зять
Во дикую степь,
Во дикую степь
Къ молодой женѣ.
„Ну и вотъ, жена,
Тѣ работница,
Съ Руси русская
Полоняночка,
Ты заставь ее
Три дѣла дѣлати.
Первое дѣло—
Куделю прясть,
Другое дѣло—
Лебедей стеречь,
А и третье дѣло—
Дитю качать.“
Полоняночка
Съ Руси русская
Она глазками

[1]) Эта старинная народная пѣсня можетъ служить свидѣтельствомъ распространившихся въ XIV в. родовыхъ сближеній двухъ враждебныхъ другъ другу народовъ—русскихъ и татаръ.

Лебедей стережетъ,
А ручками
Кудель прядетъ,
А ножками
Колыбель колышатъ.
Охъ, качаетъ дитя,
Прибаюкиваетъ:
„Ты баю, баю,
Боярскій сынъ!
Ты по батюшкѣ
Золъ татарченокъ,
А по матушкѣ
Ты русеночекъ,
А по роду мнѣ
Ты внученокъ
И моихъ черевъ
Ты урывочекъ:
Вѣдь твоя-то мать
Мнѣ родная дочь,
Семи лѣтъ она
Въ полонъ взята,
На правой груди въ ней
Есть и родинка,
На лѣвой ногѣ
Нѣтъ мизинчика!
Мнѣ бить тебя—
Такъ грѣхъ будетъ;
Мнѣ дитей назвать—
Мнѣ вѣра не та!“
Услыхали то
Дѣвки сѣнныя,
Прибѣжали онѣ
Къ своей барынѣ:
„Государыня,
Наша барыня!
Полоняночка
Съ Руси русская
Она глазками
Лебедей стережетъ,
А ручками
Кудель прядетъ,
А ножками
Колыбель колышитъ,
Охъ, качаетъ дитя,
Прибаюкиваетъ:
„Ты баю, баю,
Боярскій сынъ!
Ты по батюшкѣ
Золъ татарченокъ,
А по матушкѣ
Ты русеночекъ,
А по роду мнѣ
Ты внученочекъ
И моихъ черевъ
Ты урывочекъ:
Вѣдь твоя-то мать
Мнѣ родная дочь,
Семи лѣтъ она
Въ полонъ взята,
На правой груди въ ней
Есть и родинка,
На лѣвой ногѣ
Нѣтъ мизинчика!
Мнѣ бить тебя,
Такъ грѣхъ будетъ;
Мнѣ дитей назвать—
Мнѣ вѣра не та!“

Что стучитъ, грючитъ,
По сѣнямъ бѣжитъ,
По сѣнямъ бѣжитъ
И дрожа дрожитъ.
Дочка къ матери
Повалилася,
Повалилася
Во рѣзвы ноги:
„Государыня,
Моя матушка!
Не спознала тебя,
Моя родная!
Ты бери ключи,
Ключи золоты,
Отпирай ларцы,
Ларцы кованы,
Ты бери казны
Сколько надобно;
Ты ступай-ко, мать,
Во конюшенку,
Ты бери коня
Что не лучшаго,
Ты бѣги, бѣги мать,
На святую Русь.“
— Не поѣду я
На святую Русь,
Я съ тобой, дитя,
Не разстануся.—

ПЕРВЫЙ СОБИРАТЕЛЬ РУСИ ІОАННЪ КАЛИТА.

(1328 г.—1340 г.).

По городу ходилъ всегда съ
мѣшкомъ
И отъ того былъ прозванъ
Калитою.

Н. Ни—овъ.

Москву
Собралъ мошной и сдѣлалъ
ее сильной.

П. Воейковъ.

КНЯЖЕНІЕ ИВАНА КАЛИТЫ.

То не звѣздочка
Засвѣтилася
Въ непроглядной тьмѣ;
То зажглась свѣча
Воску яраго
Въ каменно́й Москвѣ;
Зажигалъ ее
Тамъ святитель Петръ
Да Московскій князь...
Запримѣтили
Люди русскіе
Съ далека ее;
Ободрилися,
На нее глядятъ,
Богу молятся...
А она горитъ,
Разгорается,
Свѣтитъ всей Руси;
А Московскій князь
Возвышается,
Думу думаетъ...
Думу думаетъ,
Дѣло дѣлаетъ,
Не торопится.

А. Майковъ.

ПРОРОЧЕСТВО СВЯТИТЕЛЯ ПЕТРА.

...Великій чудотворецъ Петръ... пророчествуя глаголаше: «О боголюбѣзнѣйшій и в. княже, аще совѣта моего, сосну! послушаеши, и во градѣ своемъ Москвѣ соборную церковь каменну поставиши во имя пречистыя Богоматери, и тебѣ самаго имать Богъ благословити и прославити паче инѣхъ князей, и разпространити градъ сей паче инѣхъ градовъ, и имя Его святое сугубо прославится въ немъ, и не оскудѣютъ Державніи отъ сѣмяни твоего, обладая и царствуя мѣстомъ симъ въ роды и роды и во вѣки, изыдутъ руки ихъ на плещу враговъ ихъ, еще же и святители поживутъ въ немъ паче же и моя кости здѣ имутъ положени быти.»

изъ *Степенной* книги, ч. I.

...Когда кругомъ лишь боръ густой шумѣлъ,
А на горѣ сіялъ лишь храмъ святого Спаса
Да княжій теремокъ, гдѣ бѣдный князь
сидѣлъ —
Бесѣда вѣщая таинственно велася
Здѣсь межъ святителемъ и княземъ. Здѣсь его,
Какъ древній Самуилъ, благословилъ владыка
На собираніе народа своего.
Святителя завѣтъ исполнился великій;
Помалу собралась вкругъ Бѣлаго Кремля,
Какъ подъ надежный щитъ, вся Русская
земля,
И каждый градъ ея свою здѣсь церковь
ставилъ,
И высилась Москва!..

А. Майковъ.

ПЕТРЪ МИТРОПОЛИТЪ.

(духовный стихъ).

Долго-ли, ребята, намъ во злѣ-то погибать?
Какъ пора-то намъ, братцы, вспокаяться,
Вспокаяться, святымъ мужамъ помолитися:
„Ой вы, мужіе святые, угодники Божіе!
Вы простите грѣхи наши беззаконные,
Помолите за насъ Бога Вышняго,
Бога Вышняго, Отца милосердаго,
Чтобъ избавилъ царя нашего отъ ужасной
отъ войны,
Отъ ужасной отъ войны и отъ моровой язвы!“ [1])

[1]) Въ послѣдніе годы княженія Симеона Гордаго, сына Ивана Калиты, почти во всѣхъ русскихъ княжествахъ свирѣпствовала страшная моровая язва, извѣстная подъ именемъ *черной смерти*. Моровое повѣтріе началось на востокѣ, въ Ордѣ, распространилось по со-

А ужъ князь-то нашъ Московскій Симеонъ Ивановичъ
Онъ и смотритъ—самъ рыдаетъ—на погибшій на народъ,
Возрыдаючи рѣчь онъ взговорилъ:
„Охъ я грѣшный человѣче, прогнѣвилъ Бога мово!
За грѣхъ-то мой Богъ кóзни послалъ!“

Св. Петръ митрополитъ.

Какъ услышалъ Богъ молитвы угодника своего,
Угодника своего, Петра митрополита Московскаго:
И избавилъ градъ Москву отъ ужасной отъ войны,
Отъ ужасной отъ войны и отъ моровой язвы́.

сѣднимъ областямъ и перешло въ з. Европу. Язва обошла Англію, Францію Италію и Германію, оставляя позади себя вмѣсто многолюдныхъ городовъ почти пустыню. Умеръ отъ нея и самъ великій князь Симеонъ (26 апрѣля 1353 г.).

ПЕРВОНАЧАЛЬНИКЪ СЛАВЫ

ДИМИТРІЙ ІОАННОВИЧЪ ДОНСКОЙ,

ВНУКЪ ИВАНА КАЛИТЫ.

(1363 г.—1389 г.).

За честь отечества пылая,
Подвигъ Россію на Мамая
Димитрій, стражъ страны родной.

Б. Алмазовъ.

ИСЦѢЛЕНІЕ ТАЙДУЛЫ.

(6 сентября 1357 г.).

Опальной Руси повелитель,
Приволжскихъ ордъ ханъ Джанибекъ,
Узнавъ, что Алексій святитель
Угодный Богу человѣкъ; [1])
Великой отъ него услуги
Прислалъ съ угрозою просить:
Своей возлюбленной супругѣ
Тайдулѣ зрѣнье возвратить; [2])

И такъ заканчивалъ посланье:
„Пусть ѣдетъ вашъ святой въ Орду,
„Не то - на землю вашу бранью
„Опустошительной пойду.“
Подъ властью демоновъ страдая
И слѣпотой поражена,
Три года ужъ изнемогая,
Томилась ханская жена.

Посланью этому дивился
Великій князь, съ нимъ весь народъ—
И самъ митрополитъ смутился;
Въ соборъ Успенскій онъ идетъ—
Предъ ликомъ ангеловъ Царицы,
Къ успокоенію молвы,
Надъ чудотворною гробницей
Петра, святителя Москвы,

Молебное возноситъ пѣнье..
Вдругъ!.. Передъ ракою святой—
Всѣмъ предстоявшимъ въ изумленьи
Свѣча зажглась сама собой!..
Самъ чудомъ въ вѣрѣ укрѣпляясь
И видя въ немъ отчизны щитъ,

---

[1]) Митрополитъ Алексій, старшій сынъ черниговскаго боярина Ѳеодора Бяконта, родоначальника дворянскаго рода Плещеевыхъ, родился въ Москвѣ около 1293 г. Двадцати лѣтъ онъ постригся въ монахи, въ 1352 г. былъ посвященъ во епископы, а по смерти митрополита Ѳеогноста (11 марта 1353 г.) замѣстилъ его каѳедру.

[2]) Тайдула—жена хана Джанибека или Чанибека. По имени ея названъ нашъ городъ Тула.

На промыслъ Божій полагаясь,
Святитель въ путь, въ Орду спѣшитъ. [1])

Тамъ пламенѣя нетерпѣньемъ,
Страдалица его ждала
И многорадостнымъ видѣньемъ
Во снѣ утѣшена была.
Какъ лучъ живительной надежды,
—Предъ Джанибековой женой—
Въ сіяньи пастырской одежды
Явился Алексій святой.

Сіе отрадное явленье
Подвигло ханскую жену:
Святому сдѣлать облаченье
По видѣнному ею сну.

Св. Алексѣй митрополитъ.

Готовъ пріемъ. Шли дни за днями.
И вотъ желанный часъ насталъ—
Съ дѣтьми своими и мурзами
Святого Джанибекъ встрѣчалъ.

Самъ златотканныя одежды
Вручилъ митрополиту ханъ
И, съ тайнымъ трепетомъ надежды,
Повелъ его въ свой царскій станъ.
Къ Тайдулѣ Алексій введенный,
Чудесную свѣчу зажегъ,
Которой дивно ободренный
На подвигъ сей рѣшиться могъ.

[1]) Выѣздъ святого изъ Москвы былъ 18 августа 1357 г.

Моленье съ вѣрою живою
Принесъ Творцу небесныхъ силъ...
И освященною водою—
Татаръ царицу окропилъ...
— О, чудо Божьей благостыни!
Какъ бы воспрянувши отъ сна—
Всеоживляющей святыней
Прозрѣла ханская жена.

Тогда свершенное святымъ
Царицы видя исцѣленье,
Былъ ханъ въ восторгѣ, въ изумленьи—
Дары разсыпалъ передъ нимъ;
Свой перстень далъ; великодушно
Россійской льготы далъ землѣ;
И тутъ же ханскія конюшни
Святому подарилъ въ Кремлѣ. [1]).

Л. Бутовскій.

ИЗЪ ДРАМ. ХРОН. „МАМАЕВО ПОБОИЩЕ".

(Начало августа 1380 г.).

Келія Игумена Сергія. [2])

Великій князь.

Къ тебѣ въ печали прибѣгаю, отче!
Мой скорбный духъ бесѣдой оживи,
Мой падшій духъ молитвой окрыли.

Игуменъ Сергій.

Что̀, княже, что̀ съ тобой? не бойся, духомъ
Не падай: милосердъ Господь. Онъ любитъ,
Когда къ нему въ печали прибѣгаютъ
Съ надеждою на милость и прощенье.

Великій князь.

Ты знаешь, отче, по моимъ грѣхамъ,
Наслалъ Господь бѣду на нашу землю:

[1]) Въ 1365 г. св. Алексій на мѣстѣ конюшеннаго двора построилъ въ память чудеснаго событія исцѣленія Тайдулы общежительную обитель съ деревянною церковью во имя чуда архистратига Михаила. Отсюда и названіе **Чудова** монастыря. Мощи св. Алексія покоятся въ этой обители. Въ этой же обители восприяли св. крещеніе два великіе русскіе монарха—Петръ I и Александръ II.

[2]) Преподобный Сергій (по свѣтскому имени Варѳоломей), знаменитый основатель Троице-Сергіевской Лавры, родился въ 1314 г. въ Ростовѣ отъ родителей боярскаго рода. Черезъ нѣсколько лѣтъ семейство Варѳоломея переселилось въ Радонежъ, близъ Москвы, въ удѣлѣ брата Симеона Андрея Ивановича, гдѣ и разъединилось; старшіе братья поженились, а Варѳоломей, по смерти родителей поступилъ въ монашество и ушелъ для житья въ пустынныя мѣстности, среди густого лѣса. Изъ этого-то скуднаго, скрытаго отъ міра жилья образовалась наша знаменитая Лавра.

Идетъ на насъ Мамай со всей Ордой,
Идетъ на насъ Литва.

Игуменъ.

Что-жъ, княже, станешь
Теперь ты дѣлать?

Великій князь.

Собираю рать.
Пришелъ просить благословенья, отче,
На бой съ погаными.

Игуменъ.

Ты бой замыслилъ,
Великій бой съ Мамаемъ и Литвой!
Подумай, княже, будетъ ли подъ силу?
Ты побѣдишь-ли ихъ?

Великій князь.

Какъ дастъ Господь.

Игуменъ.

Какъ дастъ Господь! Кому Господь даруетъ
Побѣду надъ врагами? Онъ смиренье
И кротость любитъ. Помни это, княже!
Не рать сбирать, а Господу молиться,
Чтобы простилъ, тебѣ довлѣетъ, княже!
Что рать! И у поганыхъ рать; они,
Какъ ты, идутъ съ надеждой на побѣду;
Какъ ты, готовы силою кичиться.

Великій князь.

Я Господу молился со слезами.

Игуменъ.

Ты Господа молилъ. Еще молися.
Господь сказалъ: „да внидетъ въ клѣть свою
И тайно тамъ помолится Отцу.“
И видитъ Богъ молитву нашу, княже!
За тайное онъ явнымъ воздаетъ.
Ты не кичися тѣмъ, что ты молился;
Не величайся вѣрою своей.
Господь смиренныхъ любитъ. Ты подумай,
Что не одинъ ты мечъ войны подымешь:
Съ тобой пойдетъ и твой народъ великій,
Съ тобою встанетъ Русская земля.
Ты не смотри на нихъ высокомѣрно,
Не обижай ты малыхъ сихъ. Они
Работаютъ за землю неустанно
И своего куска не доѣдаютъ,
А дань тебѣ, какъ кесарю, даютъ.
Скажи мнѣ, княже, въ простотѣ сердечной,
Безъ всякой хитростной, невѣрной думы:
Мечъ подымая, думалъ ты о нихъ,
Иль о своей заботился ты славѣ?

Великій князь.

Я каюсь, отче! забывалъ порою
Я о народѣ, ради славы.

Игуменъ.

Княже!
Господь тебя проститъ. Ты не моги
Единаго отъ малыхъ сихъ обидѣть.
Какъ твой народъ тебѣ усердно служитъ,
Такъ ты ему усердно послужи.
Помысли: если за твои грѣхи
Господь тебѣ не даруетъ побѣды
И наведетъ враговъ на нашу землю,
Какъ нѣкогда на прадѣдовъ навелъ
Онъ злого Батыя, скажи мнѣ, княже:
Чья кровь прольется? чьи труды погибнутъ?
Кто за тебя умретъ? свое добро
Безъ ропота отдастъ на расхищенье?
И кто потомъ, когда пройдетъ гроза,
Оборванный, голодный, станетъ въ потѣ
Воздѣлывать ограбленную землю,
Свою страду дневную понесетъ?—
Все онъ ли станетъ, твой народъ великій.
Помысли ты объ этомъ, княже!

Великій князь (съ рыданьемъ).

Отче!

Игуменъ.

Ты плачешь, княже! Это добрый знакъ.
Незримо сердце умягчаютъ слезы
И грязь духовную съ души смываютъ.
Подумай: побѣдитъ тебя Мамай
И данью тяжкою обложитъ землю,
И горше первой, господине княже,
Покажется послѣдняя намъ дань.
И потому скажу: почти его,
Поганаго Мамая, ты дарами:
Дороже злата кровь твоихъ людей.
Богатства ли твои изсякнутъ, княже,—
Господь тебя сторицей наградитъ;
Изсякнетъ сила твоего народа,—
И станешь ты одинъ, какъ перстъ, безсиленъ.
Одинъ—не воинъ въ полѣ.

Великій князь.

Посылалъ
Я золото поганому Мамаю,
Но онъ его не принялъ, отче!

Игуменъ.

Княже!
Ты посылалъ, и онъ не принялъ дани?
Онъ въ гордости даровъ принять не хочетъ?

Великій князь.

Онъ требуетъ, чтобъ я ему платилъ
Такой же выходъ, какъ мой дѣдъ Иванъ
Даниловичъ платилъ при Чанибекѣ.
За что же, отче, станемъ мы платить?
Господь помогъ,—побили мы на Вожѣ—
Мамаевыхъ любимцевъ и князей; [1])
Господь поможетъ,—побѣдимъ поганыхъ.

Ты братьевъ Пересвѣта и Ослабю.
(затворяетъ двери и подходитъ къ великому князю).

Скажи мнѣ, княже! въ глубинѣ души
Принесъ ли Господу ты покаянье?
Сказалъ ли ты: душа моя, проснися,
Ужъ часъ приблизился? Омылъ ли ты
Слезами сердце? съ тяжкимъ воздыханьемъ
Поплакалъ ли ты о грѣхахъ великихъ?

Великій князь (становясь на колѣни).

О Господи, Владыко, Вседержитель!
Духъ кротости и мудраго смиренья
И всепрощающей любви мнѣ даруй!

Троице-Сергіева Лавра.

Игуменъ.

Коль такъ, Господь тебя благословитъ
И покараетъ гордаго Мамая.

Великій князь.

Хочу тебя просить покорно, отче!
Есть у тебя въ обители два брата:
Братъ Пересвѣтъ и братъ Ослабя. Отче!
Пошли ты ихъ со мной на бой великій.
Такихъ два война—всей рати сила.

Игуменъ (отворяетъ дверь и говоритъ въ сѣни).

Ступай и позови ко мнѣ сейчасъ

[1]) Побѣда при р. Вожѣ (1378 г.) была съ 1224 г. первою побѣдою, одержанною русскими надъ татарами.

Ей, Господи, Царю, очисти очи,
Одѣтыя грѣховной пеленой,
Да прегрѣшенія свои я вижу ясно,
Да не дерзну я брата осуждать!

Игуменъ (вдохновенно).

Се вижу я: отверзлись небеса;
Витаетъ смерть надъ Русскою землею
И вѣчные вѣнцы готовитъ многимъ.
Но не тебѣ! Ты, княже, побѣдишь.
Возстань! (князь встаетъ) иди, сразись за Бога смѣло!
Господь тебѣ прибѣжище и сила,
Заступница—Владычица святая! (цѣлуетъ его).
(Входятъ братъ Пересвѣтъ и Ослабя).

Св. Сергій Радонежскій благословляетъ Димитрія Донского на битву съ татарами.

(Съ картины В. И. Сизова).

1890 г. Типо-Литографія Новгор. Губ. Правленія.

Бр. Пересвѣтъ.

Ты, отче, повелѣлъ прійти?

Игуменъ.

Да, братья!
Братъ Пересвѣтъ и ты, Ослабя братъ!
Вы въ мірѣ воинами были, бились
За Господа и за святыя церкви,
И захотѣли потрудиться Богу
Въ обители духовными трудами;
Но нынѣ васъ Господь зоветъ на брань.
Идите и сразитесь, братья!

Оба чернеца.

Отче!
За Господа готовы пострадать,
Мученія вѣнцы пріять готовы.

Игуменъ.

И се на бой я васъ вооружу:
Вручу вамъ знаменье креста на схимахъ.
Да будетъ онъ оружье на враговъ
Нетлѣнное, да служитъ вамъ оно
Взамѣнъ шеломовъ и мечей! Идите
И собирайтесь съ княземъ въ путь-дорогу.
(Оба брата поклонившись уходятъ).

Великій князь.

И мнѣ пора.

Игуменъ.

Ты, княже, погоди.
Тебя я такъ не отпущу. Княгиня
Пенять мнѣ станетъ, что забылъ старикъ,
Не накормилъ, не напоилъ онъ князя.
Да, кстати: самъ пойдешь на бой ты, княже,
Она же пусть придетъ на богомолье,
Въ обители помолится усердно,
Пускай пѣшкомъ идетъ, не полѣнится;
Пусть бѣлое лицо обдуютъ вѣтры;
Пусть ноги притомятся,— ничего:
Для Господа потрудится.

Великій князь.

Пришлю.
Пойдемъ въ походъ, она на богомолье.

Игуменъ.

Вотъ это дѣло. Такъ пойдемъ же, княже!
По трапезѣ напутственный молебенъ
Съ акаѳистомъ тебѣ я отслужу,
И окроплю тебя святой водою,
И осѣню крестомъ животворящимъ.
Пойдемъ же, княже! Не побрезгуй нами:
У насъ не то, что на Москвѣ у васъ;
Не обезсудь насъ, господине княже!
Не пировать, трапезовать зову.
Мы чѣмъ богаты, тѣмъ и рады. Такъ-то.
(Идетъ, великій князь за нимъ.)

Д. Аверкіевъ.

ПѢСНЯ.

И завыла труба надъ Москвой-рѣкой!
Побѣжалъ ея звукъ во всѣ княжества;
Пробуждалъ ея зыкъ —Русь дремавшую,
Боевой трубы не слыхавшую!
Кличетъ громко труба—добрыхъ молодцевъ,
Зоветъ своихъ удалыхъ дѣтей,
Говоритъ своимъ мѣднымъ голосомъ:

Встань, проснись, земля
Православная!
Долго ль спать тебѣ—
Непробуднымъ сномъ?

Осмотрись кругомъ!
Съ кѣмъ ты здѣсь вдвоемъ?
Кто на смерть тебя
Здѣсь баюкаетъ?

На твоей на могучей груди
Злой татаринъ сидитъ чернымъ ворономъ!
Рветъ онъ сердце твое богатырское;
Раздираетъ злодѣй твои внутренности:
Пьетъ онъ силу твою—твой народный духъ,
И надъ сонной надъ тобой, онъ смѣется вслухъ!

Ты послушай! въ ордахъ,
Что за урево?
Въ ихъ широкихъ степяхъ,
Что за стонъ стоитъ?

Ни степные табуны
Тамъ на сгонахъ ржутъ!
Ни придонскія стада
По зарѣ ревутъ!

Это братья твои, полонянники,
Подъ нагайками разбоя тебѣ молятся!
Это жены твои, опозоренныя;
Это дочери дѣвицы, обезчещенныя,
На поганыхъ коврахъ стонутъ воплями,
Поднимаютъ къ тебѣ руки связанныя!

Русь! иль силы въ тебѣ нѣтъ?
Али мочи не стало?
Развѣ бѣлый вольный свѣтъ
Встарь не ты межевала?

Когда Кіевскій Олегъ Русью горы пробивалъ!
Когда князь Святославъ Русь до звѣздъ поднималъ!
Когда старый Владиміръ Русью царства обнималъ!
Когда при полѣ бойцы, при полкахъ удальцы
По поднебесью громомъ трескучимъ покатывались,
На полъ міра тяжкой палицей замахивались!

Развѣ прежніе враги были глиняные?
Развѣ въ битвахъ они были связанные?
Развѣ въ нынѣшнихъ татарахъ
Кровь свинцовая течетъ?

Развѣ русскіе мечи
Кровь ихъ не лизали?
Развѣ крѣпче ихъ булатъ
Нашей жгучей стали?

Вотъ проснулась Русь!

И тряхнувши кудрями пошла на борьбу!
Вынимала она лукъ изъ чингалища,
Да рогатину-медвѣдицу изъ темной кладовой
Да наслѣдственный бердышъ пятипудовой!
Забратала коня златогриваго,
Скликнулась, вскочила на развалистый хребетъ:
Ему въ уши не свищетъ, его плеткой не бьетъ,
А ужъ конь—полканъ здѣсь у Дона ржетъ!

Д. И. Минаевъ.

ИЗЪ ТРАГЕДІИ „ДИМИТРІЙ ДОНСКОЙ".

I.

Димитрій и прочіе россійскіе князья, бояре, военачальники, сидящіе и составляющіе совѣтъ.

Димитрій.

Россійскіе князья, бояре, воеводы,
Прешедшіе чрезъ Донъ отыскивать свободы
И свергнуть наконецъ насильствія яремъ!
Доколѣ было намъ въ отечествѣ своемъ
Терпѣть татаровъ власть, и въ униженной долѣ
Рабами ихъ сидѣть на княжескомъ престолѣ?
Уже близъ двухъ вѣковъ, какъ въ ярости своей
Послали небеса жестокихъ сихъ бичей;
Близъ двухъ вѣковъ, враги то явные, то скрытны,
Какъ враны алчные, какъ волки ненасытны,
Татары губятъ, жгутъ и расхищаютъ насъ.
Къ отмщенью нашему я созвалъ нынѣ васъ:
Бѣды платить врагамъ настало нынѣ время.
Кипчакская Орда, какъ исполинско бремя,
Лежала въ цѣлости на росскихъ раменахъ
И разсѣвала вкругъ уныніе и страхъ;
Теперь отъ тягости распалася на части.
Междоусобна брань, раздоръ и всѣ напасти,
Которыми предъ симъ Россійская страна

Димитрій Донской.

До разслабленія была доведена,
Пришли въ сію Орду. Возникши новы ханы
Отторглись отъ нея; но алчные тираны,
Едва возникшіе, нашъ угрожаютъ край.
Изъ нихъ алчнѣе всѣхъ, хитрѣе всѣхъ Мамай,
Задонскія Орды властитель злочестивый.
Возставъ противу насъ войной несправедливой,
Онъ къ намъ уже спѣшитъ, и, можетъ быть, сей ханъ
Съ зарею завтрашней предъ нашъ явится станъ.
Но, видя русскихъ силъ внезапно съединенье,
Смутился сердцемъ онъ и мыслью впалъ въ сомнѣнье,
Посольство предъ собой рѣшился къ намъ прислать.
Друзья Димитрія, разсудите ль принять?

Иль твердыми пребывъ въ намѣреньи геройскомъ,
Мамаю отвѣчать мы будемъ передъ войскомъ,
Чтобъ первый россіянъ и смѣлый ихъ ударъ
Раздался по землѣ и ужаснулъ татаръ?

Тверской.

Такъ будемъ отвѣчать предъ войскомъ въ ратномъ полѣ!
Никто изъ васъ, князья, меня не можетъ болѣ
Желать отмщенія врагамъ свирѣпымъ симъ.
Чей родъ во бѣдствіяхъ сравняется съ Тверскимъ?
Мой дѣдъ и прадѣдъ мой, въ мученіяхъ безмѣрныхъ,
Главы сложили въ гробъ измѣною невѣрныхъ,
И прахъ стонаетъ ихъ подъ властію Орды.
Великій россовъ князь, ты созвалъ насъ сюды
Не съ тѣмъ, чтобы вступать съ Мамаемъ въ договоры,
Но битвою рѣшить и кончить съ нимъ раздоры.
Тверское воинство родитель ввѣрилъ мнѣ;
Нижегородскій князь, участвуя въ войнѣ,
Но, древностію лѣтъ не въ силахъ выйти въ поле,
Свою отважну рать моей повѣрилъ волѣ.
Отъ устія Оки, отъ волжскихъ береговъ,
Привелъ я храбрыхъ сонмъ искать, сражать враговъ.

. . . .

Всѣ русскіе князья съ отважностію равной
Горятъ принять мечи и въ бой стремятся славный;
Почто же видѣть намъ Мамаева посла?
Когда пріязнь татаръ быть искренней могла?
Пойдемъ противу нихъ, сотремъ ихъ горды силы,
Или найдемъ себѣ здѣсь славныя могилы!

Бѣлозерскій.

О, сколько счастливъ я, до сихъ доживши дней,
Согласье видя здѣсь, любовь между князей
И на враговъ въ сердцахъ единодушну ревность!
И такъ, въ отверзтый гробъ мою склоняя древность,
Почіющимъ отцамъ могу надежду несть,
Что возстановится страны Россійской честь,
Что возвратятся ей могущество и слава.
О, тѣнь Владимира, и ты, тѣнь Ярослава,
Родоначальныя домовъ княжихъ главы!
На лонѣ ангеловъ возвеселитесь вы,
Когда предвидите благополучно время,
Какъ раздѣленное народовъ русскихъ племя,
Соединясь душой одной въ составъ одинъ,
Явится въ торжествѣ, какъ грозный исполинъ,
И міру дастъ законъ Россія съединенна.

(Къ Димитрію)

Димитрій, для тебя побѣда несомнѣнна.
Нѣтъ, никогда еще въ такой обширный станъ
Не собирали войскъ ни дѣдъ твой Іоаннъ,
Ни гордый Симеонъ, ни кроткій твой родитель;
И Бѣлозерскихъ силъ я, давній предводитель,
Не видѣлъ, чтобъ когда Россія извела
Отважныхъ ратниковъ толикаго числа.
Изъ русскихъ всѣхъ князей одинъ Олегъ въ Рязани
Остался въ праздности и безъ участья въ брани:
Одинъ на общій стонъ его безчувственъ слухъ.
Погибни память тѣхъ, которыхъ можетъ духъ
Бѣды отечества спокойнымъ видѣть взоромъ,
Иль лучше имя ихъ пускай прейдетъ съ позоромъ
Въ потомство позднее и въ безконечный стыдъ!
Но сколь, о государь, успѣхъ тебя не льститъ,
Совѣтъ однакожъ мой: принять татаръ посольство,
И если можемъ мы возстановить спокойство,
Платя Мамаю дань...

(Всѣ князья изъявляютъ негодованіе)

Димитрій.

О, Бѣлозерскій князь,
Что предлагаешь ты? Чтобъ, брани убоясь,
Постыдной податью мы власть приняли ханску?

Бѣлозерскій.

Чтобъ пощадили кровь безцѣнну христіанску.
Мамая побѣдивъ, брегися, чтобъ орды
Не съединились вновь для нашея бѣды;
Брегись, чтобъ подвигъ сей, намъ временно счастливый,
Не возбудилъ опять ихъ духъ властолюбивый
И чтобы наконецъ не усмотрѣлъ ихъ взоръ,
Сколь вреденъ власти ихъ тщеславія раздоръ,
Который межъ собой ихъ хановъ раздѣляетъ.
Скорѣй обиженный обиды забываетъ,
Чѣмъ тотъ, кто ихъ нанесъ въ свирѣпости своей,
И грабежи, пожаръ, убійство женъ, дѣтей,
Которые на насъ татары изливали,
По мнѣнью ихъ, ордамъ надъ ними право дали,
Своею отчиной они Россію чтутъ;
Зря наше мужество, нестройствія прервутъ;
На бѣдства россіянъ согласны будутъ вскорѣ.

Дай лучше имъ слабѣть въ ихъ пагубномъ раздорѣ;
Дай намъ усилиться средь мирной тишины,
И, отклонивъ отъ насъ случайности войны,
Ты миръ предпочитай побѣдѣ безполезной!

Димитрій.

Ахъ, лучше смерть въ бою, чѣмъ миръ принять безчестный!
Такъ предки мыслили, такъ будемъ мыслить мы.
Прошли тѣ времена, какъ робкіе умы
Въ татарахъ видѣли орудіе небесно,
Чему противиться безумно и невмѣстно.
Но въ наши дни и честь, и самой вѣры гласъ
Противъ мучителей вооружаютъ насъ.
Сей гласъ вѣщаетъ намъ, сей вѣры гласъ завѣтный,
Что павшему въ бою вѣнецъ готовъ безсмертный,
Что въ радость райскую чрезъ гробъ вступаетъ онъ.
О, Сергій, пастырь душъ, кого согражданъ стонъ
Толико разъ смущалъ среди молитвъ пустынныхъ,
Толико слезъ извлекъ на участь неповинныхъ!
О, ты, который намъ, священною рукой
Явивъ благословилъ сей предлежащій бой!
Изъ той обители, гдѣ дни ведешь смиренны,
Внуши мои слова: тобою вдохновенны,
Они воспламенятъ россійскія сердца
Искать свободы здѣсь, иль райскаго вѣнца!
Такъ лучше жить престать, иль вовсе не родиться,
Чѣмъ племенамъ чужимъ подъ иго покориться,
Чѣмъ званьемъ данниковъ корыстолюбью льстить.
Симъ рабствомъ ли бѣды мы можемъ отвратить?
Кто платитъ дань, тотъ слабъ; кто слабый духъ являетъ,
Тотъ алчность наглую къ обидѣ призываетъ.
Но ханскаго посла согласенъ я принять
И весть предъ сонмъ князей, не съ тѣмъ, чтобы внимать
Татарской наглости постыднымъ предложеньямъ,
Но чтобъ явить ему готовый духъ къ сраженьямъ,
Чтобъ мужество читалъ на вашихъ онъ челахъ,
Содрогся бъ и принесъ во станъ къ Мамаю страхъ.

Смоленскій.

Весь сонмъ на твой совѣтъ согласье изъявляетъ.

Димитрій.

Посланникъ близъ шатра рѣшенья ожидаетъ.
Ты, Бренскій, приведи прибывшихъ къ намъ татаръ!

II.

Русскіе князья сидящіе, посолъ Мамаевъ, сопровождаемый нѣсколькими татарами.

Посолъ.

Россійскіе князья, непобѣдимый ханъ
Задонскія Орды и всѣхъ восточныхъ странъ,
И Русскія земли верховный обладатель,
Вашъ грозный судія, крамольниковъ каратель,
Ту руку, коею нанесть вамъ долженъ смерть,
Благоволилъ еще ко благости простерть:
Остановляетъ онъ грозящи вамъ удары,
И за Непрядвою удержаны татары;
Съ Мамаемъ девять ордъ и семьдесятъ князей,
Съ нимъ страшный исполинъ, наѣздникъ Челубей,
Чья грудь широкая, какъ бы стѣна средь боевъ,
Чей мечъ ужаснѣе великой рати воевъ.
Противу нашихъ силъ вамъ можно-ль устоять?
Смиритесь лучше вы, разсѣйте вашу рать.
Отправьте должну дань, покорствуя Мамаю!
Я именемъ его вамъ милость обѣщаю.
Раскаяніе зря, рѣшится онъ простить,
И вашу жизнь еще позволитъ вамъ продлить.

Димитрій.

О, дерзостный посолъ надменнѣйшаго хана!
Обширность видѣлъ ты россійскихъ воевъ стана,
Здѣсь видишь храбрыхъ сонмъ: и жизнь, какъ нѣкій даръ,
Намъ смѣешь предлагать отъ благости татаръ!
Но жить еще кому, иль намъ или Мамаю —
Оружіе рѣшитъ; я твердо уповаю,
Что чудный крѣпостью и справедливый Богъ
Поможетъ намъ сотреть гордыни вашей рогъ;
Поможетъ намъ отмстить убійства, расхищенья,
Пожары, грабежи, всѣ роды истребленья,
Которые отъ васъ Россія пренесла.
Вотъ ваши подвиги, вотъ славныя дѣла,
На чтò ссылаяся, вы требуете дани!
Но брань конецъ правамъ, добытымъ черезъ брани;
Осталось мужество единымъ намъ добромъ,
И хану дань несемъ не златомъ, не сребромъ;
Нѣтъ, дани для него мы собрали иныя:
Мечи булатные и стрѣлы каленыя.
Пусть оныя принявъ Непрядву перейдетъ!

Посолъ.

Какая слѣпота васъ къ гибели ведетъ!

Димитрій.

Какою алчностью вы къ гибели ведомы!

Посолъ.

По праву сильнаго, всѣ ваши земли, домы
И все имущество—стяжаніе татаръ,
И самый солнца свѣтъ вамъ хановъ нашихъ
даръ.

Димитрій.

Но право храбраго мечомъ отмщать убійство,
Свободу защищать и отражать насильство.

Посолъ.

Или не помните Батыевыхъ побѣдъ?

Димитрій.

Для мести намъ Батый оставилъ вѣчный слѣдъ.

Посолъ.

Страшитесь раздражить Мамая непокорствомъ.

Димитрій (вставая, за нимъ всѣ князья)

Татаринъ, я твоимъ скучаю ужъ упорствомъ;
Но, чтя въ лицѣ посла народныя права,—
Презрѣнье мой отвѣтъ на дерзкія слова.
Ты наше войско зрѣлъ, рѣшимость нашу
знаешь:
Чего же медлишь здѣсь? чего ты ожидаешь?
Иди къ пославшему и возвѣсти ему,
Что Богу Русскій князь покоренъ одному.

Посолъ.

Иду отсель. Но знай, о князь высокомѣрный,
Что будетъ надъ тобой Мамая гнѣвъ примѣрный!
И отъ сего часа, покорствуй ты, иль нѣтъ,
Нашъ ханъ Димитрію пощады не даетъ:
Для русскихъ всѣхъ князей на милость онъ
склонится;
Съ тобою же никакъ, ничѣмъ не примирится.
И будетъ тотъ владѣть престоломъ и Москвой,
Кто явится къ нему съ твоей въ рукахъ главой.

Бренскій (берется за мечъ)

Ордынецъ дерзостный!...

Димитрій (,останавливая Бренскаго).

Оставь его безумство:
Престола хищника послу прилично буйство.
(Къ послу).

Скажи, что я горжусь Мамаевой враждой:
Кто чести, правдѣ врагъ, тотъ врагъ, конечно,
мой.
(Подаетъ знакъ, чтобы татаръ вывели).

III.

Театръ представляетъ сборное мѣсто среди лагеря и близъ шатра Димитрія. Дѣйствіе происходитъ въ концѣ ночи передъ разсвѣтомъ. Димитрій и воинъ.

Димитрій.

Допрошенъ ли ужъ былъ начальникъ поло-
ненныхъ,
Отъ войскъ сторожевыхъ отрядомъ приведен-
ныхъ?
Извѣстна-ль мысль его, и кто ордынецъ сей?

Воинъ.

Отъ рода знатнаго, онъ изъ числа князей,
Пришедшихъ на грабежъ подъ бунчуки Мамая;
Неосторожными найти насъ уповая,
Для поисковъ ночныхъ онъ предводилъ та-
таръ:
Вотъ все, что знаю я. Но сонмъ твоихъ бояръ,
Предъ коимъ, можетъ быть, ордынецъ сей при-
знался,
Окончивъ думы часъ, въ шатрѣ твоемъ со-
брался.

Димитрій.

Введи бояръ сюда! (Воинъ уходитъ).

Димитрій и московскіе бояре.

Димитрій.

Опоры твердыя престола и державы,
Совѣтный духъ князей, лучи ихъ прочной
славы.
Вы, коихъ за меня избралъ народа гласъ:
Такъ, онъ мнѣ указалъ молвой своей на васъ,
Цѣнитель доблестей и часто справедливой!
Бояре, рѣшено-ль? Отъ рати злочестивой
Еще ль хотите вы, чтобы я шелъ чрезъ Донъ?
Иль мужества принявъ единственный законъ,
Не лучше ль ни на шагъ предъ ней не отсту-
пая,
Съ отважностью итти во срѣтенье Мамая?

Бояринъ.

Хоть прежде, государь, совѣтъ твоихъ бояръ
И предлагалъ тебѣ отъ ярости татаръ

Нашъ станъ перенести чрезъ быстры Дона воды,
Гдѣ переправа имъ, препона отъ природы,
Остановила бы стремленіе ихъ силъ;
Но плѣнникъ нашу мысль признаньемъ просвѣтилъ:
Постыдно будетъ намъ отъ боя уклоняться,
Когда священный долгъ и честь велятъ сражаться.

Димитрій.

Какую жъ тайну вамъ ордынецъ сей открылъ?

Бояринъ.

Что ханъ посольскія угрозы подтвердилъ;
Что, русской смѣлости признавъ тебя душою,
Онъ обѣщался брань не прекращать съ Москвою,
Доколѣ не сорветъ съ главы твоей вѣнецъ,
Доколь сея главы не сокрушитъ въ конецъ
И оной въ ярости, для трепета вселенной,
Не выставитъ въ Ордѣ залогъ окровавленный.
Татаръ воспламенилъ свирѣпостью своей;
И гордый силою, огромный Челубей
Мамаю поклялся словами Алкорана
Димитрія главу повергнуть передъ хана.
Живымъ ли, государь, ту наглость намъ терпѣть?
Нѣтъ, лучше средь враговъ съ оружьемъ умереть!

Димитрій.

Не столь легко, друзья, надменну Челубею
Сорвать мою главу и похваляться ею!
И, Бога браней я на помощь намъ призвавъ,
Сражусь, и ницъ падетъ сей новый Голіаѳъ!
Исчезнетъ дерзкихъ путь, сотрется мощь строптива,
И съ шумомъ память ихъ погибнетъ нечестива!
Не въ сонмѣ силъ земныхъ, но въ правдѣ явенъ Богъ.
И вашъ ордынцамъ мечъ то доказать возмогъ,
Когда съ Бигичемъ ихъ онъ поражалъ на Вожѣ.
Тотъ самый съ нами Богъ, и мужество въ насъ тоже:
Такъ смертью ли смущать и мысль и тверду грудь?
Мечи къ побѣдѣ намъ прольютъ кровавый путь.

Бояринъ.

Побѣды, государь, для насъ недежда тщетна.
Какъ зимній вьюги снѣгъ, такъ рать враговъ несмѣтна,
И сборно воинство россійскихъ всѣхъ князей
Едва противостать могло бы нынѣ ей.
Но мы, оставлены большею войска частью,
Не устрашилися грозящей намъ напастью;
На вѣрну смерть течемъ, какъ къ морю сонмы водъ.
Гдѣ, благостью князей блаженствуя народъ,
Въ владыкахъ зритъ любовь отечественной славы,
Тамъ въ нихъ онъ признаетъ отцовъ священны правы,
И подданные тамъ не такъ, какъ ихъ рабы,
Которы отъ премѣнъ ждя лучшія судьбы,
Въ день брани преклоня и выи и колѣна,
О жизни молятъ лишь и не стыдятся плѣна;
Но такъ, какъ дѣти ихъ, ордынцевъ презря мечъ,
За честь своихъ князей костьми готовы лечь,
На смерть рѣшительно такъ мы идемъ съ тобою.

Димитрій.

Умремъ, коль смерть въ бою назначена судьбою;
Не преживемъ, друзья, надежды лестной той,
Чтобъ свергнуть съ насъ яремъ отважною рукой!
Пусть цѣпи тотъ влачитъ, кто ихъ сорвать не смѣетъ;
Въ могилѣ нѣтъ оковъ, тамъ звукъ цѣпей нѣмѣетъ.
Умремъ, какъ храбрые: и въ память нашихъ дѣлъ,
Чтобы надгробный дернъ надъ нами зеленѣлъ;
Чтобъ робкаго стопы къ нему не прикасались
И праху мыслію потомки поклонялись.
Грядущи времена, сокрытыя отъ насъ!
Судьями нашихъ дѣлъ я призываю васъ:
Вы будете цѣнить нашъ подвигъ знаменитый.
И коль свободы днесь мы слабою защитой,
Когда отечества не можемъ мы спасти,
Хотимъ себя въ его паденьи погребсти;
Но память пусть живетъ: въ примѣръ ее почтите!
Бояре мудрые! Вы къ воинамъ идите,
Устройте ихъ ряды и, какъ наступитъ часъ,
Пусть битву возвѣститъ воинскій трубный гласъ!

(Бояре уходятъ).

В. Озеровъ.

ПРЕДСКАЗАНІЕ БОБРОКА.

Мѣсто между двумя полками. Глубокая ночь.
(На 8 Сентября 1380 г.).

Ѣдутъ: Великій князь и Боброкъ.

Великій князь.

Потьма! Туманъ густой! Ни зги не видно!

Боброкъ.

Настигла ночь глубокая. Сейчасъ
Мы въѣдемъ на середину поля.
Вотъ тутъ, какъ разъ. Сойдемъ съ коней.
(Сходятъ съ коней).
Теперь
Оборотись лицомъ къ татарскому полку
И слушай, и про все, что не услышишь,
Повѣдай мнѣ. (Князь слушаетъ).
Что слышишь?

Великій князь.

Слышу кличъ
И стукъ большой, какъ будто на торгу,
Какъ будто городъ рубятъ, или въ трубы
Трубятъ,—а сзади волки страшно воютъ.
А справа слышится мнѣ въ птицахъ трепетъ.
Бьютъ крыльями онѣ, кричатъ, что мочи;
Играетъ вороньё, а по Непрядвѣ
Орлиный клёктъ несется. Словно битва
У нихъ великая. Гроза и страхъ!

Боброкъ.

Оборотися къ русскому полку
Теперь. Что слышишь?

Великій князь.

Ничего не слышу;
Тамъ тишина великая; а вижу,
Какъ будто зори занялися тамъ
Отъ множества огней.

Боброкъ.

Ну, слава Богу,
Огни—то добрая примѣта, княже!
Благодари-же Бога и святую
Владычицу и всѣхъ святыхъ. Молись
И вѣрою всечастно укрѣпляйся.
То добрыя примѣты. Погоди
Есть у меня еще примѣты, княже! (припадаетъ правымъ ухомъ къ землѣ).

Великій князь.

Что слышишь?

Боброкъ.

Помолчи; скажу я послѣ. (Встаетъ).

Великій князь.

Ну, что-же? Что молчишь? сказать не хочешь?
Должно, не добрыя примѣты слышалъ,
Коль объявить не хочешь мнѣ.

Боброкъ.

Я слышалъ...
Нѣтъ, лучше не скажу.

Великій князь.

Скажи, братъ Дмитрій.
Ну отчего не хочешь ты сказать?
Я не боюсь, во всемъ Господня воля.

Боброкъ.

Еще, пожалуй, пуще опечалишь
Тебя словами; лучше промолчать.

Великій князь.

Да что съ тобой? Въ лицѣ перемѣнился—
Ты плачешь, братъ Димитрій? Не томи
Меня. Повѣдай, что ты слышалъ. Хуже
Страшиться буду, ничего не зная;
Изноетъ сердце.

Боброкъ.

Одному тебѣ
Повѣдаю я все; но ты ни слова
Не говори объ этомъ никому.
Повѣдаю тебѣ два слова, княже!
На радость на великую одно,
Другое—на великую на скорбь.
Припалъ я ухомъ на землю и слышалъ,
Какъ, разрываясь на-двое, земля
Прегорько, страшно плакала—рыдала.
Направо—словно нѣкая жена
Заплакала внезапно, закричала
И по-татарски что-то причитала
О дѣтяхъ убиваючись своихъ,
И слезы изливала, будто рѣки;
Съ другой-же стороны земля,
Какъ будто дѣвица, вопила плача
И, какъ свирѣль, звучалъ плачевный голосъ
Въ великой скорби и печали.—Княже!
Во многихъ битвахъ я перебывалъ
И испыталъ я множество примѣтъ;
Извѣстны мнѣ и явны всѣ примѣты.
Ты, княже, уповай на милость Божью:
Татаръ ты одолѣешь, но за то

И христіанскихъ воиновъ не мало
Падетъ подъ остріемъ меча.

Великій князь.

О, Боже! (плачетъ).
Владычица святая!

Боброкъ.

Княже Дмитрій,
Не унывай.

Великій князь (,отирая слезы).

Во всемъ Господня воля!
Какъ Господу угодно, такъ и будетъ;
Кто можетъ воспротивиться Ему?

Боброкъ.

Не слѣдуетъ тебѣ объ этомъ никому
Въ полкахъ разсказывать. Начнутъ иные
Скорбѣть и сердцемъ унывать о смерти.
Ты Господа на помощь призови,
Вооружись крестомъ животворящимъ,
А крестъ честной—оружье на враговъ
Непобѣдимое. Поѣдемъ, княже!

Д. Аверкіевъ.

МАМАЕВО ПОБОИЩЕ.

(8 сентября 1380 г.).

И ты, невѣрныхъ страхъ, Донской
Съ четой двухъ соименныхъ,
Летишь погибельной грозой
На рать иноплеменныхъ.

В. Жуковскій.

«Намъ Богъ прибѣжище и сила!»
слова Димитрія Донского.

«Великъ Богъ христіанскій!»
слова Мамая.

Въ широкомъ привольѣ заволжскихъ степей
Собралось, къ набѣгу готово,
Татарское войско, и въ ставкѣ своей
Мамай собираетъ ордынскихъ вождей,
Къ нимъ гордое держитъ онъ слово:

„Москва позабыла Батыевы дни;—
Князья ея дерзки и смѣлы,
Пусть нынѣ извѣдаютъ снова они,
Сколь мѣтки татарскія стрѣлы!

„Селенія, веси и грады ихъ вновь
Сожженные, въ прахъ обратятся;
Польется потоками русская кровь,
Предъ ханомъ рабы да смирятся,—

„Да снова съ повинной придутъ головой,
Придутъ, побѣжденные въ брани,—
Въ Орду на поклонъ, волоча за собой
Дары и обильныя дани!“

И слово Мамая по стану, какъ громъ,
Раскатомъ могучимъ катится;
Подъемлетъ несмѣтныя рати кругомъ
И, ихъ обгоняя въ просторѣ степномъ,
Къ Москвѣ грознымъ вызовомъ мчится.

Подъ тяжкою дланью пришельца-врага
Москвѣ приклониться не гоже.
На вызовъ отвѣтная рѣчь не долга:
„Кровь вѣрныхъ сыновъ для Руси дорога,
Но воля и честь ей дороже!“

И шлетъ князь Московскій Димитрій гонцовъ
Къ князьямъ, воеводамъ, боярамъ;
И дружно отвсюду на княжескій зовъ
Стекается много дружинъ и полковъ:
„Служить не хотимъ, молъ, татарамъ!

„Позорно нести намъ на крѣпкихъ плечахъ
Яремъ иноземнаго гнета;
Давно на Руси, на земляхъ и водахъ,
Въ дремучихъ дубравахъ и чистыхъ поляхъ
Намъ быть господами охота!

„Подъ стягомъ Христовымъ мы выйдемъ на бой;
Побѣда во власти Господней;
Но срамно предъ силой склоняться чужой,
А въ битвѣ за родину лечь головой
Честнѣе и Богу угоднѣй.“

Такъ мыслитъ Димитрій, такъ мыслятъ князья,—
За Русь умереть всѣ согласны,
И, знаменемъ крестнымъ чело осѣня,
Садится предъ войскомъ своимъ на коня
Димитрій веселый и ясный.

Выходятъ полки изъ кремлевскихъ воротъ;
Хоругви, кресты и иконы
Бойцовъ провожаютъ въ далекій походъ—
И ждетъ ужъ вѣстей о побѣдѣ народъ,
И молятся старцы и жены.

Межъ тѣмъ какъ впередъ, развернувъ знамена,
Грядетъ боевая дружина,
Растетъ, прибываетъ, какъ въ морѣ волна,
И вотъ передъ нею вдали ужъ видна
Широкаго Дона равнина.

И князь черезъ Донъ перебраться спѣшитъ,
Дружину свою ободряя;
Впередъ онъ глядитъ и молитву творитъ,—
За Доломъ на рѣчкѣ Непрядвѣ стоитъ
Несмѣтное войско Мамая.

Москвы и Орды — двухъ враждующихъ силъ,—
Близка неизбѣжная встрѣча.
Лучъ ранняго солнца поля освѣтилъ,
Проснулося утро — и часъ наступилъ,
И грянула славная сѣча!

На русскихъ, какъ коршунъ, Мамай налетѣлъ:
Поднялись стенанья и клики,
Затмилося солнце отъ вражескихъ стрѣлъ,
И поле покрылося грудами тѣлъ,
И бой разгорѣлся великій.

Враговъ разъяренныхъ смѣшались ряды;
Гремѣли лихіе удары,
Сверкали доспѣхи, шеломы, щиты;
На стягахъ московскихъ сіяли кресты,—
Къ тѣмъ стягамъ рвалися татары.

И близко ужъ были; но часъ роковой
Пробилъ; понеслись изъ засады
Ряды свѣжихъ войскъ и побѣдной волной
Смущенныхъ погнали татаръ предъ собой,
Рубя бѣглецовъ безъ пощады.

И въ ужасѣ дикомъ Мамай увидалъ
Силъ грозныхъ свое пораженье,
И съ браннаго поля со срамомъ бѣжалъ,—
Богъ русскому войску побѣду послалъ,
Послалъ на враговъ одолѣнье.

Съ тѣхъ поръ пронеслося полтысячи лѣтъ,
На зло иноземной гордынѣ,
Русь много другихъ одержала побѣдъ,
Но равныхъ побѣдѣ великой той нѣтъ,—
Гремитъ ея слава донынѣ...

Затѣмъ, что впервые сказалась въ тотъ часъ
Народная русская сила,—
Та сила, что грозно потомъ разрослась,
Громила Востокъ и Закатъ—и не разъ
Къ Царьграда вратамъ подходила.

Пусть ворогъ завистливо—чуткой душой
Ту силу познаетъ и цѣнитъ!
Стоитъ она крѣпкой и вѣрной стѣной,
Въ ней русская слава, и мощь, и покой,—
Она намъ и впредь не измѣнитъ!

Гр. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

ДМИТРОВСКАЯ СУББОТА. [1]

(духовный стихъ).

Наканунѣ субботы Дмитровской,
Въ соборѣ святомъ Успенскіимъ,
Обѣдню пѣлъ Кипріянъ святой,
За обѣдней былъ Димитрій князь
Съ благовѣрною княгиней Евдокіею,
Со князьями-ли, со боярами,
Со тѣми со славными воеводами.

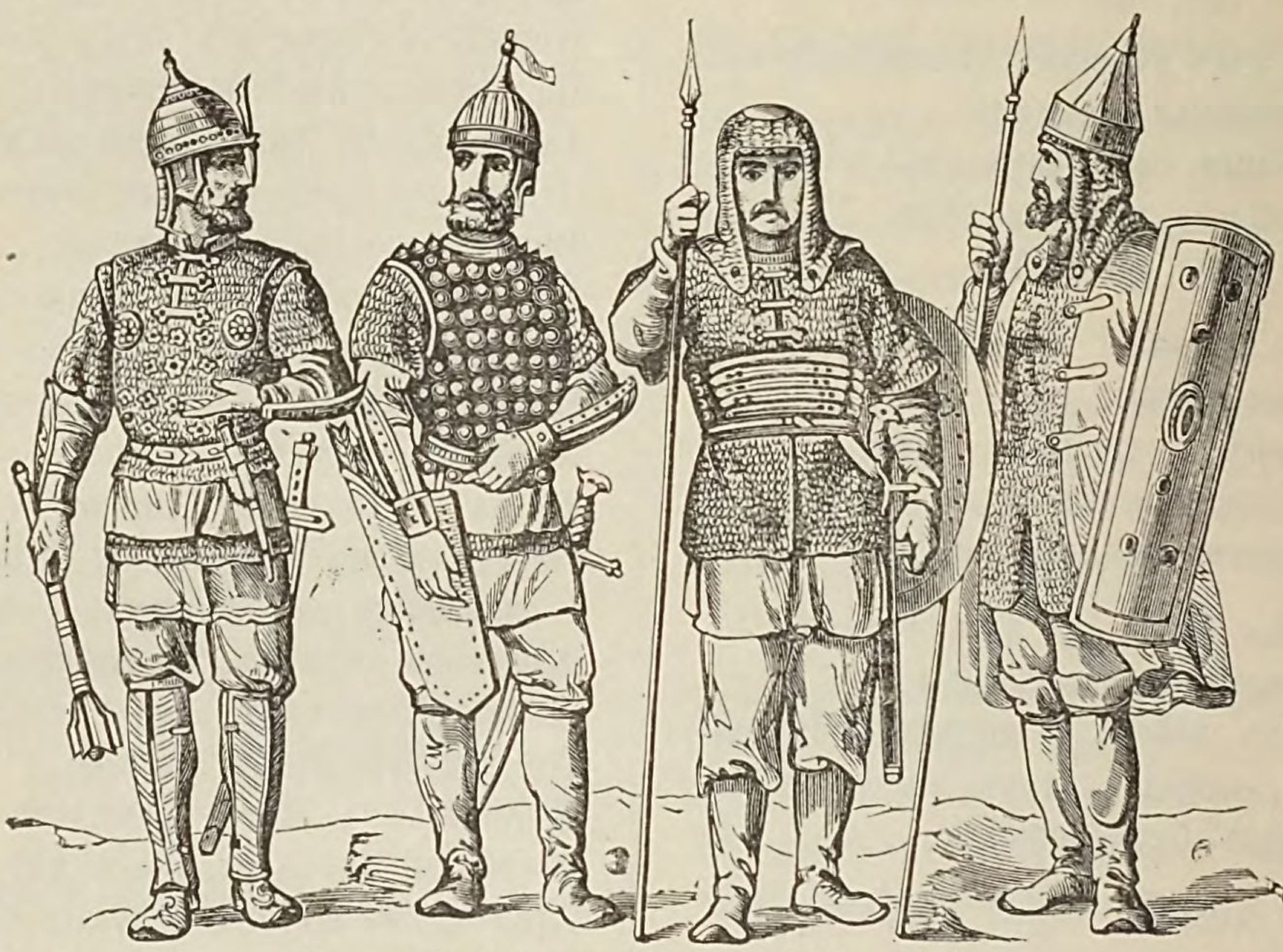
Передъ самой то было передъ достойной,
Перестаъ Димитрій князь молиться;
Ко столбу князь прислонился,
Умомъ князь Димитрій изумился;
Открылись душевныя его очи,—
Видитъ онъ дивное видѣнье:
Не горятъ свѣчи передъ иконами,
Не сіяютъ камни на златыхъ окладахъ,
Не слышитъ онъ пѣнья святого,
А видитъ онъ чистое поле,
То ли чисто поле Куликово.
Изустлано поле мертвыми тѣлами,
Христіанами да татарами:
Христіане-то какъ свѣчки теплятся,
А татары-то какъ смола черна.
По тому-ль полю Куликову
Ходитъ сама Мать Пресвятая Богородица,
А за ней апостолы Господни,
Архангелы—ангелы святые,
Со свѣтлыми со свѣщами,
Отпѣваютъ они мощи православныхъ,
Кадитъ на нихъ сама Мать Пресвятая Бого-
родица:
И вѣнцы съ небесъ на нихъ сходятъ.
Вопросила Мать Пресвятая Богородица:
„А гдѣ-жъ да князь Димитрій?
—„А Димитрій князь въ Московскомъ градѣ,
Во святомъ Успенскомъ соборѣ,
Да и слушаетъ онъ обѣдню
Со своею княгиней Евдокіей,
Со своими князьями-боярами,
Со тѣми ли со славными воеводами.“—
И рѣче Мать Пресвятая Богородица:
„Не въ своемъ Димитрій князь мѣстѣ:
Предводить ему лики мучениковъ,
А его княгинѣ въ моемъ стадѣ.“

[1]) Весьма замѣчательный Стихъ, объясняющій по своему происхожденіе *Дмитріевской субботы.* **Дмитріевская суббота** установлена для поминовенія воиновъ, павшихъ во время знаменитой Куликовской битвы; Дмитріевской она называется потому, что поминовеніе совершается въ субботу, предъ днемъ памяти св. Димитрія Солунскаго, 26 октября.

Тутъ явленіе пропало,
Свѣчи во храмѣ загорѣлись.
На окладахъ камни засіяли;
Образумился князь Димитрій,
Да слезно онъ восплакалъ,
Таково слово онъ промолвилъ:

„Ахъ, знать, близокъ часъ моей смерти!
Скоро буду въ гробѣ я лежати,
А моей княгинѣ быть въ черницахъ!“

А на память дивнаго видѣнья
Уставилъ онъ Дмитровску субботу.

Вооруженіе русскихъ войскъ въ XIV столѣтіи.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

БОГАТЫРИ ВРЕМЕНЪ СВЯТОГО ВЛАДИМИРА.

СЛАВНЫЙ СБЕРЕГАТЕЛЬ ЗЕМЛИ РУССКОЙ,
СТАРЪ-МАТЕРЪ БОГАТЫРЬ
ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ,
КРЕСТЬЯНСКІЙ СЫНЪ. [1])

«удалъ добрѣ необычно есть славенъ богатырь Илья Муромецъ.»
(*Кирѣевскій.* Пѣсни IV в. стр. 30).

1.

ИСЦѢЛЕНІЕ ИЛЬИ. [2])

Во славномъ городѣ во Муромѣ,
Во селѣ было Карачаровѣ,
Сиднемъ сидѣлъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ крестьянскій сынъ,
Сиднемъ сидѣлъ цѣло тридцать лѣтъ.
Уходилъ государь его батюшка
Со родителемъ со матушкою
На работушку на крестьянскую.
Какъ приходили двѣ калики перехожія
Подъ тое окошечко косящето,
Говорятъ калики таковы слова:
„Ай же ты, Илья Муромецъ,
„Илья Муромецъ, крестьянскій сынъ!
„Отворяй каликамъ ворота широкія,
„Пусти-ка каликъ къ себѣ въ домъ.“
Отвѣтъ держитъ Илья Муромецъ:
„Ай же вы, калики перехожія!
„Не могу отворить воротъ широкіихъ,
„Сиднемъ сижу цѣло тридцать лѣтъ,
„Не владаю ни руками ни ногами.“

---

[1]) **Илья Муромецъ**—главный между богатырями кн. Владимира, крестьянскій сынъ; родомъ изъ Мурома, изъ села *Корочарова* (Карачарова, Корочаева). Имя этого любимаго народомъ героя прославлено и въ народной поэзіи, и въ преданіяхъ Русской Церкви. Мощи его почиваютъ въ Кіевѣ, въ пещерѣ преп. Антонія; память совершается 19 декабря; служба общая съ другими печерскими угодниками. Впослѣдствіи придано ему прозвище *стараго казака, донского казака.* Въ Муромѣ доселѣ сохраняются о немъ преданія, соединенныя съ мѣстными урочищами (Буслаевъ). Въ приведенныхъ здѣсь былинахъ повѣствуется: 1) какъ калики даютъ Ильѣ великую силу, 2) какъ Илья отправляется на богатырскіе подвиги, 3) какъ встрѣчается съ разбойниками, 4) какъ привозитъ въ Кіевъ Соловья-разбойника, 5) какъ покоряетъ Идолище поганое и 6) какъ на заставѣ убиваетъ великана Жидовина. Какъ главный и любимый богатырь, Илья встрѣчается въ каждой былинѣ; народу съ нимъ трудно разстаться, и онъ переноситъ своего славнаго героя изъ одной эпохи въ другую. Илья принимаетъ участіе въ разныхъ подвигахъ, совершаемыхъ богатырями; но главнымъ образомъ въ былинахъ изображаются три подвига Ильи Муромца: плѣнъ Соловья-разбойника, уничтоженіе Идолища и побѣда надъ Жидовиномъ. Съ исторической точки зрѣнія подъ Соловьемъ-разбойникомъ можно разумѣть шайки разбойниковъ, которыми изобиловало время Владимира св. и которые являлись главнѣйшими внутренними врагами, сильно вредившими успѣшному развитію возникавшаго государства; подъ Идолищемъ—язычество и идолопоклонство, которыя приходилось сокрушать и искоренять силою, и подъ Жидовиномъ—борьбу съ хазарами, осаждавшими русскій народъ своими жидовскими вѣрованіями. На Ильѣ Муромцѣ, какъ на богатырѣ занимающемъ переходное мѣсто между старшими и младшими богатырями, видимъ также миѳическія черты, перешедшія на него отъ какого нибудь миѳическаго божества и, можетъ быть отъ Перуна. Такъ какъ Илью-пророка народная фантазія соединила съ Перуномъ, то весьма естественно было и на Илью Муромца, носившаго имя Ильи-пророка, перенести черты Перуна, бога-громовника. Поэтому Аѳанасьевъ и Миллеръ многіе разсказы объ Ильѣ Муромцѣ объясняютъ въ миѳическомъ смыслѣ, какъ разсказы, возникшіе изъ древнѣйшихъ миѳовъ о Перунѣ.

[2]) Тридцатилѣтняя разслабленность Ильи Муромца, по мнѣнію Миллера; должна означать на миѳическомъ языкѣ замираніе солнца зимой втеченіе тридцати недѣль; силы же, получаемыя имъ отъ питья, заставляютъ видѣть въ этомъ питьѣ, какъ и въ сказочной живой водѣ, дождевую животворную влагу. Носителями ея обыкновенно являются въ сказкахъ птицы, миѳически означающія дожденосныя облака. Въ нашихъ былинахъ питье дается Ильѣ уже человѣческими существами—*каликами*, которые могутъ быть признаны новымъ уже антропоморфическимъ миѳомъ для того же облака. Подъ каликами, отпаивающими Илью, можно подразумѣвать и дожденосные вѣтры.

Опять говорятъ калики перехожія:
„Выставай-ка, Илья, на рѣзвы ноги,
„Отворяй-ка ворота широкія,
„Пускай-то каликъ къ себѣ въ домъ.“
Выставалъ Илья на рѣзвы ноги,
Отворялъ ворота широкія,
И пускалъ каликъ къ себѣ въ домъ.
Приходили калики перехожія,
Они крестъ кладутъ по писанному,
Поклонъ ведутъ по ученому,
Наливаютъ чарочку питьица медвянаго,
Подносятъ-то Ильѣ Муромцу;
Какъ выпилъ-то чару питьица медвянаго,
Богатырско его сердце разгорѣлося;
Его бѣлое тѣло распотѣлося.
Воспроговорятъ калики таковы слова:
„Что чувствуешь въ себѣ, Илья?“
Билъ челомъ Илья, каликъ поздравствовалъ:
„Слышу въ себѣ силушку великую.“
Говорятъ калики перехожія:
„Будешь ты, Илья, великій богатырь,
„И смерть тебѣ на бою не писана.
„Бейся-ратися со всякимъ богатыремъ
„И со всею поленицею удалою,
„А только не выходи драться
„Съ Святогоромъ богатыремъ:
„Его земля на себѣ черезъ силу носитъ;
„Не ходи драться съ Самсономъ богатыремъ:
„У него на головѣ семь власовъ ангельскихъ;
„Не бейся и съ родомъ Микуловымъ:
„Его любитъ матушка сыра земля;
„Не ходи еще на Вольгу Сеславьевича:
„Онъ не силою возьметъ,
„Такъ хитростью—мудростью.“

Далѣе они учатъ его достать и откормить жеребца; откормивъ, подвести его къ тыну высокому, и ежели онъ перескочитъ тынъ, смѣло садиться на него—повезетъ, куда захочешь! Затѣмъ калики теряются (исчезаютъ). Илья идетъ на работу крестьянскую и много работаетъ для отца. Отецъ и мать въ недоумѣніи—кто бы это имъ наработалъ? Вернувшись домой, они видятъ, что Илья ходитъ по избѣ; онъ обо всемъ имъ разсказываетъ. Далѣе Илья покупаетъ жеребчика, откармливаетъ его, какъ учили калики, и, испросивъ благословеніе у отца съ матерью, уѣзжаетъ.

2.

ПЕРВАЯ ПОѢЗДКА.

Не сырой дубъ къ землѣ клонится,
Ни бумажныя листочки разстилаются,
Разстилается сынъ передъ батюшкомъ,
Онъ и проситъ себѣ благословеньица:
„Охъ ты гой еси, родимой, милой батюшко!
„Дай ты мнѣ свое благословеньице,
„Я поѣду въ славной, стольной Кіевъ градъ,
„Помолиться чудотворцамъ кіевскимъ,
„Заложиться за князя Володимира,
„Послужить ему вѣрой-правдою,
„Постоять за вѣру христіанскую.“
Отвѣчаетъ старой крестьянинъ Иванъ Тимоѳеевичъ:
„Я на добрыя дѣла тебѣ благословенье дамъ,
„А на худыя дѣла благословенья нѣтъ.
„Поѣдешь ты путемъ и дорогою,
„Ни помысли зломъ на татарина,
„Ни убей въ чистомъ полѣ христіанина.“
Поклонился Илья Муромецъ отцу до́ земли,
Самъ онъ сѣлъ на добра̀ коня,
Поѣхалъ онъ во чисто́ поле.
Онъ и бьетъ коня по крутымъ бёдрамъ,
Пробиваетъ кожу до чёрна̀ мяса,
Ретивой его конь осержается,
Прочь отъ земли отдѣляется,
Онъ и скачетъ выше дерева стоячаго,
Чуть пониже оболока ходячаго.
Первой скокъ скочилъ на пятнадцать верстъ;
Въ другой скочилъ, колодезь сталъ;
У колодезя срубилъ сырой дубъ,
У колодезя поставилъ часовеньку,
На часовнѣ подписалъ свое имечко:
„Ѣхалъ такой-то сильной, могучой богатырь,
„Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ;“ [1])
Въ третій скочилъ подъ Черниговъ градъ.
Подъ Черниговымъ стоитъ сила—смѣты нѣтъ;
Подъ Черниговымъ стоятъ три царевича,
Съ каждымъ силы сорокъ тысячей.
Богатырско сердце разго́рчиво и неуемчиво;
Пуще огня о́гничка сердце разыграется,
Пуще плящаго (палящаго) мороза разгорается,
Тутъ возговоритъ Илья Муромецъ таково́ слово:
„Не хотѣлось было батюшку супроти́вникомъ быть,
„Еще знать-то его заповѣдь переступи́ть.“
Беретъ онъ въ руки саблю боевую,
Учалъ по силушкѣ погуливать:
Гдѣ повернется, дѣлалъ улицы,
Поворотится—часты площади;
Добивается до трехъ царе́вичовъ.
Тутъ возговоритъ Илья таково слово:
„Охъ вы гой есте, мои три царевича!

[1]) Конь Ильи, копытомъ высѣкающій ключъ, можетъ означать и *громъ* (какъ ржущій на все царство, или скачущій такъ, что земля дрожитъ) и *вѣтеръ* (какъ несущійся съ быстротою коня, котораго не поймать, не сдержать). Доселѣ около Мурома, въ $1^1/_2$ в. отъ Карачарова, есть урочище, именуемое *скачокъ*. Тутъ же находится живой ключъ, надъ которымъ поставлена часовенка во имя Ильи пророка.

„Во полонъ ли мнѣ васъ взять,
„Аль съ васъ буйны головы снять?
„Какъ въ полонъ мнѣ васъ взять,
„У меня дороги заѣзжія и хлѣбы завозные;
„А какъ головы снять—царски сѣмена погубить.
„Вы поѣдьте по своимъ мѣстамъ,
„Вы чините вездѣ такову славу,
„Что святая Русь не пуста стоитъ,
„На святой Руси есть сильны, могучи богатыри.“
Увидалъ его воевода черниговскій:
„Что это Господь links сослалъ намъ за сослальника!
„Очистилъ нашъ славной Черниговъ градъ.“
Возговоритъ воевода свымъ князьямъ-боярамъ:
„Подите, позовите до́бра мо́лодца
„Ко мнѣ хлѣба-соли кушати.“

— „Нейду я къ воеводѣ вашему,
„Не хочу у него хлѣба-соли кушати;
„Укажите мнѣ прямую дороженьку
„На славной стольной Кіевъ градъ.“

3.

ВСТРѢЧА СО СТАНИШНИКАМИ.

Какъ далече, далече во чистомъ полѣ,
Что ковыль трава во чистомъ полѣ шатается,
А и ѣздитъ въ полѣ старъ матеръ человѣкъ,
Старой ли казакъ Илья Муромецъ.
Не бѣлые-то снѣжки забѣлися,
Забѣлѣлася у стараго сѣдая борода.
А и конь ли подъ нимъ кабы лютый звѣрь,
А самъ на конѣ, какъ ясенъ соколъ.
Со старымъ вѣдь денегъ не годилося,
Только червонцевъ золотыхъ съ нимъ семь тысячей,
Дробныхъ денегъ сорокъ тысячей;
Коню вѣдь подъ старымъ цѣны не было.
По чему-то ему цѣны не было:
Потому-то коню цѣны не было:
За рѣку-то онъ броду не спрашивалъ,
Котора рѣка цѣла верста,
А скачетъ онъ съ берега на берегъ.
Наѣхали на стараго станишники,
По нашему русскому разбойники:
Кругомъ его стараго облавили,
Хотятъ его ограбити,
Съ душой, животомъ его разлучить хотятъ.
Говоритъ Илья Муромецъ Ивановичъ:
„А и гой есть вы, аратцы станишники!
„Убить меня стараго вамъ не за что,
„А взяти у стараго нечего.“
Вымалъ онъ изъ налушна тугой лукъ,
Нынималъ онъ вѣдь стрѣлку каленую,
Онъ стрѣляетъ не по станишникамъ,—
Ему жалко ихъ до сме́рти убить,
Стрѣляетъ онъ старой по сыру дубу;
А спѣла тетивка у туга лука,
Угодила стрѣла въ сыръ кряковистый дубъ,
Изломала въ черенья въ ножевые дубъ.
Отъ того-то вѣдь грому богатырскаго
Станишники съ коней попадали,
А и пять они часовъ безъ ума лежатъ.
„Охъ вы гой еси, добры молодцы, станишники!
„Полноте лежать на сырой землѣ,
„Полноте спать высыпатися:
„По дорогѣ много прошло конныхъ и пѣшихъ,
„У себя вы много добраго упустили.“
Встали добрые молодцы
На свои рѣзвы ноженьки,
И пали ему въ рѣзвы ноги:
„Ты гой еси, добръ удалый молодецъ!
„Поди ты къ намъ во товарищи,
„И будь ты у насъ атаманушкой.“
Возговоритъ добрый молодецъ
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ:
„Не хочу я съ вами стада пасти,
„А ѣду въ Кіевъ градъ,
„Къ Володимеру князю на вспоможеніе,
„На его сбереженіе.“

4.

СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИКЪ. [1])

Какъ изъ славнаго города изъ Мурома,
Изъ того села Карачаева,
Какъ была-де поѣздка богатырская—
Наряжался Илья Муромецъ Ивановичъ

---

[1]) Съ исторической точки зрѣнія, было уже раньше сказано, въ **Соловьѣ-разбойникѣ** олицетворяются разбойничьи шайки временъ кн. Владимира. По толкованію г. Авенаріуса, свистъ—условный разбойничій знакъ, а потому и противникъ Ильи обладаетъ имъ въ высшей степени и носитъ имя *Соловья*. Аѳанасьевъ же говоритъ, что въ образѣ Соловья-разбойника народная фантазія олицетворила демона бурной грозовой тучи. Имя Соловья дано на основаніи древнѣйшаго уподобленія свиста бури громозвучному пѣнію этой птицы. Въ подвалахъ Соловья-разбойника лежала несчетная золотая казна; точно также въ лѣтней засухѣ и въ отсутствіи дождей зимой видѣли похищеніе живой воды и урожаевъ (Поэт. воззр. славянъ на природу, т. III).

Илья снаряжается въ Кіевъ тою дорогою прямоѣзжею, которая залегла отъ Соловья-разбойника ровно тридцать лѣтъ—ровно столько же лѣтъ, сколько сиднемъ сидѣлъ Илья Муромецъ. Соловей разбойникъ означаетъ бурную тучу: «свистъ и шипъ и ревъ Соловья—это нескончаемое звучаніе сплошныхъ, неустанно докучныхъ, осеннихъ

Ко стольному городу ко Кіеву,
Онъ тою дорогою прямоѣзжею,
Котора залегла ровно тридцать лѣтъ,
Чрезъ тѣ лѣса Брынскіе,
Чрезъ черны грязи Смоленскія,—
И залегъ ее дорогу Соловей-разбойникъ.
И кладетъ Илья заповѣдь велику:
Что проѣхать дорогу прямоѣзжую,
Котора залегла ровно тридцать лѣтъ,
Не вымать изъ налушна тугой лукъ,
Изъ колчана не вымать калену стрѣлу.
Беретъ благословеніе великое у отца съ матерью.
А и только его Илью видѣли—
Прощался съ отцомъ, съ матерью,
И садился Илья на своего добра коня,
А и выѣхалъ Илья со двора своего
Во тѣ ворота широкія;
Какъ стегнетъ онъ коня по тучнымъ бедрамъ—
А и конь подъ Ильею разсержается,
Онъ перву скокъ ступилъ за пять верстъ,
А другого ускока не могли найти.
Поѣхалъ онъ черезъ тѣ лѣса Брынскіе,
Черезъ тѣ грязи Смоленскія.—
Какъ бы будетъ Илья во темныхъ лѣсахъ,
Во темныхъ лѣсахъ во Брынскіихъ;
Наѣзжалъ Илья на девяти дубахъ
И наѣхалъ онъ Илья Соловья-разбойника.
И заслышалъ Соловей разбойникъ
Того ли топу конинаго,
И тоя ли онъ поѣздки богатырскія;
Засвисталъ Соловей по-соловьиному,
А въ другой зашипѣлъ разбойникъ по-змѣиному,
А втретьи зрявкаетъ по звѣриному.
Подъ Ильею конь окорачился,
И падалъ вѣдь на кукорачь.

Говоритъ Илья Муромецъ Ивановичъ:
„А ты волчья сыть, травяной мѣшокъ!
„Не бывалъ ты въ пещерахъ бѣлокаменныхъ,
„Не бывалъ ты конь во темныхъ лѣсахъ,
„Не слыхалъ ты свисту соловьинаго,
„Не слыхалъ ты шипу змѣинаго,
„А того ли ты крику звѣринаго,
„А звѣринаго крику туринаго."
Разрушаетъ Илья заповѣдь великую,
Вымаетъ калену стрѣлу
И стрѣляетъ въ Соловья-разбойника;
И попалъ Соловья да въ правой глазъ,
Полетѣлъ Соловей съ сыра дуба
Комомъ ко сырой земли.
Подхватилъ Илья Муромецъ Соловья на бѣлы руки,
Привязалъ Соловья ко той ко лукѣ ко сѣдельныя;
Проѣхалъ онъ воровску заставу крѣпкую,
Подъѣзжаетъ ко подворью дворянскому.
И завидѣла-де его молода жена;
Она хитрая была и мудрая,
И взбѣгала она на чердаки на вышніе—
Какъ бы дворъ у Соловья былъ на семи верстахъ,
Какъ было около двора желѣзный тынъ,
А на всякой тынинкѣ по маковкѣ,
И по той по головѣ богатырскія—
Наводила трубками нѣмецкими
Его Соловьева молодая жена,
И увидѣла добраго молодца Илью Муромца,
И бросалась съ чердака во свои высокіе терема
И будила она девять сыновей своихъ:
„А встаньте, обудитесь, добры молодцы,
„А девять сыновъ, ясны соколы!
„Вы подите въ подвалы глубокіе,
„Берите мои золотые ключи,
„Отмыкайте мои вы окованы ларцы,
„А берите вы мою золоту казну,
„Выносите ее за широкой дворъ,
„И встрѣчайте удала, добраго молодца;
„А наѣдетъ, молодцы, чужой мужикъ,
„Отца-то вашего въ торокахъ везетъ."
А и тутъ ея девять сыновей закорилися,
И не берутъ у нея золотые ключи,
Не походятъ въ подвалы глубокіе,
Не берутъ ея золотой казны,
А худымъ вѣдь свои думушки думаютъ,
Хочутъ обернуться черными воронами
Со тѣми носы желѣзными—
Они хочутъ расклевать добра молодца,

и зимнихъ убійственныхъ бурь, вьюгъ и мятелей. Втеченіе тридцати недѣль, или семи съ половиною (отсюда-то число семь—въ обстановкѣ Соловья: семь дубовъ, захватыванье на семи верстахъ) глубоко-осеннихъ и зимнихъ мѣсяцевъ, при бездѣйствіи лѣтнихъ, крѣпко держится въ своемъ темномъ гнѣздѣ мертвящая зимняя сила. Когда же наконецъ пробуждаются снова силы лѣтняго божества, то первымъ дѣломъ его становится прочищенье себѣ дороги... Владимиръ - князь могъ попасть въ пѣсни только на мѣсто уже готовое, долженъ былъ вытѣснить собою другое первоначально-миѳическое существо. Соловей-разбойникъ могъ застилать дорогу къ прекрасному *Государю Солнцу*, и вотъ на мѣсто такого-то миѳическаго государя и долженъ былъ явиться впослѣдствіи князь Владимиръ—Солнышко Кіевское. Если же въ основѣ и всей вообще дѣятельности богатырской Ильи Муромца заключается постоянная имъ оборона Кіева съ его стольнымъ княземъ, то первоначально и въ этомъ должна была быть оборона бежества солнечнаго богомъ—громовникомъ. (О. Миллеръ. Илья Муромецъ и богатырство Кіевское),

Того ли Илью Муромца Ивановича.
Подъѣзжаетъ онъ ко двору ко дворянскому,
И бросалась молода жена Соловьева,
А и молится, убивается:
„Гой еси ты, удалой доброй молодецъ!
„Отпусти Соловья-разбойника,
„Не вози Соловья во Кіевъ градъ."
А его то дѣти Соловьевы
Неучливо они поговариваютъ.—
Они только Илью и видѣли,
Что стоялъ у двора дворянскаго,—
И стегаетъ Илья онъ добра коня,
А добра коня по тучнымъ бедрамъ—
Какъ бы конь подъ нимъ осержается—
Побѣжалъ Илья, какъ соколъ летитъ;
Пріѣзжаетъ Илья онъ во Кіевъ градъ,
Середи двора княженецкаго
И скочилъ онъ Илья со добра коня,
Привязалъ коня къ дубову столбу.
Походилъ онъ во гридню во свѣтлую,
И молился онъ Спасу со Пречистою,
Поклонился князю со княгинею—
На всѣ на четыре стороны.
У великаго князя Владимира
У него князя почестной пиръ;
А и много на пиру было князей и бояръ,
Много сильныхъ могучихъ богатырей;
И поднесли ему Ильѣ чару зелена вина въ полтора ведра,
Принимаетъ Илья единой рукой,
Выпиваетъ чару единымъ духомъ.
Говорилъ ему ласковой Владимиръ князь:
„Ты скажись, молодецъ, какъ именемъ зовутъ,
А по имени тебѣ можно мѣсто дать,
По изотчеству пожаловати."
И отвѣчаетъ Илья Муромецъ Ивановичъ;
„А ты ласковой, стольной Владимиръ князь!
„А меня зовутъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ;
„И проѣхалъ я дорогу прямоѣзжую
„Изъ стольнаго города изъ Мурома,
„Изъ того села Корочаева."
Говорятъ тутъ могучіе богатыри:
„А ласково солнце, Владимиръ князь!
„Въ очахъ дѣтина завирается,
„А гдѣ ему проѣхать дорогою прямоѣзжею,
„Залегла та дорога тридцать лѣтъ
„Отъ того Соловья-разбойника."
Говоритъ Илья Муромецъ:
„Гой еси ты, сударь, Владимиръ князь!
„Посмотри мою удачу богатырскую,
„Вонъ я привезъ Соловья-разбойника на дворъ къ тебѣ."
И втапоры Илья Муромецъ
Пошелъ съ Великимъ княземъ на широкой дворъ,
Смотрѣть его удачи богатырскія.
Выходили туто князи, бояра,
Всѣ русскіе могучіе богатыри:
Самсонъ богатырь Колывановичъ,
Суханъ богатырь, сынъ Домантьевичъ,
Свѣтогоръ богатырь и Полканъ другой,
И семь-то братовъ Збродовичи,
Еще мужики были Залешана,
А еще два брата Хапиловы—
Только было у князя ихъ тридцать молодцовъ.
Выходилъ Илья на широкой дворъ
Ко тому Соловью-разбойнику,
Онъ сталъ Соловья уговаривать:
„Ты послушай меня, Соловей-разбойникъ младъ!
„Посвисти Соловей по соловьиному,
„Пошипи змѣй по змѣиному,
„Зрявкай звѣрь по туриному—
„И потѣшь князя Владимира."
Засвисталъ Соловей по соловьиному,
Оглушилъ онъ въ Кіевѣ князей и бояръ;—
А князи и бояра испужалися,
На корачкахъ по двору наползалися,
И всѣ сильны богатыри могучіе.—
И накурилъ онъ бѣды несносныя.
Гостинны кони со двора разбѣжалися—
И Владимиръ князь едва живъ стоитъ,
Со душой княгиней Апраксѣевной.
Говорилъ тутъ ласковой Владимиръ князь:
„А и ты гой еси, Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ!
„Уйми ты Соловья-разбойника;
„А и эта шутка намъ не надобна."

5.

ИДОЛИЩЕ ПОГАНОЕ. [1])

Пріѣзжалъ Идолище поганое въ стольно-Кіевъ градъ,
Со грозою, со страхомъ со великіимъ
Ко тому ко князю ко Владимиру,

---

[1]) Поганый **Идолище** изображается и другими пѣснями. Въ борьбѣ съ Ильею онъ является врагомъ христіанства, образцомъ язычества. У него есть своя «земля идольская,» свое «царство идольское.» Какъ врагъ христіанства, онъ помѣщается то въ коренной странѣ христіанства—Ерусалимѣ, то въ странѣ, откуда пришло къ намъ христіанство—въ Царьградѣ, то, наконецъ, въ

И становился онъ на княженецкій дворъ,
Посылалъ посла ко князю Владимиру,
Чтобы князь Владимиръ стольно-Кіевскій
Ладилъ бы онъ ему поединщика,
Супротивъ его силушки супротивника.

Тутъ Владимиръ князь ужахнулся,
Пріужахнулся, да и закручинился.
Говоритъ Илья таковы слова:
„Не кручинься, Владимиръ, не печалуйся:
„На бою мнѣ-ка смерть не написана,
„Поѣду я въ раздольице чисто́ поле
„И убью-то я Идо́лища поганаго.“
Обулъ Илья лапотики шелко̀вые,
Подсумокъ одѣлъ онъ черна бархата,
На головушку надѣлъ шляпку земли Греческой
И пошелъ онъ ко Идолищу ко поганому.
И сдѣлалъ онъ ошибочку не малую;
Не взялъ съ собой палицы булатнія
И не взялъ онъ съ собой сабли вострыя,
Идетъ-то дорожкой—пораздумался:
„Хоть иду-то я къ Идолищу поганому,
„Ежели будетъ не пора мнѣ-ка, не времячко,
„И съ чѣмъ мнѣ съ Идолищемъ будетъ поправиться?
На ту пору на то времечко
Идетъ ему въ стрѣту количище Иванище,
Несетъ въ рукахъ клюху девяноста пудъ.
Говорилъ ему Илья таковы слова:
„Ай же ты, каличище Иванище!
„Уступи тко мнѣ клюхи на времечко,—
„Сходить мнѣ къ Идолищу поганому?“
Не даетъ ему каличище Иванище,
Не даетъ ему клюхи своей богатырскоей.
Говорилъ ему Илья таковы слова:
„Ай же ты, каличище Иванище!
„Сдѣлаемъ мы бой рукопашечный:
„Мнѣ на бою вѣдь смерть не написана,—
„Я тебя убью, мнѣ клюха и достанется.“
Разсердился каличище Иванище,
Здынулъ эту клюху выше го̀ловы,
Спустилъ онъ клюху во сыру землю,
Пошелъ каличище--за́ворыдалъ.
Илья Муромецъ едва досталъ клюху изъ сырой земли.

Кіевѣ, гдѣ Русь приняла христіанство. Господство его представляется ужаснымъ насиліемъ; онъ громадный, безобразный, страшный; онъ пьетъ и ѣстъ чудовищными пріемами, требуетъ жертвъ и пожираетъ ихъ; не допускаетъ четья-пѣтья церковнаго, звону колокольнаго, прошенія милостыни Христовымъ именемъ; князь по неволѣ ему подчиняется, народъ перепуганъ, въ ужасѣ. Для борьбы съ нимъ Илья занимаетъ у калики перехожаго платье и клюку. (Безсоновъ. Замѣтка къ IV в. пѣсенъ Кирѣевскаго).

И пришелъ онъ во палату бѣлокаменну
Ко этому Идолищу поганому,
Пришелъ къ нему и проздравствовалъ.
Говорилъ ему Идолище поганое:
„Ай же ты калика перехожая!
„Какъ великъ у васъ богатырь Илья Муромецъ?“
Говоритъ ему Илья таковы слова:
„Толь великъ Илья, какъ и я.“
Говоритъ ему Идолище поганое:
„По многу-ли Илья вашъ хлѣба ѣстъ,
„По многу-ли Илья вашъ пива пьетъ?“
Говоритъ Илья таковы слова:
„По стольку ѣстъ Илья, какъ и я,
„По стольку пьетъ Илья, какъ и я.“
Говоритъ ему Идолище поганое:
„Экой вашъ богатырь Илья:
„Я вотъ по семи ведръ пива пью,
„По семи пудъ хлѣба кушаю.“
Говорилъ ему Илья таковы слова:
„У нашего Ильи Муромца батюшка былъ крестьянинъ,
„У него была корова ѣдучая:
„Она много пила и ѣла, и лопнула.“
Это Идолищу не слюбилося:
Схватилъ свое кинжалище булатное
И махнулъ онъ въ калику перехожую
Со всея со силушки великія.
И пристранился Илья Муромецъ въ сторонушку малешенько
Пролетѣлъ его мимо-то булатній ножъ,
Пролетѣлъ онъ на воннную сторону съ простѣночкомъ,
У Ильи Муромца разгорѣлось сердце богатырское,
Схватилъ съ головушки шляпку земли Греческой,
И ляпнулъ онъ въ Идолище поганое,
И разсѣкъ онъ Идолище на́ полы.

6.

Ж И Д О В И Н Ъ. [1]

Подъ славнымъ городомъ подъ Кіевомъ,
На тѣхъ на степяхъ на Цыцарскіихъ,

[1]) По словамъ А. С. Хомякова былина эта носитъ на себѣ признаки глубокой древности въ созданіи, въ языкѣ и въ характерѣ. Здѣсь ни разу не упоминается о татарахъ но за то ясная память о хазарахъ, и богатырь ихъ земли Хазарской, названной справедливо землею Жидовскою является соперникомъ русскихъ богатырей. Въ дѣйствіи является уже не отдаленный какой нибудь богатырь, а цѣлая богатырская застава, атаманъ которой Илья Муромецъ. Застава эта принадлежала вѣроятно княжескимъ пограничнымъ странамъ, а именно южной

Стояла застава богатырская; [1])
На заставѣ атаманъ былъ Илья Муромецъ,
Подъ-атаманье былъ Добрыня Никитичъ младъ;
Ясаулъ Алеша, поповскій сынъ;
Еще былъ у нихъ Гришка, боярскій сынъ;
Былъ у нихъ Васька долгополый.
Всѣ были братцы въ разъѣздьицѣ:
Гришка боярскій въ тѣ-поры кравчимъ жилъ;
Алеша Поповичъ ѣздилъ въ Кіевъ-градъ;
Илья Муромецъ былъ въ чистомъ полѣ,
Спалъ въ бѣломъ шатрѣ;
Добрыня Никитичъ ѣздилъ къ синю морю,
Ко синю морю ѣздилъ за охотою,
За той ли за охотой за молодецкою:
На охотѣ стрѣлять гусей, лебедей.
Ѣдетъ Добрыня изъ чиста поля,
Въ чистомъ полѣ увидѣлъ ископыть великую,
Ископыть велика—полъ-печи.
Учалъ онъ ископыть досматривать:
„Еще—что же то за богатырь ѣхалъ
„Изъ этой земли изъ Жидовскія?
Проѣхалъ Жидовинъ, могучъ богатырь,
На эти степи Цыцарскія!
Пріѣхалъ Добрыня въ стольный Кіевъ-градъ,
Прибиралъ свою братію приборную:
„Ой вы гой еси, братцы, ребятушки!
„Мы что на заставушкѣ устояли?
„Что на заставушкѣ углядѣли?
„Мимо нашу заставу богатырь ѣхалъ.“
Собирались они на заставу богатырскую,
Стали думу крѣпкую думати:
Кому ѣхать за нахвальщикомъ?
Положили на Ваську долгополаго.
Говоритъ большой богатырь Илья Муромецъ,
Свѣтъ-атаманъ, сынъ Ивановичъ:
„Не ладно, ребятушки, положили;
„У Васьки полы долгія:
„По землѣ ходитъ Васька, заплетается;
„На бою, на дракѣ заплетется,
„Погинетъ Васька по-напрасному.“
Положились на Гришку на боярскаго:
Гришкѣ ѣхать за нахвальщикомъ,
Настигать нахвальщика въ чистомъ полѣ.
Говоритъ большой богатырь Илья Муромецъ,
Свѣтъ-атаманъ, сынъ Ивановичъ:
„Не ладно, ребятушки, удумали;
„Гришка рода боярскаго:
„Боярскіе роды хвастливые;
„На бою-дракѣ призахвастается,
„Погинетъ Гришка по-напрасному.“
Положились на Алешу на Поповича:
Алешкѣ ѣхать за нахвальщикомъ,
Настигать нахвальщика въ чистомъ полѣ,
Побить нахвальщика на чистомъ полѣ.
Говоритъ большой богатырь Илья Муромецъ,
Свѣтъ-атаманъ, сынъ Ивановичъ:
„Не ладно, ребятушки, положили:...
„Увидитъ Алеша на нахвальщикѣ
„Много злата-серебра,
„Злату Алеша позавидуетъ,
„Погинетъ Алеша по-напрасному.“
Положили на Добрыню Никитича:
Добрынюшкѣ ѣхать за нахвальщикомъ,
Настигать нахвальщика въ чистомъ полѣ,
Побить нахвальщика на чистомъ полѣ,
По-плечъ отсѣчь буйну голову,
Привести на заставу богатырскую.
Добрыня того не отпирается,
Походитъ Добрыня на конюшій дворъ,
Имаетъ Добрыня добра коня,
Уздаетъ за уздечку тесмянную,
Сѣдлалъ въ сѣделышко черкасское,
Въ торока вяжетъ палицу боевую—
Она вѣсомъ та палица девяносто пудъ,—
На бедры беретъ саблю вострую,
Въ руки беретъ плеть шелковую,
Поѣзжаетъ на гору Сорочинскую.
Посмотрѣлъ изъ трубочки серебряной,
Увидѣлъ на полѣ чернизину,
Поѣхалъ прямо на чернизину;
Кричалъ зычнымъ, звонкимъ голосомъ:
„Воръ, собака, нахвальщина!
„Зачѣмъ нашу заставу проѣзжаешь?
„Атаману Ильѣ Муромцу не бьешь челомъ?
„Подъ-атаманью Добрынѣ Никитичу?
„Ясаулу Алешѣ въ казну не кладешь,
„На всю нашу братію наборную?“
Учулъ (почуялъ) нахвальщина зыченъ голосъ;
Поворачивалъ нахвальщина добра коня;
Попущалъ на Добрыню Никитича:
Сыра мать-земля всколебалася,
Изъ озеръ вода выливалася,
Подъ Добрыней конь на колѣнца палъ.
Добрыня Никитичъ младъ
Господу Богу возмолится,
И мати Пресвятой Боогродицѣ:

области за Кіевомъ. «Въ этой прекрасной и многозначительной пѣснѣ, замѣчаетъ К. С. Аксаковъ, образъ Ильи Муромца остается все тотъ же: та же неодолимая сила и то же спокойствіе: отсутствіе всякаго раздраженія этой силы въ бою и отсутствіе всякаго тщеславія и похвальбы въ побѣдѣ.»

[1]) Богатыри стоятъ на заставѣ для охраненія Русской земли; у нихъ, какъ у казаковъ, есть свой атаманъ Илья Муромецъ, который является богатыремъ первенствующимъ.

„Унеси, Господи, отъ нахвальщика!“
Подъ Добрыней конь поисправился;—
Уѣхалъ на заставу богатырскую.
Илья Муромецъ встрѣчаетъ его
Со братіею со приборною...
Говоритъ Илья Муромецъ:
„Больше не кѣмъ замѣнитися:
„Видно ѣхать атаману самому!“
Походитъ Илья на конюшій дворъ,
Имаетъ Илья добра коня,
Уздаетъ уздечку тесмянную,
Сѣдлаетъ въ сѣделышко черкасское,
Въ торока вяжетъ палицу боевую—
Она вѣсомъ та палица девяносто пудъ,—
На бедры беретъ саблю вострую,
Во руки беретъ плеть шелковую.
Поѣзжаетъ на гору Сорочинскую;
Посмотрѣлъ изъ кулака молодецкаго,
Увидѣлъ на полѣ чернизину,
Поѣхалъ прямо на чернизину,
Вскричалъ зычнымъ, громкимъ голосомъ:
„Воръ, собака, нахвальщина!
„Зачѣмъ нашу заставу проѣзжаешь,—
„Мнѣ, атаману Ильѣ Муромцу,—челомъ не бьешь?
„Подъ-атаманью Добрынѣ Никитичу?
„Ясаулу Алешѣ въ казну не кладешь,
„На всю нашу братію наборную?“
Услышалъ воръ-нахвальщина зыченъ голосъ;
Поворачивалъ нахвальщина добра коня,
Попущалъ на Илью Муромца.
Илья Муромецъ не удробился.
Съѣхался Илья съ нахвальщикомъ.
Впервые палками ударились;
У палокъ цѣвья отломалися,
Другъ дружку не ранили;
Саблями вострыми ударились,
Востры сабли приломалися,
Другъ дружку не ранили;
Вострыми копьями кололись,
Другъ дружку не ранили;
Бились, дрались рукопашнымъ боемъ,
Бились, дрались день до вечера,
Съ вечера бьются до полуночи,
Съ полуночи бьются до бѣла свѣта:
Махнетъ Илейко ручкой правою,
Поскользитъ у Илейка ножка лѣвая;
Палъ Илья на сыру землю:
Сѣлъ нахвальщина на бѣлы груди,
Вынималъ чинжалище булатное,
Хочетъ вспороть груди бѣлыя,
Хочетъ закрыть очи ясныя,
По-плечъ отсѣчь буйну голову.
Еще сталъ нахвальщина наговаривать:
„Старый ты старикъ, старый, матерый!
„Зачѣмъ ты ѣздишь на чисто поле?
„Будто не кѣмъ тебѣ, старику, замѣнитися?
„Ты поставилъ бы себѣ келейку,
„При той пути-при дороженькѣ;
„Сбиралъ бы ты, старикъ, во келейку;
„Тутъ бы ты, старикъ, сытъ-питаненъ (напитанъ) былъ!“
Лежитъ Илья подъ богатыремъ,
Говоритъ Илья таково слово:
„Да не ладно у святыхъ отцовъ написано,
„Не ладно у Апостоловъ удумано:
„Написано было у святыхъ отцовъ,
„Удумано было у Апостоловъ:
„Не бывать Ильѣ въ чистомъ полѣ убитому;
„А теперь Илья подъ богатыремъ!“
Лежучи у Ильи втрое силы прибыло:
Махнетъ нахвальщину въ бѣлы груди,
Вышибалъ выше дерева жароваго,—
Палъ нахвальщина на сыру землю;
Въ сыру землю ушелъ до-поясъ.
Вскочилъ Илья на рѣзвы ноги,
Сѣлъ нахвальщинѣ на бѣлы груди.
Недосугъ Илюхѣ много спрашивать,
Скоро споролъ груди бѣлыя,
Скоро затмилъ очи ясныя,
По-плечъ отсѣкъ буйну голову,
Воткнулъ на копье на булатное,
Повезъ на заставу богатырскую.
Добрыня Никитичъ встрѣчаетъ Илью Муромца,
Съ своей братьей приборною.
Илья бросилъ голову о сыру землю;
При своей братьѣ похваляется:
„Ѣздилъ во полѣ тридцать лѣтъ,
„Экаго чуда не наѣзживалъ.“

АЛЕША ПОПОВИЧЪ [1].

Изъ города Ростова выѣзжаютъ двое богатырей—Алеша Поповичъ и Якимъ Ивановичъ. Лежатъ передъ ними три дороги, а промежду дорогъ горючъ камень съ надписью. Якимъ проситъ Поповича, какъ человѣка грамотнаго, прочесть надпись: оказывается, что одна изъ дорогъ въ Муромъ, другая въ Черниговъ, третья въ Кіевъ. «Лучше намъ ѣхать ко городу, ко Кіеву, ко ласкову князю Владиміру,» говоритъ Алеша. Ѣдутъ, останавливаются ночевать, раскинувъ шатеръ.

Прошла та ночь осенняя,
Ото сна пробуждается,

---

[1]) **Алеша Поповичъ**—богатырь изъ духовнаго сословія, сынъ стараго попа соборнаго въ Ростовѣ. Онъ отличается не силою и храбростію, какъ другіе богатыри, а смѣлостію: «какъ нѣтъ въ Кіевѣ сильнѣе Ильи Муром-

Встаетъ рано-ранешенько,
Утренней зарей умывается,
Бѣлою ширинкою утирается,
На востокъ онъ Алеша Богу молится.
Молодой Якимъ сынъ Ивановичъ
Скоро сходилъ по добрыхъ коней,
А сводилъ ихъ поить на Сафатъ рѣку:
И приказалъ ему Алеша
Скоро сѣдлать коней;
Осѣдлавши онъ Якимъ добрыхъ коней,
Наряжаются они ѣхать ко городу ко Кіеву.
Пришелъ тутъ къ нимъ калика перехожій:
Лапотки на немъ семи шелковъ,
Подковырены чистымъ серебромъ,
Шуба соболиная долгополая,
Шляпа сорочинская земли Греческой,
Въ тридцать пудъ шелепуга подорожная,
Въ пятьдесятъ пудъ палица свинцу Чебурацкаго.
Говорилъ таково слово:
„Гой вы еси, удалы добры молодцы!
„Видѣлъ я Тугарина Змѣевича:
„Въ вышину ли онъ Тугаринъ трехъ саженъ,
„Промежь плечь косая сажень,
„Промежу глазъ калена стрѣла;
„Конь подъ нимъ какъ лютой звѣрь,
„Изъ хойлища пламень пышетъ,
„Изъ ушей дымъ столбомъ валитъ.“—
Привязался Алеша Поповичъ младъ:
„А и ты, братецъ, калика перехожая!
„Дай мнѣ платье каличее.“
Даетъ свое платье калика Алешѣ Поповичу.
Не отказываючи, а на себя надѣвалъ

ца, и вѣжливѣе Добрыни Никитича, такъ нѣтъ смѣлѣе Алеши Поповича, говоритъ былина. Но смѣлость у Алеши доходитъ до безразсудства, такъ что богатыри не хотятъ его посылать на трудные и опасные подвиги, гдѣ требуется осторожность и благоразуміе. «Алеша говорить гораздъ, но онъ въ то же время гордливъ и спѣсивъ, не умѣетъ съ богатыремъ какъ съѣхаться, не умѣетъ богатырю честь отдать». Алеша принимаетъ участіе въ разныхъ подвигахъ съ другими богатырями; главнымъ же его подвигомъ который и доставилъ ему мѣсто между богатырями, было уничтоженіе Тугарина Зміевича. Этотъ подвигъ Алеши былина также приписываетъ не силѣ и храбрости, а смѣлости и хитрости, или лучше сказать, обману» (проф Порфирьевъ).

Г. Безсоновъ сближаетъ **Тугарина Зміевича** съ половецкимъ ханомъ **Тугоръ-ханомъ**. «Тугаринъ почти несомнѣнно есть извѣстный Тугорканъ, у коего Святополкъ-Михаилъ взялъ дочь въ замужество и на внучкѣ котораго Мономахъ женилъ сына Андрея. Эти исторически-родственныя съ нимъ связи выражены въ былинахъ тѣмъ, что Тугаринъ весьма часто въ Кіевѣ какъ свой. Но, какъ ханъ половецкій, онъ же былъ и постояннымъ врагомъ, онъ и убитъ въ битвѣ съ Русью и—замѣчательно—похороненъ подъ Кіевомъ, напоминая о себѣ пѣснямъ своею могилою» (Безсоновъ. Примѣч. къ IV т. пѣсенъ Кирѣевскаго).

То платье богатырское.
Скоро Алеша каликою наряжается,
И взялъ въ запасъ чингалище булатное,
Пошелъ за Сафатъ рѣку.
Завидѣлъ тутъ Тугаринъ Змѣевичъ младъ,
Заревѣлъ зычнымъ голосомъ:
Подрогнула дубровушка зеленая,
Алеша Поповичъ едва живъ идетъ;
Говорилъ тутъ Тугаринъ Змѣевичъ младъ:
„Гой еси, калика перехожая!
„А гдѣ ты слыхалъ, гдѣ видалъ
„Про млада Алешу Поповича?
„А и я бы Алешу копьемъ закололъ,
„Копьемъ закололъ и огнемъ спалилъ.“
Говоритъ тутъ Алеша каликою:
„А и ты гой еси, Тугаринъ Змѣевичъ младъ:
„Подъѣзжай поближе ко мнѣ,
„Не слышу я, что ты говоришь.“
И подъѣзжалъ къ нему Тугаринъ Змѣевичъ младъ.
Сверстался Алеша Поповичъ младъ
Противъ Тугарина Змѣевича,
Хлеснулъ его шелепугою по буйной головѣ,
Расшибъ ему буйну голову,
И упалъ Тугаринъ на сыру землю;
Вскочилъ ему Алеша на черну грудь.
Втапоры взмолится Тугаринъ Змѣевичъ младъ:
„Гой еси ты, калика перехожая!
„Не ты ли Алеша Поповичъ младъ:
„Только если ты Алеша Поповичъ младъ,
„Се мы побратаемся съ тобой!“—
Втапоры Алеша врагу не вѣровалъ,
Отрѣзалъ ему голову прочь,
Платье съ него снималъ цвѣтное
На сто тысячей—и все платье на себя надѣвалъ;
Садился на его добра коня,
И поѣхалъ къ своимъ бѣлымъ шатрамъ.

Якимъ Ивановичъ, завидя Алешу издали въ платьѣ Тугарина, принимаетъ его за самого Тугарина и кидаетъ въ него палицей въ тридцать пудъ. Алеша валится, Якимъ Ивановичъ хочетъ пороть ему груди бѣлыя, но замѣтя на немъ золотъ чуденъ крестъ, заливается слезами отъ ужаса, что чуть-чуть не убилъ своего брата названнаго. Алеша отдаетъ каликѣ платье его, надѣваетъ свое богатырское, а платье Тугарина прячетъ въ чемоданъ.

А и будутъ они въ городѣ Кіевѣ
На княженецкомъ дворѣ,
Скочили со добрыхъ коней,
Привязали къ дубовымъ столбамъ,
Пошли во свѣтлы гридни;
Молятся Спасову образу,
И бьютъ челомъ поклоняются

Князю Владимиру и княгинѣ Апраксѣевнѣ,
И на всѣ четыре стороны.
Говорилъ имъ ласковой Владимиръ князь:
„Гой вы еси, добры молодцы!
„Скажитеся, какъ васъ по имени зовутъ;
„А по имени вамъ можно мѣсто дать,
„По изотчеству можно пожаловати.“
Говоритъ тутъ Алеша Поповичъ младъ:
„Меня, осударь, зовутъ Алешею Поповичемъ,
„Изъ города Ростова, стараго попа соборнаго.“
Втапоры Владимиръ князь обрадовался,
Говорилъ таковы слова:
„Гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
„По отчеству садися въ большое мѣсто въ передній уголъ,
„Въ другое мѣсто богатырское,
„Въ дубову скамью противъ меня,
„Въ третье мѣсто, куда самъ захочешь.“
Не садился Алеша въ мѣсто бо̀льшое,
И не садился въ дубову скамью,
Сѣлъ онъ со своими товарищи на полатной брусъ.
Мало время позамѣшкавши,
Несутъ Тугарина Змѣевича
На той доскѣ красна золота,
Двѣнадцать могучихъ богатырей,
Сажали на мѣсто бо̀льшое,
И подлѣ него сидѣла княгиня Апраксѣевна.
Туто повары были догадливы,
Понесли ѣства сахарныя и питья медвяныя,
А питья все заморскія;
Стали тутъ пить-ѣсть прохлаждатися;
А Тугаринъ Змѣевичъ не честно хлѣба ѣстъ,
По цѣлой ковригѣ за щеку мечетъ,
Тѣ ковриги монастырскія;
И нечестно Тугаринъ питья пьетъ,
По цѣлой чашѣ охлестываетъ,
Котора чаша въ полтретья ведра;
И говоритъ втапоры Алеша Поповичъ младъ:
„Гой еси ты, ласковой сударь Владимиръ князь!
„Что у тебя за болванъ пришелъ,
„Что за дуракъ неотесанный?
„У моего сударя батюшки,
„Ѳедора, попа Ростовскаго,
„Была коровища старая,
„Насилу по двору таскалася:
„Забилася на поварню къ поварамъ,
„Выпила чанъ браги прѣсныя,
„Отъ того она лопнула,—
„Взялъ за хвостъ, подъ гору махнулъ;
„Отъ меня Тугарину тоже будетъ.“

Тугаринъ потемнѣлъ, какъ осення ночь.
Выдернулъ чингалище булатное,
Бросилъ въ Алешу Поповича;
Алеша на то-то вертокъ былъ,
Не могъ Тугаринъ попасть въ него;
Подхватилъ чингалище Якимъ Ивановичъ,
Говорилъ Алешѣ Поповичу:
„Самъ ли ты бросаешь въ него, или мнѣ велишь?“ —
„Нѣтъ я самъ не бросаю, и тебѣ не велю!“
„Заутра съ нимъ перевѣдаюсь;
„Бьюсь я съ нимъ о великъ закладъ
„Не о стѣ рубляхъ, не о тысячѣ,
„А бьюсь о своей буйной головѣ.

Князья и бояре, и гости купеческіе бьются объ закладъ, что побѣдителемъ будетъ Тугаринъ; одинъ владыка (архіерей) черниговскій ручается, что побѣда останется за Алешею. Между тѣмъ Тугаринъ встаетъ изъ за стола, садится на коня своего и поднимается на бумажныхъ крыльяхъ летать по поднебесью.

Тутъ Алеша всю ночь не спалъ,
Молился Богу со слезами:
„Создай, Боже, тучу грозную,
„А изъ тучи-то съ градомъ дождя!“
Алешины молитвы доходны ко Христу:
Даетъ Господь Богъ тучу съ градомъ дождя,
Замочило у Тугарина крылья бумажныя,
Падаетъ Тугаринъ, какъ собака, на сыру землю.
Приходилъ Якимъ Ивановичъ,
Сказалъ Алешѣ Поповичу,
Что видѣлъ Тугарина на сырой землѣ.
И скоро Алеша наряжается,
Садился на добра коня,
Взялъ онъ сабельку острую
И поѣхалъ къ Тугарину Змѣевичу.
И увидѣлъ Тугаринъ Змѣевичъ Алешу Поповича,
Заревѣлъ зычнымъ голосомъ:
„Гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
„Хочешь ли я тебя огнемъ спалю,
„Хочешь ли, Алеша, конемъ стопчу,
„Али тебя, Алешу, копьемъ заколю?“
Говоритъ ему Алеша Поповичъ младъ:
„Гой еси ты, Тугаринъ Змѣевичъ младъ!
„Бился ты со мною о великъ закладъ,
„Биться—драться една на-единъ,
„А за тобой нынѣ силы смѣты нѣтъ
„На меня Алешу Поповича.“
Оглянется Тугаринъ назадъ себя,—
Втапоры Алеша подскочилъ, ему голову срубилъ.“

———

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧЪ. [1]

«Въ Новѣградѣ людіе увидавше (990 г.), еже Добрыня идетъ креститися, учиниша вѣче, и заклятшася всѣ, не пустити во градъ, и не дати идолы опровергнути... оступиша Путяту и бысть между ними сѣча зла... Добрыня... повелѣ у брега нѣкіе домы зажещи, чимъ люди устрашены бывше, бѣжати огнь тушити, и абіе преста сѣчь... Добрыня... идолы сокруши, древяннії сожгоша а каменніи изломавъ въ рѣку ввергоша, и бысть нечестивымъ печаль велика... людіе поносятъ Новгородцевъ: Путята крести мечемъ, а Добрыня огнемъ.»

(изъ исторіи Россіи *Татищева*).

Добрынюшкѣ матушка говорила:
„Что молодъ началъ ѣздить въ чисто поле,
„На тую гору Сорочинскую,
„Топтать то молодыхъ зміенышей,
„Выручать то полоновъ русскіихъ.
„Не куплись, Добрыня, во Пучай-рѣкѣ, [2]
„Пучай-рѣка есть свирѣпая:
„Средня струйка, какъ огонь, сѣчетъ."
Добрынюшка матушки не слушался,
Идетъ на конюшенку стоялую,
Беретъ онъ своего добра коня,
Сѣдлалъ бурка во сидѣлышко черкасское,
Потнички клалъ на потнички,
А на потнички кладетъ войлочки,
А на войлочки кладетъ черкасское сидѣлышко.
Всѣхъ подтягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
А тринадцатую клалъ ради крѣпости,
Чтобы добрый конь съ сѣдла не выскочилъ,
Добра молодца съ добра коня не вырутилъ (не выбросилъ).
Подпруги были шелковыя,
Пряжки у сѣдла красна золота,
Шпеньки у подпруговъ все булатныя:
Тутъ шелкъ не рвется и булатъ не трется,
Красно золото не ржавѣетъ,
Молодецъ на конѣ сидитъ—не старѣетъ,
Какъ онъ былъ во чистомъ полѣ,
На тыихъ горахъ на высокіихъ,
Потопталъ молодыихъ змієнышей,
Повыручилъ полоновъ русскіихъ.
Богатырско его сердце пожадѣлося (почувствовало жажду),
Пожадѣлося и распотѣлося.
Онъ приправилъ своего добра коня,
Добра коня ко Пучай-рѣкѣ,
Слѣзаетъ онъ скоро съ добра коня,
Снималъ съ себя платье цвѣтное,
Забрелъ за струечку за первую,
И забрелъ за струечку за среднюю,
И самъ говорилъ таково слово:
„Мнѣ, Добрынюшкѣ, матушка говаривала,
„Мнѣ, Никитичу, матушка наказывала,—
„Не куплись, Добрыня, во Пучай-рѣкѣ,
„Что Пучай-рѣка есть свирѣпая,
„Середня струйка, какъ огонь, сѣчетъ;
„А Пучай-рѣка есть кротка-смирна:
„Она будто лужа дожжевая."
Какъ въ тую пору въ то время
Вѣтра нѣтъ, тучу нанесло,
Тучи нѣтъ, а только дождь дожжитъ,
Дождя-то нѣтъ, искры сыпятся,—
Летитъ Зміище-Горынчище,
О двѣнадцати змія хоботахъ.
Хочетъ змія его съ конемъ сожечь,
Сама говоритъ таково слово:
„Теперича Добрыня въ моихъ рукахъ,
„Захочу—Добрыню теперь потоплю,
„Захочу—Добрыню въ хобота возьму."
Добрынюшка плавать гораздъ онъ былъ
Нырнетъ—на-бережекъ на тамышній,
Нырнетъ на бережекъ на здѣшній:
Нѣту у Добрынюшки добра коня,
И нѣтъ его платьевъ цвѣтныихъ,

---

[1]) **Добрыня Никитичъ**, богатырь княжескаго рода, по былинамъ племянникъ кн. Владимира. Имя Добрыни еще Лѣтопись Несторова соединяетъ съ кн. Владимиромъ, которому Добрыня, братъ Малуши, былъ дядею. Но позднѣйшія лѣтописи, согласно съ былинами, называютъ Добрыню *Рязанцемъ*, и даютъ ему прозвище *Златой поясъ*. Какъ народная поэзія переводитъ богатырей Владимировыхъ въ періодъ татарскій, такъ и лѣтописи заставляютъ этого рязанскаго Добрыню и какого-то Александра Поповича съ его слугою Торопомъ и съ семидесятью богатырями драться на р. Калкѣ съ татарами, которые будто бы всѣхъ ихъ побили. Если подъ Александромъ Поповичемъ надобно разумѣть пѣсеннаго Алешу, то и лѣтопись такъ же, какъ и былина, сближаетъ судьбу и подвиги этого богатыря съ Добрынею. Еще въ ранней молодости, живучи съ своею матерью въ Рязани Добрыня совершилъ богатырскій подвигъ: убилъ змія *Горынича* (или *Горынчища*) и освободилъ отъ него свою тетку, а кн. Владимиру сестру». (Буслаевъ).

Былина про «Добрыню Никитича», читаемъ въ христоматіи г. Филонова, характеризуетъ намъ Добрыню, какъ приверженца новой христіанской вѣры. Эта же былина представляетъ богатыря среди глубокаго языческаго мрака. Былина про Добрыню тогда получитъ надлежащій свой свѣтъ, когда мы ее прочтемъ на ряду съ Лѣтописью *Нестора* отъ стр. 67 и 71 до 73, 75, 82 и пр. Лѣтописецъ на указанныхъ страницахъ является такимъ же Добрынею,—если позволятъ такъ выразиться—какъ и настоящій Добрыня. Онъ говоритъ о разнаго рода волшебствахъ и чарахъ. Борется съ ними словомъ, силою убѣжденія своего. Добрыня физическою силою побѣдилъ змѣя: Несторъ призываетъ на помощь Священное Писаніе, прибѣгаетъ ко всеобщей исторіи, дабы дойти до надлежащей истины; но всѣ его доводы остаются тщетны передъ жизнію. Народъ всетаки вѣритъ волхвамъ, идетъ за ними весь, весь до послѣдняго» (см. примѣръ въ Новгородѣ, при князѣ Глѣбѣ).

[2]) *Пучай*—рѣка не *Почайна-ли*?

И нѣту меча бурзамецкаго,
Только что лежитъ на землѣ пуховъ колпакъ,
Насыпанъ колпакъ земли Греческой,
По вѣсу колпакъ цѣло три пуда.
Онъ хватилъ колпакъ земли Греческой,
Махнулъ во змію во проклятую,
Ошибъ змѣ двѣнадцать всѣхъ хоботовъ.
Упала змія во ковыль-траву.
Добрынюшка на ножку былъ повертокъ,
Скочилъ на зміинины груди бѣлыя,
А змія Добрынѣ ему взмолится:
„Ахъ ты ей, Добрынюшка Никитиничъ?
„Мы положимъ заповѣдь великую,
„Чтобы не летать мнѣ на святую Русь,
„Не носить людей больше русскіихъ,
„А тебѣ не ѣздить далече въ чисто поле,
„Не топтать ти молодыихъ зміенышей,
„Не выручать полоновъ русскіихъ.“
Положили они заповѣдь великую.—

Горынычъ, разумѣется, вскорѣ же нарушаетъ заповѣдь. Пролетая черезъ Кіевъ, онъ уноситъ племянницу князя Владимира Запаву Путятичну. Алеша Поповичъ даетъ совѣтъ Владимиру отправить Добрыню къ Запавѣ на выручку. Скрѣпя богатырское сердце, съ большой неохотою, ѣдетъ Добрыня. Горынычъ не хочетъ освободить Путятишну.

„Не отдамъ я князевой племянницы
„Безъ бою, безъ драки—кровопролитія.“
Заводила она бой—драку великую,
Дрался со зміей онъ трои сутки,
Онъ убилъ змію-то проклятую,
Спустился во нору, во глубокую,
Много тамъ сидитъ царей, царевичевъ,
Много королей, королевичевъ,
Простой-то силы и смѣты нѣтъ,
Насчиталъ силы сорокъ тысячей.
Говоритъ онъ князевой племянницѣ
Молодой Запавѣ дочь Путятишнѣ:
„За тебя я этакъ странствую!
„Поѣдемъ ко граду ко Кіеву,
„Ко ласкову князю ко Владимиру:
„А вамъ всѣмъ, господа, воля вольная!“

СОЛОВЕЙ БУДИМІРОВИЧЪ [1]).

Изъ за моря, моря синяго,
Изъ глухоморья зеленаго,
Отъ славнаго города Леденца,
Отъ того де царя, вѣдь, заморскаго,
Выбѣгали, выгребали тридцать кораблей,
Тридцать кораблей—единъ корабль
Славнаго гостя богатаго,
Молода Соловья сына Будиміровича.
Хорошо корабли изукрашены:
Одинъ корабль получше всѣхъ;
У того было у Сокола у корабля
Вмѣсто очей было вставлено
По дорогу каменю, по яхонту;
Вмѣсто бровей было прибивано
По черному соболю якутскому;
Вмѣсто уса было воткнуто:
Два остра копья мурзамецкія,
И два горностая повѣшаны,
И два горностая, два зимніе;
У того было у Сокола у корабля
Вмѣсто гривы прибивано:
Двѣ лисицы бурнастыя;
Вмѣсто хвоста повѣшено
На томъ было Соколѣ кораблѣ:
Два медвѣдя бѣлые заморскіе;
Носъ, корма по-туриному,
Бока взведены по-звѣриному.
Бѣгутъ ко городу Кіеву,
Къ ласкову князю Владимиру.
На томъ Соколѣ кораблѣ
Сдѣланъ муравленъ чердакъ,
Въ чердакѣ была бесѣда—дорогъ рыбій зубъ,
Подернута бесѣда рытымъ бархатомъ;
На бесѣдѣ то-сидѣлъ купецъ молодецъ,
Молодой Соловей сынъ Будиміровичъ.

Приплываютъ къ Кіеву, несутъ дорогіе подарки князю Владимиру. Князь предлагаетъ имъ занять дворы княжескіе, но Соловей проситъ дать ему только загонъ земли въ саду у племянницы княжеской, чтобы тамъ самому себѣ выстроить теремъ. Даетъ ему землю Владимиръ. Соловей зоветъ съ корабля своихъ работниковъ, и за ночь поспѣваютъ въ саду у Запавы три терема.

---

[1]) Въ былинахъ, доселѣ намъ извѣстныхъ, говоритъ г. Буслаевъ мало слѣдовъ древнѣйшаго варяжскаго обычая совершать воинскіе походы по рѣкамъ и морямъ. Можетъ быть, былина о Соловьѣ Будиміровичѣ сохранила нѣкоторые отголоски этой ранней поры. Хотя онъ называется гостемъ, т. е. торговымъ человѣкомъ, но, какъ норманскій пиратъ, имѣлъ онъ подъ рукою цѣлую дружину. Подробное описаніе корабля отзывается тою далекою эпохою, когда творческая фантазія находила себѣ пищу въ быту воинственныхъ корабельщиковъ.

Соловей Будиміровичъ, замѣчаетъ г. Безсоновъ, есть образъ удалаго морского наѣздника, съ какого-то отдаленнаго острова подъѣзжавшаго на кораблѣ, подъ самыя поселенія древней Руси, удивившаго русскихъ богатою добычей и плѣнившаго невѣстъ заморскими диковинками, а между русскихъ ни съ кѣмъ не сроднаго. Это—прибалтійскій удалецъ, кто бы онъ ни былъ—отважный ли норманнъ, или одинъ изъ поморянъ, изъ западныхъ славянъ, во всякомъ случаѣ. изъ той доисторической эпохи, когда русскіе жили близко къ Балтійскому морю и вели по немъ торговыя сношенія (Галаховъ).

По мнѣнію Л. Майкова, Соловей Будиміровичъ—знаменитый строитель, напоминающій тѣхъ западныхъ мастеровъ, которые съ XII в. приходили на Русь (О былинахъ Владим. цикла). Г. Халанскій въ Соловьѣ Будиміровичѣ видитъ идеальнаго великорусскаго жениха (Великорус. былины Кіевскаго цикла).

Рано зазвонили къ заутрени—
Ото сна Запава пробуждалася,
Посмотрѣла сама въ окошечко косящатое,
Въ вишенье, въ орѣшенье,
Во свой, вѣдь, хорошій зеленый садъ.
Чудо Запавѣ показалося:
Въ ея хорошемъ, зеленомъ саду,
Что́ стоятъ три терема златоверховаты.
Говорила Запава Путятишна:
„Гой еси, нянушки и мамушки!
„Подите-тко, посмотрите-тко,
„Что мнѣ за чудо показалося
„Въ вишеньѣ, въ орѣшеньѣ.“
Отвѣчаютъ нянюшки, мамушки
И сѣнныя красныя дѣвушки:
„Матушка Запава Путятишна!
„Изволь-ка сама посмотрѣть:
„Счастье твое на дворъ къ тебѣ пришло.“
Скоро-де Запава наряжается,
Надѣвала шубу соболиную,
Цѣна-то шубѣ три тысячи,
А пуговки въ семь тысячей,
Пошла она въ вишенье, въ орѣшенье,
Въ свой во хорошъ, во зеленый садъ.
У перваго терема послушала:
Тутъ въ теремѣ щелчитъ, молчитъ—
Лежитъ Соловьева золота казна.
Во второмъ теремѣ послушала:
Тутъ въ теремѣ потихоньку говорятъ,
Помаленьку говорятъ,—все молитву творятъ,
Молится Соловьева матушка
Со вдовы честны, многоразумными.
У третьяго терема послушала:
Тутъ въ теремѣ музыка гремитъ.
Входила Запава въ сѣни косящатыя,
Отворяла двери на пяту—
Больно Запава испугалася,
Рѣзвы ноги подломилися,
Чудо въ теремѣ показалося:
На небѣ солнце, въ теремѣ солнце;
На небѣ мѣсяцъ, въ теремѣ мѣсяцъ;
На небѣ звѣзды, въ теремѣ звѣзды,
На небѣ заря, въ теремѣ заря—
И вся красота поднебесная. [1])
Подломились ея ноженьки рѣзвыя.

Тутъ подходитъ къ ней Соловей, сватается за нее, они мѣняются перстнями, и все кончается свадебнымъ пиромъ у князя Владиміра.

---

[1]) Мотивъ «на небѣ солнце--въ теремѣ солнце» и пр., по всей вѣроятности, полагаетъ проф. Потебня, литературнаго происхожденія. Подобныя украшенія встрѣчались въ средніе вѣка, такъ въ церкви св. Ивана въ Холмѣ, построенной Даніиломъ Романовичемъ, Ипатьевская лѣтопись говоритъ, что «верхъ украшенъ (былъ) *звѣздами* златыми на лазури.» Проф. Потебня сообщаетъ, хотя и неутвердительно, что потолокъ часовни въ Карловомъ Тынѣ, близъ Праги, украшенъ солнцемъ, мѣсяцемъ и звѣздами. (А. Потебня. Обзоръ поэт. колядокъ и щедровокъ, стр. 623—4 и 437).

ОТЧЕГО ПЕРЕВЕЛИСЬ БОГАТЫРИ НА СВЯТОЙ РУСИ. [1]).

Возгордились богатыри своими побѣдами и до того расхвастались, что стали вызывать на бой силу небесную.

„Не намахалися наши могутныя плечи,
„Не уходилися наши добрые кони,
„Не притупились мечи наши булатные!“
И говоритъ Алеша Поповичъ младъ:
„Подавай намъ силу не здѣшнюю—
„Мы и съ той силою, витязи, справимся!“
Какъ промолвилъ онъ слово неразумное,
Такъ и явились двое воителей,
И крикнули они громкимъ голосомъ:
„А давайте съ нами, витязи, бой держать—
„Не глядите, что насъ двое, а васъ семеро.“
Не узнали витязи воителей.
Разгорѣлся Алеша Поповичъ на ихъ слова,
Поднялъ онъ коня борзаго,
Налетѣлъ на воителей
И разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча:
Стало четверо—и живы всѣ.
Налетѣлъ на нихъ Добрыня молодецъ,
Разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча:
Стало восьмеро—и живы всѣ.
Налетѣлъ на нихъ Илья Муромецъ,
Разрубилъ ихъ пополамъ, со всего плеча:
Стало вдвое болѣе и живы всѣ.
Бросились на силу всѣ витязи:
Стали они силу колоть-рубить...
А сила все растетъ да растетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ.
Бились витязи три дня, три ночи, три минуточки,
Намахалися ихъ плечи могутныя;
Уходилися кони ихъ добрые;

---

[1]) Рядъ былинъ заключается былиною о томъ, отчего перевелись витязи на святой Руси. Погибель богатырей, по былинѣ, произошла отъ ихъ гордости непомѣрной силой своей и состояла въ томъ, что они окаменѣли. Покойный проф. Шевыревъ объясняетъ эту былину такъ: «Русскій народъ, говоритъ онъ, этимъ глубокомысленнымъ преданіемъ объясняетъ себѣ, какъ въ древней его жизни сила тѣлесная, олицетворенная въ витязяхъ, побѣдивъ азіатскія орды, уступила мѣсто силѣ духовной, которая мало по малу простерлась во всѣ концы земли Русской».

Притупились мечи ихъ булатные.
А сила все растетъ да растетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ...
Испугалися могучіе витязи:
Побѣжали въ каменныя горы, въ темныя пе-
щеры...

Какъ подбѣжитъ витязь къ горѣ, такъ и ока-
менѣетъ;
Какъ подбѣжитъ другой, такъ и окаменѣетъ;
Какъ подбѣжитъ третій, такъ и окаменѣетъ.
Съ тѣхъ-то поръ и перевелись витязи на свя-
той Руси!—

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

РУСЬ

ЦАРСКАЯ, ВЕЛИКАЯ, МОСКОВСКАЯ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

УНИЧТОЖЕНІЕ УДѢЛЬНО-ВѢЧЕВОГО ПОРЯДКА
И
УСИЛЕНІЕ МОНАРХИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ.

ВЕЛИКІЕ МОСКОВСКІЕ КНЯЗЬЯ
ІОАННЪ III-Й И СЫНЪ ЕГО ВАСИЛІЙ III-Й.

(1462 г.—1505 г.—1533 г.).

МОСКВА.

Москва!.. какъ много въ этомъ звукѣ
Для сердца русскаго слилось!
Какъ много въ немъ отозвалось!

А. Пушкинъ.

И рядилася младая
Величавая Москва,
Стѣны, башни убирая
Дивныхъ зодчествъ въ кружева!

И стекались, рать за ратью,
Многихъ княжествъ знамена,
И своею благодатью
Осѣняла ихъ она!

Новградъ, съ золотомъ полъ-свѣта,
Ей принесъ свободу въ дань,
И рабыня Магомета
Пала въ ноги ей Казань!

И Уралъ ей отперъ горы,
И Сибирь—златое дно;
Русь, забывъ семейны споры,
Зажила съ ней заодно!

Здѣсь Россія! Съ ней страдала
Въ годы тяжкіе Москва;
Съ ней она и возставала
Къ торжеству отъ торжества!

Съ ней дѣлила скорбь и горе,
И на брань звала сыновъ
Въ дни, когда народовъ море
Выступало изъ бреговъ!

Съ края царства и до края
Голосъ славы и молвы:
Русь родная! Русь святая!
Краше нѣтъ твоей Москвы!

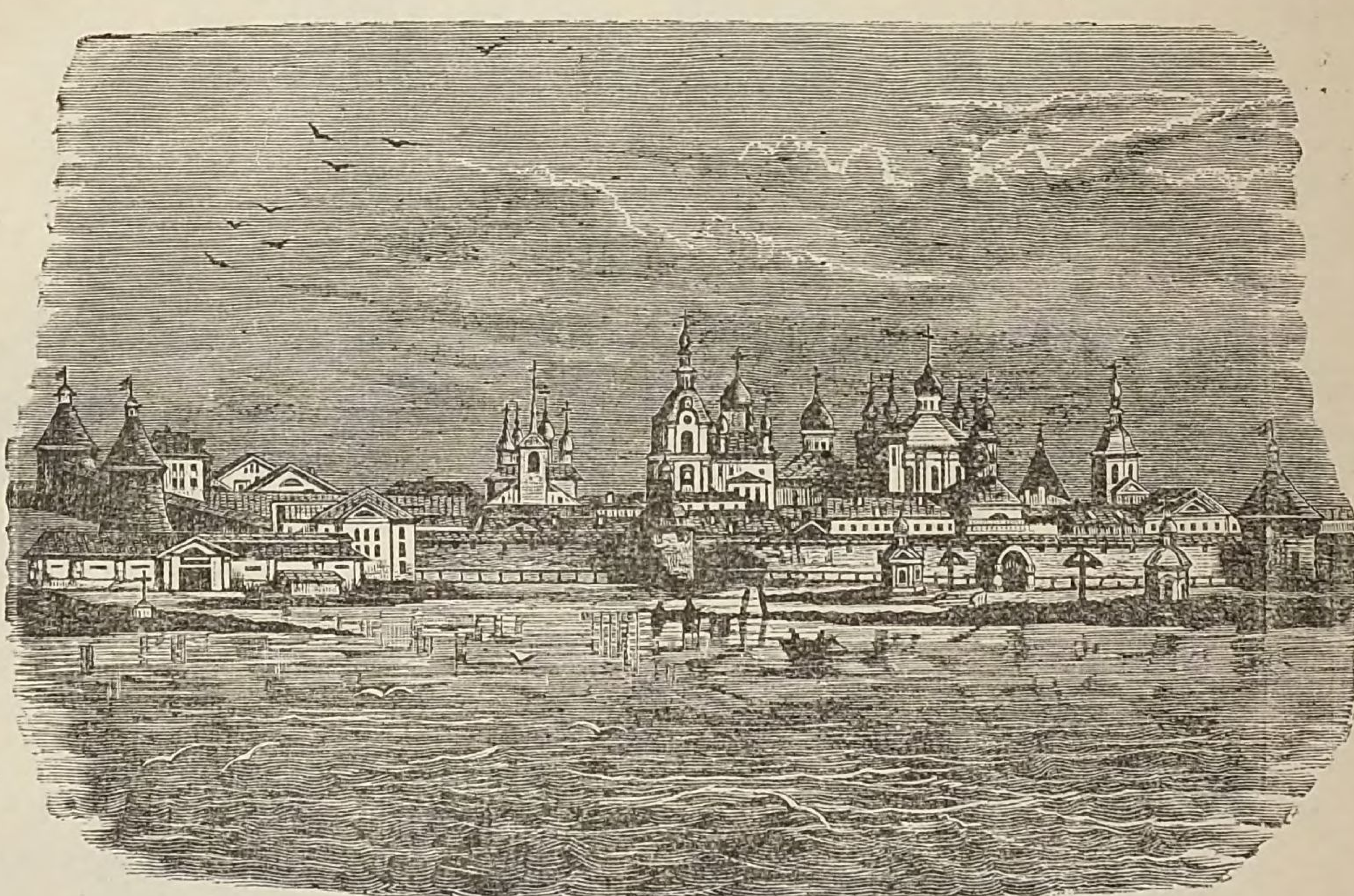
М. Дмитріевъ.

ВИДѢНІЕ СВ. ЗОСИМЫ [1].

(Сказаніе).

1.

Давно, надвигаясь тяжелою тучей,
Грозила бѣда Новгородской землѣ,
И все предвѣщало ударъ неминучій.
Не разъ уже слышался ночью въ Кремлѣ
Какой то таинственный звонъ колокольный,
Сорвало съ соборнаго купола крестъ
Порывами бури, и въ страхѣ, невольно
Все ждали чего-то. Носились окрестъ
Зловѣщіе слухи; на древней гробницѣ
Усопшихъ святителей—видѣли кровь,
Исполненъ былъ ликъ Ея тяжкой печали,
И всѣ въ умиленьи и страхѣ взирали,
Какъ слезы струились изъ кроткихъ очей...
Невольно сердца̀ поддавались смятенью,
И что-то зловѣщее, черною тѣнью,
Носилось надъ городомъ. Вскорѣ народъ
Узналъ о прибытьи святого Зосимы,
Угодника Божья. Вдали отъ заботъ
И радостей міра, то жаждой томимый,
То голодомъ лютымъ, въ тяжелыхъ трудахъ,
Среди добровольныхъ постовъ и лишеній,
Спасался отшельникъ. Въ дремучихъ лѣсахъ
Звучали молитвы, слова̀ пѣснопѣній
Сливалися съ криками хищныхъ звѣрей,
И скоро о подвигѣ старца великомъ

Соловецкій монастырь.

И слыша о чудѣ, народъ вереницей
Стекался съ молитвой къ святынѣ, и вновь—
Встревожились граждане вѣстью чудесной:
Во храмѣ икона Царицы Небесной
Явилась въ сіяньи блестящихъ лучей,
Узнали въ народѣ, и много людей
Стекалось къ Зосимѣ; на островѣ дикомъ
Воздвиглась обитель трудами ихъ рукъ.
Молва пронеслася далеко вокругъ
О строгой ихъ жизни, и вотъ приношенья
Полѝлись во храмѣ обильной рѣкой.
Но стала обитель терпѣть притѣсненья
Отъ слугъ новгородскихъ, и старецъ свя-
той
Рѣшился искать въ Новѣградѣ защиты
И выслушать вѣча мірской приговоръ.
Къ боярынѣ Марѳѣ, женѣ именитой,
На „чудный“ Борецкихъ посадниковъ дворъ,
Явился великій отшельникъ смиренно
Съ своимъ челобитьемъ, но Марѳа надменно

[1] Одинъ изъ монаховъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря **Савватій**, мучимый страстью одиночества и пустынолюбія, ушелъ изъ этой обители въ 1429 г. сперва на о. Валаамъ, а впослѣдствіи съ инокомъ **Германомъ** приплылъ на утлой ладьѣ къ необитаемому о. Соловецкому на Бѣломъ м. Германъ черезъ нѣсколько лѣтъ оставилъ пустынный островъ, а Савватій вскорѣ скончался. Мысль его заселить безлюдный о. Соловецкій нашла себѣ достойнаго преемника и послѣдователя въ лицѣ **Зосимы**, уроженца с. Толвуя, лежавшаго на б. Онежскаго оз. Около св. мужа стали собираться иноки, и, благодаря ихъ общимъ трудамъ, возникла знаменитая въ исторіи нашей **обитель Соловецкая**.

Велѣла прогнать его прочь отъ палатъ. [1])
И, грустно поникнувъ сѣдой головою,
Онъ бросилъ вокругъ себя горестный взглядъ
И тихо промолвилъ съ глубокой тоскою:
— „О, горе! Ужъ близки тѣ страшные дни,
Когда обитателей этого дома
Постигнетъ несчастье. Исчезнутъ они,
Заглохнетъ и слѣдъ ихъ, запрутся хоромы,
И дворъ сей навѣки останется пустъ!“ —
Такъ слово гласило пророческихъ устъ.

2.

Повѣривъ вначалѣ лихимъ наговорамъ
И хитрымъ навѣтамъ корыстныхъ людей,—
Раскаялась Марѳа, и тяжкимъ укоромъ
Отшельника образъ явился предъ ней.
Тогда, чтобъ загладить свое заблужденье,
Она посылаетъ къ Зосимѣ гонцовъ,
Прося, умоляя его о прощеньи.
И вотъ на усердный боярыни зовъ
Явился въ хоромы ея преподобный.
Не помня обиды и дѣтски незлобный,
Вносилъ онъ съ собою прощенье и миръ.
Сіяли палаты. На почестный пиръ
Собралося много гостей именитыхъ;
На лавкахъ, коврами узорными крытыхъ,
Сидѣли бояре за званымъ столомъ.
И гостя встрѣчаетъ съ великимъ почетомъ
Боярыня Марѳа въ чертогѣ своемъ,
Конца нѣтъ вниманью ея и заботамъ,
И тронутый старецъ душой умиленъ.
Но, словно предчувствіемъ тайнымъ томимый,
Печальнѣй, грустнѣе становится онъ...
И вдругъ—овладѣлъ преподобнымъ Зосимой
Несказанный ужасъ. Предъ старцемъ на мигъ
Явилось видѣнье средь шумнаго пира:
Въ туманѣ кровавомъ блистаетъ сѣкира...
Вотъ слышенъ глухой раздирающій крикъ...
И что-же онъ видитъ? Въ богатыхъ уборахъ,
За трапезой пышной сидятъ безъ головъ
Почетные гости!.. Съ тоскою во взорахъ
Глядитъ онъ, какъ льется ручьями ихъ кровь...

Но вотъ онъ очнулся—трепещущій, блѣдный,
И хлынули слезы изъ старца очей!
Предвидя судьбу новгородскихъ людей,
Скорбѣлъ онъ, что скоро исчезнутъ безслѣдно
Величье и слава,—наслѣдье отцовъ,
Что смолкнетъ и кличъ новгородцевъ побѣдный,
А вольность замѣнятъ—оковы рабовъ.

Ударъ разразился. На сѣверѣ дикомъ
Узналъ преподобный, къ концу своихъ дней,
Ужасную вѣсть о погромѣ великомъ,
О тяжкихъ страданьяхъ отчизны своей.
Свершилась погибель и Марѳина дома,
Заглохли навѣки травою хоромы,
А дворъ былъ покинутъ—безлюденъ и пустъ...
Такъ сбылось сказанье пророческихъ устъ.

О. Чюмина.

---

[1]) Св. Зосима бывалъ неоднократно въ Новгородѣ для защиты монастырскихъ льготъ и угодій противъ притязаній мѣстныхъ землевладѣльцевъ. Въ стихотвореніи разсказывается про послѣднее посѣщеніе, когда извѣстная въ исторіи посадница Марѳа Борецкая не хотѣла принять къ себѣ въ домъ игумена Зосиму. По рѣшенію народнаго вѣча Марѳа должна была уступить Соловецкой обители часть своихъ угодій на Бѣломъ м. Съ богатыми дарами и грамотой отъ Великаго Новгорода, на право владѣнія всѣмъ Соловецкимъ о-вомъ, возвратился Зосима въ свою отдаленную обитель и уже недолго жилъ послѣ того († 17 апрѣля 1478 г.).

ПАДЕНІЕ НОВГОРОДА.

Могучій союзомъ съ Ганзою, въ то время
Новгородъ за моремъ торговлю водилъ,
Въ далекихъ набѣгахъ, не вѣдая бремя,
Сосѣднимъ народамъ грозою онъ былъ.
„Кто противу Бога, противъ Новграда!“
То были: твой лозунгъ народъ боевой.
Хранимый Софіей,—громилъ супостата,
Предъ сильнымъ врагомъ не склонялся главой!
Но вижу: смятенье царитъ надъ тобою,
И вѣче, внимая разсказамъ молвы,
Колеблется силой твоей боевою—
Что-жъ страхъ тотъ вѣщаетъ?
На городъ войною
Идетъ Іоаннъ отъ далекой Москвы.
Напрасно сбирается вѣче, напрасно
Гремитъ новгородецъ побѣднымъ мечомъ;
И думой и дѣломъ уже несогласный,
Въ раздорахъ забылъ онъ о горѣ родномъ!
Но чу? раздались вдругъ сочувствія клики—
То откликъ на рѣчи великой жены...
Сбирается въ битву Новгородъ Великій—
И требуютъ брани свободы сыны...
Вотще ты смыкаешься грозно рядами—
Звѣзда твоя гаснетъ: Владыка князей
Войдетъ въ твои стѣны твоими костями.
Смирись! Уже близокъ онъ съ ратью своей...
Вижу: солнце озарило
Даль шелонскихъ береговъ,
Войску Новграда открыло

Силы грозныя враговъ...
Вотъ сошлись враги мечами...
Грозной гибели полны
Бьются съ мощными врагами
Новгородскіе сыны...
То враги одолѣваютъ,
То враговъ они тѣснятъ...
Грозенъ бой... Но измѣняетъ
Дѣлу храбрыхъ ихъ же братъ!
Вотъ прошелъ между рядами
Звукъ измѣны роковой,
И склоняется мечами
Новгородцевъ тѣсный строй
Предъ Іоанновой главой!
Но дальше идетъ Іоаннъ съ поля той сѣчи—
Новгородъ ворота ему отворилъ...
Разбилось у ногъ его вольное вѣче—
Знать *власть самодержца—прочнѣе всѣхъ силъ!*
Палъ Новгородъ дальнею славой. Страницы
Исторіи о ней лишь потомству твердятъ,
Храмъ древній Софіи да башни, бойницы
О славѣ минувшей вѣкамъ говорятъ.

В. Петровъ.

СТАРИЦА-ПРОРОЧИЦА.

На мосту стояла старица,
На мосту чрезъ синій Волховъ:
Подошелъ въ доспѣхахъ молодецъ,
Молвилъ слово ей съ поклономъ:
„Загадай ты мнѣ на счастье,
Ворочусь ли черезъ Волховъ?
За Шелонью враны каркаютъ,
Плачетъ въ теремѣ невѣста!“
— „Гой еси ты, красный молодецъ!
Есть теперь одна невѣста,
Есть одна—святая Софья.
Обручись ты съ ней душою,
Уберися честно ранами
И омойся алой кровью.
Обручися ты съ невѣстою:
За Шелонью ляжь костями.
Если ты мечомъ не выроешь
Сердцу вольному могилы,
Не на вѣче, не на родину,
А придешь ты на неволю!“—
Трубы звучатъ за Шелонью рѣкой;
Грозно взвѣваютъ московскіе стяги.
Съ радостнымъ кликомъ Софіи святой
Стала дружина, и полный отваги
Ринулся съ берега всадниковъ строй.
Съ шумомъ расхлынувшись волны вскипѣли,
Двинулась пѣна сѣдая грядой;
Строи смѣшались; мечи загремѣли;
Искрятся молніи съ звонкихъ щитовъ;
Съ трескомъ въ куски разметаются брони,
Кровь потекла... разъяренные кони
Грудью сшибаютъ и топчутъ враговъ;
Стелятся трупы на брегѣ Шелони...
Кровью дымилося поле; стихалъ
Въ стонахъ прерывныхъ и замеръ гласъ битвы.
Теплой твоей, о Софія, молитвы
Спасъ не услышалъ!...

На мосту стояла старица.
Не пройдетъ-ли красный молодецъ
Чрезъ широкій, синій Волховъ?
Проѣзжало много всадниковъ,
Много пѣшихъ проходило;
Было много изувѣченныхъ
И покрытыхъ черной кровью.
Что прошелъ ли добрый молодецъ?
Не прошелъ-ли онъ чрезъ Волховъ?

А. Пушкинъ.

ИЗЪ ТРАГЕДІИ „МАРѲА ПОСАДНИЦА“.

1-й посолъ.

Мы бьемъ челомъ отъ Новграда тебѣ,
Властей духовныхъ, свѣтскихъ и всѣхъ граждан.
Помилуй отчину свою! Пожалуй
Людей передъ тобою безотвѣтныхъ,
И старины ты не изруши вовсе.

2-й посолъ.

Уйми свой мечъ и угаси огонь,
Дай свѣта видѣти и въ милость
Великій Новгородъ, мужей свободныхъ
Прими.

3-й посолъ.

Не для ради молитвы нашей
Пренедостойной, но для милосердья
Свою грозу утиши, миръ намъ даруй.

Всѣ послы.

Челобитье предъ тобою наше!

Іоаннъ.

Мятежному Новграду мира нѣтъ.

Исполнилась долготерпѣнья мѣра,
И правый нашъ его постигнетъ гнѣвъ.
Всѣмъ вѣдомо, что городъ сей издревле
Принадлежалъ къ великому княженью.
Воспользуясь войной междоусобной,
Терзавшею столѣтія Россію,
Владычествомъ татаръ, насланныхъ Богомъ,
Дерзнулъ онъ вольности себѣ присвоить,
Потомками ругаться Ярослава,
Верховную князей похитить власть.
Калита и Донской его смирили,
Но занятымъ судьбою всей Россіи,
Оборонявшимъ отъ Орды, литовцевъ
Отечество, князьямъ симъ многодѣльнымъ
Не время было урядить Новгородъ,
Княжую власть, народную, означить.
Строптивые граждане не хотѣли
Сей милостью случайной наслаждаться.
Привыкши поощряться не на тихость,
Они ужъ при отцѣ покойномъ стали
Искать еще другихъ, излишнихъ правъ.
Вступалися въ его доходы, земли,
Его суда княжого уклонялись.—
Восшедшимъ намъ на отческій престолъ,
Ихъ больше увеличилася дерзость.
На младость нашихъ лѣтъ они надѣясь,
Не слушались намѣстниковъ, пословъ,
Княжой землей, водою овладѣли,
Купцовъ, московскихъ подданныхъ судили,
И съ Городища стали брать подъ стражу,
Враговъ къ себѣ приняли нашихъ кровныхъ.
Мы все имъ не чинили ни обиды,
Ни тягости не налагали новой,
Какъ наконецъ къ свершенью окаянства,
На радость дьяволу, печаль хрестьянамъ,
Они рѣшились измѣнить законнымъ
Князьямъ, отчизнѣ, православной Церкви.
Послушные прелестникамъ злораднымъ,
Владѣть землей отъ короля хотѣвшимъ,
Замыслили поддаться Казимиру
Съ обширной общею страною Русской,
Отъ Вятки и Двины до моря, Оби,
До Твери и до Пскова, той страною,
Гдѣ говорятъ языкомъ русскимъ, Бога
Чтутъ русскаго, дерзнули беззаконно
Утробной силой государства, третью,
Усиливать врага въ такое время,
Какъ помощью Господней мы хотѣли
И прежнія отнять его хищенья:
Черниговъ, Галичъ, Львовъ, Смоленскъ и Кіевъ.
Дерзнули отъ отца митрополита
Геронтья нашего, въ послѣдній вѣкъ,
Предъ свѣтопреставленьемъ отступиться,
Къ еретику, латинцу передаться
И душу погубить всего народа.—
Мы все озлобиться не ускоряли,
Благимъ терпѣніемъ честную душу
Смиряли, приводили ихъ на совѣсть,
Чтобъ лиха не чинили намъ и жили
По старинѣ.—Напрасно!—Въ преступленьяхъ
Раскаяться не думали они,
Единаго покорнаго намъ слова
Не справили въ своемъ посольствѣ.—Что же
Намъ оставалось дѣлать? Божьи слуги
Должны носить съ собою мечъ не туне.—
Мы, обнаживъ его, пошли войною
Казнить злодѣевъ. Наши полководцы
Разбили ихъ толпы въ Шелонской сѣчѣ.
Чрезъ день могли мы покорить строптивыхъ.
Но сжаляся надъ ихъ молитвой слезной,
Повѣря ихъ раскаянью, еще
Рабамъ явили милость недостойнымъ.
И что жъ?—Едва въ Москву мы возвратились,
У нихъ всѣ прежнія явились козни,
Возникли ереси, крамолы и измѣны,
И взмялася опять земля блажная,—
Граждане многіе принять ихъ подъ защиту
Просили насъ,—и наконецъ Новгородъ
Смѣлъ отъ свого посольства отпереться,
Ложь положить на насъ предъ всѣмъ народомъ.
Конца не зря дѣламъ симъ боготметнымъ,
Не могши силами располагаться
Своими на враговъ природныхъ Руси,
Пока не успокоится она внутри,
Рѣшились мы, съ благословенья нашихъ
Святителей московскихъ и съ совѣту
Любезной матери, бояръ и братьевъ,
Казнить предателей, не какъ хрестьянъ,
А какъ язычниковъ, глубокій корень
Зла новгородскаго пресѣчь на вѣки
Вѣковъ, и Русь отъ ихъ смущенья успокоить,
И отъ соблазновъ сохранить народы.
Самъ Богъ мятежниковъ намъ предаетъ,
Ихъ злодѣяніями раздраженный.

(Всѣ послы кланяются).

2-й посолъ.

Нашъ господинъ и князь великой Руси!
Мы слушали съ стѣсненнымъ сердцемъ

Правдивыя твои всѣ обвиненія,
И плачемъ о грѣхахъ покойныхъ предковъ.
Но мы, живые, чѣмъ виновны нынѣ
Передъ тобою, господиномъ нашимъ?
Чѣмъ тяжкій гнѣвъ твой заслужили?
Какой измѣною, крамолой, или бунтомъ?
Злодѣи наши тѣнью подозрѣнья
Покрыли только насъ передъ тобою.

3-й посолъ.

Имъ Богъ судья. Они тебя напрасно
Встревожили, державнаго владыку,
На отчину смиренную твою
Прогнѣвали.

1-й посолъ.

Но мы всѣхъ благъ на свѣтѣ выше
Твой упокой многоцѣлебный ставя,
Мы признаемъ Назарьево посольство,
Мы называемъ государемъ нашимъ
Тебя, коль ты отъ насъ сего желаешь,—
Лишь кровь хрестьянская престала-бъ литься:
И такъ Новогородская земля
Вся вывоевана грозой твоею,
Вытравлена̀ и выжжена̀, людьми
Хорошими вся выбита.—Скажи намъ,
Молящимся передъ тобой съ слезами:
Чѣмъ можемъ возвратить твою мы милость,
И тяжкую опалу снять съ себя?
Мы рады исполнять твои велѣнья.

(Всѣ послы кланяются).

Іоаннъ.

Коль признается вами въ полной силѣ
Назарьево посольство, коль зовете
Меня вы государемъ, я доволенъ
И отъ погибели всѣ земли ваши
Помилую.

(Всѣ послы кланяются).

Вы знаете жъ, чѣмъ должно
Челомъ бить государю.

1-й посолъ.

Отмѣняемъ
Мы грамоты вѣчны̀я, признаемъ
Во всѣхъ судахъ верховную власть князя
Московскаго. Пускай его намѣстникъ
Съ посадникомъ дѣла вершаетъ наши.
Чего же въ разногласьи не урядятъ,
Рѣшитъ самъ государь, черезъ три года
Въ Новгородъ ѣздя судъ творить и правду;
Лишь къ архьепископу въ судъ особливый
И къ тысяцкому не вступайся онъ!

2-й посолъ.

Мы будемъ ежегодно государю
Платить дань черную съ всего народа,
Но безъ московскихъ денщиковъ съ писцами:
Отъ нихъ бываетъ тѣснота большая
Всѣмъ людямъ,—вѣрь душѣ новогородской.

3-й посолъ.

По всѣмъ пригородамъ мы принимаемъ
Твоихъ намѣстниковъ, пятью градами
Мы кланяемся въ вѣчное владѣнье.

(Іоаннъ молчитъ).

1-й посолъ.

Чего жъ еще душѣ твоей угодно?

Іоаннъ.

Хочу отнынѣ властвовать въ Новградѣ,
Какъ у себя я властвую въ Москвѣ.

2-й посолъ.

Обычаевъ низо̀выхъ мы не знаемъ:
Повѣдай намъ, какъ властвуешь въ Москвѣ,
Какъ держится твое все государство.

Іоаннъ.

Власть государева рѣшаетъ все.
Не быть у васъ посаднику, ни вѣчу.
Мірскія и духовныя всѣ власти
Князь назначать и отрѣшать самъ будетъ,
Равно и подати съ бояръ и гражданъ,
И службу всякую отъ новгородцевъ.
Не знать вамъ съ иноземцами сношенья,
Посольствами не обсылаться съ ними,
Мириться, воевать за(о)дно съ Москвою.
Дворище Ярославово—мое.
Хочу имѣть и волости и села
У васъ по всѣмъ владѣньямъ.
Мы будемъ
Васъ жаловать, но и казнить мы вольны,
Коль вы не станете на насъ смотрѣть
По старинѣ.—

(Послы молчатъ).

Что жъ замолчали вы?
Не соглашаетесь на увѣщанье,
Послѣднее предъ казнью.

1-й посолъ.

Власть Господня
И власть твоя, великій государь,
Да будетъ надъ виновными рабами,
Мы просимъ лишь...

2-й посолъ.

Передъ твоимъ рѣшеньемъ,
Какъ предъ огнемъ, мечомъ, предъ гладомъ, жаждой,
Нашъ государь, не смѣемъ спорить—Богу
Угодно такъ, и мы пріемлемъ наказанье.
Мы просимъ лишь оставить судъ старинный,
Не звать въ Москву на службу новгородцевъ,
Освободить бояръ плѣненныхъ нашихъ.
(Всѣ послы кланяются).

Іоаннъ.

Какъ смѣете просить вы о злодѣяхъ,
Предателяхъ? Не ты ль, Иванъ Никитинъ,
Намъ жаловался отъ своего конца
На нихъ, и ты, Димитрій Купріяновъ,
Отъ Славной улицы за ихъ разбои,
Неистовства, убійства, похищенья?
Я знаю перевѣты ихъ съ Литвою.
Пристойно ли жъ вамъ поминать ихъ имя?

3-й посолъ.

Мы просимъ дома насъ судить. Инуды
Не выселять бояръ, купцовъ, ни житыхъ
Людей, изречь всѣмъ милость и прощенье,
Къ имуществу гражданъ не прикасаться.
(Всѣ послы кланяются).

Іоаннъ.

И такъ вы намъ указывать хотите!

1-й посолъ.

Гдѣ жъ намъ указывать теперь! Мы молимъ...
(Кланяется ему въ ноги).

Іоаннъ.

По утвержденьи нашего престола
Въ Новгородѣ, мы, можетъ быть, исполнимъ
Какія либо изъ моленій вашихъ.

1-й посолъ.

Скажи жъ какія, присягни на крѣпость.

Іоаннъ.

Осмѣлитесь вы намъ не вѣрить?

3-й посолъ.

Вѣримъ,
И только для успокоенья гражданъ
Присяги просимъ.
(Всѣ послы кланяются).

Іоаннъ.

Государь державный
Не присягаетъ.

1-й посолъ.

Хоть своимъ боярамъ
Вели поклясться за себя.
(Всѣ послы кланяются).

Іоаннъ.

Не могутъ
Подданные за государя клясться.
Вотъ вамъ мое послѣднее рѣшенье:
Коль вы чрезъ часъ отъ имени Новграда
Не покоритеся на всей намъ волѣ,
Я обнажаю мечъ, и казнь вамъ завтра!
Идите—думайте и свой отвѣтъ
Сюда же принесите мнѣ не медля.

М. Погодинъ.

ПРИЧИНЫ ПАДЕНІЯ НОВГОРОДА.

Внутренность Дѣтинца (т. е. града), обнесеннаго каменною стѣною, съ башнями и воротами. Въ срединѣ церковь св. Софіи, Владычній Дворъ и Судебная изба. Народъ всѣхъ сословій, въ томъ числѣ и женщины, толпятся на площади въ ожиданіи прибытія великаго князя изъ стана.

Группа простолюдиновъ среднихъ лѣтъ, стариковъ и парней.

Молодой парень (обращаясь къ старику).

Что жъ, дѣдушка? Аль Новгородъ-то нашъ
Совсѣмъ открасовался? правду-ль баютъ,
Что съ башни Ярославова Дворища
И колоколъ-то на Москву свезутъ?

Старикъ.

А кто его тамъ знаетъ! Какъ положитъ
Господь на сердце государю, такъ
Оно и будетъ. Вотъ гляди, изъ стана
Ужъ выѣхалъ и скоро быть долженъ,
Передъ обѣдней, знать, и рѣчь къ народу
Держать изволитъ.

Парень среднихъ лѣтъ.

Лихо, братцы, намъ!

(Подходитъ московскій гость изъ купцовъ).

Москвичъ (кланяясь).

Что, люди православные! чѣмъ лихо?

Второй парень (,кланяясь ему вмѣстѣ съ другими).

Мы, господине, про свои дѣла.

Москвичъ.

Ну, что жъ дѣла? Богъ милостивъ, не вѣкъ же
Вамъ бѣдовать. Великій князь не врагъ,
Онъ вамъ отецъ; и пожуритъ, и лаской
Пожалуетъ.

Первый парень среднихъ лѣтъ.

Какъ будетъ напередъ
Богъ вѣсть; а нонѣ, горе! хлѣба нѣту;
Мякину со соломою ѣдимъ;
Не то себя, и малыхъ ребятишекъ
Чѣмъ прокормить не знаемъ. А ужъ какъ
Понатерпѣлись!.. вдосталь!

Второй парень среднихъ лѣтъ.

Вотъ, какъ стали
Вы ратью-то своей насъ облегать,
Да хлынули изъ пригородовъ люди,
Спасенья то-есть въ городѣ ища,
Такъ и питаться стало нечѣмъ; ѣли
Мы въ ту пору конину,—что ни есть;
Вчастую же и просто голодали;
И вымерло-жъ зато у насъ народу
Отъ всякаго недужья—страхъ сказать!

Москвичъ.

Вотъ то-то! кабы меньше бушевали
Да дралися на сходкахъ вы своихъ,
Да кабы бабъ-то слушали поменьше,
И не было-бъ такого ничего.

Второй парень (,почесывая затылокъ).

Охъ, да и тѣ бояре...

Москвичъ.

Что бояре?
А кто къ боярамъ *наймитами* шелъ,
Чтобъ со своимъ же братомъ биться, ради
Потѣхи, аль иного тамъ чего?

Первый парень среднихъ лѣтъ.

Лихіе люди, господине.

Москвичъ.

То-то
Лихіе люди! Больно много ихъ
Поразвелось у васъ, оралъ-то всякихъ
Да *вѣчниковъ* худыхъ. Вотъ и калачъ,
Что сами испекли себѣ. Во здравье
И кушайте его.

Старикъ.

Такъ, господинъ;
Вѣстимо, виноваты, дурни, сами.
За то-жъ и терпимъ! Злѣйшему врагу
Не дай Господь!

Москвичъ.

Ну, нонѣ не тужите;
Вамъ за Москвою будетъ хорошо;
Великій князь—извѣстны, чай, вы сами—
Всегда стоялъ за васъ.

Второй парень среднихъ лѣтъ.

Оно-то такъ;
Кому ни доводилось, для защиты,
На тѣсноту отъ нашихъ, бить челомъ,
Судъ, завсегда, правдивый находили.

Нѣсколько голосовъ.

Да онъ за насъ.

Москвичъ.

Всегда онъ былъ за васъ.
Вотъ и теперь: чай, мыслите, въ отместку
Онъ за себя казнитъ бояръ? ни-ни;
Казнитъ за то, что васъ-то, православный
Христовъ народъ, въ неправду вовлекли.
Всегда за васъ и есть, и былъ, и будетъ;
Такъ, значитъ, не о чемъ тужить.

Второй парень среднихъ лѣтъ.

Да, вотъ,
Кабы не голодъ-то, что люди таютъ!..

Москвичъ.

И голода не будетъ; вотъ придетъ
Самъ государь, и милость вамъ окажетъ.

Н. Жандръ.

НОВГОРОДСКОЕ ПРЕДАНІЕ.

Да! были казни надъ народомъ...
Ужъ шесть недѣль горятъ концы!
Назадъ въ Москву свою походомъ
Собрались царскіе стрѣльцы.

И новгородцы не переча
Толпою блѣдною глядятъ,

Какъ мѣдный колоколъ съ ихъ вѣча
По волѣ княжеской былъ снятъ... [1])

Сіяетъ копій лѣсъ колючій,
Повозку царскую везутъ;
За нею колоколъ пѣвучій
На жердяхъ гнущихся несутъ.

Холмы и топь!! страна лѣсная!!.
Пути размыло; какъ тутъ быть?
И царь, добравшись до Валдая,
Приказъ далъ: колоколъ разбить.

Разбили колоколъ, разбили!..
Сгребли валдайцы мѣдный соръ,
И колокольчики отлили,
И отливаютъ до сихъ поръ...

И быль старинную вѣщая
Въ тиши степей, въ глуши лѣсной,
Ты, колокольчикъ, изнывая
Гудишь и бьешься подъ дугой!!...

К. Случевскій.

НОВГОРОДЪ.
(1478 г.).

Время пролетѣло,
Слава прожита;
Вѣче онѣмѣло,
Сила отнята.

Городъ воли дикой,
Городъ буйныхъ силъ,
Новгородъ Великій
Тихо опочилъ...

Слава отшумѣла,
Время протекло:
Площадь опустѣла,
Вѣче отошло.

Вольницу избили,
Золото свезли, [2])
Вѣче распустили,
Колоколъ снесли,

Порѣшили дѣло:
Все кругомъ молчитъ;

[1]) Новгородскій вѣчевой колоколъ въ 1478 г. былъ отправленъ въ Москву и повѣшенъ на колокольнѣ Успенскаго собора.

[2]) По сказанію современниковъ, Іоаннъ вывезъ изъ Новгорода 300 возовъ серебра, золота и драгоцѣнныхъ каменьевъ.

Только Волховъ смѣло
О быломъ шумитъ.

Бѣлой плачетъ кровью
О былыхъ бояхъ,
И поетъ съ любовью
О старинныхъ дняхъ.

Э. Губеръ.

СВЕРЖЕНІЕ ТАТАРСКАГО ИГА.
(7 ноября 1480 г.).

Часъ ударилъ жданный, радостный!
Колокольный звонъ по всей Руси,
И молебны по церквамъ поютъ,
И по всей землѣ веселіе!
Словно мутны воды вешнія,
Золота Орда растаяла,
Отъ святой Руси отхлынула!
Пронеслися тучи черныя,
Вышло солнце изъ-за черныхъ тучъ:
Засвѣтился имъ Московскій Кремль,
Золотыя церквей маковки,
А въ палатѣ узорочатой
Всѣхъ свѣтлѣй сидитъ и радостнѣй
На престолѣ самъ Московскій князь,
Самодержецъ всея Русіи,
А не ханскій уже данничекъ:
Его ноженькой растоптана
Басма ханская тутъ валяется,
И бѣгутъ съ метлою конюхи
Выметать ее на задній дворъ.

А. Майковъ.

ИЗЪ ТРАГЕДІИ „МАТЕРИ-СОПЕРНИЦЫ."

Теремъ великой княгини Софіи.

Софья [1]) и дьякъ Гусевъ.

Гусевъ.

Съ вѣстями добрыми пришелъ, княгиня.

[1]) **Софія Ѳоминична**, племянница послѣдняго императора византійскаго Константина XI Палеолога, въ день своего прибытія въ Москву изъ Рима, 12 ноября 1472 г., была обвѣнчана съ вдовствовавшимъ в. кн. Іоанномъ III. Бракъ этотъ былъ важнымъ событіемъ въ Русской исторіи: онъ имѣлъ значеніе передачи наслѣдственныхъ правъ потомства Палеологовъ Русскому великокняжескому дому и сдѣлалъ Русское государство преемственнымъ продолженіемъ Византійскаго. Софья была умна, хитра, сильна волей, много видѣла и много испытала. Хотя она и была полезна для Іоанна въ дѣлахъ государственныхъ,

Софья.

Отвыкла я отъ нихъ.

Гусевъ. [1]

Эхъ! не грѣши.
Не радуетъ развѣ тебя, что сына
Великій князь освободилъ изъ плѣна
Тюремнаго, что цѣпи снялъ съ него?
Одно могу сказать: пошла ты въ гору,
Остерегись же поскользнуться.

Софья.

Пока Дмитрья съ головы не спалъ
Вѣнецъ, украденный у сына, душу
Разбитую ничѣмъ не исцѣлю.
Еще Алена волощанка торжествуетъ.

Гусевъ.

Надѣйся, скоро празднику ея
Конецъ. Она сама къ тому ведетъ.
Съ тѣхъ поръ, какъ внука твоего вѣнчали
На царство, думала ль она вѣнецъ
Тотъ закрѣпить на головѣ его?
Уроками какими и какимъ внушеньемъ
Его готовитъ къ управленью царствомъ?

Софья.

Все такъ, но дѣло сдѣлано, и кто жъ
Вѣнецъ тотъ скинетъ съ головы Димитрья?

Гусевъ.

Мать.

Софья.

Мать!.. Не понимаю я, какъ сына,
Рожденья своего, лишитъ она,
И добровольно, счастья. Не забудь
Чего ей стоило добыть его—
Коварства, лжи и низкой клеветы.
Не можетъ быть.

Гусевъ.

Она-таки сама—
И тотъ, кто надѣвалъ вѣнецъ въ часъ гнѣва
Несправедливаго, въ часъ роковой.
Съ вѣстями добрыми пришелъ къ тебѣ,
Я говорилъ; но это не слова
Одни, а дѣло.

Софья.

Задалъ мнѣ загадку,
Такъ самъ и разгадай—я не смогу.

Гусевъ.

Ушами слушай, сердцемъ, помышленьемъ—
Вчера узналъ я отъ своихъ ищейныхъ,
Что въ будущую ночь должна собраться
У Схарія жида въ его домишкѣ
Вся братія, что ереси его поганой
Посвящена; и въ томъ числѣ бояре,
Князь Ряполовскій, Патрикѣевъ...

Софья.

Все недруги мои.

Гусевъ.

И не любитъ
Тебя имъ есть за что. Ты завела
Порядокъ небывалый при дворѣ
И спесь бояръ куда крутенько сбила
Своей владычной ручкой.

Софья.

Забылъ однако жъ ты, что къ этой рѣчи
Свело тебя.

Гусевъ.

Да, я не все сказалъ.
У Схарія сбираются бояре,
Суконники, попы и жены ихъ;
А въ этомъ сонмищѣ что-де творится,
Такъ дыбомъ волосы встаютъ отъ словъ
Однихъ. Сперва отецъ, какъ называютъ
Жидка, имъ чтетъ поганое ученье,
А тамъ ужъ пѣніе, бѣсовски пляски.
И вотъ въ пиру богопротивномъ этомъ
Великая княгиня засѣдаетъ.

но, имѣя гордый и сварливый нравъ, часто отравляла его семейное спокойствіе. Особенно не любила она Елену, вдову старшаго сына Іоанна Ивана Ивановича: ей не нравилась привязанность мужа ко внуку Димитрію. Она составила чрезвычайно смѣлый и рѣшительный планъ, который состоялъ въ томъ, что сынъ ея Василій долженъ былъ удалиться въ Новгородскую и Тверскую области, собрать тамъ войско, схватить Димитрія и заставить отца признать себя наслѣдникомъ. Заговоръ открылся, Софью и Василья арестовали, и на зло имъ вел. князь 4 января 1498 г. торжественно вѣнчалъ своего внука въ Успенскомъ соборѣ на великое княженіе Московское. Но прошелъ годъ, и Иванъ Васильевичъ снова сблизился съ женою и сыномъ, началъ оказывать холодность внуку и невѣсткѣ и наконецъ вдругъ наложилъ на нихъ свою опалу (11 апрѣля 1502 г.). Приверженцы же ихъ еще въ 1499 г. понесли жестокую кару, такъ знаменитый князь Ряполовскій былъ обезглавленъ. Несчастные сынъ и мать, разлученные другъ съ другомъ, окончили свою жизнь въ тяжкомъ заточеніи. Сама Софья умерла въ 1503 г. и погребена въ Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ.

[1]) Сторону Софьи держали молодые бояре и дьяки, въ числѣ послѣднихъ Гусевъ занималъ при дворѣ видное мѣсто.

Софья.

Сама великая княгиня, мать
Димитрія, невѣстка наша?.. Боже!..
Слуга мой вѣрный, ничего таки
Иванъ Васильичу...

Гусевъ.

Не говорилъ?..
Нѣтъ, не для того послалъ намъ Богъ
Сокровище такое, чтобъ сберечь въ груди;
Я уголья разжегъ, хотя бъ пришлось
Мнѣ самому обжечься. Въ ту же полночь,
Какъ вѣрный человѣкъ далъ знать объ этомъ,
Махнулъ къ царю и сонъ его нарушилъ.
Онъ самъ мнѣ въ важныхъ случаяхъ велѣлъ
Его будить.

Софья.

Что жъ онъ?.. Скажи скорѣй.

Гусевъ.

Царь гнѣвомъ воспылалъ такимъ, въ какомъ
Его я никогда не видѣлъ. Кстати
Волоцкій Іосифъ написалъ ему
Посланье, грозное вельми, противъ
Еретиковъ. Потребовалъ къ себѣ
Царь тотчасъ Мамона и приказалъ
Ему на сборище ночное грянуть
И захватить всѣхъ недруговъ твоихъ.

Софья.

А съ той?

Гусевъ.

Судьба ея рѣшится нынѣ.
Потомъ царь о тебѣ сталъ говорить,
Да грустно такъ, что сердце у меня
Заныло, словно умирать собрался.
„Вотъ, люба мой:“ сказалъ онъ мнѣ—
А слезы на глазахъ его дрожали—
„Семейка областей и городовъ
„Растетъ вокругъ меня, а я одинъ,
„Какъ перстъ; въ семьѣ своей родной не слышу
„Ни слова милой ласки, ни утѣхи.
„Бѣжитъ меня невѣстка, сынъ ея
„Мальчишка добрый, да куда недальній,
„Ни думъ моихъ, ни словъ не понимаетъ.
„А было время, близъ меня жена и другъ,
„Помощница, совѣтница, все, все,
„Чего не достаетъ мнѣ въ тѣ года,
„Когда и ласка и совѣтъ такъ нужны,
„Въ груди моей, въ глазахъ она читала.“

Софья.

Такъ и сказалъ онъ?

Гусевъ.

Слово въ слово такъ.

Софья.

О, Господи, зачѣмъ къ ногамъ его
Меня не допустилъ въ тотъ часъ!...
Я облила бъ ихъ жгучими слезами.

Гусевъ.

Потомъ онъ сына вспомнилъ.

Софья.

Что-жъ сказалъ?

Гусевъ.

„А сынъ Василій—тѣшила меня
„Надежда на него—отваженъ, гордъ,
„Писаніе святое знаетъ твердо,
„Разуменъ, не чета ребенку Дмитрью.“
Что-жъ, я сказалъ, ошибку сдѣлалъ ты,
Поправить можно, все въ твоей же власти.
Отвѣтъ ты Богу дашь, передъ народомъ,
Что недостойному вручилъ державу,
Которому не смочь десницей слабой
Ее сдержать. Царь встрѣчу любитъ
Своимъ рѣчамъ, какъ знаешь ты сама;
И вотъ онъ поддался... Пришелъ тебѣ
Я повѣстить, что нынѣ жъ, можетъ быть,
Сей часъ, онъ собирается къ тебѣ, княгиня.

Софья.

А я и не одѣлася, какъ должно,
Чтобы его принять... (охорашивается).
Ко мнѣ?.. сегодня?
О, Господи! благодарю тебя.
Отъ счастія не умереть бы мнѣ!
Спасибо и тебѣ, слуга мой вѣрный;
По гробъ твоей я не забуду службы.
Зайди къ Василью, да накажи
На случай, если бъ царь позвалъ его,
Чтобъ духъ смирилъ строптивый для меня,
Для счастья своего и для народа.
(Гусевъ уходитъ).

Софья (про себя).

Теперь въ рукахъ моихъ ты, волошанка!
Какую пѣсенку споешь намъ нынче.
Послушаемъ,—не спалъ ли голосокъ.

Входитъ великій князь Іоаннъ Васильевичъ. Великій князь Іоаннъ Васильевичъ и великая княгиня Софія (при появленіи его она бросается къ нему на встрѣчу, становится на одно колѣно и хочетъ поцѣловатъ у него руку).

Іоаннъ (,обнимая ее).

Нѣтъ, къ сердцу, Софьюшка, моя голубка,
Мнѣ у тебя прощенія просить—
За то, что оскорбилъ тебя безвинно,
Что въ гнѣвѣ недруговъ твоихъ послушалъ,
Порядкомъ же я имъ и отплатилъ.

Софья.

Лишь очи ясныя твои блеснули,
Забыто все. И солнышко, смотри,
Играетъ ярче; такъ въ моемъ и сердцѣ.
Кругомъ меня все слышится теперь,
Какъ будто пѣсни брачныя поютъ.

Іоаннъ.

Попрежнему, разумница моя,
И ты мнѣ рѣчи сладкія поешь
(осматривается).
А у тебя во терему, какъ было,
Когда въ послѣдній видѣлся съ тобой,
Такъ и теперь. Вотъ у кровати
Твоей и трость моя. Забылъ тогда:
Примѣта вѣрная, что ворочусь;
Какъ видишь, люба, воротился нынѣ.
А чтобъ не разлучили болѣ насъ,
Велѣлъ я недруговъ твоихъ сослать
Туда, гдѣ цѣлый годъ зима бываетъ.
Теперь попрежнему мы заживемъ.
А чтобъ размирья нашего слѣдовъ
Не оставалося, позвать Василья.

Софья (,отворяя боковую дверь).

Василія скорѣе позовите.

Тѣ-же и великій князь Василій Іоанновичъ.

Василій (,припавъ къ ногамъ отца).

Прости, отецъ! Въ писаніи святомъ
Читалъ ли ты о блудномъ сынѣ притчу?
Покинувъ отчій домъ, скитался онъ
Въ чужбинѣ дальней годы, наконецъ,
Покрытый струпьями души и плоти,
Въ одномъ лишь ветхомъ рубищѣ на плечахъ,
Подъ кровъ родительскій онъ возвратился.
Въ ногахъ отца съ слезами покаянья
Онъ у него прощенія просилъ.
И тотъ не только что простилъ его,
Но, въ радости своей, созвалъ друзей
На пиръ торжественный. Такъ я теперь,
Твой блудный сынъ, у ногъ твоихъ,
Пришелъ просить прощенья.

Іоаннъ (,обнимая сына).

Обними
Меня. Въ писаньи какъ святомъ отецъ,
Забывши прошлое, я уготовлю
Тебѣ на всю Москву такой же пиръ.
Теперь ко мнѣ прошу обоихъ васъ:
Хочу я праздновать семейный праздникъ.
(Встаетъ, за нимъ великая княгиня Софья и сынъ).

Іоаннъ (,обнявъ одною рукою княгиню и поддерживаемый подъ другую сыномъ, при видѣ на полу лежащей трости)

Мнѣ нынѣ посоха не нужно болѣ,
Опора у меня—жена и сынъ.

И. Лажечниковъ.

ПАДЕНІЕ ПСКОВА.

(13 января 1510 г.)

О, славный великій городъ Псковъ! О чемъ сѣтуешь и плачешь? и отвѣчалъ прекрасный городъ Псковъ: «какъ мнѣ не плакать и не скорбѣть о своемъ опустѣніи? Прилетѣлъ на меня многокрылатый орелъ съ львиными когтями и взялъ у меня всю красоту мою: и богатство, и чадъ! Земля моя опустѣла, люди плѣнены, торжища раскопаны, отцовъ и братьевъ моихъ увели туда, гдѣ не были ни дѣды, ни прадѣды »
(Изъ *Псковской* лѣтописи).

Древній городъ, не мало и ты потрудился
Для великаго племени Русской земли,
Ты оплотомъ ей былъ, ты съ тевтонцами бился,
И они твою мощь одолѣть не могли.
Ты не разъ ихъ видалъ подъ своими стѣнами,
Но ни разу ихъ въ стѣны свои не впускалъ;
Ты умѣлъ управляться съ своими врагами,
И не разъ, въ свою очередь, имъ угрожалъ.
Ты свободою жилъ, самъ собой управлялся,
Не нуждался ты въ выходцахъ чуждой страны,
И на вѣче всегда цѣликомъ собирался,
Исполняя преданья святой старины.
Ты выслушивалъ всѣхъ, не дѣлилъ ты народа,
И рѣшалъ большинствомъ голосовъ всѣ дѣла,
И глубоко въ тебѣ вкоренилась свобода,
И прочна на Руси твоя слава была.
Но пришли для тебя дни тяжелыхъ невзгодъ,

И настал твой черед покориться;
Когда князь Іоаннъ, собирая народъ,
Порѣшилъ и съ тобою сразиться.
Ты свободу любилъ, только ею и жилъ,
Не хотѣлъ никому поклониться,
И на вѣчѣ рѣшилъ, за свободу свою,
Ты съ Москвою коварною биться.
Ты годами боролся... наконецъ, изнемогъ,
И предъ княземъ Васильемъ склонился,
И съ тѣхъ поръ ты глубоко заснулъ и замолкъ,
Словно мракомъ могильнымъ покрылся.

Н. А. Вроцкій.

ПРИСОЕДИНЕНІЕ СѢВЕРСКАГО УДѢЛА.

(1523г.)

Въ Москвѣ, на прародительскомъ престолѣ,
Великій князь всея Руси Василій
Самодержавно правилъ, продолжая
Завѣщанный ему тяжелый трудъ
Созданія обширнѣйшаго царства...
Въ то время на Руси изъ всей обширной
Семьи князей удѣльныхъ оставался
Одинъ лишь князь Василій, внукъ Шемяки,
Владѣтель Сѣверскій. Давно служилъ
Онъ вѣрою и правдой властелину
Всея Руси и храбро, честно бился
Противъ поляковъ, крымцевъ и иныхъ
Враговъ Москвы; но онъ былъ князь удѣльный,
Онъ сохранилъ тѣнь власти—и Василій
Рѣшилъ его погибель и позвалъ
Къ себѣ, въ Москву. Шемячичъ догадался,
Зачѣмъ его зовутъ, и побоялся
На зовъ явиться. Даніилъ,
Далъ слово вѣрное ему порукой,
Что безопасенъ будетъ онъ въ Москвѣ. [1])
Повѣрилъ князь такому слову смѣло.
Въ Москву пріѣхалъ—и попался въ сѣти,
Разставленныя опытной рукой.
Схватили князя, заковали въ цѣпи
И, обвинивъ въ сношеніи съ Литвой,
Въ подземную темницу заключили,
Гдѣ долго онъ томился изнывая
И, наконецъ, окончилъ жизнь свою.

Н. А. Вроцкій.

ПЕРВЫЙ ЦАРЬ ВСЕЯ РУСИ
ІОАННЪ IV-Й ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГРОЗНЫЙ.

(1533 г.—1584 г.)

ПРЕДСКАЗАНІЕ О РОЖДЕНІИ ГРОЗНАГО.

(родился 25 августа 1530 г.).

Его еще на свѣтѣ не бывало,
А ужъ о немъ пророки провѣщали!..
Былъ юродивый старецъ Доментьянъ...
Когда его покойная княгиня
О дѣтищѣ, зачатомъ ей, спросила:
„Что имамь я родити?“ Онъ сказалъ:
—„Родится Титъ—широкій умъ!“—
И точно;
Не мимо шли правдивыя слова,—
И вѣщее сбылося предсказанье.

Л. Мей.

СТАРАЯ ПѢСНЯ.

(1552 г.)

Изъ лѣсовъ дремучихъ, сѣверныхъ
Поднялась не тучка темная,
А рать сильная—могучая,
Царя грознова, Москокова;
Словно птица быстролетная
Пролетѣла море синее—
Перешла такъ сила русская
Степь пустую, непроходную.

И пришла она, незваная,
Къ царству славному, Казанскому—
Къ басурману—хану лютому,
Къ свому недругу заклятому.

И куда еще—спитъ зорюшка,
А ужъ бьется Русь съ татариномъ,—
Стѣны крѣпкія разрушила
И пошла гулять по городу.

Воеведы рати храбрыя
Ѣздятъ, бьютъ татаръ по улицамъ;
А на башнѣ съ русскимъ знаменемъ,
Юный царь стоитъ, какъ солнышко!

А. Кольцовъ.

[1]) Даніилъ—московскій митрополитъ.

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ О ПОКОРЕНІИ КАЗАНИ.

1.

Середи было Казанскаго царства,
Что стояли бѣлокаменны палаты.
А изъ спальни, бѣлокаменной палаты,
Ото сна тутъ царица пробуждалася,
Пробуждалася царица Елена,
Симеону царю она сонъ разсказала: [1])
—А и ты встань, Симеонъ царь, пробудися!
Что ночесь мнѣ, царицѣ, мало спалося,
Въ сновидѣньицѣ много видѣлося:
Какъ отъ сильнаго Московскаго царства
Кабы сизой орлище встрепенулся,
Кабы грозная туча подымалась,
Что на наше вѣдь царство наплывала."

А изъ сильнаго Московскаго царства,
Подымался великій князь Московскій,
А Иванъ, сударь, Васильевичъ, прозритель,
Со тѣми ли пѣхотными полками,
Что со старыми славными казаками.
Подходили подъ Казанское царство,
За пятнадцать верстъ становились,
Становились они подкопью подъ Булатъ—
рѣку, [2])
Подходили подъ другую подъ рѣку—подъ
Казанку,
Съ чернымъ порохомъ бочки закатили,
А и подъ гору ихъ становили,
Подводили подъ Казанское царство;
Воску яраго свѣчу становили,
А другую вѣдь на полѣ въ лагерѣ:
Еще на полѣ свѣча та сгорѣла,
А въ землѣ-то идетъ свѣча тишѣя.
Воспалился тутъ великій князь Московскій,
Князь Иванъ, сударь, Васильевичъ, прозритель,
И зачалъ канонеровъ тутъ казнити,
Что началася отъ канонеровъ измѣна.

Что большій за меньшаго хоронился,
Отъ меньшаго ему, князю, отвѣту нѣту;
Еще тутъ ли молодой канонеръ выступался:
—Ты, великій, сударь, князь Московскій!
Не вели ты насъ, канонеровъ, казнити:
Что на вѣтеръ свѣча горитъ скорѣе,
А въ землѣ то свѣча идетъ тишѣе."

Позадумался князь Московскій,
Онъ и сталъ тѣ-то рѣчи размышлять собою,
Еще какъ бы это дѣло оттянути.

[1]) *Симеонъ* - Едигеръ, въ крещеніи названный Симеономъ.
[2]) *Булатъ*—Булакъ.

Они тѣ-то рѣчи говорили—
Догорѣла въ землѣ свѣча воску яраго
До тоя-то бочки съ чернымъ порохомъ:
Принималися бочки съ чернымъ порохомъ,
Подымало высокую гору,
Разбросало бѣлокаменны палаты,
И бѣжалъ тутъ великій князь Московскій
На тое ли высокую гору,
Гдѣ стояли царскія палаты.
Что царица Елена догадалась,
Она сыпала соли на ковригу,
Она съ радостью Московскаго князя встрѣчала,
А того ли Ивана, сударь, Васильевича,
прозрителя;
А за то онъ царицу пожаловалъ,
И привелъ въ крещеную вѣру,
Въ монастырь царицу постригли.
А за гордость царя Симеона,
Что не встрѣтилъ великаго князя,
Онъ и вынялъ ясны очи косицами, [1])
Онъ и взялъ съ него царскую корону,
И снялъ царскую порфиру,
Онъ царскій костыль въ руки принялъ. [2])

И въ то время князь воцарился,
И насѣлъ въ Московское царство;
Что тогда де Москва основалася,
И съ тѣхъ поръ великая слава.

2.

Вы, молодые ребята, послушайте,
А мы, стары старики, будемъ сказывати
Про Грознаго царя Ивана Васильевича,
Какъ государь царь Иванъ Васильевичъ
Казань городъ покорилъ,
Подъ Казанку подъ рѣку онъ подкопы под-
водилъ,
За Сулай за рѣку бочки съ порохомъ катилъ,
А онъ пушки и снаряды въ чистомъ полѣ
разставлялъ:
А татаре-то по городу похаживаютъ,
Они Грозному царю да насмѣхаются:
„Не бывать нашей Казани да за бѣлымъ
царемъ!"
Какъ тутъ государь царь Иванъ Васильевичъ,
Государь—царь поразгнѣвался,
Что подрывъ-то такъ долго медлится,

[1]) Царь Симеонъ ослѣпъ уже впослѣдствіи.
[2]) Іоаннъ отдалъ воинамъ всю добычу, всѣ богатства казанскія, всѣхъ плѣнниковъ, кромѣ Едигера; взялъ только утварь царскую, вѣнецъ, жезлъ, знамя державное и пушки сказавъ: «моя корысть есть спокойствіе и честь Россіи.»

Приказалъ тутъ онъ да пушкарей казнить,
Всѣхъ подкопщиковъ да зажигальщиковъ.
Какъ тутъ всѣ пушкари призадумалися,
Призадумалися да запечалилися.
А одинъ пушкарь поотважился,
Говоритъ пушкарь да таково слово:
„Ты позволь, государь, слово выговорить!“
Не успѣлъ пушкарь слово вымолвить,
Какъ тутъ догорѣли зажигальныя свѣчи,
Вдругъ разорвало бочки съ порохомъ:
Стѣны крѣпости бросало за Сулай за рѣку.
Татары тутъ всѣ устрашилися,
Они бѣлому царю да покорилися.
Говорятъ они татаре таково слово:
—Вѣчно быть нашей Казани подъ святой Русью,
—Подъ святой Русью непобѣдимою,
—Непобѣдимою, Богомъ любимою!

ПУШКАРЬ ЗИЛАНТЪ.

(Преданіе).

Какъ надъ самой Казанью татарскою
Тучи сѣраго дыма висятъ,
Предъ высокою ставкою царскою
Воеводы въ раздумьи стоятъ.
Вотъ выходитъ самъ царь предъ боярами,—
Поясной ему дали поклонъ...
„Что намъ дѣлать съ врагами татарами?„
Говоритъ имъ нахмурившись онъ.
„Не сдаются казанцы безбожные,
Моего не боятся меча;
Что ни ночь, то набѣги тревожные,
Безпокоитъ мой станъ Епанча.
Что-жъ осаду начать, что-ли заново,
Или безъ толку будемъ стоять?“
И на грозное слово Иваново
Поклонились бояре опять.
„Ты прости, государь, рѣчи дерзкія—
Оттого неудача все намъ,
Что казанцевъ волхвы богомерзкіе
Стѣны зельемъ кропятъ по утрамъ.
И Казань-то давно заколдована
Ихъ царицей Зумбекой сѣдой,
И не будетъ она завоевана
Подъ твоею высокой рукой.“
Царь Иванъ сталъ, какъ ночка угрюмая.
По бородкѣ проводитъ рукой,
И задумался крѣпкою думою,
И поникнулъ на грудь головой...

Надъ Казанью могучей татарскою
Тучи сѣраго дыма висятъ,—
Передъ ставкой высокою царскою
Воеводы въ раздумьи стоятъ.
Какъ въ ту пору за ставкою царскою
Шелъ дорогой пушкарь молодой,
И увидѣлъ онъ думу боярскую,
И услышалъ ихъ рѣчь удалой.
Поправилъ кафтанчикъ новехонькій,
Да кудрями встряхнулъ раза два,
Подошелъ онъ къ боярамъ тихохонько,
Говоритъ имъ такія слова:
„Разступитесь вы, бороды длинныя,
Не придумать вамъ рѣчи умнѣй!
Передъ очи царя соколиныя
Допустите меня поскорѣй.“
Разступилася дума боярская;
Къ государю пробрался пушкарь
И промолвилъ: „Столица татарская
Въ двѣ недѣли твоя, государь!“
Поднялъ царь свои очи державныя:
„Говори, какъ возьмешь ты, холопъ?“
—„Государь, подъ ихъ башнею главною
Подведу, коли хочешь, подкопъ.
Дай рабочихъ мнѣ сотенку добрую;
Я работу начну до зари;
Двѣ недѣли пройдетъ, и хоробрую
Ты дружину къ стѣнѣ собери,
Пусть въ доспѣхи одѣнутся ратные,
И какъ только подкопъ мой взорветъ—
Пусть возьмутъ свои сабли булатныя
Да идутъ помоляся впередъ.—“
Тутъ, дослушавши рѣчь его смѣлую,
Царь Иванъ сталъ ему говорить:
„Я работниковъ тысячу цѣлую
На работу велю отрядить.
Подведи ты подкопъ подъ Казанію
И копать начинай до зори...
Только помни свое обѣщаніе—
Въ двѣ недѣли окончи... смотри!
Да ужъ лучше заранѣ условиться...
Коли можешь, назначь мнѣ часокъ,
Чтобы зналъ я, когда изготовиться
Къ битвѣ славной въ послѣдній денекъ.“
Усмѣхнулся Зилантъ и, удалою
Головою тряхнувъ, говоритъ:
„Ладно, видишь, царь, горку ту малую,
А на горкѣ березка стоитъ,
Ужъ какъ только надъ ней одинокою
Красно солнышко утромъ взойдетъ,—
Подъ казанскою башней высокою
Въ подземеліи порохъ взорветъ,

И—ты будешь царемъ надъ Казанію"...
Отвѣчалъ ему тутъ государь:
„Коли сдержишь свое обѣщаніе,—
Хорошо тебѣ будетъ, пушкарь!
За твою ли услугу не малую,
Что сумѣлъ сослужить ты царю,
Я тебѣ мою шубу пожалую,
Два села подъ Москвой подарю...
Награжу я казною богатою,
Не забуду тебя и потомъ,
Какъ невѣсту тебѣ я сосватую,—
Будетъ царь посаженымъ отцомъ.
Но ужъ если Казань непокорную
Не взорвешь ты въ назначенный часъ,—
Приготовлю я петлю позорную
И повѣсить отдамъ я приказъ."
—„Нѣтъ, сдержу, государь, свое слово я,
Заслужу благодарность твою!
Не сдержу,—такъ ужъ петлю готовую
Самъ надѣну на шею свою!.."—
Поклонился Зилантъ, удаляется.
Царь ушелъ. А бояре во слѣдъ
Пушкарю говорятъ, ухмыляются:
„Ай, держать тебѣ страшный отвѣтъ."

Выѣзжаетъ на холмъ царь Иванъ на конѣ,
Съ нимъ бояре его приближенные...
Недалече царя за холмомъ, въ сторонѣ
Стали дѣти боярскія конныя.
Царь нахмурясь сидитъ. Его конь вороной
Все трясетъ своей гривой шелковою.
Рветъ онъ поводъ изъ рукъ, роетъ землю порой
Золочёной своею подковою.
А полки все идутъ да идутъ предъ царемъ,
Да кольцомъ вкругъ Казани становятся,—
На послѣдній на бой съ непокорнымъ врагомъ,
Съ безпокойной Казанью готовятся.
Слѣзъ съ коня государь и попамъ онъ сказалъ,
Чтобъ служили молебенъ предъ битвою.
Проходили полки, патріархъ осѣнялъ
Чудотворнымъ крестомъ ихъ съ молитвою, [1])
И молился самъ царь на колѣняхъ, чтобъ Богъ
Ниспослалъ на враговъ одолѣніе,
Чтобъ въ кровавомъ бою сохранилъ и помогъ
Православному Онъ ополченію...
Вотъ встаетъ государь... И махнулъ онъ рукой,

[1]) Анахронизмъ: патріаршество введено въ Россіи 26 января 1589 г.

Встрепенулись бояре всѣ около...
Государю коня подаетъ стремянной.
И вскочилъ онъ въ сѣдло легче сокола.
А казанцы стоятъ на высокой стѣнѣ,
Надъ могучимъ царемъ насмѣхаются:
„Не возьмешь ты, Иванъ городъ нашъ и во снѣ!"
Говорятъ они все, да ругаются.
Молча слушаетъ царь злыя рѣчи татаръ,
Ядовитыя рѣчи, змѣиныя...
Онъ сидитъ на конѣ, не глядитъ на бояръ,
Хмуритъ брови свои соболиныя.

На зарѣ вѣтерокъ подымаетъ туманъ,
Просыпается Волга—красавица,
Въ нетерпѣньи глядитъ на востокъ царь Иванъ—
Красна солнышка, знать, дожидается.
На травѣ, на цвѣтахъ загорѣлась роса,
Будто камни горятъ самоцвѣтные.
Въ рощѣ пташки запѣли на всѣ голоса
Зорькѣ утренней пѣсни привѣтныя.
Загорѣлся востокъ далеко за рѣкой,
Будто зарево яркое красное.
Вотъ надъ Грознымъ царемъ взвился стягъ боевой,
И проглянуло солнышко ясное...
И сквозь сизый туманъ прорвалися лучи—
Прорвалися и о земь ударились...
Засвѣтилися шапки, щиты и мечи,
Подбодрились бойцы, подбоярились.
И взглянули бояре тогда на царя:
Государева ждутъ повелѣнія.
Говоритъ государь: „Что-же нѣтъ пушкаря!
Или ждетъ моего приглашенія?"
И какъ только сказалъ,—всѣ бояре кругомъ
Другъ на друга взглянули съ усмѣшкою,
Показался Зилантъ... Сталъ предъ Грознымъ царемъ,
Говоритъ онъ: „Небось, не замѣшкаю!
Я не шутки шутилъ! Я тебѣ обѣщалъ,
И пришелъ я, кажися, ко времени!
Я не трусъ, государь! не поганый бахвалъ!
Я изъ честнаго роду изъ племени...
А за эти слова, что посмѣлъ я сказать
Предъ тобою, царемъ, не робѣючи,—
Воленъ ты, государь, пушкаря наказать,
Злою смертью казнить не жалѣючи."
И въ отвѣтъ государь говоритъ пушкарю:
„Хороши твои рѣчи правдивыя.
Я за нихъ не сержусь! Любо слушать царю
Не боярскія рѣчи,—не льстивыя...

Стань-ка здѣсь. Подождемъ, какъ подкопъ твой взорветъ.

Не забылъ ты, какъ было условлено?
Или милость тебя моя царская ждетъ,
Или петля тебѣ приготовлена.
Будемъ ждать, молодецъ. Ну-ка, ты погляди,—
Красно солнышко встало, проснулося...
А признайся, пушкарь, въ молодецкой груди
Ретивое, небось, встрепенулося?“
Усмѣхнулся Зилантъ. „Ретивое молчитъ;
Не вздрогнетъ оно, будто приковано.
Мой подкопъ подорветъ, чуть фитиль догоритъ—
Будетъ ноньче Казань завоевана.“
Выше солнце плыветъ. Золотой его край
Ужъ блеснулъ за березкой зеленою.
Царь Иванъ поглядѣлъ. „Ну, пушкарь, примѣчай;
Ужъ пора. Что-же дѣло хваленое?“
—„Подожди, государь, время терпитъ пока;
Потерпи, и все дѣло устроится.“—
Ждетъ Зилантъ удалой, начинаетъ слегка
За подкопъ свой пушкарь безпокоиться,
Выше солнце плыветъ. Въ половину оно
Поднялось надъ березкой зеленою.
Говоритъ царь Иванъ: „Быть бы взрыву давно.
Ну, пушкарь, что-же дѣло хваленое?“
Улыбается царь. „Время терпитъ пока“
Отвѣчаетъ удалый дѣтинушка.
Въ молодецкую грудь забралася тоска,
Гложетъ сердце лихая кручинушка.
Выше солнце плыветъ. Только вѣтка одна
На кругу его свѣтломъ чернѣется.
Не робѣетъ Зилантъ. Ждетъ: вотъ рухнетъ стѣна.
Будто уголь, надежда въ нёмъ тлѣется.
Говоритъ Грозный царь: „Пропадешь, удалой?
Эй! проси на колѣняхъ прощенія!“
—„Не могу, государь! лучше смерть, чѣмъ душой
Добровольно принять униженіе.“
Все затихло кругомъ, лишь бояре тайкомъ
Втихомолку другъ къ другу подвинутся...
На Зиланта взглянувъ, ядовитымъ словцомъ
Межъ собой въ тишинѣ перекинутся.
Передъ Грознымъ царемъ богатырь удалой
Съ головою стоитъ не покрытою,
Онъ стоитъ недвижимъ, будто дубъ молодой
Подъ грозою могучей, сердитою.
Надъ березкою солнце совсѣмъ поднялось,—
И головку склонилъ онъ удалую.
„Ну, дѣтинушка, что-жъ? Ретивое, небось,
Застучало тревогу немалую?“
—„Ты прости, государь! Знать, удѣлъ мой таковъ,
Въ колыбели, знать, счастье украдено!
Разступитесь, бояре“.....—И пара столбовъ
Показалась вдали съ перекладиной.
Онъ взошелъ на помостъ, помолился потомъ,
Поклонился Зилантъ на всѣ стороны...
Обступили помостъ всѣ бояре кругомъ,
Усмѣхаясь глядятъ, будто вороны.
И на шею петлю надѣваетъ онъ самъ...
Мигъ... Съ землею душа распрощалася...
Только вдругъ будто громъ загремѣлъ по полямъ,
Подъ ногами земля зашаталася...
Дымъ столбами стоитъ надъ Казанкой рѣкой,
Развалилася башня казанская.
Царь рукою махнулъ—и могучей волной
Къ стѣнамъ хлынула рать христіанская.

Ночь легла на поля. Засвѣтилась луна,
Поплыла молчаливая, ясная,
И глядитъ изъ за тучекъ стыдливо она,
Будто дѣвица прячется красная.
Тихо, тихо кругомъ опустился туманъ
Надъ покорной Казанью татарскою.
Изъ Казани въ свой станъ возвращался Иванъ
Со дружиной своею боярскою.
Горячитъ государь вороного коня,
Шутитъ онъ, говоритъ съ приближенными.
И копыта коней раздаются, звеня
Надъ полями затихшими, сонными.
Только вдругъ вздрогнулъ царь. Привстаетъ на сѣдлѣ...
Конь встаетъ на дыбы, будто бѣшеный.
Виденъ помостъ, столбы... И, чернѣясь во мглѣ,
Подъ столбами качался повѣшенный.
Вспомнилъ царь... И отдалъ онъ приказъ заложить
Въ этомъ мѣстѣ обитель пустынную,—
Чтобъ за грѣшную душу Ивана молить
И за душу Зиланта невинную. [1])

В. Юрьевъ.

---

[1]) **Зилантовъ Успенскій** мужской 3-го класса монастырь въ 3-хъ верстахъ отъ Казани, построенъ въ 1560 г., по повелѣнію царя Ивана Васильевича, на томъ самомъ мѣстѣ, по сказанію Татищева, гдѣ были ставка государева и церковь во время осады Казани.

ЗАВѢЩАНІЕ ЦАРИЦЫ АНАСТАСІИ РОМАНОВНЫ. [1])

(изъ народной былины „Свадьба Грознаго“.)

(†7 августа 1560 г.)

Пріутихло - пріуныло море синее,
Глядучись—смотрючись со черныхъ кораблей,
И съ тѣхъ марсовъ корабельныихъ,
И со тѣхъ трубочекъ подзорныихъ,
И на тѣ на круты красны бережки,
Глядучисъ—смотрючись съ черныхъ кораблей,
И со тѣхъ марсовъ корабельныихъ,
И со тѣхъ трубочекъ подзорныихъ
И на тѣ на горы высокія,
И на тѣ поля на зеленыя.
Пріутихли—пріуныли поля зеленыя,
Глядучись—смотрючись на государевъ дворъ.
Преставляется царица благовѣрная,
Молодая Анастасья, дочь Романовна: [2])
Въ головахъ сидятъ два царевича,
Въ ногахъ сидятъ млады двѣ царевны,
Супротивъ стоитъ самъ Грозенъ царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ.
Говоритъ царица таковы рѣчи:
„Ужъ ты слушай, царь, послушай-ка,
„Что я тебѣ, царица, повыскажу:
„Не будь ты яръ, будь ты милостивъ
„До своихъ до младыхъ двухъ царевичевъ;
„Когда будутъ они во полномъ умѣ
„И во твердомъ будутъ разумѣ,
„Тогда будетъ оборона отъ новыхъ земель.
„Еще слушай, царь, ты послушай-ка:
„Когда будутъ дѣвицы во полномъ умѣ
„И во твердомъ будутъ разумѣ,
„Тогда будетъ оборона отъ новыхъ земель.
„Еще слушай, царь, ты послушай-ка:
„Когда будутъ дѣвицы во полномъ умѣ,
„Во полномъ умѣ, въ твердомъ разумѣ,
„Ты тогда отдавай дѣвицъ замужъ.
„Еще слушай, царь, ты послушай-ка,
„Что я тебѣ, царица, повыскажу:
„Не будь ты яръ, будь ты милостивъ
„До своихъ князей, до своихъ думныхъ бояръ,
„И до того ты дядюшки любимаго,
„И до своего ты до крестнаго батюшки,
„До того Богдана Сирскаго:
„И тутъ твоя дума крѣпкая!
„Еще слушай, царь, ты послушай-ка:
„Не будь ты яръ, будь ты милостивъ
„До своихъ солдатушекъ служащіихъ:
„И тутъ твоя сила вѣрная!..
„Еще слушай, царь, ты послушай-ка:
„И не будь ты яръ, будь ты милостивъ
„До всего народа православнаго“....
. . . .
Тутъ царица преставилась,
Тутъ царицѣ славу поютъ.

[1]) Первая супруга Іоанна IV **Анастасія Романовна** была дочерью окольничаго *Романа Юрьевича Захарьина*, родъ котораго происходилъ отъ *Андрея Кобылы*, выѣхавшаго къ намъ изъ Пруссіи въ XIV в. Современники приписывали Анастасіи всѣ женскія добродѣтели, для которыхъ только находили имя въ языкѣ русскомъ: цѣломудріе, смиреніе, набожность, чувствительность, благость, соединенныя съ умомъ основательнымъ (Карамзинъ). «Умилительно было погребеніе этой царицы: когда несли тѣло ея изъ Архангельскаго собора въ Вознесенскую обитель, народъ, сопровождавшій гробъ, не давалъ пути ни духовенству, ни вельможамъ, тѣснясь ко гробу; всѣ плакали и рыдали, особенно нищіе, называя Анастасію своею матерью. Царь Іоаннъ едва могъ итти за гробомъ отъ плача и стенанія, его вели подъ руки братья князья Юрій, Владиміръ Андреевичъ и юный царь казанскій Александръ» (Снегиревъ. Памятники Московской древности).

[2]) Исправлено, вмѣсто имени Софія, поставленнаго въ былинѣ ошибочно.

ВОСПОМИНАНІЕ ЦАРЯ О 1553 Г.

(изъ драмы „Псковитянка“.)

Царь Іоаннъ.

Ну, вотъ одни... Ну, вотъ одинъ я съ вами,
Любезные сыны, порфирородный [1])
И воспріемный [2])
Ужъ кого я больше
Люблю--не знаю.

Борисъ Годуновъ (прижимаетъ руку къ сердцу),

Смилуйся, Владыко!

Царевичъ (бросается къ отцу и цѣлуетъ его руку).

Владыко—отче! не клади опалы
На своего несмысленнаго сына,
А первый разъ я, отче, домекнулся
Теперь, что ты—отецъ и государь!

[1]) Отъ Анастасіи Романовны у Грознаго было три сына: первый **Димитрій**, умершій въ младенчествѣ, когда Іоаннъ съ супругой, по выздоровленіи отъ тяжкой болѣзни въ 1553 г., ѣздилъ на богомолье въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, второй **Іоаннъ**, убитый отцомъ въ 1582 г., и третій **Ѳеодоръ**, впослѣдствіи второй московскій царь.

[2]) *Борисъ Ѳедоровичъ* **Годуновъ**, зять Малюты, шуринъ царевича Ѳеодора, осторожный, ловкій, хитрый царедворецъ, снискавшій расположеніе Грознаго и ни разу не навлекшій на себя его опалы, происходилъ отъ татарскаго мурзы Четы, выѣхавшаго въ Россію въ XIV в.

Царь Іоаннъ (обнимаетъ и говоритъ Годунову).

И ты ко мнѣ!

(Годуновъ падаетъ на колѣна).

Царь Іоаннъ (поднимаетъ его).

Ко мнѣ, ко мнѣ, голубчики!

(Цѣлуетъ его въ лобъ)

Борисъ, попомни!.. Коль Иванъ Васильичъ
Не снялъ доселѣ буйной головы
Съ широкихъ плечъ Малютинова зятя,
А цѣловалъ ту голову, такъ, значитъ,
Той головѣ не царскимъ поцѣлуемъ,
А Божіимъ нарядомъ красоваться!..
Ну, дѣти, вы послушайте теперь...

(Помолчавъ).

Тогда—еще былъ живъ покойный Дмитрій,
А ты еще и не родился, Ваня,
Какъ боленъ былъ я при смерти... Такъ крѣпко
Сломилъ меня недугъ, что я не чаялъ
Въ живыхъ остаться, и молился только,
Чтобъ васъ, сиротъ, и Русскую державу,
Свой домъ отъ вѣка избранный, святая
Заступница покровомъ осѣнила!..
Ни кѣмъ-кого у моего одра:
Лежу одинъ—недвижимъ и безгласенъ...
Послѣдній вздохъ мнѣ сердце поднимаетъ...
А за дверьми моей опочивальни
Всѣ слуги и всѣ близкіе мои
Заранѣе ужъ ризы наши дѣлятъ
И мечутъ жребій объ одеждѣ нашей,
И брата Володимира, соборнѣ,
Зовутъ на царство, а младенца Митю
Известь хотятъ, какъ извели голубку
Мою Настасью, мать твою родную!
Взглянулъ я скорбно на Господній образъ,
На Спаса ликъ нерукотворенный: силюсь
Крестъ сотворить деснòю, нѣту силы
Поднять десной... И горько я заплакалъ!
И внялъ Господь мольбѣ моей безгласной
О сиротствѣ невиннаго младенца—
Не допустилъ, чтобъ лиходѣйный ножъ
Изъ тѣла душу ангельскую вынулъ!
Въ груди моей внезапу смерти льдину
Пробила слезъ горячая струя,
И снова кровь по жиламъ побѣжала,
И отошли замерзнувшія мышцы...
Я всталъ съ одра—на радость и веселье
Моимъ друзьямъ, моимъ слугамъ любезнымъ,
Князьямъ—боярамъ... было же имъ любо!..

Борисъ Годуновъ.

А кто тутъ были государь?

Іоаннъ.

Да всѣ:
Курлетовы и Шуйскіе, Алешка
Адашевъ, со милымъ своимъ дружкомъ
Попомъ Сильвестромъ... [1]) Какъ припомню только,
Что́ сотворили эти доброхоты
Съ державой нашей—сердце содрогнется.
А кажется кому бы и радѣть,
Коли не имъ, измѣнникамъ?

Царевичъ.

Я слышалъ,
Что жаловалъ Адашева ты много,
Не по заслугамъ?

Іоаннъ.

По какимъ заслугамъ!
Не вѣдаю, какимъ ужъ обычáемъ
Онъ изъ батожниковъ во дворъ нашъ царскій,
Когда мы были молоды, явился.
Я взялъ его отъ гноища, поставилъ
Съ вельможами моими наряду....
Какихъ честей, какихъ богатствъ не принялъ
Онъ отъ меня, да не одинъ онъ только—
Весь родъ его! Какое же смиренье
Я отъ него, лихой собаки, видѣлъ!
Сочли меня съ Сильвестромъ—недоумкомъ
И стали власть снимать съ меня безстыдно
Не только въ думѣ нашей царской—въ домѣ,
Кормили, одѣвали, обували
И клали спать, когда и какъ хотѣли...
Ну, наконецъ, меня взяла тоска!

---

[1]) **Сильвестръ**, новгородецъ, сперва священникъ на родинѣ, а потомъ протоіерей Благовѣщенскаго собора въ Москвѣ, и окольничій **Алексѣй Адашевъ** сблизились съ царемъ въ 1547 г. и около шести лѣтъ были его добрыми совѣтниками и дѣятельными сотрудниками. Съ 1553 г. Іоаннъ охладѣваетъ къ своимъ любимцамъ, заподозривъ ихъ въ намѣреніи возвести на престолъ кн. Владимира Андреевича. Въ 1560 г. Сильвестръ удаляется отъ двора въ монастырь, а Адашевъ въ Ливонію. По кончинѣ Анастасіи Романовны ихъ обвиняютъ въ чародѣйствѣ и смерти царицы, судятъ заочно, и заточаютъ—Сильвестра въ Соловецкій монастырь, а Адашева въ Дерптъ. Сильвестръ оставилъ по себѣ память, какъ авторъ Домостроя, а объ Адашевѣ современникъ его кн. Курбскій отзывается съ большой похвалою, представляетъ его земнымъ ангеломъ, питавшимъ нищихъ и державшимъ въ дому своемъ прокаженныхъ, которыхъ и обмывалъ собственными руками. Такой отзывъ далъ возможность Карамзину сказать объ Адашевѣ слѣдующее:» Сей временщикъ, краса вѣка и человѣчества, явился вмѣстѣ съ добродѣтелью Іоанна и погибъ съ нею.»

Борисъ Годуновъ.

Царь—государь, твое долготерпѣнье
Намъ вѣдомо...

Іоаннъ.

Тогда я не стерпѣлъ!
Хоть мы порфиру золотую носимъ,
Но также тлѣнны, также человѣки
И немощью людской облечены...
Сыскалъ вины измѣнника Алешки
И всѣхъ его совѣтниковъ лукавыхъ,
И милостивый гнѣвъ свой учинилъ:
Не положилъ на нихъ я смертной казни,
А разослалъ по дальнимъ городамъ.
Потомъ нашлись другіе доброхоты:
Вонъ Курбскій князь сбѣжалъ, какъ воръ,
въ Литву
Да лается оттуда на меня,
Что я бояръ всеродно погубляю!
Лихъ лжетъ онъ, вѣроломецъ и предатель:
Кладу опалу на рабовъ ослушныхъ,
А казнь вездѣ измѣнникамъ бываетъ...
Да и казненныхъ милую по смерти:
Въ монастыри, по грѣшнымъ ихъ душамъ,
Я сколько поминаній разсылаю;
Своей рукой синодики пишу,
И вкладами въ домъ Божій не скуплюся
За нихъ, моихъ злодѣевъ и враговъ...
Пускай насъ Богъ на свѣтѣ томъ разсудитъ.

Л. Мей.

ПУТЕШЕСТВІЕ ЦАРЯ НА БОГОМОЛЬЕ.

Я живо вижу, какъ сюда
Пришелъ спасаться мужъ святой
Въ тѣ времена еще, когда
Кругомъ шумѣлъ здѣсь боръ густой,

И вѣковымъ объята сномъ,
Вся эта дикая страна
Казалась людямъ волшебствомъ
И чародѣйствами полна.

И келью самъ въ горѣ изсѣкъ,
И жилъ пустыннымъ житіемъ
Въ той кельѣ Божій человѣкъ,
На козни бѣса глухъ и нѣмъ.

И что свѣча въ ночи горитъ,
Онъ въ этомъ мракѣ просіялъ;
Училъ народъ, устроилъ скитъ,
И утѣшалъ, и просвѣщалъ.

И вотъ вдругъ валятся лѣса,
И монастырь здѣсь возстаетъ;
Надъ гробомъ старца чудеса
Пошли твориться... и растетъ

За храмомъ храмъ, встаетъ стѣна,
Встаетъ гостинницъ длинный рядъ,
И въ погреба течетъ казна,
И всюду трудъ и всюду ладъ.

Идутъ обозы вдоль горы;
Хлопочетъ келарь, казначей,
Варятъ меды, творятъ пиры;
Всечасно братья ждетъ гостей:

А эти гости—то князья,
Въ Орду идущіе съ казной;
То ихъ княгини, ихъ семья,
Въ разлукѣ плачущія злой.

И черный людъ, безвѣстный людъ,
Со всей Руси идетъ, бредетъ;
Въ грѣхахъ всѣ каяться идутъ,
Да страшный гнѣвъ свой Богъ уйметъ.

Идутъ съ пожарищъ, съ поля битвъ,
Ища исхода хоть слезамъ,
Подъ чтенье сладостныхъ молитвъ,
Подъ пѣнье ангельское тамъ.

И въ темныхъ маленькихъ церквахъ
Душистый воскъ горитъ, какъ жаръ,
Предъ образами въ жемчугахъ,
Сердецъ скорбящихъ чистый даръ.

Вотъ ѣдетъ новый караванъ,
Полумонашеская рать.
И раззолоченный рыдванъ
Съ крестами клиръ идетъ встрѣчать.

Съ потухшимъ окомъ, блѣденъ, худъ,
Выходитъ, думой обуянъ,
Здѣсь панихидой кончить судъ,
Кровавый судъ свой, царь Иванъ.

Ударилъ колоколъ большой,
И двери царскія въ алтарь
Предъ нимъ раскрылись, и больной,
Повергшись ницъ, рыдаетъ царь.

И глядя плачутъ всѣ вокругъ...
Но многолѣтье кончилъ клиръ,
И ждетъ царя и царскихъ слугъ
Въ большой трапезной свѣтлый пиръ.

Но царь на свѣтлый пиръ нейдетъ;
Одинъ онъ въ кельѣ заперся;

Онъ ѣстъ лишь хлѣбъ, онъ воду пьетъ,
И весь онъ Богу отдался.

Вотъ на обитель сходитъ сонъ;
Одинъ лишь царь не знаетъ сна;
Все ходитъ онъ, все пишетъ онъ
Имъ побіенныхъ имена...

„Все кровь!.. А тутъ покой кругомъ!
Главу обитель вознесла,
Что тихій островъ на мірскомъ
Многомятежномъ морѣ зла...

„Принять бы схиму здѣсь, лежать
Живымъ въ гробу, а надъ тобой
Монахи будутъ возглашать:
„Раба Ивана упокой!...

„Все суета!.. И какъ видна
Она изъ гроба-то!.. А тутъ —
Что въ царствѣ будетъ? Вся страна
Взликуетъ! Скажутъ: царь былъ лютъ!

„Измѣна встанетъ! зашумятъ
Опять бояре, города!..
Найдется царскій братъ иль сватъ,
Мой родъ зарѣжетъ!.. что тогда?"

И духъ его, какъ воронъ злой,
По всей Руси витать пошелъ
И ищетъ: гдѣ онъ недругъ мой?
Гдѣ смута? гдѣ гнѣздо крамолъ?

Зоветъ на судъ онъ города,
Живыхъ и мертвыхъ онъ зоветъ
И, вновь для грознаго суда
Готовый, мысль въ душѣ куетъ,—

Куетъ онъ мысль, какъ бы сплотить
Всю Русь въ одно, чтобъ ничего
Не смѣло въ ней дышать и жить
Безъ изволенія его.

А ночь межъ тѣмъ надъ Русью шла,
И не одна душа томясь
Теперь гадала и ждала,
Что царь замыслилъ въ этотъ часъ?..

И чуть звонятъ—народъ во храмъ;
Вопитъ, какъ жаждущій въ степи:
„Когда-жъ, Господь, конецъ бѣдамъ?"
И клиръ въ отвѣтъ ему: „терпи!"

Терпи, и вытерпѣла ты,
Святая Русь, что посылалъ
Тебѣ Господь, всѣ тяготы
Насильствъ, и казней, и опалъ.

Тяжелый млатъ ковалъ тебя
Въ одинъ народъ, ковалъ вѣка;
Но вѣришь ты, что Богъ любя
Тебя каралъ,—и тѣмъ крѣпка.

А. Майковъ.

ГОРШЕНЯ. [1])

(народная сказка).

По дорогѣ прямоѣзжей, по купеческой,
Ѣдетъ—дремлетъ съ горшками горшеня,—
Ѣдетъ—катитъ царь Иванъ Васильевичъ.
Догоняетъ царь Иванъ Васильевичъ
Горшеню того попутнаго.
„А и миръ тебѣ съ горшками, горшеня!
Аль вздремнулъ—пока до города?"
—Вздремнулъ, великій царь—государь,
А и ты не бойся, кто пѣсню поетъ,
Бойся того, кто дремлетъ да спитъ!
„Исполать тебѣ съ горшками, горшеня!
Больно любъ ты мнѣ прыткой смѣлостью—
А хочу за то я, царь, съ тобой бесѣдовать:
Ты скажи-ли мнѣ, горшенюшка,
Сколько худъ на свѣтѣ есть на бѣлыемъ
И которо худо хуже всѣхъ?"
—Ужъ какъ первое ли худо—худой сосѣдъ,
Что другое-то худо—худая жена,
А что третье ли худо—то разумъ худой.
Какъ отъ перваго ли худа я на городъ уйду,
Отъ другого худа въ лѣса схоронюсь,
А отъ третьяго ли худа, что ни на городъ,
ни въ лѣсъ—
Уходи—хоронись—при тебѣ сидитъ!..
„Мозголовъ же ты, горшенюшка!
Говоритъ Иванъ Васильевичъ,
А за то я, царь, тебя пожалую—
Придержи одра, вынимай товаръ!"
Приглянулись царю три посудины,
Три столовыхъ, малыхъ муравленыхъ—
И наказывалъ царь тому горшенюшкѣ:
„Ставь ты мнѣ такой посудины
На московскій торгъ что ни десять возовъ!"

* * *

---

[1]) Сюжетъ этого стихотворенія заимствованъ изъ народной сказки. Сказка про горшеню характерна тѣмъ, что въ ней Грозный изображается въ близкихъ отношеніяхъ къ народу, строгимъ карателемъ бояръ, но добрымъ и милостивымъ къ простымъ людямъ. Въ такомъ же свѣтѣ рисуется царь и въ слѣдующемъ за симъ образцѣ »Мастрюкъ Темрюковичъ«: тамъ Грозный является защитникомъ русскихъ людей противъ иноземцевъ.

И въ та—поры наказомъ царь наказывалъ:
Не быть на столованьяхъ почестныхъ столахъ
Ни серебряной посудѣ, ни олову,
Ниже мѣдной, либо древо-точеной,
А была бы все посуда муравленая.
Приволокъ горшеня со заказами
На московскій торгъ что ни есть возовъ,
Какъ ужъ тутъ ли выѣзжаетъ на торжище
Дворскій ставленикъ—бояринъ набольшій.
Онъ кичится ли, бояринъ, говоритъ,—
Собольей шубой похваляется:
„У меня ли, у боярина столбового
Шуба соболь съ плеча царскаго
А за то она, шуба, съ царскаго плеча,
Что разумнѣй насъ да размысленнѣй
Нѣтъ боярина на всей Руси!—
Захочу—топчу, не захочу—не топчу!
А и нынѣ я, бояринъ, пиръ задаю,
Про Ивана свѣтъ—Васильевича угощеніе—
Продавай мнѣ, горшеня, всю посудину!“
—Не купить тебѣ, сударь, посудины:
Не тебѣ она, сударь, посудина!
Что на тѣ слова бояринъ вскинулся:
„Оповѣдано: продавай!—что берешь?“
—А коль брать—продать—по цѣнѣ уговоръ:
Денегъ каждую посудину полнымъ насыпать,
И на томъ—твоя посудина купленая!
А не хватитъ денегъ—и за тѣмъ не стоимъ:
Провезешь ты меня на боярской спинѣ,
Вдоль по улицѣ, къ царску терему—
Вся посудина съ остаткомъ твоя—
Не провезешь—не прогнѣвайся!..

Сыпалъ деньги бояринъ—всѣ насыпалъ!
Не хватило денегъ про всю посудину—
Везетъ бояринъ на себѣ горшенюшку;
Горшеня сидитъ, посмѣхается—
Звонкой пѣснею заливается—
Только торгъ на нихъ дивуется,
Какъ горшеня на бояринѣ красуется.
Увидалъ горшеню царь Иванъ—государь:
„Ужъ и вздравствуй, горшеня, ты крестьянскій сынъ!
Ты на чемъ сидишь, на комъ ѣдешь ты?“
—На худомъ-то разумѣ я ѣду, осударь!
Отъ него-то намъ ни на городъ, ни въ лѣсъ:
Какъ былъ, такъ и есть—при тебѣ сидитъ!
И на тѣ на рѣчи на горшенины
Государь изволилъ спотѣшатися.

***

Не при насъ та сказка складывалась,—
Не при насъ ей и кончатися.

В. Крестовскій.

МАСТРЮКЪ ТЕМРЮКОВИЧЪ. [1]

(народная былина).

(1561 г.)

»... Въ лѣто 7069 Царь и великій князь женился мѣсяца Августа въ 21 день, въ чет (вергъ) веч (еромъ), а понялъ за себя черкаску, изъ пяти горъ... а крестили ея на Москвѣ, Макарей Митрополитъ въ Ильинъ-день, въ ночи той, имя ей нарекли Царица и Великая Княгиня Марія....

Въ годы прежніе, времена первоначальныя,
При бывшемъ вольномъ царѣ, при Иванѣ Васильевичѣ,
Когда холостъ былъ гóсударь—царь Иванъ Васильевичъ,
Поволилъ онъ женитеся:
Беретъ онъ царь—государь не у себя въ каменной Москвѣ,
А беретъ онъ въ той Золотой Ордѣ,
У того Темрюка царя, у Темрюка Степановича,
Онъ Марью Темрюковну, сестру Мастрюкову,
И взялъ въ провожатые за ней триста татариновъ,
Четыреста бухариновъ, пятьсотъ черкашениновъ,
И любимаго шурина Мастрюка Темрюковича,
Молодого черкашенина.
Онъ вздравствуетъ царь—государь у себя въ каменной Москвѣ,
И всѣ ли князья, бояра, могучіе богатыри
И гости званые, пятьсотъ донскихъ казаковъ,
Пьютъ, ѣдятъ, потѣшаются,

---

[1] Въ былинѣ этой сохранилось много богатырскаго элемента, хотя въ основѣ ея лежитъ историческій фактъ, отмѣченный въ эпиграфѣ выпиской изъ лѣтописи. Пріѣзжающій тутъ съ Марьей братъ ея **Мастрюкъ** (по друг. варіант. Кострюкъ) **Темрюковичъ** своимъ отечествомъ прямо воспроизводитъ историческаго татарскаго царевича, пріѣхавшаго къ намъ вслѣдъ за своею сестрою царицею. Въ былинѣ онъ выступаетъ въ качествѣ богатыря нахвальщика, вызывающаго русскихъ поединщиковъ. Противъ него ополчаются двое неказистыхъ (даже хроменькихъ) добрыхъ молодцевъ, которые не только откатали татарскаго царевича хвастуна, но и «вылупили« его изъ платья, послѣ чего онъ со стыда улепетываетъ. А царь, на бранныя нападки царицы на русскихъ невѣжъ, говоритъ: «не то—то намъ дорого, что татаринъ похваляется, а то—то намъ дорого, что русакъ насмѣхается». Этимъ удовлетворяется народное чувство, оскорбленное бракомъ царя съ татаркой (О. Θ. Миллеръ).

Зелено вино кушаютъ,
Бѣлу лебедь рушаютъ:
А единъ не пьетъ да не ѣстъ царской гость дорогой,
Мастрюкъ Темрюковичъ, молодой черкашенинъ.
И зачѣмъ хлѣба—соли не ѣстъ, зелена вина не кушаетъ,
Бѣлу лебедь не рушаетъ? У себя на умѣ держитъ:
Изошелъ семь городовъ, поборолъ онъ семьдесятъ борцовъ
И по себѣ борца не нашелъ,—
И только онъ думаетъ—ему вѣра побороτися есть
У царя въ каменной Москвѣ,
Хочетъ царя потѣшати
Со царицею благовѣрною, Марьею Темрюковною;
Онъ хочетъ Москву загонять, сильно царство Московское.
Никита Романовичъ о томъ царю доложилъ,
Царю Ивану Васильевичу:
„А и гой еси, царь—государь, царь Иванъ Васильевичъ!
Всѣ князи, бояра, могучіе богатыри
Пьютъ, ѣдятъ, потѣшаются
На великихъ на радостяхъ;
Одинъ не пьетъ, не ѣстъ твой царскій гость дорогой,
Мастрюкъ Темрюковичъ, молодой черкашенинъ,
У себя онъ на умѣ держитъ—вѣра побороτися есть,
Твое царское величество потѣшити со царицею благовѣрною.
Говоритъ тутъ царь—государь царь Иванъ Васильевичъ:
„Ты садися, Никита Романовичъ, на добра коня,
Побѣги ты по всей Москвѣ,
По широкимъ улицамъ и по частымъ переулочкамъ.“
Онъ будетъ дядюшка Никита Романовичъ
Середь Юрья Повольскаго, слободы Александровы;
Два братца родимые по бору похаживаютъ,
Объ ручку—то дядюшкѣ челомъ:
—„А и гой еси ты, дядюшка, Никита Романовичъ!
Кого ты спрашиваешь? Мы борцы въ Москвѣ похвальные,
Молодцы поученые, славные...“
Никита Романовичъ привелъ борцовъ ко дворцу.
Послышалъ Мастрюкъ борцовъ, скачетъ прямо Мастрюкъ
Изъ мѣста бо́льшаго, изъ угла передняго,
Черезъ столы бѣлодубовы, черезъ яства сахарныя,
Лѣвой ногой задѣлъ за столы бѣлодубовые,
Повалилъ онъ тридцать столовъ,
Да прибилъ триста гостей:
Живы да не годны, на карачкахъ ползаютъ по палатѣ бѣлокаменной:
То похвальбы Мастрюку, Мастрюку Темрюковичу;
Выбѣжалъ тутъ Мастрюкъ на крылечко красное,
Кричитъ во всю голову, чтобы слышалъ царь—государь:
„А свѣтъ ты, вольный царь, царь Иванъ Васильевичъ!
Что у тебя въ Москвѣ за похвальные молодцы поученые, славные!
На ладонь ихъ посажу, другой рукой раздавлю.“
Съ борцами сходится Мастрюкъ Темрюковичъ:
А и малый выступается, Мишка Борисовичъ,
И смотрятъ ихъ борьбу князи, бояра и могучіе богатыри,
Пятьсотъ донскихъ казаковъ.
А и Мишка Борисовичъ съ носка бросилъ о землю
Онъ царскаго шурина;
Похвалилъ его царь—государь:
„Исполать тебѣ, молодцу, что чисто борешься.“—
А и Мишка къ сторонѣ пошелъ, ему полно боротися:
А Потанька бороться пошелъ, костылемъ подпирается,
Самъ впередъ подвигается, къ Мастрюку приближается;
Смотритъ царь—государь, что кому будетъ Божья помочь,
И смотрятъ ихъ борьбу князи, бояра и могучіе богатыри,
Пятьсотъ донскихъ казаковъ.
Потанька справился, за плеча сграбился,
Согнетъ корчагою, воздыметъ выше головы своей,
Опустилъ о сыру землю—Мастрюкъ безъ памяти лежитъ;
Не слыхалъ, какъ и платье сняли,—

Былъ Мастрюкъ во всемъ, сталъ Мастрюкъ ни въ чемъ:
Со стыда и сорома на корачкахъ подъ крылецъ ползетъ.
Какъ бы бѣлая лебедушка на зорѣ она прокликала,
Говоритъ царица царю, Марья Темрюковна:
„Свѣтъ ты, вольный царь, царь Иванъ Васильевичъ!
Такова—ль у тебя честь добра до любимаго шурина,
А дѣтина поругается, что дѣтина деревенской.—
Почто онъ платье снимаетъ?“
Говоритъ тутъ царь—государь:
„Гой еси ты, царица въ Москвѣ,
Да ты Марья Темрюковна!
А не то у меня честь во Москвѣ, что татары те борются;
То—те́ честь въ Москвѣ, что русакъ тѣшится;
Хотя бы ему голову сломилъ, да любилъ бы я, пожаловалъ
Двухъ братьевъ родимыхъ, двухъ удалыхъ Борисовичей!“

КУЛАЧНЫЙ БОЙ.

Надъ Москвой великой, златоглавою,
Надъ стѣной кремлевской бѣлокаменной,
Изъ-за дальнихъ лѣсовъ, изъ за синихъ го́ръ,
По тесовымъ кровелькамъ играючи,
Тучки сѣрыя разгоняючи,
Заря алая подымается;
Разметала кудри золотистыя,
Умывается снѣгами разсыпчатыми,
Какъ красавица, глядя въ зеркальце,
Въ небо чистое смотритъ, улыбается.
Ужъ зачѣмъ ты, алая заря, просыпалася?
На какой ты радости разыгралася?

Какъ сходилися, собиралися
Удалые бойцы московскіе
На Москву—рѣку, на кулачный бой,
Разгуляться для праздника потѣшиться.
И пріѣхалъ царь со дружиною,
Со боярами и опричниками,
И велѣлъ растянуть цѣпь серебряную,
Чистымъ золотомъ въ кольцахъ спаянную.
Оцѣпили мѣсто въ двадцать пять саженъ
Для охотницкаго боя, одиночнаго.
И велѣлъ тогда царь Иванъ Васильевичъ
Кличъ кликать звонкимъ голосомъ:
„Ой ужъ гдѣ вы, добрые молодцы?
Вы потѣшьте царя нашего батюшку!
Выходите—ка во широкій кругъ:
Кто побьетъ кого, того царь наградитъ,
А кто будетъ побитъ, того Богъ проститъ!“
И выходитъ удалой Кирибѣевичъ,
Царю въ поясъ молча кланяется,
Скидаетъ съ могучихъ плечъ шубу бархатную,
Подпершися въ бокъ рукою правою,
Поправляетъ другой шапку алую,
Ожидаетъ онъ себѣ противника...
Трижды громкій кличъ прокликали—
Ни одинъ боецъ и не тронулся,
Лишь стоятъ, да другъ друга поталкиваютъ.

На просторѣ опричникъ похаживаетъ,
Надъ плохими бойцами подсмѣиваетъ:
„Присмирѣли, не бойсь, призадумались!
Такъ и быть, обѣщаюсь, для праздника,
Отпущу живого съ покаяніемъ,
Лишь потѣшу царя нашего батюшку.“

Вдругъ толпа раздалась на обѣ стороны—
И выходитъ Степанъ Парамоновичъ,
Молодой купецъ, удалой боецъ,
По прозванію Калашниковъ
Поклонился прежде царю Грозному,
Послѣ Бѣлому Кремлю, да святымъ церквамъ,
А потомъ всему народу Русскому.
Горятъ очи его соколиныя,
На опричника смотрятъ пристально;
Супротивъ его онъ становится,
Боевыя рукавицы натягиваетъ,
Могутныя плечи распрямливаетъ,
Да кудряву бороду поглаживаетъ.

И сказалъ ему Кирибѣевичъ:
„А повѣдай мнѣ, добрый молодецъ,
Ты какого роду—племени,
Какимъ именемъ прозываешься,
Чтобы знать, по комъ панихиду служить,
Чтобы было чѣмъ и похвастаться?“

Отвѣчаетъ Степанъ Парамоновичъ:
„А зовутъ меня Степаномъ Калашниковымъ,
А родился я отъ честнова отца,
И жилъ я по закону Господнему;
Не позорилъ я чужой жены,
Не разбойничалъ почью темною,
Не таился отъ свѣта небеснаго...
И промолвилъ ты правду истинную:
По одномъ изъ насъ будутъ панихиду пѣть,
И не позже, какъ завтра въ часъ полуденный,

И одинъ изъ насъ будетъ хвастаться,
Съ удалыми друзьями пируючи...
Не шутку шутить, не людей смѣшить
Къ тебѣ вышелъ я теперь, бусурманскій сынъ, —
Вышелъ я на страшный бой, на послѣдній бой!"

И услышавъ то, Кирибѣевичъ
Поблѣднѣлъ въ лицѣ, какъ осенній снѣгъ:
Бойки очи его затуманились,
Между сильныхъ плечъ пробѣжалъ морозъ,
На раскрытыхъ устахъ слово замерло...

Вотъ молча оба расходятся,
Богатырскій бой начинается.

Размахнулся тогда Кирибѣевичъ
И ударилъ впервóй купца Калашникова,
И ударилъ его посередь груди —
Затрещала грудь молодецкая,
Пошатнулся Степанъ Парамоновичъ;
На груди его широкой висѣлъ мѣдный крестъ
Со святыми мощами изъ Кіева,
И погнулся крестъ и вдавился въ грудь;
Какъ роса, изъ — подъ него кровь закапала.
И подумалъ Степанъ Парамоновичъ:
„Чему быть суждено, то и сбудется;
Постою за правду до — послѣднева!"
Изловчился онъ, приготовился,
Собрался со всею силою
И ударилъ своего ненавистника
Прямо въ лѣвый високъ со всего плеча.

И опричникъ молодой застоналъ слегка,
Закачался и упалъ зáмертво;
Повалился онъ на холодный снѣгъ,
На холодный снѣгъ, будто сосенка,
Будто сосенка во сыромъ бору
Подъ смолистый подъ — корень подрубленная.
И, увидѣвъ то, царь Иванъ Васильевичъ
Прогнѣвался гнѣвомъ, топнулъ о землю
И нахмурилъ брови черныя;
Повелѣлъ онъ схватить удалого купца
И привесть его предъ лице свое.

Какъ возговорилъ православный царь:
„Отвѣчай мнѣ по правдѣ, по совѣсти,
Вольной волею, или не хотя,
Ты убилъ на — смерть мово вѣрнаго слугу,
Мово лучшаго бойца, Кирибѣевича?"

— Я скажу тебѣ, православный царь:
Я убилъ его вольной волею,
А за что, про что — не скажу тебѣ,
Скажу только Богу единому,
Прикажи меня казнить — и на плаху несть
Мнѣ головушку повинную,
Не оставь лишь малыхъ дѣтушекъ,
Не оставь молодую вдову,
Да двухъ братьевъ моихъ своей милостью. —

„Хорошо тебѣ, дѣтинушка,
Удалой боецъ, сынъ купеческій,
Что отвѣтъ держалъ ты по совѣсти.
Молодую жену и сиротъ твоихъ
Изъ казны моей я пожалую,
Твоимъ братьямъ велю отъ сего же дня
По всему царству Русскому широкому
Торговать безданно, безпошлинно.
А ты самъ ступай, дѣтинушка,
На высокое мѣсто лобное,
Сложи свою буйную головушку.
Я топоръ велю наточить — навострить,
Палача велю одѣть — нарядить,
Въ большой колоколъ прикажу звонить,
Чтобы знали всѣ люди московскіе,
Что и ты не оставленъ моей милостью..." [1])

Какъ на площади народъ собирается,
Заунывный гудитъ — воетъ колоколъ,
Разглашаетъ всюду вѣсть недобрую.
По высокому мѣсту лобному,
Во рубахѣ красной съ яркой запонкой,
Съ большимъ топоромъ навостренымъ,
Руки голыя потираючи,
Палачъ весело похаживаетъ,
Удалова бойца дожидается, —
А лихой боецъ, молодой купецъ,
Со родными братьями прощается:

„Ужъ вы, братцы мои, други кровные,
Поцѣлуемтесь да обнимемтесь
На послѣднее разставаніе.
Поклонитесь отъ меня Аленѣ Дмитревнѣ,
Закажите ей меньше печалиться,
Про меня моимъ дѣтушкамъ не сказывать.
Поклонитесь дому родительскому,
Поклонитесь всѣмъ нашимъ товарищамъ,
Помолитесь сами въ церкви Божіей
Вы за душу мою, душу грѣшную!"

И казнили Степана Калашникова
Смертью лютою, позорною;

[1]) Кулачные бои, какъ забава, зачастую кончавшіеся весьма плачевно для участниковъ, существовали на Руси чуть ли не до половины нынѣшняго столѣтія. Преднамѣренного убійства на нихъ ни въ какомъ случаѣ не допускалось. Поэтому-то и Грозный казнитъ купца Калашникова, отомстившаго опричнику Кирибѣевичу за жену свою Алену Дмитріевну.

И головушка безталанная
Во крови на плаху покатилася.

Схоронили его за Москвой—рѣкой,
На чистомъ полѣ промежъ трехъ дорогъ:
Промежъ тульской, рязанской, владимирской,
И бугоръ земли сырой тутъ насыпали,
И кленовый крестъ тутъ поставили.
И гуляютъ, шумятъ тутъ вѣтры буйные
Надъ его безымянной могилою.
И проходятъ мимо люди добрые:
Пройдетъ старъ человѣкъ—перекрестится,
Пройдетъ добрый молодецъ—пріосанится,
Пройдетъ дѣвица—пригорюнится,
А пройдутъ гусляры—споютъ пѣсенку.

М. Лермонтовъ.

КНЯЗЬ МИХАЙЛО РЕПНИНЪ. [1])

(1560 г.—1561 г.).

Безъ отдыха пируетъ съ дружиной удалой
Иванъ Васильичъ Грозный подъ матушкой
Москвой.
Ковшами золотыми столовъ блистаетъ рядъ,
Разгульные за ними опричники сидятъ.
Съ вечерни льются вины на царскіе ковры,
Поютъ ему съ полночи лихіе гусляры,
Поютъ потѣхи брани, дѣла былыхъ временъ,
И взятіе Казани, и Астрахани плѣнъ.
Но голосъ прежней славы царя не веселитъ,
Подать себѣ личину онъ кравчему велитъ.
„Да здравствуютъ тіуны, опричники мои!
„Вы-жъ громче бейте въ струны, бояны—
соловьи!
„Себѣ личину, други, пусть каждый изберетъ—
„Я первый открываю веселый хороводъ!
„За мной, мои тіуны, опричники мои!
„Вы-жъ громче бейте въ струны, бояны—
соловьи!
И всѣ подъяли кубки. Не поднялъ лишь
одинъ,
Одинъ не поднялъ кубка Михайло князь
Репнинъ.
„О царь, забылъ ты Бога! свой санъ ты,
царь, забылъ!
„Опричниной на горе престолъ свой окру-
жилъ!
„Разсыпь державнымъ словомъ дѣтей бѣ-
совскихъ рать!
„Тебѣ ли, властелину, здѣсь въ машкерѣ
плясать!“
Но царь, нахмуря брови: „Въ умѣ ты, знать,
ослабъ,
„Или хмеленъ не въ мѣру? Молчи, строп-
тивый рабъ!
„Не возражай ни слова и машкеру надѣнь—
„Или клянусь, что прожилъ ты свой по-
слѣдній день!“
Тутъ всталъ и поднялъ кубокъ Репнинъ
правдивый князь:
„Опричнина да згинетъ! онъ рекъ перекрестясь,
„Да здравствуетъ во вѣки нашъ православ-
ный царь!
„Да правитъ человѣки, какъ правилъ ими
встарь!
„Да презритъ, какъ измѣну, безстыдной лести
гласъ!
„Личины жъ не надѣну я въ мой послѣдній
часъ!“
Онъ молвилъ и ногами личину растопталъ,
Изъ рукъ его на землю звенящій кубокъ
палъ...
„Умри же, дерзновенный!“ царь вскрикнулъ
разъярясь—
И палъ, жезломъ пронзенный, Репнинъ прав-
дивый князь.
И вновь подъяты кубки, ковши опять звучатъ,
За длинными столами опричники шумятъ,
И смѣхъ ихъ раздается, и пиръ опять ки-
питъ—
Но звонъ ковшей и кубковъ царя не ве-
селитъ:
„Убилъ, убилъ напрасно я вѣрнаго слугу!
„Вкушать веселье болѣ я нынѣ не могу!“
Напрасно льются вины на царскіе ковры,
Поютъ царю напрасно лихіе гусляры,
Поютъ потѣхи брани, дѣла былыхъ временъ,
И взятіе Казани, и Астрахани плѣнъ.

Гр. .А Толстой.

ВАСИЛІЙ ШИБАНОВЪ.

(1564 г.).

Князь Курбскій отъ царскаго гнѣва бѣжалъ,
Съ нимъ Васька Шибановъ стремянной. [1])

[1]) Бояринъ князь **Михайло Репнинъ**, видя во дворцѣ непристойное игрище, гдѣ царь, упоенный крѣпкимъ медомъ, плясалъ со своими любимцами въ маскахъ, заплакалъ отъ горести. Іоаннъ хотѣлъ надѣть на него маску. Репнинъ вырвалъ ее, растопталъ ногами и сказалъ: «государю ли быть скоморохомъ? по крайней мѣрѣ я, бояринъ и совѣтникъ Думы, не могу безумствовать.» Царь выгналъ его и черезъ нѣсколько дней велѣлъ умертвить» (Карамзинъ).

[1]) По словамъ Герберштейна, **Курбскіе** заимствовали

Дороденъ былъ князь. Конь измученный палъ.
Какъ быть среди ночи туманной?
Но рабскую вѣрность Шибановъ храня,
Своего отдаетъ воеводѣ коня:
„Скачи, князь, до вражьяго стану,
Авось я пѣшой не отстану.“
И князь доскакалъ. Подъ литовскимъ шатромъ
Опальный сидитъ воевода;
Стоятъ въ отдаленьи литовцы кругомъ,—
Безъ шапокъ толпятся у входа;
Всякъ русскому витязю честь воздаетъ,
Не даромъ дивится литовскій народъ,
И ходятъ ихъ головы кругомъ:
„Князь Курбскій намъ сдѣлался другомъ.“

Но князя не радуетъ новая честь,
Исполненъ онъ желчи и злобы;
Готовится Курбскій царю перечесть
Души оскорбленной зазнобы:
„Что долго въ себѣ я таю и ношу,
„То все я пространно царю напишу;
„Скажу напрямикъ, безъ изгиба,
„За всѣ его ласки спасибо!“

И пишетъ бояринъ всю ночь на пролетъ,
Перо его местію дышетъ,
Прочтетъ, улыбнется, и снова прочтетъ,
И снова безъ отдыха пишетъ;
И злыми словами язвитъ онъ царя,
И вотъ ужъ когда занялася заря,
Поспѣло ему на отраду
Посланіе, полное яду.
Но кто-жъ дерзновенныя князя слова
Отвезть Іоанну возьмется?
Кому не люба на плечахъ голова?
Чье сердце въ груди не сожмется?
Невольно на князя сомнѣнья нашли...
Вдругъ входитъ Шибановъ въ поту и пыли.
„Князь, служба моя не нужна ли?
„Вишь, наши меня не догнали!“

И въ радости князь посылаетъ раба,
Торопитъ его въ нетерпѣньи:
„Ты тѣломъ здоровъ, и душа не слаба,
„А вотъ и рубли въ награжденье!“
Шибановъ въ отвѣтъ господину: „Добро!
„Тебѣ здѣсь нужнѣе твое серебро,
„А я передамъ и за муки
„Письмо твое въ царскія руки.“

Звонъ мѣдный несется, гудитъ надъ Москвой;
Царь въ смирной одеждѣ трезвонитъ;
Зоветъ ли обратно онъ прежній покой,
Иль совѣсть на-вѣки хоронитъ?
Но часто и мѣрно онъ въ колоколъ бьетъ,
И звону внимаетъ московскій народъ,
И молится, полный боязни,
Чтобъ день миновался безъ казни.
Въ отвѣтъ властелину гудятъ терема,
Звонитъ съ нимъ и Вяземскій лютый,
Звонитъ всей опричны кромѣшная тьма,
И Васька Грязной, и Малюта,
И тутъ же, гордяся своею красой,
Съ дѣвичьей улыбкой, съ змѣиной душой,
Любимецъ звонитъ Іоанновъ,
Отверженный Богомъ Басмановъ.

Царь кончилъ: на жезлъ опираясь, идетъ,
И съ нимъ всѣхъ окольныхъ собранье.
Вдругъ ѣдетъ гонецъ, раздвигая народъ,
Надъ шапкою держитъ посланье.

И спрянулъ съ коня онъ поспѣшно долой,
Къ царю Іоанну подходитъ пѣшой
И молвитъ ему не блѣднѣя:
„Отъ Курбскаго князя Андрея!“
И очи царя загорѣлися вдругъ:
„Ко мнѣ? Отъ злодѣя лихова?
„Читайте же, дьяки, читайте мнѣ вслухъ
„Посланье отъ слова до слова!

„Подай сюда грамоту, дерзкій гонецъ!“
И въ ногу Шибанова острый конецъ
Жезла своего онъ вонзаетъ,
Налегъ на костыль и внимаетъ.
„Царю, прославляему древле отъ всѣхъ,
„Но тонущу въ сквернахъ обильныхъ.

свою фамилію отъ родовой своей вотчины *Курбы*, нынѣ села, которое лежитъ въ 25 верст отъ Ярославля при рѣчкѣ Курбицѣ, и родоначальникомъ своимъ считали потомка въ 6-омъ колѣнѣ Владиміра Мономаха Θеодора Ростиславича, мощи котораго въ XVI в. покоились въ одномъ изъ ярославскихъ монастырей. Князь **Андрей Михайловичъ Курбскій** (род. 1528 г. – ┼1583 г. въ Ковлѣ) на 21 году жизни сопровождалъ Іоанна въ походъ на Казань и при взятіи ея обнаружилъ какъ способности искуснаго военачальника, такъ и блестящую личную храбрость. Преслѣдуя татаръ, Курбскій, читаемъ въ лѣтописи, наскочилъ на нихъ всѣхъ; они же, сбивши князя съ коня, изрубили его такъ, что многіе считали его мертвымъ, но потомъ, слава Богу, онъ выздоровѣлъ. Съ 1560 г. во время военныхъ дѣйствій въ Ливоніи Курбскій занималъ тамъ важныя должности, передъ бѣгствомъ же своимъ въ Литву стоялъ во главѣ дерптскихъ воеводъ и, какъ можно предполагать, считался намѣстникомъ Лифляндской земли. Принадлежность князя къ партіи Сильвестра и Адашева, рано или поздно, привела бы его на страшный судъ Іоанновъ, и Курбскій, считая жизнь свою въ опасности и находя необходимымъ «отъ казни горло свое унести,» рѣшился искать спасенія на чужбинѣ. Ночью 30 апрѣля 1564 г. изъ Дерпта въ г. Вольмаръ бѣжало съ нимъ 12 человѣкъ, изъ которыхъ вѣрный слуга князя Василій Шибановъ былъ пойманъ и отправленъ къ государю въ Москву.

„Отвѣтствуй, безумный, какихъ ради грѣхъ
„Побилъ еси добрыхъ и сильныхъ?

„Отвѣтствуй, не ими ль, средь тяжкой войны,
„Безъ счету твердыни враговъ сражены?
„Не ихъ ли ты мужествомъ славенъ?
„И кто имъ бысть вѣрностью равенъ?
„Безумный! Иль мнишишь безсмертнѣе насъ,
„Въ небытную ересь прельщенный?
„Внимай же! пріидетъ возмездія часъ,
„Писаніемъ намъ предреченный,

„И азъ, иже кровь въ непрестанныхъ бояхъ
„За тя, аки воду, ліяхъ и ліяхъ,
„Съ тобой предъ Судьею предстану!“
Такъ Курбскій писалъ къ Іоанну.
Шибановъ молчалъ. Изъ пронзенной ноги
Кровь алымъ струилася токомъ,
И царь на спокойное око слуги
Взиралъ испытующимъ окомъ.

Стоялъ неподвижно опричниковъ рядъ;
Былъ мраченъ владыки загадочный взглядъ,
Какъ будто исполненъ печали;
И всѣ въ ожиданьи молчали.
И молвилъ такъ царь: „Да, бояринъ твой правъ,
„И нѣтъ ужъ мнѣ жизни отрадной.
„Кровь добрыхъ и сильныхъ ногами поправъ,
„Я песъ недостойный и смрадный.

„Гонецъ, ты не рабъ, а товарищъ и другъ,
„И много знать вѣрныхъ у Курбскаго слугъ,
„Что выдалъ тебя за бозцѣнокъ!
„Ступай же съ Малютой въ застѣнокъ.“
Пытаютъ и мучатъ гонца палачи,
Другъ другу приходятъ на смѣну:
„Товарищей Курбскаго ты уличи,
„Открой ихъ собачью измѣну!“

И царь вопрошаетъ: Ну что же гонецъ?
„Назвалъ ли онъ князя друзей наконецъ?“
—Царь слово его все едино:
Онъ славитъ свово господина!-—
День меркнетъ, приходитъ ночная пора,
Скрыпятъ у застѣнка ворота,
Заплечные входятъ опять мастера,
Опять зачалася работа.

„Ну что же, назвалъ ли злодѣевъ гонецъ?“
—Царь, близокъ ему ужъ приходитъ конецъ,
Но слово его все едино:
Онъ славитъ свово господина.—

„О князь! ты, который предать меня могъ
„За сладостный мигъ укоризны,
„О князь! я молюсь, да проститъ тебя Богъ,
„Измѣну твою предъ отчизной!
„Услышь меня, Боже, въ предсмертный мой часъ,
„Языкъ мой нѣмѣетъ и взоръ мой угасъ,
„Но въ сердцѣ любовь и прощенье:
„Помилуй... мои прегрѣшенья!..
„Услышь меня, Боже, въ предсмертный мой часъ!
„Прости моего господина!
„Языкъ мой нѣмѣетъ и взоръ мой угасъ,
„Но слово мое все едино:
„За Грознаго, Боже, царя я молюсь,
„За нашу святую, великую Русь,
„И твердо жду смерти желанной!“
Такъ умеръ Шибановъ стремянной. [1])

Гр. А. Толстой.

ПЕЧАЛЬНИКЪ РУССКОЙ ЗЕМЛИ. [2])

(† 1569 г).

Смеркалось. Въ своей незатѣйливой кельѣ,
Подъ сѣнью развѣсистыхъ липъ,
Сидѣлъ у окна, во дворѣ монастырскомъ,
Опальный святитель Филиппъ.
Высокій, сѣдой, величаво—спокойный,
Великій—въ смиреньи своемъ;
Хотя и въ одеждѣ простого монаха—
Всѣ чтили святителя въ немъ.
Филиппъ вспоминалъ то минувшее время,
Когда въ Соловецкой обители былъ
Игуменомъ онъ и Господнее стадо,
Какъ пастырь духовный, хранилъ...

---

[1]) О преданности Шибанова своему господину съ большою похвалою отзывается и самъ царь «Онъ, пишетъ Курбскому о Шибановѣ Іоаннъ, передъ самою казнью (при смертныхъ вратѣхъ стоя) въ присутствіи царя и всего народа, превозносилъ тебя и изъявлялъ полную готовность за тебя умереть.» Погибъ не одинъ Шибановъ. Пострадали за бѣгство Курбскаго самые близкіе къ нему люди: мать, жена и малолѣтній его сынъ были посажены въ заточеніе, гдѣ отъ тоски умерли. Допросу же, какъ можно предполагать, были подвергнуты всѣ лица, такъ или иначе близко стоявшія къ Курбскому (А. Ясинскій. Кіев. Универ. Извѣст. 1889 г. № 10, стр. 111-12.)

[2]) Св. **Филиппъ**, въ міру *Өеодоръ*, родился въ 1507 г. отъ благочестивыхъ родителей бояръ Колычевыхъ. Имѣя склонность къ отшельнической жизни, Филиппъ, еще въ юныхъ лѣтахъ, тайно покинулъ Москву и удалился въ пустынную Соловецкую обитель. Строгая подвижническая жизнь Филиппа скоро снискала ему отъ всѣхъ любовь и уваженіе, и онъ былъ избранъ братіею монастыря въ настоятели. Вскорѣ царь вызвалъ святого игумена въ Москву и возвелъ его въ санъ митрополита московскаго.

И долго Филиппъ той обителью правилъ,
И святостью жизни своей
Давалъ онъ, достойный служителя Бога,
Примѣръ подражанія ей.

Св. Филиппъ митрополитъ.

Народъ богомольный, подвижники вѣры,
Туда свое горе несли,
Стекались въ обитель, на островъ пустынный,
Со всей православной земли.
Печальныя вѣсти они приносили:
Въ Москвѣ, воспріявъ царскій санъ,
Что годъ, то свирѣпѣе все становился
Владыка Руси Іоаннъ.
Опричнину страшную вдругъ учредилъ онъ
И, гнѣвомъ безмѣрнымъ объятъ,
Казнилъ онъ безъ счета бояръ сановитыхъ
И даже ихъ малыхъ ребятъ...
Святитель скорбѣлъ глубоко, неустанно.
Онъ Господа слезно молилъ,
Чтобъ внялъ Онъ мольбамъ неповинныхъ страдальцевъ
И сердце царя укротилъ.
И вспомнилъ Филиппъ, какъ однажды, въ обитель,
Монахи гонца привезли,
Съ письмомъ отъ Ивана, за царской печатью;
Въ немъ митрополитомъ Москвы
Его величалъ государь, извѣщая,
Что онъ возведенъ въ этотъ санъ
И избранъ духовнымъ главой православныхъ
Всей царской земли христіанъ.
Въ Москвѣ поселившись, владыка не думалъ
О томъ, чтобъ въ довольствѣ пожить,
Не могъ онъ стеречься отъ лучшаго права
Защитою слабымъ служить,
И долгомъ священнымъ считалъ предъ Иваномъ
Просить за опальныхъ людей,
За всѣхъ, кто былъ жертвою царскаго гнѣва,
Но не былъ ни воръ, ни злодѣй.
Иванъ не любилъ, чтобъ подвластные люди
Давали совѣты ему,
Съ тѣхъ поръ, какъ избавился онъ отъ Сильвестра,
Онъ воли не далъ никому.
— „Молчи,“ говорилъ онъ, „молчи, не вступайся
Въ мою государеву власть,
Они заслужили коварной измѣной
И худшую даже напасть!“
Не разъ Грозный царь угрожалъ даже гнѣвомъ
Владыкѣ, но твердъ, какъ скала,
Филиппъ не страшился угрозы — и воля
Его непреклонна была.
И смѣло, и грозно каралъ онъ Ивана,
Твердилъ ему правду въ глаза,
И рѣчи владыки подъ сводами храма
Звучали, какъ Божья гроза.
Невольно внималъ имъ Иванъ и въ раздумьи
Изъ храма къ себѣ приходилъ,
И даже случалось, что цѣлыми днями
Смиренъ и кротокъ онъ былъ.
Такое вліянье пришлось не по нраву
Опричникамъ злымъ, вѣдь для нихъ
Насталъ бы конецъ всѣмъ кровавымъ забавамъ,
Когда бы Иванъ пріутихъ.
Устроили живо, доносчиковъ много
Явилось, къ тому же Иванъ
И самъ тяготился рѣчами Филиппа,
Хотя уважалъ его санъ.
Собралися судьи, служители Бога,
Но страхъ оковалъ имъ уста,
Должно быть они, преклоняясь предъ властью,
Забыли завѣты Христа.
И волѣ царя раболѣпно послушный,
Презрѣнья достойный соборъ
Изрекъ своему властелину Филиппу
Угодный царю приговоръ.
Во время обѣдни, во храмѣ Успенья,
Опричники съ шумомъ вошли,
Съ словами глумленья и съ смѣхомъ злораднымъ
Къ Филиппу они подошли,

Сорвали съ него облаченье, съ безчестьемъ
По цѣлой Москвѣ провезли
И въ Отрочь-обитель, въ опальную ссылку,
На дровняхъ его отвезли. [1])
Филиппъ не роπталъ, со смиреньемъ монаха,
Какъ волю Господню, пріялъ
Онъ гнѣвъ и опалу царя; не мѣняясь,
Онъ святостью жизни сіялъ,
И ту же молитву твердилъ неустанно:
„О Боже, стенаньямъ внемли,
„И сердце царево, кипащее злобой,
„Смягчи ты для блага земли."

Н. А. Вроцкій.

НОВГОРОДЪ.

Прошла пора, прошла свобода
Новогородскаго народа;
Завѣтный колоколъ молчитъ;
Одно преданье говоритъ
О прежнихъ подвигахъ и славѣ,
О независимой державѣ,
Съ Ганзой о выгодныхъ связяхъ,
О прежнихъ льготахъ и правахъ.

Настали времена крутыя;
Они напомнили Батыя—
И посреди кровавыхъ бѣдъ
Русь изнывала много лѣтъ.
Не бунтъ, не язва, не пожары,
Не безначалье, не татары,
Не гладъ, не моръ ее терзалъ,—
Въ царѣ Господь ей бичъ послалъ.

Ея царемъ въ тотъ вѣкъ тревожный
Былъ Іоаннъ Васильичъ Грозный,
Могучъ для зла и для добра.
Кто знаетъ: геній-ли Петра
Въ немъ воплотился безвременно?
Томимъ-ли мыслью сокровенной,
Онъ окровавилъ свой вѣнецъ?
Неизмѣрима глубь сердецъ.

Умы совѣта, мужи брани,
Завоеватели Казани,
Первослужитель алтарей,
Друзья народа и царей,
Князья, бояре, воеводы,
Россіи доблестные роды,
Ея опора и щиты,
Младенцы, вдовы, сироты—

Всё гибло жертвой лютой злобы;
Селенья превращались въ гробы,
Опустошались города,
Окровавленная вода
Текла въ рѣкахъ; всё изнывало,
И Русь безжизненно лежала
Среди пустыхъ своихъ равнинъ,
Какъ уязвленный исполинъ.

И вотъ минувшая свобода
Новогородскаго народа
Предстала вдругъ передъ царемъ;
И мнитъ онъ въ ужасѣ слѣпомъ:
„Она еще умы лелѣетъ,
Она какъ искра въ пеплѣ тлѣетъ..."
И страшный колокола звонъ
Смущенной мыслью слышитъ онъ!

Доселѣ Новгородъ цвѣтущій
Не предугадывалъ грядущей
Своей судьбы; хотя давно
Ужъ вѣче въ немъ заглушено,
Хотя съ богатою Ганзою
Не торговалъ онъ, какъ порою,
Но былъ силенъ еще войной
Съ врагами, славой и казной.

Его могучія твердыни
Еще хранились, какъ святыни,
Въ воспоминаніе побѣдъ.
Въ годину смутъ, въ годину бѣдъ,
Отъ Рюрика и Ярослава,
Вѣками зрѣла эта слава,
И Невскій—доблестный герой
Запечатлѣлъ ее собой.

Былъ Новгородъ въ борьбѣ съ суровымъ
Норманномъ, съ рыцарствомъ Христовымъ,
И съ безпокойною Литвой,
И съ самовластною Москвой:
Предохранилъ Господь святыя,
Его твердыни отъ Батыя;
Мамай его не тронулъ встарь—
Не пощадилъ лишь Грозный царь!

И вотъ, отрядъ его летучій
Уже сбирается, какъ тучи
Предъ разрушительной грозой.
Опричниковъ кромѣшныхъ рой

---

[1]) **Отрочь-Успенскій** мужской 2-го кл. монастырь находится въ Твери и основанъ въ 1265 г. при вел. кн. Ярославѣ Ярославичѣ тверскомъ отрокомъ его Григоріемъ. Здѣсь, по повелѣнію Грознаго, Малюта Скуратовъ задушилъ подушками св. Филиппа вслѣдствіе несогласія послѣдняго дать благословеніе царю на разгромъ Новгорода.

Спѣшитъ, какъ сонмище злыхъ духовъ,
И, подъ предлогомъ лживыхъ слуховъ,
Идетъ царь Новгородъ казнить,
За вольность прежнюю отмстить...

Н. Арбузовъ.

РАЗГРОМЪ НОВГОРОДА.

(Изъ драмы „Псковитянка“).

(1570 г.).

Торговая площадь въ псковскомъ Кремлѣ. На заднемъ планѣ Довмонтова стѣна съ храмомъ св. Аѳанасья посрединѣ и съ двумя всходами; по угламъ Гремяцкая и Кутная башни. Направо храмы Живоначальной Троицы, св. Спаса и Бориса и Глѣба; за ними новая стѣна съ Бурковской и Снѣтовою башнями; Святыя и Покровскія ворота, налѣво Княжій дворъ, Владыченъ дворъ и Красный дворъ; старая стѣна съ всходомъ и тремя воротами: Княжими, Михайловскими и Смердьими. Посреди вѣчевое мѣсто съ нѣсколькими ступеньками, крытое алымъ сукномъ. На площади разложены костры. На троицкой колокольнѣ гудитъ колоколъ. Во всѣ ворота поспѣшно входятъ на площадь толпы народа. Мѣсячная ночь.

Юшко Велебинъ. *гонецъ, стоитъ у нижней ступеньки вѣча. Около него кружокъ псковичей:* Иванко Торгоша, Ѳедосъ Гоболя, *мясникъ;* Клементій Сесториковъ, *кузнецъ;* Иванко Подкурской, Исакъ Шестникъ; Демещка *мыльникъ;* Ѳедорко—царскій сынъ; Колтырь Раковъ; Василій Луковица, *суконникъ;* Кирей Шеметовъ; Яковъ Желѣзовъ. *Народъ постепенно прибываетъ. Смутный говоръ.*

Иванко То̀ргоша (Велебину).

Оглохъ ты, Юшко? Али закичился
И отвѣчать не хочешь? (Велебинъ молчитъ).

Кирей Шеметовъ (Торгошѣ).

Экой олухъ!
Ну, что присталъ-то? Знаемо—гонецъ
Къ степенному посаднику, и скажетъ...
А ты-то что̀?

Иванко Торгоша.

Эхъ ты, Кирей Шеметовъ!

Ѳедосъ Гоболя.

Слышь, Торгоша, не балуй языкомъ
Съ похмелья-то... (Бьетъ его по плечу).

Иванко Торгоша (вскрикиваетъ).

Охъ!.. (Оборачивается).
Онъ и есть—Гоболя!
(третъ себѣ плечо).
Да какъ же?.. Впрямь мясницкая рука!..
Да какъ же, дѣдко? Сходку созвонили,
А вѣсти нѣтъ—по что̀ и про кого?

Ѳедосъ Гоболя.

А ты дождаться на̀большихъ не хочешь?

Иванко Торгоша.

А что ихъ ждать?

Голоса въ толпѣ.

Ребята! Сотскій, сотскій!

Тѣ-же и Дмитро Патракѣевичъ, *сотскій, пробирается къ вѣчевому мѣсту.*

Дмитро Патракѣевичъ (приподнимаетъ шапку).

Здорово, людъ честной!
(Народъ также приподнимаетъ шапки).

Нѣсколько голосовъ.

Тебѣ во здравье!

Дмитро Патракѣевичъ.

Что̀ есть со всѣхъ концовъ по сотнѣ?

Голоса.

Надо-ть быть.

Ѳедосъ Гоболя.

Побольше будетъ, Дмитро Патракѣичъ!

Дмитро Патракѣевичъ:

Очередныхъ подняли?

Голоса.

Туто всѣ.
(Народъ продолжаетъ сходиться; колоколъ не умолкаетъ; въ толпѣ шумъ и крики).

Дмитро Патракѣевичъ (во весь голосъ).

По пошлинѣ, честные господа,
По старинѣ мірской и по порядку!

Голоса.

Повольте слушать сотскаго!
Повольте!
Очередно̀й... повольте, осудари!
Не поперечьте!

Голосъ.

Тише, чтобъ васъ тамъ!...

. . . .

Дмитро Патракѣевичъ.

. . . . Осудари псковичи!
Присудите: быть сходкѣ, аль не надо?..
Идутъ бояре съ тысяцкимъ, съ судьею,
И со дьякомъ царевымъ, и съ подъячимъ...
И князь-намѣстникъ выйти соизволилъ...

Народъ.

Быть сходкѣ! быть! На всей на псковской
волѣ!

Изъ Княжихъ воротъ входятъ на площадь: Князь Юрій Токмаковъ, *тысяцкій* Никита Насоновъ; *бояре:* И. Теншинъ, Я. Кротовъ, *кн.* С. Дябренскій, Г. Умыслъ-Бородинъ, Н. Матута, Андрей Коза, *царскій дьякъ;* Ортюша, *подъячій;* Сидоръ Оданья, *судья; московскіе стрѣльцы. Вслѣдъ за ними посадники:* Иванъ Гохоновичъ, Григорій Силычъ Хрустоловъ, Юрій Копылъ, Михайло Помазовъ, *псковскіе ратные люди и новыя толпы народа входятъ изъ Святыхъ воротъ.*

Князь Токмаковъ (идетъ къ мѣсту; толпа передъ нимъ разступается).
Кто созвонилъ?

Голоса.

Гонецъ Велебинъ Юшко.

Юшко Велебинъ (выступаетъ впередъ и кланяется).
Я, осударь, пригнанъ со спѣшной вѣстью:
Вели держать ко Пскову рѣчь.

Князь Токмаковъ.

Держи.

Юшко Велебинъ (всходитъ на мѣсто,—снимаетъ шапку, крестится на церкви и кланяется на три стороны).
Поклонъ и слово Новгорода:
„Братья
Молодшая, всѣ мужи псковичи!
Вамъ кланялся-де Новгородъ Великій,
Чтобъ помогли вы супротивъ Москвы,
И вы-де брату вашему старшо̀му
Не дали помочь ниже никакую,
И цѣлованье крестное забыли:
Ино на то вся ваша власть и воля,
И помоги вамъ Троица святая!
А братъ-де вашъ старшой открасовался
И наказалъ вамъ долго жить да править
По немъ поминки...“
(Кланяется и надѣваетъ шапку. Въ толпѣ поднимается шумъ).

Голоса.

Новгородъ Великій!
Родимый нашъ!
Уже ли и взаправду
Конецъ ему?
Прійдетъ конецъ и Пскову—
И подѣло̀мъ; сидѣли, склавши руки!
Чужой бѣдѣ порадовались!
Тише!
Пущай гонецъ все скажетъ...
Говори
Всю правду, Юшко!
Али всей не скажешь?
Ужъ разомъ слушать!
Ка̀зниться, такъ вдо̀сталь.
Молчите-жъ!

Юшко Велебинъ (опять снимаетъ шапку и кланяется на три стороны).
Осударь Великій Псковъ!..

Тѣ-же, Михайло Туча, Четвертка Терпигоревъ, Богданъ Ковыринъ, Василій Борбошинъ *и псковская вольница входитъ въ Смердьи ворота и пробирается сквозь толпу къ вѣчевому мѣсту. Опять шумъ. Колоколъ смолкаетъ.*

Голоса.

Ну, привалили!
Вольница!
Буяны!
Ори пошибче—знать глаза-то пропилъ:
Вишь, сыновья посадничьи!
Да что жъ я!
Я только...

Юшко Велебинъ (громче).
Осударь Великій Псковъ!
(Говоръ утихаетъ).
Пусть Богъ меня не милуетъ на страшномъ
Судилищѣ Христовомъ, коль пролгуся
Въ единомъ словѣ: что завѣрно слышалъ,
А что и самъ сквозь слезы доглядѣлъ...
(Мертвая тишина).
Попрежъ всего, подъ Новгородъ Великій
Пришелъ съ Москвы передній полкъ, изгономъ:
Бояре, и князья, и воеводы,
Съ дворянами, съ боярскими дѣтьми—
И всякимъ ратнымъ людомъ—туча-тучей...
Которые поставили заставы
Вкругъ города, а кто въ монастыри—
Казну печатать, иноковъ и старцевъ
Вязать, да въ станъ съ собою, на правежъ,
До царскаго пріѣзда... Да собрали
Со всѣхъ церквей новогородскихъ прѝчетъ,

За приставовъ раздали по десятку,
И тожъ до государева пріѣзда
Велѣли ставить на правежъ и бить
До искупа всякъ Божій день безщадно...
А правили до двадцати рублевъ
Новогородскихъ съ каждаго...

Голоса.

Злодѣи!
Опричина кромѣшная!

Юшко Велебинъ.

Пождите:
Цвѣточки только—ягодки-то будутъ...
Дѣтей боярскихъ отрядили въ городъ—
Ловить гостей, приказныхъ именитыхъ,
И всѣхъ—въ желѣза, домы и имѣнье—
Все запечатать, а дѣтей и женъ
Блюсти подъ стражей твердо...

Ѳедосъ Гоболя.

Юшко, врешь ты!
Аль дѣти-то, младенцы-то повинны
Въ чемъ ни на есть?

Юшко Велебинъ.

А вру—казни Господь!
Постой еще... Прошло Богоявленье—
Прошла и поголовная бѣда:
Самъ государь пріѣхалъ... Разобрали—
Кто правый, кто виновный?...
Ну... не можно
Сказать: была-ль доподлинно измѣна,
Аль наказалъ Господь новогородцевъ
За ихъ грѣхи... А только былъ разгромъ
И городу, и всѣмъ его пятинамъ,
И выселкамъ, за двѣсти верстъ, и больше...
Про это слышалъ...
А глазами видѣлъ
Такую кару грозную и казнь—
Не приведи Господь и лиходѣю. .
Охъ! больно грозенъ царь Иванъ Васильичъ!..
Коль прогнѣвятъ, такъ что твой громъ небесный!..
А тутъ ему лихое подшепнули—
Разгнѣвался на Пимена владыку:
Не подошелъ и ко кресту святому,
„Ты—говоритъ—не Крестъ Животворящій
Въ десницѣ держишь, а на насъ оружье;
Ты наше сердце царское замыслилъ
Злотворною измѣной уязвить:
Богохранимый Новгородъ Великій,
Державы нашей вотчину, ты хочешь
Со всѣмъ единомысленнымъ синклитомъ
Предать Литвѣ, Жигмонту королю!
Отселѣ наречешься ты не пастырь,
Не сопрестольникъ всесоборной церкви
Премудрости Господніей Софіи,
А хищный волкъ, измѣнникъ и губитель,
И досадитель нашей багряницѣ
И нашему престольному вѣнцу!“
Какъ вымолвилъ—такъ Новгородъ—и полно!...
Вотъ цѣлый мѣсяцъ съ волховского моста
Въ кипучій омутъ мученныхъ бросаютъ:
Сначала стянутъ локти бечевою,
И ноги свяжутъ, а потомъ пытаютъ
Составомъ этимъ огненнымъ—*поджаромъ*,
Да такъ въ огнѣ и мечутъ съ моста въ воду...
А кто всплыветъ наверхъ, того зацѣпятъ
Баграми и рогатиной приколютъ,
Аль топоромъ снесутъ ему макушку...
Младенцевъ вяжутъ къ матерямъ веревкой—
И тоже въ воду.

Князь Токмаковъ (поднимаетъ руки къ небу).

Господи, мой Боже!
Не можетъ быть, чтобъ царь Иванъ Васильичъ
Казнилъ такъ крѣпко!

Юшко Велебинъ.

Царь на Городищѣ
Всѣмъ станомъ сталъ, а это безъ него
Опричники злодѣйствуютъ...

Ѳедосъ Гоболя.

Да чтоже?
Когда жъ конецъ-то будетъ?

Кирей Шеметовъ.

Нѣтъ управы
И нѣтъ суда на этихъ окаянныхъ.

Голоса.

Вѣстимо нѣтъ!
А мы-то, псковичи,
Положимъ также голову на плаху?
Подшепчутъ что—тю-тю! не погнѣвися!
Нѣтъ!... какъ же такъ?
Аль стѣны развалились?
Аль у воротъ заржавѣли замки?
Не выдавай, ребята, Псковъ Великій!
А щитъ—такъ щитъ!

И вправду, что мы дремлемъ?
Звоните вѣче!
У Святого Спаса!
У Троицы!
За осударя Псковъ!
За пошлину мірскую и за вѣче!
Рубись, ребята!
Съ улицы, аль съ дома?
Рубися съ дома!
Сельскіе съ сохи!
Звоните вѣче!
Любо!
Вѣче! вѣче! (за сценой звукъ колокольчика).

Тѣ-же. Въ Петровскія ворота въѣзжаетъ взмыленная тройка *Изъ тельжки выскакиваетъ псковскій гость* Семенъ Ивановъ Бороусовъ. *Онъ запыхался и еле переводитъ духъ.*

Кирей Шеметовъ.

Никакъ еще намъ вѣсти?

Юшко Велебинъ.

Не къ добру!

Голоса.

Съ вѣстями гость!
Раздайся!
Пропустите!

Семенъ Бороусовъ (прерывающимся голосомъ).

Бѣда... бѣда намъ, мужи-псковичи!
На Псковъ идутъ!...
(Пробивается къ вѣчу и нѣсколько времени не можетъ выговорить слова).

Иванко Торгоша.

Еще какіе гости?
Литва?
(Семенъ Бороусовъ машетъ рукою).

Кирей Шеметовъ.

Шальные нѣмцы?

Семенъ Бороусовъ (переводить духъ).

Самъ идетъ.
Татары изъ полку передового
Пригнали ужъ въ Невадичи... на силу
Уѣхалъ...

Иванко Торгоша (кричитъ).

Ой, голубчики, пропали!...

Юшко Велебинъ (сбѣгаетъ съ вѣча).

Прости-прощай, головушка!

Голоса.

Пропали!..
Пропали мы!..
Идетъ!..
Идетъ изгономъ!..
Охъ, батюшки, ворота завалите!
Посады жечь!
Добро-то гдѣ намъ спрятать?
Звоните вѣче!..
(Общая суматоха; снова раздаются удары колокола).

Никита Машута (тихо князю Юрію Токмакову).

Вотъ теперь за дѣло!
Струхнули скоро... Вразуми бозумцевъ...
(Князь Токмаковъ всходитъ на вѣчевое мѣсто).

Тысяцкій (кричитъ).

Потише, люди вольные, потише!
Степенный нашъ посадникъ держитъ слово!

Сотскій (бѣгаетъ въ толпѣ).

Повольте, осудари-псковичи!
Самъ князь намѣстникъ говорить желаетъ.

(Вѣчевое мѣсто обступаютъ посадники, бояре, царскій дьякъ, подъячій, судья и московскіе стрѣльцы. Въ первыхъ рядахъ Михайло Туча, Четверка Терпигоревъ и Ѳедосъ Гоболя. Тишина).

Князь Юрій Токмаковъ (снимаетъ шапку, крестится на соборъ и кланяется народу).

Отцы и братья мужи-псковичи,
Великая держава государя,
И отчина и дѣдина его—
Всѣ люди добровольные!
Къ вамъ слово!

Народъ.

Изволь повѣдать, осударь намѣстникъ!
. . . .

Князь Юрій Токмаковъ.

Великій Псковъ! Кого вы испугались?
Законнаго державца и владыки!..
Отца родного испугались дѣти!..
Что государь идетъ Псковской святынѣ,
Живоначальной Троицѣ и Спасу,
Со страхомъ и молитвой поклониться,
Такъ вы тотчасъ за шестоперъ и бердышъ

Что̀ ворога встрѣчаете...
А, можетъ,
Насъ государь пожалуетъ и льготой:
Вѣдь мы—не ваша братья, новгородцы:
Съ Литвой и съ Мистромъ перевѣтъ не держимъ,
Обѣльное и всѣ подъѣзды правимъ;
Посошной ратью завсегда готовы!
А буде нуженъ человѣкъ охочій—
Да только кликни царь и государь—
Весь Псковъ всѣлъ на конь!..
Такъ ли, осудари?

Голоса.

Оно все такъ...
Вѣстимо: молодцы
У насъ охочи...
Что и не срубиться?
Навыкнуть дѣлу надо молодымъ-то...

Князь Юрій Токмаковъ.

Вотъ видите!.. За что же государю
Прогнѣваться на отчину свою?..
А нѐ за что! Нѣтъ, царь Иванъ Васильичъ,
Ка̀къ сѣлъ на мѣсто царское свое,
Печаловался Псковомъ; да и нонѣ
Жалѣетъ Псковъ...

Четверѣка Терпигоревъ.

Жалѣлъ и волкъ кобылу—
Оставилъ хвостъ да гриву!

Ѳедосъ Гоболя.

Такъ-то, такъ!
А Новгородъ-то какъ же? Нѐшто вправду
Владыка Пименъ перевѣтъ держалъ
Съ Литвою, али съ нѣмцами!

Иванко Торгоша.

Пожалуй,
И Псковъ-то будетъ безъ вины виновенъ!

Кирей Шеметовъ.

А Богъ ихъ вѣсть, лихому человѣку,
Наушнику бѣда чужая—прибыль...

Никита Матута.

Повольте князь—намѣстника дослушать:
Ему и сердце царское открыто,
Такъ намъ ужъ онъ накажетъ, что̀ добро.

Князь Юрій Токмаковъ.

Спасибо за присловіе, бояринъ!..
А я не больно падокъ до наказовъ:
Прошу совѣта осударя—Пскова,
Какъ намъ служить царю и государю?

Голоса.

По рѣчи—князь!
Да онъ же нашъ посадникъ!
Да и степенный!
Что же, осударь,
Что намъ почать?
Какъ быть и какъ намъ съ бытомъ
Псковскимъ отъ злыхъ кромѣшниковъ отбиться?

Князь Юрій Токмаковъ.

Скажу я вамъ и—съ мѣста не сойти—
Скажу на благо осударю—Пскову...
Пеките хлѣбы, хмельный медъ сытите,
Варите брагу... Каждый у воротъ
Накрой свой столъ съ гостиннымъ хлѣбомъ-солью;
Всѣмъ выходить, отъ мала до велика,
Во срѣтенье царю и государю
И бить челомъ о милости его...
И простоитъ во вѣки Псковъ Великій
Своимъ смиреньемъ, жалованьемъ царскимъ
И милостью Господнею...

Никита Матута.

Аминь!

(Князь Юрій надѣваетъ шапку и садится на верхней ступени вѣчевого мѣста).

. . . .

Михайло Туча (съ вѣчевого мѣста крестится и кланяется народу).

Псковъ—осударь!
Посадничьему сыну
И вѣчнику моло̀дшему не слѣдъ
И слова молвить поперекъ старшому;
А стольному намѣстнику и князю,
Аль выборнымъ посадникамъ степеннымъ
Перечить—стыдъ и грѣхъ неотпускной,
Коль нѣтъ на то Господняго рѣшенья...
Да Божьей воли намъ не исповѣдать:
Въ уста младенцевъ Онъ влагаетъ правду
И слабую десницу укрѣпляетъ
На силу силъ престоловъ и господствій...
Повольте молвить, мужи псковичи

И люди добровольные, всю правду,
Какъ положилъ мнѣ на душу Господь!..
Вы, отчина крестопріимной Ольги,
Любимый столъ поборниковъ Руси,
Домъ Троицы святой Живоначальной,
Вы, осударь, Великій Псковъ! Радѣйте
И о себѣ всѣмъ міромъ промышляйте
По пошлинѣ...
Аль были мы повинны
Въ чемъ ни на есть передъ великимъ княземъ
И государемъ? Были, такъ скажите...

Голоса.

Да въ чемъ повинны?
Словно бы ни въ чемъ...

Михайло Туча.

Аль мы Литвы дурной не сторожили?

Богданъ Ковыринъ.

Литвы-то?

Михайло Туча.

Аль жалѣли шестопёровъ
На нѣмцевъ?

Ѳедосъ Гоболя.

Ка̀къ-ста не жалѣть?

Михайло Туча.

...Скажите, осудари,
За коимъ прахомъ лечь намъ головою?
За правду то? за наше-то добро?
За кровь-то нашу и за нашу службу?
За цѣлованье крестное?
Отбейте
Ворота всѣ у нашего Кремля,
Мечи и копья наши притупите,
Въ церквахъ съ иконъ оклады обдерите,
Кромѣшникамъ на смѣлый смѣхъ и радость...
Пусть, кто слуга для Пскова —осударя—
Я дослужилъ...
А вы когда учнете
Ловить воронъ да галокъ соколами,
Тогда меня вспомяните...
А я
Прощаюсь съ вѣчемъ и иду подъ Камень...
Кто носитъ сердце подъ крестомъ купельнымъ,
Пойдетъ со мной, чтобъ око не видало
Позора и безчестія псковского,
Чтобъ не слыхать, какъ Псковъ не скажетъ правды
И пошлины своей не отстоитъ
Передъ своимъ владыкою правдивымъ...
(Молчаніе).
Аль я одинъ, и нѣтъ грозы за тучей?

Голоса.

Есть, батюшка, есть, батюшка Михайло
Андреевичъ!
. . . .
Катай, валяй за Тучей!
За Тучею Михайлой!

Михайло Туча (сходитъ съ мѣста).

А за мною,
Такъ на́ поле—ужъ тамъ поговоримъ,
Кто лишній-то во Псковѣ...

Голоса.

Гой-гой!

Четвертка.

Дружнѣй!

Голоса.

Валися, людъ чѐстной, валися!
(Толпа дѣлится надвое. Смятеніе).

Бояринъ Матута (князю Юрію).

Князь, князь! Вели стрѣльцамъ палить въ буяновъ,
Не выпускай ихъ изъ Кремля!

Михайло Туча (снимаетъ рукавицы).

Матута!
Мы свидимся съ тобою! Повѣщаю
Тебя заранѣй... Вотъ-те и гонецъ.
(Бросаетъ рукавицу въ лицо Матутѣ).

Бояринъ Матута (хватаясь за щеку).

Князь, не пускай: вели палить!

Михайло Туча.

Князь Юрій
Ивановичъ! съ тобою псковичи—
Охочій людъ прощаются...

Князь Юрій Токмаковъ (опомнившись).

Куда?

Михайло Туча.

Господь сведетъ... Не поминай насъ лихомъ!
Великій Псковъ оставилъ государю
Святыню храмовъ, вѣче вѣковое,
Домà и землю, сѐмьи и могилы...
А волю сложитъ къ царскому подножью—
Гдѣ Богъ укажетъ—съ буйной головою...
(Снимаетъ шапку и кланяется).

Князь Юрій Токмаковъ.

Да стойте жъ, полоумные!

Михайло Туча.

Стояли,
Пока стоялъ Великій Псковъ, а нонѣ
Пришлось итти, куда глаза глядятъ...

Четвертка.

И лучше:
Пройдемся—разгуляемся.

Василій Борбошинъ.

И пѣсню
Споемъ на путь-дорогу!..

Четвертка (бьетъ его по плечу).

Вотъ-такъ правда!
Гдѣ Колтырь Раковъ?

Голоса.

Запѣвала! Раковъ!
Проснися!.. Эй!..

Князь Юрій Токмаковъ.

Постойте! Образумьтесь!
Куда вы рветесь и кому грозите?
Безумцы!.. Что вы кличите на Псковъ...
Правдивый гнѣвъ законнаго владыки?
Иванъ Васильичъ Грозный вѣдь не шутитъ...

Четвертка.

А пусть не шутитъ: шутка—не обида,
А отъ нешутки отпоемся пѣсней...
Ну, Колтырь Раковъ, гдѣ ты?

Колтырь Раковъ (выходитъ изъ толпы съ балалайкой).

Здѣсь... Ау!

Четвертка.

Прощальную!

Михайло Туча.

Со Псковомъ—осударемъ...
(Машетъ палкой. Полъ-толпы бѣжитъ къ нему съ криками).

Голоса.

Прощальную со Псковомъ—осударемъ!..

Колтырь Раковъ (ударяетъ по балалайкѣ).

Осудари—псковичи,
Собирайтесь на дворы:
Зазубрилися мечи,
Притупились топоры...
То-то лели, то-то лели, то-то
лешеньки мои!

Нѣсколько голосовъ (подхватываютъ).

То-то лели, то-то лели, то-то лешеньки мои!
(Толпа уходитъ въ Смердьи ворота. М. Туча, Четвертка Терпигоревъ и К. Раковъ впереди).

Голосъ Колтыря Ракова (вдали).

Али не зачѣмъ точить
Ни мечей, ни топоровъ?
Али негдѣ намъ сложить
И головушекъ за Псковъ?
То-то лели, то-то лели, то-то
лешеньки мои!

Голоса (вдали).

То-то лели, то-то лели, то-то лешеньки мои!

Л. Мей.

НАБѢГЪ КРЫМСКИХЪ ТАТАРЪ [1].
(народная пѣсня).
(1572 г.).

А не сильная туча затучилася,
А не сильніи громы грянули:
Куда ѣдетъ собака Крымскій царь?—

---

[1]) Черезъ годъ послѣ того, какъ **Девлетъ-Гирей** сожегъ почти всю Москву, предпринялъ онъ въ 1572 г. новое нашествіе на Россію: «хотяще—какъ говоритъ кн. Курбскій—уже до конца спустошити землю оную и самого того князя великаго (т. е. Ивана Грознаго) выгнати изъ царства его». Въ успѣхѣ этого похода крымскіе татары такъ были увѣрены, что «и улицы на Москвѣ росписали, коемуждо мурзѣ коя улица», свидѣтельство, съ которымъ согласуются стихи былины: *кому у насъ сидѣть въ каменной Москвѣ»* и пр. Такъ разсуждали татары на Окѣ; однако Оку перешли и въ 50-ти верстахъ на берегахъ Лопасни были разбиты на голову. «На

А ко сильному царству Московскому.—
„А ныньче мы поѣдемъ къ каменной Москвѣ,
А назадъ мы поѣдемъ, Рязань возьмемъ.“ —
А какъ будутъ они у Оки-рѣки,
А тутъ они станутъ бѣлы шатры разставли-
вать—
„А думайте вы думу съ цѣла ума:
Кому у насъ сидѣть въ каменной Москвѣ,
А кому у насъ въ Володимирѣ,
А кому у насъ сидѣть въ Суздалѣ,
А кому у насъ держать Рязань старая,
А кому у насъ сидѣть въ Звенигородѣ,
А кому у насъ сидѣть въ Новѣгородѣ?“ —
Выходитъ Диви Мурза сынъ Улановичъ:
А еси, государь нашъ Крымскій царь!
А тобѣ, государь, у насъ сидѣть въ каменной
Москвѣ,
А сыну твоему въ Володимирѣ,
А племяннику твоему въ Суздалѣ,
А сродичу въ Звенигородѣ,
А бояpину конюшему держать Рязань старая,
А меня, государь, пожалуй Новымъ-Городомъ:
У меня лежатъ тамъ свѣтъ-добры-дни.“ — [1])
Прокличетъ съ небесъ Господень гласъ:
„Ино еси, собака Крымскій царь!
То ли тебѣ царство не свѣдомо?
А еще есть на Москвѣ семьдесятъ Апостоловъ,
Опришенно трехъ Святителей, [2])
Еще есть на Москвѣ православный царь.“ —
Побѣжалъ еси собака Крымскій царь,
Не путемъ еси, не дорогою,
Не по знамени, не по черному. [3])

ОГОВОРЪ ЦАРЕВИЧА ПЕРЕДЪ ГРОЗНЫМЪ. [4])

(народная былина).

Когда зачиналася каменна Москва,
Тогда зачинался и Грозный царь,
Что Грозный царь Иванъ сударь Васильевичъ.
Какъ ходилъ онъ подъ Казань городъ,
Подъ Казань городъ и подъ Астрахань;
Онъ Казань городъ мимоходомъ взялъ,
Полонилъ царя и съ царицею;
Выводилъ измѣну изо Пскова,
Изо Пскова и изъ Новагорода.
И тутъ ли царь похваляться сталъ,
Что вывелъ измѣну изо Пскова,
Изо Пскова и изъ Новагорода.
„Ахъ, какъ бы вывесть измѣну изъ камен-
ной Москвы!“
Что взговоритъ Малюта злодѣй Скуратовичъ:
„Ахъ ты гой еси, царь Иванъ Васильевичъ!
„Не вывесть тебѣ измѣнушки до-вѣку:
„Сидитъ супротивникъ супротивъ тебя,
„Онъ ѣстъ и пьетъ съ одного блюда,
„Цвѣтное платье носитъ съ одного плеча.“
И тутъ царь догадается;
На царевича злобно осержается.
Что взговоритъ Грозный царь Иванъ Ва-
сильевичъ:
„Ахъ вы гой еси, князья и бояре!
„Вы берите царевича подъ бѣлы руки,
„Поведите во палату особую;
„Вы снимайте съ него платье цвѣтное,
„Надѣвайте на него платье черное;
„Поведите его на болото жидкое,
„На ту ли лужу поганую;
„Вы предайте его скорой смерти.“
Всѣ бояре испугалися,
Изъ палатъ вонъ разбѣжалися;
Большій за меньшаго хоронится;
Одинъ остался Малюта злодѣй.

той же битвѣ и гетмана его славнаго, кровопійцу *Дивія Мурзу* изымано жива». Изъ 120 тысячъ, съ которыми ханъ пошелъ на Россію, онъ потерялъ до ста, и бѣжалъ назадъ только съ 20 тысячами (Буслаевъ).

[1]) *Добры-дни* — счастіе, въ противоположность реченію *злы-дни* - несчастное время, безвременье, употреблено въ ироническомъ смыслѣ.

[2]) *70 апостоловъ* — перенесено къ самымъ лицамъ апостоловъ отъ храма, или иконъ; *три святителя*— такое же смѣшеніе иконъ или храма съ личностями, во имя которыхъ онъ названъ.

[3]) *Не по знамени*—не по торной дорогѣ, а какъ попало, или же—не ведя свой разсѣянный отрядъ за чернымъ знаменемъ (Буслаевъ).

[4]) *Внѣшняя* историческая правда въ былинѣ не соблюдена: царевичъ не былъ казненъ, а собственноручно убитъ царемъ; зато сохранена *внутренняя* историческая правда—въ постоянномъ стремленіи царя истребить измѣну и постоянно остающейся въ немъ подозрительности, наконецъ въ припадкахъ раскаянія, быстро слѣдующихъ за припадками гнѣва въ царѣ (О. Ѳ. Миллеръ). Самое событіе Карамзинъ описываетъ такъ: «Во время переговоровъ о мирѣ съ польскимъ королемъ (1582 г.), страдая за Россію, читая горесть и на лицахъ бояръ, слыша, можетъ быть, и всеобщій ропотъ, царевичъ Іоаннъ Іоанновичъ исполнился ревности благородной, пришелъ къ отцу и требовалъ, чтобы онъ послалъ его съ войскомъ изгнать непріятеля, возстановить честь Россіи. Іоаннъ, въ волненіи гнѣва, закричалъ: «мятежникъ! ты вмѣстѣ съ боярами хочешь свергнуть меня съ престола!» и поднялъ руку. Борисъ Годуновъ хотѣлъ удержать ее: царь далъ ему нѣсколько ранъ острымъ жезломъ своимъ и сильно ударилъ имъ царевича въ голову. Сей несчастный упалъ, обливаясь кровію. Тутъ исчезла ярость Іоаннова. Поблѣднѣвъ отъ ужаса, въ трепетѣ, въ изступленіи, онъ воскликнулъ: «я убилъ сына!» и кинулся обнимать, цѣловать его; удерживалъ кровь, текущую изъ глубокой язвы; плакалъ, рыдалъ, звалъ лѣкарей, молилъ Бога о милосердіи, сына о прощеніи. Но судъ Небесный совершился; царевичъ жилъ четыре дня и скончался 19 ноября въ ужасной слободѣ Александровской.» Приводимая здѣсь былина взята изъ романа гр. А. Толстого «Князь Серебряный.»

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ.

(со статуи м. антокольскаго.)

Типо-Литографія Новгор. Губ. Правл.

Онъ бралъ царевича за бѣлы руки,
Повелъ въ палату особливую,
Снималъ съ него платье цвѣтное,
Надѣвалъ на него платье черное,
Повелъ на болото на жидкое,
Что на ту ли на лужу поганую.

Провѣдалъ слуга Никиты Романыча,
Садился на лошадь водовозную,
Скоро скакалъ къ Никитѣ Романычу.
Какъ закричалъ онъ громкимъ голосомъ:
„Гой еси, батюшка, Никита Романычъ!
„Ты пьешь и ѣшь, прохлажаешься,
„Надъ собой кручинушки не вѣдаешь:
„Упадаетъ звѣзда поднебесная,
„Угасаетъ свѣча воску яраго:
„Не становится у насъ млада царевича.“
Никита Романычъ испугается,
Садится на лошадь водовозную,
Скоро скачетъ на болото жидкое,
Что на ту ли лужу поганую.
Ударилъ онъ Малюту по щекѣ:
„Ты Малюта, Малюта Скуратовичъ!
„Не за свой ты кусъ примаешься:
„Ты этимъ кусомъ подавишься.“
Онъ бралъ царевича за бѣлы руки
И повелъ его, куда надобно. [1])
Что возговоритъ Грозный царь:
„Ахъ вы гой еси, князья и бояре!
„Надѣвайте на себя платье черное,
„Собирайтесь ко заутренѣ
„Слушать по царевичѣ панихиду:
„Я васъ, бояре, всѣхъ въ котлѣ сварю!“
Всѣ бояре испугалися;
Надѣвали они платье черное,
Собирались ко заутренѣ
Слушать по царевичѣ панихиду,
Пріѣхалъ Никита Романычъ,
Нарядился въ платье цвѣтное,
Привелъ съ собой млада царевича
И поставилъ за дверями сѣверны.
Что возговоритъ Грозный царь:
„Ахъ ты гой еси, Никита Романовичъ!
„Что въ глаза ль ты мнѣ насмѣхаешься?
„Какъ упала звѣзда поднебесная,
„Что угасла свѣча воску яраго:
„Не стало у меня царевича.“

[1]) Царскій шуринъ и братъ *первой* царицы **Никита Романовичъ** занимаетъ выдающееся мѣсто въ былинахъ о гнѣвѣ царя на сына. Это—чисто идеальное лицо, это—такой же воплощенный ангелъ-хранитель царя, какъ Малюта Скуратовъ злой его духъ, забравшій въ свою нечистую власть его душу.

Что взговоритъ Никита Романовичъ:
„Ахъ ты гой еси, надежа—православный царь!
„Мы не станемъ пѣть по царевичѣ панихиду,
„А станемъ пѣть молебенъ заздравный мы.“
Онъ бралъ царевича за бѣлу руку,
Выводилъ изъ за сѣверныхъ дверей.
Что возговоритъ Грозный царь:
„Ты, Никита, Никита Романовичъ!
„Еще чѣмъ мнѣ тебя пожаловать?
„Или тебѣ полъ-царства дать?
„Или тебѣ золотой казны сколько надобно?“
—„Ахъ ты гой еси, царь Иванъ Васильевичъ!
—„Не надо мнѣ полъ-царства, ни золотой казны;
—„Только дай мнѣ злодѣя Скуратова:
—„Я сведу на то болото жидкое,
—„На ту ли лужу поганую.—
Что возговоритъ царь Иванъ Васильевичъ:
„Еще вотъ тебѣ Малюта злодѣй,
„И дѣлай съ нимъ, что хочешь ты!“

НАРОДНАЯ ПѢСНЯ ПРО ОСАДУ ПСКОВА.

(1581 г.).

...«То истина, что Псковъ или Шуйскій спасъ Россію отъ величайшей опасности, и память сей важной заслуги не изгладится въ нашей исторіи, доколѣ мы не утратимъ любви къ отечеству и своего имени».

Н. Карамзинъ.

Копилъ-то король, копилъ силушку,
Копилъ-то онъ, собака, двѣнадцать лѣтъ;
Накопилъ-то онъ силушки смѣты нѣтъ,
Много, смѣты нѣтъ, сорокъ тысячъ полковъ.
Накоплемши онъ силы, на Русь пошелъ,
Онъ на Русь пошелъ, на три города,
На три города, на три стольные:
На первый на городъ на Полоцкій,
На другой-то на городъ на Велики-Луки,
На третій—на батюшку на Опсковъ градъ.
Онъ и Полоцкій городъ мимоходомъ взялъ,
А Велики-Луки онъ насквозь прошелъ;
Подходилъ онъ подъ батюшку подъ Опсковъ градъ;
Становился, собака, въ зеленыхъ лугахъ,
Садился онъ, собака, въ золотъ стулъ;
Смекалъ-то онъ силушку по три дни,
По три дни и по четыре:
Много-ли силушки убыло,
А много-ли силушки прибыло?

Убыло силушки сорокъ сотъ,
А прибыло силушки сорокъ полковъ.
Тутъ же онъ, собака, возрадуется:
„Охъ вы, гой еси, мои скорые хожатели,
„Скорые хожатели и скорые поспѣшатели!
„Мечитесь скоро въ зеленые луга,
„Въ зеленые луга государевы.“
Посылаетъ онъ воеводу своего,
А самъ крѣпко наказываетъ:
„Бери своего коня Бахмута,
„Поѣзжай во батюшку во Псковъ градъ:
„Во городъ въѣзжай—не спрашивай,
„Ко двору подъѣзжай—не докладывай,
„Во палаты восходи—не бей челомъ,—
„Клади ярлыки на дубовы столы.“
За столами сидитъ воевода царевъ,
Шуйскій князь Иванъ Петровичъ...
„Охъ ты, гой еси, воевода царевъ,
„Шуйскій князь Иванъ Петровичъ!
„Отдай городъ Опсковъ безъ бою,
„Безъ бою и безъ драки великія,
„Безъ того уголовія смертнаго.
„Я на первомъ часу возьму Псковъ градъ,
„На другіемъ часу стану чистити,
„На третьемъ часу стану столъ становить,
„Стану пить, веселиться, прохлажатися;
„Князей твоихъ, бояръ всѣхъ въ полонъ поберу,
„А тебя, воеводу, казнить буду.“
Возговоритъ воевода царевъ,
Шуйскій Иванъ Петровичъ:
„Не отдамъ я тебѣ городъ безъ бою,
„Безъ бою, безъ драки великія,
„И безъ того уголовія смертнаго!
Какъ со вечера ратные причащалися,
Со полуночи ружья чистили;
Ко бѣлой зарѣ, какъ куры пропѣли,—
Не туча съ тучей соходилася,
Не заря съ зарей сомыкалася:
Соходилися два войска, два великія,
Бѣлаго царя съ королевскіимъ.
Тутъ ѣздитъ-разъѣзжаетъ удалой добрый молодецъ,
Еще тотъ ли же воевода царевъ,
Шуйскій князь Иванъ Петровичъ...
Кому у насъ на бою, братцы, Божья помочь?—
Помогъ Богъ воеводѣ Московскому,
Шуйскому князю Ивану Петровичу,
Побить силу королевскую,
Всѣхъ латничковъ, сиповщичковъ,
Кольчужничковъ, барабанщичковъ.
Насилу король самъ-третей убѣжалъ;
Бѣгучи онъ, собака, заклинается:
„Не дай, Боже, мнѣ во Руси бывать,
„Ни дѣтямъ моимъ и ни внучатамъ,
„И ни внучатамъ, и ни правнучатамъ!“

ИЗЪ ТРАГЕДІИ „СМЕРТЬ ГРОЗНАГО“.

I.

Царская опочивальня. Іоаннъ, блѣдный, изнуренный, одѣтый въ черную рясу, сидитъ въ креслахъ съ четками въ рукахъ. Возлѣ него, на столѣ, Мономахова шапка; съ другой стороны, на скамьѣ, полное царское облаченіе. Григорій Нагой подаетъ ему чару. [1])

Нагой.

О, государь! Не откажись хоть каплю
Вина испить! Вотъ ужъ который день
Себя ты изнуряешь! Ничего ты
И въ ротъ не бралъ!

Іоаннъ.

Не надо пищи тѣлу,
Когда душа упитана тоской.
Отнынѣ мнѣ раскаяніе пища!

Нагой.

Великій государь! Ужели вправду
Ты насъ покинуть хочешь? Что же будетъ
Съ царицею? Съ царевичемъ твоимъ,
Съ Димитріемъ?

Іоаннъ.

Господь ихъ не оставитъ!

Нагой.

Но кто жъ сумѣетъ государствомъ править,
Опричь тебя?

Іоаннъ.

Острупился мой умъ;
Изныло сердце; руки не способны
Держать бразды; ужъ за грѣхи мои
Господь послалъ поганымъ одолѣнье,
Мнѣ жъ указалъ престолъ мой уступить
Другому; беззаконія мои
Песка морского паче: сыроядецъ,
Мучитель, блудникъ, церкви оскорбитель—

---

[1]) **Григорій Нагой**—шуринъ царя по седьмой его женѣ *Маріи Ѳеодоровнѣ* изъ рода Нагихъ, съ которою Іоаннъ сочетался бракомъ въ 1580 г. Отъ этого брака родился царевичъ **Димитрій**, которому передъ смертью отецъ завѣщалъ въ удѣлъ городъ Угличъ.

Долготерпѣнья Божьяго пучину
Послѣднимъ я злодѣйствомъ истощилъ!

Нагой.

О, государь! Ты въ мысли умножаешь
Невольный грѣхъ свой! Не хотѣлъ убить ты
Царевича! Нечаянно твой посохъ
Такой ударъ ему нанесъ.

Іоаннъ.

Неправда!
Нарочно я, съ намѣреніемъ, съ волей
Его убилъ! Иль изъ ума я выжилъ,
Что ужъ и самъ не зналъ, куда кололъ?
Нѣтъ—я убилъ его нарочно! Навзничь
Упалъ онъ, кровью обливаясь; руки
Мнѣ лобзалъ и умирая грѣхъ мой
Великій отпустилъ мнѣ, но я самъ
Простить себѣ злодѣйства не хочу!
(Таинственно).
Сегодня ночью онъ являлся мнѣ,
Манилъ меня кровавою рукою,
И схиму мнѣ показывалъ, и звалъ
Меня съ собой въ священную обитель
На Бѣломъ озерѣ, туда, гдѣ мощи
Покоятся Кирилла чудотворца
Туда и прежде иногда любилъ я
Отъ треволненья міра удаляться;
Любилъ я тамъ, вдали отъ суеты,
О будущемъ покоѣ помышлять
И забывать людей неблагодарность
И злыя козни недруговъ моихъ!
И умилительно мнѣ было въ кельѣ
Отъ долгаго стоянья отдыхать,
Въ вечерній часъ слѣдить за облаками,
Лишь вѣтра шумъ, да чаекъ слышать крики,
Да озера однообразный плескъ.
Тамъ тишина! Тамъ всѣхъ страстей забвенье!
Тамъ схиму я пріійму и, можетъ быть,
Молитвою, пожизненнымъ постомъ
И долгимъ сокрушеньемъ заслужу я
Прощенье окаянству моему!
(Помолчавъ).
Поди, узнай, зачѣмъ такъ долго длится
Ихъ совѣщанье? Скоро ли они
Свой постановятъ приговоръ и съ новымъ
Царемъ пріійдутъ, да возложу не медля
Я на него и бармы и вѣнецъ!
(Нагой уходитъ).
Все кончено! Такъ вотъ куда приводитъ
Меня величья длинная стезя!
Что встрѣтилъ я на ней? Одни страданья!
Отъ младости не вѣдая покоя,
То на конѣ, подъ свистомъ вражьихъ стрѣлъ,
Языцей покоряя, то въ синклитѣ,
Сражаяся съ боярскимъ мятежомъ,
Лишь длинный рядъ я вижу за собою
Ночей безсонныхъ и тревожныхъ дней! [1])
Не кроткимъ былъ я властелиномъ. Нѣтъ!
Я не умѣлъ обуздывать себя!
Отецъ Сильвестръ, наставникъ добрый мой,
Мнѣ говорилъ: „Иване, берегись!
Въ тебя вселиться хочетъ сатана!
Не отверзай души ему, Иване!"
Но я былъ глухъ къ рѣчамъ святого старца
И душу я діаволу отверзъ!
Я Каина злодѣйство превзошелъ!
Я прокаженъ душой и мыслью! Язвы
Сердечныя безчисленны мои!
О, Христе Боже! Исцѣли меня!
Прости мнѣ, какъ разбойнику простилъ Ты!
Очисти мя отъ несказанныхъ скверней
И ко блаженныхъ лику сочетай!
(Нагой поспѣшно возвращается).

Нагой.

Великій государь! Сейчасъ отъ Пскова
Прибылъ гонецъ!

Іоаннъ.

Ужъ я не государь—
Пусть обратятся къ новому владыкѣ!

Нагой.

Онъ говоритъ, что съ радостною вѣстью
Его прислалъ князь Шуйскій!

---

[1]) Угрызенія совѣсти и раскаяніе часто наполняли душу Іоанна въ послѣдніе годы его жизни. По временамъ онъ падалъ духомъ, всякія бѣды и невзгоды такъ удручали его, что онъ думалъ покинуть престолъ и постричься въ монахи. Въ своемъ посланіи въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь онъ, между прочимъ, говоритъ: «и мнится мнѣ, окаянному, что я уже на половину чернецъ, и хотя еще не отсталъ отъ всякаго мірскаго мятежа, но уже ношу на себѣ благословеніе ангельскаго образа». Разъ даже явилась у него странная затѣя. Онъ нарекъ «великимъ княземъ всея Руси» крещеннаго татарскаго царя Симеона Бекбулатовича (1574 г.), вручилъ ему управленіе всей земщиной, а самъ, наравнѣ съ подданными, называя себя лишь московскимъ княземъ, писалъ челобитныя Симеону въ такомъ, напр., видѣ: «Государю, великому князю Симеону Бекбулатовичу, Иванецъ Васильевъ со своими дѣтишками съ Иванцемъ да съ Ѳедорцемъ челомъ бьетъ. Государь, смилуйся пожалуй...» и т. п. (Впрочемъ, затѣя эта продолжалась не долго: черезъ два года Іоаннъ сослалъ «великаго князя всея Руси» въ Тверь). Порою страхъ опасности такъ обуревалъ царя, что онъ боялся быть даже при своемъ войскѣ опасаясь, чтобы свои же воеводы не измѣнили, не выдали его врагамъ. Онъ даже велъ тайные переговоры съ англійскимъ дворомъ, прося убѣжища въ Англіи въ случаѣ большой опасности ему и семьѣ его. (В. Сиповскій. Родная Старина, II в., стр. 255—256).

Іоаннъ.

Пусть войдетъ.
(Нагой впускаетъ гонца).

Гонецъ.

Великій царь! Тебѣ твой воевода
Бояринъ князь Иванъ Петровичъ Шуйскій
Съ сидѣльцами псковскими бьетъ челомъ!
Усердными молитвами твоими,
Предстательствомъ угодниковъ святыхъ
И силой честнаго креста—отбили
Мы приступъ ихъ. Несмѣтное число
Легло враговъ. За помощью въ Варшаву
Бѣжалъ король, а продолжать осаду
Онъ ближнимъ воеводамъ указалъ!

Іоаннъ.

Благословенъ Господь! Какъ было дѣло?

Гонецъ.

Ужъ пять недѣль они вели подкопы,
Копали борозды и неумолчно
Изъ пушекъ били по стѣнамъ! Князь Шуйскій
Навстрѣчу имъ подкопы рыть велѣлъ.
Сошлися подъ землею. Бой великій
Тамъ закипѣлъ; въ котлы пороховые
Успѣли наши бросить огнь—и разомъ
Взлетѣли съ ляхами на воздухъ. Много
Погибло нашихъ, но, хвала Творцу,
Всѣ вражьи взорваны работы.

Іоаннъ.

Дальше!

Гонецъ.

Подземныхъ ходовъ видя неудачу,
Они тогда свезли на ближній холмъ
Всѣ стѣнобойные снаряды вмѣстѣ,
И къ вечеру проломъ пробили. Тотчасъ
Къ нему мы подкатили пушки: *Барсу*
И *Трескотуху*, и, когда они
Ужъ устремились съ криками къ пролому,
Мы встрѣтили ихъ крупнымъ чугуномъ
И натискъ ихъ отбили.

Іоаннъ.

Дальше!

Гонецъ.

Къ утру
Великій приступъ приказалъ король.
Мы жъ въ колоколъ ударили осадный,
Соборомъ всѣмъ, хоругви распустя,
Святыя мощи Всеволода князя
Вкругъ древнихъ стѣнъ съ молитвой обнесли [1])
И ляховъ ждали. Гулъ такой раздался,
Какъ будто налетѣла непогода...
Мы встрѣтили напоръ со всѣхъ раскатовъ,
Съ костровъ, со стѣнъ, съ быковъ, съ обломовъ,
съ башенъ,
Посыпались на нихъ кувшины зелья,
Каменья, бревна и горящій ленъ...
Уже они слабѣли—вдругъ король
Межъ нихъ явился, самъ повелъ дружины—
И, какъ вода шумящая, на стѣны
Ихъ сила снова полилась. Напрасно
Мы отбивались бердышами—башню
Свинарскую обсыпали литовцы: [2])
Какъ муравьи, полѣзли; на зубцахъ
Схватились съ нами; новыя ватаги
За ними лѣзли... долго мы держались—
Но, наконецъ...

Іоаннъ.

Ну?

Гонецъ.

Наконецъ, они
Сломили насъ и овладѣли башней!

Іоаннъ.

Такъ вотъ вы какъ сдержали цѣлованье,

---

[1]) Благовѣрный князь **Всеволодъ Мстиславичъ**, во святомъ крещеніи Гавріилъ, сынъ Мстислава великаго и внукъ Владимира Мономаха, изгнанный новгородцами за неудачи въ борьбѣ съ суздальцами, нашелъ себѣ пріютъ во Псковѣ, гдѣ, по кратковременномъ княженіи, не болѣе одного года, скончался († 11 февраля 1137 г.) и погребенъ въ Троицкомъ каѳедральномъ соборѣ. Преданіе разсказываетъ, что новгородцы, услышавъ о преставленіи сего князя, послали протопопа отъ св. Софіи взять въ Новгородъ св. мощи, но рака не двинулась съ мѣста. Горько плакали послы новгородскіе, раскаиваясь въ неблагодарности своего народа, и молили даровать имъ хотя малую часть отъ св. мощей на утвержденіе граду ихъ и для утѣшенія гражданъ. Тогда по молитвѣ ихъ отпалъ самъ собою ноготь отъ руки блаженнаго князя. (И. И. Васильевъ. Истор.-стат. указатель г. Пскова).

[2]) Псковскія городскія стѣны были усѣяны кострами или башнями. При нашествіи Баторія, всѣхъ такихъ башенъ осаждавшіе поляки насчитывали до 70, хотя на древнемъ рисункѣ, изображающемъ осаду Пскова Баторіемъ, ихъ насчитывается только лишь 37; въ концѣ же XVII в. (1694 г.) башенъ этихъ значилось 26, изъ нихъ **Свинорская (Свинуская)** или **Свинная** сохраняется донынѣ, но только въ развалинахъ, и находится на концѣ Успенской улицы. Противъ этой и Покровской башенъ Баторій установилъ большія орудія и повелъ осаду города. Когда же король овладѣлъ этой башнею геройскіе защитники Пскова стали стрѣлять въ враговъ изъ большой пушки *Барсъ*, пробили, потрясли и разрушили башню, а враговъ, бывшихъ на ней, взорвали на воздухъ, подложивъ порохъ подъ нижнюю часть башни.

Клятвопреступники! христопродавцы!
Что дѣлалъ Шуйскій?

Г о н е ц ъ.

Князь Иванъ Петровичъ,
Увидя башню, полную враговъ,
Своей рукой схватилъ зажженный свѣточъ
И въ подземелье бросилъ. Съ громомъ башня
Взлетѣла вверхъ — и каменнымъ дождемъ
Далеко станъ засыпала литовскій.

І о а н н ъ.

Насилу-то! Что дальше?

Г о н е ц ъ.

Этотъ приступъ
Послѣдній былъ—король ушелъ отъ Пскова,
Замойскому осаду передавъ.

І о а н н ъ.

Хвала Творцу! Я вижу надо мною
Всесильный Промыслъ Божій... Ну, король!
Не мнилъ ли ты ужъ совладать со мною,
Со мною, Божьей милостью владыкой,
Ты, милостію панскою король?
Посмотримъ, какъ ты о псковскія стѣны
Бодливый лобъ свой расшибешь! А сколько
Литовцевъ полегло?

Г о н е ц ъ.

Примѣрнымъ счетомъ,
Убитыхъ будетъ тысячъ до пяти,
А раненыхъ и вдвое.

І о а н н ъ.

Что, король!
Доволенъ ты уплатою моею
За Полоцкъ и Велижъ? А сколько ихнихъ
Съ начала обложенія убито?

Г о н е ц ъ.

Въ пять приступовъ убито тысячъ съ двад-
цать,
Да нашихъ тысячъ до семи.

І о а н н ъ.

Довольно
Осталось васъ. Еще разъ на пять хватитъ!

II.

Престольная палата. Весь дворъ въ богатомъ убранствѣ входитъ и размѣщается вдоль стѣнъ. У дверей и вкругъ престола становятся рынды съ топорами на плечахъ. Трубы и колокола возвѣщаютъ приходъ **Іоанна**. Онъ входитъ изъ внутреннихъ покоевъ вмѣстѣ съ Захарьинымъ.

І о а н н ъ (къ Захарьину).

Впустить посла! Но почестей ему
Не надо никакихъ. Я баловать
Уже Батура болѣ не намѣренъ!

Захарьинъ уходитъ, Іоаннъ садится на престолъ. Чрезъ пріемную дверь входитъ Гарабурда [1]) и съ низкимъ поклономъ останавливается передъ Іоанномъ.

І о а н н ъ (, мѣря его глазами)

Не въ первый разъ, тебя я вижу, панъ
Гарабурда, передъ моимъ престоломъ.
По смерти Жигимонта короля,
Ты съ порученіемъ ко мнѣ отъ сейма
Былъ присланъ?

Г а р а б у р д а.

Такъ, великій государь.

І о а н н ъ.

Мнѣ помнится, что польскіе паны
Корону предлагали мнѣ?

Г а р а б у р д а.

Такъ есть.

І о а н н ъ.

Но учиниться вашимъ королемъ,
Не сдѣлавъ власть мою наслѣдной властью,
За благо мнѣ не разсудилось. Вы же
Условья не изволили принять.

Г а р а б у р д а.

Великій царь, не можно было намъ
Республики нарушить привилегій!
У насъ законъ, чтобъ всякій разъ король
Отъ сейма выбранъ былъ.

І о а н н ъ.

Хорошъ законъ!
Достойнаго онъ въ Генрикѣ владыку
Доставилъ вамъ!

---

[1]) **Михаилъ Гарабурда**—посолъ королей польскихъ, сперва Сигизмунда-Августа, а потомъ и Стефана Баторія.

Г а р а б у р д а.

А бѣсъ его возьми!
То былъ совсѣмъ дрянной король! Когда
Отъ насъ утекъ онъ, мы рукой махнули
И выбрали другого. [1])

І о а н н ъ.

Да! Батура,
Того, который дань платилъ султану,
Когда былъ княземъ седмиградскимъ. Ну,
Чего онъ хочетъ? Съ чѣмъ тебя прислалъ онъ?

Г а р а б у р д а.

Пресвѣтлый мой великій господинъ,
Король на Польшѣ, седмиградскій князь,
Великій князь Литовскій...

І о а н н ъ.

Погоди-ка!
Ты православной вѣры? Мнѣ сказали,
Что ты ходилъ къ обѣднѣ въ нашъ соборъ?

Г а р а б у р д а.

Такъ, государь.

І о а н н ъ.

Зачѣмъ же господиномъ
Схизматика латинскаго зовешь ты?

Г а р а б у р д а.

А потому, великій царь, что онъ
Всѣ вольности Украйны утвердилъ,
Святую церковь нашу чтитъ, и намъ
Ксендзовъ проклятыхъ далъ повыгонять.

І о а н н ъ.

Всѣ вѣры для него равны, я слышалъ;
И басурмановъ также онъ честитъ.
Ну, говори, какое челобитье
Онъ намъ прислалъ? О чемъ просить изволитъ
Сосѣдъ Степанъ?

Г а р а б у р д а.

Онъ проситъ напередъ,
Чтобъ ты, панъ царь, не звалъ его сосѣдомъ,
А воздавалъ и письменно, и устно
Ему ту честь, названіе и титулъ,

[1]) Послѣ смерти Сигизмунда-Августа въ 1572 г. на престолъ польскій былъ избранъ дюкъ анжуйскій **Генрихъ**, который, по кончинѣ брата своего Карла IX, кор ля французскаго, тайно уѣхалъ во Францію (18 іюня 1574 г.) и занялъ освободившійся престолъ.

И почести, которыя его
Пресвѣтлому довлѣютъ маестату! [1])

І о а н н ъ.

Ахъ, онъ шутникъ! Теперь? Въ тотъ самый часъ,
Когда домой бѣжалъ онъ изъ-подъ Пскова?
Недурно! Дальше!

Г а р а б у р д а.

Далѣ отъ тебя
Онъ требуетъ, чтобъ изъ земли Ливонской
Не медля вывелъ ты свои полки
И навсегда бъ коронѣ Польской отдалъ
Смоленскъ и Полоцкъ, Новгородъ и Псковъ.

(Ропотъ въ собраніи).

На этомъ миръ съ тобою заключить
Согласенъ онъ.

І о а н н ъ.

Посолъ! ты много ль выпилъ
Ковшей вина? Какъ смѣлъ ты предо мною
Явиться пьяный?

(Къ стольникамъ).

Кто изъ васъ дерзнулъ
Нетрезваго впустить въ мои палаты?

Г а р а б у р д а.

Коли же милости твоей, панъ-царь,
Условія такія не смакуютъ,
Король Степанъ велѣлъ тебѣ сказать:
„Чѣмъ даромъ лить намъ кровь народовъ нашихъ,
Возсядемъ на коней и другъ со другомъ
Смертельный бой на сабляхъ учинимъ,
Какъ рыцарямъ прилично благороднымъ!“ [2])
И съ тѣмъ король тебѣ перчатку шлетъ.

(Бросаетъ предъ Іоанномъ желѣзную перчатку).

І о а н н ъ.

Изъ васъ обоихъ кто сошелъ съ ума?
Ты иль король? Къ чему перчатка эта?
Не для того-ль, чтобъ ею мнѣ тебя
Бить по лицу? Да ты забылъ, собака,
Что предъ тобой не избранный король?

[1]) Царь относился сперва къ Баторію свысока, попрекалъ его басурманствомъ на томъ основаніи, что, въ качествѣ седмиградскаго воеводы, онъ былъ данникомъ Турціи и не хотѣлъ по обычаю называть его въ грамотахъ «братомъ», а звалъ «сосѣдомъ», потому что Стефанъ сталъ королемъ не по происхожденію своему и не по волѣ Божіей, а по «многомятежному человѣческому хотѣнію», т. е. по избранію сейма.

[2]) Собственныя слова Баторія изъ посланія его къ Іоанну.

Помазанника Божья смѣешь ты
На поле звать? Я поле дамъ тебѣ!
Зашитаго тебя въ медвѣжью шкуру
Велю я въ полѣ псами затравить.

Гарабурда.

Ни! Этого, панъ-царь, не можно.

Іоаннъ.

Что?!
Да онъ не шутитъ ли со мной? Бояре,
Ужель забавнымъ я кажусь?

Гарабурда.

Ни-ни!
Посла никакъ зашить не можно въ шкуру.

Іоаннъ.

Вонъ съ глазъ моихъ! Плетьми его отсюда!
Плетьми прогнать обратно къ королю!
Вонъ изъ палаты! Вонъ, собака! Вонъ!
(Хватаетъ у рынды топоръ и бросаетъ въ Гарабурду).

Гарабурда (, отклоняя ударъ).

Поторопился жъ ты, панъ-царь. Ты, видно,
И не слыхалъ еще того, панъ-царь,
Что изъ Варшавы прибылъ съ новымъ войскомъ
Король Степанъ? Что на границѣ онъ
Ужъ въ пухъ и прахъ разбилъ твои полки?
Ты, видно, не слыхалъ, что шведъ уже
Нарову взялъ и вмѣстѣ съ королемъ
Готовится на Новгородъ итти?
Дрянные жъ воеводы у тебя,
Что не дали и знать тебѣ объ этомъ.

Іоаннъ (, вставая съ престола).

Ты лжешь, злодѣй!

Гарабурда.

А, ей же Богу, такъ.
Зачѣмъ мнѣ лгать? Нѣтъ, лгать не хорошо.
Коли жъ, панъ-царь, ты выѣхать не хочешь
На честный бой съ пресвѣтлымъ королемъ,
Къ тебѣ король, пожалуй, на Москву
Пріѣдетъ самъ. Теперь же будь здоровъ!
(Уходитъ. Общее смятеніе).

Годуновъ (вбѣгая).

Великій государь! Что сдѣлалъ ты?
Ты оскорбилъ Батурова посла?

Іоаннъ.

Онъ лжетъ, какъ песъ!

Годуновъ.

Нѣтъ, государь! Все правда!
Сейчасъ гонцы отъ войска прискакали,
Я видѣлъ ихъ—Нарову взяли шведы,
Полки разбиты наши!

Іоаннъ.

Лгутъ гонцы!
Повѣсить ихъ! Смерть всякому, кто скажетъ,
Что я разбитъ! Не могутъ быть разбиты
Мои полки! Вѣсть о моей побѣдѣ
Должна пройти! И нынѣ же молебны
Побѣдные служить по всѣмъ церквамъ!
(Падаетъ въ изнеможеніи въ престольныя кресла).

Гр. А. Толстой.

ПОКОРЕНІЕ СИБИРИ. [1])

(народная былина).

(1582 г.).

Во славномъ понизовомъ городѣ Астрахани,
Противъ пристани матки Волги—рѣки
Сходилися тутъ удалы добры молодцы,
Донскіе славные атаманы казачіе,
Ермакъ Тимоѳеевичъ, Самбуръ Андреевичъ,
Самбуръ Андреевичъ и Анофрій Степановичъ.
И стали они во единой кругъ,
Какъ думати думушку заединое,
Со крѣпка ума, съ полна разума.
Атаманъ говорилъ Донскимъ казакамъ,
По имени Ермакъ Тимоѳеевичъ:
—А и вы гой еси, братцы атаманы казачіе!
Некорыстна у насъ шутка зашучена;
Гуляли мы по морю синему,
И стояли на протокѣ на Ахтубѣ,
Убили мы посла персидскаго
Со всѣми его солдатами и матросами,

---

[1]) Въ былинѣ про покореніе Сибири историческая личность Ермака воспроизведена совершенно вѣрно: онъ «набольшій изъ всѣхъ станишниковъ,» боится отвѣта за удалое свое ремесло и рѣшается покореніемъ Сибири «заслужить передъ Грознымъ царемъ вину свою. Самыя географическія черты оказываются въ былинѣ совершенно опредѣленными и вѣрными. Совершенно вѣрно передана и гибель Ермака въ рѣкѣ при усмиреніи имъ «бунта» въ Сибири. Зато уже къ области вымысла должно быть отнесено то, что посредникомъ между Ермакомъ и Грознымъ является царскій шуринъ Никита Романовичъ. (О. Ѳ. Миллеръ).

И всѣмъ животомъ его покорыстовались,
И какъ намъ на то будетъ отвѣтствовать!
Въ Астрахани — жить нельзя,
На Волгѣ жить — ворами слыть,
На Яикъ итти — переходъ великъ,
Въ Казань итти — Грозенъ царь стоитъ,
Грозенъ царь государь Иванъ Васильевичъ;
Въ Москву итти — перехватаннымъ быть,
По разнымъ городамъ разосланнымъ
И по темнымъ тюрьмамъ разсаженнымъ;
Пойдемте мы въ Усолье ко Строгановымъ,
Ко тому Григорью Григорьевичу,
Ко тѣмъ господамъ къ Вороновымъ:
Возьмемъ мы много свинцу, пороху и запасу хлѣбнаго."
И будутъ они въ Усольѣ у Строгонова, —
Взяли запасы хлѣбные, много свинцу — пороху,
И пошли вверхъ по Чусовой рѣкѣ,
Гдѣ бы Ермаку зима зимовать —

Ермакъ. [1])

И нашли они пещеру каменну,
На той Чусовой рѣкѣ, на висячемъ большомъ каменю;
И зашли они сверхъ того каменю,
Опущалися въ ту пещеру казаки,
Много не мало двѣсти человѣкъ;
А которые остались люди похужѣе,
На другой сторонѣ въ такую жъ они пещеру убиралися.
И тутъ имъ было хорошо зима зимовать. —

Та зима проходитъ, весна настаетъ;
Гдѣ Ермаку путя искать!
Путя ему искать по Серебряной рѣкѣ.
Сталъ Ермакъ убиратися со своими товарищами.
По Серебряной пошли, до Жаровля дошли;
Оставили они тутъ лодки коломенки,
На той Баранченской переволокѣ,
Одну тащили, да надсѣлися,
Тамъ ее и покинули.
И въ то время увидѣли Баранчу-рѣку, обрадовались,
Подѣлали боты сосновые и лодки набойницы;
Поплыли по той Баранчѣ-рѣкѣ —
И скоро они выплыли въ Тагиль-рѣку;
У того Медвѣдя камня, у Магницкаю-горы становилися;
А на другой сторонѣ было у нихъ кладбище;
Дѣлали большія коломенки,
Чтобъ можно имъ совсѣмъ убратися.
Жили они тутъ, казаки, съ весны до Троицева дня,
И были у нихъ промыслы рыбные,
Тѣмъ они и кормилися.

И какъ имъ путь надлежалъ,
Совсѣмъ въ коломенки убиралися,
И поплыли по Тагиль-рѣкѣ;
А и выплыли на Туру-рѣку,
И поплыли по той Турѣ-рѣкѣ въ Епанчу-рѣку;
И тутъ они жили до Петрова дня,
Еще они тутъ управлялися,
Подѣлали людей соломенныхъ,
И нашили на нихъ платье цвѣтное;
Было у Ермака дружины триста человѣкъ,
А стало уже со тѣми больше тысячи.

Поплыли по Тоболь-рѣкѣ,
Въ Мяденски юрты приплыли,
Тутъ они князька полонили небольшого,
Дабы показалъ имъ путь по Тоболь-рѣкѣ.
Во тѣхъ устьяхъ Тобольскіихъ
На изюловѣ становилися,
И собиралися во единый кругъ,
И думали думушку заедино:
Какъ бы имъ приплыть къ горѣ Тобольской той?

[1]) Ермакъ (Ермолай Тимоѳеевичъ) отличался величавою наружностью, черною бородою и быстрыми глазами; росту онъ былъ средняго, въ плечахъ широкъ и имѣлъ лицо плоское, но пріятное.

Самъ онъ, Ермакъ, пошелъ устьемъ верхніимъ,
Самбуръ Андреевичъ устьемъ средніимъ,
Анофрій Степановичъ устьемъ нижніимъ,
Которое устье впало противъ самой горы Тобольскія.
И выплыли два атамана казачіе,
Самбуръ Андреевичъ и Анофрій Степановичъ,
Со своими товарищами на Иртышъ-рѣку,
Подъ саму высоку гору Тобольскую.
И тутъ у нихъ стала баталія великая,
Со тѣми татарами Котовскими:
Татары въ нихъ бьютъ со крутой горы,
Стрѣлы летятъ, какъ часты дожди,
А казакамъ взять неможно ихъ.
И была баталія цѣлой день,
Прибили казаки тѣхъ татаръ не мало число—
И тому татары дивовалися,
Каковы русски люди крѣпкіе,
Что ни единаго убить не могутъ ихъ;
Каленыхъ стрѣлъ въ нихъ, какъ въ снопики налѣплено,
Только казаки всѣ невродимы стоятъ,
И тому татары дивуются наипаче того.
Въ то же время пришелъ атаманъ Ермакъ Тимоѳеевичъ
Со своею дружиною, тою лукою Соуксанскою;
Дошелъ до устья Сибирки-рѣки,
И въ то время полонилъ Кучума царя татарскаго;
А перваго князька поиманнаго
Отпустилъ со извѣстіемъ
Ко тѣмъ татарамъ Котовскіимъ,
Чтобы они въ дракѣ съ казаками помирилися.
„Ужъ-де царя вашего во полонъ взяли
„Тѣмъ атаманомъ Ермакомъ Тимоѳеевымъ.“
И таковы слова услыша, татары сократилися,
И пошли къ нему, Ермаку, съ подарочками,
Понесли казну соболиную и бурыхъ лисицъ сибирскіихъ,
И принималъ Ермакъ у нихъ не отсылаючи;
А на мѣсто Кучума царя утвердилъ Сабанака татарина,
И далъ ему полномочіе владѣть ими.
И жилъ тамъ Ермакъ съ Покрова
До зимняго Николина дня;
Втапоры Ермакъ шилъ шубы соболиныя,
Нахтармами вмѣстѣ сшивалъ,
А теплые мѣхи на верхъ обоихъ сторонъ;
Таковымъ манеромъ и шапки шилъ.

И убравши Ермакъ со всѣми казаки,
Отъѣзжалъ въ каменну Москву,
Ко Грозному царю Ивану Васильевичу.—
И какъ будетъ Ермакъ въ каменной Москвѣ,
На канунъ праздника Христова дня;
Втапоры подкупилъ въ Москвѣ
Большаго боярина Никиту Романовича,
Чтобы доложилъ объ немъ царю Грозному.
На самой праздникъ—Христовъ день,
Какъ изволилъ царь государь итти отъ заутрени,
Втапоры доложилъ объ нихъ Никита Романовичъ:
„Что-де атаманы казачіе,
Ермакъ Тимоѳеевичъ съ товарищи,
Къ твоему Царскому Величеству съ повинностью пришли,
И стоятъ на Красной площади.“
И тогда царь-государь
Тотчасъ велѣлъ предъ себя привести
Того атамана Ермака Тимоѳеева
Съ тѣми его товарищи;
Тотчасъ ихъ ко царю представили
Въ тѣхъ шубахъ соболиныхъ,—
И тому царь удивляется;
И не сталъ больше спрашивати,
Велѣлъ разослать ихъ по квартирамъ
До того часу, когда спросятся.
Втапоры царю праздникъ радошенъ былъ,
И было пированіе почестное
На великихъ на радостяхъ,
Что полонилъ Ермакъ Кучума царя татарскаго,
И вся сила покорилася тому царю Грозному,
Царю Ивану Васильевичу.
И по прошествіи того праздника
Приказалъ царь-государь
Того Ермака предъ себя привести;
Тотчасъ ихъ собрали
И ко царю представили.
Вопрошаетъ тутъ ихъ царь-государь:
—Гой еси ты, Ермакъ Тимоѳеевъ сынъ!
Гдѣ ты бывалъ, сколько по волѣ гулялъ?
И напрасныхъ душъ губилъ,
И какимъ случаемъ татарскаго
Кучума царя полонилъ,
И всю его татарскую силу
Подъ мою власть покорилъ?“
Втапоры Ермакъ предъ Грознымъ царемъ на колѣни палъ,
И при томъ говорилъ таковыя слова:
— „Гой еси, вольный царь, царь Иванъ Васильевичъ!

Приношу тебѣ, осударь, повинность свою.
Гуляли мы, казаки, по морю синему,
И стояли на протокѣ на Ахтубѣ;
И въ то время годилося мимо итти послу персидскому,
Коромышеву Семену Константиновичу,
Со своими солдаты и матросами,
И они напали на насъ своею волею,
И хотѣли отъ насъ поживитися,—
Казаки наши были пьяные, а солдаты упрямые,—
И тутъ персидскаго посла устукали,
Съ тѣми его солдаты и матросами."
И на то царь-государь не прогнѣвался,
Приказалъ Ермака пожаловати.

И послалъ его въ ту сторону Сибирскую
Ко тѣмъ татарамъ Котовскіимъ,
Брать съ нихъ дани—выходы въ казну государеву,—
И по тому приказу государеву,
Поѣхалъ Ермакъ Тимоѳеевичъ
Со своими казаками въ ту сторону Сибирскую.
И будетъ онъ у тѣхъ татаръ Котовскіихъ,
Сталъ онъ ихъ наибольше
Подъ власть государеву покоряти,
Дани—выходы безъ запущенія выбирати.

И годъ-другой тому времени поизойдучи,
Тѣ татары взбунтовалися,
На Ермака Тимоѳеева напущалися
На той большой Енисеѣ-рѣкѣ;
Втапоры у Ермака были казаки разосланы
По разнымъ дальнимъ сторонамъ,
По разнымъ дальнимъ странамъ;
А при немъ только было казаковъ—
На дву коломенкахъ.
И билися—дралися съ татарами время немалое;
И для помощи своихъ товарищевъ
Онъ Ермакъ похотѣлъ перескочити
На другую свою коломенку,
И ступилъ на переходню обманчивую,
Правою ногою поскользнулся онъ—
И та переходня съ конца верхняго
Подымалася и на его опущалася,
Расшибла ему буйну голову
И бросила его въ тое Енисей-быстру рѣку;
Тутъ Ермаку такова смерть случилась.

ЕРМАКЪ.

Какое зрѣлище предъ очи
Представила ты, древность, мнѣ?
Подъ ризою угрюмой ночи,
При блѣдной въ облакахъ лунѣ,
Я зрю Иртышъ: крутитъ, сверкаетъ,
Шумитъ и пѣной подымаетъ
Высокій берегъ и крутой.
На немъ два мужа изнуренны,
Какъ тѣни въ адъ заключены,
Сидятъ, склонясь на длань главой.
Единый младъ, другой съ брадой
Сѣдою и до чреслъ висящей.
На каждомъ вижу я нарядъ,
Во ужасъ сердце приводящій.
Въ булатныхъ шлемахъ ихъ висятъ
Со всѣхъ сторонъ хвосты змѣины
И вѣютъ крылія совины;
Одежда изъ звѣриныхъ кожъ;
Вся грудь обвѣшана ремнями,
Желѣзомъ ржавымъ и кремнями;
На поясѣ широкій ножъ;
А при стопахъ ихъ два тимпана
И два повержены копья.
То два сибирскіе шамана—
И ихъ словамъ внимаю я.

Старецъ.

Шуми, Иртышъ, реви ты съ нами,
И вторь плачевнымъ голосамъ!
На-вѣкъ отвержены богами!...
О, горе намъ!

Младой.

О, горе намъ!
О, страшная для насъ невзгода!

Старецъ.

О ты, которыя вѣнецъ
Поддерживали три народа,
Гремѣвши міра по конецъ!
О сильна, древняя держава!
О, матерь нѣсколькихъ племенъ!
Прошла твоя, исчезла слава!
Сибирь—и ты познала плѣнъ!

Младой.

Твои народы расточенны,
Какъ вихремъ возмятенный прахъ,
И самъ Кучумъ, гроза вселенны,
Твой царь, погибъ въ чужихъ пескахъ!

Старецъ.

Священные твои шаманы
Скитаются въ глуши лѣсовъ;
На то-ль судили вы, шайтаны,
Достигнуть бѣлыхъ мнѣ власовъ,
Чтобъ я, столѣтній вашъ служитель,
Стеналъ во прахѣ, бывши зритель
Паденья тысячъ вашихъ чадъ?

Младой.

И отъ кого жъ, о боги, пали?

Старецъ.

Отъ горсти русскихъ! Моръ и гладъ!
Почто Сибирь вы не пожрали?
Ахъ, лучше-бъ трусъ, потопъ, иль громъ
Всемощны на нее послали,
Чѣмъ быть попрànной Ермакомъ!

Младой.

Бичомъ и ужасомъ природы!
Кляните вы его всякъ часъ,
Сибирски горы, холмы, воды:
Онъ вѣчный мракъ простеръ на васъ!

Старецъ.

Онъ шелъ, какъ столпъ, огнемъ палящій,
Какъ лютый мракъ, все вдругъ мертвящій:
Куда стрѣлу не посылалъ—
Повсюду жизнь предъ ней блѣднѣла
И страшна смерть во слѣдъ летѣла.

Младой.

И царскій братъ предъ нимъ упалъ.

Старецъ.

Я зрѣлъ съ нимъ бой Мегмета-Кула,
Сибирскихъ странъ богатыря:
Разсыпавъ стрѣлы всѣ изъ тула
И вящимъ жаромъ возгоря,
Извлекъ онъ саблю смертоносну.
„Дай лучше смерть, чѣмъ жизнь поносну
Влачить мнѣ въ плѣнѣ!“ онъ сказалъ—
И вмигъ на Ермака напалъ.
Ужасный видъ! Они сразились:
Ихъ сабли молніей блестятъ,
Удары тяжкіе творятъ—
И обѣ разомъ сокрушились,
Они въ ручной вступили бой:
Грудь съ грудью и рука съ рукой.
Отъ вопля ихъ дубравы воютъ;
Они стопами землю роютъ.
Уже съ нихъ сыплетъ потъ, какъ градъ,
Уже въ нихъ сердце страшно бьется
И ребра обоихъ трещатъ;
То сей, то оный на бокъ гнется,
Крутятся—и Ермакъ сломилъ.
„Ты мой теперь!“—онъ возопилъ:
„И все отнынѣ мнѣ подвластно!“

Младой.

Сбылось пророчество ужасно,
Плѣнилъ, попралъ Сибирь Ермакъ!
Но что! ужели стонъ сердечный
Гонимыхъ будетъ...

Старецъ.

Вѣчный, вѣчный!
Внемли мой сынъ: вчера во мракъ
Глухихъ лѣсовъ я углубился
И тамо съ пламенной душой
Надъ жертвою богамъ молился.
Вдругъ вѣтръ возсталъ и поднялъ вой:
Съ деревьевъ листья полетѣли,
Столѣтни кедры заскрипѣли,
И вихрь закланныхъ сернъ унесъ.
Я палъ и слышу гласъ съ небесъ:
„Неукротимъ, ужасенъ Рача,
Когда казнитъ вселенну онъ!
Сибирь отвергла мой законъ:
Пребудь во вѣкъ, стоная, плача,
Рабыней *бѣлаго царя!*
Да свѣтлая тебя заря
И черна ночь въ цѣпяхъ застанетъ,
И слава грозна Ермака
И чадъ его во вѣкъ не вянетъ,
И будетъ подъ луной громка!“
Умолкнулъ гласъ—и громъ трикратно
Протекъ по бурнымъ небесамъ.
Увы, погибли невозвратно!
О, горе намъ!

Младой.

О, горе намъ!

Потомъ съ глубокимъ сердца вздохомъ,
Возставъ съ камней, обросшихъ мохомъ,
И взявъ оружіе съ земли,
Они вдоль брега потекли—
И вскорѣ скрылися въ туманѣ.

Миръ праху твоему, Ермакъ!
Да увѣнчаютъ россіяне

Изъ злата вылитый твой зракъ,
Изъ ребръ Сибири источенна
Твоимъ булатнымъ копіемъ.
Но что я рекъ, о тѣнь забвенна!
Что рекъ въ усердіи моемъ?
Гдѣ обелискъ твой? Мы не знаемъ,
Гдѣ даже прахъ твой былъ зарытъ. [1])
Увы! Онъ вепремъ попираемъ,
Или остякъ по немъ бѣжитъ
За ланью быстрой и рогатой,
Прицѣлясь къ ней стрѣлой пернатой.
Но будь утѣшенъ ты, герой!
Парящій стихотворства геній
Всякъ день съ Авророю златой,
Въ часы божественныхъ явленій,
Надъ прахомъ плаваетъ твоимъ
И сладку вѣсть гласитъ надъ нимъ:
Великій! гдѣ бъ ты ни родился,
Хотя бы въ варварскихъ вѣкахъ,
Твой подвигъ жизни совершился!
Хотя бъ исчезъ твой самый прахъ,
Хотя бъ сыны твои потомки,
Забывъ дѣянья предка громки,
Скитались въ дебряхъ и лѣсахъ
И жили съ алчными волками,—
Но ты, великій человѣкъ,
Пойдешь въ ряду съ полубогами
Изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ!
И славы лучъ твоей затмится,
Когда померкнетъ солнца свѣтъ,
Со трескомъ небо развалится,
И время на косу падетъ!

И. Дмитріевъ.

НАРОДНАЯ ПѢСНЯ ПРО СМЕРТЬ ГРОЗНАГО. [2])

(† 19 марта 1584 г.).

Ужъ ты, батюшка, свѣтелъ мѣсяцъ!
Что ты свѣтишь не постарому,
Не постарому, не попрежнему,
Изъ-за облачка выкатаешься,
Черной тучей закрываешься?
У насъ было на святой Руси,
На святой Руси, въ каменной Москвѣ,
Въ каменной Москвѣ, въ золотомъ Кремлѣ,
У Ивана было у Великаго,
У Михаила у Архангела,
У собора у Успенскаго,
Ударили въ большой колоколъ.
Раздался звонъ по всей матушкѣ сырой землѣ.
Соѣзжалися всѣ князья-бояре,
Собиралися всѣ люди ратные,
Во Успенскій соборъ Богу молитися;
Во соборѣ-то во Успенскіимъ,
Тутъ стоялъ новъ кипарисовъ гробъ:
Во гробу-то лежитъ православный царь,
Православный царь Иванъ Грозный Васильевичъ.
Во главахъ у него стоитъ животворящій крестъ,
У креста лежитъ корона его царская,
Во ногахъ его вострый грозный мечъ.
Животворящему кресту всякій молится,
Золотому вѣнцу всякой кланяется,
А на грозенъ мечъ взглянетъ,—всякъ ужахнется.
Вокругъ гроба горятъ свѣчи восковыя,
Передъ гробомъ стоятъ все попы—патріархи,
Они служатъ-читаютъ, память отпѣваютъ,
Отпѣваютъ память царю православному,
Царю Грозному Ивану Васильевичу.

У ГРОБА ГРОЗНАГО.

Средь царственныхъ гробовъ въ Архангельскомъ соборѣ
На правомъ клиросѣ есть гробъ. При гробѣ томъ
Стоишь невольно ты съ задумчивымъ челомъ
И съ боязливою пытливостью во взорѣ...
Тутъ Грозный самъ лежитъ!.. Послѣдняго суда—
Ты чуешь—что надъ нимъ судьба не изрекала,
Что съ гроба этого тяжелая опала
Еще не снята; что, быть можетъ, никогда
На свѣтѣ пламеннѣй души не появлялось...

---

[1]) На восьмой день послѣ того, какъ утонулъ Ермакъ, трупъ его приплылъ къ татарскимъ юртамъ, гдѣ узнали грознаго атамана по золотому орлу на бронѣ. Обрадованные враги стекались отовсюду смотрѣть мертвеца, раздѣлили между собою его доспѣхи и, по суевѣрному страху, скрыли его могилу. (Отто и Купріяновъ. Біограф. очер. лицъ, изображен. на памятникѣ 1000-лѣтія Россіи, стр. 193).

[2]) О кончинѣ царя Никоновская лѣтопись говоритъ, что Іоаннъ, чувствуя приближеніе своей смерти, «повелѣ Митрополиту Деонисию себя постричи и нарекоша имя ему Иона... Самъ же отдаде душу свою и Богу Марта въ иі҃, на память Святаго Отца нашего Кирила Іерусалимскаго». Въ Лѣтописцѣ Архангелогородскомъ днемъ кончины царя считается 19 марта. На основаніи этихъ показаній и другихъ современныхъ источниковъ Н. С. Арцыбышевъ отрицаетъ увѣдомленіе англичанина Горсея, бывшаго при царѣ, что онъ (царь), «сидя въ халатѣ на постели, самъ разставлялъ шашки, хотѣлъ играть съ Бѣльскимъ... вдругъ упалъ и закрылъ глаза на вѣки». (Арцыбышевъ. Повѣствованіе о Россіи, ч. 4-ая, стр. 378—79).

Она—съ алчбой добра весь вѣкъ во злѣ терзалась,—
И внутреннимъ огнемъ сгорѣлъ онъ...
До сихъ поръ
Сведенъ итогъ его винамъ и преступленьямъ;
Былъ спросъ свидѣтелей; поставленъ приговоръ,—
Но нѣчто высшее все медлитъ утвержденьемъ,
Недоумѣнія толпа еще полна,
И тайной облеченъ досель сей гробъ безмолвный...
Вотъ онъ!.. Иконы вкругъ; изъ узкаго окна
Въ соборъ, еще святыхъ благоуханій полный,
Косой вечерній лучъ на темный гробъ упалъ
Узорной полосой въ колеблющемся дымѣ...
О, если-бъ онъ предсталъ—теперь—въ загробной схимѣ,
И самъ, какъ нѣкогда, народу рѣчь держалъ:
„Я царство созидалъ и—создалъ—и понынѣ
—Сказалъ бы онъ—оно стоитъ четвертый вѣкъ...
„Судите тутъ меня! Въ паденьяхъ и гордынѣ
„Отвѣтъ мой—Господу: предъ Нимъ—я человѣкъ,
„Предъ вами—**Царь**. И кто-жъ мнѣ въ помощь былъ?
Потомки
„Развѣнчанныхъ князей,—которымъ рѣзалъ глазъ
„Блескъ царскаго вѣнца, а старыхъ правъ обломки
„Дороже были клятвъ и совѣсти?.. Держась
„За нихъ и Новгородъ: что онъ въ князьяхъ, молъ, воленъ!
„Къ Литвѣ, когда Москвой стѣсненъ и недоволенъ!..
„А вѣкъ тотъ былъ, когда венеціанскій ядъ,
„Незримый какъ чума, прокрадывался всюду—
„Въ письмо, въ Причастіе, ко братинѣ и къ блюду...
„Княгиня—мать моя—какъ умерла?.. Молчатъ
„Княжата Шуйскіе?.. Гдѣ Бѣльскій? Рать сбираетъ?
„Орудуетъ въ Крыму и хана подымаетъ!...
„Подъ Серпуховымъ кто безбожнаго навелъ
„На своего царя и указалъ дорогу?
„Мстиславскій! каешься?.. А Курбскій?.. Онъ ушелъ!
„Не мыслю на удѣлъ“—клянется мнѣ и Богу,
„А пишется въ Литвѣ, съ панами не таясь,
„Въ облыжныхъ грамотахъ, какъ „Ярославскій князь!“
„Клевещетъ—на кого жъ? На самое царицу—
„Ту, чистую, какъ свѣтъ небесный, голубицу!..
„Все противъ!.. Что же я на царствѣ? Всѣмъ чужой—
„Итти ль мнѣ съ посохомъ скитаться въ край изъ края,
„Псарей ли возвести въ боярство—и покой
„Купить—имъ мерзости творить не возбраняя
„И ненавистью къ нимъ всеобщей ихъ связать
„Съ своей особою? Отвѣтъ кто жъ долженъ дать
„За мерзость ихъ, за кровь?.. Покинутый, болящій,
„Азъ—передъ Господомъ—азъ, аки песъ смердящій,
„Въ нечестьи и грѣхѣ!..
„Но царь пребылъ царемъ!
„На вѣки утвердилъ въ народѣ онъ своемъ,
„Что предъ лицомъ царя, предъ правдою державной,
„Потомокъ Рюрика, бояринъ, смердъ—всѣ равны,
„Всѣ—сироты мои!..
И царство создалось.
„Но моря я хотѣлъ: намъ нужно насажденье
„Наукъ, ремеслъ, искусствъ: все съ боя брать пришлось!
„Весь Западъ возопилъ: опасно просвѣщенье
„Пускать въ Московію! Самъ кесарь взоръ возвелъ
„Тревожно на небо: двухглавый нашъ орелъ
„Уже тамъ виденъ сталъ—и занавѣсъ упала,
„И царство новое предъ ихъ очами встало!..
Оно не прихотью явилося на свѣтъ;
„Въ немъ не одной Руси—спасенія завѣтъ;
„Въ немъ Церкви истинной хоругвь, и мечъ, и сила!
„Единовѣрныхъ скорбь „чтобъ быть ему“ молила—
„И бысть... Отецъ мой, дѣдъ трудилися надъ нимъ,
„Я жъ—утвердилъ на вѣкъ—хоть самъ раздавленъ имъ!..
„Вы все не поняли?.. Кто жъ понялъ?.. Только эти,
„Что въ ужасѣ—„какъ жить безъ государства?“—шли
„Во дни великихъ смутъ, съ крестомъ, со всей земли,
„Освобождать Москву,—моихъ князей же дѣти

„Вели постыдный торгъ съ ворами и Литвой,
„За лишнія права имъ жертвуя Москвой!
„Да! люди *средніе* и *меньшіе* водимы
„Лишь вѣрою, что Богъ имъ учредилъ царя
„Въ исходъ отъ тяжкихъ бѣдъ; что царь, лишь Имъ судимый,
„И зритъ лишь на Него народу судъ творя...
„Ту вѣру далъ имъ я,—самъ Божья откровенья
„О ней исполняся, въ дни слезъ и сокрушенья!..
„И сей священный огнь донынѣ не угасъ.
„На вѣки духомъ Русь съ царемъ своимъ слилась!..
„Да, царство ваше—трудъ свершенный Іоанномъ,
„Трудъ—выстраданный имъ въ бореньи неустанномъ!
„И памятуйте вы: все то, что строилъ онъ,
„Онъ строилъ на вѣка. Гдѣ—взвелъ до половины,
„Гдѣ указалъ пути—и трудъ былъ довершенъ
„Лишь подвигомъ Петра, умомъ Екатерины,
„И вашимъ вѣкомъ...
„Да! Мой день еще прійдетъ!
„Услышится какъ *взвылъ* испуганный народъ,
„Когда возвѣщена царя была кончина,—
„И сей народный вой надъ гробомъ властелина—
„Я вѣрую—въ вѣкахъ вотще не пропадетъ,
„И будетъ громче онъ, чѣмъ этотъ шипъ подземный
„Боярской клеветы и злобы иноземной“...

А. Майковъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ПРЕКРАЩЕНІЕ РЮРИКОВОЙ ДИНАСТІИ

и

СМУТНОЕ ВРЕМЯ НА РУСИ.

(1584 г.—1613 г.).

Была пора: коварный, вражій ляхъ
На Русскій тронъ накликалъ самозванца,
Заграбилъ все, и Русь въ его цѣпяхъ
Въ цари назвать дерзнула иностранца,
Зачахла Русская земля:
Ей ляхъ напомнилъ плѣнъ татарскій,
И брошенъ былъ вѣнецъ нашъ царскій
Къ ногамъ презрѣннымъ короля.
Но крикнулъ Мининъ, и съ Кремля
Ихъ опрокинулъ князь Пожарскій.

В. Жуковскій.

ЦАРЬ ѲЕОДОРЪ ІОАННОВИЧЪ И БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.

(1584 г.—1598 г.—1605 г.).

КАКЪ ЦАРЬ ЗАНИМАЛСЯ ДѢЛАМИ.

(изъ трагедіи „Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ).“

Лица:

Царь **Ѳеодоръ**.
Царица **Ирина**, его жена.
Борисъ Годуновъ, царскій шуринъ.
Царскій духовникъ.
Дьякъ.

Покои царя Ѳеодора.

ѲЕОДОРЪ.

Аринушка, здорово! [1])
Здорово, шуринъ! А вѣдь я проспалъ
Заутреню! Такой противный сонъ
Пригрезился! Казалось мнѣ, я снова
Тебя, Борисъ, мирю съ Иваномъ Шуйскимъ;
Онъ руку подаетъ тебѣ, а ты—
Ты также руку протянулъ, но вмѣсто,
Чтобъ за руку, схватилъ его за горло
И сталъ душить. [1]) Тутъ чепуха пошла:
Татары вдругъ напали, и медвѣди
Такіе страшные пришли, и стали
Насъ драть и грызть; меня же преподобный
Іона спасъ. Что, отче духовникъ,
Вѣдь этотъ сонъ не грѣшенъ?

[1]) **Ирина**—родная сестра Бориса Годунова и супруга царя Ѳеодора Іоанновича.

[1]) Годуновъ враждовалъ съ княземъ **Иваномъ Петровичемъ Шуйскимъ** славнымъ защитникомъ Пскова, притворно примирился съ нимъ и потомъ, заключивъ его въ тюрьму, приказалъ тайно удавить.

Духовникъ.

Нѣтъ, не то,
Чтобъ грѣшенъ былъ, а всежъ недобрый сонъ.

Θедоръ.

Братъ Дмитрій также снился мнѣ, и плакалъ,
И что-то съ нимъ ужасное случилось,
Но что̀—не помню.

Духовникъ.

Ты, ложася спать,
Усерднѣе молися, государь!

Θедоръ.

Брръ! Скверный сонъ!
(увидя бумаги).
А это что̀ такое?
Надоѣдать мнѣ хочешь снова, шуринъ?
Надоѣдать?

Годуновъ.

Не долго, государь,
Я задержу тебя; твое согласье
Лишь нужно мнѣ для нѣкоторыхъ дѣлъ.

Θедоръ.

А безъ меня покончить ихъ нельзя?
Я не совсѣмъ здоровъ.

Годуновъ.

Два слова только.

Θедоръ.

Ну, такъ и быть! Ты, отче духовникъ,
Угодника на полицу поставь,
Вчерашняго жъ угодника пріими
До будущаго года. А какого
У насъ святого завтра?

Духовникъ.

Іоанна
Ветхопещерника.

Θедоръ.

Я житіе
Его въ Минеяхъ перечту, лишь только
Меня Борисъ отпуститъ, а теперь
Благослови меня заняться дѣломъ.

(Духовникъ благословляетъ его и уходитъ. Годуновъ развязываетъ бумаги).

Ну, что̀ тамъ, шуринъ, въ связкѣ у тебя?
Ужъ такъ и быть, вытаскивай!

Годуновъ (, вынимая изъ связки нѣсколько листовъ).

Намъ пишутъ
Украинскіе воеводы, царь,
Что ханъ опять орду на сѣверъ двинулъ.

Θедоръ.

Да это сонъ мой въ руку! Не достало
Еще, чтобъ ты сталъ Шуйскаго душить!

Годуновъ (, кладетъ передъ нимъ бумаги).

Вотъ, государь, наказы воеводамъ.

Θедоръ.

Прихлопни ихъ!

(Годуновъ передаетъ бумаги дьяку, который прикладываетъ къ нимъ печать).

Годуновъ (, подавая другую бумагу).

А это, государь,
Царь Иверскій землей своею бьетъ
Тебѣ челомъ и проситъ у тебя,
Чтобъ ты его въ свое подданство принялъ.

Θедоръ.

Царь Иверскій? А гдѣ его земля?

Годуновъ.

Она граничитъ съ царствомъ Кизилбашскимъ;
Обильна хлѣбомъ, шелкомъ и виномъ,
И дорогими кровными конями.

Θедоръ.

Такъ ею мнѣ челомъ онъ бьетъ? Ты слышишь,
Аринушка? Ты слышишь? Вотъ чудакъ!
Что̀ вздумалось ему?

Годуновъ.

Его тѣснятъ
Персидскій царь съ султаномъ Турскимъ.

Θедоръ.

Бѣдный!
Онъ православной вѣры?

Годуновъ.

Православной.

Ѳедоръ.

Ну, что-жъ? Скорѣй принять его въ подданство!
И знаешь, шуринъ, надо бы ему
Подарокъ приготовить. Что бы намъ,
Аринушка, послать ему?

Годуновъ.

Сперва
Вотъ эту грамоту съ твоимъ согласьемъ
И съ вызовомъ пословъ его къ Москвѣ.

Ѳедоръ.

Ну, хорошо, привѣшивай печать!
Привѣшивай!
(Дьякъ привѣшиваетъ печать).
А это что такое?

Годуновъ.

То князю Троекурову наказъ,
Какъ говорить ему на польскомъ сеймѣ,
Когда начнется выборъ короля.
Ты знаешь, царь, что щедростью твоею,
По смерти нашего врага Батура,
Мы многихъ привлекли къ себѣ пановъ,
И что они поднесть уже готовы
Тебѣ корону?

Ѳедоръ.

Мнѣ? Помилуй, шуринъ!
Что я съ ней дѣлать буду? мнѣ и такъ
Своихъ хлопотъ довольно. Вотъ еще!
И что ихъ всѣхъ подмыло? Тамъ какой-то
Царь Иверскій свою дарить мнѣ землю,
А тутъ паны корону суютъ! Нѣтъ!
Добро тотъ царь, а эти что? Латинцы!
Враги Руси!

Годуновъ.

Затѣмъ-то, государь,
Престоломъ ихъ ты брезгать и не долженъ,
Чтобъ слугами ихъ сдѣлать изъ враговъ.

Ѳедоръ.

Ты думаешь? Ну, хлопъ по ней! Вотъ такъ!
Что, все теперь?

Годуновъ.

Еще двѣ челобитни.
Отъ двухъ бояръ, при батюшкѣ твоемъ
Въ Литву бѣжавшихъ. У тебя они
Теперь вернуться просятъ позволенья.

Ѳедоръ.

Кто-жъ имъ мѣшаетъ? Милости прошу!
Да ихъ, я чай, туда бѣжало много.
Мое такое разумѣнье, шуринъ:
Намъ дѣлать такъ, чтобъ на Руси у насъ
Привольнѣй было жить, чѣмъ у чужихъ;
Такъ незачѣмъ отъ насъ и бѣгать будетъ.
Ты знаешь что? Ты написалъ бы къ нимъ—
Ко всѣмъ въ Литву, что я имъ обѣщаю
Земли и денегъ, если пожелаютъ
Вернуться къ намъ.

Годуновъ.

Я такъ и думалъ, царь,
И грамоту о томъ ужъ изготовилъ.

Ѳедоръ.

Ну, хорошо, прихлопни жъ и ее!
Что, все теперь?

Годуновъ.

Все, государь.
(Дьякъ беретъ печати, собираетъ бумаги и уходитъ).

Ѳедоръ.

Ну, шуринъ,
Тебя я долѣ не держу, А ты,
Аринушка, Минеи бъ разогнула,
Да житіе святого Іоанна
Ветхопещерника прочла бы мнѣ.

Гр А. Толстой.

ПРИКРѢПЛЕНІЕ КРЕСТЬЯНЪ. [1]
(1597 г.).

Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день!
Русская пословица.

Было времечко, время давнее,
Время давнее, время славное;

[1]) До указа 1597 г. крестьяне составляли вполнѣ свободное сословіе, жившее на своей волѣ, какъ на земляхъ государственныхъ, такъ и на земляхъ частныхъ владѣльцевъ. Закрѣпляя крестьянъ, Годуновъ вовсе и не думалъ смѣшивать ихъ съ рабами или холопами; онъ желалъ только, чтобы крестьяне потеряли возможность переходить съ мѣста на мѣсто, что вредно отзывалось на финансовой сторонѣ государства, такъ какъ только при осѣдлости производительнаго населенія могъ быть правильно распредѣляемъ и взимаемъ налогъ. Съ другой стороны,

На Руси жила воля-матушка:
Никого она не боялася,
И никто не смѣлъ обижать ее.
Какъ по селамъ, по богатымъ городамъ
Безъ боязни всѣ расхаживали,
Передъ Юрьевымъ, передъ славнымъ вольнымъ днемъ,
Отъ лихихъ бояръ да перехаживали,
Выбирали кто кого хотѣлъ
И служили кому вздумалось. [1]
Не понравилось—и не нудятся,
Годъ промаются, годъ потрудятся,
А придетъ пора—не останутся:
Волѣ-матушкѣ всякъ поклонится
И пойдетъ туда, куда хочется;
Было времечко, время вольное,
Время вольное, переходное.
Но пришла на волюшку невзгодушка,
Юрьевъ день отъ воли бѣдной отняли
И дѣтей ея, людей свободныихъ,
Въ кабалу по смерть боярамъ отдали.

Н. А. Вроцкій.

ВОСШЕСТВІЕ НА ПРЕСТОЛЪ ГОДУНОВА.

(изъ драмы „Борисъ Годуновъ).“

КРЕМЛЕВСКІЯ ПАЛАТЫ.

(1598 г. 20 февраля).

(Князья Шуйскій и Воротынскій). [2]

Воротынскій.

Наряжены мы вмѣстѣ городъ вѣдать, [3]
Но, кажется, намъ не за кѣмъ смотрѣть:
Москва пуста; вослѣдъ за патріархомъ
Къ монастырю пошелъ и весь народъ.
Какъ думаешь, чѣмъ кончится тревога?

Шуйскій.

Чѣмъ кончится? Узнать немудрено:
Народъ еще повоетъ, да поплачетъ,
Борисъ еще поморщится немного,
Что пьяница предъ чаркою вина,
И наконецъ по милости своей
Принять вѣнецъ смиренно согласится,
А тамъ—а тамъ онъ будетъ нами править
Попрежнему.

Воротынскій.

Но мѣсяцъ ужъ протекъ,
Какъ затворясь въ монастырѣ съ сестрою,
Онъ, кажется, покинулъ все мірское.
Ни патріархъ, ни думные бояре
Склонить его доселѣ не могли;
Не внемлетъ онъ ни слезнымъ увѣщаньямъ,
Ни ихъ мольбамъ, ни воплю всей Москвы,
Ни голосу великаго собора.
Его сестру напрасно умоляли
Благословить Бориса на державу:
Печальная монахиня-царица,
Какъ онъ, тверда, какъ онъ, неумолима:
Знать самъ Борисъ сей духъ въ нее вселилъ.
Что ежели правитель въ самомъ дѣлѣ
Державными заботами наскучилъ
И на престолъ безвластный не взойдетъ?
Что скажешь ты?

Шуйскій.

Скажу, что понапрасну
Лилася кровь царевича-младенца;
Что, если такъ, Димитрій могъ бы жить.

къ обнародованію этого указа побудили Годунова и личныя выгоды. Пролагая себѣ путь къ престолу, Борисъ долженъ былъ взять перевѣсъ надъ своими соперниками, боярами и духовенствомъ, и искать опоры въ служиломъ сословіи, владѣвшемъ небольшими участками земли. Въ интересахъ же ратныхъ людей и дѣтей боярскихъ было, чтобы крестьяне лишились правъ на переходъ отъ одного владѣльца къ другому.

[1]) **Юрьевъ день осенній** (26 ноября) былъ срокомъ для перехода крестьянъ отъ одного владѣльца къ другому. «По закону, крестьяне, вышедшіе не въ срочное время,—возвращались на старое мѣсто жительства доживать до срока; равнымъ образомъ и землевладѣльцы не могли выгонять крестьянъ мимо этого срока». Этимъ самымъ охранялись частные интересы, какъ крестьянъ, такъ и владѣльцевъ (проф. Бѣляевъ Крестьяне на Руси).

[2]) Карамзинъ называетъ **Василія Шуйскаго** (X т.) княземъ честолюбивымъ, легкомысленнымъ умнымъ, безъ правилъ добродѣтели. Пушкинъ въ одномъ письмѣ о своей драмѣ такимъ образомъ характеризуетъ Шуйскаго: онъ представляетъ въ исторіи странное смѣшеніе дерзости, изворотливости и силы характера. Слуга Годунова, онъ одинъ изъ первыхъ переходитъ на сторону Димитрія первый начинаетъ заговоръ и замѣтьте—онъ же первый и старается воспользоваться сумятицей, кричитъ, обвиняетъ, изъ начальника дѣлается сорванцомъ. Онъ уже близокъ къ казни; но Димитрій даетъ ему помилованіе, изгоняетъ его и снова возвращаетъ ко двору своему, осыпая честью и щедротами. И что же дѣлаетъ Шуйскій, уже стоявшій разъ подъ топоромъ? Тотчасъ же принимается за новый заговоръ, захватываетъ престолъ, падаетъ и въ паденіи своемъ уже показываетъ болѣе достоинства и душевной силы, чѣмъ въ продолженіе всей своей жизни. Хотя имя князя **Воротынскаго** и попадается въ исторіи Годунова и Лжедимитрія, но оно ничѣмъ не извѣстно. (Какъ это примѣчаніе, такъ и послѣдующія къ тексту драмы Пушкина «Борисъ Годуновъ» заимствованы нами изъ 1-го выпуска Клас. Библ., издан. подъ редакціей покойнаго Стоюнина).

[3]) Во время особеннаго движенія народа въ Москвѣ или въ отсутствіе царя въ разныхъ частяхъ города наряжались бояре для надзора за порядкомъ.

Воротынскій.

Ужасное злодѣйство! Полно, точно ль
Царевича сгубилъ Борисъ?

Шуйскій.

А кто же?
Кто подкупалъ напрасно Чепчугова? [1]
Кто подослалъ обоихъ Битяговскихъ
Съ Качаловымъ? [2] Я въ Угличъ посланъ былъ
Изслѣдовать на мѣстѣ это дѣло:
Наѣхалъ я на свѣжіе слѣды;
Весь городъ былъ свидѣтель злодѣянья;
Всѣ граждане согласно показали;
И возвратясь я могъ единымъ словомъ
Изобличить сокрытаго злодѣя.

Воротынскій.

Зачѣмъ же ты его не уничтожилъ?

Шуйскій.

Онъ, признаюсь, тогда меня смутилъ
Спокойствіемъ, безстыдностью нежданной;
Онъ мнѣ въ глаза смотрѣлъ, какъ будто правый:
Разспрашивалъ, въ подробности входилъ—
И передъ нимъ я повторилъ нелѣпость,
Которую мнѣ самъ онъ нашепталъ.

Воротынскій.

Не чисто, князь.

Шуйскій.

А что мнѣ было дѣлать?—
Все объявить Ѳеодору? Но царь
На все глядѣлъ очами Годунова,
Всему внималъ ушами Годунова;
Пускай его бъ увѣрилъ я во всемъ,—
Борисъ тотчасъ его бы разувѣрилъ,
А тамъ меня жъ сослали бъ въ заточенье,
Да въ добрый часъ, какъ дядю моего,
Въ глухой тюрьмѣ тихонько бъ задавили.

[1]) Въ *Никонов. лѣтоп.* говорится, что Борисъ, замышляя сначала отравить царевича Димитрія, поручалъ это дѣло одолженному ему **Никифору Чепчугову**; но этотъ, готовый умереть за Бориса, «мерзилъ душегубствомъ» и и уклонился отъ предложенія.

[2]) Дьякъ **Михайло Битяговскій** былъ назначенъ Годуновымъ правителемъ въ Угличъ, чтобы вѣдать тамъ земскія дѣла и хозяйство вдовы-царицы. Вмѣстѣ съ нимъ пріѣхали въ Угличъ сынъ его **Данило** и племянникъ **Никита Качаловъ,** также довѣренные Годунова. Всѣ они, по показанію лѣтописей, и совершили убійство царевича.

Не хвастаюсь, а въ случаѣ, конечно,
Никакая казнь меня не устрашитъ;
Я самъ не трусъ, но также не глупецъ
И въ петлю лѣзть не соглашуся даромъ.

Воротынскій.

Ужасное злодѣйство! Слушай, вѣрно
Губителя раскаянье тревожитъ:
Конечно, кровь невиннаго младенца
Ему ступить мѣшаетъ на престолъ.

Шуйскій.

Перешагнетъ! Борисъ не такъ-то робокъ!
Какая честь для насъ, для всей Руси!
Вчерашній рабъ, татаринъ, зять Малюты,
Зять палача и самъ въ душѣ палачъ—
Возьметъ вѣнецъ и бармы Мономаха... [1])

Воротынскій.

Такъ; родомъ онъ не знатенъ; мы знатнѣе.

Шуйскій.

Да, кажется.

Воротынскій.

Вѣдь Шуйскій, Воротынскій...
Легко сказать, природные князья.

Шуйскій.

Природные и Рюриковой крови.

Воротынскій.

А слушай, князь, вѣдь мы имѣли бъ право
Наслѣдовать Ѳеодору.

Шуйскій.

Да, болѣ,
Чѣмъ Годуновъ.

Воротынскій.

Вѣдь въ самомъ дѣлѣ!

Шуйскій.

Что жъ?
Когда Борисъ хитрить не перестанетъ,
Давай народъ искусно волновать;

[1]) Въ Московской Оружейной палатѣ хранятся такъ называемая *Мономахова златая шапка* или корона, цѣпь, держава, скипетръ и древнія *бармы* (оплечья), которыми украшаются русскіе государи въ день коронованія и которые были присланы византійскимъ императоромъ въ даръ Владиміру Мономаху.

Пускай они оставятъ Годунова,—
Своихъ князей у нихъ довольно; пусть
Себѣ въ цари любого изберутъ.

Воротынскій.

Не мало насъ, наслѣдниковъ варяга,
Да трудно намъ тягаться съ Годуновымъ:
Народъ отвыкъ въ насъ видѣть древню отрость
Воинственныхъ властителей своихъ.
Ужъ давно лишились мы удѣловъ,
Давно царямъ подручниками служимъ,
А онъ умѣлъ и страхомъ, и любовью,
И славою народъ очаровать.

Шуйскій (глядитъ въ окно).

Онъ смѣлъ, вотъ все—а мы... Но полно. Видишь,
Народъ идетъ разсыпавшись назадъ—
Пойдемъ скорѣй, узнаемъ, рѣшено ли.

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ.

Народъ.

Одинъ.

Неумолимъ! Онъ отъ себя прогналъ
Святителей, бояръ и патріарха.
Они предъ нимъ напрасно пали ницъ;
Его страшитъ сіяніе престола.

Другой.

О, Боже мой, кто будетъ нами править?
О, горе намъ!

Третій.

Да вотъ верховный дьякъ
Выходитъ намъ сказать рѣшенье думы.

Народъ.

Молчать! молчать! Дьякъ думный говоритъ;
Ш-ш—слушайте!

Щелкаловъ [1]) (съ Краснаго крыльца).

Соборомъ положили
Въ послѣдній разъ отвѣдать силу просьбы
Надъ скорбною правителя душой.
Заутра вновь святѣйшій патріархъ,
Въ Кремлѣ отпѣвъ торжественно молебенъ,
Предшествуемъ хоругвями святыми,
Съ иконами Владимирской, Донской
Воздвижется, а съ нимъ синклитъ, бояре,
Да сонмъ бояръ, да выборные люди
И весь народъ московскій, православный,
Мы всѣ пойдемъ молить царицу вновь,
Да сжалится надъ сирою Москвой
И на вѣнецъ благословитъ Бориса.
Идите же вы съ Богомъ по домамъ,
Молитеся, да взыдетъ къ небесамъ
Усердная молитва православныхъ.

(Народъ расходится).

ДѢВИЧЬЕ ПОЛЕ.

Новодѣвичій монастырь. Народъ.

Одинъ.

Теперь они пошли къ царицѣ въ келью;
Туда вошли Борисъ и патріархъ
Съ толпой бояръ.

Другой.

Что слышно?

Третій.

Все еще
Упрямится; однако есть надежда.

Баба (съ ребенкомъ).

Агу! не плачь, не плачь! Вотъ бука, бука
Тебя возьметъ! Агу, агу... не плачь.

Одинъ.

Нельзя ли намъ пробраться за ограду?

Другой.

Нельзя! Куды! и въ полѣ даже тѣсно,
Не только тамъ? Легко ли? Вся Москва
Сперлася здѣсь. Смотри: ограда, кровли,
Всѣ ярусы соборной колокольни,
Главы церквей и самые кресты
Унизаны народомъ.

Третій.

Право, любо!

Одинъ.

Что тамъ за шумъ?

Другой.

Послушай... что за шумъ?
Народъ завылъ: тамъ падаютъ, что волны,

[1]) **Василій Щелкаловъ** государственный дьякъ и печатникъ—историческое лицо.

За рядомъ рядъ... еще... еще! Ну, братъ,
Дошло до насъ: скорѣе на колѣна!

Народъ (на колѣняхъ: вой и плачъ).

Ахъ, смилуйся, отецъ нашъ! Властвуй нами!
Будь нашъ отецъ, нашъ царь!

Одинъ (тихо).

О чемъ тамъ плачутъ?

Другой.

А какъ намъ знать? То вѣдаютъ бояре—
Не намъ чета.

Баба (съ ребенкомъ).

Ну, что-жъ? Какъ надо плакать,
Такъ и затихъ! Вотъ я тебя!.. вотъ бука!
Плачь, баловень! (Ребенокъ плачетъ). Ну, то-то
же!

Одинъ.

Всѣ плачутъ—
Заплачемъ, братъ, и мы!

Другой.

Да слезъ-то нѣтъ.
Что тамъ еще?

Третій.

Да кто ихъ разберетъ! [1])

Народъ.

Вѣнецъ за нимъ! онъ царь! онъ согласился!..
Борисъ нашъ царь!—Да здравствуетъ Бо-
рисъ!

КРЕМЛЕВСКІЯ ПАЛАТЫ.

Борисъ, патріархъ, бояре.

Борисъ.

Ты, отче патріархъ, вы всѣ, бояре!
Обнажена душа моя предъ вами:

[1]) Вся эта сцена основана на сказаніи одного современнаго хронографа: «Народъ невольно былъ пригнанъ приставами; не хотящихъ итти велѣно было и бить; приставы понуждали людей, чтобы съ великимъ кричаніемъ вопили и слезы точили. Смѣху достойно, какъ слезамъ быть, когда сердце дерзновенія не имѣетъ? Вмѣсто слезъ глаза слюнями мочили. Тѣ, которые пошли просить царицу въ келью, наказали приставамъ: когда царица подойдетъ къ окну, то они дадутъ имъ знакъ и чтобы въ ту же минуту весь народъ падалъ на колѣни, а не хотящихъ били безъ милости». Въ другой грамотѣ говорится: «жены ссущихъ младенцевъ на землю съ слезнымъ рыданіемъ пометаху».

Вы видѣли, что я пріемлю власть
Великую со страхомъ и смиреньемъ,
Сколь тяжела обязанность моя!
Наслѣдую могущимъ Іоаннамъ,
Наслѣдую и ангелу-царю!.. [1])
О праведникъ, о мой отецъ державный!
Воззри съ небесъ на слезы вѣрныхъ слугъ
И ниспошли тому, кого любилъ ты,
Кого ты здѣсь столь дивно возвеличилъ,
Священное на власть благословенье,
Да правлю я во славѣ свой народъ,
Да буду благъ и праведенъ какъ ты.
Отъ васъ я жду содѣйствія, бояре,
Служите мнѣ, какъ вы ему служили,
Когда труды я ваши раздѣлялъ,
Не избранный еще народной волей.

Бояре.

Не измѣнимъ присягѣ, нами данной.

Борисъ.

Теперь пойдемъ, поклонимся гробамъ
Почіющихъ властителей Россіи,
А тамъ—сзывать весь нашъ народъ на пиръ,
Всѣхъ, отъ вельможъ до нищаго слѣпца;
Всѣмъ вольный входъ, всѣ гости дорогіе.[2])
(Уходитъ; за нимъ и бояре).

Князь Воротынскій (,останавливая Шуйскаго).

Ты угадалъ.

Шуйскій.

А что?

Воротынскій.

Да здѣсь, намедни,
Ты помнишь?

Шуйскій.

Нѣтъ, не помню ничего.

Воротынскій.

Когда народъ ходилъ въ Дѣвичье поле,
Ты говорилъ—

Шуйскій.

Теперь не время помнить,
Совѣтую порой и забывать.

[1]) Карамзинъ назвалъ Өеодора *ангеломъ кротости*.
[2]) Въ сей день народъ обѣдалъ у царя: не знали числа гостямъ, но всѣ были званые - отъ патріарха до нищаго. Москва не видала такой роскоши и въ Іоанново время (Карамзинъ).

А впрочемъ я злословіемъ притворнымъ
Тебя желалъ тогда лишь испытать,
Вѣрнѣй узнать твой тайный образъ мыслей;
Но вотъ—народъ привѣтствуетъ царя,
Отсутствіе мое замѣтить могутъ—
Иду за нимъ.

Воротынскій.

Лукавый царедворецъ!

А. Пушкинъ.

НАРОДНАЯ ПѢСНЯ ПРО ГОДУНОВА.

Что ни вихрь крутитъ по долинушкѣ,
Не сѣдой ковыль къ землѣ клонится—
То орелъ летитъ по поднебесью;
Зорко смотритъ онъ на Москву-рѣку,
На палатушки бѣлокаменны,
На сады ея на зеленые,
На златой дворецъ стольна города.
Не лютà змѣя воздывалася—
Воздывался собака—булатный ножъ;
Упалъ ни нà воду, ни нà землю,
Упалъ царевичу на бѣлу грудь,
Тому ли царевичу Димитрію:
Убили же царевича Димитрія,
Убили его на Углищѣ,
На Углищѣ, на игрищѣ!
Ужъ какъ въ томъ дворцѣ черной ноченькой
Коршунъ свилъ гнѣздо съ коршунятами,
Что и коршунъ тотъ Годуновъ Борисъ;
Убивши царевича, самъ на царство сѣлъ,
Царитъ же злодѣй ровно семь годовъ.
Что ни вихрь крутитъ по долинушкѣ,
Не сѣдой ковыль къ землѣ клонится—
То идетъ ли грозный Божій гнѣвъ,
Грозный Божій гнѣвъ на святую Русь:
И погибъ коршунъ на гнѣздѣ своемъ,
Его пухъ прошелъ по поднебесью,
Проточилась кровь по Москвѣ-рѣкѣ.

V-АЯ СЦЕНА ИЗЪ ДРАМЫ „БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.“ [1])

Ночь. Келья въ Чудовомъ монастырѣ. Пименъ.[2]) Григорій спящій.

Пименъ (пишетъ передъ лампадой).

Еще одно, послѣднее сказанье—
И лѣтопись окончена моя,
Исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога
Мнѣ грѣшному. Недаромъ многихъ лѣтъ
Свидѣтелемъ Господь меня поставилъ
И книжному искусству вразумилъ:
Когда нибудь монахъ трудолюбивый
Найдетъ мой трудъ усердный, безымянный;
Засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду
И, пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ,
Правдивыя сказанья перепишетъ,
Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу,
Своихъ царей великихъ поминаютъ—
За ихъ труды, за славу, за добро—
А за грѣхи, за темныя дѣянья
Спасителя смиренно умоляютъ.
На старости я сызнова живу;
Минувшее проходитъ предо мною...
Давно ль оно неслось, событій полно,
Волнуяся какъ море-окіанъ?
Теперь оно безмолвно и спокойно:
Немного лицъ мнѣ память сохранила,
Немного словъ доходитъ до меня,
А прочее погибло невозвратно!..
Но близокъ день, лампада догораетъ—
Еще одно, послѣднее сказанье (пишетъ).

Григорій (пробуждается).

Все тотъ же сонъ! Возможно ль? Въ третій разъ!
Проклятый сонъ!.. А все передъ лампадой
Старикъ сидитъ да пишетъ, и дремотой
Знать во всю ночь онъ не смыкалъ очей.
Какъ я люблю его спокойный видъ:
Когда душой, въ минувшемъ погруженной,
Онъ лѣтопись свою ведетъ; и часто
Я угадать хотѣлъ, о чемъ онъ пишетъ:
О темномъ ли владычествѣ татаръ?

---

[1]) Эта сцена, говоритъ Бѣлинскій, въ художественномъ отношеніи, по строгости стиля, по неподдѣльной и неподражаемой простотѣ, выше всѣхъ похвалъ. Это что-то великое, громадное, колоссальное, никогда не бывалое, никѣмъ непредчувствованное. Вообще, въ этой сценѣ удивительно хорошо обрисованы, въ ихъ противоположности, характеры Пимена и Григорья; одинъ—идеалъ безмятежнаго спокойствія въ простотѣ ума и сердца, какъ тихій свѣтъ лампады, озаряющій въ темномъ углу икону византійской живописи; другой—весь безпокойство и тревога. (Бѣлинскій. Соч., т. VIII, стр. 636—37).

[2]) Въ исторіи Лжедимитрія попадается имя чернеца Пимена, постриженника Днѣпрова монастыря, спутника Отрепьева по дорогѣ къ литовскому рубежу. Пушкинъ воспользовался этимъ именемъ для своего лѣтописца. «Характеръ Пимена, писалъ поэтъ въ одномъ письмѣ, не есть мое изобрѣтеніе. Въ немъ собралъ я черты, плѣнившія меня въ нашихъ старыхъ лѣтописяхъ: умилительная кротость, младенческое и вмѣстѣ мудрое простодушіе, набожное усердіе къ власти царя, данной Богомъ, совершенное отсутствіе суетности, дышатъ въ сихъ драгоцѣнныхъ памятникахъ временъ давноминувшихъ...»

О казняхъ ли свирѣпыхъ Іоанна?
О бурномъ ли новогородскомъ вѣчѣ?
О славѣ ли отечества? Напрасно!
Ни на челѣ высокомъ, ни во взорахъ
Нельзя прочесть его сокрытыхъ думъ:
Все тотъ же видъ смиренный, величавый...
Такъ точно дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый,
Спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва.

Пименъ.

Проснулся, братъ.

Григорій.

Благослови меня,
Честный отецъ.

Пименъ.

Благослови, Господь,
Тебя и днесь, и присно, и во вѣки.

Григорій.

Ты все писалъ и сномъ не позабылся,
А мой покой бѣсовское мечтанье
Тревожило, и врагъ меня мутилъ: [1])
Мнѣ снилося, что лѣстница крутая
Меня вела на башню; съ высоты
Мнѣ видѣлась Москва, что муравейникъ;
Внизу народъ на площади кипѣлъ
И на меня указывалъ со смѣхомъ;
И стыдно мнѣ, и страшно становилось—
И, падая стремглавъ, я пробуждался...
И три раза мнѣ снился тотъ же сонъ.
Не чудно ли?

Пименъ.

Младая кровь играетъ;
Смиряй себя молитвой и постомъ,
И сны твои видѣній легкихъ будутъ
Исполнены. Доселѣ—если я,
Невольною дремотой обезсиленъ,
Не сотворю молитвы долгой къ ночи—
Мой старый сонъ не тихъ и не безгрѣшенъ;
Мнѣ чудятся то шумные пиры,
То ратный станъ, то схватки боевыя,
Безумныя потѣхи юныхъ лѣтъ!

Григорій.

Какъ весело провелъ свою ты младость!
Ты воевалъ подъ башнями Казани,
Ты рать Литвы при Шуйскомъ отражалъ,
Ты видѣлъ дворъ и роскошь Іоанна!
Счастливъ!—а я отъ отроческихъ лѣтъ,
По келіямъ скитаюсь, бѣдный инокъ!
Зачѣмъ и мнѣ не тѣшиться въ бояхъ,
Не пировать за царскою трапезой?
Успѣлъ бы я, какъ ты, на старость лѣтъ
Отъ суеты, отъ міра отложиться,
Произнести монашества обѣтъ
И въ тихую обитель затвориться.

Пименъ.

Не сѣтуй, братъ, что рано грѣшный свѣтъ
Покинулъ ты, что мало искушеній
Послалъ тебѣ Всевышній. Вѣрь ты мнѣ:
Насъ издали плѣняютъ слава, роскошь
И женская лукавая любовь.
Я долго жилъ и многимъ насладился,
Но съ той поры лишь вѣдаю блаженство,
Какъ въ монастырь Господь меня привелъ.
Подумай, сынъ, ты о царяхъ великихъ:
Кто выше ихъ? Единый Богъ. Кто смѣетъ
Противу нихъ? Никто. А что же? Часто
Златой вѣнецъ тяжелъ имъ становился:
Они его мѣняли на клобукъ.
Царь Іоаннъ искалъ успокоенья
Въ подобіи монашескихъ трудовъ.
Его дворецъ, любимцевъ гордыхъ полный,
Монастыря видъ новый принималъ:
Кромѣшники въ тафьяхъ и власяницахъ
Послушными являлись чернецами,
А грозный царь игумномъ богомольнымъ.
Я видѣлъ здѣсь, вотъ въ этой самой кельѣ
(Въ ней жилъ тогда Кириллъ многострадальный,
Мужъ праведный; тогда ужъ и меня
Сподобилъ Богъ уразумѣть ничтожность
Мірскихъ суетъ), здѣсь видѣлъ я царя,
Усталаго отъ гнѣвныхъ думъ и казней:
Задумчивъ, тихъ сидѣлъ межъ нами Грозный;
Мы передъ нимъ недвижимо стояли,
И тихо онъ бесѣду съ нами велъ.
Онъ говорилъ игумну и всей братьѣ:
„Отцы мои, желанный день придетъ—
Предстану здѣсь алкающій спасенья;
Ты, Никодимъ, ты, Сергій, ты, Кириллъ,

[1]) Монашеское выраженіе; на монашескомъ языкѣ *врагъ* означаетъ *бѣса*; дурные сны относили къ дьявольскому внушенію.

Вы всѣ—обѣтъ примите мой духовный: [1])
Пріиду къ вамъ, преступникъ окаянный,
И схиму здѣсь честную восприму,
Къ стопамъ твоимъ, святый отецъ, припадши.“
Такъ говорилъ державный государь,
И сладко рѣчь изъ устъ его лилася,
И плакалъ онъ. А мы въ слезахъ молились,
Да ниспошлетъ Господь любовь и миръ
Его душѣ, страдающей и бурной.
А сынъ его Θеодоръ? На престолѣ
Онъ воздыхалъ о мирномъ житіи
Молчальника. Онъ царскіе чертоги
Преобратилъ въ молитвенную келью;
Тамъ тяжкія, державныя печали
Святой души его не возмущали.
Богъ возлюбилъ смиреніе царя,
И Русь при немъ во славѣ безмятежной
Утѣшилась, а въ часъ его кончины
Свершилося неслыханное чудо:
Къ его одру, царю едину зримый,
Явился мужъ необычайно свѣтелъ, [2])
И началъ съ нимъ бесѣдовать Θеодоръ
И называть великимъ патріархомъ...
И всѣ кругомъ объяты были страхомъ,
Уразумѣвъ небесное видѣнье,
Зане святый владыка предъ царемъ
Во храминѣ тогда не находился.
Когда же онъ преставился, палаты
Исполнились святымъ благоуханьемъ,
И ликъ его, какъ солнце, просіялъ.—
Ужъ не видать такого намъ царя.
О страшное, невиданное горе!
Прогнѣвали мы Бога, согрѣшили:
Владыкою себѣ цареубійцу
Мы нарекли.

Григорій.

Давно, честный отецъ,
Хотѣлось мнѣ тебя спросить о смерти
Димитрія—царевича: въ то время
Ты, говорятъ, былъ въ Угличѣ.

Пименъ.

Охъ, помню!
Привелъ меня Богъ видѣть злое дѣло,
Кровавый грѣхъ. Тогда я въ дальній Угличъ
На нѣкое былъ усланъ послушанье.
Пришелъ я въ ночь. Наутро, въ часъ обѣдни,
Вдругъ слышу звонъ; ударили въ набатъ;
Крикъ, шумъ. Бѣгутъ на дворъ царицы. Я
Спѣшу туда-жъ,—а тамъ уже весь городъ.
Гляжу: лежитъ уже зарѣзанный царевичъ;
Царица-мать въ безпамятствѣ надъ нимъ,
Кормилица въ отчаяньи рыдаетъ,
А тутъ народъ остервенясь волочитъ
Безбожную предательницу-мамку...
Вдругъ между нихъ, свирѣпъ, отъ злости блѣденъ,
Является Іуда-Битяговскій.
„Вотъ, вотъ злодѣй!“—раздался общій вопль,
И вмигъ его не стало. Тутъ народъ
Вслѣдъ бросился бѣжавшимъ тремъ убійцамъ;
Укрывшихся злодѣевъ захватили
И привели предъ теплый трупъ младенца,
И чудо—вдругъ мертвецъ затрепеталъ.
„Покайтеся!“—народъ имъ завопилъ,
И въ ужасѣ подъ топоромъ злодѣи
Покаялись—и назвали Бориса.

Григорій.

Какихъ былъ лѣтъ царевичъ убіенный?

Пименъ.

Да лѣтъ семи; ему бы нынѣ было—
(Тому прошло ужъ десять лѣтъ... нѣтъ, больше:
Двѣнадцать лѣтъ)—онъ былъ бы твой ровесникъ
И царствовалъ; но Богъ судилъ иное.
Сей повѣстью плачевной заключу
Я лѣтопись свою; съ тѣхъ поръ я мало
Вникалъ въ дѣла мірскія. Братъ Григорій,
Ты грамотой свой разумъ просвѣтилъ,—
Тебѣ свой трудъ передаю. Въ часы
Свободные отъ подвиговъ духовныхъ
Описывай, не мудрствуя лукаво,
Все то, чему свидѣтель въ жизни будешь:
Войну и миръ, управу государей,

---

[1]) Этотъ разсказъ основанъ поэтомъ на письмѣ самого Грознаго къ игумену съ братіею Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря (1578 г.). Въ посланіи этомъ царь вспоминаетъ, какъ, посѣтивъ однажды сію обитель, повѣдалъ онъ игумену и братіи о намѣреніи своемъ принять иноческій чинъ. «Повелѣхъ тогда, пишетъ Іоаннъ, сущему преподобному вашему игумену Кириллу съ нѣкоими отъ васъ, братіе, негдѣ въ келіи сокровенне быти, самому же такоже отъ мятежа и плеща мірскаго упразднившуся и пришедшу ми къ вашему преподобію, и тогда съ игуменомъ бяше Іасафъ архимандритъ Каменской и Сергѣй Колычевъ, ты Никодимъ, ты Антоней, а иныхъ не упомню; и бывшей о семъ бесѣдѣ надолзѣ и азъ грѣшный вамъ извѣстихъ желаніе свое о постриженіи и искушахъ окаянный вашу святыню слабыми словесы. И вы извѣстисте ми о Богѣ крѣпостное житіе... И вамъ молитвовавшимъ азъ же, окаянный, преклонихъ скверную свою главу и припадохъ къ честнымъ стопамъ преподобнаго игумена тогда сущаго, вашего жъ и моего, на семъ благословенія прося, оному же руку на мнѣ положшу и благословившу мене на семъ, яко же выше рѣхъ, яко нѣкоего новоприходящаго пострищись».

[2]) Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ говорится, что Θеодоръ умирая видѣлъ ангела.

УБІЕНІЕ ЦАРЕВИЧА ДИМИТРІЯ.
(Съ картины П. Ѳ. Плѣшанова).

1890 г. Типо-Литографія Новгор. Губ. Правленія.

Угодниковъ святыя чудеса,
Пророчества и знаменья небесны—
А мнѣ пора, пора ужъ отдохнуть
И загасить лампаду... Но звонятъ
Къ заутренѣ... Благослови, Господь,
Своихъ рабовъ!.. Подай костыль, Григорій!
(Уходитъ).

Григорій.

Борисъ, Борисъ! все предъ тобой трепещетъ,
Никто тебѣ не смѣетъ и напомнить
О жребіи несчастнаго младенца,
А между тѣмъ отшельникъ въ темной кельѣ
Здѣсь на тебя доносъ ужасный пишетъ,
И не уйдешь ты отъ суда мірского,
Какъ не уйдешь отъ Божьяго суда.

А. Пушкинъ.

ЗАТОЧЕНІЕ М. И. РОМАНОВОЙ. [1]

Пуста въ Карелѣ сторона,
Безмолвны сѣвера поляны:
Въ тиши ночной, какъ великаны,
Возставъ озеръ своихъ со дна,
Въ выси рисуются обломки—
Чуть уцѣлѣвшіе потомки
Былыхъ, первоначальныхъ горъ.
Но рѣдко человѣка взоръ
Скользитъ, заходитъ въ ихъ изгибы.
Однѣ встревожась плещутъ рыбы,
Иль крики чаекъ на водахъ
Пустынный отзывъ оживляютъ.
Порою, на пустыхъ брегахъ,
Сквозь млечноводные туманы,
Мелькаетъ тѣнь передъ огнемъ,
Иль въ челнокѣ златымъ столпомъ
Огонь. И въ сумеркахъ румяный
Онъ стелетъ ленты подъ водой:
То сынъ Карелы молчаливый
Безпечныхъ лоховъ станъ сонливый
Тревожитъ мѣткой острогой...
Въ лѣсной глуши
Надъ рудяными озерами
(Въ странѣ пустынь, духовъ и чаръ),
Тутъ только слышенъ крики гагаръ,
Да чей-то голосъ вечерами
Выходитъ гуломъ изъ лѣсовъ:
Въ народѣ говорятъ: „то лѣшій!“
И стая филиновъ и совъ
Перекликаются... И пѣшій
Тропой, изрытой межъ стремнинъ,
Мелькнетъ порой Карелы сынъ
Въ своей погонѣ за лисицей,
Слѣдя волковъ и россомахъ—
Или встрѣчаяся на мхахъ
Съ вѣтвисторогою станицей...

Карельцы бродятъ боязливо
У терема съ большимъ крыльцомъ.
Онъ новый выстроенъ красиво,
И тынъ кругомъ его кольцомъ.
Стрѣльцы съ пищалями на стражѣ.
А кто жъ подъ стражей?—какъ узнать?
И кто бы столько былъ отваженъ,
Чтобъ о затворникѣ пытать?
Однако жъ знали, что кого-то
Изъ дальней Русскія земли
Въ покрытой соймѣ привезли
И въ теремъ заперли за что-то!...

Не всѣ не знаютъ, кто въ затворѣ.
Въ Карельскій—Выгозерскій станъ
Изъ красныхъ замосковскихъ странъ
Переселялись люди... Вскорѣ
Узнали... судятъ, говорятъ,
И сѣтуютъ на Годунова,
И за Романовыхъ творятъ
Молитву. Ихъ душа готова
Страдальцевъ славныхъ оправдать
И защитить...
„Чтожъ дѣлать? Годунова сила!..
„Она Романовыхъ почтенная семья;
„Самоохотный царь ихъ гонитъ безъ причины;
„Знать чернокнижникъ онъ! знать Русь околдовалъ!..
„Весь родъ Романовыхъ по ссылкамъ разослалъ;

---

[1]) Великая старица инокиня **Мароа**, въ мірѣ боярыня **Ксенія Ивановна Романова**, была дочерью дворянина Ивана Васильевича Шестова. Свадьба Θеодора Никитича и Ксеніи Ивановны совершилась около 1590 г. Самъ царь Θеодоръ и Годуновъ участвовали въ обрядѣ. Но по воцареніи своемъ послѣдній не замедлилъ наложить опалу на весь родъ Романовыхъ, которые были опасны Борису—въ будущемъ, какъ возможные соперники его сына,—въ настоящемъ, какъ сила въ средѣ бояръ, готовыхъ въ минуты недовольства на Годунова, вспомнить о покойномъ царскомъ шуринѣ и указать на дѣтей его, двоюродныхъ братьевъ послѣдняго прирожденнаго царя. Изгнаніе и ссылка постигли сыновей и дочерей стараго шурина Ивана Грознаго. Старшаго изъ нихъ Θеодора насильно постригли въ монахи подъ именемъ **Филарета** и заключили въ Сійскомъ монастырѣ; супругу же его разлучили съ малолѣтними дѣтьми, **Михаиломъ и Татіаной**, отправленными на Бѣлоозеро, постригли въ монахини и сослали въ самое глухое, отдаленное мѣсто, въ Заонежье, въ Толвуйскій погостъ, въ нынѣшнемъ Петрозаводскомъ уѣздѣ (И. Хрущовъ. Др. и Нов. Рос. 1876 г. № 12, ст. «Ксенія Ивановна Романова»).

„И Маров Іоанновнѣ пришлось у насъ съ кручины
„Свой вѣкъ окоротать, тоскуя сиротой!“
Такъ молвили промежъ собой,
Такъ голосъ русскій отзывался!.. [1])

Ѳ. Глинка.

ИВАНЪ ВЕЛИКІЙ. [2])

Въ кругу очертясь заповѣдно-твердынномъ,
На холмѣ великомъ, на холмѣ святомъ,
Царей православныхъ жилищѣ старинномъ,
Онъ сталъ и вознесся къ эѳиру челомъ;
Въ эпоху тревогъ и печали народной,
Въ дни голода выросъ... недаромъ онъ тощъ,
И вѣетъ съ чела его мглою холодной,
И въ немъ откликается воля и мощь.

Горитъ и красуется сторожъ могучій,
Сокровище взору, источникъ мечтамъ,
И волны молитвъ и громовыхъ созвучій
Отъ купола яркаго мчитъ къ небесамъ.
Онъ къ Богу взываетъ, какъ вѣры посредникъ,
И смотритъ на міръ съ рубежа облаковъ,
И, дней безграничныхъ державный наслѣдникъ,
Смѣется полету голодныхъ вѣковъ.

Е. Милькѣевъ.

---

[1]) Пріѣздъ ссыльной боярыни—инокини Маѳы произвелъ впечатлѣніе на гостепріимныхъ и добродушныхъ заонежанъ. Чуждые всякаго раболѣпства, не знавшіе городского обычая, они берегли и покоили, какъ могли, знатную московскую гостью въ своихъ просторныхъ и теплыхъ домахъ. Годъ, проведенный Маѳою Ивановною въ Толвуѣ, оставилъ ей добрыя воспоминанія. Въ 1602 г. окончилось строгое заключеніе Романовыхъ; Маѳу соединили съ дѣтьми, возвращенными изъ Бѣлозерскаго края, и указали ей жить съ ними въ старинной вотчинѣ Романовыхъ, въ селѣ Клинъ Юрьевскаго уѣзда. По воцареніи Лжедимитрія Романовы прибыли съ честью въ столицу, гдѣ ихъ приняли, какъ царскихъ родственниковъ, и Филаретъ, въ санѣ уже архимандрита, встрѣтился наконецъ съ *бѣдною женою* своею и *милыми дѣтками*. (Ibid.)

[2]) **Иванъ Великій**—Кремлевская колокольня, принадлежащая ко всѣмъ соборамъ московскаго Кремля. По огромной высотѣ своей она почитается замѣчательнѣйшею колокольнею въ Россіи. Свое названіе *Иванъ Великій* колокольня эта получила, вѣроятно, отъ находящагося подъ нею храма во имя св. Іоанна Лѣствичника. Изъ надписи подъ главою колокольни видно, что она построена была въ 1600 г. Годуновымъ, въ то время, когда въ Москвѣ свирѣпствовалъ ужасный голодъ. Чтобы дать народу средства къ существованію, царь Борисъ завелъ большія постройки въ Кремлѣ, въ числѣ которыхъ была и эта колокольня.

ДУШЕВНОЕ СОСТОЯНІЕ ГОДУНОВА ВЪ КОНЦѢ ЦАРСТВОВАНІЯ.

(изъ драмы „Борисъ Годуновъ“).

Царскія палаты. Два стольника.

Первый.

Гдѣ государь?

Второй.

Въ своей опочивальнѣ.
Онъ заперся съ какимъ-то колдуномъ. [1])

Первый.

Такъ; вотъ его любимая бесѣда:
Кудесники, гадатели, колдуньи.
Все ворожитъ, что красная невѣста.
Желалъ бы знать, о чемъ гадаетъ онъ?

Второй.

Вотъ онъ идетъ. Угодно ли спросить?

Первый.

Какъ онъ угрюмъ!
(Уходятъ).

Царь (входитъ).

Достигъ я высшей власти;
Шестой ужъ годъ я царствую спокойно,
Но счастья нѣтъ моей душѣ. Не такъ ли
Мы смолоду влюбляемся и алчемъ
Утѣхъ любви, но только утолимъ
Сердечный гладъ мгновеннымъ обладаньемъ,
Ужъ охладѣвъ скучаемъ и томимся!..
Напрасно мнѣ кудесники сулятъ
Дни долгіе, дни власти безмятежной—
Ни власть, ни жизнь меня не веселятъ;
Предчувствую небесный громъ и горе.
Мнѣ счастья нѣтъ. Я думалъ свой народъ
Въ довольствіи, во славѣ успокоить,
Щедротами любовь его снискать—
Но отложилъ пустое попеченье:
Живая власть для черни ненавистна.
Они любить умѣютъ только мертвыхъ.
Безумны мы, когда народный плескъ
Иль ярый вопль тревожитъ сердце наше.
Богъ насылалъ на землю нашу гладъ;
Народъ завылъ, въ мученьяхъ погибая;

---

[1]) У келаря Авраамія Палицына: «глаголютъ бо, яко зѣло любяше Борисъ волхвы и звѣздочетцы...»

Я отворилъ имъ житницы; я злато
Разсыпалъ имъ; я имъ сыскалъ работы:
Они жъ меня бѣснуясь проклинали!
Пожарный огнь ихъ домы истребилъ,
Я выстроилъ имъ новыя жилища:
Они жъ меня пожаромъ упрекали! [1])
Вотъ черни судъ: ищи-жъ ея любви!
Въ семьѣ моей я мнилъ найти отраду,
Я дочь мою мнилъ осчастливить бракомъ;
Какъ буря, смерть уноситъ жениха...
И тутъ молва лукаво нарекаетъ
Виновникомъ дочерняго вдовства
Меня, меня, несчастнаго отца!.. [2])
Кто ни умретъ—я всѣхъ убійца тайный:
Я ускорилъ Өеодора кончину, [3])
Я отравилъ свою сестру царицу,
Монахиню смиренную... все я!
Ахъ, чувствую: ничто не можетъ насъ
Среди мірскихъ печалей успокоить;
Ничто, ничто... едина развѣ совѣсть—
Такъ здравая, она восторжествуетъ
Надъ злобою, надъ темной клеветою;
Но если въ ней единое пятно,
Единое случайно завелося,
Тогда бѣда: какъ язвой моровой
Душа сгоритъ, нальется сердце ядомъ,
Какъ молоткомъ стучитъ въ ушахъ упрекомъ,
И все тошнитъ, и голова кружится,
И мальчики кровавые въ глазахъ...
И радъ бѣжать, да некуда... ужасно!
Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть не чиста.

А. Пушкинъ.

---

[1]) Въ 1591 г. накануиѣ Троицы въ нѣсколько часовъ выгорѣла большая часть Москвы, и граждане остались безъ крова, а нѣкоторые безъ имѣнія. Стонъ и вой раздавались среди обширнаго пепелища, и люди толпами бѣжали на Троицкую дорогу встрѣтить Өеодора, требовать его милости и помощи. Борисъ не допустилъ ихъ до царя, явился между ними, выразилъ сожалѣніе и обѣщалъ оказать помощь. Онъ выстроилъ цѣлыя улицы, раздавалъ деньги, льготныя грамоты, однимъ словомъ, оказывалъ безпримѣрную щедрость. Враги Годунова въ пожарѣ этомъ винили самого Бориса. «Тѣмъ онъ, говорится въ лѣтописи, умыслилъ царя къ Москвѣ возвратити, его государево изволеніе было во градъ Угличъ итти и про убіеніе брата своего истинно увѣдати».

[2]) Женихъ дочери Годунова Ксеніи принцъ датскій герцогъ Іоаннъ прибылъ въ Москву въ 1602 г. и вскорѣ умеръ отъ горячки, на 20-мъ году жизни. Враги царя это семейное несчастіе его объясняли посвоему. Такъ въ Никоновской лѣтописи говорится, что Борисъ, видя любовь всей земли къ принцу, наполнился яростью и, не пощадивъ дочери своей, повелѣлъ Семену Годунову «промыслити» надъ королевичемъ.

[3]) Такое обвиненіе встрѣчается во многихъ лѣтописяхъ. По однѣмъ, царь «пріять смерть отъ Борисова злохитрства, отъ смертоноснаго зелія», поднесеннаго Өеодору вмѣстѣ съ медомъ во время стола самимъ Годуновымъ; по другимъ, «стравою окорми царя княгиня Дмитріева Шуйскаго» Екатерина, дочь Малюты Скуратова и родная сестра жены Бориса Маріи.

ПОЯВЛЕНІЕ САМОЗВАНЦА.

Тѣнь Грознаго меня усыновила,
Димитріемъ изъ гроба нарекла,
Вокругъ меня народы возмутила,
И въ жертву мнѣ Бориса обрекла.

Слова самозванца изъ драмы
«Борисъ Годуновъ.»

А. Пушкинъ.

I.

ПРЕБЫВАНІЕ САМОЗВАНЦА ВЪ ПОЛЬШѢ.

(изъ поэмы „Марина Мнишекъ".)

Однажды экстренный гонецъ
Въ Самборъ примчался во дворецъ.
Въ тотъ день справлялся праздникъ мая,
Съ утра гостей былъ полонъ домъ,
И на террасѣ, надъ Днѣпромъ,
Подъ звуки музыки гуляя,
Ясновельможные паны
Дышали воздухомъ весны.
Дородный Юрій Мнишекъ самъ, [1])
Хозяинъ дома, воевода,
Забывъ подагру, возлѣ дамъ
Жужжалъ, какъ муха возлѣ меда.
Гонецъ вошелъ, панамъ привѣтъ
Смущенно молвилъ на порогѣ
И, поклонившись пану въ ноги,
Вручилъ объемистый пакетъ.
Мгновенно смолкли разговоры:
Гостей вниманіе и взоры
Гонецъ нежданный приковалъ;
Межъ тѣмъ, любезно извиняясь,
Старикъ печать съ гербомъ сорвалъ,
Письмо глазами пробѣжалъ,
Самодовольно улыбаясь;
И, вѣрно, радостную вѣсть
Пришлось ему въ письмѣ прочесть,—
Онъ молвилъ: „Я сочту за честь
Принять царевича въ имѣньи,—
Такъ и скажи; благодарю
За дружбу князя и дарю
Тебѣ за это порученье
Пятнадцать злотъ. Ступай пока!"
И онъ кивнулъ ему слегка:
„Иди и выпей въ славу Польши!"
Гонецъ ушелъ. Не въ силахъ дольше

---

[1]) Сендомирскій воевода **Юрій Мнишекъ.** Ему отданъ былъ въ управленіе Самборъ, городъ «королевскихъ добръ».

Ужъ любопытства превозмочь
И гости, и родная дочь,
Всѣ окружили воеводу.
— „Какой царевичъ, что да какъ?
Какого племени и роду?..“
Къ молчанью Мнишекъ подалъ знакъ:
— „Паны вельможные и панны!“
Такъ началъ онъ: „про случай странный,
О коемъ пишетъ князь Адамъ, [1])
Я вамъ съ восторгомъ передамъ.
Въ немъ явно Божье Провидѣнье
И отъ него теперь вполнѣ
Зависитъ Польши расширенье.
Но объяснить позвольте мнѣ
Невѣроятное событье:
Тому назадъ тринадцать лѣтъ,
Ужасное кровопролитье
Весь возмутило Божій свѣтъ:
Въ Руси наслѣдникъ Іоанна
Палъ жертвой дьявольскаго плана,—
И вотъ въ Московіи съ тѣхъ поръ
Народомъ правитъ дерзкій воръ;
Но Богъ великъ и казнь готова:
Мертвецъ возсталъ на Годунова!“
Тутъ Мнишекъ духъ свой перевелъ
И доказательства привелъ:
Онъ вслухъ прочелъ имъ описанье,
Какъ умирающій слуга
Повѣдалъ странное признанье,
Что жизнь ему не дорога,
Но чтобъ его похоронили,
Какъ сына царскаго; что онъ
Царевичъ, медикомъ спасенъ
Отъ смерти былъ, что подмѣнили
Какимъ то мальчикомъ его,
И въ подтвержденіе всего
Онъ показалъ свой крестъ алмазный,
Бумаги, царскую печать.
Къ нему народъ стекался разный,
Нашлись свидѣтели, и мать
Въ монастырѣ признать готова
Въ немъ сына своего родного.
Царевичъ, жертва столькихъ бѣдъ,
Здоровъ и живъ, сомнѣнья нѣтъ.
„Теперь одно мое желанье,“ —
Въ письмѣ стояло подъ конецъ:
„Отвоевать ему вѣнецъ
Его отцовъ. Я все старанье
На это дѣло положу,

[1]) Князь Адамъ **Вишневецкій**, литовскій вельможа, зять Юрія Мнишка, жившій въ Брагинѣ, какъ одинъ изъ богатѣйшихъ магнатовъ.

Его я въ Краковъ провожу, [1])
А отдохнемъ мы по дорогѣ
У васъ, любезный пане-сватъ.“
— „Виватъ царевичу! виватъ!“ —
Между гостями раздалося,
И, тостъ за тостомъ, полилося
Шипучей пѣною вино
На златокованное дно
Массивныхъ дѣдовскихъ стакановъ...

Сіяетъ солнце надъ дворцами,
Блеститъ на крышахъ жестяныхъ,
Гербы блестятъ надъ воротами,
И флагъ въ узорахъ расписныхъ,
Раздутый легкимъ вѣтеркомъ,
Летаетъ въ небѣ голубомъ.
Сегодня всѣмъ въ дворѣ работа.
Открыты настежъ всѣ ворóта,
И мимо пестрыхъ цвѣтниковъ
Съ утра къ широкому подъѣзду
Едва хватаетъ всѣмъ проѣзду.
Никто изъ шляхетныхъ пановъ
Окружныхъ селъ и городовъ
Не пропустилъ высокой чести,—
Конечно не изъ низкой лести,—
Обѣдать за однимъ столомъ
Съ Московскимъ будущимъ царемъ,
Въ палатахъ гордаго магната,
Гдѣ все такъ пышно и богато...
Хозяинъ всѣхъ равно встрѣчаетъ,
Равно всѣмъ руки пожимаетъ...
Съ нимъ рядомъ дочь его Марина,
Легка, воздушна, какъ ундина,
Съ волной распущенныхъ кудрей
Вдоль ослѣпительныхъ плечей...
Бесѣды шумныя ведутся
За длиннымъ праздничнымъ столомъ,
Блестя изысканнымъ умомъ;
Глаза горятъ, уста смѣются,
Вино струится черезъ край,
Раскаты смѣха раздаются—
Какъ будто жизнь не адъ, а рай.
Но молча на почетномъ мѣстѣ
Сидитъ виновникъ торжества...
Обѣдъ тянулся; вслѣдъ за блюдомъ
Тянулись новыя блюда.
Разнообразная ѣда
Могла бъ легко служить этюдомъ
Привычекъ, нравовъ тѣхъ временъ.
Вотъ перлы сахарныхъ издѣлій:

[1]) Къ польскому королю Сигизмунду III, жившему въ Краковѣ.

Весь Кремль стѣною обнесенъ,
Короны, скипетра модели,
Орлы двухглавые и самъ
Царевичъ Дмитрій на престолѣ.
Хозяинъ, вѣрный своей роли,
Провозглашаетъ тостъ за дамъ;
Потомъ, поднявъ бокалъ высоко,
Даетъ оркестру знакъ молчать,
Чтобъ рѣчи выспренной потока
Игрою трубъ не заглушать.
Смолкаютъ мигомъ разговоры,
Остроты, шутки, смѣхъ и споры.
Всѣ ждутъ торжественнаго слова,
И мѣрно льющаяся рѣчь
Изъ устъ оратора сѣдого
Способна всѣхъ собой увлечь:
„Будь здравъ, изгнанникъ благородный,
Будь здравъ, великій князь Москвы!
Привѣтъ тебѣ, о царь природный,
Во имя Польши и Литвы!
Привѣтъ тебѣ! Да возсіяетъ
Надъ міромъ свѣтъ твоей звѣзды;
Самъ Богъ тебѣ повелѣваетъ
Принять правленія бразды,
Отвоевать права на царство,
Враговъ отчизны низвести
И изъ когтей самоуправства
Престолъ отцовъ твоихъ спасти.
На правый бой иди безъ страха,
Я первый радъ тебѣ служить,
Но, царь, подъ шапкой Мономаха,
Мы просимъ Польши не забыть:
Отбросивъ всѣ предубѣжденья,
Союзъ любви съ ней заключить
И, въ поцѣлуѣ примиренья,
Навѣкъ сестеръ соединить!“
Тутъ громкій взрывъ рукоплесканій,
Привѣтовъ, шумныхъ пожеланій
Покрылъ послѣднія слова.
Сверкнула искра торжества
Въ его задумчивыхъ глазахъ,—
Онъ не слуга, онъ не монахъ,
Онъ—царь! За криками привѣта
Пока шумливый взрывъ затихъ,
Стоялъ онъ долго безъ отвѣта
И выжидалъ удобный мигъ.
Онъ началъ, голосъ обрывался:
Онъ былъ взволнованъ, онъ смущался;
Но, вскорѣ овладѣвъ собой,
Увлекся самъ своей игрой.
Онъ говорилъ тепло и много,
Съ бокаломъ въ поднятой рукѣ,
Справляясь съ трудностями слога
На чуждомъ польскомъ языкѣ,
Какъ будто съ ранняго ужъ дѣтства
Онъ въ совершенствѣ имъ владѣлъ.
— „Да!“ говорилъ онъ: „съ малолѣтства
Былъ страненъ въ жизни мой удѣлъ!
То монастырь, то Запорожье,
То четки, то булатный мечъ!“—
Лилась восторженная рѣчь,—
„Но всюду Провидѣнье Божье
Меня хранило... Для чего же
Злодѣя ножъ меня щадилъ?—
Чтобъ я скитальцемъ вѣкъ бродилъ
Вдали отъ родины любимой?
Иной исходъ мнѣ дастъ судьба!
Меня ли устрашитъ борьба?
Я къ славѣ рвусь неутомимо,
Царевичъ я,—и кровь отца
Упорно требуетъ вѣнца!
Мнѣ пасть Всевышній не дозволитъ!
Не даромъ мать подъ схимой молитъ
О правосудіи Творца!
Мой часъ насталъ! Я жажду власти
Не какъ безумной, дикой страсти,
Но ради родины моей;
Мнѣ счастье дорого людей,
Меня развитіе плѣняетъ,
Свобода польская—и все,
Что Русь съ Европою сравняетъ,
Изъ мрака выдвинетъ ее!..
Но какъ бы ни было, а въ полѣ
Одинъ не воинъ. Безъ друзей
Мнѣ цѣли не достичь своей;
Но если я, по Божьей волѣ,
Ее межъ вами обрѣту,
Я окрылю свою мечту.
Тогда и Польшѣ, какъ подругѣ,
Самодержавный Русскій царь
Протянетъ руку по заслугѣ.
За нашъ союзъ, за нашу славу!“—
Закончилъ онъ, глотнувъ до дна
Всю чашу, полную вина,
И гулко, какъ грозы раскаты,
Слилися дружные виваты...

Димитрія желанья
Осуществились; обѣщанья
Онъ расточать хитро умѣлъ,
И дружбу пріобрѣсть успѣлъ
Іезуитовъ и поляковъ;
И вотъ онъ съѣздилъ уже въ Краковъ,
И въ смѣломъ замыслѣ своемъ

Былъ обезпеченъ королемъ.
Ужъ цѣль близка и войска много,
Къ нему стекались издалека
Отовсюду храбрые бойцы...

А. Львова.

II.

ВѢСТЬ О САМОЗВАНЦѢ ВЪ МОСКВѢ.

(изъ драмы „Борисъ Годуновъ".)

ДОМЪ ШУЙСКАГО.

(Шуйскій, множество гостей; ужинъ.)

Шуйскій.

Вина еще! (Встаетъ, за нимъ и всѣ.) Ну, гости дорогіе,
Послѣдній ковшъ! Читай молитву, мальчикъ.

Мальчикъ.

Царю небесъ, вездѣ и присно-сущій!
Своихъ рабовъ моленію внемли.
Помолимся о нашемъ государѣ,
Объ избранномъ тобой благочестивомъ,
Всѣхъ христіанъ царѣ самодержавномъ.
Храни его въ палатахъ, въ полѣ ратномъ,
И на путяхъ, и на одрѣ ночлега.
Подай ему побѣду на враги,
Да славится онъ отъ моря до моря.
Да здравіемъ цвѣтетъ его семья,
Да осѣнятъ ея драгія вѣтви
Весь міръ земной; а къ намъ, своимъ рабамъ,
Да будетъ онъ, какъ прежде, благодатенъ,
И милостивъ, и долготерпѣливъ,
Да мудрости его неистощимой
Проистекутъ источники на насъ;
И царскую на то воздвигнувъ чишу,
Мы молимся тебѣ, царю небесъ. [1])

Шуйскій (пьетъ.)

Да здравствуетъ великій государь!
Простите же вы, гости дорогіе;
Благодарю, что вы моей хлѣбъ-солью
Не презрѣли. Простите, добрый сонъ.
(Гости уходятъ, онъ провожаетъ ихъ до дверей.)

Пушкинъ.

Насилу убрались; ну, князь Василій Ивановичъ, я ужъ думалъ, что намъ не удастся и переговорить.

Шуйскій (слугамъ.)

Вы что ротъ разинули? Все бы вамъ господъ подслушивать, сбирайте со стола, да ступайте вонъ.—Что такое, Аѳанасій Михайловичъ?

Пушкинъ.

Чудеса да и только!
Племянникъ мой Гаврила Пушкинъ мнѣ
Изъ Кракова гонца прислалъ сегодня. [1])

Шуйскій.

Ну?

Пушкинъ.

Странную племянникъ пишетъ новость.
Сынъ Грознаго... Постой.
(идетъ къ дверямъ и осматриваетъ.)
Державный отрокъ,
По манію Бориса убіенный...

Шуйскій.

Да это ужъ не ново.

Пушкинъ.

Погоди—
Димитрій живъ.

---

[1]) Въ современныхъ сказаніяхъ: «Состави Годуновъ о себѣ къ Богу молитву мудрыми слагатели, и написа, и предаетъ, еже на трапезахъ и вечеряхъ за чашами о немъ и родѣ его молити Бога сице: Отца безначальна и Сына соприсносущна, иже отъ Св. Духа воплотися, сущіе днесь въ палатѣ сей молимъ о душевномъ спасеніи, и о тѣлесномъ здравіи, и о *побѣдѣ на враги Божіему* слугѣ, великому, благочестивому и Богомъ избранному и Богомъ почтенному и превознесенному Государю царю Борису Ѳеодоровичу, самодержащему скифетры на всей восточной странѣ и на сѣверѣ... *И на томъ убо чашу сію царскую воздвигнули* и повелѣли есте мнѣ (гости хозяину) грѣшному предпоставити въ руки ваша... Дай Богъ, государь нашъ и великій князь Борисъ Ѳеодоровичъ, единый подсолнечный христіанскій царь, и его царица, и ихъ царскія дѣти на многія лѣта *здравы* были и счастны, и недругамъ своимъ страшны... Чтобы *его прекрасно цвѣтущія младо умножаемыя вѣтви царскаго изращенія въ наслѣдіе* превысочайшаго россійскаго царствія были на вѣки и некончаемые вѣки безъ урыву; *а на насъ бы, рабѣхъ его, отъ пучины премудраго его разума, и обычая, и милостиваго нрава неоскудныя рѣки милосердія изливалися выше прежняго*»...

[1]) Поэтъ здѣсь выставилъ своихъ предковъ. Въ стихотвореніи «*Моя родословная*» (1830 г.) онъ говоритъ:

Мой предокъ, ради славы бранной,
Святому Невскому служилъ;
Его потомство гнѣвъ вѣнчанный,
Иванъ четвертый пощадилъ,
Водились Пушкины съ царями:
Изъ нихъ былъ славенъ не одинъ,
Когда тягался съ поляками
Нижегородскій мѣщанинъ.

Шуйскій.

Вотъ-на! какая вѣсть!
Царевичъ живъ! Ну, подлинно чудесно!
И только-то?

Пушкинъ.

Послушай до конца:
Кто-бъ ни былъ онъ, спасенный ли царевичъ,
Иль нѣкій духъ во образѣ его,
Иль смѣлый плутъ, безстыдный самозванецъ,
Но только тамъ Димитрій появился.

Шуйскій.

Не можетъ быть.

Пушкинъ.

Его самъ Пушкинъ видѣлъ,
Какъ пріѣзжалъ впервой онъ во дворецъ
И сквозь ряды литовскихъ пановъ прямо
Шелъ въ тайную палату короля.

Шуйскій.

Кто жъ онъ такой? Откуда онъ?

Пушкинъ.

Не знаютъ;
Извѣстно то, что онъ слугою былъ
У Вишневецкаго, что на одрѣ болѣзни
Открылся онъ духовному отцу;
Что гордый панъ, сію провѣдавъ тайну,
Ходилъ за нимъ, поднялъ его съ одра
И съ нимъ потомъ уѣхалъ къ Сигизмунду.

Шуйскій.

Что-жъ говорятъ объ этомъ удальцѣ?

Пушкинъ.

Да слышно, онъ уменъ, привѣтливъ, ловокъ,
По нраву всѣмъ. Московскихъ бѣглецовъ
Обворожилъ. Латинскіе попы
Съ нимъ заодно. Король его ласкаетъ—
И, говорятъ, помогу обѣщалъ.

Шуйскій.

Все это, братъ, такая кутерьма,
Что голова кругомъ пойдетъ невольно.
Сомнѣнья нѣтъ, что это самозванецъ,
Но, признаюсь, опасность не мала.
Вѣсть важная! и если до народа
Она дойдетъ, то быть грозѣ великой!

Пушкинъ.

Такой грозѣ, что врядъ царю Борису
Сдержать вѣнецъ на умной головѣ.
И подѣломъ ему: онъ правитъ нами,
Какъ царь Иванъ (не къ ночи будь помянутъ).
Что пользы въ томъ, что явныхъ казней нѣтъ,
Что на колу кровавомъ всенародно
Мы не поемъ каноновъ Іисусу,
Что насъ не жгутъ на площади, а царь
Своимъ жезломъ не подгребаетъ углей?
Увѣрены ль мы въ бѣдной жизни нашей!
Насъ каждый день опала ожидаетъ,
Тюрьма, Сибирь, клобукъ, иль кандалы,
А тамъ въ глуши голодна смерть, иль петля.
Знатнѣйшіе межъ нами роды гдѣ?
Гдѣ Сицкіе князья? гдѣ Шестуновы,
Романовы, отечества надежда?—
Заточены, замучены въ изгнаньѣ.
Дай срокъ: тебѣ такая жъ будетъ участь.
Легко ль, скажи: мы дома, какъ Литвой,
Осаждены невѣрными рабами:
Все языки, готовые продать,
Правительствомъ подкупленные воры.
Зависимъ мы отъ перваго холопа,
Котораго захочемъ наказать.
Вотъ—Юрьевъ день задумалъ уничтожить.
Не властны мы въ помѣстіяхъ своихъ.
Не смѣй согнать лѣнивца! радъ не радъ,
Корми его! не смѣй переманить
Работника! не то—въ приказъ холопій!
Ну слыхано ль хоть при царѣ Иванѣ
Такое зло? А легче ли народу?
Спроси его. Попробуй самозванецъ
Имъ посулить старинный Юрьевъ день,
Такъ и пойдетъ потѣха.

Шуйскій.

Правъ ты, Пушкинъ,
Но знаешь ли?—объ этомъ обо всемъ
Мы помолчимъ до времени.

Пушкинъ.

Вѣстимо,
Знай про себя. Ты человѣкъ разумный;
Всегда съ тобой бесѣдовать я радъ,
И если что меня подчасъ тревожитъ,
Не вытерплю, чтобъ не сказать тебѣ.
Прощай же, князь.

Шуйскій.

Прощай, братъ, до свиданья.

ЦАРСКІЯ ПАЛАТЫ.

(Царь, царевичъ и Семенъ Годуновъ).

ЦАРЬ.

Что скажешь мнѣ, Семенъ Никитичъ?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.[1]

Нынче
Ко мнѣ, чѣмъ свѣтъ, дворецкій князь Василья
И Пушкина слуга пришли съ доносомъ.

ЦАРЬ.

Ну?!

СЕМЕНЪ.

Пушкина слуга донесъ сперва,
Что поутру вчера къ нимъ въ домъ пріѣхалъ
Изъ Кракова гонецъ и черезъ часъ
Безъ грамоты отосланъ былъ обратно.

ЦАРЬ.

Гонца схватить.

СЕМЕНЪ.

Ужъ послано въ догоню.

ЦАРЬ.

О Шуйскомъ что?

СЕМЕНЪ.

Вечоръ онъ угощалъ
Своихъ друзей, обоихъ Милославскихъ,
Бутурлиныхъ, Михайла Салтыкова,
Да Пушкина, да нѣсколько другихъ;
А разошлись ужъ поздно. Только Пушкинъ
Наединѣ съ хозяиномъ остался
И долго съ нимъ бесѣдовалъ еще.

ЦАРЬ.

Сейчасъ послать за Шуйскимъ.

СЕМЕНЪ.

Государь!
Онъ здѣсь уже.

ЦАРЬ.

Позвать его сюда.

(Семенъ уходитъ.)

Сношенія съ Литвою! это что?..
Противенъ мнѣ родъ Пушкиныхъ мятежный,
А Шуйскому не должно довѣрять:
Уклончивый, но смѣлый и лукавый...

(Входитъ Шуйскій.)

Мнѣ нужно, князь, съ тобою говорить.
Но, кажется, ты самъ пришелъ за дѣломъ:
И выслушать хочу тебя сперва.

ШУЙСКІЙ.

Такъ, государь; мой долгъ тебѣ повѣдать
Вѣсть важную.

ЦАРЬ.

Я слушаю тебя.

ШУЙСКІЙ (тихо, указывая на Ѳеодора).

Но, государь...

ЦАРЬ.

Царевичъ можетъ знать,
Что вѣдаетъ князь Шуйскій. Говори.

ШУЙСКІЙ.

Царь, изъ Литвы пришла намъ вѣсть...

ЦАРЬ.

Не та ли,
Что Пушкину привезъ вечоръ гонецъ?

ШУЙСКІЙ.

Все знаетъ онъ!.. Я думалъ, государь,
Что ты еще не вѣдаешь сей тайны.

ЦАРЬ.

Нѣтъ нужды, князь: хочу сообразить
Извѣстія; иначе не узнаемъ
Мы истины.

ШУЙСКІЙ.

Я знаю только то,
Что въ Краковѣ явился самозванецъ
И что король и паны за него.

ЦАРЬ.

Что-жъ говорятъ? Кто этотъ самозванецъ?

ШУЙСКІЙ.

Не вѣдаю.

---

[1]) Окольничій Семенъ Годуновъ. О немъ у Карамзина говорится что въ 1604 г. его, посланнаго въ Астрахань, разбили донскіе казаки и, захвативъ нѣсколько стрѣльцовъ, отпустили ихъ въ Москву съ такимъ наказомъ: объявите Борису, что мы скоро будемъ къ нему съ царевичемъ Димитріемъ.

Царь.

Но... чѣмъ опасенъ онъ?

Шуйскій.

Конечно, царь, сильна твоя держава,
Ты милостью, радѣньемъ и щедротой
Усыновилъ сердца своихъ рабовъ;
Но знаешь самъ: безмысленная чернь
Измѣнчива, мятежна, суевѣрна,
Легко пустой надеждѣ предана,
Мгновенному внушенію послушна,
Для истины глуха и равнодушна,
А баснями питается она;
Ей нравится безстыдная отвага...
Такъ если сей невѣдомый бродяга
Литовскую границу перейдетъ,
Къ нему толпу безумцевъ привлечетъ
Димитрія воскреснувшее имя.

Царь.

Димитрія!.. Какъ? Этого младенца?
Димитрія!.. Царевичъ, удались.

Шуйскій.

Онъ покраснѣлъ: быть бурѣ!...

Өеодоръ.

Государь,
Дозволишь ли...

Царь.

Нельзя, мой сынъ, поди.
(Өеодоръ уходитъ.)
Димитрія!...

Шуйскій.

Онъ ничего не зналъ.

Царь.

Послушай, князь: взять мѣры сей же часъ;
Чтобъ отъ Литвы Россія оградилась
Заставами; чтобъ ни одна душа
Не перешла за эту грань; чтобъ заяцъ
Не прибѣжалъ изъ Польши къ намъ; чтобъ воронъ
Не прилетѣлъ изъ Кракова. Ступай!

Шуйскій.

Иду.

Царь.

Постой. Не правда ль, эта вѣсть
Затѣйлива? слыхалъ ли ты когда,
Чтобъ мертвые изъ гроба выходили
Допрашивать царей, царей законныхъ,
Назначенныхъ, избранныхъ всенародно,
Увѣнчанныхъ великимъ патріархомъ?
Смѣшно? а? что? Что жъ не смѣешься ты?

Шуйскій.

Я, государь...

Царь.

Послушай, князь Василій:
Какъ я узналъ, что отрока сего...
Что отрокъ сей лишился какъ-то жизни,
Ты посланъ былъ на слѣдствіе; теперь
Тебя крестомъ и Богомъ заклинаю,
По совѣсти мнѣ правду объяви:
Узналъ ли ты убитаго младенца
И не было-ль подмѣна? Отвѣчай! [1])

Шуйскій.

Клянусь тебѣ...

Царь.

Нѣтъ, Шуйскій, не клянись,
Но отвѣчай: то былъ царевичъ?

Шуйскій.

Онъ.

Царь.

Подумай, князь. Я милость обѣщаю,
Прошедшей лжи опалою напрасной
Не накажу. Но если ты теперь
Со мной хитришь, то головою сына
Клянусь—тебя постигнетъ злая казнь,
Такая казнь, что царь Иванъ Васильичъ
Отъ ужаса во гробѣ содрогнется.

Шуйскій.

Не казнь страшна, страшна твоя немилость;
Передъ тобой дерзну ли я лукавить?
И могъ ли я такъ слѣпо обмануться,
Что не узналъ Димитрія? Три дня

[1]) М. Беръ пишетъ, что Годуновъ, получая отовсюду извѣстія о мнимомъ Димитріи, самъ началъ было сомнѣваться въ убіеніи истиннаго; справлялся, допрашивалъ и, наконецъ, увѣрился, что симъ именемъ называется обманщикъ (примѣч. Карамзина т. XII).

Я трупъ его въ соборѣ посѣщалъ,
Всѣмъ Угличемъ туда сопровожденный.
Вокругъ него тринадцать тѣлъ лежало,
Растерзанныхъ народомъ, и по нимъ
Ужъ тлѣніе примѣтно проступало,
Но дѣтскій ликъ царевича былъ ясенъ,
И свѣжъ, и тихъ, какъ будто усыпленный;
Глубокая не запекалась язва,
Черты жъ лица совсѣмъ не измѣнились.
Нѣтъ, государь, сомнѣнья нѣтъ: Димитрій
Во гробѣ спитъ.

Ц а р ь.

Довольно, удались!
(Шуйскій уходитъ.)

Ухъ, тяжело!.. дай духъ переведу!
Я чувствовалъ: вся кровь моя въ лицо
Мнѣ кинулась и тяжко опускалась...
Такъ вотъ зачѣмъ тринадцать лѣтъ мнѣ сряду
Все снилося убитое дитя!
Да, да—вотъ что! теперь я понимаю.
Но кто же онъ, мой грозный супостатъ?
Кто на меня? Пустое имя, тѣнь—
Ужели тѣнь сорветъ съ меня порфиру,
Иль звукъ лишитъ дѣтей моихъ наслѣдства?
Безумецъ я! чего жъ я испугался?..
На призракъ сей подуй—и нѣтъ его.
Такъ, рѣшено: не окажу я страха—
Но презирать не должно ничего...
Охъ, тяжела ты, шапка Мономаха!

А. Пушкинъ.

III.

МѢРЫ ГОДУНОВА ПРОТИВЪ САМОЗВАНЦА.

(изъ трагедіи „Царь Борисъ“.)

Покой во дворцѣ. Борисъ сидитъ передъ столомъ, покрытымъ бумагами.

Б о р и с ъ.

Нелѣпая, безумная та вѣсть—
Не выдумка! Невѣдомый обманщикъ,
Подъ именемъ Димитрія, на насъ
Идетъ войной: литовскую онъ шляхту
Съ собой ведетъ, и воеводы наши
Передаются въ ужасѣ ему!
Кто этотъ воръ, неслыханный и дерзкій?
Селенія къ нему перебѣгаютъ—
Молвой Москва встревожена—его
Намъ презирать нельзя! Доколь не сможемъ
Назвать его по имени, онъ будетъ
Димитріемъ въ глазахъ толпы! Возможно ль?
Меня бродяга измѣнить заставитъ
Исконное рѣшеніе мое!
Не благостью, но страхомъ уже началъ
Я царствовать. Гдѣ жъ свѣтъ тотъ лучезарный,
Въ которомъ мнѣ являлся мой престолъ,
Когда къ нему я темной шелъ стезею?
Гдѣ свѣтлый міръ, цѣною преступленья
Мной купленный? Вступить на путь кровавый
Я долженъ былъ, или признать, что даромъ
Прошедшее свершилось. Колебаться
Теперь нельзя. Чѣмъ это зло скорѣй
Я пресѣку, тѣмъ мнѣ скорѣе можно
Вернуться будетъ къ милости.
(Входитъ Семенъ Годуновъ.)

Ну, что?
Что ты узналъ? Кто этотъ человѣкъ?

С е м е н ъ Г о д у н о в ъ.

Самъ сатана, я думаю! Нигдѣ
Я до слѣдовъ его не могъ добраться,
Подъ стражу мы людей довольно взяли,
Пытали всѣхъ, но ни съ огня, ни съ дыба,
Намъ показаній не далъ ни одинъ.

Б о р и с ъ.

Мы знать должны, кто онъ! Во что бъ ни стало,
Его назвать—хотя пришлось бы имя
Намъ выдумать!

С е м е н ъ.

Найти такое можно.
Былъ въ Чудовѣ монахъ, Григорьемъ звали,
Стрѣлецкій сынъ, изъ Галича. Бѣжалъ
Недавно онъ, и пьяный похвалялся:
Царемъ-де буду на Москвѣ!

Б о р и с ъ.

Зачѣмъ
Меня не извѣстили?

С е м е н ъ.

Государь,
То былъ пустой, безпутный побродяга,
Хвастунъ и враль! монахи всѣ ему
Въ глаза смѣялися.

Б о р и с ъ.

Но, можетъ быть,
То онъ и есть?

Семенъ.

Нѣтъ, государь, не онъ.
Тотъ воръ уменъ, мечомъ владѣть умѣетъ,
А этотъ только бражничалъ да лгалъ.

Борисъ.

Какихъ онъ лѣтъ?

Семенъ.

Лѣтъ двадцати, иль болѣ.

Борисъ.

Куда бѣжалъ?

Семенъ.

На Стародубъ. Оттоль
Ушелъ въ Литву.

Борисъ.

Какъ прозывался онъ?

Семенъ.

Отрепьевымъ.

Борисъ.

Онъ намъ пригоденъ. Имъ
Того пока мы вора назовемъ.
Лишь то, что намъ является въ туманѣ,
Смущаетъ насъ; что осязать мы можемъ,
Или назвать—свою теряетъ силу. [1])
Гонца въ Литву отправить къ королю:
Чтобы скорѣй свою унялъ онъ шляхту;
Что стыдно-де пособіе чинить
Негодному, безпутному бродягѣ;
Что Гришка-де Отрепьевъ, бѣглый инокъ,
Морочитъ ихъ; что если въ мирѣ быть
Со мной хотятъ—чтобъ выдали его!
Развѣдчиковъ умножить. Знать я долженъ,
Что говорятъ, что думаютъ бояре,
Имъ на руку пришлася эта вѣсть!..
Мнѣ Юрьевъ день простить они не могутъ!..
Мстиславскому сказать, чтобъ воеводство надъ
войсками принялъ.
Украинскимъ ужъ болѣ воеводамъ
Не вѣрю я [1]). Ступай исполни все, какъ я
велѣлъ.

Гр. А. Толстой.

СМЕРТЬ ЦАРЯ БОРИСА.

(изъ драмы „Борисъ Годуновъ“.)

(13 апрѣля 1605 г.)

Москва. Царскія палаты. Тревога. Бояре, придворные служители въ безпорядкѣ бѣгутъ, встрѣчаются и шепчутъ.

Одинъ.

За лѣкаремъ!

Другой.

Скорѣе къ патріарху!

Третій.

Царевича, царевича зоветъ!

Четвертый.

Духовника!

Басмановъ.

Что сдѣлалось такое?

Пятый и шестой.

Царь занемогъ, царь умираетъ. [2])

---

[1]) Въ то время когда успѣхи самозванца въ Сѣверской землѣ дѣлали его очень опаснымъ для Бориса, когда народныя симпатіи склонялись повсюду на сторону Димитрія, необходимымъ сочли совершить повсемѣстный обрядъ проклятія надъ этимъ врагомъ Годунова. Но для этого нужно было объявить народу положительно, кто таковъ именно человѣкъ, взявшій на себя роль Димитрія. Лицо это оставлять неизвѣстнымъ было опасно. Если онъ не Димитрій, то всетаки кто же онъ, спрашивалъ бы народъ. А коль скоро онъ неизвѣстно кто, то почему же онъ не Димитрій? И почему правительство можетъ знать, что онъ не Димитрій, когда сознается, что не знаетъ, кто онъ? Утверждая всенародно, что самозванецъ никто иной, какъ Гришка Отрепьевъ, монахъ Чудова монастыря, бѣжавшій въ Литву, само правительство не было увѣрено въ справедливости своихъ словъ. Такъ въ посольской грамотѣ, посланной къ королю Сигизмунду, было сказано, что если бъ это лицо и былъ настоящій Димитрій, то и тогда онъ не имѣлъ бы права на престолъ Московскаго государства, какъ незаконорожденный сынъ. (Изъ сочин. Костомарова «Кто былъ первый Лжедимитрій).

[1]) Для борьбы съ самозванцемъ была отправлена рать подъ начальствомъ перваго боярина князя Мстиславскаго, который сошелся съ войсками самозванца подъ Новгородомъ Сѣверскимъ. Несмотря на превосходство царскихъ силъ, Мстиславскій потерпѣлъ пораженіе и получилъ нѣсколько ранъ въ голову.

[2]) Борисъ 13 апрѣля въ часъ утра судилъ и рядилъ съ вельможами въ Думѣ, принималъ знатныхъ иноземцевъ, обѣдалъ съ ними въ Золотой палатѣ и, едва вставъ изъ-за стола, почувствовалъ дурноту: кровь хлынула у него изъ носа, ушей и рта, лилась рѣкою: врачи, столь имъ любимые, не могли остановить ее. Онъ терялъ память, но успѣлъ благословить сына на государство Россійское, воспріять ангельскій образъ съ именемъ Боголѣпа и чрезъ два часа испустилъ духъ въ той же храминѣ, гдѣ пировалъ съ боярами и иноземцами (Карамзинъ).

Басмановъ.

Боже!

Пятый.

На тронѣ онъ сидѣлъ и вдругъ упалъ;
Кровь хлынула изъ устъ и изъ ушей.

(Царя выносятъ на стулѣ, все царское семейство, всѣ бояре.)

Царь.

Подите всѣ—оставьте одного
Царевича со мною. (Всѣ удаляются.)
Умираю;
Обнимемся. Прощай, мой сынъ; сейчасъ
Ты царствовать начнешь... О Боже! Боже!
Сейчасъ явлюсь передъ Тобой—и душу
Мнѣ некогда очистить покаяньемъ!
Но чувствую, мой сынъ, ты мнѣ дороже
Душевнаго спасенья... такъ и быть!
Я подданнымъ рожденъ, и умереть
Мнѣ подданнымъ во мракѣ надлежало бъ;
Но я достигъ верховной власти—чѣмъ?
Не спрашивай. Довольно: ты невиненъ,
Ты царствовать теперь по-праву станешь,
А я за все одинъ отвѣчу Богу.
О, милый сынъ, не обольщайся ложно,
Не ослѣпляй себя ты добровольно.
Въ дни бурные державу ты пріемлешь:
Опасенъ онъ сей чудный самозванецъ!
Онъ именемъ ужаснымъ ополченъ. [1])
Я съ давнихъ лѣтъ въ правленьи искушенный,
Могъ удержать смятенье и мятежъ;
Передо мной они дрожали въ страхѣ;
Возвысить гласъ измѣна не дерзала:
Но ты, младой, неопытный властитель,
Какъ управлять ты будешь подъ грозой,
Тушить мятежъ, опутывать измѣну?
Но Богъ великъ! Онъ умудряетъ юность,
Онъ слабости даруетъ силу... Слушай:
Совѣтника во-первыхъ избери
Надежнаго, холодныхъ, зрѣлыхъ лѣтъ,
Любимаго народомъ, а въ боярахъ
Почтеннаго породой или славой—
Хоть Шуйскаго. Для войска нынѣ нуженъ
Искусный вождь: Басманова пошли
И съ твердостью снеси боярскій ропотъ. [2])
Ты съ малыхъ лѣтъ сидѣлъ со мною въ Думѣ,
Ты знаешь ходъ державнаго правленья;
Не измѣняй теченья дѣлъ. Привычка—
Душа державъ. Я нынѣ долженъ былъ
Возстановить опалы, казни—можешь
Ихъ отмѣнить: тебя благословятъ,
Какъ твоего благословляли дядю,
Когда престолъ онъ Грознаго пріялъ.
Современемъ и понемногу снова
Затягивай державныя бразды:
Теперь ослабь, изъ рукъ не выпуская.
Будь милостивъ, доступенъ къ иноземцамъ,
Довѣрчиво ихъ службу принимай.
Со строгостью храни уставъ церковный;
Будь молчаливъ! не долженъ царскій голосъ
На воздухѣ теряться попустому:
Какъ звонъ святой, онъ долженъ лишь вѣщать
Велику скорбь или великій праздникъ.
О, милый сынъ! ты входишь въ тѣ лѣта,
Когда намъ кровь волнуетъ женскій ликъ:
Храни, храни святую чистоту
Невинности и гордую стыдливость!
Кто чувствами въ порочныхъ наслажденьяхъ
Въ младые дни привыкнулъ утопать,
Тотъ возмужавъ угрюмъ и кровожаденъ,
И умъ его безвременно темнѣетъ.
Въ семьѣ своей будь завсегда главой;
Мать почитай, но властвуй самъ собою:
Ты мужъ и царь; люби свою сестру—
Ты ей одинъ хранитель остаешься.

Ѳедоръ (на колѣняхъ).

Нѣтъ, нѣтъ—живи и царствуй долговѣчно!
Народъ и мы погибли безъ тебя.

Царь.

Все кончено—глаза мои темнѣютъ,
Я чувствую могильный хладъ.

(Входитъ патріархъ, святители, за ними бояре. Царицу ведутъ подъ руки, царевна рыдаетъ.)

Кто тамъ?
А схима!.. такъ! святое постриженье...
Ударилъ часъ! въ монахи царь идетъ—
И темный гробъ моею будетъ кельей.
Повремени, владыко патріархъ!
Я царь еще. Внемлите вы, бояре:
Се тотъ, кому приказываю царство:

---

[1]) «Сей человѣкъ, по словамъ Карамзина, назывался *именемъ ужаснымъ* для Бориса и любезнымъ для Россіи.»

[2]) **Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ** былъ человѣкъ рѣшительный и смѣлый. Борисъ вывелъ его изъ родовой опалы, давъ ему въ 1601 г. санъ окольничаго. Впослѣдствіи Басмановъ втеченіе 40 дней отстаивалъ отъ самозванца Новгородъ-Сѣверскъ, а во время битвы Лжедимитрія съ царскою ратью дѣйствовалъ такъ въ тылу, что самозванецъ долженъ былъ прекратить сѣчу. За эти услуги Басманова Борисъ не остался передъ нимъ въ долгу. Царь устроилъ ему торжественный въѣздъ въ столицу, возвелъ его въ санъ думнаго боярина, осыпалъ деньгами и подарилъ доходное имѣніе.

Цѣлуйте крестъ Ѳеодору... Басмановъ,
Друзья мои!.. при гробѣ васъ молю
Ему служить усердіемъ и правдой!
Онъ такъ еще и младъ и непороченъ,
Клянетесь ли?

Бояре.

Клянемся.

Царь.

Я доволенъ.
Простите жъ мнѣ соблазны и грѣхи,
И вольныя и тайныя обиды.
Святый отецъ, приближься, я готовъ.
(Начинается обрядъ постриженія. Женщинъ въ обморокѣ выносятъ.)

А. Пушкинъ.

НАРОДНАЯ ПѢСНЯ ПРО ЦАРЕВНУ КСЕНІЮ. [1]

А сплачется на Москвѣ царевна,
Бориса дочь Годунова:
„Ино Боже, Спасъ милосердый,
За что наше царство загибло?
За батюшково ли согрѣшенье,
За матушкино ли немоленье?..
А, свѣты вы, наши высокія хоромы,
Кому вами будетъ владѣти
Послѣ нашего царскаго житья?..
А, свѣты-браные убрусы,
Береза ли вами крутити?
А, свѣты-золоты ширинки,
Лѣсы ли вами дарити?
А, свѣты-яхонты сережки,
На сучье ли васъ задѣвати—
Послѣ царскаго нашего житья,
Послѣ батюшкова преставленья,
А свѣта-Бориса Годунова?..
А что ѣдетъ къ Москвѣ разстрига,
Да хочетъ теремы ломати,
Меня хочетъ, царевну, поимати,
А на Устюжну на Желѣзную отослати:
Меня хочетъ, царевну, постричи,
А въ рѣшетчатый садъ засадити...
Ино охти—мнѣ горевати:
Какъ мнѣ въ темну келью ступити,
У игуменеи благословиться!“

ЛЖЕДИМИТРІЙ. [2]

(1605 г.—1606 г.)

Безвѣстный царь, бродяга безымянный,
Какъ малолѣтокъ, падокъ на утѣхи;
Какъ скоморохъ, безъ разума проворенъ;
Какъ пьяный дьякъ, болтаетъ безъ умолка,
Онъ вскормленникъ прямой пановъ хвастливыхъ!

А. Островскій.

ИЗЪ ДРАМ. ХРОН. „ДМИТРІЙ САМОЗВАНЕЦЪ И ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.“

(21 іюня 1605 г.)

Золотая палата. Дмитрій и Басмановъ *(входятъ).*

Дмитрій.

Такъ, вотъ она—палата крѣпкой власти
И грозныхъ думъ, святой и непреступный
Пріютъ царей!.. По золотому полю
Тяжелое и строгое письмо...
Такъ прочно все, такое вѣковое!
Вотъ старый тронъ; на немъ мой братъ Ѳеодоръ

[1]) Послѣдніе годы своей страдальческой жизни несчастная Ксенія Борисовна Годунова (въ иночествѣ *Ольга*) провела въ Суздальскомъ Покровскомъ женскомъ монастырѣ, гдѣ и скончалась 30 августа 1622 г. Передъ смертію она била челомъ царю, чтобы позволилъ похоронить ее въ Троице-Сергіевской Лаврѣ вмѣстѣ съ отцомъ и матерью. Царь исполнилъ ея просьбу. (Истор. Библ. 1879 г. № 9, ст. Оглоблина «Арсеній архіепископъ Элласонокій,» стр. 28)

[2]) Костомаровъ признаетъ самозванца твореніемъ боярской партіи, враждебной Борису. Былъ въ этомъ убѣжденъ и Годуновъ, не задумавшійся, когда раздался слухъ о появленіи Димитрія въ Польшѣ, сказать боярамъ: «знаю, это ваше, ваше дѣло, вы хотите погубить меня!» И дѣйствительно, для боярской родовитости и русской національной чести было черезъ чуръ унизительно, что на престолъ Московскій взошла фамилія незнатная, да вдобавокъ еще татарской крови. Нужно было уничтожить Годунова и его семью,—и имя погибшаго Димитрія послужило для этой цѣли вѣрнѣйшимъ орудіемъ. Самозванцу съ малыхъ лѣтъ внушали, что онъ царевичъ, сынъ Грознаго; и онъ вѣрилъ въ свое царское происхожденіе, иначе не велъ бы себя такъ открыто, какъ не жилъ ни одинъ изъ московскихъ царей; не отдалъ бы дѣла Шуйскаго, въ которомъ замѣшался вопросъ о его собственной личности, на судъ всѣхъ сословій Русской земли; не пренебрегалъ бы доносами о существующемъ заговорѣ и, что всего убѣдительнѣе, въ послѣднія минуты жизни своей, расшибленный и окровавленный, не сказалъ бы бунтовщикамъ: «Спросите у матери; выведите меня на Лобное мѣсто и дайте мнѣ говорить.»

Сидѣлъ въ мечтахъ о житіи небесномъ,
О царственныхъ заботахъ не радѣя.
Отецъ Иванъ для буйствъ своихъ татарскихъ
Святую тишь палаты покидалъ
И въ слободѣ кромѣшной запирался;
А здѣсь сидѣлъ, посаженный для смѣха,
Крещеный царь татарскій, богомольный,
Судилъ народъ и жилъ благочестиво...
Гдѣ онъ теперь?

Басмановъ.

Про князя Симеона
Ты спрашивать изволишь? Годуновымъ
Онъ сосланъ былъ: Борисъ его боялся.
Онъ въ отчинѣ, въ Кугналинѣ селѣ;
Слѣпой старикъ, едва волочитъ ноги.

Дмитрій (съ усмѣшкой).

Великій князь и царь всея Россіи—
Въ изгнаніи! Гонцовъ къ нему отправить,
Привезть опять въ Москву съ большимъ почетомъ,
И величать попрежнему царемъ.

Басмановъ.

Но, государь...

Дмитрій.

Басмановъ! Мнѣ ль бояться
Татарина! Я не Борисъ. Я милость
Дарую всѣмъ опальнымъ Годуновскимъ!
Довольно мукъ, Басмановъ! Нынѣ милость,
Одна лишь милость царствуетъ надъ вами.

Басмановъ.

Ты милостью себя на вѣкъ прославишь,
Но безъ грозы ты царствомъ не управишь.

Дмитрій.

Не диво мнѣ такія рѣчи! Править
Вы знаете одно лишь средство—страхъ!
Вездѣ, во всемъ вы властвуете страхомъ:
Вы женъ своихъ любить васъ пріучали
Побоями и страхомъ; ваши дѣти
Отъ страха глазъ поднять на васъ не смѣютъ;
Отъ страха пахарь пашетъ ваше поле;
Идетъ отъ страха воинъ на войну;
Ведетъ его подъ страхомъ воевода;
Со страхомъ вашъ посолъ посольство правитъ;
Отъ страха вы молчите въ Думѣ царской!
Отцы мои и дѣды, государи,
Въ Ордѣ татарской, за широкой Волгой,
По ханскимъ ставкамъ страха набирались,
И страхомъ править у татаръ учились.
Другое средство лучше и надежнѣй—
Щедротою и милостью царить.

Басмановъ.

Великій царь, являй свои щедроты
И милости несчестныя; но, ради
Сиротъ твоихъ, для нашего спокоя,
Жалѣй свою вѣнчанную главу! (Становится на колѣни.)
Не дай расти и созрѣвать измѣнѣ!
Измѣнниковъ казни!

Дмитрій (быстро).

А гдѣ измѣна?
Измѣнникъ кто?

Басмановъ.

Бояринъ твой великій,
Василій Шуйскій. Прослѣдилъ измѣну
И вывелъ я; она ясна, какъ день.

Дмитрій.

Не вѣрю я. Владычество тирана
Пугливаго васъ пріучило видѣть
Измѣнниковъ вездѣ.

Басмановъ.

Бояръ пронырство
Не вѣдомо тебѣ; ты съ нами не жилъ.
Грозна была опала государей,
Родителей твоихъ и Годунова;
Но если бъ знать ты могъ бояръ крамольныхъ
Всѣ помыслы, ты казнямъ бы Ивана
Не подивился. Въ самой преисподней,
На самомъ днѣ клокочущаго ада,
Не выковать такихъ сѣтей, какими
Они тебя и Русь опутать могутъ.
Великій царь, не вѣрь своимъ боярамъ,
Не вѣрь рѣчамъ, улыбкамъ и поклонамъ—
Казни ты ихъ направо и налѣво,
А Шуйскаго впередъ—онъ всѣмъ начало.

Дмитрій.

Ужасенъ смыслъ рѣчей твоихъ, Басмановъ!
Ты холодомъ меня обвѣялъ. Думалъ
Я милостью привлечь сердца народа,
А ты казнить велишь.

Басмановъ.

Я умоляю.

Дмитрій.

Я никого не осужу одинъ,
И не пролью ни капли крови русской!
Надъ Шуйскимъ судъ назначить въ нашей Думѣ
Изъ выборныхъ отъ всѣхъ чиновъ народа,
И дать ему всѣ средства оправдаться.
Оставь меня!.. (Басмановъ уходитъ.)
Сиротливо
Въ душѣ моей! Расписанные своды
Гнетутъ меня, и непривѣтно смотрятъ,
Неродственно таинственные лики
Изъ темной позолоты стѣнъ угрюмыхъ...
Мнѣ рада Русь, но ты, холодный камень,
Святымъ письмомъ расписанный, ты гонишь,
Ты трепетомъ мою обвѣялъ душу—
Я здѣсь чужой! Сюда безъ страха входятъ
Отшельники святые только, или
Московскіе законные цари.—
Гляжу и жду, что съ низенькаго трона
Сухой старикъ, съ орлиными глазами,
Поднимется и взглянетъ грозно... грозно!
И зазвучитъ подъ сводами глухими
Презрительно-насмѣшливая рѣчь:
„Зачѣмъ ты здѣсь? Столѣтними трудами
„И бранями потомство Мономаха,
„Среди лѣсовъ Сарматіи холодной,
„Поставило и утвердило тронъ,
„Блистающій нетлѣнными вѣнцами
„Святыхъ князей, замученныхъ въ Ордѣ,
„Окутанный одеждой херувимской
„Святителей и чудотворцевъ русскихъ,—
„Гремящій тронъ! Кругомъ его подножья
„Толпы князей склоненныя трепещутъ
„Въ молчаніи... Бродяга безбородый!
„Легко тебѣ, взлелѣянному смутой,
„Внесенному бурливыми волнами
„Бунтующей Украйны въ сердце Руси,
„Подъятому преступными руками
„Бояръ крамольныхъ, влѣзть на опустѣлый
„Московскій тронъ съ казацкаго сѣдла:
„Вскочить легко, но усидѣть попробуй!“
Отецъ названный! Я себя не знаю,
Младенчества не помню. Царскимъ сыномъ
Я назвался не самъ; твои бояре
Давно меня царевичемъ назвали
И, съ торжествомъ и злобнымъ смѣхомъ, въ Польшу
На береженье отдали. Не самъ я
На Русь пошелъ; на смѣну Годунова
Давно зоветъ меня твоя столица;
Давно идетъ по всей Россіи шопотъ,
Что Дмитрій живъ. Опальное боярство
Изъ монастырскихъ келій посылало
Ко мнѣ въ Литву, окольными путями,
Своихъ покорныхъ, молчаливыхъ слугъ—
На Годунова съ челобитьемъ. Въ Польшѣ
Король меня царевичемъ назвалъ,
Благословилъ меня на царство папа,
Царевичемъ зовутъ меня бояре,
Царевичемъ зоветъ меня народъ,
Усыновленъ тебѣ я цѣлой Русью!
Не твой я сынъ; а развѣ Годуновы
Наслѣдники тебѣ? А развѣ Ромулъ,
Пастушій сынъ, волчицею вздоенный,
Царемъ рожденъ?
Какъ сонъ припоминаю,
Что въ дѣтствѣ я былъ вспыльчивъ, какъ огонь;
И здѣсь, въ Москвѣ, въ большомъ дому боярскомъ,
Шептали мнѣ, что я въ отца родился,
И радостно во мнѣ играло сердце.
Такъ кто же я?... Ну, если я не Дмитрій,
То сынъ любви иль прихоти царевой...
Я чувствую, что не простая кровь
Течетъ во мнѣ; войнолюбивымъ духомъ
Кипитъ душа—побѣдъ, коронъ я жажду,
Мнѣ битвъ кровавыхъ нужно, нужно славы,
И цѣлый свѣтъ въ свидѣтели геройства
И подвиговъ моихъ. Отецъ мой грозный,
Пусти меня! Счастливый самозванецъ
И царствъ твоихъ невольный похититель,
Я не возьму тиранскихъ правъ твоихъ—
Губить и мучить. Я себѣ оставлю
Одно святое право всѣхъ владыкъ—
Прощать и миловать. Я обѣщаю
Прославить Русь и вознести высоко,
И потому теперь сажусь я смѣло
На сей священный, грозный маіестатъ.

А. Островскій.

ИЗЪ ТРАГЕДІИ „ДИМИТРІЙ САМОЗВАНЕЦЪ.“

Димитрій и царица **Марія**, въ иночествѣ **Марѳа**.

Димитрій.

Мы здѣсь одни. Я жду твоихъ велѣній.

Мароа.

Свой монастырь и кельи тихій кровъ
Отшельница оставила не даромъ.
Я съ просьбою великой...

Димитрій.

Говори.

Мароа.

О, далеки отъ страждущаго сердца
Весь дольній міръ и громъ его суетъ.
Земная жизнь ужъ кончилась для Мароы:
Печальная вдовица погребла
Всѣ радости, надежды и отрады
Въ могилѣ той, гдѣ спитъ кровавый трупъ,
Младенца трупъ—Димитрій мой.

Димитрій.

Царица,
Онъ живъ во мнѣ.

Мароа.

Оставь: мнѣ тяжело!
Тамъ, за стѣной, въ затворѣ молчаливомъ,
Гдѣ свѣта шумъ безвѣстенъ и забытъ,
Промчалась вѣсть ужасная, что Шуйскій
Насъ обличалъ въ обманѣ, что его
Приговорилъ ты къ смерти. Правда ль?

Димитрій.

Правда.

Мароа.

Прости его. Когда безчеловѣчный
Борисъ убилъ младенца моего—
(О, Боже мой! на душу Годунова
Излей весь гнѣвъ, все мщеніе свое!)
Князь Шуйскій...

Димитрій.

Скрылъ убійцу отъ законовъ.

Мароа.

Преступника не могъ онъ наказать.
Довѣріемъ и даже властью царской
Владѣлъ Борисъ. Отъ горести моей
Бѣжали всѣ со страхомъ и презрѣньемъ;
Но Шуйскій князь въ растерзанную грудь
Пролилъ елей духовныхъ утѣшеній,
Со мной одинъ горячею слезой,
Отрадною для горестнаго сердца,
Онъ обливалъ младенца ранній гробъ.
Прости его: о, будь великодушенъ!
Ты царствуешь, ты силенъ, ты счастливъ.

Димитрій.

Кто? я счастливъ? Да, я одѣтъ въ порфиру,
Передо мной толпится пышный дворъ...
Ха, ха, счастливъ! А тамъ, кругомъ волненье,
И заговоръ, и ропотъ, и ножи,
Остримые уликою безумной!
И вкругъ себя я долженъ собирать
Надменную дружину иноземцевъ,
Ея мечомъ и цѣпью устрашать
Родную Русь! Моя завидна участь!
Здѣсь, во дворцѣ, передъ лицомъ царя,
Пришелецъ, ляхъ осмѣлился... О, Боже!
И онъ живетъ еще! Передо мной
Безстыдный ляхъ москалями ругался!
Я чувствовалъ, что весь затрепеталъ,
Душа огнемъ и ядомъ наливалась;
Я могъ его убить, я могъ во прахъ
Его стоптать, спалить безумца громомъ—
И я стерпѣлъ, и долженъ былъ молчать.
А кто виной? Князь Шуйскій. Кто народу
Съ его царемъ борьбу готовить смѣлъ?
Кто? Шуйскій твой. Но онъ умретъ.

Мароа.

Какъ страшенъ!

Димитрій.

Пусть всѣмъ другимъ я страшенъ—не тебѣ,
Царица-мать. Какъ сынъ, всегда покорный,
Я воскрешу умершаго.

Мароа.

О, нѣтъ!
Не отдаетъ усопшаго могила:
Ты вѣчно чуждъ для сердца моего,
Не воскресишь его. Нѣтъ! онъ былъ кротокъ,
Какъ день весны, какъ ангелы небесъ.
Въ его груди младенческой и нѣжной
Былъ огнь любви прекрасной, безмятежной,
Былъ тихій рай... и этотъ рай исчезъ.
Я—грѣшница—кого въ его порфиру,
Я облекла? О, Боже мой!

Димитрій.

Кого?
Да—я не царскій сынъ; но благодатью силы
Помазанъ я и духомъ славныхъ дѣлъ;
Но Іоаннъ изъ глубины могилы

Мнѣ завѣщалъ державный свой удѣлъ.
Онъ мой теперь! Покойники во гробѣ,
И крѣпко спятъ. Онъ мой! я не отдамъ
Плода трудовъ, отчаянныхъ сраженій,
И долгихъ думъ и тяжкихъ ухищреній:
Не уступлю презрительнымъ врагамъ.

Марѳа.

О, царствуй долго, счастливо!

Димитрій.

Послушай!
Открыть обманъ, иль Шуйскаго простить—
Почти одно.

Марѳа.

Ахъ, для меня, преступной,
То лучше бъ было. Вѣрь—и для тебя!
Обманъ тяжелъ, ужасенъ грѣхъ—и долго
Не процвѣтетъ неправда на землѣ.
Когда бъ вѣнецъ ты скинулъ добровольно...

Димитрій.

О, перестань! Ты не поймешь меня:
Ты женщина. Корона Мономаха
Тебѣ лишь злато и алмазъ; престолъ—
Комъ золота и камней; а порфира...
Что говорить? Ты не поймешь меня.
Вѣдь подвиги, и слава, и безсмертье—
Все для тебя невнятныя слова.
Но слушай: тамъ, за нынѣшней Россіей,
На югъ, далеко есть волшебный край,
Тамъ благодать степей широкихъ,
И рай земной въ ущеліяхъ долинъ,
И льются воды рѣкъ глубокихъ,
И свѣтелъ видъ морскихъ пучинъ;
Тамъ вьются лозы винограда
По скату горъ, въ тѣни густыхъ садовъ;
Тамъ людямъ жизнь и свѣтъ—отрада,
Тамъ неба сводъ безъ облаковъ.
И этотъ край—онъ былъ Россіей прежде.
Ты поняла ль?

Марѳа.

Быть можетъ, поняла.

Димитрій.

Гляди туда, гдѣ странъ московскихъ грань!
Тамъ новый міръ, тамъ люди горды, смѣлы,
Въ сердцахъ огонь, а въ мысляхъ свѣтъ и жаръ;
Тамъ руки ихъ природу покоряютъ,
И небеса измѣрилъ хитрый взглядъ,
И города и села процвѣтаютъ,
И корабли моря переплываютъ,
И дышетъ медъ, и краски говорятъ...
Я оживлю свой Сѣверъ: грады, села
Я вызову изъ мертвой сей земли,
И свѣтъ наукъ, и блескъ художествъ дивный
Я разолью—и памятенъ вѣкамъ
Останется Димитрій.

Марѳа.

Онъ безуменъ!

Димитрій.

И это все отбросить!—Никогда!
Нѣтъ—онъ умретъ, опасный властолюбецъ!
Умретъ твой Шуйскій!

Марѳа.

О, внемли, внемли!
Невиненъ онъ: мы грѣшны передъ Богомъ!

Димитрій.

Господь проститъ.

Марѳа.

Нѣтъ, не проститъ меня!
Безумная, въ порывѣ мести жадной,
Паденію Борисовыхъ дѣтей
Я радоваться смѣла; предъ народомъ,
Передъ Творцомъ отъ сына отреклась.
Съ тѣхъ самыхъ поръ какъ тяжко я страдаю,
Ты вѣдаешь, единый Царь сердецъ!
Бывало, я съ слезами говорила
Объ мертвецѣ—теперь молчать должна:
Мнѣ крикъ торжествъ гремитъ насмѣшкой злою,
Мнѣ говорятъ: „Ты счастливая мать“—
И я смѣюсь, а сердце кровью плачетъ.
О, вѣрь мнѣ, вѣрь! ужасна жизнь моя!
Отъ таинства святого покаянья
Преступница навѣкъ удалена.
Хочу молиться—страшно! Между мною
И алтаремъ, какъ тѣнь, обманъ стоитъ,
Упрекъ звучитъ въ словахъ церковныхъ пѣсенъ,
И колоколъ анаѳему гласитъ,
И душно мнѣ, и Божій храмъ мнѣ тѣсенъ,
И я бѣгу. О, ужасъ! отъ кого?
Отъ Бога! Ахъ! бывало, я вступала
Съ веселіемъ въ Его пресвѣтлый храмъ.
Тамъ для меня отрадой все дышало,

Такъ сладостно курился оиміамъ,
Передъ иконой Чистой Дѣвы
Такъ ярко теплился елей,
И стройно въ хоръ сливалися напѣвы,
И неба гласъ звучалъ въ груди моей.
И я тогда молилась сладко, сладко,
Молилася объ сынѣ... и потомъ
Являлись мнѣ чудесныя видѣнья,
Являлся онъ, какъ ангелъ, предо мной;—
И лились токи исцѣленья
Для ранъ души моей больной.
Бывало! Но теперь!—подумать страшно!—
И ночи мракъ, и образъ Пресвятой,
И звукъ молитвъ укоромъ безпрерывнымъ
Мой грѣшный духъ волнуютъ. Сны мои
Какихъ-то лицъ, какихъ-то гласовъ полны,
И слышу я: „отъ сына отреклась—
И отъ тебя онъ въ небѣ отречется“.

Димитрій.

Мечты, однѣ мечты.

Марѳа (на колѣняхъ).

Прости, прости
Ты Шуйскаго, иль въ ссылку, въ городъ дальній
Его сошли, но крови не пролей!
Ужасна кровь невиннаго: я знаю—
Горящею рѣкой она течетъ
И духъ убійцъ уноситъ въ адъ! За гробомъ
Я сына не увижу—никогда,
И въ небесахъ не встрѣчуся съ младенцемъ.
Прости, прости! Но ты не умолимъ.
Я плакала—и ты меня отвергнулъ;
Я унижалась—ты мнѣ не внималъ.
Теперь иду на площадь—и увидимъ,
Узнаетъ ли обманутый народъ
Стонъ матери и тяжкой скорби голосъ?
Прощай!

Димитрій.

Постой! не начинай борьбы:
Она была бъ ужасна. Я исполню
Твои желанья. Близокъ казни часъ,
Но я пошлю преступнику пощаду.
Согласна ль ты произнести обѣтъ,
Что никогда ты тайнѣ не измѣнишь,
Что никогда страдающей души
Передъ другимъ не выскажешь?

Марѳа.

Согласна.

Димитрій.

Что я твой сынъ отсель? Согласна ль ты?
Клянешься?

Марѳа.

Да.

Димитрій.

Пойдемъ передъ икону.

А. Хомяковъ.

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ЖИЗНИ САМОЗВАНЦА.

1.

РОПОТЪ ВЪ НАРОДѢ.

Ужъ втайнѣ ходятъ нареканья
Давно въ народѣ на царя:
Какого онъ исповѣданья,
Никто не знаетъ.—„Слышь, онъ зря
Мясное ѣстъ! Телятокъ бѣдныхъ
На бойнѣ рѣжутъ, экій грѣхъ!
Въ его палатахъ плясъ и смѣхъ,
Людей привезъ съ собой онъ вредныхъ...
Не ладно что-то на Руси! [1])
Не даромъ знамени являться
Ужъ стали намъ на небеси.
Господь прогнѣвался!—Едва ли
Все это кончится добромъ.
Охъ, быть бѣдѣ и грянетъ громъ!“—
Такъ люди на Москвѣ болтали,
А воръ довѣрчивый, межъ тѣмъ,
Къ доносамъ былъ и глухъ, и нѣмъ.
Счастливымъ опьяненный рокомъ,
Онъ замышляетъ надъ Востокомъ
Свою державу утвердить.
Весной онъ жаждетъ снарядить
Походъ на Крымъ и для того

---

[1]) По мнѣнію покойнаго С. М. Соловьева, въ Москвѣ оскорблялись не столько отступленіемъ самозванца отъ старыхъ обычаевъ, сколько пристрастіемъ его къ чуждой вѣрѣ и къ иноземцамъ, изъ которыхъ поляки вели себя въ Москвѣ надменно, дерзко, безчинно и буйно. Конечно, отступленіе царя отъ русскихъ исконныхъ обычаевъ не мало вредило ему во мнѣніи народа. Такъ въ «Московской лѣтописи» Бера находимъ слѣдующія строки: «Въ субботу 10 мая (1606 г.) царь приказалъ изготовить всѣ мясныя кушанья изъ телятины, презрѣвъ народный обычай: такую пищу русскіе признаютъ заповѣдною. Русскіе повара не упустили разгласить о томъ въ народѣ, и москвитяне еще болѣе убѣдились, что царь ихъ полякъ, но скрыли свое негодованіе, выжидая удобнаго случая».

Съ Европой онъ завелъ сношенья,
Въ свои онъ вѣритъ убѣжденья
И тѣмъ вѣрнѣе для него
Успѣхъ во всемъ, чѣмъ больше силы
Онъ привлечетъ къ себѣ извнѣ.

2.

ВЪѢЗДЪ МАРИНЫ МНИШЕКЪ ВЪ МОСКВУ.

Ликуетъ древняя столица,
Первопрестольная Москва,
Какъ вѣнценосная царица,
Принарядясь для торжества.
Горятъ верхушки золотыя
Ея дворцовъ, ея церквей:
На майскомъ солнцѣ горячѣй,
Кресты, сіяньемъ залитые,
Далеко видны за рѣкой,
Куда народъ валитъ толпой.
Прохода нѣтъ отъ тѣсноты;
Въ глазахъ рябитъ отъ пестроты,
Отъ металлическаго блеска
Стальныхъ оружій, сбруй, щитовъ,
Гдѣ выдѣляются такъ рѣзко
Кафтаны красные стрѣльцовъ.
Какъ протодьяконъ голосистый,
Гудетъ царь-колоколъ басистый;
Ему отвѣтствуетъ трезвонъ
Изъ всѣхъ церквей, со всѣхъ сторонъ.
На бой турецкихъ барабановъ
Толпа задвигалась быстрѣй,
Какъ стадо тѣсное барановъ,
Спѣша увидѣть поскорѣй
Посольство пышное: наряды
Горятъ, какъ цѣнные оклады
На ризахъ кованныхъ иконъ.
За ними, цугомъ запряженъ,
Плыветъ малиновый, съ гербами
Еще невиданный ковчегъ.
Подъ ростъ и бѣлые, какъ снѣгъ,
Подъ золотыми чепраками
Двѣнадцать кровныхъ жеребцовъ,
Сверкая золотомъ подковъ,
Оправой камней самоцвѣтныхъ,
Карету царскую везутъ;
Въ одеждахъ польскихъ, разноцвѣтныхъ
Двѣнадцать конюховъ ведутъ
Ихъ подъ уздцы, и вслѣдъ за ними
Подъ яркой вышивкой сѣдла,
Косясь, кусая удила,
Гордяся предками своими,
Танцуетъ кровный аргамакъ,
Съ нимъ еле справится казакъ.
Чтобъ видѣть царскую невѣсту,
Спѣшитъ къ заставѣ вся Москва.
Зачѣмъ же странныя слова
Въ народѣ шепчутся не къ мѣсту:
„Ишь, басурманка! безъ поповъ,
Безъ образовъ ее встрѣчаютъ!
Законы прадѣдовъ, отцовъ
Ужъ для нея не соблюдаютъ!
Неладно такъ! Того гляди
Бѣда стрясется...“
Посреди
Шатра, обитаго коврами,
Гдѣ полъ усыпанъ весь цвѣтами,
Марина царскихъ ждетъ пословъ;
Вокругъ почтительная свита
Стоитъ, не смѣя даже сѣсть;
Отецъ, и тотъ считалъ за честь
Сидѣть поодаль. Вся залита
Отъ головы до башмачковъ
Игрой алмазовъ, жемчуговъ,
Она кругомъ распространяла
Сіянье солнечныхъ лучей,
И дума гордая сіяла
Въ зрачкахъ расширенныхъ очей...
Важнѣйшій членъ боярской Думы,
Потомокъ Рюрика сѣдой,
Ее царицей величаетъ;
Она выходитъ,—и народъ
Ее царицею встрѣчаетъ...
Къ ногамъ невѣсты, въ нетерпѣньи,
Спѣшитъ вѣнчанный царь-женихъ,
И въ этотъ лучшій жизни мигъ
Забыты всѣ его сомнѣнья.

Свершилось: шапка Мономаха,
Святыня древняя царей,
По волѣ бѣглаго монаха
Горитъ алмазами на ней.
Свершилось: мрачный сводъ собора
Дрожитъ отъ свадебнаго хора,
Отъ многолѣтья. Близъ царя,
Какъ небо звѣздное горя,
Сидитъ Московская царица
(Неправославная дѣвица!),
Позоря святость алтаря
И возбуждая гласъ народный
Гремѣть, какъ Божій гласъ свободный,
Какъ звонъ набата вѣчевой,
Надъ вѣнценосной головой.

3.

БЕЗПЕЧНОСТЬ САМОЗВАНЦА ПЕРЕДЪ ГРОЗОЙ.

Пируетъ царь съ своей царицей
Во вновь отстроенныхъ дворцахъ,
Что день—то праздникъ.
Но Русь не жалуетъ свободу
И твердость требуетъ въ вождѣ.
Отъ развлеченій чужестранныхъ
Въ испугѣ люди. — „Огнь небесъ
Какъ не сойдетъ на окаянныхъ?
Но царь съ царицей—словно бѣсъ
Свой шабашъ съ вѣдьмою справляютъ!“
Промежъ себя народъ болтаетъ,
Пока державный молодой,
Не вѣря слухамъ безпокойнымъ,
Справляетъ мѣсяцъ медовой.
Межъ тѣмъ надъ царствомъ непристойнымъ
Произносили приговоръ.
Князь Шуйскій помнилъ свой позоръ,
Когда палачъ держалъ топоръ
Надъ старой, гордой головою.
Древнѣйшій князь былъ имъ прощенъ,—
Имъ, этой пѣшкою живою.
За это будетъ онъ казненъ.
Уже назначенъ день расправы.
Межъ тѣмъ готовились забавы:
Турниръ, сраженье, маскарадъ;
Валы копая и канавы,
Народъ роптал, а Шуйскій радъ:
Его клевреты разжигали
Негодованіе во всѣхъ
И слухъ вездѣ распространяли,
Что рядъ воинственныхъ потѣхъ
Коварный замыселъ скрываетъ:
„Царь разстрѣлять бояръ желаетъ:
Коль ихъ не будетъ—онъ Литву
Въ чины боярскіе поставитъ
И ополячитъ всю Москву,
И вѣру римскую заставитъ
Принять насильно“. Такъ болталъ
Народъ вездѣ; ужъ были драки;
Никто обиды не спускалъ,
И устрашенные поляки
Взывали къ помощи царя;
А онъ смѣялся говоря:
„Я не боюсь!“ Феноменъ вѣка,
Сумѣвшій тронъ завоевать
Одною волей человѣка,
Онъ не хотѣлъ предполагать,
Что безсловесные рабы
Могли разбить его мечты,
И вѣрилъ въ тайный ходъ судьбы.

Полночь, а можетъ быть и больше,
Но въ залахъ новаго дворца
Звучитъ веселье безъ конца.
Тамъ балъ, и все, какъ будто въ Польшѣ:
Отдѣлка комнатъ, все вполнѣ,—
Пестрѣетъ зала вся въ огнѣ
Узоромъ тканей разноцвѣтныхъ,
Рѣзьбой высокихъ потолковъ,
Рисунками половъ паркетныхъ,
Восточной роскошью ковровъ
И артистической отдѣлкой
Печныхъ зеленыхъ изразцовъ,
Съ рѣшеткой вычурной и мелкой
Изъ серебра. Димитрій самъ
Примѣръ даетъ своимъ гостямъ:
Онъ въ польскомъ аломъ жупанѣ
Съ своей Мариною танцуетъ...
Марина счастлива: она—
Царя вѣнчанная жена...
Ей хорошо!..

4.

ЗАГОВОРЪ ШУЙСКАГО.

Въ тотъ самый часъ,
Въ хоромахъ Шуйскаго велась
Бесѣда тихая; бояре
Сидѣли чинно у стола
За круговой; въ полоугарѣ
Вольнѣе тутъ бесѣда шла.
Вѣдь все свои: кого бояться!
Вдоль стѣнъ почтительно тѣснятся
Поближе—гости и купцы,
Подальше челядь и стрѣльцы.
Василій Шуйскій рѣчь заводитъ
Такъ мягко, вкрадчиво:
—„Друзья,“
Очами онъ гостей обводитъ,
„Купцы, бояре и князья,
Всѣ люди русскіе, не я ли
Во всеуслышанье твердилъ,
Что онъ не царь!.. вѣдь вы слыхали?
Родной землѣ не измѣнилъ
Я даже и на Лобномъ мѣстѣ,
Вы помните, когда топоръ
Надъ головой висѣлъ?.. По чести
Не отступился я... съ тѣхъ поръ

Вы убѣдились, что онъ воръ;
Вѣнчавшись въ церкви освященной
На иноземкѣ некрещенной,
Онъ нашу вѣру осквернилъ,
Казну полякамъ раздарилъ...
Какого ждать еще стыда?
Не лучше ль разомъ навсегда
Покончить начатое дѣло
Безотлагательно и смѣло.
Пропала Русь, коль деревца
Тотчасъ не вырвемъ мы съ корнями.
Ужели ждать еще конца?
Оно раздавитъ насъ вѣтвями,
И намъ осталось—иль пропасть,
Иль вырвать съ корнями напасть,
Не то и дѣтки наши малы
Отцу Небесному на насъ
Жалѣться будутъ! Что-жъ, заразъ,
Идемъ, что-ль, други?! Я, пожалуй,
Готовъ за вѣру и народъ,
Какъ предводитель вашъ, впередъ
Итти на вора!..“ Крикъ единый
Отвѣтилъ на призывный кликъ
Вождя измѣны... „Да, идемъ!
Веди насъ, князь! Мы Русь спасемъ!“
И такъ за чаркой пьяной браги
Померкла яркая звѣзда
Самодержавнаго бродяги
И закатилась навсегда.
Другой искатель царской власти
Въ ту ночь прокладывалъ себѣ
Дорогу къ царству... Такъ въ борьбѣ
Враждебныхъ партій часто страсти
И цѣли тайныя вождей
Покрыты лозунгомъ идей.

5.

МЯТЕЖЪ.

Прошли два дня—условный срокъ.
Заря полоской кровяною
Слегка окрасила востокъ.
Какъ ревъ разбуженнаго льва,
Завылъ набатъ, и вся Москва
Въ одно мгновеніе проснулась,
Какъ ошалѣлая, метнулась,
Ища условленныхъ крестовъ,
И съ крикомъ: „бей Литву!“ рванулась
Въ ворота мѣченныхъ домовъ.
Еще поляки не очнулись,
Какъ вдругъ широко распахнулись
Ворота Спасскія... Съ крестомъ
Въ одной рукѣ, въ другой—съ мечомъ,
Явился Шуйскій. Словно пламя,
Взвилось распущенное знамя.
Толпа рванулась въ Кремль. Межъ тѣмъ,
Не растревоженный ничѣмъ,
Димитрій спалъ; передъ зарею
Успѣлъ недавно онъ вздремнуть.
Всю ночь опять былъ пиръ горою,
Послѣдній пиръ...

А. Львова.

СВЕРЖЕНІЕ СЪ ПРЕСТОЛА ЛЖЕДИМИТРІЯ.

(изъ драм. хрон. „Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій“.)

(17 мая 1606 г.)

Л и ц а:

Дмитрій, самозванецъ.
Басмановъ.
Шуйскіе, братья **Василій** и **Дмитрій.**
Голицынъ, князь **Василій Васильевичъ.**
Куракинъ, князь **Иванъ Семеновичъ.**
Татищевъ.
Молчановъ.
Валуевъ и **Воейковъ**, дворяне.
Калачникъ (Иванъ).
Сотникъ стрѣлецкій.
Стрѣльцы, нѣмецкая стража, народъ.

Передняя зала съ выходомъ на галлерею въ новомъ дворцѣ.

Выходитъ Басмановъ.

Б А С М А Н О В Ъ.

А солнце ужъ высоко поднялось!
Со свадьбой мы все время перебили,
Смотали съ ногъ дворцовую прислугу;
Коморники встаютъ позднѣе насъ—
Ни одного въ покояхъ. (Набатъ). Ударяютъ!
Что̀ рано такъ? Аль праздникъ гдѣ? Сегодня
Андроника, Стефана... Гдѣ-то близко...
Никакъ набатъ? И то набатъ! Вотъ горе!
Пожаръ теперь—бѣда! Перепугаетъ
Гостей у насъ; Москва горѣть горазда:
Какъ примется и не уймешь, покуда
Не выгоритъ поболѣ половины. (Повсемѣстный набатъ).
По всѣмъ церквамъ! Ужасенъ звонъ набата,
Отрывистый и частый! За ударомъ
Гудитъ ударъ и обливаетъ сердце
Томительной тоской передъ бѣдою
Невѣдомой! (Дмитрій входитъ.)

Дмитрій.

Басмановъ, что такое?

Басмановъ.

Должно, пожаръ.

Дмитрій.

Поди, узнай скорѣе.
(Басмановъ уходитъ на галлерею.)

Басмановъ (съ галлереи).

Бояре! Эй! Бояре!.. За набатомъ
Рѣчей не слышно... Ась!.. Зачѣмъ въ набатъ
Ударили?

Голосъ (за сценой).

Горитъ неподалеку.

Басмановъ.

Кричатъ: горитъ! а дыму не видать. (Дмитрію.)
Никакъ въ Кремлѣ! Чу! Слышишь, зашумѣли,
Валятъ толпы народныя.

Дмитрій (у окна).

Развѣдай,
Куда бѣгутъ они, зачѣмъ, откуда? (Басмановъ уходитъ.)
Не шумъ, а вопль несется. Нѣтъ, со страха
Не такъ шумятъ. Оружіе! Угрозы!
Ужель мятежъ? Ужель Басмановъ правъ?
Ужели смерть и страшный судъ такъ близко!
Застыла кровь, и каждый волосъ дыбомъ
Становится. Не страхъ ли то? О нѣтъ,
Не робокъ я; зачѣмъ же, противъ воли,
Прошедшее толпой тѣснится въ грудь?
И юности моей бродячей годы
Встаютъ теперь въ моемъ воспоминаньи,
Самборскій пиръ и кіевская келья,
Московскій Кремль, народа ликованье,
И битвы шумъ, и звонъ колоколовъ,
Вѣнчаніе и, наконецъ, побѣда
Надъ гордостью красавицы любимой!
(Входитъ Басмановъ, десятка три нѣмцевъ съ алебардами. Звонъ оружія и крики.)

Басмановъ.

Ахти, бѣда! Спасайся, государь!
Я говорилъ не разъ; ты мнѣ не вѣрилъ.

Дмитрій.

Измѣнники, бояре, вы согнали
Во львиное гнѣздо овечье стадо!
Крамольники! Своими головами
Заплатите за кровь невинной черни.
Я съ висѣлицъ высокихъ васъ заставлю
Пересчитать всѣ жертвы мятежа!

Басмановъ.

Бѣги скорѣе! Внизу дерутся нѣмцы,
А этихъ здѣсь поставимъ у дверей.
(Вбѣгаетъ Молчановъ.)

Молчановъ. [1])

Мятежъ! Мятежъ! Я кое-какъ пробился...
Москва идетъ на насъ, купцы, бояре.

Дмитрій.

Собрать скорѣй всѣхъ нѣмцевъ и поляковъ
И вѣрныхъ намъ стрѣльцовъ. Микулинъ гдѣ?

Молчановъ.

Пройти нельзя: всѣ заняты ворота.

Дмитрій.

Кто занялъ ихъ? Басмановъ, не робѣй!

Молчановъ.

Мятежниковъ, стрѣльцовъ новогородскихъ,
Впустили въ городъ ночью. Много ихъ.

Дмитрій.

Проклятые! Басмановъ, будемъ тверды!

Молчановъ.

И видимо-невидимо народу
Московскаго сошлось со всѣхъ сторонъ.

Дмитрій.

А предводитель кто?

Молчановъ.

Василій Шуйскій,
Съ крестомъ въ одной рукѣ, съ мечомъ въ другой.

Дмитрій.

Коварный плутъ святыней прикрываетъ
Свой замыселъ, достойный сатаны.
Подайте мечъ! (Беретъ мечъ.)

---

[1]) **Молчановъ** — сторонникъ самозванца, принимавшій дѣятельное участіе въ гибели царицы и царевича Годуновыхъ.

Басмановъ.

Мятежъ во всемъ разгарѣ:
Тамъ адъ кипитъ! Куда ты, государь?
Остановись!

Дмитрій.

Пусти меня, Басмановъ!
Я умереть хочу съ мечомъ въ рукахъ.

(Выбѣгаетъ на галлерею.)

Зачѣмъ вы здѣсь? Крамольники, злодѣи,
Измѣнники! Я вамъ не Годуновъ!
Поклонами холопскими, слезами
Укланяли его да умоляли
На царство сѣсть, и сами же спихнули!
Не вы меня на царство посадили,
Я съ бою взялъ его и васъ, холоповъ.

Голоса.

Руби его! Стрѣляй! Да бейте нѣмцевъ.

(Выстрѣлы.)

Что̀ ихъ жалѣть? Чего они мѣшаютъ!

(Дмитрій входитъ въ комнату. Врывается Осиповъ.)

Осиповъ.

Проспался ль ты, безвременный царекъ!
Поди сюда! Покайся предъ народомъ!

(Басмановъ бросается на него и убиваетъ. На галлереи показываются Василій Шуйскій и народъ.)

Дмитрій (бросается съ мечомъ).

Тебя-то мнѣ и нужно!

В. Шуйскій.

Я не прячусь,
Я самъ тебя ищу.

Дмитрій.

Вамъ нуженъ Грозный!
Такъ знай же ты, что я сумѣю быть
Грознѣй его.

В. Шуйскій.

Про то мы сами знаемъ,
Кто нуженъ намъ, да только лишь не воръ.

(Дмитрій бросается на Шуйскаго; народъ загораживаетъ его. Басмановъ насильно уводитъ Дмитрія, нѣмцы загораживаютъ собою дверь, запираютъ ее и заваливаютъ мебелью.)

Дмитрій (съ отчаянія).

Не воръ! Не воръ! О! wszyscy djabli! [1]) Знали
И прежде вы... Зачѣмъ же я на тронѣ!
Зачѣмъ меня вы прежде не убили,
Пока я былъ ничтоженъ, какъ и вы!
Зачѣмъ меня на царство допустили
И дали мнѣ извѣдать сладость власти,
Начать дѣла геройскія и славу
Побѣдъ своихъ заранѣ предвкушать!
И наканунѣ подвиговъ всемірныхъ
Пришли въ глаза мнѣ бросить слово „воръ!“
Вы дали мнѣ забыться на престолѣ,
Вы опьянили раболѣпствомъ вашимъ,
Ласкательствомъ и лестью и земными
Поклонами! Вы дали львиной силѣ
Уснуть у ногъ небесной красоты!

Голоса (за дверями).

Ломайте дверь, рубите топорами!

Басмановъ.

Бѣги! бѣги!

Дмитрій.

Марина! Ахъ! Марина!

(Убѣгаетъ. Разламываютъ двери. Нѣмцы отбиваются. За дверями видны бояре: В. и Д. Шуйскіе, Голицынъ, Куракинъ, Татищевъ и другіе, всѣ въ кольчугахъ. Калачникъ предводительствуетъ толпой).

Басмановъ.

Опомнитесь, бояре! Что̀ вамъ нужно!
Зачѣмъ народъ вы подняли? (Нѣмцамъ.) Держитесь,
Друзья мои! (Боярамъ.) Просите государя,
Онъ васъ проститъ и все, чего хотите,
Пожалуетъ, лишь чернь остановите!

(Толпа опрокидываетъ нѣмцевъ. Бояре входятъ въ комнату.)

Голоса.

Показывай, гдѣ царь твой самозванный!
Давай его! Веди его къ народу!

Татищевъ.

Сначала пса убьемъ сторожевого,
Къ хозяину тогда добраться легче!

(Ударяетъ Басманова ножомъ, тотъ падаетъ.)

Бросай его съ крыльца долой, на копья
Стрѣлецкія!

(Басманова уносятъ. Толпа бросается въ царскія палаты.)

---

[1]) Wszyscy djabli—выраженіе польское, по-русски: *всѣ дьяволы.*

В. Шуйскій.

Проворнѣе, ребята!
Не забывать, зачѣмъ пришли! Пограбить
Успѣете. Ищите намъ разстригу!
Уйти нельзя! Тащите къ намъ живого,
Иль мертвого! Обезоружьте нѣмцевъ!
Не трогать ихъ, они впередъ годятся.
Спасайте бабъ! Возьми, Татищевъ, стражу,
Поставь при нихъ; царицыны покои
Оберегай!

Калачникъ (вбѣгая).

Бѣда! Нигдѣ не сыщемъ
Еретика!

В. Шуйскій.

Ищите, какъ иголку.
Уйдетъ отъ насъ, тогда не ждать пощады,
Огнемъ спалитъ, живыхъ зароетъ въ землю.

Голоса (на галлереѣ).

Онъ тамъ внизу, на житномъ.—Оступили
Его стрѣльцы московскіе; народу
Пищалями грозятся.—Чу! Стрѣляютъ!
Народъ бѣжитъ.

В. Шуйскій.

Пропали мы!
Народъ, за мной! Робята, выручайте!

Калачникъ.

Пусти меня впередъ! За мной, робята!
До насъ дошло; пришла къ рукамъ работа.
Не страшны намъ пищальные орѣхи.
За ними шли!
(Шуйскій и калачникъ съ толпой народа уходятъ.)

Куракинъ (у окна).

Народу прибываетъ!
Какъ вкопаны стрѣльцы—не подаются,
Стѣной стоятъ. Вотъ наши подоспѣли
Съ калачникомъ и Шуйскимъ, пошатнули,
Попятили стрѣльцовъ, къ крыльцу прижали,
На лѣстницу ихъ гонятъ. Отбиваясь,
Стрѣльцы царька несутъ съ собой въ покои.
(Входятъ стрѣльцы: одни вносятъ Дмитрія, другіе удерживаютъ народъ.)

Дмитрій (подаетъ руку нѣмцамъ обезоруженнымъ).

Благодарю, друзья!.. Въ очахъ темнѣетъ!
(Въ обморокѣ, его кладутъ на скамью.)

Стрѣльцы (, окружающіе Дмитрія).

Осаживай!

Другіе стрѣльцы.

Не подходите близко!
Стрѣлять начнемъ не разбирая.—Право,
Хорошаго немного: братъ на брата!..
Крещеные!—Заставите неволей,
Такъ на себя пеняйте!—Отойдите!
Начнемъ стрѣлять; пожалуй, и боярамъ
Достанется.

Калачникъ.

Ну, выстрѣли! живому
Не быть тебѣ! Положимъ всѣхъ на мѣстѣ.

Сотникъ стрѣлецкій.

Грозить еще задумалъ! Цѣловали
Мы крестъ ему, не побоимся смерти,
На то стрѣльцы; такая наша служба,
Что умирать.

В. Шуйскій.

Да было бъ за кого!
Чего же вамъ! Съ царицей говорили;
Голицынъ къ ней ходилъ Иванъ Василичъ;
Не признаетъ своимъ, сказать велѣла:
„Не сынъ онъ мнѣ!" Пожалуй, умирайте;
И мы не прочь! А что угоднѣй Богу,
За вѣру умереть, иль за разстригу,
Еретика? Москвы не удержать мнѣ!
На чьей душѣ кроворазлитье будетъ?

Сотникъ.

Да какъ-то все, бояринъ... Нѣтъ, ты лучше
Посторонись!

Стрѣльцы.

Убьемъ! не лѣзьте близко!

Калачникъ.

Да что-жъ вы, псы!.. Вались гурьбой, робята,
Въ стрѣлецкую! Душите ихъ отродье! (Стрѣльцамъ.)
Вы стойте здѣсь, разстригу берегите!
А мы дѣтей и женъ погубимъ вашихъ,
И на вѣтеръ подымемъ ваши домы!

Сотникъ.

Постой, постой! Бояринъ, мы повѣримъ
Словамъ твоимъ; а на душу возьмешь ли
Ты грѣхъ за насъ?

В. Шуйскій.

Возьму.

Сотникъ.

Теперь въ отвѣтѣ
Предъ Господомъ не мы. За мной, робята!
(Уходятъ.)

Дмитрій (очнувшись).

Зачѣмъ я здѣсь! Ахъ, ногу! грудь!.. Бояре,
Крамольники!

Д. Шуйскій.

Очнулся? Говори же,
Ты кто таковъ?

Дмитрій.

Я сынъ царя Ивана
Василича, твой царь и повелитель.
Ты не узналъ меня, холопъ!
(Василію Шуйскому.)
Ты, Шуйскій,
Мятежниковъ собралъ! Пойдемъ къ народу,
На Лобное, къ мятежникамъ твоимъ!..
Я не боюсь, я правъ, пускай разсудятъ
Меня съ тобой! Я отдаюсь на волю
Народную... Боишься ты, не смѣешь
Своей души народу обнажить?
Я все скажу! И пусть народъ узнаетъ,—
Что я честнѣй тебя, неблагодарный
Клятвопреступникъ!

В. Шуйскій.

Намъ судиться поздно!
Ты осужденъ!.. Кончайте съ нимъ, робята!
(Нагибаясь къ Дмитрію Самозванцу.)
У насъ народъ для звѣря ямы роетъ,
И въ ямѣ бьетъ, а выпусти—уйдетъ!
(Дмитрію Шуйскому.)
Ты, Дмитрій, здѣсь побудь и приглядн.
(Уходитъ. Одинъ изъ мятежниковъ замахивается на Дмитрія.)

Дмитрій.

Остановись! Ты видишь, безоруженъ
И раненъ я... (Въ бреду.) Подайте мечъ... Шварцгофъ!
Мой мечъ, Шварцгофъ!..[1]) За мной, за мной казаки!..
Вы видите, вдали бѣлѣютъ стѣны!
Возьмемте ихъ!
(Всѣ окружаютъ его и смотрятъ съ изумленіемъ. Входитъ Татищевъ и ведетъ за собой дворянъ Валуева и Воейкова.)

Татищевъ (народу).

Чего же вы стоите!
Народу тьма сошлась, ни вѣсть отколѣ,
Спасать царя бѣгутъ. Сболтнулъ имъ кто-то,
Что бьютъ его поляки.

Д. Шуйскій (въ окно народу).

Эй! Винится!
Во всемъ, во всемъ разстрига повинился.

Голицынъ (отворачиваясь).

Кровавый день!

Дмитій (въ бреду).

Несись, мой конь ретивый,
Несись быстрѣй! До цѣли не далеко.
Труба гремитъ...

Татищевъ (Валуеву и Воейкову).

Вы что-жъ остановились?
Зачѣмъ пришли? Кончай его скорѣе!

Дмитрій (въ бреду).

Смѣлѣй, въ проломъ! Къ стѣнамъ давайте лѣстницъ!
Ворота сбить!..

Валуевъ.

Благословить ужъ развѣ
Посвоему тебя, свистунъ!

Дмитрій.

Ворота!
Олеговъ щитъ!.. Ворота Цареграда...
(Валуевъ стрѣляетъ. Дмитрій падаетъ ницъ).

Д. Шуйскій (въ окно).

Покончили!

Толпа (окружаетъ Дмитрія).

Тащи его, робята,
Къ народу внизъ.

---

[1]) Курляндскій дворянинъ *Вильгельмъ* **Шварцгофъ**, одинъ изъ нѣмцевъ—тѣлохранителей самозванца.

Голицынъ.

Я слышу крикъ народный!

Нѣсколько голосовъ (за сценой).

Храни тебя Господь на многи лѣта!
Великій князь и государь Василій
Ивановичъ!

Голосъ калачника.

Кричите: многи лѣта
Великому царю и государю.

Голицынъ.

Не рано ли?

Куракинъ.

Пораньше-то вѣрнѣе,
Пока съ умомъ собраться не успѣли. [1])

Голицынъ.

Крамольникъ онъ отъ головы до пятокъ!
Крамолой сѣлъ Борисъ, а Дмитрій силой:
Обоимъ тронъ Московскій былъ могилой.
Для Шуйскаго примѣровъ не довольно;
Онъ хочетъ сѣсть на царство самовольно—
Не царствовать ему! На тронъ свободный
Садится лишь избранникъ всенародный.

А. Островскій.

НАДРУГАНІЕ НАДЪ ТРУПОМЪ САМОЗВАНЦА. [2])

Димитрія сыскали.
Спасаясь онъ прыгнулъ въ окно
И весь расшибся... все равно,
Ему погибнуть суждено!
Онъ мать зоветъ... онъ помириться
Не хочетъ съ правдой... — „Что-же мать?"
— „Да, слышь, не хочетъ его знать!"
— „Винится, что-ль, злодѣй?" — „Винится!"
Заразъ два выстрѣла... Конецъ!
Нѣтъ, нѣтъ еще! вѣдь и мертвецъ
Ожить сумѣетъ!.. и влекутъ
Распухшій трупъ за волоса
На площадь... крови полоса
За нимъ течетъ; его сѣкутъ
Ножами острыми; на столъ
Въ аршинъ длиной его кладутъ.
— „На колъ его!.. на колъ!.. на колъ!"
Реветъ толпа. Но кто-то маску
Нашелъ въ покояхъ у него.
— „Давай сюда!.. Еще чего?..
„А дудку въ ротъ!" „Дуду, вѣдь пляску
„Любилъ небось!"—Ведутъ и мать.
— „Ну, говори: твой сынъ иль нѣтъ?"
Но былъ загадоченъ отвѣтъ:
— „Теперь не мой! тогда бы звать,
„Какъ былъ онъ живъ!"
Трещитъ костеръ,
И жгутъ его, но онъ хитеръ,
Хитеръ волшебникъ,—не горитъ!
И трупъ изъ пламя вынимаютъ,
Вторично бросили... совсѣмъ
Теперь конецъ! Сгорѣлъ дотла...
Но это что еще? зачѣмъ
Собрали пепелъ?.. иль зола
Воскреснуть можетъ?.. набиваютъ
Золою пушку... заряжаютъ—
„Пали!!! Теперь ужъ не придетъ."
Какъ знать!—вѣдь имя не умретъ!

А. Львова.

ГРИШКА ОТРЕПЬЕВЪ.

(народная былина.)

За что на насъ Господь Богъ прогнѣвался,
Спустилъ на насъ великъ—тяжкій грѣхъ,
Сослалъ намъ, Боже, прелестника,
Вора Гришку Разстрижку Отрепьева?
Назвался воръ-собака прямымъ царемъ,
Прямымъ царемъ, царемъ Димитріемъ,
Царевичемъ Димитріемъ Углицкимъ;
Прельстилъ воръ-собака три земли:
Первова прельстилъ—короля въ Литвѣ,
Другова прельстилъ—землю Польскую,
Третье—сильно царство Московское.
Не успѣлъ воръ-собака воцаритися,
Похотѣлъ воръ-собака женитися:

---

[1]) Шуйскій былъ провозглашенъ царемъ 19 мая.

[2]) Очевидецъ событія Мартинъ Беръ говоритъ, что въ послѣднія минуты жизни самозванца съ нимъ поступали не лучше жидовъ: одни щипали, другіе кололи, нарядили затѣмъ въ платье пирожника и осыпали насмѣшками. Когда же Валуевъ прострѣлилъ самозванца, то «князья и бояре обнажили сабли и ножи: одинъ разсѣкъ ему лобъ, другой затылокъ, тотъ отхватилъ ему руку, этотъ ногу; нѣкоторые вонзали въ животъ ему ножи. Потомъ вытащили трупъ убіеннаго въ сѣни, гдѣ погибъ вѣрный Басмановъ, и, сбросивъ его съ крыльца, кричали: «Ты любилъ его живого, не разставайся и съ мертвымъ.» Черезъ нѣсколько времени, вслѣдствіе суевѣрнаго страха, трупъ самозванца былъ сожженъ, а самымъ пепломъ набили пушку, изъ которой и выстрѣлили въ воздухъ.

Не у князя онъ беретъ, не у боярина,
Не у насъ на Руси, въ каменно́й Москвѣ,
Беретъ воръ-собака въ проклятой Литвѣ,
У Юрья пана̀ Сандомирскаго,
Меньшую дочь его душеньку,
Душеньку Маринку дочь Юрьевну.
На вешній праздникъ въ Миколинъ день
Въ четвергъ у Разстрижки свадьба была,
А въ пятницу праздникъ Николинъ день.
Стали благовѣстить къ заутренѣ
У святого Михайла Архангела,
Гдѣ кладутся цари благовѣрные,
Благовѣрные, благочестивые;
Бояре идутъ ко заутренѣ,
Ко святому Михайлу Архангелу,
А Гришка-Разстрижка съ Маринкою
Заводитъ законъ посвоему.
Идетъ онъ во мыльню-баенку,
Маринка—во умываленку;
Бояре Богу молятся,
А онъ во мыльнѣ моется,
Маринка—во умываленкѣ;
Бояре пошли отъ заутрени,
А Гришка-Разстрижка со мыльни идетъ,
Маринка—со чистой умываленки;
На немъ тулупъ восемьсотъ рублей,
На ней саянъ въ цѣлу тысячу.
Идетъ у Ивана Великаго,
Вскричитъ тутъ, взреветъ зычнымъ голосомъ:
„Есть ли у меня звонарики?
Звоните въ на̀большій колоколъ,
Для-ради гостя дальняго,
Гостя дальняго, тестя любимаго.“
Всходитъ на крылечко красное,
Вскричитъ онъ, взреветъ зычнымъ голосомъ:
„Есть ли у меня пушкарики?
Свезите снарядъ-пушки за̀ городъ,
За тѣ ли ворота Серпуховскія:
Завтра у меня пиръ будетъ
Для-ради тестя любимаго.“
Вышелъ на крылечко на заднее,
Вскричитъ, взопитъ зычнымъ голосомъ:
„Есть ли у меня по̀вары,
Мои батюшковы приспѣшнички?
Варите ѣству скоромную,
Варите другую—постную,
Скоромну ѣству—гуси-лебеди,
А постну ѣству—рыбу бѣлую:
Завтра у меня пиръ будетъ
Для-ради гостя любимаго,
Про Юрья пана́ Сандомирскаго.“

Скоромну ѣству самъ кушаетъ,
А постну ѣству раздачей даетъ;
Честныя иконы подъ себя стелетъ,
А чудны кресты подъ пяты кладетъ.
Въ тѣ поры бояре домышлялися,
И думные дьяки догадалися,
Въ Боголюбовъ монастырь пометалися
Ко царицѣ Марѳѣ Матвѣевнѣ:
„Ай же ты, свѣтъ наша матушка,
Царица Марѳа Матвѣевна!
Прямой ли царь на царствѣ сидитъ,
Твое дитя порожденное,
Царевичъ Димитрій Ивановичъ?
Все-то дѣлаетъ не поцарскому:
Скоромну ѣству сумъ кушаетъ,
А постну ѣству раздачей даетъ;
Честны́я иконы подъ себя́ стелетъ,
А чудны кресты подъ пяты кладетъ.“
Царица Марѳа Матвѣевна
Заплакала горючьми слезьми,
Сама говоритъ таковы рѣчи:
„Глупы вы, бояре, не догадливы!
Вѣстимо Богу и всей землѣ,
Потеряно дитя мое любимое,
Царевичъ Димитрій Ивановичъ,
На Угличѣ отъ бояръ Годуновыихъ:
Его мощи лежатъ въ каменной Москвѣ
У святого Михайла Архангела,
Гдѣ кладутся цари благовѣрные,
Благовѣрные, благочестивые;
У того ли у Ивана Великаго
Завсегда звонятъ во царь-колоколъ,
Соборны попы собираются,
Панихиды совершаютъ во праздники
За память младого царевича,
Царевича Димитрія Ивановича.
А это—Гришка Отрепьевъ сынъ,
Сидѣлъ въ тюрьмѣ ровно тридцать лѣтъ,
Заростилъ себѣ крестъ во бѣлы груди,
И назвался, собака, прямымъ царемъ,
Прямымъ царемъ, царемъ Димитріемъ,
Царевичемъ Димитріемъ Углицкимъ;
Пріѣзжаетъ ко мнѣ съ угрозою,
Привозитъ наголо́ саблю острую,
Велитъ назвать своимъ сыномъ,
Княземъ Димитріемъ, царевичемъ Углицкимъ.“
Какъ тутъ бояре догадалися,
И думные дьяки домышлялися;
Выбирали себѣ дьяка думнаго,
Того ли Петрушку Басманинова,
Посылаютъ въ палаты во царскія,

Велятъ говорить не съ упадкою:
„А ты помнишь ли, Гришка, памяту-
ешь ли,
Вмѣстѣ грамотѣ съ тобой мы училися,
Во томъ монастырѣ во Чудовѣ?
Ты, Гришка, былъ чернымъ дьякономъ,
А я былъ на клиросѣ псаломщикомъ?“
Какъ тутъ Гришка-Разстрижка Отрепь-
евъ сынъ
Заглянулъ въ окно косящато:
Обступила сила кругомъ-вокругъ,
Несмѣтная сила со копьями.
Беретъ онъ книжку волшебную,
Волхвуетъ Гришка Отрепьевъ сынъ,
Думаетъ умомъ своимъ царскіимъ:

„Подѣлаю крыльица дьявольски,
Улечу теперь я дьяволомъ.“
Не поспѣлъ Гришка сдѣлать крыльи-
цевъ—
Навалила вся сила несмѣтная,
Несмѣтная сила со копьями.
Видитъ Гришка бѣду неминучую,
Скоро скочитъ въ окошко косящато—
Да о кàменья убился до смерти.
Только-то Гришка царемъ бывалъ,
Только-то Гришка и царствовалъ.
А та душенька Маринка дочь Юрьевна
Обернулась изъ окошка сорокою—
Только-то Маринку и видѣли.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ (ПОЛУЦАРЬ)
И
ТУШИНСКІЙ ВОРЪ (ЦАРЕКЪ).
(1606 г.—1610 г.)

СМУТА.

Шло время; пронеслась далеко
Про землю Русскую молва;
Ужъ Русь раскинулась широко;
Ужъ воцарилася Москва
Надъ нашимъ сѣверомъ со славой;
Уже давно орелъ двухглавый
Надъ брегомъ Каспія парилъ,
И смѣлымъ взмахомъ быстрыхъ крылъ
Черезъ уральскія твердыни
Проникъ въ сибирскія пустыни,
И дикимъ ордамъ возвѣстилъ
О грозной славѣ русскихъ силъ.
Но вслѣдъ за славою настали
Дни испытаній и печали:
На тронѣ властвовалъ злодѣй,
Несчастный царь-цареубійца:—
Русь тосковала, какъ вдовица,
По древней отраслѣ царей;
Доносы, пытки, заточенья,
Изгнанья, тайныя гоненья
Повсюду разносили страхъ;
Шепталась чернь на площадяхъ,
Дрожали мрачныя вельможи,
И въявѣ судъ свершился Божій
Надъ грѣшной царскою главой,—
И надъ несчастною страной
Всѣ казни смерти разразились:—
Мятежъ, пожары, гладъ и моръ,
И, устрашая умъ и взоръ,
На небѣ знаменья явились;
Народъ молился и стеналъ
И трепеща чего-то ждалъ,
И вдругъ въ народѣ пробѣжала,
Какъ вихрь, нежданная молва,
И встрепенулася Москва
И втайнѣ радостью взыграла:—
Какая вѣсть! Къ Москвѣ идетъ
Законный царь—сынъ Іоанна,
Чтобъ свергнуть хищника-тирана!
И дружно бросился народъ
Подъ знамя бѣглаго монаха
И путь на тронъ ему открылъ,
И на разстригу возложилъ
Вѣнецъ священный Мономаха.
Но шайкой ляховъ окруженъ
Кичливыхъ, алчныхъ и голодныхъ,
Не чтилъ обычаевъ народныхъ
Сей новый царь. Безпечно онъ
Путь открывалъ врагамъ отчизны,
Святыню, церкви оскорблялъ
И словомъ ѣдкой укоризны
Народъ великій унижалъ.

Народъ молчалъ въ тоскѣ и страхѣ;
Вездѣ въ Москвѣ царили ляхи—
Смѣялись нагло намъ въ глаза,
Все имъ безмолвно покорялось...
. . . . . . Гроза
Уже надъ ними собиралась...
Обманъ открыли тьмы уликъ —
Пошелъ въ народѣ тайный шопотъ,
Его смѣнилъ открытый ропотъ,
И превратился въ грозный крикъ,—
И загремѣли надъ Москвою
Набатомъ сорокъ сороковъ,
И всюду хлынула рѣкою
Кровь ненавистныхъ поляковъ;
И палъ увѣнчанный бродяга,
И общимъ кликомъ на престолъ
Народъ ликующій возвелъ
Потомка древняго варяга.
Но смутъ кровавыхъ и крамолъ
Не переполнилася чаша,
И надъ отчизной бѣдной нашей
Лишь собиралась туча золъ,
Скопленныхъ медленно вѣками...
Русь запылала мятежами...
Смутились лучшіе умы,
И, будто властью князя тьмы,
Всѣ страсти низкія и злыя
И всѣ мятежныя стихіи
Въ народѣ разомъ поднялись
И бурнымъ токомъ понеслись
Со всѣхъ концовъ родного края.

Б. Алмазовъ.

ПОЯВЛЕНІЕ ВТОРОГО САМОЗВАНЦА.

Надъ Русью снова грозной тучей
Носился призракъ роковой,
Неумолимый и живучій,
И снова бѣдною страной
Владѣла смута. Потрясенный
Въ своихъ основахъ, край родной
Изнемогалъ онъ, какъ больной,
Метался, бредомъ пораженный,
И ждалъ конца. Народъ не зналъ,
Кому онъ служитъ: присягалъ
Петрамъ, Илейкамъ, увлеченный
Потокомъ смуты. Новый царь,
Не прирожденный государь,
Созданье партіи боярской,
Не совмѣщалъ съ державой царской
Природныхъ доблестей; хитеръ,
Гдѣ нужно опытный актеръ,
Но ужъ отнюдь не властелинъ,
Какъ могъ онъ справиться одинъ
Съ воображеніемъ народа?
И подъ знамена коновода,
Каковъ бы ни былъ онъ, сейчасъ
Вся Русь охотно бы сошлась,
Лишь только бъ онъ взялся за дѣло
Умно, рѣшительно и смѣло.
И онъ явился!.. Шла бѣда,
И подъ названьемъ **лихолѣтья**
Съ тѣхъ поръ прослыло навсегда
Начало смутное столѣтья!
Въ Самборъ пробравшійся Молчановъ,
Созданье князя Шаховского,—
Въ Россіи смуту поднялъ снова. [1])
Но не вполнѣ для новыхъ плановъ
Годился плутъ: онъ былъ кнутомъ
За чернокнижество наказанъ
И слишкомъ многимъ былъ знакомъ.
Но онъ сыграть лишь былъ обязанъ
Одинъ прологъ. Къ нему явился
Иванъ Болотниковъ; [2]) въ плѣну
Онъ долго въ Турціи томился,
Служилъ въ Венеціи. Въ страну
Свою родную пробираясь
Черезъ Литву, онъ тамъ узналъ,
Что царь, отъ козней укрываясь,
У тещи въ зàмкѣ проживалъ.
Въ Самборъ однажды съ предложеньемъ
Явился хитрый удалецъ
И обѣщалъ вернуть вѣнецъ
Тому, въ комъ чтилъ онъ съ увлеченьемъ

---

[1]) Князь *Григорій Петровичъ* **Шаховской** былъ изъ числа тѣхъ неблагодарныхъ любимцевъ перваго самозванца, которыхъ онъ осыпалъ милостями и наградами, но которые, ради своего спасенія, громогласнѣе другихъ кляли его память. Шаховской, благодаря такому образу дѣйствій, успѣлъ расположить къ себѣ подозрительнаго царя Василія, который и назначилъ его воеводой въ Путивль. Здѣсь онъ сталъ распространять слухи, что Лжедимитрій живъ и что скоро солнце взойдетъ для Россіи изъ Сандомира. Расположивъ умы къ волненію, онъ не замедлилъ выдвинуть второго самозванца и поднять новый мятежъ.

[2]) *Иванъ* **Болотниковъ** холопъ кн. Телитевскаго, сторонника Шаховского. «Сей человѣкъ, взятый въ плѣнъ татарами, проданный въ неволю туркамъ и выкупленный нѣмцами въ Константинополѣ, жилъ нѣсколько времени въ Венеціи, захотѣлъ возвратиться въ отечество, услышалъ въ Польшѣ о мнимомъ Дмитріи и предложилъ ему свои услуги. Внутренно вѣря или не вѣря самозванцу, Болотниковъ воспламенилъ другихъ любопытными объ немъ разсказами; имѣя умъ смѣтливый, нѣкоторыя знанія воинскія и дерзость, сдѣлался главнымъ орудіемъ мятежа.» (Карамзинъ). Впослѣдствіи, по взятіи Тулы царскими войсками, Болотникова отвезли въ Каргополь и тайно утопили, а Шаховского сослали въ Каменную пустыню Кубенскаго озера.

Кровь благородную царей.
Молчановъ поспѣшилъ скорѣй
Его отправить къ Шаховскому.
Князь далъ бродягѣ удалому
Возможность дѣйствовать. Съ тѣхъ поръ
Успѣлъ онъ двинуть всю Россію.
Царя всѣ ждали, какъ Мессію;
Но онъ не шелъ, а тутъ отпоръ
Подъ Тулой выдержать пришлося;
Въ средѣ дружинъ подорвалося
Къ вождю довѣрье; истощенъ,
Разбитъ, онъ сдался и казненъ.
Но всѣ засѣянные всходы
Взошли, созрѣли... Коноводы
Нашли Димитрія, и тотъ
Себя сначала выдаетъ
За дядю Дмитрія—Нагого.
Но Рукинъ купленный клевретъ, [1])
Взболтнулъ не вовремя секретъ,
Что въ Стародубѣ царь, и слово
То разнеслося: „Гдѣ же царь?“
Пристали къ мнимому Нагому.
„Не знаю!“ За отвѣтъ другому
Пришлось платить: „Гдѣ государь?“
Пытали Рукина кнутами.
Онъ не стерпѣлъ и указалъ
На незнакомца. Тотъ призналъ
Себя за Дмитрія.—Толпами
Къ нему изъ Сѣверской земли
Сбѣжались люди; подошли
Поляки съ княземъ Мѣховецкимъ, [2])
Рожинскій гетманъ съ Вишневецкимъ, [3])
Казаки съ Дона, но никто
Не довѣрялъ царьку; зато,
Служа лишь яблокомъ раздора
Для предводителей, онъ скоро
Сталъ тяготиться; раза два
Его ловили; онъ едва
Не спился съ горя. Къ трудной роли
Пришлось привыкнуть поневолѣ.
Какъ предводитель, во главѣ
Разнокалибернаго сброда,

---

[1]) Подъячій *Алексѣй* **Рукинъ**, товарищъ новаго самозванца, расхаживалъ по городамъ Сѣверской земли и распространялъ слухъ, что Димитрій живъ.

[2]) Панъ **Мѣховецкій** тотъ самый, который, по мнѣнію современниковъ, выпустилъ Лжедимитрія изъ литовскихъ предѣловъ въ Россію.

[3]) Шмиттъ въ своей «Исторіи польскаго народа» говоритъ: «Самозванецъ былъ только щитомъ, а въ сущности власть была въ рукахъ **Рожинскаго**, который имѣлъ подъ своимъ начальствомъ 2,000 пѣхоты, 18,000 польской конницы и до 45,000 казаковъ. Лисовскій и Сапѣга составляли отдѣльные отряды въ нѣсколько тысячъ человѣкъ.»

Онъ долженъ былъ итти къ Москвѣ
Подъ покровительствомъ народа.
Сразившись съ Шуйскимъ, онъ къ веснѣ
Успѣлъ добраться до столицы,
Но очутился въ западнѣ:
Ворота заперты; бойницы
Кишатъ войсками!.. Какъ тутъ быть?
Не отступать же!.. И разбить
Пришлося таборъ... Переговоры
Въ Москвѣ велися между тѣмъ
Съ послами Польши. Ляхамъ всѣмъ
Дана свобода, и раздоры
Пріостановлены. Въ Москву
Опять вернулася Марина,
Опять предстала наяву
Предъ нею яркая картина
Незабываемаго сна:
Димитрій спасся!.. [1])
Признанье
Мариной вора помогло
Ему на время: перешло
Не мало градовъ православныхъ,
Съ Москвой по лѣтописямъ равныхъ,—
Владимиръ, Тверь и вѣчевой
Старинный Псковъ и родовой
Удѣльный Угличъ, Суздаль древній
И Ярославль—бѣды плачевнѣй
Народъ не помнилъ отъ татаръ.
Кровопролитье и пожаръ
Губили Русь... искать спасенья
Не зная въ комъ, межъ двухъ огней,
Она отъ язвы разложенья,
Страдала глубже и больнѣй,
Являя чудные примѣры
Любви, терпѣнія и вѣры!
Ростовъ упорствовалъ, спасенъ
Митрополитомъ Филаретомъ.
Онъ, въ ризы сана облеченъ,
Въ соборѣ, передъ цѣлымъ свѣтомъ,
Суровой проповѣдью встрѣтилъ
Враговъ отечества; съ него
Сорвали ризы; онъ отвѣтилъ,
Что не боится ничего—

---

[1]) Вскорѣ послѣ того, какъ самозванецъ расположился въ селѣ Тушинѣ, въ 15 вер. отъ Москвы по волоколамской дорогѣ, въ таборъ его прибыла Марина. По договору, заключенному съ поляками, царь отпустилъ всѣхъ поляковъ, оставшихся въ Москвѣ со времени перваго самозванца. Ихъ, въ томъ числѣ и Мнишка съ дочерью, отправили въ обходъ на Угличъ, Тверь и Бѣлую къ смоленскому рубежу. Но на дорогѣ плѣнники попали въ руки отряда войскъ самозванца. Мнишекъ, прельщенный разными обѣщаніями Тушинскаго вора, склонилъ дочь признать въ немъ своего мужа.

Ни мукъ, ни смерти! Въ таборъ къ вору,
Въ татарской шапкѣ, на возу
Его свезли. Пришлось въ ту пору
Невольно переждать грозу
И покориться. Патріархомъ
Его насильно нарекли.
Его боялись и подъ страхомъ,—
Не довѣряя—стерегли,
Какъ цѣнный кладъ, страшась побѣга. [1])
Межъ тѣмъ Лисовскій и Сапѣга
Громили Лавру.

Страшный стонъ
Стоялъ въ Россіи! Злой притонъ
Насилья, грубости, разврата—
Обозъ царька—душилъ народъ,
И людямъ былъ одинъ исходъ
Бѣжать въ лѣса... Шелъ братъ на брата,
Сынъ на отца.
Въ стѣнахъ столицы
Открылся голодъ, послѣ бунтъ,
А тутъ разнесся слухъ съ границы,
Что Польшу двинулъ Сигизмундъ.
Сплотилась Русь; племянникъ царскій,—
Герой Скопинъ дрался, какъ левъ;
Народнымъ духомъ овладѣвъ,
Другой начальникъ, князь Пожарскій,
Спасалъ Коломну, и близка
Была минута ополченья
Россіи всей безъ исключенья!
Исхода не было пока.
Скопинъ призвалъ на помощь шведа,
Но не легка была побѣда
Надъ страшнымъ призракомъ, и Богъ
Помочь одинъ, казалось, могъ.

А. Львова.

НАРОДНАЯ ПѢСНЯ ПРО ТУШИНСКАГО ВОРА.

Изъ за Шведскія изъ Литовскія изъ земелюшки
Выѣзжаетъ воръ-собачушка на добромъ конѣ,
На добромъ конѣ, во чисто поле.
Становился воръ-собачушка подъ столицею,
Подъ столицею, въ славномъ Рубежѣ,
Онъ разставливаетъ бѣлъ тонкій шатеръ,
Разстилаетъ во шатрикѣ шелковой коверъ,
Разсыпаетъ на коврикѣ золоты бобы;
По бобамъ сталъ воръ-собачушка угадывати:
„Не казнятъ-то насъ и не вѣшаютъ,
„Ужъ много насъ жалованьемъ жалуютъ!"
Садился воръ-собачушка на добра коня;
Онъ поѣхалъ, воръ-собачушка, во чисто поле,
Изъ чиста поля во царевъ дворецъ:
Подъѣзжаетъ онъ ко цареву дворцу,
Пріѣзжаетъ онъ на широкій дворъ;
Слѣзаетъ воръ-собачушка со добра коня,
Онъ свово коня не привязываетъ.
Восходилъ воръ-собачушка на Красенъ крылецъ,
Входилъ онъ, воръ-собачушка, во царевъ дворецъ:
Онъ самимъ боярамъ не кланяется
И самой государынѣ челомъ не бьетъ,
Онъ садился, воръ-собачушка, за дубовый столъ,
Вынимаетъ воръ-собачушка ярлыки на столъ,
По ярлыкамъ воръ-собачушка сталъ расписываться:
„Я самихъ же то бояръ во полонъ возьму,
„А съ самою царицею обвѣнчаюся!"

ПЕРЕЛЕТЫ. [1])

(изъ драм. хроники „Тушино".)

У Никольскихъ воротъ, въ Москвѣ.

Входитъ Скурыгинъ, къ нему подходятъ боярскій сынъ, посадскій, потомъ приходящіе и торговцы изъ лавокъ.

Скурыгинъ.

Ай, воры! Ну! хорошъ народъ московскій!

---

[1]) *Филаретъ Никитичъ* **Романовъ** царемъ Василіемъ Шуйскимъ былъ возведенъ въ санъ митрополита ростовскаго. Вь этомъ санѣ Филаретъ содѣйствовалъ царю въ сборѣ даточныхъ людей противъ Тушинскаго вора; но въ 1609 г. онъ подвергся новымъ бѣдствіямъ. Въ Ростовъ явились поляки требовать отъ митрополита признанія самозванца; но онъ съ немногими заперся въ церкви, куда вломились враги, убили бывшихъ тамъ людей, сняли облаченіе со святителя и, накинувъ на него рубище, повезли въ Тушино, гдѣ онъ содержался подъ присмотромъ, пока въ 1610 г. отрядъ Скопина-Шуйскаго не отбилъ его у поляковъ. (Отто и Купріяновъ. Біограф. очерки).

[1]) **Перелетами** при царѣ Василіи называли тѣхъ, кто, нарушивъ присягу вѣрности, бѣжалъ въ Тушино и, послуживъ тамъ нѣкоторое время, возвращался съ повинной головой къ Шуйскому, получалъ отъ него жалованье, а потомъ снова отъѣзжалъ въ Тушино, чтобы получить награду отъ Тушинскаго царя. Случалось, что нѣкоторые разъ пять или шесть перебѣгали туда и сюда, нарушая присягу. Бывали и такіе случаи, что иные, оставаясь въ Москвѣ на службѣ у Шуйскаго, отпускали своихъ сыновей или родичей на службу къ самозванцу и разсуждали при этомъ такъ: «если возьмутъ Москву, намъ будетъ легче, когда родня наша служитъ въ Тушинѣ». Иногда родные и близкіе люди собирались вмѣстѣ въ одномъ домѣ, обѣдали вмѣстѣ, а послѣ обѣда одни отправлялись къ царю Василію во дворецъ, а другіе—въ Тушино. (В. Сиповскій. Родная Старина, в. II, стр. 353—54).

Посадскій.

Ты что кричишь?

Скурыгинъ.

А то кричу: мы воры!
Мы воры всѣ. Я васъ не обижаю.
Чего еще, какого намъ царя!
Благочестивый царь и богомольный,
Когда бы мы царю служили правдой,
Давно бы воръ изъ Тушина бѣжалъ,
А воры мы. Ну да! Не обижайтесь!
И про себя я тоже говорю.

Посадскій.

Ни Бога въ насъ, ни совѣсти, ни правды,
Вчера клялись и цѣловали крестъ,
А нынче въ ночь бѣжали.

Боярскій сынъ.

Стыдно людямъ
Въ глаза глядѣть. Обманщиками стали
Передъ царемъ мы всѣ. Одинъ своруетъ,
А стыдъ и срамъ на всѣхъ.

Первый изъ толпы.

А кто жъ бѣжалъ?

Скурыгинъ.

Бѣжали тѣ, кто больше всѣхъ божился
Царю служить.

Боярскій сынъ.

Изъ стольниковъ бѣжали:
Князь Трубецкой, князья Черкасскій, Сицкій,
Засѣкиныхъ два брата, Бутурлинъ,
Дворянъ, дѣтей боярскихъ нѣтъ и счету.

Посадскій.

Бѣгутъ дьяки, бѣжитъ и ваша братья,
Подъячіе.

Скурыгинъ.

И ваша братья тоже,
Гдѣ есть барышъ, такъ душу продадутъ.
Такой базаръ, такая-то торговля
Подъ Тушиномъ, въ подметки не годится
Московскій нашъ гостиный дворъ.

Посадскій.

Ты, видно,
Изъ Тушина недавно самъ?

Первый изъ толпы.

Скурыгинъ-то?
Онъ только что вернулся.

Скурыгинъ.

Это правда.
Я не сержусь за правду. Точно бѣгалъ
Я въ Тушино, да я ужъ повинился
Великому царю и государю,
И онъ меня простилъ за то.

Посадскій.

Напрасно!
Въ мѣшокъ зашить, да съ камнемъ въ воду.
Грѣхъ
Такихъ воровъ прощать; тебя простили,
А ты опять уйдешь.

Первый изъ толпы.

Ужъ это вѣрно!
И ворожить не надо.

Скурыгинъ.

Ну, наврядъ ли?

Второй изъ толпы.

Повадился кувшинъ...

Скурыгинъ.

Зачѣмъ бѣжать-то?
Сулили мнѣ и горы золотыя,
И почести, и думное дворянство.

Посадскій.

Не жирно ли?

Скурыгинъ.

На мѣстѣ провалиться!
Вотъ прихожу я въ Тушино. Явился,
Гдѣ слѣдуетъ: молъ, вышелъ изъ Москвы,
На государево царево имя
Димитрія Иваныча, желаю
Служить ему; а самъ держу на мысли,
Чтобъ поглядѣть его въ глаза. На утро
Поѣхалъ воръ жену встрѣчать Маринку.
Какъ я взглянулъ!.. Какъ я взглянулъ!..
Потѣха!
Мужикъ простой, нетесанный, нескладный...
Такой-то царь у васъ! Такой-то!
Я говорю. Да развѣ глазъ-то нѣту
Во лбу у васъ?

Первый изъ толпы.

Вѣдь можетъ, ты и врешь?

Скурыгинъ.

Вотъ разрази Господь на этомъ мѣстѣ!
И Тушинскимъ царькомъ и дикимъ воромъ
Ужъ я его ругалъ, ругалъ... Ну, въ шею
И выгнали изъ Тушина меня.
(Входитъ Савлуковъ, одѣтый посадскимъ.)

Посадскій.

Ты говоришь, Маринку; да когда же
Она къ нему бѣжала? Въ Ярославлѣ
Держали ихъ съ отцомъ на заперти.

Первый изъ толпы.

Удержишь ихъ!

Второй.

Да вовсе въ Ярославлѣ
И не было ея. Она сорокой
На родину тогда же улетѣла.
Всѣ видѣли.

Первый.

Все дѣло волшебство.

Второй.

Разстрига былъ и самъ-то чернокнижникъ,
Такъ писано и въ грамотѣ царевой.
Когда его убили, объявились
Его дѣла. Одинъ изъ нашихъ видѣлъ
И книгу-то—вся черная.

Первый.

Одинъ!
Всѣ видѣли,—и доски по сажени,
И пятеро поднять ее не могутъ!
Вотъ дѣло-то какое!

Савлуковъ.

Полно такъ ли!
Убили-то его ли, не другого ль?

Посадскій.

Толкуй еще! Москву-то не обманешь,
У всѣхъ въ глазахъ лежалъ убитый.

Савлуковъ.

Точно,
Не спорю я; Молчанова Михайла
Не зналъ ли кто?

Первый.

Ну, какъ его не знать!
Его кнутомъ за волшебство стегали!

Савлуковъ.

Стегали то его при Годуновѣ.
Въ долгу за то онъ не остался, Өеодоръ
Борисовичъ удавленъ имъ. А послѣ
Онъ близкимъ былъ пріятелемъ разстригѣ.

Первый.

И вмѣстѣ съ нимъ по книгамъ ворожили.

Савлуковъ.

Хитрѣй того, они лицомъ мѣнялись
Съ разстригою. Когда бѣда случилась,
Разстрига съ нимъ лицомъ и помѣнялся,
А самъ бѣжать. Молчанова убили,
А онъ-то живъ и въ Тушинѣ теперь.

Боярскій сынъ.

Напрасно ты мутишь народъ, пугаешь!
И безъ того не тверды!

Савлуковъ.

Что пугать-то!
Я правдою служу царю Василью;
А говорю, что знаю. Я за вора
Не постою, царемъ не называю,
Онъ воръ и есть, да только воръ мудреный.
Съ нимъ воевать хитро, бѣсовской силой
Онъ держится. Поди-ка, повоюй!
Онъ знаетъ все: и что̀, и ка̀къ творилось
Здѣсь безъ него, и что̀ у насъ на мысли,
Кто хорошо о немъ, кто дурно думалъ.
Изъ вѣдуновъ-вѣдунъ.

Первый.

Вотъ времечко-то!

Второй.

Эхъ, страшно какъ, ужъ лучше отойти.
(Отходитъ.)

Третій.

Меня морозъ вотъ такъ и пробираетъ.

Посадскій.

Пойдемте прочь: некстати разговоръ
Затѣяли!

Первый (другому).

Вотъ ты теперь и думай.

Савлуковъ (посадскому).

Не обезсудь, безъ умысла сказалось.

Посадскій.

Да Богъ съ тобой. Ты думаешь, мы сами
Не знаемъ, что-ль того-же? да молчимъ.
(Отходитъ.)

А. Островскій.

ОСАДА ТРОИЦКОЙ ЛАВРЫ.[1]

(Ночь предъ приступомъ.)

Поляки ночью темною,
Предъ самымъ Покровомъ,
Съ дружиною наемною
Сидятъ передъ огнемъ.

Исполнены отвагою,
Поляки крутятъ усъ,
Пришли они ватагою
Громить святую Русь.

И съ Польскою державою
Пришли изъ разныхъ странъ,
Пришли войной неправою
Враги на россіянъ.

Тутъ волохи усатые,
И угры въ чекменяхъ,
Цыганы бородатые
Въ косматыхъ кожухахъ...

Валя толпою пѣгою,
Пришла за ратью рать,
Съ Лисовскимъ и съ Сапѣгою
Престолъ нашъ воевать.

И вотъ махая бурками,
И шпорами звеня,
Веселыми мазурками
Вкругъ яркаго огня

Съ ухватками удалыми
Несутся ихъ ряды,
Гремя, звеня цымбалами,
Кричатъ, поютъ жиды.

Брянчатъ цыганки бубнами,
Наѣздники шумятъ,
Дѣлами душегубными
Грозитъ ихъ ярый взглядъ;

И всѣ стучатъ стаканами:
„Да здравствуетъ Литва!"
Такъ возгласами пьяными
Встрѣчаютъ Покрова.

А тамъ, едва замѣтная,
Межъ сосенъ и дубовъ,
Во мглѣ стоитъ завѣтная
Обитель чернецовъ.

Монахи съ вѣрой пламенной
Во тьму вперили взоръ,
Вокругъ твердыни каменной
Ведутъ ночной дозоръ.

Среди мечей зазубренныхъ,
Въ священныхъ стихаряхъ,
И въ панцырахъ изрубленныхъ,
И въ шлемахъ, и въ тафьяхъ,

Всю ночь они морозную
До утренней поры
Рукою держатъ грозною
Кресты, иль топоры.

Священное ихъ пѣніе
Вторитъ высокій храмъ,
Желѣзное терпѣніе
На диво ихъ врагамъ.

Не разъ они предъ битвою,
Презрѣвъ ночной покой,
Смиренною молитвою
Встрѣчали день златой.

Не разъ, сверкая взорами,
Они въ глубокій ровъ
Сбивали шестоперами
Литовскихъ удальцовъ.

Ни на̀-день въ ихъ обители
Гласъ Божій не затихъ.

---

[1]) Троицкій монастырь обезпечивалъ сообщеніе Москвы съ сѣверными и восточными областями, а изъ этихъ областей столица получала пособія ратью, деньгами и хлѣбными запасами. Поэтому-то Сапѣгѣ и Лисовскому было поручено взять эту обитель. Они съ 30,000 войска 23 сентября 1608 г. приступили къ монастырю, но взять его, несмотря на ничтожное число сидѣвшихъ въ осадѣ, до 1 500 человѣкъ, не могли и въ январѣ 1610 г. должны были снять осаду. Стойкость осажденныхъ С. М. Соловьевъ объясняетъ тѣмъ, что монахи и воины видѣли передъ стѣнами своими не того, кто называлъ себя сыномъ Грознаго а толпы иновѣрцевъ пришедшихъ поругать и расхитить святыню. «Здѣсь дѣло шло не столько о томъ, передаться ли царю Тушинскому отъ царя Московскаго, сколько о томъ, предать ли гробъ великаго чудотворца на поруганіе врагамъ истинной вѣры; троицкіе *сидѣльцы* защищали не одинъ престолъ нелюбимаго Шуйскаго, но и гробъ св. Сергія, и потому здѣсь измѣна не могла пересилить вѣрности» (Соловьевъ).

Блаженные святители,
Въ окладахъ золотыхъ,

Глядятъ на нихъ съ любовію,
Святыхъ ликуетъ хоръ:
Они своею кровію
Дадутъ Литвѣ отпоръ!

Но чу! Тамъ пушка грянула,
Во тьмѣ огонь блеснулъ,
Рать вражая воспрянула,
Раздался трубный гулъ!..

Молитесь Богу, братія!
Начнется скоро бой!
Я слышу ихъ проклятія,
И гиканье, и вой;

Несчетными станицами
Идутъ они вдали—
Приляжемъ за бойницами,
Раздуемъ фитили.

Гр. А. Толстой.

КНЯЗЬ МИХАИЛЪ СКОПИНЪ-ШУЙСКІЙ.[1]

(народная былина)

(† 22 апрѣля 1610 г.)

Какъ бы во сто-двадцать-седьмомъ году,
Въ седьмомъ году, въ осьмой тысячѣ,
А и дѣялось, учинилося:
Кругомъ сильна царства Московскаго
Литва облегла во всѣ четыре стороны,
А и съ нею сила, Сорочина долгополая,
И тѣ черкесы Пятигорскіе,
Еще ли калмыки съ татарами,
Со татарами, со башкирцами,
Еще чукши съ люторами.
Какъ были припасы многіе,
А и царскіе, и княженецкіе,
Боярскіе и дворянскіе.
А нельзя ни пройти, ни проѣхати
Ни конному, ни пѣшему,
И ни соколомъ вонъ вылетѣти
А изъ сильна царства Московскаго
И великаго государства Россійскаго.
А Скопинъ князь Михайло Васильевичъ—
Онъ правитель царству Московскому,
Оберегатель міру крещеному
И всей нашей земли свѣтло-Русскія.
Что ясенъ соколъ вонъ вылетывалъ,
Какъ бы бѣлый кречетъ вонъ выпархивалъ,
Выѣзжалъ воевода Московскій князь Скопинъ,
Кназь Михайло Васильевичъ,—
Онъ походъ чинилъ къ Новгòроду.
Какъ и будетъ Скопинъ въ Новѣградѣ,
Пріѣзжалъ онъ, Скопинъ, на съѣзжій дворъ,
Входилъ во избу во съѣзжую,
Садился Скопинъ на ременчатъ стулъ,
А и беретъ чернильницу золотую,
А и въ ней то перо лебединое,
И беретъ онъ бумагу бѣлую,
Писалъ ярлыки скорописчаты
Во Свицкую землю заморскую,
Ко любимому брату названному,
Ко Свицкому королю Карлусу,—
А отъ мудрости слово поставлено:
„А и гой еси, названный братъ,
А ты, Свицкой король Карлусъ!
А и смилуйся, смилосердуйся,
Смилосердуйся, покажи милость:
А и дай мнѣ силы нà-подмочь...
Наше сильно царство Московское
Литва облегла со всѣ четыре стороны,
Приступила Сорочина долгополая,
А и тѣ черкесы Пятигорскіе,
А и тѣ калмыки съ башкирцами,
А и тѣ чукши съ люторами,—
И не можемъ мы съ ними управиться:
Я закладываю три города русскіе.“
А съ ярлыкомъ послалъ гонца скораго,
Своего любимаго шурина,
А того Ивана Ивановича.
Какъ и будетъ гонецъ въ Свицкой землѣ,
У честного короля, честного Карлуса,—

---

[1]) Князь *Михаилъ Васильевичъ* **Скопинъ-Шуйскій,** племянникъ царя Василія, ознаменовалъ себя многими побѣдами, усердною службою дядѣ и заслужилъ любовь народную. Князь Михаилъ выбилъ Болотникова изъ Коломенскаго стана (1606 г.), послѣ чего послѣдній, осажденный подъ Тулою царскими воеводами, принужденъ былъ сдаться. Когда же Тушинскому вору стали передаваться русскіе города, царь въ крайности послалъ племянника своего Скопина въ Швецію, къ королю Карлу IX, съ просьбою о помощи (1608 г.). Король заключилъ договоръ, по которому, за уступку Швеціи Кексгольма и за ежемѣсячную плату 10,000 ефимковъ, послалъ 5,000 войска на помощь Василію. Скопинъ со шведами, предводимыми генераломъ Делагарди, выгналъ поляковъ и русскихъ крамольниковъ изъ Руссы, Орѣшка, Порхова, Торопца, Твери, Владимира, Ярославля и др. городовъ; нанесъ сильное пораженіе Сапѣгѣ подъ Калязинымъ монастыремъ (1608 г.), а въ началѣ 1610 г. принудилъ поляковъ снять осаду съ Троицкаго монастыря. Народъ сталъ смотрѣть на юнаго князя, какъ на преемника Василія. Ляпуновъ въ увлеченіи предложилъ ему даже царскій вѣнецъ, а москвичи еще на пути его въ Москву, встрѣтили молодого воеводу съ хлѣбомъ-солью и выразили ему самое искреннее расположеніе.

Онъ въѣзжаетъ прямо на королевскій дворъ,
А ко Свицкому королю Карлусу.
Середи двора королевскаго
Соскочилъ гонецъ съ добра коня,
Вяза̀лъ коня къ дубову столбу,
Суму́ подхватилъ, самъ во палаты идетъ,
Ни за чѣмъ гонецъ не замѣшкался,
Приходитъ во палату бѣлокаменну,
Расковыривалъ суму, вынималъ ярлыки:
Онъ кладетъ королю на круглый столъ.
Принимавши король распечатываетъ,
Распечаталъ, самъ просматриваетъ,
И печальное слово повыговорилъ,—
Отъ мудрости слово поставлено:—
„Отъ любимаго брата названнаго,
„Скопина, князя Михайлы Васильевича,—
„Какъ проситъ силы на-подмочь,
„Закладываетъ три города русскіе.“—
А честной король, честной Карлусъ
Показалъ ему милость великую,
Отправляетъ силы со трехъ земель:
А и первыя силы-то Свицкія,
А другія силы Саксонскія,
А третія силы Школьскія, [1])
Того ратнаго люду ученаго,
А не много-не-мало—сорокъ тысячей.
Прибыла сила къ Новугороду,
Изъ Новагорода въ каменну Москву:—
У ясна сокола крылья отросли,
У Скопина князя думушки прибыло.
А по-утру рано-ранёшенько,
Въ соборѣ Скопинъ онъ заутреню отслужилъ,
Отслужилъ, самъ въ походъ пошелъ,
Подымавши знаменье царское,
А на знаменьи написано
Чуденъ Спасъ со Пречистою,
На другой сторонѣ было написано
Михайло и Гаврило Архангелы,
Еще вся туто сила небесная.
Въ восточную сторону походомъ пошли,
Они вырубили Чудь бѣлоглазую,
И ту Сорочину долгополую;
Въ полуденную сторону походомъ пошли,
Прекрошили черкесъ Пятигорскіихъ,—
А не много дрались, скоро сами сдались,—
Еще нонѣ тутъ Малороссія;
А на сѣверную сторону походомъ пошли,
Прирубили калмыковъ со башкирцами;
А на западну сторону и въ ночь пошли,
Прирубили чукши съ люторами...

[1]) Школьскъ, т. е. Стокгольмъ.

А кому будетъ Божья помочь?—
Скопину князю Михайлѣ Васильевичу.
Онъ очистилъ царство Московское
И велико государство Россійское.
На великихъ тѣхъ на радостяхъ
Служили обѣдни съ молебнами,
И кругомъ города ходили въ каменной Москвѣ;
Отслуживши обѣдни съ молебнами
И всю литургію великую,
На великихъ на радостяхъ пиръ пошелъ,
А пиръ пошелъ и великій столъ
Про Скопина князя Михайлу Васильевича,
Про весь православный міръ,—
И великому славу до-вѣку поютъ
Скопину князю Михайлѣ Васильевичу. [1])

Какъ бы малое время замѣшкавши,
А во той же славной каменно̀й Москвѣ,
У того ли было князя Воротынскаго,
Крестили младого княжевича,
А Скопинъ князь Михайло кумомъ былъ,
А кума была дочь Малютина,
Того Малюты Скуратова.
У того-то князя Воротынскаго
Какъ будетъ и почестной столъ,
Туто было много князей и бояръ, и званыхъ гостей.
Будетъ пиръ во полу-пирѣ,
Княженецкій столъ во полу-столѣ,—
Какъ пьяненьки тутъ расхвастались:
Сильный хвастаетъ силою,
Богатый хвастаетъ богатествомъ...
Скопинъ князь Михайло Васильевичъ—
А и не пилъ онъ зелена вина,
Только одно пиво пилъ, сладкій медъ...
Не съ большого хмелю онъ похвастается:
„А вы, глупый народъ, неразумные!
А всѣ вы похваляетесь бездѣлицей...
Я, Скопинъ Михайло Васильевичъ,
Могу, князь, похвалитися,
Что очистилъ царство Московское
И велико государство Россійское;

[1]) Отсюда въ былинѣ повѣствуется о скоропостижной смерти молодого князя. Кончину его приписали отравѣ, поднесенной въ винѣ на пиру у князя Воротынскаго женою дяди Скопина Димитрія Шуйскаго, который глубоко ненавидѣлъ племянника, считалъ его своимъ соперникомъ и постоянно вооружалъ противъ него царя. Народъ горевалъ неутѣшно, провожалъ съ рыданіемъ тѣло героя въ Архангельскій соборъ, гдѣ онъ погребенъ въ придѣлѣ Іоанна Крестителя, и во всеуслышаніе обвинялъ въ злодѣйствѣ Димитрія и жену его Екатерину (кстати, послѣдняя была дочерью ненавистнаго для народа Малюты Скуратова).

Еще ли мнѣ славу поютъ до-вѣку,
Отъ стараго до малаго,
Отъ малаго до вѣку моего!“
А и тутъ боярамъ на бѣду стало,
Въ тотъ часъ они дѣло сдѣлали:
Подцернули зелья лютаго,
Подсыпали въ стаканъ, въ меды сладкіе,
Подавали кумѣ его крестовоей,
Малютиной дочери Скуратовой.
Она, знавши, кума его крестовая,
Подносила стаканъ меду сладкаго
Скопину князю Михайлѣ Васильевичу.
Принимаетъ Скопинъ, не отпирается,
Онъ выпилъ стаканъ меду сладкаго.
А самъ говорилъ таково слово:
„Услышалъ во утробѣ неловко добрѣ!..
А и ты съѣла меня, кума крестовая,
Малютина дочь Скуратова:
А зазнаючи мнѣ съ зельемъ стаканъ подала...
Съѣла ты меня, змѣя подколодная!“
Голова съ плечъ покатилася,—
Онъ и тутъ Скопинъ скоро со пиру пошелъ.
Онъ садился Скопинъ на добра коня,
Побѣжалъ къ родимой матушкѣ,
А только успѣлъ съ нею проститися;
А матушка ему пенять стала:
„Гой еси, мое чадо милое,
Скопинъ князь Михайло Васильевичъ!
Я тебѣ приказывала,
Не велѣла ѣздить ко князю Воротынскому,
А и ты меня не послушался...
Лишила тебя свѣту бѣлаго
Кума твоя крестовая,
Малютина дочь Скуратова!“
Онъ къ вечеру Скопинъ и преставился...

Ино что у насъ въ Москвѣ учинилося:
Съ полуночи у насъ въ колоколъ звонили.
А расплачутся гости москвичи:
Что не стало у насъ воеводы,
Васильевича князя Михаила.
А съѣзжалися князи, бояре супротиво къ нему,
Мстиславскій князь, Воротынскій,
И между собою они слово говорили,
А говорили слово, усмѣхнулися:
„Высоко соколъ поднялся,
„И о сыру матеру землю ушибся.“
А расплачутся свицкіе нѣмцы,
Что не стало у насъ воеводы,
Васильевича князя Михаила.
Побѣжали нѣмцы въ Новгородъ,
И въ Новѣгородѣ заперлися,
И многой миръ-народъ погубили,
И въ латинскую землю превратили.

СМЕРТЬ МИХАИЛА ШУЙСКАГО.
(былина)

Недавній гулъ сраженій смѣнили празднества;
Ликуя веселится престольная Москва

И чествуетъ героя, который ополчась,
Въ тяжелую годину страну родную спасъ;

Предъ кѣмъ благоговѣла вся Русская земля,
Когда вступилъ онъ въ стѣны священныя Кремля

Съ побѣдой, окруженный дружиной удальцовъ,
И въ честь его гудѣли всѣ „сорокъ сороковъ,“

И всѣ уста слилися въ восторженный привѣтъ:
— Хвала тому и слава на много, много лѣтъ,

Кто Русь отъ самозванца и ляховъ защитилъ:
Да здравствуетъ во вѣки князь Скопинъ Михаилъ!

Тебѣ, кто былъ престола Россійскаго щитомъ—
За подвигъ избавленья отчизна бьетъ челомъ.“

И межъ толпы народа, въ блистающей бронѣ,
Князь Скопинъ тихо ѣхалъ на ратномъ скакунѣ,

И сердце ликовало въ груди богатыря,
И ликъ его былъ свѣтелъ, какъ ясная заря.

Самъ царь его съ почетомъ встрѣчаетъ у палатъ,
И мраченъ лишь Димитрій—царя Василья братъ.

Что́ день—то̀ въ честь героя пиры и празднества,
На славу веселится престольная Москва.

Въ палатѣ Воротынскихъ крестинный пиръ горой:
Съ вечерни льются вина заморскія рѣкой.

Въ палатѣ золоченой, подъ звонъ веселый чаръ,
Побѣды воспѣваетъ недавнія гусляръ.

Онъ славитъ Михаила—Руси богатыря,
Избранника народа, избранника царя.

Внимаетъ пѣснопѣнью бояръ маститыхъ рядъ,
У юношей же взоры отвагою горятъ.

Но, чествуемый всѣми, не веселъ Михаилъ,
Сидитъ онъ за трапезой задумчивъ и унылъ.

И нѣтъ у князя прежнихъ чарующихъ рѣчей,
Улыбка не сіяетъ изъ голубыхъ очей.

Печалью отуманивъ прекрасное чело,
Въ душѣ его глубоко предчувствіе легло...

Онъ чуетъ, что недаромъ, лукавствомъ одержимъ,
Къ царю ходилъ Димитрій съ извѣтомъ воровскимъ.

Хоть царь Василій въ гнѣвѣ не внялъ его словамъ,
Но Дмитрій не прощаетъ и мстить умѣетъ самъ.

Во взорѣ дяди злобномъ читаетъ онъ вражду,
И этотъ взоръ невольно сулитъ ему бѣду...

Но тучка набѣжала и вновь умчится въ даль,
И мòлодца недолго преслѣдуетъ печаль.

— На все Господня воля!—рѣшилъ подумавъ князь,
И снова онъ внимаетъ пѣвцу развеселясь.

И снова ликомъ свѣтелъ, внимаетъ звону чаръ,
Веселью молодежи, рѣчамъ сѣдыхъ бояръ.

Но вотъ въ уборѣ шитомъ каменіемъ цвѣтнымъ
Кума къ нему подходитъ съ подносомъ золотымъ;

Ему подноситъ чару заморскаго вина
Княгиня Катерина, Димитрія жена.

Изъ рукъ ея съ поклономъ взялъ чашу Михаилъ,
И всѣхъ улыбкой ясной, какъ солнце озарилъ:

—Бояре! я за вѣру, за родину свою,
За здравье государя всея Русіи пью!—

Воскликнулъ онъ, и кубокъ заздравный осушилъ,
И кликъ единодушный ему отвѣтомъ былъ.

Но что-же съ Михаиломъ? Отрава? Злой недугъ?
Скользитъ тяжелый кубокъ изъ ослабѣвшихъ рукъ,

И блѣдность разлилася смертельная въ чертахъ,
И пѣна проступаетъ на сомкнутыхъ устахъ...

Какъ юный дубъ могучій, подкошенный грозой,—
Онъ падаетъ на землю средь гридницы княжой.

Съ утра толпа народа спѣшитъ со всѣхъ концовъ,
Съ утра гудятъ уныло всѣ „сорокъ сороковъ.“

Какъ мать лишася сына, какъ горькая вдова—
Оплакиваетъ слезно престольная Москва

Того, кто столь недавно былъ вѣрнымъ ей щитомъ,
Кого она съ великимъ встрѣчала торжествомъ.

Занѐ—по волѣ Божьей, во цвѣтѣ юныхъ силъ—
Почилъ ея защитникъ, князь Скопинъ Михаилъ!

О. Чюмина.

СВЕРЖЕНІЕ СЪ ПРЕСТОЛА ВАСИЛЬЯ ШУЙСКАГО.

Не стало юнаго героя!
Онъ не погибъ въ честномъ бою,
Нѣтъ, злая зависть, козни строя,
Въ кругу родныхъ, въ родномъ краю,
Сложила въ раннюю могилу
Его спасительную силу.
Среди пировъ, въ Москвѣ родимой,
Среди семьи своей любимой,
Освобожденной отъ враговъ,
Онъ выжидалъ лишь царскихъ словъ,
Чтобъ кончить съ смутою упрямой...
Не спасъ онъ родины! Увы!
Великій планъ законченъ драмой,
И, по словамъ мірской молвы,
Онъ былъ отравленъ по приказу
Царя Василья на пиру

У Воротынскихъ. Поутру
Онъ былъ здоровъ и веселъ, сразу
Вдругъ поблѣднѣлъ онъ за столомъ.
Порвалась жизнь!—Его виномъ
Съ коварной лаской угощала
Малюты дочь, его кума,
Княгиня Шуйская сама.—
Всѣ вслухъ кричали: „Отравила!"
Толпу взбѣшенную едва
Отбила царская дружина
Отъ дома Шуйскихъ. Вся Москва
Кричала громко: „Катерина,
Невѣстка царская—змѣя,
Сгубила князя!" На царя
Пошло все хуже нареканье:
Разнесся слухъ, что передъ тѣмъ
Имѣлъ онъ втайнѣ совѣщанье
Съ волхвомъ извѣстнымъ, что затѣмъ,
Повѣривъ братнину навѣту,
Онъ звалъ племянника къ отвѣту
И заставлялъ дать клятву въ томъ,
Что онъ не мыслитъ быть царемъ.
Все это явныя улики:
„Убійца-царь!" кричали вслухъ.
Василій слышалъ эти крики,
Но оставался слѣпъ и глухъ.
Не придавая имъ значенья,
Онъ, будто всѣмъ на-перекоръ,
Вождемъ назначилъ ополченья
Того, на комъ лежалъ позоръ
Ничѣмъ несмытыхъ обвиненій
Въ злодѣйскомъ гнусномъ отравленьи
„Любимца общаго." Казну
Онъ силой въ Лаврѣ взялъ для ставки,
Чтобъ иноземцамъ дать прибавки,
И это ставили въ вину .
Враговъ онъ наживалъ все больше.
Въ Рязани громко Ляпуновъ
Кричалъ, что мочи нѣтъ ужъ дальше
Терпѣть царя, что, наконецъ,
Пора съ него сорвать вѣнецъ.
Въ Зарайскѣ только князь Пожарскій
Да Гермогенъ, ревнитель царскій,
Остались тверды. Между тѣмъ
Король навстрѣчу русской рати
Послалъ Жолкѣвскаго. Некстати
И, не оправданный ничѣмъ,
Димитрій Шуйскій медлилъ въ полѣ,
Онъ вдвое былъ сильнѣй врага,
Но тратилъ время... поневолѣ.
Въ войнѣ минута дорога.
Жолкѣвскій, вывѣдавъ чтó нужно,
Войска навстрѣчу двинулъ дружно,
Врасплохъ ударивъ съ двухъ сторонъ
На русско-шведскія дружины.
Разбивъ сначала у плотины
Передовыхъ, неслышно онъ
Пробрался къ главному обозу,
Нагнавъ на спящихъ сразу страхъ,
И въ жаркомъ дѣлѣ въ пухъ и прахъ
Разбилъ союзниковъ! По возу
Досталось каждому добра—
Мѣховъ, одеждъ и серебра.
Карета Шуйскаго и знамя,
Его шатеръ и булава
Достались ляхамъ. [1]) Самъ врагами
Почти настигнутый, едва
Спастись успѣлъ черезъ болота,
Загнавъ коня; но у кого-то
Доставъ лошадку, онъ въ Москву,
Склонивъ повинную главу,
Привезъ постыдное извѣстье,
Усиливъ жалкое безчестье
Позорнымъ возгласомъ въ отвѣтъ
На всѣ вопросы: „Мой совѣтъ—
Просите милости поляковъ."
Межъ тѣмъ Жолкѣвскій шелъ впередъ,
А шайки дикія казаковъ
И иноземный разный сбродъ
Свои усилили набѣги.
Всѣ шли къ Москвѣ и даже воръ,
При подстрекательствѣ Сапѣги,
Возобновивъ свой прежній споръ,
Засѣлъ въ Коломенскомъ селѣ.
И дрогнулъ тронъ... И на челѣ
Василья Шуйскаго корона
Не удержалась. Оборона
Не помогла. Въ его рукахъ
Ужъ власти не было, и впрахъ
Разбилось все, и та же сила,
Которой былъ обязанъ онъ
Своимъ вступленіемъ на тронъ,
Его съ престола низложила

---

[1]) Пораженіе Димитрія Шуйскаго произошло между Москвою и Можайскомъ, при деревнѣ Клушино. У Шуйскаго было болѣе 36,000 войска, но охоты защищать царя Василья не было ни у кого. Жолкѣвскому досталась карета Димитрія Шуйскаго, его сабля булава, знамя, много денегъ и мѣховъ, которые Димитрій намѣревался раздать войску Делагарди, но не успѣлъ. Шведскій воевода покинулъ Шуйскаго и выговорилъ себѣ у Жолкѣвскаго право уйти безпрепятственно изъ предѣловъ Московскаго государства. «Наша неудача, сказалъ Делагарди, происходитъ отъ неспособности русскихъ и вѣроломства моихъ наемныхъ воиновъ. Не то было бы съ тѣми же русскими, если бы ими начальствовалъ доблестный Скопинъ. Но его извели, и счастье измѣнило московскимъ людямъ» (Костомаровъ).

И заперла въ монастырѣ.
Никто въ народѣ о царѣ
Не пожалѣлъ. Но безначалье
Томило всѣхъ. Не то едва ли
Единодушно весь народъ
Рѣшиться бъ могъ искать оплотъ
Въ иноплеменномъ Владиславѣ.

А. Львова.

МЕЖДУЦАРСТВІЕ.

(1610 г.—1613 г.)

И наша Русь осиротѣла;
Вездѣ измѣна гордо, смѣло
Позорный развивала стягъ;
Въ умахъ царилъ какой-то мракъ,
И гибла Русь; ея державу
Уже вручали Владиславу,
И ужъ готовилась Литва
Надъ нами взять свои права—
Сковать Россію въ узахъ плѣна...
Но вотъ пронесся надъ страной,—
Какъ будто благовѣстъ святой,
Гласъ патріарха Гермогена,
И на священный этотъ гласъ
Вся наша Русь отозвалась...

Б. Алмазовъ.

ПРОКОПІЙ ПЕТРОВИЧЪ ЛЯПУНОВЪ. [1]

(народная пѣсня)

(† 9 августа 1611 г.)

Какъ было-то у насъ на святой Руси,
На святой Руси, въ каменной Москвѣ,
Было время военное, времечко мятежное,
Заполонила-то Москву погана Литва,
Погана Литва, погана Польска сторона.
Ужъ одинъ то бояринъ, думный воеводушка, крѣпко вѣру защищалъ,
Крѣпко вѣру защищалъ, измѣнниковъ отгонялъ.
Ужъ какъ думный воевода былъ Прокофій Ляпуновъ.
Какъ Прокофій-то Петровичъ разослалъ своихъ гонцовъ,
Какъ Прокофій Ляпуновъ роздалъ письма гонцамъ,
Роздалъ письма гонцамъ, и приказъ имъ приказалъ:
„Поѣзжайте вы, гонцы, на всѣ русскіе концы,
„На всѣ русскіе концы, во большіе города!
„Вы просите воеводъ итти съ войскомъ сюда,
„Свободить городъ Москву, защищать вѣру Христа“.
Какъ узналъ то Жигимонтъ отъ своихъ измѣнниковъ бояръ,
Что разослалъ-то Ляпуновъ гонцовъ въ города,
Гонцовъ въ города, просить воеводъ съ войскомъ сюда:
Разсердился, распалился нечестивый Жигимонтъ;
Распалившись велѣлъ воеводушку убить,
Того ли воеводушку Прокофья Ляпунова...
И убили злы измѣнники воеводушку!..
Какъ и двинулись думны воеводы съ большихъ городовъ:
Всѣ большіе города—Казань, Нижній—пришли съ войскомъ сюда;
Какъ и начали русаки погану Литву колоть-рубить,—
Удушили все нечестивое племя изъ Москвы повыгнали.

---

[1] Польскій посолъ Гонсѣвскій, желая погубить предводителя земскаго ополченія Ляпунова, написалъ отъ его имени грамоты, въ которыхъ, между прочимъ, было сказано: «гдѣ поймаютъ казака, бить и топить; а когда, Богъ дастъ, государство Московское успокоится, то мы весь этотъ злой народъ истребимъ.» Обманутые казаки убили Ляпунова.

НИЖЕГОРОДСКОЕ ОПОЛЧЕНІЕ.

(изъ драм. хрон. „Козьма Мининъ“.)

Л и ц а.

Князь **Дмитрій Михайловичъ Пожарскій**, царскій стольникъ, воевода. [1]).
Козьма Захарьичъ Мининъ Сухорукъ, земскій староста [2]).
Аксеновъ, старикъ, торговый человѣкъ.
Поспѣловъ, боярскій сынъ.
Темкинъ, **Губанинъ** и **Лыткинъ**, торговые люди.
Лапша, решемскій крестьянинъ.
Посадскіе, народъ.

I.

ЛИХОЛѢТЬЕ [3]).

Утро. Площадь въ Кремлѣ, въ Нижнемъ Новгородѣ, недалеко отъ собора.

Лыткинъ.

Не слышно ль изъ Москвы какихъ вѣстей?

Аксеновъ.

Хорошаго не много.

Лыткинъ.

Да ужъ гдѣ намъ!
Не до хорошаго теперь, Аксенычъ!
Поменьше бы худого, такъ и ладно.

Аксеновъ.

Толкуютъ много, можетъ, что и есть
Новѣе, только хуже ужъ наврядъ ли.

Лыткинъ.

А что?

Аксеновъ.

Да яко бы грѣхъ нашихъ ради,
Святого патріарха Гермогена
Михайло Салтыковъ да—вѣръ Антоновъ
Съ его вселенскаго престола свергли
И въ тѣсномъ заточеніи томятъ.
Толкуютъ, что Михайло Салтыковъ
Ножомъ на патріарха замахнулся,
И проклятъ имъ отъ нынѣ и до вѣка.
Собака!

Лыткинъ.

Ой! ужли? Ахъ, грѣхъ какой!

Аксеновъ.

Какъ терпитъ праведный Господь злодѣямъ!

Лыткинъ.

Бѣда намъ, Петръ Аксенычъ, всѣмъ бѣда!
Вотъ до чего дожить намъ привелося!

Аксеновъ.

Ты отколь?

Поспѣловъ.

Я изъ собора.
Вѣстей несу; да только не взыщите,
Не много радости. Романъ Пахомычъ
Да Родіонъ Мосеичъ прибѣжали
Изъ подъ Москвы; отписки привезли.

Аксеновъ,

Ты видѣлъ ихъ?

Поспѣловъ.

Нѣтъ, не видалъ; Кузьма
Захарьичъ сказывалъ. Къ нему и стали.

---

[1]) Князь **Дмитрій Михайловичъ Пожарскій**, потомокъ Всеволода III и князей стародубскихъ, родился въ 1578 г. и на пятнадцатомъ году вступилъ въ царскую службу. Въ 1610 г. онъ освободилъ отъ враговъ Коломну и захватилъ большой полонъ и казну. Въ 1610 г. былъ назначенъ воеводою въ Зарайскъ, гдѣ разбилъ поляковъ и освободилъ Прокопія Петровича Ляпунова, съ которымъ потомъ дѣйствовалъ подъ Москвою. Раненый въ схваткѣ, Пожарскій отправился въ Пурецкую волость Суздальскаго уѣзда, гдѣ жилъ до избранія начальникомъ рати, вышедшей изъ Нижняго для освобожденія Москвы (Отто и Купріяновъ. Біограф. очерки).

[2]) **Косьма Мининъ Сухорукій**, земскій староста въ Нижнемъ Новгородѣ, торговавшій въ мясномъ ряду, по собственнымъ великимъ заслугамъ, по доблестной дѣятельности и самоотверженію, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду лучшихъ русскихъ людей XVII в. Любимый и уважаемый нижегородцами за честность, Мининъ склонилъ ихъ пожертвовать пятою частью имущества для спасенія родины, раздираемой бѣдствіями и смутами. По воцареніи Михаила Ѳеодоровича Мининъ получилъ санъ думнаго дворянина, а въ 1616 г. былъ посланъ по какому то дѣлу въ Казань, но на пути туда умеръ въ родномъ городѣ. Прахъ его покоится въ нижней церкви нижегородскаго Спасопреображенскаго собора, въ богатой гробницѣ, около которой поставлены списокъ со знамени Пожарскаго, 8 знаменъ ополченія 1812 г. и доска съ надписью:

Избавитель Москвы, отечества любитель
И издыхающей Россіи оживитель,
Отчизны красота, поляковъ страхъ и месть,
Россіи похвала и вѣчна слава—честь;
Се Миновичъ Кузьма здѣ тѣломъ почиваетъ,
Всякъ истинный, кто Россъ, да прахъ его лобзаетъ!

Въ Нижнемъ Новгородѣ въ 1826 г. въ честь Минина былъ воздвигнутъ памятникъ. Другой памятникъ въ память доблестныхъ Минина и Пожарскаго поставленъ въ Москвѣ, на Красной площади, въ 1818 г.

[3]) **Ляхолѣтьемъ**, отсюда **Лихолѣтьемъ**, названъ годъ польскаго господства въ Москвѣ.

Сряжаются на воеводскій дворъ
Несть грамоту отъ патріарха.

Аксеновъ.

Чудо
Великое творится. Божьи люди
Между враговъ безтрепетно проходятъ
Къ святому патріарху и разносятъ
По всей землѣ его благословенья
И грамоты.
Ну, Алексѣй Михайлычъ,
Ужъ худо ль, хорошо ли—не томи,
Разсказывай, какія слышалъ вѣсти.

Поспѣловъ.

Прокопъ Петровичъ Ляпуновъ убитъ
Казаками.

Аксеновъ.

Да чтоже за напасти
Такія!

Губанинъ.

Вотъ бѣда-то, вотъ поруха
Для дѣла земскаго!

Аксеновъ.

Кабы не ты
Разсказывалъ, ни въ жизнь бы не повѣрилъ.

Лыткинъ.

Теперь такое время, Петръ Аксенычъ,
Хорошему не вѣрь, а что дурное
Услышишь, это, братъ, ужъ вѣрно правда.

Темкинъ.

Такъ подошло, хоть не живи на свѣтѣ!

Аксеновъ.

Бѣдамъ конца не видно. Знать Господь
Намъ прегрѣшеній нашихъ не отпуститъ
И до конца насъ хочетъ погубить.

Поспѣловъ.

Да, Петръ Аксенычъ, времена плохія!
Москва разорена, въ народѣ шатость
Да рознь, за что стоять не знаютъ;
Цѣлуютъ крестъ невѣдомо кому!

Аксеновъ.

Еретикамъ, латинцамъ да ворамъ,
Кому попало.

Поспѣловъ.

Новгородъ Великій
Изъ Швеціи царевича зоветъ;
А сынъ Жигмонтовъ, Владиславъ царевичъ,
Въ Москву идетъ; во Псковѣ новый воръ,
Такой, что и сказать-то непригоже;
Маринкинъ сынъ, Ивашко, тоже царь.

Аксеновъ.

А чтоже, рать, что подъ Москвою въ сборѣ?
Что воеводы?

Поспѣловъ.

Розно разошлись—
Которые домой, другіе грабятъ.
Что воры не успѣли, то они
У православныхъ христіанъ растащатъ.

Аксеновъ.

Ужли жъ совсѣмъ оставили Москву?

Поспѣловъ.

Остались подъ Москвой два воеводы:
Князь Трубецкой, да атаманъ Заруцкой.

Аксеновъ.

А что-жъ они?

Поспѣловъ.

Они-то? цѣловали
Псковскому вѣдомому вору крестъ.
Всѣ пошатнулись.

Аксеновъ.

Наше мѣсто свято!

II.

ПОЖЕРТВОВАНІЯ.

Буде намъ похотѣть помочь Московскому государству, то не пожалѣть намъ и животовъ своихъ— и не токмо животовъ своихъ, дворы свои продавать, и жены и дѣтей закладывати, и бити челомъ чтобъ кто вступился за вѣру и былъ бы у насъ начальникомъ.»

Рѣчь Косьмы Минина.

Поспѣловъ.

Выходишь отъ обѣдни, помолясь

Съ усердіемъ и досыта поплакавъ,
И такъ тебѣ легко на сердцѣ станетъ,
И подъ ногами ты земли не чуешь,
И ногъ не слышишь... И заря то ярче
Горитъ на небѣ; точно сладкій медъ,
Пьешь воздухъ утренній. Такое диво!
Какая легость для души — молитва:
Взялся бы съ мѣста, да и полетѣлъ!
А день прійдетъ — забота за заботой
Навалятся, — опять отяжелѣешь...

Аксеновъ.

Вѣстимо утромъ человѣкъ помягче,
Пока не заболтался въ суетѣ:
И разумъ крѣпче, да и воля тверже,
И особливо помолясь усердно.
Сейчасъ наказывалъ Кузьма Захарьичъ
Сказать народу, чтобъ не расходился.
Пожалуй, послѣ — всѣхъ и не сберешь,
Да и сердца-то огрубѣть успѣютъ.
Теперь въ соборѣ заказалъ молебенъ
Онъ ангелу — хранителю, Косьмѣ
Безсребреннику. Вы поговорите
Съ народомъ-то, пока молебенъ кончатъ,

Темкинъ и Губанинъ отходятъ къ народу: одинъ въ одну сторону, другой въ другую).

Темкинъ.

Почтенные! Маленько подождите:
Козьма Захарьичъ хочетъ говорить.

Губановъ.

Коли не въ трудъ, повремените малость.
Козьма Захарьичъ приказалъ просить.
(Мининъ выходитъ изъ собора.)

Тѣ же и Мининъ (всходитъ на Лобное мѣсто).

Мининъ (съ Лобнаго мѣста).

Друзья и братья! Русь святая гибнетъ!
Друзья и братья! Православной вѣрѣ,
Въ которой мы родились и крестились,
Конечная погибель предстоитъ.
Святители, молитвенники наши,
О помощи взываютъ, молятъ слезно.
Вы слышали ихъ слезное прошенье?..
Поможемъ, братья, родинѣ святой!
Что-жъ! Развѣ въ насъ сердца окаменѣли?
Не всѣ ль мы дѣти матери одной?
Не всѣ ль мы братья отъ одной купели?

Голоса.

Мы всѣ, Кузьма Захарьичъ, всѣ хотимъ
Помочь Москвѣ и вѣрѣ православной.

Мининъ.

И аще, братья, похотимъ помочь,
Не пожалѣемъ нашихъ достояній,
Не пощадимъ казны и животовъ;
Мы продадимъ дворы свои и домы, —
А будетъ мало: женъ, дѣтей заложимъ!

Голоса.

Заложимъ женъ! — дѣтей своихъ заложимъ!

Мининъ.

Что мѣшкать даромъ, время насъ не ждетъ!
Нѣтъ дѣла ратнаго безъ воеводы:
Изыщемъ, братія, честнаго мужа,
Которому то дѣло за-обычай,
Вести къ Москвѣ и земскимъ дѣломъ править.
Кто воеводой будетъ?

Голоса.

Князь Дмитрій
Михайловичъ Пожарскій! — Князь Пожарскій!
Другого намъ не надо.

Мининъ.

Воля Божья!
Пожарскаго избрали мы всѣмъ міромъ,
Ему и править нами. Гласъ народа —
Гласъ Божій. Выборныхъ людей пошлемъ
Просить и кланяться, чтобъ шелъ къ намъ наспѣхъ.
Теперь, друзья, несите, кто что можетъ,
На дѣло земское, на помощь ратнымъ.
Я — Господи благослови начало! —
Свои копленые и трудовые,
Всѣ до послѣдняго рубля кладу.

Нѣсколько голосовъ.

И мы, и мы — всѣ за тобой готовы
Отдать свою копейку трудовую!

Другіе голоса.

Что деньги! Деньги дѣло наживное:
Какъ живы будемъ, наживемъ опять.

Мининъ.

Да изъ собора я послалъ Нефеда,
Чтобъ изъ дому несли, что подороже:
Жены Татьяны поднизи и серьги,
Весь жемчугъ, перетни, ферязи цвѣтныя,

Камку и бархатъ, соболь и лисицу;
Да взяли бъ у святыхъ иконъ взаймы,
На время только, ризы золотыя.
Пошлетъ Господь—оправимъ ихъ опять.

Голоса.

Все отдадимъ!—Теперь не до нарядовъ!—
Въ нарядахъ суета мірская ходитъ!
(Начинаются приношенія.)

Мининъ.

Ты, Петръ Аксенычъ, стань, блюди казну!
Ты, дѣдушка,—не знаю, какъ назвать-то—
Постой у денегъ! Принимайте вмѣстѣ!
(Аксеновъ и старикъ входятъ на Лобное мѣсто и принимаютъ приношенія. Мининъ сходитъ.)

III,

ВЫСТУПЛЕНІЕ ЗЕМСКОЙ РАТИ.

(1612 годъ мартъ.)

НИЖНІЙ НОВГОРОДЪ.

(Посадскіе: впередъ Аксеновъ, за нимъ двое держатъ хлѣбъ—соль, подлѣ нихъ Лапша.—Толпы народа—Нѣкоторые проходятъ въ Кремль и изъ Кремля.)

Голоса.

Напутственный молебенъ поютъ.—Отпѣли. Ратныхъ людей благословляютъ да кропятъ.—Ишъ ты, наши Нижне-посадскіе хотятъ съ хлѣбомъ-солью проводить.—Ужъ это какъ и водится.—На Нижнемъ-посадѣ все и дѣло-то началось: съ гостинаго двора пошло.—Здѣся кашу-то заварили, а гляди, что вышло...

Аксеновъ (Лапшѣ).

Честь—честью: мы проводимъ съ хлѣбомъ—
съ солью,—
И добраго пути имъ пожелаемъ.

Лапша.

Я слышалъ, что по нашей сторонѣ,
Нагорнымъ берегомъ пойдутъ по Волгѣ,
На Балахну, на Юрьевецъ, на Решму.

Аксеновъ.

Ну да, на Ярославль прямой дорогой.
И любо, братецъ, будетъ посмотрѣть:
Какъ есть, рѣка польется!.. Ваши села
И города, какъ мелкіе ручьи,
Воды прикопятъ,—взбухнетъ, пополнѣетъ,
И вдругъ широкимъ половодьемъ хлынетъ
На супостатовъ вѣры православной:
Снесетъ и смоетъ ихъ съ лица земли!

Лапша.

Я съ решемскими тоже потянусь.
Хоть кучка малая, а все помога.
Хлопотъ-то вамъ—куда, чай много было
Собрать такую силу?

Аксеновъ.

Ну, нельзя же...
Вотъ перво-на-перво пришли смольяне,
Что тамъ изъ Доргобужа да изъ Вязьмы
Бродили бѣдные: вездѣ ихъ гнали,
Какъ домы-то у нихъ поразорили;
И въ Арзамасъ и въ Ярополчъ садились;
Вотъ и къ намъ пришли; и съ нами воедино
Хотятъ итти отмстить за кровь свою.
Потомъ коломенцы пришли, рязанцы,
За ними ополченье изъ Украйны,
Казаки и стрѣльцы, что при Васильѣ
Въ Москвѣ сидѣли,—и своихъ довольно.
Охотой шли,—никакъ не остановишь!
И чудо, братъ,—откуда все
Такъ и плыветъ, такъ и плыветъ богатство:
Со всѣхъ сторонъ казна—лишь принимай!
Кузьма кормы и жалованье ратнымъ
Самъ раздавалъ... И, Божьей благодатью,
Такъ и спорилось все въ его рукахъ.
Другіе—нищіе пришли, босые,
Безъ одеженки,—посмотри теперь!
Разбогатѣли, раскормились живо,
Всѣ молодцами смотрятъ,—заглядѣнье!
Повѣришь ли, коня сегодня купитъ—
Дня черезъ три его и не узнаешь...
Хозяинъ не узнаетъ, хоть божись,—
Такъ раздобрѣетъ. Смотримъ да дивимся...
Ужъ истинно, что Богъ избралъ Кузьму:
Уменъ и счастливъ; да при всемъ при этомъ
Благословенье Божье помогаетъ.

Голосъ изъ толпы.

Никакъ коней ведутъ воеводамъ.

Другой голосъ.

Здѣсь не сядутъ, пѣши пойдутъ.

Голоса.

Идутъ.—Воеводы идутъ!
(Выходятъ: князь Пожарскій, Мининъ и съ ними войско.)

Тѣ же, Пожарскій и Мининъ.

Аксеновъ.

Нижегородцы Нижняго посада
Тебя, нашъ воевода, князь Димитрій
Михайловичъ, и съ выборнымъ, съ Кузьмою
Захарьичемъ, въ дорогу съ хлѣбомъ—съ солью
Желаемъ проводить. (Подаетъ хлѣбъ-соль.)

Пожарскій.

Спасибо вамъ!

Аксеновъ.

Челомъ вамъ бьемъ, не брезгайте—примите!
(Пожарскій принимаетъ хлѣбъ—соль и передаетъ Минину: Мининъ передаетъ войску.)

Пожарскій

Нижегородцы! мы за васъ идемъ
Съ врагами биться, жизни не жалѣя;
А вы всещедраго молите Бога,
Чтобы Московское намъ государство
Въ соединеньи видѣть, какъ и прежде,
Какъ при великихъ государяхъ было;
Кровопролитье бъ въ людяхъ перестало.—
А видѣть бы покой и тишину,
Какъ и доселѣ было въ государствѣ.

Мининъ.

Друзья, нижегородцы! Ваше войско
Пошло къ Москвѣ: его вы снарядили
И проводили. Буде Богъ пошлетъ,
И нашимъ подвигомъ мы Русь избавимъ,—
Великую отъ Бога примемъ милость
За избавленье христіанскихъ душъ...
И во вся роды, въ будущіе вѣки,
Къ навѣчной похвалѣ намъ учинится,
На славу намъ и на поминъ душъ нашихъ.

Пожарскій.

Пойдемте съ Богомъ! (Войско трогается.)

Народъ.

Прощайте, Божьи воины!—помоги вамъ Господь!—Вы за насъ страдальцы, а мы за васъ богомольцы!..
(Трубы, колокольный звонъ.—Войско отрядъ за отрядомъ выходитъ изъ Кремля).

А. Островскій.

СМЕРТЬ ПАТРІАРХА ГЕРМОГЕНА. [1])

(† 17 февраля 1612 года.)

Обездолена крамолой,
Въ безднѣ смуты утопая,
Какъ корабль, гонимый бурей,
Погибаетъ Русь святая.

На Москвѣ пануютъ ляхи,
И измѣной безпримѣрной
Нагло выбранъ ужъ на царство
Королевичъ иновѣрный;

И засѣвъ въ Кремлѣ, поляки
И измѣнники—бояре
Шумно, весело гуляютъ,
Словно въ бѣшеномъ угарѣ.

Патріархъ Гермогенъ.

Вдругъ нежданное извѣстье.
Все въ испугѣ, все въ смущеньи!
Нижній Новгородъ поднялся!..
Собралося ополченье!..

---

[1]) Герой церкви, поборникъ правды и защитникъ отечества **патріархъ Гермогенъ** въ 1589 г. былъ возведенъ въ санъ митрополита Казанскаго и Свіяжскаго, при Лжедимитріи подвергся опалѣ за требованіе, чтобы Марина крестилась въ греческую вѣру, но при Василіи Шуйскомъ былъ возведенъ на патріаршій престолъ. Гермогенъ ревностно защищалъ царя до тѣхъ поръ, пока сила не взяла перевѣсъ надъ его убѣжденіями. По сверженіи Шуйскаго, онъ согласился на избраніе польскаго королевича Владислава, но съ однимъ условіемъ, чтобы послѣдній принялъ православіе. Когда же условіе это не было соблюдено, Гермогенъ освободилъ русскихъ отъ присяги королевичу и благословилъ на защиту Москвы. Тогда приверженцы короля заключили старца на Кирилловскомъ подворьѣ и уморили тамъ голодомъ.

Князь Пожарскій воеводой
Выбранъ цѣлою землею,
И съ могучей земской ратью
Скоро будетъ подъ Москвою!..

Истомленнаго страданьемъ,
Въ узахъ тягостнаго плѣна,
Непощадно мучатъ ляхи
Патріарха Гермогена

Вымогая, чтобъ святитель,
Грознымъ пастырскимъ прещеньемъ,
На Москву низовой рати
Задержалъ бы наступленье.

Но безсильны надъ владыкой
Все, и лесть, и истязанье;
Шлетъ святитель вѣрной рати
Не запретное посланье,

А въ глазахъ враговъ смущенныхъ
Онъ ее благословляетъ,
И помочь ей благость Божью
Со слезами умоляетъ.

Изможденъ святитель пыткой,
Истощились старца силы,
И предъ нимъ ужъ ангелъ смерти
Отворяетъ дверь могилы.

Но душа его святая,
На порогѣ самомъ рая,
Все болѣетъ и томится
О судьбѣ родного края.

И въ предсмертной агоніи,
Помертвѣлыми устами,
Все о немъ онъ молитъ Бога,
Молитъ жарко съ слезами.

Вдругъ подвалъ сырой и смрадный,
Гдѣ въ оковахъ онъ томился,
Преисполнясь ѳиміамомъ,
Чуднымъ свѣтомъ озарился.

И предсталъ предъ страстотерпцемъ,
Убѣлённый сѣдинами,
Въ черной инока одеждѣ,
Нѣкій старецъ, ветхій днями.

И прозрѣньемъ духа свыше,
Умирающій святитель
Угадалъ, кто сей, нежданный,
Не отъ міра посѣтитель.

Былъ то Сергій преподобный,
Радонежескій чудотворецъ,
Вѣстникъ милости Господней,
Божьей правды ратоборецъ,

Неустанный, неумолчный,
Передъ благостью небесной,
За святую Русь предстатель
И молитвенникъ болѣзный,

Кто своимъ благословеньемъ,
Въ пору бѣдствія иного,
Укрѣпилъ на бой съ Мамаемъ
Князя Дмитрія Донского.

„—Миръ тебѣ, мой братъ о Богѣ!
Кротко молвилъ гость чудесный,—
Услыхалъ твою молитву
Серцевѣдецъ Царь Небесный.

На твое, за Русь родную,
Призирая сокрушенье,
Принести тебѣ Онъ, брате,
Мнѣ дозволилъ утѣшенье.

Шлетъ тебѣ Онъ благовѣстье:
Отжени тоску сомнѣнья;
Не погибнетъ Русь святая,
Близокъ часъ ея спасенья!

Не погибнетъ Русь святая,
Врагъ надъ ней не вознесется.
Сила земская возстала—
Братъ мой, вѣруй! Русь спасется!

Эта сила Русь во вѣки
Не продастъ и не обманетъ,
Эта сила скоро, скоро
Подъ Москвою грозно станетъ,

Грозно схватится съ врагами,
И пробьетъ къ Москвѣ дорогу,
И въ Кремлѣ завѣтномъ скоро
Грянетъ „Слава въ вышнихъ Богу!“

Сокровенны для живущихъ
Тайны Божья провидѣнья,
Но тебѣ Господь, въ часъ смертный,
Посылаетъ откровенье.

Аки золото въ горнилѣ
Огнь палящій очищаетъ,—
Какъ булатъ на наковальнѣ
Подъ ударами крѣпчаетъ,

Какъ въ природѣ бури, грозы,
Сокрушая то, что хило,
Возбуждаютъ, укрѣпляютъ
Все, что здраво, въ чемъ есть сила;

Такъ, въ путяхъ Непостижимый,
Днями скорби и страданья,
Воспитуетъ Богъ народы
На великое призванье.

Братъ мой, внемли! возвѣщаю
Волю Господа святую!
Ждетъ удѣлъ великій въ мірѣ
Нашу родину земную.

Будетъ время, средь народовъ
Русь высоко вознесется,
Но тяжелыми путями
Пробиваться ей придется.

И не разъ еще случится
Ей извѣдать горе злое,
Гнетъ неволи и безправья,
Горе смуты и крамолы,

Пришлыхъ хищниковъ обиды,
Скорби всяческой невзгоды;
Будутъ грозно подыматься
На нее войной народы.

Устроять ей будутъ ковы,
Зломъ иль завистью объяты,
И свои лихіе люди,
И чужіе супостаты.

И не разъ казаться будетъ,
Что, подъ гнётомъ бѣдъ и горя,
Краю нашему родному
Не отбиться въ этомъ спорѣ,

Не изжить ему бездолья
Выше силы, выше мѣры;
Возликуютъ супостаты,
Усомнятся маловѣры.

Но и въ черную годину,
Посреди борьбы неравной,
Не погибнетъ Русь святая
И народъ нашъ православный.

И съ враждою, и съ бѣдою
Онъ управиться сумѣетъ;
Все онъ, стойкій, переможетъ,
Все онъ, крѣпкій, одолѣетъ.

И дождется, и добьется
Онъ за всѣ свои невзгоды,
Царства свѣта, царства правды,
Царства мира и свободы!"

Смолкнулъ Божій благовѣстникъ,
Скрылось чудное видѣнье.
Старецъ взоръ возвелъ на небо
И воскликнулъ въ умиленьи:

„—Русь не сгибнетъ! Русь спасется!..
Боже благости великой!
Отпущаеши Ты съ миромъ
Нынѣ, Господи Владыко,

Своего раба; прими же
Ты его въ свою обитель!"
И почилъ съ послѣднимъ словомъ
Успокоенный святитель.

М. Розенгеймъ.

ОСВОБОЖДЕНІЕ МОСКВЫ.
(1612 годъ октябрь.)

Въ какомъ ты блескѣ нынѣ зрима,
Княженій знаменитыхъ мать!
Москва, Россіи дочь любима!
Гдѣ равную тебѣ сыскать?
Вѣнецъ твой перлами украшенъ:
Алмазный скиптръ въ твоихъ рукахъ;
Верхи твоихъ огромныхъ башенъ.
Сіяютъ въ златѣ, какъ въ лучахъ;
Отъ норда, юга и востока,
Отвсюду быстротой потока
Къ тебѣ сокровища текутъ;
Сыны твои, любимцы славы,
Красивы, храбры, величавы,
А дѣвы—розами цвѣтутъ!

Но нѣкогда и ты стенала
Подъ бременемъ различныхъ золъ;
Едва корону удержала
И свой клонившійся престолъ;
И ты съ лица земного круга
Едва не скрылась отъ очесъ!
Сарматъ простеръ къ тебѣ длань друга,
И остро копіе вознесъ!
Вознесъ—и храмы воспылали,
На дѣвахъ цѣпи зазвучали,
И кровь ихъ братьевъ потекла!
„Я гибну, гибну!" ты рекла,
Вращая устрашенно око:

„ Спасай меня, о Геній мой!—
Увы молчанье вкругъ глубоко,
И мечъ, висящій надъ главой!
Гдѣ ты, славяновъ храбрыхъ сила?
Проснись, возстань, россійска мочь!
Москва въ плѣну, Москва уныла,
Какъ мрачная осення ночь.—
Возстала! все восколебалось,
И князь, и ратай, старъ и младъ,
Все въ крѣпку броню ополчалось!
Перуновъ возблисталъ булатъ!—
Но кто изъ тысячъ видимъ мною,
Въ сѣдинахъ бодръ и сановитъ?
Онъ долженъ быть вождемъ, главою,—
Пожарскій-то, Россіи щитъ!..

Уже гремятъ въ поляхъ кольчуги;
Далече пыль встаетъ столбомъ;
Идутъ Россіи вѣрны слуги;
Несетъ ихъ вождь Пожарскій громъ!
Отъ кликовъ рати воютъ рощи,
Дремавши въ мертвой тишинѣ;
Свѣтило дня и звѣзды нощи
Героя видятъ на конѣ;
Летитъ—и взоромъ лучъ отрады
Въ сердца унывшія ліетъ;
Летитъ, какъ вихрь, и движетъ грады
И веси за собою въ слѣдъ!
„Къ щитамъ, къ щитамъ зоветъ сармата!
Погибель намъ минуты трата!
Я видѣлъ войско супостатъ:
Какъ змій, хребетъ свой изгибаетъ,
Главой уже коснулось вратъ,
Хвостомъ все поле покрываетъ.“—
Вдругъ стогны ратными сперлись—
Мятутся, строются, дѣлятся,
У вратъ, бойницъ, вкругъ стѣнъ толпятся;
Другіе вихремъ понеслись
Славянамъ и громамъ навстрѣчу.

И се зрю зарево кругомъ,
Въ дыму и въ пламѣ страшну сѣчу!
Со звономъ сшибся щитъ съ щитомъ—
И разомъ сильнаго не стало!
Ядро во systemракѣ зажужжало,
И цѣлый рядъ безстрашныхъ палъ!
Здѣсь бурный конь, съ копьемъ во чревѣ,
Вскочивши на дыбы, заржалъ,
И навзничь грянулся на землю,
Покрывши всадника собой;
Отвсюду трескъ и громы внемлю,
Глушащи скрежетъ, стонъ и вой....

Трикраты день возсіявалъ,
Трикраты ночь его смѣняла,
Но бой еще не преставалъ
И смерть руки не утомляла;
Еще Пожарскій мещетъ громъ,
Вездѣ летаетъ онъ орломъ—
Тамъ гонитъ, здѣсь разитъ, караетъ,
Ударъ ударомъ умножаетъ,
Колебля мощь литовскихъ силъ;
Сторукій исполинъ трясется—
Падетъ—издохъ! и вопль несется:
„Ура! Пожарскій побѣдилъ!“
И въ градѣ отдалось стократно:
„Ура! Москву Пожарскій спасъ!“

О, утро памятно, пріятно!
О, вѣчно-незабвенный часъ!
Кто дастъ мнѣ кисть животворящу,
Да радость напишу горящу
У всѣхъ на лицахъ и въ сердцахъ?
Да яркой изражу чертою
Народъ, воскресшій на стѣнахъ,
На кровахъ,—и съ высотъ къ герою
Вѣнки, летящи на главу,
Синклитъ, побѣдну пѣснь поющій,
Съ хоругви въ срѣтенье идущій,
И въ пальмахъ свѣтлую Москву?..

И. Дмитріевъ.

МИНИНЪ И ПОЖАРСКІЙ.

(народная пѣсня)

Какъ въ старомъ-то было городѣ,
Во славномъ и богатомъ Нижніемъ,
Какъ ужъ жилъ тутъ поживалъ богатый мѣщанинъ,
Богатый мѣщанинъ, Кузьма Сухорукій сынъ.
Онъ собралъ-то себѣ войско изъ удалыхъ молодцовъ,
Изъ удалыхъ молодцовъ, нижегородскихъ купцовъ...
Собравши ихъ, онъ рѣчь имъ взговорилъ:
„Охъ, вы, гой еси, товарищи, нижегородскіе купцы!
„Оставляйте вы свои домы,
„Покидайте вашихъ женъ, дѣтей,
„Вы продайте все ваше злато—серебро.
„Накупити себѣ вострыхъ копіевъ,
„Вострыхъ копіевъ, булатныхъ ножей,—
„Выбирайте себѣ изъ князей и бояръ удалова молодца,

ВЪѢЗДЪ ПОЖАРСКАГО ВЪ КРЕМЛЬ.

(СЪ КАРТИНЫ В. И. СИЗОВА).

Типо-Литографія Новгор. Губ. Правл.

„Удалова молодца, воеводушку...
„Пойдемъ-ка мы сражаться
„За матушку родну землю,
„За родну землю, за славный городъ Москву.
„Ужъ заполонили-то Москву проклятые народы поляки злы!
„Разобьемъ ихъ, много перевѣшаемъ,
„Самого-то Жигмона короля ихъ въ полонъ возьмемъ;
„Освободимъ мы матушку Москву отъ нечестивыхъ жидовъ,
„Нечестивыхъ жидовъ—поляковъ злыхъ!“
Ужъ какъ выбрали себѣ молодые ратнички,
Молодые ратнички, нижегородскіе купцы,
Выбрали себѣ удалова молодца,
Удалова молодца, воеводушку,
Изъ славнаго княжескаго роду—
Князя Дмитрія, по прозванію Пожарскаго:
Ужъ повелъ ихъ славный князь Пожарскій
За славный Москву-городъ сражатися,
Съ нечестивыми жидами-поляками войной бранитися.—
Ужъ привелъ-то славный князь Пожарскій своихъ храбрыхъ воиновъ,
Привелъ ко московскіимъ стѣнамъ;
Становилъ-то славный князь Пожарскій своихъ добрыхъ воиновъ
У московскіихъ у крѣпкихъ стѣнъ...
Выходилъ-то славный князь Пожарскій передъ войско свое,
Какъ ужъ взговорилъ онъ своимъ храбрымъ воинамъ:
„Охъ вы, гой еси, храбрые вы ратнички,
„Храбрые вы ратнички, нижегородскіе купцы!
„Помолимся мы на святыя на врата на Спасскія,
„На пречистый образъ Спасителя!“
Помолившись, дѣло начали:
Какъ разбили—проломили святыя врата,
Ужъ взошли-то храбрые ратнички въ бѣлокаменный Кремль,
Какъ и начали-то ратнички поляковъ колоть-рубить,
Колоть-рубить, въ большія кучи валить...
Собрались всѣ князья, бояре московскіе,
Собралися думу думати...
Какъ и взговорютъ старшіе бояре, воеводы московскіе:
„Вы скажите, вы, бояре, кому царемъ у насъ быть?“
Какъ и взговорютъ бояре воеводы московскіе:
„Ужъ мы выберемъ себѣ въ православные цари
„Изъ славнаго, изъ богатаго дома Романова—
„Михаила сына Өедоровича.“
И выбрали себѣ въ цари—Михаила сына Өедоровича.

ИЗБРАНІЕ МИХАИЛА ѲЕОДОРОВИЧА РОМАНОВА. [1])

(народная пѣсня)

(21 февраля 1613 г.)

«Самъ Богъ предъизбралъ и помазалъ его (Михаила Өеодоровича) на царство въ чревѣ матери! Не даромъ ненавидѣлъ и гналъ родъ Романовыхъ Борисъ, по волхованію предузнавъ о будущей славѣ его и о томъ, что роду Романовыхъ предопредѣлено царствовать въ Россіи.»
Слова современниковъ.

Чтоже вы, ребятушки, призадумалися,
Призадумалися, прикручинилися?
Или вы, ребятушки, каку слышали печаль?
Какъ и взговоритъ дѣтина добрый молодецъ:
„Иль не знаешь ты, дѣтина, горя нашего?
„Переставился во полуночи Василій царь,
„И не знаемъ теперь и не вѣдаемъ—кому царемъ у насъ быть!“
Какъ взговоритъ дѣтина добрый молодецъ:
„Позабудьте, братцы, горе общее!..

---

[1]) Когда происходило очищеніе Кремля отъ поляковъ, инокиня Марөа съ сыномъ своимъ Михаиломъ поѣхала изъ Москвы въ свою костромскую вотчину Домнино (въ 70 вер. отъ Костромы, нынѣ въ Буйскомъ уѣздѣ). Оттуда они отправились въ Кострому, гдѣ и нашли пріютъ въ *Ипатьевской обители.* **Ипатьевъ-Троицкій** монастырь находится близъ Костромы, на правомъ бергу Волги, построенъ онъ около 1330 г. предкомъ Годунова татариномъ Четомъ. Здѣсь до сихъ поръ сохраняется домъ, въ которомъ обиталъ Михаилъ Өедоровичъ съ своею матерью. Въ этомъ монастырѣ 14 марта 1613 г. родоначальникъ Августѣйшаго дома Романовыхъ, послѣ долгихъ моленій великаго посольства московскаго, согласился занять сиротѣвшій престолъ Россійскій.» Выборные, рязанскій архіепископъ Өеодоритъ, много властей духовныхъ, бояринъ Өедоръ Ивановичъ Шереметевъ и всякіе другіе люди, взявши честные кресты и мѣстный чудотворный образъ Богоматери Өедоровскіи, и многія иконы, пошли въ Ипатьевскій монастырь, пали на колѣна и съ сильнымъ плачемъ просили Михаила и мать его старицу Марөу не отказывать землѣ Русской, а взять царскій престолъ въ свои руки. «Онъ же, государь, и мати его великая государыня, со слезами имъ отказаваше и нарицаша его юна суща. И бывшу же плачу и прошенію на многій часъ, едва его, государя, и мати его, великую государыню, умолиша. Бысть же въ тотъ день на Костромѣ радость велія; къ Москвѣ же, къ боярамъ и ко всей землѣ, посланa и возвѣстиша имъ всѣмъ: бысть же радость на Москвѣ велія наипаче первыя» (изъ *Никоновской* лѣтописи).

„Не возвратить намъ царя бѣлаго,
„Не оплакать его душу добрую!
„Но скажу вамъ, братцы, вѣсточку новую:
„Уже бояре-воеводы намъ выбрали царя
„Изъ славнаго богатаго роду Романова—
„Михаила сына Ѳедоровича."

МЕЧЪ ПОЖАРСКАГО.

(Въ Московской Оружейной палатѣ)

Здѣсь много видимъ мы и рѣдкостей и славы,
Доспѣховъ и державъ, престоловъ и вѣнцовъ,
Здѣсь Русская земля скрижалью величавой
Почтила подвиги исчезнувшихъ вѣковъ,
И доблесть воиновъ, и мудрость государей,
И преданность гражданъ, и пастырей мольбу,
Здѣсь могутъ вопрошать преданья и судьбу
Историкъ мыслящій и страстный антикварій.
Владиміръ и Борисъ, татары и Мстиславъ,—
Всѣ слѣдъ оставили въ таинственной палатѣ.

Но больше всѣхъ вѣнцовъ, престоловъ золотыхъ,
Но больше всѣхъ кольчугъ, доспѣховъ позлащенныхъ,
И кубковъ дѣдовскихъ, и чарокъ вѣковыхъ,
И всѣхъ сокровищъ, тутъ вѣками взгроможденныхъ,—
Мнѣ любъ здѣсь мечъ одинъ,—мечъ бѣдный и простой,
Безъ пышнаго герба, мечъ ратника стальной...
Но онъ одинъ рѣшилъ событья міровыя;
Но въ битву сотни онъ водилъ другихъ мечей,
Побѣдой искупилъ честь родины своей:
То мечъ Пожарскаго, спасителя Россіи!!!

Смотри же на него, боярей русскихъ сынъ,
Смотри, отечество! слуга и гражданинъ!
Благоговѣй предъ нимъ и помни: чистой славы
И доблести прямой свидѣтель величавый,
Сей мечъ намъ къ родинѣ велитъ питать любовь,
Служить и дѣломъ ей, и словомъ, и совѣтомъ!
Склони главу предъ нимъ,—и удались съ обѣтомъ
За Русь не пощадить ни жизнь свою, ни кровь!

Гр. Е. Ростопчина.

ИВАНЪ СУСАНИНЪ. [1]

„Куда ты ведешь насъ?.. Не видно ни зги!"
Сусанину съ сердцемъ вскричали враги;
„Мы вязнемъ и тонемъ въ сугробинахъ снѣга;
Намъ, знать, не добраться съ тобой до ночлега.
Ты сбился, братъ, вѣрно, нарочно съ пути;
Но тѣмъ Михаила тебѣ не спасти!

„Пусть мы заблудились, пусть вьюга бушуетъ,
Но смерти отъ ляховъ вашъ царь не минуетъ...
Веди жъ насъ, такъ будетъ тебѣ за труды;
Иль бойся—недолго у насъ до бѣды!
Заставилъ всю ночь насъ пробиться съ мятелью...
Но что̀ тамъ чернѣетъ въ долинѣ за елью?"

„Деревня!" сарматамъ въ отвѣтъ мужичекъ:
„Вотъ гумна, заборы, а вотъ и мостокъ.
За мною! въ ворота: избушечка эта
Во всякое время для гостя нагрѣта.
Войдите—не бойтесь!"— „Ну то-то, москаль!..
Какая же, братцы, чертовская даль!

„Такой я проклятой не видывалъ ночи!
Слѣпились отъ снѣгу соколіи очи...
Жупанъ мой—хоть выжми, нѣтъ нитки сухой!"
Вошедъ проворчалъ такъ сарматъ молодой.
„Вина намъ, хозяинъ, мы смокли, иззябли!
Скорѣй!.. не заставь насъ приняться за сабли!"

Вотъ скатерть простая на столъ постлана̀,
Поставлено пиво и кружка вина,
И русская каша и щи предъ гостями,
И хлѣбъ передъ каждымъ большими ломтями.
Въ оконницы вѣтеръ бушуя стучитъ:
Уныло и съ трескомъ лучина горитъ.

Давно ужъ за-полночь... Сномъ крѣпкимъ объяты,
Лежатъ беззаботно по лавкамъ сарматы,

---

[1]) Крестьянинъ села Домнина **Иванъ Сусанинъ** жилъ въ выселкѣ Деревнищи. За славный подвигъ Сусанину воздвигнутъ въ Костромѣ, на площади, названной его именемъ, памятникъ, представляющій изъ себя гранитную колонну, на верху которой поставленъ бронзовый бюстъ Михаила Ѳеодоровича, у подножія же находится бронзовое изображеніе молящагося Сусанина. На пьедесталѣ надпись: «*Ивану Сусанину, за царя, спасителя вѣры и царства, животъ положившему, благодарное потомство*».

Всѣ въ дымной избушкѣ вкушаютъ покой;
Одинъ, насторо̀жѣ, Сусанинъ сѣдой.
Въ полъ-голоса молитъ въ углу у иконы
Царю молодому святой обороны.

Вдругъ кто-то къ воротамъ подъѣхалъ верхомъ.
Сусанинъ поднялся и къ двери тайкомъ...
„Ты ль это, родимый?.. А я за тобою!
Куда ты уходишь ненастной порою?
За-полночь... а вѣтеръ еще не затихъ...
Наводишь тоску лишь на сердце родныхъ!“ —

„Приводитъ самъ Богъ тебя къ этому дому!
Мой сынъ, поспѣшай же къ царю молодому:
Скажи Михаилу, чтобъ скрылся скорѣй;
Что гордые ляхи по злобѣ своей
Его потаенно убить замышляютъ,
И новой бѣдою Москвѣ угрожаютъ!

„Скажи, что, Сусанинъ спасаетъ царя,
Любовью къ отчизнѣ и вѣрѣ горя.
Скажи, что спасенье въ одномъ лишь побѣгѣ
И что ужъ убійцы со мной на ночлегѣ.“ —
„Но что ты затѣялъ? подумай, родной!
Убьютъ тебя ляхи... Что будетъ со мной?

„И съ юной сестрою и съ матерью хилой?“ —
„Творецъ защититъ васъ святой своей силой.
Не дастъ Онъ погибнуть, родимые, вамъ:
Покровъ и помощникъ Онъ всѣмъ сиротамъ.
Прощай же, о сынъ мой, намъ дорого время
И помни: я гибну за русское племя!“ —

Рыдая на лошадь Сусанинъ младой
Вскочилъ и помчался свистящей стрѣлой.
Луна между тѣмъ совершила полъ-круга;
Свистъ вѣтра умолкнулъ, утихнула вьюга;
На небѣ восточномъ зардѣлась заря:
Проснулись сарматы, злодѣи царя.

„Сусанинъ!“ вскричали, „что молишься Богу?
Теперь ужъ не время—пора намъ въ дорогу!“
Оставивъ деревню, шумящей толпой
Въ лѣсъ темный вступаютъ окольной тропой,
Сусанинъ ведетъ ихъ... Вотъ утро настало,
И солнце сквозь вѣтви въ лѣсу засіяло:

То скроется быстро, то ярко блеснетъ,
То тускло засвѣтитъ, то вновь пропадетъ...
Стоятъ не шелохнясь и дубъ, и береза;
Лишь снѣгъ подъ ногами скрипитъ отъ мороза.
Лишь временно воронъ вспорхнувъ прошумитъ,
И дятелъ дуплистую иву долбитъ.

Другъ за другомъ идутъ въ молчаньи сарматы;
Все далѣ и далѣ сѣдой ихъ вожатай.
Ужъ солнце высоко сіяетъ съ небесъ;
Все глуше и диче становится лѣсъ,
И вдругъ пропадаетъ тропинка предъ ними.
И сосны, и ели, вѣтвями густыми

Склонившись угрюмо до самой земли,
Дебристую стѣну изъ сучьевъ сплели.
Вотще насторожѣ тревожное ухо:
Все въ томъ захолустьѣ и мертво и глухо...
„Куда ты завелъ насъ?“ ляхъ старый вскричалъ.
„Туда, куда нужно!“ Сусанинъ сказалъ.

„Убейте, замучьте!—моя здѣсь могила!
Но знайте и рвитесь,—я спасъ Михаила!
Предателя, мнили, во мнѣ вы нашли:
Ихъ нѣтъ и не будетъ на Русской земли!
Въ ней каждый отчизну съ младенчества любитъ
И душу измѣной свою не погубитъ“.—

„Злодѣй! закричали враги закипѣвъ:
„Умрешь подъ мечами!“—„Не страшенъ вашъ гнѣвъ!
Кто русскій по сердцу, тотъ бодро и смѣло
И радостно гибнетъ за правое дѣло!
Ни казни, ни смерти и я не боюсь:
Не дрогнувъ умру за царя и за Русь!“ —

„Умри же!“ сарматы герою вскричали,—
И сабли надъ старцемъ свистя засверкали.
„Погибни, предатель! конецъ твой насталъ!“
И твердый Сусанинъ весь въ язвахъ упалъ;
Снѣгъ чистый чистѣйшая кровь обагрила:
Она для Россіи спасла Михаила.

* * *

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Затихла буря; лихолѣтье
Прошло, не тронувши корней,
Благословивъ на многолѣтье
Родоначальника царей.
Клеветники моей отчизны,
Напрасно съ завистью глухой

Вы ей бросали укоризны,
Ища въ ней ропотъ и застой!
Не русскій духъ, а духъ чужой,
Пугаясь роста великана,
Дышалъ надъ смутами земли;
И изъ враждебнаго намъ стана,
Какъ злобный демонъ, издали
Руководилъ онъ навожденьемъ;
Но Русь справлялась съ привидѣньемъ;
Какъ мѣдный витязь на конѣ [1])
Она съ своей гранитной глыбы
Даетъ могучіе отшибы
Безсильной бьющейся волнѣ.

А. Львова.

[1]) Намекъ на Петра Великаго.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ЭПОХА ПЕРВЫХЪ ЦАРЕЙ ИЗЪ ДОМА РОМАНОВЫХЪ
и
СОСТОЯНІЕ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ ВЪ XVI И XVII ВВ.

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ ПРО ВРЕМЯ ЦАРЯ МИХАИЛА ѲЕОДОРОВИЧА.
(1613 г.—1645 г.)

БИТВА ПОДЪ АСТРАХАНЬЮ. [1]

Собирался князь Никита сынъ Ѳеодоровичъ
Онъ во путь во дороженьку въ Астрахань городъ.
Вотъ онъ дѣлалъ телѣжки атаманскія,
А не мало и не много—48 тысячъ.
Обивалъ онъ телѣжки дорогимъ сукномъ,
Дорогимъ тонкимъ сукномъ, чернымъ бархатомъ;
Онъ сажалъ на тѣ телѣжки по семи человѣкъ,
По восьмому онъ сажалъ по кучеру,
По девятому онъ сажалъ кашевару,
По десятому онъ сажалъ провожатому.
Напередъ онъ послалъ своего гонца:
„Ты гони, гонецъ, въ Астрахань городъ;
Ты воскликни, ты возгаркни громкимъ голосомъ:
Ужъ вы гой еси, купцы астраханскіе!
Отворяйте-ка ворота вы широкіе,
Мы пріѣхали къ вамъ купцы черноморскіе;
Привезли мы вамъ товары все заморскіе:
Черныхъ соболей со куницами,
Съ чернобурыми со лисицами.“
—Отворяли имъ купцы свои ворота,
Становили купцы гонца во гостиницу.
Но тамъ гонецъ не уставился;
Очищали для гонца 3 площади,
Просили со гонца 3 пошлины.—
„Заплачу я вамъ, братцы, всѣ 3 пошлины“.
Какъ съ перваго часу со полуночи
Выходилъ нашъ гонецъ на высокъ балконъ,
Онъ воскликнулъ-возгаркнулъ громкимъ голосомъ:
„Ты вставай, вставай, живой товаръ!
Ты съ перваго конца жги-пали,
А съ другого конца сѣки-руби,

---

[1] «Мало въ исторіи найдется примѣровъ, говоритъ проф. Костомаровъ, когда бы новый государь вступалъ на престолъ при такихъ крайне печальныхъ обстоятельствахъ, при какихъ избранъ былъ 16-ти лѣтній Михаилъ Ѳедоровичъ. Съ двумя государствами, Польшею и Швеціею, не окончена была война. Оба эти государства владѣли окраинами Московской державы и выставляли двухъ претендентовъ на Московскій престолъ, двухъ соперниковъ новоизбранному царю. Третьяго соперника ему провозглашала казацкая вольница въ Астрахани въ особѣ малолѣтняго сына Марины, и Заруцкій во имя его затѣвалъ двинуть турокъ и татаръ на окончательное разореніе Московскаго государства.» Но разбойничьи толпы Заруцкаго разсѣялъ князь Иванъ Никитичъ **Одоевскій.** По взятіи Астрахани, ему выдали мятежника и Марину съ ея сыномъ. Племянникъ же Одоевскаго **Никита Ивановичъ** смирилъ калмыковъ и другихъ инородцевъ, тревожившихъ русскіе предѣлы. Поэтому пѣсня и смѣшиваетъ Ивана Никитича съ его племянникомъ.

А съ третьяго конца во полонъ бери,
На каждаго молодца цѣпь тяжелую клади.“
Закричали купцы, купцы астраханскіе:
— Какъ ни честь, ни хвала царю Бѣлому,
Какъ не взяли Астрахань городъ въ 30 лѣтъ,
А теперь взяли его ровно въ три часа! —

ВЪѢЗДЪ ВЪ МОСКВУ ПАТРІАРХА ФИЛАРЕТА.

(1619 г.)

Взрадовалося царство Московское
И вся земля Святорусская:
Умолилъ государь, православный царь,
Князь великій Михайло Θедоровичъ:

Царь Михаилъ Θеодоровичъ.

А что скажутъ, въѣхалъ батюшка
Государь Филаретъ Никитичъ
Изъ невѣрной земли, изъ Литовской,
Съ собою онъ вывезъ много князей, бояръ,
Еще онъ вывезъ государева боярина,
Князя Михайла Борисовича Шейна.
Съѣзжалися многіе князья, бояря и многія власти
Ко сильному царству Московскому:
Хотятъ встрѣчать Филарета Никитича.
Изъ славнаго града каменной Москвы
Не красное солнце катилося:
Пошелъ государь православный царь
Встрѣчати своего батюшка,
Государя Филарета Никитича.
Съ государемъ пошелъ его дядюшка
Иванъ Никитичъ бояринъ.—
„Дай—споди, здоровъ былъ государь мой батюшко,
А батюшко государь Филаретъ Никитичъ.“
А какъ будутъ они въ каменной Москвѣ,
Не пошли они въ хоромы въ царскія,
А пошли они къ Пречистой Соборной, [1])
А пѣти честныхъ молебеновъ.
Благословлялъ своего чада милаго:
„И дай, Господи, здоровъ былъ православный царь,
Князь великій Михаилъ Θедоровичъ!
А ему сдержати царство Московское
И вся земля Святорусская.“

ДОНСКОЙ КАЗАКЪ ВЪ ПЛѢНУ АЗОВСКОМЪ.[2])

А и по край было моря синяго,
Что на устьѣ Дону-то тихаго,
На крутомъ красномъ бережку,
На желтыхъ разсыпныхъ пескахъ
А стоитъ крѣпкой Азовъ городъ
Со стѣною бѣлокаменною,
Земляными раскатами и ровами глубокими,
И со башнями караульными.
Середи Азова города
Стоитъ темная темница,
А злодѣйка—земляная тюрьма;
И во той было темной темницѣ
Что двери были желѣзныя,
А замокъ былъ въ три пуда,
А пробои были булатные,
Какъ засовы были мѣдные;
Что во той темной темницѣ
Засаженъ сидитъ донской казакъ
Ермакъ Тимоѳеевичъ.
Мимо той да темной темницы
Лучилося царю итти, самому царю
Тому Турецкому Салтану Салтановичу,

---

[1]) *Пречистая Соборная*, т. е. Успенскій соборъ, что въ Кремлѣ.

[2]) Пѣсня эта напоминаетъ о взятіи донскими казаками города Азова, принадлежавшаго въ то время Турціи. Захвативъ этотъ городъ, казаки цѣлые 6 лѣтъ отбивали всѣ приступы турокъ и въ 1641 г. предложили его Михаилу Θеодоровичу. Миролюбивый государь, испытавшій военныя тяжести въ борьбѣ съ сосѣдями, отказался отъ предложенія казаковъ и велѣлъ имъ возвратить Азовъ Турціи.

А кричитъ донской казакъ
Ермакъ Тимоѳеевичъ:
„А ты гой еси, Турецкой царь
Салтанъ Салтановичъ!
Прикажи ты меня поить-кормить—
Либо казнить, либо на волю пустить.“
Постоялся Турецкой царь
Салтанъ Салтановичъ:
„А мурзы вы, улановья!
А вы згаркайте изъ темницы
Того тюремнаго старосту.“
А и мурзы, улановья, металися черезъ голову,
Привели его улановья они старосту тюремнаго;
И сталъ онъ Турецкой царь
У тюремнаго старосты спрашивать:
„Еще что за человѣкъ сидитъ?“
Ему староста разсказываетъ:
„А и ты гой еси, Турецкой царь
Салтанъ Салтановичъ!
Что сидитъ у насъ донской казакъ
Ермакъ Тимоѳеевичъ.“
И приказалъ скоро Турецкой царь:
„Вы мурзы, улановья,
Ведите донского казака
Ко палатамъ моимъ царскіимъ.“
Еще втапоры Турецкой царь
Напоилъ, накормилъ добраго молодца
И тожно сталъ его спрашивати:
„А ты гой еси, донской казакъ!
Еще какъ ты къ намъ въ Азовъ попалъ?“
Разсказалъ ему донской казакъ:
„А и я посланъ изъ каменной Москвы
Къ тебѣ, царю, въ Азовъ городъ,
А и посланъ былъ скорымъ посломъ,
И гостинцы дорогіе къ тебѣ вёзъ;
А на заставахъ твоихъ меня всего ограбили,
И мурзы, улановья, моихъ товарищей
Разсадили добрыхъ молодцовъ
И по разнымъ темнымъ темницамъ.“
Еще втапоры Турецкой царь
Приказалъ мурзы, улановьямъ,
Собрать добрыхъ молодцовъ
Ермаковыхъ товарищей;
Отпущаетъ добрыхъ молодцовъ,
Ермака въ каменну Москву;
Снарядилъ добраго молодца
Ермака Тимоѳеевича,
Наградилъ златомъ, серебромъ,
Еще питьями заморскими.
Отлучился донской казакъ отъ Азова города,
Загулялся донской казакъ
По матушкѣ-Волгѣ рѣкѣ,
Не явился въ каменну Москву.

ЦАРЬ АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ.

(1645 г.—1676 г.)

ПАТРІАРХЪ НИКОНЪ.

I.

ПРИНЯТІЕ НИКОНОМЪ ПАТРІАРШАГО САНА.

Въ воскресный день, въ Москвѣ, въ Успенскомъ храмѣ,
Шла поздняя обѣдня, а служилъ
Митрополитъ Новогородскій Никонъ.
И благолѣпно совершалась служба, чинно
Вдоль алтаря стояли іереи,
Торжественно звучалъ согласный хоръ,
И всѣ съ почтеньемъ веліимъ взирали
На строгаго владыку. Не любилъ
Онъ потакать небрежности обычной
Въ служеньи Богу, и въ великомъ страхѣ
Держалъ весь клиръ...
То было время переходное. Іосифъ,
Великій патріархъ всея Руси,
Недавно въ Бозѣ опочилъ, оставивъ
Престолъ святительскій свободнымъ. Ожидали.
Съ великимъ нетерпѣньемъ на Москвѣ,
Кого соборъ, по Божьему внушенью
И волѣ царской, изберетъ на мѣсто
Усопшаго владыки. Толковали,
Что будто будетъ непремѣнно избранъ
Суровый Никонъ. Вѣдь недаромъ царь
Его такъ чтилъ и даже величалъ
Своимъ „собиннымъ“ другомъ, и къ тому-же
Его избралъ своимъ духовникомъ.
Ходили вѣсти, будто государь
Уже не разъ просилъ митрополита,
Чтобъ, покорясь всеобщему желанью
И волѣ царской, онъ пріялъ смиренно

Великій санъ духовный патріарха
И замѣнилъ осиротѣвшей паствѣ
Усопшаго владыку. Но напрасны
Остались всѣ старанья государя.
Честолюбивый Никонъ отклонялъ
И уговоръ, и просьбы. Непреклонно
Онъ отвѣчалъ отказомъ; не могли
Поколебать его ни убѣжденья,
Ни даже просьбы друга и царя.
И слухъ прошелъ, что кроткій Алексѣй
Вдругъ осердился на его упрямство
И даже не пожаловалъ къ обѣднѣ
Въ воскресный день, въ святой Успенскій храмъ,
А слушалъ службу въ теремномъ дворцѣ
У Спаса за рѣшоткой золотою.

Царь Алексѣй Михайловичъ.

Окончилась обѣдня. Сталъ народъ
Изъ храма выходить Разоблачился
Порядкомъ установленнымъ владыка
И, мантію одѣвъ, благословенье
Послѣднее преподалъ на амвонѣ
И къ выходу направился... Вдругъ видитъ:
Въ соборъ вошелъ царь Алексѣй, держа
Въ рукахъ икону, а за нимъ толпою
Текли во слѣдъ служители Христа.
Остановился Никонъ. Государь,
Подъявъ икону Спаса, подошелъ
Къ собинному пріятелю и громко
Сталъ именемъ Господнимъ заклинать,
Чтобъ онъ не смѣлъ противиться велѣнью
Премудрости Господней и пріялъ бы
Великій санъ духовный патріарха.
Но Никонъ былъ неколебимъ: смиренно,
Но твердо отвѣчалъ онъ государю,
Что самъ себя считаетъ недостойнымъ
Занять престолъ святительскій и проситъ
Избрать изъ сонма пастырей благихъ
Другого, болѣе достойнаго владыку.
Царь Алексѣй смутился. Передавъ
Икону іерею, опустилъ онъ
Свое чело державное и въ думу,
Какъ въ мрачную пучину, погрузился,—
И воцарилось безмолвіе. Стояли
Всѣ неподвижно, ожидая въ страхѣ,
Чѣмъ разрѣшится дума государя.
И вдругъ случилось зрѣлище, какого

Патріархъ Никонъ.

Еще никто не видѣлъ на Руси.
Царь Алексѣй, преемникъ Іоанна,
Передъ крестьянскимъ сыномъ [1]) опустился
Вдругъ на колѣни и, главу склонивши,
Сталъ со слезами умолять, чтобъ Никонъ
Ужъ больше не противился и далъ бы
Свое согласье, что передъ нимъ теперь
Въ лицѣ царя, помазанника Бога,
Вся Русь склонилась и смиренно проситъ
Ее почтить согласіемъ своимъ.
Вслѣдъ за царемъ и весь соборъ духовный
Безмолвно преклонился и внималъ

[1]) Никонъ, въ міру Никита, былъ сынъ крестьянина Нижегородской области села Вильдеманова.

Его словамъ. При видѣ государя,
Стоявшаго предъ нимъ въ такомъ смиреньи,
У Никона ужъ не хватило силы
Упорствовать въ отказѣ. Согласился
Онъ патріаршій санъ пріять; любовно
Облобызался съ государемъ, поклонился
Всему собору освященному и въ храмѣ,
Какъ патріархъ, ихъ всѣхъ благословилъ,
Со всѣми ими вкупѣ помолился
И по домамъ ихъ съ миромъ отпустилъ.

2.

НИЗЛОЖЕНІЕ ПАТРІАРХА НИКОНА.

(12 декабря 1666 г.)

Прошли года, и вновь въ Успенскомъ храмѣ
Служилъ обѣдню Никонъ патріархъ.
Все также чинно совершалась служба,
Торжественно звучалъ согласный хоръ,
Но на челѣ суроваго владыки
Глубокія виднѣлися морщины,
Слѣды заботъ и думы роковой.
Не празднымъ и излюбленнымъ покоемъ
Былъ для него святительскій престолъ,
Онъ не мирился съ властью, какъ съ почетомъ,
Онъ жаждалъ дѣла. Въ глубинѣ души,
Еще въ давно минувшія годины,
Въ немъ зародились мысли: какъ помочь,
Какъ пособить лихому нестроенью,
Въ которомъ обрѣтались—духовенство
И Божья служба въ храмахъ на Руси?
Онъ принялся за дѣло круто, строго;
Онъ обратилъ вниманье и на книги,
И на молитвы; все, что исказили
Неграмотные, грубые писцы,
Онъ захотѣлъ исправить разомъ, вдругъ.
Но онъ забылъ, что то, что накоплялось
Десятками и сотнями годовъ,
Того нельзя вдругъ измѣнить; къ тому же
Онъ былъ строптивъ и гнѣвенъ непомѣрно,
И мстителенъ. Волною поднялось
Вокругъ его—негодованье всѣхъ,
Кого касались эти перемѣны.
Оно росло и даже добралось
До слуха самодержца Алексѣя [1]).
И онъ началъ охладѣвать къ любимцу своему,
Къ собинному пріятелю и другу.
Замѣтилъ Никонъ это охлажденье
И понялъ разомъ, что ему возвратъ
Назадъ ужъ труденъ,—что онъ такъ далеко
Зашелъ впередъ, что нужно или снова
Вернуть что было, иль однимъ ударомъ
Разрушить все; онъ совершилъ попытку,
Чтобы вернуться къ прежнему, но это
Ужъ стало невозможнымъ; и онъ
Рѣшился самъ сложить съ себя свой санъ.
Окончивъ службу, приложившись къ лику
Святителя Филиппа, помолившись
Передъ иконой чудотворной Спаса,
Онъ вышелъ на амвонъ и тамъ, сказавъ
Народу поученье, объявилъ,
Что онъ слагаетъ патріаршій санъ
По недостоинству и по навѣтамъ злобы
Своихъ враговъ. Затѣмъ разоблачился,
Снялъ панагію и отбылъ смиренно
Безъ звона въ Воскресенскій монастырь. [2])
Безъ него его погибель было ужъ не трудно
Его врагамъ устроить, собрался
Соборъ духовный и рѣшили дружно:
Не только замѣстить престолъ свободный,
Но и лишить и сана, и священства
Опальнаго владыку...
Судили его два дня и наконецъ лишили
И сана и священства. [3])

---

[1]) Никонъ, при своемъ гордомъ, тяжеломъ характерѣ, очень скоро нажилъ множество враговъ во всѣхъ сословіяхъ. «Большая часть бояръ не терпѣла его за его близость къ царю, за его распоряженія въ царскомъ совѣтѣ, за строгія замѣчанія, которыя онъ дѣлалъ имъ, не стесняясь въ выраженіяхъ. Не любило его и черное духовенство за то, что онъ обращался съ нимъ слишкомъ властительно и грубо, бѣлое духовенство за недоступность и недостаточное вниманіе къ его настоятельнымъ нуждамъ. Приверженцы старыхъ книгъ, старыхъ обрядовъ были и при дворѣ. Многочисленные недруги Никона и довели его дѣло до суда, на которомъ присутствовали патріархи Константинопольскій и Антіохійскій. Оба патріарха не столько заботились о томъ, чтобы вникнуть въ дѣло Никона, сколько о томъ, чтобы угодить царю (проф. *Субботинъ*).

[2]) **Воскресенскій** монастырь, именуемый **Новымъ Іерусалимомъ**, находится въ Звенигородскомъ уѣздѣ въ заштатномъ городѣ Воскресенскѣ въ 40 верстахъ отъ Москвы. Онъ основанъ патріархомъ Никономъ въ 1656 г.; Никонъ черезъ годъ устроилъ здѣсь церковь во имя Воскресенія Христова; на освященіи ея присутствовалъ самъ царь, который, осматривая новую обитель и окрестности ея, сказалъ патріарху: «Самъ Богъ опредѣлилъ мѣсто сіе для обители, оно прекрасно, какъ Іерусалимъ.» Никонъ, услышавши такой отзывъ о своей обители, назвалъ ее *Новымъ Іерусалимомъ*, а мѣста, близь лежащія—по примѣру палестинскихъ: иное Назаретомъ, иное селомъ Скудельничимъ, а рѣку Истру—Іорданомъ (Архим. Іосифъ. Путеводитель къ святынѣ и свящ. достопамят. Москвы и ея окрестностей, стр. 200—201). Сюда-то удалился Никонъ изъ Москвы и отсюда онъ былъ вызванъ черезъ 8 лѣтъ на судъ въ Москву. Здѣсь было погребено и тѣло его въ церкви Іоанна Предтечи, въ могилѣ, которую онъ самъ приготовилъ себѣ, живя въ этой обители.

[3]) Черезъ недѣлю послѣ произнесенія судебнаго приговора надъ Никономъ, его призвали въ церковь Благо-

3.

ЖИЗНЬ НИКОНА ВЪ ССЫЛКѢ.

Прошло еще годовъ не мало. Никонъ
Все былъ въ опалѣ и въ далекой ссылкѣ,
Томился подъ надзоромъ неуклоннымъ...
Но и въ тиши обители далекой
Развѣнчанный владыка оставался
Все тѣмъ же Никономъ, суровымъ, строгимъ,
Какимъ онъ былъ въ минувшія годины,
Во оны дни величья своего.
Какъ Божій инокъ, какъ служитель церкви,
Какъ ратникъ воинства безкровнаго Христа,
Онъ также строго относился къ людямъ,
Отрекшимся отъ суеты мірской
И посвятившимъ жизнь служенью Богу
И подвигамъ смиренья и добра,
Онъ продолжалъ держать себя далеко
Отъ монастырской братьи; не доступенъ,
Великъ, суровъ онъ былъ всегда средь нихъ,
И не сломился духъ его гордыни
Подъ бременемъ изгнанья и тоски.
Но и его томилъ недугъ тяжелый:
Онъ изнывалъ отъ вѣчнаго бездѣлья,
Онъ жаждалъ власти, жаждалъ прежнихъ
дней,
Не для почета только иль покоя,
Онъ сознавалъ въ себѣ и силу воли,
И твердость духа, и привычку къ власти,
И знаніе, и просвѣщенный умъ...
И онъ все ждалъ посланца изъ Москвы
Съ почетнымъ зовомъ.—О, тогда настанетъ
И день отмщенья всѣмъ его врагамъ!..
И вотъ однажды ночью въ монастырь,
Дѣйствительно, пріѣхали посланцы
И привезли съ собой такую вѣсть:
Царь Алексѣй скончался, царь Өеодоръ
Вступилъ на прародительскій престолъ
Царей московскихъ и, согласно волѣ
Усопшаго отца и государя,
Онъ снялъ опалу съ Никона, дозволивъ
Въ свой монастырь любимый Воскресенскій
Изъ дальней ссылки возвратиться днесь.
Опальный Никонъ выслушалъ посланца
Спокойно, гордо... не сказавъ ни слова,

вѣщенія, надъ воротами въ Чудовомъ монастырѣ. Въ церкви находились только патріархи съ архіереями да нѣсколько бояръ. Изъ народа въ церковь не пустили никого. Тайкомъ отъ народа совершали надъ Никономъ обрядъ низложенія, тайкомъ же отправили его и въ заточеніе. На другой день, послѣ печальной церемоніи, Никона повезли въ ссылку въ Өерапонтовъ монастырь, откуда впослѣдствіи перевели въ Кирилло-Бѣлозерскую обитель.

Направился онъ къ храму и велѣлъ
Ударить въ колоколъ поліелейный.
Раздался погребальный звонъ, стеклися
Монахи и народъ въ соборный храмъ,
И тамъ смущенный Никонъ совершилъ
Соборне съ монастырскимъ духовенствомъ
Поминовенье по усопшемъ, а затѣмъ
Вознесъ молитвы къ Господу о здравьи
И долголѣтьи новаго царя.

4.

КОНЧИНА НИКОНА.

(1681 г.).

Была пора весенняя. [4]) По Волгѣ
На баркѣ скромной возвращался Никонъ
Изъ ссылки въ Воскресенскій монастырь.
Года прошли не даромъ, расшатали
Они здоровье Никона и тяжко
На бодрости его отозвались.
Его томилъ мучительный недугъ,
Подарокъ той болотистой рѣки,
По берегамъ которой онъ, бывало,
По цѣлымъ днямъ задумчиво бродилъ.
Смерть Алексѣя повліяла также
На черствую натуру старика;
Со смертью государя обрывалась
Послѣдняя надежда. Значитъ втуне
Онъ столько лѣтъ все думалъ и мечталъ,
Что если царь при жизни не рѣшится
Его вернуть, то на одрѣ болѣзни,
Предъ смертнымъ часомъ, ужъ захочетъ вѣрно
Увидѣться съ своимъ собиннымъ другомъ
И отъ него прощенье получить.
Но Алексѣй скончался.... Чтожъ? Остался
Для распри ихъ послѣдній судъ.
Не долго ждать! Онъ чувствовалъ, что скоро
И для него наступитъ смертный часъ,
Когда и онъ предстанетъ передъ Богомъ,
Чтобъ дать отчетъ въ грѣхахъ своихъ, а
также
Позвать на судъ Его нелицемѣрный
Своихъ враговъ...

. . . .

Ужъ время приближалося къ разсвѣту,
Но Никонъ не ложился. Ужъ давно
Онъ мучился безсонницей, не зная
Чѣмъ скоротать томительную ночь.

[4]) Никонъ скончался на пути возвращенія изъ ссылки, на Волгѣ, вблизи Ярославля, но не весною, какъ читаемъ въ стихотвореніи, а въ августѣ, 17 числа.

Покинулъ онъ страдальческое ложе
И, сотворивъ молитву, осторожно
Пошелъ на верхъ.
На палубѣ просторной
Все было тихо, спали мертвымъ сномъ
Уставшіе рабочіе на доскахъ,
И только на кормѣ стоялъ бурлакъ
И твердою, испытанной рукою
Онъ правилъ баркой. Никонъ помолился
И тихо опустился на скамью,
Стоявшую подъ парусомъ у мачты.
Гонимая попутнымъ вѣтромъ, барка
Неслась по Волгѣ быстро, оставляя
Вслѣдъ за собой журчащія струи.
Широкими и мутными волнами
Текла рѣка; вдали изъ-за пригорка
Всходило солнце, прогоняя быстро
По берегамъ сгустившійся туманъ.
Все оживало. Начиналось утро,
Повсюду чуялась волшебница-весна,
И сладостное чувство овладѣло
Озлобленной душою старика.
Весенній воздухъ вѣялъ благодатно
На утомленный мозгъ и вызывалъ
Въ его душѣ минувшаго картины...
И вспомнилось ему былое время,
И вспомнились минувшіе года.
Вотъ онъ ребенокъ. Сколько испытаній
Онъ перенесъ отъ мачехи; она,
Какъ дикій звѣрь, его терзала, даже
Чуть не убила разъ; но все сносилъ
Онъ, бѣдный мальчикъ, хилый и больной...
А вотъ и монастырь, гдѣ такъ прилежно
Онъ занимался чтеніемъ священныхъ
Церковныхъ книгъ. Вотъ величавый старецъ,
Священный инокъ, просвѣтившій мудро
Его познаньемъ возбужденный умъ.
Затѣмъ: Москва... священство... бракъ... семья...
Потеря всѣхъ своихъ дѣтей... потомъ,
Влекомый жаждой подвиговъ священныхъ,
Ушелъ онъ къ морю Бѣлому и тамъ
Въ скиту Анзерскомъ принялъ постриженье.
Какъ онъ любилъ безмолвіе природы!
Какъ горячо молился онъ, мечтая
Всю жизнь свою въ обители священной
Провесть въ трудахъ, молитвѣ и тиши!
Какъ былъ тогда онъ чистъ душой!.. а послѣ:
Гордыня... суета... и жажда власти...
Желанье мести... самолюбье... злость...
И тутъ впервые гордый, непреклонный,
Развѣнчанный владыка вдругъ почуялъ
Потребность всепрощенья. Предъ природой,
Подъ благотворными лучами солнца,
Подъ мѣрный шумъ рокочущей волны,
Вдыхая воздухъ благодатный утра,
Съ благоговѣніемъ смотря на бурлака,
Котораго мозолистыя руки
Всю жизнь трудились тяжко лишь затѣмъ,
Чтобы на хлѣбъ насущный заработать,—
Созналъ тутъ Никонъ, какъ глубоко онъ
Погрязъ душою въ суетѣ грѣховной;
Созналъ и то, что судъ надъ нимъ былъ правый,
Что этотъ судъ, хотя лицепріятный,
Былъ справедливъ, зане, по волѣ Бога,
Онъ за гордыню покаралъ его.
Смягчилось сердце, подступили слезы
Къ его очамъ и полились свободно
По изможденнымъ старческимъ щекамъ.
Палъ на колѣни Никонъ и, склонивши
Свою сѣдую, гордую главу,
Онъ сталъ молить у Господа прощенья
Своимъ грѣхамъ, и самъ тогда невольно
Отъ всей души, отъ искренняго сердца,
Простилъ впервые всѣмъ своимъ врагамъ.
Какъ хорошо онъ чувствовалъ на сердцѣ
Въ тотъ сладкій мигъ, въ тотъ примиренья часъ!
И долго онъ молился умиленно,
И долго плакалъ... наконецъ поднялся,
Но вдругъ почуявъ, что въ его груди
Какъ будто что-то лопнуло у сердца,
И кровь изъ горла хлынула струей,
Онъ пошатнулся... слабыми руками
За грудь схватился и, склонившись тихо,
Упалъ на доски. Поднялась тревога.
Сбѣжались всѣ, хотѣли поскорѣе
Его снести въ каюту на постель,
Но онъ открылъ глаза и улыбнулся,
И слабою рукою указалъ,
Чтобы его перенесли на берегъ,
На луговую сторону рѣки.
Остановили барку, осторожно
Его на берегъ на рукахъ снесли
И положили на лугу зеленомъ
Подъ старою, развѣсистой березой
На молодую, свѣжую траву.
Владыка былъ не движимъ, тонкой струйкой
Изъ устъ его слегка сочилась кровь,
Но очи были ясны, и съ улыбкой,
Еще не виданной на сумрачномъ лицѣ,
Онъ обводилъ всѣхъ взоромъ. Вдругъ надъ нимъ

Въ вѣтвяхъ березы невысо́ко, близко,
Запѣла пташка. О, съ какой отрадой
Онъ ей внималъ, какъ вѣстнику спасенья,
Какъ вѣстнику небесъ... казалось, въ нихъ,
Въ тѣхъ звукахъ мимолетныхъ заключались
Невѣдомыя, дивныя слова,
Слова прощенья... вдругъ вспорхнула пташка,
И полетѣла кверху, и пока
Не утонула въ яркой синевѣ
Весенняго, безоблачнаго неба,
Слѣдилъ за нею Никонъ, а затѣмъ
Вдругъ застоналъ... хотѣлъ перекреститься..
Шепнулъ, но что... понять ужъ не могли...
И умеръ онъ, сынъ пахаря и жницы,
На лонѣ чистомъ матери земли.

Н. А. Вроцкій.

Вооруженіе русскихъ въ XVI—XVII столѣтіяхъ.

ПѢСНЯ ПРО ОСАДУ СОЛОВЕЦКАГО МОНАСТЫРЯ. [1])

На Москвѣ было, на базарѣ,
Собиралися бояре;
Выбирали бояре
Изъ бояръ воеводу,
Выбирали Ивана Петрова,
Изъ того ли изъ роду Салтыкова.
Передъ царскія очи становили.
Какъ возговоритъ православный царь,
Алексѣй-то Михайловичъ,
Его царское величество:
„Охъ ты гой еси, большой бояринъ,
Ты любимый мой воеводушка!
Ты ступай-ка ко морю ко синему,
Ко тому острову ко большему,
Къ Соловецкому;
Ты порушь вѣру старую, правую,
Постановь вѣру новую, неправую.“
Какъ возговоритъ большой бояринъ,
Любимый царскій воеводушка:
„Охъ ты гой еси, православный царь,
Алексѣй Михайловичъ,
Твое царское величество!

[1]) О взятіи этого монастыря въ Соловецкомъ лѣтописцѣ сказано слѣдующее: «На Клементьево мѣсто присланъ съ Москвы воевода Иванъ Мещериновъ съ началными людьми, да съ нимъ были Московскія стрелцы и Волоцкія и Устюжскія; да за Двины стрелцовъ 900 человѣкъ; и Сумскія и Кемскія стрелцы емужъ вручены. И Божіею помощію и великого Государя счастіемъ, службою и радѣніемъ того воеводы Ивана Мещеринова съ началными ратными людми, Соловецкой монастырь взяли взятіемъ въ 184-мъ (1676) году Генваря въ 22 день. Мятежники Соловецкія порублены и казнены смертію, а иныя разосланы въ сылку въ Колской и въ Пустозерской остроги; а которыя изъ нихъ соборной церкви покорились и великому Государю вину свою принесли, прощены и жить оставлены въ Соловкахъ.» Происхожденіе пѣсни, несомнѣнно, раскольничье: самъ царь выдаетъ себя, приказывая воеводѣ:

«Ты порушь вѣру старую, *правую*,
Постановь вѣру новую, *неправую*.»

Нельзя объ этомъ и подумати,
Нельзя объ этомъ и помыслити:
Какъ нарушить вѣру старую, правую,
Какъ поставить вѣру новую, неправую!“
Царь разозлился,
Царь распалился;
Воевода прогрѣшился.
Какъ возговоритъ большой бояринъ,
Любимый царскій воеводушка:
„Охъ ты гой еси, православный царь,
Алексѣй Михайловичъ,
Твое царское величество!
Ужъ и дай мнѣ силу не малую, не великую;
Сорокъ полковъ да все тысячныхъ,
Сорокъ пушекъ, да все мѣдныихъ,
Зелья-пороху сколько надобно.
Какъ и было въ самый ли Петровъ-то день,
Какъ на синемъ было морюшкѣ,
На большомъ было на островѣ,
Во честномъ монастырѣ было —
Отошла честна заутреня,
Пономарь звонилъ къ обѣденкѣ,
Честны старцы пѣли молебены;
Какъ бѣжитъ пономарь,
Неразумный звонарь:
„Охъ вы гой еси, честны старцы!
Какъ идетъ сила не малая, не великая,
Сорокъ полковъ, да все тысячныхъ,
Сорокъ пушекъ, да все мѣдныихъ,
Зелья-пороху сколько надобно,
Да все войско православное,
Не то идутъ они ратиться,
Не то идутъ они молитися,“
— „Охъ ты, глупой звонарь,
Неразумный пономарь,
Да то войско православное,
Не идетъ оно ратиться,
Идетъ оно молитися!“
На ту пору пушкари были догадливы:
Брали ядрушко каленое
Забивали во пушечку мѣдную,
Палили во тотъ во честной монастырь,
Въ Соловецкій.

РАСКОЛЬНИЧЬИ СТИХИ. [1]).

I.

ПОХВАЛА ПУСТЫНИ.

О, прекрасная пустыня!
Пріими мя въ свою густыню,
Яко мати свое чадо,
Научи мя на все благо;
Въ тихую свою безмолвную,
Палату лѣсовольную,
Любимая моя мати,
Потщися мя воспріяти.
Всѣмъ сердцемъ желаю тя,
И въ день, и въ нощь возлелѣю тя.
Пустыня моя, пріими мя,
Отъ суетнаго, прелестнаго,
Вѣка маловременнаго,
Да во свои младыя лѣта
Отвращуся отъ сего свѣта.
О, прекрасная пустыня,
Въ любви своей пріими мя.
Не страши мя своимъ страхомъ,
Да не въ радость буду врагомъ.
Пойду я въ твои лузи зрѣти
Различные твоя цвѣти.
О, дивенъ твой прекрасный садъ,
И жити (я) въ тебѣ всегда радъ;
Древа, вѣтви кудрявыя
И листвіе зеленое
Зыблются малыми вѣтры;
Пребуду здѣ свои лѣта,
Оставлю міръ прелестный,
И буду, аки звѣрь дикій,
Единъ въ пустыни бѣгати,
День и нощь работати;
Сего бо свѣта прелести
Хотятъ душу въ адъ свести,
И вринути въ пропасти темныя,
Въ огненныя муки вѣчныя.
Всегда мя врагъ прельщаетъ,
Свои сѣти поставляетъ,
И тако начну плакати,
Умильно звати и рыдати:
„Милостивый мой Боже!

---

[1]) Исправленіе богослужебныхъ книгъ и церковная реформа Никона вызвали усиленную религіозную борьбу со всѣми ужасами жестокихъ преслѣдованій за религіозныя убѣжденія. Желая съ одной стороны сохранить въ неприкосновенности «старую вѣру», вѣру отцовъ и дѣдовъ, и съ другой стороны спасаясь отъ преслѣдованій правительства, раскольники оставляли свои поселенія и разбѣгались въ необитаемыя, пустынныя окрайны Русскаго государства. Въ эту-то пору, вѣроятно, и появилась та масса раскольничьихъ стиховъ, какая теперь извѣстна ученому міру. Изъ такихъ стиховъ приводятся здѣсь два. Въ первомъ очень живо передается то впечатлѣніе, которое дѣвственные лѣса, съ ихъ непроходимою чащею и глушью, производили на людей, спасавшихся и отъ «прелестей (т. е. соблазновъ) міра,» и отъ жестокихъ гоненій. Второй стихъ показываетъ намъ, какъ сильна была привязанность первыхъ раскольниковъ къ своимъ убѣжденіямъ и какъ великъ былъ ихъ фанатизмъ. Открываемые въ своихъ укромныхъ убѣжищахъ преслѣдующими ихъ приставами и воеводами, они, въ большинствѣ случаевъ, добровольно обрекали себя на смерть, но не отдавались живыми въ руки правительства.

Уповая на Тебя, азъ
Скитаюся въ сей пустыни.“

II.

САМОСОЖИГАТЕЛЬСТВО.

Какъ шелъ старецъ по дорожкѣ,
Черноризецъ по широкой;
Идучи онъ слезно плачетъ,
Во слезахъ пути не видитъ,
Во рыданьяхъ слова не молвитъ.
Какъ навстрѣчу ему идетъ
Самъ Христосъ Царь Небесный.
„Охъ гой еси, старецъ черноризецъ,
Ты о чемъ, старецъ, слезно плачешь,
Ты о чемъ, черноризецъ, воздыхаешь?
Отвѣчалъ Господу старецъ,
Отвѣчалъ Царю Небесному черноризецъ:
„Охъ Ты гой еси, Христосъ Царь Небесный,
Какъ мнѣ Господи, не плакать?
Потерялъ я златую книгу,
Потопилъ ключъ церковный въ морѣ“.
Отвѣчаетъ Христосъ старцу,
Отвѣчаетъ Царь Небесный черноризцу:
„Не плачь, старецъ, не плачь, черноризецъ!
Я сыщу тебѣ златую книгу,
Ключь церковный изъ моря выну.
Ты поди, старецъ, въ пустыню,
Ты спасай тамъ свою душу“.
Какъ возговоритъ Ему старецъ со слезами:
„Охъ ты гой еси, батюшка Христосъ Царь
Небесный,
Ты поставь-ка мнѣ въ пустынѣ келью,
Гдѣ бы люди не ходили,
Однѣ бы пташки пролетали,
Меня бы, старца, потѣшали,
Ото сна бы пробуждали;
Ото сна-бъ я пробудился
На правило становился“.
Какъ возговоритъ Христосъ Царь небесный:
„Ой вы, люди, рабы мои—Христовы,
Православные христіане,
Не забывъ Бога, живите,
Не буянно поступайте,
Не рѣчисто говорите.
Народился духъ нечистый,
Духъ нечистый-злой антихристъ,
И пустилъ онъ свою прелесть
По городамъ и по селамъ.
Людей моихъ изгоняетъ,
Въ свою вѣру принуждаетъ,
Въ свою церковь ходить заставляетъ,
Своихъ поповъ поставляетъ,
Своихъ судей посылаетъ,
Свои письма разсылаетъ
По селамъ и по деревнямъ,
По прекраснымъ пустынямъ.
Не сдавайтесь вы, мои свѣты,
Тому змію седьмиглаву,
Вы бѣгите въ горы, вертепы,
Вы поставьте тамъ костры большіе,
Положите въ нихъ сѣры горючей,
Свои тѣлеса вы сожгите.
Пострадайте за меня, мои свѣты,
За мою вѣру Христову:
Я за то вамъ, мои свѣты,
Отворю райскія свѣтлицы,
И введу васъ во царство небесно,
И самъ буду съ вами жить вѣковѣчно“.

ПѢСНЬ ПРО БОЯРИНА АРТАМОНА МАТВѢЕВА. [1])

Святъ домъ, подъ кой народъ гробницы
Матвѣеву принесъ.
Г. Державинъ.

Запѣвъ.

Ужъ вы, гусельки завѣтныя мои,
Ужъ вы, струнушки, вы шелковыя,

---

[1]) Основа содержанія этой «пѣсни» взята изъ лѣтописнаго разсказа. Неизвѣстно, справедливъ этотъ разсказъ, или вымышленъ. Но если даже онъ вымышленъ, то характеръ вымысла показываетъ, что москвичи—именно такъ называемый «простой народъ» - весьма уважали и любили Матвѣева. Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ жилъ въ XVII в., и при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ игралъ важную роль въ государствѣ,—не столько потому, что управлялъ посольскимъ приказомъ (приблизительно тоже, что теперешнее министерство иностранныхъ дѣлъ), сколько потому, что былъ любимцемъ царя. Насколько мы можемъ составить себѣ понятіе о личности Матвѣева по дошедшимъ до насъ письменнымъ извѣстіямъ, это былъ человѣкъ самостоятельнаго характера, умный, дѣятельный. честный (не бралъ взятокъ, что для XVII в. было рѣдкостью), неспѣсивый и, по своему времени, весьма образованный и развитой, т. е. отрѣшившійся отъ многихъ господствовавшихъ тогда на Руси предразсудковъ. Такъ, между прочимъ, всѣхъ иностранцевъ, безъ различія исповѣданій, русскіе считали «погаными», а всякое подражаніе имъ—грѣхомъ; напротивъ, Матвѣевъ былъ весьма склоненъ перенимать у иностранцевъ все полезное и, по его понятіямъ, непредосудительное. Алексѣй Михайловичъ любилъ въ немъ эту черту, такъ какъ самъ былъ неравнодушенъ ко всякимъ «диковинкамъ», напр. къ сценическимъ представленіямъ. Лѣтописное преданіе говоритъ, что и каменныя палаты, о которыхъ идетъ рѣчь въ «пѣснѣ», Артамонъ взялся строить, чтобы угодить царю. Въ то время на Руси строили исключительно деревянные дома: жить въ каменныхъ считалось нездоровымъ. Отсюда понятно, что затѣя Матвѣева казалась всѣмъ необыкновенной; понятно также, почему онъ не нашелъ въ продажѣ матеріала для постройки. Во время этой затѣи бояринъ самъ жилъ въ деревянномъ домѣ.

Голосистыя, не выдайте меня,
Вы взыграйте, чистымъ серебромъ звеня!
По Руси мы съ вами, гусельки, пройдемъ.
Вы разлейтеся залетнымъ соловьемъ,
Чтобъ ни старъ, ни младъ—никто не минулъ насъ,
Чтобъ всякъ слушалъ, не наслушался бы васъ!
Лѣсъ кудрявый, нашей Руси благодать,
Ты умѣешь сердцу русскому шептать;
Помоги ты неумѣнью моему:
Научи меня ты шопоту тому!
Ой луга, луга съ шелковой травой,
Вы пестрѣете весеннею красой,—
Вы ссудите-ка мнѣ цвѣтиковъ своихъ,
Въ нашей пѣснѣ пораскиньте-ка вы ихъ.
Гой ты, Волга, Волга матушка-рѣка!
Ты течешь и широка и глубока,—
Научи ты, какъ мнѣ слѣдомъ за тобой
Вылить пѣсню тихой, мѣрною волной!
Гой вы, гусельки завѣтныя мои,
Гой вы, струнушки, вы шелковыя,
Вы взыграйте на иной, на тихій ладъ,
Рокочите, словно стая лебедятъ:
Какъ запѣвъ-то нашъ кончается,
Наша пѣсня начинается.

I.

Видно лѣвой ногою
Всталъ съ постели съ зарею
Тароватый бояринъ Матвѣевъ:
Онъ по горницѣ ходитъ,
Свою душу отводитъ,—
Знай бранитъ москвичей—фалафѣевъ:
„Ну, народъ!—фалафѣи,
„Самой плевой затѣи
„Не сваришь съ ними,—только устанешь:
„На-ко-сь выстрой палаты!—
„И казной вотъ богаты,
„Да нигдѣ кирпичу не достанешь.
„Нѣту вовсе въ продажѣ,
„И не спрашивай даже:
„Всю Москву изослалъ ужъ своими,
„Посылалъ и въ посады“...
Даже плюнулъ съ досады:
„Согрѣшишь, прости Господи, съ ними!“
И промолвивъ тѣ рѣчи,
Надѣваетъ на плечи
Онъ тулупъ изъ куницы тобольской,
Съ полки шапку снимаетъ,
Да къ дверямъ поспѣшаетъ,—
Ужъ въ приказъ время ѣхать посольскій.
„Эй, коня мнѣ, да живо!“
Вышелъ вонъ—что за диво?—
Дворъ широкій весь полонъ народу
(Все народъ черной кости,
Впереди только гости):
Ни проѣзду нигдѣ, ни проходу.
Какъ его увидали
Тотчасъ шапки всѣ сняли,
Поклонилися въ поясъ степенно.
„Что вамъ надобно, други?“
Вернувъ за поясъ руки,
Вопрошаетъ бояринъ почтенный.
„Къ твоей чести, родимый,
„Всѣ съ поклономъ пришли мы!“
Загудѣла толпа въ одинъ голосъ.
Тутъ, ступивъ предъ толпою,
Гость съ большой бородою
(Въ бородѣ ужъ сѣдой виденъ волосъ)
Такъ промолвилъ съ поклономъ:
—„Красенъ колоколъ звономъ,
„А бесѣда любовною рѣчью...
„Вишь, слыхали ребята,
„Ты задумалъ палаты
„Строить каменны въ Замоскворѣчьи,
„Иль тамъ гдѣ въ другомъ мѣстѣ,
„Такъ пришли къ твоей чести—
„Какъ ты былъ нашъ всегдашній радѣтель—
„Камешкомъ поклониться,
„Чай въ постройкѣ сгодится...
„Не побрезгуй, прими, благодѣтель.“
Усъ погладивъ, бояринъ
Говоритъ: „Благодаренъ
Всей душой я за доброе слово;
„Только даромъ-то тоже
„Брать мнѣ съ васъ непригоже:
„Это выйдетъ плохая обнова.
„Мнѣ подарковъ не надо,
„А помочь, коль вы рады,
„Такъ продайте: куплю я съ охотой.“
— „Не такое, свѣтъ, дѣло!“
Вся толпа загудѣла,
Придвигаясь къ крыльцу съ позолотой.
„Ну, друзья, дѣло ваше;
„Не сварить, знать, намъ каши...

Въ такихъ домахъ крыльцы дѣлались съ узорчатыми, рѣзными, раскрашенными и раззолоченными перилами и столбиками. Послѣ смерти Алексѣя Михайловича, Матвѣевъ, по придворнымъ интригамъ, былъ сосланъ на сѣверъ. Затѣмъ снова возвращенъ ко двору. Онъ умеръ въ правленіе царевны Софіи, защищая маленькаго царя Петра отъ нападенія взбунтовавшихся стрѣльцовъ: стрѣльцы изрубили его на царскомъ крыльцѣ (*А. Чепа*).

„Всежъ спасибо за ласку и дружбу!
„Ну простите: не время“...
И, всадивъ ногу въ стремя,
Поспѣшилъ нашъ бояринъ на службу.

II.

День къ концу--солнце ниже.
Сутки съ плечъ—къ смерти ближе...
Кому жить—тотъ увидитъ день новый,
Вотъ и онъ ужъ проснулся,
Просвѣтлѣлъ, усмѣхнулся...
Ужъ съ какой ты, денекъ, къ намъ обновой?
День-отъ Божій не бѣденъ,
Всѣмъ до раннихъ обѣденъ
Принесетъ по десятку новинокъ:
Кому пиръ да веселье,
А кому лишь похмелье;—
Не забыть ни дворецъ имъ, ни рынокъ,
Только знаю я вѣрно,
Что такого, примѣрно,
Никому онъ подарка не справитъ,
Какъ припасъ для поклона
Онъ про свѣтъ-Артамона:
Этотъ день Артамона прославитъ.
Еще пусто повсюду,
Нѣтъ на улицахъ люду
И не слышно на рынкѣ содому,
А по грязной дорогѣ
Вереницею дроги
Ужъ плетутся къ боярскому дому.
Вотъ къ двору подъѣзжаютъ,
Псы ихъ лаемъ встрѣчаютъ:
Ворота-то еще на запорѣ,
Весь обозъ становится;
Вотъ передній стучится
Въ ворота кнутовищемъ, и вскорѣ
Слышенъ шагъ торопливый,
Слышенъ голосъ сварливый:
„Цыцъ! разлаялись; нѣтъ на васъ смерти!“
Знать не выспался малый:
Голосъ злой, шагъ усталый,
И ругается: „носятъ же черти!“...
Не снимая запора
(Не впустить бы, молъ, вора),
Опросилъ со двора домочадецъ:
„Кто стучится?“—„Подводы:
„Съ камнемъ для воеводы,
„Для постройки, для новой... Что-же, братецъ?—
Отворяй...“—„Ты постой-ка;
„Нечто здѣсь-отъ постройка?
„Ты ступай ко Столпамъ, ко Николѣ“...
И, не тронувъ засова,
Повернулъ малый снова
И пошелъ отсыпаться на волѣ.
Завозилися ноги,
Снова тронулись дроги,
Потянулись лошадушки далѣй.
Пріѣзжаютъ къ Николѣ;
Разъ спросили, не болѣ,—
Мѣсто тотчасъ же имъ указали.
Грязь мѣся, словно тѣсто,
На боярское мѣсто,
За подводой подвода въѣзжаетъ.
„Стой! къ разгрузкѣ!“ и—дѣло,
Какъ въ огнѣ, закипѣло:
Потому—весь приходъ помогаетъ;
Всякій служитъ съ охотой
Артамону работой:
Больно любъ ужъ бояринъ народу!
Часъ за часомъ проходитъ...
Вотъ извозчикъ подводитъ
Ужъ послѣднюю къ скидкѣ подводу,—
Глядь!—а къ нимъ иноходью,
Опустивши поводья,
Самъ бояринъ, какъ разъ, подъѣзжаетъ:
И одежою красной,
И улыбкою ясной,
Словно солнышко, такъ и сіяетъ.
„Что, взялись за умишко?..
„Вотъ такъ будетъ домишко!...
„Ну, спасибо!--а какъ насчетъ платы?“
Вдругъ народъ, словно море,
Раздался; на просторѣ
Очутился старикъ бородатый,
Весь сѣдой и почтенный.
Оглядѣвшись степенно,
Онъ спросилъ: „мнѣ, что-ль, сказывать, братцы?“
Вся толпа загудѣла:
„Знамо, сказывай смѣло!“
И старикъ—словно взялся за святцы:
„Вотъ что, свѣтъ ты нашъ ясный,—
„Мы на томъ не согласны...
„Ужъ уважь ты насъ въ этомъ немного:
„Камень этотъ, родимый,
„Для тебя припасли мы,
„Да продать—будетъ грѣхъ передъ Богомъ!
„За твою справедливость,
„Доброту, неспѣсивость,
„Чѣмъ смогли, мы тебѣ отплатили;
„А какъ плохи достатки,

„Такъ, вишь, камень ребятки
„Снять съ отцовскихъ могилъ порѣшили;
„И ужъ какъ себѣ хочешь—
„Платой насъ ты порочишь:
„Не за плату мы любимъ, а даромъ,—
„Нѣтъ цѣны тѣмъ каменьямъ,
„И съ такимъ приношеньемъ
„Въ пору—къ Богу, не то что—къ боярамъ.“

Много лѣтъ пролетѣло;
Послѣ этого дѣла
Русь не разъ въ передѣлѣ бывала:
Вражья рать, лютый холодъ,
Моръ, пожары и голодъ,
Всѣ надъ ней потрудились не мало.
Ужъ лѣтъ сто на погостѣ
Артамоновы кости
Стали прахомъ, слѣдовъ не осталось;
И хоромъ-то тѣхъ нынѣ
Нѣтъ давно и въ поминѣ,
И не вѣдомо, что съ ними сталось;
Но сказанье живое
Про то дѣло святое,
Благодарное, славное дѣло,
Переживъ всѣ невзгоды,
Черезъ многiе годы
И до нашихъ временъ уцѣлѣло.

Припѣвъ.

Гой вы, гусельки, взыграйте поживѣй,
Гой вы, струнушки, журчите веселѣй:
Какъ ударю я, лебедушки, по васъ,—
Взговорите вы звончѣй въ послѣднiй разъ!
Государь—народъ! земной тебѣ поклонъ:
Не взыщи на мнѣ за мой гуслярный звонъ,
Не взыщи—я угодить тебѣ хотѣлъ;
Пѣлъ, какъ пѣлось; пѣлъ, какъ зналъ, да какъ умѣлъ
Старымъ людямъ на послушанье,
Молодымъ на поученiе.

А. Чепа.

ЦАРСКАЯ ОХОТА.

(изъ стихотворенiя „Спаситель“).

Какъ любилъ государь, православный царь,
Алексѣй—государь—свѣтъ Михайловичъ,
Какъ любилъ государь—больно жаловалъ
Ту потѣху свою государскую,
Ту охоту свою соколиную,
Да любилъ государь позабавиться—
Заоблавить въ дубровѣ сохатаго, [1])
Аль расправить плечо неподатное
И медвѣдя поднять на рогатину...

Вотъ было къ веснѣ, о Грачевникѣ, [2])
Прiѣзжалъ государь со боярами
Въ свою отчину, городъ -Звенигородъ—
Помолиться святому угоднику,— [3])
Въ келью сталъ къ самому настоятелю...
Будетъ такъ о полуднѣ на третiй день,
Мужичокъ и приходитъ къ келейнику:
„Обошелъ я медвѣдя для батюшки,
Для царя Алексѣя Михайловича,
Тамъ и тамъ: матерой да породливый,
Только царской рукѣ и угодливый.“
Доложили царю—усмѣхается,
А самимъ съ собой думушку думаетъ:

„Аль пойти—въ одиночку помѣряться,
Въ молодецкой удачѣ провѣриться?“
И пошелъ... За плечами рогатина,
А у пояса ножъ златокованный...
И пошелъ монастырскою пущею...
Видитъ—тропка проложена по снѣгу
И промерзлые сучья надломлены—
„Быть сюда!“ И пошелъ не задумавшись
По тропѣ снѣговой, межъ березами.
Что ни шагъ, то нога оступается,—
Въ снѣгъ уходитъ по берцо, а охобень
Заметаетъ сугробы, а инеемъ
Вся бобровая шапка осыпана...
Засвѣтилась полянка... Подъ соснами
Куча хвороста снѣгомъ надавлена,
Бѣлъ паръ такъ и валитъ въ отдушины;
Тутъ берлога... И царь снороваляется:
У рогатины жало осматривалъ,
Поясокъ свой шелковый подтягивалъ,
Съ плечъ спускалъ соболиный свой охобень
И задумалъ загадку мудреную:
„Быть-не-быть, а свалить косолапаго...
Не управлюсь—и Русь не управится,
А управлюсь—на вѣки прославится.“

И поднялъ онъ корягу изъ-подъ снѣга,
И ударилъ корягой по хворосту:
И медвѣдь заревѣлъ,—индо дерево

[1]) *Сохатый*, т. е. лось.

[2]) *Грачевникъ*—св. Герасимъ.

[3]) *Святой угодникъ*—преподобный Савва Звенигородскiй.

Надъ берлогой его закачалося,—
Показалъ онъ башку желтоглазую,
Вылѣзъ онъ изъ берлоги съ оглядкою,
Дыбомъ сталъ и полѣзъ на охотника,
А полѣзъ—угодилъ на рогатину:
Подъ косматой лопаткою хрустнуло,
Чернобурая шерсть побагровѣла...
Разогнулися когти и замерли,
И медвѣдь захрипѣлъ, какъ удавленный,
И свалился онъ нá бокъ колодою...

Л. Мей.

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ О КОНЧИНѢ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

(† 28 января 1676 г.)

I.

Не сами тутъ двери растворялися,
Ужъ какъ шла тутъ царица со царевичемъ,
Со царевичемъ Петромъ Алексѣевичемъ:
Что плачетъ она, какъ рѣка льется,
Возрыдаетъ она, что волны бьются.
Ужъ какъ возговоритъ царица:
„Охъ, ты гой еси, батюшка нашъ право-
славный царь,
Православный царь Алексѣй Михайловичъ!
На кого ты оставляешь свое величество?
Кому ты вручаешь царство Московское?“
Въ головахъ тутъ стояли попы, дьяконы,
Не сами тутъ свѣчи загоралися,
Читали тутъ отходную;
Въ ногахъ стояли всё бояра.
Ужъ какъ возговоритъ православный царь
Алексѣй Михаиловичъ:
„Оставляю свое величество
Я царевичу Петру Алексѣевичу,
Вручаю я царство Московское
Я боярину князю Голицыну.“
Ужъ тутъ православный царь переставился.

II.

Во славной во старой во крѣпости, камен-
ной Москвѣ,
Тутъ шли-прошли два игумена, два монаха;
Дивовалися они, сумнивалися:
Что за чудо въ каменной Москвѣ, что за
диковина?
Пріуныли всѣ въ каменной Москвѣ князья
и бояре,
Купцы, братцы, богатые, всѣ вельможи;
Знать-то у насъ въ каменной Москвѣ не
здорово,
Точно у насъ въ каменной Москвѣ не благо-
получно,
Знать-то у насъ государя-царя вживѣ нѣту!
Случилось имъ итти мимо дворца государева:
Съѣзжаются къ государю-царю князья, бояре,
Купцы, братцы, богатые, всѣ вельможи;
Строятъ ему гробницу золотую,
Унизанную крышечку жемчужну,
По уголышкамъ кладутъ камни драгоцѣнны.
Въ унывный большой колоколъ зазвонили,
Понесли государя-царя хранити;
Вопередъ несутъ гробницу золотую,
За гробницей идутъ попы, дьяки,
За попами идутъ архиреи,
За ними ведутъ милосерду государыню,
Подъ праву руку ведетъ большой сынъ,
А подъ лѣву ведетъ меньшой сынъ,
Утираетъ ей горючи слёзы мила доченька.

ЮГО-ЗАПАДНАЯ РУСЬ ВЪ XVI ВѢКѢ
и
ВЪ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ XVII СТОЛѢТІЯ.

(1569 г.—1681 г.)

КІЕВЪ.

(1569 г.)

Едва возникнувшій изъ праха
Съ полуразвѣнчаннымъ челомъ,
Добычей дерзостнаго ляха
Дряхлѣетъ Кіевъ надъ Днѣпромъ;
Какъ все измѣнчиво, непрочно!
Когда то роскошью восточной
Въ странѣ богатой онъ сіялъ;
Смотрѣлся въ Днѣпръ съ бреговъ высокихъ
И красотой изъ странъ далекихъ
Пришельцевъ чуждыхъ привлекалъ.
На шумныхъ торжищахъ звенѣли
Царьградскимъ золотомъ купцы,
Въ садахъ по улицамъ блестѣли
Великолѣпные дворцы;
Среди хазаръ и печенѣговъ
Дружиной витязей хранимъ,
Онъ посмѣвался, не вредимъ
Грозѣ ихъ буйственныхъ набѣговъ.
Народамъ диво и краса,
Воздвигнуты рукою дерзкой,
Легко взносились въ небеса
Главы обители Печерской,
Какъ души иноковъ святыхъ
Въ своихъ молитвахъ неземныхъ.
Но ужъ давно, давно не видно
Богатствъ и славы прежнихъ дней—
Все Русь утратила постыдно
Междоусобіемъ князей.
Дворцы, сребро, врата Златыя,
Толпы гражданъ, толпы дѣтей—
Все стало жертвою Батыя;
Но Гедиминъ нанесъ ударъ, [1])
Прошло владычество татаръ!
На мигъ воскреснули народы...
Но Кіевъ на степи глухой,
Дивить ужъ болѣ неспособный,
Подъ властью ляха роковой
Стоитъ, какъ памятникъ надгробный
Надъ угнетенною страной.

***

НАДЪ ДНѢПРОВСКИМЪ ПОРОГОМЪ. [2])

Стою надъ порогомъ смотря, какъ валы
Кипятъ и бѣгутъ на скалы со скалы,
То въ брызги дробятся, то пѣной густой

---

[1]) Въ 1339 г., на р. Ирпени, вел. кн. литовскій Гедиминъ нанесъ пораженіе южно-русскимъ князьямъ, послѣ чего юго-зап. Русь была присоединена къ Литвѣ. Черезъ 260 лѣтъ Литва окончательно соединилась съ Польшей, и «колыбель величія Россіи,» многославный Кіевъ вошелъ въ составъ городовъ польскихъ.

[2]) Основаніе Запорожской Сѣчи состоялось въ шестомъ десятилѣтіи XVI в., когда князь Димитрій Вишневецкій построилъ городъ (укрѣпленіе) на островѣ Хортицѣ и помѣстилъ тамъ казаковъ. Скоро послѣ того казаки имѣли уже за порогами постоянное укрѣпленіе на островѣ Томаковкѣ. То была славная впослѣдствіи Запорожская Сѣча. О существованіи ея въ первый разъ являются указанія въ грамотѣ Сигизмунда-Августа подъ 1568 годомъ, гдѣ говорится, что казаки на Низу, на Днѣпрѣ, не только ходятъ, какъ прежде бывало, но *перемѣшкиваютъ*, т. е. обитаютъ. По всему вѣроятію, образованіе Запорожской Сѣчи совершалось не вдругъ, а постепенно и возникло изъ рыболововъ и звѣроловов, которые издавна имѣли обычай отправляться весною къ порогамъ и за пороги ловить тамъ рыбу и звѣрей, а потомъ осенью возвращались въ Украйну и продавали тамъ свою добычу. Число отправлявшихся весною на Низъ съ каждымъ годомъ увеличивалось. Запорожье наполнялось бѣглецами. Хотя польское правительство неоднократно приказывало возвращаться имъ въ свои мѣста, но распоряженія эти не имѣли никакой силы. Сѣча не только не уничтожалась, но, напротивъ, все болѣе и болѣе укрѣплялась (Костомаровъ).

Покроются вдругъ,словно гривой сѣдой,
И быстро несутся сквозь груду камней,
Какъ дикая стая ретивыхъ коней.
Холмы содрогаются, камень трещитъ,
И стонетъ дубрава, и берегъ дрожитъ,
И шумомъ и гуломъ окрестность полна,
И жизнь человѣка вблизи не слышна.

Давно ли? Вѣдь былъ же когда-то тотъ вѣкъ,
Какъ слышенъ былъ голосъ твой здѣсь, человѣкъ:
Какъ шумное братство водилося тутъ,
Гдѣ нынѣ лишь волны шумятъ и ревутъ:
Какъ эти нѣмые теперь берега
Кругомъ отзывались на зовъ казака.
Рожденный подъ шумомъ пороговъ родныхъ,
Взлелѣянный бурею вѣчною ихъ,
Могучій и дикій, казалося, онъ
Былъ самымъ порогомъ и бурей рожденъ,
И звучной казаческой жизни не могъ
Тогда заглушить многошумный порогъ;
Она съ нимъ слилася, жила заодно;
Здѣсь было все духомъ однимъ рождено—
Природа и люди, какъ та же семья,
Но гдѣ же остатки того бытія?

Природа, какъ прежде, могуча, сильна,
И также свободна сѣдая волна,
Не зная преграды ни въ чемъ никогда;
Людскую же силу сразила вражда,
И пусто здѣсь нынѣ, и только валы
Кипятъ и бѣгутъ на скалы со скалы,
И шумомъ и гуломъ окрестность полна,
Но жизнь человѣка уже не слышна.

Н. Арбузовъ.

ГЕТМАНЪ СВИРГОВСКІЙ.

(1574 г.)

I.

ПОХОДЪ ВЪ МОЛДАВІЮ.

Господарь Іоаннъ,
Всей Молдавіи панъ,
Ожидаетъ гостей издалека.
Блескъ и шумъ во дворцѣ,
Господарь на крыльцѣ,
И народомъ кипитъ дворъ широкій.

На степи вьется пыль;
Смотрятъ всѣ: не они-ль?
Точно войско сюда подступаетъ;
Стройно идутъ полки,
Распустивъ бунчуки.
Ихъ начальникъ къ дворцу подъѣзжаетъ.

Онъ собой не красивъ,
Длинный усъ его сивъ,
Но, какъ юноша, гетманъ проворенъ;
Онъ приземистъ, плечистъ,
И на видъ не казистъ,
И лицомъ, какъ татаринъ, онъ черенъ.

На гетманѣ нарядъ
Не блестящъ, не богатъ,
Только сабля въ каменьяхъ сверкаетъ.
То Свирговскій гетманъ
Господарь Іоаннъ,
Какъ родного, его обнимаетъ.

И, какъ были въ пыли,
Во дворецъ всѣ пошли,
И за трапезу шумную сѣли.
Пиръ поднялся; кругомъ
Ходятъ кубки съ виномъ.
Гости молча и пили и ѣли.

Близокъ пиръ ужъ къ концу,
И у всѣхъ по лицу
Разыгралось веселье живое.
Іоаннъ тутъ встаетъ
И дукаты кладетъ
На тяжелое блюдо горою.

И къ гетману принесъ
Золотой тотъ подносъ,
И сказалъ ему, кланяясь въ поясъ:
„Изъ далекой земли
Вы къ намъ въ помощь пришли,
Вы устали, для насъ безпокоясь.

„Вамъ не близко итти,
Отдохнити съ пути
Да примите ничтожную плату;
А враговъ побѣдимъ—
Мы вамъ больше дадимъ:
Сторона наша златомъ богата“.

Какъ степной ураганъ,
Потемнѣлъ нашъ гетманъ,
А глаза, какъ огни, засверкали;
Блюдо въ руки онъ взялъ,
И сурово сказалъ:
„Противъ турокъ вы насъ приглашали.

„Изъ крещеной земли
Мы на помощь пришли
Защищать христіанскую вѣру.

Ты забылъ, Іоаннъ,
Что я вольный гетманъ,
И расщедрился, право, не въ мѣру.

„Я себя не продамъ!
Это стыдъ, это срамъ,
Чтобъ казакъ нанимался изъ платы,—
Денегъ мы не возьмемъ“.
И звенящимъ дождемъ
На полъ брызнули съ блюда дукаты.

„Если хочешь друзей
Угостить веселѣй,
Дай намъ бочку вина дорогого:
Мы вино разопьемъ
И невѣрныхъ побьемъ;
Намъ подарка не нужно иного“.

Десять бочекъ вина
Осушили до дна
Казаки во дворцѣ Іоанна:
И рубили враговъ...
Былъ обычай таковъ
Казаковъ и Свирговскаго пана.

Е. Гребенка.

2.

СМЕРТЬ ГЕТМАНА. [1])

(малороссійская дума)

Какъ Свирговскаго Ивана,
Запорожскаго гетмана,
Басурмане изловили;
Буйну голову рубили,
На бунчукъ ее садили,
Въ трубы мѣдныя трубили,
Издѣвалися, корили.

Туча небо застилала,
Стаей галокъ набѣгала,
На Украйну налегала;
А Украйна горевала,
По гетманѣ тоскавала,
Слезы лила-проливала.

Лежитъ онъ, зарытый въ глубокой могилѣ,
На вражьей границѣ, у города Кили.

Н. Гербель.

[1]) Гетманъ **Григорій Свирговскій**, во время войны съ турками, пытаясь взять приступомъ городъ Килію (въ Молдавіи) попалъ на пороховую мину и взлетѣлъ на воздухъ.

ИВАНЪ ПОДКОВА. [1])

(изъ Т. Шевченка)

Было время—по Украйнѣ
Пушки грохотали;
Было время—запорожцы
Жили-пировали;
Пировали, добывали
Славы вольной волѣ.
Все то минуло—остались
Лишь могилы въ полѣ,
Тѣ высокія могилы,
Гдѣ лежитъ зарыто
Тѣло бѣлое казачье,
Саваномъ повито.
И чернѣютъ тѣ могилы,
Словно горы, въ полѣ
И лишь съ вѣтромъ перелетнымъ
Шепчутся про волю,
Славу дѣдовскую вѣтеръ
По полю разноситъ...
Внукъ услышитъ—пѣсню сложитъ,
И съ той пѣсней коситъ.

Было время—на Украйнѣ
Въ пляску шло и горе:
Какъ вина да меду вдоволь—
По колѣна море;
Да жилось когда-то славно!
И теперь вспомянешь,
Какъ-то легче станетъ сердцу,
Веселѣе взглянешь.

Встала туча надъ Лиманомъ,
Солнце заслоняетъ;
Лютымъ звѣремъ сине море
Стонетъ, завываетъ.
Днѣпръ надулся.—„Чтожъ, ребята,
Время мы теряемъ?
Въ лодки!—море расходилось:
То-то погуляемъ“.
Высыпаютъ запорожцы;
Вотъ Лиманъ покрыли
Ихъ ладьи. „Играй же, море!“
Волны заходили...

[1]) Гетманъ **Ганъ Подкова** овладѣлъ Молдавіей. Оттоманская Порта просила къ усмиренію его содѣйствія Польши; Стефанъ (Баторій) приказалъ хитрымъ образомъ схватить Подкову и казнить. Казаки выбрали гетманомъ друга Подковы **Шаха** и начали мстить за Подкову. Тогда то было начало столѣтней вражды южноруссовъ съ поляками, къ которой принадлежитъ эпоха Хмельницкаго и смутное время по смерти его (Костомаровъ «Богданъ Хмельницкій,» Т. 1., стр. XXXIII).

За волнами, за горами
Берега пропали.
Сердце ноетъ; казаки же
Веселѣе стали.
Плещутъ веслы; пѣсня льется;
Чайка вкругъ порхаетъ...
Атаманъ въ передней лодкѣ—
Путь-дорогу знаетъ.
Самъ все ходитъ вдоль по лодкѣ;
Трубку сжалъ зубами;
Взглянетъ вправо, взглянетъ влѣво—
Гдѣ бъ сойтись съ врагами?
Закрутилъ онъ усъ свой черный,
Вскинулъ чупъ косматый,
Поднялъ шапку—лодки встали.
—„Сгинь ты, врагъ проклятый!
Поплывемте не къ Синопу,
Братцы—атаманы,
А въ Царьградъ поѣдемъ—въ гости
Къ самому султану“,
—„Ладно, батька!“ загремѣло.
—„Ну спасибо, братцы!“
И накрылся.

Вновь горами
Волны громоздятся.
И опять онъ вдоль по лодкѣ
Ходитъ, не садится;
Только молча исподлобья
На волну косится.

М. Михайловъ.

УНІЯ.

(1696 г.)

Въ тѣ дни, когда мы были казаками,
Объ уніи и рѣчи не велось;
О! какъ тогда намъ весело жилось!
Гордились мы привольными степями,
И братомъ намъ считался вольный ляхъ.
Росли, цвѣли въ украинскихъ садахъ,—
Какъ лиліи, казачки наши въ холѣ,
Гордилась сыномъ мать. Среди степей
Онъ вольнымъ росъ, онъ былъ утѣхой ей
Подъ старость лѣтъ въ немощной, скорбной долѣ.
Но именемъ Христа въ родимый край
Пришли ксендзы—и миръ нашъ возмутили,
Терзали насъ постами, жгли, казнили—
И моремъ слезъ и крови сталъ нашъ край,
И казаки поникнули уныло,
Какъ на лугу помятая трава.
Рыданье всю Украйну огласило.
За головой катилась голова;
И посреди народнаго мученья—
„Te deum!“ [1]) ксендзъ ревѣлъ въ ожесточеньи.

А. Плещеевъ.

ЗАПАДНАЯ РУСЬ.

Великолѣпные костелы,
Гдѣ блещетъ яхонтъ и янтарь,
И раззолоченный, тяжелый,
Огнями залитый алтарь.

. . . .

А тамъ, вдали, другіе храмы—
Лачуги съ погнутымъ крестомъ!
Тамъ *хлопы* молятся, тамъ—*хамы*,
Съ ихъ *подлымъ* русскимъ языкомъ.

Тамъ—гниль и ветошь! мракъ и сыро!
И причащается тамъ хлопъ
Изъ оловяннаго потира,
И въ крашенинной ризѣ попъ!
Но духомъ церкви первобытной
Все дышетъ въ бѣдныхъ здѣсь стѣнахъ,
И также бродитъ ненасытный,
Вкругъ этихъ стѣнъ, исконный врагъ,

И эти вѣрные, всечасно
Дрожа за ветхій свой алтарь,
О томъ лишь молятъ, молятъ страстно—
Чтобъ вспомнилъ ихъ и Русскій царь,

И русскій людъ, передъ которымъ
Вотще слеза не пролита,
Который, подъ земнымъ позоромъ,
Въ убогомъ нищемъ чтитъ Христа...

А. Майковъ.

НАЛИВАЙКО. [2])

I.

ВОЗСТАНІЕ НАЛИВАЙКА.

Тамъ, гдѣ быстрая Сула
Лентой по степи пошла,

---

[1]) Te deum! – латинское выраженіе; по-русски: *Тебѣ, Боже.*

[2]) Сряду же по введеніи церковной уніи король Польскій Сигизмундъ III отправилъ въ Малороссію Стани

На полянахъ солоницы
Коней дикая станица
Безъ боязни воду пьетъ;
Гдѣ ковыль, какъ снѣгъ, бѣлѣетъ,
Пудовой арбузъ растетъ,
Золотая дыня зрѣетъ
И въ зерцала глубины
Гордо смотрятся Лубны,
Тамъ широкими степями
Мчатся вольные полки.
Степи стонутъ подъ конями:
То за родину войной
Наливайко поднялъ знамя:
Ляхамъ всюду мечъ и пламя
И постель въ землѣ сырой.

Полководецъ Польши дерзкой,
Несговорчивый Жолкѣвскій
На Украину идетъ.
Знамя Рѣчи Посполитой
Вьется въ воздухѣ развито;
Къ бою войско знака ждетъ.
Ляхъ, по виду—непреклонный,
Рабъ ксендзовъ и богачей,
И казакъ, душою вольный,
Зря врага, самодовольный
Другъ на друга мечутъ взглядъ,
Въ немъ пылаетъ мести ядъ.
„Полно намъ въ неволѣ жить,
Началъ гетманъ говорить:
„Много мы и такъ терпѣли:
Уніаты захотѣли
Нашъ святой законъ попрать,
Всюду езуитовъ школы
Самовластно учреждать.
Пусть дадутъ по крайней мѣрѣ
Умереть въ отцовской вѣрѣ.
Будетъ и была чиста
Наша вѣра во Христа!“

слава Жолкѣвскаго съ многочисленнымъ войскомъ. Жолкѣвскій долженъ былъ обязать казаковъ присягою къ повизовенію и признать унію. Казаки подъ предводительствомъ гетмана **Наливайка** встрѣтили Жолкѣвскаго близъ Чигирина, разбили его наголову и опустошили Волынь и Бѣлоруссію. Началась непримиримая вражда, доходившая до ожесточенія. Казаки сражались за права свои и за вѣру праотцевъ, а поляки напрягали всѣ силы къ распространенію уніи. Успѣхъ борьбы былъ то на той, то на другой сторонѣ, пока не палъ Наливайка, взятый въ плѣнъ подъ Лубнами и замученный въ Варшавѣ. Со смертью его Малороссія испытала страшное гоненіе; народъ осужденъ былъ на рабство; помѣщики, не признавшіе уніи, лишились своихъ земель; православные храмы были или запечатаны, или отданы въ аренду жидамъ, которые отпирали ихъ для богослуженія не иначе, какъ за высшую плату, до пяти талеровъ; крестины, свадьбы и похороны также были на откупѣ у жидовъ.

Онъ сказалъ--и въ бой великій,
Смертоносный полетѣлъ...
Огласилось поле крикомъ,
Громъ орудій загремѣлъ...
Видно такъ судьба судила!
Богъ Украйну наказалъ:
Наливайко въ плѣнъ попалъ;
Наша слава пріуныла;
На украинскихъ степяхъ
Побѣдилъ счастливый врагъ!

Тамъ, далеко, за границей,
Въ католической столицѣ,
Къ площади народъ спѣшитъ;
Тамъ на мѣстѣ возвышенномъ,
Въ мѣдномъ чанѣ раскаленномъ,
Плѣнника хотятъ казнить....

Е. Гребенка.

2.

КАЗНЬ НАЛИВАЙКА.

(1597 г.)

Былъ вечеръ; городъ волновался,
Какъ духомъ бури бездна водъ;
По стогнамъ ропотъ разливался;
Нетерпѣливо ждалъ народъ,
Онъ казни ждалъ... Среди Варшавы
Стоитъ и рдѣетъ мѣдный быкъ;
Подъ нимъ огонь, огонь кровавый
Всю плоть чудовища проникъ.
Толпа дрожитъ и алчетъ звука;
Толпа въ чаду потѣхи злой...
День цѣлый страшно длилась мука:
Во чревѣ мѣдномъ тлѣлъ герой,
Каратель Польши; въ ярыхъ битвахъ
Сразилъ онъ цвѣтъ ея сыновъ,
И матери въ своихъ молитвахъ
Просили воину оковъ.
Онъ взятъ... и матерямъ въ забаву
День цѣлый вопли казака
Должны всю оглашать Варшаву,
Какъ ревъ громаднаго быка.
Но исполинъ казацкой чести
До сердцевины весь истлѣлъ
И не потѣшилъ вражьей мести,
И мѣдный быкъ не заревѣлъ.

И. Суриковъ.

ТАРАСОВА НОЧЬ.[1])

(изъ Т. Шевченка)

Было время—Сѣчь стояла,
Было—не вернется!
Встала туча изъ-за моря,
А другая съ поля!
Закручинилась Украйна:
Знать, такая доля!
Закручинилась Украйна,
Какъ дитя рыдаетъ.
Не приходятъ къ ней на помощь;
Вольность погибаетъ;
Гибнетъ слава; негдѣ дѣться—
Мѣста нѣтъ на свѣтѣ;
Некрещенными казачьи
Вырастаютъ дѣти;
Неповѣнчанныя пары...
Безъ попа хоронятъ;
Вѣра куплена жидами—
Вонъ изъ церкви гонятъ.
Какъ тѣ вороны на полѣ,
Съ ляхами, станицей
Налетаютъ уніаты—
Некому вступиться.
Отозвался Наливайко—
Пала съ нимъ *кравчина!*
Отозвался вслѣдъ Павлюга—
Сгинулъ казачина!
Отозвался панъ Трясило
Горькими слезами:
„Ненаглядная Украйна
Стоптана врагами!“

Отозвался на защиту
Панъ Тарасъ Трясило—
Отозвался—не забудутъ
Ляхи нашей силы!
Отозвался: „намъ Украйны
Не спасти слезами!
А пойдемъ-ка лучше, братцы,
Биться съ поляками!“

Ужъ не три дни, не три ночи
Бьется панъ Трясило.
Отъ Лимана до Трубежа
Землю кровь вспоила.
Встосковался казачина—
Крѣпко истомился,
А поганый Конецпольскій
Вдругъ развеселился:
Вкругъ себя сбираетъ шляхту—
Пировать до свѣта.
Казаковъ Тарасъ сбираетъ—
Попросить совѣта:
„Атаманы—панибраты,
Господа - громада!..
Дайте мнѣ совѣтъ хорошій,
Что намъ дѣлать надо?
Торжествуютъ вражьи ляхи
Наше безголовье.“
„Пусть пируютъ, торжествуютъ,
Пусть ихъ—на здоровье!
Пусть поютъ покамѣстъ солнце
За горою сядетъ,
А казакъ, какъ ночь наступитъ,
Съ паномъ-ляхомъ сладитъ!“

Сѣло солнце за горою,
Звѣзды засіяли,
А казаки, словно туча,
Ляховъ окружали.
Только мѣсяцъ сталъ средь неба,
Пушка взговорила!
Всполошились паны-ляхи,
Да уже не встали:
Встало солнце—паны-ляхи,
Мертвые лежали.

Альта красною змѣею
Вѣсть несетъ повѣдать—
Манитъ вороновъ изъ степи
Падали отвѣдать.
Тучей вороны слетались—
Ляховъ добудиться;
А казачество сошлося
Богу помолиться:
Громко вороны кричали,
Вырывая очи;
А казаки пѣли пѣсни
Подъ покровомъ ночи,
Той кровавой, темной ночи,
Что на вѣки стала
Славой войска и Тараса,
Что враговъ заспала.

Н. Гербель.

---

[2]) Угнетенія поляковъ снова вывели казаковъ изъ терпѣнія: они избрали гетманомъ **Тараса Трясилу** и близъ Переяславля поразили шедшаго для усмиренія ихъ коронваго гетмана Конецпольскаго. По свидѣтельству, какъ русскихъ, такъ и польскихъ источниковъ, эта битва стоила полякамъ дорого, такъ что въ одинъ день у Конецпольскаго погибло больше воиновъ, чѣмъ во время всей прусской войны съ Густафомъ Адольфомъ, продолжавшейся три года. Конецъ возстанія Тараса разсказывается различно. Украинскіе лѣтописцы говорятъ, будто казаки побѣдили поляковъ, а потомъ помирились съ ними. Польскій лѣтописецъ говоритъ, что казаки выдали зачинщиковъ мятежа и присягнули вѣрно служить Рѣчи Посполитой. О судьбѣ Тараса имѣется извѣстіе, что онъ попался въ руки поляковъ и былъ казненъ.

ХМЕЛЬНИЦКІЙ И БАРАБАШЪ.[1]

У Хмельницкаго пиръ. Много, много гостей
Угощаетъ Хмельницкій въ свѣтлицѣ своей,
И съ поклономъ его молодая жена
Всѣхъ обноситъ гостей полнымъ кубкомъ вина.
Гости пьютъ и ѣдятъ, говорятъ и курятъ;
При огнѣ парчевые жупаны блестятъ.
Тутъ и сотники есть, и полковники есть,
Даже самъ Барабашъ сдѣлалъ празднику честь.
Вся свѣтлица гостями и дымомъ полна.
Въ сѣни дверь растворила хозяйка сама,
А въ сѣняхъ музыканты толпою стоятъ,
Громко въ трубы трубятъ, въ барабаны гремятъ.
У Хмельницкаго пиръ; онъ гостямъ своимъ радъ.
. . . .
Бьютъ тарелки, барабаны,
Кубки, чарки и стаканы
Громко брякаютъ, звенятъ;
И гостей хмельныя рѣчи
Про войну, про славу Сѣчи
И про удаль говорятъ.
Но время за́-полночь; и пиръ, и шумъ стихаютъ,
И музыка играетъ на разладъ,
И гости вздоръ нескладный говорятъ.
Барабаша̀ дрема одолѣваетъ:
Вотъ гетманъ руки на столѣ сложилъ,
На чарку мутными глазами покосился,
Усатую главу на грудь склонилъ,
Зѣвнулъ — и въ сонъ глубокій погрузился.
Шатаясь гости съ мѣстъ встаютъ
И что-то безъ толку преважное толкуютъ.
Въ сѣняхъ послѣдній кубокъ пьютъ,
Хмельницкаго благодарятъ, цѣлуютъ
И по домамъ своимъ бредутъ.
Хмельницкій самъ... онъ глазъ не сводитъ
Съ Барабаша̀, къ нему подходитъ
И за руку его беретъ,
Толкаетъ, дергаетъ, зоветъ:
„Вставай, гетманъ, насъ ждутъ постели;
Ужъ третьи пѣтухи пропѣли,
Ужъ скоро утро смѣнитъ ночь".
А тотъ храпитъ лишь во всю мочь...
И радость быстро озаряетъ
Хмельницкаго угрюмое лицо.
Дыханье притаивъ, тихонько онъ снимаетъ
У гетмана съ руки гербовое кольцо.

Ночь. Вся окрестность тихо спитъ;
На небѣ мѣсяцъ не блеститъ,
И только звѣздочки однѣ
Мелькаютъ въ синей вышинѣ.
Надъ рѣчкой дремлетъ темный садъ;
Изъ саду льется ароматъ.
Въ саду чуть виденъ панскій домъ;
И въ домѣ томъ, въ окнѣ одномъ,
Въ ночи глухой, огонь блеститъ:
То воску яраго горитъ
Передъ иконою свѣча...
На руку голову склоня,
У раствореннаго окна,
Невыразимо хороша,
Сидитъ жена Барабаша.
Сидитъ давнымъ-давно она:
„Три дня какъ мужа не видать!
Гдѣ онъ? что съ нимъ? нельзя понять!..."

Она сидитъ и мужа ждетъ,
Стучится кто-то у воротъ:
Собака лаемъ залилась,
Другая къ ней отозвалась;
Поднялся на ноги весь дворъ,
И падаетъ съ воротъ запоръ!
И вотъ въѣзжаетъ наконецъ
На дворъ отъ гетмана гонецъ.
Коня отъ посланца берутъ,
И къ пани посланца ведутъ.
„Гдѣ мужъ мой? Что съ нимъ?" — „Ничего!
Меня прислалъ онъ для того,
Чтобъ вашу милость извѣстить,
Что Богъ еще его хранитъ,
Да приказалъ мнѣ взять отъ васъ
Послѣдній короля указъ,
Который онъ велѣлъ скрывать

[1]) Въ 1646 г. польскій король Владиславъ, будучи не въ силахъ защитить малороссіянъ отъ притѣсненій со стороны поляковъ, жидовъ, уніатовъ и іезуитовъ, писалъ къ наказному атаману Ивану Барабашу: «Когда вы есте воины добрые, саблю и силу имѣете; кто же вамъ стать за себя воспрещаетъ?» Барабашъ скрылъ у себя эту грамоту, но Хмельницкій похитилъ ее. Онъ созвалъ въ своемъ помѣстьѣ Суботовѣ гостей, по народному преданію и по одной лѣтописи, на крестины, а по другой просто на обѣдъ, въ день Николая Чудотворца, 6 декабря. Угостивъ такъ Барабаша, что тотъ заснулъ мертвецки, Хмельницхій послалъ джуру къ Барабашихѣ взять отъ нея листъ, присланный королемъ. Джура прискакалъ въ Черкасы ночью. Жена Барабаша спала, но услышавъ стукъ, проснулась. Гонецъ, явившись къ ней съ шапкой и платкомъ ея мужа, потребовалъ отъ его имени грамоту короля, на что испуганная Барабашиха отвѣчала: «*Оттамъ въ стіні підъ ворітьми въ глухімъ кінці у пуздерку въ землі.*» Джура отыскалъ погребецъ и ускакалъ съ королевскимъ универсаломъ. Съ тѣхъ поръ Барабашъ постоянно думалъ о томъ, какъ бы погубить Хмельницкаго (Костомаровъ).

И никому не объявлять;
Для вѣрности-жъ моихъ рѣчей
Гетма̀нъ прислалъ съ руки своей
Свое гербовое кольцо.“ —

Блѣднѣетъ гетманши лицо...
Въ кольцѣ былъ камень дорогой,
На немъ искусною рѣзьбой
Изображенъ гетмана гербъ:
Кривая шашка, словно серпъ,
И на̀-крестъ ей положена
Была пернатая стрѣла.
„Да, это перстень мужа, такъ
Ты правду говоришь, казакъ.“
Тутъ пани отдала указъ;
И, торопливо поклонясь,
Казакъ спѣшитъ на панскій дворъ—
И полетѣлъ во весь опоръ.

Гонецъ обратно ускакалъ,
И дворъ опять безмолвенъ сталъ,
Предавшись обаянью сна;
И водворилась тишина.
И снова дремлетъ темный садъ,
Изъ саду льется ароматъ;
И снова пани у окна
Сидитъ задумчива, блѣдна,
И слушаетъ, какъ вдалекѣ
Вторится топотъ по рѣкѣ.
Вотъ топотъ тише, тише сталъ—
То замиралъ, то оживалъ—
И вдругъ замолкъ—въ далекій мракъ
Какъ будто утонулъ казакъ....

Е. Гребенка.

БѢГСТВО ХМЕЛЬНИЦКАГО ВЪ СѢЧЬ.[1]
(изъ драмы „Богданъ Хмельницкій“.)
(11 декабря 1647 г.).

Лица.

Кошевой атаманъ Войска Запорожскаго
Перебійносъ, куренной атаманъ.
Клюга, **Витрякъ**, **Голота**, **Бубликъ**, **Молодь** — запорожцы.
Зиновій Хмельницкій, украинскій старшина.
Тимоѳей, его сынъ.
Ганжа, украинскій казакъ изъ свиты Хмельницкаго.
Сторожевой запорожецъ.
Украинскіе и запорожскіе казаки. *Джура* съ кошевымъ, *довбишъ* и музыканты.

Дѣйствіе происходитъ въ Запорожской Сѣчи, въ Микитиномъ урочищѣ, на открытомъ берегу Днѣпра, гдѣ нынѣ Никополь.

Сторожевой.

Пугу! Пугу!

Голосъ Ганжи (въ отдаленіи).

Казякъ изъ Луга!

Сторожевой (,опуская ружье).

Кто съ казакомъ?

Голосъ Ганжи.

То братья съ Украины—
Пришли къ панамъ и братьямъ запорожцамъ.

Сторожевой.

Иди, казакъ; скажи сперва громадѣ,
Да прикажи коней въ лѣсу оставить...

Перебійносъ.

Раздайтесь, братцы, шире дайте кругъ!
Сдается, что не даромъ эти гости.
(Витряку)
Бѣги-ка, панъ, скорѣй за кошевымъ;
Онъ не далеко здѣсь
(Витрякъ уходитъ)

Молодь (, заглядывая на дорогу).

Лицо знакомое: видалъ его и гдѣ-то!

Ганжа, взойдя быстрыми шагами и съ непокрытою головою, кланяется на всѣ четыре стороны.

Перебійносъ (,узнавъ Ганжу).

Да это же Ганжа! Здоровъ будь, пане!

Ганжа.

Богъ въ помочь вамъ, пановы запорожцы!
(Перебійносу)
Спасибо, пане мой!
(Клюгѣ)
Клюга, здорово!

Перебійносъ.

Откуда ты?

Ганжа.

Съ гетманщины. Позвольте,
Панове запорожцы, рѣчь держать.

[1]) Потерявъ пріютъ, Хмельницкій съ сыномъ своимъ Тимоѳеемъ убѣжалъ въ Запорожскую Сѣчь, которая была тогда на Микитиномъ Рогѣ. Запорожцы приняли его съ радостью. Вскорѣ Хмельницкій отправился въ Крымъ, прибылъ въ Бахчисарай (въ мартѣ 1648 г.) и убѣдилъ хана Ислама-Гирея помочь казакамъ въ борьбѣ съ Польшею.

Перебійнос ъ.

А ну, мой любый!

Ганжа.

Знаете-ль, панове,
Что на гетманщинѣ теперь творится?

Клюга.

Почемъ намъ знать!

Ганжа.

Такъ, такъ и не слыхали?
Не за горами-жъ вы отъ насъ живете!

Голота.

А что такое?
Сюда незамѣтно подходятъ кошевой и Витрякъ.

Ганжа.

Да дѣла, дѣла,
Что разсказать—такъ волосъ дыбомъ ста-
нетъ,
И съ туги сердце кровью обольется,
И въ ужасѣ начнетъ креститься каждый.

Кошевой (, выступая впередъ).

Не говори, казакъ, загадками съ громадой!
Слова какъ марево; они сбиваютъ съ толку
И прячутъ правду Божію отъ глазъ:
Скажи намъ лучше просто, что у васъ.

Ганжа.

Изволь, панъ кошевой, бери всю правду.
У насъ теперь нашло на Украину,
На казака по два ляха. Загибла наша воля;
Ляхи себѣ забрали наши земли,
И лыцарство на панщинѣ у нихъ
За псами ходитъ да конюшни чиститъ,
Пасетъ воловъ и шляхтѣ печи топитъ.
Куда не обернись, все ляхъ да жидъ!
Они тащатъ у насъ послѣднихъ животовъ,
Безчестятъ нашихъ женъ и дочерей,
И къ уніи петлей за шею тянутъ.
Поругано у насъ честное духовенство,
Поповъ по улицамъ волочатъ и, въ забаву,
Мучительно уродуютъ имъ лица;
Ксендзы-жъ по селамъ въ таратайкахъ ѣз-
дятъ,
А возятъ ихъ не кони, а дивчата.
Вишь, мы еретики! Вишь, Богъ-то нашъ—
не Богъ!
„Схизматики!"—другого нѣтъ названья.
Коль на селѣ никто въ унію не пойдетъ,
Сожгутъ село и сроютъ; стариковъ
Повѣсятъ; искалѣчатъ бабъ и дѣвокъ,
И съ паробковъ живыхъ сдираютъ кожу;
А ребятишекъ—въ кипяткѣ варятъ.
(Глубокое молчаніе; потомъ глухой говоръ.)

Кошевой.

Казакъ, остерегись неправдой насъ морочить;
Нельзя съ огнемъ шутить неосторожно.
Ты о неслыханныхъ злодѣйствахъ говоришь.—
Не вѣрится! И вправду что-ль ляхи
Дошли до этого? Чего-жъ вы короля
Не просите?

Ганжа.

Король!.. А что онъ значитъ?
Онъ самъ, какъ хлопъ, у панства да у
шляхты.

Кошевой.

Чѣмъ отвѣчаешь ты, что не со вздоромъ
Пришелъ ты къ намъ?

Ганжа.

Своею головою!
Клянусь въ томъ нашей вѣрою святой
И честью лыцарской передъ громадой!..
Еще не все успѣлъ я разсказать;
Дослушайте! Съ ребенка, что родится,
Съ ульевъ, съ воловъ, овецъ, зерна, помола
Мы платимъ пошлину проклятому жиду;
Тащитъ онъ съ насъ послѣднюю копейку,
И казака убить—имѣетъ право!

Голота (, засучивая рукава).

Собаки! Нехристи! Вотъ если-бъ мнѣ сейчасъ
Какой попался!..

Ганжа.

Потерпи, землякъ!
Дай разсказать—ужъ мнѣ хотѣлось на по-
слѣдкахъ,
Что еще не смѣлъ мой высказать языкъ,
Что страшно и теперь мнѣ вымолвить предъ
вами.
Да, братья, не за-чѣмъ таить отъ васъ!
Въ конецъ поругана святая наша вѣра!
Ляхи жидамъ отдали наши церкви
Со всею утварью! Святыхъ сосудовъ

Касаются нечистыя ихъ руки;
Жидовки шьютъ себѣ изъ ризъ парчевыхъ юбки;
И пасхой въ Свѣтлый день нельзя намъ разговѣться,
Коль жидъ на ней не положилъ печати!
Всѣ церкви подъ замками у жидовъ,
Не отопрутъ безъ денегъ. Ну, а денегъ—
Да гдѣ-жъ ихъ взять, коль скоро ужъ самимъ
Отъ голода придется погибать!
Не окрещены мрутъ у насъ младенцы,
И не отпѣтыми хоронятъ стариковъ.

Кошевой (гнѣвно).

А вы чего-жъ молчали, вражьи дѣти?
Бабы что-ль вы? Аль вы не казаки?
Нѣтъ что-ли рукъ у васъ да сабель? Какъ могли вы
Дозволить псамъ ругаться надъ святыней
И кандалы надѣть себѣ на шею?
Къ чему-жъ у васъ полковники и гетманъ?

Ганжа.

Э, гетманъ-то? Ты, видно, позабылъ,
Что гетмановъ давно нѣтъ и въ завѣтѣ...
Кого повѣсили, аль пыткой доканали,
Кого сожгли, кого четвертовали,
И правитъ нами польскій коммиссаръ!..
Полковники?.. А что тутъ станешь дѣлать,
Коль на носу у насъ сто тысячъ войска,
И насъ же старшина имъ продаетъ?
Вы, помните Хмельницкаго, что прежде
Войсковымъ писаремъ у васъ служилъ?
Паны почуяли, что этотъ волкъ зубатый,
Хочь ластится лисой, а на приманку
Къ нимъ не пойдетъ и родины не выдастъ:
Такъ что-же? Забрались къ нему на хуторъ,
Сторожевыхъ порѣзали, сожгли село,
Ограбили весь скарбъ, засѣкли сына
И увезли къ себѣ его хозяйку.
Хмельницкій прямо съ жалобой въ Варшаву,
А трибуналъ надъ нимъ же насмѣялся
И присудилъ его отдать имѣнье
Ляху, что у него жену укралъ
И до смерти его замучилъ сына.
Чудно вамъ это? А не все же тутъ.
Ляха на бой онъ вызвалъ, тотъ подставилъ
Ему засаду; и когда-бъ не чортомъ
Хмельницкій бился, то совсѣмъ пропалъ бы!
А послѣ, всеже дьявольскимъ обманомъ,
Проклятымъ удалось схватить Богдана,
И приказалъ казнить его Потоцкій...
И онъ теперь—едва къ вамъ голову донесъ!

Кошевой (съ живостью).

Хмельницкій здѣсь?

Перебійносъ.

Богданъ Хмельницкій въ Сѣчи?

Клюга.

Да гдѣ же онъ?

Голота.

Чего-жъ нейдетъ онъ къ намъ?

Въ продолженіи этого разговора показывается Хмельницкій съ товарищами.

Хмельницкій (, подходя и привѣтствуя громаду).

Онъ здѣсь, товарищи! Онъ передъ вами!
Прошелъ Великій Лугъ онъ съ молодцами
И Сѣчи-матери принесъ поклонъ!
Здорово, братики! Здорово, господарство!
Здорово, кошевой! Здорово, други!
Къ вамъ уношу — и тѣло я и душу:
Укройте стараго товарища, орлята,
Да бить ляховъ, панове, пособити,
А то безъ васъ пришлось ужъ плохо намъ!
И то сказать: помимо Запорожья,
Помимо родныхъ, кровныхъ нашихъ братьевъ,
Куда намъ кинуться? Со шведомъ Польша въ мирѣ,
А Русскій царь за насъ бы и вступился,
Да самъ съ ляхомъ недавно воевалъ
И за войну Смоленскомъ поплатился.
Вотъ съ крымцами—оно-бъ и можно было,
Хоть часто мы и больно ихъ бивали,
И крѣпко злы на насъ теперь татары,
Да какъ-то совѣстно,—они поганы,
Такъ гоже-ль ихъ вести на христіанъ?

Кошевой.

Ты, панъ Хмельницкій, не болтай намъ вздора:
Что католикъ, что жидъ, и что собака,—
Извѣстно, вся ихъ вѣра одинака!
Скажи намъ лучше, какъ сойтись съ ордой,
А о другомъ ужъ мы разсудимъ сами,—
Грѣшно оно, иль нѣтъ?

Хмельницкій.

А если-жъ такъ,
То съ ханомъ помириться намъ не трудно.
(Вынимаетъ пергаментный свитокъ за королевскою печатью.)
Вотъ грамота: ее князь Оссолинскій
Привезъ казачеству отъ короля—
Съ поклономъ, лаской, золотой казной,
Да съ просьбой поскорѣе настроить чаекъ,
И наскочить войной на крымцевъ съ моря;
Нашъ Барабашъ ее подъ юбкой спряталъ,
Да штучно-жъ я таки ее досталъ!
Подаетъ свитокъ кошевому, который посмотрѣвъ возвращаетъ его.

Кошевой.

Ой, молодецъ!

Хмельницкій (принимаетъ свитокъ).

Такъ видите-жъ, панове!
Король дружитъ казачеству не спроста:
Онъ хочетъ Польшу затянуть въ войну,
Чтобъ послѣ-то панковъ скрутить казацкой
силой;
Не врагъ онъ намъ—да другъ-то ненадежный,
И милостивъ, пока ему нужны.
Прислалъ и мнѣ онъ булаву да знамя,
Да я не принялъ ихъ; не казакамъ—
Быть лакомымъ до королевской ласки,
Иль продавать отечество за власть.
Два года крымцамъ не вносилъ онъ дани;
И ханъ давно-бъ ему о томъ напомнилъ,
Когда бы нашихъ сабель не боялся.
Отправимте въ Бахчисарай пословъ,
Да хану эту грамоту покажемъ,
Чтобъ видѣлъ онъ, что затѣваетъ Польша,
И выбиралъ себѣ одно изъ двухъ:
Войну-ль съ обоими, иль дружбу съ казаками—
И противъ Польши общую войну.

Кошевой.

Эге! Чего еще? Чего-жъ тутъ думать?
По мнѣ татаринъ лучше поляка.
Уменъ ты, брате, и казакъ ты добрый.
(Принимая булаву изъ рукъ джуры.)
Вы слышали, панове запорожцы,
Что говоритъ Хмельницкій? Какъ теперь
Посудите? Принять его—иль нѣтъ?
Итти ли намъ на гаспидскихъ ляховъ?
Не будетъ ли зазорно побрататься
Съ ордой поганой, и не лучше-ль вправду
Смолчать, какъ дурнямъ, чтобы подъ-носъ
намъ
Они другой себѣ построили Кодакъ?
А тутъ жиды съ латинскими попами
Топтали въ грязь и вѣру и казацтво,
Да и ляхи изъ сердца Украины
Сосали кровь, губили наше братство,
А послѣ ужъ и намъ скрутили чубъ?
Какъ волите?
(Запорожцы собираются всѣ въ кучу; изъ-за общаго говора выдаются голоса.)

Голота.

Да что тебѣ сказать?
А не сидѣть же намъ, сложивши руки!
Не истуканы мы!

Клюга.

Всего бы лучше—
Хмельницкаго-то къ хану намъ послать.

Перебійносъ.

Онъ тамъ бывалъ, селямъ-алейкюмъ знаетъ,
Хоть и муллу—такъ за-поясъ заткнетъ.

Бубликъ.

Да онъ же насъ пускай и поведетъ
Отвѣдать саблей косточки шляхетской.

Клюга.

Вѣдь кошевому же итти не можно;
Кто-жъ будетъ Сѣчью править!

Голоса.

Дѣло! дѣло!
Давай Хмельницкаго! Хмельницкаго хотимъ!
Пусть ѣдетъ къ хану! Пусть ведетъ полки!
(Шумъ и говоръ усиливается; но когда кошевой подаетъ булавою знакъ, все умолкаетъ.)

Кошевой (къ запорожцамъ).

Дозвольте мнѣ, громадо, рѣчь держать.

Голоса.

Тсъ! Разступитесь-ка!.. Молчите!.. Тише!..

Кошевой.

Вотъ что скажу я, братцы! Мнѣ сдается,
Что всѣ вы за войну съ ляхомъ и дружбу
съ ханомъ,

И за Хмельницкаго... Благослови же, Боже,
Намъ одолѣть враговъ! Креститесь, дѣтки!
Дай Господи теперь намъ добрый часъ,
Чтобъ былъ у насъ во всемъ совѣтъ да разумъ,
И чтобъ пришло все къ доброму концу;
А коль войны бояться казаку—
Такъ, знаетъ бисъ, чего ужъ не бояться!

(Подходя къ Хмельницкому, съ поклономъ)

Всѣ рады мы тебѣ, Хмельницкій пане,
И съ хлѣбомъ-солью, съ вѣрнымъ братскимъ сердцемъ,
Встрѣчаемъ мы тебя. А о другомъ о прочемъ
Какъ рада порѣшитъ.

(Обнимая Хмельницкаго)

А ну-тко, Хмеле,
Євари-тко, братъ, ляхамъ хмельного пива!
Разсыпься, Хмеле, ворогамъ на лихо!
Ну, довбишъ, пріударь теперь въ литавры;
Подай сигналъ, чтобъ съ утренней зарей
На раду шли. Здоровы будьте, дитки!
Прощай, Хмельницкій!..

(Всѣ, поснявъ шапки, кланяются кошевому, который тихо удаляется.)

ХМЕЛЬНИЦКІЙ (выступивъ впередъ).

Ой, спасибо-жъ
Вамъ, соколы! О, если-бъ въ вашей силѣ—
Богъ, въ этотъ часъ, создалъ Свой судъ народамъ,
А русскимъ братьямъ славу и спасенье!

Н. Маклаковъ.

ОСЬМОЕ ЯНВАРЯ 1654 ГОДА.

Морозное утро. На площади, передъ домомъ гетмана, бьютъ литавры. Народъ собирается.

ПЕРВЫЙ.

Ай-да морозъ! какъ говорятъ—московскій...

ВТОРОЙ.

И что за страсть у гетмана такая
Сбирать народъ до утренней зари?

ТРЕТІЙ.

Походъ, быть можетъ.

ВТОРОЙ.

Полно, напророчишь...
И такъ уже прискучили походы,
Пора бы, право, отдохнуть.

ТРЕТІЙ.

Да сѣять хлѣбъ, а послѣ съ этимъ хлѣбомъ
Поѣхать на поклонъ въ Варшаву.

ПИСАРЬ.

Мнѣ кажется, уже прошло ихъ панство.

ПЕРВЫЙ.

А отъ чего?

ПИСАРЬ.

Да отъ того—я слышалъ—
Что нашъ гетманъ на вѣки пристаетъ
Къ единовѣрцамъ нашимъ, русскимъ.

ТРЕТІЙ.

И я слыхалъ, да не весьма то вѣрно;
Намъ ничего гетманъ не говорилъ.

ПЕРВЫЙ.

Молчи, и намъ, какъ надо будетъ, скажутъ.

БАНДУРИСТЪ.

Вчера я слышалъ, будто русскіе послы
Пріѣхали, чтобъ насъ, единовѣрцевъ,
Принять въ свою защиту отъ невѣрныхъ.
Я ночь не спалъ, услышавъ эту вѣсть—
Такъ былъ я радъ неслыханному счастью,
И пѣсню въ радости сложилъ на этотъ случай.

ПЕРВЫЙ.

Когда бы это было правда,
То вашими устами медъ бы пить!

ПИСАРЬ.

Я такъ готовъ побиться объ закладъ,
Что сбудется желаніе народа;
Вѣдь гласъ народа—Божій голосъ,
Не даромъ же пословица гласитъ.

ВТОРОЙ.

Потише!—Кто-то вышелъ на крыльцо...
Опять пошелъ назадъ.

ПЕРВЫЙ.

Нашъ протопопъ, Григорій.

ТРЕТІЙ.

Старикъ почтенный. Говоритъ народъ,
Что онъ крестилъ гетмана.

ПОДДАНСТВО МАЛОРОССІИ.

(Съ картины В. И. Сизова).

1890 г. Типо-Литографія Новгор. Губ. Правленія.

ПЕРВЫЙ.

И гетманъ
Его любитъ и честитъ. Григорій
Встрѣчалъ пословъ московскихъ со крестами,
И говорилъ имъ рѣчь. Тогда гетманъ
Еще изъ Кіева не пріѣзжалъ.

ЭСАУЛЪ.

Эй, тише!
Вотъ идутъ на крыльцо... вотъ гетманъ...

ПИСАРЬ.

А вотъ отецъ Григорій, а за нимъ
Идутъ послы: вотъ это Бутурлинъ,
Другой Алферовъ.

ЭСАУЛЪ.

Ну, а этотъ, третій?

ПИСАРЬ.

То Лопухинъ, а вотъ Виговскій,
Нашъ генеральный писарь—и другіе
Посольскіе; прозванья ихъ не помню.
Вотъ машутъ; гетманъ проситъ слова.

НАРОДЪ (снимая шапки).

Тише, тише!

ХМЕЛЬНИЦКІЙ.

Къ вамъ рѣчь держу, друзья мои, казаки!
Украинцы, мои родные дѣти,
Прошу у васъ и слова и совѣта.
И мы и наша праведная вѣра
Отъ иноземцевъ много потерпѣли,
Пора бы намъ и отдохнуть немного,
А тутъ Господь спасенье шлетъ съ небесъ:
Московскій царь, родной, единовѣрный,
Согласенъ насъ и праведную Церковь
На-вѣкъ подъ свой покровъ высокій взять.
Я, вашъ гетманъ, и войска старшины,
Какъ благодать, пріемлемъ эту милость.
Хотите ли и вы, казаки, съ нами
Присягу дать московскому царю
На подданство Россіи?

НАРОДЪ (, бросая къ верху шапки).

Волимъ! волимъ!

ХМЕЛЬНИЦКІЙ.

Исполнились теперь мои желанья:
Обнимутся опять родные братья
Такъ искренно, какъ мы съ тобой, бояринъ!
(Обнимаетъ Бутурлина).

Во всѣхъ церквахъ раздается колокольный звонъ; въ крѣпости палятъ изъ пушекъ. Протоіерей Григорій медленно сходитъ съ крыльца съ крестомъ въ рукахъ.

Григорій.

Во имя Бога, слушайте присягу!

НАРОДЪ (бросая шапки).

Волимъ, волимъ, волимъ!

Е. Гребенка.

ИЗБРАНІЕ ВЪ ГЕТМАНЫ СЫНА ХМЕЛЬНИЦКАГО ЮРІЯ. [1])

Площадь передъ домомъ Хмельницкаго въ Чигиринѣ. Посреди ея,—ближе къ переднему плану, круглое возвышеніе, приготовленное для выхода гетмана. На площади, передъ домомъ, постепенно прибываетъ народъ, уступая переднія мѣста приходящимъ на раду генеральнымъ и полковымъ *старшинамъ, сотникамъ и выборнымъ* отъ украинцевъ и запорожцевъ. Слышенъ въ толпѣ тихій говоръ.

Старикъ (,выставляя внука впереди себя).

Стань, хлопецъ, тутъ. Отсель тебѣ виднѣе.
Посмотришь гетмана, такъ мнѣ разскажешь:
А я ужъ плохо вижу. Знать, лѣтъ десять
Тому назадъ, я провожалъ Богдана
На вольный шляхъ по Чортову-Болоту,
Какъ догонялъ его злодѣй Потоцкій.
А послѣ-жъ и еще его я видѣлъ,
Какъ ханъ его, поганецъ, обманулъ;
Насъ гаспидъ подъ Берестечкомъ покинулъ
И вдалъ ляхàмъ на смертную погибель.
Боялся вражій сынъ чтобъ больно много
Мы не забрали силы. А гетмана́,
Какъ тотъ пришелъ о помощи просить,
Взялъ въ плѣнъ да заковалъ въ желѣза,
Да и увелъ, чтобъ онъ не ухитрился
Разбить ляховъ. Пропало наше войско,
Корогвы, бунчуки, казна, гарматы,
Пошло все къ бису! Тутъ ужъ вражій ханъ
Съ Хмельницкаго взялъ выкупъ, да пустилъ
Безъ войска, безъ гарматъ и безъ казны!
А онъ и тутъ бѣдѣ не поклонился,

[1]) Богданъ Хмельницкій умеръ въ іюлѣ 1657 г., и генеральный писарь Иванъ Виговскій провозгласилъ себя гетманомъ Малороссіи. За преданность Польшѣ онъ былъ свергнутъ, а на его мѣсто избранъ сынъ Хмельницкаго Юрій. Новый гетманъ, подобно Виговскому, присягнулъ сперва Россіи, а потомъ передался Польшѣ, за что сторонниками Москвы и былъ низложенъ.

Да—насъ же вызволять сталъ изъ бѣды.
Вотъ то ужъ молодецъ-то былъ удалый!
Орелъ та й годи!
(Слободскому казаку)

Скажите, пане,
Коль знаете, что будетъ здѣсь на радѣ?

Слободскій казакъ.

Не знаю, дидиньку! Я съ слободщины
Сейчасъ пріѣхалъ.

Старикъ.

Хорошо-ль у васъ?

Слободскій казакъ.

Да такъ, что дай Господь царю здоровья!
Слободская—вѣдь вольная Украйна:
Не знаетъ панщины, свои порядки держитъ,
Подвластна лишь царю. Вотъ пять ужъ лѣтъ
Мы тамъ живемъ. Что видѣли, то знаемъ,
А тамъ что будетъ.

Старикъ.

Отчего же, пане,
Такъ шибко насъ стращаютъ москалями?

Слободскій казакъ.

А Богъ ихъ вѣсть! Брехни тутъ всякой много,
Да ляцкихъ смутъ; а можетъ, подошелъ
И свой тутъ грѣхъ. Вѣдь и у васъ не больно
Порядку-то.

Хорунжій водружаетъ надъ гетманскимъ мѣстомъ войсковое знамя, пожалованное царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ.

Одинъ изъ полковниковъ (, обращаясь къ народу и махая булавою).

Молчите же панове!
Сейчасъ выходитъ гетманъ.

Говоръ мгновенно утихаетъ. Изъ дома выходятъ Иванъ Виговскій съ нѣсколькими старшинами, выборными и полковниками, которые вмѣстѣ съ находившимися на площади становятся около круга. Двое ведутъ подъ руки гетмана, смертельно изнуреннаго болѣзнью и блѣднаго; онъ приближается очень медленно, едва переступая отъ слабости съ ноги на ногу; джуры несутъ за нимъ гетманскіе клейноды. При появленіи гетмана всѣ снимаютъ шапки и кланяются ему; народъ, увидавъ происшедшую въ немъ перемѣну, пораженъ удивленіемъ и горестью. Пока его ведутъ, происходитъ слѣдующій разговоръ въ полъ-голоса.

Слободскій казакъ (старику).

Диду, диду!
Неужто это гетманъ? Ахъ, сердечный!
Вѣдь краше въ гробъ кладутъ!

Старикъ.

Чтожъ дѣлать, пане,
Придетъ пора, и мы туда-жъ поляжемъ
На долгій срокъ.

Кобзарь.

Ни, не умретъ нашъ гетманъ!
Сотлѣютъ развѣ кости. Громко слава
О немъ разсыплется по всей землѣ широкой—
И не загинуть ей, покамѣстъ солнце свѣтитъ,
И на землѣ есть правдѣ уголокъ.
Мы, старики, о немъ разскажемъ дѣтямъ,
А дѣти—внукамъ...

Хмельницкій по приходѣ на свое мѣсто снимаетъ шапку и отдаетъ ее джурѣ, а отъ него беретъ гетманскую булаву. Голосъ у него еще силенъ и звученъ и ослабѣваетъ только время отъ времени.

Хмельницкій (, поклонившись народу).

Панове-братья!
Извѣстно вамъ, какое угнетенье
Отъ лящины терпѣли мы съ народомъ,
И какъ восточная, святая наша церковь
Стонала и слезами обливалась,
Не находя, куда ужъ ей дѣваться
Отъ вороговъ. Но Богъ премилосердый,
Какъ древняго Израиля въ Египтѣ,
Отъ ляцкаго ярма насъ свободилъ
И вѣру нашу славно возвеличилъ.
Товарищи любезные! знать, Богу
Угодно было то, чтобъ это дѣло
Свершилось вашимъ подвигомъ кровавымъ
И вашимъ мужествомъ, а мнѣ въ то время—
Надъ вами быть вождемъ. Мы десять лѣтъ
Трудились надъ великимъ дѣломъ вмѣстѣ,
Ни нашихъ силъ, ни жизни не жалѣли;
Теперь же, милые, смотрите сами,
По волѣ моего Создателя, меня
И старость, и недуги одолѣли,
И съ вами мнѣ травы ужъ не топтать...
Схожу въ могилу, братья! А спасибо-жъ вамъ,
Честное лыцарство, за честь и ласку,
Что выбрали меня своимъ гетманомъ;
За вѣрность, храбрость въ тридцати пяти
Бояхъ кровавыхъ; твердость въ неудачахъ,
А болѣе—за братское у васъ
Единодушіе къ спасенію отчизны!

Возьмите-жъ отъ меня теперь хоругви,
Бунчукъ и булаву, и все, что мнѣ давало
Надъ вами власть, да изъ себя самихъ
Другого для себя гетмана изберите.
Меня же, братья милые, коль я
По немощи кого нибудь обидѣлъ,
Иль погрѣшилъ предъ кѣмъ, простите хри-
стіански!

(Низко кланяется народу, который до сей поры стоялъ какъ ошеломленный, но въ эту минуту съ трудомъ удерживается отъ рыданій.)

Хмельницкій (проводя по глазамъ рукою, снова подаетъ знакъ ко вниманію).

А Богъ вѣсть, братья, чье это несчастье,
Что не далъ мнѣ Господь войну покончить,
Какъ мнѣ хотѣлось бы. Не удалось за вами
Свободу утвердить на вѣки; оторвать
Отъ Польши святую нашу Русь,
Что ополячила проклятая унія,
И преклонить ее, какъ древнее наслѣдье
Княженій русскихъ, подъ державный ски-
петръ
Могучаго, законнаго владыки,
Царя единаго всей Руси православной.
Знать, Господу то не было угодно,
Чтобъ нами довершилось это дѣло;
И умирать мнѣ—жалко. Не сгадаешь,
Чѣмъ кончится все это безъ меня.

(Съ видимымъ безпокойствомъ)

Прошу васъ, братья, изберите вольно
Сейчасъ, при мнѣ, новаго гетмана,
Чтобы спокойнѣй мнѣ въ могилу лечь...

(Глубокое молчаніе).

Я, дѣтки, вамъ напомню, что межъ васъ
Есть мудрые и опытные люди.
Вотъ хоть бы кіевскій полковникъ, иль
полтавскій,
Тетеря, Пушкаренко, иль Виговскій—
Тотъ самый, что при мнѣ. Его я прочилъ
Себѣ въ преемники.

(Казаки и выборные, потолковавши между собою, высылаютъ впередъ вмѣсто себя Тетерю).

Тетеря (выступивъ впередъ).

Нѣтъ, нѣтъ, Богданъ!
За славныя твои заслуги предъ отчизной,
За всѣ твои великіе труды,
За разумомъ и за мужество, съ которымъ
Ты выбилъ насъ изъ-подъ неволи,
Пускай же гетманъ будетъ сынъ твой, Юрій;
А мы себѣ другого не хотимъ.

Хмельницкій (съ чувствомъ).

Спасибо, милые! Я вѣрю, что меня
Вы любите; да Юрію нельзя
Быть вашимъ гетманомъ. Опасно наше время,
А онъ—дитя. Тутъ нуженъ мужъ совѣта
И опыта. Пусть Юрій послужилъ бы
Сперва въ войскахъ: такъ вы его и тамъ,
На память обо мнѣ, найдете лаской.

Пушкаренко.

Не ты, Богданъ, а рада присудила
Быть этому. Мы Юрья окружимъ
Совѣтомъ да заботой. Намъ вѣдь легче,
Что будетъ гетманомъ у насъ Хмельницкій;
Его полюбимъ мы, ему и станемъ
Повиноваться, и тебя, нашъ любый батьку,
Что день, то будемъ вмѣстѣ вспоминать.

Хмельницкій (подумавъ).

Чтожъ, коли такъ, то пусть оно и будетъ.
Судъ рады—нашъ законъ. Хмельницкій Юрій
Теперь вашъ гетманъ.

(Принявъ отъ джуры булаву, мечь и войсковую печать, передаетъ ихъ Юрію.)

Подойди, мой сынъ!
Пріймы со страхомъ эти ты клейноды,
А вы его прикройте бунчуками.
Здоровъ будь, новый гетманъ!

Юрій, поцѣловавъ у отца руку, принимаетъ отъ него знаки гетманскаго достоинства; его осѣняютъ бунчуками и знаменами и, по украинскому обычаю, покрываютъ шапками; гетманскій довбишъ ударяетъ въ литавры и вмѣстѣ съ гетманскими джурами становится позади Юрія; нѣкоторые стрѣляютъ изъ пистолетовъ и ружей; Юрій кланяется громадѣ; полковники подходятъ и поздравляютъ его.

Тетеря.

Дай же Богъ
При молодомъ жить гетманѣ, какъ жили
При старомъ.

Богунъ.

Да хлѣбъ-соль его намъ кушать!
Да бить татаръ!

Адамовичъ.

Да добывать себѣ
Корыстей царскихъ да казацкой славы!..

Хмельницкій.

Не возгордись, мой сынъ, своимъ господствомъ!
Чти старшихъ; на подвластныхъ свыше силъ
Не налагай трудовъ; не льни къ богатымъ,
Не презирай убогихъ; всѣхъ равно люби!
Имѣй страхъ Божій непрестанно въ сердцѣ,
Да заповѣди всѣ Его блюдешь,

И не нарушишь вѣрность государю,
Его пресвѣтлому величеству, какъ я
Разъ присягнулъ—и до послѣднихъ дней
Ему остался вѣренъ. Если-жъ ты
Не соблюдешь того, да соберетъ Господь
То лихо, что другимъ ты приготовилъ,
И обратитъ отъ нихъ на голову твою...
Обойми меня!

(Замѣтно ослабѣвая)

Теперь и съ вами
Я, милые, прощаюсь. Притомился!
Совсѣмъ нѣтъ силъ... Спасибо вамъ, громадо,
На ласкѣ и на всякомъ добромъ словѣ!
Блюдите, дѣтки, навсегда въ себѣ
Единомыслie, да братство, да любовь,
И Хмеля стараго—не поминайте лихомъ!

(Кланяется всей громадѣ и направляется къ дому.)

Н. Маклаковъ.

КІЕВЪ. [1]

Высоко передо мною
Старый Кіевъ надъ Днѣпромъ;
Днѣпръ сверкаетъ подъ горою
Переливнымъ серебромъ.

Слава, Кіевъ многовѣчный,
Русской славы колыбель!
Слава, Днѣпръ нашъ быстротечный,
Руси чистая купель!

Сладко пѣсни раздалися...
Въ небѣ тихъ вечерній звонъ...
„Вы откуда собралися,
Богомольцы, на поклонъ?“

„Я оттуда, гдѣ струится
Тихій Донъ, краса степей“.—
„Я оттуда, гдѣ клубится
Безпредѣльный Енисей!“

„Край мой—теплый брегъ Эвксина!“
„Край мой—брегъ тѣхъ дальнихъ странъ,
Гдѣ одна сплошная льдина
Оковала океанъ“.—

„Дикъ и страшенъ верхъ Алтая,
Вѣченъ блескъ его снѣговъ:
Тамъ страна моя родная!“
„Мнѣ отчизна—старый Псковъ“.

„Я отъ Ладоги холодной,“—
„Я отъ синихъ волнъ Невы,“—
„Я отъ Камы многоводной“,—
„Я отъ матушки Москвы“.—

Слава, Днѣпръ, сѣдыя волны!
Слава, Кіевъ, чудный градъ!
Мракъ пещеръ твоихъ безмолвный
Краше царственныхъ палатъ.

Знаемъ мы: въ вѣка былые,
Въ древню ночь и мракъ глубокъ,
Надъ тобой блеснулъ Россіи
Солнца вѣчнаго востокъ.

И теперь изъ странъ далекихъ,
Изъ невѣдомыхъ степей,
Отъ полночныхъ рѣкъ глубокихъ,—
Полкъ молящихся дѣтей,—

Мы вокругъ твоей святыни
Всѣ съ любовью собраны...
Братцы, гдѣ-жъ сыны Волыни?
Галичъ, гдѣ твои сыны?

Горе, горе! ихъ спалили
Польши дикіе костры;
Ихъ сманили, ихъ плѣнили
Польши шумные пиры:

Мечъ и лесть, обманъ и пламя
Ихъ похитили у насъ,
Ихъ ведетъ чужое знамя,
Ими правитъ чуждый гласъ.

Пробудися, Кіевъ, снова!
Падшихъ чадъ своихъ зови!
Сладокъ гласъ отца роднова,
Зовъ моленья и любви.

И отторженныя дѣти
Лишь услышатъ твой призывъ,
Разорвавъ коварства сѣти,
Знамя чуждое забывъ,

Снова, какъ во время оно,
Успокоиться придутъ
На твое святое лоно,
Въ твой родительскій пріютъ,

И вокругъ знаменъ отчизны
Потекутъ они толпой
Къ жизни духа, къ духу жизни,
Возрожденные тобой.

А. Хомяковъ.

[1]) По вѣчному миру, заключенному 24 апрѣля 1686 г. въ Москвѣ, Польскій король Янъ III (Собѣсскій) уступилъ Россіи навсегда Смоленскъ, Кіевъ и Украйну.

ПРИЛОЖЕНІЕ КО ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ГОЛУБИНАЯ КНИГА.[1]

Восходила туча сильна-грозная,
Выпадала книга Голубиная
И не малая не великая:
Долины книга сорока сажень,
Поперечины двадцати сажень;
Ко той книгѣ ко божественной
Соходилися, соѣзжалися
Сорокъ царей со царевичамъ,
Сорокъ князей со княжевичамъ,
Сорокъ поповъ, сорокъ дьяконовъ,
Много народу, людей мелкіихъ,
Христіанъ православныихъ.
Никто-ко не приступится,
Никто ко Божіей не пришатнется.
Приходилъ ко книгѣ премудрый царь,
Премудрый царь Давыдъ Евсеевичъ:
До Божіей до книги онъ доступается;
Передъ нимъ книга разгибается,
Все божественное писаніе ему объявляется.
Еще приходилъ ко книгѣ Володимиръ князь,
Володимиръ князь Володимировичъ;
Возговорилъ Володимиръ князь,
Володимиръ князь Володимировичъ:
„Ой ты гой еси, нашъ премудрый царь,
Премудрый царь Давыдъ Евсеевичъ!
Прочти, сударь, книгу Божію,
Объяви, сударь, дѣла Божіи,
Про наше житіе, про святорусское,
Про наше житіе свѣту вольнаго:
Отъ чего у насъ начался бѣлый вольный свѣтъ?
Отъ чего у насъ солнце красное?
Отъ чего у насъ звѣзды частыя?
Отъ чего у насъ ночи темныя?
Отъ чего у насъ зори утренни?
Отъ чего у насъ вѣтры буйные?
Отъ чего у насъ дробенъ дождекъ?
Отъ чего у насъ умъ-разумъ?
Отъ чего наши помыслы?
Отъ чего у насъ кости крѣпкія?
Отъ чего тѣлеса наши?
Отъ чего кровь-руда наша?“
Возговоритъ премудрый царь,
Премудрый царь Давыдъ Евсеевичъ:
— „Ой ты гой еси, Володимиръ князь,
Володимиръ князь Володимировичъ!
Не могу я прочесть книгу Божію.
Ужъ мнѣ честь книгу не-прочесть будетъ,
На налой положить — не уложится.
А по старой по своей по памяти
Разскажу вамъ, какъ по грамотѣ:
У насъ бѣлый вольный свѣтъ зачался отъ суда Божія,
Солнце красное отъ лица Божьяго,
Самого Христа Царя Небеснаго,
Младъ свѣтелъ мѣсяцъ отъ груди его,
Звѣзды частыя отъ ризъ Божьихъ,
Ночи темныя отъ думъ Господнихъ,
Зори утренни отъ очей Господнихъ,
Вѣтры буйные отъ Свята Духа,
У насъ умъ-разумъ самого Христа,
Самого Христа Царя Небеснаго,
Наши помыслы отъ облокъ небесныхъ;
У насъ міръ-народъ отъ Адамія,
Кости крѣпкія отъ камени,
Тѣлеса наши отъ сырой земли,
Кровь-руда наша отъ черна моря.“
Возговоритъ Володимиръ князь,
Володимиръ князь Володимировичъ:

[1]) Стихъ о **Голубиной Книгѣ** знакомитъ насъ съ воззрѣніями русскаго народа о началѣ міра, происхожденіи и первенствѣ разныхъ предметовъ въ мірѣ. Колоритъ стиха христіанскій; и вопросы рѣшаются, и всѣ предметы въ мірѣ оцѣниваются съ точки зрѣнія христіанской; все въ мірѣ производится отъ Христа, Царя Небеснаго. Обстановка Стиха также христіанская; дѣйствіе происходитъ въ Іерусалимѣ; дѣйствующія лица: пророкъ Давидъ и русскій князь Владимиръ. Но въ тоже время видно, что Стихъ составился не подъ вліяніемъ только чистаго церковнаго ученія, но и подъ вліяніемъ апокрифическихъ сочиненій и народныхъ сказаній. Изъ апокрифовъ всего болѣе имѣли вліяніе на Стихъ о Голубиной Книгѣ «*Бесѣда трехъ святителей.*»

—Премудрый царь Давыдъ Евсеевичъ!
Скажи ты намъ—проповѣдай:
Который царь надъ царями царь?
Который городъ городамъ отецъ?
Коя церковь всѣмъ церквамъ мати?
Коя рѣка всѣмъ рѣкамъ мати?
Коя гора всѣмъ горамъ мати?
Кое древо всѣмъ древамъ мати?
Коя трава всѣмъ травамъ мати?
Которое море всѣмъ морямъ мати?
Коя рыба всѣмъ рыбамъ мати?
Коя птица всѣмъ птицамъ мати?
Который звѣрь всѣмъ звѣрямъ отецъ?
Возговоритъ премудрый царь,
Премудрый царь Давыдъ Евсеевичъ:
—„У насъ бѣлый царь надъ царями царь,
И онъ держитъ вѣру крещеную,
Вѣру крещеную, богомольную,
Стоитъ за вѣру христіанскую,
За домъ Пресвятыя Богородицы.
Всѣ орды ему преклонилися,
Всѣ языцы ему покорилися:
Потому бѣлый царь надъ царями царь.
Ерусалимъ городъ—городамъ отецъ.
Почему тотъ городъ городамъ отецъ?
Во тѣмъ во городѣ во Ерусалимѣ
Тутъ у насъ пупъ землѣ:
Соборъ-церковь всѣмъ церквамъ мати;
Стоитъ соборъ-церква посреди града Ерусалима,
Во той во церкви во соборной
Стоитъ престолъ божественный:
На томъ престолѣ на божественномъ
Стоитъ гробница бѣлокаменная;
Въ той гробницѣ бѣлокаменной
Почиваютъ ризы самого Христа,
Самого Христа Царя Небеснаго:
Потому соборъ-церква церквамъ мати.
Іорданъ-рѣка всѣмъ рѣкамъ мати.
Почему Іордань всѣмъ рѣкамъ мати?
Окрестился въ ней самъ Исусъ Христосъ,
Со силою со небесною,
Со ангелами со хранителями,
Со Іоанномъ-свѣтомъ со Крестителемъ:
Потому Іордань всѣмъ рѣкамъ мати.
Ѳаворъ-гора всѣмъ горамъ мати.
Почему Ѳаворъ-гора горамъ мати?
Преобразился на ней самъ Исусъ Христосъ,
Исусъ Христосъ Царь Небесный свѣтъ
Показалъ славу ученикамъ своимъ:
Потому Ѳаворъ-гора горамъ мати.
Кипарисъ-древо всѣмъ древамъ мати.
Почему то древо всѣмъ древамъ мати?
На тѣмъ древѣ на кипарисѣ
Объявился намъ животворящій крестъ,
На темъ на крестѣ на животворящемъ
Распятъ былъ самъ Исусъ Христосъ,
Исусъ Христосъ Царь Небесный свѣтъ:
Потому кипарисъ всѣмъ древамъ мати.
Плакунъ-трава всѣмъ травамъ мати.
Почему плакунъ всѣмъ травамъ мати?
Когда жидовья Христа распяли,
Святую кровь его пролили,
Мать Пречистая Богородица
По Исусу Христу сильно плакала,
По своемъ сыну возлюбленномъ;
Ронила слезы Пречистая
На матушку на сыру землю;
Отъ тѣхъ отъ слезъ отъ пречистыихъ
Зарождалося плакунъ-трава:
Потому плакунъ-трава травамъ мати.
Океанъ-море всѣмъ морямъ мати.
Почему океанъ всѣмъ морямъ мати?
Посреди моря океанскаго
Восходила церковь соборная,
Соборная, богомольная,
Святого Климента, попа римскаго.
Изъ той церкви изъ соборныя,
Соборныя, богомольныя,
Выходила Царица Небесная;
Изъ океанъ-моря омывалася,
На соборъ-церковь она Богу молилася:
Отъ того океанъ всѣмъ морямъ мати.
Китъ-рыба всѣмъ рыбамъ мати.
Почему же китъ-рыба всѣмъ рыбамъ мати?
На трехъ рыбахъ земля основана.
Какъ китъ-рыба потронется,
Вся земля всколеблется:
Потому китъ-рыба всѣмъ рыбамъ мати.
Основана земля Святымъ Духомъ,
А содержана словомъ Божіимъ.
Стратимъ-птица всѣмъ птицамъ мати.
Почему она всѣмъ птицамъ мати?
Живетъ Стратимъ-птица на океанъ-морѣ,
И дѣтей производитъ на океанъ-морѣ,
По Божьему все повелѣнію,
Стратимъ птица встрепенется,
Океанъ-море восколыхнется;
Топитъ оно корабли гостиные
Со товарами драгоцѣнными:
Потому Стратимъ-птица всѣмъ птицамъ мати.[1])

[1]) Баснословныя преданія о китѣ-рыбѣ, стратимѣ-птицѣ и звѣрѣ-индрикѣ вошли въ Стихъ изъ разныхъ средневѣковыхъ сочиненій, и преимущественно изъ такъ

У насъ Индрикъ-звѣрь всѣмъ звѣрямъ отецъ. [1])
Почему Индрикъ-звѣрь всѣмъ звѣрямъ отецъ?
Ходитъ онъ по подземелью,
Пропущаетъ рѣки, кладязи студеные;
Живетъ онъ во святой горѣ,
Куды хочетъ идетъ по подземелью,
Какъ солнышко по поднебесью:
Потому же у насъ Индрикъ-звѣрь всѣмъ звѣрямъ отецъ.
Возговоритъ Володимиръ—князь,
Володимиръ князь Володимировичъ:
„Ой ты гой еси, премудрый царь,
Премудрый царь, Давыдъ Евсеевичъ!
Мнѣ ночесь, сударь, мало спалось,
Мнѣ во снѣ много видѣлось:
Кабы съ той стороны со восточныя,
А съ другой стороны со полуденной,
Кабы два звѣря собиралися,
Кабы два лютые собѣгалися,
Промежду собой дрались-билися,
Одинъ одного звѣрь одолѣть хочетъ."
Возговоритъ премудрый царь,
Премудрый царь Давыдъ Евсеевичъ:
—„То не два звѣря собиралися,
Не два лютые собѣгалися:
Это Кривда съ Правдой соходилися,
Промежду собой бились—дрались.
Кривда Правду одолѣть хочетъ:
Правду Кривда переспорила;
Правда пошла на небеса,
Къ самому Христу Царю Небесному;
А Кривда пошла у насъ по всей землѣ,
По всей землѣ по свѣто-русской,
По всему народу христіанскому.
Кто будетъ кривдой жить,
Тотъ отчаянный отъ Господа,
А кто будетъ правдой жить,
Тотъ причаянный ко Господу;
Та душа и наслѣдуетъ
Себѣ царствіе небесное.
Старымъ людямъ на послушанье,
А молодымъ людямъ для памяти.
Славу поемъ Давыду Евсеевичу,
Во вѣки его слава не минуется.

называемыхъ Физіологовъ и *Бестіаріевъ*, въ которыхъ разсказывается о разныхъ чудесныхъ животныхъ (проф. Порфирьевъ).

[1]) **Индрикъ**, или **индрокъ** вм. **индрогъ**, т. е. *инрогъ*, сокращено изъ **инорогъ**, со вставнымъ *д* (акад. Буслаевъ).

ГОРЕ-ЗЛОСЧАСТЬЕ. [1])

Будетъ молодецъ уже въ разумѣ въ беззлобіи,
И возлюбили его отецъ и мать:
Учить его учили наказывать,
На добрыя дѣла наставлять.
„Милое ты наше чадо!
„Послушай ученія родительскаго,
„Ты послушай пословицы
„Добрыя, и хитрыя, и мудрыя!
„Не будетъ тебѣ нужды великія,
„Ты не будешь въ бѣдности великой:
„Не ходи, чадо, въ пиры и братчины;
„Не садися ты на мѣсто большее;
„Не пей, чадо, двухъ чаръ за едину;
„Еще, чадо, не давай очамъ воли;
„Не прельщайся, чадо, на добрыхъ красныхъ женъ...
„Не бойся, не бойся мудра, бойся глупа,
„Чтобы глупыя на тя не подумали,
„Да не сняли бы съ тебя драгихъ портъ,
„Не доспѣли бы тебѣ позорства и стыда великаго,
„И племени укору и поносу бездѣльнаго.
„Не ходи, чадо, къ косторямъ и корчемникамъ;
„Не знайся, чадо, съ головами кабацкими;
„Не дружися, чадо, съ глупыми, немудрыми;
„Не думай украсти-ограбити,
„И обмануть-солгать и неправду учинить.
„Не прельщайся, чадо, на злато и серебро,
„Не сбирай богатства неправаго,
„Не буди послухъ лжесвидѣтельству,
„А зла не думай на отца и матерь
„И на всякаго человѣка—
„Да и тебѣ покрыетъ Богъ отъ всякаго зла.
„Не безчествуй, чадо, богата и убога,

---

[1]) Между всѣми древними повѣстями особенное значеніе имѣетъ повѣсть о *Горѣ-Злосчастіи*. Принадлежа по основной мысли и по направленію къ религіозно-нравственнымъ поучительнымъ произведеніямъ, она въ тоже время рисуетъ дѣйствительную русскую жизнь и имѣетъ характеръ народной повѣсти. Въ этой повѣсти, какъ мы видимъ, Горе начинаетъ преслѣдовать добраго молодца съ того самаго момента, какъ онъ ушелъ изъ родительскаго дома, т. е. вышелъ изъ послушанія отцу и матери и началъ жить по своей волѣ. Непослушаніе родителямъ и сдѣлалось причиною всѣхъ несчастій молодца. Такимъ образомъ основная мысль повѣсти—мысль о послушаніи родителямъ, о святости родительской власти и семейной жизни, которая постоянно внушалась въ произведеніяхъ древней письменности (проф. Порфирьевъ.)

„А имѣй всѣхъ равно по единому;
„А знайся, чадо, съ мудрыми
„И съ разумными водися,
„И съ друзи надежными дружися,
„Которые бы тебя злу не доставили.“
Молодецъ былъ въ то время се малъ и глупъ, —
Не въ полномъ разумѣ и не совершенъ разумомъ;
Своему отцу стыдно покоритися,
А хотѣлъ жити, какъ ему любо!
Наживалъ молодецъ пятьдесятъ рублевъ,
Залѣзъ онъ себѣ пятьдесятъ друговъ;
Честь его, яко рѣка текла;
Друговья къ молодцу прибивалися,
Въ родъ—племя причиталися.
Еще у молодца былъ милъ-надеженъ другъ,
Назвался молодцу названой братъ;
Прельстилъ его рѣчьми прелестными,
Зазвалъ его на кабацкій дворъ,
Завелъ его въ избу кабацкую,
Поднесъ ему чарку зелена вина,
И кружку поднесъ пива пьянаго,
Самъ говоритъ таково слово:
„Испей ты, братецъ мой названный,
„Въ радость себѣ и въ веселіе, и во здравіе,
„Испей чару зелена вина,
„Запей ты чашею меду сладкова;
„Хошь и упьешся, братецъ, допьяна,
„Ино, гдѣ пилъ, тутъ и спать ложися,
„Надѣйся, надѣйся на меня, брата названова.
„Я сяду стеречь и досматривать:
„Въ головахъ у тебя, мила друга,
„Я поставлю кружку ишему сладкаго,
„Вскрай поставлю зелено вино,
„Близъ тебя поставлю пиво пьяное,
„Сберегу я, милъ другъ, тебя накрѣпко,
„Сведу я къ отцу твоему и матери.“
Втѣпоры молодецъ понадѣялся
На своего брата названнаго;
Не хотѣлося ему друга ослушаться;
Принимался онъ за питья за пьяныя,
И испивалъ чару зелена вина,
Запивалъ онъ чашею меду сладкаго,
И пилъ онъ, молодецъ, пиво пьяное.
Упился онъ безъ памяти,
И гдѣ пилъ, тутъ и спать ложился,—
Понадѣялся онъ на брата названнаго.
Какъ будетъ день до вечера, а солнце на западѣ,
Отъ сна молодецъ пробужается,
Втѣпоры молодецъ озирается:
А что сняты съ него драгіе порты,
Чары и чулочки—все поснимано,
И вся собина у его ограблена,
А кирпичекъ положенъ подъ буйну его голову,
Онъ накинутъ гункою кабацкою,
Въ ногахъ у него лежатъ лапотки-отопочки,
Въ головахъ мила друга и близко нѣтъ.
И вставалъ молодецъ на бѣлыя ноги,
Учалъ молодецъ наряжатися:
Надѣвалъ онъ лапотки-отопочки,
Надѣвалъ онъ гунку кабацкую,
Покрывалъ онъ свое тѣло бѣлое,
Умывалъ онъ лице свое бѣлое;
Стоя, молодецъ закручинился,
Самъ говоритъ таково слово:
„Житіе мнѣ Богъ далъ великое:
„Ясти-кушати стало нечево!
„Какъ не стало деньги, не полуденьги,
„Такъ не стало ни друга, ни полдруга;
„Родъ и племя отчитаются,
„Всѣ друзи прочь отпираются!“
Стало срамно молодцу появитися
Къ своему отцу и матери,
И къ своему роду и племени,
И къ своимъ прежнимъ милымъ другамъ.
Пошелъ онъ на чужу страну, дальну—незнаему;
Нашелъ дворъ, что градъ стоитъ,
Изба на дворѣ—что высокъ теремъ,
А въ избѣ идетъ великъ пиръ почестенъ:
Гости пьютъ, ѣдятъ, потѣшаются.
Пришелъ молодецъ на честенъ пиръ,
Крестилъ онъ лице свое бѣлое,
Поклонился чуднымъ образомъ,
Билъ челомъ онъ добрымъ людямъ
На всѣ четыре стороны.
А что видятъ молодца люди добрые,
Что гораздъ онъ креститися,
Ведетъ онъ все по писанному ученію,
Емлютъ его люди добрые подъ руки,
Посадили его за дубовый столъ,
Не въ большее мѣсто, не въ меньшее,—
Садятъ его въ мѣсто среднее,
Гдѣ сидятъ дѣти гостиные.
Какъ будетъ пиръ на веселіе,
И всѣ на пиру гости пьяны-веселы,
И сѣдя всѣ похваляются,—
Молодецъ на пиру не веселъ сидитъ,
Кручиноватъ, скорбенъ, не радостенъ,
А не пьетъ, не ѣстъ, не тѣшится,

А ничѣмъ на пиру не хвалится.
Говорятъ молодцу люди добрые:
„Что еси ты, доброй молодецъ,
„Зачѣмъ ты на пиру не веселъ сидишь,
„Кручиноватъ, скорбенъ, не радостенъ,
„Ни пьешь ты, ни ѣшь ты, ни тѣшишься
„Да ничѣмъ ты на пиру не хвалишься?
„Чара ли зелена вина до тебя не дохаживала?
„Или мѣсто тебѣ не по отчинѣ твоей?
„Или малыя дѣти тебя изобидѣли?
„Или глупые люди немудрые
„Чѣмъ тебѣ молодцу насмѣялися?
„Или дѣти наши къ тебѣ не ласковы?
Говоритъ имъ сидя доброй молодецъ:
„Государи вы, люди добрые!
„Скажу я вамъ про свою нужду великую,
„Про свое ослушаніе родительское,
„И про питье кабацкое,
„Про чашу медвяную,
„Про лестное питіе пьяное.
„Язъ, какъ принялся за питье за пьяное,—
„Ослушался язъ отца своего и матери:
„Благословеніе мнѣ отъ нихъ миновалося;
„Господь Богъ на меня разгнѣвался;
„Укротила скудность мой рѣчистой языкъ;
„Изсушила печаль мое лице и бѣлое тѣло:
„Ради того мое сердце не весело,
„А бѣлое лице унынливо,
„И ясныя очи затуманилися...
«Отечество мое потерялося,
„Храбрость молодецкая отъ меня миновалася!
„Государи вы, люди добрые!
„Скажите и научите, какъ мнѣ жить
„На чужой сторонѣ, въ чужихъ людяхъ,
„И какъ залѣсти мнѣ милыхъ друговъ?“
Говорятъ молодцу люди добрые:
„Добро еси ты, и разумный молодецъ!
„Не буди ты спесивъ на чужой сторонѣ:
„Покорися ты другу и недругу,
„Поклонися ты стару и молоду,
„А чужихъ ты дѣлъ не объявливай,
„А что слышишь или видишь—не сказывай!
„Не льсти ты межъ други и недруги;
„Ни вейся зміею лукавою;
„Смиреніе ко всѣмъ имѣй,
„И ты съ кротостію держися истины съ правдою,
„То тебѣ будетъ честь и хвала великая;
„Первое тебѣ люди овѣдаютъ
„И учнутъ тя чтить и жаловать
„За твою правду великую,
„За твое смиреніе и за вѣжество;
„Будутъ у тебя милые други,
„Названные братья надежные.“
И оттуда пошелъ молодецъ на чужу сторону,
И учалъ онъ жити умѣючи;
Отъ великаго разума наживалъ онъ живота больше старова,
Присмотрѣлъ невѣсту себѣ по обычаю.—
Захотѣлося молодцу женитися.
Срядилъ молодецъ честенъ пиръ
Отчествомъ и вѣжествомъ,
Любовнымъ своимъ гостемъ и другомъ билъ челомъ.
И по грѣхамъ молодцу,
И по Божію попущенію,
А по дѣйству дьяволю,
Предъ любовными своими гостьми и други
И названными браты похвалился,
А всегда гнило слово похвальное:
Похвальба живетъ человѣку пагуба:
„Наживалъ-де я, молодецъ, живота больше старова!“
Подслушало Горе-Злосчастье хвастанье молодецкое,
Амо говоритъ таково слово:
„Не хвались ты, молодецъ, своимъ счастьемъ;
„Не хвастай своимъ богатествомъ;
„Бывали люди у меня, Горя,
„И мудряе тебя и досужае,
„И я ихъ, Горе, перемудрило.
„Учинися имъ злосчастіе великое:
„До смерти со мною боролися;
„Во зломъ злосчастіи позорилися;
„Не могли у меня, Горя, уѣхати,
„Отъ мене накрѣпко они землею накрылись,
„Босоты и наготы они избыли,
„И я отъ нихъ, Горе, миновалось,
„А Злосчастіе на ихъ въ могилѣ осталось!
„Еще возграяло я, Горе, къ инымъ привязалось:
„А мнѣ, Горю и Злосчастію, не впустѣ же жить:
„Хочу я, Горе, въ людяхъ жить;
„И батогомъ меня не выгонить;
„А гнѣздо мое вотчина во бражникахъ!“
Говоритъ сѣро-Горе-горинское:
„Какъ бы мнѣ молодцу появитися!“
Ино зло-то Горе излукавилось,
Во снѣ молодцу привидѣлось:

„Откажи ты, молодецъ, невѣстѣ своей любимой;
„Быть тебѣ отъ невѣсты истравлену,
„Еще быть тебѣ отъ тое жены удавлену,
„Изъ злата и серебра быть убитому!
„Ты пойди, молодецъ, на царевъ кабакъ;
„Не жали ты, пропивай свои животы,
„А скинь ты платье гостиное,
„Надежи ты на себя гунку кабацкую:
„Кабакомъ-то Горе избудется,
„Да то злое Злосчастіе останется,
„За нагимъ-то Горе не погонится,
„Да никто къ нагому не привяжется,
„А нагому-босому шумитъ разбой.“
Тому сну молодецъ не повѣровалъ.
Ино зло-то Горе излукавилось;
Горе архангеломъ Гавріиломъ молодцу явилося
Попрежнему еще, въ ново злосчастіе привязалося.
„Али тебѣ, молодецъ, невѣдома
„Нагота и босота безмѣрная,
„Легота, безпроторица великая,
„На себя что купить, то проторится,
„А ты, удалъ молодецъ, и такъ живешь!
„Да не бьютъ, не мучатъ нагихъ-босыхъ,
„И изъ раю нагихъ-босыхъ не выгонятъ,
„А съ того свѣта сюды не выкинутъ,
„Да никто къ нему не привяжется;
„А нагому—босому шумитъ разбой.“
Тому сну молодецъ онъ повѣровалъ;
Сошелъ онъ пропивать свои животы,
И скинулъ онъ платье гостиное,—
Надѣвалъ онъ гунку кабацкую,
Накрывалъ онъ свое тѣло бѣлое;
Стало молодцу срамно появитися своимъ милымъ другамъ.
Пошелъ молодецъ на чужу страну, дальну—незнаему;
На дорогѣ пришла ему быстра рѣка,
За рѣкою перевозчики,
А просятъ у него перевознаго,
Ино дать молодцу нечего;
Не везутъ молодца безденежно.
Сидитъ молодецъ день до вечера,
Миновался день до вечера,
Не ѣдалъ молодецъ ни полукуса хлѣба;
Вставалъ молодецъ на скоры ноги,
Стоя молодецъ закручинился,
А самъ говоритъ таково слово:
„Ахти мнѣ, Злосчастье—Горинское!
„До бѣды меня, молодца, домыкало,
„Уморило меня, молодца, смертью голодною;
„Уже три дня мнѣ были не радошны,—
„Не ѣдалъ я, молодецъ, ни полукуса хлѣба!
„Ино кинусь я, молодецъ, въ быстру рѣку:
„Полощи мое тѣло, быстра рѣка!
„Ино ѣшьте, рыбы, мое тѣло бѣлое!
„Ино лучше мнѣ житья сего позорнаго?
„Уйду ли я у Горя—Злосчастнаго!“
И въ тотчасъ у быстры рѣки
Скочи Горе изъ за камени,
Босо, наго, нѣтъ на Горѣ ни ниточки,
Еще лычкомъ Горе подпоясано,
Богатырскимъ голосомъ восликало:
„Стой ты, молодецъ: меня, Горя, не уйдешь никуды!
„Не мечися въ быстру рѣку,
„Да не буди въ горѣ кручиноватъ;
„А въ горѣ жить—не кручинну быть!
„А кручинну въ горѣ погинути!
„Спамянуй, молодецъ, житіе свое первое;
„И самъ тебѣ отецъ говаривалъ,—
„И какъ тебѣ мати наказывала.
„Для чего тогда ты ихъ не послушалъ,
„Не захотѣлъ ты имъ покоритися,
„Постыдился имъ поклонитися,
„А хотѣлъ ты жить, какъ тебѣ любо есть!
„А кто родителей своихъ на добро ученіе не слушаетъ,
„Того выучу я, Горе—Злосчастное!“
Говоритъ Злосчастіе таково слово:
„Покорися мнѣ, Горю нечистому,
„Поклонися мнѣ, Горю, до сыры земли,
„А нѣтъ меня, Горя, мудряя на семъ свѣтѣ;
„И ты будешь перевезенъ за быструю рѣку,
„Напоятъ тя, накормятъ люди добрые.“
А что видитъ молодецъ бѣду неминучую—
Покорился Горю нечистому,
Поклонился Горю до сыры земли!
Пошелъ, поскочилъ добрый молодецъ
По круту по красну по бережку,
По желтому песочку;
Идетъ весело, не кручиноватъ,
Утѣшилъ онъ Горе-Злосчастіе,
А самъ идучи думу думаетъ:
„Когда у мене нѣтъ ничего,
„И тужить мнѣ не о чемъ!“
Да еще не молодецъ не кручиноватъ,
Запѣлъ онъ хорошую напѣвочку,
Отъ великаго крѣпкаго разума:
„Безпечальна мать меня породила,
„Гребешкомъ кудерцы расчесывала,
„Драгими порты меня одѣяла,

„И отшедъ подъ ручку посмотрѣла:
„Хорошо ли мое чадо въ драгихъ портахъ.
„А въ драгихъ портахъ чаду и цѣны нѣтъ!
„Какъ бы до вѣку она такъ пророчила!
„Ино я самъ знаю и вѣдаю,
„Что не класти скарлату безъ мастера,
„Не утѣшити дитяти безъ матери,
„Не бывать бражнику богату,
„Не бывать костарю во славѣ доброй.
„Завѣченъ я у своихъ родителей,
„Что мнѣ быти бѣднешеньку,
„А что родился головенькою!“
Услышали перевозчики молодецкую напѣвочку,
Перевезли молодца быстру рѣку,
А не взяли у него перевознаго.
Напоили, накормили люди добрые;
Сняли съ него гунку кабацкую,
Дали ему порты крестьянскіе.
Говорятъ молодцу люди добрые:
„А что еси ты, добрый молодецъ,
„Ты поди на свою сторону,
„Къ любимымъ честнымъ своимъ родителямъ,
„Ко отцу своему и къ матери любимой,
„Простися ты съ своими родители,
„Со отцомъ и матерію,
„Возьми отъ нихъ благословеніе родительское!“
И оттуда пошелъ молодецъ на свою сторону.
Какъ будетъ молодецъ на чистомъ полѣ,
А что злое Горе напередъ зашло,
На чистомъ полѣ молодца встрѣтило,
Учало надъ молодцомъ граяти,
Что злая ворона надъ соколомъ:
Говоритъ Горе таково слово:
„Ты стой, не ушелъ, добрый молодецъ!
„Не на часъ я къ тебѣ, Горе-Злосчастное, привязалося,
„Хоть до смерти съ тобою помучуся!
„Не одно я Горе—еще сродники,
„А вся родня наша добрая;
„Всѣ мы гладки, умильные;
„А кто въ семью къ намъ примѣшается,—
„Ино тотъ между нами замучится!
„Такова у насъ участь и лутчая.
„Хотя кинься въ птицы воздушныя,
„Хотя въ синее море ты пойдешь рыбою,—
„А я съ тобою пойду подъ руку подъ правую“.
Полетѣлъ молодецъ яснымъ соколомъ,
А Горе за нимъ бѣлымъ кречетомъ;
Молодецъ полетѣлъ сизымъ голубемъ,
А Горе за нимъ сѣрымъ ястребомъ;
Молодецъ пошелъ въ поле сѣрымъ волкомъ,
А Горе за нимъ съ борзыми выжлецы;
Молодецъ сталъ въ полѣ ковыль-трава,
А Горе пришелъ съ косою вострою,
Да еще Злосчастіе надъ молодцомъ насмѣялося:
„Быть тебѣ, травонька, посѣченой,
„Лежать тебѣ, травонька, посѣченой,
„И буйны вѣтры быть тебѣ развѣянной“.
Пошелъ молодецъ въ море рыбою,
А Горе за нимъ съ частыми неводами;
Еще Горе-Злосчастье насмѣялося:
„Быть тебѣ, рыбонька, у бережка уловленной,
„Быть тебѣ да и съѣденной,
„Умереть будетъ напрасною смертію!“
Молодецъ пошелъ путь-дорогою,
А Горе подъ руку подъ правую;
Научаетъ молодца богато жить,
Убити и ограбити,
Чтобы молодца за то повѣсили,
Или съ камнемъ въ воду посадили.
Спамятуетъ молодецъ спасенный путь,
И оттоль молодецъ въ монастырь пошелъ постригатися,
А Горе у святыхъ воротъ остается,
Къ молодцу впредь не привяжется.
А сему житью конецъ мы вѣдаемъ:
Избавь, Господи, вѣчныя муки,
А дай намъ, Господи, свѣтлый рай!
Во вѣки вѣковъ аминь.

СКАЗКА ПРО ЕРША ЕРШОВИЧА СЫНА ЩЕТИННИКОВА. [1])

Прибѣднялось Ершишкѣ во своемъ углу,
И пошелъ онъ, Ершишко, во Камъ-рѣку,
А съ Камъ-рѣки да во Тросъ-рѣку,
А съ Тросъ-рѣки во озеро во Кубенское,
А съ Кубенскаго въ Бѣлозерское,
Съ Бѣлозерскаго въ Карбозерское,

[1]) Происхожденіе сказки объ **Ершѣ Щетинникѣ** должно быть отнесено къ XVI столѣтію. Формы словеснаго судопроизводства этой эпохи сохранены въ сказкѣ съ поразительною вѣрностію. Это - мѣткая сатира надъ стариннымъ сутяжничествомъ и ябеднической изворотливостію. Сказка объ Ершѣ составляла въ старину любимое чтеніе и, вмѣстѣ съ другими повѣстями, сохранилась до насъ въ рукописныхъ сборникахъ и даже перешла на лубки. Она была распространена между читающимъ и не читающимъ людомъ (А. Н. Аѳанасьевъ). Здѣсь эта сказка приводится въ стихотворномъ переложеніи В. В. Крестовскаго.

Со Карбь-озера во Ростовское.
Закричалъ Ершишко зычнымъ покрикомъ:
„А и миръ вамъ, лещи, жильцы ростовскіе!
И тебѣ, рыба севрюга, язи, головли,
И тебѣ, плотичка—сиротичка мелкая!
А пустите погулять меня во озеро;
Мнѣ, Ершу, у васъ не годъ годовать,
А единый только часъ часовать:
Со великаго пути на роздыхъ роздыхнутися,
Добрымъ словомъ съ вами перекинутися!“
Разступилася рыбица озерская,
Пропущала человѣка дорожнаго.
А Ершишко-то гдѣ часъ часовалъ,
Тамъ, гляди, и темну ночь ночевалъ,
А отъ темной ночки да двѣ ночи,
Отъ двухъ ночекъ да недѣли двѣ,
Отъ двухъ недѣль два мѣсяца,
Отъ двухъ мѣсяцевъ да годъ годовалъ,
А отъ года жилъ онъ тридцать лѣтъ.
Сыновей поженилъ, дочки—замужемъ.
Сталъ по озеру разгуливать,
А ростовскихъ жильцовъ распугивать,
Что по тинамъ, по плотинамъ, да по омутамъ:
Три-года лещи не обѣдывали,
Три-года язи водицы не пивывали,
Свѣту бѣлаго севрюга не видывала...

Живой рыбѣ то въ обиду показалося:
Собиралася она на соймище,
Во единый кругъ, въ избу земскую,—
Жеребьи она закладывала,
Кому быть имъ судьѣ праведному?—
Быть судьѣ Петру—осетру великому!..
Пошла рыба просить на обидчика.
Лещъ отъ міра челобитной кланялся:
„Господамъ: Осетру—Петру великому
И Бѣлугѣ—бѣлой рыбицѣ
Бьетъ челомъ отъ рыбъ озера Ростовскаго
Лещъ боярскій сынъ со товарищи,
На Ерша Ершова сына Щетинникова,
Намъ обидчика злого и ябедника:
Искони за нами было и значилось
Здѣшней области озеро Ростовское,
А тотъ Ершъ обидчикъ злой Щетинниковъ
Онъ отбилъ отъ извѣчной насъ вотчины,
Отнялъ наши стары жирова;
Самъ онъ хоть малъ, а щетины колючія,
Аки люты рогатины, намъ убытчивы,
Понѣже тѣми щетинами
Наши бока онъ подкалываетъ.
А лукавствомъ жить—намъ не по совѣсти,
И тягаться съ лихими людьми не охотчиво,
А хотимъ мы быть оборонены
И вами, судьями, оправлены.
При семъ челобитьѣ и руку приложилъ
Жильцовъ озера Ростовскаго
Лещъ боярскій сынъ со товарищи“.

Какъ сидѣли тутъ у дѣла суднаго
Самъ судья Осетръ—праведный
И Бѣлуга—бѣла рыбица,
А дьякомъ сидѣлъ брюхатый Мень,
А доводчикомъ былъ пятисотскій Карась,
Съ дѣла суднаго списокъ Вьюнъ писалъ,
Онъ же правилъ и за разсыльнаго,
Ракъ печати клалъ клешнею сильною,
А сидѣлъ у печати переславскій Вандышъ.
Шлетъ судья по Ерша нарядъ:
Наряжаетъ онъ приставомъ Окуня,
Въ пятисотскіе Карася даетъ,
Семь Молей—понятыхъ людей,
Государскіихъ посыльщиковъ;
Вьюнъ тутъ правилъ за разсыльнаго.
Привели Ерша предъ очи осетриныя—
Ершъ стоитъ—говоритъ да съ повадкою:

—„Государь ты, Петръ—Осетръ праведный,
Почему меня повѣщали на судъ?“

—„Потому тебѣ, Ершишкѣ сынъ Щетинникову,
На судъ нашъ было оповѣщено,
Что чинишь ты намъ обиды многія,
И неправдой овладалъ Ростовскимъ озеромъ“.—

Ершъ стоитъ—говоритъ да съ повадкою:

—„Какъ могу владать неправдою!
А владаю потому я озеромъ,
Что горѣло оно, озеро, снизу до верху
Съ Петрова дня по Ильинъ по самый день,—
А выгорѣло оно—запустѣло все,
И отъ той поры за мной отчислено.“

—„Ни во вѣки озеро не гаривало,“
Говоритъ Осетръ—праведный:
„Есть ли въ томъ у тебя свидѣтели,
Московски крѣпости, письменны грамоты?“

—„Есть у меня въ томъ свидѣтели,
Московски крѣпости, письменны грамоты:
Сорога—рыба на пожарѣ была,
Глаза запалила—и по нынѣ красны“.

Шлютъ за рыбой за Сорогою.
Не дошедши Осетра, Сорога кланялась:
„Здравствуй-де, осударь ты Петръ праведный“.

—„Вдовѣ честной, Сорогѣ-рыбѣ, здравствовать,
Говоритъ на то Осетръ—Петръ:
„Гаривало наше озеро Ростовское
Съ Петрова дня по Ильинъ по самый день?“

—„Ни во вѣкъ-то озеро не гаривало,
Не по правдѣ Ершъ показываетъ;
Потому Ерша кто знаетъ—вѣдаетъ,
Завсегда безъ хлѣба тотъ обѣдаетъ...“
Такъ Сорога имъ отвѣтъ дала.

Еще пуще разъершился Ершъ,
На милость Божью уповаючи.—
„Есть же, говоритъ, у меня свидѣтели,
Московски крѣпости, письменны грамоты:
Щука-рыба на пожарѣ была,
Головешки носила—и по нынѣ черна“.

Шлютъ за рыбою за Щукою.—
Не дошедши Осетра, Щука кланялась.
Что Сорога на Ерша доказывала,
То и Щука-рыба выговаривала,
Да къ тому-жъ еще примолвила,
Что того Ерша знаютъ--вѣдаютъ
Люди знатные да богатые,
Что съ одной полушкой водятся,
Да не столько наѣдятъ Ерша,
Сколько даромъ расплюютъ его“...

То Ершу въ обиду показалося,—
Еще пуще сталъ выкрикивать:
„Я, честные судьи, Божьей милостью,
И отца своего благословеніемъ,
И матерними теплыми молитвами
Не смутщикъ, не разбойникъ и не тать,
И въ приводѣ нигдѣ не бывалъ,
А живу я не чужой—своею силою.
На Москвѣ и всюду я знаемъ и вѣдаемъ.
А князи-бояре, дворяне и стольники,
Жильцы московскіе и подъячіе,
И всякаго чина люди покупаютъ меня;
Покупаютъ дорогой цѣной, да съ перцемъ варятъ,
Передъ собой честно на столъ поставляючи,
И съ похмелья добры люди меня кушаютъ,
А кушавши поздравляютъ и прихваливаютъ.
А что озеро Ростовское
Нашихъ дѣдовъ старина было,
Въ томъ у насъ есть и свидѣтели,
Московски крѣпости, письменны грамоты:
Сомъ съ большимъ усомъ на пожарѣ былъ,
А ему и дѣло вѣдомо.“

Привалили къ Сомъ-рыбѣ посыльщики:
„На тебя-де позывъ къ Осетру—Петру!“
Тутъ имъ слезно Сомъ выговаривалъ:
„Охъ повольте, братцы, не ходить на судъ,
Нате гривну вамъ на волокиту, на труды,—
У меня у Сома губы толстыя,
А глаза подслѣповатые,
Брюхо большое да пузатое;
А и въ городѣ я въ вѣкъ не бывалъ,
Передъ судьями не стаивалъ,
Говорить я не умѣю—не ученъ,
Да и кланяться поклономъ не смогу.“

Принимали гривну посыльщики,
А Петру—Осетру докладывали:
„Искали-де Сома, да нигдѣ не нашли,
А сказываютъ, рыбаки ростовскіе
Изловили его неводомъ.“

Тутъ Ершишко Петру поклоняется:

„Прикажи-де, осударь, въ правдѣ судъ творить!
Нѣтъ свидѣтеля—и доклада нѣтъ.
А Лещи и сами обидчики:
Жили на днѣ они сосѣдями,
Только на свѣтъ не выхаживали;
А теперь межи-борозды повытерлись,
По омутамъ затерялися,
Берега водою подмыло:—
Не дознаться правды-истины.
А поволь ты рыбакамъ наисвѣдущимъ
Позакинутъ часты неводы,
Погони ты рыбу всю въ одно устье,
Тонкій неводъ—что боярскій дворъ:
Какъ войти—ворота широкія,
А какъ выйти—узки, не выскочишь.
Ну, вѣдь правый не останется,
А неправдѣ тутъ и торгова казнь!“

По Ершову слову повелѣлъ Осетръ:
Всѣ истцы такъ въ неводѣ и осталися,
А отвѣтчикъ на починъ попалъ.—
Шевельнулся-ворохнулся онъ,
Да глазенки, благо, вытаращилъ—

И стоитъ ужъ предъ Петромъ—Осетромъ:
„Разсуди, молъ, ты по правдѣ теперь,
Кто межъ нами правъ—виноватъ?“

Петръ-Осетръ за правду кланялся,
Со почетомъ отпускалъ Ерша;
А Ершишко похваляется,
Что всѣхъ рыбъ онъ умнѣй да увертливѣй.

Какъ ужъ шелъ тутъ Любимъ,
Похвалы Ершовой не взлюбилъ;
Онъ послалъ Першу
Заложить вершу;
Пришелъ Богданъ,
Ерша Богъ далъ;
Пришелъ Павелъ,
Котелъ поставилъ;
Пришелъ Глѣбъ,
Принесъ хлѣбъ;
Пришелъ Устинъ,
Ерша въ воду упустилъ.
А Ершъ оттолѣ и разгуливаетъ,
Божью милость славословячи...

В. Крестовскій.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

РУСЬ

ИМПЕРАТОРСКАЯ, ПРЕОБРАЗОВАННАЯ,

ВСЕРОССІЙСКАЯ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ОТЕЦЪ ОТЕЧЕСТВА,

ЦАРЬ-РАБОТНИКЪ

ПЕТРЪ I-й АЛЕКСѢЕВИЧЪ ВЕЛИКІЙ,

ИМПЕРАТОРЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ.

(ПРЕОБРАЗОВАНІЕ РОССІИ И ПРИСОЕДИНЕНІЕ ЕЯ КЪ ЕВРОПЕЙСКИМЪ ГОСУДАРСТВАМЪ.)

(1672 г.—1725 г.)

На что въ Россіи не взгляни, все его (Петра) началомъ имѣетъ, и чтобы впредь ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ.

Неплюевъ.

Великій анатомъ (Петръ)
Разсѣкъ Россіи одряхлѣвшей тѣло,
Перемѣнилъ ей внутренность гнилую,
Сложилъ ея очищенные члены,
Искусно все перевязалъ порядкомъ,
За плеча поднялъ, на ноги поставилъ,
И—степь Московская, Китай Европы,
За дивныя заслуги государя,
Въ имперію возведена соборне!

Н. Кукольникъ.

ПРАВЛЕНІЕ ЦАРЕВНЫ СОФЬИ И ВОЦАРЕНІЕ ПЕТРА.

(1682 г.—1689 г.—1700 г.)

РОЖДЕНІЕ ЦАРЕВИЧА ПЕТРА АЛЕКСѢЕВИЧА.

(народная пѣсня)

(30 мая 1672 г.)

Когда свѣтелъ-радошенъ во Москвѣ
Благовѣрный царь Алексѣй царь Михайловичъ,
Народилъ Богъ ему сына царевича,
(Царевича) Петра Алексѣевича,
Перваго императора по землѣ.

Всѣ-то Русскіе какъ плотники-мастеры
Во всю ноченьку не спали,—
Колыбель-люльку дѣлали
Они младому царевичу;
А и нянюшки-мамушки,

Сѣнныя красныя дѣвушки
Во всю ноченьку не спали,—
Шириночку вышивали
По бѣлому рытому бархату
Онѣ краснымъ золотомъ.
(А и) тюрьмы съ покаянными—
Они всѣ распущалися,
А и погребы царскіе—
Они всѣ растворялися.
У царя благовѣрнаго
Еще пиръ и столъ на радости,
А князи сбиралися,
Бояра съѣзжалися
И дворяне сходилися;
А все народъ Божій на пиру
Пьютъ-ѣдятъ, прохлаждаются.

Во весельи въ радости
Не видали, какъ дни прошли,
Для младого царевича,
Петра Алексѣевича,
Перваго императора.

ГИБЕЛЬ ИВАНА НАРЫШКИНА.

(изъ драмы „Максимъ Сумбуловъ.")

(17 мая 1682 г.)

Во дворцѣ у Натальи Кирилловны. Наталья Кирилловна и царица Мароа Матвѣевна. [1])

Царица Мароа.

Не плачь, не плачь, царица, все пройдетъ;
Поможетъ Богъ, утѣшишься.

Царица Наталья.

Да развѣ
Мнѣ мыслимо утѣшиться, когда
Всѣхъ близкихъ мнѣ терзаютъ, убиваютъ!
Утѣшиться! Нѣтъ утѣшенья мнѣ.
Матвѣева изъ рукъ моихъ со смѣхомъ,
Съ проклятьями, со злобой вырываютъ,
И тутъ при мнѣ...
О нѣтъ, я не могу
Безъ страшныхъ мукъ объ этомъ вспомнить—
слезы
Мнѣ не даютъ сказать... онъ былъ такъ добръ!
Я такъ его любила, почитала!
И тутъ при мнѣ, ты слышишь? при царицѣ,
Стрѣльцы его убили. Я молила
И плакала; своею женской силой
Старалася спасти его... но нѣтъ.
Лишь кровь его мнѣ на руки попала.

Мароа.

Несчастная!

Наталья.

Охъ, Мароинька, мнѣ тяжко.
Вотъ третій день, какъ я дрожу, съ тѣхъ
поръ
Мнѣ слышится стрѣльцовъ свирѣпый хохотъ,
Ужасный звонъ зловѣщаго набата,
Лязгъ копій и стенанье бѣдныхъ жертвъ.
За что сіе мнѣ Боже! Прегрѣшеній
Столь тяжкихъ, нѣтъ и не было на свѣтѣ,
Которыя такое искупленье
Влекли-бы за собой.
Вѣдь я царица, Мароа.
Надъ сыномъ я правительница вѣдь;
Вѣдь я должна быть сильной и могучей
И всѣ должны передо мной дрожать,
А вышло, что я лишь стрѣльцовъ рабыня,
Что всякъ изъ нихъ могучѣе меня
Лишь потому, что насъ никто не любитъ,
Нарышкиныхъ несчастныхъ. Наше имя
Насъ губитъ, какъ какое-то клеймо
Позорное. Я стала на колѣни
Предъ ними, да молила о пощадѣ,
И надо мной, Московскою царицей,
Смѣялися стрѣльцы.
Кругомъ меня
Трусливые столпилися бояре,
Никто помочь мнѣ не посмѣлъ. Черкасскій
Хотѣлъ спасти Матвѣева, но что
Могъ сдѣлать онъ одинъ? [1])
Вчера опять пришли
Они сюда и требовали брата
Къ себѣ, убить хотѣли, и за что?
Онъ никому не сдѣлалъ худа. Ваня,
Мой бѣдный, чѣмъ ты Господа прогнѣвалъ?
Чѣмъ я его такъ сильно прогнѣвила?

---

[1]) Царица **Марія Матвѣевна** (изъ рода **Апраксиныхъ**), вторая супруга царя Θеодора Алексѣевича, была замужемъ два съ половиною мѣсяца, съ 14 февраля по 27 апрѣля 1682 года.

[1]) Князь **Михаилъ Черкасскій**, забывъ о страшной опасности для жизни, отнялъ Матвѣева изъ рукъ стрѣльцовъ и, упавъ на него, прикрывалъ его собою. Но расходившіеся стрѣльцы вырвали Матвѣева изъ-подъ Черкасскаго, бросили съ Краснаго крыльца на площадь и съ варварскимъ тиранствомъ разрубили бердышами (изъ записокъ гр. А. Матвѣева).

Мароа.

Улягутся всѣ смуты. Будетъ снова
Попрежнему все тихо на Москвѣ.

Наталья.

Воскреснутъ ли Матвѣевъ и другіе?
Увижу-ль я ихъ снова? Никогда!
Такъ какъ же ты сказала, что все будетъ
Попрежнему спокойно. А вотъ здѣсь,
Въ груди моей, въ душѣ, покойно-ль будетъ
Когда нибудь? Ты думала объ этомъ?
Возможно ли когда нибудь забыть
Про все, что я перестрадать успѣла
Въ два дня? И тѣмъ ли кончится—не знаю?
Вѣдь караулъ стрѣлецкій у Кремля
Остался; вѣдь они опять, быть можетъ,
Придутъ сюда и будутъ звать Ивана
Кириллыча къ себѣ на судъ кровавый,
Разбойники! А власти нѣтъ какъ нѣтъ!
Запуганы бояре, слуги также;
Они могли-бъ меня спасти, но страшно
Имъ за себя. Осталась я царицей
Безъ слугъ и безъ совѣтниковъ.
О, Петръ, мой Петръ! О, сынъ мой дорогой!
Въ тяжелый часъ родился ты, должно быть,
Въ тяжелый день на царство избранъ былъ.
Стрѣлецкою ты сдѣлался потѣхой!
Ты точно такъ, какъ я, ихъ не забудешь,
Стрѣльцовъ своихъ и преданныхъ бояръ.
Когда нибудь, быть можетъ, будетъ сила
Въ твоихъ рукахъ, ты будешь царь взаправду.
Тогда-то ты ихъ вспомнишь хорошо
И тяжкою карующей рукою
Придавишь ихъ, чтобъ знали, какъ опасно
Шутить съ тобой, пока ребенокъ ты.

Мароа.

Тебѣ, ему вѣдь худа не желаютъ,
А только тѣмъ, что близко къ вамъ стоятъ.

Наталья.

Ты о стрѣльцахъ мнѣ говоришь, а развѣ
Стрѣльцы одни во всемъ виновны? Нѣтъ!
Измѣнница—царевна Софья. Вотъ
Измѣнница! Когда она подходитъ
Ко мнѣ, тогда мнѣ тяжело и больно;
Я чувствую, что врагъ мой, ненавистникъ
Гнететъ меня своимъ холоднымъ взглядомъ
И рѣзкостью безжалостныхъ рѣчей.
Въ ней что-то есть такое, что мнѣ ясно
Твердитъ: она твой злѣйшій врагъ. Смотри!
Небось, она теперь довольна. Какъ-же!
Чего-же ей, чего-же ей еще!
Иль мало слезъ, боярской мало крови
Лилось кругомъ для счастія ея.

Мароа.

Не слишкомъ ли ты горе растравляешь
Свое? Теперь все страшное прошло,
Не жди бѣды, когда бѣда минула.

Наталья (задумчиво).

Я никогда о счастьи не мечтала
Въ тѣ дни, когда была у Артемона
Сергѣича. Не чаяла себѣ
Я почестей высокихъ, царскихъ. Развѣ
Могла я знать, что приглянусь царю,
Что буду я царицей. Я мечтала
О тихихъ дняхъ той радости покойной,
Что мнѣ всегда была такъ по душѣ,
О радости покойной... тихихъ дняхъ!
Не всѣ мечты сбываются, подруга,
Не всѣ мечты.
Зачѣмъ я полюбилась
Покойному тишайшему царю?
Тишайшій царь въ кровавыя невзгоды
Повергъ меня, несчастную, на вѣкъ.
Кабъ сдѣлалась женой боярской, право,
Была бы я счастливѣе.

Мароа.

Вездѣ
Есть горести, отъ скорби нѣтъ спасенья.

Наталья.

Я знаю, но бываютъ у другихъ
Надежды. Для меня ужъ нѣтъ надеждъ.
Мнѣ кажется, что мнѣ грозитъ несчастье
Стократъ сильнѣй того, что я узнала,
Хоть мнится, что нельзя сильнѣй страдать.
Вѣдь я боюсь за брата, за Ивана.
Коль захотятъ стрѣльцы, придутъ сегодня
Опять сюда безжалостной ватагой,
И не спасти его намъ въ третій разъ.
(Слышенъ набатъ и барабанный бой.)
Что это! да .. Стрѣльцы! Ты слышишь!..
Мароа!
Свершилося предчувствіе мое!
Идутъ они, проклятые, за кровью.

Мароа (, посмотрѣвъ въ окно).

Они! Они!

(Все время, до конца картины, слышны за сценой крики стрѣльцовъ, которые порой затихаютъ, порою дѣлаются сильнѣе.)

Наталья.

О, Боже! Боже! Боже!
Нѣтъ правды на землѣ да и на небѣ
Ужъ больше нѣтъ ея!

Клушина (вбѣгая). [1])

Стрѣльцы! Стрѣльцы
Идутъ сюда!

Марѳа.

О, Господи!

Клушина (Натальѣ).

Царица,
Ты схоронись отъ нихъ куда нибудь
Подальше, чтобъ безбожники...

Наталья.

Не стану
Я прятаться! Достаточно уже
Я въ эти дни предъ ними унижалась!
Да не боюсь я вовсе за себя,
За брата лишь боюсь.

Марѳа (Клушиной).

Гдѣ онъ теперь?

Клушина.

Въ чуланѣ подъ перинами, царица,
Боярина я схоронила. Тамъ
Его никто навѣрно не отыщетъ.

За сценой крики: Ивана Нарышкина! Душегубца выдайте намъ. Царя Ѳедора зельемъ опоилъ. Сюда его!

Апраксинъ (входя).

Опять пришли!

Марѳа (, кидаясь къ нему).

Андрюша, дорогой!
Ты помоги царицу успокоить,
Она совсѣмъ изнемогла отъ горя,
Сердечная.

Апраксинъ.

Несчастная царица! (Натальѣ.)

[1]) **Клушина**—вѣрная постельница царевны Натальи Алексѣевны.

Царица, ты не бойся за Ивана
Кириллыча. Онъ схороненъ надежно,
Его никто, навѣрно, не найдетъ.
Чтожъ... покричатъ стрѣльцы, уйдутъ домой;
Не въ первый разъ они за нимъ приходятъ,
Не въ первый разъ уходятъ безъ него.

Марѳа.

А завтра ты его отправь, царица,
Куда нибудь подальше отъ Москвы.
Мы такъ спасемъ его.

Апраксинъ.

Потомъ вернется
Онъ къ намъ, когда мы смуту уничтожимъ.
Дай время намъ, не вѣкъ же намъ дрожать.

Наталья.

Спасибо вамъ, друзья, за ваши рѣчи,
За добрыя. Хочу тому повѣрить,
Что брата вы спасете моего,
А между тѣмъ не вѣрится, мнѣ страшно.

(Входятъ Голицынъ и Одоевскій.)

За братомъ вы пришли сюда, не правда-ль?
Не терпится вамъ, бѣдные. Скорѣй
Вамъ хочется избавиться отъ брата—
Отъ моего. Меня вы не рѣшитесь
Убить, такъ вы кругомъ меня стрѣльцами
Очистите Москву отъ сродственниковъ всѣхъ
Моихъ и всѣхъ людей мнѣ близкихъ. Правда!

Голицынъ.

Къ тебѣ пришли мы, чтобъ тебѣ защитой
Быть, коль сюда придутъ стрѣльцы.

Наталья.

Защитой!
Матвѣева сумѣли защитить!

Голицынъ.

Намъ не одно, что ты и что Матвѣевъ.

Одинъ бояринъ (вбѣгая).

Стрѣльцы шумятъ, бунтуютъ и кричатъ,
Чтобъ выдали имъ...

Наталья.

Знаю, знаю... брата.
О, Господи! Нѣтъ больше силъ терпѣть!

(Входятъ Софья и Хованскій.)

Софья.

Ты слышишь,
Шумятъ... Стрѣльцы безъ крови на рукахъ
Вѣдь не уйдутъ сегодня.

Наталья.

Да! Я слышу,
Шумятъ они. Они кричатъ: давайте
Боярина Нарышкина Ивана
Кириллыча, царицы нашей брата,
На судъ стрѣльцовъ! Мы копьями заколемъ
Его, потомъ зарубимъ бердышами,
По всей Москвѣ воронамъ на съѣденье
Боярскіе останки раскидаемъ.
Я слышу то, но громче всѣхъ мнѣ слышенъ
Твой голосъ, ты страшнѣе всѣхъ кричишь:
Убейте всѣхъ Нарышкиныхъ, убейте!
Я знаю, что тебѣ угодно, знаю!
Ты хочешь, чтобъ я выдала стрѣльцамъ
Ивана...

Софья.

Да, другого нѣтъ исхода.
Иль онъ одинъ погибнетъ, или всѣ
Погибнемъ мы. Брату твоему
Вѣдь не отбыть отъ рукъ стрѣлецкихъ. Намъ же
Не погибать изъ за него.

Наталья (на колѣняхъ).

Царевна,
Молю тебя, ты сжалься надо мной!
Спаси его, тебѣ сіе возможно!

Софья.

Въ твоей бѣдѣ помочь я не могу.
Сегодня не уйдутъ стрѣльцы отсюда
Безъ твоего возлюбленнаго брата.
(Въ дверяхъ показывается Нарышкинъ съ образомъ на груди).

Наталья.

О! Ваня мой!

Нарышкинъ.

Сестрица дорогая!
Что дѣлать мнѣ? Бояре мнѣ велятъ
Итти къ стрѣльцамъ.

Наталья.

Въ послѣдній разъ обнимемся мы, Ваня!
Что дѣлать, коль такъ надо, будемъ храбры;
Вѣдь каждому скончаться суждено.

Нарышкинъ.

Мнѣ не избыть судьбы своей жестокой,
Какъ мученикъ безвинный, я умру.

Наталья.

Не говори, что ты умрешь... нѣтъ, Ваня,
Мы такъ съ тобой на время разстаемся,
Увидимся мы снова, вѣдь... и такъ
Увидимся когда нибудь... Недолго
Ты будешь тамъ, ты знаешь, безъ меня.
Ты видишь, я не плачу, я спокойна.
Я, знаешь ли, привыкла въ эти дни
Ужъ ко всему и, если я страдаю,
Мнѣ кажется, что такъ и надо, да!

Софья (Голицыну насмѣшливо).

Ты блѣденъ князь!

Нарышкинъ.

Прощай, прощай, Наталья!
Ты не терзай себя, вѣдь не помогутъ
Намъ слезы, коль несчастье не избѣжно.
Иду на смерть спокойно.

Наталья.

Мнѣ хочется съ тобою
Отъ всей души разбитой попрощаться
И выплакать слезы послѣдней горечь.
(Крики стрѣльцовъ усиливаются.)

Одоевскій.

Ужъ сколько ты, царица, не жалѣй,
А все тебѣ его отдать придется.
Скорѣй бы шелъ ты къ нимъ, Иванъ Кирил-
лычъ! [1])

Нарышкинъ.

Велятъ итти, прощай, Наташа!

Наталья.

Боже!
Проститься намъ съ тобою не дадутъ,
Какъ слѣдуетъ. А я и не успѣла

[1]) Князь **Яковъ Никитичъ Одоевскій**, знатный и престарѣлый бояринъ, по природѣ человѣкъ добрый, но робкій и торопливый, видя длинные проводы, подошелъ къ царицѣ и сказалъ: «Сколько вамъ, государыня, брата не держать, а отдать его надо будетъ», а потомъ, оборотясь къ Нарышкину, сказалъ: «Иди скорѣе, Иванъ Кирилловичъ, не погибать же намъ всѣмъ здѣсь изъ-за тебя».

Сказать всего. Такъ много слезъ и словъ...

(Прижимаясь къ Нарышкину, нѣжно.)

Мой милый братецъ!

(Быстро отходитъ отъ него.)

Нѣтъ! уходи! Я больше не могу...
Не подходи, со мною не прощайся;
Я и взглянуть боюся на тебя.
Иди! Иди! Прощай! Прощай! Прощай же!

Нарышкинъ (беретъ образъ у Апраксина).

(Натальѣ) Прости (Всѣмъ). И вы простите.

(Уходитъ).

Наталья.

Боже! Боже!

За сценой громкіе крики стрѣльцовъ, увидавшихъ Нарышкина. Царица Наталья падаетъ въ обморокъ.

Д. Чертковъ.

СТРѢЛЕЦКОЕ СКАЗАНЬЕ О ЦАРЕВНѢ СОФЬѢ.

(5 іюля 1682 г.)

Какъ за чаркой, за блинами
Потѣшались молодцы,
Надъ потѣшными полками
Похвалялися стрѣльцы!

„Гдѣ ужъ вамъ, преображенцы
Да семеновцы, гдѣ вамъ,
Мелочь, Божіи младенцы,
Намъ перечить, старикамъ! [1])

— Съ слободой своей Нѣмецкой, [2])
Да съ своимъ царемъ Петромъ,
Мы, молъ, весь приказъ стрѣлецкій,
Всѣхъ въ бараній рогъ согнемъ!

—Всѣхъ, и самую царевну!—
Нѣтъ ужъ тутъ, голубчикъ, врешь!
Нашу Софью Алексѣвну
Обойдешь да не возьмешь!

Даромъ, что родилась дѣвкой,—
Да иной разъ такъ пройметъ
Молодецкою издѣвкой,
А какъ въ духѣ, да взмахнетъ

Черной бровью соболиной—
Пропадай богатыри!
Умеръ, право-бъ, заедино,
Если-бъ молвила „умри!“

Грѣхъ бывалъ и между нами,
Какъ о вѣрѣ вышелъ споръ,
И ходили съ чернецами
Въ царскій Кремль мы на соборъ—

Бунтовское было дѣло!
Да вѣдь сладила! какъ разъ
Словомъ вышибить умѣла
Дурость всякую изъ насъ!

Будемъ помнить мы дни оны!..
Вышли наши молодцы;
Впереди несутъ иконы
Со свѣчами чернецы...

Не сказали-бъ, такъ узнала-бъ
Вся Москва ихъ! старики!
Не на-отмашь, низко на лобъ
Надѣвали клобуки;

Не развалисты въ походкѣ,
А согбенные идутъ;
Не дерутъ, разиня глотки,
Тихимъ голосомъ поютъ.

Умилился людъ московскій,
Повалилъ за нами, претъ,
И на площади Кремлевской,
Что волна, забилъ народъ.

А ужъ тамъ, во Грановитой,
Всѣ насъ ждутъ: царевны, дворъ,
Патріархъ, митрополиты,
Освященный весь соборъ.

Старцы свѣчи возжигали,
И Евангелье съ крестомъ
На амвоны полагали,
И царевнѣ бьютъ челомъ:

„Благовѣрная царевна!
Солнце Русскія земли!

---

[1]) Два первыхъ гвардейскихъ полка, Преображенскій и Семеновскій, составились изъ *потѣшныхъ* ротъ Петра.

[2]) **Нѣмецкая слобода** въ Москвѣ, на правомъ берегу Яузы. Здѣсь изстари, еще при Іоаннѣ Васильевичѣ, поселены были иноземцы разныхъ вѣръ и націй, преимущественно плѣнники и выходцы ливонскіе, которые продажею вина, пива и меду такъ разбогатѣли, что жены ихъ могли носить шелковыя и бархатныя платья. Въ Московское разореніе эта слобода запустѣла, но съ 1651 г., по приказу царя Алексѣя Михайловича, всѣ иностранцы были выселены за Земляной городъ, «гдѣ бывала старая Иноземская слобода.» Лѣтъ черезъ десять обширные пустыри, пахатныя поля и огороды между ручьемъ Кукуемъ и рѣчкою Яузою обстроились красивыми деревянными домами, въ видѣ многолюднаго села, раздѣленнаго на нѣсколько частей просторными улицами, съ садами и огородами. Оно получило отъ правительства наименованіе Новоиноземской Слободы; обыкновенно же называлось Нѣмецкою Слободою. (Устряловъ. Исторія царств. Петра В., т. II, стр. 107—8.)

Свѣтъ-Софія Алексѣвна,
Государыня! вели,

„Чтобъ у насъ быть разсмотрѣнью
Съ патріархомъ о дѣлахъ
По церковному строенью
И о Никоновыхъ лжахъ!

„Процвѣтала церковь наша,
Аки райскій кринъ, полна
Благодати, яко чаша
Пресладчайшаго вина!

„Утверждалася на книгахъ,
Ихъ же имемъ отъ мужей,
Проводившихъ жизнь въ веригахъ
И въ умертвіи страстей;

„Ихъ же чтеніемъ спасались
Благовѣрные цари,
И цвѣли, и украшались
По Руси монастыри;

„Но реченный Никонъ волкомъ
Вторгся въ оный вертоградъ
И своимъ безумнымъ толкомъ
Ниспровергъ церковный ладъ!

„Аки римская блудница
На драконѣ возсѣдя,
Рекъ: „нѣсть Бога! (кровопійца!)
„—Азъ есмь Богъ, и вся моя!“

„И святыя книги рушилъ...“
Ну,—и началъ все мутить...
Патріархъ ихъ слушалъ, слушалъ,
Подымался говорить,—

Да куда!.. изъ-за владыки
Ну выскакивать попы...
Брань пошла, мятежъ и крики!
На дворѣ—ревутъ толпы,

Вкругъ царевенъ—натерпѣлись
Ужъ бѣдняжки!—мужики,
Чернецы орутъ, зардѣлись,
Поскидали клобуки,

Всѣ-то съ взбитыми власами,
Очи кровью налиты,
И мелькаютъ надъ главами
Палки, книги и кресты!..

Ждетъ царевна, не дождется,
Чтобъ затихли; то впередъ,
Словно лебедь, къ нимъ рвается,
Образумливать учнетъ;

„Замутили царствомъ бабы,“
Голосятъ кругомъ,—ахти!
„Государынямъ пора бы
Въ монастырь давно итти!“

Слыша то, и глянувъ гнѣвно,
И отдвинувъ тронъ златой,
Вся зардѣвшися, царевна
Удалилась въ свой покой.

Съ барабаннымъ вышли боемъ
Изъ Кремля мы: вдругъ приказъ,—
Чтобъ къ царевнинымъ покоямъ
Выслать выборныхъ тотчасъ.

Ночью, съ фонарями, ровно,
Тихо вышла на крыльцо;
Такъ-то ласково—любовно
Обратила къ намъ лицо...

Видѣлъ тутъ ее я близко:
Бѣлый съ золотомъ покровъ,
А на лбу-то—низко, низко,
Вязь изъ крупныхъ жемчуговъ...

„Если мы вамъ не угодны,“
Говоритъ—„весь царскій домъ,
Мы объявимъ всенародно,
Что изъ царства вонъ уйдемъ!

„У волоховъ иль цесарцевъ,—
Гдѣ-нибудь найдемъ пріютъ...
Вы смѣняли насъ на старцевъ,
Давнихъ сѣятелей смутъ.

„Пусть на нихъ падетъ и царство!
Но въ вину не ставьте намъ,
Коль сосѣди государство
Все растащутъ по клочкамъ.

„Коль поляки съ ханомъ Крымскимъ
Русь подѣлятъ межъ собой:
Поклоняйтесь папамъ римскимъ!
Басурманьтесь съ татарвой!

„Мы въ церквахъ положимъ вклады
И поклонимся мощамъ,
Да и съ Богомъ!..“ Всей громадой
Пали мы къ ея ногамъ:

— Что ты, матушка, какое
Слово молвишь,—говоримъ:—
Слово—самое пустое!
Нешто мы того хотимъ!

Знаемъ мы: безъ государей
Каковы дѣла пойдутъ!

Заѣдятъ народъ бояре
Да въ латинство поведутъ!..

Все тѣ старцы-лиходѣи!
Чтобы пусто было имъ!
Нешто мы архіереи?
Что мы въ книгахъ разглядимъ?

Ты ужъ смилуйся, пожалуй,
Хоть жалѣючи Земли!..
А за грубость—насъ до малу
Жестоко́ казнить вели!“ —

Ждемъ, что̀ скажетъ?.. И сказала:
„Встаньте! вѣрныхъ россіянъ
Вижу въ васъ! Я такъ и знала!..
Бойся-жъ насъ ты, Крымскій ханъ!

„Пиръ готовъ, а въ гости бу́демъ!..“ [1])
Мы—„ура!“ на весь народъ,
А она начальнымъ людямъ
„Выйти,—крикнула,—впередъ!“

И велитъ дьякамъ приказнымъ
Награждать кого казной,
А кого имѣньемъ разнымъ,
Соболями аль землей,

„А кого боярскимъ саномъ,—
„А для прочихъ молодцовъ,“
Говоритъ: „три дня быть пьянымъ
Съ нашихъ царскихъ погребовъ!..“

И была гульба въ столицѣ!
Будетъ помнить царскій градъ!..
Чернецы-жъ сидятъ въ темницѣ,
И сидятъ, стрѣльцовъ корятъ:

„Такъ-то вѣру отстояли
Вы, стрѣлецкіе полки!
Прогуляли, промѣняли
На царевы кабаки!“

— Ладно, братцы! щи вамъ съ кашей!
Что братъ, скажешь? хороша?
Лучше нѣтъ царевны нашей!
Вотъ, какъ есть, совсѣмъ душа!“

А. Майковъ.

---

[1]) Въ правленіе Софьи русскія войска два раза хо́дили въ Крымъ и оба раза неудачно.

ПРАВИТЕЛЬНИЦА СОФЬЯ.

I.

Во свѣтлицѣ царской, съ сводами лѣпными,
Съ утварью богатой, съ стеклами цвѣтными,
Возсѣдаетъ—въ креслѣ съ спинкой золоченой,
Въ ферязи парчевой, мѣхомъ опушенной,
Въ столбунцѣ жемчужномъ—Софья Алексѣвна,
И давно ужъ думу думаетъ царевна...
Дышетъ вся фигура силою и властью,
Огненныя о̀чи вспыхиваютъ страстью,
Волей непреклонной—жесткою и твердой,
Губы, раскрываясь, шепчутъ вызовъ гордый...
Какъ? Возможно-ль это? Тамъ, въ Преображенскомъ,
Разсуждаютъ нынче о правленьи женскомъ,
Осуждаютъ дерзко крымскіе походы,
Слабость, неумѣнье, трусость воеводы!
Говорятъ открыто, будто князь Василій, [1])
Что̀ служа отчизнѣ, не щадилъ усилій
Ни въ совѣтѣ думномъ, ни на полѣ бранномъ,—
Отступилъ, постыдно отраженный ханомъ,
Отступилъ, не славой громкою покрытый,
А полками хана дикаго разбитый,—
Все идетъ оттуда! О, гнѣздо ехидны!
Ужъ давно ихъ козни злыя очевидны,
Не угомонилась старая царица:
Подстрекаетъ близкихъ гордая орлица.
Видно, еще мало пролилося крови...
(И у Софьи грозно сдвинулися брови)—
Намекаютъ нынче, что царю, молъ, время
Воспріять со славой государства бремя,
Что землею править женщинѣ не гоже,
Что зазорно это... Попытайтесь, что-же?
Смѣхъ вѣдь! Послѣ многихъ козней безуспѣшныхъ,
Ужъ не Петръ ли юный, во главѣ „потѣшныхъ,“
Бредившій доселѣ мудростью нѣмецкой,
Вздумаетъ бороться съ силою стрѣлецкой?
Ужъ не онъ ли сломитъ силу вѣковую,
Сокрушитъ на вѣки старину сѣдую?..

---

[1]) Бояринъ князь **Василій Васильевичъ Голицынъ**, потомокъ знаменитаго предка своего, слывшаго столпомъ въ Смутное время, выдвинулся въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича и пріобрѣлъ сильное вліяніе на дѣла правленія, хотя и былъ еще въ молодыхъ годахъ. Онъ былъ, безспорно, представительнѣе и способнѣе всѣхъ бояръ, окружавшихъ больного царя. «Къ этому присоединялъ онъ еще далеко не общее всѣмъ тогда образованіе, дававшее ему извѣстную широту взгляда.»

Усмѣхнулась тихо Софья Алексѣвна,
Просіяли очи, что̀ глядѣли гнѣвно,
Какъ сіяетъ солнце изъ-за тучъ порою.
Только-бъ „онъ“ вернулся!.. Завтра же съ зарею
Въ Троицкую Лавру ей собраться надо—
Отслужить молебенъ, не забыть и вклада
Щедраго въ обитель...
Только бы скорѣе
„Онъ“ домой вернулся!.. И тогда „злодѣи“
Не страшны̀ царевнѣ, не страшны ихъ козни,
Не боится Софья ни боярской розни,
Ни „орлицы“ старой, ни ея „орленка,“
Видя въ самодержцѣ будущемъ—ребенка!

II.

Въ небѣ догорало полымя заката.
Со своею свитой, убранной богато,
Прибыла царевна въ ближнее селенье,
Гдѣ къ ея пріему шли приготовленья
Въ путевой палатѣ,—и прошла въ свѣтлицу.
Яркій свѣтъ лампады озарялъ божницу,
Надъ стариннымъ садомъ ужъ сгущались тѣни,
Изъ окна пахну́ло запахомъ сирени.
И съ глубокимъ вздохомъ, полузаглушеннымъ,
Подошла царевна ко святымъ иконамъ,
Опустяся тихо предъ рѣзнымъ кіотомъ...
Вдругъ чело холоднымъ оросилось потомъ,
И въ очахъ царевны, широко раскрытыхъ,
На чертахъ, смертельной блѣдностью покрытыхъ,
Отразился ужасъ непреодолимый...
Передъ ней въ кіотѣ, вмѣсто ею чтимой
Знаменья иконы, кѣмъ-то издалече
Присланной въ подарокъ,—голова Предтечи
На нее глядѣла неотступнымъ взоромъ,
Что̀ дышалъ, казалось, скорбью и укоромъ!..
Чудится царевнѣ, будто капли крови
Изъ главы сочатся... будто сжались брови
Отъ невыносимо тяжкаго страданья...
И въ умѣ у Софьи вдругъ воспоминанье
Страшное проснулось! Въ этой же палатѣ,
Здѣсь ждала царевна вѣсти о захватѣ
На пути Хованскихъ; здѣсь же безъ боязни
Ожидала Софья ихъ ужасной казни... [1])

Здѣсь, вокругъ поспѣшно возведенной плахи,
На дворѣ толпились стражники, монахи,
Волновалось глухо сборище народу
И гудѣло, словно море въ непогоду...

И среди жестокихъ совѣсти мученій
Развернулся длинный свитокъ прегрѣшеній
Предъ ея очами. Сквозь туманъ кровавый
Передъ ней вставали прежнія расправы,
Рядъ насилій страшныхъ, ею совершенныхъ,
Тѣни жертвъ, безвинно ею осужденныхъ—
Повѣсть роковая тайны и измѣны!
И казалось Софьѣ, будто эти стѣны,
Будто воздухъ самый, вѣтра дуновенье—
Все вокругъ немолчно вопіетъ о мщеньи,
Будто передъ нею выростаетъ мститель,
Будто ужъ раскрылась мрачная обитель,
И судьба сулитъ ей не вѣнца сіянье,
А глухую келью и года̀ страданья.

О. Чюмина.

КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ГОЛИЦЫНЪ. [1])

(народная пѣсня)

Какъ ни куликъ по болотамъ куликаетъ,
То князь Голицынъ по лугамъ гуляетъ
Со своими со стрѣлецкими полками.
Онъ думаетъ, князь,—гадаетъ,
Про все размышляетъ:
„Гдѣ-бъ пройти ему—проѣхать!
„Если полемъ князю ѣхать,
„Ему будетъ пыльно;
„По глухимъ дорогамъ ему ѣхать,—
„Будетъ князю стыдно.“
Вотъ поѣхалъ князь Голицынъ
На Тверскую заставу.

У Тверской ли у заставы
Его оклика̀ли:
„Какъ кто это по дорожкѣ,
„Кто изволитъ ѣхать?“

---

[1]) Начальники стрѣлецкіе князья **Хованскіе Иванъ** (отецъ) и **Андрей** (сынъ) были обвинены въ умыслѣ овладѣть самимъ царствомъ Московскимъ. Ихъ, по приказанію Софьи, схватили, привезли въ село *Воздвиженское*, въ 10 верстахъ отъ Троице-Сергіевской Лавры, и здѣсь обезглавили. Управленіе Стрѣлецкимъ приказомъ, черезъ мѣсяцъ послѣ казни Хованскихъ, Софья ввѣрила думному дьяку *Θедору Леонтьевичу* **Шакловитому**, человѣку твердому, рѣшительному, преданность котораго не разъ уже была испытана царевной.

[1]) Здѣсь воспоминается возвращеніе изъ Крыма въ Москву князя Василія Голицына. Князь сравнивается съ *куликомъ*. Куликъ же, замѣчаетъ П. А. Безсоновъ, благодаря своей фигурѣ, манерѣ и связи своего имени съ древне-праздничными, обрядовыми и торжественными—*куличъ*, *калачъ* и т. п., далъ свое имя длиннымъ поѣздамъ колядскимъ и масленичнымъ (гусемъ, «куликомъ»—говорятъ поляки и бѣлоруссы), гордымъ выступамъ, потѣхамъ и ликованью (куликать).

Отвѣчаетъ князь Голицынъ:
„Здѣшній вашъ начальникъ!“

Подъѣзжаетъ князь Голицынъ
Къ Казанску собору:
Скидываетъ князь Голицынъ
Шапочку соболью,
Полагаетъ князь Голицынъ
Три поклона въ землю;
Помолившись князь Голицынъ
Во Кремль-городъ ѣдетъ.

Какъ подъѣхалъ князь Голицынъ
Ко Кремлевскимъ палатамъ,
Какъ и вышла-то ему на встрѣчу
Матушка царевна,
Матушка царевна—Софья Алексѣвна.

ПАДЕНІЕ СОФЬИ.

(изъ драм. хрон. „Царевна Софья.“)

(1689 г.)

I.

ПОѢЗДКА СОФЬИ ВЪ ЛАВРУ. [1])

Обширный дворъ, обнесенный деревяннымъ частоколомъ. Направо домъ съ широкимъ крыльцомъ, налѣво службы. Группы стрѣльцовъ. На крыльцо выходитъ стрѣлецъ Тума.

Т у м а.

Сбирайся въ путь! Пора! Совсѣмъ стемнѣло.
Огни зажгите!
(Стрѣльцы собираются къ крыльцу.)

О д и н ъ и з ъ н и х ъ.

Сборы-то не долги.

С т р ѣ л е ц ъ Б е з у х і й.

Дойти-дойдемъ. Но приведетъ ли Богъ
Вернуться по добру—да по здорову—
Невѣдомо!

Т у м а.

О томъ узнаешь послѣ,
Когда настанетъ время. А теперь
Раздумывать объ этомъ не годится.
Куда велятъ, туда и путь держи!
Ну, становись въ порядокъ побылому,
Да зажигай огни. Сейчасъ изволитъ
Царевна выйти. (Вполголоса.) Что-то медлитъ очень;
Должно быть не надѣется дойти
Добромъ до Лавры.
(Стрѣльцы зажигаютъ факелы и становятся около крыльца, на которое выходитъ Софья.)

С о ф ь я.

Какъ спустилась быстро
На землю ночь. Пора! Идемъ впередъ!
Недалеко до Лавры ужъ осталось.
(Вбѣгаетъ Головня.)

Г о л о в н я.

Стрѣльцы идутъ!

С о ф ь я.

Откуда?

Г о л о в н я.

Къ намъ навстрѣчу,
Изъ Лавры видно.

С о ф ь я.

Близко?

Г о л о в н я.

Да сейчасъ
Придутъ сюда!

С о ф ь я.

А съ ними кто?

Г о л о в н я.

Не знаю.

С о ф ь я.

И много ихъ?

Г о л о в н я.

Поболѣе, чѣмъ насъ.

Т у м а.

Эй, не зѣвать! Ворота на запоръ!
Да въ бердыши дружнѣе принимайте!
(Стрѣльцы запираютъ ворота и готовятся къ бою.)

---

[1]) Для примиренія съ братомъ Софья прибѣгла къ послѣднему средству: сама рѣшилась ѣхать въ Лавру. Въ селѣ Воздвиженскомъ остановилъ ее стольникъ Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ, объявивъ волю государя, чтобы она въ монастырь не ходила. «Конечно пойду» отвѣчала Софья съ гнѣвомъ. Но вскорѣ прибылъ изъ Лавры бояринъ князь *Иванъ Борисовичъ* **Троекуровъ**, съ рѣшительнымъ указомъ не пускать ее въ монастырь. Съ неукротимой злобой въ сердцѣ Софья возвратилась въ Москву, ночью на 1 сентября. (Устряловъ.)

Софья.

Ты не видалъ, кто ихъ ведетъ?

Головня.

Не знаю.
Но по горлатной шапкѣ домекаю,
Что съ ними есть бояринъ. Вотъ они!

(Слышенъ шумъ шаговъ, затѣмъ раздается стукъ въ ворота.)

Тума.

Кто тамъ?

Голосъ.

Пусти!

Тума.

Откуда?

Голосъ.

Отъ царя!

Тума.

А присланъ кто?

Голосъ.

Бояринъ Троекуровъ.

Тума.

Къ кому идетъ?

Голосъ.

Къ царевнѣ.

(Тума вопросительно смотритъ на Софью.)

Софья.

Пропусти!
Коль отъ царя, такъ выслушать готова
Его посла. Пусть говоритъ при всѣхъ.

(Отворяютъ ворота. Входитъ Троекуровъ, за нимъ толпа стрѣльцовъ, которые становятся по другую сторону сцены.)

Софья.

Ты къ намъ?

Троекуровъ (Подходитъ къ Софьѣ, снимаетъ шапку и кланяется).

Къ тебѣ! Прими поклонъ, царевна.

(Всѣ стрѣльцы кланяются.)

Софья.

А отъ кого?

Троекуровъ.

Изъ Лавры, отъ царя
И государя нашего.

Софья.

Готова
Я отъ царя всегда принять посла.
Какую вѣсть принесъ отъ государя
Ты къ намъ,—бояринъ? Говори скорѣй!
Намъ время въ путь.

Троекуровъ.

Изволилъ приказать
Мнѣ государь провѣдавъ, что рѣшилась
Итти ты въ Лавру, чтобы отложила
Ты это дѣло и назадъ въ Москву
Скорѣй вернулась.

Софья.

Только?

Троекуровъ.

Да.

Софья.

Не много.
А для чего?

Троекуровъ.

Не знаю.

Софья.

И тебѣ,
Самъ братъ нашъ Петръ воочью передалъ
Слова такія?

Троекуровъ.

Соизволилъ лично
Мнѣ передать, что̀ я тебѣ сказалъ.

Софья.

Ты вѣдаешь, зачѣмъ теперь иду
Я въ Лавру?

Троекуровъ.

Нѣтъ! о томъ мнѣ неизвѣстно.

Софья.

Такъ знай же! Для того, чтобъ положить
Конецъ великой смутѣ, чтобы снова
Намъ водворить спокойствіе и миръ

И вывесть всѣхъ, которые дерзнули
Поссорить насъ,—рѣшилась я сама
Пойти къ нему затѣмъ, чтобъ при свиданьи
Ему открыть на все глаза и вмѣстѣ
Въ Москву вернуться. Возвратись же съ миромъ
Ты снова въ Лавру, и царя Петра
Ты упреди о всемъ, что нынѣ слышалъ
Изъ нашихъ устъ. Я вѣдаю, что онъ
Такою вѣстью огорченъ не будетъ.
А намъ пора въ дорогу!
(Сходитъ съ крыльца.)

Троекуровъ.

Не могу
Я возвратиться въ Лавру.

Софья.

Почему же?

Троекуровъ.

Мнѣ повелѣлъ великій государь
Его исполнить точно приказанье.

Софья.

Ты и исполнилъ. Передалъ ты намъ
Желанье брата, а затѣмъ, конечно,
Отъ насъ самихъ зависитъ вамъ отвѣтъ.

Троекуровъ.

То — не желанье.

Софья.

Что же?

Троекуровъ.

То—приказъ.

Софья.

Приказъ? Кому? Правительницѣ царства?
Да разсудилъ ли ты, бояринъ, что сказалъ?

Троекуровъ.

Приказъ, царевна.

Софья.

Прочь скорѣе съ глазъ,
Покуда живъ! Тума, веди впередъ
Моихъ стрѣльцовъ! Подайте колымагу!
Чего намъ мѣшкать.

Троекуровъ.

Погоди, царевна,
Не доводи до боя. Повелѣлъ
Мнѣ государь, во чтобы-то ни стало,
Тебя, гдѣ встрѣчу, удержать въ пути
И не пускать впередъ.

Софья.

И ты посмѣешь
Насъ удержать?

Троекуровъ.

Я только исполняю
Приказъ царя.

Софья.

Посторонись! не время
Съ тобой болтать.

Троекуровъ.

Ты не гнѣвись, царевна.
Одумайся!.. Я не пущу тебя!

Софья.

Посмотримъ! Прочь! (Наступаетъ на Троекурова.)

Троекуровъ (медленно отодвигаясь).

Не доводи, царевна,
Меня до силы. Коль на то пошло,
Такъ я приказъ имѣю поступить
Съ тобой нечестно.

Софья (останавливаясь).

Что? Что ты сказалъ?

Троекуровъ.

Ты слышала. (Указываетъ на стрѣльцовъ.) Мнѣ стоитъ приказать,—
Они исполнятъ. Нынѣ лишь одной
Мы царской волѣ повинуемся.

Софья (оборачивается къ своимъ стрѣльцамъ).

А вы?
Вы за кого стоите? (Молчаніе.) Я вѣдь смѣло
Ввѣряюсь вамъ. Вы слышали? (Молчаніе, Софья въ полъ-голоса.) Молчатъ!..

Троекуровъ.

Прольется кровь напрасно, но до Лавры
Тебѣ, царевна, не дойти. Довольно

Есть у царя народа, и со всѣми
Тебѣ не справиться.

Софья.

Могла бы я
Съ тобою рѣчь повесть инымъ манеромъ;
Но не хочу напрасно тратить словъ.
Насъ мало здѣсь! Хотя не сомнѣваюсь
Я въ храбрости моихъ надежныхъ слугъ,
Но для меня ихъ кровь дороже вашей,
И не хочу ей жертвовать для васъ.
Я возвращусь въ Москву. Коль не желаетъ
Со мной свиданья младшій государь,
Пускай же самъ придетъ ко мнѣ и къ брату
И дастъ отчетъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ.
Мы будемъ ждать. А тамъ народъ разсудитъ,
Кому прямить, кто нынѣ правъ изъ насъ.
За мной, друзья! Подайте колымагу,
Назадъ въ Москву!
(Медленно уходитъ съ своими стрѣльцами.)

Трокуровъ (и его стрѣльцы снимаютъ шапки и кланяются).

Поклонъ тебѣ, царевна,
За мудрое рѣшенье. Тяжело
Мнѣ было бы приказъ царя исполнить.
Кто-жъ правъ изъ васъ, о томъ разсудитъ
Богъ.
(Подождавъ, пока всѣ стрѣльцы вышли за ворота.)
Корнѣевъ, захвати съ собой двухъ конныхъ
И издали слѣдите осторожно,
Куда пойдетъ царевна. Если только
Она рискнетъ окольною дорогой
Пробраться въ Лавру, тотчасъ дайте знать.
(Корнѣевъ съ двумя стрѣльцами уходятъ.)
А намъ придется здѣсь вплоть до разсвѣта
Остановиться. Съ Богомъ! На ночлегъ!
Да оставайтесь въ сборѣ. Неравно
Придется въ путь, такъ гдѣ васъ собирать.
(Стрѣльцы располагаются бивакомъ и разводятъ огонь.)

II.

ВЫДАЧА ШАКЛОВИТАГО. [1])

(Въ теремномъ дворцѣ. Вечеръ. За сценой слышенъ шумъ и говоръ.)

Евдокимовъ. [2])

Охъ плохо, плохо! Видно настаетъ
Другое время. На стрѣльцовъ надежды
Ужъ больше нѣтъ, всѣ къ Троицѣ бѣгутъ,
А вѣрныхъ слугъ царевны подхватили
И силой увели. Вчерашній день
Обросима Петрова изловили [3])
И потащили въ Лавру, а теперь
И Шакловитаго ужъ требуютъ, должно быть
Придется выдать и его царевнѣ.
Ишь какъ шумятъ!
(Входитъ Софья.)

Софья.

Гдѣ собрались они?

Евдокимовъ.

Здѣсь, подъ окномъ.

Софья.

И много ихъ?

Евдокимовъ.

Довольно.

Софья.

А между ними нѣтъ надежныхъ?

Евдокимовъ.

Нѣтъ!
Ты не сходи, царевна, къ нимъ. Иначе
Они ворвутся слѣдомъ за тобой.

Софья (подходитъ къ окну и отворяетъ его).

Что нужно вамъ? Какъ смѣете тревожить
Вы нашъ покой?

Голоса (за сценой).

Не за тобой, царевна,
За Шакловитымъ! Выдай! Указалъ
Его схватить великій государь!

Софья (къ Евдокимову).

Я выйду къ нимъ.

---

[1]) Вечеромъ 6 сентября, стрѣльцы разныхъ полковъ пришли къ царевнѣ съ рѣшительнымъ требованіемъ выдать Шакловитаго. По обыкновенію, она смѣло и грозно сказала, чтобы никто не дерзалъ мѣшаться въ ея дѣла. Въ толпѣ раздался ропотъ, заговорили о набатѣ, о кровопролитіи. Царевна встревожилась. Стоявшіе вблизи ея стрѣльцы объявили, что въ случаѣ мятежа погибнутъ многіе, а Шакловитый не спасется. Испуганная всѣми признаками бунта, Софія болѣе не прекословила. Стрѣльцы взяли Шакловитаго, и 7 сентября, въ часъ пополудни, привезли его ъъ Лавру. (Устряловъ.)

[2]) Евдокимовъ—истопникъ царевны Софіи.

[3]) **Обросимъ Петровъ**, пятидесятникъ Ефимьева полка,—одинъ изъ самыхъ главныхъ клевретовъ Софьи и самый дѣятельный единомышленникъ Шакловитаго.

Евдокимовъ.

Охъ, лучше не ходи,
Пресвѣтлая царевна! Ужъ они
Тебя не станутъ слушать; поклялися
Они его хоть мертваго достать.

Софья (въ окно).

Какой указъ? Да хоть бы и съ указомъ,
Кто вамъ позволилъ лѣзть сюда гурьбой?
Пришлите выборныхъ! Лишь съ ними можно
Намъ рѣчь вести, а съ буйною толпой
Не говорятъ о дѣлѣ.

Голоса.

Ладно! можно!
Сейчасъ пришлемъ!

Софья (къ Евдокимову).

Скажи, чтобъ пропустили
Ихъ къ намъ сюда.

Евдокимовъ.

Не нужно-ль упредить
Боярина; быть можетъ, онъ охотой,
Къ нимъ выйдетъ самъ?

Софья.

Не нужно! Впрочемъ, послѣ,
Какъ впустишь ихъ, сходи и пригласи
Боярина, пусть постоитъ за дверью
И слушаетъ, но къ намъ бы не входилъ.
Я усмирить надѣюсь ихъ и знаю,
Какъ говорить мнѣ съ ними надлежитъ.
(Евдокимовъ уходитъ).

Софья.

Не разъ я рѣчью вразумляла ихъ;
Да укрощу и нынѣ. Ну, а если
Они меня не станутъ больше слушать?
Что предпринять? Не можетъ быть! Еще
Я говорить не разучилась съ ними,
И не дерзнутъ ослушаться меня.
(Входятъ семь человѣкъ старыхъ стрѣльцовъ. Евдокимовъ запираетъ за ними дверь. Стрѣльцы кланяются и останавливаются у дверей.)

Софья.

Зачѣмъ пришли?

Стрѣлецъ.

По твоему наказу.
Мы выборные.

Софья.

Кто-жъ дозволилъ вамъ,
Ночной порой, нашъ отдыхъ безпокоить
И заводить здѣсь шумъ?

Второй.

Мірское дѣло!
Указъ царя!

Софья.

Давно ли къ вамъ указы
Помимо насъ ужъ стали разсылать?

Первый.

Не наше дѣло!

Третій.

Выбраны мы съ тѣмъ,
Чтобы, согласно царскому указу,
Намъ Шакловитаго добыть, а послѣ
Его къ царю должны мы отвести.

Софья.

А что онъ сдѣлалъ? Гдѣ его вины?
Прописаны онѣ въ указѣ вашемъ?
Объявлены? Оглашены дьяками?

Второй.

Не наше дѣло! Сказано привесть.
Тамъ разберутъ.

Софья.

Не выдамъ я напрасно
Достойнѣйшаго царскаго слугу.
Ступайте прочь! И передайте всѣмъ,
Чтобъ по домамъ спокойно расходились,
И ждали бы обычнаго наказа
Лишь отъ властей стрѣлецкихъ, да отъ насъ,
И старшаго царя и государя,
А не изъ Троицы. Стрѣльцамъ извѣстно,
Кто правитъ царствомъ, и должны покорно
Вы лишь мои указы исполнять.
Ступайте!

Третій.

Нѣтъ! Нельзя! Мы не уйдемъ!
Намъ данъ наказъ не иначе вернуться,
Какъ съ Шакловитымъ.

Софья.

Что! И ты дерзаешь
Мнѣ отвѣчать!

Третій.

Не я одинъ, царевна.
Не вправѣ мы не исполнять того,
На что насъ выбрали. Нельзя никакъ
Намъ безъ боярина народу показаться:
Насъ не послушаютъ.

Первый.

Прости, царевна,
Что я тебѣ скажу. Ты не гнѣвись
На насъ напрасно. Знаешь ты сама,
На что способны буйные стрѣльцы,
Когда они на что-нибудь рѣшатся.
Мы порѣшили всѣ единогласно
Исполнить точно волю государя
И выдать Шакловитаго. Напрасно
Ты намъ перечить станешь, не властна
Ты силою боярина укрыть,
Такъ лучше выдай намъ добромъ, иначе
Не ладно станетъ, если вдругъ стрѣльцы
Въ хоромы вломятся.

Софья.

А кто-жъ дерзнетъ
Ворваться къ намъ, правительницѣ царства?

Первый.

Посмѣютъ, государыня... бывало...
Не въ первый разъ, ты вѣдаешь сама.

Четвертый.

Не прогнѣвись, царевна, на меня,
А только я скажу тебѣ по правдѣ,
По истинѣ святой: ты не противься
Желанью нашему, не доводи
До мятежа ночного, уступи
И выдай намъ боярина. Ручаюсь
Тебѣ своей сѣдою головой,
Что мы его въ сохранности доставимъ
Куда велятъ; а иначе бѣда!
Коль ты учнешь противиться, ворвутся
Сюда стрѣльцы, тогда, ночной порой,
Не остановишь долго ихъ, дойдетъ
До боя смертнаго, и много крови
Прольется неповинной во дворцѣ.
Прости насъ, государыня, и выдай
Ты намъ добромъ боярина.

Второй.

Повѣрь,
Что безъ него сегодня изъ Кремля
Стрѣльцы не выйдутъ. Такъ или иначе,
Онъ будетъ нашъ, въ томъ порѣшили всѣ.

Софья.

И вамъ не жаль того, кто и для васъ
Такъ потрудился много. Или вы
Безумнымъ слухамъ вѣрите?

Первый.

Не слухамъ,
А правдѣ истинной. Я видѣлъ самъ
Царя Петра—съ нимъ: патріархъ, бояре,
Стрѣльцы, солдаты, новые полки,
И множество народа,—у тебя же
Нѣтъ никого вокругъ. Не задержи
Ты долго насъ, а то, неровенъ часъ,
Надумаютъ недоброе; ты слышишь,
Какъ начали шумѣть; ужъ прикажи
Ты выдать намъ боярина, иначе
Не можемъ мы ручаться ни за что.

Софья.

Кондратій!

(Входитъ Евдокимовъ.)

Евдокимовъ.

Что прикажешь?

Софья (нерѣшительно).

Позови
Сюда боярина.

Шакловитый (входитъ изъ другихъ дверей).

Я здѣсь, царевна!
Что приказать изволишь?

Софья.

Вотъ пришли...
И требуютъ тебя...

Шакловитый.

Я слышалъ все,
Что говорить изволила ты съ ними.
Господня воля! Видно наступилъ
Мой смертный часъ, его же не минуешь.
Прости, царевна! Обѣщалъ предъ Богомъ
Я до конца служить тебѣ по правдѣ,—
И честно я исполнилъ обѣщанье,
И нынѣ, для покоя твоего,
Я отдаюсь имъ самъ, пускай ведутъ,
Куда вести имѣютъ указанье.

Прими, царевна, мой земной поклонъ
За царскія твои благодѣянья,
Которыми ты вѣрнаго слугу
Не по его заслугамъ награждала.
Ты часто, государыня, бывало,
Твоей рукой, за службишку мою,
Меня казной, да честью одѣляла;
Не откажи же въ милости послѣдней
И царской, милосердною рукой
Благослови на смертныя страданья
Ты твоего послѣдняго слугу.
(Становится на колѣна.)

Софья (въ волненіи кладетъ ему руки на голову).

Прости, бояринъ!.. Нѣтъ, не ожидала
Я для тебя столь тяжкаго конца.
Ты послужилъ мнѣ честно, но напрасно
Я думала... Благослови Господь
Тебя своимъ... да осѣнитъ покровомъ
Тебя Владычица... да дастъ она тебѣ...
Да ниспошлетъ... (поднимаетъ руки къ небу). О,
Боже милосердый,
Ты вѣдаешь, что дѣется во мнѣ!

Шакловитый (цѣлуетъ у Софьи руку и встаетъ).

Прощай, царевна! Больше въ этомъ мірѣ
Мнѣ не придется послужить тебѣ!
Но понесу, съ твоимъ благословеньемъ,
Я смѣло голову свою на казнь.
Дай Богъ тебѣ здоровья! Я-жъ готовъ
Теперь на все! Идемте! Лишь отъ Бога
Я ожидаю правды, а отъ нихъ
Мнѣ только смерть за милость счесть придется!
(Уходитъ окруженный стрѣльцами.)

Первый стрѣлецъ (въ смущеньи).

Прощенья просимъ, государыня.

Софья (, махнувъ рукой).

Ступайте.
(Всѣ уходятъ. Софья подходитъ къ окну и смотритъ.)

Голоса за сценой.

Давай сюда! Тащи! Оставь! Не тронь!
Ведите къ Троицѣ! Идемте всѣ! Идемъ!
(Слышенъ шумъ удаляющихся стрѣльцовъ.)

Софья.

Все рушится... все гибнетъ... все бѣжитъ...
Все измѣнило! (Отходитъ отъ окна). Боже всемогущій!
Владычица! Святители благіе!
На васъ однихъ надежда, вразумите—
И силою небесной помогите
Мнѣ удержать расшатанную власть!
(Уходитъ.)

Н. А. Вроцкій.

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ ПРО ВЗЯТІЕ АЗОВА. [1]

(августъ 1696 г.)

1.

Собирается православный царь
под крѣпкой Азовъ городъ,
Собираетъ онъ телѣжинекъ
сорокъ тысячей,
Въ каждую телѣжку сажалъ
по пяти молодчиковъ,
По шестому приставливалъ
по извошшичку,
Укрывали сукнами
багрецовыми,
Убивали гвоздочками
полужоными.

Подъѣзжали къ Азовскимъ крѣпкимъ
воротичкамъ.
Возговоритъ православный царь
таково слово:
„Охъ, вы гой естя, Азовскіи
караульшшички!
„Доложите во Азовѣ
свымъ начальничкамъ:
„Пріѣхалъ къ вамъ богатой гость
Ѳёдоръ Ивановичъ,
„Съ тѣми ли съ товарами
со заморскими,
„Со куницами пріѣхалъ
и съ соболицами.“
Отворили ёму Азовски
крѣпки воротички:
Они ѣхали во Азовъ-городъ
трои суточки,
На четвёртые суточки
уставились.
Тутъ возговоритъ православный царь
таково слово:

[1]) Подъ Азовъ русскіе ходили два раза, въ 1695 и 1696 г.,—первый походъ былъ не удаченъ, второй кончился покореніемъ этого города.

„Охъ, вы гой естя, извошшички,
добры молодцы!
„Отдирайте суконцы
во единый махъ!“
Отдирали они суконцы,
скоро—нà-скоро,
Вылетали изъ кажней изъ телѣжки
по пяти молодчиковъ,
Они сабли востры
на-голо держутъ.

Испужалися Азовскіи
начальнички:
„Ужъ ты батюшка нашъ,
православный царь,
„(Православный царь)
Петръ Алексѣевичъ!
„Не мути ты нашъ
Тихой Донъ:
„Мы станемъ тѣ служить вѣкъ
вѣрой-правдою,
„Вѣрой-правдою и какъ тѣ надобно.“

2.

Ахъ, бѣдныя головушки солдатскія,
Какъ ни днемъ, ни ночью вамъ покою нѣтъ!
Что со вечера солдатамъ приказъ отданъ
былъ,
Со полуночи солдаты ружья чистили,
Ко бѣлу свѣту солдаты во строю стоятъ.

Что не золотая трубушка вострубила,
Не серебряна сиповочка возыграла,
Что возговоритъ нашъ батюшка православ-
ный царь:
„Ахъ, вы гой еси, всѣ князья и бòяря!
„Вы придумайте мнѣ думушку, пригадайте:
„Еще какъ намъ Азовъ-городъ взяти?“
Еще князья и бòяря промолчали:
Еще самъ нашъ батюшка прослезился.
„Ахъ, вы гой еси, солдаты и драгуны!
„Вы придумайте мнѣ думушку крѣпкую:
„Еще какъ-то намъ Азовъ-городъ взяти?“
Какъ не ярыя пчелушки зашумѣли,
Что взговорятъ солдаты и драгуны:
„Взять ли намъ, не взять ли,—бѣлой
грудью!“

На восходѣ было краснова солнышка,
На закатѣ было свѣтлова мѣсяца,
На зорѣ они на приступъ пошли,
Подъ тотъ ли подъ славной подъ Азовъ-
городъ,
Что подъ тѣ ли стѣны бѣлокаменныя,
Ахъ подъ тѣ ли подъ раскаты подъ высокіе,
Что не съ горъ ли бѣлы камни покатилися:
Покатилися со стѣнъ непріятели;
Не бѣлы снѣги въ полѣ забѣлѣлися:
Забѣлѣлися бѣлы груди басурманскія;
Ахъ не съ дождичка ручьи разливалися,
Разливалася тутъ кровь нечестивая. [1])

3.

Ахъ по морю, морю синему,
По синему морю по Верейскому,
Плыли-восплывали три военныхъ корабля.
На передъ корабль бѣжитъ,—
Что соколъ летитъ:
Во томъ во корабликѣ,
Императоръ-царь сидитъ;
Во другомъ корабликѣ
Всё князья-бояра сидятъ;
Во третьемъ корабликѣ
Всё солдатушки сидятъ,
Солдаты сидѣли Преображенскаго полку.
Охоту имѣли подъ Азовъ городокъ.

Подкопы копали всё глубокіе,
Бочки закатàли съ лютымъ зельемъ,
(Съ лютымъ зельемъ) съ чернымъ порохомъ,
Свѣчи прилѣпляли воску яраго:
Свѣчи догорали,—бочки разорвало,
Разметало башни все угольчатыя.

Стали поздравляти императора-царя:
„Здравствуй, государь-императоръ, съ Азо-
вымъ городомъ!“

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ ВЪ ОСТРОГОЖСКѢ. [2])

Въ пышномъ гетманскомъ уборѣ
Кто сей мужъ, суровъ лицомъ,

---

[1]) На приступъ ходили только донскіе и запорожскіе казаки; турки сдали Азовъ, не дожидаясь общаго приступа русскихъ.

[2]) По взятіи Азова Петръ Великій прибылъ въ Острогожскъ, нынѣ уѣздный городъ Воронежской губерніи. Туда пріѣхалъ и **Мазепа**, охранявшій въ то время, вмѣстѣ съ Шереметевымъ, предѣлы Россіи отъ татаръ. Онъ поднесъ царю богатую турецкую саблю, оправленную золотомъ и осыпанную драгоцѣнными каменьями, и на золотой цѣпи щитъ съ такими же украшеніями. Хитрый гетманъ сумѣлъ вкрасться въ милость царя, который почтилъ Мазепу своимъ посѣщеніемъ, обласкалъ его, изъявилъ ему свое благоволеніе и съ честію отпустилъ въ Украйну.

Съ яркимъ пламенемъ во взорѣ,
Ницъ упалъ передъ Петромъ?
Съ бунчукомъ и булавою
Вкругъ монарха сердюки,
Судьи, сотники толпою
И толпами казаки.

„Виденъ промысла святова
Надъ тобою дивный щитъ!“
Покорителю Азова
Старецъ бодрый говоритъ:
„Оглася побѣдой славной
Моря Чернаго брега,
Ты смирилъ, монархъ державный,
Непокорнаго врага.

„Страшный въ брани, мудрый въ мирѣ,
Превзошелъ ты всѣхъ владыкъ:
Ты не блещущей порфирой,
Ты душой своей великъ.
Чту я славою и честью
Быть врагомъ твоимъ врагамъ,
И губительною местью
Пролетѣть по ихъ полкамъ.

„Уснѣжился черный волосъ
И булатъ дрожитъ въ рукѣ,
Но зажжетъ еще мой голосъ
Пылъ отваги въ казакѣ.
Въ пылкомъ сердцѣ жажда славы
Не остыла въ зиму дней:
Празднество мнѣ—бой кровавый;
Мнѣ музыка—стукъ мечей!“

Кончилъ и къ стопамъ Петровымъ
Щитъ и саблю положилъ;
Но, казалось, вождь суровый
Что-то въ сердцѣ затаилъ...
Въ пышномъ гетманскомъ уборѣ,
Кто сей мужъ, суровъ лицомъ,
Съ яркимъ пламенемъ во взорѣ,
Ницъ упалъ передъ Петромъ?

Сей пришлецъ въ странѣ пустынной—
Былъ Мазепа, вождь сѣдой;
Можетъ быть, еще невинный,
Можетъ быть, еще герой.
Гдѣ-жъ свиданія съ Мазепой
Дивный свѣту царь имѣлъ?
Гдѣ герою вождь свирѣпый
Клясться въ искренности смѣлъ?

Тамъ, гдѣ волны Острогощи
Въ Сосну тихую влились;
Гдѣ дубовъ сѣнистыхъ рощи
Надъ потокомъ разрослись;
Гдѣ съ отвагой молодецкой
Русскій крымцевъ поражалъ;
Гдѣ напрасно Брюховецкій
Добрыхъ гражданъ возмущалъ;

Гдѣ, плѣненный славы звукомъ,
Посѣдѣвшій въ битвахъ дѣдъ
Завѣщалъ кипящимъ внукамъ
Жажду воли и побѣдъ;
Тамъ, гдѣ съ щедростью обычной,
За ничтожный легкій трудъ,
Плодъ оратаю сторичный
Нивы тучныя даютъ;

Гдѣ въ лугахъ необозримыхъ,
При журчаніи волны,
Кобылицъ неукротимыхъ
Гордо бродятъ табуны;
Гдѣ въ странѣ благословенной,
Потонулъ въ глуши садовъ
Городокъ уединенный
Острогожскихъ казаковъ.

* * *

ПОѢЗДКА ПЕТРА ВЕЛИКАГО ЗА-ГРАНИЦУ.

(народная пѣсня)

(1697 г.—1698 г.)

Какъ никто-то про то не знаетъ, не вѣдаетъ,
Что куда-то нашъ государь-царь собирается:
Чистымъ серебромъ кораблики изнаполнилъ,
Краснымъ золотомъ суденышки изукрасилъ;
Онъ беретъ-то съ собой силушки очень мало,
Что однихъ только Преображенскіихъ гренадеровъ.
Какъ приказъ-то даетъ нашъ батюшка царь Бѣлый:
„Ой вы слушайте, офицерушки и солдаты!
„Не зовите вы меня ни царемъ своимъ, ни государемъ,
„А зовите вы меня заморскіимъ купчиной.“
Ужъ и грянулъ государь-царь по морю гуляти;
Какъ носило-то царя по морю недѣлю,
Что носило царя Бѣлаго другую;
Принесло-то его къ Стекольному государству,[1])

[1]) Подъ *Стекольнымъ государствомъ* разумѣется Швеція. Петръ былъ въ Голландіи, Англіи и Австріи, но въ Швеціи не былъ.

Что къ тому ли Шведскому королевству.
Не купчинушка по городу гуляетъ,
Что никто-то купчину не узнаетъ;
Узнавалъ только его гетманъ земли Шведской,
Поскорехонько онъ къ королевушкѣ метался:
„Ахъ ты гой еси, наша матушка королевна!
„Не купчина по городу гуляетъ,
„Что гуляетъ-то по городу царь Бѣлый.“
Какъ на красное крылечко королевна выходила,
Она семи земель царей портреты выносила,
По портрету царя Бѣлаго узнавала.
Закричала королевна громкимъ голосомъ:
„Ой вы гой еси, мои шведскіе генералы!
„Запирайте вы воротички покрѣпче,
„Вы ловите царя Бѣлаго скорѣе.“
Ужъ и тутъ-то нашъ батюшка не пугался,
Обо всѣхъ онъ шведскихъ замыслахъ догадался,
Ко крестьянину онъ на дворъ скоро бросался:
„Ты бери-ка, бери, крестьянинъ, денегъ вдоволь;
„Ты вези меня на край синя моря.“
Скоро вывезъ его крестьянинъ на край синя моря,
А скорѣе того въ корабликъ государь-царь садился;
Закричалъ онъ своимъ матросамъ и солдатамъ:
„Ой вы гряньте-ка, ребятушки, дружнѣе,
„Вы гребите и плывите поскорѣе.“
Какъ и первая погоня царя Бѣлаго догоняетъ,
А другая-то погонюшка настигаетъ;
Какъ возговоритъ погоня къ царю-государю:
„Ты возьми-ка, возьми, царь Бѣлый, насъ съ собою;
„А не возьмешь ты насъ, батюшка, съ собою,
„Ужъ не быть-то намъ, горькимъ, живыми на свѣтѣ.“
И тутъ же вся погоня въ сине море побросалась,
А нашъ царь-государь во святую Русь возвратился.

ЦАРИЦА ЕВДОКІЯ ѲЕДОРОВНА ЛОПУХИНА. [1])

(народныя пѣсни)

(1698 г.)

1.

Ахти, въ Москвѣ у насъ, братцы, не здорово!
Заунывно во Царь-колоколъ благовѣстили:
Видно, царь на царицу прогнѣвался
И хочетъ сослать её въ ссылку,
Во славной Суздаль городочекъ,
Во пречестной монастырь во Петровскій.
Тутъ заплакала благовѣрная царица,
Во слезахъ говоритъ таково слово:
„Охъ вы гой есте, мои бѣлокаменны палаты!
„Ужъ мнѣ въ васъ, палатушки, не бывати,
„Отъ свово царя ласкова слова не слыхати!“
Собиралъ-то царь возочекъ,
Высылалъ царицу въ городочекъ.
Тутъ возговоритъ благовѣрная царица:
„Охъ вы гой есте, извозчички мои молодые!
„Вы потише поѣзжайте, не свищите:
„Авось ли царь да на меня да не умилится,
„Не велитъ ли мнѣ назадъ воротиться.“
Подъѣзжаютъ они къ Петровскіимъ воротамъ,
Встрѣчаетъ ее игуменія съ сестрами.
Тутъ возговоритъ благовѣрная царица:
„Отойдись ты — прочь, игуменья съ сестрами:
„Не на часъ я къ вамъ пришла часовати,
„Я пришла къ вамъ вѣки вѣковати!“

2.

Пѣсня царицы-инокини Евдокіи.

Возлѣ рѣченьки хожу млада,
Меня рѣченька стопить хочетъ;
Возлѣ огньчика стою млада,
Меня огньчикъ спалить хочетъ;
Возлѣ милаго сижу млада,
Меня милый другъ журитъ-бранитъ,
Онъ-то журитъ-бранитъ,
Въ монастырь итти велитъ:
„Постригись, моя немилая,
„Посхимися, постылая!
„На постриженье выдамъ сто рублей,
„На посхименье тебѣ тысячу.
„Я поставлю нову келейку
„Въ зеленомъ саду подъ яблоней;
„Прорублю я три окошечка:
„Первое ко Божьей церкви,
„Другое-то въ зеленый садъ,
„Третье-то во чисто поле.
„Въ Божьей церкви ты намолишься,

---

[1]) Еще въ бытность свою въ чужихъ краяхъ Петръ приказывалъ довѣреннѣйшимъ изъ бояръ убѣдить царицу «во свободѣ» удалиться въ монастырь. Царица не соглашалась. Петръ взялся самъ за это дѣло и не далѣе, какъ на седьмой день по пріѣздѣ, отправилъ жену въ Суздаль, въ Покровскій дѣвичій монастырь. Причина ссылки и заточенія Евдокіи Ѳедоровны заключалась въ томъ, что она нимало не соотвѣтствовала идеалу Петра, они не сошлись характерами (М. И. Семевскій).

„Въ зеленомъ саду нагуляешься,
„Во чисто поле насмотришься."
Случилось ѣхать князьямъ-боярамъ;
Они спрашиваютъ: „что за келейка,
„Что за келейка, что за новенька?
„Что въ ней за монашенька, за молоденька?
„Еще кѣмъ она пострижена?"
Отвѣчала имъ монахиня:
— Я пострижена самимъ царемъ,
— Я посхимлена Петромъ Первымъ.

РАСПРАВА СО СТРѢЛЕЦКИМЪ АТАМАНОМЪ.

(народныя пѣсни)

(1698 г.)

1.

МОЛЕНІЕ АТАМАНА О ПОЩАДѢ.

Бывало-де православный царь
Любилъ стрѣльцовъ, много жаловалъ;
Ныньче государь на насъ прогнѣвался
И хочетъ стрѣльцовъ казнить-вѣшати,
Съ самого съ атамана голову рубить.
Сходились стрѣльцы во единый кругъ,
Они думали крѣпку думу за единую,
Посылали атамана къ самому царю:
„Поди-ка, атаманъ, къ самому царю;
„Кланяйся царю въ рѣзвы ноженьки,
„Проси у царя большой милости:
„Не можно ли насъ, батюшка, стрѣльцовъ, простить?
„Возьмемъ мы ему городъ, который надобно;
„Безъ свинцу возьмемъ, безъ пороху,
„Безъ его снаряду государева,
„Возьмемъ городъ грудью бѣлою."
Тутъ пошелъ атаманъ къ самому царю,
Пошелъ онъ вдоль по улицѣ,
Подходитъ онъ къ государеву двору;
На то время государь-царь по двору гуляетъ.
Онъ и палъ, молодецъ, на колѣночки,
Сталъ кланяться царю въ рѣзвы ноженьки,
Сталъ просить у него большой милости:
„Охъ ты гой еси, нашъ батюшка, православный царь,
„Всея Руси царь, Петръ Алексѣевичъ!
„Не можно ли насъ, стрѣльцовъ, простить?
„Возьмемъ мы тебѣ городъ, который надобно;
„Безъ свинцу возьмемъ, безъ пороху,
„Безъ твоего снаряду государева,
„Возьмемъ городъ грудью бѣлою."
Выходитъ царь-государь на Красенъ крылецъ.
Возговоритъ онъ громкимъ голосомъ:
— Охъ ты гой еси, стрѣлецкій атаманушка!
— И нѣтъ отъ меня вамъ милости.
— Ступай, сбирай стрѣлецкое свое войско,
— Гони ты ихъ на Красну площадушку,
— А которыхъ на поле на Куликово-то:
— Кого стану казнить, кого вѣшати,
— Съ тебя, съ атамана, голову рубить. —
Тутъ у молодца рѣзвы ноги подогнулися,
Бѣлы руки его опустилися,
Буйна его головушка съ плечъ долой катится,
Соболина его шапочка изъ рукъ выпала, —
Соболина шапка на немъ во сто рублей,
А кунья шуба на молодцѣ во тысячу.

2.

КАЗНЬ АТАМАНА.

Изъ Кремля, Кремля, крѣпка города,
Отъ дворца, дворца государева,
Что до самой ли Красной площади
Пролегала тутъ широкая дорожка.
Что по той ли по широкой по дороженькѣ
Какъ ведутъ казнить тутъ добра молодца,
Добра молодца, большаго боярина,
Что большаго боярина, атамана стрѣлецкаго,
За измѣну противъ царскаго величества.
Онъ идетъ ли, молодецъ, не оступается,
Что быстро на всѣхъ людей озирается,
Что и тутъ царю не покоряется.
Предъ нимъ идетъ грозенъ палачъ,
Во рукахъ несетъ остеръ топоръ,
А за нимъ идетъ отецъ и мать,
Отецъ и мать, молода жена;
Они плачутъ, что рѣка льется,
Возрыдаютъ, какъ ручьи шумятъ,
Въ возрыданьи выговариваютъ:
„Ты, дитя ли наше милое,
„Покорися ты самому царю,
„Принеси ему повинную;
„Авось тебя государь-царь пожалуетъ,
„Оставитъ буйну голову на могучихъ плечахъ."
Каменѣетъ сердце молодецкое,
Онъ противится царю, упрямствуетъ,
Отца, матери не слушаетъ,
Надъ молодой женой не сжалится,
О дѣтяхъ своихъ не болѣзнуетъ.
Привели его на Красную площадь,
Отрубили буйну голову
Что по самы могучи плечи.

СУХАРЕВА БАШНЯ. [1]

Была же смутная пора,
Какъ подъ ступенями престола
Противъ державнаго Петра
Шипѣли зависть и крамола;
Какъ, обольщенные сестрой
Царя, стрѣльцы ярились шумно,
Орудье гордости слѣпой,
Любоначальности безумной.
Но между ними полкъ одинъ,—
Хвала и честь—остался вѣренъ,
Какъ предъ отцомъ послушный сынъ,
Душой въ правахъ его увѣренъ.
Полковникъ Сухаревъ свой долгъ
Неколебимо и свободно
Хранилъ. Его былъ этотъ полкъ,
Презрѣвшій бунтомъ благородно.
И Петръ полковника любилъ,
Его заслуги награждая;
Когда же—ядъ родного края—
Тотъ страшный бунтъ угомонилъ,
Призвалъ Великій воеводу
И молвилъ въ благости своей:
„Хочу оставить я народу
Знакъ неподкупности твоей:
Гдѣ жилъ ты съ вѣрными стрѣльцами,
Построй тамъ башню, да про васъ
Она являетъ предъ вѣками
Живописующій разсказъ!“
Сказалъ,—и мощное желанье
Ретивый мужъ осуществилъ
И достопамятное зданье
Среди Москвы соорудилъ.
Колоссомъ крѣпости и славы
Воздвиглась башня передъ ней,
Какъ отголосокъ величавый
Заслугъ и мужества тѣхъ дней.

И эту башню—великану
Столицы—древнему Ивану
Молва невѣстой нарекла...
Да вмѣстѣ славою блистаютъ
И племенамъ они вѣщаютъ
Про незабвенныя дѣла.

Е. Милькѣевъ.

[1]) Существуетъ слѣдующее преданіе: между взбунтовавшимися стрѣльцами и ихъ начальниками не измѣнилъ царю только одинъ полковникъ **Сухаревъ** со своимъ полкомъ. Въ награду за его преданность и на память потомству о вѣрности честнаго полковника Петръ выстроилъ въ Москвѣ башню, которая извѣстна подъ именемъ *Сухаревой*.

1-е ЯНВАРЯ 1700 ГОДА. [1]

Веселый торжественный пиръ
Справляется въ царскихъ палатахъ,—
Заморскій зеленый мундиръ
Сегодня надѣтъ на солдатахъ.

И пушки, и ружья гремятъ,
Гремятъ колокольни набатомъ,—
Для Новаго года парадъ—
Ученье зеленымъ солдатамъ.

Царь Петръ Алексѣевичъ самъ
Команду давалъ передъ строемъ:
„Помогъ бы Господь только намъ,—
Мы цѣлую Русь перестроимъ!“...

Веселый торжественный столъ
Въ столовой палатѣ устроенъ;
Но что-же нашъ ясный соколъ
Не веселъ, задумчивъ, разстроенъ?

Не можетъ онъ видѣть бородъ
И длинныхъ кафтановъ собранья,—
Шута подозвалъ онъ... даетъ
Тихонько ему приказанье...

Шутъ вышелъ, и въ тотъ же моментъ
Къ пирующимъ снова явился;
Блестящій такой инструментъ
Въ рукахъ у него появился...

Со смѣхомъ бояръ онъ беретъ
За бороду дерзкой рукою,—
И падаютъ клочья бородъ,
Какъ листья осенней порою...

На утро по всѣмъ теремамъ
Москва наполняется воемъ...
„Помогъ бы Господь только намъ—
Мы цѣлую Русь перестроимъ!“—

П. Гнѣдичъ.

[1]) На другой день по возвращеніи изъ за-границы царь принималъ бояръ въ Преображенскомъ дворцѣ, ласково привѣтствовалъ ихъ, но въ то же время собственною рукою обрѣзывалъ имъ бороды. Та же сцена повторилась дней черезъ пять на пиру у Шеина, по случаю празднованія новолѣтія. Среди всеобщаго веселія, царскій шутъ, съ ножницами въ рукахъ, хваталъ бояръ за бороды и мигомъ обрѣзывалъ ихъ. Это былъ первый и вмѣстѣ съ тѣмъ самый трудный шагъ къ перерожденію Россіи, такъ какъ русскіе люди ничѣмъ такъ сильно не дорожили, какъ бородою: обрить ее считалось смертнымъ грѣхомъ.

БОЯРИНЪ.

Темно и безмолвно въ боярскихъ хоромахъ,
Лишь слышенъ собакъ надрывающій вой,
Да сторожъ сидитъ у воротъ ожидая,
Когда возвратится бояринъ домой.

Пріѣхалъ! Сошелъ онъ съ повозки угрюмо,
Взобрался съ трудомъ на крутое крыльцо,
И, встрѣтивъ слугу съ фонаремъ на подъѣздѣ,
Прошелъ, закрывая отъ свѣта лицо.

— „Сердитъ, или хмель разбирать начинаетъ,
Подумалъ дворецкій,—должно быть хлебнулъ“,
Вошелъ за бояриномъ слѣдомъ въ хоромы
И вскрикнулъ, едва на него лишь взглянулъ.

— „Чего испугался? Гляди да любуйся!
Вотъ чѣмъ награжденъ я за службу мою!
Вотъ царская ласка, подарокъ нежданный!
Вотъ какъ проявляетъ онъ милость свою!

Ступай!...“ Опустился онъ грузно на лавку,
Взглянулъ на себя съ безысходной тоской,
И долу челомъ наклонился печально,
И голову подперъ дрожавшей рукой.

„Ты молодъ, ретивъ, но жестокъ безъ причины,
Шепталъ онъ,—жестокость въ тебѣ велика“.
И тяжкое горе нежданной кручины
Туманило взоры и мозгъ старика.

„Обычай заморскій во всемъ возлюбивши,
Рѣшился ты насъ позаморски обрить,
Ты думалъ, что, Божескій ликъ измѣнивши,
Заставишь легко старину позабыть;

Что станетъ не трудно сойтись намъ поближе
Съ заморскою стаей любимцевъ твоихъ;
Но ты позабылъ, что ты молодъ, а мы же
Всю жизнь провели при обычьяхъ своихъ.

Еще твою мать и царицей не звали,
А мы ужъ служили отцу твоему,
Прямили по чести, въ опалѣ бывали,
Но бороды стричь не пришлось никому.

Служилъ и тебѣ я по правдѣ исконной,
По древнимъ завѣтамъ покойныхъ отцовъ,
И отдалъ тебѣ, для науки заморской,
Я въ царскую службу родныхъ молодцовъ.

За что-жъ ты меня такъ жестоко обидѣлъ?
За что ты рукой своего дурака
Нанесъ мнѣ безчестье? Иль ты не предвидѣлъ,
Какъ страшно унизилъ ты тѣмъ старика.

Моя борода никому не мѣшала,
Росла она вмѣстѣ со службой моей
И вѣрную русскую грудь прикрывала,
Питали враги уваженіе къ ней.

Отвѣтишь ты Богу за наше увѣчье,
За то, что нанесъ мнѣ позорный изъянъ,
За то, что подобишь лицо человѣчье
Ты харямъ заморскихъ твоихъ обезьянъ,

За то, что забывши завѣтъ христіанскій,
Ты бороды стричь безъ нужды приказалъ,
И скоблишь лицо ты ножомъ басурманскимъ,
Гдѣ волосу быть самъ Господь указалъ.

Жена... Какъ теперь передъ ней показаться?
Какъ встрѣчу я дворню, какъ выйду на свѣтъ?
Повсюду насмѣшки я долженъ бояться,
И мнѣ отъ позора спасенія нѣтъ!...“

И долго сидѣлъ онъ въ раздумьи тяжеломъ,
И часто къ лицу поднималась рука,
Но, словно коснувшись огня, упадала,
И капали слезы изъ глазъ старика.

Н. А. Вроцкій.

РУСЬ ВЪ ПЕРІОДЪ ВЕЛИКОЙ СѢВЕРНОЙ ВОЙНЫ.

(1700 г.—1721 г.)

Была пора: привелъ къ намъ рати шведъ;
Предъ горстью ихъ бѣжали мы толпами;
Жестка далась наука намъ побѣдъ;
Купили ихъ мы нашими костями.
То трудная была пора:
Пришлецъ и бунтовщикъ лукавый
Хвалились вырвать знамя славы
Изъ рукъ могучаго Петра...
Но дало русское «ура»
Отвѣтъ имъ съ пушками Полтавы.

В. Жуковскій.

ВѢЩІЙ СОНЪ О ШВЕДСКОЙ ВОЙНѢ.

(народная пѣсня)

Вечеръ-то мнѣ, матушка, малымъ-мало спалося,
Что малымъ-мало спалося, много видѣлося:
Какъ привидѣлась мнѣ, матушка, крута гора во снѣ,
Что на крутой на горѣ бѣлъ-горючъ камень лежитъ,
А на камнѣ выросталъ частъ ракитовый кустъ,
Какъ на кустикѣ сидитъ птица младъ сизой орелъ,
Въ когтяхъ своихъ онъ держитъ черна ворона.
Что возговоритъ родная ея матушка:
— Ты дитя мое, дитя милое!
— Я тебѣ, дитя, сонъ этотъ разсужу:
— Что крута гора, то каменна Москва;
— Бѣлъ-горючъ камень, то нашъ Кремль-городъ;
— А ракитовъ кустъ — Кремлевскій дворецъ;
— Сизой орелъ, то нашъ батюшка православный царь;
— А черной воронъ — Шведскій король.
— Побѣдитъ нашъ государь землю Шведскую
— И самого короля во полонъ возьметъ.

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ ПРО ВЗЯТІЕ ШЛИССЕЛЬБУРГА. [1])

(11 октября 1702 г.)

«Правда, что зѣло жестокъ сей орѣхъ былъ, однакожъ, слава Богу, счастливо разгрызенъ.»
Изъ письма Петра Великаго.

I.

Во славномъ городѣ въ Орѣшкѣ,
По нынѣшнему званію Шлюшенбургѣ,
Пролегла туто широкая дорожка.
По той по широкой дорожкѣ
Идетъ тутъ царевъ большой бояринъ,
Князь Борисъ сынъ Петровичъ Шереметевъ,
Со тѣми онъ со пѣхотными полками,
Со конницей и со драгунами,
Со удалыми донскими казаками. [2])
Вошли они во Красную Мызу,
Промежу тѣми высокими горами,
Промежу тѣми широкими долами, —
А всѣ полки становилися.
А втапоры Борисъ сынъ Петровичъ
Въ объѣздъ онъ донскихъ казаковъ посылаетъ,
Донскихъ, гребенскихъ да яицкіихъ:
Какъ скрали они шведскіе караулы,
Маіора себѣ во полонъ полонили,
Привезли его въ лагери царскіе.
Злата труба въ полѣ протрубила,
Прогласилъ государь, слово молвилъ,
Государь Московскій — первый императоръ:
„А и гой еси, Борисъ сынъ Петровичъ!
Изволь ты маіора допросити тихонько, помалешеньку:
А сколько-де силы въ Орѣшкѣ
У вашего короля Шведскаго?“
Говоритъ тутъ маіоръ не съ упадкою,
А сталъ онъ силу разсказывать:

---

[1]) **Нотебургъ** (Орѣшекъ), взятый труднымъ и кровавымъ приступомъ, открывалъ входъ въ Неву, почему Петръ и назвалъ его **Шлиссельбургомъ**, т. е. *Ключомъ-городомъ*.

[2]) Графъ **Борисъ Ѳедоровичъ Шереметевъ** (род. 1652 г. —† 17 февраля 1719 г.), славный сподвижникъ Петра Великаго, съ самыхъ молодыхъ лѣтъ имѣлъ пристрастіе къ военной службѣ, а во время Сѣверной войны участвовалъ во многихъ сраженіяхъ. Задумавъ пріобрѣсти Балтійское побережье, Петръ призвалъ къ себѣ въ Ладогу Шереметева, «*чтобъ сего, Богомъ даннаго времени не потерять*,» и повелъ свое войско къ Шлиссельбургу.

„Съ генераломъ въ полѣ нашимъ сорокъ тысячей,
Съ королемъ въ полѣ смѣты нѣтъ.“
А втапоры царевъ большой бояринъ,
Князь Борисъ сынъ Петровичъ Шереметевъ,
А самъ онъ царю рапортуетъ:
„Что много-де силы въ полѣ той шведской,
Съ генераломъ стоитъ силы сорокъ тысячей,
Съ королемъ въ полѣ силы смѣты нѣтъ.“
Злата труба въ полѣ-въ лагерѣ протрубила,
Прогласилъ первый императоръ:
„А и гой еси, Борисъ Петровичъ!
Не устрашися маіора допросити,—
Не корми маіора цѣлы сутки;
Еще вы его повторите,—
Другіе вы сутки не кормите:
И сладко онъ разскажетъ,
Сколько у нихъ силы шведскія.“
А втапоры Борисъ Петровичъ Шереметевъ
На то-то больно догадливъ:
А двое-де сутки маіора не кормили,
Во третьи винца ему подносили;
А втапоры маіоръ разсказалъ,
Правду истинну разсказалъ:
„Всѣхъ съ королемъ нашимъ и генераломъ
Силы семь тысячей, а болѣе того нѣту.“
И тутъ государь взвеселился:
Велѣлъ ему, маіору, голову отляпать.

2.

Ты злодѣй, злодѣй, ретиво сердце,
Ретиво сердце, молодецкое!
Къ чему ты ныло, занывало?
Ты бѣду мнѣ, молодцу, предвѣщало,
Предвѣщало ты, а не сказало.
Что быть ли мнѣ, молодцу, во рекрутахъ,
Что въ рекрутахъ быть, и во солдатахъ,
А въ солдатахъ быть, и во походѣ,
Что подъ славнымъ городомъ Орѣшкомъ,
По нынѣшнему званію Шлиссельбургомъ.
Ужъ и скоро шведы догадались,
Они ударили тотчасъ въ барабаны,
Наши русскіе солдаты во литавры.
А что возговоритъ нашъ батюшка-императоръ:
„Ахъ вы, любимые мои генералы!
„Вы придумайте мнѣ думу, пригадайте:
„Еще брать ли намъ городъ Орѣшекъ,
„Иль не лучше ли намъ отъ него отступити?“
Что возговорятъ всѣ генералы:
— Ахъ ты, нашъ батюшка государь-царь!
— Еще сила намъ будетъ нада,
— Что не лучше-ль намъ отсюда отступити?—
Что возговоритъ надежда-государь царь:
„Ахъ вы, дѣтушки мои солдаты!
„Вы придумайте мнѣ думушку, пригадайте:
„Еще брать ли намъ городъ Орѣшекъ?“
Что не ярыя тутъ пчелы зашумѣли,
Что возговорятъ россійскіе солдаты:
— Ахъ ты, нашъ батюшка-государь царь!
— Намъ водою къ нему плыти—не доплыти,
— Намъ сухимъ путемъ итти—не досягнути,
— А что брать или не брать ли — бѣлой грудью!—
Тронулось войско ко стѣнѣ,
Полетѣли башни на берегъ;
Отворилися ворота не продѣланны,
А проломаны изъ пушекъ ядрами;
Побѣдили силу шведскую,
Полонили городъ надобный.

КТО ОНЪ?

Лѣсомъ частымъ и дремучимъ,
По тропинкамъ и по мхамъ,
Ѣхалъ всадникъ, пробираясь
Къ свѣтлымъ Невскимъ берегамъ.

Только вотъ—рыбачья хата;
У рѣки старикъ стоялъ,
Челнъ осматривалъ дырявый,
И бранился, и вздыхалъ.

Всадникъ подлѣ—онъ не смотритъ,
Всадникъ молвилъ: „здравствуй, дѣдъ!“ —
А старикъ въ сердцахъ чуть глянулъ
На привѣтствіе въ отвѣтъ.

Все ворчалъ себѣ онъ подъ носъ:
„Поздоровится, тутъ жди!
Времена ужъ не такія..
Жди, да у моря сиди.

„Вамъ вѣдь все ничто, боярамъ;
А челнокъ для рыбака
То-жъ, что бабѣ веретена,
Али конь для сѣдока.

„Шведы-ль, наши-ль шли тутъ утромъ,
Кто ихъ знаетъ—ото всѣхъ
Нынче пахнетъ табачищемъ...
Ходитъ въ мірѣ, ходитъ грѣхъ!

„Чуть кого вдали завидишь—
Смотришь, въ лѣсъ бы... Вѣдь грѣшно!

Лодка, вишь, имъ помѣшала,
И давай рубить ей дно!..

„Да, ужъ стала здѣсь сторонка
За теперешнимъ царемъ!..
Изъ подъ-Пскова вѣдь на лѣто
Промышлять сюда идемъ.“

Всадникъ прочь съ коня и молча
За работу принялся;
Живо дѣло закипѣло
И поспѣло въ полчаса.

„Съ топоромъ, гляди, какъ ловокъ...
А по рѣчи... Какъ же такъ?..“

И развелъ старикъ руками,
Шапку снялъ и смотритъ въ лѣсъ,
Смотритъ долго въ ту сторонку,
Гдѣ чудесный гость исчезъ.

А. Майковъ.

Петръ Великій.

Самъ топоръ вотъ такъ и ходитъ,
Такъ и тычетъ долото—
И челнокъ на славу вышелъ,
А вѣдь былъ что рѣшето.

— „Ну, старикъ, теперь готово,
Хоть на Ладогу ступай,
Да закинуть сѣть на счастье
На Петрово попытай.“ —

„На Петрово! эко слово
Молвилъ!“ —думаетъ рыбакъ:

ОСНОВАНІЕ ПЕТЕРБУРГА. [1])

(изъ поэмы „Мѣдный Всадникъ“)

(3 мая 1703 г.)

На берегу пустынныхъ волнъ
Стоялъ онъ, думъ великихъ полнъ,

[1]) Добравшись до моря, Петръ торопился укрѣпиться на немъ. 16 мая 1703 г. на Заячьемъ островѣ Невскаго устья рубили деревянный городокъ, который назвали **Санктъ-Петербургомъ** (т. е. городъ св. Петра). Прежде всего была заложена крѣпость и церковь во имя св. апо-

И вдаль глядѣлъ. Предъ нимъ широко
Рѣка неслася; бѣдный челнъ
По ней стремился одиноко.
По мшистымъ топкимъ берегамъ
Чернѣли избы здѣсь и тамъ,
Пріютъ убогаго чухонца,
И лѣсъ, невѣдомый лучамъ
Въ туманѣ спрятаннаго солнца,
Кругомъ шумѣлъ.
И думалъ онъ:
Отсель грозить мы будемъ шведу;
Здѣсь будетъ городъ заложенъ,
На зло надменному сосѣду;
Природой здѣсь намъ суждено
Въ Европу прорубить окно,
Ногою твердой стать при морѣ;
Сюда, по новымъ имъ волнамъ,
Всѣ флаги въ гости будутъ къ намъ—
И запируемъ на просторѣ."

Прошло сто лѣтъ—и юный градъ,
Полнощныхъ странъ краса и диво,
Изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ
Вознесся пышно, горделиво:
Гдѣ прежде финскій рыболовъ,
Печальный пасынокъ природы,
Одинъ у низкихъ береговъ
Бросалъ въ невѣдомыя воды
Свой ветхій неводъ, нынѣ тамъ
По оживленнымъ берегамъ
Громады стройныя тѣснятся
Дворцовъ и башенъ; корабли
Толпой со всѣхъ концовъ земли
Къ богатымъ пристанямъ стремятся;
Въ гранитъ одѣлася Нева;
Мосты повисли надъ водами;
Темнозелеными садами
Ея покрылись острова—
И передъ младшею столицей
Главой склонилася Москва,
Какъ передъ новою царицей
Порфироносная вдова.

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгій, стройный видъ,
Невы державное теченье,
Береговой ея гранитъ.
Твоихъ оградъ узоръ чугунный,
Твоихъ задумчивыхъ ночей
Прозрачный сумракъ, блескъ безлунный,
Когда я въ комнатѣ моей
Пишу, читаю безъ лампады,
И ясны спящія громады
Пустынныхъ улицъ, и свѣтла
Адмиралтейская игла,
И, не пуская тьму ночную
На золотыя небеса,
Одна заря смѣнить другую
Спѣшитъ, давъ ночи полчаса;
Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздухъ и морозъ,
Бѣгъ санокъ вдоль Невы широкой,
Дѣвичьи лица ярче розъ,
И блескъ, и шумъ, и говоръ баловъ,
А въ часъ пирушки холостой
Шипѣнье пѣнистыхъ бокаловъ
И пунша пламень голубой;
Люблю воинственную живость
Потѣшныхъ Марсовыхъ полей,
Пѣхотныхъ ратей и коней
Однообразную красивость;
Въ ихъ стройно-зыблемомъ строю
Лоскутья сихъ знаменъ побѣдныхъ,
Сіянье шапокъ этихъ мѣдныхъ,
Насквозь прострѣленныхъ въ бою;
Люблю, военная столица,
Твоей твердыни дымъ и громъ,
Когда полнощная царица
Даруетъ сына въ царскій домъ,
Или побѣду надъ врагомъ
Россія снова торжествуетъ,
Или, взломавъ свой синій ледъ,
Нева къ морямъ его несетъ
И, чуя вешни дни, ликуетъ.

Красуйся, градъ Петровъ, и стой
Неколебимо, какъ Россія!
Да умирится же съ тобой
И побѣжденная стихія:
Вражду и плѣнъ старинный свой
Пусть волны финскія забудутъ
И тщетной злобою не будутъ
Тревожить вѣчный сонъ Петра!

А. Пушкинъ.

столовъ Петра и Павла. Чтобы работа шла скорѣе, указано было прислать 2000 воровъ, приговоренныхъ на каторгу. Въ октябрѣ работало уже 20,000 человѣкъ. Государь и знатные люди поочередно надсматривали за работами. На первыхъ же порахъ Петръ построилъ себѣ на берегу Невы, близъ крѣпости, домикъ, по образцу сардамскихъ, въ два небольшіе покоя, съ сѣнями посрединѣ. Домикъ этотъ цѣлъ понынѣ и хранится, какъ святыня.

ДОМИКЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

....Хижина Петра доднесь,
Какъ храмъ, нетлѣнна средь столицы!
Г. Державинъ.

Въ Пальмирѣ Сѣвера, въ Петрополѣ богатомъ
Есть чудный домъ одинъ. Не пышенъ съ виду онъ;
Не манитъ красотой, не блещетъ домъ тотъ златомъ;
Въ немъ нѣту ни картинъ, ни мраморныхъ колоннъ;
Не въ центрѣ города вознесся онъ высоко,
Не обошелъ его домовъ громадныхъ строй;—
Стоитъ тотъ домъ въ глуши, стоитъ онъ одиноко
Надъ неокованной въ гранитъ еще Невой.
Три бѣдныхъ комнатки, обмазанныя глиной;
Ни пышной мебели, ни бронзы, ни зеркалъ!
Ихъ краситъ только ликъ Спасителя старинный
Да память про того, кто прежде въ нихъ живалъ.
Сосѣдніе домы почтительной толпою,
Не смѣя сблизиться, тѣснятся къ сторонѣ;
Лишь шпицъ Петрополя предъ хижиной святою,
Какъ вѣрный часовой, блистаетъ въ вышинѣ,
Да древній Божій храмъ стоитъ неподалеку,—
Какъ будто сверстники о прошломъ рѣчь ведутъ,—
Да волны Невскія свободно и широко
Ласкаясь, рѣзвыя, у ногъ его бѣгутъ.
Какъ низки передъ нимъ вы, зданья величавы,
Слѣды иль роскоши, иль суеты людской!—
Тотъ домъ есть колыбель народной нашей славы,
Ея величія онъ камень основной.
Среди земли враговъ онъ всталъ, какъ знамя чести,
Какъ будто говоря врагу: „Здѣсь все мое!“
И врагъ, постигнутый за Нарву страшной местью,
Уже не смѣлъ сказать: „Нѣтъ, дерзкій, не твое!“
Здѣсь нашей родины источникъ просвѣщенья,
Ея величія и славы, и добра;
Здѣсь былъ отечества алтарь преображенья;—
Здѣсь было жилище безсмертнаго Петра.
. . . .
Здѣсь былъ тотъ дивный горнъ, въ которомъ онъ, великій,
На пламени добра народъ свой расплавлялъ,
И примѣсь варварства и предразсудковъ дикихъ
Отъ благороднаго металла отдѣлялъ.
То былъ тяжелый трудъ и долгій, и суровый!
Не плавокъ былъ металлъ и ржавчиной покрытъ,
Онъ требовалъ, тотъ трудъ, всѣхъ силъ души Петровой,
Терпѣнья и любви, и воли, какъ гранитъ.
Палимый до того ему безвѣстнымъ жаромъ,
Металлъ, какъ будто адъ, въ горнилѣ клокоталъ.
Не разъ расплавленный, онъ вспыхивалъ пожаромъ;
Не разъ ваятелю онъ смертью угрожалъ!
И люди, и судьба, и самая природа
Противъ великаго воспрянули войной;
Съ улыбкой злобною сосѣдніе народы
Смотрѣли на него, качая головой;
Но онъ не унывалъ, работникъ нашъ державный;
Лишь пѣну черную съ металла очищалъ;
И если не совсѣмъ окончилъ трудъ свой славный,
То дожилъ до того, что видѣлъ, какъ металлъ
Блисталъ, очищенный отъ примѣсей несродныхъ,
Какъ міръ онъ удивилъ, когда въ его рукахъ
Ударомъ на поляхъ Полтавы благородныхъ
Желѣзо шведское разбилъ, разсыпалъ въ прахъ!
О, величайшее, святое проявленье
Къ народу своему возвышенной любви!
О, Петръ нашъ, дивный Петръ, нельзя безъ умиленья
Намъ, русскимъ, вспоминать про подвиги твои!
Зачѣмъ такъ мало ты своею Русью правилъ?
Зачѣмъ, не кончивъ все, покинулъ край родной?
Но чтимъ мы глубоко все, что ты намъ оставилъ,
Къ чему касался ты могучею рукой.
Любовь народная твой домикъ незатѣйный
Подъ крѣпкій вѣры щитъ укрыла навсегда;
И каждый Божій день толпой благоговѣйной
Молиться русскій людъ сбирается туда—
Въ твой домикъ: гдѣ ждала достойнаго награда,
Откуда звалъ ты Русь на просвѣщенья пиръ,

Гдѣ самъ ты начерталъ планъ первый Петрограда
И гдѣ ты подписалъ Нейштадта славный миръ.
Въ порывахъ чувствъ своихъ правдивый и свободный,
Народъ признательность здѣсь съ вѣрой сочеталъ,—
И сталъ твой бѣдный домъ святынею народной:
Народу домъ царя—молитвы домомъ сталъ!

М. Розенгеймъ.

ПѢСНЯ.

Какъ на матушкѣ на Невѣ-рѣкѣ,
На Васильевскомъ славномъ островѣ,
Какъ на пристани корабельныя,
Молодой матросъ корабли снастилъ,
О двѣнадцати тонкихъ парусахъ,
Тонкихъ, бѣлыхъ, полотняныхъ.
Что изъ высока, нова терема,
Изъ косящата изъ окошечка,
Изъ хрустальныя изъ оконечки,
Усмотрѣла тутъ красна дѣвица,
Красна дѣвица, дочь отецкая.
Усмотрѣвши вышла на берегъ—
На Неву-рѣку воду черпати:
Почерпнувъ ведра поставила,
Что поставивши, слово молвила:
„Ахъ ты, душечка, молодой матросъ!
Ты зачѣмъ рано корабли снастишь,
О двѣнадцати тонкихъ парусахъ,
Тонкихъ, бѣлыхъ, полотняныхъ?“
Какъ отвѣтъ держитъ добрый молодецъ,
Добрый молодецъ, молодой матросъ:
— Ахъ, ты гой еси, красна дѣвица,
Красна дѣвица, дочь отецкая!
Не своей волей корабли снащу;
По указу я государеву,
По приказу адмиральскому.—
Подняла ведры красна дѣвица,
Поднявши сама ко двору пошла.

ПЕТЕРБУРГЪ И НЕВА СО ВРЕМЕНЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

(народная пѣсня)

Какъ за рѣчушкой за Невагою,
За другой рѣчушкой Переправою,
За третьей за большой дороженькою
Какъ не пыль въ полѣ запылилась,
Не дубровушка расшаталася:
Расшатался удалъ добрый мо̀лодецъ,
Добрый молодецъ, человѣкъ бѣдный,
Человѣкъ бѣдный, солдатъ бѣглый.
Онъ ни самъ пошелъ, ни своею охотою:
Довела-то его нужда крайняя,
Нужда крайняя, служба царская,
Царя Бѣлаго Петра Перваго.

ИЗЪ ПѢСНИ БАЛТІЙСКИМЪ ВОДАМЪ.

....Балтійскія воды!
На вольной лазори своей
Носили вы часто въ старинные годы
Станицы норманскихъ людей;
Слыхали вы пѣсни побѣдныя скальда
И буйные крики войны,
И пѣсни любви удалого Гаральда,
Пѣвца непреклонной княжны;
Носили вы древле и грузы богатства
На Русь изъ Нѣмецкой земли,
Когда, сограждане Ганзейскаго братства,
И Псковъ и Новгородъ цвѣли;
И нынѣ вы носите грозные флоты:
Не рѣдко въ строю боевомъ
Гуляютъ на васъ громовые оплоты
Столицы, созданной Петромъ,
И тысячи, тьмы расписныхъ пароходовъ
И мелкихъ торговыхъ судовъ
Съ людьми и вещами всѣхъ царствъ и народовъ,
Изъ дальнихъ и ближнихъ краевъ.

Н. Языковъ.

ИЗЪ ПОЭМЫ „ПОЛТАВА.“

1.

ВОЛНЕНІЯ ВЪ УКРАЙНѢ ДО ВТОРЖЕНІЯ ВЪ НЕЕ КАРЛА.

Была та смутная пора,
Когда Россія молодая,
Въ бореньяхъ силы напрягая,
Мужала съ геніемъ Петра.
Суровый былъ въ наукѣ славы
Ей данъ учитель: не одинъ
Урокъ нежданный и кровавый
Задалъ ей шведскій паладинъ.
Но въ искушеньяхъ долгой кары

Перетерпѣвъ судебъ удары,
Окрѣпла Русь. Такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ.

Вѣнчанный славой безполезной,
Отважный Карлъ скользилъ надъ бездной.
Онъ шелъ на древнюю Москву,
Взметая русскія дружины,
Какъ вихорь гонитъ прахъ долины
И клонитъ пыльную траву.
Онъ шелъ путемъ, гдѣ слѣдъ оставилъ
Въ дни наши новый сильный врагъ,
Когда паденіемъ ославилъ
Мужъ рока свой попятный шагъ.

Украйна глухо волновалась.
Давно въ ней искра разгоралась.
Друзья кровавой старины
Народной чаяли войны,
Роптали, требуя кичливо,
Чтобъ гетманъ узы ихъ расторгъ,
И Карла ждалъ нетерпѣливо
Ихъ легкомысленный восторгъ.
Вокругъ Мазепы раздавался
Мятежный крикъ: „пора, пора!“
Но старый гетманъ оставался
Послушнымъ подданнымъ Петра.
Храня суровость обычайну,
Спокойно вѣдалъ онъ Украйну,
Молвѣ, казалось, не внималъ
И равнодушно пировалъ.

„Что-жъ гетманъ?“ юноши твердили:
„Онъ изнемогъ; онъ слишкомъ старъ;
Труды и годы угасили
Въ немъ прежній, дѣятельный жаръ.
Зачѣмъ дрожащею рукою
Еще онъ носитъ булаву?
Теперь бы грянуть намъ войною
На ненавистную Москву!
Когда бы старый Дорошенко,
Иль Самойловичъ молодой,
Иль нашъ Палѣй, иль Гордѣенко
Владѣли силой войсковой,—
Тогда-бъ въ снѣгахъ чужбины дальной
Не погибали казаки,
И Малороссіи печальной
Освобождались ужъ полки. [1])

Такъ своеволіемъ пылая,
Роптала юность удалая,
Опасныхъ алча перемѣнъ,
Забывъ отчизны давній плѣнъ,
Богдана счастливые споры,
Святыя брани, договоры
И славу дѣдовскихъ временъ.
Но старость ходитъ осторожно
И подозрительно глядитъ:
Чего нельзя и что возможно,
Еще не вдругъ она рѣшитъ.
Кто снидетъ въ глубину морскую,
Покрытую недвижно льдомъ?
Кто испытующимъ умомъ
Проникнетъ бездну роковую
Души коварной? Думы въ ней,
Плоды подавленныхъ страстей,
Лежатъ погружены глубоко,
И замыселъ давнишнихъ дней,
Быть можетъ, зрѣетъ одиноко.
Какъ знать? Но чѣмъ Мазепа злѣй,
Чѣмъ сердце въ немъ хитрѣй и ложнѣй,
Тѣмъ съ виду онъ неосторожнѣй
И въ обхожденіи простѣй.
Какъ онъ умѣетъ самовластно
Сердца привлечь и разгадать,
Умами править безопасно,
Чужія тайны разрѣшать!
Съ какой довѣрчивостью лживой,
Какъ добродушно на пирахъ
Со старцами старикъ болтливый
Жалѣетъ онъ о прошлыхъ дняхъ,
Свободу славитъ съ своевольнымъ,
Поноситъ власти съ недовольнымъ,
Съ ожесточеннымъ слезы льетъ,
Съ глупцомъ разумну рѣчь ведетъ!
Не многимъ, можетъ быть, извѣстно,
Что духъ его неукротимъ,
Что радъ и честно и безчестно
Вредить онъ недругамъ своимъ,
Что ни единой онъ обиды
Съ тѣхъ поръ, какъ живъ, не забывалъ,
Что далеко преступны виды
Старикъ надменный простиралъ,
Что онъ не вѣдаетъ святыни,
Что онъ не помнитъ благостыни,
Что онъ не любитъ ничего,

[1]) Гетманъ **Дорошенко**—непримиримый врагъ русскаго владычества. **Григорій Самойловичъ** — сынъ гетмана, сосланнаго въ Сибирь въ правленіе Софьи послѣ перваго Крымскаго похода. **Симеонъ Палѣй**, хвастовскій полковникъ, за своевольные набѣги, по жалобамъ Мазепы, былъ сосланъ въ Енисейскъ. Но когда послѣдній оказался измѣнникомъ, то и Палѣй, какъ закоренѣлый врагъ его, былъ возвращенъ изъ ссылки и находился въ Полтавскомъ сраженіи. **Костя Гордѣенко**—кошевой атаманъ запорожскихъ казаковъ. Онъ передался Карлу XII, но былъ взятъ въ плѣнъ и казненъ въ 1708 г.

Что кровь готовъ онъ лить, какъ воду,
Что презираетъ онъ свободу,
Что нѣтъ отчизны для него.

2.

КАЗНЬ КОЧУБЕЯ И ИСКРЫ. [1])

(14 іюля 1708 г.)

Пестрѣютъ шапки. Копья блещутъ.
Бьютъ бубны. Скачутъ сердюки.
Въ строяхъ ровняются полки.
Толпы кипятъ. Сердца трепещутъ.
Дорога, какъ змѣиный хвостъ,
Полна народу шевелится.
Средь поля роковой помостъ;
На немъ гуляетъ, веселится
Палачъ и алчно жертвы ждетъ.
То въ руки бѣлыя беретъ
Играючи топоръ тяжелый,
То шутитъ съ чернію веселой.
Въ гремучій говоръ все слилось:
Крикъ женскій, брань, и смѣхъ, и ропотъ.
Вдругъ восклицанье раздалось—
И смолкло все. Лишь конскій топотъ
Былъ слышенъ въ грозной тишинѣ.
Тамъ окруженный сердюками,
Вельможный гетманъ съ старшинами
Скакалъ на ворономъ конѣ.
А тамъ, по кіевской дорогѣ,
Телѣга ѣхала. Въ тревогѣ,
Всѣ взоры обратили къ ней.
Въ ней, съ міромъ, съ небомъ примиренный,
Могущей вѣрой укрѣпленный,
Сидѣлъ безвинный Кочубей,
Съ нимъ Искра тихій, равнодушный,
Какъ агнецъ, жребію послушный.
Телѣга стала. Раздалось
Моленье ликовъ громогласныхъ.
Съ кадилъ куренье поднялось.
За упокой души несчастныхъ
Безмолвно молится народъ,
Страдальцы за враговъ. И вотъ
Идутъ они, взошли. На плаху
Крестясь ложится Кочубей.

[1]) Генеральный судья **Василій Кочубей**, узнавъ о преступныхъ замыслахъ Мазепы, рѣшился открыть ихъ Петру. Согласившись съ Полтавскимъ полковникомъ **Искрою**, онъ отправилъ доносъ свой въ Москву. Петръ, приписывая поступокъ Кочубея и Искры личной ненависти на гетмана, бывшаго втеченіе 20 лѣтъ вѣрнымъ слугою Москвы, отослалъ ихъ къ Мазепѣ. Послѣдній казнилъ Кочубея и Искру въ Борщаговскѣ, въ 8 миляхъ отъ Бѣлой Церкви.

Какъ будто въ гробѣ, тьмы людей
Молчатъ. Топоръ блеснулъ съ размаху,
И отскочила голова.
Все поле охнуло. Другая
Катится вслѣдъ за ней мигая.
Зардѣлась кровію трава—
И сердцемъ радуясь во злобѣ,
Палачъ за чубъ поймалъ ихъ обѣ
И напряженною рукой
Потрясъ ихъ обѣ надъ толпой.
Свершилась казнь. Народъ безпечный
Идетъ разсыпавшись домой
И про свои работы вѣчны
Уже толкуетъ межъ собой.

3.

ИЗМѢНА МАЗЕПЫ.

Души глубокая печаль
Стремиться дерзновенно въ даль
Вождю Украйны не мѣшаетъ.
Твердѣя въ умыслѣ своемъ,
Онъ съ гордымъ Шведскимъ королемъ
Свои сношенья продолжаетъ.
Межъ тѣмъ, чтобъ обмануть вѣрнѣй
Глаза враждебнаго сомнѣнья,
Онъ, окружась толпой врачей,
На ложѣ мнимаго мученья
Стоная, молитъ исцѣленья.
Плоды страстей, войны трудовъ,
Болѣзни, дряхлость и печали,
Предтечи смерти, приковали
Его къ одру. Уже готовъ
Онъ скоро бренный міръ оставить;
Святой обрядъ онъ хочетъ править,
Онъ архипастыря зоветъ
Къ одру сомнительной кончины
И на коварныя сѣдины
Елей таинственный течетъ.

Но время шло. Москва напрасно
Къ себѣ гостей ждала всечасно,
Средь старыхъ вражескихъ могилъ.
Готовя шведамъ тризну тайну.
Незапно Карлъ поворотилъ
И перенесъ войну въ Украйну.

И день насталъ. Встаетъ съ одра
Мазепа, сей страдалецъ хилый,
Сей трупъ живой, еще вчера
Стонавшій слабо надъ могилой.
Теперь онъ мощный врагъ Петра,

Теперь онъ бодрый предъ полками
Сверкаетъ гордыми очами
И саблей машетъ—и къ Деснѣ
Проворно мчится на конѣ.
Согбенный тяжко жизнью старой,
Такъ оный хитрый кардиналъ,
Вѣнчавшись римскою тіарой,
И прямъ, и здравъ, и молодъ сталъ.

И вѣсть на крыльяхъ полетѣла.
Украйна смутно зашумѣла.
„Онъ перешелъ, онъ измѣнилъ,
Къ ногамъ онъ Карлу положилъ
Бунчукъ покорный!“ Пламя пышетъ,
Встаетъ кровавая заря
Войны народной.
Кто опишетъ
Негодованье, гнѣвъ царя?
Гремитъ анаѳема въ соборахъ;
Мазепы ликъ терзаетъ катъ;
На шумной радѣ, въ вольныхъ спорахъ
Другого гетмана творятъ.[1])
Съ бреговъ пустынныхъ Енисея
Семейства Искры, Кочубея
Поспѣшно призваны Петромъ.
Онъ съ ними слезы проливаетъ;
Онъ ихъ лаская осыпаетъ
И новой честью, и добромъ.
Мазепы врагъ, наѣздникъ пылкій,
Старикъ Палѣй изъ мрака ссылки
Въ Украйну ѣдетъ въ царскій станъ.
Трепещетъ бунтъ осиротѣлый.
На плахѣ гибнетъ Чечель смѣлый
И запорожскій атаманъ.
И ты, любовникъ бранной славы,
Для шлема кинувшій вѣнецъ,
Твой близокъ день, ты валъ Полтавы
Вдали завидилъ наконецъ.

И царь туда-жъ помчалъ дружины.
Онѣ, какъ буря, притекли,
И оба стана средь равнины
Другъ друга хитро облегли:
Не разъ избитый въ схваткѣ смѣлой,
Заранѣ кровью опьянѣлый,
Съ бойцомъ желѣзнымъ наконецъ
Такъ грозный сходится боецъ.
И злобясь видитъ Карлъ могучій
Ужъ не разстроенныя тучи
Несчастныхъ нарвскихъ бѣглецовъ,
А нить полковъ, блестящихъ, стройныхъ,
Послушныхъ, быстрыхъ и спокойныхъ,
И рядъ незыблемый штыковъ.

А. Пушкинъ.

ОТПРАВЛЕНІЕ ШЕРЕМЕТЕВА ПОДЪ ПОЛТАВУ.

(народная пѣсня)

(1709 г.)

Еще что у насъ въ Москвѣ, братцы, за кручина?
Наканунѣ было Свѣтла воскресенья,
Заунывно въ Царь-колоколъ звонили,
Съѣзжалися князья и всѣ бояре
Во Успенскій во соборъ Богу молиться.
Молились они Господу со слезами;
Что одинъ изъ нихъ бояринъ не молился,
Генералъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ.
Почастехоньку вонъ изъ церкви выступаетъ,
Къ бѣлой каменной оградѣ припадаетъ,
Горючьми слезами обливался,
Миткалиннымъ онъ платочкомъ утирался:
„Ужъ тошно мнѣ, боярину, тошненько;
„Никогда-то мнѣ таково тошно не бывало;
„Что болитъ, болитъ у боярина головка;
„Щемитъ, щемитъ ретиво сердечко:
„Что сказана боярину царска служба,
„Указанъ путь—широкая дорожка
„Подъ славный подъ городъ подъ Полтаву.
„Какъ быть-то мнѣ, боярину, убиту
„Подъ славнымъ, подъ городомъ подъ Полтавой,
„На чистомъ полѣ лебединомъ.“

---

[1]) Сильныя мѣры, принятыя Петромъ съ обыкновенной его быстротой и энергіей, удержали Украйну въ повиновеніи. «1708 г. ноября 7 числа, по указу государеву, казаки, по обычаю своему, вольными голосами, выбрали въ гетманы полковника стародубскаго Ив. Скоропадскаго.—8 числа пріѣхали въ Глуховъ кіевскій, черниговскій и переяславскій архіепископы.—А 9 дня предали клятвѣ Мазепу оные архіереи публично; того же дня и персону (куклу) онаго измѣнника Мазепы вынесли, и снявъ кавалерію (которая на ту персону была надѣта съ бантомъ), оную персону бросили въ палачевскія руки, которую палачъ, взявъ и прицѣпя за веревку, тащилъ по улицѣ и по площади даже до висѣлицы, а потомъ повѣсили.—Въ Глуховѣ же, 10 дня казнили Чечеля и прочихъ измѣнниковъ.» (Журналъ Петра Великаго).

ПОЛТАВСКІЙ БОЙ.

(изъ поэмы „Полтава.")

(27 іюня 1709 г.)

«Воины, вотъ пришелъ часъ, который рѣшитъ судьбу отечества. Итакъ не думайте, что вы готовитесь сражаться за Петра: вы идете сражаться за государство, Петру врученное, за родъ свой, за отечество, за православную нашу вѣру и Церковь. Не должна васъ приводить въ смущеніе слава непобѣдимости непріятеля, которой ложь вы не разъ доказали своими побѣдами. Имѣйте въ сраженіи передъ собою правду и Бога, защитника вашего, а о Петрѣ знайте, что ему жизнь не дорога, только бы жила Россія въ блаженствѣ и славѣ для благосостоянія вашего.»

Изъ приказа Петра войску передъ Полтавскимъ сраженіемъ.

Горитъ востокъ зарею новой,
Ужъ на равнинѣ, по холмамъ
Грохочутъ пушки. Дымъ багровый
Клубами всходитъ къ небесамъ
Навстрѣчу утреннимъ лучамъ.
Полки ряды свои сомкнули.
Въ кустахъ разсыпались стрѣлки.
Катятся ядра, свищутъ пули;
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые побѣды,
Сквозь огнь окоповъ рвутся шведы;
Волнуясь конница летитъ;
Пѣхота движется за нею
И тяжкой твердостью своею
Ея стремленія крѣпитъ.
И битвы поле роковое
Гремитъ, пылаетъ здѣсь и тамъ,
Но явно счастье боевое
Служить ужъ начинаетъ намъ.
Пальбой отбитыя дружины
Мѣшаясь падаютъ во прахъ;
Уходитъ Розенъ сквозь тѣснины;
Сдается пылкій Шлиппенбахъ. [1])
Тѣснимъ мы шведовъ рать за ратью;
Темнѣетъ слава ихъ знаменъ,
И Бога браней благодатью
Нашъ каждый шагъ запечатлѣнъ.

Тогда-то свыше вдохновенный
Раздался звучный гласъ Петра:
„За дѣло, съ Богомъ!" Изъ шатра,
Толпой любимцевъ окруженный,
Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ.
Движенья быстры. Онъ прекрасенъ,
Онъ весь какъ Божія гроза.
Идетъ. Ему коня подводятъ.
Ретивъ и смиренъ вѣрный конь;
Почуя роковой огонь,
Дрожитъ, глазами косо водитъ
И мчится въ прахѣ боевомъ,
Гордясь могучимъ сѣдокомъ.

Ужъ близокъ полдень. Жаръ пылаетъ.
Какъ пахарь, битва отдыхаетъ.
Кой-гдѣ гарцуютъ казаки.
Ровняясь строятся полки.
Молчитъ музыка боевая.
На холмахъ пушки присмирѣвъ,
Прервали свой голодный ревъ.
И се-равнину оглашая,
Далече грянуло ура:
Полки увидѣли Петра.

И онъ промчался предъ полками,
Могущъ и радостенъ, какъ бой.
Онъ поле пожиралъ очами.
За нимъ вослѣдъ неслись толпой
Сіи птенцы гнѣзда Петрова,
Въ премѣнахъ жребія земнова,
Въ трудахъ державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметевъ благородный, [1])
И Брюсъ, и Боуръ, и Репнинъ, [2])
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелинъ. [3])

---

[1]) **Розенъ** и **Шлиппенбахъ**, шведскіе генералы, сдались русскимъ еще до атаки главнаго непріятельскаго корпуса.

[1]) Въ Полтавской битвѣ Шереметевъ командовалъ центромъ арміи и бился съ отчаяннымъ мужествомъ. Онъ едва не погибъ отъ пули, которою была прострѣлена его рубаха. Въ награду за храбрость, оказанную въ Полтавскомъ сраженіи, государь пожаловалъ ему многія деревни.

[2]) Генералъ-лейтенантъ **Брюсъ** командовалъ артиллеріей, а генералъ-поручикъ **Боуръ**—конницей (драгунами).

[3]) Любимецъ, другъ и сподвижникъ Петра, князь **Александръ Даниловичъ Меншиковъ** (род. въ 1674 г.), по свидѣтельству Гельбига, происходилъ изъ подмосковныхъ крестьянъ. Отданный на выучку къ пирожнику, онъ, какъ ученикъ, ходилъ по улицамъ Москвы и выкрикивалъ для продажи пироги, лежащіе на лоткѣ. Знаменитый Лефортъ замѣтилъ умнаго, бойкаго и миловиднаго мальчика и взялъ къ себѣ въ услуженіе. По смерти своего покровителя, Меншиковъ пріобрѣтаетъ расположеніе царя и быстро достигаетъ до высшихъ государственныхъ ступеней. Подъ Полтавой, благодаря прекраснымъ распоряженіямъ и дѣйствіямъ Меншикова, участь главнаго сраженія была рѣшена заранѣе. Дѣло не продолжалось и двухъ часовъ. «Ибо (сказано въ Журналѣ Петра В.) непобѣдимые господа шведы скоро хребетъ свой показали, и отъ нашихъ войскъ вся непріятельская армія весьма опрокинута.» Впослѣдствіи Петръ многое прощалъ Меншикову за услуги, оказанныя имъ въ Полтавскомъ сраженіи.

И передъ синими рядами
Своихъ воинственныхъ дружинъ,
Несомый вѣрными слугами,
Въ качалкѣ, блѣденъ, недвижимъ,
Страдая раной, Карлъ явился. [1])
Вожди героя шли за нимъ.
Онъ въ думу тихо погрузился.
Смущенный взоръ изобразилъ
Необычайное волненье.
Казалось, Карла приводилъ
Желанный бой въ недоумѣнье...
Вдругъ слабымъ маніемъ руки
На русскихъ двинулъ онъ полки.

И съ ними царскія дружины
Сошлись въ дыму среди равнины—
И грянулъ бой, Полтавскій бой!
Въ огнѣ, подъ градомъ раскаленнымъ,
Стѣной живою отраженнымъ,
Надъ падшимъ строемъ свѣжій строй
Штыки смыкаетъ. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся съ плеча.
Бросая груды тѣлъ на груду,
Шары чугунные повсюду
Межъ ними прыгаютъ, разятъ,
Прахъ роютъ и въ крови шипятъ.
Шведъ, русскій—колетъ, рубитъ, рѣжетъ,
Бой барабанный, клики, скрежетъ,
Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ,
И смерть и адъ со всѣхъ сторонъ.

Среди тревоги и волненья,
На битву взоромъ вдохновенья
Вожди спокойные глядятъ,
Движенья ратныя слѣдятъ,
Предвидятъ гибель и побѣду
И въ тишинѣ ведутъ бесѣду.
Но близъ Московскаго царя
Кто воинъ сей подъ сѣдинами?
Двумя поддержанъ казаками,
Сердечной ревностью горя,
Онъ окомъ опытнымъ героя
Взираетъ на волненье боя.
Ужъ на коня не вскочитъ онъ,
Одряхъ, въ изгнаньѣ сиротѣя,
И казаки на кличъ Палѣя

¹) Въ ночь на 17 іюня «Карлъ, самъ осматривая нашъ лагерь, наѣхалъ на казаковъ, сидѣвшихъ у огня. Онъ поскакалъ прямо къ нимъ и одного изъ нихъ застрѣлилъ изъ собственныхъ рукъ. Казаки дали по немъ три выстрѣла и жестоко ранили его въ ногу.» (Пушкинъ).

Не налетятъ со всѣхъ сторонъ!
Но что-жъ его сверкнули очи,
И гнѣвомъ, будто мглою ночи,
Покрылось старое чело?
Что возмутить его могло?
Иль онъ сквозь бранный дымъ увидѣлъ
Врага Мазепу и въ сей мигъ
Свои лѣта возненавидѣлъ
Обезоруженный старикъ?
Мазепа въ думу погруженный,
Взиралъ на битву, окруженный
Толпой мятежныхъ казаковъ,
Родныхъ, старшинъ и сердюковъ...

Но близокъ, близокъ мигъ побѣды.
Ура! мы ломимъ; гнутся шведы.
О, славный часъ! о, славный видъ!
Еще напоръ—и врагъ бѣжитъ,
И слѣдомъ конница пустилась,
Убійствомъ тупятся мечи,
И падшими вся степь покрылась,
Какъ роемъ черной саранчи.

Пируетъ Петръ. И гордъ, и ясенъ,
И славы полонъ взоръ его.
И царскій пиръ его прекрасенъ.
При кликахъ войска своего,
Въ шатрѣ своемъ онъ угощаетъ
Своихъ вождей, вождей чужихъ,
И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ,
И за учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ. [1])

Но гдѣ же первый званый гость?
Гдѣ первый грозный нашъ учитель,
Чью долговременную злость
Смирилъ Полтавскій побѣдитель?
И гдѣ-жъ Мазепа? Гдѣ злодѣй?
Куда бѣжалъ Іуда въ страхѣ?
Зачѣмъ король не межъ гостей?
Зачѣмъ измѣнникъ не на плахѣ?

Верхомъ въ глуши степей нагихъ
Король и гетманъ мчатся оба.

¹) Послѣ побѣды, въ 3 часа пополудни, государь, обратясь къ первому министру Карла Пиперу, къ фельдмаршалу Рейншильду и ко всѣмъ плѣннымъ генераламъ и штабъ-офицерамъ, сказалъ: «Вчера братъ мой Карлъ просилъ васъ въ сей день на обѣдъ въ шатры мои, и хотя онъ не сдержалъ своего королевскаго слова, но мы сіе выполнимъ, и для того прошу васъ со мною откушать.» За столомъ государь, обратясь къ плѣнникамъ, сказалъ: «Я пью здоровье учителей моихъ въ военномъ искусствѣ.»—«Кого такимъ хорошимъ именемъ, спросилъ Рейншильдъ, жаловать Ваше Величество изволите?»—«Васъ, господъ шведовъ,» отвѣтилъ Государь (Голиковъ. Дѣянія Петра Великаго, т. IV).

Бѣгутъ. Судьба связала ихъ.
Опасность близкая и злоба
Даруютъ силу королю.
Онъ рану тяжкую свою
Забылъ. Поникнувъ головою,
Онъ скачетъ, русскими гонимъ,
И слуги вѣрные толпою
Чуть могутъ слѣдовать за нимъ.

А. Пушкинъ.

ПОЛТАВСКАЯ БИТВА.

Было дѣло подъ Полтавой,
Дѣло славное, друзья:
Мы дрались тогда со шведомъ
Подъ знаменами Петра.
Нашъ могучій императоръ,—
Память вѣчная ему,—
Самъ родимый предъ полками
Словно соколъ онъ леталъ,
Самъ ружьемъ солдатскимъ правилъ,
Самъ и пушку заряжалъ.
Бой горѣлъ. Герой Полтавы,
Нашъ державный великанъ,
Ужъ не разъ грозою грянулъ
На могучій вражій станъ.
Пули облакомъ неслися,
Кровь горячая лилась,
Вдругъ одна злодѣйка пуля
Въ шляпу царскую впилась:
Видно шведы промахнулись,
Императоръ усидѣлъ,
Шляпу снялъ, перекрестился,
Въ битву снова полетѣлъ.[1])
Много шведовъ, много русскихъ
Подъ Полтавою легло.
Вдругъ еще злодѣйка пуля
Въ его царское сѣдло:
Не смутился императоръ,
Взоръ, какъ молнія, блисталъ,
Конь не дрогнулъ отъ удара,
Но быстрѣе поскакалъ.
И какъ разъ, и третья пуля
Повстрѣчалася съ Петромъ,
Прямо въ грудь ему летѣла
И ударилась, какъ громъ:
На груди его высокой
Чудотворный крестъ сіялъ.
Пуля съ визгомъ отскочила
Отъ чудеснаго креста,
И спасенный побѣдитель
Славилъ Господа Христа.
Было дѣло подъ Полтавой,
Сотни лѣтъ еще пройдутъ:
Эти царскія три пули
Въ сердцахъ русскихъ не умрутъ.

И. Молчановъ.

¹) Оба царственные полководца не щадили себя въ этомъ рѣшительномъ бою: шляпа Петра I прострѣлена была пулею; другая пуля попала въ большой крестъ, висѣвшій на груди его, а третья найдена въ орчакѣ его сѣдла; носилки Карла XII были разбиты ядромъ, а впослѣдствіи, во время отступленія шведовъ, убита подъ нимъ лошадь (Богдановичъ).

ПОЛТАВСКОЕ ДѢЛО.

(НАРОДНАЯ ПѢСНЯ)

Въ тысяча семьсотъ первомъ годѣ,
Во мѣсяцѣ было во іюлѣ,
Стояли солдаты на границѣ.
А ни вѣсточки, и грамотки съ Руси нѣту.
Въ три годочка перепала скоро вѣстка:
Что отцовъ и матерей вживѣ нѣту,
Молодыя жены замужъ вышли,
Малы дѣточки ходятъ-сиротаютъ.
„Еще ли намъ, ребятушки, не томно?"

Какъ подъ славнымъ городомъ подъ Полтавой,
Тутъ стоялъ-постоялъ король Шведскій.
Къ королю кавалеры приходили,
На рѣчахъ кавалеры доносили:
„Ахъ ты, батюшка, король земли Шведской!
Колько подъ городомъ ни стояти,
Намъ Полтавы города не взяти:
Во Полтавѣ есть московская пѣхота,
Самъ царь-государь поспѣшаетъ,
Онъ со конницей, съ драгунами,
Съ регулярной силой, со пѣхотой."

Онъ походъ держитъ въ землю Шведску,
Походъ держатъ подъ праву руку,
Подъ ту ли подъ Красну Мызу.
Не дошедъ Красной Мызы, становился,
Всѣхъ солдатъ своихъ испостроилъ,
Пушки—мортирушки изоставилъ.
„Ахъ вы гой еси, мои генералы,
Храбрые мои кавалеры!
На службѣ кавалеры не бывали,
Пушечнаго грому не слыхали?"
—Мы еще донесемъ тебѣ челобитье:
Что изъ славнаго города изъ Обска,

Подымался царевъ большой бояринъ
Князь Борисъ Петровичъ Шереметевъ,
Походъ держать во Шведскую землю.

Не дошедъ Красной Мызы, становился,
Напередъ казаковъ разсылаетъ.
Напередъ казаки разъѣзжаютъ,
Наѣзжаютъ на шведскіе караулы:
Шведскіе караулы съ поля сбили,
Много шведовъ въ полѣ прирубили,
Увезли въ полонъ большаго маіора.
Шереметевъ взялъ маіорушка въ допросы:
— „Ты скажи-ка, маіоръ, Божью правду,
По крестному Божью цѣлованью:
Гдѣ стоитъ генералъ вашъ?
Гдѣ стоитъ благодеръ вашъ?
Гдѣ стоитъ самъ король вашъ?
Много ли у васъ силы у генерала?
Много ли у васъ силы у благодера?
Много ли силы съ самимъ королемъ?"
—У генерала у насъ силъ тридцать тысячъ,
У благодера силы сорокъ тысячъ,
А съ самимъ королемъ смѣты нѣту.
— „Врешь, маіоръ, врешь-плутуешь:
Я этова не боюся,
Въ Обскъ назадъ не вернуся."

Приказалъ въ барабаны скоро бити,
Скорѣй того въ походъ выступати
Ко этой рѣкѣ ко Момжѣ,
Чтобъ король не догадался,
За Момжу рѣку не перебрался.
А король догадался,
За Момжу рѣку перебрался.
Шереметевъ за нимъ погонился:
Состигалъ короля середь поля,
Подъ славнымъ городомъ подъ Полтавой.

Подымалась Полтавска баталья.
Запалитъ шведская сила
Изъ большого снаряда —изъ пушки;
Запалитъ московская сила
Изъ мелкаго ружья— изъ мушкета.
Не крупенъ чеснокъ разсыпался:
Смѣшалася шведская сила,
Распахана шведская пашня,
Распахана солдатской бѣлой грудью;
Орана шведская пашня
Солдатскими ногами;
Боронена шведская пашня
Солдатскими руками;
Посѣяна новая пашня
Солдатскими головами;
Поливана новая пашня
Горячей солдатской кровью.

КОРОЛЬ ШВЕДСКІЙ И МАЗЕПА.

(НАРОДНАЯ ПѢСНЯ)

Кто не слыхивалъ у насъ таковыя славы?
Подымался король Шведскій даже до Полтавы.
Призываетъ онъ Мазепу къ себѣ на подпору:
Какъ бы вырыть подъ царемъ на погибель нору;
Веселятся и ликуютъ, чаютъ—побѣдили,
И, не справившись съ удачей, все распорядили,
Король Шведскій говоритъ: „Какъ я буду паномъ,
„То устрою я Мазепу коронnымъ гетманомъ."
А Мазепа возносился выше своей мѣры,
Былъ предатель государевъ, былъ предатель вѣры.
Но что вышло изъ ихъ чванства? Не попали и въ отчизну;
Потерявши цѣло войско, утекли въ Нѣмчизну.
Виватъ Бѣлый царь и воинъ, разумомъ богатый!
Виватъ храбры генералы! Виватъ и солдаты!

РАЗСКАЗЪ ВОЙНАРОВСКАГО ПРО СМЕРТЬ МАЗЕПЫ. [1])

(† 1710 г.)

(изъ поэмы „Войнаровскій")

Почти безъ отдыха пять дней
Бѣжали мы среди степей,
Боясь вражеской погони;
Уже измученные кони

[1]) **Андрей Войнаровскій**, племянникъ Мазепы по сестрѣ и участникъ его тайныхъ замысловъ, жилъ по смерти гетмана въ Вѣнѣ, Бреславлѣ и Гамбургѣ. Въ послѣднемъ городѣ онъ былъ схваченъ на улицѣ магистратомъ по требованію русскаго резедента. Заступленіе императрицы Екатерины спасло Войнаровскаго отъ казни, и онъ былъ сосланъ со всѣмъ семействомъ въ Якутскъ, гдѣ и окончилъ жизнь свою, но когда и какъ—неизвѣстно. Русскій исторіографъ **Миллеръ**, путешествуя по Сибири въ 1736

Служить отказывались намъ.
Дрожа отъ стужи по ночамъ,
Изнемогая въ день отъ зноя,
Едва сидѣли мы верхомъ...

Однажды въ полночь, подъ лѣскомъ,
Мы для минутнаго покоя
Остановились за Днѣпромъ.
Вокругъ синѣла степь глухая;
Луну затмили облака,
И, тишину перерывая,
Шумѣла въ берегахъ рѣка.
На войлокѣ простомъ и грубомъ,
Главою на сѣдло склоненъ,
Усталый Карлъ дремалъ подъ дубомъ,
Толпами ратныхъ окруженъ.
Мазепа предъ костромъ сосновымъ,
Вдали, на почернѣвшемъ пнѣ,
Сидѣлъ въ глубокой тишинѣ,
И съ видомъ мрачнымъ и суровымъ,
Какъ другу, открывался мнѣ:

„О какъ не вѣрны наши блага!
О какъ подвластны мы судьбѣ!
Вотще въ душахъ кипитъ отвага:
Уже насталъ конецъ борьбѣ!
Одно мгновенье все рѣшило,
Одно мгновенье погубило
На вѣкъ страны моей родной
Надежду, счастье и покой...
Но мнѣ ли духомъ унижаться?
Не буду рока я рабомъ!
И мнѣ ли съ рокомъ не сражаться,
Когда сражался я съ Петромъ?
Такъ, Войнаровскій, испытаю,
Покуда длится жизнь моя,
Всѣ способы, всѣ средства я,
Чтобы помочь родному краю.
Спокоенъ я въ душѣ своей;
И Петръ, и я—мы оба правы:
Какъ онъ, и я живу для славы,
Для пользы родины моей."

Замолкнулъ онъ... Глаза сверкали...
Дивился я его уму.
Дрова треща ужъ догорали.
Мазепа легъ; но вдругъ къ нему
Двухъ плѣнныхъ казаки примчали.
Облокотяся вождь сѣдой,
Волнуемъ тайно мрачной думой,
Спросилъ, взглянувъ на нихъ угрюмо:
„Что новаго въ странѣ родной?"
— „Я изъ Батурина недавно,
Одинъ изъ плѣнныхъ отвѣчалъ:
Народъ Петра благословлялъ,
И, радуясь побѣдѣ славной,
На стогнахъ шумно пировалъ.
Тебя-жъ, Мазепа, какъ Іуду,
Клянутъ украинцы повсюду...
Дворецъ твой, взятый на копье,
Былъ преданъ намъ на расхищенье,
И имя славное твое
Теперь—и брань, и поношенье!"—

Въ отвѣтъ, склонивъ на грудь главу,
Мазепа горько улыбнулся;
Прилегъ, безмолвный, на траву
И въ плащъ широкій завернулся.
Мы всѣ съ участіемъ живымъ,
За гетмана пылая местью,
Стояли мо́лча передъ нимъ,
Поражены ужасной вѣстью.
Онъ приковалъ къ себѣ сердца:
Мы въ немъ главу народа чтили,
Мы обожали въ немъ отца,
Мы въ немъ отечество любили.
Не знаю я, хотѣлъ ли онъ
Спасти отъ бѣдъ народъ Украйны,
Иль въ ней себѣ воздвигнуть тронъ,—
Мнѣ гетманъ не открылъ сей тайны.
Ко нраву хитраго вождя
Успѣлъ я въ десять лѣтъ привыкнуть;
Но никогда не въ силахъ я
Былъ замысловъ его проникнуть.
Онъ скрытенъ былъ отъ юныхъ дней,
И, странникъ, повторю: не знаю,
Что въ глубинѣ души своей
Готовилъ онъ родному краю.
Но знаю то, что затая
Любовь, родство и гласъ природы,
Его сразилъ бы первый я,
Когда-бъ онъ сталъ врагомъ свободы.

Съ разсвѣтомъ дня мы снова въ путь
Помчались по̀ степи унылой.
Какъ тяжко взволновалась грудь,
Какъ сердце юное заныло,
Когда рубежъ страны родной
Узрѣли мы передъ собой!

Въ волненьи чувствъ, тоской томимый,
Я, какъ ребенокъ, зарыдалъ

и 1737 годахъ, видѣлъ Войнаровскаго въ Якутскѣ, но уже одичавшаго. Въ поэмѣ, изъ которой взятъ данный отрывокъ, поэтъ представляетъ Войнаровскаго разсказывающимъ Миллеру о своей жизни и въ частности о смерти Мазепы.

И, взявши горсть земли родимой,
Къ кресту съ молитвой привязалъ.
„Быть можетъ—думалъ я рыдая—
Украйны мнѣ ужъ не видать!
Хоть ты, земля родного края,
Меня въ чужбинѣ утѣшая,
Отъ грусти будешь врачевать,
Отчизну мнѣ напоминая!..“

Увы! предчувствіе сбылось:
Судьбы велѣньемъ самовластной,
Съ тѣхъ поръ на родинѣ прекрасной
Мнѣ побывать не довелось...

Въ странѣ глухой, въ странѣ безводной,
Гдѣ только изрѣдка ковыль
По стѐпи стелется безплодной,
Мы мчались, поднимая пыль.
Коней мы вовсе изнурили;
Страдалъ увѣнчанный бѣглецъ, [1])
И съ горстью шведовъ, наконецъ,
Въ Бендеры къ туркамъ мы вступили.
Тутъ въ страшный нѐдугъ гетманъ впалъ;
Онъ непрестанно трепеталъ,
И взглядъ кругомъ бросая быстрый,
Меня и Орлика онъ звалъ, [2])
И задыхаясь увѣрялъ,
Что Кочубея видитъ съ Искрой.

„Вотъ, вотъ они!.. при нихъ палачъ!“
Онъ говорилъ, дрожа отъ страху:
„Вотъ ихъ взвели уже на плаху,
Кругомъ стенанія и плачъ...
Готовъ ужъ исполнитель муки;
Вотъ засучилъ онъ рукава,
Вотъ взялъ уже сѣкиру въ руки...
Вотъ покатилась голова...
И вотъ другая!.. всѣ трепещутъ!
Смотри! какъ страшно очи блещутъ!..“

То въ ужасѣ, порой, съ одра
Бросался онъ въ мои объятья:
„Я вижу грознаго Петра!
Я слышу страшныя проклятья!
Смотри: блеститъ свѣчами храмъ,
Съ кадильницъ вьется ѳиміамъ...
Митрополитъ, грозящій взоромъ,
Тамъ возглашаетъ съ громкимъ хоромъ:

[1]) Карлъ XII.

[2]) Филиппъ Орликъ, генеральный писарь, наперсникъ Мазепы, послѣ смерти послѣдняго, получилъ отъ Карла XII пустой титулъ малороссійскаго гетмана. Впослѣдствіи принялъ магометанскую вѣру и умеръ въ Бендерахъ около 1736 года (Пушкинъ).

Мазепа проклятъ въ родъ и родъ—
Онъ погубить хотѣлъ народъ!“

То трепеща и цѣпенѣя,
Онъ часто зрѣлъ въ глухую ночь
Жену страдальца Кочубея
И обольщенную ихъ дочь.
Въ страданьяхъ сихъ изнемогая,
Молитву громко онъ читалъ,
То горько плакалъ и рыдалъ,
То, дикій взглядъ на всѣхъ бросая,
Онъ, какъ безумный, хохоталъ;
То, въ память приходя порою,
Онъ очи, полныя тоскою,
На насъ уныло устремлялъ.

Въ девятый день примѣтно стало
Мазепѣ пóдъ вечеръ труднѣй;
Изнеможенный и усталый,
Дышалъ онъ рѣже и слабѣй.
Томимъ болѣзнію своей,
Хотѣлъ онъ скрыть, казалось, муку...
Къ нему я бросился, взялъ руку:
Увы! она уже была
И холодна, и тяжела!
Глаза остановясь смотрѣли,
Потъ проступалъ: онъ отходилъ...
Но вдругъ, собравъ остатокъ силъ,
Онъ приподнялся на постели
И, бросивъ пылкій взглядъ на насъ:
„О, Петръ! О, родина!“—воскликнулъ.
Но съ симъ въ страдальцѣ замеръ гласъ;
Онъ вновь упалъ, главой поникнулъ,
Въ меня недвижный взоръ вперилъ,
И вздохъ послѣдній испустилъ...
Безъ слезъ, безъ чувствъ, какъ мраморъ хладный,
Передъ умершимъ я стоялъ;
Я умъ и память потерялъ,
Убитый грустью безотрадной...

День грустныхъ похоронъ насталъ:
Самъ Карлъ, и мрачный, и унылый,
Вождя Украйны до могилы
Съ дружиной шведовъ провожалъ.
Казакъ и шведъ равно рыдали;
Я шелъ, какъ тѣнь, въ кругу друзей.
О, странникъ, странникъ! всѣ мечтали,
Что мы съ Мазепой погребали
Надежду родины своей.

* * *

ПОКОРЕНІЕ ПРИБАЛТІЙСКАГО КРАЯ. [1]

(НАРОДНЫЯ ПѢСНИ)

I.

РЕВЕЛЬ.

Какъ во славномъ-то во городѣ было въ
Колывани,
Что по нонѣшнему названьицу славный го-
родъ Ревель,
Тамъ стояли палатушки бѣлы-каменныя.
Что во тѣхъ-то ли во палатушкахъ Швед-
ская королевна;
Передъ нею-то, нашей матушкой, стоятъ
генералы,
Позади-то генералушковъ, да всѣ офицеры.

Что стоямши туто, всѣ начальнички сами
слезно плачутъ:
„Охъ, ты гой еси, наша матушка, Шведска
королевна!
„Но и чтоже ты своему брату писемъ
ты не пишешь?
„Что прислалъ бы, прислалъ вамъ братецъ-то
войска сорокъ тысячъ!“
Не успѣла-то наша матушка словечка про-
молвить,
Не ясенъ-то соколъ по поднебесью-соколикъ-
летаетъ,
Какъ Россійскій-то царь по своей армеюшкѣ
вотъ онъ разъѣзжаетъ,
Своихъ-то солдатушковъ въ нашъ городъ
впущаетъ,
Наши строгіе-то караулушки онъ всѣ по-
смѣняетъ.

II.

ВЗЯТІЕ РИГИ. [2]

1. Походъ Шереметева подъ Ригу.

Какъ во славной было матушкѣ камен-
ной Москвѣ,
Что на той ли было, братцы, Красной пла-
щади,
Хорошо добрѣ солдаты во строю стоятъ:
Они огненныя ружья предъ собой держатъ.
Что Москвою шли солдаты потихохоньку,
Кремлемъ-городомъ прошли, братцы, поплав-
нехоньку,
Во соборъ пришли солдаты—Богу молитися,
Ко святымъ мощамъ солдатушки приложилися,
Государю-царю солдатушки поклонилися:
„И ты здравствуй-многолѣтствуй, право-
славный царь!
„Благослови ты намъ, солдатушкамъ, въ по-
ходъ итти,
„Что подъ славной ли подъ городъ подъ
Ригу.“
Ужъ какъ взговоритъ нашъ батюшка, пра-
вославный царь:
„Вы подите, мои дѣтушки, потихохоньку,
„Вы уѣздами подите посмирнехоньку,
„А подъ Ригу пришедши становитеся,
„Вы меня ли, мои дѣти, дожидайтеся,
„А фельдмаршала во всемъ вы слушайтесь.“

2. Рига взята.

Какъ по морю-морю синему,
По синю морю по Хвалынскому,
Плыли-восплывали три военныхъ корабля:
На первомъ корабликѣ императоръ-царь
сидитъ,
На другомъ корабликѣ князья-бояре сидятъ,
А на третьемъ корабликѣ все солдаты сидятъ,
Сидѣли солдаты полку Семеновскаго,
Той ли первой роты бомбандирскія.

Парусы они роняли бѣлы полотняные,
Того ли полотенца все голландскаго;
Якори они бросали булатные,
Того ли булату все сибирскаго;
Мосты они намостили все дубовые;
Подкопы они копали все глубокіе,
Глубокіе подкопы на двѣнадцать верстъ;
Бочки закатали съ лютымъ зельемъ,
Съ лютымъ зельемъ-съ чернымъ порохомъ;
Свѣчи зажигали воску яраго.

Свѣчки догорали,—бочки розорвало,
Вырвало ту стѣну бѣлокаменную.
Вотъ и стали государя-царя поздравляти:

[1] Въ Лифляндіи и Эстляндіи образовалась партія, которая находила, что покровительство Россіи, сосѣдственной и теперь сильной, выгоднѣе, нежели тяжелое господство Швеціи. Главою этой партіи былъ Левенвольдъ. Главные города края не смѣли отложиться отъ Швеціи, такъ какъ въ нихъ стояли шведскіе гарнизоны. Шереметевъ и генералы Брюсъ и Боуръ принудили ихъ къ сдачѣ. Всѣмъ этимъ городамъ съ зависѣвшими отъ нихъ округами оставлены были ихъ прежніе законы и права, а религія и языкъ ихъ были признаны неприкосновенными (Щебальскій).

[2] Въ 1710 г. Шереметевъ осадилъ Ригу и, несмотря на мужественное сопротивленіе генералъ-губернатора, заставилъ этотъ городъ сдаться на капитуляцію. Когда русское войско торжественно вступило въ завоеванную Ригу, то граждане поднесли генералъ-фельдмаршалу два золотыхъ ключа въ 3 ф. вѣсомъ.

„Ужъ ты здравствуй, государь — царь, съ крѣпкимъ городомъ,
„Съ крѣпкимъ городомъ со Ригою!“

III.

ОСАДА ВЫБОРГА. [1])

Ахъ ты ноченька, ты ноченька осенняя,
Надоѣла ты мнѣ молодцу, — наскучила,
Стоючи, братцы, на караулѣ государевомъ,
Что подъ славнымъ ли подъ городомъ подъ Выбургомъ,
Что подъ той ли подъ стѣною бѣлокаменной,
Что подъ высокой подъ башней подъ проѣзжею!

Не звѣринушка изъ башенки возрыкнула,
Что возрыкнула тутъ пушка боевая,
Боевая-полковая, шведская.
Никого она въ полку, братцы, не ранила,
Что убила ли полковника, какъ пить дала.

Какъ растужатся-расплачутся солдатушки:
Ахъ ты, свѣтъ нашъ батюшка полковничекъ!
Что кому насъ сиротъ будетъ поить-кормить,
Кому насъ солдатъ содержать будетъ?
Ахъ что взговорятъ маіоры съ подполковникомъ:
„И вы, глупые солдаты, неразумные!
„Какъ поить будетъ-кормить православный царь,
„Содержать будемъ мы маіоры съ подполковникомъ.“

ПЕТРЪ И СЫНЪ ЕГО АЛЕКСѢЙ. [2])

Царь.

Садись, мой сынъ, да потолкуемъ.

Царевичъ.

Смѣю-ль-ль
Предъ вами, государь, сидѣть?

Царь.

Какъ знаешь,
Пожалуй, стой: о томъ не станемъ спорить.
(Помолчавъ.)
Вѣдь дѣло-то у насъ съ тобой не ладно;
Все ссоримся, другъ другу письма пишемъ,
И только злобимся напрасно. Ей же — ей.
Разъ навсегда поговоримъ, и кончимъ.
Мое письмо ты вычелъ да не понялъ:
Ты мыслишь, я и сплю, и вижу
Тебя лишить наслѣдства. Мыслишь ложно.
Я одного хочу, чтобъ ты явился
Достойнымъ мнѣ помощникомъ и сыномъ.
Что скажешь?

Царевичъ.

Государь-родитель!
Во всемъ на вашу полагаюсь волю.

Царь.

Коль на мою ты волю положился,
Такъ вникни, отъ тебя чего желаю,
Чего я требую? Чтобъ ты учился,
Въ воинскомъ дѣлѣ свѣдущъ былъ. Зачѣмъ?
Для пользы государства. Ты припомни,
Вѣдь та земля, гдѣ мы стоимъ теперь,
Что нашей дѣдиной была исконной,
Передъ началомъ нынѣшней войны,
Была не наша. Въ тяжкую годину
Ее отняли шведы; насъ они
Ограбили чрезъ наше неумѣнье,
Ото всего насъ свѣта оторвали,
Предъ нашими разумными очами
Задернули завѣсъ, — во тьмѣ мы жили.
И не было у насъ ни мастеровъ,
Ни годныхъ офицеровъ, ни матросовъ,
Ни войска смѣлаго бороться съ шведомъ.
Не мало нѣмцевъ жило на Москвѣ,

---

[1]) Одновременно съ присоединеніемъ Лифляндіи и Эстляндіи, въ Финляндіи покорились Русскому царю *Выборгъ* и *Кексгольмъ*, порядочныя крѣпостцы, которыя доставляли молодому Петербургу возможность безопасно торговать, отстраиваться и населяться (Щебальскій).

[2]) Изъ всѣхъ противниковъ преобразовательной дѣятельности Петра Великаго первое мѣсто, по достоинству породы, занималъ его родной сынъ, царевичъ **Алексѣй Петровичъ**. Онъ былъ рожденъ отъ первой супруги Петра Евдокіи Лопухиной 18 февраля 1690 года. Петръ пытался пріучить сына любить то, что самъ любилъ, но царевичъ повиновался нехотя и не показывалъ ничалѣйшаго расположенія слѣдовать туда, куда направлялъ его отецъ. Съ грустію смотрѣлъ государь на поведеніе сына и все болѣе убѣждался, что онъ не годится быть его преемникомъ на престолѣ. Женитьба на принцессѣ Шарлоттѣ также не исправила его. Послѣ свадьбы принцесса жила всего только три года († 1714 г.); черезъ четыре года умеръ и самъ царевичъ (26 іюня 1718 г.), оставивъ послѣ себя круглыми сиротами сына **Петра** четырехъ и дочь **Наталью** шести лѣтъ. Помѣщаемый здѣсь образецъ основанъ на перепискѣ между Петромъ и царевичемъ Алексѣемъ. Письма обоихъ напечатаны въ VI т. *Исторіи царствованія Петра В.* Устрялова и въ 3-ей части *Историч. христоматіи по русской исторіи* г. Гуревича.

Но многому-ль отъ нихъ мы научились?
Ей, ничему! И не учись—пришлось бы
Предъ ними вѣчно въ недоросляхъ быть.
Но Богъ—помощникъ: бѣдными моими
И прочихъ истинныхъ сыновъ россійскихъ
Трудами неусыпными,—достигли
Въ наукахъ силы мы и плодъ вкусили:
Кого мы трепетали, нынѣ тѣ
Не вящше ли трепещутъ нашей славы?
А горько было намъ сіе ученье,
Съ терпѣньемъ прошли мы эту школу,
За то Всесильный наградилъ успѣхомъ.

Царевичъ.

Царь—батюшка! Не минетъ ваша слава
Во вѣки вѣчные.

Царь.

Повремени!
Пріѣхалъ слушать не себѣ хвалы,
Тебя наставить. Слушай же прилежно:
Для государства нуженъ распорядокъ,
Безъ праваго суда не жить народу.
Не менѣе нужна и оборона,—
Безъ войска крѣпкаго погибнетъ царство.
Припомни намъ единовѣрныхъ грековъ.
Оставивши оружіе, они
Жить захотѣли въ мирѣ и покоѣ,
И что-же? Въ миролюбіи своемъ
Подпали игу, и покой любезный
Не въ тяжкую-ль работу обращенъ?
Не служатъ ли теперь тиранамъ-туркамъ?
Я не учу тому—избави Боже!
Чтобъ безъ законныя причины воевалъ.
Но я хочу, чтобъ полюбилъ ты дѣло
Воинское; чтобъ показалъ охоту:
Ужели таковой отцовской просьбы
Не можешь выполнить?

Царевичъ.

Здоровьемъ слабъ,
И умныхъ силъ Господь мнѣ далъ не много.

Царь.

Неправда. Нечего винить Творца:
Ты не обиженъ разумомъ, и хоть природы
Не очень крѣпкой ,но отнюдь не слабой.
Трудовъ воинскихъ понести не можешь?
Но не резонъ сіе. Я не трудовъ,
Одной охоты видѣть я желаю,
А отъ нея не отлучитъ болѣзнь.
Мой братъ покойный Θедоръ былъ здоровьемъ
Слабѣе твоего,—а что̀ любили
При немъ бояре? Лошадей и платье.
Затѣмъ, что онъ охоту къ нимъ имѣлъ.
Всякъ смотритъ на начальника: что̀ любо
Ему, и всѣмъ то любо станетъ.
А братъ больной и ѣздить-то не могъ
На лошадяхъ досужихъ! Умеръ братъ,—
И всѣ охоту эту позабыли,
Тѣмъ паче по моей смерти кинутъ
Тяжелую воинскую забаву!
Уразумѣлъ ли ты, чего желаю?

Царевичъ.

Охоты требуешь къ дѣламъ воинскимъ,
И показалъ на дядѣ мнѣ примѣръ.

Царь.

Еще примѣръ. Равно покойный
Король Французскій на войнѣ бывалъ
Не много самъ, но какъ имѣлъ къ тому
Великую охоту,—то какія
Преславныя дѣла свершилъ въ войнѣ! [1])
Его войну театромъ называли
И школой свѣта! Онъ имѣлъ охоту
Не точію къ войнѣ, и къ прочимъ
Дѣламъ и къ фабрикамъ, и тѣмъ свое
Онъ государство паче всѣхъ прославилъ.
И такъ не все трудомъ, охотой много,
При помощи Господней, можно сдѣлать,
Не мыслишь ли, что генералы могутъ
По повелѣнью твоему управить?
Воистину скажу, сіе не есть резонъ.
Не зная силы въ дѣлѣ, что̀ ты можешь?
Какъ доброму ты доброе воздашь?
Какъ нерадиваго накажешь? Будешь,
Какъ птица молодая, въ ротъ смотрѣть,
И что укажутъ—дѣлать принужденъ.
А такову-ль должно быть государю?
Ты государь, ты первый межъ народа,
Въ наукѣ и трудахъ да будешь первый!

Царевичъ.

Мнѣ и подумать, батюшка, ужасно
О столь великихъ тягостныхъ заботахъ,
Меня не станетъ на такое дѣло!

Царь.

Затѣмъ не станетъ, что лѣнивъ приняться.
Къ чему охочъ ты? Къ праздному покою?

[1]) Французскій король Людовикъ XIV.

Тебѣ ботѣть бы, лежа на боку!
Ей, Алексѣй! Ей, не серди меня!
Довольно есть и безъ тебя лѣнтяевъ,
Что вѣкъ безъ просыпу готовы дрыхнуть.
Зову на трудъ, на службу государству,
Не мнѣ служить, служить родной землѣ.
Сидятъ себѣ, на зовъ—все „нѣтъ да нѣту!“
Имъ не расти трава! Ужель наслѣдникъ
Россійскаго престола будетъ въ нѣтѣхъ?
Ужель тебѣ лѣниться съ ними слаще,
Чѣмъ на работѣ быть со мной, отцомъ,
И вѣрными россійскими сынами?

Царевичъ (,падая къ его ногамъ).

Премилосердый государь! Простите
Вы всенижайшаго раба и сына;
Таковъ ли надобенъ по васъ наслѣдникъ,
Какъ я гнилой, негодный человѣкъ!
Желаю я монашескаго чина,
О постриженіи молю усердно!

Царь.

Такъ вотъ онъ твой отвѣтъ отцу! Спасибо!
Вотъ чѣмъ отцу воздалъ ты за рожденье!
Послѣдній мужиченка въ нашемъ царствѣ
Въ своихъ сынахъ отраду зритъ себѣ;
Отъ малыхъ лѣтъ они
Ему помощники на страдной нивѣ!
А ты, въ столь совершенныхъ лѣтахъ,
Ты помогаешь ли въ моихъ несносныхъ
Печаляхъ и трудахъ? Ей, николи!
Ты уподобился лѣнивому рабу,
Вкопавшему талантъ свой въ землю—сирѣчь
Все бросилъ, что далъ Богъ. Не вѣрю
Желанью въ монастырь итти, не вѣрю.
Ты постриженьемъ точію на время
Отбыть отъ службы государству хочешь,
Зане ты ненавистникъ дѣлъ моихъ,
Которыя для своего народа,
Здоровья не жалѣя своего,
Я дѣлаю,—и по моей по смерти
Конечно оныхъ будешь разоритель!

Царевичъ (все на колѣняхъ).

Ей, государь, не лживо говорю,
Ей, истинно желаю я постричься.
Въ монастырѣ молиться о тебѣ,
Моемъ отцѣ и государѣ, буду,

Царь.

Встань! Предо мной не лицемѣрь! Довольно.
(Царевичъ встаетъ.)

На всѣ мои душевныя слова,
Ты отвѣчаешь затверженной рѣчью,—
Ты словно подъ диктовку говоришь
Моихъ враговъ, и явныхъ и сокрытыхъ!
Меня не любишь ты; не какъ отца,
Но какъ тирана грознаго страшишься!
Когда-бъ любилъ, то былъ бы въ послушаньи;
Люби меня,—то слыша что я боленъ,—
Ей ожидалъ себѣ я скорой смерти,—
Ты позабылъ бы наши пререканья,
Отца больного поспѣшилъ утѣшить!
И покаянною слезой омылъ бы
Свои вины!

Царевичъ.

Ей, батюшка, не смѣлъ
Въ болѣзни вашей васъ обезпокоить.

Царь.

И звѣрь больной кусать тебя не станетъ,
Коль врачевать его придешь. Отцу ли
Сыновнее отвергнуть покаянье,
Души своей больной бальзамъ цѣлебный!
Нѣтъ, ты навсегда не добръ былъ и упоренъ.
И вспомнить страшно мнѣ: какого злого,
Жестокаго ты преисполненъ нрава!
Сколь много бранивалъ тебя за это,
Не точію бранилъ, бивалъ; къ тому же,
Ужъ сколько лѣтъ, съ тобою, почитай,
Не говорю. Но все то не успѣло,
Ничто не пользуетъ, все даромъ, прахомъ.
Ты радъ упорству своему, безумецъ!
Помысли, выраститъ оно бѣдою,
Не точію тебѣ, но государству.

Царевичъ.

Отъ государства вовсе отступаюсь,
Пусть младшій братъ, не я, наслѣдникъ будетъ:
Претендовать наслѣдства я не стану,
Не буду николи искать престола,
Прошу лишь пропитанія до смерти:
Клянусь, да будетъ мнѣ Господь свидѣтель,
И клятву на душу свою кладу.

Царь.

Отвѣта на слова свои не слышу!
Къ моей ты скорби глухъ и нѣмъ! Жестоко
Ты на призывъ отцовскій отвѣчаешь,
Пренебрегаешь ты моимъ прещеньемъ!
Кладешь ты клятву и завѣтъ предъ Богомъ,
Чтобъ не хотѣть престола николи.—

Но какъ твоей могу повѣрить клятвѣ?
Коль нынѣ не боишься, чтó-жъ по смерти?
Всякъ человѣкъ есть ложь, Давидъ глаголетъ.
Пусть истинно клянешься,—но тебя
Къ противному склонить принудить могутъ
Большія бороды, которыя при насъ,
Для—ради тунеядства своего,
Не въ авантажѣ обрѣтаются. А къ нимъ
Зѣло ты склоненъ.

Царевичъ.

Я пребуду твердъ,
Въ чемъ поклялся.

Царь.

Еще скажу: не мысли
Что устрашенья ради говорю.
Настанетъ время, что нельзя ужъ будетъ
Ни рыбою-ни мясомъ оставаться.
Теперь ты просишь въ монастырь итти,
Тогда пойдешь по моему велѣнью.
(По молчаніи)
Но не хочу отчаяватьса вовсе,
На размышленье срокъ тебѣ даю.
Еще есть время.—Ѣду на войну:
Захочешь, то, поправившись здоровьемъ,
Пріѣдешь помогать отцу въ трудахъ,
А не пріѣдешь,—порвано межъ нами!
Прощай, мой сынъ!—Помысли же гораздо.
(Уходитъ.)

Д. Аверкіевъ.

ЛАДОЖСКОЕ ОЗЕРО.

Принесши плодъ, земля лишилась лѣтней нѣги;
Разноситъ блѣдный листъ бурливыхъ вѣтровъ бѣги:
Летитъ съ крутыхъ верховъ на Ладогу борей,
Дожди и снѣгъ, и градъ трясетъ съ сѣдыхъ кудрей,
Наводитъ на воды глубокія морщины.
Сквозь мглу ужасенъ видъ нахмуренной пучины;
Смутившись тягостью его замерзлыхъ крылъ,
Крутится и кипитъ съ водой на берегъ илъ.
Волнами свержены, встрѣчаютъ гору волны
И скачутъ вкругъ нея, печальныхъ знаковъ полны,
Между запасами колеблется тамъ дубъ,
Между снарядами пловцевъ россійскихъ трупъ;
Тамъ кормы, дна судовъ разсыпаны, разбиты...
Монархъ, узрѣвъ въ пути, коль злобенъ рокъ несытый,
Вздохнулъ изъ глубины и бурѣ запрещалъ,
И въ сердцѣ положилъ великій трудъ—каналъ,
Дабы россійскою могущею рукою
Потоки Волхова соединить съ Невою. [1])

М. Ломоносовъ.

ЛАДОЖСКІЙ КАНАЛЪ.

(НАРОДНАЯ ПѢСНЯ)

Ахъ далече-далече, въ чистомъ полѣ,
Расплачется травушка зеленая;
Унимаетъ ее мати земля сырая:
„Не плачь, не плачь, трава-мурава,—
„Не одной тебѣ въ чистомъ полѣ тошненько,
„И мнѣ еще того тошнѣе.

„Какъ ѣхалъ государь-царь изъ подъ Риги,
„Велѣлъ меня, землюшку, копати,
„И рвы, и колодези вырывати,
„Ключевую воду испускати."

Кручиненъ доброй молодецъ, кручиненъ,
Печаленъ онъ, отецкой сынъ, печаленъ,
Не отъ радости доброй молодецъ постригся:
„Съ великія печали я посхимлюсь,
„Житье-бытье отдамъ я во монастырь,
„Остатками себѣ келейку поставлю.
„Во кельѣ просѣку я три окошка:
„Я первое окошко—къ Божьей церкви,
„А другое окошко—во монастырь,
„А третіе окошко—въ чисто поле.
„Къ Божіей церкви посмотрю ли я—помолюся;
„Въ монастырь посмотрю ли я—спасуся;
„Въ чисто поле посмотрю я—заплачу:
„Ахъ свѣтъ ты, моя сторонка!
„Мнѣ ужъ на тебѣ не бывати,
„Отца и матери мнѣ не видати,
„О молодой женѣ и дѣткахъ не слыхати,
„Весь родъ-племя я позабуду.

---

[1]) Устройство Ладожскаго канала Петръ Великій поручилъ въ 1723 г. иностранцу **Миниху**, который сдѣлался впослѣдствіи фельдмаршаломъ и графомъ Россійской имперіи. Минихъ приступилъ къ дѣлу съ такимъ искусствомъ, что императоръ оцѣнилъ опытнаго инженера и говорилъ о немъ съ удовольствіемъ: «труды моего Миниха возвратили мнѣ здоровье.»

ПИРЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Надъ Невою рѣзво вьются
Флаги пестрые судовъ;
Звучно съ лодокъ раздаются
Пѣсни дружныя гребцовъ:
Въ царскомъ домѣ пиръ веселый;
Рѣчь гостей хмельна, шумна;
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

Что пируетъ царь великій
Въ Петербургѣ-городкѣ?
Отчего пальба и клики,
И эскадра на рѣкѣ?
Озаренъ ли честью новой
Русскій штыкъ иль русскій флагъ?
Побѣжденъ ли шведъ суровый?
Мира-ль проситъ грозный врагъ?

Иль въ отъятый край у шведа
Прибылъ Брантовъ утлый ботъ,
И пошелъ на встрѣчу дѣда
Всей семьей нашъ юный флотъ,
И воинственные внуки
Стали въ строй предъ старикомъ,
И раздался въ честь науки
Пѣсенъ хоръ и пушекъ громъ?

Годовщину ли Полтавы
Торжествуетъ государь—
День, какъ жизнь своей державы
Спасъ отъ Карла Русскій царь?
Родила-ль Екатерина?
Именинница-ль она,
Чудотворца—исполина
Чернобровая жена?

Нѣтъ: онъ съ подданнымъ мирится;
Виноватому вину
Отпуская веселится;
Кружку пѣнитъ съ нимъ одну,
И въ чело его цѣлуетъ,
Свѣтелъ сердцемъ и лицомъ,
И прощенье торжествуетъ,
Какъ побѣду надъ врагомъ.

Оттого-то шумъ и клики
Въ Петербургѣ-городкѣ,
И пальба, и громъ музыки,
И эскадра на рѣкѣ;
Оттого-то въ часъ веселый
Чаша царская полна,
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

А. Пушкинъ.

СМЕРТЬ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

(НАРОДНЫЯ ПѢСНИ)

(† 28 января 1725 г.)

«Что се есть? до чего мы дожили, о россіяне? что видимъ, что дѣлаемъ? Петра Великаго погребаемъ! Сей воистинну толь печальной траты развѣ бы летаргомъ нѣкіимъ, смертообразнымъ сномъ забыть намъ возможно.»

Изъ «Слова на погребеніе Петра Великаго».

Ѳеофанъ Прокоповичъ.

ПЕТРЪ I-й КОНЧАЕТСЯ. [1])

Во славномъ городѣ во Сан-Питерѣ
Стояли палаты бѣлокаменныя,
Во тѣхъ во палатахъ бѣлокаменныхъ
Состроена тутъ кроватушка тесовая,
На кроватушкѣ изголовьице точеное,
Точеное, позолоченое,

[1]) «1725 годъ, пишетъ въ своихъ «*Запискахъ*» современникъ Петра Великаго В. А. Нащокинъ, началомъ своимъ зѣло неблагополучіе Россіи оказалъ: 28 текущаго генваря, по волѣ всемогущаго Бога, всепресвѣтлѣйшій, державнѣйшій и самодержецъ Всероссійскій, отецъ отечества, государь всемилостивѣйшій, Петръ Великій, чрезъ двѣнадцатидневную жестокую болѣзнь, отъ сего временнаго въ вѣчное блаженство отыде. Я не могу, продолжаетъ далѣе Нащокинъ, отъ неискусства пера моего, описать, какъ при толикомъ общенародномъ неблагополучіи, видимъ былъ общій плачъ: старые сѣтуютъ, почто Петра Великаго пережили; молодые говорили: «блаженны отцы наши, что жили во дни Петра Великаго, а мы только его видѣли, чтобъ о немъ плакать!» Домашніе его рыдали день и нощь. Вездѣ неутѣшная печаль въ Россіи на лицахъ всѣхъ изобразуетъ.»

На изголовьицѣ подушечки шелко̀выя,
Шелковыя и парчевыя,
На подушкахъ одѣяло соболиное
Того соболя сибирскаго,
Подъ одѣялечкомъ лежитъ удалый добрый
молодецъ,
Удалъ добрый молодецъ, нашъ православный
царь,
Православный царь Петръ Алексѣевичъ.
Передъ нимъ стоятъ всѣ князья-бояре,
Всѣ старшіе фельдмаршалы.
Возговорятъ всѣ князья-бояре,
Всѣ старшіе фельдмаршалы:
„Тебѣ, видно, худо можется,
„Худо можется, конецъ близится.
„На кого ты свое царство приказываешь,
„На кого ты свое государство отказываешь?
„Кому у насъ будетъ Сенатъ судить,
„Кому у насъ владать каменной Москвой,
„Каменной Москвой, всей Россіею?“
Какъ не золотая трубонька вострубила,
Какъ не серебряная сиповочка возыграла,
А возговорилъ нашъ батюшка православный
царь,
Православный царь Петръ Алексѣевичъ:
—Сенатъ судить—вамъ, князьямъ-боярамъ,
—Каменна Москва и Россія вся моей гу-
сударынѣ.—
Услыхала государыня,
Изъ палатъ идетъ—сама вопитъ:
„О, ты гой еси, мой милъ-сердечный другъ,
„Православный царь Петръ Алексѣевичъ!
„На кого ты свое царство приказываешь,
„На кого ты свое государство отказываешь?“
Не золота трубонька вострубила,
Не серебряная сиповочка возыграла,
Анъ возговоритъ нашъ православный царь,
Православный царь Петръ Алексѣевичъ:
—Сенатъ судить князьямъ-боярамъ,
—Всѣмъ старшимъ фельдмаршаламъ;
—Каменная Москва тебѣ, моя государыня,
—Каменная Москва и Россія вся.—

ПОМЕРЪ ГОСУДАРЬ.

I.

Померъ, померъ нашъ батюшка, православ-
ный царь,
Померъ онъ, переставился.
На кого ты, батюшка, обузушки покинулъ:
Какъ и первую обузушку—мать Россеюшку,
Какъ другую-то обузушку—молодыхъ солдатъ,
Какъ и третью-то обузушку—бѣлокаменны
палаты?
Какъ и эти палаты стоятъ растворены,
Въ этихъ палатахъ золота гробница,
У этой гробницы стоятъ попы-патріархи,
Они служатъ и читаютъ—память отпѣваютъ.

II.

Какъ у насъ было, братцы, на святой Руси,
На святой Руси, въ каменной Москвѣ,
У Ивана у Великаго, у собора у Успенскаго,
Ударили въ большой колоколъ,
Раздается звонъ по матушкѣ по сырой землѣ:
Померъ, померъ у насъ, братцы, Бѣлый царь,
Бѣлый царь Петръ Первый.
Возговорятъ его слуги вѣрные, генералушки,
Генералушки чиновны господа:
„Состроимъ мы свому царю Бѣлому гроб-
ницу кипарисову,
„Увьемъ мы ее, гробницу, плисомъ-барха-
томъ,
„Унесемъ мы своего царя Бѣлаго за Неву
рѣку,
„Поставимъ мы его гробницу, во сыру землю,
„Засыплемъ ее съ горъ желтымъ пескомъ.“

ПЛАЧЪ ГОСУДАРЫНИ. [1])

Какъ ударили въ большой колоколъ
Въ соборѣ да Петропавловскомъ.
Что за правымъ-то за крылосомъ
У гробницы государевой,
Государя Петра Перваго,
Тутъ стояла честна̀я вдова,
Честная вдова государыня,
Катерина Алексѣевна;
Со слезами Богу молилась:
„Ужъ ты встань, встань, благовѣрный царь,
„Благовѣрный царь Петръ Алексѣевичъ!
„Посмотри ты на свою армію
„И на конную на всю гвардію:
„Всѣ солдатушки во походъ идутъ,
„Барабанщички въ барабаны бьютъ.“

---

[1]) Другой современникъ государя, его любимецъ и сподвижникъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ въ своей *Краткой повѣсти о смерти Петра Великаго* о состояніи духа императрицы Екатерины, послѣ кончины ея супруга, говоритъ слѣдующее: «сама государыня отъ сердца глубоко воздохнула чуть жива, и когда-бъ не поддержана была, упала бы.»

ПЛАЧЪ ВОЙСКА. [1]

Ахъ ты, батюшка, свѣтелъ мѣсяцъ!
Что ты свѣтишь не постарому,
Не постарому, не попрежнему,—
Не во всю землю Святорусскую,
Что со вечера не до полночи,
Со полуночи не до бѣла свѣта,
Все ты прячешься за облаки,
Закрываешься тучей темною?—
Какъ у насъ было на святой Руси,
Въ Петербургѣ, славномъ городѣ,
У дворца было государева,
У крыльца было воскрашенаго,
Молодой солдатъ на часахъ стоялъ,
Стоючи-то онъ призадумался,
Призадумавшись слезно плакать сталъ.
И онъ плачетъ, какъ рѣка льется;
Ужъ и слезы льетъ, что ручьи текутъ;
Воздыхаетъ онъ, словно лѣсъ шумитъ;
Возрыдаетъ онъ, ровно громъ гремитъ;
Возрыдаючи онъ возговорилъ:
„Вы подуйте съ горъ, вѣтры буйные,
„Разнесите вы снѣжки бѣлые;
„Разступися ты, мать сыра земля,
„Ты на всѣ четыре стороны;
„Развались-ка ты, бѣлъ-горючъ камень;
„Раскались-ка ты, гробова доска;
„Развернись-ка ты, золота парча,
„Распахнись-ка ты, бѣлъ тонкой саванъ!
„Ужъ ты встань-проснись, православный царь,
„Православный царь, Петръ Алексѣевичъ!
„Подыми-ка свою головушку,
„Посмотри ты свою силушку,
„На свою матерь Россіюшку;
„Посмотри, сударь, на свою гвардію,
„Посмотри на всю армеюшку.
„Хорошо твоя армеюшка обряжена:
„Всѣ полковники во своихъ полкахъ,
„Подполковнички на своихъ мѣстахъ,
„Всѣ маіоры на добрыхъ коняхъ,
„Капитаны передъ ротами,
„Офицеры передъ взводами,
„А прапорщики подъ знаменами;
„Дожидаютъ они полковничка,
„Что полковничка Преображенскаго,
„Капитана Бомбандерскаго."

ХАРАКТЕРИСТИКА ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

(СТИХОТВОРЕНІЯ, ПОСВЯЩЕННЫЯ ПАМЯТИ ПЕТРА I-го)

«Я въ полѣ межъ огнемъ; я въ судныхъ засѣданіяхъ межъ трудными разсужденіями; я въ разныхъ художествахъ между многоразличными махинами; я при строеніи городовъ, пристаней, каналовъ между безчисленнымъ народа множествомъ; я межъ стенаніемъ валовъ Бѣлаго, Чернаго, Балтійскаго, Каспійскаго моря и самаго Океана духомъ обращаюсь; вездѣ Петра Великаго вижу, въ потѣ, въ пыли, въ дыму, въ пламени; и не могу самъ себя увѣрить, что одинъ вездѣ Петръ, но многіе; и не краткая жизнь, но лѣтъ тысяча!»

Изъ «Похвал. Слова Петру Великому.»
М. Ломоносовъ.

Оставя скипетръ, тронъ, чертогъ,
Бывъ странникомъ, въ пыли и потѣ,
Великій Петръ, какъ нѣкій богъ,
Блисталъ величествомъ въ работѣ.

Г. Державинъ.

ИЗЪ ПОЭМЫ „ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ."

Пою премудраго россійскаго героя,
Что грады новые, полки и флоты строя,
Отъ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ со злобой велъ войну,
Сквозь страхи проходя, вознесъ свою страну;
Смирилъ злодѣевъ внутрь и внѣ попралъ противныхъ,
Рукой и разумомъ свергъ дерзостныхъ и льстивыхъ;
Среди военныхъ бурь науки намъ открылъ,

[1]) Говорятъ, что во всѣхъ трехъ полкахъ, двухъ гвардейскихъ и въ одномъ гренадерскомъ, составлявшихъ гарнизонъ столицы, не было ни одного человѣка, который бы не плакалъ объ этой неожиданной и горестной кончинѣ, какъ ребенокъ (Берхгольцъ).

И міръ дѣлами весь и зависть удивилъ.
Къ тебѣ я вопію, премудрость безконечна,
Пролей свой лучъ ко мнѣ, гдѣ искренность
сердечна
И полонъ ревности спѣшитъ въ восторгѣ духъ
Петра Великаго гласить вселенной вслухъ
И показать, какъ онъ превыше человѣка
Понесъ труды для насъ, неслыханны отъ вѣка,
Съ какимъ усердіемъ отечество любя,
Ужаснымъ подвергалъ опасностямъ себя.
Да, на его примѣръ и на дѣла велики,
Смотря весь смертныхъ родъ, смотря земны
владыки,
Познàютъ, что монархъ и что отецъ прямой,
Строитель, плаватель, въ поляхъ, въ моряхъ
герой.
Дабы россійскій родъ во вѣки помнилъ
твердо
Коль, небо, ты ему явилось милосердо.
Ты мысль мнѣ просвѣти; дѣлами Петръ
снабдитъ,
Велика дщерь его щедротой оживитъ. [1])

М. Ломоносовъ.

ПѢСНЬ ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ.

Россія, въ славу облеченна,
Куда свой взоръ ни обратитъ,
Вездѣ, весельемъ восхищенна,
Вездѣ труды Петровы зритъ.

Хоръ.

Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ ты, Великій Петръ! [2])

Онъ древній мракъ нашъ побѣждая,
Науки въ полночь водворилъ;
Во тьмѣ свѣтильникъ возжигая,
И въ насъ благіе нравы влилъ.

Какъ Богъ—великимъ провидѣньемъ
Онъ все собою озиралъ,
Какъ рабъ—неслыханнымъ раченьемъ
Онъ все собою исполнялъ.

Прошелъ землями и морями,
Учился самъ, чтобъ насъ учить;
Искалъ бесѣдовать съ царями,
Чтобъ послѣ всѣхъ ихъ удивить.

Ко скипетру рожденны руки
На трудъ несродный простиралъ;
Звучатъ доднесь по свѣту звуки,
Какъ онъ сѣкирой ударялъ.

Его младенчески забавы
Родили громы наконецъ;
А посреди военной славы
Онъ былъ отечества отецъ.

Лучи величества скрывая,
Простымъ онъ воиномъ служилъ;
Вождей искусству научая,
Онъ самъ полки на брань водилъ.

Вселенну храбрость устрашала,
Какъ онъ противныхъ поражалъ;
Вселенну милость утѣшала,
Какъ онъ плѣненныхъ угощалъ.

Владыка будучи полъ-свѣта,
Герой въ поляхъ и на моряхъ,
Не презиралъ давать отчета
Своимъ рабамъ въ своихъ дѣлахъ.

Вѣнцы, тріумфы, колесницы
Не для себя онъ учреждалъ;
Отличность, блески багряницы
Заслугъ въ наградѣ полагалъ.

Былъ въ вѣрѣ твердъ и ей послушенъ,
Пѣвецъ онъ самъ былъ алтарей;
Средь золъ, средь благъ великодушенъ,
Нелестный другъ своихъ друзей.

Монархамъ возвращалъ короны,
Законы подданнымъ писалъ;
Что должны дѣлать милліоны,
Собой всѣмъ образъ подавалъ.

Чрезъ горы проточилъ онъ воды,
На блатахъ грады насадилъ;
Довольство ввелъ въ свои народы,
Съ Востокомъ Западъ съединилъ.

Онъ истины любя уставы,
Хранилъ нелицемѣрный судъ;
Поднесь его полезны правы
Ко благоденствію ведутъ.

Поднесь вселенну изумляетъ
Величіе его чудесъ;
Премудрыхъ умъ не постигаетъ:
Не Богъ ли въ немъ сходилъ съ небесъ?

---

[1]) Императрица Елисавета Петровна.
[2]) Это двухстишіе образуетъ хоръ и повторяется послѣ каждой строфы.

О, россы, славой лучезарны!
О, родъ героевъ и соборъ!
Петру вы будьте благодарны,
Да въ вѣкъ Петру гремитъ вашъ хоръ!

Г. Державинъ.

СТАНСЫ.

Въ надеждѣ славы и добра
Гляжу впередъ я безъ боязни:
Начало славныхъ дѣлъ Петра
Мрачили мятежи и казни.

Но правдой онъ привлекъ сердца,
Но нравы укротилъ наукой,
И былъ отъ буйнаго стрѣльца
Предъ нимъ отличенъ Долгорукій.

Самодержавною рукой
Онъ смѣло сѣялъ просвѣщенье,
Не презиралъ страны родной:
Онъ зналъ ея предназначенье.

То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ.

Семейнымъ сходствомъ будь же гордъ,
Во всемъ будь пращуру подобенъ:
Какъ онъ, неутомимъ и твердъ,
И памятью, какъ онъ, незлобенъ.

А. Пушкинъ.

МАЛОЕ СЛОВО О ВЕЛИКОМЪ.

—Какъ бы въ мудрость иноземцевъ
Намъ проникнуть?—Думалъ онъ.
—Дай поучимся у нѣмцевъ!
Только первый шагъ мудренъ.

Сердце бойко застучало;
Всталъ онъ, время не губя:
„На Руси всему начало—
„Царь: начну же я съ себя."

И съ ремесленной науки
Началъ онъ и, въ дѣлѣ скоръ,
Крѣпко въ царственныя руки
Взялъ онъ плотничій топоръ.

Съ добрымъ духомъ въ добромъ тѣлѣ,
Славно плотничаетъ царь;
Тамъ успѣлъ въ столярномъ дѣлѣ;
Тамъ глядишь, ужъ и токарь.

Къ мужику придетъ: „Богъ помочь!"
Тотъ трудится, лобъ въ поту.
„Что ты дѣлаешь, Пахомычъ?"
—Лапти, батюшка, плету;

Только дѣло плоховато:
Ковыряю, какъ могу,
Черезъ пятое въ десято.—
„Дай-ка, я тѣ помогу!"

Сѣлъ. Продернетъ, стянетъ дырку;
Знаетъ, гдѣ и какъ продѣть,
И плететъ въ частоковырку,
Такъ что любо поглядѣть.

Въ поле къ праздному владѣльцу
Выйдетъ онъ, найдетъ досугъ,
И исправитъ земледѣльцу
Борону его и плугъ.

А на трудъ свой съ недовѣрьемъ
Самъ все смотритъ.—Нѣтъ, пора
Перестать быть подмастерьемъ,—
Время выйти въ мастера.—

И покинувъ царедворскій
Штатъ и чинъ, и скипетръ свой,
Онъ поѣхалъ въ край заморскій:
„Человѣкъ-де я простой,

Петръ Михайловъ, плотникъ, слесарь,
Подмастерье, говоритъ:
А на царствѣ тамъ князь-кесарь
Ромодановскій сидитъ,

Θедоръ Юрьичъ. [1]) Онъ вѣдь спроситъ
Отъ Петра и то и се."
И рапортомъ онъ доноситъ
Князю-кесарю про все.

---

[1]) Бояринъ **Θедоръ Юрьевичъ Ромодановскій** носилъ титулъ *князя-кесаря*. Въ лицѣ его Петръ смѣялся надъ внѣшностью, надъ обстановкою, надъ атрибутами этого импровизированнаго имъ сана; князь-кесарю отводились первыя мѣста во всѣхъ церемоніяхъ, князь-кесарю отдавались особенныя почести, къ нему приближались иначе, съ нимъ не говорили, въ присутствіи его не сидѣли такъ, какъ говорятъ и сидятъ въ обществѣ простыхъ смертныхъ, однимъ словомъ, все, что Петръ находилъ въ своемъ *царскомъ* положеніи скучнаго, натянутаго—все представлялъ Ромодановскому. Именуя себя «холопомъ и послѣднимъ рабомъ» его, получая отъ него чины и повышенія, Петръ всю сущность власти удержалъ за собой. Кромѣ разыгрыванія роли государя, Ромодановскому была предоставлена значительная доля въ административномъ управленіи (М. И. Семевскій).

„Вотъ, онъ пишетъ, дѣло наше
Подвигается; тружусь
И о здравьи вашемъ ваше
Я величество молюсь."

И припишетъ вдругъ: „Однако
Все я знаю: не дури!
Не грызи людей, собака!
Худо будетъ, князь,—смотри!"

Навострившись у голландцевъ,
Заглянувъ и въ Альбіонъ,
У цесарцевъ, итальянцевъ,
Поучился также онъ.

Сталъ онъ мастеръ корабельный,
И на все гораздъ притомъ:
Онъ и врачъ довольно дѣльный,
И хирургъ, и анатомъ,

Физикъ, химикъ понемногу,
И механикъ неплохой.
И въ обратную дорогу
Снарядился онъ домой.

Для уроковъ же изустныхъ,
Что онъ Руси дать желалъ,
Онъ учителей искусныхъ
Ей изъ-за моря прислалъ.

—Полно втунѣ волочиться,
Дворянинъ! сади сынка
Буквѣ, цыфири учиться,
Землемѣрію слегка.—

Только все успѣхи плохи,
И ученье ни къ чему.
Русскій смотритъ: скоморохи
Въ нѣмцахъ видятся ему,

И учителямъ не хочетъ
Вѣрить, что не говори:
Нѣмецъ, думаетъ, морочитъ;
Все фигляры, штукари.

Все въ нихъ странно, не по-русски;
Некрещеный все народъ;
Носъ табачный, платья узки,
Да и ходятъ безъ бородъ.

Какъ имъ вѣрить? Кто порука?
И, не къ ночи говоря,
Козни бѣса—ихъ наука;
Изурочили царя.

И державный нашъ работникъ
Посмотрѣлъ, похмурилъ взоръ,
Снова вспомнилъ, что онъ плотникъ,
Да и взялся за топоръ.

И давай рубить онъ съ корня:
Роскошь прочь! Кафтанъ съ плеча!
Прочь хоромы, пышность, дворня!
Прочь и бархатъ и парча!

Раззолоченныя тряпки,
Блестки прочь! Все въ печь вались!
Скидывай собольи шапки!
Просто— нѣмцемъ нарядись!

Царь велѣлъ, слова коротки;
Простоты-жъ примѣръ въ глазахъ:
Самъ, подкинувъ онъ подметки,
Ходитъ въ старыхъ сапогахъ.

Изъ завѣтныхъ, тайныхъ горницъ,
Изъ невѣдомыхъ свѣтлицъ,
Вывесть велѣно затворницъ:
И дѣвицъ, и молодицъ.

Въ ассамблею! Душегрѣйки
Съ плечъ долой! Таковъ приказъ.
Страхъ подумать: бѣлы шейки,
Бѣлы плечи на показъ!

Да чего?—Полъ-груди видно:
Такъ и въ танецъ выходи!
Идутъ, жмурятся... такъ стыдно!
Ручки къ глазкамъ—не гляди!

А приказу все послушно.
Женки слезы трутъ платкомъ,
Царь же потчуетъ радушно
Муженьковъ ихъ табакомъ.

Табакерки! Трубки! Въ глотку
Хоть не лѣзетъ, а тяни!
Порошку возьми щепотку,
Въ носъ пихни, нюхни, чихни!

Тянутъ, нюхаютъ. Ну, зѣлье!
Просто одурь отъ него.
Эко знатное веселье!
А привыкнешь—ничего,

Самъ попросишь.—Въ плясъ голландскій,
Хоть не хочется, иди
—Эй ты тамъ, сынокъ дворянскій,
Выходи-ка, выходи!

„Либеръ Августинъ" по звуку
На нѣмецкій ладъ кружи;
Откружилъ—ступай въ науку,
А научишься—служи.

Мало дома школьныхъ храминъ—
За-границу поѣзжай;
А воротишься—экзаменъ
Царь задастъ: не оплошай!

Самъ допроситъ: выложь знанья:
Цыфирь, линіи, круги;
А не сдержишь испытанья—
И жениться не моги:

Не позволитъ. Оглянулся—
Онъ ужъ тамъ, и снова весь—
Мысль и дѣло, покачнулся,
Задремалъ ты—онъ ужъ здѣсь.

Тамъ нашелъ онъ ключъ цѣлебный,
Тамъ—серебряный рудникъ,
Тамъ устроилъ домъ учебный,
Тамъ богатствъ открылъ родникъ.

Тамъ взрываетъ камней груду,
Тамъ дворянъ зоветъ на смотръ;
А межъ тѣмъ наука всюду,
И въ наукѣ всюду Петръ.

Рыщетъ взглядомъ, сводитъ брови...
Тамъ подъ Нарвой храбрый шведъ
Учитъ насъ цѣною крови
Трудной алгебрѣ побѣдъ.

Научились. Подъ Полтавой
Вотъ онъ грозенъ и могучъ,
Голосъ—громъ, глаза—кровавый
Выблескъ молніи изъ тучъ.

Врагъ разбитъ. Побѣда наша!
И сподвижникъ близъ него,
Князь Данилычъ Алексаша,
Славный Меншиковъ его.

Отъ добра пришлось и къ худу:
Смѣлый царь вступилъ на Прутъ,
И бѣда случись: отвсюду
Злые турки такъ и прутъ.

Окружили. Дѣло круто.
Торжествуетъ супостатъ;
И Великій пишетъ съ Прута
Въ свой встревоженный Сенатъ:

„Не робѣть! Дѣла плохія.
Жизнь Петру не дорога.
Что тутъ Петръ? Важна Россія,
Петръ ей, такъ какъ вы, слуга,

Только-бъ чести не нарушить;
Противъ чести что коль самъ
Скажетъ Петръ—Петра не слушать!
То не царь ужъ скажетъ вамъ.

Плѣнъ грозитъ. За выкупъ много
Коль потребуютъ враги—
Не давать! держаться строго!
Деньгу крѣпко береги!“ [1])

Но спасаетъ властелина
И супруга своего
Черна бровь—Екатерина,
Катя чудная его;

Хитрый путь она находитъ,
Клонитъ къ миру визиря̀
И изъ злой бѣды выводитъ
Изумленнаго царя.

Разъ, замѣтивъ захолустье,
Лѣсъ, болотный уголокъ,
Глушь кругомъ, при Невскомъ устьѣ
Заложилъ онъ городокъ.

Шатокъ грунтъ, да сбоку море:
Расхлеснемъ къ Европѣ путь!
Эта дверь не на затворѣ;
Дѣло сладимъ какъ нибудь.

Нынче сказана граница,
Завтра срублены лѣса,
Чрезъ десятокъ лѣтъ—столица,
Черезъ сотню—чудеса.

Смерть смежила царски очи;
Но безсмертныя дѣла,
Но слѣды гигантской мочи
Русь въ наслѣдье приняла.

И въ тотъ вѣкъ лишь взоръ попятишь,
Все оттоль глядитъ добромъ,
И доселѣ, что̀ ни схватишь,
Откликается Петромъ.

И Петровскую стихію
Носимъ въ русской мы крови,
Такъ что матушку Россію
Хоть „Петровіей“ зови;

А по имени любовно,
Да по-батюшкѣ назвать,
Такъ и выйдетъ: „Русь Петровна.“
Такъ извольте величать!

В. Бенедиктовъ.

---

[1]) Есть извѣстіе, что государь писалъ съ Прута въ Сенатъ; но такъ какъ письмо это, не взирая на всѣ изысканія, не было найдено, потому и не можетъ считаться достовѣрнымъ (Щебальскій).

ПЕТРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ.

Когда, какъ будто вихрь попутный,
Приспособляя крылья намъ,
Уноситъ насъ вагонъ уютный
По русскимъ дебрямъ и степямъ:

Благословляю я чугунку!
И вдругъ мнѣ что-то говоритъ:
На насъ, весь вытянувшись въ струнку,
Петръ Алексѣевичъ глядитъ.

Почуя гулъ необычайный,
Царь всталъ тревожно изъ земли
И съ любопытствомъ, думой тайной,
Вперилъ на насъ глаза свои.

Въ умѣ недолго онъ пошарилъ,
Всю важность дѣла онъ смекнулъ,
И по лбу вдругъ себя ударилъ,
И тяжко нашъ родной вздохнулъ.

Чудовищемъ любуясь жадно,
Ему отвѣсилъ онъ поклонъ;
Но все-жъ голубчику досадно,
Что звѣрь сей не при немъ рожденъ!

Паръ, эту пятую стихію,
Еще не выдумалъ народъ;
А царь нашъ матушку Россію
На всѣхъ парахъ ужъ гналъ впередъ.

Вставъ спозаранку чарку хватитъ,
Подастъ къ походу зычный свистъ,
И сплошь свою громаду катитъ
Нашъ вѣнценосный машинистъ.

Такъ твердо тендеръ свой державный
Онъ въ руки мощныя забралъ,
Что съ рейсовъ ковки стародавной
По новымъ круто насъ помчалъ.

Россію онъ вогналъ въ Европу,
Европу къ намъ онъ подкатилъ,
И пристрастившись къ телескопу,
Окно онъ въ море прорубилъ.

Морская зыбь—его веселье!
И самъ катается по ней,
И погостить на новоселье
Скликаетъ стаи кораблей.

Быть можетъ, скажутъ: „засидѣлись
Мы слишкомъ долго у окна
И на чужое заглазѣлись!“
Но полно, тутъ его-ль вина?

Онъ окончательнаго слова
Сказать, нашъ зодчій, не успѣлъ,
Имъ не достроена основа
Великихъ помысловъ и дѣлъ!

Какъ бы то ни было, на славу
Изъ ботика развелъ онъ флотъ,
По-русски отстоялъ Полтаву
И Питеръ вызвалъ изъ болотъ.

Намъ скажутъ: „Русь онъ онѣмечилъ!“
Нѣтъ, извините, господа!
Россію онъ очеловѣчилъ
Во имя мысли и труда.

Петръ былъ не узкій подражатель
Однихъ обычаевъ и модъ;
Нѣтъ, съ бою взялъ завоеватель
То, въ чемъ нуждался нашъ народъ.

Хоть самъ былъ среднимъ грамотеемъ,
Науку велъ къ намъ напроломъ,
Всему, что знаемъ, что имѣемъ,
Всему онъ крестнымъ былъ отцомъ.

Въ его училищѣ и нынѣ
Урокъ для всякаго добра;
Да и Второй Екатеринѣ
Не быть безъ Перваго Петра!

Онъ, въ царство тьмы, во время оно,
Одинъ въ грядущее проникъ,
Одинъ былъ собственной персоной
Свой телеграфъ и паровикъ.

Но мысль его, прижавши крылья,
На долгихъ совершала путь.
И не могли бойцы усилья
И даль и время въ комъ сомкнуть.

Что врядъ приснится ли любому,
Онъ наяву свершилъ одинъ;
Но все-жъ творилъ онъ полюдскому,
Хоть и шагалъ, какъ исполинъ.

Въ свой краткій вѣкъ онъ жилъ сторично,
Безсмертья заживо достигъ;
Онъ трудъ вѣковъ обдѣлалъ лично
И своеручный міръ воздвигъ.

Ученыхъ не прося совѣта,
Онъ зналъ не хуже англичанъ,
Что время таже есть монета,
И онъ пускалъ ее въ чеканъ.

Вездѣ пройдетъ, гдѣ есть лазейка,
Гдѣ нѣтъ—пробьетъ и пуститъ трудъ;

Часъ каждый, каждая копейка
На пользу и въ процентъ идутъ.

Хоть самъ онъ былъ державнымъ зодчимъ,
Учиться побѣжалъ въ Сардамъ,
И тамъ, трудясь чернорабочимъ,
Блескъ придалъ царственнымъ рукамъ.

Онъ крутъ былъ малую толику,
Но бодры въ немъ и духъ и плоть,
И мощью на добро владыку
Самъ щедро надѣлилъ Господь.

Пусть онъ подписывался Piter,
Но предъ отечествомъ на смотръ
Все-жъ выйдетъ изъ заморскихъ литеръ
На русскій ладъ: Великій Петръ.

Ужъ то-то задалъ бы онъ тряску,
Когда-бъ про коврикъ-самолетъ
Онъ могъ бы въ быль упрочить сказку,
Безъ лишнихъ справокъ и хлопотъ;

Когда-бъ онъ силъ своихъ въ избыткѣ,
Всю Русь могъ обручемъ спаять,
Ее-жъ по проволочной ниткѣ
Заставить прыгать и плясать.

Раздолье-бъ было мощной волѣ!
Паръ—электричеству сродни,
И въ русскомъ скороспѣломъ полѣ
Сегодня сѣй, а завтра жни.

Вотъ отчего, когда стрѣлою
Нашъ поѣздъ огненный летитъ,
На насъ съ завистливой тоскою
Петръ Алексѣевичъ глядитъ.

Утѣшься, соколъ нашъ родимый!
Не ты-ль насъ закалилъ въ борьбѣ?
Нѣтъ, не пройдетъ надъ Русью мимо
Святая память о тебѣ.

Что ты задумалъ, что съ любовью
Посѣялъ щедрою рукой,
Когда работалъ ты надъ новью
Земли, распаханной тобой,

Все дало плодъ, даетъ задатокъ,
Твой мудрый свѣточъ не погасъ!
И нашъ Петровскій отпечатокъ
Вѣками не сотрется съ насъ!...

Кн. П. Вяземскій.

НАДПИСИ КЪ БЮСТУ ПЕТРА.

I.

Се образъ изваянъ премудраго героя,
Что ради подданныхъ лишивъ себя покоя,
Послѣдній принялъ чинъ и царствуя служилъ,
Свои законы самъ примѣромъ утвердилъ,
Рожденны къ скипетру, простеръ въ работу руки,
Монаршу власть скрывалъ, чтобъ намъ открыть науки.
Когда онъ строилъ градъ, сносилъ труды въ войнахъ,
Въ земляхъ далекихъ былъ и странствовалъ въ моряхъ,
Художниковъ сбиралъ и обучалъ солдатовъ,
Домашнихъ побѣждалъ и внѣшнихъ супостатовъ;
И словомъ, се есть Петръ, отечества отецъ.
Земное божество Россія почитаетъ,
И столько алтарей предъ зракомъ симъ пылаетъ,
Сколь много есть ему обязанныхъ сердецъ.

II.

Зваяннымъ образамъ, что въ древни времена
Героямъ ставили за славные походы,
Невѣжествомъ вѣковъ честь божеска дана,
И чтили жертвой ихъ послѣдовавши роды,
Что вѣра правая творить всегда претитъ.
Но вамъ простительно, о поздные потомки,
Когда, услышавъ вы дѣла Петровы громки,
Поставите алтарь предъ сей геройскій видъ:
Мы васъ давно своимъ примѣромъ оправдали:
Чудясь дѣламъ его, превысшимъ смертныхъ силъ,
Не вѣрили, что онъ единъ отъ смертныхъ былъ,
Но въ жизнь его уже за бога почитали.

III.

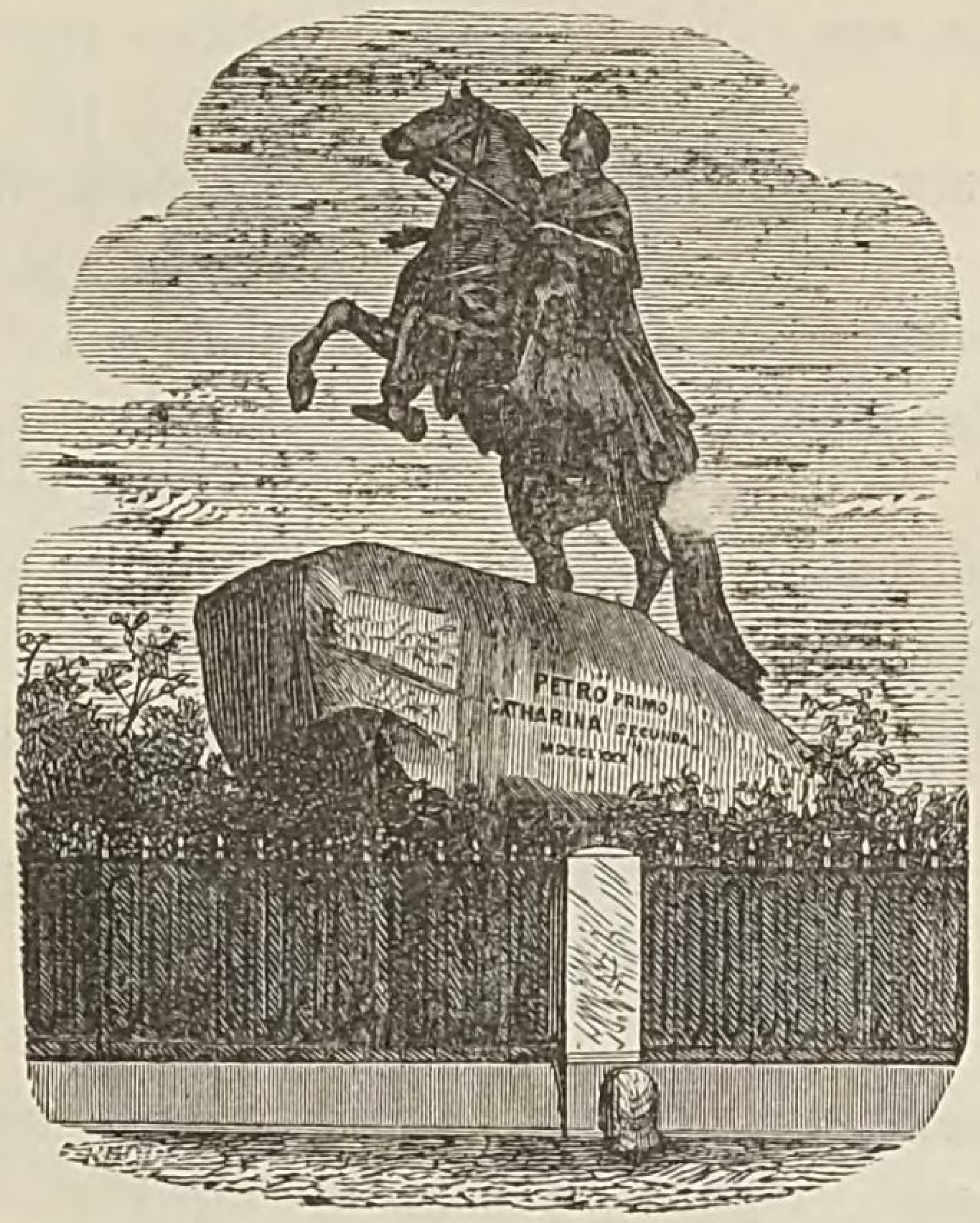
Металлъ, что пламенемъ на брани устрашаетъ,
Въ Петровомъ градѣ се россіянъ утѣшаетъ,
Изобразивъ въ себѣ лица его черты!
Но если бы его душевны красоты
Изобразить могло притомъ раченье наше,
То былъ бы образъ сей всего на свѣтѣ краше.

М. Ломоносовъ.

ПЕТРУ ПЕРВОМУ—ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ. [1])

Нѣтъ громкой похвалы на этомъ камнѣ
дикомъ,
Но не безмолвія онъ представляетъ видъ:
Краснорѣчивый гласъ *Великой* о *Великомъ*
Онъ сердцу каждаго немолчно говоритъ:

Сей чудный памятникъ— живая есть картина
Отца отечества, властителя людей, [2])
И въ краткой надписи: *Петру - Екатерина*
Все выражено, все—безъ похвалъ сильнѣй:

Памятникъ Петру Великому.

Вторая Перваго здѣсь памятью почтила,
Здѣсь отданъ *генію отъ генія* почетъ;
Здѣсь міру цѣлому *Великая* явила—
Надъ дикою скалой *Великаго* полетъ!

Л. Бутовскій.

ВСАДНИКЪ.

Чей ликъ величавый возникъ предо мною?
Кому это Руси признательной дань?
Вѣнецъ на главѣ, и гора подъ пятою,
И гордо простерта могучая длань.

Конь борзый несется, великаго чуя;
Ему не преграды—ни лѣсъ, ни гора;
На аспида злого онъ всталъ торжествуя.
О, всадникъ, въ тебѣ узнаю я Петра!..

Вглядитесь, какъ образъ царя-исполина
Проникнутъ и силъ и отваги красой;
Смотрите, какъ, гордо взлетѣвъ на стремнину,
Онъ, кажется, міръ вызываетъ на бой!..

И сколько величья въ осанкѣ героя!
Какъ видъ этотъ чудный къ могучему шелъ
Въ тотъ мигъ роковаго Полтавскаго боя,
Когда онъ всей ратью на шведовъ пошелъ.

Мнѣ кажется, ликъ сей вѣкамъ изумленнымъ
Гласитъ преисполненъ сознаньемъ святымъ:
Смотрите: путемъ я, никѣмъ не пройденнымъ,
Вломился въ Европу съ народомъ моимъ;

И здѣсь на обломкахъ низверженныхъ шведовъ,
Подъ громомъ Полтавы, знамена развилъ,—
И міръ, оглушенный тѣмъ гуломъ побѣды,
На Русь удивленный свой взоръ обратилъ.

Здѣсь было болото, и въ дебряхъ лѣниво
Жилъ финнъ полудикій, да звѣрь обиталъ,
Смотрите: столица... не городъ, а диво—
Какъ чудомъ средь тундры и лѣсу возсталъ.

Стрѣльцы, предразсудки и Карлъ, и природа
Напрасно старались мнѣ путь преградить,
Мой вождь неизмѣнный былъ: благо народа,
И съ нимъ не смогло насъ ничто сокрушить...

Скажите-жъ мнѣ, древніе сверстники міра,
Кто смертный природу, какъ я побѣдилъ,
И тяжесть правленья, величье порфиры
Для блага народа достойнѣй носилъ?

М. Розенгеймъ.

ПАМЯТНИКЪ ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ.

Люблю я памятникъ великаго Петра,
Стоящій весело надъ царственной Невою:
Проста и не хитра гранитная гора,
Что, кажется, звенитъ подъ мощною пятою
Могучаго коня. Съ открытой головою,
Какой-то плащъ простой накинувъ на плеча,
Великій всадникъ вдаль, съ приподнятой рукой
Глядитъ, открытый всѣмъ, безъ шпоръ и безъ
меча.
И всю его любовь къ Руси непросвѣщенной
Въ движеніи его душою умиленной
Я чувствую—и говорю безъ словъ:
Все пусто на землѣ, лишь велика любовь!

П. Кусковъ.

---

[1]) Для сооруженія памятника вызванъ былъ въ 1766 г. французскій скульпторъ и писатель **Фальконетъ** († 1791 г.). Черезъ три года модель была готова. Гранитный камень, назначенный въ подножіе, привезли изъ Лахты. Голову всадника изваяла пріѣхавшая съ Фальконетомъ дѣвица Колло' (Collot). Къ литью статуи приступили въ 1775 г., но тогда это не удалось; окончательно отлита она 4 іюля 1777 г. Открытіе памятника послѣдовало 7 августа 1782 г. (Бакмейстеръ.)

[2]) Надпись эта принадлежитъ Сумарокову.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

СОСТОЯНІЕ РОССІИ ПОСЛѢ СМЕРТИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО И РАЗВИТІЕ ЕЯ МОГУЩЕСТВА ВЪ КОНЦѢ XVIII ВѢКА.

(1725 г.—1801 г.)

БЛИЖАЙШІЕ ПРЕЕМНИКИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

(1725 г.—1762 г.)

ИЗЪ ПОЭМЫ „КНЯГИНЯ НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА ДОЛГОРУКАЯ.“ [1]

«Оставшіе по смерти моей, пролейте слезы, вспомня мою бѣдственную жизнь.»

Изъ зап. кн. Н. Б. Долгорукой.

Большой Владимирской дорогой,
Въ одеждѣ сельской и убогой,
Съ груднымъ младенцемъ на рукахъ,
Шла тихо путница младая;
Въ усталомъ взорѣ тайный страхъ. [2]
„Какъ быть? Москва въ семи верстахъ;
Дорога межъ холмовъ лѣсная;
А въ полѣ дымномъ тѣнь ночная
Ужъ скоро ляжетъ; и луна
Лишь въ полночь на небѣ видна.“

Она идетъ, и сердце бьется;
Поляна съ рощей передъ ней,

---

[1]) Княгиня **Наталья Борисовна Долгорукая** (род. 17 января 1714 г.—† 3 іюля 1771 г.), дочь фельдмаршала графа Шереметева, является одной изъ замѣчательнѣйшихъ женщинъ XVIII в. Вся жизнь ея—страданіе, и насъ поражаетъ въ ней та стойкость воли, тотъ героизмъ, съ которыми она переносила свои несчастія. Вышедши замужъ за бывшаго фаворита императора Петра Второго Ивана Алексѣевича Долгорукаго, она мужественно раздѣляла съ нимъ, какъ самую ссылку, такъ и нужду, и униженія, соединенныя съ нею. Но и въ Березовѣ, въ этой полутемной и занесенной снѣгомъ могилѣ, молодую княгиню ожидало страшное горе. Въ 1738 г. ее разлучили съ единственнымъ «товарищемъ,» съ «безпримѣрнымъ» мужемъ; тайно отъ нея увезли его, и о мученической кончинѣ своего друга она узнала только черезъ $1^1/_2$ года, когда ей разрѣшено было вернуться въ Россію. Въ порывѣ отчаянія она хотѣла немедленно постричься, но, по пріѣздѣ въ Москву, обязанности матери пересилили любовь жены: княгиня всецѣло посвятила себя дѣтямъ. Въ 1758 г., устроивъ старшаго сына Михаила, Наталья Борисовна съ меньшимъ Димитріемъ, слабымъ и больнымъ, уѣхала въ Кіевъ, гдѣ въ Фроловскомъ женскомъ монастырѣ постриглась съ именемъ *Нектаріи*. Въ январѣ 1767 г. она написала свои замѣчательныя «Записки», а въ мартѣ того же года приняла схиму. Въ 1769 г. на ея рукахъ умеръ меньшій сынъ, а черезъ два года скончалась и сама княгиня—схимонахиня Нектарія. Она погребена въ Кіево-Печерской Лаврѣ, при входѣ въ соборную церковь, въ двухъ шагахъ отъ могилы сына.

[2]) Поэтъ, воспѣвая судьбу Натальи Борисовны, передаетъ въ началѣ поэмы утвердившееся и весьма распространенное преданіе о возвращеніи княгини въ Россію. Разсказываютъ, что, на дорогѣ изъ Сибири, княгиня съ ребенкомъ свернула въ Кусково и въ темный осенній вечеръ подошла къ старому родительскому дому: все было заперто и ни огонька. Путница провела ночь въ домѣ священника.

И вотъ въ село тропинка вьется:
Она туда дойдетъ скорѣй;
Ночлегъ радушный тамъ найдется:
Уже, пылая между тучъ,
Зари багровой гаснетъ лучъ;
Уже предъ ночью, къ бурѣ склонный,
Поднялся вѣтеръ, боръ шумитъ;
Ея младенецъ полусонный
Озябъ, и плачетъ, и дрожитъ.
Она спѣшитъ въ пріютъ укромный,
Подходитъ скоро къ рощѣ темной,
Но, чѣмъ-то вдругъ поражена,
Стоитъ унылa и блѣдна.
Въ ея очахъ недоумѣнье,
Ей будто страшно то селенье;
Нейдетъ въ него, нейдетъ назадъ,
Кругомъ обводитъ робкій взглядъ.
„О, если тамъ!.. А мнѣ таиться
Велитъ судьба... быть можетъ... нѣтъ!
Кому узнать!.. и сколько лѣтъ!
Забыто все; но вечеръ тмится.
Пора!“ И къ рощѣ съ быстротой
Приблизилась, остановилась,
Подумала, перекрестилась,
Потомъ пошла, махнувъ рукой,—
И скрылася въ тѣни густой.

За рощей темною въ долинѣ,
При зеркальной пруда равнинѣ,
Вельможи знатнаго село
Красой привѣтною цвѣло; [1])
Высокихъ липъ въ тѣни зеленой
Хоромы барскія стоятъ;
Онѣ видъ древности хранятъ;
Въ гербѣ, подъ графскою короной,
Щитъ красный въ полѣ золотомъ,
Лавровымъ окруженъ вѣнкомъ,
Съ двумя блестящими крестами,
А въ полѣ свѣтломъ мечъ съ копьемъ,
И полумѣсяцъ вверхъ рогами.

[1]) Село **Кусково**, въ 7 верстахъ отъ Москвы, между Владимирской и Рязанской дорогами, полагаютъ, получило свое названіе отъ «куска» родового имѣнія Шереметевыхъ. Роскошно устроенное село это съ великолѣпными постройками, огромнымъ садомъ и большимъ прудомъ привлекало къ себѣ во второй половинѣ XVIII в. массы посѣтителей. На дорогѣ, вблизи села, стоялъ столбъ съ деревянной надписью, приглашавшей «веселиться, какъ кому угодно, въ Домѣ и въ Саду.» И точно, благодаря радушію хозяевъ и рѣдкостямъ хозяйства, число посѣтителей гуляющихъ доходило по праздникамъ до 50.000, званыхъ гостей до 2000, да «своихъ» всегдашнихъ жителей состояло здѣсь до 1000 (П. А. Безсоновъ. Допол. къ 9 вып. пѣсенъ Кирѣевскаго). Село это въ концѣ прошлаго столѣтія было воспѣто роднымъ внукомъ Натальи Борисовны Иваномъ Михайловичемъ Долгорукимъ.

Но садъ, и воды, и мосты,
И розъ душистые кусты
Въ забвеньи долгомъ сиротѣли.
Хозяинъ, честь страны родной,
Давно лежитъ въ землѣ сырой;
Его хоромы опустѣли,
Широкій дворъ заросъ травой.
Простясь съ родимою Москвою,
Въ столицѣ пышной надъ Невою
Живетъ наслѣдникъ молодой; [1])
А здѣсь одни воспоминанья
Во мракѣ сельской тишины,
И рода знатнаго преданья...
Священный отзывъ старины.

У церкви сельской за оградой,
Въ уютномъ домикѣ своемъ,
Въ кругу семьи, предъ тихимъ сномъ,
Дыша вечернею прохладой,
Священникъ у окна сидѣлъ;
Онъ въ думѣ набожной смотрѣлъ,
Какъ, на закатѣ догорая,
Багряный блескъ смѣнялся тьмой:
Такъ ясно жизнь его святая
Клонилась къ сѣни гробовой.
Давно украшенъ сѣдинами,
Небесный житель на землѣ,
У Шереметева въ селѣ,
Онъ сердцемъ, словомъ и дѣлами
Творцу и ближнему служилъ;
Умъ здравый съ дѣтской простотою
Былъ свѣтелъ праведной душою;
Покойный графъ его любилъ;
И прахъ владѣльца незабвенный
Былъ святъ въ душѣ его смиренной:
Для старца графъ не умиралъ.
Онъ часто, часто поминалъ
Его богатство, знатность рода,
Какъ онъ со шведомъ воевалъ,
И, послѣ шумнаго похода,
Въ тиши села у нихъ живалъ.

Но, полонъ важности старинной,
Святого старца кротокъ видъ;
На немъ подрясникъ объяринный,
И катауръ широкій шитъ
Узорно яркими шелками,
И на груди его виситъ

[1]) Сынъ покойнаго фельдмаршала Шереметева и братъ несчастной княгини **Петръ Борисовичъ** во время возвращенія ея изъ Сибири жилъ не въ Петербургѣ, а въ самомъ Кусковѣ.

Изъ кипариса крестъ съ мощами,
Хранитель вѣрный съ давнихъ поръ;
Одинъ монахъ, съ Аѳонскихъ горъ,
Тотъ крестъ принесъ. Его обитель
Была убога и скромна
И, какъ ея радушный житель,
Какой-то святости полна:
Въ углу, въ серебряномъ окладѣ
Икона Спасова блеститъ
И передъ ней огонь горитъ,
Въ хрустальной на цѣпяхъ лампадѣ,
На полкѣ рядъ церковныхъ книгъ.
Бумага, перья подлѣ нихъ;
У зеркала часы стѣнные,
Портретъ, задернутый тафтой,
Двѣ канарейки выписныя,
И полотенце съ бахрамой
Виситъ на вербѣ восковой.

Уже готовъ итти молиться,
Да снидетъ тихъ грядущій сонъ,
Бесѣды Златоуста онъ
Хотѣлъ закрыть; но вдругъ стучится
Легонько кто-то у воротъ,
И кто-то на крыльцо идетъ,
А дверь шатнулась: у порога
Съ младенцемъ путница стоитъ,
И голосъ жалобный дрожитъ,
Прося ночлега ради Бога.

„Войди подъ мой убогій кровъ,“
Сказалъ онъ ей, „пора ночная,
Кругомъ все лѣсъ, ночлегъ готовъ.
И есть у насъ хлѣбъ-соль простая;
Переночуй, ты съ новымъ днемъ
Пойдешь опять своимъ путемъ.“
И старецъ мать благословляетъ,
Младенца соннаго креститъ,
И къ огоньку ее сажаетъ,
И съ ней привѣтно говоритъ;
Но, и блѣдна, и боязлива,
Она сидѣла молчалива;
На рѣчь привѣтную его
Полу-словами отвѣчала,
И лишь младенца своего
Со вздохомъ къ сердцу прижимала;
Украдкою бросая взглядъ
На барскій домъ, на темный садъ,
Какъ будто узнавала что-то,
Какъ бы искала тамъ кого-то;
И вдругъ, то пламень на щекахъ,
То слезы крупныя въ очахъ.

Души встревоженной волненье,
Порывы томные страстей,
Ея печаль, ея смятенье
Замѣтилъ онъ: и старца въ ней
Дивило все. „Не та осанка,
Не тѣ ухватки въ деревняхъ;
Видна не грубая крестьянка
Въ ея застѣнчивыхъ рѣчахъ;
Въ ней горесть тихая пріятна,
Но хоть бѣдна, но какъ опрятна
Одежда путницы простой!
На пальцѣ перстень золотой...
Куда-жъ теперь не въ часъ урочный
Одна дорогою большой?
Ахъ, нѣтъ, какъ ангелъ непорочный,
Она глядитъ, и за нее
Порукой сердце мнѣ мое!“

И чувствамъ тяжкимъ и мятежнымъ
Онъ мнилъ преграду положить,
И съ горемъ, въ жизни неизбѣжнымъ,
Ее невольно помирить.
Онъ, какъ родной, ее ласкаетъ,
И веселитъ, и начинаетъ
Разсказъ любимой старины;
Но сердце, полное волненій,
Чуждалось новыхъ впечатлѣній.
И думы, грустью стѣснены,
Далеко, мрачныя, летали
И межъ сомнѣній замирали.
Священникъ рѣчь свою прервалъ,
И вдругъ, съ душой отца во взорѣ,
Вздохнувши самъ, онъ ей сказалъ:
„Что такъ задумалась? Ты въ горѣ?“

Путница.

Я, мой отецъ?..

Священникъ.

Твоя тоска,
Повѣрь, душѣ моей близка,
Въ томъ нужды нѣтъ, что я не знаю,
Кто ты; мой долгъ того любить,
Кто въ горѣ.

Путница.

Ахъ, мнѣ тяжко жить!
Я день безъ радости встрѣчаю,
Я плачу ночь.

Священникъ.

Лукавый свѣтъ
Обманчивъ, другъ,

Путница.

И сколько бѣдъ
Уже сбылось, и сколькихъ снова
Должна я ждать, и какъ сурова...

Священникъ.

Такъ Богъ велѣлъ; предъ Нимъ смирись,
Прими съ любовью крестъ тяжелый,
Терпи, надѣйся и молись;
Онъ самъ носилъ вѣнецъ терновый;
Не унывай, не смѣй роптать,
Терпи—въ страданьи благодать!

Путница.

Отецъ ты мой! Въ ужасной долѣ
Кто ропотъ слышалъ отъ меня?
Теперь дрожу не за себя,
И слезы льются поневолѣ.

Священникъ.

Не бойся воли дать слезамъ;
Но только, слезы проливая,
Стреми взоръ грустный къ небесамъ;
Кто плачетъ здѣсь, утѣшенъ тамъ,
Сказалъ Господь.

Путница.

О, рѣчь святая!
Отрадна ты.

Священникъ.

И гдѣ же тотъ,
Кто жизнь безъ горя проживетъ!
Твои, мой другъ, младые годы
Не расцвѣли отъ непогоды;
Но ты, какъ видно, рождена
Въ семьѣ безвѣстной; ты бѣдна:
Тебя судьба не баловала,
Къ веселой участи она
Ничѣмъ тебя не пріучала;
А часто гибельный ударъ
Надежды знатныхъ разрушаетъ...
О нашемъ графѣ кто не знаетъ?
Онъ былъ—бояринъ межъ бояръ,
Петровой правою рукою,
И прямо русскою душою
Отчизну и царя любилъ;
Былъ славенъ, въ золотѣ ходилъ,
И что же? Дочь его родная
Не знаетъ радости земной,
И гибнетъ въ бурѣ роковой,
Какъ гибнетъ травка полевая...
Суди-жъ, дивна-ль судьба твоя?
Она была не ты.

Путница.

Не я!

Священникъ.

Давно отъ насъ она ужъ скрылась;
Но все живетъ въ душѣ моей.
Я разскажу тебѣ о ней:
Почти при мнѣ она родилась,
Я на рукахъ ее носилъ,
Ребенкомъ грамотѣ училъ,
И здѣсь, куда, мой другъ ни взглянешь,
Вездѣ о ней, вездѣ помянешь.
Вотъ тамъ, въ тѣни густыхъ березъ,
Ты видишь кустъ махровыхъ розъ:
Она сама его садила;
Онѣ цвѣтутъ... ее одну
Печаль такъ рано сокрушила:
Она одна свою весну
Отъ нихъ далеко погубила.
Теперь я вижу, есть у насъ
Какой-то въ сердцѣ вѣщій гласъ:
Она, забавы убѣгая,
Въ шуму раскошнаго села
Тиха, задумчива росла,
Какъ будто горя ожидая,
Покорна будущей судьбѣ.
Могу-ль я выразить тебѣ
Весь жаръ усердія святого
Сыскать, утѣшить нищету?
Въ слезахъ ли видитъ сироту:
Родная бѣдствія чужого,
Она отдать готова ей
Свои сережки изъ ушей,
И, сверхъ подарка дорогого,
Бывало плачетъ вмѣстѣ съ ней.
Съ невинной, нѣжною тоскою
Въ ея плѣнительныхъ чертахъ
Сливался непонятный страхъ,
И что-то схожее съ тобою
Въ ней было: такъ лицо твое
Напоминаетъ мнѣ ее;
Рѣсницы, какъ у ней, густыя,

И очи темно-голубыя,
И цвѣтъ каштановыхъ волосъ;
Она была тебя стройнѣе
И воска яраго бѣлѣе;
Не диво: солнце и морозъ
Ея въ поляхъ не заставали,
Полоть и жать не посылали,
И одѣвалъ красивый станъ
Не твой кумачный сарафанъ.

И дружно путницѣ смятенной
Священникъ руку протянулъ,
И ярко взоръ его блеснулъ,
Воспоминаньемъ оживленный.
Онъ разсказалъ о той порѣ,
Когда ей радость ложно снилась,
И какъ звѣздою при дворѣ
Въ семнадцать лѣтъ она явилась.
Тогда чинами и красой
Невѣсты царской братъ родной,
Сіялъ надменный Долгорукій;
Онъ межъ бояръ и межъ князей
Ея очамъ былъ всѣхъ милѣй.
Съ нимъ бракъ надежною порукой
Казался всѣмъ, что вѣчно ей
Не знать ни слезъ, ни скорбныхъ дней.
Невольно старецъ вздохъ тяжелый
Стѣснилъ, и съ важностью веселой
Завелъ онъ рѣчь про ихъ сговоръ,
Какъ духовенство, пышный дворъ
Бояръ вельможныхъ посѣтили,
Какъ царь пріѣхалъ, какъ при немъ
Чету младую обручили, [1])
И какъ восточнымъ жемчугомъ
Невѣсту милую дарили.
Межъ тѣмъ, прелестная, она
Стыдливо съ женихомъ сидѣла,
И, тихой радости полна,
То улыбалась, то краснѣла,
А другъ веселости живой,
Кругомъ шелъ кубокъ золотой,
Въ бесѣдѣ шумной и привѣтной,
И щитъ зажегся разноцвѣтный,

[1]) 24 декабря 1729 г., въ старинномъ московскомъ домѣ Шереметевыхъ, на Воздвиженкѣ, состоялось обрученіе Натальи Борисовны съ княземъ Иваномъ Алексѣевичемъ. Пышность обрученія была достойна знатности жениха и невѣсты: на немъ присутствовалъ императоръ съ великими княжнами, весь дворъ, иностранные посланники, генералитетъ; обручальный перстень жениха стоилъ 12,000 руб., обручальный перстень невѣсты 6,000 руб. Драгоцѣнные подарки такъ щедро сыпались въ руки невѣсты, что она не успѣвала принимать ихъ. (Изъ очерка «Н. Б. Долгорукая» въ изд. Дешев. Библ. А. Суворина «Записки Н. Б. Долгорукой»).

И хоръ гремѣлъ, и до утра
Народъ толпясь кричалъ: ура!

„И кто-бы, кто подумалъ прежде,"
Такъ продолжалъ, вздохнувши онъ,
„Что радость измѣнитъ надеждѣ,
Что счастье ихъ—минутный сонъ!
Неумолимая гробница
Схватила юнаго царя
Отъ двухъ вѣнцовъ, отъ алтаря:
Напрасно блещетъ багряница,
И ждетъ княжна: всему конецъ...
Женихъ и царь уже мертвецъ!
Затмились вдругъ мечты златыя,
И Долгорукаго семья
Погибла съ нимъ; чины, друзья
Исчезли; степи ледяныя,
Изгнанья горестный предѣлъ
Любимца падшаго удѣлъ;
Но, жизни узнавая цѣну,
Когда во всемъ онъ зрѣлъ измѣну,
Невѣста юная одна
Ему осталася вѣрна; [1])
Его подругою, душою
Съ нимъ въ ссылкѣ цѣлыхъ восемь лѣтъ
Она жила, но и съ женою
Онъ разлученъ...

Путница.

И слуха нѣтъ
О немъ?

Священникъ.

Я помню, какъ родные
Тогда давали ей совѣтъ:
Расторгнуть узы роковыя,
Покинуть друга своего,
И при дворѣ не трудно-бъ снова
Найти ей жениха другого.
„Нѣтъ, не покину я его,"
Она въ слезахъ имъ говорила:
„Я счастливымъ его любила,
Онъ и въ несчастьи все мнѣ милъ:
Самъ Богъ меня съ нимъ обручилъ."
Но ты, я вижу, улыбнулась:
Такъ вѣрь, не вѣрь, ни вѣчныхъ слезъ,

[1]) Въ день кончины Петра II, вечеромъ, князь Иванъ Алексѣевичъ пріѣхалъ къ Наталіи Борисовнѣ. И женихъ, и невѣста заливались горючими слезами. Въ этотъ памятный для нихъ обоихъ вечеръ они поклялись другъ другу никогда не разлучаться, и Наталья Борисовна свято исполнила клятву. (Ibid.)

Ни гордой мести, ни угрозъ
Ея любовь не ужаснулась.
На все съ нимъ вмѣстѣ рѣшена
И вдаль, и хладъ...

П у т н и ц а.

Она любила!
Не ссылка бѣдную убила;
Была разлука ей страшна.
Скажи, гдѣ онъ?

С в я щ е н н и к ъ.

Какъ ты блѣдна!
Ты плачешь?

П у т н и ц а.

Плачу!.. Ахъ, она
О томъ лишь небо умоляла,
Чтобъ въ нищетѣ, въ глуши степной,
Но вмѣстѣ жизнь ихъ протекала,
Чтобъ счастье ихъ!..

С в я щ е н н и к ъ.

О, сонъ пустой!
Имъ счастье, тамъ?

П у т н и ц а.

Отецъ святой,
Не страшно съ другомъ заточенье:
Съ нимъ есть и въ горѣ наслажденье.

С в я щ е н н и к ъ.

Въ степяхъ лишь тотъ привыкнетъ жить,
Кому здѣсь не о чемъ тужить;
Но ей, взлелѣянной на радость,
Откинуть свѣтлыя мечты,
Губить красу свою и младость
Подъ кровомъ душной нищеты!..
Ей счастье?.. нѣтъ!

П у т н и ц а.

Чѣмъ жертва болѣ,
Тѣмъ пламенной душѣ милѣй
Сердечный спутникъ грустныхъ дней:
И межъ снѣговъ, и въ низкой долѣ,
Когда въ ихъ юртѣ кедръ пылалъ,
И другъ ей молча руку жалъ,
Когда дѣтей она ласкала,
Отъ ихъ младенческой игры
Когда душа въ ней расцвѣтала,
Ужель она не забывала
Москву и царскіе пиры,
И всѣхъ забавъ очарованья?

С в я щ е н н и к ъ.

Тебѣ какъ знать?

П у т н и ц а.

Гдѣ онъ, что съ нимъ?
Иль ждать за гробомъ ей свиданья
И въ небесахъ назвать своимъ!

С в я щ е н н и к ъ.

Мы здѣсь въ тиши уединенья
И за нее, и за него
Льемъ къ небу жаркія моленья,
Но мы не знаемъ ничего.

П у т н и ц а.

И не нашлося никого,
Кто-бъ защитилъ?

С в я щ е н н и к ъ.

Гдѣ правый сильный,
Кто-бъ за несчастье грудью сталъ?
О, еслибъ, сонъ прервавъ могильный,
Бояринъ Шереметевъ всталъ!
Онъ злобу съ хитрой клеветою
Сразилъ бы истиной святою;
Онъ могъ изгнаннику помочь,
Онъ спасъ бы гибнущую дочь;
Но знай, и ты, ему чужая,
И ты, о, путница младая,
Когда-бъ онъ былъ еще въ живыхъ,—
Недаромъ здѣсь бы ночевала:
Повѣрь,—горючихъ слезъ твоихъ
При немъ бы ты не проливала,
И въ путь не нищею пошла
Изъ Шереметева села!

Онъ говорилъ, она дрожала,
Сказала что-то, замолчала,
Во взорѣ тмился Божій свѣтъ;
Но старецъ кажетъ на портретъ,
Который въ рамѣ золоченой
Задернутъ былъ тафтой зеленой;
Онъ снялъ тафту и молвилъ ей:
„Вотъ онъ, взгляни и пожалѣй!“
Написанъ кистью мастерскою,
За шпагу ухватясь рукою,

ПРЕЕМНИКИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

1890 г. Типо-литогр. Новгород Губ. Правл.

Въ мундирѣ, въ лентѣ голубой,
Фельдмаршалъ смотритъ, какъ живой.
Ей мнится, давняя могила
Подпору бѣдной возвратила;
Въ смятеньи робкомъ передъ нимъ
Она колѣна преклоняетъ,
Зоветъ его отцомъ своимъ,
Къ нему младенца поднимаетъ;
Казалось, взоръ ея молилъ,
Чтобъ сына онъ благословилъ.
Ей мнится, будто къ ней несется
Привѣтъ любви издалека;
Но вдругъ мятежная тоска
Съ порывомъ новымъ въ душу льется.
Волнуясь грозною мечтой,
Она свой перстень золотой
Къ устамъ рыдая прижимала,
И распущенною косой
Лазурны очи отирала;
Невольный трепетъ, дикій взглядъ
О чемъ-то страшномъ говорятъ.
Безмолвно старецъ изумленный
Молилъ Творца о сокрушенной;
Онъ понялъ, что единый Богъ
Ея печаль утѣшить могъ;
И старца важное молчанье,
Его встревоженный покой,
И незнакомки молодой
Неукротимое страданье,—
Гласило все о черныхъ дняхъ,
О дняхъ, отравленныхъ бѣдою,
И безнадежностью земною
Въ священный приводило страхъ.
Одинъ, тревогамъ непричастный,
Младенецъ тихій и прекрасный,
Не зная что и жизнь, и рокъ,
Грозой нетронутый цвѣтокъ,
Съ улыбкой, съ ясными очами,
На грудь родимую припалъ,
И влажными отъ слезъ кудрями,
Безпечный, весело игралъ.

И. Козловъ.

КАЗНЬ КНЯЗЯ ИВАНА ДОЛГОРУКАГО. [1])

(народная пѣсня)

По бэльшой дорожкѣ
Не купца ведутъ, не боярина,
Самого князя Долгорукова.
По бокамъ идутъ два полка солдатъ,
Два полка солдатъ, два тысячныхъ;
Напередъ идетъ самъ грозной палачъ;
Позади идетъ боярыня,
Набѣлена, нарумянена.
Она плачетъ, что рѣка льётся,
Слезы катются, что волна бьется.
„Ты не плачь, моя боярыня,
„Набѣлена, нарумянена!“
— Ужъ какъ же мнѣ не плакати,
— Коль крестьянушекъ отписываютъ,
— Въ золотой казнѣ воли нѣту?
-- Только одинъ—золотой перстень мой!—
„Давай перстень, палача дарить,
„Чтобы придалъ скорую смерть!“

ВОЙНА ШВЕДСКАЯ. [1])

(народная пѣсня)

(1740 г.—1743 г.)

Еще пишетъ король Шведской
Государынѣ самой:
„Я прошу тебя, государыня,
„Не прогнѣваться,—
„Ужъ я буду, государыня,
„Въ гости къ тебѣ!
„Ты построй мнѣ палатушки
„Бѣлокаменныя;
„Ты поставь-ка мнѣ столики
„Бѣлодубовые;
„Разстели-ка ты мнѣ скатерти
„Шито-браныя;

[1]) Для Долгорукихъ восемь съ половиною лѣтъ ссылки были лишь подготовкою къ страшному концу въ Новгородѣ. Осенью 1739 г. дѣло ихъ было переизслѣдовано; князья: Василій Лукичъ, Иванъ Алексѣевичъ, Сергій и Иванъ Григорьевичи, перевезенные изъ мѣстъ ихъ ссылокъ, были подвергнуты передопросамъ съ ужасными пытками. По приговору генеральнаго собранія (31 октября), утвержденному императрицею, князь Иванъ Алексѣевичъ былъ приговоренъ къ колесованію и обезглавленію, Василій Лукичъ, Сергій и Иванъ Григорьевичи—лишь къ послѣднему. Казнь совершилась 8 ноября 1739 г. на Красномъ полѣ въ Новгородѣ. До послѣдней секунды князь Иванъ Алексѣевичъ молился, и послѣднимъ его воплемъ была молитва распятаго съ Христомъ разбойника. (Изъ 1 вып. изд. М. И. Семевскаго «Русскіе дѣятели въ портретахъ,» стр. 26).

[1]) Вступивъ на престолъ, Елисавета Петровна должна была вести войну съ Швеціей, которая не могла забыть Ништадтскаго мира и, пользуясь слабостью правительницы Анны Леопольдовны и неудовольствіями русскихъ противъ правительства, объявила намъ войну. Съ нашей стороны эта война велась такъ успѣшно, что шведы принуждены были заключить миръ, по которому граница наша въ Финляндіи отодвинулась на сѣверъ до Нейшлодта, а къ западу, по Финскому заливу, до р. Кюмени и Фридрихсгама включительно.

„Составь-ка мнѣ кушанья—
„Яствы сахарныя,
„Напитки пьяные.“
Тутъ-то наша государыня
Призадумалась,
Призадумалась государыня,
Расплакалась.
Какъ спроговоритъ нашей матушкѣ
Всё чинъ голой енаралъ:
„Не тужи-ка ты, наша матушка,
„Не тужи, не печалуйся!
„Ужъ мы встрѣмъ короля-шведа
„Середи губы,
„Середи губы мы его встрѣтимъ—
„Да противъ Ревеля:
„Ужъ мы построимъ ему палатушки—
„Черны корабли;
„Ужъ мы столички ему испоставимъ—
„Да пушки мѣдныя;
„Ужъ мы скатерти испостелемъ—
„Да тонки парусы;
„Ужъ мы кушанья исполадимъ—
„Ядра пушечны.
„Ужъ ты кушай, король Шведской,
„Да не прогнѣвайся:
„Ужъ вамъ эвти сухари (у насъ были)
„Въ Тулѣ крошены,
„Въ Ярославлѣ сушены,
„Къ Москвѣ вывезены!“

ОТРОКЪ. [1]

Неводъ рыбакъ разстилалъ по брегу студеного моря;
Мальчикъ отцу помогалъ. Отрокъ, оставь рыбака!
Мрежи иныя тебя ожидаютъ, иныя заботы:
Будешь умы уловлять, будешь помощникъ царямъ.

А. Пушкинъ.

МАЛЬЧИКЪ ВЪ ЛАПТЯХЪ И ВЪ НАГОЛЬНОМЪ ТУЛУПѢ.

Дружно артель рыбаковъ боролася съ Сѣвернымъ моремъ—
Съ моремъ, гдѣ зимняго льда неслись еще горы.—Весна
Щурясь глядѣла чуть-чуть сквозь тальникъ и принизистый ельникъ.
Кое-гдѣ мурава прошибалась на тундрахъ.—Олени
Лѣсомъ бѣгучимъ, рогастымъ, носились по тундрамъ...
Ловитъ артель рыбаковъ и моржей, и тюленей дивуясь,
Какъ изъ ноздрей своихъ китъ мечетъ высоко, на воздухъ,
Башнями влагу.—Ночь—звѣзды, горящія жаромъ,

Ломоносовъ.

Въ морѣ холодномъ купаетъ.—При этомъ, на мшистомъ прилавкѣ,
Мальчикъ въ лаптяхъ и въ нагольномъ тулупѣ думаетъ думу:

[1]) **Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ** (род. 1711 г. —† 4 апрѣля 1765 г.), по происхожденію крестьянинъ Архангельской губ., Холмогорскаго уѣзда Куроостровской вол., дер. Денисовки, принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ геніальныхъ русскихъ людей, которые, не взирая на непреодолимыя почти препятствія окружавшей ихъ среды, силою своей непреклонной воли, упорною энергіею и самоотверженіемъ умѣли выбиться изъ ничтожества и пріобрѣсти себѣ славу и общее уваженіе. Дѣятельность его, какъ ученаго, была обширна и разнообразна; имъ не была оставлена безъ вниманія и обработки почти ни одна отрасль человѣческаго вѣдѣнія. Нельзя, по истинѣ, не удивляться его обширнымъ познаніямъ въ наукахъ естественныхъ и геніальнымъ соображеніямъ; по нѣкоторымъ частямъ естествознанія онъ сдѣлалъ такія смѣлыя гипотезы и догадки, которыя подтвердились только спустя много лѣтъ послѣ его смерти и признаны теперь за несомнѣнные факты науки лучшими умами нашего времени. Его же считаютъ у насъ преобразователемъ литературнаго языка, ораторомъ и лучшимъ современнымъ стихотворцемъ. (Отто и Купріяновъ. Біограф. очерки).

„Какъ это, Господи Боже! откуда взялося все это?
„Солнце идетъ и заходитъ!—Зори въ свой часъ зажигаютъ
„Алыя свѣчи свои!—Въ морѣ лавины трещатъ
„И громадами къ берегу бьются. Кто это все такъ устроилъ?—
„Какъ бы хотѣлъ я узнать о порядкахъ земныхъ и небесныхъ!
„Господи Боже! Недаромъ положилъ ты мнѣ въ дѣтское сердце
„Жажду вѣдать и знать, изслѣдить, изучить и разумно,
„Опытнымъ глазомъ, глядѣть на людей и на чудный твой міръ поднебесный!“
Мальчикъ въ лаптяхъ и въ нагольномъ тулупѣ такъ у моря думалъ
И про себя говорилъ: „на Москвѣ есть колодезь, сказали,
„Чудной какой-то воды... выпьешь и вдругъ предъ тобою
„Вскроется все!—Небеса тайны повѣдаютъ; книги
„Прошлыхъ вѣковъ разогнутся;—а вѣдь все отъ воды той предивной.
„Воду же дѣдушка ту называлъ мнѣ наукой.[1])
„Чтожъ?—Была не была!—побѣгу я туда за обозомъ!..“

* * *

Былъ докладъ, на Москвѣ, отцу ректору въ академіи:
„Мальчикъ въ лаптяхъ и въ нагольномъ тулупѣ явился и проситъ,
„Проситъ и молится слезно принять его въ классы учащихся.
„Нищій не проситъ такъ хлѣба, какъ онъ проситъ науки и знанья.—“
Принятъ!—Вошелъ онъ туда—мальчикъ въ лаптяхъ и въ тулупѣ.—
Вышелъ оттуда ужъ мужъ въ сапогахъ и въ почетномъ кафтанѣ!—

* * *

Гдѣ-то въ Прусской землѣ, рядовые сидѣли и пили;
Говоръ былъ о войнѣ съ турками русскихъ при Аннѣ.
Вдругъ одинъ, между нихъ, выглянулъ истымъ пророкомъ:

[1]) Дьячокъ, научившій Ломоносова грамотѣ.

Шапка слетѣла съ чела—и чело высоко поднялося,
Дивнымъ огнемъ загорѣлись голубыя лучистыя очи,
Русская кровь разыгралась и запѣлъ всероссійскій піита:
„Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ
„Ведетъ на верхъ горы высокой,
„Гдѣ вѣтръ въ лѣсахъ шумѣть забылъ
„Въ долинѣ тишина—глубокой!..[1])
—„Что за чудныя вирши?—Что за ода?—Откуда?
„Кто онъ?—Откудова взялъ и слова, и размѣры?—
„Все такъ ново!.. Музыка ухо ласкаетъ, и къ сердцу
„Теплой струею бѣжитъ!—Строки, какъ вѣщія струны,
„Дивно звучатъ и поютъ намъ высокія русскія пѣсни!“
Такъ при дворѣ говорили въ шитыхъ кафтанахъ вельможи.—
Было то на пиру, въ золоченомъ дворцѣ у царицы,
Въ шитомъ кафтанѣ сидѣлъ мужъ именитый съ высокимъ,
Яснымъ челомъ, и о немъ говорили съ почтеньемъ другъ другу:
„Се нашъ піита, философъ, химикъ, художникъ,—создатель
„Новаго стиля!“—А этотъ химикъ, художникъ, піита
Тотъ же знакомый намъ мальчикъ въ лаптяхъ и въ нагольномъ тулупѣ!

* * *

Вотъ и сто лѣтъ ужъ прошло. И сто лѣтъ говорятъ: „Славой россовъ
Неоспорно и есть и пребудетъ,—наша честь,—Михаилъ Ломоносовъ!“—
—Посмотрите же всѣ, у кого бьется русское честное сердце,
Кто теперь мальчикъ въ лаптяхъ и въ смиренномъ нагольномъ тулупѣ?—
Кто-жъ какъ не наша святая Русь! Милліоны проснулись!
Говоръ сплошной повсюду: свѣта и свѣта всѣ просятъ!..
Просятъ воды животворной! Много даровъ и даяній

[1]) Изъ оды Ломоносова «На взятіе Хотина» (1739 г.).

Богъ Господь въ затулупную пазуху русскимъ,
Сердцу далъ много тепла, головѣ же и толкъ и смышленость!
Намъ предлежитъ все развить и развивъ такъ разумно устроить,
Чтобъ нашъ мальчикъ въ лаптяхъ и въ тулупѣ нагольномъ вдругъ, прямо и бодро
Сталъ межъ народовъ, какъ днесь,—славой и честію россовъ,—
Сталъ, устоялъ и стоитъ богатырь Михаилъ Ломоносовъ.

Ѳ. Глинка.

ПАМЯТИ М. В. ЛОМОНОСОВА.

Когда, по манію царя,
Давно ужъ Русь преобразилась,
И новой силой ополчилась,
И на далекія моря
Простерла власть своей державы,
И, въ новомъ блескѣ бранной славы
Народамъ Запада представъ,
Свои права стяжала съ бою,
И стала твердою стопою
Средь сонма западныхъ державъ,—
Въ тѣ дни, славна на полѣ брани,
Грозна могучей силой длани,
Преображенная страна,
Забравъ себѣ полъ-свѣта въ руки,
Была слаба, была бѣдна
На мирномъ поприщѣ науки,
И, мощно двигая судьбой
Царей и царствъ на ратномъ полѣ,
Сама влачилася рабой
У нѣмца Бирона въ неволѣ:
Давно ужъ спалъ въ землѣ сырой
Полтавы царственный герой;
Давно въ рукахъ пришельцевъ темныхъ—
Своихъ враговъ—враговъ наемныхъ,
Томилась Русь—стеналъ народъ,
Почуявъ рабства тяжкій гнетъ;
Изнемогалъ въ борьбѣ безплодной,
Слабѣлъ и падалъ духъ народный,
И спалъ во мракѣ русскій умъ,
Не озаренъ лучомъ науки,
И словъ иноплеменныхъ звуки
Вторгались въ область русскихъ думъ,
И нашу рѣчь заполонили,
И чуждымъ складомъ и умомъ,
Какъ рабства низкаго тавромъ,
Языкъ нашъ гордый заклеймили,
И гибнулъ, гибнулъ нашъ языкъ,
Съ нимъ гибла русская свобода...
Но геній русскаго народа
Живучъ и бодръ, и Богъ великъ!
Нашъ Богъ великъ: уже въ то время,
Когда пришельцевъ алчныхъ племя,
По вольной прихоти своей,
Россію грабило, терзало
И на сыновъ ея взирало,
Какъ на безмозглыхъ дикарей,
Когда на плахѣ погибали
Всѣ тѣ, кто голосъ возвышали
За свой униженный народъ,
И каждый русскій патріотъ
Былъ жертвой козней и доносовъ,—
Мужикъ Михайло Ломоносовъ
Явился міру „доказать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля рождать.“ [1])
И доказалъ. И сталъ высоко
Средь мудрыхъ міра всѣхъ временъ
И русскій умъ на путь широкій—
Изъ жизни духа одинокой—
На путь всемірный вывелъ онъ:
И то, чего не совершила
Державной воли власть и сила—
Монарха грознаго рука,—
То совершилъ иною властью,
Горя къ наукѣ чистой страстью,
Сынъ вдохновенный рыбака.
Призвалъ онъ къ жизни—жизни новой
И духъ, и плоть родного слова,
Его онъ таинства постигъ,
Постигъ его святые звуки;
Нашъ невоздѣланный языкъ
Въ горнилѣ западной науки
Онъ въ формы русскія отлилъ—
Въ рудѣ песчаной отдѣлилъ
Стихію чистаго металла,
И въ пламѣ русскаго закала
Ее на вѣки закалилъ,
И силой творческаго чувства
Уставомъ строгаго искусства
Онъ рѣчь родную покорилъ—
И слухъ согражданъ изумилъ
Ея гармоніей пѣвучей

---

[1]) Изъ 8-ой оды Ломоносова «На день восшествія на престолъ императрицы Елисаветы Петровны» (1747 г.).

И дивной прелестью созвучій,
И первый создалъ намъ изъ нихъ
Нашъ величавый, нашъ могучій,
Нашъ громозвучный русскій стихъ.
Пошлемъ же мы привѣтъ сердечный
И благодарны будемъ вѣчно
Той темной, низменной средѣ,
Средѣ, откуда намъ явился
Науки новой первый свѣтъ,
Гдѣ крѣпкой мыслію сложился
Ума народнаго атлетъ!
Пусть наши дѣти, наши внуки
На почвѣ западной науки
Ея роскошные плоды
Рукой усердною сбираютъ,
Но умъ и духъ свой восполняютъ
Умомъ и духомъ той среды,
Гдѣ тверды, какъ во дни былые,
Отцовъ обычаи святые,
Гдѣ чистъ, какъ древле, нашъ языкъ,
Откуда бьетъ струей свободной
И думъ, и пѣсенъ самородный,
Неисчерпаемый родникъ.

Б. Алмазовъ.

М. В. ЛОМОНОСОВУ.

Когда на зовъ Петра отвсюду
Къ намъ иноземцы потекли,
Они дивились, словно чуду,
Своей судьбѣ и шли къ намъ, шли
Въ край, полный тайны заповѣдной,
Богатствомъ славный искони,
И такъ ужъ пѣснію побѣдной
Заранѣ тѣшились они:
„Съ страною варварской сосѣдя,
Средь вѣчныхъ жили мы заботъ;
Встарь отъ московскаго медвѣдя
Намъ въ меченосцахъ былъ оплотъ—
Онъ ихъ сломилъ. Явились шведы—
Примялъ и ихъ! и вдругъ теперь
Задумалъ самъ, въ чаду побѣды,
У насъ учиться добрый звѣрь!
Исполнимъ мудрую затѣю!
Дадимъ искусныхъ вожаковъ,
Кольцо въ ноздрю, ремень на шею—
И весь онъ нашъ, гроза лѣсовъ!
Славянъ учить—намъ трудъ не новый!
Приняться дружно—и въ конецъ
Переработаться готовы
Они на всякій образецъ!
Лишь только-бъ въ мракъ ихъ суевѣрій
Науки нашей лучъ проникъ,
Ста лѣтъ не минетъ—эти звѣри
Забудутъ даже свой языкъ!“
И вотъ ужъ близко было къ цѣли.
Скончался царь. Они стѣной
На ступеняхъ престола сѣли,
Какъ надъ забранною страной.
Сыны бояръ, едва, какъ дѣти,
Прозрѣвъ науки чудеса,
Покорно падали въ ихъ сѣти.
Народъ бѣжалъ въ свои лѣса.
И средь безмолвія и страха,
Средь казней, пытокъ и опалъ,
Ужъ на корону Мономаха
Курляндецъ дерзкій посягалъ... [1])
Торжествовалъ германскій геній,
Мечтая съ лавромъ на челѣ,
Какъ посреди своихъ владѣній,
Чуть не по всей пройти землѣ,
А насъ, осиленныхъ безъ бою,
Влачить, какъ плѣнныхъ дикарей,
Со всей славянскою семьею,
За колесницею своей...
Но Богъ, изведшій Русь изъ плѣна
Отъ агарянъ, не попустилъ,
Чтобъ извела ее измѣна,
И гнѣвъ на милость преложилъ.
Избралъ единаго отъ малыхъ,
Ему открылся въ блескѣ льдовъ,
Въ сіяньѣ звѣздъ и въ зоряхъ алыхъ,
Въ раскатѣ волнъ, въ шуму лѣсовъ.
И повелѣвъ оставить сѣти,
Повелъ его изъ града въ градъ,
Чтобъ Русь позналъ отъ темной клѣти
До свѣтлыхъ княжескихъ палатъ.
Повелъ его на Западъ славный,
Чтобъ воспріялъ онъ въ разумъ тамъ
Все откровенное издавна
Великимъ избраннымъ мужамъ,
Чтобъ отъ свѣтильника ихъ знаній
Свѣтильникъ свой онъ воспалилъ
И, высоко держа во длани,
Весь край родной имъ озарилъ.
Хвала послушавшему Бога,
За нимъ пошедшему къ борьбѣ
Въ путь славныхъ дѣлъ, но скорби многой,
О, чудный мужъ, хвала тебѣ!
Передъ коварными врагами

---

[1]) Биронъ мечталъ возвести на престолъ цесаревну Елисавету Петровну, соединивъ ее бракомъ съ сыномъ своимъ Петромъ.

Стоялъ ты—крѣпкій подъ грозой,
Какъ дубъ съ глубокими корнями,
Утесъ, увѣнчанный зарей!
Стоялъ одинъ—съ челомъ открытымъ,
Съ орлинымъ взглядомъ, какъ глядѣлъ,
На ономъ морѣ Ледовитомъ,
На чудеса Господнихъ дѣлъ!
Стоялъ, презрѣвъ всю скорбь и муки,
И, вѣрный Богу своему,
Упорно требовалъ въ наукѣ
Гражданства русскому уму!
„Мои труды вотще не канутъ,“
Ты говорилъ. „По всей странѣ
Сыны россійскіе вспомянутъ
И пожалѣютъ обо мнѣ!“
И—день насталъ! И—просвѣтленный—
Теперь изъ пыли вѣковой,
Передъ Россіей обновленной,
Возникъ могучій образъ твой.
Ужъ мы теперь—твое потомство!
Межъ насъ—столѣтье! Много бѣдъ,
Измѣнъ, ошибокъ, вѣроломства,
Россія вынесла въ сто лѣтъ.
Въ ней пришлый духъ неотразимо
Торжествовалъ и былъ могучъ;
Но ты питалъ ее незримо,
Какъ подъ землей журчащій ключъ.
Твоею ревностью согрѣты,
Подвиглись многіе съ тобой!
Ты свѣтлыхъ дѣлъ Елисаветы
Былъ животворною душой;
Ты—далъ пѣвца Екатеринѣ, [1])
Всецѣло жилъ въ ея орлахъ,
И отблескъ твой горитъ и нынѣ
На лучшихъ русскихъ именахъ!
И не твоимъ далекимъ внукамъ
Твой горькій вопль произнести—
„Что видно не далъ Богъ наукамъ
Въ земляхъ россійскихъ возрасти“:
Съ царемъ, [2]) съ которымъ у народа
Едино сердце, духъ единъ—
Откуда-бъ къ намъ ни шла невзгода,—
Не дрогнетъ русскій исполинъ!
Даруя подданнымъ свободу,
Онъ къ свѣту, властною рукой,
Широкій путь открылъ народу,
Путь, уготованный тобой!

А. Майковъ.

[1]) Державинъ.
[2]) Императоръ Александръ II.

ОДА НА ДЕНЬ ВОСШЕСТВІЯ НА ПРЕСТОЛЪ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ. [1])

(1747 г.)

Царей и царствъ земныхъ отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство селъ, градовъ ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокругъ тебя цвѣты пестрѣютъ
И класы на поляхъ желтѣютъ,
Сокровищъ полны корабли
Дерзаютъ въ море за тобою,
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли.

Великое свѣтило міру,
Блистая съ вѣчной высоты
На бисеръ, злато и порфиру,
На всѣ земныя красоты,
Во всѣ страны свой взоръ возводитъ,
Но краше въ свѣтѣ не находитъ
Елисаветы и тебя.
Ты кромѣ той всего превыше,
Душа ея зефира тише,
И зракъ прекраснѣе рая.

Когда на тронъ она вступила,
Какъ Вышній подалъ ей вѣнецъ,
Тебя въ Россію возвратила,
Войнѣ поставила конецъ;
Тебя пріявъ, облобызала:
Мнѣ полно тѣхъ побѣдъ, сказала,
Для коихъ крови льется токъ,
Я россовъ счастьемъ услаждаюсь,
Я ихъ спокойствомъ не мѣняюсь
На цѣлый западъ и востокъ.

Божественнымъ устамъ приличенъ,
Монархиня, сей кроткій гласъ:
О, коль достойно возвеличенъ
Сей день и тотъ блаженный часъ,
Когда отъ радостной премѣны
Петровы возвышали стѣны
До звѣздъ плесканіе и кликъ!

[1]) Ода императрицѣ Елисаветѣ распадается на слѣдующія части: I) Вступленіе—поводъ къ одѣ, причина похвалъ и приготовленіе читателя, II) Похвала Петру за его подвиги и покровительство наукамъ, III) Похвала Екатеринѣ за ея заботы о наукѣ, IV) Похвала Елисаветѣ за ея щедроты, V) Рѣчь о трудахъ, предстоящихъ наукѣ въ Россіи, VI) Обращеніе къ русскимъ ученымъ, VII) Похвала наукѣ и VIII) Заключеніе—призываніе помощи Всевышняго и многія лѣта. Такимъ образомъ главная рѣчь автора относится къ наукѣ: она вызываетъ похвалы и дѣламъ и лицамъ; она—ключъ народнаго счастія; *главное чувство*—патріотическое: оно заставляетъ полюбить науку, ведущую къ народному благоденствію, полюбить и лицъ, способствующихъ ея распространенію.

Когда ты крестъ несла рукою
И на престолъ взвела съ собою
Добротъ твоихъ прекрасный ликъ!
  Чтобъ слову съ оными сравняться,
Достатокъ силы нашей малъ!
Но мы не можемъ удержаться
Отъ пѣнія твоихъ похвалъ.
Твои щедроты ободряютъ
Нашъ духъ и къ бѣгу устремляютъ,
Какъ въ понтъ пловца свободный вѣтръ
Чрезъ яры волны порываетъ:
Онъ брегъ съ весельемъ оставляетъ,
Летитъ корма межъ водныхъ нѣдръ.
  Молчите, пламенные звуки,
И колебать престаньте свѣтъ:
Здѣсь въ мирѣ расширять науки
Изволила Елисаветъ.
Вы, наглы вихри, не дерзайте
Ревѣть, но кротко разглашайте
Прекрасны наши времена.
Въ безмолвіи внимай, вселенна:
Се хощетъ лира восхищенна
Гласитъ велики имена.
  Ужасный чудными дѣлами,
Зиждитель міра искони
Своими положилъ судьбами
Себя прославить въ наши дни;
Послалъ въ Россію человѣка,
Каковъ не слыханъ былъ отъ вѣка.
Сквозь всѣ препятства онъ вознесъ
Главу, побѣдами вѣнчанну,
Россію варварствомъ попранну
Съ собой возвысилъ до небесъ.
  Въ поляхъ кровавыхъ Марсъ страшился,
Свой мечъ въ Петровыхъ зря рукахъ,
И съ трепетомъ Нептунъ чудился,
Взирая на россійскій флагъ.
Въ стѣнахъ внезапно укрѣпленна
И зданіями окруженна
Сомнѣнная [1]) Нева рекла:
Или я нынѣ позабылась
И съ онаго пути склонилась,
Которымъ прежде я текла?
  Тогда божественны науки
Чрезъ горы, рѣки и моря
Въ Россію простирали руки
Къ сему монарху говоря:
Мы съ крайнимъ тщаніемъ готовы
Подать, въ россійскомъ родѣ новы,
Чистѣйшаго ума плоды.
Монархъ къ себѣ ихъ призываетъ,

[1]) Недоумѣвающая.

Уже Россія ожидаетъ
Полезны видѣть ихъ труды.
  Но, ахъ, жестокая судьбина!
Безсмертія достойный мужъ,
Блаженства нашего причина,
Къ несносной скорби нашихъ душъ,
Завистливымъ отторженъ рокомъ,
Насъ въ плачѣ погрузилъ глубокомъ!
Внушивъ рыданій нашихъ слухъ,
Верхи Парнасски возстенали,
И музы воплемъ провождали
Въ небесну дверь пресвѣтлый духъ.
  Въ толикой праведной печали
Сомнѣнный ихъ смущался путь;
И токмо шествуя желали
На гробъ и на дѣла взглянуть.
Но кроткая Екатерина,
Отрада по Петрѣ едина,
Пріемлетъ щедрой ихъ рукой.
Ахъ, еслибъ жизнь ея продлилась,
Давно-бъ Секвана постыдилась [1])
Съ своимъ искусствомъ предъ Невой!
  Какая свѣтлость окружаетъ
Въ толикой горести Парнасъ?
О, коль согласно тамъ бряцаетъ
Пріятныхъ струнъ сладчайшій гласъ!
Всѣ холмы покрываютъ лики;
Въ долинахъ раздаются клики:
Великая Петрова дщерь
Щедроты отчи превышаетъ,
Довольство музъ усугубляетъ
И къ счастью отверзаетъ дверь.
  Великой похвалы достоинъ,
Когда число своихъ побѣдъ
Сравнить сраженьямъ можетъ воинъ,
И въ полѣ весь свой вѣкъ живетъ;
Но ратники ему подвластны,
Всегда хвалы его причастны,
И шумъ въ поляхъ со всѣхъ сторонъ
Звучащу славу заглушаетъ,
И грому трубъ ея мѣшаетъ
Плачевный побѣжденныхъ стонъ.
  Сія тебѣ единой слава,
Монархиня, принадлежитъ,
Пространная твоя держава,
О, какъ тебя благодаритъ!
Воззри на горы превысоки,
Воззри въ поля свои широки,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, гдѣ Обь течетъ;
Богатство, въ оныхъ потаенно,

[1]) *Секвана*—рѣка Сена.

Наукой будетъ откровенно,
Что щедростью твоей цвѣтетъ.
Толикое земель пространство
Когда Всевышній поручилъ
Тебѣ въ счастливое подданство,
Тогда сокровища открылъ,
Какими хвалится Индія,
Но требуетъ къ тому Россія
Искусствомъ утвержденныхъ рукъ.
Сіе злату очиститъ жилу,
Почувствуютъ и камни силу
Тобой возставленныхъ наукъ.
Хотя всегдашними снѣгами
Покрыта сѣверна страна,
Гдѣ мерзлыми борей крылами
Твои взвѣваетъ знамена;
Но Богъ межъ льдистыми горами
Великъ своими чудесами:
Тамъ Лена чистой быстриной,
Какъ Нилъ, народы напояетъ,
И бреги наконецъ теряетъ,
Сравнившись морю шириной.
Коль многи смертнымъ неизвѣстны
Творитъ натура чудеса,
Гдѣ густостью животнымъ тѣсны
Стоятъ глубокіе лѣса,
Гдѣ въ роскоши прохладныхъ тѣней
На паствѣ скачущихъ еленей
Ловящихъ крикъ не разгонялъ;
Охотникъ гдѣ не мѣтилъ лукомъ;
Сѣкирнымъ земледѣлецъ стукомъ
Поющихъ птицъ не устрашалъ.
Широкое открыто поле,
Гдѣ музамъ путь свой простирать!
Твоей великодушной волѣ
Что можемъ за сіе воздать?
Мы даръ твой до небесъ прославимъ
И знакъ щедротъ твоихъ поставимъ,
Гдѣ солнца всходъ и гдѣ Амуръ
Въ зеленыхъ берегахъ крутится,
Желая паки возвратиться
Въ твою державу отъ Манжуръ.
Се мрачной вѣчности запону
Надежда отверзаетъ намъ!
Гдѣ нѣтъ ни правилъ, ни закону,
Премудрость тихо зиждетъ храмъ;
Невѣжество предъ ней блѣднѣетъ,
Тамъ влажная стезя бѣлѣетъ
На встокъ пловущихъ кораблей:
Колумбъ россійскій черезъ воды
Спѣшитъ въ невѣдомы народы
Сказать о щедрости твоей.
Тамъ тьмою острововъ посѣянъ,
Рѣкѣ подобенъ океанъ;
Небесной синевой одѣянъ,
Павлина посрамляетъ вранъ.
Тамъ тучи разныхъ птицъ летаютъ,
Что пестротою превышаютъ
Одежду нѣжныя весны;
Питаясь въ рощахъ ароматныхъ
И плавая въ струяхъ пріятныхъ,
Не знаютъ строгія зимы.
И се Минерва ударяетъ
Въ верхи Рифейски копіемъ,
Сребро и злато истекаетъ
Во всемъ наслѣдіи твоемъ.
Плутонъ въ разсѣлинахъ мятется,
Что россамъ въ руки предается
Драгой его металлъ изъ горъ,
Который тамъ натура скрыла;
Отъ блеска дневнаго свѣтила
Онъ мрачный отвращаетъ взоръ.
О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ,
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ,
О ваши дни благословенны!
Дерзайте нынѣ, ободренны,
Раченьемъ вашимъ показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля рождать.
Науки юношей питаютъ,
Отраду старымъ подаютъ,
Въ счастливой жизни украшаютъ,
Въ несчастный случай берегутъ;
Въ домашнихъ трудностяхъ утѣха,
И въ дальнихъ странствахъ не помѣха,
Науки пользуютъ вездѣ:
Среди народовъ и въ пустынѣ,
Въ градскомъ шуму и на единѣ;
Въ покоѣ сладки и въ трудѣ.
Тебѣ, о милости источникъ,
О ангелъ мирныхъ нашихъ лѣтъ!
Всевышній на того помощникъ,
Кто гордостью своей дерзнетъ,
Завидя нашему покою,
Противъ тебя возстать войною.
Тебя Зиждитель сохранитъ
Во всѣхъ путяхъ безпреткновенну
И жизнь твою благословенну
Съ числомъ щедротъ твоихъ сравнитъ.

М. Ломоносовъ.

НА КОНЧИНУ ИВАНА ИВАНОВИЧА ШУВАЛОВА.[1])

(† 14 ноября 1798 г.)

Шуваловъ! и твоей скончался жизни день!
Ночь смертна на тебя свою простерла тѣнь!
Внемли, что о тебѣ россіяне рекутъ,
Любимцы музъ гласятъ, витіи вопіютъ:
Протектора, увы! наставника лишенно,
Святилище наукъ въ унынье погруженно;
Водимый въ немъ твоей брежливою рукой,
Учитель, ученикъ, омыты всѣ слезой.
Ты подвигъ совершилъ честнаго человѣка,
Усердіемъ къ добру полезенъ былъ полъ-вѣка;
Царямъ ты былъ слуга и царства сынъ
прямой;
Не случаемъ однимъ, ты высился душой;
Путями идучи единой только чести,
Не жадничалъ ты быть кумиромъ подлой
лести.
Ко славѣ бранной рокъ не клалъ тебѣ слѣда;
Блаженства тамъ не зрѣлъ, гдѣ чья нибудь
бѣда.
Чужихъ земель людей на распри вызывая,
Великимъ быть не мнилъ, кровь ближнихъ
проливая;
Среди своихъ гражданъ любя добро творить,
Соотчичей своихъ старался просвѣтить.
Отцовъ и матерей судьбу взыскавъ убогу,
Ты чадъ ихъ воспиталъ, далъ къ счастью
имъ дорогу.
Устроилъ для наукъ великъ въ столицѣ
храмъ;
Благословляемъ былъ и вѣчно будешь тамъ;
Свидѣтели тому—обширно россовъ царство,
Духовные чины, мѣщане и боярство,
Сколь пользы имъ принесъ нашъ универси-
тетъ!
Въ какихъ здѣсь должностяхъ его питом-
цевъ нѣтъ!
Служитель вѣры въ немъ и пастыри учились;
Въ Ѳемидиныхъ дворцахъ чиновники явились;
Ученыхъ видимъ въ немъ сословіе мужей,
Имѣемъ мы витій, піитовъ и врачей:
Вотъ вѣчной чести плодъ! за гробомъ онъ
не вянетъ.
Тебя, Шуваловъ! симъ россъ славить не
престанетъ.

[1]) Графъ **Иванъ Ивановичъ Шуваловъ** покровительствовалъ наукамъ и искусствамъ. Онъ сблизился съ Ломоносовымъ, и при ихъ взаимномъ стараніи былъ открытъ первый университетъ въ Россіи—московскій (12 января 1755 года).

Колико произвелъ ты нравственныхъ людей,
Толико въ ихъ сердцахъ имѣешь алтарей!
Блаженъ тотъ міра край, отлично счастье
граду,
Которому Богъ далъ такихъ мужей въ отраду!
Коснусь я, сколько зрѣлъ тебя въ твоей
семьѣ:
Ты благъ и кротокъ былъ, тебя любили всѣ.
Чтя Бога и умомъ и сердцемъ завсегда,
Нечестія стезей не шелъ ты никогда.
Прости, почтенный мужъ! прости, мой благо-
дѣтель!
Прими достойну мзду за вѣру, добродѣтель!
Я, въ бѣдномъ словѣ семъ воздавъ благо-
даренье,
Всевышнему творю теплѣйшее моленье,
Да твой, въ нетлѣнье вшедъ изъ тлѣнныхъ
здѣсь оковъ,
Почіетъ въ Богѣ духъ во вѣки всѣхъ вѣ-
ковъ!

Кн. И. Долгорукій.

УЧАСТІЕ РОССІИ ВЪ СЕМИЛѢТНЕЙ ВОЙНѢ.[1])

(народныя пѣсни)

1.

ПОХОДЪ ВЪ ЗЕМЛЮ ПРУССКУЮ. [2])

По Московской по широкой по дороженькѣ
Не ковыль-трава, братцы, зашаталася,
Не алы цвѣты, братцы, развивалися,—
Зашаталася тутъ сильна армія,
Сильна армія царя Бѣлаго,
Идучи, братцы, въ землю Прусскую,
На чужу-дальну на сторонушку,
На чужу-дальну, незнакомую.
Раздувалися знамена бѣлыя;

[1]) Подъ конецъ своего царствованія Елисавета Петровна приняла участіе въ знаменитой семилѣтней войнѣ (1756 г.—1763 г.), столь прославившей Фридриха II. Отъ оружія Елисаветы этотъ первый военный геній своего вѣка былъ совершенно на краю гибели, и его спасла только смерть нашей государыни. Хотя война эта и не принесла намъ никакой матеріальной пользы, но зато имѣла для насъ нравственное значеніе: Европа увидала, что мы можемъ брать верхъ не только надъ необразованными турками, татарами, или малочисленными шведами, но и надъ такими славными полководцами, какъ Фридрихъ Великій, въ рукахъ котораго была армія, мужествомъ и дисциплиной своей превосходившая всѣ прочія европейскія войска.

[2]) Весною 1757 г. назначена была для вторженія въ Пруссію 80-ти тысячная армія подъ предводительствомъ фельдмаршала Апраксина. Войска наши перешли границу въ маѣ мѣсяцѣ того же года.

Напередъ идутъ новокорпусны;
Впереди везутъ артиллерію,
Позади ѣдетъ сильна конница,
Славна конница, кирасирская.

Ужъ какъ всѣ веселы идутъ,
Веселы идутъ, принапудрены:
Что одинъ изъ нихъ не веселъ идетъ,
Не веселъ идетъ, призадумавшись.
Что за нимъ идетъ красна дѣвица:
Она плачетъ, какъ рѣка льется,
Возрыдаетъ, что ключи кипятъ.
Ужъ какъ взговоритъ удалый-добрый молодецъ:
„Ты не плачь, не плачь, красна дѣвица,
„Не слези лица румянаго,
„Не вздыхай, моя разумная!
„Не одной-то вѣдь тебѣ тошно,
„И мнѣ, молодцу, грустнехонько:
„Что иду-то я на чужую сторону,
„На чужу-дальну, незнакомую,
„Что на службу я государеву.“

2.

БИТВА ПРИ ГРОССЪ-ЕГЕРСДОРФѢ И СМЕРТЬ ЛОПУХИНА. [1])

(19 августа 1757 г.)

Какъ не пыль въ полѣ пылитъ,
Не дубровушка шумитъ,—
Прусакъ съ арміей валитъ.
Близехонько подвалили,
Въ полки они становили.
Они зачали палить,—
Только дымъ съ сажей валитъ!
Намъ не видно ничего;
Только видно на прикрасѣ,
На зеленомъ на лугу:
Стоитъ армія въ кругу,
Лопухинъ ѣздитъ въ полку,
Куритъ трубку табаку.
Онъ не для того курилъ,
Чтобы пьяному быть,—
Для того табакъ куритъ,
Чтобы смѣло подступить,
Чтобы смѣло подступить
Подъ лютого подъ врага,
Подъ лютого подъ врага
Подъ Прусскаго короля.
Таки рѣчи говоритъ:
„Починайте-ка, робята,
„Вы со праваго крыла!“
Наши зачали палить,
Только сажица валитъ!
Они билися-рубилися
Четырнадцать часовъ.
Утолилася баталья,—
Стали тѣла разбирать:
Находили во тѣлахъ
Полковничковъ до пяти,
Полковничковъ до пяти,
Генераловъ десяти.
А еще того подалѣ
Заставали душу въ тѣлѣ,
Заставали душу въ тѣлѣ,—
Лопухинъ лежитъ убитъ.
Лопухинъ лежитъ убитъ,
Таки рѣчи говоритъ:
„Охъ вы гой еси, робята,
„Мои вѣрные слуги!
„Вы подайте листъ бумаги
„Да чернильницу съ перомъ!
„Напишу я тако слово
„Къ государынѣ самой:
„Что Потемкинъ генералъ
„Въ своемъ полку не бывалъ,
„Въ своемъ полку не бывалъ,
„Всеё силу растерялъ,
„Кое пропилъ-промоталъ,
„Кое въ карты проигралъ;
„Которая на горѣ,
„Стоитъ по-груди въ кровѣ;
„А котора подъ горой,
„Заметало всю землей.“

[1]) *Гроссъ-Егерсдорфская* битва — первое сраженіе наилучшихъ въ Европѣ войскъ противу русской арміи, которую они такъ мало уважали. Пораженіе свое пруссаки сваливали на туманъ и, преувеличивая число нашихъ силъ, уменьшали свою потерю. Особенно страдало самолюбіе Фридриха, который никакъ не ожидалъ, чтобъ сформированныя имъ войска могли быть разбиты русскими дикарями.

Приводимая здѣсь пѣсня, удержавшая на вѣки имя **Василія Абрамовича Лопухина**, убитаго при Гроссъ-Егерсдорфѣ, намекаетъ на послѣднія слова его, сохраненныя оффиціально. Командуя лѣвымъ крыломъ арміи, Лопухинъ неустрашимою храбростью своею много способствовалъ одержанію побѣды. Въ реляціи своей къ государынѣ, Апраксинъ пишетъ про Лопухина слѣдующее: «Бывъ вдругъ тремя пулями весьма тяжко раненъ, однакожъ сохраняя остатки жизни, спрашивалъ только: гонятъ ли непріятеля и здоровъ ли фельдмаршалъ? И какъ ему то и другое увѣрено, то послѣднія его были слова: теперь умираю спокойно, отдавъ мой долгъ всемилостивѣйшей Государынѣ.»

3.

ФЕРМОРЪ. [1])

Черезъ Вислу наша армія переправилась,
Переправившись она въ походъ пошла,

[1]) Въ 1758 г. Елисавета Петровна ввѣрила русскую

Что ко славному ко городу Кистрину.
Не дошедъ они Кистрина, становилися,
Они лагерь свой разбили по сыру бору,
Они шанцы-батареи всѣ исправили,
Они пушки и мортиры испоставили,
Ожидали повелѣнья графа Фермора.
Не доѣхавши графъ Ферморъ, самъ рукой махнулъ:
„Вы палите по Кистрину съ Божьей помощью!"
Еще съ третьяго картуза Кистринъ зажгли.
Что возговорятъ жители кистринскіе:
„Ужъ ты гой еси, король земли Прусскія!
„Ты почто пустилъ графа Фермора,
„Графа Фермора подъ Кистринъ городъ?"
Что возговоритъ король земли Прусскія:
— Я россійскую всю армію на штыкахъ приму,
— Самого графа въ полонъ возьму!—
Что возговоритъ графъ Ферморъ королю тому:
„Не загадывай до время! Кому Богъ подастъ!"

4.

СТѢСНЕНЪ КОРОЛЬ ПРУССКІЙ. [1])

Разбезсчастненькій, безталанненькій
Наша-тъ король Прусскій!
Онъ на воронѣ на коничкѣ
Король разъѣзжаетъ,
Ничего-то король про свою армеюшку—
Ничего не знаетъ,
Только знаетъ король про свою армеюшку,
Что ушла подъ француза.
„Что прислалъ-то французъ газетушки
„Ко мнѣ невеселы:
„Невеселы-то газетушки,—
„За черной печатью!"
Распечаталъ король эти газетушки,
Онъ началъ читати;
Читалъ король газетушки,
Самъ слезно заплакалъ;
Во слезахъ-то король словечушко—
Словечко промолвилъ:
„Охъ вы, слуги мои, вы лакеюшки,
„Слуги мои вѣрны!
„Вы подите-ка, слуги-лакеюшки,
„Во нову конюшню.
„Осѣдлайте вы, слуги-лакеюшки,
„Коней вороныихъ,
„Мы поѣдемте, слуги-лакеюшки,
„Поѣдемъ гуляти:
„Не гуляти-то мы, слуги-лакеюшки,—
„На вой воевати,
„На свою-то мы, слуги-лакеюшки,
„Армею смотрѣти.
„Ужъ и какъ-то наша армеюшка
„Тамъ она воюетъ?
„Не воюетъ-то наша армеюшка,
„Горечко горюетъ:
„Что горюетъ-то наша армеюшка,
„Сама слезно плачетъ!"

5.

ВОЗВРАЩЕНІЕ ИЗЪ ПОХОДА. [1])

Травынька-муравынька, кавылочекъ!
Не одной-то тебѣ, травынькѣ,
Въ полѣ тошно:
И намъ, солдатушкамъ, жить несладко!
Мы стояли во Прутской землѣ,
На границѣ,
Подъ Кистриномъ городочкомъ три годочка:
Намъ ни вѣсточки, ни грамотки съ Руси нѣту;
На четвертымъ годочкѣ вѣсточка пала
И за вѣсточкой указы присылали,
Какъ у насъ, братцы, на святой Руси
Нездорово:
Смутилися-помѣшалися весь тихой Донъ.
Случилася батальица генеральна:
На славнымъ чистымъ полѣ Лебедянѣ.
Поступаетъ Прутской король очень крѣпко,
Разбиваетъ нашъ молодецкой новой корпусъ,
И со праваго фланга да на лѣвой:
Генералушки-бригадерушки испугались,
А полковники со маіорами разбѣжались,
Изъ пушечекъ палили все сержанты,
Свинецъ-порохъ развозили маркитанты.

армію графу **Фермору.** Ферморъ въ августѣ приступилъ къ Кистрину и такъ жестоко бомбардировалъ городъ, что онъ черезъ два дня былъ обращенъ въ пепелъ.

[1]) Пѣсня изображаетъ блестящій результатъ борьбы русскихъ съ Фридрихомъ Великимъ. Стѣсненный въ 1759 году со всѣхъ сторонъ врагами, король былъ разбитъ наголову нашими войсками близъ деревни Кунерсдорфъ. Положеніе его было безвыходное; въ отчаяніи онъ воскликнулъ даже: «неужели ни одно ядро не поразитъ меня!»

[1]) Пѣсня эта любопытна въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, въ ней видно недовольство русскихъ походомъ: ихъ воротили дважды, одинъ разъ въ половинѣ дѣла, другой—безъ плодовъ по успѣшномъ окончаніи дѣла; во-вторыхъ, пѣсня свидѣтельствуетъ о неизгладимомъ впечатлѣніи, произведенномъ на русскихъ Фридрихомъ, удары котораго были крѣпки и больны.

6.

СОЛДАТСКАЯ ПѢСНЯ ПРО ВОЗВРАЩЕНІЕ ИЗЪ ПОХОДА. [1])

Вы, солдатушки военны, командеры ваши вѣрны,
Полковнички-адъютаны, гдѣ вы были-побывали?
Мы во Пруссіи стояли, много горя принимали,
Много горя принимали: во рукахъ ружья держали,
Крѣпко къ сердцу прижимали и патроны вынимали,
Мы заряды заряжали, шомполами прибивали,
Въ чисто поле выступали, въ непріятеля стрѣляли.
И мы начали стрѣлять,—а французъ отъ насъ бѣжать,
Кои въ поле, кои въ лѣсъ, побрасались въ рѣку внизъ.
И мы билися-рубились ровно суточки,
На вторыя-то на сутки стали тѣла разбирать,
Стали тѣла разбирать, свою армію смекать:
Мы смекнули свою силу,—что побито смѣты нѣтъ.
Что нашли же мы убитыхъ—генераликовъ до трехъ,
Полковничковъ до пяти, офицеровъ девяти.
Во Россею съ маршемъ шли,—всѣ веселости нашли.
Во Москву городъ вступили—по фатерамъ становили,
По фатерамъ-слободамъ, по купеческимъ домамъ.

МАТЬ ОТЕЧЕСТВА,

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II-я АЛЕКСѢЕВНА ВЕЛИКАЯ.

(1762 г.—1796 г.)

Была пора: Екатерининъ вѣкъ,
Въ немъ ожила вся древней Руси слава,
Тѣ дни, когда громилъ Царьградъ Олегъ,
И вылъ Дунай подъ лодкой Святослава.
Рымникъ, Чесма, Кагульскій бой!
Орлы во градѣ Леонида,
Возобновленная Таврида,
День Измаила роковой!
И въ Прагѣ кровью залитой,
Москвы отмщенная обида!

В. Жуковскій.

Благодатный вѣкъ былъ вѣкъ Екатерины.

Е. Баратынскій.

ФЕЛИЦА. [2])

Богоподобная царевна
Киргизъ-кайсацкія орды,
Которой мудрость несравненна
Открыла вѣрные слѣды
Царевичу младому Хлору
Взойти на ту высоку гору,
Гдѣ роза безъ шиповъ растетъ,
Гдѣ добродѣтель обитаетъ!

[1]) Разсказывая про возвращеніе русскихъ войскъ (въ 1762 г.) изъ Пруссіи въ Москву, пѣсня эта дышетъ всей тогдашней современностью (Безсоновъ).

[2]) Ода написана въ исходѣ 1782 года. Цѣль ея—развить идеалъ мудраго правителя народа. По мнѣнію поэта, въ этотъ идеалъ должны входить слѣдующія черты: уваженіе къ человѣческой личности, сознаніе законныхъ правъ человѣка, милосердіе, справедливость, стремленіе къ законной свободѣ дѣйствій, къ покровительству труда, свободныхъ промысловъ. По словамъ Державина, Екатерина Великая заключала въ себѣ всѣ эти свойства, что и подтверждается фактами изъ ея жизни. Сопоставленіе императрицы съ вельможами того времени способствуетъ еще болѣе возвеличенію ея личности. (Всѣ послѣдующія примѣчанія къ одѣ взяты изъ историч. христоматіи А. А. Галахова, которымъ большая часть ихъ заимствована изъ объясненій Львова, приложенныхъ къ Смирдинск. изд. сочиненій Державина).

Она мой духъ и умъ плѣняетъ;
Подай найти ее совѣтъ.

Подай, Фелица, наставленье,
Какъ пышно и правдиво жить,
Какъ укрощать страстей волненье
И счастливымъ на свѣтѣ быть.
Меня твой голосъ возбуждаетъ,
Меня твой сынъ препровождаетъ;
Но имъ послѣдовать я слабъ:
Метясь житейской суетою,
Сегодня властвую собою,
А завтра прихотямъ я рабъ.

Мурзамъ твоимъ не подражая,
Почасту ходишь ты пѣшкомъ,
И пища самая простая
Бываетъ за твоимъ столомъ;
Не дорожа твоимъ покоемъ,
Читаешь, пишешь предъ налоемъ [1])
И всѣмъ изъ твоего пера
Блаженство смертнымъ проливаешь;
Подобно въ карты не играешь,
Какъ я, отъ утра до утра.

Не слишкомъ любишь маскарады,
А въ клобъ не ступишь и ногой;
Храня обычаи, обряды,
Не донкишотствуешь собой;
Коня парнасска не сѣдлаешь, [2])
Къ духамъ въ собранье не въѣзжаешь, [3])
Не ходишь съ трона на Востокъ;
Но, кротости ходя стезею,
Благотворящею душою
Полезныхъ дней проводишь токъ.

А я, проспавши до полудни,
Курю табакъ и кофе пью,
Преобращая въ праздникъ будни,
Кружу въ химерахъ мысль мою:
То плѣнъ отъ персовъ похищаю,
То стрѣлы къ туркамъ обращаю;
То возмечтавъ, что я султанъ,
Вселенну устрашаю взглядомъ;

[1]) Въ то время императрица занималась сочиненіемъ грамоты дворянства, устава благочинія и другими учрежденіями.

[2]) Екатерина не умѣла сочинять стиховъ. Стихи въ операхъ и сказкахъ ея сочинялись Елагинымъ, Храповицкимъ и другими.

[3]) Императрица не любила масоновъ и не ѣзжала въ ихъ ложи, подобно многимъ знатнымъ особамъ. Многіе масоны вѣровали въ возможность имѣть сообщенія съ духами и вызывать ихъ.

То вдругъ, прельщаяся нарядомъ,
Скачу къ портному по кафтанъ. [1])

Или въ пиру я пребогатомъ,
Гдѣ праздникъ для меня даютъ,
Гдѣ блещетъ столъ сребромъ и златомъ,
Гдѣ тысячи различныхъ блюдъ,—
Тамъ славный окорокъ вестфальской,
Тамъ звенья рыбы астраханской,
Тамъ пловъ и пироги стоятъ,—
Шампанскимъ вафли запиваю
И все на свѣтѣ забываю
Средь винъ, сластей иароматъ.

Или музыкой и пѣвцами,
Органомъ и волынкой вдругъ,
Или кулачными бойцами [2])
И пляской веселю мой духъ;
Или, о всѣхъ дѣлахъ заботу
Оставя, ѣзжу на охоту
И забавляюсь лаемъ псовъ;
Или надъ Невскими брегами
Я тѣшусь по ночамъ рогами
И греблей удалыхъ гребцовъ. [3])

Иль, сидя дома, я прокажу,
Играя въ дураки съ женой;
То съ ней на голубятню лажу,
То въ жмурки рѣзвимся порой,
То въ свайку съ нею веселюся,
То ею въ головѣ ищуся;
То въ книгахъ рыться я люблю,
Мой умъ и сердце просвѣщаю:
Полкана и Бову читаю,
За Библіей зѣвая сплю. [4])

Таковъ, Фелица, я развратенъ,
Но на меня весь свѣтъ похожъ.
Кто сколько мудростью ни знатенъ,
Но всякій человѣкъ есть ложь.
Не ходимъ свѣта мы путями,
Бѣжимъ разврата за мечтами.
Между лѣнтяемъ и брюзгой, [5])

[1]) Эта строфа относится къ Потемкину.

[2]) Относится къ гр. А. Г. Орлову, любившему русскія пѣсни, кулачные бои и вообще всякое молодечество.

[3]) Относится къ Семену Кирилловичу Нарышкину, бывшему тогда егермейстеромъ. Онъ первый завелъ роговую музыку.

[4]) Служа при генералъ-прокурорѣ въ Сенатѣ, князѣ Александрѣ Алексѣевичѣ Вяземскомъ, Державинъ читалъ ему разные романы, до которыхъ тотъ былъ большой охотникъ. Случалось, что во время чтенія и тотъ и другой дремали.

[5]) Въ сказкѣ имп. Екатерины о царевичѣ Хлорѣ вы-

Между тщеславья и порокомъ
Нашелъ кто развѣ ненарокомъ
Путь добродѣтели прямой.

Нашелъ; но льзя-ль не заблуждаться
Намъ, слабымъ смертнымъ, въ семъ пути,
Гдѣ самъ разсудокъ спотыкаться
И долженъ вслѣдъ страстямъ итти;
Гдѣ намъ ученые невѣжды,
Какъ мгла у путниковъ, тмятъ вѣжды?
Вездѣ соблазнъ и лесть живетъ;
Пашей всѣхъ роскошь угнетаетъ.

Союзомъ цѣлость ихъ крѣпить;
Изъ разногласія согласье
И изъ страстей свирѣпыхъ счастье
Ты можешь только созидать.
Такъ кормщикъ, черезъ понтъ плывущій,
Ловя подъ парусъ вѣтръ ревущій,
Умѣетъ судномъ управлять.

Едина ты лишь не обидишь,
Не оскорбляешь никого,
Дурачевства сквозь пальцы видишь,
Лишь зла не терпишь одного;

Екатерина Великая.

Гдѣ-жъ добродѣтель обитаетъ?
Гдѣ роза безъ шиповъ растетъ? [1])

Тебѣ единой лишь пристойно,
Царевна, свѣтъ изъ тьмы творить:
Дѣля хаосъ на сферы стройно,

Проступки снисхожденьемъ правишь;
Какъ волкъ овецъ, людей не давишь,—
Ты знаешь прямо цѣну ихъ:
Царей они подвластны волѣ;
Но Богу правосудну болѣ,
Живущему въ законахъ ихъ.

Ты здраво о заслугахъ мыслишь,
Достойнымъ воздаешь ты честь;
Пророкомъ ты того не числишь,
Кто только риѳмы можетъ плесть.

ведены мурза Леньтягъ, любившій покойную жизнь и нѣгу, и султанъ Брюзга, который никогда не смѣялся и сердился на другихъ за улыбку. Екатерина II разумѣла подъ первымъ кн. Потемкина, а подъ вторымъ кн. Вяземскаго.

[1]) Относится къ сказкѣ о царевичѣ Хлорѣ.

А что сія ума забава—
Калифовъ добрыхъ честь и слава,
Снисходишь ты на лирный ладъ:
Поэзія тебѣ любезна,
Пріятна, сладостна, полезна,
Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ.

Слухъ идетъ о твоихъ поступкахъ,
Что ты нимало не горда,
Любезна и въ дѣлахъ и въ шуткахъ,
Пріятна въ дружбѣ и тверда;
Что ты въ напастяхъ равнодушна,
А въ славѣ такъ великодушна,
Что отреклась и мудрой слыть.
Еще же говорятъ неложно,
Что будто завсегда возможно,
Тебѣ и правду говорить.

Неслыханное также дѣло,
Достойное тебя одной,
Что будто ты народу смѣло
О всемъ, и въявь и подъ рукой,
И знать и мыслить позволяешь,
И о себѣ не запрещаешь
И быль и небыль говорить;
Что будто самымъ крокодиламъ,
Твоихъ всѣхъ милостей зоиламъ,
Всегда склоняешься простить. [1]

Стремятся слезъ пріятныхъ рѣки
Изъ глубины души моей.
О, коль счастливы человѣки
Тамъ должны быть судьбой своей,
Гдѣ ангелъ кроткій, ангелъ мирный,
Сокрытый въ свѣтлости порфирной,
Съ небесъ ниспосланъ скиптръ носить!
Тамъ можно пошептать въ бесѣдахъ
И, казни не боясь, въ обѣдахъ
За здравіе царей не пить.

Тамъ съ именемъ Фелицы можно
Въ строкѣ описку поскоблить,

---

[1]) Императрица, подобно Траяну, была снисходительна къ злорѣчію на ея счетъ: можно много представить тому примѣровъ. Посвятивъ ей 1-ю ч. своихъ стихотвореній, Державинъ беретъ въ эпиграфъ слѣдующія слова Тацита, какъ характеристику ея царствованія: «О, время благополучное и рѣдкое, когда мыслить и говорить не воспрещалось; когда соединены были вещи несовмѣстимыя —владычество и свобода; когда при самомъ легкомъ правленіи общественная безопасность состояла не изъ одной надежды и желанія, но изъ достовѣрнаго полученія прочнымъ образомъ желаемаго» (Соч. Державина, ч. I. С.-Пб. 1808 г.).

Или портретъ неосторожно
Ея на землю уронить. [1]
Тамъ свадебъ шутовскихъ не парятъ,
Въ ледовыхъ баняхъ ихъ не жарятъ, [2]
Не щелкаютъ въ усы вельможъ;
Князья насѣдками не клохчутъ,
Любимцы въявь имъ не хохочутъ
И сажей не мараютъ рожъ. [3]

Ты вѣдаешь, Фелица, правы
И человѣковъ и царей:
Когда ты просвѣщаешь нравы,
Ты не дурачишь такъ людей;
Въ твои отъ дѣлъ отдохновенья
Ты пишешь въ сказкахъ поученья
И Хлору въ азбукѣ твердишь:
„Не дѣлай ничего худого—
И самого сатира злого
Лжецомъ презрѣннымъ сотворишь.“

Стыдишься слыть ты тѣмъ великой,
Чтобъ страшной, нелюбимой быть;
Медвѣдицѣ прилично дикой
Животныхъ рвать и кровь ихъ пить.
Безъ крайняго въ горячкѣ бѣдства
Тому ланцетовъ нужны-ль средства,
Безъ нихъ кто обойтися могъ?
И славно-ль быть тому тираномъ,
Великимъ въ звѣрствѣ Тамерланомъ,
Кто благостью великъ, какъ Богъ?

Фелицы слава—слава бога,
Который брани усмирилъ, [4]
Который сира и убога
Покрылъ, одѣлъ и накормилъ;
Который окомъ лучезарнымъ
Шутамъ, трусамъ, неблагодарнымъ
И праведнымъ свой свѣтъ даритъ,
Равно всѣхъ смертныхъ просвѣщаетъ,
Больныхъ покоитъ, исцѣляетъ,
Добро лишь для добра творитъ;

---

[1]) Предыдущіе семь стиховъ напоминаютъ въ противоположность тѣ времена, когда и незначительные случаи считались преступленіями.

[2]) Относится къ извѣстному ледяному дому, который былъ построенъ въ царствованіе Анны Іоанновны для свадьбы кн. Голицына.

[3]) Относится къ бывшему обычаю держать при дворѣ разныхъ забавниковъ, отличавшихся веселыми, а часто и грубыми шутками.

[4]) «Фелица» написана по окончаніи первой турецкой войны (1774 г.), когда возникли многія человѣколюбивыя учрежденія, въ томъ числѣ и публичныя больницы.

Который даровалъ свободу
Въ чужія области скакать,
Позволилъ своему народу
Сребра и золота искать;
Который воду разрѣшаетъ
И лѣсъ рубить не запрещаетъ;
Велитъ и ткать, и прясть, и шить;
Развязывая умъ и руки,
Велитъ любить торги, науки,
И счастье дома находить; [1]

Котораго законъ, десница
Даютъ и милости и судъ.
Вѣщай, премудрая Фелица:
Гдѣ отличенъ отъ честныхъ плутъ?
Гдѣ старость по-м'ру не бродитъ?
Заслуга хлѣбъ себѣ находитъ?
Гдѣ месть не гонитъ никого?
Гдѣ совѣсть съ правдой обитаютъ?
Гдѣ добродѣтели сіяютъ?
У трона развѣ твоего!

Но гдѣ твой тронъ сіяетъ въ мірѣ?
Гдѣ, вѣтвь небесная, цвѣтешь?
Въ Багдадѣ—Смирнѣ—Кашемирѣ?
Послушай: гдѣ ты ни живешь,—
Хвалы мои тебѣ примѣтя,
Не мни, чтобъ шапки иль бешметя
За нихъ я отъ тебя желалъ.
Почувствовать добра пріятство
Такое есть души богатство,
Какого Крезъ не собиралъ.

Прошу великаго пророка,
Да праха ногъ твоихъ коснусь,
Да словъ твоихъ сладчайша тока
И лицезрѣнья наслаждусь.
Небесныя прошу я силы,
Да, ихъ простря сафирны крылы,
Невидимо тебя хранятъ
Отъ всѣхъ болѣзней, золъ и скуки;
Да дѣлъ твоихъ въ потомствѣ звуки,
Какъ въ небѣ звѣзды, возблестятъ!

Г. Державинъ.

---

[1]) Екатерина II издала указъ о свободномъ промыслѣ пріисковъ золота и серебра во владѣніяхъ каждаго и предоставила ихъ въ собственность владѣльцу, тогда какъ прежде они должны были поступать въ казну; дозволила свободное плаваніе по морямъ и рѣкамъ для торговли; сняла запрещенную порубку лѣсовъ, бывшую прежде въ распоряженіи вальдмейстеровъ; разрѣшила свободное производство манафактуръ и торговли, чего прежде безъ манафактуръ-коллегіи нельзя было дѣлать.

ПЕРВАЯ ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА.

(народныя и военныя пѣсни)

1.

РУМЯНЦЕВЪ. [1])

Еще кто у насъ, робята, въ каменной Москвѣ бывалъ,
Въ каменной Москвѣ бывалъ, про визиря кто слышалъ,
Про того ли про визиря, про турецкую войну?
Въ чисто поле выходили, солдатъ строемъ становили,
А драгунскіе полки перемѣшаны стоятъ,
Перемѣшаны стоятъ, они плачутъ-говорятъ:
„Не погодушка шумитъ, турецкая силушка валитъ,
„Турецкая силушка валитъ, турецкой силы смѣту нѣтъ,
„Турецкой силы смѣту нѣтъ, конца краю не видать!“
А Румянцевъ генералъ по арміи разъѣзжалъ,
Подъѣзжаетъ къ казакамъ, онъ тайно слово сказалъ:
„Охъ вы, братцы-казаки, удалые молодцы!
„Вы'берите, что хотите, государевой казны,—
„Еще кто бы изъ васъ караулъ турецкой снялъ?“
Выбиралось молодцовъ пятьсотъ казаковъ:
Они скрали-своровали у визиря караулъ.

2.

СПИРИДОВЪ. [2])

Не цвѣтами сине море покрывалось,
Не лазоревыми Средиземное украшалось:
Расцвѣтало сине море кораблями,
Бѣлыми-полотняными парусами,
Разными россійскими флагами.
Не ясенъ соколъ по поднебесью летаетъ,—
Спиридовъ генералъ по кораблику гуляетъ,
Онъ россійскихъ матросовъ утѣшаетъ,
Утѣшаетъ ихъ, забавляетъ:

---

[1]) Графъ **Петръ Александровичъ Румянцевъ-Задунайскій** (род. 1725 г.—† 1796 г.) былъ главнокомандующимъ русскихъ войскъ въ первую турецкую войну. Побѣды его при Ларгѣ и Кагулѣ останутся памятны въ исторіи. Графъ былъ всегда любимцемъ солдатъ.

[2]) Адмиралъ **Григорій Андреевичъ Спиридовъ** (род. 1713 г.—† 1790 г.) прославилъ себя во время знаменитой битвы 24 іюня 1770 г., происшедшей при Суэзскомъ каналѣ. Корабль его *Евстафій*, сражаясь съ тремя ту-

„Не тужите вы, дѣти, по своей отчизнѣ,—
„Не вовсе мы на синемъ морѣ погибнемъ!
„Воротимся мы въ Русь со побѣдой,
„Увидимся съ отцами-матерями,
„Со братами и съ сестрами,
„Со молодыми своими женами,
„Со малыми дѣтьми со родными!“
Матросы печаль забываютъ
И съ радостью еще пробыть тамъ желаютъ.

3.

ДОЛГОРУКОВЪ. [1])

Въ семьдесятъ первомъ году,
Отъ Яицкаго плоту
Покачалися всѣ горы,
Потряслась сыра земля,
Пошли рыбы всѣ на низъ
И всѣ птицы съ теплыхъ гнѣздъ.

Походъ на весну намъ сказанъ,
Въ Крымъ итти прямо показанъ.
Мы въ походъ пойдемъ,
Турку дары понесёмъ.
Къ Перекопу подходили,
Турско войско находили.
Много ядеръ и картечъ:
Мы не станемъ ихъ беречь.
Артиллерія гремѣла,
Черезъ ровъ на стѣну взошла смѣло.
Предводитель Долгоруковъ,
Не стращай своимъ насъ звукомъ!

Видя турки ту бѣду,
Стали рвать безъ череду;
Закричали въ одинъ гласъ:
„Пощадите, бѣдныхъ, насъ,
„Вы насъ плѣнными сочтите
„И Кифу въ полонъ возьмите!“
А татаришки негодны,
Они очень сумазбродны:
До Кифы они бѣжали,
Мы ихъ больше не видали.
Наша армія спокойно
Отдыхаетъ, стоитъ стройно.
Ожидаемъ мы курьера,
Гдѣ намъ вѣчныя квартеры:
Расположимся въ Крыму,
Свѣту на-диво всему!

4.

О НЕМЪ ЖЕ.

Перешли мы всю Татарскую степь,
Мы ни въ чемъ нужды не видали,
Про кручину и не знали мы:
Непріятели боялись насъ,
Вѣдь боялись, не казались намъ,
Они клали всю надежду ихъ
На крѣпкую-ль стѣну Перекопскую,
На широкой и глубокой ровъ.
Только этимъ не спасетесь вы,
Не закроетъ васъ море Черное,
Не удержитъ насъ тамъ Сивашъ!

Третьяго числа было на десять,
Что іюня лѣтня мѣсяца,
Семьдесятъ ли во первомъ году,
Что пришли-жъ мы подъ Перекопъ,
Подъ ту-ль Перекопскую линію.
Не отъ вѣтру зашумѣлъ тутъ листъ,
Не на Волгѣ подымался валъ:
Тутъ летали пули свинцовыя,
Тутъ свистали ядра чугунныя.
Нашъ отецъ Долгоруковъ князь,
Князь Василій Михайловичъ,
Ничего не страшился тутъ:
Близко города разъѣзживалъ,
Онъ все ли самъ осматривалъ.
Возвратился онъ, возговорилъ:
„Ахъ вы гой еси, ребятушки,
„Вы храбрые русскіе солдатушки,
„Офицеры вы исправные,
„Генералы всѣ друзья мои!
„Уже-ль станутъ намъ смѣятися
„Тѣ-ль татары вѣроломные
„И тѣ турки невѣрные?
„Не дадимъ мы имъ опомниться

рецкими кораблями и шебекою, сцѣпился на абордажъ съ 90-ю пушечнымъ кораблемъ Капудана-паши и, несмотря на страшный огонь изъ пушекъ и ружей, русскіе сорвали турецкій флагъ; но вскорѣ оба корабля были взорваны на воздухъ. Спиридовъ успѣлъ спастись на шлюпкѣ. Самоотверженіе его, нанесшее страхъ и гибель врагамъ, обратило турецкій флотъ въ бѣгство и способствовало къ совершенному истребленію его въ Чесменскомъ заливѣ (Справоч. энциклопед. словарь, изд. подъ ред. Старчевскаго, С.-Пб. 1855 г., т. IX, ч. 2-я, стр. 543—44).

[1]) Князь **Василій Михайловичъ Долгоруковъ-Крымскій** (род. 1722 г.—† 1782 г.) прославилъ себя покореніемъ Крыма. Въ іюнѣ 1771 г. онъ осадилъ Перекопъ и 4 іюля въ кровопролитномъ сраженіи разбилъ хана Селимъ-Гирея. Затѣмъ при Кафѣ поразилъ 95-ти тысячную армію хана, занялъ Арабатъ, Керчь, Еникоь, Балаклаву и Тамань, и въ началѣ августа завладѣлъ всѣмъ полуостровомъ. Селимъ-Гирей бѣжалъ въ Константинополь (Энциклопед. словарь, С.-Пб. 1841 г., т. XVII, стр. 90).

„И бѣжать отъ насъ собратися:
„Мы пойдемъ на нихъ, товарищи!“
— Рады, рады мы съ тобой всюды,
— Ты берегъ насъ всё досюдова,
— Силы наши не ослабливали,
— Ты-жъ прибавилъ намъ храбрости
— Твоимъ умнымъ предводительствомъ!
Такъ вскричали въ одинъ голосъ всѣ.

5.

ХОРЪ НА МИРЪ СЪ ПОРТОЮ.

(10 іюля 1774 г.)

Громъ побѣды раздавайся,
Веселися, храбрый россъ,
Звучной славой украшайся,
Магомета ты потрёсъ!

Славься симъ, Екатерина,
Славься, нѣжная къ намъ мать! [1])

Воды быстраго Дуная
Ужъ въ рукахъ теперь у насъ,
Храбрость россовъ почитая,
Тавръ подъ нами и Кавказъ.

Звукъ сигнала раздается
Днесь въ подсолнечной вездѣ:
Зависть и вражда мятется,
И терзается въ себѣ.

Мы ликуемъ славы звуки,
Чтобъ враги могли то зрѣть,
Что свои готовы руки
Въ край вселенныя простерть.

Зри, премудрая царица,
Зри, великая жена,
Что твой взглядъ, твоя десница
Нашъ законъ, душа одна.

Ужъ не могутъ орды Крыма
Нынѣ рушить нашъ покой:
Гордость низится Селима
И блѣднѣетъ онъ съ луной.

Зри на блещущи соборы,
Зри на красный этотъ строй:
Всѣхъ сердца тобой и взоры
Оживляются одной.

[1]) Это двухстишіе образуетъ хоръ и повторяется послѣ каждой строфы.

Зри, монарха, утѣшайся
На побѣдъ твоихъ вѣнецъ!
Зри, о мать, и восхищайся
На любовь къ тебѣ сердецъ!

***

ЧЕСМЕНСКІЕ ТРОФЕИ.

(1770 г.)

Былъ то вѣкъ Екатерины.
Въ морѣ наши исполины
Дали вновь урокъ чалмѣ:
Налетѣвъ на супостата,
Нашей матушки ребята
Отличились при Чесмѣ.

Нашъ Орелъ [1]) изринулъ пламя,
И поникло турковъ знамя,
Затрещала ихъ луна;
Флотъ ихъ взорванъ и во влагу
Брошенъ въ снѣдь Архипелагу,
Возмущенному до дна.

Пронеслась лишь вѣсть побѣды,
Взликовали наши дѣды,
Въ гудъ пошли колокола,
Пушки гаркнули въ столицѣ:
Слава матушкѣ-царицѣ!
Храбрымъ дѣтушкамъ хвала!

Се добыча ихъ отваги:
Кораблей турецкихъ флаги
Въ крѣпость вносятся,—ура!
И усвоенные кровно
Посвящаются любовно
Вѣчной памяти Петра.

Тамъ, Невы въ широкой рамѣ,
Есть гробница въ Божьемъ храмѣ;
Подъ короной золотой,
Надъ завѣтной той гробницей,

[1]) Графъ **Алексѣй Григорьевичъ Орловъ-Чесменскій** (род. 1737 г.—† 1808 г.) вмѣстѣ съ братомъ своимъ Григоріемъ содѣйствовалъ вступленію Екатерины II на престолъ, за что и былъ взысканъ многими милостями. Въ 1769 г. императрица назначила его главнокомандующимъ надъ флотомъ, отправившимся въ Архипелагъ. За уничтоженіе турецкаго флота при Чесменскомъ заливѣ Алексѣй Григорьевичъ удостоился высочайшихъ наградъ: прозванія «Чесменскаго,» похвальной грамоты, шпаги съ алмазами, серебрянаго сервиза и 60.000 руб. Помимо этого, императрица собственноручно возложила на него орденъ Георгія 1-й степени и повелѣла въ честь героя соорудить въ Царскомъ Селѣ памятникъ, а близъ столицы, въ память его побѣды, выстроить дворецъ, съ наименованіемъ его Чесменскимъ.

Съ римской цыфрой I (единицей)
Русскій выведенъ П (покой).

Тамъ кузнецъ своей державы,
Дивный плотникъ русской славы,
Что учась весь вѣкъ училъ,
Съ топоромъ, съ дубинкой, съ ломомъ,
Съ молоткомъ, съ огнемъ и громомъ,
Сномъ глубокимъ опочилъ.

По царицыну велѣнью,
Тѣ трофеи стали сѣнью
Надъ гробницею того,
Чья вся жизнь была работа,
Кто отцомъ, творцомъ былъ флота,
Возбудителемъ всего.

И гробница подъ навѣсомъ,
Подъ густымъ знаменнымъ лѣсомъ,
Говорила за него......
Всюду честь воздать хотѣла
Продолжительница дѣла
Начинателю его.

Не умрутъ дѣла благія.
Тамъ соборнѣ литургія
Совершается надъ нимъ;
Тамъ сановныя всѣ лица
И сама императрица
Съ золотымъ дворомъ своимъ.

И средь общаго вниманья,
Для духовнаго вѣщанья,
Вышелъ пастырь на амвонъ.
То былъ онъ, медорѣчивый,
Славный пахарь Божьей нивы,
Слово-сѣятель Платонъ. [1])

Тотъ, что посохъ бралъ и, стоя
Передъ паствой, безъ налоя,
Слухъ и сердце увлекалъ,
И при страшно судныхъ спросахъ,
Поднимая грозно посохъ,
Имъ объ землю ударялъ.

Вотъ онъ вышелъ бросить слово,
При ниспосланныхъ намъ снова
Знакахъ Божьихъ благостынь,
И изрекъ сначала строго
Имя троичное Бога
Съ утвердительнымъ „аминь!"

И безмолвье воцарилось...
Ждали всѣ: молчанье длилось.
Мнилось, пастырь онѣмѣлъ.
Шопотъ въ слушателяхъ бродитъ:
„Знать, онъ слова не находитъ,
„Даръ глагола отлетѣлъ!"

Ждутъ. И вдругъ, къ турецкимъ стягамъ
Обрятясь широкимъ шагомъ
Онъ съ амвоннаго ковра
Устремился на гробницу
И простеръ свою десницу
Надъ останками Петра.

Всѣ невольно содрогнулись
И тайкомъ переглянулись,
И поникшіе стоятъ...
Сквозь разлитый въ сферѣ храма
Дымъ дрожащій ѳиміама
Стѣны, видѣлось, дрожатъ.

И простертою десницей
Двигнутъ вскользь надъ той гробницей
Строй знаменъ, какъ рядъ тѣней,
Что вокругъ шатромъ сомкнулся,
Зашатался, всколыхнулся
И развѣялся надъ ней.

И надъ чествуемымъ прахомъ
Ризы пастырской размахомъ
Всколебалось пламя свѣчъ;
Сѣнь, казалось, гробовая
Потряслась, и громовая
Излилась Платона рѣчь.

И прогрянулъ гласъ витіи:
„Петръ! Возстань и виждь Россіи
„Силу, доблесть, славу, честь!
„Се трофеи новой брани!
„Морелюбецъ нашъ! Возстани
„И услышь благую вѣсть!"

И межъ тѣмъ, какъ словъ гремящихъ
Мощь разила предстоящихъ,

[1]) Московскій митрополитъ **Платонъ**, въ свѣтскомъ званіи *Петръ Левшинъ*, сынъ священника подмосковнаго села Чашникова (род. 1737 г.—† 1812 г.), прославился, какъ превосходный проповѣдникъ своего времени. Одну изъ лучшихъ своихъ рѣчей Платонъ произнесъ при гробницѣ Петра Великаго въ Петропавловскомъ соборѣ по случаю одержанной побѣды русскимъ флотомъ надъ турецкимъ при Чесменскомъ заливѣ. Разсказываютъ, что, произнося эту рѣчь, ораторъ внезапно сошелъ съ амвона, приблизился къ гробницѣ Петра и, коснувшись ея, громогласно сказалъ: «возстань теперь, великій монархъ; возстань и воззри на любезное изобрѣтеніе твое. Мы тебѣ, какъ живому, вѣщаемъ,—слыши: флотъ твой въ Архипелагѣ, близъ береговъ азійскихъ, оттоманскій флотъ до конца истребилъ» и т. п. При такомъ неожиданномъ движеніи многіе изъ присутствующихъ страшно перепугались и попадали въ обморокъ.

Произнесъ изъ нихъ одинъ
Робкимъ шопотомъ, съ запинкой:
„Что онъ кличетъ?—Вѣдь съ дубинкой
„Встанетъ грозный исполинъ!“ [1])

ВТОРАЯ ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА.

(народныя и военныя пѣсни)

(1787 г.—1791 г.)

1.

НАЧАЛО ВОЙНЫ. [2])

Пишетъ князь Цесаринъ къ государынѣ въ Москву:
„Ты Росейская Сударыня, ты пожалуй мнѣ силы войской,
„Силы войской двадцать пять полковъ!“
А Сударыня съ сенаторами думу думала,
Она думала думу крѣпкую за единое:
Набирала она силу войскую двадцать пять полковъ.
Набрамши она силушку, перправлять стала
Черезъ матушку черезъ рѣченьку, черезъ тихій Донъ.
Переправимши свою силушку, въ строй поставила.
Въ строй поставимши, государыня перекликала:
— Охъ, вы гой еси, князья съ боярами!
— Послужите вы вѣрою-правдою князю Цесарину,
— Съ бѣлокаменной стѣною—со пѣхотою,
— Со свирѣпыми людями—со гусарами,
— Со проворными людями—со калмыками!

2.

КИНБУРНСКАЯ КОСА. [3])

Нынѣ времечко военно,
Отъ покоя удаленно:
Наша Кинбурнска коса
Открыла перва чудеса.
Флотъ турецкій подступаетъ,
Турокъ на косу сажаетъ
И въ день первый октября
Выходила тутъ ихъ тьма.
Они шанцы тутъ копаютъ,
Изъ судовъ припасъ таскаютъ,
Чтобы Кинбурномъ владѣть
И въ побѣдѣ себя зрѣть.
Но Суворовъ генералъ [4])
Тогда нѐ спалъ—не дремалъ:
Свое войско учреждалъ,
Турковъ больше поджидалъ.
Турки вскорѣ накопились,
Во предмѣстія набились:
Тутъ Суворовъ выступаетъ,
Всю опасность презираетъ.
Онъ приказъ войску отдалъ,
Во сраженіе самъ сталъ:
Турки бросились на сабляхъ,
Презирая свою смерть.
Ихъ Суворовъ видя дерзость,
Оказалъ тутъ свою ревность,
Поминутно повторялъ:
„Ступай, наши, на штыкахъ!“
Приказъ только получили,
Турковъ били и топили,
И которыхъ полонили,
А оставшихъ порубили.
Ужъ не видя предъ собой,
Что вновь скоро будетъ бой,
Они пѣсенки запѣли,
На покой въ Кинбурнъ пошли.
Съ предводителемъ такимъ
Воевать всегда хотимъ;
За его храбры дѣла
Закричимъ ему: „ура!“

---

[1]) Присутствовавшій въ это время графъ Кириллъ Петровичъ Разумовскій потихоньку сказалъ окружавшимъ «Чего винъ его кличе? Якъ встане, то всѣмъ намъ достанется.»

[2]) Вслѣдъ за окончаніемъ первой турецкой войны, смирившей гордыню турокъ, въ умѣ императрицы Екатерины зародилась мысль—объ изгнаніи невѣрныхъ изъ Европы и о возможности на развалинахъ Оттоманской Порты возстановленія Греческой имперіи. Эта мысль сдѣлалась также завѣтною мечтою одного изъ самыхъ приближенныхъ къ особѣ императрицы и сподвижниковъ славнаго царствованія ея, князя **Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго.** Для осуществленія «Греческаго проекта» къ Россіи примкнула и Австрія. Порта, поддерживаемая Англіей, сама объявила намъ войну, истинная причина которой заключалась въ надеждѣ Турціи снова возвратить подъ свое владычество Крымъ.

[3]) Маленькая крѣпость **Кинбурнъ**, расположенная на длинной песчаной косѣ, вдающейся противъ Очакова въ море, имѣла для турокъ большую важность, такъ какъ мѣшала судамъ проходить въ Днѣпръ и стояла на пути изъ Очакова въ Крымъ. 1 октября 1787 г. Кинбурнъ былъ взятъ русскими, благодаря мудрой распорядительности Суворова и храбрости его войска.

[4]) Величайшій полководецъ міра, свѣтлѣйшій князь Италійскій, графъ **Александръ Васильевичъ Суворовъ-Рымникскій**, генералиссимусъ россійскихъ войскъ, родился 13 ноября 1729 г., умеръ 6 мая 1800 г.

3.

ОЧАКОВЪ. [1]

Какъ возговорилъ князь Потемкинъ
Своимъ дѣтямъ солдатушкамъ:
„Начинайте-ка, ребятушки,
„Съ Божьей помощію!“
Заряжали солдатушки первую бомбу:
Первую бомбу бросали,—не добросили;
Вторую бомбу потрудилися ребятушки,—
И за стѣны бѣлокаменныя перебросили,
Но стѣнъ бѣлокаменныхъ не зажгли;
Третью же бомбу бросили,—Очакъ-городъ зажгли.
Тутъ возрадовалися русскіе солдатушки.
Не золотыя трубушки вострубили,
Не серебряны сиповочки заигрывали.

4.

ТОЖЕ.

(военная пѣсня)

Не бушуйте вы, вѣтры буйные,
Не спѣши ты, зима съ морозами:
Не защита вы Очакову,
Не спасеніе врагамъ нашимъ.
Сыны храбрые россійскіе
Презираютъ ваши лютости.
Въ нихъ сердца горятъ вѣрностью
Ко премудрѣйшей своей матери,
Въ нихъ вся кровь кипитъ усердіемъ
Ко прехраброму ко начальнику.

На зарѣ то было на утренней,
На восходѣ красна солнышка,
Какъ возговоритъ Потемкинъ князь:
„Ой вы, гой еси, солдатушки!
„Намъ пришла пора Очаковъ взять,
„Часъ приближился луну сорвать,
„Со окоповъ бѣлокаменныхъ
„Разметать башни турецкія,
„Покорить враговъ мечу русскому,
„Скиптру мудрыя государыни!“
— И ты гой еси, нашъ батюшко,
— Ой, прехраброй предводитель нашъ!
— Лишь рукой махни, Очаковъ взятъ!
— Слово вымолви, Стамбулъ падетъ!

[1]) Осада Очакова началась въ августѣ 1788 г. Взятъ онъ приступомъ 6 декабря того же года, въ такой жестокій морозъ, что текшая изъ ранъ кровь тотчасъ же замерзала.

— Мы пойдемъ съ тобой въ огонь—въ полымя,
— Пройдемъ пропасти подземныя!—

Лишь успѣли храбры воины
Рѣчь окончити геройскую,
Засверкали штыки русскіе,
Загремѣла вдругъ артиллерія,
Полилась рѣкой турецка кровь,
Повалились башни крѣпкія.
Гдѣ луна была, тамъ орлы парятъ,
Гдѣ бунчукъ стоялъ, тутъ штандартъ блеститъ,
И паша, упавъ предъ Потемкинымъ,
Вручилъ жизнь свою и ключи града.

Тутъ воскликнули побѣдители:
„Ой, ты гой еси, невѣрной царь!
„Посмотри ты на нашей своихъ,
„Ты взгляни на кровь турецкую,
„Покорись нашей монархинѣ,
„Не тебѣ, царь, воевать съ нами.“

5.

РУССКІЙ ЧУДО-БОГАТЫРЬ

БАТЮШКА—СУВОРОВЪ.

(изъ солдатской пѣсни)

Чудотворецъ воевода
Не расчитывалъ похода,—
Бралъ побѣду въ небесахъ!
Правды мужъ творилъ безъ шуму,
Въ Богѣ думалъ крѣпку думу—
И прославленъ въ чудесахъ.

„День молиться,
„День поститься,
„Взять на третій Измаилъ!“ [1])
Онъ сказалъ—и наши рати,

[1]) Громадная, сильная крѣпость **Измаилъ** занимала въ окружности 10 верстъ и, составляя треугольникъ, примыкала съ одной стороны къ Дунаю, гдѣ ограждала ее каменная стѣна, а съ другихъ сторонъ была защищена землянымъ валомъ, въ 4 саж. вышиною, и со рвомъ въ 7 саж. глубины; внутри охраняли крѣпость 250 пушекъ и 40,000 гарнизона. Когда на военномъ совѣтѣ было рѣшено штурмовать Измаилъ, Суворовъ воскликнулъ: «Сегодня молиться, завтра учиться, послѣ завтра—побѣда или смерть!» Сераскиру крѣпости, храброму и безстрашному Айдосъ-Магомету пашѣ Суворовъ послалъ такое письмо: «Я съ войскомъ сюда прибылъ; 24 часа на размышленіе—воля; первый мой выстрѣлъ—уже неволя; штурмъ—смерть; что оставляю вамъ на разсмотрѣніе.» Сераскиръ отвѣчалъ: «прежде небо упадетъ на землю и Дунай потечетъ кверху, нежели я сдамъ Измаилъ!»

Чудомъ Божьей благодати,
Взяли штурмомъ Измаилъ!

„Другъ мой! пишетъ принцъ Кобургскій,
„Окруженъ я силой турской;
„Жду сраженья каждый часъ. [1])
„Тысячъ тридцать и не болѣ
„Можемъ вывести мы въ поле;
„Двѣсти тысячъ противъ насъ.

„Я погибну безъ сомнѣнья!..
„Намъ не выдержать сраженья;
„Другъ, спѣши ко мнѣ скорѣй!"
Онъ въ отвѣтъ: „Иду, Суворовъ!"
Взялъ безъ дальнихъ разговоровъ
Тысячъ семь богатырей:

Суворовъ.

„Братцы, нынѣшнія сутки
„Намъ придутся очень жутки!—
„Сотни верстъ и лютой бой!"
— Рады до конца стараться,
— Рады съ міромъ цѣлымъ драться,
— Рады умирать съ тобой!

Онъ махнулъ—и наши рати,
Чудомъ Божьей благодати,
Сотню верстъ прошли за-разъ.
Въ бой вступили безъ привала;
Штыкъ впередъ,—врага не стало,
Сѣча длилась только часъ.

Вотъ каковъ нашъ былъ Суворовъ!
Средь безчисленныхъ походовъ
Старыхъ боевыхъ временъ,
На поваль его ребята
Всюду били супостата,—
Онъ нигдѣ не побѣжденъ!

Жизнію монахъ примѣрный,
Духомъ чистъ отъ всякой скверны,
—Потому непобѣдимъ,—
Онъ изъ храма шелъ на битву,
Съ боя снова на молитву,
Словно Божій херувимъ.

Свиду старецъ юродивый,
Невысокій, некрасивый,
Духомъ грозный исполинъ!
Онъ на клячѣ, подъ рогожей,
Всетаки былъ воинъ Божій,
Дивной рати властелинъ.

ОДА СУВОРОВУ.

Герой! твоихъ побѣдъ я громомъ изумленъ,
Чудясь безмолствовалъ въ забвеніи пріятномъ;
Но тѣмъ же громомъ я, внезапно возбужденъ,
Въ восторгѣ зрю тебя усердію понятномъ;
Сорадуюсь огню, чѣмъ грудь моя горитъ,
Мнѣ геній лиру далъ съ улыбкой нѣжныхъ взоровъ,
И лира пѣть велитъ:
Великъ, великъ Суворовъ.

Правдивъ сей гласъ, твердятъ враждебныя толпы,
То знаетъ наша грудь, тверда, какъ горный камень;
Но взглядъ Суворова... скользятъ у насъ стопы
И превратится въ ледъ турецкихъ персей пламень;
Единымъ именемъ онъ молніи ударъ;
Гдѣ онъ, уже молчатъ орудій нашихъ звуки,
Насъ кроетъ хладный паръ
И сотрясутся руки.

[1]) Главное дѣло въ кампаніи 1789 г. падало на Суворова, который вмѣстѣ съ принцемъ Кобургскимъ занималъ область между Прутомъ и Серетомъ, куда устремленъ былъ сильнѣйшій натискъ непріятеля. Въ Валахіи, по дорогѣ изъ г. Яссы въ Бухарестъ, находятся два мѣстечка: *Фокшаны* и *Рымникъ*, на р. Рымникѣ, притокѣ Серета. Союзники въ іюлѣ разбили турокъ при Фокшанахъ, а черезъ мѣсяцъ великій визирь съ 90,000 войска вступилъ въ Валахію и половину своихъ силъ послалъ противъ принца Кобургскаго зная, что Суворовъ стоитъ далеко, верстъ за 100. «Спасите насъ!» писалъ принцъ Суворову; Суворовъ отвѣчалъ на лоскуткѣ бумаги однимъ словомъ «Иду!», совершилъ за ночь переходъ и неожиданно налетѣлъ на турокъ. Къ русскимъ присоединились австрійцы, и турки, несмотря на то, что оба предводителя, русскій и нѣмецкій, имѣли не болѣе 25,000 человѣкъ, были разбиты въ прахъ.

Узря волнуемый его пернатый шлемъ,
Пагубоносную мы зримъ себѣ комету,
Предтечу бурныхъ тучъ со пламеннымъ дождемъ,
Носящихъ гибель намъ, стыдъ вѣчный Магомету,
Приближится она, приближатся онѣ—
Расторглися, летятъ перуны безпрестани.
Вотще визирь въ огнѣ
Подъемлетъ къ небу длани.

Вотще возноситъ онъ со воплемъ алкоранъ,
И видно, нашъ пророкъ не въ небесахъ, во адѣ;
До турокъ ли ему, онъ самъ себѣ тиранъ;
Мы престаемъ просить глухого о пощадѣ;
Мы престаемъ, и знавъ, что къ намъ Суворовъ строгъ,
Отъ ядеръ пушечныхъ не ждемъ пріятныхъ слѣдствій,
И легкостію ногъ
Спасаемся отъ бѣдствій.

Такъ врагъ признателенъ! что-жъ россіе полки?
Ихъ гласъ, какъ сонмы водъ, шумящъ и совокупенъ:
Суворовъ гдѣ, тамъ власть всемочныя руки,
Тамъ страха нѣтъ сердцамъ, и самый рокъ приступенъ;
Въ его десницѣ мечъ—намъ свѣтлый облакъ въ день,
Столпъ огненный въ ночи, стремящій въ сопостаты
Смертей различныхъ тѣнь
И молніи крылаты.

Гдѣ онъ, тамъ каждый строй и каждый полкъ—стѣна,
Всѣ твердый адамантъ, и всѣ единодушны;
Намъ гладокъ путь холмовъ кремнистыхъ крутизна;
Единый мигъ—и всѣ готовы и послушны.
Пусть Рымникъ съ Кинбурномъ соплещутъ славой намъ,
Сраженны гдѣ чалмы, забавная потѣха:
Различно по полямъ
Катались, какъ для смѣха.

Что сихъ побѣдъ вина? Герой нашъ мало спитъ:
Исполненъ къ отчеству любви, и къ Богу вѣры,
Онъ скоръ, неутомимъ, предчувствуетъ, предзритъ,
Спокойно зиждетъ все, сообразуетъ мѣры,
Любимъ подвластными, ихъ попечитель нуждъ,
Труды являетъ имъ, какъ нѣкія забавы:
Корысти подлой чуждъ,
Ревнитель россамъ славы.

Коль славно для него и днесь и въ поздній вѣкъ!
Германскихъ вождь полковъ съ нимъ славу раздѣляя,
Руководителемъ своимъ его нарекъ, [1])
Почтеньемъ воскриленъ, и зависть попирая,
Великихъ свойство душъ! достоинство любя,
Кобургскій, какъ герой, и дѣйствуетъ, и мыслитъ,
Возвышеннымъ себя
Чрезъ униженье числитъ.

Е. Костровъ.

НА ВЗЯТІЕ ИЗМАИЛА. [2])

(11 декабря 1790 г.)

«Не бывало крѣпости крѣпче, не бывало обороны отчаяннѣе обороны Измаила, но Измаилъ взятъ.»

Изъ письма Суворова къ Потемкину.

Везувій пламя изрыгаетъ;
Столпъ огненный во тьмѣ стоитъ;
Багрово зарево зіяетъ,
Дымъ черный клубомъ вверхъ летитъ;
Краснѣетъ понтъ, реветъ громъ ярый,
Ударамъ вслѣдъ звучатъ удары;
Дрожитъ земля, дождь искръ течетъ;
Клокочутъ рѣки рдяной лавы:
О россъ! таковъ твой образъ славы,
Что зрѣлъ подъ Измаиломъ свѣтъ!

---

[1]) Принцъ Кобургскій относился къ Суворову съ неограниченнымъ довѣріемъ. Послѣ побѣды подъ Рымникомъ онъ сталъ называть Суворова своимъ «несравненнымъ учителемъ.» Когда обоимъ друзьямъ пришлось разставаться, то Кобургскій плакалъ, прощаясь съ Суворовымъ, а черезъ три мѣсяца послѣдній получилъ отъ принца письмо слѣдующаго содержанія: «Ничто не печалитъ меня такъ, какъ разлука съ вами, другомъ моимъ; я узналъ васъ при важныхъ событіяхъ, люблю, какъ человѣка, уважаю, какъ героя. Продолжите дружбу вашу. Никогда не будетъ у меня такого, какъ вы, друга и никого болѣе васъ не буду я уважать во всю жизнь мою!»

[2]) Ода *На взятіе Измаила* «имѣетъ ужасное достоинство истины!» (Н. Надеждинъ. *Свѣтл. князь Таврическій*, Одесса 1839 г.). Здѣсь приводится только первая половина ея.

О россъ, о родъ великодушный!
О твердокаменная грудь!
О исполинъ, царю послушный!
Когда и гдѣ ты досягнуть
Не могъ тебя достойной славы?
Твои труды—тебѣ забавы;
Твои вѣнцы—вкругъ блескъ громовъ:
Въ поляхъ ли брань, ты тмишь сводъ звѣздный;
Въ моряхъ ли бой, ты пѣнишь бездны;
Вездѣ ты страхъ твоихъ враговъ!

На подвигъ твой, вождя велѣньемъ,
Ты идешь, какъ женихъ на бракъ.
Марсъ видитъ часто съ изумленьемъ,
Что и въ бѣдахъ твой веселъ зракъ:
Гдѣ вкругъ драконы мѣдны ржали,
Изъ трехъ сотъ жерлъ огнемъ дышали,
Ты тамъ прославился днесь вновь.
Вождь рекъ: „Се стѣны Измаила!
Да сокрушитъ твоя ихъ сила!..“
И воскипѣла бранна кровь.

Какъ воды, съ горъ весной въ долину
Низвержась, пѣнятся, ревутъ,
Волнами, льдомъ трясутъ плотину:
Къ твердынямъ россы такъ текутъ.
Ничто имъ путь не воспящаетъ:
Смертей ли блѣдныхъ полкъ встрѣчаетъ,
Иль адъ скрежещетъ зѣвомъ къ нимъ,
Идутъ—какъ въ тучахъ скрыты громы,
Какъ двигнуты безмолвны холмы;
Подъ ними стонъ, за ними дымъ.

Идутъ въ молчаніи глубокомъ, [1])
Во мрачной, страшной тишинѣ;
Собой пренебрегаютъ, рокомъ;
Зарница только въ вышинѣ
По ихъ оружію играетъ,
И только ихъ душа сіяетъ,
Когда на бой, на смерть идетъ.
Ужъ блещутъ молніи крылами,
Ужъ осыпаются громами;
Они молчатъ, идутъ впередъ.

Не бардъ ли древній, изступленный,
Волшебнымъ ихъ ведетъ жезломъ?
Нѣтъ! свыше пастырь вдохновенный
Предъ ними идетъ со крестомъ,
Вѣнцы нетлѣнны обѣщаетъ
И кровь пролить благословляетъ
За честь, за вѣру, за царя; [2])

[1]) Въ 5 ч. утра, когда пущена была третья ракета, вдругъ шесть колоннъ, среди которыхъ находился Суворовъ, сухимъ путемъ и три на судахъ двинулись къ Измаилу (Бантышъ-Каменскій. *Словарь достопамят. людей Русской земли.* С.-Пб. 1847 г. ч. III, ст. Суворовъ).

[1]) Полковой священникъ съ крестомъ въ рукѣ первый взошелъ на крѣпостную стѣну.

За нимъ—вождей рядъ предъ полками,
Какъ бурныхъ дней предъ облаками
Идетъ огнистая заря.

Идутъ.—Искусство зритъ заслугу,
И сколь ихъ духъ былъ тутъ великъ,
Вѣщаетъ слухъ земному кругу;
Но мнѣ ихъ раздается крикъ;
По лѣствицамъ на градъ, на стогны,
Какъ шумны волны черезъ волны,
Они возносятся челомъ;
Какъ угль, ихъ взоры раскаленны;
Какъ львы, на тигровъ устремленны,
Бѣгутъ стѣснясь на огнь, на громъ.

О! что за зрѣлище предстало?
О пагубный, о страшный часъ!
Злодѣйство что ни вымышляло,
Поверглось, россы, все на васъ:
Зрю камни, ядра, варъ и бревны.
Но чѣмъ герои устрашенны?
Чѣмъ можетъ отраженъ быть россъ?
Тотъ лѣзетъ по бревну на стѣну,
А тотъ летитъ съ стѣны въ геенну,
Всякъ Курцій, Децій, Буаросъ! [1])

Всякъ помнитъ должность, честь и вѣру,
Всякъ душу и животъ кладетъ.
О россы! нѣтъ вамъ, нѣтъ примѣру,
И смерть сама вамъ лавръ даетъ.
Тамъ въ грудь, въ сердца лежатъ пронзенны,
Безъ силъ, безъ чувствъ, полмертвы, блѣдны;
Но мнятъ еще стерть вражій рогъ:
Иной движеньемъ ободряетъ,
А тотъ съ побѣдой восклицаетъ:
„Екатерина! съ нами Богъ!“

Какая въ войскахъ храбрость рьяна!
Какой великій духъ въ вождяхъ!

[1]) Поступокъ **Курція** былъ хорошо извѣстенъ Державину, между прочимъ, и по стихамъ Ломоносова:

«Что Курцій, видя мрачну пропасть,
Презрѣлъ и младость и породу,
Погибъ за римскую свободу,
Съ разъѣзду въ оную скочивъ.»

Въ честь графа Григорія Орлова, послѣ поѣздки его въ Москву для принятія мѣръ противъ чумы, была выбита золотая медаль съ изображеніемъ Курція, бросающагося въ пропасть, и съ надписью: *И Россія таковыхъ сыновъ имѣетъ.*

Децій Мусъ, римскій консулъ, въ сраженіи съ латинами добровольно обрекъ себя смерти. Условившись съ товарищемъ своимъ консуломъ Манліемъ Торкватомъ въ томъ, что тотъ изъ нихъ, чье крыло принуждено будетъ отступить, долженъ умереть, бросился въ самый пылъ сѣчи и погибъ, пробитый множествомъ стрѣлъ, около 338 г. до Р. Х.

Въ 1593 г., во время войны Генриха IV съ католическою лигою, французскій капитанъ **Буаросъ** влѣзъ во время бури на скалу, вышиною въ 80 саж. по веревочной лѣстницѣ, и взялъ крѣпость Fecamp, расположенную на берегу Ламанша.

Въ однихъ душа разсудкомъ льдяна,
У тѣхъ пылаетъ огнь въ сердцахъ.
Въ зимѣ рожденны подъ снѣгами,
Подъ молніями, подъ громами,—
Которыхъ съ самыхъ юныхъ дней
Питала слава, вѣрность, вѣра!
Гдѣ можно вамъ сыскать примѣра?
Не посреди-ль стихійныхъ прей?
Представь: по свѣтлости лазуря,
По наклоненію небесъ,
Взошла чернобагрова буря
И грозно возлегла на лѣсъ,
Какъ страшна нощь; надулась чревомъ,
Дохнула съ свистомъ, воемъ, ревомъ,
Помчала воздухъ, прахъ и листъ;
Подъ тяжкими ея крылами
Упали кедры вверхъ корнями
И затрещалъ Ливанъ кремнистъ.
Представь послѣдній день природы,
Что пролилася звѣздъ рѣка,
На огнь пошли стѣною воды,
Бугры взвились за облака;
Что вихри тучи къ тучамъ гнали;
Что мракъ лишь молньи освѣщали;
Что громъ потрясъ всемірну ось;
Что солнце, мглою покровенно,
Ядро казалось раскаленно:
Се видъ, какъ вшелъ въ Измаилъ россъ!
Вошелъ!—не бойся, рекъ, и всюды
Простеръ свой троегранный штыкъ:
Поверглись тѣлъ кровавы груды;
Напрасно слышенъ жалобъ крикъ.
Напрасно, бранны человѣки!
Вы льете крови вашей рѣки,
Котору должно бы беречь;
Но съ самаго вѣковъ начала
Война народы пожирала:
Священъ сталъ долгъ рубить и жечь!
Тотъ мыслитъ овладѣть всѣмъ міромъ,
Тотъ не принять его оковъ;
Вселенной царь сталъ врану пиромъ,
Герои—снѣдію волковъ.
Увы! палъ кринъ и пали терны.
Почто-жъ?—Судьбы небесны темны:
Я здѣсь пою лишь браней честь.
Насъ горсть,—но полкъ лежитъ предъ нами;
Насъ—полкъ, но съ тысячами и тьмами
Мы низложили городъ въ персть.
И се уже шумя стремится
Кровавой пѣны полнъ Дунай;
Пучина черная багрится,
Спершись отъ труповъ, съ края въ край!
Уже блѣднѣюща Мармора
Дрожитъ пловуща къ ней позора,
Костры тѣлъ видя за костромъ!
Луна полна на башняхъ крови,
Поникли гордой Мекки брови,
Стамбулъ склонился внизъ челомъ.
О! ежели издревле міру
Побѣдъ славнѣйшихъ звукъ гремитъ,
И если приступъ славенъ къ Тиру:
Къ Измаилу больше знаменитъ.
Тамъ былъ вселенной покоритель,
Машинъ и башенъ самъ строитель:
Герой, онъ море запрудилъ;
А здѣсь вождя одно велѣнье
Свершило храбрыхъ россовъ рвенье;
Великій духъ былъ вмѣсто крылъ.
Услышь, услышь, о ты, вселенна,
Побѣду смертныхъ выше силъ;
Внимай, Европа удивленна,
Каковъ сей россовъ подвигъ былъ.
Языки, знайте, вразумляйтесь,
Въ надменныхъ мысляхъ содрагайтесь
Увѣрьтесь симъ, что съ нами Богъ;
Увѣрьтесь, что его рукою
Одинъ попретъ васъ россъ войною,
Коль встать изъ бездны золъ возмогъ.

Г. Державинъ.

НА ШВЕДСКІЙ МИРЪ.[1]

(1790 г.)

Ты шествуешь въ Петрополь съ миромъ
И лавры на главѣ несешь;
Ты провождаешься зефиромъ
И россамъ пальмы раздаешь.
Ты шествуешь!.. Воззри, царица,
На радостныя всюду лица,
На сонмы вкругъ тебя людей!
Не такъ ли на тебя взираютъ,
Какъ нѣжную весну встрѣчаютъ
Въ одеждѣ розовыхъ зарей?

---

[1]) Король Густавъ III хотѣлъ воспользоваться войною Екатерины II съ Турціей для нападенія на беззащитный Петербургъ и отторженія отъ Россіи областей, нѣкогда принадлежащихъ Швеціи. Въ іюлѣ 1788 г. открылись военныя дѣйствія, какъ на морѣ, такъ и на сухомъ пути. Но шведская армія передъ Фридрихсгамомъ не хотѣла сражаться подъ предлогомъ, что король началъ войну безъ согласія сейма. При такихъ неблагопріятныхъ для Густава обстоятельствахъ миръ былъ заключенъ въ деревнѣ Верелэ на рѣкѣ Кюмени, въ августѣ 1790 г., съ сохраненіемъ тѣхъ же отношеній и границъ, какія были до начала войны (Академ. Я. К. Гротъ).

Ты шествуешь—и осклабляешь
Твой взоръ на нихъ, какъ божество;
Одной улыбкой составляешь
Восторгъ ты нашъ и торжество:
Средь свѣтлаго вельможей строя
Въ тебѣ царя, вождя, героя
И мироносицу мы зримъ,
Ужъ изумленны наши взгляды
Въ тебѣ читаютъ тѣ отрады,
Что миромъ мы получимъ симъ.
Какъ царь, ты наградишь заслуги,
Какъ матерь, призришь ты сиротъ;
Лишенные дѣтей супруги
Воскреснутъ отъ твоихъ щедротъ;
Освободишь ты заключенныхъ,
Обогатишь ты разоренныхъ,
Незлобно винныхъ ты простишь.
По нуждѣ ты лила токъ крови;
Ты въ мирѣ будешь богъ любови
И счастье наше обновишь.
Продлишь златые наши годы,
Продлишь всеобщій нашъ покой:
Безчисленны твои народы
Воздремлютъ подъ твоей рукой.
Отъ хижинъ даже до престола,
На холмѣ и въ срединѣ дола
Почіетъ бранный россовъ духъ;
Всѣ будутъ счастливы тобою:
Законовъ подъ одной чертою
Равенъ вельможа и пастухъ.
Прострешь ты животворны длани
На тяжкій земледѣльцевъ трудъ;
Отпустишь неимущимъ дани,
Да нивы и луга цвѣтутъ;
Дохнешь въ вѣтрила корабельны,
Пошлешь избытки рукодѣльны,
И рѣки злата и сребра
Отъ Орма до Невы прольются;
Народы чужды къ намъ сберутся
Вкусить покоя и добра.
И се ужъ возвѣщаютъ громы
Событіе блаженныхъ дней;
По вѣтру трубный звукъ несомый
Сзываетъ тысящи людей:
Народъ колеблется, какъ волны;
Течетъ вездѣ, веселья полный;
Враговъ цѣлуетъ и друзей;
По стогнамъ гласы раздаются,
Въ домахъ нѣжнѣйши слезы льются,
Объемлютъ женъ, отцовъ, дѣтей.
О вы, носящи душу львину,
Герои, любящіе бой!
Воззрите на сію картину,
Сравните вы ее съ войной.
Тамъ всюду ужасъ, стонъ и крики,
Здѣсь всюду радость, плескъ и лики;
Тамъ смерть, болѣзнь; здѣсь жизнь, любовь.
Я вижу убіенныхъ тѣни
И слышу вамъ ихъ грозны пени:
Вы пролили невинну кровь!
Но, вѣнценосна добродѣтель!
О, ангелъ нашихъ тихихъ дней,
Екатерина! Мы свидѣтель:
Не ты виной была смертей;
Ты бранной не искала славы,
Ты наши просвѣщала нравы
И украшалась тишиной.
Слеза, щедротой извлеченна,
Тебѣ пріятнѣй, чѣмъ вселенна,
Пріобрѣтенная войной!

Г. Державинъ.

ПОСЛѢДНІЙ ПИРЪ.

Зачѣмъ такъ озаренъ Таврическій дворецъ
Огнями яркими?—Въ немъ дивный князь Тавриды,
Великолѣпный князь, какъ вавилонскій жрецъ,
Разставилъ чудеса и ждетъ Семирамиды.—[1])
И самъ весь въ золотѣ, въ каменьяхъ дорогихъ—
Въ алмазахъ, яхонтахъ, рубинахъ, изумрудахъ,
Стоитъ въ преддверіи. Вся роскошь благъ земныхъ
Въ чертогѣ у него. Не въ чашахъ, не въ сосудахъ
Кипитъ и пѣнится янтарное вино,
Но бьетъ живымъ ключомъ, клокочущимъ каскадомъ,
И падаетъ въ бассейнъ на мраморное дно.
Чертогъ его глядитъ Армиды [2]) пышнымъ садомъ.

---

[1]) **Семирамида**—ассирійская царица. Древніе представляли ее женщиной, рожденной для владычества и приписывали ей множество дѣяній. Она, какъ говоритъ преданіе, распространила свои завоеванія съ одной стороны до Индіи, а съ другой до внутренности Африки, основала Вавилонъ и украсила его величественными зданіями; провела по всей странѣ множество дорогъ и каналовъ и вездѣ, во время своихъ походовъ, возводила подобныя сооруженія.

[2]) **Армида**—героиня прелестной поэмы Торквата Тасса «Освобожденный Іерусалимъ.» Въ волшебные, очаровательные сады свои она увлекла храбрѣйшаго изъ крестоносцевъ Ринальда. Ринальдъ бѣжалъ, Армида потрясла небо и землю, превратила прежнее жилище радостей въ ужасную пустыню и полетѣла въ станъ вражескій искать головы Ринальда.

Прозрачныхъ скалъ хребты воздвигнулись кругомъ;
Въ кристаллахъ радужныхъ висятъ утесовъ глыбы,
И пущены плясать въ стеклянный водоемъ
Золотоперыя, серебряныя рыбы.
Тамъ живописный гротъ. Тамъ въ робкой полумглѣ
Алѣетъ лучъ зари. Фонтаны, водопады
Играютъ. Тамъ, дробясь въ граненомъ хрусталѣ,
Сверкаютъ Божьихъ звѣздъ и солнцевъ миріады.
Ясминовъ, розъ кусты, тюльпанъ и гіацинтъ
Свились. Дорожекъ сѣть ведетъ васъ въ лабиринтъ;
Тамъ—изваянный ликъ: то ликъ ея—безсмертной
Земле-владычицы; въ подножіи порфиръ
Своею надписью гласитъ на цѣлый міръ:
„Отчизны матери и мнѣ премилосердой.“—
И се—величія и благости полна,
Грядетъ въ сіяніи державная—она:
Музыка грянула—и баловень судьбины,
Встрѣчая гостью, палъ къ стопамъ Екатерины.

Предъ нимъ—она, которой взоръ—
Сей свѣточъ власти безусловной—
Ему сіяетъ съ давнихъ поръ
Лампадой милости верховной;—
Она—источникъ всѣхъ щедротъ;
Она, которой весь народъ—
Тѣлохранительная стража;
Она—хозяйка эрмитажа,
Которой бойкое перо,
Въ строкахъ, гдѣ дышатъ умъ и вѣра,
Плѣняло колкаго Дидро [1])
И злого демона—Вольтера;—[2])
На долгомъ царственномъ пути
Она—сей ангелъ во плоти—
Богоподобная Фелица,
Съ орлинымъ окомъ голубица,
Чьей громкой славой полонъ свѣтъ,
Орловыхъ, Паниныхъ царица,
Душа Румянцовскихъ побѣдъ,
Душа той школы исполинской,
Гдѣ, крыльямъ давъ размахъ воинскій
Средь грома, пламени и мглы,
Взвились Кутузовъ и Суворовъ—
Сіи питомцы бранныхъ споровъ,
Событій будущихъ орлы,
Къ москво-очаковскимъ работамъ
Уже готовые бойцы,
Съ смоленско-рымникскимъ полетомъ
Гнѣзда дунайскаго птенцы;—
Она, кого отъ стѣнъ столицы
До отдаленнѣйшей границы,
На всѣ концы, отъ всѣхъ началъ,
Прозваньемъ матушки-царицы
Народъ любовно увѣнчалъ;—
Она, чье царственное око
Живило міръ лучомъ добра,—

Потемкинъ-Таврическій.

Она, постигшая глубоко
И продолжившая Петра,
Чьи благосклонные указы—
Бесѣда матери съ дѣтьми,—
Чьи наилучшіе алмазы
Въ дѣлахъ блистали предъ людьми;—
Во дни миѳическаго вѣка
Изъ-подъ короны золотой
Она, смотрѣвшая душой
Такъ зорко въ душу человѣка,
И—благодать воз-благодать—
Всегда умѣвшая воздать

[1]) **Дидро** (Denis Diderot, родился 1713 года—† 1783 г.) французскій философъ, жившій одно время въ Петербургѣ. По смерти Дидро имп. Екатерина II купила его обширную библіотеку.

[2]) **Вольтеръ** (François-Marie Arouet de Voltaire, род. 1694 г.—† 1778 г.)—французскій философъ и писатель, написавшій, между прочимъ по порученію имп. Елисаветы Петровны *Исторію Петра Великаго*. Вольтеръ переписывался съ Екатериною II и былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Фридрихомъ Великимъ.

Врагу добромъ и дружбой другу,
Низвергнуть зло, вознесть заслугу,
Избрать достойныхъ, умягчить
Законъ,—и съ скипетромъ въ десницѣ,
На тронѣ, отъ услугъ царицѣ
Услуги царству отличить,
Порокъ подъ маской обнаружить,
Смиренье, кротость ввесть въ обрядъ
И злость молвы обезоружить
Словами: „пусть ихъ говорятъ!
„Пожалуй—я молчать заставлю
„Ихъ злоязычье... но къ чему?
„Я злости къ мыслямъ ихъ прибавлю,
„А скрытой мысли не уйму.
„Подъ молчаливыхъ думъ покровомъ
„Гнѣздится глубже тайный ядъ,
„А мыслей, вывѣтренныхъ словомъ,
„Проходитъ скоро легкій чадъ.“
Предъ нею—онъ, тотъ воинъ нѣкій;
Чей конь заржалъ и полнъ огнемъ
Сталъ плотно въ рядъ съ ея конемъ,
Какъ будто сросся съ нимъ на вѣки,
Когда тотъ всадникъ, тотъ смѣльчакъ,
Ловя державной ласки знакъ,
На всемъ скаку, во всю отвагу,
Такъ ловко подалъ ей на шпагу
Кавалергардскій свой темлякъ;—
Онъ—то послушникъ монастырскій,
Перепоясанный ремнемъ,
То вдругъ—съ отвагой богатырской
Воитель въ полѣ подъ огнемъ;
То изнурившійся въ суровомъ
Постѣ, трудахъ, получернецъ,
Апостольскихъ дѣяній чтецъ,
Витія въ преньѣ съ богословомъ,
На храмномъ клиросѣ пѣвецъ,
Пришлецъ изъ сферы деревенской,
Гдѣ такъ безвѣстно онъ возникъ,
Онъ—семинаріи смоленской
Незнаменитый ученикъ,
Гдѣ духъ честолюбиво-хитрый
Одинъ лишь замыселъ таилъ:
Когда-нибудь въ дыму кадилъ
Блеснуть епископскою митрой,
Когда сквозь весь московскій звонъ,
Онъ въ ризахъ выйдетъ на амвонъ,
И будетъ тихо надъ соборомъ
Свѣщи и крестъ свой возносить,
А клиросъ—пѣть громаднымъ хоромъ
И славу деспоту гласить;—
То вдругъ—уклончивый придворный,
Красавецъ—баловень харитъ,
Алкивіадъ, [1]) страстямъ покорный,—
А тамъ—заносчиво-упорный,
Заплывшій нѣгой сибаритъ,
Престольныхъ милостей придверникъ,
Своей хандры несчастный рабъ,
А тамъ—Румянцова соперникъ,
И полководецъ, и сатрапъ;—
Онъ, разомъ выдвинувшій виды
Довольства, счастья, торжества
Въ пути земного божества
Отъ Петербурга до Тавриды,
Когда повсюду свѣтлый рай
Въ своихъ владѣньяхъ созерцая,
Свѣтило сѣвернаго края
Текло туда—въ тотъ южный край,
Гдѣ князь Тавриды веси, грады
Движеньемъ ока созидалъ,
Гдѣ онъ Великую встрѣчалъ
И крымскихъ скалъ, и горъ громады
Смолой и нефтью обливалъ,
И тѣша царственныя очи,
По берегамъ, во весь разгаръ,
Воспламенялъ во мракѣ ночи
Увеселительный пожаръ—
Пожаръ, что въ блескѣ съ солнцемъ споря,
Весь юный край тотъ обнималъ,
И въ небесахъ и въ зыби моря
Всесвѣтнымъ заревомъ сіялъ.

Тотъ путь былъ путь очарованья.
Съ Невы къ Днѣпру вдоль полотна
Дороги, полной ликованья,
Неслась державная жена—
Средь свѣжихъ рощъ благоуханныхъ
И жизнью вѣющихъ полей,
Въ собраньѣ принцевъ и князей,
И было—двѣ главы вѣнчанныхъ
Средь лицъ, сопутствовавшихъ ей.
Вездѣ волшебныхъ станцій нѣга;
Средь этой сказочной ѣзды
Встаютъ для отдыха сады,
Дворцы родятся для ночлега;
На сотни верстъ военный станъ
Раскинутъ;—пѣсни поселянъ

[1]) **Алкивіадъ**, племянникъ Перикла, другъ Сократа, любимецъ черни, родился въ Аѳинахъ за 450 л. до Р. Х., начальствовалъ въ походѣ противъ Сициліи, но обвиненный въ безбожіи и кощунствѣ, убѣжалъ въ Спарту и въ отмщеніе аѳинянамъ уговорилъ спартанцевъ начать войну противъ своихъ соотечественниковъ; вскорѣ онъ примирился съ послѣдними и сталъ воевать противъ Спарты и Персіи, сдѣлавъ въ Азіи много завоеваній. Потерявъ народную любовь, Алкивіадъ бѣжалъ въ Персію, гдѣ и былъ умерщвленъ, по проискамъ спартанцевъ, въ 404 г. до Р. Х.

Гремятъ въ селеньяхъ, хороводы
Справляютъ вешній пиръ природы,
А въ ночь, лишь смеркнутъ небеса,
Для освѣщенья, съ трескомъ, свистомъ,
Дымясь куреніемъ смолистымъ,
Горятъ дремучіе лѣса.
Предъ нею—Кіевъ,—и отъ оныхъ
Священныхъ мѣстъ вручась Днѣпру,
Вдругъ сотни яхтъ раззолоченныхъ
Пошли плясать по серебру.
Вездѣ мольба, пальба и клики,
И громъ напутственной музыки,
И мощный звонъ колоколовъ,
И бой сердецъ подъ звономъ, громомъ,—
А тамъ—одно изъ встрѣчныхъ словъ
Гласитъ: „оставимъ астрономамъ
Твердитъ, что, путь свой округля,
Вкругъ солнца движется земля:
Вкругъ насъ ты ходишь, солнце наше!“
И слаще, радостнѣй и краше
И паче горняго свѣтло
Земное солнце то текло. [1])

И вотъ—въ своемъ дворцѣ, средь сферы лучезарной,
Своей монархинѣ вельможа благодарный
Устроилъ пиршество! Нѣтъ мѣры чудесамъ.
Созвѣздья люстръ горятъ на зависть небесамъ.
Пушистый персикъ здѣсь подернулся румянцемъ
На деревѣ родномъ. Съ оливой, померанцемъ
Здѣсь лавръ и тысячи тропическихъ деревъ
Красуются въ плодахъ, цвѣтахъ благоухаютъ,
Въ ихъ зелени звенитъ царя пѣвцовъ напѣвъ,
И птицы райскія по вѣткамъ ихъ порхаютъ.
Въ чертогѣ шаръ земной сосредоточенъ весь:
Въ одеждахъ пламенныхъ, въ смѣшеньи пестромъ, здѣсь—
Калмыкъ, якутъ, киргизъ и разныхъ странъ народы.
Искусство стало здѣсь пятой на грудь природы
И вырвало на мигъ державу у судьбы.
Вотъ солнце съ вензелемъ владычицы! — Всемірны
Ряды живыхъ картинъ. Вотъ черные рабы
И азіатскій торгъ невольниками Смирны!
Вотъ группы юныхъ дѣвъ, прекрасны и легки,
Къ стопамъ монархини кладутъ свои вѣнки
Изъ свѣжихъ васильковъ и ландышей. Съ плафона
Слетаютъ геніи и нимфы Геликона,[1])
Амуры, граціи—и неземной балетъ
Несетъ богинѣ душъ эфирный свой привѣтъ.
Все блещетъ, движется,—и въ хорѣ дружелюбномъ
Разносятся слова, сліянны съ звукомъ трубнымъ,
Слова, которымъ Русь досель должна внимать
Отъ невскихъ береговъ до бурныхъ волнъ Эвксина:

„Славься симъ, Екатерина!
„Славься, нѣжная къ намъ мать!“

Пиръ конченъ. Палъ къ ногамъ растроганной царицы
Хозяинъ, и въ слезахъ къ перстамъ ея десницы
Прижалъ свои уста, колѣнопреклоненъ.
За все Великую благодарилъ здѣсь онъ,
За всѣ ея дары, за путь свой тріумфальный,
За блага жизни всей, за этотъ пиръ прощальный,
За все... Онъ чувствовалъ, что дни къ концу летятъ,
Что есть звѣздамъ предѣлъ и солнцу есть закатъ.

В. Бенедиктовъ.

ВОДОПАДЪ. [2])
(на смерть потемкина)
(† 5 октября 1791 г.)

Алмазна сыплется гора
Съ высотъ четыремя скалами;

---

[1]) Малороссійскій уроженецъ **Георгій Конисскій** (род. 1717 г.—† 1795 г.), будучи архіепископомъ въ Бѣлоруссіи, подчиненной Польшѣ, былъ неустрашимымъ поборникомъ и ходатаемъ своихъ угнетенныхъ единовѣрцевъ, какъ предъ польскимъ сеймомъ, такъ и предъ русскимъ правительствомъ. Съ этой цѣлью онъ неоднократно ѣздилъ въ Варшаву и въ Москву. Во время путешествія Екатерины Великой въ Новороссію и Крымъ, престарѣлый архипастырь встрѣтилъ государыню въ г. Мстиславлѣ и привѣтствовалъ ее слѣдующими словами: «Оставимъ астрономамъ доказывать, что земля вокругъ солнца обращается: наше *солнце* вокругъ насъ ходитъ, и ходитъ для того, да мы въ благополучіи почиваемъ.»

[1]) *Геликонъ*—гора въ з. Беотіи, на которой греческая миѳологія назначала жилище музамъ.

[2]) Ода написана въ память Потемкина, къ которому и относится вторая половина стихотворенія, начиная съ стиха «Но кто тамъ идетъ по холмамъ.» Начальныя семь строфъ описываютъ Кивачъ, водопадъ въ Олонецкой

Жемчугу бездна и сребра
Кипитъ внизу, бьетъ вверхъ буграми:
Отъ брызговъ синій холмъ стоитъ,
Далече ревъ въ лѣсу гремитъ.
Шумитъ—и средь густого бора
Теряется въ глуши потомъ;
Лучъ чрезъ потокъ сверкаетъ скоро;
Подъ зыбкимъ сводомъ древъ, какъ сномъ
Покрыты, волны тихо льются,
Рѣкою млечною влекутся.
Сѣдая пѣна по брегамъ
Лежитъ клубами въ дебряхъ темныхъ;
Стукъ слышенъ млатовъ по вѣтрамъ,
Визгъ пилъ и стонъ мѣховъ подъемныхъ: [1])
О водопадъ! въ твоемъ жерлѣ
Все утопаетъ въ безднѣ, въ мглѣ!
Вѣтрами-ль сосны пораженны,
Ломаются въ тебѣ въ куски; [2])
Громами-ль камни отторженны,
Стираются тобой въ пески;
Сковать ли воду льды дерзаютъ,
Какъ пыль стеклянна, ниспадаютъ. [3])
Волкъ рыщетъ вкругъ тебя и, страхъ
Въ ничто вмѣняя, становится:
Огонь горитъ въ его глазахъ
И шерсть на немъ щетиной зрится;
Рожденный на кровавый бой,
Онъ воетъ, согласясь съ тобой.
Лань идетъ робко, чуть ступаетъ,
Внявъ водъ твоихъ падущихъ ревъ;
Рога на спину преклоняетъ
И быстро мчится межъ деревъ;
Ее страшитъ вкругъ шумъ, бурь свистъ
И хрупкій подъ ногами листъ.
Ретивый конь, осанку горду
Храня, къ тебѣ порой идетъ;
Крутую гриву, жарку морду
Поднявъ, храпитъ, ушми прядетъ
И, подстрекаемъ бывъ, бодрится,
Отважно въ хлябь твою стремится. [4])

. . . .

Но кто тамъ идетъ по холмамъ
Глядясь, какъ мѣсяцъ, въ воды черны?
Чья тѣнь спѣшитъ по облакамъ
Въ воздушныя жилища горни?
На темномъ взорѣ и челѣ
Сидитъ глубока дума въ мглѣ!
Какой чудесный духъ крылами
Отъ сѣвера паритъ на югъ?
Вѣтръ медленъ течь его стезями:
Обозрѣваетъ царства вдругъ;
Шумитъ и, какъ звѣзда, блистаетъ,
И искры въ слѣдъ свой разсыпаетъ.
Чей трупъ, какъ на распутьи мгла,
Лежитъ на темномъ лонѣ нощи? [5])
Простое рубище чресла,
Два лепта покрываютъ очи, [6])
Прижаты къ хладной груди персты,
Уста безмолствуютъ отверсты!
Чей одръ—земля; кровъ—воздухъ синь;
Чертоги—вкругъ пустынны виды?
Не ты ли счастья, славы сынъ,
Великолѣпный князь Тавриды?
Не ты ли съ высоты честей
Незапно палъ среди степей?
Не ты-ль наперсникомъ близъ трона
У сѣверной Минервы былъ;
Во храмѣ музъ другъ Аполлона,
На полѣ Марса вождемъ слылъ;
Рѣшитель думъ въ войнѣ и мирѣ,
Могущъ—хотя и не въ порфирѣ?
Не ты-ль, который взвѣсить смѣлъ
Мощь росса, духъ Екатерины, [7])
И, опершись на нихъ, хотѣлъ
Вознесть твой громъ на тѣ стремнины,
На коихъ древній Римъ стоялъ
И всей вселенной колебалъ?
Не ты-ль, который орды сильны
Сосѣдей хищныхъ истребилъ,
Пространны области пустынны
Во грады, въ нивы обратилъ,

губерніи, въ 40 верстахъ отъ Кончезерскаго чугуннаго завода. Онъ стремится съ высотъ между четырехъ гранитныхъ скалъ. Державинъ посѣщалъ его, бывши олонецкимъ губернаторомъ. Примѣчанія къ одѣ заимствованы по большей части изъ объясненій самого Державина. (*Сочиненія Державина*, 2-ое академич. изд., т. I).

[1]) Хотя отъ Кончезерскаго завода до пороговъ верстъ 20, но въ сильную погоду по вѣтру иногда слышно бываетъ дѣйствіе заводскихъ машинъ; тогда шумъ ихъ сливается съ ревомъ водъ въ какую-то дикую гармонію.

[2]) Державинъ приказалъ на вершинѣ порога срубить сосну и бросить ее въ стремленіе воды: черезъ нѣсколько минутъ выплыли изъ жерла одни обломки ея или щепы.

[3]) Кивачъ никогда не замерзаетъ и водныя капли капаютъ, дѣйствительно, какъ стеклянная пыль, въ которой отраженіе солнечныхъ лучей производитъ удивительную игру свѣта.

[4]) Въ 5-й, 6-й и 7-й строфѣ олицетворяются свойства, совершенно разнородныя: подъ волкомъ разумѣется *злоба*, которая отъ ужаса приходитъ въ ярость; подъ ланью—*кротость*, робкая въ опасности, а подъ конемъ—*гордость*, или *честолюбіе*, которое отъ препятствій раздражается и растетъ.

[5]) Потемкинъ умеръ на пути изъ Яссъ въ Николаевъ. Тѣло его цѣлую ночь лежало на степи, покрытое плащомъ.

[6]) Гусаръ, бывшій при Потемкинѣ, положилъ ему на глаза двѣ денежки, чтобы они закрылись.

[7]) Разумѣются намѣренія Потемкина: выгнать турокъ изъ Европы, смирить китайцевъ и установить торгъ съ Индіею. Они соотвѣтствовали видамъ Екатерины.

Покрылъ понтъ черный кораблями,
Потрясъ среду земли громами? [1])
Не ты-ль, который зналъ избрать
Достойный подвигъ росской силѣ,
Стихіи самыя попрать
Въ Очаковѣ и въ Измаилѣ,
И твердой дерзостью такой
Быть дивомъ храбрости самой? [2])
Се ты, отважнѣйшій изъ смертныхъ!
Парящій замыслами умъ!
Не шелъ ты средь путей извѣстныхъ,
Но проложилъ ихъ самъ—и шумъ
Оставилъ по себѣ въ потомки;
Се ты, о чудный вождь Потемкинъ!
Се ты, которому врата
Торжественныя созидали; [3])
Искусство, разумъ, красота
Недавно лавръ и миртъ сплетали;
Забавы, роскошь вкругъ цвѣли [4])
И счастье съ славой слѣдомъ шли.
Се ты, небеснаго плодъ дара
Кому едва я посвятилъ;
Въ созвучность громкаго Пиндара
Мою настроить лиру мнилъ;
Воспѣлъ побѣду Измаила,
Воспѣлъ... Но смерть тебя скосила!
Увы! И хоровъ сладкій звукъ
Моихъ въ стенанье превратился;
Свалилась лира съ слабыхъ рукъ,
И я тамъ въ слезы погрузился,
Гдѣ бездны разноцвѣтныхъ звѣздъ [5])
Чертогъ являли райскихъ мѣстъ.
Увы! И громы онѣмѣли,
Ревущіе тебя вокругъ;
Полки твои осиротѣли, [6])
Наполнили рыданьемъ слухъ;
И все, что близъ тебя блистало,
Уныло и печально стало.
Потухъ лавровый твой вѣнокъ, [7])
Гранена булава упала,
Мечъ въ полножны войти чуть могъ,— [8])
Екатерина возрыдала! [9])
Полъ-свѣта потряслось за ней
Незапной смертію твоей!

. . . .

Единый часъ, одно мгновенье
Удобны царства поразить,
Одно стихіевъ дуновенье
Гигантовъ въ прахъ преобразить;
Ихъ ищутъ мѣста—и не знаютъ;
Въ пыли героевъ попираютъ!
Героевъ?—Нѣтъ! Но ихъ дѣла
Изъ мрака и вѣковъ блистаютъ;
Нетлѣнна память, похвала
И изъ развалинъ вылетаютъ;
Какъ холмы, гробы ихъ цвѣтутъ!
Напишется Потемкинъ трудъ.
Театръ его былъ край Эвксина,
Сердца обязанныя—храмъ,
Рука съ вѣнцомъ—Екатерина;
Гремяща слава—ѳиміамъ;
Жизнь—жертвенникъ торжествъ и крови,
Гробница—ужаса, любови.

. . . .

Подъ древомъ, при зарѣ вечерней,
Задумчиво любовь сидитъ,
Отъ цитры вѣтерокъ весенній
Ея повсюду голосъ мчитъ;
Перлова грудь ея вздыхаетъ,
Геройскій образъ оживляетъ. [10])
Поутру солнечнымъ лучомъ
Какъ монументъ зластый зажжется,
Лежатъ объяты серны сномъ,
И паръ вокругъ холмовъ віется,—
Пришедши старецъ надпись зритъ:
„Здѣсь трупъ Потемкина сокрытъ!“
Алцибіадовъ прахъ!..—И смѣетъ
Червь ползать вкругъ его главы?

---

[1]) Подъ *средой земли* здѣсь разумѣется Константинополь. Въ предыдущихъ стихахъ говорится объ уничтоженіи Запорожской Сѣчи и о дѣятельности Потемкина въ Новороссійскомъ краѣ.

[2]) По взятіи Измаила русскіе солдаты сами удивлялись своей невѣроятной храбрости: одни по короткимъ лѣстницамъ, а другіе и вовсе безъ лѣстницъ, опираясь на штыки свои, взлѣзли на страшный измаильскій валъ.

[3]) Желая особеннымъ образомъ наградить Потемкина за взятіе Измаила, императрица приказала въ Царскомъ Селѣ иллюминовать мраморныя ворота и, украся морскими и военными арматурами, написать въ транспарантѣ стихи изъ оды на Очаковъ Петрова (Записки Храповицкаго).

[4]) Среди военныхъ тревогъ и ненастья пышность и роскошь окружали Потемкина: землянки, обитыя парчою и украшенныя люстрами, превосходили великолѣпіе дворцовъ; особенно великолѣпны были праздники.

[5]) Намекъ на великолѣпное освѣщеніе, которымъ сопровождался праздникъ въ Петербургѣ, по случаю взятія Измаила.

[6]) Солдаты, будучи обязаны Потемкину многими выгодами, любили его и искренно оплакивали его кончину.

[7]) Лавровый вѣнокъ, украшенный брильянтами, подаренъ былъ Потемкину императрицею за его побѣды; булава, также пожалованная ему Екатериной, означала гетманство; она имѣла видъ трости, на концѣ которой былъ шаръ граненый или съ шипами.

[8]) Переговоры о мирѣ были только начаты передъ смертію Потемкина.

[9]) Императрица была чрезвычайно огорчена внезапною смертью Потемкина.

[10]) Многія почитательницы князя Потемкина носили его портретъ въ медальонахъ.

Взять шлемъ Ахилловъ не робѣетъ,
Нашедши въ полѣ, Ѳирсъ? [1])—Увы!
И плоть и грудь коль истлѣваетъ:
Что-жъ нашу славу составляетъ?
Лишь истина даетъ вѣнцы
Заслугамъ, кои не увянутъ;
Лишь истину поютъ пѣвцы,
Которыхъ вѣчно не престанутъ
Гремѣть перуны сладкихъ лиръ;
Лишь праведника святъ кумиръ!
Услыште-жъ, водопады міра!
О славой шумныя главы!
Вашъ свѣтелъ мечъ, цвѣтна порфира.
Коль правду возлюбили вы;
Когда имѣли только мѣту,
Чтобъ счастіе доставить свѣту.
Шуми, шуми, о водопадъ!
Касаяся странамъ воздушнымъ,
Увеселяй и слухъ и взглядъ
Твоимъ стремленьемъ свѣтлымъ, звучнымъ,
И въ поздней памяти людей
Живи лишь красотой твоей!
Живи! И тучи пробѣгали
Чтобъ рѣдко по водамъ твоимъ,
Въ умахъ тебя не затмѣвали
Разжженный громъ и черный дымъ;
Чтобъ былъ вблизи, вдали любезенъ
Ты всѣмъ; сколь дивенъ, столь полезенъ.

Г. Державинъ.

КОСТЮШКА. [2])

(НАРОДНАЯ ПѢСНЯ)

Не ясенъ-то соколъ по крутымъ горамъ летаетъ:
То Костюшка-варваръ по своей армеюшкѣ разъѣзжаетъ.
Онъ фронты-то свои—знаменушки украшаетъ,
Своихъ мызничковъ-генералушекъ ублажаетъ:
„Вы не плачьте же, мои мызнички, право-генералы,
„Не рыдайте же вы, мои свирѣпые кавалеры:
„Какъ заутра у Бѣла царя будетъ праздникъ,
„Не маленькій праздникъ, праздничекъ Петровъ день;
„Всѣ рынушки-трактирушки будутъ растворены,
„Всѣ гусарушки, всѣ уланушки будутъ пьяны,
„Казаки наши донецкіе всѣ загуляютъ."

Какъ на тотъ-то разъ казаки-други были осторожны:
Всю ночушку казаки-други не спали,
Во рукахъ во своихъ борзыхъ коней продержали.
На бѣлой-то зорѣ на утренней „ура" закричали,
Закричали они—загичали: Костюшку поймали.
Да велѣли-жъ его скоро, Костюшку, накрѣпко связать,
Приказали у него скоро допросъ допросить.

НА ВЗЯТІЕ ВАРШАВЫ. [1])

Пошелъ—и гдѣ тристаты злобы?
Чему коснулся, все сразилъ!
Поля и грады стали гробы;
Шагнулъ—и царство покорилъ!
О россъ! о подвигъ исполина!
О всемогущая жена!
Безсмертная Екатерина!
Куда? и что еще?—Уже полна
Великихъ вашихъ дѣлъ вселенна.
Какъ ночью звѣздъ стезя, по небу протяженна,
Дѣяній вашихъ цѣпь въ потомствѣ возблеститъ
И мудрыхъ удивитъ.—
Ужъ ваши имена,
Тріумфъ, побѣды, трудъ не скроютъ времена:
Какъ молньи быстрыя, вкругъ міра будутъ течь.
Полъ-свѣта очертилъ блистающій вашъ мечъ;
И славы громъ,

---

[1]) Ѳирсъ, или Терситъ, участвовалъ въ осадѣ Трои; будучи самъ трусомъ, позволялъ себѣ охуждать Ахиллеса.

[2]) Въ апрѣлѣ 1794 г. въ Варшавѣ вспыхнуло возстаніе, главнымъ начальникомъ котораго былъ избранъ **Костюшка**, отличившійся въ нѣсколькихъ сраженіяхъ противъ англичанъ за независимость Сѣверо-американскихъ Штатовъ. 28 сентября 1794 г. при Мацѣевицахъ, менѣе ста верстъ къ юв. отъ Варшавы, Костюшка потерпѣлъ отъ русскихъ пораженіе, былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ. При Екатеринѣ онъ содержался въ Петербургѣ подъ строгимъ надзоромъ, при Павлѣ былъ отпущенъ на честное слово. Послѣ этого Костюшка уже никогда не сражался противъ русскихъ. Онъ умеръ въ Швейцаріи въ 1817 г.

[1]) Суворову было поручено усмиреніе мятежа. Собравъ 12,000-ный корпусъ, Суворовъ разбилъ внезапно поляковъ, сперва у Кобрина, а потомъ у Бреста Литовскаго, прошелъ въ три недѣли 500 верстъ и во второй половинѣ октября подступилъ къ Прагѣ, защищаемой 30,000-нымъ войскомъ и 104 пушками. 24 октября Прага была взята въ три часа времени въ виду столицы Польши, полагавшей на нее всю свою надежду. На другой день Суворовъ въ трехъ словахъ донесъ императрицѣ: «Ура! Варшава наша!» Государыня не замедлила отвѣтить: «Ура, фельдмаршалъ!» Полученіе этого титула было для Суворова радостной наградой *(Словарь достопам. людей)*. Здѣсь приводится не вся ода, а только начало ея.

Какъ шумъ морей, какъ гулъ воздушныхъ
споровъ,
Изъ дола въ долъ, съ холма на холмъ,
Изъ дебри въ дебрь, отъ рода въ родъ,
Прокатится, пройдетъ,
Промчится, прозвучитъ
И въ вѣчность возвѣститъ,
Кто былъ Суворовъ:
По бранямъ—Александръ, по доблести—
стоикъ,
Въ себѣ ихъ совмѣстилъ и въ обоихъ ве-
ликъ.
Черная туча, мрачныя крыла
Съ цѣпи сорвавъ, весь воздухъ покрыла;
Вихрь полуночный, летитъ богатырь!
Тьма отъ чела, съ посвиста пыль!
Молньи отъ взоровъ бѣгутъ впереди,
Дубы грядою лежатъ позади.
Ступитъ на горы—горы трещатъ,
Ляжетъ на воды—воды кипятъ,
Граду коснется—градъ упадаетъ,
Башни рукою за облакъ кидаетъ;
Дрогнетъ природа, блѣднѣя предъ нимъ;
Слабыя трости щадятся лишь имъ.
Ты-ль—Геркулесъ нашъ новый, полночный,
Бурѣ подобный, быстрый и мочный?
Твой ли, Суворовъ, се образъ побѣдъ?
Трупы враговъ и лавры—твой слѣдъ!
Кѣмъ ты когда бывалъ побѣждаемъ?
Все ты всегда вездѣ превозмогъ!
Новый трофей твой днесь созерцаемъ:
Тронъ подъ тобой, корона у ногъ,—
Царь въ полону!—Ужасъ ты злобнымъ,
Кто былъ царицѣ твоей непокорнымъ.

Г. Державинъ.

СУВОРОВЪ ВЪ ПОЛЬШѢ.

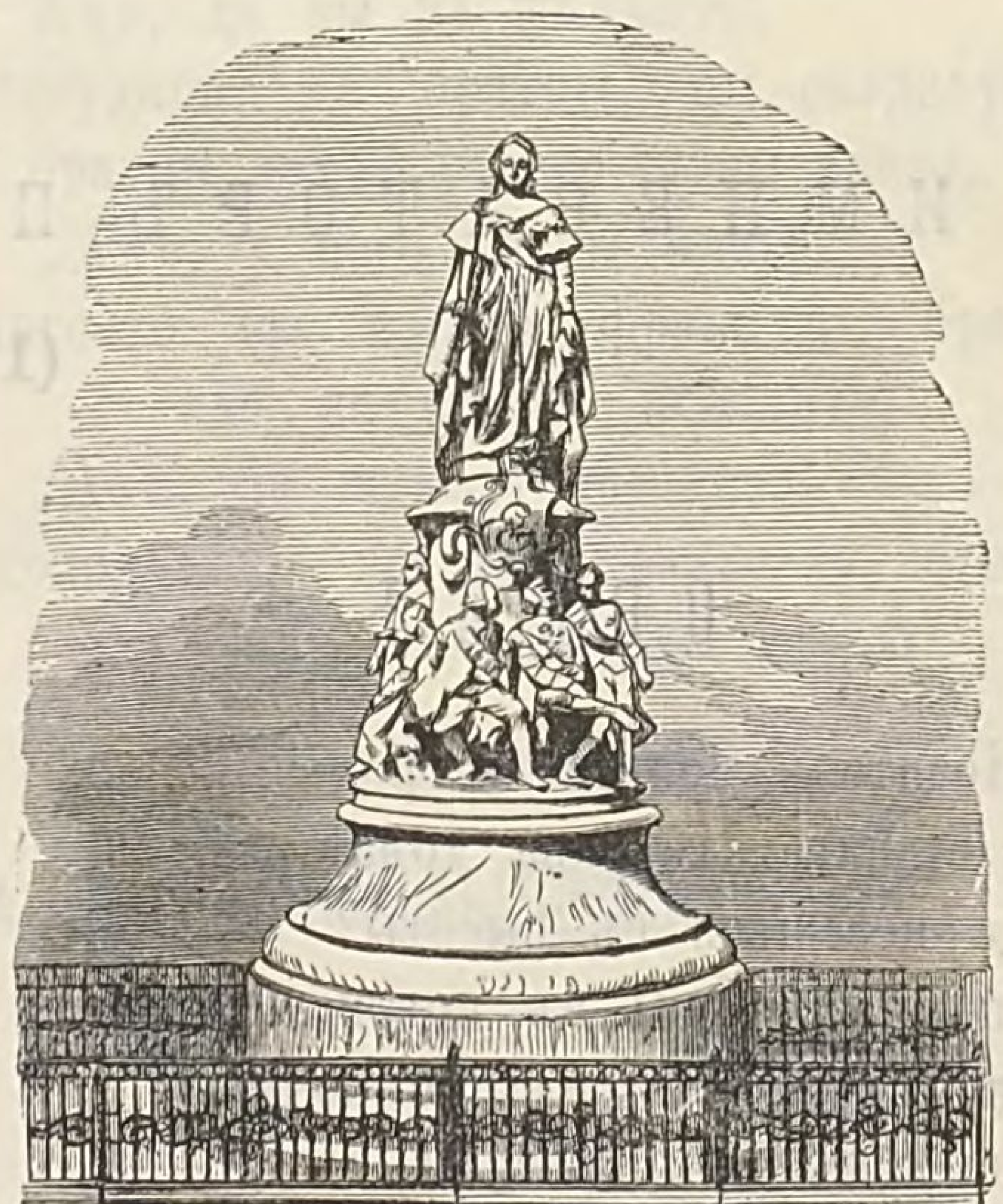
(НАРОДНАЯ ПѢСНЯ)

Какъ не туча находила
И не сильны дожди льютъ:
Графъ Суворовъ показался,
Полки въ Польшу съ нимъ идутъ.
Онъ имѣлъ то повелѣнье,
Чтобы Польшу усмирить,
И не мудро угожденье,—
Взять Аршаву, покорить.
Гдѣ онъ шелъ скоро по Польшѣ,
Войско слѣдовало съ нимъ.
Какъ Аршавъ-городъ узнала,
Что Суворовъ къ ней идетъ,
Воздохнул' тяжко Аршава,
Всѣ заплакали мѣста:
„Лучше скрозь земли пройтить,
„Отъ Суворова уйтить!“
Не туманъ съ войска поднялся
И военный грянулъ громъ:
Городъ ядрами покрылся,
Полчаса не виденъ былъ.
Намъ Суворовъ волю далъ,
Ровно три часа гулять:
Погуляемте, робята,
Намъ Суворовъ приказалъ!
За его выпьемъ здоровье,
Мы проздравимте его:
Здравствуй, здравствуй, графъ Суворовъ,
Что ты правдою живешь,
Справедливо насъ, солдатъ, ведешь!
Ты военностей не тужишь,
Радъ хочь въ воду и въ огонь,
Ты царицѣ вѣрно служишь!

НАДГРОБІЕ ИМПЕРАТРИЦѢ ЕКАТЕРИНѢ II-Й.

(† 6 ноября 1796 г.)

Россія! се Екатерина,
Владычица твоя и мать!

Памятникъ Екатеринѣ II-й.

Ея вселенной половина
Души не возмогла вмѣщать.

Се въ гробѣ образецъ царей!
Рыдай... рыдай... рыдай о ней.[1])

[1]) Это двухстишіе образуетъ хоръ и повторяется послѣ каждой строфы.

Се та, что духъ вливала славы,
Героевъ сотворить могла,
Жестокіе смягчала нравы
И ангелъ во плоти была!

Се та, что сгибъ сердецъ всѣхъ знала,
Плѣняла маніемъ очесъ,
Законы подданнымъ писала,
Европѣ судъ и перевѣсъ!

Се та, что скипетръ самовластья
Щедротой знала позлащать,
Свободу въ жизни, сладость счастья
Всѣмъ состояньямъ проливать!

Се та, что и въ врагахъ почтенье
Къ себѣ умѣла возбудить,
Въ друзьяхъ любовь и обоженье,
А вообще весь міръ дивить!

Г. Державинъ.

ПЛАЧЪ ВОЙСКА ПО ГОСУДАРЫНѢ.

(пѣсня)

Ужъ ты, батюшка, свѣтелъ мѣсяцъ,
Что-же ходишь понизешеньку,
Что-жъ ты свѣтишь помалехоньку,
Ни постарому, ни попрежнему?

Въ новомъ городѣ, во Спленскому,
Стоять верея точеныя,
Все точеныя, раскрашеныя;
Дли верей стоить молодой солдатъ,
Молодой солдатъ, полковой сержантъ;
Онъ не такъ стоить,—слезно плачетца,
Онъ не такъ плачеть,—что рѣка льетца:
„Подымитесь, вѣтры буйные,
„Разнесите всѣ желты пески,
„Распахнися, шелкова парча,
„Разломися, гробова доска,
„Подымися, наша матушка,
„Милосердная государыня,
„Катерина Алексѣевна!
„Безъ тебя намъ жить похужѣло, [2])
„Всему царству почежелѣло,
„При твоемъ сыну любезному
„Что при Павлѣ при Петровичу.

ИМПЕРАТОРЪ ПАВЕЛЪ І-й ПЕТРОВИЧЪ.

(1796 г.—1801 г.)

ОРЕЛЪ. [1])

Носитель молніи и грома
Всесильнаго Петрова дома!
Куда несешься съ высоты?
Принявъ перуны въ когти мочны,
Куда паришь, Орелъ полночный,
И на кого ихъ бросишь ты?

Еще-ль, по манію Беллоны, [3])
Стремишься въ прахъ низвергнуть троны,
Брать царства, королей плѣнить?—
Нѣтъ, нѣтъ! предъ Павла знаменами
Ты съ росскими летишь полками
Престолы падши возносить.
Гряди спасать царей, Суворовъ,
Избавить царства отъ раздоровъ

[1]) Стихотвореніе *Орелъ* написано по слѣдующему поводу. Посланникъ нашъ въ Вѣнѣ графъ Разумовскій извѣстилъ государя, что тамошній дворъ, назначивъ эрцгерцога Іосифа предводителемъ союзной арміи для войны съ французами въ Италіи и затрудняясь въ избраніи опытнаго ему помощника, остановилъ свое вниманіе на Суворовѣ, какъ на полкозодцѣ, который въ предыдущую турецкую войну успѣлъ пріобрѣсти уваженіе и довѣріе австрійцевъ. Государь вызвалъ Суворова изъ села Кончанскаго въ Петербургъ, и черезъ двѣ недѣли Суворовъ отправился въ Вѣну.

[2]) По смерти государыни военная служба стала тяжелѣе. Новые порядки вводились строго, безъ оттяжки и послабленія; введены были: прусскій мундиръ, пудра, букли и косы. Недовольныхъ было много, въ томъ числѣ и Суворовъ, который открыто говорилъ: «Пудра не порохъ, букли не пушки, косы не тесаки, а мы не нѣмцы, а русаки!» За такую откровенность Суворова отставили отъ службы, и онъ болѣе $1^{1}/_{2}$ лѣтъ прожилъ одиноко въ своемъ родовомъ имѣніи Кончанскомъ (въ Боровичскомъ уѣздѣ Новгородской губ.).

[3]) **Беллона**—богиня войны у римлянъ. По ты представляютъ ее съ развивающимися окровавленными волосами, держащею въ одной рукѣ бичъ, а въ другой копье.

И власть въ порфиру облещи;
Соименитому герою
Подобно, ты рожденъ судьбою
Коварства узелъ разсѣщи. [1])
Гряди, Алкидъ, на гидру дерзку, [2])
Смири ея ты лютость звѣрску,
Спаси отъ бѣдъ вселенну вновь.
Ужасно жалъ ея сверканье,
Тлетворно пагубно дыханье,
И смертно ядовита кровь.

Павелъ Петровичъ.

Но ты одѣтъ въ броню нетлѣнну,
Въ надежду, вѣру несомнѣнну,
Любовью выспренней горишь; [3])
Полкъ ангелъ предъ тобой сомкнется—
И зло тебѣ не прикоснется;
Рога ты буйству сокрушишь.
Съ тобою Богъ идетъ—и россы,
Во знаменье побѣдъ, колоссы

[1]) Когда Суворовъ, по пріѣздѣ изъ Кончанскаго, представлялся государю, то послѣдній самъ надѣлъ на него цѣпь ордена св. Іоанна Іерусалимскаго большого креста. Суворовъ воскликнулъ: «Боже! спаси Царя!» Императоръ отвѣтствовалъ: «Тебѣ спасать царей!»

[2]) Здѣсь идетъ рѣчь о французской революціи, которую поэтъ неоднократно сравниваетъ съ гидрой.

[3]) Чувство благочестія, одушевлявшее Суворова во всю жизнь, породило въ немъ непримиримую ненависть къ французской революціи. Ея поборниковъ считалъ онъ людьми зачумленными и ими гнушался всѣми силами своей мощной души (Милютинъ. Исторія войны въ 1799 г., т. I, стр. 137).

Воздвигнутъ по твоимъ слѣдамъ;
Слухъ пройдетъ въ позднее потомство:
„Тобой стеръ Павелъ вѣроломство
И скиптры возвратилъ царямъ."

Г. Державинъ.

СУВОРОВЪ ВЪ ИТАЛІИ.

(народная пѣсня)

Не двѣ тученьки, братцы, не двѣ грозныя,
братцы, ахъ, изъ горъ выкатались,
Ахъ, изъ горъ выкатались:
Выходила да наша сила-армія, братцы, ахъ,
во чистое поле,
Ахъ, во чистое поле;
Выходилъ да онъ, все нашъ родный батюшка,
братцы, ахъ, да нашъ графъ Суворовъ,
Ахъ, да нашъ графъ Суворовъ.
Онъ своею да генеральской палочкой, братцы,
ахъ, да онъ командрује́тъ,
Ахъ, да онъ командрује́тъ:
„Ой вы, братцы, да братцы вы солдатушки,
братцы, бейте, не робѣйте,
„Ахъ, бейте, не робѣйте,
„Свинцу-пороху, братцы, вы, солдатушки,
братцы, ахъ, да вы не жалѣйте,
Ахъ, да вы не жалѣйте!
„У государя, да братцы, вы солдатушки,
братцы, ахъ, у него казны много,
„Ахъ, у него казны много.
„Самого-то вы ворога француза, братцы,
ахъ, на штыкъ посадите,
„Ахъ, на штыкъ посадите,
„А молодую-то все его хозяюшку, братцы,
ахъ, на вострую саблю!"

НА ПЕРЕХОДЪ АЛЬПІЙСКИХЪ ГОРЪ. [1])

Гдѣ только вѣтры могутъ дуть,
Проступятъ тамъ полки орлины.
М. Ломоносовъ.

О радость!—Муза, дай мнѣ лиру,
Да вновь Суворова пою!
Какъ слышенъ громъ за громомъ міру,
Да слышитъ всякъ такъ пѣснь мою!

[1]) Послѣ блистательныхъ побѣдъ своихъ въ с. Италіи, Суворовъ по предписанію Австрійскаго императора, долженъ былъ итти въ Швейцарію, гдѣ русскіе войска, предводительствуемыя Римскимъ-Корсаковымъ, были уже по-

Побѣдъ его плѣненный слухомъ,
Лечу моимъ за нимъ я духомъ
Чрезъ долы, холмы и лѣса;
Зрю—близъ меня зіяютъ ады,
Надъ мной шумящи водопады,
Какъ бы склонились небеса[1]).

Идетъ въ веселіи геройскомъ
И тихимъ маніемъ руки,
Повелѣвая сильнымъ войскомъ,
Сзываетъ вкругъ себя полки.
„Друзья!“ онъ говоритъ: „извѣстно,
Что россамъ мужество совмѣстно;
Но нѣтъ теперь надежды вамъ.
Кто вѣрѣ, чести другъ неложно,
Умреть иль побѣдить здѣсь должно[2]).“
„Умремъ!“ кликъ вторитъ по горамъ.

Идетъ,—о зрѣлище прекрасно,
Гдѣ, прямо вѣрностью горя,
Готово войско въ брань безстрашно!
Встаетъ межъ ихъ любезна пря:
Всѣ движутся на смерть послушно,
Но не хотятъ великодушно
Итти за вождемъ назади;
Сверкаютъ копьями, мечами:
Какъ холмъ объемлется волнами,
Идетъ онъ съ шумомъ—впереди.

Ведетъ въ пути непроходимомъ
По темнымъ дебрямъ, по тропамъ,
Подъ заревомъ, отъ молньи зримомъ,
И по бѣгущимъ облакамъ;
День—нощь ему среди тумановъ,
Нощь—день отъ громовыхъ пожаровъ;

кинуты австрійцами. Суворовъ просилъ австрійское правительство снабдить нашу армію необходимыми запасами, орудіями, лошадьми и пр., но просьба эта осталась неуваженною. Суворовъ жаловался на все это имп. Павлу и выражалъ свои опасенія. Да и всѣ политики того времени заключали навѣрное, что Суворовъ пропадетъ въ горахъ. Но этого не случилось. Престарѣлый полководецъ нашъ сохранилъ исполинскую силу духа, сообщилъ ее своему войску и еще разъ удивилъ Европу чудеснымъ, изумительнымъ подвигомъ. Швейцарцы до сихъ поръ, указывая на горы, съ благоговѣніемъ говорятъ: «*Здѣсь проходилъ Суворовъ.*»

[1]) *Адами* Державинъ называетъ неизмѣримыя пропасти въ Альпахъ, и наклонившимся небесамъ уподобляетъ тѣ страшные водопады, подъ которыми можно проходить, какъ подъ сводами.

[2]) Наканунѣ своего выступленія въ горы, Суворовъ писалъ имп. Павлу: «поведу я теперь храброе в. и. в. воинство въ Швейцарію, и тамъ, на новомъ полѣ сраженія, поражу врага, или умру со славою за отечество и государя.

Несется въ бездну по вервямъ,
По камнямъ лѣзетъ вверхъ изъ бездны;
Мосты ему—дубы зажжены:
Плыветъ по скачущимъ волнамъ.

Ведетъ подъ снѣгомъ, вихремъ, градомъ,
Подъ ужасомъ природы всей;
Встрѣчается спреди и рядомъ
На каждомъ шагѣ съ тьмой смертей;
Отвсюду окруженъ врагами,
Водой, горами, небесами
И воинствомъ противныхъ силъ.
Вблизи падутъ со трескомъ холмы,
Вдали тамъ гулы ропчутъ, громы,
Скрежещетъ блѣдный голодъ въ тылъ[1]).

Ведетъ—и нѣкая громада,
Гигантъ предъ нимъ возсталъ въ пути;
Главой небесъ, ногами ада
Касаяся, претитъ итти;
Со ребръ его шумятъ внизъ рѣки,
Предъ нимъ мелькаютъ дни и вѣки,
Какъ вкругъ волнующійся паръ:
Ничто его не потрясаетъ,
Онъ громъ и бури презираетъ;
Нахмурясь смотритъ Сенъ-Готардъ[2]).

А тамъ—невидимой рукою
Простертое съ холма на холмъ
Чудовище, какъ мостъ длиною[3]),
Рыгая дымъ и пламень ртомъ,
Бездонну челюсть разверзаетъ,
Въ единый мигъ полки глотаетъ.

---

[1]) «Густыя облака одѣвали всю поверхность горы, такъ что русскіе карабкались наобумъ, ничего не видя предъ собою. Проводники разбѣжались, и войска должны были сами искать дорогу, погружаясь въ снѣжные сугробы. Вьюга немедленно же сметала всѣ слѣды, и каждый солдатъ долженъ былъ пробивать себѣ новый путь. Съ высоты горы слышались на днѣ долины густые раскаты грома; по временамъ сквозь густой, непроницаемый туманъ сверкала молнія. Огромные каменья, срываемые бурей, съ грохотомъ катились въ бездны. Никакими словами нельзя передать всего, что вытерпѣли русскіе войска въ этомъ ужасномъ переходѣ: всѣ безъ различія, солдаты, офицеры, генералы, были босы, голодны, изнурены, промочены до костей. Каждый невѣрный шагъ стоилъ жизни: если кому случалось оступиться или поскользнуться, то не было уже спасенія.» (Д. Милютинъ *Исторія войны въ 1799 г.*, т. IV, стр. 159).

[2]) *Сенъ-Готардъ*—величайшій кряжъ въ Альпахъ, общая высота 8,000 футовъ, горный проходъ находится на высотѣ 6443 футовъ надъ уровнемъ моря. Со стороны Италіи путь на Сенъ-Готардъ былъ почти недоступенъ и шелъ чрезъ узкую тропинку, то извилисто поднимавшуюся къ крутому свѣсу горы, то спускавшуюся въ глубокія и тѣсныя ложбины, то снова взбиравшуюся на гору.

[3]) 14 сентября Суворову предстояло пройти чрезъ такую тѣснину, гдѣ, казалось, сама природа хотѣла испытать, дѣйствительно ли нѣтъ ничего невозможнаго для

ПЕРЕХОДЪ СУВОРОВА ЧЕРЕЗЪ ЧОРТОВЪ МОСТЪ.

(съ изданія с рождественскаго).

1890 г. Типо-Литографія Новгор. Губ. Правленія.

А тамъ—пещера черна спитъ
И смертнымъ мракомъ взоры кроетъ;
Какъ бурею, гортанью воетъ:
Предъ ней отчаянье сидитъ.

Ведетъ туда, гдѣ вѣтръ не дышитъ
И въ высотахъ и въ глубинахъ,
Гдѣ ухо льдовъ лишь гулы слышитъ,
Катящихся на крутизнахъ.
Ведетъ—и скрытъ ужъ въ мракѣ гроба,
Ужъ съ хладнымъ смѣхомъ шепчетъ злоба:
Погибъ средь дерзкихъ онъ путей!
Но россу гдѣ и что преграда?
Съ тобою Богъ—и горъ громада
Раздвиглась силою твоей.

Ужъ сыплются со скалъ безмѣрныхъ
Полки сквозь облаковъ, какъ дождь!
Ужъ мечутся въ враговъ надменныхъ:
Въ душахъ ихъ слава, Богъ и вождь;
Къ отечеству, къ царю любовью,
Или врожденной бранной кровью,
Иль къ вѣрѣ вѣрой всякъ крылатъ.
Не могутъ счесть мои ихъ взоры,
Ни всѣхъ наречь:—какъ молньи, скоры!
Вокругъ я блескомъ ихъ объятъ.

О сколько храбрости россійской
Примѣровъ видѣлъ уже свѣтъ!
Европа и предѣлъ Азійской
Тому свидѣтельства даетъ.
Кто хочетъ, стань на холмъ высоко
И кинь со мной въ долину око
На птицъ, на ихъ парящій станъ.
Зри: въ воздухѣ склубясь волнистомъ,
Какъ грудью бьетъ соколъ ихъ съ свистомъ:
Стремглавъ падетъ сраженный вранъ.

Такъ козни зла всѣ упадаютъ,
О Павелъ, подъ твоей рукой!
Народы длани простираютъ,
Отъ бѣдъ спасенные тобой.
Но были-бъ счастливѣй стократно,
Коль знали бы цѣнить обратно [1])
Твою къ нимъ милость, святость крылъ;
Во храмѣ-жъ славы письменами
Златыми, чтимыми вѣками,
Всѣмъ правда скажетъ: „царь ты силъ!“

О доблесть воиновъ избранныхъ,
Собравшихъ лавры съ тьмы побѣдъ,
Безсмертной славой осіянныхъ,
Какой не видывалъ сей свѣтъ!
Вамъ предоставлено судьбами
Рѣшить споръ ада съ небесами:
Сообщать ли солнцу блескъ звѣздамъ,
Законамъ естества-ль встать новымъ,
Стоять ли алтарямъ Христовымъ,
И быть или не быть царямъ?

По доблести—царямъ сокровный [2]),
По вѣрности—престоловъ щитъ,
По вѣрѣ—камень царствъ угольный,
Вождь—знаньемъ браннымъ знаменитъ,
Въ которомъ мудрость съ добротою,
Терпѣнье, храбрость съ быстротою
Вмѣстились всѣхъ изящныхъ душъ!
Сражаясь вѣры со врагами
И небо поддержавъ плечами,
Дерзай, великій Богомъ мужъ!

Дерзайте! вижу—съ вами ходитъ
Тотъ объ руку во всѣхъ путяхъ,
Что̀ перстомъ круги звѣздны водитъ
И молнію на небесахъ.
Онъ рекъ—и тучи удалились,
Велѣлъ—и холмы уклонились,—

русскихъ войскъ. Въ разстояніи одной версты съ небольшимъ отъ деревни Урзорнъ, дорога по правому берегу Рейссы преграждена громадными утесами, которые отвѣсно врѣзываются въ самое русло рѣки. Сквозь эту естественную стѣну пробито узкое и низкое отверстіе, называемое *Урнерскою дырой* (Urner-Loch): оно имѣло около 80-ти шаговъ длины и едва достаточно было для свободнаго прохода человѣка съ вьюкомъ. Дорога, выходя на свѣтъ изъ темнаго подземелья, огибаетъ гору въ видѣ карниза и круто спускается къ знаменитому **Чортову мосту**, Отъ входа въ Урнерскую пещеру до моста разстояніе не болѣе 400 шаговъ: на этомъ пространствѣ р. Рейсса прорывается какъ бы чрезъ трещину, между высокими нависшими горами; низвергаясь нѣсколькими водопадами съ высоты 200 футовъ, неистовый потокъ, весь въ пѣнѣ, льется съ утеса на утесъ; гулъ его слышенъ на далекое разстояніе. Отвѣсные утесы, спирающіе съ обѣихъ сторонъ величественный водопадъ, до того сближаются между собою, что одна смѣлая арка перекинута чрезъ потокъ, на высотѣ 75 футовъ надъ бездною (Милютинъ).

[1]) «*Какъ знали бы цѣнить обратно,*» т. е. когда бы цесарцы поступали съ тою же искренностію, съ какою русскія войска, на помощь имъ присланныя, поступали; но они изъ зависти, только словами въ нужныхъ случаяхъ довольствовали, а въ самомъ дѣлѣ дѣлали возможныя непріятности (объясн. Державина).

[2]) Въ знакъ благодарности за побѣды Суворова Сардинскій король Карлъ Эммануилъ IV прислалъ ему три ордена, дипломъ на чинъ генералъ-фельдмаршала королевскихъ войскъ, также на достоинство князя съ титуломъ его двоюроднаго брата (cousin). «Отличіе, сдѣланное вамъ е. в. королемъ Сардинскимъ, писалъ императоръ Павелъ Суворову, «Я отъ всего сердца позволяю вамъ принять. Чрезъ сіе вы и мнѣ войдете въ родство, бывъ единожды приняты въ одну царскую фамилію, потому что владѣтельныя особы между собою всѣ почитаются роднею (Фуксъ *Исторія рос.-австр. кампаніи*, ч. III, стр. 268).

Блеснулъ на вашихъ лучъ челахъ.
Пріятна смерть Христа въ любови,
И капли вашей святы крови:
Еще ударъ—и гдѣ нашъ врагъ?
Услышьте! вамъ соплещутъ други,
Поетъ Христова церковь гимнъ;
За ваши для царей заслуги,
Цари вамъ данники отнынь.

Доколь течетъ прозрачна Рона,
Потомство поздно безъ урона
Узритъ въ ней вашихъ битвъ зари;
Отнынѣ горы ввѣкъ Альпійски
Пребудутъ россовъ обелиски [1]),
Дымящи холмы—алтари.

Г. Державинъ.

[1]) Когда Суворовъ отправлялся въ Италію, то Державинъ сказалъ про него, что онъ поставитъ по пути своемъ обелиски своихъ побѣдъ, что онъ и сдѣлалъ, оставя таковыми Альпы (объясн. Державина).

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

РОССІЯ ВЪ ПЕРВУЮ ПОЛОВИНУ XIX ВѢКА
и
ВЛІЯНІЕ ЕЯ НА ДѢЛА ЕВРОПЫ.

(1801 г.—1862 г.)

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I ПАВЛОВИЧЪ БЛАГОСЛОВЕННЫЙ
и
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА.

(1801 г.—1812 г.—1825 г.)

Была пора: была святая брань;
Отъ Запада узрѣли мы Батыя;
Народовъ тьмы прорвали нашу грань;
Пришлось поля отстаивать родныя;
Дошли къ намъ царскія слова,
И стала Русь стѣною тропа,
Была то злая оборона:
Дрались за жизнь и за права...
Но загорѣлася Москва,
И нѣтъ слѣдовъ Наполеона!

В. Жуковскій.

НАЧАЛО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.
(НАРОДНЫЯ ПѢСНИ)

1.

ОБЪЯВЛЕНІЕ ВОЙНЫ.

Да встрѣтитъ онъ (непріятель) въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ Палицына, въ каждомъ гражданинѣ Минина... Со крестомъ въ сердцѣ и съ оружіемъ въ рукахъ никакія силы человѣческія насъ не одолѣютъ.

Изъ маниф. Александра I.

Во двѣнадцатомъ году
Объявилъ французъ войну,
Объявилъ французъ войну
Въ славномъ городѣ въ Данскомъ.
Мы подъ Данскоемъ стояли,
Много нужды принимали,
Все приказа ожидали.
Мы дождалися приказу
Во семомъ часу ночи:
Закричали всѣ во фрунтъ.
Повелитель съ нами былъ
Самъ царевичъ Константинъ.

2.

ОЖИДАНІЕ ФРАНЦУЗОВЪ.

Не въ лузяхъ-то вода полая разливалася:
Тридцать три кораблика во походъ пошли,
Съ дорогими со припасами—свинцомъ-порохомъ.

Французскій король царю Бѣлому отсылается:
„Припаси-ка ты мнѣ квартиръ-квартиръ ровно сорокъ тысячъ,
„Самому мнѣ, королю, бѣлыя палатушки.“ [1])
На это нашъ православный царь призадумался,

„Не пужайся ты, нашъ батюшка, православный царь!
„А мы встрѣтимъ злодѣя середи пути,
„Середи пути, на своей земли,
„А мы столики поставимъ ему—пушки мѣдныя,
„А мы скатерти ему постелемъ—вольны пули,

Императоръ Александръ Павловичъ.

Его царская персонушка перемѣнилася.
Передъ нимъ стоялъ генералушка—самъ Кутузовъ.
Ужъ онъ рѣчь-то говорилъ, генералушка,
Словно какъ въ трубу трубилъ:

„На закусочку поставимъ—каленыхъ картечъ;
„Угощать его будутъ—канонерушки,
„Провожать его будутъ—все казачушки.“

[1]) Приблизившись къ русскимъ границамъ Наполеонъ обратился къ своему войску съ хвастливою рѣчью: «Непобѣдимые французы! Вы творили чудеса во всѣхъ земляхъ и доказали свѣту, что нѣтъ въ подсолнечной народа, который не трепеталъ отъ страшнаго грома вашихъ побѣдъ. Нынѣ вамъ открывается пространное поле пожинать лавры и увѣнчать себя безсмертною славой. Вамъ предстоитъ путь въ Россію, побѣдить ее и оставить по себѣ величіе имени французовъ позднѣйшимъ потомкамъ. Москва и Петербургъ будутъ наградою вашихъ подвиговъ. Вы въ нихъ найдете золото, серебро и такія сокровища, какихъ не могли найти ни Пизарро въ Америкѣ, ни Крезъ не имѣлъ въ царствѣ своемъ. Вы будете господствовать надъ русскимъ народомъ, готовымъ исполнять раболѣпно всѣ ваши повелѣнія и доставлять вамъ удовольствія, какія только будутъ угодны душѣ вашей. Ступайте, друзья и окажите мужество, достойное имени вашего.»

ПЕРЕХОДЪ ЧЕРЕЗЪ НѢМАНЪ.[1]

(13 іюня 1812 г.)

Россія увлекается рокомъ! Она не избѣгнетъ судьбы своей. Впередъ! Перейдемъ черезъ Нѣманъ, внесемъ оружіе въ предѣлы Россіи.

Изъ прик. по арміи Наполеона.

Воины, вы защищаете вѣру, отечество, свободу. Я съ вами. На зачинающаго Богъ!

Изъ прик. по арміи Александра I.

Я не положу оружіе, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ.

Изъ рескр. Александра I Салтыкову.

Если у меня не останется ни одного солдата, я созову мое вѣрное дворянство и добрыхъ поселянъ, буду самъ предводительствовать ими и подвигну всѣ средства моей имперіи... Истощивъ всѣ усилія, я отращу себѣ бороду и лучше соглашусь питаться хлѣбомъ въ нѣдрахъ Сибири, нежели подписать стыдъ моего отечества и добрыхъ моихъ подданныхъ... Наполеонъ или я, я или онъ—но вмѣстѣ мы не можемъ царствовать.

Слова Александра I.

Вотъ Руси границы, вотъ Нѣманъ, французы
Наводятъ понтоны; работа кипитъ...
И съ грохотомъ катятся мѣдныя пушки,
И стонетъ земля отъ копытъ.

Чу! бьютъ барабаны... Склоняютъ знамена,
Какъ громъ далеко раздается: „Wivat,“
За кѣмъ на коняхъ короли-адъютанты
Въ парадныхъ мундирахъ летятъ?

Надвинувъ свою треугольную шляпу,
Все въ томъ же походномъ своемъ сюртукѣ,
На бѣломъ конѣ проскакалъ императоръ
Съ подзорной трубою въ рукѣ.

Чело его ясно, движенья спокойны,
Въ лицѣ не видать сокровенныхъ заботъ,
Коня на скаку осадилъ онъ и видитъ—
За Нѣманомъ туча встаетъ.

И думаетъ онъ: „Эта темная туча
Моей свѣтозарной звѣзды не затмитъ!“
И мнится ему въ то же время сверкая
Изъ тучи перстъ Божій грозитъ...

И душу волнуя, предчувствіе шепчетъ:
„Сомкнетъ знамена твои русскій народъ.“
„Впередъ!“ говоритъ ему слава и геній,
„Впередъ, императоръ, впередъ!“

И ликъ его блѣденъ, движенья тревожны,
И шагомъ онъ ѣдетъ, и молча глядитъ—
Какъ къ Нѣману катятся мѣдныя пушки
И стонутъ мосты отъ копытъ.

Я. Полонскій.

[1] Французы перешли Нѣманъ между городами Вильно и Ковно.

ПРОѢЗДОМЪ ЧЕРЕЗЪ КОВНО.

Ты-ль это, Нѣманъ величавый?
Твоя-ль струя передо мной?
Ты столько лѣтъ, съ такою славой—
Россіи вѣрный часовой!

Одинъ лишь разъ по волѣ Бога
Ты супостата къ ней впустилъ,
И цѣлость русскаго порога
Ты тѣмъ на-вѣки утвердилъ.

Ты помнишь ли былое, Нѣманъ,—
Тотъ день годины роковой,
Когда стоялъ онъ надъ тобой,
Онъ самъ—могучій, южный демонъ?

И ты, какъ нынѣ протекалъ,
Шумя подъ вражьими мостами,
И онъ струю твою ласкалъ
Своими чудными очами.

Побѣдно шли его полки,
Знамена весело шумѣли,
На солнцѣ искрились штыки,
Мосты подъ пушками гремѣли,

И съ высоты, какъ нѣкій богъ,
Казалось, онъ парилъ надъ ними,
И двигалъ всѣмъ и все стерегъ
Очами чудными своими.

Лишь одного онъ не видалъ!
Не видѣлъ онъ, воитель дивный,
Что тамъ, на сторонѣ противной,
Стоялъ другой—стоялъ и ждалъ...

И мимо проходила рать,
Все грозно-боевыя лица,
И неизбѣжная десница
Клала на нихъ свою печать.

И такъ побѣдно шли полки,
Знамена гордо развѣвались,
Струились молніей штыки,
И барабаны заливались...

Несмѣтно было ихъ число...
И въ этомъ безконечномъ строѣ
Едва-ль десятое чело
Клеймо минуло роковое.

Ѳ. Тютчевъ.

ПОЛКОВОДЕЦЪ.[1])

У Русскаго царя въ чертогахъ есть палата:
Она не золотомъ, не бархатомъ богата,
Не въ ней алмазъ вѣнца хранится подъ стекломъ,
Но сверху до низу, во всю длину, кругомъ,
Своею кистію свободной и широкой
Ее разрисовалъ художникъ быстроокій.
Тутъ нѣтъ ни сельскихъ нимфъ, ни дѣвственныхъ мадоннъ,
Ни фавновъ съ чашами, ни полногрудыхъ женъ,
Ни плясокъ, ни охотъ, а все плащи, да шпаги,
Да лица, полныя воинственной отваги.
Толпою тѣсною художникъ помѣстилъ
Сюда начальниковъ народныхъ нашихъ силъ,
Покрытыхъ славою чудеснаго похода
И вѣчной памятью двѣнадцатаго года.
Нерѣдко медленно межъ ними я брожу,
И на знакомые ихъ образы гляжу,
И мнится, слышу ихъ воинственные клики.
Изъ нихъ ужъ многихъ нѣтъ; другіе, коихъ лики
Еще такъ молоды на яркомъ полотнѣ,
Уже состарѣлись и никпутъ въ тишинѣ
Главою лавровой.
Но въ сей толпѣ суровой
Одинъ меня влечетъ всѣхъ больше. Съ думой новой
Всегда остановлюсь предъ нимъ, и не свожу
Съ него моихъ очей. Чѣмъ долѣе гляжу,
Тѣмъ болѣе томимъ я грустію тяжелой.
Онъ писанъ во весь ростъ. Чело, какъ черепъ голый,
Высоко лоснится, и мнится, залегла
Тамъ грусть великая. Кругомъ—густая мгла;
За нимъ—военный станъ. Спокойный и угрюмый,
Онъ, кажется, глядитъ съ презрительною думой.
Свою ли точно мысль художникъ обнажилъ,
Когда онъ таковымъ его изобразилъ,
Или невольное то было вдохновенье—
Но Доу далъ ему такое выраженье.
О вождь несчастливый! суровъ былъ жребій твой:
Все въ жертву ты принесъ землѣ тебѣ чужой.
Непроницаемый для взгляда черни дикой,
Въ молчаньи шелъ одинъ ты съ мыслію великой,
И въ имени твоемъ звукъ чуждый не взлюбя,
Своими криками преслѣдуя тебя,
Народъ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался надъ твоей священной сѣдиною,
И тотъ, чей острый умъ тебя и постигалъ,
Въ угоду имъ, тебя лукаво порицалъ...
И долго, укрѣпленъ могущимъ убѣжденьемъ,
Ты былъ неколебимъ предъ общимъ заблужденьемъ;
И на полупути былъ долженъ, наконецъ,
Безмолвно уступить и лавровый вѣнецъ,
И власть, и замыселъ, обдуманный глубоко,
И въ полковыхъ рядахъ сокрыться одиноко;
Тамъ, устарѣлый вождь, какъ ратникъ молодой,
Свинца веселый свистъ заслушавшій впервой,
Бросался ты въ огонь, ища желанной смерти,—
Вотще!—. . . . .
. . . .
О люди! жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха!
Жрецы минувшаго, поклонники успѣха!
Какъ часто мимо васъ проходитъ человѣкъ,
Надъ кѣмъ ругается слѣпой и буйный вѣкъ,
Но чей высокій ликъ въ грядущемъ поколѣньѣ
Поэта приведетъ въ восторгъ и умиленье!

А. Пушкинъ.

---

[1]) Это стихотвореніе заключаетъ въ себѣ нѣсколько грустныхъ размышленій о заслуженномъ полководцѣ, который въ великій 1812 годъ прошелъ первую половину поприща и взялъ на свою долю всѣ невзгоды отступленія, всю отвѣтственность за неизбѣжные уроны, предоставя своему безсмертному преемнику славу отпора, побѣдъ и полнаго торжества (Пушкинъ). Полководецъ этотъ—князь **Михаилъ Богдановичъ Барклай-де-Толли** (род. 1761 г.—† 1818 г.). «Его отступленіе, которое нынѣ является яснымъ и необходимымъ дѣйствіемъ, казалось вовсе не таковымъ: не только роптали народъ, но даже опытные воины горько упрекали его и почти въ глаза называли измѣнникомъ.» Слухи, невыгодные для Барклая, дошли до императора Александра. Вполнѣ увѣренный въ честности своего главнокомандующаго, государь понималъ невозможность оставлять во главѣ войска человѣка, не пользовавшагося довѣріемъ своихъ подчиненныхъ и всей Россіи. Барклай поступилъ подъ главное начальство Кутузова и, чуждый самолюбія, продолжалъ ревностно служить Россіи.

БОРОДИНО. [1]

(26 августа 1812 г.)

Изъ всѣхъ моихъ сраженій самое ужасное то, которое далъ я подъ Москвою. Французы въ немъ показали себя достойными одержать побѣду; а русскіе стяжали право быть непобѣдимыми.

Слова Наполеона.

Непріятель не выигралъ ни на шагъ земли съ превосходными своими силами.

Изъ дон. Кутузова Александру I.

„Скажи-ка, дядя, вѣдь не даромъ
Москва, спаленная пожаромъ,
Французу отдана?
Вѣдь были-жъ схватки боевыя?
Да, говорятъ еще какія!
Не даромъ помнитъ вся Россія
Про день Бородина!“

— Да, были люди въ наше время,
Не то, что нынѣшнее племя:
Богатыри—не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Не будь на то Господня воля,
Не отдали-бъ Москвы!

Мы долго молча отступали,
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
„Что-жъ мы? На зимнія квартиры?
Не смѣютъ что ли командиры
Чужіе изорвать мундиры
О русскіе штыки?“

И вотъ нашли большое поле:
Есть разгуляться гдѣ на волѣ! [2])
Построили редутъ.
У нашихъ ушки на макушкѣ!
Чуть утро освѣтило пушки
И лѣса синія верхушки—
Французы тутъ-какъ-тутъ.

Забилъ зарядъ я въ пушку туго,
И думалъ: угощу я друга!
Постой-ка, братъ мусью!
Что тутъ хитрить, пожалуй къ бою;
Ужъ мы пойдемъ ломить стѣною,
Ужъ постоимъ мы головою
За родину свою!

Два дня мы были въ перестрѣлкѣ.
Что толку въ этакой бездѣлкѣ?
Мы ждали третій день.
Повсюду стали слышны рѣчи:
„Пора добраться до картечи!“
И вотъ на поле грозной сѣчи
Ночная пала тѣнь.

Прилегъ вздремнуть я у лафета,
И слышно было до разсвѣта,
Какъ ликовалъ французъ.
Но тихъ былъ нашъ бивакъ открытый:
Кто киверъ чистилъ весь избитый,
Кто штыкъ точилъ, ворча сердито,
Кусая длинный усъ.

И только небо засвѣтилось—
Все шумно вдругъ зашевелилось,
Сверкнулъ за строемъ строй.
Полковникъ нашъ рожденъ былъ хватомъ:
Слуга царю, отецъ солдатамъ...
Да, жаль его: сраженъ булатомъ,
Онъ спитъ въ землѣ сырой.

И молвилъ онъ, сверкнувъ очами:
„Ребята! не Москва-ль за нами?
Умремте-жъ подъ Москвой,
Какъ наши братья умирали!“
— И умереть мы обѣщали
И клятву вѣрности сдержали
Мы въ Бородинскій бой.

Ну-жъ былъ денёкъ! Сквозь дымъ летучій
Французы двинулись, какъ тучи,
И все на нашъ редутъ.
Уланы съ пестрыми значками,
Драгуны съ конскими хвостами—
Всѣ промелькнули передъ нами,
Всѣ побывали тутъ.

Вамъ не видать такихъ сраженій!..
Носились знамена, какъ тѣни,
Въ дыму огонь блестѣлъ,
Звучалъ булатъ, картечь визжала,
Рука бойцовъ колоть устала,

---

[1]) Сущность Бородинской битвы заключалась въ томъ, что атакующая армія французовъ была поражена ужасомъ передъ врагомъ, который, потерявъ половину войска, стоялъ такъ же грозно въ концѣ, какъ и въ началѣ сраженія. Битва эта, разрушивъ мечту Наполеона объ окончаніи войны однимъ ударомъ, показала ему, что война собственно только еще начинается. Но, главнымъ образомъ, важно было то, что съ этой минуты въ рядахъ непріятельской арміи поселилось пагубное уныніе, повлекшее за собою дальнѣйшія неудачи и приведшее къ окончательному разстройству и гибели. (Е. Желябужскій *Отечественная война и Кутузовъ*, стр. 82).

[2]) Около села *Бородина*, въ 9 верстахъ отъ Можайска и въ 108 верстахъ отъ Москвы.

И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ.

Извѣдалъ врагъ въ тотъ день не мало,
Что значитъ русскій бой удалый,
Нашъ рукопашный бой!..
Земля тряслась—какъ наши груди;
Смѣшались въ кучу кони, люди;
И залпы тысячи орудій
Слились въ протяжный вой...

Вотъ смерклось. Были всѣ готовы
Заутра бой затѣять новый
И до конца стоять...
Вотъ затрещали барабаны—
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.

Да, были люди въ наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри—не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...[1])
Когда-бъ на то не Божья воля,
Не отдали-бъ Москвы!

М. Лермонтовъ.

МОСКВА.

Городъ чудный, городъ древній,
Ты вмѣстилъ въ свои концы
И посады, и деревни,
И палаты, и дворцы!

Опоясанъ лентой пашенъ,
Весь пестрѣешь ты въ садахъ...
Сколько храмовъ, сколько башенъ
На семи твоихъ холмахъ!

Исполинскою рукою
Ты, какъ хартія, развитъ,
И надъ малою рѣкою
Сталъ великъ и знаменитъ.

На твоихъ церквахъ старинныхъ
Вырастаютъ дерева;
Глазъ не схватитъ улицъ длинныхъ...
Это матушка—Москва!

Кто, силачъ, возьметъ въ охапку
Холмъ Кремля-богатыря?
Кто собьетъ златую шапку
У Ивана звонаря?

Кто царь-колоколъ подыметъ?
Кто царь-пушку повернетъ?
Шляпы кто, гордецъ, не сниметъ
У святыхъ въ Кремлѣ воротъ?

Ты не гнула крѣпкой выи
Въ бѣдовой своей судьбѣ,—
Развѣ пасынки Россіи
Не поклонятся тебѣ?

Ты, какъ мученикъ, горѣла,
Бѣлокаменная!
И рѣка въ тебѣ кипѣла
Бурнопламенная!

И подъ пепломъ ты лежала
Полоненною,
И изъ пепла ты возстала
Неизмѣнною!

Процвѣтай же славой вѣчной,
Городъ храмовъ и палатъ,
Градъ срединный, градъ сердечный,
Коренной Россіи градъ!

Ѳ. Глинка.

ВОРОБЬЕВЫ ГОРЫ.

Теперь война кончена, мы въ Москвѣ, Россія покорена, я предпишу ей такой миръ, какой найду для себя полезнымъ.

Слова Наполеона.

Теперь только война начинается... Слава Богу, это ихъ послѣднее торжество... Головой ручаюсь, что Москва погубитъ французовъ.

Слова Кутузова.

Не горятъ златыми льдами,
Ни пурпурными снѣгами,
Средь небесной синевы,
Ихъ вѣнчанныя главы;
Съ ребръ не хлещутъ водопады;
Бездны, воя и шумя,
Не страшатъ пришельца взгляды,
Ни пугливаго коня;
Но люблю я эти горы

[1]) При Бородинѣ русскіе пожертвовали половиной своей арміи и потеряли многихъ извѣстныхъ своею храбростію генераловъ, какъ-то: князя Багратіона, молодого графа Кутайсова, Тучкова 1-го, Тучкова 4-го и друг. На мѣстѣ сраженія земля была пропитана кровью на четверть и все поле было—какъ красное сукно.

Въ простотѣ веселой ихъ,
Ихъ обрывы, ихъ уборы
Перелѣсковъ молодыхъ.
Тамъ любилъ я, въ полдень жаркій,
Въ тишинѣ бродить. Вдали
Предо мною лентой яркой
Волны рѣзвыя текли;
Прилеталъ порой тяжелый,
Звучный гулъ колоколовъ,
И блисталъ, какъ бы съ престола
Между доловъ и холмовъ,
Сердце Руси православной,
Градъ святой перводержавный,
Вѣковой—Москва сама,
И сады ея густые,
И пруды заповѣдные,
Колокольни, терема,
Кровель море разливное,
И, въ торжественномъ покоѣ,
Между ними, въ вышинѣ,
Кремль старинный, сановитый,
Нашъ алтарь, въ крови омытый
И искупленный въ огнѣ.

Съ этихъ горъ святой вершины
Страшный міру исполинъ
Устремлялъ свой взоръ орлиный
На московскія равнины
И огни своихъ дружинъ.
„Вотъ, онъ мнилъ: вѣнецъ желанный,
Плодъ трофеевъ и утратъ!
Мы отсюда дланью бранной
Спеленаемъ сѣверъ льдяный,
Сдавимъ гордый Араратъ:
И пустынные народы
Предо мной копье склонятъ,
И до-полюсныя воды
У моихъ восплещутъ пятъ!
Мнѣ-ль ты царство устрояла,
Вѣнценосная Жена?
Для меня-ль ты насаждала
Здѣсь величья сѣмена?
Я пожалъ ихъ въ бранномъ дымѣ:
Царство руссовъ—мнѣ дано!
И заблещетъ днесь оно
Въ европейской діадемѣ,
Какъ азійское зерно.“

Такъ онъ мнилъ: вѣнецъ нетлѣнный,
Міра кровью окропленный,
Зрѣлъ надъ гордой головой,
И сжималъ весь кругъ вселенной
Скиптроносною рукой;
А межъ тѣмъ, угрюмъ и страшенъ,
Мракъ спускался на поля,
И вокругъ кремлевскихъ башенъ
Кралась пламени змѣя.

А. Майковъ.

ПОКЛОННАЯ ГОРА. [1])

Тамъ, на покатой горѣ, зеленѣли когда-то три дуба.
Хищный орелъ залетѣлъ и, усѣвшись подъ тѣми дубами,
Взглядомъ кровавымъ въ добычу впился и готовилъ ужъ когти.
Былъ бы пиръ; да спалило грозою могучія крылья,
Перья вѣтеръ разнесъ и засыпало зимнимъ ихъ снѣгомъ.
Тамъ, за Москвой, на Поклонной горѣ, зеленѣли тѣ дубы.
Не орлу съ той горы, а пришельцу, вождю легіоновъ,
Наша предстала Москва съ золотыми своими верхами;
И, простершись во всю широту, ожидала безмолвно
Жертва смиренная, жертва святая,—да судъ совершится.

А по полямъ шли полки, громовыя катились орудья;
Двадцать народовъ тѣснились вокругъ съ знаменами Европы;
Двигалось все, и неслось, и жадно вторгалось; но страшно
Было итти имъ вдоль улицъ безлюдныхъ, безмолвныхъ, и слушать
Въ той тишинѣ только топотъ копытъ безподковныхъ ихъ коней.
Здѣсь, изъ-подъ этихъ дубовъ, онъ смотрѣлъ, выжидая посольства,
Нашихъ сенаторовъ ждалъ и бояръ,—и сердился, и кликалъ;

---

[1]) 2-го сентября русскія войска покидали Москву, а одновременно съ этимъ французскія вступали въ нее. На Поклонной горѣ, у Дорогомиловской заставы, Наполеонъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ сановниковъ и начальниковъ столицы, но никто къ нему не являлся. «Видно, эти варвары не знаютъ, сказалъ съ сердцемъ Наполеонъ, какъ слѣдуетъ и принято сдавать города!» и велѣлъ позвать къ себѣ бояръ. Посланные привели только съ дюжину бѣдноодѣтыхъ иностранцевъ-ремесленниковъ, которые объявили Наполеону, что Москва совсѣмъ пуста.

Только они не пришли и торжественной не
было встрѣчи!
Правда, Москву въ ту же ночь освѣтили и
мы—да пожаромъ.
Сильный съ тѣхъ поръ подъ землей; а природа
все вновь зеленѣетъ.

О, какъ любилъ я смотрѣть въ тишинѣ на
эти три дуба!
Въ тихомъ вечернемъ сіяньѣ они такъ мирно
стояли.
Онъ же, подъ тѣнію ихъ, озиравшій, какъ
демонъ, святыню,
Не видалъ онъ своей головой, что звѣзда
его гаснетъ.
Мрачно сошелъ онъ съ горы,—не сошелъ
онъ съ утеса Елены!

М. Дмитріевъ.

ФРАНЦУЗЫ ВЪ МОСКВѢ.

Чу! труба продребезжала...
Русь! тебѣ надменный зовъ.
Вспомяни-жъ, какъ ты встрѣчала
Всѣ нашествія враговъ!
Созови изъ странъ далекихъ
Ты своихъ богатырей,
Со степей, съ равнинъ широкихъ,
Съ рѣкъ великихъ, съ горъ высокихъ,
Отъ семи твоихъ морей!

Пламень, въ небо упирая,
Лютъ пожаръ Москвы реветъ:
Златоглавая, святая,
Ты ли гибнешь?.. Русь, впередъ!
Громче буря истребленья!
Крѣпче смѣлый ей отпоръ!
Это жертвенникъ спасенья,
Это пламень очищенья,
Это фениксовъ костеръ!

Гдѣ же вы, незванны гости,
Сильны славой и числомъ?
Снѣгъ засыпалъ ваши кости,—
Вамъ почетный былъ пріемъ.
Упилися—еле живы—
Вы въ московскихъ теремахъ:
Тяжелы домой пошли вы,
Безобразно полегли вы
На холодныхъ пустыряхъ.

Вы отвѣдать русской силы
Шли въ Москву: за дѣломъ шли!
Иль не стало на могилы
Вамъ отеческой земли!..

Н. Языковъ.

РУССКІЙ СРЕДИ ПЫЛАЮЩЕЙ МОСКВЫ.

Гори, родная!—Богъ съ тобою.
Я самъ, перекрестясь съ мольбою,
Своею грѣшною рукою
Тебя зажегъ. Гори со мною!
Пусть я избитый, изожженный,
Весь въ ранахъ, въ струпьяхъ, изможденный,
Умру въ огнѣ, въ тоскѣ, въ страданьи:
Тебя не дамъ на поруганье!

О, Кремль святой, святые храмы,
Свидѣтели побѣдъ и славы!
Разсыпьтесь надъ Москвой горою,
Родную скройте подъ собою!
Въ слезахъ, съ померкшими очами,
Стою съ молитвой я предъ вами:
Разсыпьтесь надъ Москвой горою!
Пылай, родная!—Богъ съ тобою.

Враги въ Москвѣ; Москва въ неволѣ;
Прощай, мой домъ, родное поле...
Свирѣпствуй, ангелъ разрушенья!
Россія гибнетъ; нѣтъ спасенья,
Пусть гибнетъ все! Своей рукою
Свой домъ зажегъ... Гори со мною!
Москва пылаетъ за отчизну;
Кровавую готовьте тризну!

Тимофеевъ.

ВЕЛИКАЯ ПАНИХИДА.

(Изъ Челяковскаго)

То не ливень шелъ, то не градъ упалъ,
А въ поляхъ большихъ полегли хлѣба,
И залитые, и побитые:
Подъ Москвой святой, подъ родимою,
На равнинахъ ли, на печальныхъ тамъ
Много храбраго войска русскаго,
Много воинства и французскаго
Ко сырой землѣ клонитъ голову—
Переколото, перебитое
Саблей острою, боевымъ штыкомъ,
Градомъ пламеннымъ изъ картечъ и пуль.

Дѣти, вѣрныя родной матери,
Вы защитники милой родины,
Вы заступники царя добраго!
Какъ за ту любовь и за преданность,
И за вашъ животъ, принесенный въ дань,
Совершили мы панихиду вамъ,
Какой свѣтъ еще и не видывалъ,
Можетъ быть, еще и не слыхивалъ!

У насъ не было вдоволь свѣчъ про васъ,
Вдоволь не было воску яраго;
Мы зажгли за васъ лишь одну свѣчу
И поставили въ храмѣ Божіемъ,—
Лишь одну свѣчу—Москву матушку...
Вамъ, друзьямъ нашимъ, въ упокой души,
А врагамъ лихимъ—къ посрамленію.

М. П—ій.

ИЗЪ КОЛЛАРА.

Краса всего полуночнаго края,
Мать Руси всей, и сердце, и глава,
Стоитъ золотоверхая Москва,
Крестами храмовъ блеща и играя.

Вдругъ запялася пламенемъ она;
Реветъ пожаръ отъ края и до края,
Дома, чертоги, хаты пожирая—
И запылалъ дворецъ Ростопчина...[1])

Погибли созиданія столѣтій!
Скажи, зачѣмъ ты свѣточъ сей зажгла?
„Чтобы яснѣй вселенная прочла

Исторію мою при этомъ свѣтѣ
И знала-бъ, чѣмъ для Руси я была
И каковы мои родныя дѣти!“

Н. Бергъ.

СОСТОЯНІЕ МОСКВЫ ПРИ ФРАНЦУЗАХЪ.

1.

ПОСЛАНІЕ КЪ ЖУКОВСКОМУ.

И такъ, мой другъ, увидимся мы вновь
Въ Москвѣ, всегда священной намъ и милой!
Въ ней знали мы и дружбу, и любовь,
И счастье въ ней дни наши золотило.
Издѣтства, другъ, для насъ была она
Святилищемъ драгихъ воспоминаній,
Протекшихъ бѣдъ, веселій, слезъ, желаній;
Здѣсь повѣсть намъ вездѣ оживлена...
Но что теперь твой встрѣтитъ мрачный взглядъ
Въ столицѣ сей и мира, и отрадъ?
Ряды могилъ, развалинъ обгорѣлыхъ
И цѣпь полей пустыхъ, осиротѣлыхъ,—
Слѣды враговъ, злодѣйства гнусныхъ чадъ.
Наукъ, забавъ и роскоши столица—
Издревле край любви и красоты—
Есть нынѣ край страданій, нищеты.
Здѣсь бѣдная скитается вдовица,
Тамъ слышенъ вопль младенца-сироты;
Ихъ зритъ въ слезахъ румяная денница,
И ночи мракъ ихъ застаетъ въ слезахъ.
А тамъ старикъ, прибредшій на клюкахъ
На хладный пеплъ родного пепелища,
Не узнаетъ знакомаго жилища,
Гдѣ онъ мечталъ сномъ вѣчности заснуть,
Склонивъ главу на милой дщери грудь;
Теперь одинъ, онъ молитъ дланью нищей
Послѣдняго пріюта на кладбищѣ...
Счастливъ, мой другъ, кто мрачныхъ сихъ картинъ,
Сихъ ужасовъ и бѣдствій удаленный
И строгихъ узъ семейныхъ отчужденный,
Своей судьбы единый властелинъ,—
Летитъ теперь, отмщеньемъ вдохновенный,
Подъ знамена карающихъ дружинъ!
Счастливъ, кто мечъ, отчизнѣ посвященный,
Подъялъ за прахъ родныхъ, за домъ царей,
За смерть въ бояхъ утраченныхъ друзей,
И—роковымъ постигнутый ударомъ—
Онъ скажетъ, свой смыкая мутный взоръ:
„Москва! я твой питомецъ съ юныхъ поръ,—
„И смерть моя—тебѣ послѣднимъ даромъ!“
Я жду тебя, товарищъ милый мой,
И по мѣстамъ, унынью посвященнымъ,
Мы медленно пойдемъ рука съ рукой
Бродить, мечтамъ предавшись потаеннымъ...

Кн. П. Вяземскій.

---

[1]) Графъ **Ѳедоръ Васильевичъ Ростопчинъ** (род. 1763 г —† 1826 г.), обезсмертившій себя и свое имя событіями 1812 года, былъ въ то время главнокомандующимъ Москвы. Онъ приготовлялъ народъ къ встрѣчѣ съ непріятелемъ, разсылая воззванія (афиши) въ родѣ слѣдующаго: «Когда до чего дойдетъ, мнѣ надобно молодцовъ городскихъ и деревенскихъ; я кличъ кликну дни за два, а теперь не надо, я и молчу, хорошо съ топоромъ, недурно съ рогатиной, а всего лучше вилы тройчатки: французъ не тяжеле снопа ржаного» и т. д.

2.

КЪ Д. В. ДАШКОВУ.

Мой другъ! Я видѣлъ море зла
И неба мстительнаго кары,
Враговъ неистовыхъ дѣла,
Войну и гибельны пожары;
Я видѣлъ сонмы богачей,
Бѣгущихъ въ рубищахъ издранныхъ;
Я видѣлъ блѣдныхъ матерей,
Изъ милой родины изгнанныхъ!
Я на распутьи видѣлъ ихъ,
Какъ, къ персямъ чадъ прижавъ грудныхъ,
Онѣ въ отчаяньи рыдали,
И съ новымъ трепетомъ взирали
На небо рдяное кругомъ.
Трикраты съ ужасомъ потомъ,
Бродилъ въ Москвѣ опустошенной,
Среди развалинъ и могилъ;
Трикраты прахъ ея священный
Слезами скорби омочилъ.
И тамъ—гдѣ зданья величавы
И башни древнія царей,
Свидѣтели протекшей славы
И новой славы нашихъ дней;
И тамъ—гдѣ съ миромъ почивали
Останки иноковъ святыхъ,
И мимо вѣки протекали,
Святыни не касаясь ихъ;
И тамъ—гдѣ роскоши рукою,
Дней мира и трудовъ плоды,
Предъ златоглавою Москвою
Воздвиглись храмы и сады—
Лишь угли, прахъ и камней горы,
Лишь груды тѣлъ кругомъ рѣки,
Лишь нищихъ блѣдные полки
Вездѣ мои встрѣчали взоры!

К. Батюшковъ.

ПЛАЧЪ НАДЪ МОСКВОЮ.

Въ годину лютыхъ золъ, въ день страшныя бѣды,
Когда въ огнѣ Москва Везувій представляла,
Дѣтей своихъ во всѣ заставы извергала
И кровію гражданъ багрила ихъ слѣды;
Когда чрезъ двѣсти лѣтъ столицу вновь карали,
Сквернили алтари, въ домахъ и казнь и плѣнъ,
Бѣжали безъ ума толпы мужей и женъ
И весь домашній скарбъ злодѣю покидали:—
Взглянулъ и я на Кремль—ударилъ въ перси, взвылъ,
Схватилъ жену, дѣтей, давно ліющихъ слезы,
Въ безпамятствѣ помчалъ на устье тихой Тезы; [1])
И тамъ отъ всякихъ золъ Господь меня укрылъ...
Гнѣвъ Божій надъ тобой, злосчастная Москва!
Изъ пышныхъ теремовъ явилось пепелище,
Пещерою сталъ градъ зіяющаго льва
И дикихъ всѣхъ звѣрей ужасно логовище!
Въ прямой чертѣ съ небесъ громовая стрѣла
Ударила во всѣ твои верхи златые,
И съ ревомъ изъ-подъ нихъ слетѣвъ, колокола
Провозвѣстили намъ дни новаго Батыя;
Во храмахъ кони ржутъ, а въ самыхъ алтаряхъ,—
О ужасъ христіанъ! и выговорить страшно!
На мѣстѣ мирныхъ жертвъ—враги хватаютъ брашно
И, шумны отъ вина, ристаютъ въ стихаряхъ!
Святыни домъ въ вертепъ разбоя превратился!
Кадило предъ Творцомъ Небеснымъ не курятъ,
Ни тихихъ нѣтъ молитвъ, ни лампы не горятъ,
И схимникъ воздохнувъ съ обителью простился.
Летитъ на воздухъ Кремль, расшибся арсеналъ;
Несыта месть вездѣ мечи булатны движетъ!
Но все уже смердитъ!—ножъ всю Москву заклалъ;
Безъ пищи самъ огонь лишь камень голый лижетъ,
Таковъ твой жребій сталъ, градовъ россійскихъ мать!
Тоскуютъ о тебѣ живущіе въ чертогахъ,
Нарядныхъ колесницъ тьмы тьмущей на дорогахъ,
Стремящихся къ тебѣ, какъ прежде, не видать.
Фабричный кинулъ станъ, купецъ не промышляетъ,
Разносчикъ никуда съ товарами нейдетъ,
Издѣлья, торгъ, мѣна, все стало, все страдаетъ,
И бѣдный мужичекъ не пашетъ, не оретъ.

---

[1]) Поэтъ выѣхалъ изъ Москвы 31 августа.

О день великихъ золъ! Но, къ пущему несчастью,
У матушки Москвы есть множество дѣтей,
Которыя твердятъ, по новому пристрастью,
Что прахъ ея не есть бѣда Россіи всей...
Утѣшитъ ли кого сія молва народна?
Отечества я сынъ, и здѣсь сказать дерзну:
Россія! ты коллосъ,—когда Москва свободна;
Россія! ты раба,—когда Москва въ плѣну!

Кн. И. Долгорукій.

ХОТЬ МОСКВА ВЪ РУКАХЪ ФРАНЦУЗОВЪ.

(военная пѣсня)

Хоть Москва въ рукахъ французовъ:
Это, право, не бѣда,—
Нашъ фельдмаршалъ князь Кутузовъ
Ихъ на смерть впустилъ туда.

Вспомнимъ, братцы, что поляки
Встарь бывали также въ ней:
Но не жирны кулебяки,—
Ѣли кошекъ и мышей.

Кутузовъ.

Напослѣдокъ мертвечину
Земляковъ пришлось имъ жрать,
А потомъ предъ русскимъ спину
Въ крюкъ по-польски изгибать.

Свѣту цѣлому извѣстно,
Какъ платили мы долги:
И теперь получатъ честно
За Москву платежъ враги.

Побывать въ столицѣ—слава,
Но умѣемъ мы отмщать:
Знаетъ крѣпко то Варшава,
И Парижъ то будетъ знать!

И. Кованько.

ОБОЗЪ. [1]

(БАСНЯ)

Съ горшками шелъ Обозъ,
И надобно съ крутой горы спускаться,
Вотъ, на горѣ другихъ оставя дожидаться,
Хозяинъ сталъ сводить легонько первый возъ.
Конь добрый на крестцѣ почти его понесъ,
Катиться возу не давая;
А лошадь сверху молодая,
Ругаетъ бѣднаго коня за каждый шагъ:
„Ай, конь хваленый, то-то диво!
Смотрите, лѣпится, какъ ракъ;
Вотъ чуть не зацѣпилъ за камень; косо! криво!
Смѣлѣе! вотъ толчокъ опять:
А тутъ бы влѣво лишь принять.
Какой оселъ? Добро бы было въ гору,
Или въ ночную пору;
А то и подъ гору, и днемъ!
Смотрѣть, такъ выйдешь изъ терпѣнья!
Ужъ воду бы таскалъ, коль нѣтъ въ тебѣ умѣнья!
Гляди-тко насъ, какъ мы махнемъ!
Не бойсь, минуты не потратимъ,
И возикъ свой мы не свеземъ, а скатимъ!“
Тутъ, выгнувши хребетъ и понатужа грудь,
Тронулася лошадка съ возомъ въ путь;
Но только подъ гору она перевалилась,
Возъ началъ напирать; телѣга раскатилась:
Коня толкаетъ взадъ, коня кидаетъ въ бокъ;

[1]) Цѣль басни—оправдать медлительность дѣйствій Кутузова. Оставленіе въ рукахъ непріятеля Москвы безъ боя, истребленіе ея и вслѣдъ за тѣмъ—бездѣйствіе главнокомандующаго должно было неминуемо возбудить ропотъ и горькія нареканія. Всѣ желали рѣшительнаго боя, ждали его подъ стѣнами Москвы, а между тѣмъ Кутузовъ, никому не открывая своего плана истребленія арміи Наполеона, спокойно и настойчиво приводилъ его въ исполненіе—старался ослабить врага, уклоняясь отъ рѣшительной развязки. Сравненный въ баснѣ съ добрымъ конемъ, понесшимъ на крестцѣ свой возъ, Кутузовъ не измѣнилъ своего плана, несмотря ни на упреки, ни на порывы своихъ сподвижниковъ (Кеневичъ *Библіограф. и историч. примѣчанія къ баснямъ Крылова* С.-Пб. 1879 г., стр. 117—18).

Пустился конь со всѣхъ четырехъ ногъ
На-славу;
По камнямъ, рытвинамъ, пошли толчки,
Скачки,
Лѣвѣй, лѣвѣй, и съ возомъ—бухъ въ канаву!
Прощай, хозяйскіе горшки!

И. Крыловъ.

ВОРОНА И КУРИЦА.[1]

(БАСНЯ)

Когда Смоленскій князь,
Противу дерзости искусствомъ вооружась,
Вандаламъ новымъ сѣть поставилъ,
И на погибель имъ Москву оставилъ;
Тогда всѣ жители, и малый, и большой,
Часа не тратя, собралися
И вонъ изъ стѣнъ московскихъ поднялися,
Какъ изъ улья пчелиный рой.
Ворона съ кровли тутъ на эту всю тревогу,
Спокойно, чистя носъ, глядитъ.
— „А ты, что-жъ, кумушка, въ дорогу?“
Ей съ возу Курица кричитъ:
„Вѣдь говорятъ, что у порогу
Нашъ супостатъ.“
— „Мнѣ что до этого за дѣло?
Вѣщунья ей въ отвѣтъ: я здѣсь останусь смѣло.
Вотъ ваши сестры какъ хотятъ:
А вѣдь воронъ ни жарятъ, ни варятъ:
Такъ мнѣ съ гостьми не мудрено ужиться,
А, можетъ-быть, еще удастся поживиться
Сыркомъ, иль косточкой, иль чѣмъ нибудь.
Прощай, хохлаточка, счастливый путь!“
Ворона подлинно осталась;
Но, вмѣсто всѣхъ поживокъ ей,
Какъ голодомъ морить Смоленскій [2]) сталъ
гостей—
Она сама къ нимъ въ супъ попалась.

Такъ часто человѣкъ въ расчетахъ слѣпъ
и глупъ,
За счастьемъ, кажется, ты по пятамъ
несешься:
А какъ на дѣлѣ съ нимъ сочтешься—
Попался, какъ ворона, въ супъ!

И. Крыловъ.

[1]) Первыя извѣстія о бѣдственномъ состояніи арміи Наполеона дошли до Петербурга въ концѣ сентября. Въ Сынѣ Отечества (№ 7, стр. 44) находится слѣдующая замѣтка: «Очевидцы разсказываютъ, что въ Москвѣ французы ежедневно ходили на охоту стрѣлять воронъ и не могли нахвалиться своимъ soupe aux corbeaux. Теперь можно дать отставку старинной русской пословицѣ: «попалъ, какъ куръ во щи,» а лучше говорить: «попалъ, какъ ворона во французскій супъ.» Подъ вороной, погнавшейся за лакомымъ кускомъ, разумѣется Наполеонъ, обманувшійся въ своихъ расчетахъ. Его неудача въ Россіи, внушила нашему поэту стихи, составляющіе нравоученіе басни (Ibid).

[2]) Князь Кутузовъ, названный въ баснѣ **Смоленскимъ**, получилъ этотъ титулъ послѣ дѣла подъ Краснымъ, окончившагося 6 ноября 1812 года.

НОЧЬ ТЕМНА БЫЛА.

(ПѢСНЯ)

Ночь темна была и не мѣсячна,
Рать скучна была и не радостна;
Всѣ солдатушки призадумались,
Призадумались, горько всплакали.
Велико чудо совершилося:
У солдатъ слезы градомъ сыпались.
Не люта змѣя, кровожадная,
Грудь сосала ихъ богатырскую,
То тоска грызла ретивы сердца,
Ретивы сердца, молодецкія.
Не отцовъ родныхъ оплакивали
И не женъ молодыхъ, и не дѣтушекъ,
Какъ оплакивали родимую—
Мать родимую, мать кормилицу,
Златоглавую Москву милую,
Разоренную Бонапартіемъ.
Тутъ какъ вдругъ они встрепенулися,
Словно вихрь-орлы, взоръ окинули
Во всѣ стороны и воскликнули,
Всѣ въ одинъ голосъ, какъ въ злату трубу:
„Молодцы-братцы, удалы друзья,
Неизмѣнныя чада русскія!
Что дадимъ, братцы, клятву кровную,
Клятву кровную, задушевную:
Чтобъ не взвидѣть намъ ни домовъ своихъ,
Ни отцовъ родныхъ, ни младыхъ намъ женъ,
Малыхъ дѣтушекъ, роду-племени,
Ни самой души—красной дѣвицы,
Не побивъ силы Бонапартовой,
Не отмстивъ врагу за родну Москву.
Отсѣчемъ ему мы возвратный путь,
И мы примемся постаринному,
По старинному, посуворовски,
Закричимъ „ура!“ и пойдемъ впередъ,
На штыкахъ пройдемъ силы вражія,
Перебьемъ мы ихъ, переколемъ всѣхъ;
Кто пятокъ убьетъ, кто десяточекъ,
А лютой боецъ до пятнадцати.
Не дадимъ, друзья, люта промаху,

Постараемся всѣ, ребятушки,
Чтобы самъ злодѣй на штыкѣ погибъ,
Чтобъ вся рать его здѣсь костьми легла,
Ни одна-бъ душа иновѣрная
Не пришла назадъ въ свою сторону,
А народы всѣ матерой земли
Чтобъ повѣдали, каково итти
Со оружіемъ во святую Русь."

***

ПѢВЕЦЪ ВЪ СТАНѢ РУССКИХЪ ВОИНОВЪ. [1]

(отрывокъ)

Пѣвецъ.

Отчизнѣ кубокъ сей, друзья!
Страна, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія,
Поля, холмы родные,
Родного неба милый свѣтъ,
Знакомые потоки,
Златыя игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки,
Что вашу прелесть замѣнитъ?
О родина святая,
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благославляя?
Тамъ все: тамъ родшихъ милый домъ,
Тамъ наши жены, чада;
О насъ ихъ слезы предъ Творцомъ;
Мы жизни ихъ ограда;
Тамъ дѣвы—прелесть нашихъ дней,
И сонмъ друзей безцѣнный,
И царскій тронъ, и прахъ царей,
И предковъ прахъ священный.
За нихъ, друзья, всю нашу кровь!
На вражьи грянемъ силы;
Да въ чадахъ къ родинѣ любовь
Зажгутъ отцовъ могилы!

Воины.

За нихъ, за нихъ всю нашу кровь!
На вражьи грянемъ силы;
Да въ чадахъ къ родинѣ любовь
Зажгутъ отцовъ могилы!

Пѣвецъ.

Тебѣ сей кубокъ, Русскій царь!
Цвѣти твоя держава;
Священный тронъ твой намъ алтарь;
Предъ нимъ обѣтъ нашъ: слава.
Не измѣнимъ: мы отъ отцовъ
Пріяли вѣрность съ кровью;
О царь, здѣсь сонмъ твоихъ сыновъ,
Къ тебѣ горимъ любовью;
Нашъ каждый ратникъ—славянинъ;
Всѣ долгу здѣсь послушны;
Бѣжитъ предатель сихъ дружинъ,
И чуждъ имъ малодушный.

Воины.

Не измѣнимъ: мы отъ отцовъ
Пріяли вѣрность съ кровью;
О царь, здѣсь сонмъ твоихъ сыновъ,
Къ тебѣ горимъ любовью.

Пѣвецъ.

Сей кубокъ ратнымъ и вождямъ!
Въ шатрахъ, на полѣ чести,
И жизнь, и смерть—все пополамъ;
Тамъ дружество безъ лести,
Рѣшимость, правда, простота
И нравовъ непритворство,
И смѣлость—бранныхъ красота,
И твердость, и покорство.
Друзья, мы чужды низкихъ узъ;
Къ вѣнцамъ—стезею правой!
Опасность—твердый нашъ союзъ;
Одной пылаемъ славой.
Тотъ нашъ, кто первый въ бой летитъ,
На гибель супостата,
Кто слабость падшаго щадитъ
И грозно мститъ за брата;
Онъ взоромъ жизнь даетъ полкамъ;
Онъ махомъ мощной длани
Ихъ мчитъ во срѣтенье врагамъ,
Въ средину шумной брани;
Ему веселье битвы гласъ,
Спокоенъ подъ громами:
Онъ свой послѣдній видитъ часъ
Безстрашными очами.
Хвала тебѣ, нашъ бодрый вождь,
Герой подъ сѣдинами! [1]

[1]) *Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ* написанъ Жуковскимъ во время пребыванія его въ лагерѣ подъ Тарутинымъ. Тарутинское сраженіе (6 октября) имѣло для насъ большое значеніе. При самомъ маломъ напряженіи, при самой ничтожной потерѣ, были пріобрѣтены самые большіе результаты во всю кампанію: былъ сдѣланъ переходъ отъ отступленія къ наступленію, была обличена слабость французовъ и былъ данъ тотъ толчокъ, который только и ожидало Наполеоновское войско для начатія бѣгства *(Война и Миръ*, т. IV, стр. 113). Извѣстіе, неожиданно полученное Наполеономъ объ этомъ сраженіи, заставило его немедленно покинуть Москву.

[1]) Фельдмаршалъ, свѣтлѣйшій князь **Михаилъ Илларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ Смоленскій** (род. 1745

Какъ юный ратникъ, вихрь и дождь,
И трудъ онъ дѣлитъ съ нами.
О сколь съ израненнымъ челомъ
Предъ строемъ онъ прекрасенъ!
И сколь онъ хладенъ предъ врагомъ,
И сколь врагу ужасенъ!
О диво! се орелъ пронзилъ
Надъ нимъ небесъ равнины...[1])
Могущій вождь главу склонилъ;
Ура! кричатъ дружины.
Лети ко прадѣдамъ, орелъ,
Пророкомъ славной мести!
Мы тверды: вождь нашъ перешелъ
Путь гибели и чести;
Съ нимъ опытъ, сынъ труда и лѣтъ;
Онъ бодръ и съ сѣдиною;
Ему знакомъ побѣды слѣдъ...
Довѣренность къ герою!
Нѣтъ, други, нѣтъ! не предана
Москва на расхищенье;
Тамъ стѣны... въ россахъ вся она;
Мы здѣсь—и Богъ нашъ мщенье.
Хвала сподвижникамъ-вождямъ!
Ермоловъ,[2]) витязь юный,
Ты ратнымъ братъ, ты жизнь полкамъ,
И страхъ твои перуны.
Раевскій [3]), слава нашихъ дней,
Хвала! передъ рядами
Онъ первый—грудь противъ мечей
Съ отважными сынами.
Нашъ Милорадовичъ, [4]) хвала!
Гдѣ онъ промчался съ бранью,
Тамъ, мнится, смерть сама прошла
Съ губительною дланью.
Нашъ Витгенштейнъ, [5]) вождь-герой,
Петрополя спаситель,
Хвала!.. Онъ щитъ странѣ родной,
Онъ хищныхъ истребитель.
О сколь величественный видъ,
Когда передъ рядами
Одинъ, склонясь на твердый щитъ,
Онъ грозными очами
Блюдетъ противниковъ полки,
Имъ гибель устрояетъ,
И вдругъ... движеніемъ руки
Ихъ сонмы разсыпаетъ.
Хвала тебѣ, славянъ любовь,
Нашъ Коновницынъ [6]) смѣлый!
Ничто ему толпы враговъ,
Ничто мечи и стрѣлы;
Предъ нимъ, за нимъ перунъ гремитъ,
И пышетъ пламень боя...
Онъ веселъ, онъ на гибель зритъ
Съ спокойствіемъ героя;
Себя забылъ... однимъ врагамъ
Готовитъ истребленье;

г.—† 16 апр. 1813 г.) участвовалъ въ двухъ турецкихъ войнахъ при Екатеринѣ В., при взятіи Измаила былъ главнымъ помощникомъ Суворова, который въ донесеніи своемъ императрицѣ, превознося храбрость Кутузова, писалъ про него: «онъ шелъ у меня на лѣвой рукѣ, а былъ моею правою рукой.» Въ обѣ турецкія кампаніи Кутузовъ былъ дважды жестоко раненъ, слѣдствіемъ первой раны была потеря праваго глаза. Всѣ удивлялись, какъ Кутузовъ остался живъ. «Должно полагать, писалъ императрицѣ главный докторъ арміи Масотъ, что судьба назначаетъ Кутузова къ чему нибудь великому, ибо остается живъ послѣ двухъ ранъ, смертельныхъ, по всѣмъ правиламъ науки медицинской.» Пророческую мысль эту повторилъ и Державинъ:

Смерть сквозь главу его промчалась,
Но жизнь его цѣла осталась:
Самъ Богъ его на подвигъ блюлъ.

Въ походъ 1805 г. Кутузовъ былъ главнокомандующимъ нашихъ войскъ, а въ 1811 г. предводительствовалъ молдавскою арміей и окончательно разбилъ турокъ.

[1]) Генералъ Михайловскій-Данилевскій говоритъ, что въ минуту перваго появленія Кутузова передъ войсками, у Царева Займища, огромный орелъ взвился надъ его головой. Князь же Голицынъ, безсмѣнный ординарецъ при Кутузовѣ, полетъ орла надъ главнокомандующимъ относитъ ко времени, когда Кутузовъ въ первый разъ обозрѣвалъ позиціи подъ Бородинымъ.

[2]) Генералъ отъ артиллеріи **Алексѣй Петровичъ Ермоловъ** (род. 1776 г.—† 1861 г.) подъ Бородинымъ дѣйствовалъ съ величайшимъ самоотверженіемъ, а при вторичной атакѣ французовъ на батарею Раевскаго лично повелъ впередъ первыя попавшіяся ему войска и выбилъ непріятеля.

[3]) Генералъ отъ кавалеріи **Николай Николаевичъ Раевскій** (род. 1771 г.—† 1827 г.), въ началѣ Отечественной войны назначенный командиромъ 7-го армейскаго корпуса, особенно прославилъ себя защитою Смоленска. Съ слабымъ своимъ корпусомъ онъ занялъ обширныя предмѣстья города и держался въ нихъ цѣлыя сутки противъ непріятеля, въ десять разъ его сильнѣйшаго. Въ Бородинскомъ сраженіи Раевскій защищалъ центральный редутъ, который и сохранилъ въ военной исторіи его имя. Подъ Лейпцигомъ раненый пулею въ грудь, онъ оставался на лошади и командовалъ корпусомъ до конца сраженія.

[4]) Графъ **Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ** (род. 1771 г.—† 1825 г.) въ Бородинскомъ сраженіи командовалъ сперва правымъ крыломъ, а потомъ переведенъ въ центръ, и во все время кровопролитной сѣчи былъ однимъ изъ первыхъ подручниковъ Кутузова. Онъ участвовалъ въ дѣлахъ при Маломъ Ярославцѣ, Вязьмѣ, Дорогобужѣ и въ особенности при Красномъ. Былъ почти во всѣхъ дѣлахъ 1813 и 1814 гг.

[5]) Графъ **Петръ Христіановичъ Витгенштейнъ** (род. 1768 г.—† 1843 г.) при отступленіи русской арміи прикрывалъ пути къ Петербургу противъ корпусовъ Макдональда и Удино. По смерти Кутузова былъ нѣкоторое время главнокомандующимъ русскими и прусскими войсками.

[6]) Графъ **Петръ Петровичъ Коновницынъ** (род. 1764 г.—† 1822 г.) при отступленіи отъ Смоленска командовалъ арріергардомъ и три дня удерживалъ французовъ. При Бородинѣ заступилъ смертельно раненаго Тучкова 1-го, а послѣ—раненаго Багратіона. Потомъ находился въ сраженіяхъ при Тарутинѣ, Маломъ Ярославцѣ, Вязьмѣ и др. Въ 1813 г. участвовалъ въ сраженіяхъ при Люцинѣ и при Лейпцигѣ.

Примѣръ и ратнымъ, и вождямъ,
И смѣлымъ удивленье.
Хвала, нашъ вихорь-атаманъ,
Вождь невредимыхъ, Платовъ! [1])
Твой очарованный арканъ
Гроза для супостатовъ.
Орломъ шумишь по облакамъ,
По полю волкомъ рыщешь,
Летаешь страхомъ въ тылъ врагамъ,
Бѣдой имъ въ уши свищешь;
Они лишь къ лѣсу—ожилъ лѣсъ,
Деревья сыплютъ стрѣлы;
Они лишь къ мосту--мостъ исчезъ;
Лишь къ селамъ—пышутъ селы.
Хвала нашъ Несторъ—Беннингсонъ! [2])
И вождь, и мужъ совѣта,
Блюдетъ враговъ не дремля онъ,
Какъ змій, орелъ съ полета.
Хвала, нашъ Остерманъ—герой, [3])
Въ часъ битвы ратникъ смѣлый,
И Тормасовъ, [4]) летящій въ бой,
Какъ юноша веселый!
И Багговутъ, [5]) среди громовъ,
Средь копій безмятежный!
И Дохтуровъ, гроза враговъ, [6])
Къ побѣдѣ вождь надежный!
Нашъ твердый Воронцовъ, [7]) хвала!
О други, сколь смутилась
Вся рать славянъ, когда стрѣла
Въ безстрашнаго вонзилась;
Когда, полмертвъ, окровавленъ,
Съ потухшими очами,
Онъ на щитѣ былъ изнесенъ
За ратный строй друзьями.
Смотрите... язвой роковой
Къ постелѣ пригвожденный,
Онъ страждетъ, братскою толпой
Увѣчныхъ окруженный.
Ему возглавье—бранный щитъ;
Незыблемый въ мученьѣ,
Онъ съ яснымъ взоромъ говоритъ:
„Друзья, бѣдамъ презрѣнье!“
И въ ихъ сердцахъ героя рѣчь
Веселье пробуждаетъ,
И оживясь до полы мечъ
Рука ихъ обнажаетъ.
Спѣши-жъ, о витязь нашъ! воспрянь;
Ужъ ангелъ истребленья
Горѣ подъялъ ужасну длань,
И близокъ часъ отмщенья.
Хвала, Щербатовъ, вождь младой! [8])
Среди грозы военной,
Друзья, онъ сѣтуетъ душой
О тратѣ незабвенной.
О витязь, ободрись... она—
Твой спутникъ невидимый,
И ею свыше знамена
Дружинъ твоихъ хранимы.
Любви и скорби оживить
Твои для мщенья силы:
Рази дерзнувшихъ возмутить
Покой ея могилы.
Хвала, нашъ Паленъ, чести сынъ! [9])
Какъ бурею носимый,

---

[1]) Войсковой атаманъ войска Донского, генералъ отъ кавалеріи, графъ **Матвѣй Ивановичъ Платовъ** (род. 1751 г. —† 1818 г.) во время Отечественной войны командовалъ корпусомъ изъ 14 казачьихъ полковъ. Главныя заслуги его были при преслѣдованіи французовъ; участвовалъ также почти во всѣхъ большихъ дѣлахъ 1813 и 1814 гг.

[2]) Графъ **Леонтій Леонтьевичъ Беннингсенъ**, ганноверскій уроженецъ (род. 1745 г.—† 1826 г.), участвовалъ въ Бородинской битвѣ и руководилъ боемъ при Тарутинѣ.

[3]) Неустрашимый генералъ графъ **Остерманъ** долженъ былъ задержать французовъ подъ Витебскомъ, чтобы дать возможность обѣимъ русскимъ арміямъ соединиться вмѣстѣ. 13 іюля онъ выступилъ съ своимъ корпусомъ къ Островнѣ и въ 7 верстахъ отъ Витебска встрѣтился съ французами. Остерманъ цѣлый день выдерживалъ напоръ сильнѣйшаго непріятеля. Когда ему донесли, что французы все болѣе и болѣе усиливаются, а русскіе полки терпятъ большой уронъ, то на вопросъ «что дѣлать?» онъ хладнокровно отвѣчалъ: «Ничего не дѣлать—стоять и умирать.» Въ Бородинскомъ дѣлѣ, находясь въ самомъ центрѣ, Остерманъ былъ контуженъ. Михайловскій-Данилевскій, описывая Бородинскую битву, замѣчаетъ: «Чугунъ дробилъ, но не колебалъ груди русскихъ, лично оживляемыхъ присутствіемъ Барклая-де-Толли, Милорадовича и гр. Остермана.»

[4]) Графъ **Александръ Петровичъ Тормасовъ** (род. 1752 г.—† 1819 г.), защищая южную Россію отъ вторженія Наполеона, одержалъ одну изъ первыхъ побѣдъ надъ французскими войсками при Кобринѣ. Вскорѣ онъ замѣнилъ раненаго Багратіона, принялъ начальство надъ 2-ою арміею, затѣмъ участвовалъ въ сраженіи подъ Краснымъ и въ Люценской битвѣ.

[5]) Генералъ-лейтенантъ **Карлъ Ѳедоровичъ Багговутъ** (род. 1761 г.) участвовалъ въ Бородинской битвѣ; подъ Тарутинымъ, въ началѣ сраженія, былъ пораженъ ядромъ.

[6]) Генералъ отъ инфантеріи **Дмитрій Сергѣевичъ Дохтуровъ** (род. около 1756 г.—† 1816 г.) въ битвѣ подъ Смоленскомъ геройски защищалъ городъ. Въ Бородинскомъ сраженіи командовалъ сперва центромъ, а потомъ лѣвымъ крыломъ, когда раненый Багратіонъ оставилъ сраженіе. Въ Тарутинскомъ дѣлѣ командовалъ центромъ и выдержалъ сраженіе при Маломъ Ярославцѣ. Въ 1813 г. участвовалъ въ дѣлахъ при Дрезденѣ и Лейпцигѣ.

[7]) Князь **Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ**, командуя сводною гренадерскою дивизіей 2-й арміи, подъ Бородинымъ былъ раненъ въ лѣвую ногу.

[8]) Князь **Алексѣй Григорьевичъ Щербатовъ** въ Отечественную войну, командуя отдѣльнымъ отрядомъ, прогналъ непріятеля изъ Брестъ-Литовска, участвовалъ при взятіи Кобрина, въ дѣлѣ при Березинѣ и въ сраженіяхъ 1813 и 14 годовъ.

[9]) Командиръ 3-го резервнаго корпуса графъ **Паленъ** съ такою же стойкостью, какъ и Остерманъ, задерживалъ непріятеля 15 іюля. Будучи отъ арміи въ 5 верстахъ, Паленъ выдерживалъ сильный натискъ французовъ, на-

Вездѣ впреди своихъ дружинъ
Разитъ, неотразимый.
Нашъ смѣлый Строгановъ, [1]) хвала!
Онъ жаждетъ чистой славы;
Она изъ мира увлекла
Его на путь кровавый...
О храбрыхъ сонмъ, хвала и честь!
Свершайте истребленье;
Отчизна къ вамъ взываетъ: месть!
Вселенная: спасенье!
Хвала безтрепетнымъ вождямъ!
На коняхъ окриленныхъ
По доламъ скачутъ, по горамъ,
Во слѣдъ враговъ смятенныхъ;
Днемъ мчатся строй на строй; въ ночи
Страшатъ, какъ привидѣнья;
Блистаютъ смертью ихъ мечи;
Отъ стрѣлъ ихъ нѣтъ спасенья;
По всѣмъ разсыпаны путямъ;
Невидимы и зримы;
Сломили здѣсь, сражаютъ тамъ,
И всюду невредимы.
Нашъ Фигнеръ [2]) старцемъ въ станъ враговъ
Идетъ во мракѣ ночи;
Какъ тѣнь, прокрался вкругъ шатровъ,
Все зрѣли быстры очи...
И станъ еще въ глубокомъ снѣ,
День свѣтлый не проглянулъ—
А онъ ужъ витязь на конѣ,
Уже съ дружиной грянулъ.
Сеславинъ [3])—гдѣ ни пролетитъ
Съ крылатыми полками,
Тамъ брошенъ въ прахъ и мечъ, и щитъ,
И устланъ путь врагами.
Давыдовъ, пламенный боецъ! [4])
Онъ вихремъ въ бой кровавый;
Онъ въ мірѣ счастливый пѣвецъ
Вина, любви и славы.
Кудашевъ [5])—скокомъ черезъ ровъ
И летомъ на стремнину;
Бросаетъ взглядомъ Чернышовъ [6])
На мечъ и громъ дружину;
Орловъ [7])—отважностью орелъ;
И мчитъ грозу ударовъ,
Сквозь дымъ и огнь, по грудамъ тѣлъ,
Въ среду враговъ Кайсаровъ. [8])

Воины.

Вожди славянъ, хвала и честь!
Свершайте истребленье;
Отчизна къ вамъ взываетъ: месть!
Вселенная: спасенье!

Пѣвецъ.

Друзья, кипящій кубокъ сей
Вождямъ, сраженнымъ въ боѣ.
Уже не придутъ въ сонмъ друзей,
Не станутъ въ ратномъ строѣ;
Ужъ для врага ихъ грозный ликъ
Не будетъ вѣстникъ мщенья,
И не помчитъ ихъ мощный кликъ
Дружину въ пылъ сраженья;
Ихъ празденъ мечъ, безмолвенъ щитъ;
Ихъ ратники унылы;
И сиръ могучихъ конь стоитъ
Близъ тихой ихъ могилы.
Гдѣ Кульневъ [9]) нашъ, рѣшитель силъ,
Свирѣпый пламень брани?

правляемыхъ самимъ Наполеономъ, и держался противъ нихъ до послѣдней крайности. Онъ все еще сражался съ французами, хотя наша армія и успѣла совершить полное отступленіе. Храбрый графъ участвовалъ и въ дальнѣйшихъ дѣлахъ противъ французовъ.

[1]) Графъ **Павелъ Александровичъ Строгановъ** (род. 1774 г.—† 1817 г.) участвовалъ въ Бородинскомъ и Тарутинскомъ сраженіяхъ и въ битвахъ подъ Малымъ Ярославцемъ и подъ Краснымъ.

[2]) Прославившійся въ кампаніи 1812 и 1813 годовъ партизанъ **Александръ Самойловичъ Фигнеръ** (род. 1787 г.—† 1813 г.), по вступленіи Наполеона въ Москву, вооружилъ ея жителей, дѣлалъ засады и истреблялъ французовъ. Затѣмъ отправившись съ своими партизанскими отрядами въ тылъ непріятеля, наводилъ на него страшный ужасъ. Близъ Дессау, будучи окруженъ польской кавалеріей, бросился въ Эльбу, но прострѣленный пулею утонулъ.

[3]) Генералъ-маіоръ **Александръ Никитичъ Сеславинъ** (род. 1780 г.—† 1858 г.) отважный и неутомимый партизанъ.

[4]) Генералъ-лейтенантъ **Денисъ Васильевичъ Давыдовъ** (род. 1784 г.—† 1839 г.)—извѣстный русскій партизанъ и поэтъ.

[5]) Полковникъ князь **Кудашевъ**, зять Кутузова, впослѣдствіи начальникъ 3-го партизанскаго отряда, съ двумя казачьими полками, въ числѣ 500 человѣкъ, нашелъ у с. Никольскаго, по Серпуховской дорогѣ, болѣе 2500 французскихъ фуражировъ, съ прикрытіемъ шести эскадроновъ, напалъ на нихъ 27 сентября и обратилъ въ бѣгство.

[6]) Князь **Александръ Ивановичъ Чернышовъ** въ кампанію 1812 г. прославилъ себя нѣсколькими подвигами, которые обратили на него особенное вниманіе императора Александра I. Чернышовъ участвовалъ также въ кампаніяхъ 1813, 14 и 15 гг.

[7]) Графъ **Василій Васильевичъ Орловъ-Денисовъ** принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ дѣлахъ 1812 и 13 годовъ. Ведя кочевую и боевую жизнь, онъ бился ежедневно. При Лейпцигѣ Василій Васильевичъ смѣлымъ ударомъ, съ четырьмя сотнями казаковъ, не только вырвалъ побѣду изъ рукъ Наполеона, но и избавилъ Александра I отъ великой опасности, потому что въ рѣшительную минуту сраженія рота артиллеріи и лейбъ-казаки составляли всю защиту государя. Умеръ въ 1843 г.

[8]) Полковникъ **Кайсаровъ** исполнялъ при Кутузовѣ должность дежурнаго. Въ сраженіи при Гайнау 15 мая 1813 г. былъ убитъ ядромъ на 30 году жизни.

[9]) Генералъ-маіоръ **Яковъ Петровичъ Кульневъ** (род. 1763 г.), герой 2-ой турецкой войны при Екатеринѣ В.,

Онъ палъ—главу на щитъ склонилъ—
И стиснулъ мечъ во длани.
Гдѣ жизнь судьба ему дала,
Тамъ брань его сразила;
Гдѣ колыбель его была,
Тамъ днесь его могила.
И тихъ его послѣдній часъ:
Съ молитвою священной
О милой матери угасъ
Герой нашъ незабвенный.
А ты, Кутайсовъ, вождь младой...[1])
Гдѣ прелести? гдѣ младость?
Увы! онъ видомъ и душой
Прекрасенъ былъ, какъ радость;
Въ бронѣ ли, грозный, выступалъ—
Бросали смерть перуны;
Во струны-ль арфы ударялъ—
Одушевлялись струны...
О горе! вѣрный конь бѣжитъ,
Окровавленъ, изъ боя;
На немъ его разбитый щитъ...
И нѣтъ на немъ героя.
И гдѣ же твой, о витязь, прахъ?
Какою взятъ могилой?..
Пойдетъ прекрасная въ слезахъ
Искать, гдѣ пепелъ милый...
Тамъ чище ранняя роса,
Тамъ зелень ароматнѣй,
И сладостнѣй цвѣтовъ краса,
И свѣтлый день пріятнѣй;
И тихій духъ твой прилетитъ
Изъ таинственной сѣни;
И трепетъ сердца возвѣститъ
Ей близость дружней тѣни.
И ты... и ты, Багратіонъ!..[2])
Вотще друзей молитвы,
Вотще ихъ плачъ... во гробѣ онъ,
Добыча лютой битвы.
Еще дружинъ надежда въ немъ;
Все мнятъ: съ одра возстанетъ;

И робко шепчетъ врагъ съ врагомъ:
„Увы намъ! скоро грянетъ."
А онъ... на вѣки взоръ смежилъ,
Рѣшитель бранныхъ споровъ;
Онъ въ область храбрыхъ воспарилъ,
Къ тебѣ, отецъ—Суворовъ.
И честь вамъ, падшіе друзья!
Ликуйте въ горней сѣни;
Тамъ ваша вѣрная семья—
Вождей минувшихъ тѣни.
Хвала вамъ будетъ оживлять
И позднихъ лѣтъ бесѣды.
„Отъ нихъ учитесь умирать!"
Такъ скажутъ внукамъ дѣды.
При вашемъ имени вскипитъ
Въ вождѣ ретивомъ пламя:
Онъ на твердыню съ нимъ взлетитъ
И водрузитъ тамъ знамя.

Воины.

При вашемъ имени вскипитъ
Въ вождѣ ретивомъ пламя:
Онъ на твердыню съ нимъ взлетитъ
И водрузитъ тамъ знамя.

Пѣвецъ.

Сей кубокъ мщенью! други, въ строй!
И къ небу грозны длани!
Сразить иль пасть! нашъ роковой
Обѣтъ предъ Богомъ брани.
Вотще, о врагъ, изъ тьмы племенъ
Ты зиждешь ополченья:
Они бѣгутъ твоихъ знаменъ
И жаждутъ низложенья.
Сокровищъ нѣтъ у насъ въ домахъ;
Тамъ стрѣлы и кольчуги;
Мы села—въ пепелъ, грады—въ прахъ,
Въ мечи—серпы и плуги.
Злодѣй! онъ лестью приманилъ
Къ Москвѣ свои дружины;
Онъ низкимъ миромъ намъ грозилъ
Съ Кремлевскія вершины.
„Пойду по стогнамъ съ торжествомъ!
Пойду... и все восплещетъ!
И въ прахъ падутъ съ своимъ царемъ!"
Притекъ... и самъ трепещетъ;
Подвигло мщеніе Москву:
Вспылала предъ врагами
И грянулась на ихъ главу
Губящими стѣнами.
Веди-жъ своихъ царей—рабовъ
Съ ихъ стаей въ область хлада;

въ 1812 г. отличился неустрашимостью въ Клястицкомъ бою. На отступленіи ядро оторвало ему обѣ ноги выше колѣнъ, и онъ умеръ, не произнеся ни слова.

[1]) Графъ **Александръ Ивановичъ Кутайсовъ** (род. 1784 г.) въ началѣ Отечественной войны, какъ начальникъ артиллеріи 1-ой арміи, участвовалъ во всѣхъ аріергардныхъ дѣлахъ. Въ день Бородина, отправясь къ с. Семеновскому и поровнявшись съ нашей центральною батареею, въ то время, когда французы овладѣли ею, рѣшился вырвать укрѣпленіе изъ рукъ непріятеля и палъ на полѣ битвы.

[2]) Генералъ отъ инфантеріи князь **Петръ Ивановичъ Багратіонъ-Имеретинскій** (род. 1765 г.) подъ Бородинымъ командовалъ лѣвымъ крыломъ и былъ раненъ осколкомъ гранаты въ берцовую кость; умеръ отъ раны 12 сентября 1812 г.

Пробей тропу среди снѣговъ
Во срѣтеніе глада...
Зима, союзникъ нашъ, гряди!
Имъ запертъ путь возвратный:
Пустыни въ пеплѣ позади;
Предъ ними сонмы ратны.
Отвѣдай, хищникъ, что сильнѣй:
Духъ алчности иль мщенье?
Пришлецъ, мы въ родинѣ своей;
За правыхъ провидѣнье!

Воины.

Отвѣдай, хищникъ, что сильнѣй:
Духъ алчности иль мщенье?
Пришлецъ, мы въ родинѣ своей;
За правыхъ провидѣнье!

Пѣвецъ.

Святому братству сей фіалъ
Отъ вѣрныхъ братій круга!
Блаженъ, кому Создатель далъ
Усладу жизни, друга:
Съ нимъ счастье вдвое; въ скорбный часъ
Онъ сердцу утѣшенье;
Онъ наша совѣсть; онъ для насъ
Второе провидѣнье.
О! будь же, други, святость узъ
Законъ нашъ подъ шатрами;
Написанъ кровью нашъ союзъ:
И жить, и пасть друзьями.

Воины.

О! будь же, други, святость узъ
Законъ нашъ подъ шатрами;
Написанъ кровью нашъ союзъ:
И жить, и пасть друзьями.

В. Жуковскій.

ОТСТУПЛЕНІЕ И БѢГСТВО „ВЕЛИКОЙ АРМІИ."

(Разсказъ солдата изъ идиліи „Отставной солдатъ")

Вы слышали-ль, какъ заступился Богъ
За православную державу нашу,
Какъ сжалился Онъ надъ Москвой горящей,
Надъ бѣдною землею, не посѣвомъ,
А вражьими ватагами покрытой;
И раннюю зиму послалъ намъ въ помощь,
Зиму съ морозами, какіе только
Въ Николинъ день да около Крещенья
Трещатъ и за щеки и уши щиплютъ?
Свѣжо намъ стало, а французамъ туго!
И жалко, и смѣшно ихъ даже вспомнить!
Окутались отъ стужи, чѣмъ могли:
Кто шитой душегрѣйкой, кто рогожей,
Убрались всѣ, какъ святочныя хари,
И ну бѣжать скорѣе изъ Москвы!
Не далеко ушли же. По дорогѣ
Морозъ схватилъ ихъ и заставилъ ждать
Дня суднаго на мѣстѣ преступленья,—
У Божьей церкви, ими оскверненной,
Въ разграбленномъ амбарѣ, у села,
Сожженнаго ихъ буйствомъ. Мы, бывало,
Окончивъ трудный переходъ, сидимъ,
Какъ здѣсь, вокругъ огня, и варимъ щи,
А около лежатъ, какъ это стадо,
Замерзлые французы. Какъ лежатъ!
Когда-бъ не лица ихъ и не молчанье,
Подумалъ бы, живые на бивакѣ
Комедію ломаютъ. Тотъ уткнулся
Въ костеръ горящій головой; тотъ лошадь
Взвалилъ, какъ шубу, на себя; другой
Ея копыта гложетъ; тѣ-жъ, какъ братья,
Обнялись крѣпко, и другъ въ друга зубы
Вонзили, какъ враги!..
А между тѣмъ, курьерскій колокольчикъ
Вотъ какъ теперь, и тамъ гремитъ, и тамъ
Прозвякнетъ на морозѣ; отовсюду
Везутъ извѣстья о побѣдахъ въ Питеръ
И въ обгорѣлую Москву.

Баронъ А. Дельвигъ.

ПАРТИЗАНЪ. [1]

(отрывокъ)

Умолкнулъ бой. Ночная тѣнь
Москвы окрестность покрываетъ;
Вдали Кутузова курень
Одинъ, какъ звѣздочка, сверкаетъ.

---

[1]) Такъ называемая партизанская война началась со вступленія непріятеля въ Смоленскъ. Прежде чѣмъ она была принята нашимъ правительствомъ, уже тысячи людей непріятельской арміи были истреблены казаками и мужиками. 24 августа былъ учрежденъ первый партизанскій отрядъ Давыдова, подъ стихотвореніемъ котораго и стоитъ это примѣчаніе. Чѣмъ дальше подвигалась кампанія, тѣмъ болѣе увеличивалось число этихъ отрядовъ. Въ октябрѣ ихъ были уже сотни. Начальниками партій были, между прочимъ, дьячокъ, взявшій въ мѣсяцъ нѣсколько сотъ плѣнныхъ, и старостиха Василиса, побившая сотни французовъ. Послѣднія числа октября были временемъ самаго разгара партизанской войны (Гр. Л. Толстой *Война и Миръ*, т. IV, стр. 171–72).

Громада войскъ во тьмѣ кипитъ,
И надъ пылающей Москвою
Багрово зарево лежитъ
Необозримой полосою.

И мчится тайною тропой
Воспрянувшій съ долины битвы,
Наѣздниковъ веселый рой
На отдаленныя ловитвы.
Какъ стая алчущихъ волковъ,
Они долинами витаютъ:
То внемлютъ шороху, то вновь
Безмолвно рыскать продолжаютъ.

Начальникъ, въ буркѣ на плечахъ,
Въ косматой шапкѣ кабардинской,
Горитъ въ передовыхъ рядахъ
Особой яростью воинской.
Сынъ бѣлокаменной Москвы,
Но рано брошенный въ тревоги,
Онъ жаждетъ сѣчи и молвы,
А тамъ что будетъ—вольны боги!

Д. Давыдовъ.

ПАРТИЗАНСКАЯ ПѢСНЯ.

Вкушаетъ врагъ безпечный сонъ,
Но мы не спимъ, мы надзираемъ—
И вдругъ на станъ со всѣхъ сторонъ,
Какъ снѣгъ внезапный, налетаемъ.

Въ одно мгновенье врагъ разбитъ,
Врасплохъ застигнутъ удальцами,
И вслѣдъ за ними страхъ летитъ
Съ неутомимыми донцами.

Свершивъ набѣгъ, мы въ лѣсъ густой
Съ добычей вражеской уходимъ
И тамъ, за чашей круговой,
Минуты отдыха проводимъ.

Съ зарей бросаемъ свой ночлегъ,
Съ зарей опять съ врагами встрѣча,—
На нихъ нечаянный набѣгъ,
Иль неожиданная сѣча.

* * *

КУТУЗОВУ ПОСЛѢ СРАЖЕНІЯ ПОДЪ КРАСНЫМЪ. [1]

О, вождь славянъ, дерзнутъ ли робки струны
Тебѣ хвалу въ сей славный часъ бряцать?
Вездѣ гремятъ отмщенія перуны,
И мчится врагъ, стыдомъ покрытый, вспять;
И съ россомъ міръ тебѣ рукоплескаетъ...
Кто пѣнью струнъ средь плесковъ сихъ внимаетъ?
Но какъ молчать? Я сердцемъ славянинъ;
Я зрѣлъ, какъ ты, впреди своихъ дружинъ,
Въ кругу вождей, сопутствуемъ громами,
Какъ Божій гнѣвъ, шелъ грозно за врагами.
Со всѣхъ сторонъ дымились небеса,
Окрестъ земля отъ громовъ колебалась...
Сколь мысль моя тогда воспламенялась!
Сколь дивная являлась мнѣ краса!
О, старецъ-вождь, я мнилъ, что надъ тобою
Тогда самъ рокъ невидимый летѣлъ;
Что былъ сокрытъ вселенныя предѣлъ
Въ твоей главѣ, вѣнчанной сѣдиною.
Законъ судьбы для насъ неизъяснимъ;
Надменный сей не ею-ль былъ хранимъ?
Вотще пески ливійскіе пылали—
Онъ путь открылъ среди песчаныхъ волнъ;
Вотще враги пучину осаждали—
Его промчалъ безвредно легкій челнъ;
Ступилъ на брегъ—въ рукѣ его корона;
Ужъ хищный взоръ съ похищеннаго трона
Вселенную въ неволю оковалъ;
Ужъ онъ царей-рабовъ своихъ созвалъ...
И возстаютъ могучіе тевтоны,
Достойные Арминія [2]) сыны;
Неаполь, Римъ сбираютъ легіоны;
Богемецъ, венгръ, саксонъ ополчены;
И стали въ строй измѣнники сарматы;
Имъ нѣтъ числа; дружины ихъ крылаты;
И нордъ, и югъ потокъ сей наводнилъ!
Вождю вослѣдъ, а вождь ихъ за звѣздою,
Идутъ, летятъ—ужъ все подъ ихъ стопою,
Ужъ россъ главу подъ низкій миръ склонилъ...
О, замыслы! о, неба судъ ужасный!
О, хищный врагъ!.. и трудъ толикихъ лѣтъ,
И трупами устланный путь побѣдъ,
И мощь, и злость, и козни—все напрасно!

---

[1]) Сраженіе подъ Краснымъ длилось четыре дня (съ 5-го по 8-ое ноября); въ плѣнъ было взято до 26.000 французовъ.

[2]) **Арминій** (Германъ)—предводитель германцевъ противъ римлянъ; родился за 17 лѣтъ до Р. Х., умеръ на 37 году.

Здѣсь грозная судьба его ждала;
Она успѣхъ на то ему дала,
Чтобъ старецъ нашъ славнѣй его низринулъ.
Хвала, нашъ вождь! Едва дружины двинулъ—
Ужъ хищныхъ рать стремглавъ бѣжитъ назадъ,
Ихъ гонитъ страхъ, за ними мчится гладъ,
И щитъ, и мечъ бросаютъ съ знаменами.
Вездѣ пути покрыты ихъ костями,
Ихъ волны жрутъ, ихъ губитъ огнь и хладъ,
Вотще свой взоръ подъемлютъ ко спасенью...
Не узрятъ ихъ отечески поля,
Обречены въ добычу истребленью,
И будетъ гробъ имъ Русская земля.
И скрылася, нашъ старецъ, предъ тобою
Сія звѣзда, сей грозный вождь къ бѣдамъ;
Посолъ судьбы явился ты полкамъ—
И предъ твоей священной сѣдиною
Безумная гордыня пала въ прахъ.
Лети, неси за ними смерть и страхъ;
Еще ударъ—и всей землѣ свобода,
И нѣтъ слѣдовъ великаго народа!
О, сколь тебѣ завидный жребій данъ!
Еще вдали трепещетъ оттоманъ—
А ты ужъ здѣсь, ужъ родины спаситель,
Уже погналъ, какъ геній-истребитель,
Кичливыя разбойниковъ орды,
И рядъ побѣдъ—полковъ твоихъ слѣды,
И самый врагъ, неволею гнетомый,
Твоихъ орловъ благословляетъ громы:
Ты жизнь ему побѣдами даришь...
Когда-жъ, свершивъ погибельное мщенье,
Свои полки отчизнѣ возвратишь—
Сколь славное тебѣ успокоенье!..
Уже въ мечтахъ я вижу твой возвратъ:
Передъ тобой вѣнцы, трофеи брани;
Во срѣтенье бѣгутъ и старъ, и младъ,
Къ тебѣ ихъ взоръ, къ тебѣ подъемлютъ длани;
„Вотъ онъ! Вотъ онъ! Сей грозный вождь, нашъ щитъ,
Сколь величавъ, грядущій предъ полками!
Усѣйте путь спасителя цвѣтами!
Да каждый храмъ мольбой о немъ гремитъ!
Да слышитъ онъ вездѣ благословенье!"
Когда-жъ, сложивъ съ главы своей шеломъ
И мечъ съ бедра, ты возвратишься въ домъ,
Да вкусишь тамъ покоя наслажденье
Предъ славными трофеями побѣдъ—
Сколь будетъ токъ твоихъ преклонныхъ лѣтъ
Въ сей тишинѣ величественъ и ясенъ!
О, дней благихъ закатъ всегда прекрасенъ!
Съ веселіемъ ведя окрестъ свой взоръ,
Ты будешь зрѣть ликующія нивы,
И скачущи стада по скатамъ горъ,
И хижины оратая счастливы,
И скажешь: „Мной дана имъ тишина."
И старецъ, въ гробъ ступившій ужъ ногою,
Тебя въ семьѣ воспомянувъ съ мольбою,
Въ семействѣ скажетъ: „Имъ сбережена
Мнѣ мирная въ отечествѣ могила;"
И скажетъ мать, любуясь на дѣтей:
„Его рука мнѣ милыхъ сохранила."
На пиршествахъ, въ спокойствіи семей,
Предъ алтаремъ, въ обители царей,
Вездѣ, о вождь, тебѣ благословенье;
Тебя предастъ потомству пѣснопѣнье.

В. Жуковскій.

ВОЛКЪ НА ПСАРНѢ.[1])

Волкъ, ночью, думая залѣзть въ овчарню,
Попалъ на псарню.
Поднялся вдругъ весь псарный дворъ.
Почуя сѣраго такъ близко забіяку,
Псы залились въ хлѣвахъ и рвутся вонъ на драку;
Псари кричатъ: „Ахти, ребята, воръ!"
И вмигъ ворота на запоръ;
Въ минуту псарня стала адомъ.
Бѣгутъ: иной съ дубьемъ,
Иной съ ружьемъ.
—„Огня!" кричатъ: „огня!"—Пришли съ огнемъ:
Мой Волкъ сидитъ, прижавшись въ уголъ задомъ.
Зубами щелкая и ощетиня шерсть,
Глазами, кажется, хотѣлъ бы всѣхъ онъ съѣсть;

---

[1]) Въ этой баснѣ подъ волкомъ разумѣется Наполеонъ, а подъ ловчимъ—Кутузовъ. Рѣчь волка близка къ тѣмъ выраженіямъ, въ какихъ Наполеонъ высказывалъ свое желаніе мириться. «Пора положить предѣлъ кровопролитію,» говорилъ онъ Яковлеву. «Намъ съ вами легко поладить... Мнѣ нечего у васъ дѣлать; я не требую отъ васъ ничего, кромѣ исполненія Тильзитскаго договора... Я готовъ возвратиться.» Въ ловчемъ Крыловъ цѣнилъ главнымъ образомъ хитрость. Такой взглядъ баснописца на главнокомандующаго вполнѣ оправдывается многими историческими данными. Самъ Кутузовъ говорилъ про себя: «Разбить меня можетъ Наполеонъ, а обмануть—никогда.» Басню Кутузовъ прочиталъ послѣ сраженія подъ Краснымъ собравшимся вкругъ него офицерамъ и при словахъ «а я, пріятель, сѣдъ,» снялъ свою бѣлую фуражку и потрясъ наклоненною головою (Кеневичъ).

Но видя то, что тутъ не передъ
стадомъ,
И что приходитъ, наконецъ,
Ему расчесться за овецъ,—
Пустился мой хитрецъ
Въ переговоры,
И началъ такъ: „Друзья! къ чему весь
этотъ шумъ?
Я, вашъ старинный сватъ и кумъ,
Пришелъ мириться къ вамъ, совсѣмъ не
ради ссоры;
Забудемъ прошлое, уставимъ общій ладъ!
А я не только впредь не трону здѣшнихъ
стадъ,
Но самъ за нихъ съ другими грызться радъ;
И волчьей клятвой утверждаю,
Что я...“ — „Послушай-ка, сосѣдъ,“
Тутъ ловчій перервалъ въ отвѣтъ:
„Ты сѣръ, а я, пріятель, сѣдъ,
И волчью вашу я давно натуру знаю;
А потому обычай мой:
Съ волками иначе не дѣлать мировой,
Какъ снявши шкуру съ нихъ до-
лой.“
И тутъ же выпустилъ на Волка гончихъ
стаю.

И. Крыловъ.

ПРЕСЛѢДОВАНІЕ ФРАНЦУЗОВЪ.

Какъ повыше было Смоленска го̀рода,
Что пониже было села Краснаго,
Что подъ рощею подъ зеленою,
Подъ березою кудрявою,
На большо̀мъ зелёныемъ лугу,
Стоялъ тутъ лагерь русской арміи,
Русской арміи, гвардейскихъ солдатъ.
Призадумавшись сидятъ, на Смоленскъ го-
родъ глядятъ:
Овладѣли славнымъ городомъ непріятельски
полки...
„Какъ бы, братцы, намъ приняться
Смоленскъ городъ свободить,
„Смоленскъ городъ свободить, непріятеля
побить?“
Какъ пошли-то солдатушки Смоленскъ го-
родъ свобождать,
Смоленскъ городъ свобождать, французовъ
выгонять,
Ко Смоленску приступили, они ружья за-
рядили,
Они ружья зарядили, въ непріятеля палили,
Много били, истребили, остальныхъ-то по-
лонили,
Полонивши ихъ топили во Берёзонькѣ рѣкѣ,
Потопивши отдыхали на зелёномъ на лугу,
На зелёныемъ лугу пѣсни пѣли во кругу.

ЩУКА И КОТЪ. [1]

Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ,
А сапоги точать пирожникъ,
И дѣло не пойдетъ на ладъ,
Да и примѣчено стократъ,
Что кто за ремесло чужое браться любитъ,
Тотъ завсегда другихъ упрямѣй и вздорнѣй;
Онъ лучше дѣло все погубитъ,
И радъ скорѣй
Посмѣшищемъ стать свѣта,
Чѣмъ у честныхъ и знающихъ людей
Спросить, иль выслушать разумнаго совѣта.

* * *

Зубатой Щукѣ въ мысль пришло
За кошачье приняться ремесло.
Не знаю: завистью-ль ее лукавый мучилъ,
Иль, можетъ быть, ей рыбный столъ наскучилъ?
Но только вздумала Кота она просить,
Чтобъ взялъ ее съ собой онъ на охоту,
Мышей въ амбарѣ половить.
„Да полно, знаешь ли ты эту, свѣтъ, работу?“
Сталъ Щукѣ Васька говорить:
„Смотри, кума̀, чтобы не осрамиться.
Не даромъ говорится,
Что дѣло мастера боится.“
—„И, полно, куманекъ! Вотъ невидаль:
мышей!
Мы лавливали и ершей.“
—„Такъ въ добрый часъ, пойдемъ!“ Пошли,
засѣли.
Натѣшился, наѣлся Котъ,
И кумушку провѣдать онъ идетъ;
А Щука, чуть жива, лежитъ, разинувъ ротъ,—
И крысы хвостъ у ней отъѣли. [2])

---

[1]) Поводомъ къ сочиненію этой басни была извѣстная неудача генерала Чичагова, который долженъ былъ пресѣчь путь Наполеону черезъ Березину. «Нельзя изобразить общаго на него негодованія,» пишетъ Вигель: «всѣ состоянія подозрѣвали его въ измѣнѣ, снисходительнѣйшіе кляли его неискусство, и Крыловъ написалъ басню о пирожникѣ, который берется шить сапоги, т. е. о морякѣ, начальствующемъ сухопутнымъ войскомъ» (Кеневичъ).

[2]) Въ этомъ стихѣ заключается намекъ на неудачное отступленіе войскъ Чичагова отъ Борисова, на правую

Тутъ видя, что кумѣ совсѣмъ не въ силу трудъ,
Кумъ замертво стащилъ ее обратно въ прудъ.
И дѣльно! Это, Щука,
Тебѣ наука,
Впередъ умнѣе быть,
И за мышами не ходить.

И. Крыловъ.

СКАЗАНІЕ О 1812 ГОДѢ.

Вѣтеръ гонитъ отъ востока
Съ воемъ снѣжныя мятели...
Дикой пѣснью злая вьюга
Заливается въ пустынѣ...
По безлюдному простору
Безъ ночлега, безъ привала,
Точно сонмъ тѣней, проходятъ
Славной арміи остатки,
Егеря и гренадеры,
Кто окутанъ дамской шалью,
Кто церковною завѣсой,—
То въ сугробахъ снѣжныхъ вязнутъ,
То скользятъ, въ разбродъ взбираясь
На подъемъ оледенѣлый...
Гдѣ пройдутъ—по всей дорогѣ
Пушки брошены, лафеты;
Снѣгъ заноситъ трупы коней,
И людей, и колымаги,
Нагруженныя добычей
Изъ святыхъ московскихъ храмовъ...
Посреди разбитой рати
Ѣдетъ вождь ея, привыкшій
Къ торжествамъ лишь да побѣдамъ...
Въ пошевняхъ, на жалкихъ клячахъ,
Ѣдетъ той же онъ дорогой,
Гдѣ прошелъ еще недавно
Полный гордости и славы,
Къ той загадочной столицѣ
Съ золотыми куполами,
Гдѣ, казалось, совершится
Въ полномъ блескѣ чудный жребій
Повелителя вселенной,
Сокрушителя имперій...

Гдѣ-жъ вы, пышныя мечтанья!
Гордый замыселъ!.. надежды
И глубокіе расчеты
Прахомъ стали—и упорно
Ищетъ онъ всему разгадки,
Гдѣ и въ чемъ его ошибка?
Все напрасно!..

И поникъ онъ, и, въ дремотѣ,
Видитъ—какъ въ пріемномъ залѣ—
Незадолго до похода—
Въ Тюльери, стоитъ онъ гнѣвный;
Вѣнценосцевъ всей Европы
Передъ нимъ послы: всѣ внемлютъ
Съ трепетомъ его угрозамъ...
Лишь одинъ стоитъ посланникъ,
Не склонивъ покорно взгляда,
Съ затаенною улыбкой. .
И вспыливши императоръ—
„Князь, вы видите"—[1]) воскликнулъ—
Мнѣ никто во всей Европѣ
Не дерзаетъ поперечить:
Императоръ вашъ на что же
Онъ надѣется—на что же?"

„Государь!" въ отвѣтъ посланникъ,
„Взять въ расчетъ вы позабыли,
Что за Русскимъ государемъ
Русскій весь стоитъ народъ!"

Онъ тогда расхохотался,
А теперь-теперь онъ вздрогнулъ...
И глядитъ: утихла вьюга,
На морозномъ небѣ звѣзды,
А кругомъ на горизонтѣ
Всюду зарева пожаровъ...

Вспомнилъ онъ дворецъ Петровскій,
Гдѣ бояръ онъ ждалъ съ поклономъ
И ключами отъ столицы...
Вспомнилъ онъ пустынный городъ,
Вдругъ со всѣхъ сторонъ объятый
Моремъ пламени... А мира—
Мира нѣтъ!.. и днемъ, и ночью
Неустанная погоня
Вслѣдъ за нимъ враговъ незримыхъ...
Справа, слѣва—ихъ мильоны
Тамъ въ лѣсахъ... Такъ вотъ что значитъ—
„Весь народъ!"
И безнадежно
Вдаль онъ взоры устремляетъ:

сторону Березины; при этомъ были потеряны многіе изъ полковыхъ обозовъ, канцелярія главнокомандующаго, большая часть экипажей и въ томъ числѣ фургонъ со столовымъ сервизомъ Чичагова, и всѣ наши раненые и больные, изъ коихъ нѣкоторые погибли отъ пожара, опустошившаго городъ (Богдановичъ. Исторія Отечеств. войны, т. III, стр. 249).

[1]) Русскій посланникъ князь **Куракинъ**.

Что-то грозное таится
Тамъ за синими лѣсами,
Въ необъятой этой дали...

А. Майковъ.

---

25 ДЕКАБРЯ.

Воспоминаніе избавленія Церкви и Державы Россійской отъ нашествія галловъ и съ ними двадесяти языкъ.

Россія, дивная Держава!
И Церковь родины святой!
Васъ озарила Божья слава—
Въ годину скорби роковой:

Какъ двадцати народовъ силу
Съ собой привелъ къ намъ гордый галлъ
И ужъ позорную могилу
Въ отчизнѣ самой намъ копалъ,—

Народъ нашъ, свыше вдохновенный,
Гордыни стеръ надменный рогъ
И, отъ враговъ освобожденный,
Воскликнулъ дружно: *Съ нами Богъ!*

Полъ-вѣка болѣе ужъ нынѣ,
Какъ въ день Христова Рождества,
Творитъ Россія той годинѣ
Святую память торжества,

Съ пророкомъ вмѣстѣ восклицая:
„Языки, знайте—съ нами Богъ!
Совѣтъ вашъ дерзкій разоряя,
Онъ благодатно намъ помогъ;

„Мы страха вашего отнынѣ
Не убоимся, съ нами миръ!
Онъ вашей не знакомъ гордынѣ—
Не знаетъ мира злобный міръ!“

Л. Бутовскій.

НА СМЕРТЬ КУТУЗОВА. [1]

(солдатская пѣсня)

(† 16 апрѣля 1813 г.)

„Что, солдатушки, что кручинны такъ?
Не бѣда ли вамъ отъ злодѣйскихъ рукъ?
Ужъ не дрогнуло-ль сердце русское,
Сердце русское, богатырское?
Не ослабли ли руки крѣпкія?
Не колыхнулся-ль вашъ булатный штыкъ?“
Какъ промолвили всѣ солдатушки:
„Не бывать тому, чтобъ злодѣй сломилъ:
Не дрожать сердцу русскому, богатырскому!
А печаль-тоска, горе лютое,
Отъ очей, какъ ночь, гонитъ бѣлый свѣтъ.
Ахъ! не солнышко закатилося,
Не свѣтелъ мѣсяцъ тучей кроется,—
Какъ отъ насъ ли, отъ солдатушекъ,
Отошелъ нашъ батюшка Кутузовъ князь,
Не за горы за высокія—
Отошелъ онъ отъ насъ въ мать сыру землю.
Ахъ! не темный боръ завылъ, зашумѣлъ,—
Разрыдалося, слезно всплакало
Войско русское, христіанское.
Какъ не плакать намъ, не кручиниться?
Нѣтъ отца у насъ, нѣтъ Кутузова!
Какъ бывало намъ онъ возговоритъ:
Вы ли, русскіе добры воины,
Вы-ль солдатушки царя Бѣлаго,
Царя Бѣлаго, православнаго,
Вы примите приказаніе,
Приказаніе богатырское,
Какъ Суворовъ шелъ по крутымъ горамъ,
Какъ онъ войско велъ по темнымъ облакамъ,
Онъ солдатушкамъ завѣтъ завѣщалъ:
„Вы, солдатушки земли Русскія,
Къ царю Русскому вѣрой твердые,
Вы не бойтеся ни злодѣевъ злыхъ,
И ни холоду, и ни голоду.“
Разгорѣлися всѣ солдатушки,
Какъ онъ, батюшка, далъ приказъ такой:
А какъ кланялся онъ солдатушкамъ,
Какъ показывалъ сѣдины свои,
Мы, солдатушки, въ одинъ голосъ всѣ
Прокричимъ: „ура! ура! съ нами Богъ!“
И идемъ въ походъ припѣваючи.
Ахъ! и зимушка не знобила насъ,
И безхлѣбница не кручинила;
Только думали, какъ злодѣевъ гнать
Изъ родныя земли Русскія.
Побѣжалъ злодѣй не оглядкою,
Побѣжалъ злодѣй со злодѣями.
Мы за нимъ вослѣдъ—и бить некого!
Такъ потѣшился нашъ отецъ родной,
Нашъ отецъ родной и царевъ слуга.
Ахъ! лишь въ радости по своей землѣ,

---

[1]) По изгнаніи французовъ изъ Россіи, Кутузовъ повелъ русскую армію чрезъ Польшу, Пруссію и Саксонію къ берегамъ Эльбы, но здѣсь, въ г. Бунцлау, среди торжествъ, занемогъ и черезъ нѣсколько дней скончался. Солдаты очень любили Кутузова и на смерть его сложили приводимую здѣсь пѣсню.

По своей землѣ, по Руси святой,
Возопили мы: „Великъ Русскій Богъ!
Ужъ печаль-тоска налегла на грудь:
Нѣтъ Кутузова, славна воина!
Мы-ль, солдатушки православные,
Позабудемъ то, завѣщалъ что намъ?
Нѣтъ, не радуйся, супостатъ лихой!
Съ нами Богъ земли Русскія,
Съ нами память славна воина,
Славна воина, Кутузова.
Не кажись, злодѣй—грудью бросимся;
Не страшна намъ смерть, ты увидишь самъ.
У престола Царя Небеснаго,
За насъ молится нашъ отецъ родной;
А мы молимся о душѣ его.
И клянемся всѣ клятвой русскою
Послужить впередъ, какъ служили съ нимъ.

КО ГРОБУ КУТУЗОВА. [1])

Передъ гробницею святой
Стою съ поникшею главой...
Все спитъ кругомъ; однѣ лампады
Во мракѣ храма золотятъ
Столбовъ гранитныя громады
И ихъ знаменъ нависшій рядъ.

Подъ ними спитъ сей властелинъ,
Сей идолъ сѣверныхъ дружинъ,
Маститый стражъ страны державной,
Смиритель всѣхъ ея враговъ,
Сей остальной изъ стаи славной
Екатерининскихъ орловъ.

Въ твоемъ гробу восторгъ живетъ!
Онъ русскій гласъ намъ издаетъ;
Онъ намъ твердитъ о той годинѣ,
Когда народной вѣры гласъ
Воззвалъ къ святой твоей сѣдинѣ:
„Иди, спасай!“ Ты всталъ и спасъ...

Внемли-жъ и днесь нашъ вѣрный гласъ:
Возстань, спасай царя и насъ,
О старецъ грозный! На мгновенье
Явись у двери гробовой—
Явись: вдохни восторгъ и рвенье
Полкамъ, оставленнымъ тобой!

Явись—и дланію своей
Намъ укажи въ толпѣ вождей,
Кто твой наслѣдникъ, твой избранный!
Но храмъ въ моленье погруженъ...
И тихъ твоей могилы бранной
Невозмутимый, вѣчный сонъ.

А. Пушкинъ.

[1]) Могила Кутузова находится въ Петербургѣ, въ Казанскомъ соборѣ. На гранитныхъ колоннахъ, между которыми помѣщается гробница, развѣшаны многочисленныя знамена, отбитыя у французовъ. *Святою* гробница названа въ патріотическомъ смыслѣ: въ ней лежитъ герой, къ имени котораго каждый русскій относится съ особеннымъ уваженіемъ, близкимъ къ религіозному чувству.

ПЕРЕХОДЪ РУССКИХЪ ВОЙСКЪ ЧЕРЕЗЪ РЕЙНЪ.

(отрывокъ)

Мы здѣсь, сыны снѣговъ,
Подъ знаменемъ Москвы, съ свободой и съ громами,
Стеклись съ морей, покрытыхъ льдами,
Отъ струй полуденныхъ, отъ Каспіи валовъ,
Отъ волнъ Улеи и Балкала,
Отъ Волги, Дона и Днѣпра,
Отъ града нашего Петра,
Съ вершинъ Кавказа и Урала!..
Стеклись, нагрянули за честь твоихъ граждан,
За честь твердынь и селъ, и нивъ опустошенныхъ,
И береговъ благословенныхъ,
Гдѣ расцвѣло въ тиши блаженство россіянъ,
Гдѣ ангелъ мирный, свѣтозарный,
Для странъ полуночи рожденъ,
И провидѣньемъ обреченъ
Царю, отчизнѣ благодарной.
Мы здѣсь, о Реинъ, здѣсь! ты видишь блескъ мечей;
Ты слышишь шумъ полковъ, и новыхъ коней ржанье,
Ура побѣды и взыванье
Идущихъ, скачущихъ къ тебѣ богатырей.
Взвивая къ небу прахъ летучій,
По трупамъ вражескимъ летятъ,
И вотъ—коней лихихъ поятъ,
Кругомъ заставя долъ зыбучій.
Какой чудесный пиръ для слуха и очей!
Здѣсь пушекъ свѣтла мѣдь сіяетъ за конями,
И ружья длинными рядами,
И стяги древніе средь копій и мечей;
Тамъ шлемы воевъ оперенны,
Тяжелой конницы строи
И легкихъ всадниковъ рои—
Въ текущей влагѣ отраженны.

Тамъ слышенъ стукъ сѣкиръ, и палъ угрюмый лѣсъ;
Костры надъ Реиномъ дымятся и пылаютъ,
И чаши радости сверкаютъ,
И клики воиновъ восходятъ до небесъ!
Тамъ ратникъ ратника объемлетъ;
Тамъ точитъ пѣшій штыкъ стальной,
И конный грозною рукой
Крылатый дротикъ свой колеблетъ;
Тамъ всадникъ, опершись на свѣтлу сталь копья,
Задумчивъ и одинъ, на берегѣ высокомъ,
Стоитъ и жаднымъ ловитъ окомъ
Рѣки излучистой послѣдніе края.
Быть можетъ, онъ воспоминаетъ
Рѣку своихъ родимыхъ мѣстъ—
И на груди свой мѣдный крестъ
Невольно къ сердцу прижимаетъ...
Но тамъ готовится, по манію вождей,
Безкровный жертвенникъ средь гибельныхъ трофеевъ,
И Богу сильныхъ Маккавеевъ
Колѣнопреклоненъ служитель алтарей;
Его шумя пріосѣняетъ
Знаменъ отчизны грозный лѣсъ,
И солнце юное съ небесъ
Алтарь сіяньемъ осыпаетъ.
Всѣ крики бранные умолкли, и въ рядахъ
Благоговѣніе внезапу воцарилось,
Оружье долу преклонилось,
И вождь, и ратники чело склонили въ прахъ;
Поютъ Владыкѣ вышней силы;
Тебѣ, подателю побѣдъ,
Тебѣ, незаходимый Свѣтъ!
Дымятся мирныя кадилы.
И се подвигнулись—валитъ за строемъ строй!
Какъ море шумное, волнуется все войско,
И эхо вторитъ кликъ геройскій,
Досель неслышанный, о Реинъ, надъ тобой!
Твой стонетъ брегъ гостепріимный,
И мостъ подъ воями дрожитъ!
И врагъ, завидя ихъ, бѣжитъ
Отъ глазъ, вдали теряясь дымной!..

К. Батюшковъ.

ПЛАТОВЪ. [1]

Споёмте, братцы, пѣсню про Платова казака, удалова молодцà.
Ужъ какъ Платова-тъ казакъ всѣмъ воинамъ воинъ былъ,
Государь его любилъ, часто звѣздами дарилъ.
Собирался графъ Платòвъ на Архангелъ во Покровъ,
Къ Бонапарту побывать, насмѣшечку отсмѣять,
Платòвъ бороду обрилъ, къ Бонапарту въ гости былъ.
Бонапарта-тъ не узналъ, за купчину принималъ,
За уборный столъ сажалъ, рюмку водки наливалъ,
Рюмку водки наливалъ, (онъ) Платова угощалъ:
„И ты выкушай, купчина, ты купеческій сынокъ!
„Всю Росею вашу знаю, генераловъ всѣхъ спозналъ,
„Одного только не знаю,—(я) Платова казака:
„Я бы много злата далъ, кто-бъ Платова указалъ!“
— Вотъ—зачѣмъ злато терять, можно такъ его узнать!—
Онъ портретецъ вынималъ, на бѣлыя руки клалъ:
— Вотъ портретецъ мой, словно братецъ мнѣ родной,
— Словно братецъ мнѣ родной, отца съ матерью одной!—
Бонапарта-тъ догадался, изъ палатъ вонъ побѣжалъ,
А и Платовъ не сидѣлъ, сѣлъ на коня—полетѣлъ.
Онъ по ступочкамъ скакалъ—всё записочки бросалъ:
— Ты ворона, ты ворона, ты Французскій король!
— Не умѣла ты ворона ясна сокола ловить:
— Выѣзжай же ты, ворона, въ чисто поле погулять,

---

[1]) Славный атаманъ войска Донского, Платовъ, неутомимо преслѣдовалъ французовъ во время ихъ бѣгства изъ Россіи, а около Ковно и Вильны нанесъ окончательное пораженіе великой арміи, отбивъ болѣе 500 пушекъ, 30 знаменъ, 7.000 плѣнныхъ и все серебро, награбленное французами въ Москвѣ. Въ кампаніи 1813, 14 и 15 годовъ онъ продолжалъ сражаться съ тѣмъ же безстрашіемъ и снискалъ извѣстность въ Европѣ. И въ русской народной тогдашней эпопеѣ изъ всѣхъ историческихъ лицъ того времени Платовъ занялъ главное мѣсто. «Платовъ у народа—вся Россія того времени; вся народнопоющая о томъ времени Россія—Платовъ.» Приводимая здѣсь пѣсня разсказываетъ, конечно, про такой подвигъ Платова, котораго на самомъ дѣлѣ не было, но который могъ бы быть совершенъ храбрымъ атаманомъ, благодаря его удали и отвагѣ.

— Въ чисто поле погулять, съ казаками поиграть!—
Наши зачали палить,—только дымъ столбомъ валитъ;
Ужъ какъ пули-то летѣли на Саксонски берега,
На Саксонски берега, на зелёные луга.

ДОНЪ.

Я помню то время, какъ двинулся онъ,
Народовъ полъ-свѣта водитель.
Царь воскликнулъ: «Гдѣ-жъ, Донъ мой?»
И вспрянулъ ты, Донъ,
И каждый твой сынъ былъ воитель:
Колосьями стали ты степи покрылъ,
И вволю удалыхъ коней напоилъ.

Ознобишинъ.

Здравствуй, батько Донъ широкій,
Царь рѣкамъ родной земли!
Многи дѣти издалека
Дону славу принесли!

Чай прослышалъ ты, родимый,
Какъ гуляли казаки!
Какъ Плато̀въ непобѣдимый
Въ бой водилъ твои полки;

Какъ за нимъ они летали,
Словно грозный ураганъ;
Какъ душили и трепали
Шайки тощихъ басурманъ;

Какъ землякъ, морозъ холодный
Вдругъ на нехристя напалъ;
Какъ изъ Руси онъ голодный
Безъ оглядки удиралъ;

Какъ чрезъ Вислу, Рейнъ и Рону
И до Сены береговъ
Мы на славу батькѣ Дону
Гнали дерзостныхъ враговъ;

Какъ за честь твою стояли,
Не жалѣючи себя,
Какъ въ Парижѣ пировали,
Вспоминаючи тебя.

Разыграйся-жъ, Донъ широкій,
Царь рѣкамъ родной земли!
Много дѣти издалека
Дону славы принесли.

М. Розенгеймъ.

ПОДЪ ПАРИЖЕМЪ. [1]

(народныя пѣсни)

1.

И побѣдитель Парижа,
Нѣжный отецъ россіянамъ,
Пепелъ Москвы забывая,
Съ кротостью галламъ прощаетъ—
И какъ дѣтей ихъ пріемлетъ.
Слава герою, который
Всѣ побѣждаетъ народы
Нѣжной любовью—не силой!

Баронъ А. Дельвигъ.

Подъ славнымъ было городомъ Парижемъ,
Собиралося россійское славное войско.
Они лагери занимали въ чистомъ полѣ,
Шанцы и батареи тамъ порыли,
Пушечки и мортирушки тамъ становили.
Константинъ-то нашъ по арміи разъѣзживаетъ,
Онъ пѣхоту и кавалерію разсчитываетъ:
„Надѣвайте вы, солдатушки, платье бѣло,
„По утру вамъ, милые, будетъ дѣло!
„Когда Богъ вамъ поможетъ Парижъ взяти,
„Отпущу я васъ, любезны, въ него погуляти!“

2.

Собирался-снаряжался графъ Кутузовъ,
Со своими со любезными полками,
Со своими со дородными молодцами.
Воѣзжали во чисто̀ поле гуляти,—
Не гуляти выѣзжали,—воевати.
Во полонъ брали французскаго маіора,
Повели того маіора къ фельдмаршалу,
Что къ тому ли ко графу ко Кутузову.
Еще сталъ графъ Кутузовъ его спрашивати,
Честью-лестью онъ маіора уговариваетъ:

---

[1]) Русскіе войска прошли побѣдоносно Германію и Францію. Союзныя войска обложили Парижъ, но медлили атакой, такъ какъ императору Александру Павловичу хотѣлось испробовать всѣ мирныя средства. Государь приказалъ объявить парижанамъ, что «Императоръ Всероссійскій требуетъ сдачи Парижа, стоитъ предъ стѣнами его съ многочисленной арміей и воюетъ не съ Франціей, а съ Наполеономъ.» Защитники города маршалы Мармонъ и Мортье, истощивъ всѣ усилія обороны, рѣшились просить пощады. 19 марта 1814 г. императоръ Александръ Павловичъ вмѣстѣ съ княземъ Шварценбергомъ, представителемъ императора Австрійскаго, и съ королемъ Прусскимъ Фридрихомъ Вильгельмомъ Ш торжественно вступилъ въ Парижъ и былъ восторженно встрѣченъ парижанами. Вслѣдъ за вступленіемъ союзныхъ войскъ въ Парижъ, было образовано временное правительство изъ князя Талейрана и четырехъ другихъ членовъ. 21 марта оно обратилось къ французскимъ арміямъ съ воззваніемъ, которое заканчивалось слѣдующими словами: «Отнынѣ вы уже не солдаты Наполеоновы: сенатъ и вся Франція разрѣшаютъ васъ отъ данной ему присяги.» Отреченіе Наполеона послѣдовало 24 марта, и онъ удалился на островъ Эльбу. Исторія никогда не забудетъ великаго подвига миролюбиваго государя **Александра Благословеннаго.**

ВЪѢЗДЪ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I ВЪ ПАРИЖЪ.

(съ изданія С. Рождественскаго).

1890 г. Типо-Литографія

„Ты скажи-скажи, маіорикъ, всеё правду,—
„Еще много-ль во Парижѣ у васъ войска?“
— У насъ во Парижѣ войска сорокъ тысячъ,
— У самого Наполеона—смѣты нѣту.—
Какъ ударилъ графъ Кутузовъ его въ щёку:
„Врёшь ты, врёшь ты, врёшь, маіорикъ,
все лукавишь:
„Иль меня графа Кутузова не знаешь?
„Я вашего хрàбра войска не боюся,
„До самого Наполеона доберуся.“

ВОСПОМИНАНІЯ ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ.

О громкій вѣкъ военныхъ споровъ,
Свидѣтель славы россіянъ!
Ты видѣлъ, какъ Орловъ, Румянцевъ и Суворовъ,
Потомки грозные славянъ,
Перуномъ Зевсовымъ побѣду похищали.
Ихъ смѣлымъ подвигамъ страшась дивился міръ,
Державинъ и Петровъ героямъ пѣснь бряцали
Струнами громозвучныхъ лиръ.
И ты промчался, незабвенный:
И вскорѣ новый вѣкъ узрѣлъ
И брани новыя, и ужасы военны:
Страдать—есть смертнаго удѣлъ.
Блеснулъ кровавый мечъ въ неукротимой длани
Коварствомъ, дерзостью вѣнчаннаго царя,
Возсталъ вселенной бичъ—и вскорѣ лютой брани
Зардѣлась грозная заря
И быстрымъ понеслись потокомъ
Враги на русскія поля.
Предъ ними мрачна степь лежитъ во снѣ глубокомъ,
Дымится кровію земля,
И селы мирныя, и грады въ мглѣ пылаютъ,
И небо заревомъ одѣлося вокругъ,
Лѣса дремучіе бѣгущихъ укрываютъ
И праздный въ полѣ ржавитъ плугъ.
Идутъ—ихъ силѣ нѣтъ препоны,
Все рушатъ, все свергаютъ въ прахъ,
И тѣни блѣдныя погибшихъ чадъ Беллоны,
Въ воздушныхъ съединясь полкахъ,
Въ могилу мрачную нисходятъ непрестанно,
Иль бродятъ по лѣсамъ въ безмолвіи ночи...
Но клики раздались!.. Идутъ въ дали туманной...
Звучатъ кольчуги и мечи!
Страшись, о рать иноплеменныхъ!
Россіи двинулись сыны,
Возсталъ и старъ и младъ, летятъ на дерзновенныхъ,—
Сердца ихъ мщеньемъ возжены.
Вострепещи, тиранъ! Ужъ близокъ часъ паденья!
Ты въ каждомъ ратникѣ узришь богатыря.
Ихъ цѣль,—иль побѣдить, иль пасть въ пылу сраженья
За вѣру, за царя.
Ретивы кони бранью пышутъ,
Усѣянъ ратниками долъ,
За строемъ строй течетъ, всѣ местью, славой дышутъ,
Восторгъ во грудь ихъ перешелъ,
Летятъ на грозный пиръ, мечамъ добычи ищутъ,
И се—пылаетъ брань; на холмахъ громъ гремитъ,
Въ сгущенномъ воздухѣ съ мечами стрѣлы свищутъ
И брызжетъ кровь на щитъ.
Сразились,—русскій побѣдитель!
И вспять бѣжитъ надменный галлъ,
Но сильнаго въ бояхъ небесный вседержитель
Лучомъ послѣднимъ увѣнчалъ:
Не здѣсь его сразилъ воитель посѣдѣлый,
О, Бородинскія кровавыя поля!
Не вы неистовству и гордости предѣлы:
Увы, на башняхъ галлъ Кремля!..
Гдѣ ты, краса Москвы стоглавой,
Родимой прелесть стороны?
Гдѣ прежде взору градъ являлся величавый,
Развалины теперь однѣ.
Москва! столь русскому твой зракъ унылый страшенъ:
Исчезли зданія вельможей и царей,
Все пламень истребилъ, вѣнцы затмились башенъ,
Чертоги пали богачей.
И тамъ, гдѣ роскошь обитала
Въ тѣнистыхъ рощахъ и садахъ,
Гдѣ миртъ благоухалъ и липа трепетала,
Тамъ нынѣ угли, пепелъ, прахъ;
Въ часы безмолвные прекресной лѣтней нощи
Веселье шумное туда не полетитъ,
Не блещутъ ужъ въ огняхъ брега и свѣтлы рощи—
Все мертво, все молчитъ...
Утѣшься, мать градовъ Россіи,
Воззри на гибель пришлеца.

Отяготѣла днесь на ихъ надменной выи
Десница мстящая Творца.
Взгляни: они бѣгутъ, озрѣться не дерзаютъ,
Ихъ кровь не престаетъ въ снѣгахъ рѣками течь,
Бѣгутъ—и въ тьмѣ ночной ихъ гладъ и смерть срѣтаютъ,
А съ тыла гонитъ россовъ мечъ.
О вы, которыхъ трепетали
Европы сильны племена,
О, галлы хищные! и вы въ могилы пали...
О страхъ! о грозны времена!
Гдѣ ты, любимый сынъ и счастья и Беллоны,
Презрѣвшій правды гласъ, и вѣру, и законъ?
Въ гордынѣ возмечтавъ мечомъ низвергнуть троны,
Исчезъ, какъ утромъ страшный сонъ!
Въ Парижѣ россъ! Гдѣ факелъ мщенья?
Поникни, Галлія, главой!
Но что я зрю? Герой съ улыбкой примиренья
Грядетъ съ оливою златой;
Еще военный громъ грохочетъ въ отдаленьи,
Москва въ уныніи, какъ степь въ полнощной мглѣ,
А онъ несетъ врагу не гибель, но спасенье
И благотворный миръ землѣ.
О скальдъ Россіи вдохновенный,
Воспѣвшихъ ратныхъ грозный строй! [1])
Въ кругу друзей твоихъ, съ душой воспламененной,
Взгреми на арфѣ золотой,
Да снова стройный гласъ герою въ честь прольется
И струны трепетны посыплютъ огнь въ сердца,
И ратникъ молодой вскипитъ и содрогнется
При звукахъ браннаго пѣвца.

А. Пушкинъ.

ДВА ВЕЛИКАНА.

Въ шапкѣ золота литого
Старый русскій великанъ
Поджидалъ къ себѣ другого
Изъ далекихъ чуждыхъ странъ.

За горами, за долами
Ужъ гремѣлъ о немъ разсказъ,
И помѣряться главами
Захотѣлось имъ хоть разъ.

[1]) В. А. Жуковскій.

И пришелъ съ грозой военной
Трехнедѣльный удалецъ,
И рукою дерзновенной
Хвать за вражескій вѣнецъ.

Но улыбкой роковою
Русскій витязь отвѣчалъ—
Посмотрѣлъ, тряхнулъ главою:
Ахнулъ дерзкій—и упалъ...

Но упалъ онъ въ дальнемъ морѣ
На невѣдомый гранитъ,
Тамъ, гдѣ буря на просторѣ
Надъ пучиною шумитъ.

М. Лермонтовъ.

ПѢСНЯ. [1])

Ѣздилъ Русскій Бѣлый царь,
Православный государь,
Изъ своей земли далеко
Злобу поражать.

Грозно онъ каралъ враговъ,
Много побралъ городовъ
Отъ Москвы и до Парижа!
Лавры пожиналъ.

Крови тамъ лились моря,
Смерть летала вкругъ царя;
Но среди военной бури
Богъ его хранилъ.

Онъ за зло платилъ добромъ,
Воскресилъ Бурбоновъ домъ,
Имя русское прославилъ,
Міръ вселенной далъ.

Гдѣ ты, свѣтлый царь царей,
Ангелъ міра, другъ людей?
Гдѣ ты, солнце наше красно?
Гдѣ ты, гдѣ теперь?

Полно радовать чужихъ,
Намъ завидно счастье ихъ;
Возвратись изъ странъ далекихъ
На родимый край!

[1]) Изъ Парижа императоръ Александръ Павловичъ поѣхалъ въ Англію, гдѣ былъ восторженно встрѣченъ, и въ Голландію. Россія съ нетерпѣніемъ ждала своего великодушнаго монарха, который и возвратился въ Петербургъ 13 іюля. Хотя государь предписалъ не дѣлать никакихъ приготовленій для его встрѣчи, и приказаніе это было исполнено въ точности, «но восторгъ народа, проявившійся особенно сильно при посѣщеніи государемъ Казанскаго собора, былъ тѣмъ искреннѣе и непосредственнѣе.»

Безъ тебя веселья нѣтъ,
И постылъ намъ бѣлый свѣтъ;
Грустно безъ отца родного—
Возвратись скорѣй!

Ждетъ тебя царица-мать,
Жаждетъ сына лобызать;
Ждетъ прекрасная царевна,
Ждетъ святая Русь.

НА ВОЗВРАЩЕНІЕ АЛЕКСАНДРА I ИЗЪ ПАРИЖА ВЪ 1815 ГОДУ.

Утихла брань племенъ; въ предѣлахъ отдаленныхъ
Не слышенъ битвы шумъ и голосъ трубъ военныхъ;
Съ небесной высоты, при звукѣ стройныхъ лиръ,
На землю мрачную нисходитъ свѣтлый миръ.
Свершилось!.. Русскій царь, достигъ ты славной цѣли!
Вотще надменные на родину летѣли,
Вотще, впреди знаменъ безчисленныхъ дружинъ,
Въ могущей дерзости, вѣнчанный исполинъ
На гибель грозно шелъ, влекъ цѣпи за собою,—
Мечъ огненый блеснулъ за дымною Москвою,
Звѣзда губителя потухла въ вѣчной мглѣ,
И пламенный вѣнецъ померкнулъ на челѣ!
Содрогся счастья сынъ и, брошенный судьбою,
Онъ землю Русскую не взвидѣлъ подъ собою.
Бѣжитъ... и смерти громъ слетѣлъ ему вослѣдъ;
И съ трона гордый палъ... и вновь возсталъ... и нѣтъ!
Тебѣ, нашъ храбрый царь, хвала, благодаренье!
Когда полки враговъ покрыли отдаленье,
Во броню ополчась, взложивъ пернатый шлемъ,
Колѣна преклонивъ предъ вышнимъ алтаремъ,
Ты бранеи мечъ извлекъ и клятву далъ святую
Отъ ига оградить страну свою родную.
Мы вняли клятвѣ сей,—и гордыя сердца
Въ восторгѣ пламенномъ летѣли вслѣдъ отца,
И смертью роковой горѣли и дрожали,
И россы предъ врагомъ твердыней грозной стали!..
Къ мечамъ!—раздался кликъ, и вихремъ понеслись,
Знамена восшумѣвъ по вѣтру развились,
Обнялся съ братомъ братъ, и милымъ дали руку
Младые ратники на грустную разлуку;
Сразились: воспылалъ свободы ярый бой,
И смерть хватала ихъ холодною рукой!..
А я... вдали громовъ, въ сѣни твоей надежной,
Я тихо расцвѣталъ, безпечный, безмятежный!
Увы! мнѣ не судилъ таинственный удѣлъ
Сражаться за тебя подъ градомъ вражьихъ стрѣлъ.
Сыны Бородина, о Кульмскіе герои!
Я видѣлъ, какъ на брань летѣли ваши строи;
Душой восторженной за братьями спѣшилъ,
Почто-жъ на бранный долъ я крови не пролилъ?
Почто, сжимая мечъ младенческой рукою,
Покрытый ранами, не палъ я предъ тобою
И славы подъ крыломъ на утрѣ не почилъ?
Почто великихъ дѣлъ свидѣтелемъ не былъ?
О, сколь величественъ, безсмертный, ты явился,
Когда на сильнаго съ сынами устремился,
И, челы приподнявъ изъ мрачности гробовъ,
Народы, падшіе подъ бременемъ оковъ,
Тяжелой цѣпію съ восторгомъ потрясали
И съ робкой радостью другъ друга вопрошали:
„Ужель свободны мы?.. Ужели грозный палъ?..
Кто смѣлый, кто въ громахъ на сѣверѣ возсталъ?"
И ветхую главу Европа преклонила,
Царя-спасителя колѣна окружила
Освобожденною отъ рабскихъ узъ рукой,
И власть мятежная исчезла предъ тобой!..
И нынѣ ты къ сынамъ, о царь нашъ, возвратился,
И край полуночи восторгомъ озарился!
Склони на свой народъ смиренья полный взглядъ:
Всѣ лица радостью, любовію блестятъ.
Внемли: повсюду вѣсть отрадная несется,
Повсюду гордый кликъ веселья раздается,
По стогнамъ шумъ, вездѣ сіяетъ торжество,
И ты среди толпы, Россіи божество!
Встрѣчать вождя побѣдъ летятъ твои дружины,
Старикъ, счастливый вѣкъ забывъ Екатерины,
Взираетъ на тебя съ безмолвною слезой.
Ты нашъ, о Русскій царь! оставь же шлемъ стальной

И грозный мечъ войны, и щитъ—ограду нашу,
Излей предъ Янусомъ [1]) священну мира чашу
И, брани сокрушивъ могущею рукой,
Вселенну осѣни желанной тишиной!..
И придутъ времена спокойствія златыя,
Покроетъ шлемы ржа и стрѣлы каленыя,
Въ колчанахъ скрытыя, забудутъ свой полетъ,
Счастливый селянинъ, не зная бурныхъ бѣдъ,
По нивамъ повлечетъ плугъ, миромъ изощренный,
Суда летучія, торговлей окрыленны,
Кормами разсѣкутъ свободный океанъ;
И юные сыны воинственныхъ славянъ
Спокойной праздности съ досадой предадутся
И молча нѣкогда вкругъ старца соберутся,
Преклонятъ жадный слухъ—и ветхимъ костылемъ
И станъ, и ратный строй, и дальній боръ съ холмомъ
На прахѣ начертитъ онъ медленно предъ ними,
Словами истины, свободными, простыми,
Имъ славу прошлыхъ лѣтъ въ разсказахъ оживитъ
И добраго царя въ слезахъ благословитъ.

А. Пушкинъ.

ЧИЖЪ И ЕЖЪ. [2])

Уединеніе любя,
Чижъ робкій на зарѣ чирикалъ про себя,
Не для того, чтобы похвалъ ему хотѣлось,
И не за что; такъ какъ-то пѣлось!
Вотъ, въ блескѣ и во славѣ всей,
Фебъ лучезарный изъ морей
Поднялся.
Казалось, что съ собой онъ жизнь принесъ всему,
И въ срѣтенье ему
Хоръ громкихъ соловьевъ въ густыхъ лѣсахъ раздался.
Мой Чижъ замолкъ.—„Ты что-жъ,“
Спросилъ его съ насмѣшкой Ежъ:
„Пріятель, не поешь?“
—„За тѣмъ, что голоса такого не имѣю,
Чтобъ Феба я достойно величалъ,“
Сквозь слезъ Чижъ бѣдный отвѣчалъ:
„А слабымъ голосомъ я Феба пѣть не смѣю.“

И. Крыловъ.

НАВОДНЕНІЕ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ. [1])

(изъ поэмы „Мѣдный Всадникъ.“)

(7 ноября 1824 г.)

Рѣдѣетъ мгла ненастной ночи,
И блѣдный день ужъ настаетъ...
Ужасный день!
Нева всю ночь
Рвалася къ морю противъ бури,
Не одолѣвъ ихъ буйной дури...
И спорить стало ей не въ мочь...
Поутру надъ ея брегами
Тѣснился кучами народъ,
Любуясь брызгами, горами
И пѣной разъяренныхъ водъ.
Но силой вѣтра отъ залива
Перегражденная Нева
Обратно шла гнѣвна, бурлива,
И затопляла острова;
Погода пуще свирѣпѣла;
Нева вздувалась и ревѣла,
Котломъ клокоча и клубясь,
И вдругъ, какъ звѣрь остервенясь,
На городъ кинулась. Предъ нею
Все побѣжало, все вокругъ
Вдругъ опустѣло... Воды вдругъ
Втекли въ подземные подвалы;
Къ рѣшеткамъ хлынули каналы—
И всплылъ Петрополь, какъ Тритонъ, [2])

---

[1]) **Янусъ**—богъ солнца и времени у латиновъ. Это божество считалось также охранителемъ мира. Врата храма Януса постоянно открывались въ военное время.

[2]) Когда послѣ взятія Парижа, говоритъ Вигель, Александръ возвратился въ Петербургъ, тогда вся восхищенная толпа поэтовъ въ честь и славу его возвысила свои искренніе, некупленные голоса. Крыловъ нашелъ средство въ маленькой премилой баснѣ «Чижъ и Ежъ» также воспѣть ему хвалу. (Воспоминанія, ч. IV, стран. 159).

[1]) Страшное бѣдствіе постигло Петербургъ въ ноябрѣ 1824 г. «Продолжительный морской вѣтеръ нагналъ массу воды въ Неву, и она, выступивъ изъ береговъ, разлилась по улицамъ и площадямъ столицы; угрожая людямъ всеобщимъ разрушеніемъ и уничтоженіемъ. Обломки деревянныхъ домовъ и утвари носились по улицамъ; катера спасали людей. Населеніе было въ страшной агоніи; видѣли ясно, что если морской вѣтеръ продолжится еще часа два, то городъ погибъ. Провидѣніе на этотъ разъ отклонило гибель; вѣтеръ началъ стихать и перемѣнять направленіе, вода убыла, но бѣдствія, которыя она оставила за собой, были огромны. Государь, въ порывѣ своей сострадательной души, работалъ неусыпно, какъ во время наводненія, такъ и послѣ него, посѣщая жилища бѣдняковъ и принося имъ помощь вещественную и утѣшеніе» (Е. Ковалевскій).

[2]) **Тритонъ**—морской богъ, сынъ и спутникъ Нептуна.

По поясъ въ воду погруженъ.
Осада! приступъ! злыя волны,
Какъ воры, лѣзутъ въ окна; челны
Съ разбѣга стекла бьютъ кормой;
Садки подъ мокрой пеленой,
Обломки хижинъ, бревна. кровли,
Товаръ запасливой торговли,
Пожитки блѣдной нищеты,
Грозой снесенные мосты,
Гроба съ размытаго кладбища
Плывутъ по улицамъ...
Народъ
Зритъ Божій гнѣвъ и казни ждетъ.
Увы! все гибнетъ: кровъ и пища.
Гдѣ будетъ взять?
Въ тотъ грозный годъ
Покойный царь еще Россіей
Со славой правилъ. На балконъ
Печаленъ, смутенъ вышелъ онъ
И молвилъ: „Съ Божіей стихіей
Царямъ не совладѣть!“ Онъ сѣлъ,
И въ думѣ скорбными очами
На злое бѣдствіе глядѣлъ.
Стояли стогны озерами,
И въ нихъ широкими рѣками
Вливались улицы. Дворецъ
Казался островомъ печальнымъ.
Царь молвилъ—изъ конца въ конецъ,
По ближнимъ улицамъ и дальнимъ,
Въ опасный путь средь бурныхъ водъ
Его пустились генералы [1])
Спасать и страхомъ обуялый
И дома тонущій народъ.

А. Пушкинъ.

КОНЧИНА ГОСУДАРЯ. [2])

(† 19 ноября 1825 г.)

(народная пѣсня)

Выѣзжаетъ Александръ нашъ свою армію смотрѣть:
Обѣщался Александръ нашъ къ Рождеству домой прибыть.
Всѣ праздники на проходѣ,—Александра дома нѣтъ.
„Пойду-выйду на ту башню, которая выше всѣхъ,
„Погляжу я въ ту сторонку, въ коей Александръ нашъ былъ!“
По Питерской дорожкѣ пыль столбомъ (она) стоитъ,
Пыль столбомъ (она) стоитъ, молодой курьеръ бѣжитъ.
„Я пойду-спрошу (курьера): „Ты куда, курьеръ, бѣжишь?
„Ты скажи-ка намъ (курьеръ) по Александру царя?“
— Вы скидайте алы шали, надѣвайте черной трауръ,
— Всю правдушку вамъ скажу про Александру царя:
— Нашъ Александръ императоръ въ Таганрогѣ жизнь скончалъ!—
(Что) двѣнадцать генераловъ на главахъ царя несутъ,
Вотъ не двое ли армейскихъ ворона коня ведутъ,
Не четыре ли гвардейскихъ со знаменами идутъ.

ПЛАЧЪ ВОЙСКА ПО ГОСУДАРѢ.

(народная пѣсня)

У Ивана было у Великаго,
Забили-зазвонили въ больши колоколы,
Чтобы слышали гласъ по всей Москвѣ,
По всей Москвѣ, по всей арміи:
Что преставился нашъ благовѣрный царь,
Александръ Павловичъ не въ своемъ дворцѣ,
Не въ своемъ дворцѣ, въ дальнемъ городѣ,
Въ дальнемъ городѣ, на теплыхъ водахъ,
На Таганрогѣ—лёгкихъ воздухахъ.
Молодой солдатъ на часахъ стоялъ,
На часахъ стоялъ, онъ ружьё держалъ,
Поклонилъ свою буйну голову ко сырой землѣ,
Улѣпилъ копье во сыру землю:
„Разступися-ка, матушка сыра земля,

Онъ изображался полу-человѣкомъ, полу-рыбой, съ рогомъ изъ раковинъ, въ который онъ трубитъ.

[1]) Графъ Милорадовичъ и генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ.

[2]) 13 сентября 1825 г. императоръ Александръ Павловичъ пріѣхалъ въ Таганрогъ, гдѣ лѣчилась супруга его Елисавета Алексѣевна. Здоровье государыни значительно улучшилось, и государь въ октябрѣ отправился въ Крымъ, но тамъ захворалъ лихорадкой, почему и поспѣшилъ возвратиться въ Таганрогъ. Страданія государя усиливались съ каждымъ днемъ, а 19 ноября въ 10 ч. 50 м. утра его не стало. Вѣсть о смерти Александра Павловича пронеслась по Россіи глухимъ, тревожнымъ гуломъ, и только 27 ноября дошла она до Петербурга. «Шествіе погребальной колесницы съ тѣломъ усопшаго императора сопровождалось цѣлымъ народомъ, стекавшимся изъ отдаленныхъ мѣстъ,—отдать послѣдній долгъ покойному.»

„Развернися-ка, золота парча,
„Откройся-ка, гробова доска!
„Ты встань-ка, встань, нашъ благовѣрный царь,
„Ты взгляни-взгляни да по всей Русѣ:
„По всей Русѣ, своей арміи,
„Своей арміи, по любезной конной гвардіи.
„А тебѣ несутъ съ церемонію,
„Съ церемоніи, со великою,
„Несутъ ко приходу ли, ко собору ли,
„Ко собору ли, ко Божіей церкви!"

НАДПИСИ КЪ БЮСТУ АЛЕКСАНДРА I-го.

I.

Потомство! Россіянъ завидуй торжеству:
Монархъ ихъ возвратилъ народамъ чуждымъ правы,
Европѣ миръ, царямъ достоинство державы
И храмы Божеству.

И. Дмитріевъ.

II.

Мужъ твердый въ бѣдствіяхъ и скромный побѣдитель,
Какой вѣнецъ ему, какой ему алтарь?
Вселенная! пади предъ нимъ, онъ твой спаситель;
Россія! имъ гордись—онъ сынъ твой, онъ твой царь!

Кн. П. Вяземскій.

III.

Вотъ онъ—Россіи честь и слава, даръ небесъ,
Великій Александръ, полночный Геркулесъ!
Не міра древняго надменный повелитель,
Но кроткій счастія народнаго зиждитель.

Восточный Александръ державы разрушалъ,
А сѣверный—царямъ престолы возвращалъ,
Восточный—былъ бичомъ и ужасомъ вселенной,
А сѣверный—щитомъ Европы, имъ спасенной.
Къ восточному—вражду питали Бактра, Тиръ,
А сѣвернаго—весь благословляетъ міръ.

Гдѣ ты, отечества отецъ чадолюбивый,
Премудрый, доблестный, и щедрый, и правдивый,
Возстановитель царствъ, поборникъ алтарей,
Блюститель истины, защитникъ, другъ людей?
Гдѣ ангелъ кротости?.. Слѣды—увы—могила!
Во гробѣ плоть,—душа на небо воспарила.

Но, смерть, не торжествуй!.. Не все ты отняла:
Живутъ для насъ царя безсмертныя дѣла.
Скорѣе лезвіе косы своей изгложешь,
Чѣмъ ихъ изъ памяти родовъ изгладить можешь.

А. Мартыновъ.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I ПАВЛОВИЧЪ.

(1825 г.—1855 г.)

Прошла пора: чудясь узрѣли насъ
И Араратъ, и Тавра великаны;
И близокъ былъ Стамбула смертный часъ:
Нашъ богатырь шагнулъ черезъ Балканы.
Знамена развернулъ мятежъ;
Насъ позвалъ ляхъ на пиръ кровавый;
Но пиръ былъ данъ на полѣ славы,
Гдѣ слѣдъ нашъ памятенъ и свѣжъ!..
И гости пира были тѣ-жъ;
И та-жъ судьба была Варшавы.

В. Жуковскій.

ПАСКЕВИЧЪ. [1]

(народная пѣсня)

Не двѣ тучи, не двѣ грозны по поднебесью идутъ,
Наши храбрые солдаты въ барабаны марши бьютъ.

[1]) Графъ **Иванъ Өедоровичъ Паскевичъ-Эриванскій, князь Варшавскій** (род. 1782 г.—† 1856 г.), участникъ

Они марши маршируютъ, промежду собой говорятъ:
„Трудно, трудно намъ, ребята, Эривань намъ городъ брать,
„Намъ еще того труднѣе—намъ подъ пушки подходить!“
Мы подъ пушки подходили, закричали всѣ: „Ура!“
Графъ Паскевичъ Эриванскій громкимъ голосомъ вскричалъ:
„Не робейте вы, солдаты, потряслися стѣны вонъ!
„Вы, прокляты персіяне, покоритесь всѣ вы намъ:
„Не покоритесь вы намъ, пропадете, какъ трава!“
Наши бодры какъ солдаты! что то храбро говорятъ:
„Доберёмся мы, ребята, мы до турка самого!
„Въ Царѣ-градѣ не найдемъ,—въ острова за нимъ пойдемъ,
„Въ острова за нимъ пойдемъ, на аркапѣ его приведемъ!“

ОЛЕГОВЪ ЩИТЪ. [1]

Когда ко граду Константина
Съ тобой, воинственный варягъ,—
Пришла славянская дружина
И развила побѣды стягъ,
Тогда во славу Руси ратной,
Строптиву греку въ стыдъ и страхъ,
Ты пригвоздилъ свой щитъ булатный
На цареградскихъ воротахъ.

Настали дни вражды кровавой;
Твой путь мы снова обрѣли;
Но днесь, когда мы вновь со славой
Къ Стамбулу грозно притекли,
Твой холмъ потрясся съ браннымъ гуломъ,
Твой стонъ ревнивый насъ смутилъ,
И нашу рать передъ Стамбуломъ
Твой старый щитъ остановилъ.

А. Пушкинъ.

ЭДЫРНЕ. [1]

Эдырне! на стройныхъ мечетяхъ твоихъ
Орелъ возвышался двухглавый;
Онъ вновь улетаетъ; но вѣчно на нихъ
Останутся отблески славы!
И турокъ въ мечтахъ будетъ зрѣть предъ собой,
Тѣнь крыльевъ Орла надъ померкшей Луной!

А. Хомяковъ.

КЛЕВЕТНИКАМЪ РОССІИ. [2]

О чемъ шумите вы, народные витіи?
Зачѣмъ анаѳемой грозите вы Россіи?
Что возмутило васъ? Волненія Литвы?
Оставьте: это споръ славянъ между собою,
Домашній, старый споръ, ужъ взвѣшенный судьбою;
Вопросъ, котораго не разрѣшите вы.
Уже давно между собою
Враждуютъ эти племена;
Не разъ клонилась подъ грозою
То ихъ, то наша сторона.
Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ:
Кичливый ляхъ, иль вѣрный россъ?
Славянскіе-ль ручьи сольются въ русскомъ морѣ?
Оно-ль изсякнетъ?—Вотъ вопросъ.
Оставьте насъ: вы не читали
Сіи кровавыя скрижали;
Вамъ не понятна, вамъ чужда
Сія семейная вражда;
Для васъ безмолвны Кремль и Прага;

кампаніи турецкой, 1812, 13 и 14 годовъ, особенно прославилъ себя при императорѣ Николаѣ Павловичѣ рядомъ побѣдъ, одержанныхъ имъ въ войнахъ: персидской, турецкой и польской. Въ первую войну онъ взялъ неприступную крѣпость Эривань, во вторую—Карсъ, Ахалцыхъ, Ардаганъ, Баязетъ, Арзерумъ и др. крѣпости, въ третью—Волю, предмѣстье Варшавы, а на другой день и самую Варшаву. Въ 1849 г., въ лѣтахъ уже преклонныхъ, онъ отправился въ Венгрію, гдѣ вспыхнуло возстаніе, и въ два мѣсяца окончилъ кампанію.

[1]) Стихотвореніе написано въ 1829 г. Русскіе подъ командою Дибича, послѣ побѣдъ надъ турками и взятія Адріанополя, обхватывали уже своими войсками Константинополь и распространяли въ немъ ужасъ, когда султанъ прислалъ уполномоченныхъ, и былъ заключенъ Адріанопольскій миръ въ 1829 г.

[1]) *Эдырне*—турецкое названіе Адріанополя, значительнѣйшаго послѣ Константинополя города Европейской Турціи.

[2]) Ода *Клеветникамъ Россіи* написана въ 1831 г., во время польскаго возстанія; когда противъ Россіи раздавались вопли депутатовъ въ парламентахъ и вопли въ иностранной журналистикѣ. Превосходная ода эта произвела въ Россіи сильное впечатлѣніе. Главная мысль ея: *Россія не боится своихъ враговъ*. Все стихотвореніе проникнуто сильнымъ и глубокимъ чувствомъ русскаго патріота, который возмущенъ наглыми и несправедливыми нападками враговъ на честь и достоинство его отечества и въ то же время убѣжденъ въ его силѣ, славѣ и могуществѣ.

Безсмысленно прельщаетъ васъ
Борьбы отчаянной отвага—
И ненавидите вы насъ...
За что-жъ? отвѣтствуйте: за то ли,
Что на развалинахъ пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, подъ кѣмъ дрожали вы?
За то-ль, что въ бездну повалили
Мы тяготѣющій надъ царствами кумиръ,
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и миръ?
Вы грозны на словахъ—попробуйте на дѣлѣ!

Отъ финскихъ хладныхъ скалъ, до пламенной Колхиды,
Отъ потрясеннаго Кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанетъ Русская земля?—
Такъ высылайте-жъ къ намъ, витіи,
Своихъ озлобленныхъ сыновъ:
Есть мѣсто имъ въ поляхъ Россіи,
Среди нечуждыхъ имъ гробовъ.

А. Пушкинъ.

Николай Павловичъ.

Иль старый богатырь, покойный на постелѣ,
Не въ силахъ завинтить свой измаильскій штыкъ?
Иль Русскаго царя уже безсильно слово?
Иль намъ съ Европой спорить ново?
Иль русскій отъ побѣдъ отвыкъ?
Иль мало насъ? Или отъ Перми до Тавриды,

ПОХОДЪ ПОДЪ ВАРШАВУ.

(народная пѣсня)

Ночи тёмныя, тучи грозныя
По поднебёсью идутъ:
Наши храбрые солдаты
Тихимъ маршикомъ идутъ.

Они идутъ—маршируютъ,
Промежъ себя говорятъ:
„Трудно, трудно намъ, братцы, солдатамъ,
„Намъ Варшаву-городъ взять:
„Что труднѣй того не будетъ—
„Намъ подъ пушки подбѣжать!“
Какъ пріѣхалъ графъ Паскевичъ,
Сорокъ пушекъ заряжалъ,
Закричалъ графъ Паскевичъ
Своимъ громкимъ голосомъ:
„Ужъ вы бейте, не робѣйте,
„Поддаются стѣны намъ!
„Распроклятые шельмы поляки,
„Покоритеся вы намъ!
„Если вы не покоритесь,
„Пропадёте, что трава:
„Мы васъ порубимъ, посѣчемъ,
„Во полонъ съ собой возьмемъ.

НА ВЗЯТІЕ ВАРШАВЫ.

(26 августа 1831 г.)

Какъ дочь родную на закланье
Агамемнонъ богамъ принесъ,
Моля попутныхъ бурь дыханья
У негодующихъ небесъ: [1])

Такъ мы надъ горестной Варшавой
Ударъ свершили роковой,
Да купимъ сей цѣной кровавой
Россіи цѣлость и покой.

Но прочь отъ насъ вѣнецъ безславья,
Сплетенный рабскою рукой:
Не за коранъ самодержавья
Кровь русская лилась рѣкой.

Нѣтъ, насъ одушевляло къ бою
Не чревобѣсіе меча,
Не звѣрство янычаръ ручное
И не покорность палача!

Другая мысль, другая вѣра
У русскихъ билася въ груди:
Грозой спасительной примѣра
Державы цѣлость соблюсти;

Славянъ родныя поколѣнья
Подъ знамя русское собрать
И весть на подвигъ просвѣщенья
Единомысленную рать.

И это высшее сознанье
Вело нашъ доблестный народъ,
Путей небесныхъ оправданье,
Онъ смѣло на себя беретъ.

Онъ чуетъ надъ своей главою
Звѣзду въ незримой высотѣ,
И неуклонно за звѣздою
Идетъ къ таинственной метѣ.

Ты-жъ, братскою стрѣлой пронзенный,
Судебъ свершая приговоръ,
Ты палъ, орелъ одноплеменный,
На очистительный костеръ!

Вѣрь слову русскаго народа:
Твой пеплъ мы свято сбережёмъ,
И наша общая свобода,
Какъ фениксъ, возродится въ немъ.

Ѳ. Тютчевъ.

БОРОДИНСКАЯ ГОДОВЩИНА. [1])

Великій день Бородина
Мы братской тризной поминая,
Твердили: „шли же племена,
Бѣдой Россіи угрожая,
Не вся-ль Европа тутъ была?
А чья звѣзда ее вела!..
Но стали-жъ мы пятою твердой
И грудью приняли напоръ
Племенъ, послушныхъ волѣ гордой,
И равенъ былъ неравный споръ.

И что-жъ? Свой бѣдственный побѣгъ
Кичась они забыли нынѣ;
Забыли русскій штыкъ и снѣгъ,
Погребшій славу ихъ въ пустынѣ.
Знакомый пиръ ихъ манитъ вновь—
Хмельна для нихъ славяновъ кровь;
Но тяжко будетъ имъ похмелье,
Но дологъ будетъ сонъ гостей

---

[1]) **Агамемнонъ**—царь города Микены, на восточной сторонѣ Пелопенеса. Греки, вознамѣрившись итти противъ Трои, поручили ему главное начальство надъ войскомъ. Отправляясь въ походъ, они были остановлены противнымъ вѣтромъ и обратились съ мольбою къ богамъ, которые повелѣли имъ принести **Ифигенію**, дочь Агамемнона, въ жертву Діанѣ, богинѣ охоты. Въ ту самую минуту, какъ смертоносный ударъ готовъ былъ поразить жертву, Діана, сжалившись надъ участью Ифигеніи, замѣнила ее тельцомъ. Послѣ этого Ифигенія надзирала за храмомъ Діаны въ Тавридѣ и приносила ей въ жертву чужеземцевъ.

[1]) Стихотвореніе написано Пушкинымъ тотчасъ по полученіи извѣстія о взятіи Варшавы, которое совпало съ годовщиною Бородинской битвы.

На тѣсномъ, хладномъ новосельѣ,
Подъ злакомъ сѣверныхъ полей!

„Ступайте-жъ къ намъ: васъ Русь зоветъ!
Но знайте, прошеные гости,
Ужъ Польша васъ не поведетъ:
Черезъ ея шагнете кости!..“
Сбылось—и, въ день Бородина,
Вновь наши вторглись знамена
Въ проломы падшей вновь Варшавы;
И Польша, какъ бѣгущій полкъ,
Во прахъ бросаетъ стягъ кровавый—
И бунтъ раздавленный умолкъ.

Въ бореньи падшій невредимъ;
Враговъ мы въ прахѣ не топтали;
Мы не напомнимъ нынѣ имъ
Того, что старыя скрижали
Хранятъ въ преданіяхъ нѣмыхъ;
Мы не сожжемъ Варшавы ихъ;
Они народной Немезиды [1])
Не узрятъ гнѣвнаго лица,
И не услышатъ пѣснь обиды
Отъ лиры русскаго пѣвца.

Но вы, мутители палатъ,
Легкоязычные витіи,
Вы, черни бѣдственный набатъ,
Клеветники, враги Россіи!
Что взяли вы?.. Еще ли россъ
Больной, разслабленный колоссъ?
Еще ли сѣверная слава
Пустая притча, лживый сонъ?
Скажите: скоро-ль намъ Варшава
Предпишетъ гордый свой законъ?

Куда отдвинемъ строй твердынь?
За Бугъ, до Ворсклы, до Лимана?
За кѣмъ останется Волынь?
За кѣмъ наслѣдіе Богдана?
Признавъ мятежныя права,
Отъ насъ отторгнется-ль Литва?
Нашъ Кіевъ дряхлый, златоглавый,
Сей пращуръ русскихъ городовъ,
Сроднитъ ли съ буйною Варшавой
Святыню всѣхъ своихъ гробовъ?

Вашъ бурный шумъ и хриплый крикъ
Смутили-ль Русскаго владыку?
Скажите, кто главой поникъ?
Кому вѣнецъ: мечу иль крику?
Сильна ли Русь?—Война, и моръ,
И бунтъ, и внѣшнихъ бурь напоръ
Ее бѣснуясь потрясали—
Смотрите-жъ: все стоитъ она!
А вкругъ нея волненья пали—
И Польши участь рѣшена...

Побѣда! сердцу сладкій часъ!
Россія, встань и возвышайся!
Греми, восторговъ общій гласъ!..
Но тише, тише раздавайся
Вокругъ одра, гдѣ онъ лежитъ,
Могучій мститель злыхъ обидъ,
Кто покорилъ вершины Тавра,
Предъ кѣмъ смирилась Эривань,
Кому суворовскаго лавра
Вѣнокъ сплела тройная брань.

Возставъ изъ гроба своего,
Суворовъ видитъ плѣнъ Варшавы;
Вострепетала тѣнь его
Отъ блеска имъ начатой славы!
Благословляетъ онъ, герой,
Твое страданье, твой покой,
Твоихъ сподвижниковъ отвагу,
И вѣсть тріумфа твоего,
И съ ней летящаго за Прагу
Младого внука своего. [1])

А. Пушкинъ.

НА СМЕРТЬ ПУШКИНА [2]).

(29 января 1837 г.).

Погибъ поэтъ, невольникъ чести,
Палъ оклеветанный молвой,
Съ свинцомъ въ груди и съ жаждой мести
Поникнувъ гордой головой.

---

[1]) **Немезида**—греческая богиня наказывающей и награждающей справедливости. Она изображается съ строгимъ выраженіемъ лица, окрыленною и стоящею на колесѣ. Въ одной рукѣ у нея узда, эмблема удерживанія противозаконныхъ дѣяній, въ другой—вѣсы, эмблема справедливаго воздаянія. Колесо и крылья показываютъ, съ какою быстротою наказаніе слѣдуетъ за порокомъ.

[1]) Двѣ послѣднія строфы относятся къ графу Паскевичу—Эриванскому свѣтлѣйшему князю Варшавскому.

[2]) Русскій величайшій поэтъ **Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ** (род. 26 мая 1799 г. въ Москвѣ—† 29 января 1837 г. въ Петербургѣ) былъ убитъ на дуэли Дантесомъ (Гекерномъ) и погребенъ въ Святогорскомъ монастырѣ Псковской губерніи.. Пушкинъ писалъ во всѣхъ родахъ поэзіи и всегда оставался самобытнымъ, неподражаемымъ художникомъ. Своимъ поэтическимъ геніемъ онъ могъ переноситься во всѣ страны, ко всѣмъ народамъ, во всѣ времена и всегда былъ вѣренъ дѣйствительности и геніальнымъ выразителемъ художественной идеи. Изящная простота, искренность чувства, гармонія неподражаемаго

Не вынесла душа поэта
Позора мелочныхъ обидъ;
Возсталъ онъ противъ мнѣній свѣта
Одинъ, какъ прежде—и убитъ!
Убитъ!... Къ чему теперь рыданья,
Похвалъ и слезъ ненужный хоръ
И жалкій лепетъ оправданья?—
Судьбы свершился приговоръ!

Не вы-ль сперва такъ долго гнали
Его свободный, чудный даръ
И, для потѣхи, возбуждали
Чуть затаившійся пожаръ?...

Что-жъ? веселитесь!... Онъ мученій
Послѣднихъ перенесть не могъ.
Угасъ, какъ свѣточъ, дивный геній,
Увялъ торжественный вѣнокъ!...
Его убійца хладнокровно
Навелъ ударъ,—спасенья нѣтъ:
Пустое сердце бьется ровно,
Въ рукѣ не дрогнетъ пистолетъ.
И что за диво?... Издалека,
Подобно сотнямъ бѣглецовъ,
На ловлю счастья и чиновъ
Заброшенъ къ намъ по волѣ рока,
Смѣясь онъ дерзко презиралъ
Земли чужой языкъ и нравы:
Не могъ щадить онъ нашей славы,
Не могъ понять въ сей мигъ кровавый,
На что онъ руку подымалъ!

М. Лермонтовъ.

стиха его извѣстны всѣмъ читающимъ на Руси людямъ. Пушкинъ окончательно довершилъ преобразованіе нашего литературнаго языка, освободивъ его отъ ложнаго классицизма (Отто и Купріяновъ. *Біограф. очерки*). Поэтъ самъ прекрасно понималъ свою заслугу, почему и могъ вполнѣ справедливо сказать о себѣ:

Я памятникъ воздвигъ себѣ нерукотворный;
Къ нему не заростетъ народная тропа.

и далѣе:

Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ.

Благодарное потомство соорудило безсмертному поэту своему памятникъ въ Москвѣ, на Тверскомъ бульварѣ, и недавно торжественно отпраздновало 50-тилѣтіе, истекшее со дня его кончины.

БОРОДИНСКАЯ ГОДОВЩИНА[1]).

(26 августа 1839 г.)

«Ребята! Передъ вами памятникъ, свидѣтельствующій о славномъ подвигѣ вашихъ товарищей! Здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ, за 27 лѣтъ передъ симъ, надменный врагъ возмечталъ побѣдить русское войско, стоявшее за Вѣру, Царя и Отечество. Богъ наказалъ безразсуднаго: отъ Москвы до Нѣмана разметаны кости дерзкихъ пришельцевъ и мы вошли въ Парижъ. Теперь настало время воздать славу великому дѣлу. И такъ да будетъ память вѣчная безмертному для насъ Императору Александру I. Его твердою волею спасена Россія. Вѣчная слава падшимъ геройскою смертію товарищамъ нашимъ и да послужитъ подвигъ ихъ примѣромъ и позднѣйшему потомству. Вы же всегда будете надеждою и оплотомъ вашему Государю и общей матери нашей—Россіи».

Высочайшій приказъ по войскамъ.

Русскій царь созвалъ дружины
Для великой годовщины
На поляхъ Бородина.
Тамъ земля окрещена:

---

[1]) Въ концѣ августа 1839 г., по волѣ императора Николая Павловича, съ большимъ торжествомъ, была отпразднована Бородинская годовщина. Къ срединѣ августа въ окрестностяхъ Бородина сосредоточилось со всѣхъ концовъ Россіи до 120,000 войска при 264 пушкахъ, прибыли самъ императоръ, государь наслѣдникъ (17 августа) и иностранные принцы, собрались и всѣ почти ветераны 1812 года. 26 августа состоялось открытіе памятника, у подножія котораго находится могила одного изъ славнѣйшихъ героевъ Бородина Багратіона, прахъ котораго былъ перевезенъ къ этому времени изъ Владимирской губерніи. 29 августа происходили небывалые до тѣхъ поръ маневры, воспроизводившіе во всѣхъ существен-

Кровь по ней лилась святая;
Тамъ престолъ и Русь спасая,
Войско цѣлое легло—
И престолъ, и Русь спасло.

Какъ ярилась, какъ кипѣла,
Какъ пылала, какъ гремѣла
Здѣсь народная война
Въ страшный день Бородина!
На полки полки бросались,
Холмы въ громахъ загорались,
Бомбы падали дождемъ,
И земля тряслась кругомъ.

А теперь пора иная:
Благовонно-золотая
Жатва блещетъ по холмамъ;
Гдѣ упорнѣй бились—тамъ
Мирныхъ инокинь обитель:
И одинъ остался зритель
Сихъ кипѣвшихъ бранью мѣстъ,
Всѣхъ рѣшитель браней—крестъ.

И на пиръ поминовенья
Рать другого поколѣнья,
Новымъ славнымъ ужъ царемъ
Собрана на мѣстѣ томъ,
Гдѣ предмѣстники ихъ бились,
Гдѣ столь многія свершились
Чудной храбрости дѣла,
Гдѣ земля ихъ прахъ взяла.

Также рать числомъ обильна,
Также мужество въ ней сильно,
Тѣ-жъ полки, тѣ-жъ знамена,
И полковъ тѣхъ имена—
А въ рядахъ другіе стали,
И серебряной медали,
Прежнимъ данной имъ царемъ,
Не видать ужъ ни на комъ.

И вождей ужъ прежнихъ мало:
Много въ день великій пало
На землѣ Бородина;
Позже тѣхъ взяла война;
Тѣ, свершивъ въ Парижѣ тризну
По Москвѣ и рать въ отчизну
Проводивши отъ земли,
Къ храбрымъ братьямъ отошли.

Гдѣ Смоленскій, вождь спасенья?
Гдѣ герой, примѣръ смиренья,
Введшій рать въ Парижъ—Барклай?
Гдѣ и свой и чуждый край
Дерзкой бодростью дивившій
И подъ старость сохранившій
Все, что въ молодости есть—
Коновницынъ, ратныхъ честь?

Неподкупный, неизмѣнный,
Хладный вождь въ грозѣ военной,
Жаркій самъ подъ часъ боецъ,
Въ дни спокойные мудрецъ,
Гдѣ Раевскій? Витязь Дона,
Русской рати оборона,
Непріятелю арканъ,
Гдѣ нашъ вихорь—атаманъ?

Гдѣ наѣздникъ, вождь летучій,
Съ кѣмъ врагу былъ страшной тучей
Русскихъ тылъ и авангардъ,
Нашъ Роландъ [1]) и нашъ Баярдъ [2])—
Милорадовичъ? Гдѣ славный
Дохтуро́въ, отвагой равный
И въ Смоленскѣ на стѣнѣ,
И въ святомъ Бородинѣ?

И другихъ взяла судьбина:
Въ боѣ зрѣвъ погибель сына,
Рано Строгановъ увялъ;
Нѣтъ Сенъ-При [3]); Ланской нашъ палъ;

ныхъ чертахъ движенія войскъ во время Бородинской битвы. 30 августа всѣ ветераны 1812 г. были приглашены къ высочайшему столу, а 3 сентября государь уѣхалъ въ Москву. Очевидецъ сего праздненства В. А. Жуковскій просто и поэтично описалъ его въ письмѣ своемъ къ великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ.

[1]) **Роландъ**—знаменитое лицо въ рыцарскихъ романахъ. Однажды, возвращаясь на родину (въ Испанію), онъ былъ атакованъ сарацинами и басками. Уступая числу, Роландъ затрубилъ въ трубу съ такою силою, что шейные мускулы его порвались, а чтобы не видѣть своей шпаги въ рукахъ непріятеля, онъ бросилъ ее въ скалу долины Ронсево; шпага пробила гору и открыла проходъ названный *Брешью Роланда*. Память о Роландѣ увѣковѣчилъ италіанскій поэтъ Аріосто поэмой своей «Rolando furioso» (*«Бѣшеный Роландъ»*).

[2]) **Баярдъ** (Pierre du Ferrail, seigneur de Bàyard), извѣстный подъ именемъ *рыцаря безъ страха и укоризны* (род. 1476 г.—† 1524 г.), изъ всѣхъ героевъ среднихъ вѣковъ одинъ заслуживаетъ безусловныхъ похвалъ и удивленія. Замѣчательна его кончина: когда въ атакѣ на испанцевъ мушкетный выстрѣлъ раздробилъ поясницу Баярда, онъ приказалъ прислонить себя къ дерезу, лицомъ къ непріятелю. «Я никогда не оборачивался спиною къ непріятелю, сказалъ онъ, и не хочу дѣлать этого въ послѣднія свои минуты». Потомъ поцѣловалъ крестъ своего меча, исповѣдался, утѣшалъ своихъ приближенныхъ и возбудилъ невольное сожалѣніе въ самихъ непріятеляхъ, которые, по кончинѣ Баярда, набальзамировали его тѣло и возвратили французамъ (С. Маркевичъ. *Энциклопед. лексиконъ*, т. V, стр. 142—44).

[3]) Графъ **Эммануилъ Сенъ-При** состоялъ начальникомъ штаба 2-ой арміи; получилъ жестокую контузію подъ Бородинымъ и палъ въ войнѣ 1814 г.

Кончилъ Тòрмасовъ; могила
Невѣровскаго [1]) сокрыла;
Въ гробѣ старецъ Ланжеронъ, [2])
Въ гробѣ старецъ Бенингсонъ.

И боецъ, сынъ Апполона...
Мнилъ онъ гробъ Багратіона
Проводить въ Бородино—
Той награды не дано:
Вмигъ Давыдова не стало! [3])
Сколько славныхъ съ нимъ пропало
Боевыхъ преданій намъ!
Какъ въ немъ друга жаль друзьямъ!

И тебя мы пережили,
И тебя мы схоронили,
Ты, который тронъ и насъ
Твердымъ словомъ царскимъ спасъ,
Вождь вождей, царей диктаторъ,
Нашъ великій императоръ!
Міра свѣтлая звѣзда—
И твоя пришла чреда!

О, гóдина русской славы!
Какъ тѣснились къ намъ державы!
Царь нашъ съ ними въ чести шелъ.
Какъ спасительно онъ велъ
Рать Москвы къ врагамъ въ столицу!
Какъ незлобно онъ десницу
Протянулъ врагамъ своимъ!
Какъ гордился русскій имъ!

Вдругъ отъ всѣхъ частей далеко,
Въ бѣдномъ краѣ одиноко
Передъ плачущей женой
Нашъ владыка, нашъ герой,

Гаснетъ царь благословенный...
И за гробомъ сокрушенно,
Въ погребальный слившись ходъ,
Вся имперія идетъ.

И его какъ не бывало,
Передъ кѣмъ все трепетало [1])...
Есть далекая скала;
Вкругъ скалы морская мгла;
Съ моремъ степь слилась другая,
Бездна неба голубая;
Къ той скалѣ путь загражденъ:
Тамъ зарытъ Наполеонъ.

Много съ тѣхъ временъ, столь чудныхъ,
Дней блистательныхъ и трудныхъ
Съ новымъ зрѣли мы царемъ:
До Стамбула русскій громъ
Былъ доброшенъ по Балкану;
Миромъ мстили мы султану;
И вскатилъ на Араратъ
Пушки храбрый нашъ солдатъ.

И все царство Митридата [2])
До подошвы Арарата
Взялъ нашъ сѣверный Аяксъ;
Русской гранью сталъ Араксъ;
Арзерумъ сдался намъ дикій;
Закипѣлъ мятежъ великій,
Предъ Варшавой сталъ нашъ фрунтъ—
И съ Варшавой рухнулъ бунтъ.

И—нежданная отрада—
Флотъ нашъ былъ у стѣнъ Царьграда;

---

[1]) Генералъ-лейтенантъ **Дмитрій Петровичъ Невѣровскій** (род. 1771 г.—† 1813 г.) въ началѣ Отечественной войны, въ битвѣ подъ Краснымъ устоялъ съ своей дивизіей противъ 40 яростныхъ непріятельскихъ атакъ, пробился сквозь окружившія его со всѣхъ сторонъ громады кавалеріи и, «отступивъ какъ левъ» присоединился на другой день съ Раевскимъ, съ которымъ и раздѣлилъ славу упорной защиты Смоленска. Подъ Бородинымъ дивизія Невѣровскаго выдержала кровопролитнѣйшій бой на лѣвомъ крылѣ нашей позиціи; самъ командиръ былъ контуженъ въ грудь и въ лѣвый бокъ ядромъ, но, пренебрегая раною, не оставлялъ поля битвы. Подъ Лейпцигомъ онъ былъ смертельно раненъ.

[2]) Графъ **Александръ Өедоровичъ Ланжеронъ** (род. 1763 г.—† 1831 г.) участвовалъ во всѣхъ кампаніяхъ при Александрѣ I, а въ Отечественную войну находился въ нѣсколькихъ дѣлахъ съ непріятелями и потомъ былъ въ преслѣдованіи ихъ отъ Березины до Нѣмана. Въ Лейпцигское сраженіе онъ былъ однимъ изъ вождей, способствовавшихъ взятію города.

[3]) Почетная обязанность сопровождать останки Багратіона на Бородинское поле возложена была на его бывшаго адъютанта Д. В. Давыдова. Но Давыдовъ умеръ, не доживъ до желаннаго дня.

[1]) Наполеонъ Бонапартъ умеръ отъ рака въ желудкѣ на о-вѣ Св. Елены вечеромъ 5 мая 1821 г. въ 6 час. безъ 11-ти минутъ. Послѣднія слова Наполеона «tête d' armèe» (фронтъ арміи), сказанныя въ бреду, показываютъ, что мысли его блуждали въ пылу битвы. Нашъ поэтъ Н. Бергъ такъ описываетъ кончину развѣнчаннаго изгнанника:

Лежитъ герой на ложѣ блѣдный,
Лежитъ безжизненenъ и тихъ.
Кругомъ друзья, ихъ ликъ туманенъ,
Застыли слезы въ ихъ очахъ;
У изголовья англичанинъ
Сидитъ, какъ воронъ, на часахъ.
Врачъ молвилъ: «Кесарь умираетъ....
Онъ умеръ... плачьте!» Гудсонъ Ловъ
Одинъ спокойно повторяетъ:
«Скончался ровно въ шесть часовъ».

Сиръ **Гудсонъ Лоу**—губернаторъ о-ва св. Елены.

[2]) **Митридатъ**, владѣя въ Малой Азіи небольшимъ царствомъ на берегу Чернаго моря—Понтомъ, задумалъ овладѣть всей Малой Азіей и изгнать оттуда римлянъ, уже владѣвшихъ зап. частью этого полуострова. Въ борьбѣ съ Римомъ Митридатъ потерпѣлъ пораженіе. Не только Понтійское царство, но и вся Малая Азія окончательно подчинилась Риму. (Я. Г. Гуревичъ *Исторія Греціи и Рима*).

И съ турецкихъ береговъ,
Въ память сѣверныхъ орловъ,
Русскій сторожъ на Босфорѣ,
Оградясь въ завѣтномъ морѣ,
Мавзолей нашъ говоритъ:
„Здѣсь былъ русскій станъ разбитъ!“

Всходитъ дневное свѣтило
Такъ же ясно, какъ всходило
Въ чудный день Бородина.
Рать въ колонны собрана,
И сіяетъ передъ ратью
Крестъ небесной благодатью,
И подъ нимъ, въ виду колоннъ,
Въ гробѣ спитъ Багратіонъ.

Здѣсь онъ палъ, Москву спасая,
И—далеко умирая—
Слышалъ вѣсть: Москвы ужъ нѣтъ.
И опять онъ здѣсь, одѣтъ
Въ гробѣ дивною бронею,
Бородинскою землею—
И великій въ гробѣ сонъ
Видитъ вождь Багратіонъ.

Въ этотъ часъ тогда здѣсь бились,
И враги ярясь ломились
На холмы Бородина;
А теперь ихъ тишина
Небомъ полная объемлетъ,
И какъ будто бы подъемлетъ
Изъ-за гроба голосъ свой
Рать усопшая къ живой.

Несказанное, мгновенье!
Лишь изрекъ, свершивъ моленье,
Предстоявшій алтарю:
„Память вѣчная царю!“
Вдругъ обгрянулъ залпъ единый
Бородинскія вершины,
И въ одинъ великій гласъ
Вся съ нимъ армія слилась.

Память вѣчная, нашъ славный,
Нашъ смиренный, нашъ державный,
Нашъ спасительный герой!
Ты обѣтъ изрекъ святой;
Слово съ трона роковое
Повторилось въ дивномъ боѣ
На поляхъ Бородина:
Имъ Россія спасена!

Память вѣчная вамъ, братья!
Рать младая къ вамъ объятья
Простираетъ въ глубь земли:
Нашу Русь вы намъ спасли;
Въ свой чередъ мы грудью станемъ;
Въ свой чередъ мы васъ помянемъ,
Если царь велитъ отдать
Жизнь за общую намъ мать.

В. Жуковскій.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О КРЫЛОВѢ. [1]

(открытіе памятника 14 мая 1855 г.)

Забавой онъ людей исправилъ,
Сметая съ нихъ пороковъ пыль;
Онъ баснями себя прославилъ,
И слава эта—наша быль.
И не забудутъ этой были,
Пока по-русски говорятъ:
Ее давно мы затвердили,
Ее и внуки затвердятъ.

Князь П. Вяземскій.

Довольно и бѣглаго взгляда:
Возсѣлъ—вы узнали безъ словъ—
Средь зелени Лѣтняго сада
Отлитый изъ бронзы Крыловъ,—
И видимо въ думѣ глубокъ онъ,
И что-бъ то за дума была—
Подслушать навѣсился локонъ
На умную складку чела.
Разогнута книга; страницу
Открылъ себѣ дѣдушка нашъ,
И ловко на льва иль лисицу
Намѣченъ его карандашъ.—
У ногъ баснописца во славѣ
Разсыпанъ звѣрей его міръ:
Квартетъ въ его полномъ составѣ,

[1]) Знаменитый нашъ баснописецъ **Иванъ Андреевичъ Крыловъ** родился 2 февраля 1768 г., умеръ 9 ноября 1844 г. Литературная слава Крылова, какъ писателя чисто-народнаго, заключается исключительно въ его басняхъ, многія изреченія изъ которыхъ вошли во всеобщее употребленіе, какъ народныя пословицы и поговорки. По произведеніямъ Крылова нѣсколько поколѣній выучились понимать всю гибкость, мѣткость и выразительность родной рѣчи. Уроки практической мудрости, преподанные дѣдушкой-Крыловымъ въ басняхъ, знакомы всѣмъ грамотнымъ людямъ Русской земли. Дѣйствующія лица его басенъ, въ образѣ звѣрей, не бездушныя куклы, а живые люди, взятые изъ дѣйствительной жизни. Поэтому-то басни Крылова разошлись по всѣмъ концамъ обширной Россіи, читаются охотно, какъ въ бѣдной хижинѣ, такъ и въ богатыхъ чертогахъ, и являются необходимою книгою для учащагося поколѣнія. Въ 1854 г. признательные соотечественники соорудили геніальному писателю своему, по общей подпискѣ, прекрасный памятникъ въ С.-Петербургѣ въ Лѣтнемъ саду, на Дѣтской площадкѣ. Крыловъ изображенъ сидящимъ на пьедесталѣ, на четырехъ сторонахъ котораго отлиты изъ мѣди изображенія въ лицахъ нѣкоторыхъ изъ его басенъ.

Ворона, добывшая сыръ,
И львы, и болотныя твари,
Пѣтухъ надъ жемчужнымъ зерномъ,
Мартышекъ лукавыя хари,
Барашки съ пушистымъ руномъ.
Не вся-ль тутъ животность предстала,
Металломъ себя облила
И группами вкругъ пьедестала
Къ ногамъ чародѣя легла?

Вы помните, люди: межъ вами
Жилъ этотъ маститый старикъ,
Правдивыхъ уроковъ словами
И жизненнымъ смысломъ великъ.
Какъ мѣткій былъ взглядъ его ясенъ!
Какія вамъ истины онъ
Развертывалъ въ образахъ басенъ,

Крыловъ.

На притчи Творцомъ умудренъ!
Умѣлъ же онъ истины эти
Въ такую одежду облечь,
Что разомъ смекали и дѣти,
О чемъ ведетъ дѣдушка рѣчь.
Представилъ онъ матушкѣ-Руси
Разсказъ про гусиныхъ дѣтей,
И слушали глупые гуси—
Потомки великихъ гусей.
При баснѣ его о сосѣдѣ—
Сосѣдъ на сосѣда кивалъ,
А притчу о Мишкѣ-медвѣдѣ
Съ улыбкой самъ Мишка читалъ.
Пріятно и всѣмъ безобидно
Жилъ дѣдушка, правду рубя.

Иной... да вѣдь было же стыдно
Узнать въ побасенкѣ себя!
И кто предъявилъ бы, что колки
Намеки его на волковъ,
Тотъ самъ напросился бы въ волки,
Признался-бъ, что самъ онъ таковъ.
Онъ создалъ особое царство,
Гдѣ умнаго дѣда перо
Карало и злость, и коварство,
Вѣнчая святое добро.
То царство звѣринаго рода:
Все левъ иль орелъ его царь,
Какой-нибудь слонъ—воевода,
Плутовка-лиса—секретарь;
Тамъ жадная щука—исправникъ,
А съ парой предлинныхъ ушей
Всеобщій знакомецъ—наставникъ,
И набранъ совѣтъ изъ мышей.
Вѣдь, кажется, все небылицы:
Съ котломъ тамъ дружится горшокъ
И сшитый изъ старой тряпицы
Въ великомъ почетѣ мѣшокъ;
Тамъ есть говорящія рѣки
И въ спорѣ съ ручьемъ водопадъ,
И словно какъ мы—человѣки—
Тамъ камни, пруды говорятъ.
Кажись, баснописецъ усвоилъ
Чего въ нашемъ мірѣ и нѣтъ;
Подумаешь—старецъ построилъ
Какой фантастическій свѣтъ,
А послѣ, когда оглядишься
Въ дѣйствительномъ мірѣ кругомъ—
Всей мѣткости правды дивишься,
Захваченной дѣда стихомъ,
И бездну житейскаго толка
Найдешь въ его складныхъ рѣчахъ:
Увидишь двуногаго волка
Съ ягненкомъ на двухъ же ногахъ;
Тамъ въ перьяхъ павлиньихъ по модѣ
Воронья распущена спесь,
А вотъ и оселъ въ огородѣ:
„Здорово, пріятель, ты здѣсь."
Увидишь тѣхъ въ горькихъ утѣхахъ,
А эту въ почетной тоскѣ:
Беззубую бѣлку въ орѣхахъ
И пляшущихъ рыбъ на пескѣ,—
И взоръ наблюдательный встрѣтитъ
Тамъ—рыльце въ пушку, тамъ—судью,
Что, дѣлъ не касаяся, мѣтитъ
На первое мѣсто въ раю.
Мы всѣ въ этихъ басняхъ; намъ больно
Признаться, но взявъ хоть въ займы

Крыловскую правду, невольно,
Какъ волъ, здѣсь мычу я: „и мы!“
Самъ грѣшенъ я, всѣмъ возвѣщаю:
Нерѣдко читая стихи,
Друзей я котломъ угощаю
Демьяновой страшной ухи.

Довольно и бѣглаго взгляда:
Возсѣлъ—вы узнали безъ словъ—
Средь зелени Лѣтняго сада
Отлитый изъ бронзы Крыловъ.—
И станутъ мелькать мимоходомъ
Предъ ликомъ пѣвца своего
Съ текущимъ въ аллеѣ народомъ
Ходячія басни его:
Пойдутъ въ человѣческихъ лицахъ
Козлы, обезьяны въ очкахъ;
Подъѣдутъ и львы въ колесницахъ
На скачущихъ бурно коняхъ;
Примчатся въ каретахъ кукушки,
Рогатые звѣри придутъ,
На памятникъ дѣда лягушки
Вздуваясь лорнетъ наведутъ,—
И въ Клодта [1]) живыхъ изваяньяхъ
Увидятъ подобья свои,
И въ сладостныхъ дамъ замѣчаньяхъ
Раздастся: „mais oui, c'est joli.“ [2])
Порой подойдетъ къ великану
И сѣрый кафтанъ съ бородой,
И скажетъ другому кафтану:
„Митюха! сынишка-то мой
Читаетъ про Мишку, мартышку
Давно ужъ,—понятливъ, хоть малъ:
На память всю вызубрилъ книжку,
Что этотъ старикъ написалъ.“—
О, если-бъ былъ въ силахъ нагнуться
Безсмертный народу въ привѣтъ!
О, если-бъ хоть могъ улыбнуться
Задумчивый бронзовый дѣдъ!
Нѣтъ,—тою-жъ все думою полный
Надъ группой звѣриныхъ головъ
Зримъ будетъ недвижный, безмолвный
Изъ бронзы отлитый Крыловъ.

В. Бенедиктовъ.

---

[1]) Баронъ *Петръ Карловичъ* **Клодтъ** русскій скульпторъ и профессоръ скульптуры при академіи художествъ.

[2]) Французская фраза: «mais oui, c'est joli»; по-русски: *ну да, это красиво.*

СПОРЪ. [1])

Какъ-то разъ, передъ толпою
Соплеменныхъ горъ,
У Казбека съ Шатъ-горою
Былъ великій споръ.
„Берегись!“ сказалъ Казбеку
Сѣдовласый Шатъ:
Покорился человѣку
Ты не даромъ, братъ!
Онъ настроитъ дымныхъ келій
По уступамъ горъ;
Въ глубинѣ твоихъ ущелій
Загремитъ топоръ;
И желѣзная лопата
Въ каменную грудь,
Добывая мѣдь и злато,
Врѣжетъ страшный путь.
Ужъ проходятъ караваны
Черезъ тѣ скалы,
Гдѣ носились лишь туманы,
Да цари—орлы.
Люди хитры! Хоть и труденъ
Первый былъ скачокъ—
Берегися! многолюденъ
И могучъ Востокъ!“
—Не боюся я Востока!
Отвѣчалъ Казбекъ:
Родъ людской тамъ спитъ глубоко
Ужъ девятый вѣкъ.
Посмотри: въ тѣни чинары,
Пѣну сладкихъ винъ

---

[1]) Форма стихотворенія *Споръ* аллегорическая. Шатъ и Казбекъ, какъ самыя высокія горы на Кавказѣ, служатъ представителями всей окружающей страны и ведутъ между собою споръ о судьбѣ ея. Посредствомъ этой аллегоріи поэтъ наглядно представляетъ ту главную мысль, что *Россія не только покоритъ Кавказъ, но и водворитъ тамъ просвѣщеніе, промышленность и торговлю.* Мысль эта развивается послѣдовательно. Въ первой части «сѣдовласый» Шатъ предсказываетъ Казбеку, что настанетъ время, когда онъ долженъ будетъ окончательно покориться человѣку и именно со стороны многолюднаго и могучаго Востока. Возражая Шату, Казбекъ изображаетъ рядъ картинъ Востока, то дремлющаго въ сладкой нѣгѣ, то лѣниваго и беззаботнаго, то пустыннаго и безлюднаго, и кончаетъ свою рѣчь отрицаніемъ «нѣтъ, не дряхлому Востоку покорить меня!» Но старый Шатъ указываетъ ему на опасность, грозящую съ сѣвера. Во второй части рисуется картина стройнаго неудержимаго, какъ туча, какъ потокъ, движенія русскихъ войскъ съ сѣвера на востокъ, предводительствуемыхъ сѣдымъ, грознымъ генераломъ, отличающимся мудростью и опытностью въ военномъ искусствѣ. Въ третьей части говорится о томъ, что Казбекъ не могъ сосчитать своихъ враговъ и, въ предчувствіи неотразимой бѣды для себя, грустнымъ взоромъ окинулъ племя своихъ горъ, надвинулъ на брови шапку «и на вѣкъ затихъ» (Козьминъ *Логико-стилист. разборы).*

На узорные шальвары
Сонный льетъ грузинъ;
И, склонясь въ дыму кальяна
На цвѣтной диванъ,
У жемчужнаго фонтана
Дремлетъ Тегеранъ.
Вотъ у ногъ Ерусалима,
Богомъ сожжена,
Безглагольна, недвижима
Мертвая страна.
Дальше, вѣчно чуждый тѣни,
Моетъ желтый Нилъ
Раскаленныя ступени
Царственныхъ могилъ.
Бедуинъ забылъ наѣзды
Для цвѣтныхъ шатровъ,
И поетъ, считая звѣзды,
Про дѣла отцовъ.
Все, что здѣсь доступно оку,
Спитъ, покой цѣня.
Нѣтъ! не дряхлому Востоку
Покорить меня! —
— „Не хвались еще заранѣ!“
Молвилъ старый Шатъ:
„Вотъ на сѣверѣ въ туманѣ
Что-то видно, братъ!“
Тайно былъ Казбекъ огромный
Вѣстью той смущенъ;
И смутясь на сѣверъ темный
Взоры кинулъ онъ;
И туда въ недоумѣньѣ
Смотритъ, полный думъ:
Видитъ странное движенье,
Слышитъ звонъ и шумъ.
Отъ Урала до Дуная,
До большой рѣки,
Колыхаясь и сверкая,
Движутся полки;
Вѣютъ бѣлые султаны,
Какъ степной ковыль;
Мчатся пестрые уланы,
Подымая пыль:
Боевые батальоны
Тѣсно въ рядъ идутъ,
Впереди несутъ знамены,
Въ барабаны бьютъ,
Батареи мѣднымъ строемъ
Скачутъ и гремятъ,
И дымясь, какъ передъ боемъ,
Фитили горятъ.
И испытанный трудами
Бури боевой,
Ихъ ведетъ, грозя очами,
Генералъ сѣдой.
Идутъ всѣ полки, могучи,
Шумны, какъ потокъ,
Страшно-медленны, какъ тучи,
Прямо на востокъ.
И, томимъ зловѣщей думой,
Полный черныхъ сновъ,
Сталъ считать Казбекъ угрюмый
И не счелъ враговъ.
Грустнымъ взоромъ онъ окинулъ
Племя горъ своихъ,
Шапку на брови надвинулъ
И на-вѣкъ затихъ.

М. Лермонтовъ.

КАВКАЗЪ.

Вотъ онъ, мрачный и могучій,
Гордо всталъ межъ двухъ морей,
Надъ челомъ нависли тучи,
Словно думы у людей.
Какъ наѣздникъ устарѣлый,
Грустно долу онъ глядитъ,
И, встревоженный слѣдитъ,
Какъ сжимаются предѣлы
Старой воли, прежней воли,
Съ каждымъ годомъ болѣ, болѣ—

Онъ рванулся бы безстрашно
Раздавить гуяровъ строй;
Но ужъ поздно, но напрасно—
Нѣту силы въ немъ былой.
И пришельцамъ уступая,
Видя рабство сыновей,
Онъ о вольности своей
Тайной местію пылая,
Точитъ горькія струи,
Слезъ горячіе ручьи.

И безсильный, и плѣненный,
Не прощаетъ онъ врагамъ;
Полонъ злобы затаенной,
Стережетъ ихъ тутъ и тамъ.
И отъ времени до время,
Въ мести вѣренъ, хоть не скоръ,
Captureслѣдитъ ихъ между горъ
И въ расплохъ обвала бремя
Онъ обрушитъ вдругъ на нихъ,
Смертныхъ недруговъ своихъ!

М. Розенгеймъ.

РОССІИ [1].

(*отрывокъ*)

Тебя призвалъ на брань святую,
Тебя Господь нашъ полюбилъ,
Тебѣ далъ силу роковую,
Да сокрушишь ты волю злую
Слѣпыхъ, безумныхъ, буйныхъ силъ.

Вставай, страна моя родная,
За братьевъ! Богъ тебя зоветъ
Чрезъ волны гнѣвнаго Дуная
Туда, гдѣ, землю огибая,
Шумятъ струи эгейскихъ водъ.

И встань потомъ, вѣрна призванью,
И бросься въ пылъ кровавыхъ сѣчъ!
Борись за братьевъ крѣпкой бранью,
Держи стягъ Божій крѣпкой дланью,
Рази мечомъ—то Божій мечъ!

А. Хомяковъ.

---

14 и 18 НОЯБРЯ 1853 г. [2])

Пушкинъ! встань, проснись изъ гробу!
Гдѣ твой голосъ и языкъ?
Поражай вражду и злобу,
Зачинай побѣдный кликъ!
Но ты спишь; умолкъ Жуковскій!
Міръ нашъ нѣмъ, какъ стихшій громъ,
Будто колоколъ Кремлевскій
Съ отлетѣвшимъ языкомъ.

Помнишь годъ, какъ наши войски—
Молодцы родной земли,
Перешедъ Балканъ геройски,
Миръ Царьграду принесли;
И теперь упорнымъ миромъ,
Вѣры любящей сыны,
Долго медля браннымъ пиромъ,
Знамя подняли войны.

Загорѣлась брань святая,
Снова слышенъ громъ и стонъ,
И поганый брегъ Дуная
Кровью русской окрещенъ.
Идутъ рати, словно тучи,
Съ нашихъ сѣверныхъ сторонъ:
Бой кровавый, бой могучій,
Надъ Царьградомъ вознесенъ

За ключи дверей пригробныхъ
Господа—Царя Христа,
За сыновъ одноутробныхъ
Вѣры, Церкви и Креста,
За царя—родную славу,
За алтарь и за престолъ,
За великую Державу
Воинъ нашъ въ походъ пошелъ.

Если вѣстники къ намъ въ гости
Прилетаютъ съ нашихъ странъ:
О, твои играютъ кости,
Словно радостный органъ.
Слышалъ, сколько супостатовъ
Побѣжало передъ нимъ,
Какъ турецкихъ семь фрегатовъ
Разлетѣлось въ прахъ и дымъ!

Воинъ нашъ—душѣ отрада—
Грозенъ, дивенъ и великъ:
Безоружному—пощада,
Вооруженнымъ—грудь и штыкъ.
Ангелъ славы, въ горни страны,
Приметъ ихъ святую кровь,
Ихъ сіяющія раны,
Вѣру, мужество, любовь!

Но кому-жъ побѣды грянуть?
Нѣтъ златыхъ твоихъ стиховъ!
А кому грозой воспрянуть,
Поразить клеветниковъ?
Ужъ теперь нашъ врагъ упорный
Силенъ сталъ не въ клеветахъ:

---

[1]) По проискамъ французскаго императора Наполеона III, желавшаго возжечь на Востокѣ войну и питавшаго ненависть къ Россіи за паденіе и гибель дяди своего Наполеона I, также, кромѣ того, въ особенности за то, что государь Николай I призналъ его императоромъ позже всѣхъ другихъ европейскихъ государей,—турецкое правительство стало стѣснять права и преимущества православной Церкви и по требованію Франціи въ 1852 г. предоставила въ ея зависимость и завѣдываніе: 1) большой куполъ и церковь св. Гроба 2) малый куполъ и гробъ Іисуса Христа, 3) камень мѵропомазанія, 4) часовню Богородицы, 5) большую церковь въ Виѳлеемѣ, 6) алтарь Рождества Христова, 7) церковь Благовѣщенія и 8) ключъ отъ главныхъ дверей церкви Гроба Господня. Императоръ Николай I, будучи природнымъ защитникомъ православія и всѣхъ православныхъ, не могъ оставить беззащитными единовѣрныхъ христіанъ, подданныхъ Турціи и, истощивъ всѣ убѣжденія и доводы, предъявленные Портѣ, принужденъ былъ объявить ей войну, которая извѣстна въ исторіи подъ именемъ *Крымской кампаніи* или *Восточной войны* (1853—1856 г.).

[2]) 14 ноября 1853 г. русскія войска, предводительствуемыя генералъ-лейтенантомъ княземъ **Андрониковымъ** одержали блистательную побѣду подъ Ахалцыхомъ, а 18 ноября вице-адмиралъ **Нахимовъ** на Синопскомъ рейдѣ истребилъ эскадру Османа-паши. Въ Синопской битвѣ было уничтожено 13 турецкихъ судовъ, убито и утонуло турокъ болѣе 4,000, взято въ плѣнъ до 200 человѣкъ. Въ числѣ плѣнныхъ находились: самъ начальникъ эскадры и два командира фрегатовъ.

Жало ненависти черной
Западъ шевелитъ въ устахъ.

Содрогнешься, житель тлѣнья:
Англичанинъ и французъ,
Тамъ во имя просвѣщенья,
Съ туркомъ празднуютъ союзъ!
Побраталися заочно
Славный Западъ и Исламъ,
Въ роковой борьбѣ восточной
Дружны ненавистью къ намъ!

Подъ броней похвалъ виновныхъ
И ругаясь о Христѣ,
Турки братьевъ нашихъ кровныхъ
Распинаютъ на крестѣ.
Мѣры нѣтъ враждѣ и злобѣ;
Месть ихъ кровью не сыта:
Мать, носящая въ утробѣ,
Имъ въ младенцѣ не свята.

Боже! всѣхъ опредѣленій
Взялъ ты вѣки и часы;
А для нашихъ дѣлъ и мнѣній
Держишь ты одинъ вѣсы.
Боже! царь возвеселится
Лишь о имени Твоемъ,
О Тебѣ не постыдится—
Отъ Тебя побѣды ждемъ.

С. Шевыревъ.

НА ПЕРЕХОДЪ ДУНАЯ РОССІЙСКИМИ ВОЙСКАМИ.

(въ мартѣ 1854 г.)

Гонимыхъ горькія стенанья
Дошли къ престолу Бога силъ,
И ихъ жестокія страданья
Онъ облегчить благоволилъ.

И вотъ взошла заря спасенья;
Ликуй Востокъ, священный край!..
Съ мечомъ въ рукахъ, какъ ангелъ мщенья,
Спѣшитъ Россія за Дунай.

Шумитъ рѣка, бушуютъ волны,
Но смѣло русскіе полки
Идутъ впередъ, отвагой полны
И вѣрой въ Господа крѣпки.

Ведетъ ихъ въ бой святое слово
Царя-отца: „Своихъ сыновъ
Зоветъ Господь на подвигъ новый
За христіанъ, за гробъ Христовъ.

Подымемъ знамя благодати,
Святую Церковь отстоимъ,
Осушимъ слезы нашихъ братій,
И миръ вселенной возвратимъ.

Впередъ, народъ благословенный!
Смѣлѣй! за вражескій порогъ!
Хранитель крестъ твой щитъ нетлѣнный,
Твой вождь во брани крѣпкій Богъ.“

Сказалъ. Подвиглась Русь святая
Въ защиту вѣры и добра,
И дрогнули брега Дуная
Отъ грома русскаго ура...

И вотъ ужъ въ лѣтописяхъ славы
Вновь имя русское гремитъ,
И, гдѣ паритъ орелъ двухглавый,
Тамъ все трепещетъ и дрожитъ.

В. Бажановъ.

УРА!.. НА ТРЕХЪ УДАРИМЪ. [1]

«Да познаетъ же все христіанство, что какъ мыслитъ Царь Русскій, такъ мыслитъ, такъ дышитъ съ нимъ вся русская семья— вѣрный Богу и Единородному Сыну Его, Искупителю нашему Іисусу Христу, православный народъ. За вѣру и христіанство подвизаемся,—съ нами Богъ, никто же за ны!»

Изъ манифеста имп. Николая I на объявленіе войны съ Англіей и Франціей.

Ура! на трехъ ударимъ разомъ,
Не даромъ же трехгранный штыкъ!
Ура! отгрянетъ надъ Кавказомъ,
Въ Европу грянетъ тотъ же кликъ!..

И двадцать шло на насъ народовъ,
Но Русь управилась съ гостьми:
Ихъ кровь замыла слѣдъ походовъ,
Поля бѣлѣлись ихъ костьми.

Тогда спасали мы родную
Страну и честь, и царскій тронъ,
Тогда о нашу грудь стальную
Расшибся самъ Наполеонъ!

[1]) Франція и Англія, подстрекавшія Турцію начать съ нами непріязненныя дѣйствія, сами объявили намъ войну въ февралѣ 1854 г.; къ нимъ присоединилась и Сардинія. Со стороны враговъ были напряжены страшныя силы. Думая разомъ покончить съ Россіей, они послали громадный флотъ въ Балтійское море, отрядили флотъ въ Бѣлое море и даже сдѣлали нападеніе на Камчатку, а главныя силы свои направили на черноморскіе берега.

Теперь же,—вздрогни вся природа,
Во снѣ не снилось никому:
Два *христіанскіе* народа
На насъ грозятся за чалму!!!

Но годъ *двѣнадцатый* не сказки
И *Западъ* видѣлъ не во снѣ,
Какъ двадцати народовъ каски
Валялися въ Бородинѣ.

И видѣлъ, что за *наши грады*
И за Москву,—нашъ царь не мстилъ
И *бѣлымъ знаменемъ* пощады
Столицу Франціи покрылъ.—

И видѣлъ,—что коня степного
На Сену пить водилъ калмыкъ
И въ *Тюльери* у часового
Сіялъ, какъ дома, русскій штыкъ!

И сынъ предѣловъ *Енисейскихъ*,
Или придонскій нашъ казакъ,
Въ поляхъ роскошныхъ *Елисейскихъ*
Походный ставилъ свой бивакъ...

Но засоривъ поля *картечью*,
Въ Парижѣ русскій *мирно* жилъ
И бойкою французской рѣчью
Да русскимъ золотомъ сорилъ!

И послѣ на Москвѣ сожженной
И надъ нетронутой Невой,
Никѣмъ нигдѣ не оскорбленный,
Французъ съ британцемъ былъ *какъ свой.*

Но что-жъ?—За хлѣбъ-соль нашу, дружбу,
Предавъ намъ *Символъ* за *Коранъ*,
Вы къ туркамъ поступили въ службу
И отступились христіанъ!!!

Что-жъ скажетъ *лѣтопись* предъ свѣтомъ,
Про нечестивый вашъ союзъ?—
„Британецъ въ сдѣлкѣ съ Магометомъ
„И стыдъ—отурчился французъ!!.“

Но тщетны ваши упованья—
Взять верхъ на сушѣ и моряхъ:
Спросите древнія сказанья
О русскомъ мужествѣ въ бояхъ...

Спроситесь и съ *полями битвы*,
Какъ русскимъ святы честь и долгъ
И какъ *доходны* ихъ молитвы,
И какъ *великъ Россійскій Богъ!!!*

Знакома-ль вамъ пучина *Понта?*
Спросите у нея самой:
Каковъ былъ пламень горизонта,
Когда горѣло подъ *Чесмой!..*

Что-жъ васъ горятъ такъ ваши силы
И вашъ *высококарный* флотъ?!
Есть и у насъ въ моряхъ вѣтрилы
И колесистый пароходъ!..

И нашъ морякъ съ мятежной влагой
Не меньше вашего знакомъ:
И русскій тамъ возьметъ отвагой,
Гдѣ не придется взять числомъ..

Такъ знайте-жъ: ваши всѣ мытарства
Расчетъ и вычетъ—все мечта!—
Вамъ Русскаго не сдвинуть царства:
Оно съ *Христомъ*—и за *Христа!..*

Ѳ. Глинка.

КРЕЩЕНІЕ ОДЕССЫ. [1]

(10 апрѣля 1854 г.)

Необъятно, Русь родная,
Ты, полъ-міра обнимая,
Между рѣкъ, озеръ и горъ
Свой раскинула просторъ!
И въ чудесномъ томъ просторѣ,
На озерахъ, на рѣкахъ,
На красивыхъ берегахъ,
Гдѣ немолчно плещетъ море,
Подъ горами, на холмахъ
И въ степяхъ необозримыхъ
Процвѣтаетъ, Русь, твоя
Городовъ неисчислимыхъ
Православная семья.
Въ немерцаемомъ сіяньѣ
Златокупольныхъ церквей,
Въ ослѣпительномъ сіяньѣ

---

[1]) Въ древнѣйшія времена мѣсто, занимаемое нынѣ Одессою, было заселено греками; здѣсь находилось эллинское селеніе *Истріонъ* или *Истріанонъ*. Въ IV в. на мѣстѣ Истріанона возникло селеніе *Кацуба*, названное татарами *Качибей*. Въ XV в. оно попало подъ власть турокъ, которые устроили здѣсь укрѣпленіе подъ именемъ *Хаджибея*. По Ясскому миру 1791 г. замокъ Хаджибей навсегда присоединенъ къ Россіи, а въ 1794 г. при Хаджибейскомъ заливѣ положено ген.-маіоромъ **Осипомъ Михайловичемъ де-Рибасомъ** († 1800 г.) основаніе городу и военному порту. **Одессою** городъ этотъ названъ по указу 27 января 1795 г. въ память древняго эллинскаго селенія *Ордиссосъ* или *Одиссосъ*, находившагося, какъ полагаютъ, недалеко отъ Хаджибея (*Справоч. энциклопед. словарь*, изд. подъ ред. А. Старчевскаго, т. 9, стр. 14).

Лучезарныхъ ихъ лучей,
Подъ крестами и подъ звономъ
Вѣковыхъ колоколовъ,
Въ яркой зелени садовъ,
Подъ лазурнымъ небосклономъ
Эта дружная семья—
Словно памятникъ священный
Прежней жизни незабвенной
И былого бытія.
Что ни городъ, то преданье,
Сохраненное въ тиши:
Горе, гордость, ликованье
Русской преданной души.
Сроднены единымъ братствомъ,
Города твоей земли
Славой, древностью, богатствомъ
Возросли и процвѣли.
Ты же, края молодого
Юный градъ! давно ли ты,
Какъ изъ нѣдра всталъ морского
Средь безлюдной пустоты?
Лишь полъ-вѣка пролетѣло
Съ той поры, какъ закипѣла
Жизни дѣятельность тамъ,
Гдѣ шумящимъ въ дикой волѣ,
Былъ пріютъ однимъ дотолѣ
Моря Чернаго волнамъ.
Не вѣка прошли—полъ-вѣка
Только минуло съ тѣхъ поръ,
Какъ по волѣ человѣка
Загремѣлъ въ степи топоръ,
И надъ влагой побѣжденной
Сталъ ты, градъ новорожденный,
И привлекъ Россіи взоръ.
Но въ семьѣ ея почтенныхъ,
Многославныхъ городовъ,—
Престарѣлыхъ, освященныхъ
Славой нѣсколькихъ вѣковъ
И завѣтной стариною,—
Былъ ты словно сиротою,
И не родственны для насъ
Были тѣ твои скрижали,
На которыхъ начертали
Имена свои вначалѣ
Ришелье [1]) и де-Рибасъ.
Наслаждаясь благомъ мира,
Ты въ довольствѣ процвѣталъ;
Новой житницею міра
Старый міръ тебя назвалъ.
Но тебѣ твои богатства,
Изобиліе даровъ
Не могли доставить братства
Православныхъ городовъ.
Какъ пришелецъ у порога,
На границѣ ты стоялъ,
И иной судьбы отъ Бога
Терпѣливо ожидалъ.

Злая буря разразилась
Посреди твоихъ оградъ—
И судьба твоя свершилась:
Ты отнынѣ русскій градъ!
Торжествуй! твои твердыни
Отстояли, вознесли
Вѣру, славу, всѣ святыни
Русской жизни и земли.
Ты въ скрижали вѣковыя
Врѣзалъ въ наши времена
Русскій подвигъ и родныя
Для Россіи имена.
Торжествуй же! окрестился
Ты гранатами враговъ,
Ты съ семьею породнился
Русскихъ славныхъ городовъ.
Надъ тобою пролетѣли
Вражьи бомбы—и изъ нихъ
Вышелъ ты какъ изъ купели;
Торжество крестинъ твоихъ
Вся Россія ликовала,
И со всей семьей своей
Отъ купели этой стала
Воспріемницей твоей!

Н. Арбузовъ.

---

14 ІЮНЯ 1854 ГОДА.

(въ день появленія соединеннаго флота вблизи Кронштадта)

Великихъ зрѣлищъ, міровыхъ событій
Поставлены мы зрителями нынѣ:
Исконные кровавые враги
Соединясь идутъ противъ Россіи.
Пожаръ войны полъ-міра обхватилъ,

[1]) Герцогъ Эммануилъ **Ришелье**, внукъ знаменитаго французскаго маршала (род. 1766 г.—† 1822 г.), въ царствованіе Александра I былъ втеченіе 11-ти лѣтъ генералъ-губернаторомъ или градоначальникомъ новаго города Одессы. Всѣмъ памятны и извѣстны его услуги городу, который обязанъ своимъ цвѣтущимъ состояніемъ исключительно и прежде всего богатому своему градоначальнику; доказательствомъ того можетъ служить и памятникъ, воздвигнутый въ Одессѣ герцогу Ришелье, и наконецъ имя его, данное основанному здѣсь лицею.

И заревомъ зловѣщимъ освѣтились
Дѣянія державъ миролюбивыхъ...
Обращены въ позорище вражды
Моря и суша... Медленно и глухо
Къ намъ двинулись громады кораблей,
Хвастливо предрекая нашу гибель,
И, наконецъ, приблизились; стоятъ
Предъ укрѣпленной русскою твердыней...
И нынѣ въ урнѣ роковой лежатъ
Два жребія... и наступаетъ время,
Когда рѣшитель мира и войны
Исторгнетъ ихъ всесильною рукой
И свѣту потрясенному покажетъ.

Н. Некрасовъ.

СТИХЪ О НАПАДЕНІИ АНГЛИЧАНЪ НА СОЛОВЕЦКІЙ МОНАСТЫРЬ.

Не голубушка средь поля
Скорбно стонетъ о дѣтяхъ:
Пустынь иноковъ средь моря
Скорбна духомъ во слезахъ.
Грустно ей, не въ мочь кручины
Пересилить, перенесть;
Грустно вдвое безъ причины
Отъ враговъ обиду несть.

Какъ Іуда омраченный,
Сребролюбіемъ горя,
Олсманей ожесточенный
Сталъ въ виду монастыря.
Онъ привѣтствовалъ святыню
Не молитвой, а ядромъ:
Перешелъ морей пучину,
Чтобъ разграбить Божій домъ.
И депешку съ бѣлымъ флагомъ
Въ пу̀стынь къ инокамъ прислалъ,
Комендантъ чтобъ отдалъ шпагу,
Гарнизонъ оружье сдалъ:
По своей судя отвагѣ,
Вѣрно думалъ и узналъ,
Настоятелю при шпагѣ
Нужно быть на этотъ разъ.
А забылъ, что воля Бога
Бдитъ надъ Русью всей святой:
Безъ нея ни до порога,
Съ ней на миръ и съ ней же въ бой.

Горсть смиренныхъ богомольцевъ,
Уповая на святыхъ,
Стала грудью: и когда,
Градомъ бомбъ, каленыхъ ядръ,
На оградѣ кровлю рвало,—
Архима̀ндритъ Александръ,
Съ чудотворною иконой,
Крестомъ знаменье творя,
Всѣхъ кропилъ водой священной
По стѣнамъ монастыря.
И подъ градомъ, канонадой,
Онъ прощалъ своимъ врагамъ.
Страшно было за оградой:
Лишь покоенъ Божій храмъ.

Въ немъ, предъ ясною иконой
Дѣвы-Матери Творца,
Клали иноки поклоны
За царя Русѝ, отца,
И неслись мольбой къ престо̀лу
Бога-Сына въ небеса,
Уповая въ его волю,
Въ неисходны чудеса.

Богъ имъ внялъ: какъ ни громила
Вся громада вражьихъ силъ,
Но вреда не причинила,—
Господь, видимо, хранилъ.
Да Заступница святая,
Пресвятого Бога Мать,
Враговъ свыше поборая,
Соизволила принять
Отъ безбожныхъ оскорбленье:
Бомбой рану въ образъ свой.
То за насъ, во искупленье
Ея милости святой.

АНГЛИЧАНЕ ВЪ КАМЧАТКѢ. [1]

(1855 г.)

И туда, на грань Камчатки,
Ты зашла для бранной схватки,
Рать британскихъ кораблей,
И, приставъ подъ берегами,
Яро грянули громами
Пришлецы изъ-за морей.
И прикрытъ звѣриной кожей
Камчадалъ на нихъ глядитъ:

---

[1]) **Камчатка**—полуостровъ, составляющій крайній юг.-в. предѣлъ сѣверной Азіи. На сѣверъ отъ п-ва лежитъ Чукатская земля, а съ другихъ сторонъ различныя части Восточнаго океана. Въ южной части п ва обитаютъ *камчадалы*, называющіе себя «гетельменами,» т. е. жителями. Камчадалы для пропитанія своего собираютъ разные коренья, ловятъ рыбу и охотятся на птицъ и звѣрей.

Гости странные похожи
На людей: такой же видъ;
Только чуденъ ихъ обычай;
Знать, не вѣдая приличій,
Съ злостью выѣхали въ свѣтъ:
Въ гости ѣдутъ незнакомы
И пріѣхавъ мечутъ громы
Здѣсь хозяевамъ въ привѣтъ;
Огнедышущихъ орудій
Навезли, дымятъ, шумятъ,
„А вѣдь всеже это люди!“
Камчадалы говорятъ.
—Камчадалъ! пускай въ нихъ стрѣлы!
Ну, прицѣливайся! Бей!
Не зѣвай! Въ твои предѣлы,
Видишь, вторгнулся злодѣй.—
И дикарь въ недоумѣньѣ
Слышитъ странное велѣнье:
„Какъ? Стрѣлять? Въ кого? Въ людей?“
И, ушамъ своимъ не вѣря:
„Нѣтъ, сказалъ, стрѣлу мою
Я пускаю только въ звѣря,
Человѣка я не бью!“

В. Бенедиктовъ.

ВОСПОМИНАНІЕ О КРЫМѢ.

(1854 г.—1855 г.)

Когда-то земли уголокъ золотой
Я видѣлъ на югѣ Россіи.
Казалось, отъ вѣка въ ладу межъ собой
Тамъ дольнаго міра стихіи.
Тамъ яркое солнце отъ лика земли
Сверкающихъ глазъ не отводитъ;
Тамъ море лазурною нитью вдали
Подъ самое небо подходитъ,
Вблизи же цѣлуетъ раскатъ береговъ
И жмется у скалъ непробудныхъ,
А горы стоятъ въ серебрѣ облаковъ
Надъ глубью долинъ изумрудныхъ.
Казалось, гармоніи вѣчный залогъ—
Тамъ щедрой природы объятья;
Устами ея тамъ, казалось, самъ Богъ
Вѣщаетъ всѣмъ людямъ: „вы—братья!“
Тамъ голосъ любви подъ наитьемъ всѣхъ благъ
И въ сердце-бъ злодѣя проникнулъ;
И будь предо мной тамъ озлобленный врагъ,
Къ нему-бъ я невольно воскликнулъ:
„Прости! Ненавидѣть тебя не могу,
Тебя презирать не умѣю.“
И кинулся-бъ я къ заклятому врагу
Съ любовію братской на шею.
И что-же я вижу?—Плывутъ корабли;
Міръ стонетъ отъ бранныхъ походовъ,
И въ райскомъ уютѣ родимой земли
Устроилась бойня народовъ.
И гдѣ умягчился-бъ дикарь и злодѣй,
Свирѣпствуютъ добрые люди;
Гдѣ звѣрь укротился-бъ, тамъ люди людей
Привѣтствуютъ ядрами въ груди,
Кровавой вражды возжигаютъ огни,
Свинцомъ оглушительно свищутъ,
И сердца въ груди другъ у друга они
Штыками и копьями ищутъ;
Наводятъ ружья или пушки жерло,
И глазъ человѣческій мѣтитъ
Не въ образъ ли Божій, коль мѣтитъ въ чело,
Гдѣ разумъ божественный свѣтитъ?
И это служители Богу креста!
На помощь убійству въ сраженьяхъ
Не всѣ ли они Миролюбца Христа,
Слѣпцы призываютъ въ моленьяхъ?
И тамъ, гдѣ взвиваются пламя и дымъ,
Когда разгорается битва,
Не горькой ли, страшной насмѣшкой надъ нимъ
Звучитъ эта злая молитва?..

***

ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЦАРСТВОВАНІЯ

ЦАРЯ-ОСВОБОДИТЕЛЯ АЛЕКСАНДРА II НИКОЛАЕВИЧА.

(1855 г.—1862 г.)

Ты взялъ свой день... Замѣченный отъ вѣка
Великою Господней благодатью,
Онъ рабскій образъ сдвинулъ съ человѣка
И возвратилъ семьѣ меньшую братью.

Ѳ. Тютчевъ.

УТРО ВЪ МОСКВѢ 17 АПРѢЛЯ 1818 ГОДА.

Забуду-ль мигъ на-вѣки незабвенный?..
Когда шепнулъ мнѣ тихой вѣсти гласъ,
Что наступилъ рѣшительный твой часъ,—
Безвѣстности волненіемъ стѣсненный,
Я ободрить мой смутный духъ спѣшилъ
На ясный день животворящимъ взглядомъ.
О, какъ сей взглядъ мнѣ душу усмирилъ!
Безоблачны, надъ пробужденнымъ градомъ,
Какъ благодать, лежали небеса;
Ихъ мирный блескъ—младой зари краса,
Всходящая, какъ новая надежда;
Туманная, какъ таинство, одежда
Надъ красотой воскреснувшей Москвы;
Безчисленны церквей ея главы,
Какъ алтари, зажженные востокомъ,
И вѣчный Кремль, протекшимъ мимо рокомъ
Нетронутый свидѣтель божества,
Какъ будто гласъ Москвы преображенной...
Все, все въ душѣ являло ободренной
Божественный спасенія залогъ...
Намъ промысла намѣренія тайно—
Угадывать я мыслью не дерзалъ;
Но сладкій гласъ мнѣ душу проникалъ:
„Здѣсь Божій міръ; ничто здѣсь не случайно!"
И вѣрила безтрепетно душа.
Межъ тѣмъ, восходъ спокойно соверша,
Какъ ясный Богъ, горѣло солнце славой;
Изъ храмовъ гласъ моленій вылеталъ;
И тишины исполненъ величавой,
Торжественно державный Кремль стоялъ...
Москва жива; въ Кремлѣ семья царя;
Народъ, тѣснясь къ ступенямъ алтаря,
На праздникѣ великомъ Воскресенья,
Смиренно ждетъ надежды совершенья,
Ждетъ милаго пришельца въ Божій свѣтъ..
О! какъ у всѣхъ душа заликовала,
Когда молва въ громахъ Москвы сказала
Исполненный Создателя обѣтъ!

В. Жуковскій.

НА РОЖДЕНІЕ АЛЕКСАНДРА II.

(отрывокъ)

Лѣта пройдутъ, подвижникъ молодой,
Откинувши младенчества забавы,
Онъ полетитъ въ путь опыта и славы...
Да встрѣтитъ онъ обильный честью вѣкъ!
Да славнаго участникъ славный будетъ,
Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій: человѣкъ,
Жить для вѣковъ въ величіи народномъ,
Для блага всѣхъ свое позабывать,
Лишь въ голосѣ отечества свободномъ
Съ смиреніемъ дѣла свои читать;
Вотъ правила царей великихъ внуку.

В. Жуковскій.

ПОСЛѢДНІЙ ШТУРМЪ СЕВАСТОПОЛЯ. [1]

(27 августа 1856 г.)

«Есть невозможное и для героевъ!»
Слова имп. Александра II.

Исполать тебѣ, богатырь лихой,
Севастополь нашъ, крѣпость вѣрная!
Прослывешь ты *злымъ*, какъ Козельскъ другой,—
Обороною безпримѣрною!

[1]) Осада Севастополя, или, вѣрнѣе сказать, 11-ти мѣсячный безустанный бой, гдѣ русскіе солдаты всѣхъ полковъ, бывшихъ при оборонѣ этого города, по истинѣ заслужили имя «героевъ-севастопольцевъ,»—окончилась занятіемъ союзниками только окровавленныхъ развалинъ

Міру цѣлому ты загадкой сталъ,
Не возьметъ онъ въ толкъ, не пойметъ
никакъ,
Чѣмъ держался онъ, твой разбитый валъ,
Противъ всѣхъ огней, противъ всѣхъ атакъ.
Не вдомекъ, знать, имъ, не понять врагамъ
Вѣрность русскую, непонятную!
Нѣтъ, не стѣны намъ, это мы стѣнамъ
Дали силу ихъ непонятную.
Слава вѣчная, исполать тебѣ,
Севастополь нашъ, богатырь лихой!
Вѣрой-правдою въ роковой борьбѣ,
Постоялъ, боецъ, ты за край родной!
Только Божіимъ попущеніемъ,
Руси недруги, ваша верхъ взяла:
Жертвой честною очищенія
Крѣпость вѣрная за нее легла!
Не кичитесь же, не хвалитеся:
Торжество еще далеко отъ васъ;
Пуще прежняго берегитеся,—
Горе тяжкое не сломаетъ насъ!
Обуялъ насъ грѣхъ, мы забылися,—
Вы воззвали насъ къ очищенію;
Одолѣлъ насъ сонъ, вы явилися:
Рады-ль будете пробужденію?...
Огнемъ золото, Русь невзгодами
Очищается, обновляется.
Тѣмъ могучи мы межъ народами,
Что въ насъ преданность не шатается;
Что умѣемъ мы гнѣвъ Создателя
Несть съ покорностью и смиреніемъ,—
Умолить Его, благъ подателя,
Нашей твердостью и терпѣніемъ;
Что въ бѣдѣ, нуждѣ стороны родной—
Мы съ отечествомъ не считаемся
И вокругъ царей, что живой стѣной,
Крѣпче прежняго собираемся.
Міру вѣдомо, всѣ вы знаете,
На Руси врагу тяжелы пути;
Скоро годъ, какъ вы порываетесь,
А далеко-ль вамъ удалось уйти?...
Здѣсь вашъ первый шагъ на Руси святой,—
Просимъ далѣе дорогихъ гостей;
Всюду встрѣтите вы пріемъ такой,
Ту же Русь вездѣ вы найдете въ ней.
Кровью купите каждый шагъ въ ней вашъ,
Припасемъ мы вамъ голодъ съ жаждою,
Москвой станетъ вамъ каждый городъ нашъ,
Севастополемъ крѣпость каждая.
Хоть и незваннымъ, дорогимъ гостямъ
Поусердствуемъ угощеніемъ:
Мало арміи для почета вамъ,—
Есть за ней у насъ ополченіе—
Не нарядное, не ученое,
Ратникъ съ поля взятъ, бородой обросъ;
Но сломить его—вещь мудреная,
Онъ стоитъ себѣ, словно въ землю вросъ.
Не грозимъ мы вамъ, не коримъ мы
васъ—
Дѣло слабаго грозить попусту;
А вы знаете не сегодня насъ.
Рѣчь безъ хитрости ведемъ попросту,
Что придетъ пора, намъ поможетъ Богъ,
И за все—про все мы сквитаемся;
А не вѣрите, подведемъ итогъ,—
Поглядимъ назадъ, посчитаемся!

М. Розенгеймъ.

НА РАЗВАЛИНАХЪ СЕВАСТОПОЛЯ.

Стою средь развалинъ... Вдали предо мной
Слѣды иноземнаго стана:
Ихъ рвы, батареи, ихъ валъ земляной
И строй невысокихъ кургановъ.
Нѣтъ счету курганамъ и насыпямъ тѣмъ;
Далеко вся мѣстность изрыта...
Откуда взялись тѣ курганы? зачѣмъ?
Противнымъ они не защита.
Кто поднялъ здѣсь землю холмами кругомъ,
Какія подземныя силы?..

нашихъ бастіоновъ и вѣчнопамятнаго Малахова кургана. Оборона Севастополя, въ лѣтописяхъ русской славы, занимаетъ самое почетное мѣсто, и другой, подобной доблестной защиты, въ исторіи новѣйшихъ войнъ—не представляется (П. Бугайскій *Дѣла наши съ турками*, стр. 106). Средства, употребленныя непріятелями для овладѣнія этимъ городомъ, были чрезвычайны. Траншеи союзниковъ простирались вообще на 110,000 шаговъ (75 верстъ), между тѣмъ какъ при прежнихъ осадахъ наибольшее протяженіе осадныхъ работъ никогда не превосходило 20,000 шаговъ. При осадѣ Севастополя употреблено болѣе 80,000 туровъ, 60,000 фашинъ и около милліона земляныхъ мѣшковъ, тогда какъ при обыкновенныхъ осадахъ требовалось отъ 10 до 15 тысячъ туровъ, 10 тысячъ фашинъ и не болѣе 10 или 15 тысячъ земляныхъ мѣшковъ. На батареяхъ у союзниковъ стояло 800 орудій, и артиллерія ихъ выпустила 1,600,000 зарядовъ. Подъ Гибралтаромъ же въ 1781 г. было на осадныхъ батареяхъ 230 орудій, на пловучихъ—192 и съ 1781 по 1783 г. было сдѣлано только 270,000 артиллерійскихъ выстрѣловъ. Самыя орудія подъ Севастополемъ были несравненно большаго калибра, нежели тѣ, которыя употреблялись при прежнихъ осадахъ. Огромная армія, составленная изъ войскъ четырехъ государствъ, и такой флотъ, какой, до нашего времени, еще никогда не появлялся на моряхъ, употребляли всѣ усилія храбрости и искусства, въ продолженіи почти цѣлаго года, для занятія одного пункта русскихъ владѣній и достигли своей цѣли только цѣною чрезвычайнаго урона въ людяхъ и несмѣтныхъ издержекъ. (*Описаніе экспедиціи англо-французовъ въ Крымъ*, С.-Пб. 1856 г., стр. 285—86).

Насыпаны, взрыты тѣ холмы врагомъ,
Тѣ холмы—то вражьи могилы.
Безъ мѣры и счету здѣсь врагъ схоронилъ
И силы, и крови, и злата;—
И длинны ряды этихъ чуждыхъ могилъ,
Въ нихъ много легло супостатовъ.
Да, здѣсь, въ этомъ мѣстѣ, средь этихъ холмовъ,
Великое дѣло свершилось:
Здѣсь русская доблесть, за славу отцовъ,
Съ Европою цѣлой схватилась;
И схватки подобной не видывалъ свѣтъ;
Казалося, смерть съ разрушеньемъ
Здѣсь дали другъ другу кровавый обѣтъ
Весь міръ удивить истребленьемъ.
И міръ устрашенный съ томленьемъ слѣдилъ
За ходомъ борьбы небывалой,
Гдѣ грозная масса невиданныхъ силъ
О русскую грудь разбивалась.
И долго, и страшно тянулась борьба...
Грядущаго темной завѣсой,
Какъ будто колеблясь, закрыла судьба,
Кого подаритъ перевѣсомъ.
И чуденъ былъ этотъ неслыханный споръ:
Мѣнялась въ немъ роль воевавшихъ;
Не разъ осажденный, отбросивъ напоръ,
Въ осадѣ держалъ осаждавшихъ;
Разимый жестоко, жестоко отмщалъ
Онъ гибель поверженныхъ братій...
И Западъ надменный не разъ трепеталъ
За участь имъ посланныхъ ратей.
И все, что̀ отчаянье, зависть и страхъ
Могли изобрѣсть къ истребленью,
Все это придумалъ и выполнилъ врагъ
Надъ грознымъ ему укрѣпленьемъ.
Всей силой, всей мощью грозы боевой
Европа надъ нимъ разразилась;
По воздуху, моремъ, съ земли, подъ землей,—
Отвсюду погибель стремилась;
Несчетныхъ орудій,—и ночью и днемъ,—
Огонь свирѣпѣлъ неисходный;
Но твердъ и спокоенъ подъ смертнымъ дождемъ
Стоялъ нашъ солдатъ благородный.
Когда же разбитый обрушился валъ,
Онъ, грудью его замѣняя,
Еще отбивался, еще поражалъ,
Отвагой враговъ изумляя.
Среди разрушеній, пожаровъ, могилъ,
Тѣснимый все болѣ и болѣ,
Онъ также былъ грозенъ. Когда-жъ уступилъ,
Смиряясь предъ Божьею волей,
Не городъ, не крѣпость достались врагамъ
А груды развалинъ и праха;
Не радость побѣды ихъ встрѣтила тамъ,
А думы сомнѣнья и страха.
Предъ ними растерзанъ въ обломкахъ лежалъ
Могучаго остовъ избитый;
Но падшій, казалось, еще угрожалъ
Какою-то гибелью скрытой.
Изъ каждаго камня глядѣла бѣда,
Угрозой имъ въ очи сверкая...
О, вѣрно,—на память пришла имъ тогда—
Невольно—Москва роковая!
И съ ужасомъ вспомнилъ ликующій врагъ,
Спѣша удалиться въ смущеньи,
Что часто въ Россіи и въ самыхъ стѣнахъ
Таится для недруговъ мщенье.
Такъ палъ Севастополь. Паденія гулъ
Отгрянулъ, какъ громъ, въ отдаленьи,
И Западъ враждебный впервые вздохнулъ
По долгомъ и тяжкомъ томленьи...
. . . .
И хвалятся гордо успѣхомъ своимъ
Ея супостаты лихіе;
И шумно, и весело празднуетъ врагъ
Могучей грозу и паденье...
Но горько родные народы въ цѣпяхъ
Оплачутъ надежду спасенья..
. . . .
А вы, ратоборцы за русскую честь,
Герои великой защиты,
Вѣковъ достоянье—чудесная вѣсть
О вашей борьбѣ знаменитой!
Хвала вамъ, отчизнѣ о васъ не забыть:
Вы честно родной послужили;
И что человѣку возможно свершить,
Могучіе, все вы совершили!..

М. Розенгеймъ.

ТО ЖЕ.

Привѣтствую тебя, алтарь народной муки,
И кланяюсь тебѣ,—поверженный въ бояхъ!
Какъ мертвый исполинъ, на грудь скрестившій руки,
Не движимъ ты лежишь на тихихъ берегахъ...
Безлюдны улицы, обросшія травою,
Колонны бѣлыя возносятся вдали.
Тутъ опустѣлый храмъ; тамъ—цѣлою грядою
Упавшіе дома валяются въ пыли.
Вездѣ слѣды огня. Въ стѣнѣ ядро чернѣетъ,
Осколки старыхъ бомбъ топчу я подъ ногой...

О, городъ мертвецовъ! чья мысль уразумѣетъ
Величіе могилъ, оставленныхъ тобой?..
То былъ тяжелый годъ: Русь за тебя стонала!
Одинъ ты былъ, за всѣхъ измученный боецъ,
Святыня нашихъ слезъ. Чья кровь не закипала,
Когда ты надѣвалъ страдальческій вѣнецъ?
По всей святой Руси былъ каждый храмъ убогій
Молитвой за тебя народной потрясенъ.
А ты—ты умиралъ, торжественный и строгій,
Какъ мученикъ давно исчезнувшихъ временъ.
И пронеслась гроза. Объятый тишиною,
Печально ты глядишь въ развалины свои,
Но все въ тебѣ полно былиною живою
О чудныхъ подвигахъ геройства и любви.

В. Немировичъ-Данченко.

СЕВАСТОПОЛЬ.

Угрюмыя мѣста! печальныя могилы!
Слѣды геройскихъ дѣлъ и богатырской силы!
Развалины домовъ, обломки батарей
И гавань мертвая безъ грозныхъ кораблей;
Насквозь пробитыя, безлюдныя строенья,
Громады мусора на мѣстѣ разрушенья,
Растенья чахлыя, какъ будто изъ гробовъ
Тайкомъ растущія, безъ тѣни и плодовъ;
Курганъ Малаховскій надъ городомъ печальный,
Какъ будто-бы вѣнецъ на мертвомъ погребальный...
И—пыль на улицахъ, надъ бухтой и кругомъ,
Какъ саванъ, бѣлая, стоящая столбомъ,—
Ужасный, мрачный видъ! печальная картина!
Вездѣ борьба и смерть оставила слѣды;
Жизнь, будто, замерла надъ трупомъ исполина—
И только высятся могильные кресты,
Да церковь Братская на Сѣверномъ кладбищѣ,
Гдѣ двѣсти тысячъ жертвъ легли кровавой пищей
Безжалостной войны.

В.

ГИМНЪ СЕВАСТОПОЛЮ.

Возставъ отъ сна, идя ко сну,
Въ молитвѣ сердцемъ умиленный,
Что день тебя воспомяну,
Многострадалецъ нашъ священный!

Десница, ты забвенна будь,
Забвенъ будь, весь составъ мой бренный,
Когда забуду вспомянуть
Тебя, на-вѣки незабвенный!

Изъ ада молній и громовъ,
Изъ пещи, триста разъ разжженной,
Гдѣ пали тысячи бойцовъ,
Богохранимоизведенный,—

Я, какъ сумѣю, пропою,
Въ походъ готовясь замогильный,
Пѣснь лебединую мою,
Тебѣ на славу, витязь сильный!

Изъ ничего родясь, ты взросъ,
Огнемъ и жупеломъ крещенный;
Младенецъ въ пеленахъ-колоссъ,
Разилъ толпы враговъ надменныхъ!

Возникъ изъ праха, а стоялъ
Скалой-грозой неодолимой;
Что часъ горѣлъ и не сгоралъ,
Нашъ адамантъ несокрушимый!

Самсона сильнаго сильнѣй,
Средь безпрерывныхъ битвъ кипучихъ,
Ты вынесъ честь Россіи всей
Одинъ на раменахъ могучихъ!

Что день стригомый обросталъ
Чрезъ ночь власами новой силы;
Громимый, громы самъ металъ
И супостатамъ рылъ могилы!

Ты не стѣнами охранялъ
Святой залогъ,—его хранили
Грудь богатырская славянъ,
Отчизна, царь и Божьи силы!

Героевъ дивныхъ породилъ
Въ своихъ твердыняхъ скороспѣшныхъ;
Европу, міръ весь удивилъ
Величьемъ подвиговъ чудесныхъ!

Многострадальный, изнемогъ
Въ борьбѣ жестокой, безпримѣрной;
Но—великанъ нашъ! ты не легъ,
Не палъ, какъ Мецъ, Седанъ презрѣнный!

Нѣтъ, древнимъ предкамъ подражая,
Достойный внукъ богатырей,

Ты легъ костьми и погибая
Не посрамилъ земли своей!

И сохранятъ бытописанья
Потомкамъ дальнимъ въ образецъ
Твои геройскія страданья,
Равно—геройскій твой конецъ!

Грядущій родъ воспомянетъ
Тебя крестомъ, мольбой, а новый,
Нашъ юный родъ, уже плететъ
Вѣнецъ безсмертія лавровый.

Свящ. Дорошкевичъ.

НА ВЗЯТІЕ КАРСА. [1])

(16 ноября 1855 г.)

Во храмы, братья! на колѣни!
Возсталъ нашъ Богъ и грянулъ громъ!
На память позднихъ поколѣній
Судъ начатъ кровью и огнемъ...

Таковъ удѣлъ твой, Русь святая,—
Величье кровью покупать;
На грудахъ пепла выростая,
Не въ первый разъ тебѣ стоять.

Въ борьбѣ съ чужими племенами
Ты возмужала, развилась
И надъ мятежными волнами
Скалой громадной поднялась.

Опять борьба! Растутъ могилы...
Опять стоишь ты подъ грозой!
Но чую я, какъ крѣпнутъ наши силы,
И вижу я, какъ дѣти рвутся въ бой!..

За Русь! гремитъ народный голосъ,
За Русь! по ратямъ кликъ идетъ.
И дыбомъ подымается мой волосъ—
За Русь! душа и тѣло вопіетъ.

Все во гнѣвѣ проснулось и все закипѣло;
Великою мыслью все царство живетъ;
На страшныя битвы за правое дѣло
Народъ оскорбленный, какъ буря, идетъ.

Задвигались рати, какъ тучи съ громами,
Откликнулись степи, вздрогнули лѣса,
Мелькаютъ знамена святыми крестами,
И меркнутъ отъ пыли густой небеса.

За падшихъ героевъ отмщенье настало:
По сушѣ, по морю гулъ битвы пошелъ—
И знамя Ислама позорно упало,
Надъ Карсомъ поднялся двухглавый орелъ.

Да царствуетъ наша родная Держава,
Сыновъ—исполиновъ безсмертная мать!
Да будетъ тебѣ вѣковѣчная слава,
Облитая кровью, могучая рать!

Пусть огнедышащихъ орудій
Намъ зѣвы мѣдные грозятъ—
Мы не закроемъ нашей груди
Гранитомъ стѣнъ и сталью латъ.

Любовь къ отчизнѣ закалила
Въ неравныхъ спорахъ нашъ народъ,—
Вотъ сверхъестественная сила!
И чудотворный нашъ оплотъ!

Твердыня Руси—плоть живая,
Несокрушимая стѣна,
Надежда, слава вѣковая,
И честь, и гордость—все она!

За насъ Господь! Онъ Русью правитъ;
Онъ Моисеевъ жезлъ пошлетъ,
Царь по волнамъ жезломъ ударитъ—
И рати двинутся впередъ.

И грянутъ новые удары...
И вамъ, защитникамъ Луны,
За грабежи и за пожары
Отплатятъ Сѣвера сыны.

И. Никитинъ.

НА МИРЪ 1856 ГОДА. [1])

(18 марта 1856 г.)

Миръ заключенъ! Святая Русь простила,
И нехотя свой мечъ въ ножны вложила,
Чтобъ даромъ кровь не проливать...

[1]) Главнокомандующій русскихъ войскъ на Кавказѣ генералъ-адъютантъ **Николай Николаевичъ Муравьевъ** послѣ продолжительной блокады, начавшейся 17 сентября, взялъ 16 ноября 1855 г. неприступную крѣпость Карсъ со всѣмъ ея гарнизономъ, съ турецкимъ главнокомандующимъ, съ множествомъ пушекъ и большими складами оружія. Главный англійскій инженеръ, распоряжавшійся обороною Карса, генералъ Вильямсъ тоже попался въ плѣнъ. Послѣдствія взятія Карса были для насъ чрезвычайно важны, такъ какъ съ паденіемъ этой неприступной твердыни исчезла въ Малой Азіи вся турецкая армія и всѣ надежды враговъ нашихъ, возродившіяся у нихъ послѣ оставленія нами Севастополя, теперь рухнули. (А. Сафоновъ *Истор. очеркъ жизни и царств. импер. Александра II*). За взятіе Карса Муравьевъ получилъ наименованіе **Карскаго** и орденъ Георгія 2-ой степени.

[1]) Главныя условія Парижскаго трактата были слѣдующія: возстановленіе добрыхъ отношеній между вою-

Глубокихъ язвъ не помня, не считая,—
Она, одной рукой ихъ покрывая,
Врагамъ другую хочетъ дать...

Не въ первый разъ простимъ мы оскорбленья,
Добромъ за зло заплатимъ—примиренье
Великодушіемъ скрѣпимъ.
Не въ первый разъ неблагодарной местью
Намъ воздадутъ... Но вѣрою и честью
Опять за правду постоимъ!

Два года мы сражались въ битвахъ славныхъ,
Страдали мы:—но братьевъ православныхъ
Тяжелый жребій облегченъ;
У цѣли мы,—и не пропали битвы:
Господень храмъ, ковчегъ святой молитвы,
Единовѣрцамъ возвращенъ!...

Даны права,... написаны уставы,...
Порукой имъ всѣ Запада державы,—
Вздохнулъ свободнѣе Востокъ...
Ужъ турокъ, прежній бичъ христіанина,
Въ немъ видитъ не раба, а гражданина,
И день ихъ братства не далекъ!..

Такъ говоритъ Европа!..Что-жъ?..Дай, Боже!.
Чего хотѣли мы, какъ не того же?..
Да здравствуетъ честной союзъ!..
Посмотримъ, какъ Стамбулъ хранитъ обѣты,
Какъ слово чтутъ британскіе клевреты,—
Какъ ладитъ съ Австріей французъ?..

Гр. Е. Ростопчина.

ТИШИНА.

Пора! За рожью колосистой
Лѣса сплошные начались,
И сосенъ ароматъ смолистый
До насъ доходитъ... „Берегись!“
Уступчивъ, добродушно смиренъ,
Мужикъ торопится свернуть...
Опять пустынно тихъ и миренъ
Ты, русскій путь, знакомый путь!

Прибитая къ землѣ слезами
Рекрутскихъ женъ и матерей,
Пыль не стоитъ уже столбами
Надъ бѣдной родиной моей.
Опять ты сердцу посылаешь
Успокоительные сны.
И врядъ ли самъ припоминаешь,
Каковъ ты былъ во дни войны—
Когда надъ Русью безмятежной
Возсталъ немолчно скрипъ телѣжный,
Печальный, какъ народный стонъ!
Русь поднялась со всѣхъ сторонъ,
Все, что имѣла, отдавала
И на защиту высылала
Со всѣхъ проселочныхъ путей
Своихъ покорныхъ сыновей.
Войска водили офицеры,
Гремѣлъ походный барабанъ,
Скакали бѣшено курьеры;
За караваномъ караванъ
Тянулся къ мѣсту ярой битвы;
Свозили хлѣбъ, сгоняли скотъ;
Проклятья, стоны и молитвы
Носились въ воздухѣ... Народъ
Смотрѣлъ довольными глазами
На фуры съ плѣнными врагами,
Откуда рыжихъ англичанъ,
Французовъ съ красными ногами
И чалмоносныхъ мусульманъ
Глядѣли сумрачныя лица...
И все минуло... все молчитъ...
Такъ мирныхъ лебедей станица,
Внезапно спугнута, летитъ
И съ крикомъ, обогнувъ равнину
Пустынныхъ, молчаливыхъ водъ,
Садится дружно на средину,
И осторожнѣе плыветъ...

Свершилось! Мертвые отпѣты.
Живые прекратили плачъ,
Окровавленные ланцеты
Отчистилъ утомленный врачъ.
Военный попъ, сложивъ ладони,
Твердитъ молитву небесамъ,
И севастопольскіе кони
Пасутся мирно... Слава вамъ!
Вы были тамъ, гдѣ смерть летаетъ,
Вы были въ сѣчахъ роковыхъ
И, какъ вдовецъ жену мѣняетъ,
Мѣняли всадниковъ лихихъ.

. . . .

Война молчитъ—и жертвъ не проситъ;

ющими державами, очищеніе занятыхъ во время войны земель, возвращеніе плѣнныхъ, обезпеченіе цѣлости Оттоманской Порты, признаніе турецкимъ султаномъ правъ христіанъ въ томъ видѣ, какъ этого желалъ русскій императоръ, признаніе Чернаго моря нейтральнымъ, т. е. открытымъ только для торговыхъ судовъ и закрытымъ для военныхъ, обязательство Россіи и Турціи не заводить на Черномъ морѣ морскихъ арсеналовъ и признаніе Дуная открытымъ для свободнаго плаванія торговыхъ судовъ всѣхъ націй, въ обезпеченіе чего Россія должна была уступить часть Бессарабіи, которая присоединилась къ Молдавскому княжеству.

Народъ, стекаясь къ алтарямъ,
Хвалу усердную возноситъ
Смирившимъ громы небесамъ.
Народъ—герой! въ борьбѣ суровой
Ты не шатнулся до конца,
Свѣтлѣе твой вѣнецъ терновый
Побѣдоноснаго вѣнца!

Молчитъ и онъ... какъ трупъ безглавый,
Еще въ крови, еще дымясь;
Не небеса ожесточась,
Его снесли огнемъ и лавой;
Твердыня, избранная славой,
Земному грому поддалась!
Три царства передъ ней стояло.
Передъ одной... такихъ громовъ
Еще и небо не метало
Съ нерукотворныхъ облаковъ!
Въ ней воздухъ кровью напоили,
Изрѣшетили каждый домъ,
И, вмѣсто камня, намостили
Ее свинцомъ и чугуномъ.
Тамъ, по чугунному помосту,
И море подъ стѣной течетъ.
Носили тамъ людей къ погосту,
Какъ мертвыхъ пчелъ, теряя счетъ...
Свершилось! Рухнула твердыня,
Войска ушли... кругомъ пустыня,
Могилы... Люди въ той странѣ
Еще не вѣрятъ тишинѣ.
Но тихо... Въ каменныя раны
Заходятъ сизые туманы,
И черноморская волна,
Еще густа, еще красна,
Бездушно въ берегъ славы плещетъ...

Н. Некрасовъ.

26 АВГУСТА 1856 ГОДА.

Народомъ полонъ Кремль великій,
Народомъ движется Москва,
И слышны радостные клики,
И звонъ, и громы торжества.

Нашъ царь въ стѣнахъ, издревле славныхъ,
Среди ликующихъ сердецъ,
Пріялъ вѣнецъ отцовъ державныхъ,—
Царя-избранника вѣнецъ.

Ему Господь родного края
Вручилъ грядущую судьбу;
И Русь его благословляя,
Вооружаетъ на борьбу.

Его елеемъ помазуетъ
Она живыхъ своихъ молитвъ,
Да силу Богъ ему даруетъ
Для жизненныхъ, для царскихъ битвъ.

И преклоненны у подножья
Молитвеннаго алтаря,
Мы вѣримъ: будетъ милость Божья
На православнаго царя:

И дастъ Всевышній даръ познанья,
И ясность мысленнымъ очамъ,
И въ сердце крѣпость упованья,
Несокрушимую бѣдамъ.

И вѣримъ мы, и вѣрить будемъ,
Что дастъ Онъ даръ—вѣнецъ дарамъ,
Даръ братолюбья къ братьямъ-людямъ,
Любовь отца къ своимъ сынамъ;

И дастъ года Онъ яркой славы,
Побѣду въ подвигахъ войны,
И средь прославленной Державы
Года цвѣтущей тишины...

А ты, въ смиреніи глубокомъ,
Вѣнца пріявшій тяготу,
О, охраняй неспящимъ окомъ
Души безсмертной красоту!

А. Хомяковъ.

БЫЛА ПОРА.

Была пора: своихъ сыновъ
Отчизна къ битвѣ призывала
Съ толпой несмѣтною враговъ,
И рать за ратью возставала,
И бодро шла за ратью рать
Геройской смертью умирать.

Но смолкъ орудій страшный гулъ;
И, отстоявъ свой край родимый,
Народъ великій отдохнулъ.
Отчизна вышла невредима
Изъ той борьбы... какъ встарину—
Въ иную славную войну.

И вотъ опять она зоветъ
Своихъ сыновъ на бой упорный;
Но этотъ бой уже не тотъ...

Со зломъ и тьмой, съ неправдой черной,
Она зоветъ теперь на бой,
Во имя истины святой!

Не страшенъ намъ и новый врагъ,
И съ нимъ отчизна совладаетъ...

Императоръ Александръ II-й.

Смотрите, ужъ рѣдѣетъ мракъ,
Ужъ свѣтъ по всюду проникаетъ,
И содрагаясь чуетъ зло,
Что торжество его прошло.

А. Плещеевъ.

ТРУДИЛИСЬ, БѢДНЫЕ.

Трудились, бѣдные, вы, отдыху не зная,
Судьбѣ покорные, трудились день и ночь;
И думали: знать доля ужъ такая
Намъ Богомъ суждена—и горю не помочь!

Смочивъ поля кровавымъ, скорбнымъ потомъ,
Вы знали, что не вамъ они готовятъ плодъ,
Но не роптали вы, согбенные подъ гнетомъ.
Нѣтъ, вы несли свой крестъ, какъ праведникъ несетъ.

И Тотъ, Кто міръ своею чистой кровью
Отъ рабства искупилъ, Кто, какъ и вы, страдалъ,—
Кому молились вы смиренно и съ любовью,
Вамъ избавителя вѣнчаннаго послалъ.

А. Плещеевъ.

ЧТЕНІЕ МАНИФЕСТА 19 ФЕВРАЛЯ 1861 ГОДА.

«Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ Нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго.»

Заключительныя слова манифеста на освобожденіе крестьянъ.

Посмотри: въ избѣ мерцая
Свѣтитъ огонекъ;
Возлѣ дѣвочки-малютки
Собрался кружокъ;

И съ трудомъ, отъ слова къ слову
Пальчикомъ водя,
Попечатному читаетъ
Мужичкамъ дитя.

Мужички въ глубокой думѣ
Слушаютъ, молчатъ,
Развѣ крикнетъ кто, чтобъ бабы
Уняли ребятъ.

Бабы суютъ дѣтямъ соску,
Чтобы ротъ заткнуть,
Чтобъ самимъ, хоть краемъ уха,
Слышать что-нибудь.

Даже съ печи не слѣзавшій
Много-много лѣтъ
Свѣсилъ голову и смотритъ,
Хоть не слышитъ, дѣдъ.

Чтожъ такъ слушаютъ малютку?
Аль ужъ такъ умна?...
Нѣтъ! одна въ семьѣ умѣетъ
Грамотѣ она.

И пришлося ей, младенцу,
Старикамъ прочесть
Про желанную свободу—
Дорогую вѣсть!

Самой вѣсти смыслъ, покамѣстъ,
Теменъ имъ и ей,
Но всѣ чуютъ надъ собою
Зорю новыхъ дней...

Вспыхнетъ, братцы, эта зорька:
Тьма идетъ къ концу!
Ваши дѣтки ужъ увидятъ
Свѣтъ лицомъ къ лицу!

Тьма пускай еще ярится:
День взойдетъ могучъ!
Вѣщимъ окомъ я ужъ вижу
Первый свѣтлый лучъ!

Онъ горитъ ужъ на головкѣ,
Онъ горитъ въ очахъ
Этой умницы-малютки
Съ книжкою въ рукахъ!

Воля, братцы, это только
Первая ступень
Въ царство мысли, гдѣ сіяетъ
Вѣковѣчный день.

А. Майковъ.

ВЕЛИКОЕ ДѢЛО.

„Нѣтъ болѣе рабства!“—Владыка сказалъ—
И царское слово пошло, загудѣло,
И тамъ, гдѣ былъ рабъ—человѣкъ тамъ возсталъ,
Великое дѣло! Великое дѣло!

Во храмѣ Господнемъ, въ виду алтаря,
При дымѣ кадилъ и молитвахъ народа,
Даримое людямъ устами царя
Гремитъ благодатное слово: свобода!

И принялъ народъ отъ царя своего,
Въ смиреніи,—милость его безъ предѣла.
Бояре! Содѣйствуйте-жъ волѣ его
Въ грядущемъ устройствѣ великаго дѣла!

Не взрывъ своеволья, не дикая страсть
Здѣсь вольности призракъ являетъ народу:
Здѣсь любящимъ сердцемъ державная власть
Покорному міру даруетъ свободу.

Встань, новая сила—для вольныхъ трудовъ!
Дай Боже, чтобъ дивною жатвой созрѣло,
Торжественно шествуя въ роды родовъ,
Великое слово, великое дѣло!

В. Бенедиктовъ.

ДЕНЬ ВСТАЕТЪ.

День встаетъ багрянъ и пышенъ,
Долгой ночи скрылась тѣнь;
Новой жизни трепетъ слышенъ,
Чѣмъ-то вѣщимъ смотритъ день.
Съ сонныхъ вѣждъ стряхнувъ дремоту,
Бодрой свѣжести полна,
Вышла, съ Богомъ, на работу,
Пробужденная страна.

Съ картины В. Рожанскаго

1890 г. Типо-Литографія Новгор. Губ. Правленія.

КРЕСТЬЯНЕ БЛАГОДАРЯТЪ ГОСУДАРЯ ЗА ОСВОБОЖДЕНІЕ ОТЪ КРѢПОСТНОЙ ЗАВИСИМОСТИ.

Такъ торжественно-прекрасно
Блещетъ утро на землѣ;
На душѣ свѣтло и ясно,
И не помнится о злѣ:
Объ истекшихъ дняхъ страданья,
О потратѣ многихъ силъ,
Въ скорбныхъ мукахъ ожиданья,
Въ безвременности могилъ.
Пусть почіютъ мирно гробы
Тщетно ждавшихъ столько лѣтъ!
Память имъ... Но въ сердцѣ злобы,
Ни вражды, ни мести нѣтъ.
Все проститъ онъ безъ расчета,
Устоявшій въ дни тревогъ,
Онъ, чей духъ въ годину гнета
Пережилъ и перемогъ...
Слышишь, новому онъ лѣту
Пѣсню радости поетъ:
Благо всѣмъ, ведущимъ къ свѣту,
Братьямъ, съ братьевъ снявшимъ гнетъ;
Людямъ--миръ, благоволенье!
Долгихъ мукъ исчезнетъ слѣдъ...
Дню вчерашнему—забвенье,
Дню грядущему—привѣтъ!

И. Аксаковъ.

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЪ.

Христосъ, Христосъ воскресъ! Во-истину воскресъ!
Воспойте: живъ Господь, и слава въ вышнихъ Богу!
Блеснулъ свободы лучъ и намъ съ родныхъ небесъ,—
Осанна! Вайями усыплемте дорогу.

Разбита рабства цѣпь. Вставайте, мертвецы!
Вставайте, Лазари, изъ гроба вѣкового,
Гдѣ вы родилися, гдѣ отжили отцы:
Прощенье прошлому! Забвеніе былого!

Оплотъ коснѣнія и порчи сокрушенъ;
На свѣтъ, на Божій свѣтъ, скорѣе выходите!
Граждане новые, привѣтъ вамъ и поклонъ!
Богъ помочь, братья, вамъ! Богъ помочь въ новомъ бытѣ!

Не стойте, прочь скорѣй отъ двери гробовой!
Васъ жизнь къ себѣ зоветъ, живымъ работы много.
Впередъ! Васъ братья ждутъ, впередъ, рука съ рукой,
Теперь вамъ всѣмъ одно, всѣмъ общая дорога.
Вы, чуждые досель, сыны одной семьи,
Средь рабства явнаго и тайнаго проклятья,
Вглядитесь, наконецъ, друга въ друга: вы свои,
Одной неволей лишь разрозненные братья.

Но рабство сломано; давайте-жъ руки намъ,
Давайте, и пойдемъ, пойдемъ: насъ ждетъ работа,
И радость, и печаль—все вмѣстѣ, пополамъ,
Про дѣло земское всѣмъ общая забота.

Пойдемъ: свободы лучъ блеснулъ съ родныхъ небесъ,
Побѣду довершимъ при кликахъ всенародныхъ;
Христосъ, Христосъ воскресъ! Во-истину воскресъ,
И стала наша Русь землей людей свободныхъ.

Христосъ, Христосъ воскресъ! Хвала и честь тому,
Тому, кто, какъ пророкъ, евреямъ Богомъ данный,
Воздвигнулъ свой народъ отъ рабства и ему
Открылъ широкій путь къ землѣ обѣтованной!

М. Розенгеймъ.

ПОГОСТЪ.

Глубина небесъ синѣетъ,
Свѣтитъ яркая луна;
Церковь въ сумракѣ бѣлѣетъ,
На погостѣ тишина.

Тишина: не слышно звука,
Не горитъ огня въ селѣ;
Безпробудно скорбь и мука
Спятъ въ кормилицѣ-землѣ.

Спитъ въ землѣ нужда-неволя,
Спитъ кручина бѣдняковъ,
Спитъ безвыходная доля.
Миръ вамъ, кости мужичковъ!

Догорѣли ваши силы
Тише свѣчки восковой;
Донесли вы до могилы
Крестъ свой, кровью облитой...

Миръ вамъ, старыя невзгоды!
Память вѣчная слезамъ!
Вѣетъ воздухомъ свободы
По трущобамъ и лѣсамъ.

Золотыя искры свѣта
Проникаютъ въ глушь и дичь,
Слышенъ въ полѣ кличъ привѣта,
По степямъ веселый кличъ.

И. Никитинъ.

ЗАВѢТЪ СТАРИНЫ.

(на манифестъ 19 февраля 1861 г.)

Снилось мнѣ: по всей Россіи
Свѣтлый праздникъ—древній храмъ—
Звонъ, служенье литургіи,
Блескъ свѣчей и ѳиміамъ,—

На амвонѣ-жъ, въ ѳиміамѣ,
Точно въ облакѣ, стоитъ
Старцевъ сонмъ, и намъ во храмѣ,
Преклоненнымъ, говоритъ:

„Труденъ въ мірѣ, Русь родная,
Былъ твой путь; но дни пришли—
И, въ свой новый вѣкъ вступая,
Ты у Господа моли,

„Чтобъ въ сынахъ твоихъ свободныхъ
Коренилось и росло
То, что, въ годы бѣдъ народныхъ
Осѣнивъ тебя, спасло;

„Чтобы ты была готова,—
Сердце чисто, духъ великъ,—
Стать на судище Христово
Всѣмъ народамъ каждый мигъ;

„Чтобъ въ вождяхъ своихъ сіяя
Силъ духовныхъ полнотой,
Богоносица святая,
Міръ вела ты за собой

„Въ свѣтъ—къ свободѣ безконечной
Изъ-подъ рабства суеты,—
На исканье правды вѣчной
И душевной красоты“...

А. Майковъ.

НОВАЯ ЖИЗНЬ.

День лучшей жизни наступилъ.
Дѣла идутъ въ порядкѣ новомъ;
Царь-государь державнымъ словомъ
Отъ рабства насъ освободилъ.

Прошла на вѣкъ пора страданій!
Явился свѣтъ, исчезла тьма!
Ужъ нѣтъ позорнаго клейма,—
Ужъ нѣтъ тѣлесныхъ наказаній!!..

Престолу вѣрный въ дни невзгодъ,
Всегда покорный царской волѣ
Отецъ,—ужели въ лучшей долѣ
Тебя забудетъ твой народъ?

Нѣтъ! за тебя его молитвы
И день и ночь къ Творцу міровъ!
Пускай идутъ толпы враговъ!
Скажи: гдѣ врагъ? гдѣ поле битвы?

Русь станетъ твердою стѣной!
Она крѣпка, неодолима,—
Ея любовь несокрушима
Къ тебѣ и родинѣ святой!...

В. Бажановъ.

ЦАРЮ-ОСВОБОДИТЕЛЮ.

Великій день! минуло четверть вѣка,
Какъ на Руси, безъ смуты и борьбы,
По манію царя и *человѣка*,
Къ свободѣ, къ жизни призваны рабы.
Умы твердили робкіе: „не время!“
Ихъ обуялъ неодолимый страхъ...
Но мощно онъ подъялъ святое бремя
И вынесъ на своихъ его плечахъ!
Его слова—громадно ихъ значенье!—
Въ сердцахъ людей во вѣки не замрутъ:
„Сверши, народъ мой, крестное знаменье
„И Божье призови благословенье
„На честный свой и на *свободный* трудъ!“

Еще висѣлъ туманъ передъ разсвѣтомъ,
Съ живымъ лучомъ еще боролась мгла,
Но воля въ немъ къ добру—превозмогла
И стала новымъ царственнымъ завѣтомъ.
И мракъ тысячелѣтія густой
Въ единый день исчезъ въ лучѣ единомъ...
Взошла заря—и пахарь нашъ простой,
Уснувъ рабомъ, проснулся гражданиномъ!

Какъ былъ въ тотъ день прекрасенъ и великъ
Народный вождь, народомъ окруженный!
Какъ подвигомъ великимъ озаренный,
Былъ свѣтелъ, благъ его спокойный ликъ!
А площадь колыхалася, какъ море,
И знаменіе крестное творя,
Благословлялъ съ слезою въ каждомъ взорѣ
Весь людъ освободителя—царя...

Онъ зналъ народъ свой вѣрующій, сильный,
Онъ былъ съ народомъ—плоть одна и кровь,
Источникъ въ немъ кипѣлъ любвеобильный,
Жила въ немъ къ *человѣчеству* любовь!
Благословенъ твой подвигъ величавый,
Благословенъ да будешь ты во вѣкъ,
Жизнь обновленную намъ давый,
Освободитель, царь и человѣкъ!

А. Яхонтовъ.

Ея И. Величество
Государыня Императрица.

Е. И. В. Наслѣдникъ Цесаревичъ.

Е. И. Выс. В. Княж.
Ксенія Александровна.

Е. И. Выс. В. Кн.
Михаилъ Александровичъ.

Его И. Величество Государь Императоръ.

Е. И. Выс. В. Княжна Ольга Александровна.

Е. И. Выс. Вел. Кн.
Георгій Александровичъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

РУСЬ.

Подъ большимъ шатромъ
Голубыхъ небесъ—
Вижу—даль степей
Зеленѣется,

И на граняхъ ихъ,
Выше темныхъ тучъ,
Цѣпи горъ стоятъ
Великанами.

По степямъ въ моря
Рѣки катятся,
И лежатъ пути
Во всѣ стороны.

Посмотрю на югъ—
Нивы зрѣлыя,
Что камышъ густой,
Тихо движутся;

Мурава луговъ
Ковромъ стелется,
Виноградъ въ садахъ
Наливается.

Гляну къ сѣверу—
Тамъ, въ глуши пустынь,
Снѣгъ, что бѣлый пухъ,
Быстро кружится;

Подымаетъ грудь
Море синее,
И горами ледъ
Ходитъ по морю;

И пожаръ небесъ
Яркимъ заревомъ
Освѣщаетъ мглу
Непроглядную...

Это ты, моя
Русь державная,
Моя родина
Православная!

Широко ты, Русь,
По лицу земли,
Въ красѣ царственной
Развернулася!

У тебя ли нѣтъ
Поля чистаго,
Гдѣ-бъ разгулъ нашла
Воля смѣлая?

У тебя ли нѣтъ
Про запасъ казны,
Для друзей стола,
Меча недругу?

У тебя ли нѣтъ
Богатырскихъ силъ,

Старины святой,
Громкихъ подвиговъ?

Передъ кѣмъ себя
Ты унизила?
Кому въ черный день
Низко кланялась?

На поляхъ своихъ,
Подъ курганами,
Положила ты
Татаръ полчища.

Ты на жизнь и смерть
Вела споръ съ Литвой
И дала урокъ
Ляху гордому.

И давно-ль было,
Когда съ Запада
Облегла тебя
Туча темная?..

Подъ грозой ея
Лѣса падали,
Мать сыра-земля
Колебалася,

И зловѣщій дымъ
Отъ горѣвшихъ селъ
Высоко вставалъ
Чернымъ облакомъ!

Но лишь кликнулъ царь
Свой народъ на брань—
Вдругъ со всѣхъ концовъ
Поднялася Русь,—

Собрала дѣтей,
Стариковъ и женъ,
Приняла гостей
На кровавый пиръ.

И въ глухихъ степяхъ,
Подъ сугробами,
Улеглися спать
Гости на-вѣки.

Хоронили ихъ
Вьюги снѣжныя,
Бури сѣвера
О нихъ плакали!..

И теперь среди
Городовъ твоихъ
Муравьемъ кишитъ
Православный людъ.

По сѣдымъ морямъ,
Изъ далекихъ странъ.
На поклонъ къ тебѣ
Корабли идутъ.

И поля цвѣтутъ,
И лѣса шумятъ,
И лежатъ въ землѣ
Груды золота.

И во всѣхъ концахъ
Свѣта бѣлаго
Про тебя идетъ
Слава громкая.

Ужъ и есть за что,
Русь могучая,
Полюбить тебя,
Назвать матерью,

Стать за честь твою
Противъ недруга,
За тебя въ нуждѣ
Сложить голову!

И. Никитинъ.

МОЛИТВА ЗА РУССКАГО ЦАРЯ.

Держи свою десницу,
О Боже, надъ царемъ,
Храни, Господь, царицу
И весь державный домъ!

Пошли благословенье
На каждую семью,
Яви благоволенье
И милость намъ свою!

***

ВЕЛИЧАЛЬНЫЯ ПѢСНИ РУССКОМУ ЦАРЮ.

I.

Слава Богу на небѣ,
Слава!

Государю нашему на сей землѣ!
Слава! [1])
Чтобы нашему государю не старѣться,
Его цвѣтному платью не изнашиваться,
Его добрымъ конямъ не изъѣзживаться,
Его вѣрнымъ слугамъ не измѣниваться.
Чтобы правда была на Руси
Краше солнца свѣтла,
Чтобы царева золотая казна
Была вѣкъ полнымъ-полна;
Чтобы большимъ-то рѣкамъ
Слава неслась до моря,
Малымъ рѣчкамъ до мельницы.

II.

Славься, славься,
Нашъ Русскій царь,
Господомъ данный
Намъ царь-государь!
Да будетъ безсмертенъ
Твой царскій родъ,
Да имъ благоденствуетъ
Русскій народъ!

РУССКІЙ НАРОДНЫЙ ГИМНЪ.

Боже, царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли;
Гордыхъ смирителю,
Слабыхъ хранителю,
Всѣхъ утѣшителю
Все ниспошли.

Тамъ—громкой славою,
Сильной державою
Міръ онъ покрылъ;
Здѣсь—безмятежною,
Сѣнью надежною,
Благостью нѣжною
Насъ осѣнилъ!

Брани въ ужасный часъ
Мощно хранила насъ
Вѣрная длань;
Гласъ умиленія,
Благодаренія—

[1]) Въ этой пѣснѣ послѣ каждаго стиха повторяется «Слава!»

Сердца стремленія—
Вотъ наша дань! [1])

А. Пушкинъ.

ТОЖЕ.

Боже, царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли!
Гордыхъ смирителю,
Слабыхъ хранителю,
Всѣхъ утѣшителю—
Все ниспошли!

Перводержавную,
Русь православную,
Боже, храни!
Царство ей стройное,
Въ силѣ спокойное!—
Все-жъ недостойное
Прочь отжени!

Воинство бранное,
Славой избранное,
Боже, храни!
Воинамъ мстителямъ,
Чести спасителямъ,
Миротворителямъ—
Долгіе дни!

Мирныхъ воителей,
Правды блюстителей,
Боже, храни!
Жизнь ихъ примѣрную,
Нелицемѣрную,
Доблестямъ вѣрную,
Ты помяни!

О Провидѣніе!
Благословеніе
Намъ ниспошли!
Къ благу стремленіе,
Въ счастьи смиреніе,
Въ скорби терпѣніе
Дай на земли!

Будь намъ заступникомъ,
Вѣрнымъ сопутникомъ
Насъ провожай!

[1]) Только двѣ послѣднія строфы этого стихотворенія принадлежатъ Пушкину; первая же написана Жуковскимъ, который впослѣдствіи лично (1818 г.) дополнилъ свой гимнъ его заключительными куплетами.

Свѣтлопрелестная,
Жизнь наднебесная,
Сердцу извѣстная,
Сердцу сіяй!

В. Жуковскій.

МНОГОЛѢТІЕ.

Многи лѣта, многи лѣта,
Православный Русскій царь!
Дружно, громко пѣсня эта
Пѣлась прадѣдами встарь.

Дружно, громко пѣсню эту
И теперь вся Русь твердитъ,
Съ ней по цѣлому полъ-свѣту
Имя царское гремитъ.

Ей повсюду отвѣчая,
Мчится русское ура
Отъ Кавказа до Алтая,
Отъ Амура до Днѣпра.

Съ ней во дни Петровы шведу
Русскій путь загородилъ,
И за Нарвскую побѣду
Днемъ Полтавы отплатилъ.

Съ ней во дни Екатерины
Славенъ сталъ нашъ русскій штыкъ
И Кагульскія дружины,
И Суворовскій Рымникъ.

Съ нею грозно запылала
Вѣнценосная Москва.
И небесной карой пала
На враговъ ея глава.

Въ наши дни перешагнула
Съ нею рать Балкановъ грань,
Потрясла врата Стамбула,
Повалила Эривань.

Прогреми-жъ до граней свѣта,
И по всѣмъ сердцамъ ударь,
Наша пѣсня: Многи лѣта,
Православный Русскій царь!

В. Жуковскій.

СЛОВАРЬ.

А.

Абіе, церк.-слав.—скоро, тотчасъ.

Абордажъ, франц. abordage—сцѣпленіе на морѣ судовъ бортами во время сраженія.

Авары, у русскихъ *обры*—народъ татарскаго племени Шей-Шенъ. Въ VI в. по Р. X. они явились въ Европу, покорили славянъ и наводили ужасъ на Византію. Въ VII столѣтіи они были поражены и затѣмъ скоро и безслѣдно исчезаютъ. Память о нихъ сохранилась въ древне-русской пословицѣ: *Погибоша, аки обры*.

Авангардъ, отъ франц. avant впередъ, garde или guarde стража — передовой отрядъ въ войскѣ.

Аврора, имя греческой богини, дочери Титана и Земли и супруги Астрея,—утренняя зоря.

Авторъ, лат. autor (правильное auctor отъ augeo давать, расти, производить)—сочинитель.

Агаряне—потомки Измаила, сына Агари, жившіе въ Аравіи. Ихъ называютъ также *измаильтянами*.

Агонія, греч. ἀγών, ῶνος—предсмертная борьба жизни со смертью.

Адамантъ, церк.-слав. адамантъ камень, отъ греч. α-δαμάω—неукротимый, неразрушимый, несокрушаемый.

Административный, отъ лат. administrare управлять, чѣмъ либо завѣдывать—относящійся до управленія, завѣдыванія и распорядка.

Адмиралтейская *игла*—высокій вызолоченный шпицъ на башнѣ Главнаго Адмиралтейства въ Петербургѣ.

Адмиралъ, араб. emir al ma начальникъ на водѣ—главноначальствующій надъ флотомъ. Этотъ титулъ заимствованъ и усвоенъ нами при Петрѣ Великомъ.

Адъютантъ, лат. adjutans помогающій—въ войскѣ, офицеръ, служащій для передачи распоряженій начальства.

Ажно (*аже-но*)—такъ что.

Академія, отъ греч. соб. имени Ἀκαδημία—общество ученыхъ, соединившихся для усовершенствованія какой либо науки, или цѣлой отрасли наукъ. Въ XVII вѣкѣ въ большей части европейскихъ государствъ учреждаются академіи ученыя и художественныя. Академіями называются также нѣкоторыя изъ высшихъ учебныхъ заведеній.

Акаѳистъ, отъ греч. ἀ-не и καθίζω—сижу, несѣдаленъ, церк.-слав. несѣдаленъ—церковная хвалебная пѣснь и молитвы Спасителю, Богородицѣ и св. угодникамъ. Во время чтенія ихъ въ церкви нельзя было садиться.

Аки, церк.-слав. акы и др. рус.—какъ, какъ бы, подобно.

Аксамитъ, *оксамитъ*, греч. ἐξάμιτος—плотная бархатная, атласистая парча по золотой и серебряной землѣ, съ травами и разводами, мѣстами шитая золотыми и серебряными петлями, иногда двойными.

Алгебра, отъ араб. al-giebr соединять разрозненное—наука о величинахъ вообще.

Алебарда, отъ нѣм. hell свѣтлый и др.

—тевтон. bard или barth топоръ—древнее холодное оружіе въ видѣ топора, насаженнаго на древко.

Алкоранъ, см. *коранъ*.

Аллегорія, отъ греч. ἄλλος иный и γορευω называю—иносказаніе; слово, или же цѣлое предложеніе, въ которомъ одно говорится, а другое разумѣется.

Алчба—голодъ, голоданіе.

Альбіонъ—древнее названіе Великобританіи. Одни производятъ слово Альбіонъ отъ бѣлаго цвѣта мѣловыхъ горъ, лежащихъ на южномъ берегу Англіи; другіе отъ Альбіона, сына Нептуна, который, сдѣлавшись королемъ Великобританіи, дерзнулъ препятствовать Геркулесу переплыть черезъ Рону, за что и былъ убитъ градомъ камней, пущенныхъ въ него Юпитеромъ.

Амвонъ, греч. ἄμβον—возвышеніе въ церкви.

Амо, церк-слав. ӑмо—куда.

Анатомъ, отъ греч. ἀνατέμνω рѣжу, разсѣкаю — занимающійся изслѣдованіемъ строенія организма тѣлъ чрезъ разсѣченіе ихъ на части.

Анахронизмъ, отъ греч. ἀν-α-κρονός время безвременное—историческая погрѣшность.

Антикварій, лат. antiquarius—собиратель, любитель древностей.

Антропоморфизмъ, отъ греч. ἄνϑρωπος человѣкъ и μορφή образъ—представленіе отвлеченныхъ понятій въ видѣ человѣка.

Анаѳема, отъ греч. ἀνατιϑῆμι отлагаю, отлучаю—отлученіе отъ Церкви, проклятіе.

Апокрифъ, отъ греч. ἀποκρύπτω скрываю—сочиненіе духовнаго содержанія, но не признанное Церквью. Апокрифическія или *отреченныя* книги, какъ и каноническія (т. е. признанныя Церковью), перешли къ намъ изъ Болгаріи очень рано и составляли любимое чтеніе нашихъ предковъ.

Аргамакъ татар.— особая порода кабардинскихъ лошадей, отличающихся легкостью и скоростью на бѣгу. Аргамакъ лошадь довольно высокаго роста, весьма поджарая, съ длинной, тонкой шеей и довольно красивой головой. Русскіе цари и бояре любили всегда ѣздить на аргамакахъ.

Аренда, отъ сред.-вѣков. лат. arendare нанимать землю для воздѣлыванія—право пользованія частнымъ или казеннымъ недвижимымъ имуществомъ на извѣстный срокъ за опредѣленную сумму денегъ.

Арка лат.—полукруглый сводъ.

Арканъ татар.—веревка съ мертвою петлею на концѣ.

Армія, отъ лат. arma оружіе—войско.

Ароматъ, греч. ἄδωμα-τος— пріятный запахъ.

Арріергардъ, отъ франц. arrière назади и garde стража—полкъ, отрядъ, охраняющій тылъ войска.

Арсеналъ, отъ франц. ars искусство и кельт. sanal магазинъ—складъ оружія и военныхъ припасовъ.

Артель, татар. orta—общество рабочихъ, по извѣстному ремеслу, соединяющихъ въ одно свои заработки и дѣлящихъ ихъ между собою.

Артиллерія, сред.-вѣк. лат. artilleria военная машина—одинъ изъ трехъ главныхъ родовъ войска, дѣйствующій большими огнестрѣльными оружіями, которыя называются *артиллерійскими*.

Артистическій лат.—художественно сдѣланный, исполненный.

Арфа, лат. harpa—музыкальный инструментъ большого размѣра и треугольной формы съ 43 кишечными струнами, расположенными вертикально (отвѣсно). Арфа была извѣстна всѣмъ древнимъ народамъ.

Архимандритъ, отъ греч. ἀρχή начало и μάνδρα паства, стадо—настоятель монастыря.

Ассамблея, отъ франц. assemblée собраніе, съѣздъ—родъ нынѣшнихъ баловъ, учрежденныхъ въ Россіи Петромъ I, съ цѣлію пріучить своихъ подданныхъ къ обходительности и вѣжливости.

Атака, отъ франц. attaque, attaquer напасть, начать сраженіе – нападеніе на непріятеля, находящагося въ открытомъ полѣ или за укрѣпленіями.

Атаманъ, ср. нѣм. Hauptmann начальникъ—предводитель шайки, голова казачьей общины.

Аттрибутъ, лат. attributum—принадлежность, признакъ какого либо предмета.

Афиша, отъ франц. afficher прибивать —печатное или писанное объявленіе о какомъ-либо имѣющемся быть представленіи.

Аще, церк.-слав.—если, когда.

Б.

Багрить—ловить особымъ способомъ, посредствомъ багровъ, большую рыбу. *Багренье*—донынѣ практикуется на Волгѣ и особенно на Уралѣ.

Багряница—одежда пурпуроваго, краснаго цвѣта. *Порфира*—багряный (алый) широкій плащъ, подбитый горностаемъ; торжественное облаченіе коронованныхъ особъ.

Базаръ, перс. bazar рынокъ—мѣсто, гдѣ производится торгъ или продажа издѣлій. Въ Россіи, во многихъ городахъ, базаромъ называются торговыя площади.

Балъ, отъ древ. франц. baler, balloter танцовать—вечернее собраніе обоего пола для танцевъ.

Бальзамированіе--происходитъ, вѣроятно, отъ финик. *баль-саменъ, бель-саменъ* бога солнца; масло *бель-саменово* было посвящено ему, или употреблялось при его богослуженіи.

Бандура, греч. πανδουρα--малороссійскій простонародный музыкальный инструментъ въ родѣ гитары. *Бандуристъ*—игрокъ на бандурѣ. Бандуристы бывали прежде въ каждомъ порядочномъ барскомъ дворѣ въ Малороссіи, и казачки плясали и пѣли съ бандурами.

Бардъ, отъ кельт. Barden жрецъ—пѣвецъ, вдохновляемый и просвѣщаемый вліяніемъ боговъ.

Бармы (святые)—царское ожерелье, въ видѣ пелерины. Бармы упоминаются при каждомъ вѣнчаніи на царство русскихъ государей, начиная отъ Іоанна IV до Петра В. въ „чинѣ царскомъ." На пелеринѣ были слѣдующія иконы: Спасителя, Богоматери, Креста Господня и нѣкоторыхъ святыхъ. Бармы были присланы Владиміру Мономаху отъ греческаго императора Константина IX.

Барсъ (*пантеръ*) — млекопитающее хищное животное изъ семейства кошекъ, водится въ Бенгалѣ. Барсы быстро бѣгаютъ и проворно лазаютъ по деревьямъ.

Баскакъ татар., знач. „выжиматель" —чиновникъ, опредѣляемый отъ хана для сбора дани съ русскихъ, для понужденія князей къ исполненію ханскихъ приказаній и для наблюденія за русскими князьями. Баскаки имѣли въ своемъ распоряженіи значительное число монгольскаго войска и всѣ, безъ исключенія, подчинялись одному *великому баскаку*, который жилъ сперва во Владимирѣ, а впослѣдствіи въ Москвѣ.

Баски (Basques)—народъ, живущій на с. и ю. отлогостяхъ з. Пиренеевъ. Они отличаются отъ прочихъ испанскихъ и галльскихъ племенъ тѣмъ, что съ самыхъ древнихъ временъ остались неприкосновенными въ своихъ горахъ и сохранили свои особенности. Они вспыльчивы, суетны, горячи, но веселы, обходительны, гостепріимны, вѣрны, трудолюбивы, ловки и пламенные патріоты.

Басма—слово татарское и турецкое, знач. оттискъ, отпечатокъ, печатаніе и всѣ печатныя ткани. Ордынскіе послы, пріѣзжавшіе къ русскимъ вел. князьямъ, обыкновенно привозили съ собою басму. В. князья всегда выходили имъ на встрѣчу пѣшіе, кланялись, подносили кубокъ съ кумысомъ и, для слушанія ханскихъ грамотъ, подстилали чтецу подъ ноги соболій мѣхъ и преклоняли колѣна.

Бастіонъ, франц. bastion—башня на углу крѣпостной стѣны или крѣпостного вала.

Басурманъ, *бусурманъ*, отъ нѣмец. böser злой и Mann человѣкъ—масульманинъ, а иногда всякій неправославный, всякій иноземецъ и иновѣрецъ въ непріязненномъ значеніи, особенно азіатецъ или турокъ.

Баталіонъ франц.—часть пѣхотнаго полка, состоящая обыкновенно изъ четырехъ ротъ, до 1000 человѣкъ

Баталія, отъ лат batuo бью—сраженіе, битва.

Батарея, отъ лат. batuo бью—нѣсколько боевыхъ орудій, соединенныхъ для дѣйствія въ одномъ мѣстѣ; валъ и другія земляныя работы, для прикрытія назначенныхъ къ дѣйствію орудій.

Батогъ, срав. франц. baton палка—палка, прутъ съ обрѣзанною вершиною. Это слово встрѣчается еще въ Русской Правдѣ: «*еже кто ударитъ батогомъ, то 12 гривенъ продажи за обиду.*» «*Бить батоги*», «*бить батожьемъ*»—наказаніе, существовавшее у насъ до Екатерины II, по Уложенію Алексѣя Михайловича, опредѣлялось за разныя преступленія, напр. за волочьбу дѣла: «*Дьяковъ бить батоги, а подъячихъ кнутомъ.*»

Батожникъ, отъ *батогъ*—1) прутнякъ, хворостинникъ; 2) трапезникъ, церковный сторожъ.

Батырь, сокращ. отъ *богатырь*—удалецъ, силачъ.

Башкиры, *башкирцы* (башкуртъ—главный волкъ, по нѣкоторымъ переводамъ пчеловодъ, головной червь, воръ)—народъ, обитающій почти по всему Уральскому хребту. Происхожденіе башкиръ неизвѣстно; по общему мнѣнію они считаются остатками ногайскихъ татаръ.

Бедуинъ, отъ араб. bedavi скакать по пустынѣ—житель пустыни, въ Аравіи.

Бердышъ стар.—широкій топоръ.

Беремя—полногласная форма слова *бремя*, т. е. тяжесть, ноша.

Берцо—голень.

Бесерменъ—см. *басурманъ*.

Бешметъ татар.—стеганое полукафтанье.

Библіографическій, отъ греческ. βιβλος книга и γραφω пишу—относящійся до *библіографіи*, науки, разсматривающей описаніе книгъ по внутреннимъ и внѣшнимъ ихъ качествамъ.

Бивакъ, отъ нѣм. bei при и Wacht стража—мѣсто привала войска въ походѣ.

Било—доска, въ которую бьютъ по ночамъ для показанія времени, а въ нѣкоторыхъ монастыряхъ—для созыва братіи.

Бирючъ, *биричъ*, стар.—глашатай, объявляющій но улицамъ и площадямъ постановленія правительства.

Благодеръ—испорчен. отъ *бригадиръ*.

Блато—неполногласная форма слова *болото*.

Блокада—осада, обложеніе.

Бо церк.-слав.—союзъ, ибо, поелику.

Богатырь татар.—необычайный силачъ, смѣлый и удачливый, храбрый и счастливый воинъ, витязь.

Боготметный—отпадшій, отшатнувшійся отъ Бога.

Бойница—укрѣпленіе, насыпь съ оружіями.

Бомба, отъ греч. βομβος глухо шумящій—пустой чугунный шаръ, наполненный порохомъ.

Бомбардиръ—солдатъ для прислуги у бомбардирнаго орудія; старшій канонеръ вообще.

Борей, греч. βορέυς—сѣверный вѣтеръ.

Боронить, полногласная форма глаг. *бранити*—обороняться, защищатьтся, охранять; отс. *оборона*—защита.

Бортничать—заниматься пчеловодствомъ, особенно лѣснымъ.

Ботъ, нѣм. Boot лодка, судно—одномачтовое, плоскодонное рѣчное или приморское судно для перевозки груза въ 6000 пуд.

Бояринъ, *болярииъ*, отъ *болій* великій—вельможа, высшій сановникъ древней и Московской Руси.

Бразда—удила конскія; *бразды правленія*—власть начальственная.

Братина—чаша для питья.

Брашно—пища, кушанье, блюдо.

Брешь, отъ кельт. brech, breca—отверстіе въ стѣнѣ крѣпости, сдѣланное выстрѣлами непріятеля.

Бригадиръ, отъ кельт. briga собраніе людей—начальникъ бригады (нѣсколькихъ полковъ). Званіе это, введенное въ Россіи Петромъ В. и отмѣненное при Павлѣ I, по табели о рангахъ, занимало мѣсто между чинами генералъ-маіора и полковника.

Броня—доспѣхъ, латы, кованая одежда изъ металлическихъ пластинокъ, колецъ и сѣти.

Бубенъ, или *бубны*—музыкальное орудіе, въ родѣ барабана, состоящее изъ круга, обтянутаго сухой кожей, съ колокольцами или бубенчиками; употребляется болѣе при пляскѣ.

Буздыганъ стар.—булава или воеводскій жезлъ, на который насаживалось металлическое яблоко съ острыми гвоздями.

Букля, франц. boucle возвышеніе, горбъ, завитокъ—завитые волоса.

Булава—палка деревянная или металлическая, съ шаромъ или яблокомъ на концѣ, нѣкогда военное оружіе, впослѣдствіи со временъ Стефана Баторія, знакъ гетмана въ Польшѣ и у запорожскихъ казаковъ.

Булатъ—узорочная сталь, оружіе изъ стали; *булатный*—изъ него сдѣланный.

Бунчукъ тур.—то же, что булава, жезлъ малороссійскихъ гетмановъ.

Бурзамецкій—см. *мурзамецкій*.

Бурка—войлочный круглый плащъ.

Бурнастый—хохлатый.

Бусы-галеры — большія, круглыя лодки, съ острымъ носомъ и отрубистой кормой.

Бухаръ, *бухаринъ*—житель ханства Бухары въ средней Азіи.

Бухта, нѣмец. Bucht—небольшая гавань.

Бюстъ, отъ итал. busto грудь—изваяніе по грудь.

Былина—стихотворный разсказъ о подвигахъ вымышленныхъ героевъ, въ образѣ которыхъ народъ соединилъ все то, что нѣкогда считалъ самымъ лучшимъ и самымъ возвышеннымъ.

В.

Вайія, ваія,—вѣтвь финиковой или палестинской ивы, у насъ ивовая, верба.

Вальяжный—рѣзной, точеный, красиво и прочно отдѣланный.

Вандалъ—имя народа славянскаго племени, покореннаго византійскимъ полководцемъ Велизаріемъ въ 584 г. Имя это обратилось въ общее названіе варвара, грубаго, непросвѣщеннаго человѣка. *Вандализмъ*—поступокъ грубый, противный просвѣщенію, образованности.

Вандышъ—мелкая рыбка, мелюзга.

Варваръ, греч. βάρβαρος дикій—названіе, даваемое древними греками всѣмъ народамъ безъ различія, которые не принадлежали къ ихъ племени. Впослѣдствіи, когда въ Греціи распространилось образованіе и просвѣщеніе, слово *варваръ* стало употребляться для наименованія народовъ, оставшихся въ первобытномъ состояніи. Грекамъ подражали римляне, которые называли варварами всѣ народы, за исключеніемъ грековъ, коихъ уважали за ихъ ученость и образованность.

Варъ—кипятокъ, кипящая вода.

Ватага татар.—нѣсколько человѣкъ, соединившихся для общаго дѣла; шайка людей: такъ доселѣ на Каспійскомъ морѣ общество рыболововъ называется *ватагой*, а по нимъ и самыя мѣста, гдѣ они собираются.

Ваятель, отъ *ваять* высѣкать отъ руки подобія людей, животныхъ и разныя украшенія—лицо, занимающееся ваяніемъ.

Вельми церк.-слав.—весьма.

Вепрь—дикій боровъ, или свинья.

Верея—притолока, липа дверная; столбы, на которые навѣшиваются полотенца воротъ.

Верига отъ *верти* запирать—1) желѣзныя оковы на руки и ноги: *повели связати его вериги желѣзными* (Іоан. XXI, 33); 2) цѣпь, или обручемъ погнутая полоса желѣза, которую надѣваютъ подвижники вѣры на тѣло, подъ рубашку.

Вертоградъ церк.-слав.—садъ, огородъ.

Верховный *дьякъ*—состоящій при особѣ царя. Встарину цари и бояре жили въ верхнихъ этажахъ своихъ теремовъ, почему и *верхомъ* называли царскіе и боярскіе покои.

Верша—рыболовный снарядъ изъ прутьевъ, въ видѣ бутыли или воронки. Верши дѣлаются также изъ сѣти, на обручахъ. *Попалъ въ вершу*—въ бѣду.

Весь церк.-слав.—селеніе, деревня.

Ветеранъ, отъ лат. vetus, veteris древній—старый солдатъ.

Взводъ воен.—половина роты.

Виватъ, лат. vivat—привѣтствіе, соотвѣтствующее нашему *ура*: да здравствуетъ, многія лѣта, будь здоровъ и т. п.

Визирь, араб. vesir помощникъ—первый министръ турецкаго султана.

Вирша—стихъ; нынѣ этимъ именемъ называютъ плохіе стихи, а встарину виршами особенно называли стихи поздравительные.

Витія—ораторъ, краснорѣчивый писатель.

Витязь, испорч. изъ сканд. *витингъ*—храбрый, доблестный воитель.

Власяница—одежда, сдѣланная изъ волосъ и носимая, въ родѣ веригъ, на голомъ тѣлѣ.

Воевода, сложное слово изъ *вой* воинъ и *вод* водить—полководецъ, предводитель войска, впослѣдствіи управитель области, города. Званіе это исчезаетъ на Руси со временъ императрицы Екатерины II.

Возграять—гаркать, громко кричать.

Вой, мн. *вои*, срав. *бой*—воинъ, ратникъ.

Волимъ—отъ гл. *волить* желать, приказывать. Этимъ словомъ казаки выражали на радѣ свое согласіе на то или другое предложеніе.

Волхвъ—знахарь, колдунъ, кудесникъ, гадатель, мудрецъ.

Вольжаный народ.—сдѣланный изъ дерева ольхи.

Вольница—въ древнемъ Новгородѣ и Псковѣ, шаловливая, буйная, своевольная молодежь.

Ворогъ—полногласная форма слова *врагъ*.

Воспящать, отъ нарѣчія *вспять* назадъ—препятствовать, мѣшать.

Вотчина, *отчина*, отъ сущ. *отъ* отецъ—родовое недвижимое имѣніе, переходящее по прямому наслѣдству.

Вотще церк.-слав.—напрасно.

Вранъ—неполногласная форма слова *воронъ*.

Выжлеца—ищейная, гончая собака.

Выя церк.-слав.—шея.

Вѣжа стар.—1) колонча, башня; 2) палатка, шатеръ.

Вѣжды церк.-слав.—рѣсницы.

Вѣжество стар.—ученость, образованіе, а также учтивость и знаніе приличій.

Вѣче стар.—народное собраніе, дума, совѣщаніе, сходившееся на площадь по призыву колокола. *Вѣчникъ*—членъ, участникъ вѣча. *Вѣчная грамота*—письменное заключеніе вѣча.

Вѣщій, отъ *вѣщать* предсказывать—мудрый, знающій будущее.

Вязь—шнурокъ, тесьма.

Вящшій церк.-слав.—высшій, главный.

Г.

Гавань, нѣм. Hafen—заливъ, пристань для кораблей.

Галлы, или *кельты*—племя, заселявшее въ глубокой древности большую часть зап. и центральной Европы и давшее начало французамъ, англичанамъ и др. Нынѣ этимъ именемъ называютъ иногда французовъ.

Гармата малорос.—пушка.

Гарнизонъ—войско, назначенное для внутренней стражи въ крѣпости, городѣ или мѣстечкѣ.

Гарцовать—молодечествовать, наѣздничать, показывать свою ловкость на конѣ.

Гаспидъ малор.—аспидъ, змій; злой духъ, діаволъ; злой, лукавый человѣкъ.

Гвардія, сред.-вѣк. лат. guardia защита, оборона—сначала учреждена была въ качествѣ тѣлохранителей въ Италіи, но теперь составляетъ войско отборное, назначенное къ образованію стражи государя и служащее главнымъ резервомъ арміи. Петръ В. положилъ первое основаніе русской гвардіи изъ своей роты *потѣшныхъ*.

Генералъ, отъ лат. generalis главный—военный чинъ четвертаго класса и выше, начиная отъ генералъ-маіора. Полные генералы: *генералъ отъ инфантеріи* (пѣхоты), *генералъ отъ артиллеріи* и *генералъ отъ кавалеріи*. *Генералъ-фельдмаршалъ*—старшій военный санъ, въ чинѣ перваго класса. *Генералиссимусъ*—главнокомандующій всей военной силы государства. *Генералитетъ*—общество генераловъ. *Генералъ-адъютантъ*—адъютантъ генеральскаго чина при государѣ. *Генералъ-губернаторъ*—главный начальникъ одной изъ столицъ, нѣсколькихъ губерній или цѣлаго края. *Генеральная старшина*, во время гетмановъ малороссійскихъ,—пять главныхъ войсковыхъ чиновъ: *генеральный писарь*, —*есаулъ*,—*бунчужный*,—*судья*,—*обозный*.

Геній—полубогъ древнихъ, по миѳологіи духъ, который присутствовалъ при рожденіи каждаго человѣка, охранялъ его во всю жизнь и доставлялъ ему пріятныя удовольствія. Въ настоящее время геніями называютъ людей, производящихъ своею мыслію или открытіемъ великій переворотъ въ наукѣ и жизни цѣлаго человѣчества. Таковы, напр.: Ньютонъ, Петръ Великій, Наполеонъ I и др.

Гетманъ—главный вождь и начальникъ казаковъ и всего малороссійскаго народа. Избираемый на радѣ вольными голосами, гетманъ имѣлъ неограниченную исполнительную власть и право сношенія съ иностранными державами. Гетманы со временъ Мазепы имѣли свой дворъ, бунчужныхъ товарищей и тѣлохранителей изъ сердюковъ. Званіе это было уничтожено Екатериною В. въ 1764 г.

Ѓидра, отъ ὕδωρ вода—баснословный

змѣй о семи головахъ, изъ которыхъ каждая по отсѣченіи замѣнялась новою.

Гипотеза, греч. ὑπόϑεσις—предположеніе.

Глашатай стар.—то же, что бирючъ, оповѣститель народу.

Глуздырь, глыздырь—умникъ, въ насмѣшку дурень.

Гоголь—толстоголовая, плоская, круглая утка.

Голыдьба—нищая братія.

Горлатная *шапка*—высокая, мѣховая, носимая встарину нашими боярами.

Горнъ, горнило—печь съ широкимъ челомъ, съ мѣхомъ, поддуваломъ или тягой, для калильныхъ и частію плавильныхъ работъ.

Городня стар.—часть забора отъ столба до столба, сваи.

Господарь стар.—государь и господинъ, владѣлецъ; санъ государей Молдавіи и Валахіи.

Гость стар.—иноземный или иногородный купецъ, торгующій не тамъ, гдѣ приписанъ. *Гостьба*—пребываніе въ чужой сторонѣ для торговли. *Гостиный дворъ*—торговый рядъ, а встарину—постоялый дворъ для купцовъ.

Градъ стар.—неполногласная форма слова *городъ*. *Градъ, городъ* встарину обозначалъ вообще всякое огороженное мѣсто для защиты. Города были *земляные* и *рубленые*; у первыхъ стѣны состояли изъ земляныхъ валовъ, у вторыхъ деревянныя. *Городище*—остатки города, селенія или укрѣпленія.

Грамота стар.—1) ученіе, образованіе; 2) царское письмо, указъ; 3) вообще письмо.

Граната, отъ лат. granum зерно—ядро, начиненное порохомъ.

Гренадеръ—солдатъ, при Людовикѣ XIV во Франціи, назначавшійся для метанія гранатъ. Гренадеры избирались изъ всей арміи самые здоровые и сильные.

Гривна стар.—слитокъ серебра вѣсомъ въ фунтъ, имѣвшій въ древней Руси значеніе монеты: *даша на немъ рублей гривну*. Около 1420 г. рубль былъ нѣсколько меньше гривны серебра, потомъ при в. к. Василіи Темномъ начали изъ фунта серебра дѣлать по $2^1/_2$ руб., съ 1533 г. по 3, въ послѣдовавшее время еще больше; и гривна мало по малу потеряла свое первоначальное значеніе.

Гридня стар.—покой въ княжескомъ дворцѣ, гдѣ принимались запросто гости; сборная, пріемная. *Гридни* — княжескіе тѣлохранители.

Громада малорос.—рада, міръ, мірская сходка.

Грючать—стучать.

Гунка—худая, ветхая одежда, рубище.

Гуріи — женщины, красота которыхъ никогда не увядаетъ; онѣ обитаютъ въ раю, обѣщанномъ Магометомъ, и служатъ тамъ тѣмъ изъ правовѣрныхъ, которые строго соблюдаютъ въ жизни законы Пророка.

Гусаръ, отъ венгер. husz двадцать—легкоконный воинъ въ венгерской одеждѣ. Въ Венгріи въ XV в. положено было съ двадцати домовъ брать одного коннаго.

Гусли, отъ корня *гуд* (гудѣть)—музыкальный инструментъ, похожій на фортепіано, безъ клавишей, съ проволочными струнами. *Гусляръ*—играющій на гусляхъ.

Густыня—лѣсная чаща.

Гуяръ, *гяуръ* тур.—неправовѣрный Этимъ именемъ турки называютъ христіанъ.

Д.

Дань—срочная плата покореннаго народа побѣдителю. *Дани-выходы*—дань татарамъ; *невыходъ*—что не додано. *Данникъ*—платящій дань.

Даточные *люди*—ратники, служившіе встарину только во время войны и возвращавшіеся по окончаніи ея домой.

Дворище стар.—дворъ князя.

Демественный, отъ греч. δομέστικος домашній—такъ назывался встарину церковный напѣвъ, заимствованный русскими у грековъ; напѣвъ гнусливый, протяжный, въ одинъ голосъ.

Демонъ, греч. δαίμων духъ — злой духъ.

Денница—утренняя заря, разсвѣтъ.

Депутатъ, отъ лат. deputare назначить кого либо—лицо, назначенное вести переговоры отъ другого лица или общества.

Десница, *десная* церк.-слав.—правая рука, отс. *одесную*—направо.

Десятина—десятая часть земляныхъ плодовъ и другихъ предметовъ, платимая

нѣкогда церкви, князьямъ или владѣтелямъ земли; учрежденіе весьма древнее. Отс. *Десятинная* церковь во имя Богородицы въ Кіевѣ, названная такъ потому, что Владиміръ св. установилъ взимать въ пользу ея десятую часть отъ своихъ приходовъ.

Джура малорос.—мальчикъ, прислужникъ, преимущественно при гетманѣ.

Дивизія, отъ лат. divisio дѣленіе, отдѣлъ—часть арміи, состоящая изъ четырехъ полковъ.

Диктаторъ, отъ лат. dictitare говорить — сановникъ съ верховною властью, избиравшійся въ трудныхъ обстоятельствахъ.

Діадема, греч. διαδήμα—головная повязка изъ шерсти или шелку, украшенная драгоцѣнными камнями. Діадема была сперва только отличіемъ древнихъ персидскихъ царей, потомъ вошла въ Грецію, Парѳенію, Галлію и др. страны. Впослѣдствіи она была замѣнена короною и нынѣ составляетъ дамскій головной уборъ.

Длань, *долонь* церк.-слав.—ладонь; употребл. въ см. *рука*.

Днесь церк.-слав.—сегодня, теперь; иногда означаетъ неопредѣленное пространство времени, даже самую вѣчность: *Сынъ мой еси ты, азъ днесь родихъ тя*.

Довбишъ малорос.—музыкантъ, бьющій въ литавры.

Довлѣетъ отъ церк.-слав. довлѣти—довольствуетъ, удовлетворяетъ.

Долгомѣрное *оружіе*—дальномѣрное; оружіе (пушка), бьющее далеко.

Донкишотствовать, отъ имени героя романа Сервантеса „Донъ Кихотъ“—возвеличивать себя, сумасбродничать.

Доспѣхъ (и)—полное вооруженіе воина.

Драгунъ, отъ лат. draco драконъ—воинъ, могущій сражаться и пѣшій, и на конѣ. Первый драгунскій полкъ сформированъ у насъ при Петрѣ В. въ 1704 г.

Драконъ, отъ греч. δέρκομαι блестѣть смотрѣть—баснословное чудовище съ крыльями, когтями и змѣинымъ хвостомъ. Голова его была покрыта нѣсколькими длинными гребнями, а пасть извергала огонь.

Древко—стержень знамени.

Дробныя *деньги*—мелкія.

Дротикъ—копье, пика.

Дрочёное *дѣтище* стар.—нѣжное, балованное.

Дружина—княжеская рать, войско; совѣтники и слуги князя.

Дуванъ—добыча послѣ набѣга или разбойничанья. *Дуванить*—дѣлить добычу послѣ набѣга. *Дуванъще*—мѣсто, гдѣ дѣлится добыча.

Дукатъ, отъ лат. dux герцогъ—монета; нынѣ дукаты германскій, голландскій и шведскій золотые по 2 р. 95 к., датскій 2 р. 37 к.

Дума боярская—постоянный совѣтъ московскихъ царей изъ приближенныхъ къ нимъ особъ, занимавшійся дѣлами, которыя подлежали разсмотрѣнію и рѣшенію царя. Начало свое Дума ведетъ отъ обыкновенія русскихъ князей совѣтоваться съ своими дружинниками. Іоаннъ Грозный далъ ей опредѣленное и правильное устройство. Форма ея рѣшеній, выражавшаяся словами *„государь указалъ, и бояре приговорили“* существовала до Петра Великаго. Дума составлялась изъ бояръ и дворянъ, которые поэтому назывались *думными*.

Дуэль, отъ лат. bellum война—поединокъ, борьба на смерть между двумя лицами.

Дщерь церк.-слав.—дочь.

Дыба—машина, въ которой пытали преступниковъ: *аже извиниться Русинъ у Ризѣ, у дыбу его не сажити*. (Рус. П.).

Дьякъ стар.—письмоводъ, секретарь, правитель канцеляріи.

Дѣдина—вотчина, наслѣдье отъ предковъ.

Дѣти *боярскіе*—мелкопомѣстное дворянство; встарину особое сословіе.

Дѣтинецъ стар.—внутреннее укрѣпленіе города, кремль.

Дѣтскій стар.—отрокъ; тѣлохранитель, прислужникъ при князѣ.

Дюкъ, отъ лат. dux предводитель—титулъ, сохранившійся въ русскомъ языкѣ только за нѣкоторыми лицами.

Е.

Егда церк.-слав.—когда.

Егерь, нѣм. Jäger—охотникъ, стрѣлокъ. *Егермейстеръ*—начальникъ надъ придворными егерями.

Е ж е церк.-слав.—дабы, чтобы; то есть.

Е з у и т ъ—см. *iезуитъ*.

Е л е й, греч. ἔλαιος—растительное масло, иначе деревянное.

Е р е с ь, отъ греч. αἱρέω беру, выбираю—мнѣніе, отклоняющееся отъ ученія церкви о какомъ либо догматѣ вѣры. *Еретикъ*—вѣроотступникъ.

Е ф и м о к ъ—старинное названіе талера, серебряной германской монеты, равняющейся нашимъ 90 коп.

Е х и д н а—змѣя; злой, злорадный, лукавый человѣкъ.

Ж.

Ж а р о в о е *дерево*—рослое, высоко выбѣжавшее.

Ж и в о т ъ стар.—жизнь, достояніе, имущество.

Ж и т н ы й *дворъ* стар.—казенная кладовая хлѣба.

Ж р е ц ъ — духовное лицо нехристіанскаго исповѣданія, приносящее жертвы божеству.

Ж у п а н ъ—теплая верхняя одежда, шуба, тулупъ.

Ж у п е л ъ — горючая сѣра; горящая смола, жаръ и смрадъ.

З.

З а б р а л о стар.—заборъ, стѣна; наличникъ шлема.

З а г о н ъ—пахотный участокъ земли; загороженное мѣсто для скота; наѣздъ или набѣгъ за добычей; *жить въ загонѣ*—подъ гнетомъ, въ обидѣ, въ черномъ тѣлѣ.

З а л ѣ з т ь—достать, добыть. *Залѣзено увѣчье*—добыто; *залѣзъ 50 друговъ*—пріобрѣлъ 50 друзей.

За̀ м о к ъ — обширный домъ, дворецъ, укрѣпленный рвомъ, стѣнами и башнями.

З а м у р а в и т ь—закласть, заложить камнемъ; накрѣпко задѣлать.

З а н е́ церк.-слав.—потому что, ибо.

З а п и с ь—письменная сдѣлка, обязательство.

З а п л е ч н ы й *мастеръ*—катъ, палачъ.

З а п о н а стар.—бляха съ каменьями или другими украшеніями, застежка.

З а с е л ь щ и н а стар.—селянинъ, житель изъ заселеннаго мѣста.

З а с т ѣ н о к ъ стар.—мѣсто пытокъ, гдѣ допрашивали съ истязаніями.

З а т р е б и т и стар.—истребить.

З а я т и церк.-слав.—занять.

З д ѣ стар.—здѣсь, сюда.

З е л ь е народ.—лѣкарственная трава, ядовитое снадобье.

З е м щ и н а—сословіе земцевъ, т. е. землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ; при Іоаннѣ Грозномъ—области съ населеніемъ, не вошедшія въ опричнину.

З е ф и р ъ, греч. ζέφυρος—западный вѣтеръ; по греческой миѳологіи сынъ Астрея и Флоры; у насъ же этимъ словомъ называютъ тихій, теплый вѣтерокъ весною и лѣтомъ.

З л о т ъ, пол.—польская монета=15 коп.

З о д ч і й—строитель, архитекторъ.

З о и л ъ, отъ имени древняго осуждателя Гомера—злой, желчный, завистливый, пристрастный критикъ.

З о л о т о в е р х і й *теремъ*—съ позолоченной кровлей.

З р а к ъ—видъ, образъ.

З р я нарѣч.—наобумъ, безъ цѣли и надобности, безтолково, опрометчиво.

З ы к ъ—звучный стукъ, крикъ, гулъ, шумъ.

З ѣ л о церк.-слав.—очень, весьма, сильно.

З ѣ н и ц а церк.-слав.—око, глазъ; глазной зрачокъ.

И.

И г о—ярмо, рабство, порабощеніе.

И г у м е н ъ, отъ греч. ἡγούμενος ведущій—настоятель монастыря, который по достоинству своему слѣдуетъ за архимандритомъ. Въ первый разъ названіе это явилось въ IV вѣкѣ.

И д е я, отъ греч. εἴδω вижу—существующее только въ умѣ представленіе какого-нибудь предмета *Идеальный*—имѣющій всѣ совершенства.

И д и л і я, отъ греч. εἶδος подобіе, сходство, видъ—стихотвореніе, въ которомъ изображается сельская природа и жизнь.

И ж е церк.-слав.—который, какой.

Извѣчный—исконный, извѣку бывшій, существовавшій.

Изгой стар.—исключенный изъ счета: князь безъ княженья, неграмотный поповичъ, проторговавшійся гость, не платящій податей и т. п.

Изгонъ стар.—выпроваживаніе, насиліе, обида; внезапное нападеніе, набѣгъ.

Изотчество народ.—имя по отцѣ, прозвище.

Импровизаторъ, отъ лат. improvisatio—поэтъ, который произноситъ стихи на всякій заданный случай безъ всякаго приготовленія.

Инженеръ, отъ итал. ingegno хитрость —руководитель искусственными работами при помощи прикладной математики.

Ино—иногда. *Инокъ*—монахъ, отшельникъ; *инокиня*—монахиня, отшельница. *Иноходь*—конская побѣжка, въ коей лошадь заноситъ обѣ ноги одного бока вмѣстѣ, тогда какъ въ рыси ноги движутся крестъ-на-крестъ; *иноходецъ*—конь съ иноходью. *Инуды*—не тутъ, въ другомъ мѣстѣ.

Интересъ, отъ лат. interest мнѣ полезно, выгодно—занимательность дѣла; польза, выгода, прибыль.

Интрига, отъ лат. intricare запутывать, вмѣшивать, затруднять—дѣйствіе, направленное къ тому, чтобы, оставаясь самому въ сторонѣ, помѣшать какому либо предпріятію и обвинить другихъ.

Иронія, греч. εἰρωνεία—насмѣшка, насмѣшливое слово.

Исполать, греч. εἰς πολλὰ ἔτη (δέσποτα) —на многія лѣта, донынѣ оставшіяся на греч. языкѣ въ Русской церкви и поемыя при архіерейскомъ богослуженіи.

Ископыть—вывихъ ноги у лошади; земля, грязь, снѣгъ изъ-подъ копытъ бѣгущаго коня.

Искупъ—выкупъ, окупъ.

Исламъ—религія магометанъ, составленная аравитяниномъ Магометомъ въ 622 г. по Р. X.

Исторіографъ, отъ греч. ἵστωρ знающій и γράφω пишу—почетный титулъ ученаго, пользующагося литературною извѣстностью и принявшаго на себя трудъ писать исторію своего отечества. Это званіе сопряжено у насъ съ нѣкоторыми преимуществами, изъ которыхъ главнѣйшія состоятъ въ томъ, что исторіографу бываютъ открыты съ Высочайшаго разрѣшенія всѣ государственные архивы. Первые исторіографы наши: Миллеръ, Щербатовъ, Карамзинъ и Пушкинъ.

Исчадье—въ поносительномъ смыслѣ, дурной сынъ, дурная дочь.

Ишемъ—вино.

Ищейный—развѣдывающій, разнюхивающій, лазутчикъ.

I.

Іезуиты, *езуиты*, отъ лат. Iesus Іисусъ—духовный католическій орденъ, основанный въ 1540 г. испанскимъ дворяниномъ Игнатіемъ Лойлолою для подавленія протестантизма и распространенія чистаго католическаго ученія. Іеизуиты, безусловно повинуясь генералу ордена и являясь въ его рукахъ „палкой, трупомъ,“ могли дѣлать все, что только служило къ выгодамъ ордена (девизъ ордена: „цѣль оправдываетъ средства“).

К.

Калмыки—народъ монгольскаго племени, кочующій при устьяхъ Волги. Слово это взято русскими отъ туркест. „калмакъ,“ что̀ значитъ „оставшіеся, отсталые.“ Сами же калмыки называютъ себя „элётами,“ отъ Элётея, перваго хана монгольскихъ поколѣній.

Кабала стар.—неволя.

Кавалеръ, лат. caballarius отъ caballa лошадь—въ сред. вѣка рыцарь, нынѣ чиновникъ, получившій орденъ. *Кавалерія*—конница, конное войско.

Калибръ, отъ лат. qua libra сколько вѣсомъ—величина и форма извѣстнаго предмета; въ огнестрѣльномъ оружіи—діаметръ канала.

Калика, *калѣка*, *каличище*—нынѣ убогій, увѣчный; нищій, который работать не въ состояніи и потому ходитъ по-міру, распѣвая разные духовные стихи; но встарину такъ назывались у насъ странники къ св. мѣстамъ, паломники, пилигримы или богомольцы. Нѣкоторые ученые видятъ въ „каликахъ перехожихъ“ тѣхъ же богатырей, но только до-владимирскаго времени. Ведя кочевую жизнь, они ходили по св.

мѣстамъ и распространяли въ народѣ св. стихи и былевыя пѣсни, а въ случаѣ нужды, имѣя большую силу, вступали въ бой, вооружаясь клюкою или шелепугою.

Калифъ, отъ араб. chalafa наслѣдовать—названіе магометанскихъ государей, которые имѣли и духовную, и свѣтскую власть.

Кальянъ, тур. kalioum—приборъ для куренія табаку, причемъ дымъ проходитъ чрезъ воду.

Камка стар.—шелковая ткань съ разводами.

Кампанія, отъ лат. campus поле—время, проведенное войсками въ походахъ.

Канонада, отъ франц. canon пушка—продолжительная стрѣльба изъ пушекъ. *Канонеръ*—пушкарь.

Канонъ, греч. κανών правило, церковное постановленіе—духовная пѣснь, прославляющая Бога и святыхъ Его.

Капитуляція, отъ лат. capitulare договориться—сдача крѣпости осаждающему непріятелю на извѣстныхъ условіяхъ.

Капишонъ, отъ лат. capa мантія, монашеская одежда - накидка, воротъ башлыкомъ.

Кардиналъ, лат. cardinalis, отъ греч. καρδία сердце, или cardo сущность, основаніе дѣла—титулъ избирателей Римскаго папы (съ XI столѣтія).

Картечь, нѣм. Kartätche—пушечный зарядъ изъ чугунныхъ пуль отъ 80 до 300, укладываемыхъ въ жестянку или мѣшокъ, или увязываемыхъ вкругъ стержня на поддонѣ.

Катауръ широкій поясъ на подрясникѣ; верхняя подпруга, черезпоясникъ по сѣдлу, сверхъ подушки.

Катеръ, голланд. kater—одномачтовое парусное судно, весьма легкое на ходу.

Катъ—палачъ.

Каѳедра, изъ греч. κατα низъ и ἕδρα сѣдалище—возвышеніе, съ котораго въ учебныхъ заведеніяхъ излагаются чтенія учащаго, или возвышеніе въ церкви, особо устраиваемое для епископа во время божественной литургіи, имъ совершаемой; отс.—*каѳедральный*.

Келія, *келья*, греч. κελλεῖον—маленькая комната въ монастырѣ, гдѣ живутъ монахи; вообще тѣсная и простая по убранству комната. *Келарь*—монахъ, завѣдывающій монастырскими припасами, или свѣтскими дѣлами монастыря.

Кесарь, цезарь—царь, церк.-слав. цьсарь.

Киверъ, пол. kiwior—круглая и высокая шляпа безъ полей, шире кверху и уже книзу, съ козырькомъ. Въ царствованіе Николая I-го кивера замѣняли шапки въ войскахъ.

Кипарисъ, греч. κυπάρισσος—хвойное дерево, отличающееся особенно пріятнымъ запахомъ.

Клевретъ—товарищъ, собратъ.

Клейнодъ—принадлежность власти, у малорос. гетманской: булава, бунчукъ, печать и т. п.

Клектъ—крикъ хищной птицы.

Клубъ, *клобъ*, англ. club, отъ нѣм. klieben дѣлить—постоянное общество, которое собирается въ особомъ помѣщеніи, для бесѣды и увеселеній.

Клюка, *клюха*—палка, у которой верхній конецъ загнутъ въ видѣ крюка; хитрость, коварство: *„бѣ Изяславъ мужъ взоромъ красенъ... любя правду; клюки жъ въ немъ не бѣ.“*

Клѣть—холодная половина избы; чуланъ, амбаръ, кладовая.

Кметь—у древнихъ славянъ владѣлецъ земли; впослѣдствіи, въ Польшѣ такъ назывались крестьяне. У насъ въ древности это слово означало слугъ и дружину. Въ Слов. о п. Игор. Всеволодъ говоритъ о своихъ храбрыхъ воинахъ: *„а мои ти куряне свѣдомы кмети.“* Надо полагать, что кмети были наѣздники, занимавшіе на войнѣ первое мѣсто послѣ княжескаго.

Колонія лат.—поселеніе переселенцевъ изъ одной страны въ другую; самое общество выселенцевъ. *Колонистъ*—переселенецъ. *Колонизація*—переселеніе изъ одной страны въ другую.

Коломенка - судно длиною отъ 15 до 20 саж. и шириною въ 2—4 сажени, подымающее отъ 7 до 12 тысячъ пудовъ.

Колода—лежачее толстое дерево или бревно; бруски съ вырѣзками, одѣваемые на руки и на ноги узника; отс. *колодникъ*—узникъ.

Колико церк-слав.—сколько.

Кожухъ—тулупъ, шуба.

Коганъ—см. *ханъ*.

Ковыль—высокая бѣлая трава, растущая на степяхъ.

Колоритъ, отъ лат. color краска, цвѣтъ—отливъ цвѣта.

Колоссъ, отъ греч. κολοσσός—статуя или предметъ чрезвычайно большого размѣра. Самый большой колоссъ въ древности былъ Родосскій, въ 10 саж. вышиною. *Колоссальный*—имѣющій чрезмѣрную или необычайную величину.

Колхида—страна Малой Азіи, нынѣшняя Мингрелія. Въ 1330 г. до Р. Х. сюда плавалъ Язонъ за золотымъ руномъ.

Колчанъ—влагалище для стрѣлъ.

Колымага—громоздкая карета, рыдванъ.

Кольчуга—броня, кольчатая рубаха, *Кольчужникъ*—воинъ, одѣтый въ кольчугу.

Колядa—языческое празднество славянъ, которое отправлялось въ срединѣ декабря, когда солнце начинало грѣть сильнѣе и дни становились замѣтно длиннѣй. Въ настоящее время колядою называютъ въ сѣв. Россіи рождественскій сочельникъ, а въ южн. и зап. Россіи время отъ Р. Х. до Крещенія. Дѣти или молодежь въ это время *колядуютъ*, т. е. обходятъ дома съ звѣздою или житомъ, поютъ *колядки* (пѣсни) и поздравляютъ хозяевъ съ праздникомъ. Подарки, собранные ими, также называются *колядками*.

Командруетъ народ.—командуетъ.

Комендантъ—начальникъ, которому поручена крѣпость.

Коммиссаръ лат.—приставъ, которому поручено что-нибудь въ завѣдываніе.

Коморникъ—ключникъ.

Конекъ *къ терему*—верхній, продольный брусъ на кровлѣ, гребень кровли.

Конецъ въ Новгородѣ—пятая часть города. Встарину Новгородъ дѣлился на пять концовъ, изъ которыхъ три—*Гончарный* или *Людинъ*, *Загородный* и *Неревскій*—были на Софійской сторонѣ и два—*Славянскій* и *Плотницкій*,—на Торговой сторонѣ. Каждый конецъ имѣлъ своего старосту—*кончанскаго* и дѣлился на улицы, которыя въ свою очередь имѣли своихъ старостъ—*уличанскихъ*. Старосты водили свои улицы и концы на вѣче, а кончанскіе, кромѣ того, прикладывали свои печати къ вѣчнымъ грамотамъ.

Консулъ, лат. consul—титулъ у древнихъ римлянъ главнаго начальника Римской республики съ 225 г. отъ основанія Рима.

Контузія, отъ лат. contudere ушибить—поврежденіе тѣла отъ пролетѣвшаго близко ядра или пули.

Конюшій стар.—почетное званіе боярина, завѣдывавшаго царскими конюшнями; нынѣ *шталмейстеръ*.

Коранъ, араб. alkoran, отъ koraa читать—священная книга магометанъ, заключающая въ себѣ все ихъ вѣроученіе.

Кормъ стар.—жалованье, содержаніе отъ области, волости или казны воеводамъ, намѣстникамъ и другимъ чиновникамъ въ Московской Руси. *Кормиличъ*—дядька, воспитатель.

Корогвь—хоругвь, знамя.

Корпусъ, лат. corpus тѣло—отдѣлъ арміи съ своимъ особымъ управленіемъ, состоящій изъ четырехъ дивизій, военное училище.

Корчемникъ стар.—лицо, промышлявшее тайной продажей запрещенныхъ крѣпкихъ напитковъ.

Косая *сажень*—отъ конца большого пальца вытянутой ноги человѣка до конца указательнаго пальца поднятой руки противной стороны. *Косица*—високъ. *Косящатый*—сдѣланный изъ деревянныхъ косяковъ.

Косторь, *костарь* стар.—мошенникъ, промышляющій игрою въ кости.

Которa стар.—распря, раздоръ, усобица.

Кошевой *атаманъ*—у запорож казаковъ начальникъ *коша*, т. е. станицы.

Кощей стар.—рабъ, невольникъ, плѣнникъ.

Кравчина малорос.—казаки и жители Украйны.

Кравчій, *крайчій*, стар.—придворное званіе боярина, завѣдывавшаго напитками, питіями стола.

Крамолa стар—мятежъ, коварство, война. *Крамольникъ*—мятежникъ, заговорщикъ, измѣнникъ.

Крашенинная *риза*—риза изъ крашенаго и лощенаго холста.

Крестоносецъ—наименованіе воиновъ

и рыцарей, участвовавшихъ въ крестовыхъ походахъ.

Кречетъ—видъ сокола, самая цѣнная изъ всѣхъ ловчихъ птицъ.

Кринъ церк.-слав.—полевая лилія.

Кромѣшникъ стар. — опричникъ. *Кромѣшная тьма* — мѣсто грѣшныхъ душъ, адъ.

Кружало стар.—питейный домъ, кабакъ.

Ксендзъ, пол. ksiądz—священникъ римско-католическаго исповѣданія.

Кудесникъ—см. *волхвъ*.

Куколь—сорная трава.

Куманика—*новгород.* ягода-морошка; *ворон.*, *рязан.* ягода-ежевика.

Куплетъ, отъ лат. copula связь—извѣстное число стиховъ въ поэтическомъ произведеніи, составляющее часть его, особенно въ стихахъ, назначенныхъ для пѣнія.

Курганъ, перс. curkhané могильный памятникъ—старинная могила, могильный холмъ.

Куренной *атаманъ*—у запорожцевъ начальникъ *куреня*, т. е. извѣстнаго числа казачьихъ хатъ, шалашей.

Курьеръ, отъ франц. courir бѣжать—гонецъ, разсыльный.

Л.

Лавина, отъ лат. labi падать—глыба снѣга, падающая съ горъ и при паденіи своемъ постоянно увеличивающаяся. Лавины засыпаютъ иногда цѣлыя селенія

Лавра—почетное наименованіе знаменитаго, многолюднаго первоклассного монастыря. Въ Россіи четыре Лавры: *Кіево-Печерская* въ Кіевѣ, *Троице-Сергіевская* около Москвы, *Почаевская* на Волыни и *Александроневская* въ Петербургѣ.

Лавръ—дерево съ пахучими и неувядаемыми листьями. *Лавровый вѣнокъ* возлагался на побѣдителя или прославившагося въ искусствѣ. *Лавровый*—увѣнчанный лаврами.

Лагерь, отъ нѣм. liegen лежать—мѣсто сборовъ войскъ, станъ.

Лада, *Ладо*—названіе славянскаго божества веселія, любви и супружескаго, семейнаго счастья. *Лада*—супруги, мужъ и жена; *ладо*—милый, любезный; супругъ. *Ладить поединщика*—находить, приготовлять. *Ладья*—большая лодка.

Ланцетъ, франц. lancette копьецо—тонкій, обоюдоострый ножичекъ для кровопусканія, прорѣзки нарывовъ.

Латы—стальная одежда, покрывающая весь станъ человѣка. *Латникъ*—воинъ, одѣтый въ латы.

Лафетъ, франц. l'affût, отс. нѣм. Lafette — подвижной станокъ, на которомъ утверждается и движется пушка.

Лебединая пѣснь—послѣдняя пѣснь; говорятъ, лебедь только однажды поетъ—передъ смертью.

Легенда, отъ лат. legere читать—преданіе духовнаго содержанія.

Легіонъ, лат. legio—у древнихъ римлянъ главное подраздѣленіе войска, заключавшее до 6000 человѣкъ пѣхоты и до 400 конницы. Легіоны во Франціи появляются впервые при Францискѣ I, потомъ исчезаютъ; наконецъ, снова появляются въ 1792 г. и существуютъ до 1820 года.

Летаргъ, *летаргія*, греч. ληθαργία—сонъ, подобный смерти.

Либеръ-Августинъ нѣм.—названіе одной нѣмецкой плясовой пѣсни.

Лига, отъ лат. ligare связывать—союзъ противъ кого-либо. Въ исторіи Франціи лигою назывался союзъ для борьбы католиковъ съ гугенотами (1576 г.).

Литавры—то же самое, что бубны.

Литература, отъ лат. littera буква—словесность, письменность; совокупность письменныхъ памятниковъ народа; въ тѣсномъ смыслѣ—собраніе произведеній изящной словесности.

Личина—маска; притворство.

Лобное *мѣсто*—въ Москвѣ, каменное возвышеніе противъ Спасскихъ воротъ для царя или патріарха, всходившихъ на него при торжествахъ, молебствіяхъ и для бесѣды съ народомъ; съ него же читались царскіе указы и приговоры.

Ловчій—главный псарь, старшій надъ псарями, управляющій всѣмъ порядкомъ псовой охоты.

Лозунгъ, нѣм. Losung, отъ los свободный—слово для опознанія часовыми своихъ

при входѣ и выходѣ ночью изъ мѣста стоянки войска.

Л о н о—грудь, нѣдро.

Л о р н е т ъ—зрительное стеклышко въ оправѣ съ ручкою, иногда на шнуркѣ или цѣпочкѣ.

Л о х ъ *сѣвер.*—семга, лосось.

Л у к а—заворотъ, изгибъ рѣки. *Лукоморье*—морская лука, заливъ. *Лукъ*—оружіе, состоящее изъ согнутой въ дугу полосы съ тетивою для пусканія стрѣлъ.

Л ы ц а р ь малорос—витязь съ сверхъестественнымъ могуществомъ; этимъ именемъ называли себя казаки. *Лыцарство*—общество казаковъ.

Л ь з я—можно, дозволено.

Л ю т о р ъ испорчен.—лютеранинъ, нѣмецъ.

Л я х ъ—полякъ. *Ляцкій*—польскій. *Лящина*—Ляцкая земля, Польша.

М.

М а в з о л е й, лат. mausoleum—великолѣпный надгробный памятникъ. Названіе это произошло отъ имени Карійскаго царя Мавзола.

М а е с т а т ъ, *маіестатъ*—царскій престолъ, трэнъ.

М а н і е, *мановеніе*—знакъ, сдѣланный рукою, головою или глазомъ.

М а н т і я, греч. μαντίον—широкій безрукавый нарядный плащъ, присвоенный извѣстному сану: *царская*—парчевая, съ вышитыми орлами, на горностаѣ; *архіерейская*—шелковая, гіацинтоваго цвѣта съ бархатными скрижалями на груди; *архимандритская*—черношелковая съ зелеными или красными бархатными скрижалями; *монашеская*—вся черная; *кавалерская*—бархатная по цвѣту ордена. Въ средніе вѣка существовали еще мантіи—рыцарская и ученыхъ.

М а р е в о народ.—отраженіе предмета, миражъ.

М а р с ъ—площадка изъ досокъ около мачты на кораблѣ.

М а р ш ъ, франц. marche шагъ—военный ходъ, торжественный ходъ войска, музыка для военнаго хода. *Маршировать*—итти маршемъ.

М а с о н ъ, или *франкъ-масонъ*, франц. maçon соб. каменщикъ и franc свободный—членъ *масонства*, тайнаго общества, принявшаго названіе вольныхъ каменщиковъ или строителей и существовавшаго у насъ при Екатеринѣ II и Александѣ I. Общество это дѣлилось на такъ наз. *ложи*.

М а с с а, франц. masse—количество вещества, составляющаго тѣло; громада, куча вообще. *Массивный*—большой, тяжелый.

М а с у л ь м а н и н ъ, *мусульманинъ*, отъ араб. *муслеминъ* правовѣрный. Такъ называютъ себя послѣдователи магометанской религіи для отличія отъ гяуровъ.

М а т е р о й—старый, почтенный. *Матерѣть*—возмужать.

М а г и с т р а т ъ — присутственное мѣсто для рѣшенія дѣлъ городскихъ обывателей

М а г н а т ъ, отъ лат. magnus великій—вельможа.

М а д о н н а, итал. Mia donna моя госпожа—изображеніе Пресв. Богородицы.

М а з у р к а—польскій танецъ, получившій названіе по имени *мазуровъ*, одного изъ польскихъ племенъ.

М а н е в р ъ, франц. manoeuvre, изъ лат. manus отрядъ и ouvrir развертывать—примѣрное военное движеніе: сраженіе, осада и т. п.

М а і о р ъ, отъ лат. major большой—первый штабъ-офицерскій военный чинъ, у насъ недавно уничтоженный.

М а н и ф е с т ъ, отъ лат. manifestus очевидный, явный—объявленіе народу о волѣ государя или о важномъ для всего народа событіи.

М а р к и т а н т ъ, отъ merx товаръ—торговецъ при арміи въ военное время.

М а р ш а л ъ—высшій военный чинъ во Франціи.

М а ш к е р а, *маска*—личина, носившая на Руси до XVI в. названіе „хари,“ „рожи.“ *Маскарадъ*—собраніе лицъ, надѣвшихъ на себя маски. При дворѣ русскихъ государей маскарады получили мѣсто въ числѣ увеселеній съ Іоанна Грознаго. Для этой цѣли въ придворномъ штатѣ были особые мастера „рожечники,“ занимавшіеся „рожечною стряпнею,“ т. е приготовленіемъ масокъ. При Лжедимитіи и при дворѣ, и въ народѣ маскарады повторялись часто. Въ 1721 г., по случаю мира съ Швеціей,

Петръ В. повелѣлъ, чтобы маскарады длились цѣлую недѣлю

Медвяное *питьицо*—медовое, сладкое, сдѣланное на меду.

Медикъ, отъ лат. medeor помогаю, лѣчу—врачъ, лѣкарь.

Мессія, евр. meschiah помазанный —помазанникъ, обѣщанный Ветхимъ Завѣтомъ—искупитель, коего вѣрующіе дождались въ Іисусѣ Христѣ, а евреи еще ждутъ.

Механика, отъ греч. μηχανή машина —наука о движеніи и силахъ, его производящихъ; искусство примѣнять силу къ дѣлу и строить машины. *Механикъ*—свѣдующій въ механикѣ, строитель машинъ, машинистъ.

Мечеть—магометанскій храмъ.

Мина, отъ лат. minari грозить—подкопъ для взрыва.

Минерва—у древ. римлянъ богиня мудрости и войны.

Министръ, отъ лат. ministrare управлять—высшій чиновникъ, имѣющій въ своемъ вѣдѣніи извѣстную отрасль государственныхъ дѣлъ. Министерства учреждены въ Россіи въ 1802 г.

Мистръ англ.—господинъ.

Миткаль, перс. mitzkali—хлопчатобумажная матерія, въ родѣ коленкора.

Митрополитъ, отъ греч. μήτηρ мать и πόλις городъ—наименованіе архіепископа, управляющаго столичными и Кіевской епархіями.

Миѳъ, греч. μῦθος басня—вымыселъ, въ которомъ олицетворена какая-нибудь идея.

Млатъ—неполногласная форма слова *молотъ*.

Могутный—могучій, дюжій, крѣпкій, здоровый.

Модель, лат. modus образъ—образецъ предмета въ уменьшенномъ видѣ.

Мозголовый—умный, смышленый.

Молодшій—полногласн. форма слова *младшій*. Псковъ назывался встарину „*молодшимъ братомъ Новгорода*.“

Монархъ, отъ греч. μόνος одинъ и ἀρχή начало—единодержавный государь, самодержецъ.

Мортира—короткая пушка для бросанія бомбъ и гранатъ.

Москаль—наименованіе москвичей и вообще русскихъ въ Польшѣ и на Украйнѣ.

Режа, *мережа*—сѣть, неводъ.

Мужъ стар.—старшій дружинникъ, совѣтникъ князя. *Мужи княжіе* правили посольство и назначались намѣстниками въ подвластные князю города.

Муза, греч. Μοῦσα—богиня искусствъ. У древнихъ грековъ было девять музъ: *Кліо*—исторіи, *Терпсихора*—танцовъ, *Талія*—комедіи, *Мельпомена*—трагедіи, *Эрата*—поэзіи и любви, *Полимнія*—краснорѣчія, *Эвтерпа*—музыки, *Калліопа*—эпопеи и *Уранія*—астрономіи.

Мулла—магометанскій священникъ.

Мурава—луговая сочная, густая, зеленая трава. *Муравленый чердакъ*—покрытый поливою, глазурью.

Мурзамецкій—татарскій, басурманскій.

Мусія—мозаика, т. е. искусство подражать живописи наборомъ мелкихъ цвѣтныхъ камней и стеколъ. *Мусійскій*—мозаичный.

Мушкетъ—ружье, пищаль; винтовка; короткое боевое ружье.

Н.

Набатъ—звонъ въ колокола, грохотъ въ трещетку, для сбора народа по случаю пожара, либо иной общей опасности, бѣды.

Набойница—см. *насадъ*.

Навѣтъ—наговоръ, клевета, коварство.

Наипаче церк.-слав.—наиболѣе.

Наймитъ стар.—наемникъ, работникъ.

Наказъ—наставленіе. *Наказать*—наставить, просвѣтить.

Накоплемши народ.—накопивши.

Налушно, налушенъ—влагалище для лука.

Наметъ—насыпь, наносъ, покрышка.

На полы *разсѣчь*—пополамъ.

Нарицати церк.-слав.—называть; *нарицаша*—аор. 3 л. мн. ч.: назвали.

Нарядъ—порядокъ.

Насадъ—рѣчное судно.

Настоялый *медъ*—старый, выдержанный, крѣпкій.

Нахтармы—изнанка кожи.

Нація, лат. natio родъ, племя—народъ.

Недоросль—несовершеннолѣтній, невозмужалый.

Незрѣлый—юный, неопытный: *незрѣлая глава*—неопытный, юный умъ.

Нейтральный, отъ лат. neuter нѣкоторый изъ двухъ—не держащійся никоторой стороны, не вмѣшивающійся въ ссору.

Неуемчиво—неукротиво, неудержимо.

Неучливо—невѣжливо, грубо.

Николи, церк.-слав. николиже—никогда.

Нимфа—въ греческ. миѳологіи существо, среднее между богами и людьми, дочь Океана и Ѳетиды. Нимфы олицетворяли собою нѣкоторыя силы природы, особенно водяное начало, и потому жили въ водѣ и въ такихъ предметахъ, которые или сами производятъ воду (напр. горы), или не могутъ существовать безъ нея (луга, деревья и пр.). Нимфы вѣчно молоды, полунаги, увѣнчаны тростникомъ, владѣютъ даромъ предсказаній, ткутъ и прядутъ, любятъ охоту и танцуютъ, окруженныя хоромъ фавновъ и сатировъ; умираютъ же вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ сохнутъ ихъ деревья, цвѣты и проч.

Ногата стар.—мелкая монета въ полтину серебра; такихъ въ гривнѣ считалось 20.

Нонь народ.—нынѣ.

Нордъ, нѣм. Nord—сѣверъ; у моряковъ сѣверный вѣтеръ.

Ночесь народ.—нынѣшнею ночью.

Нѣкамо церк.-слав.—нѣкуда.

О.

Обелискъ, отъ греч. ὀβελος шпицъ, остріе—столбъ изъ камня, статуя. Ставить въ память событій обелиски было обыкновеніемъ въ древнемъ Египтѣ. Тамъ они дѣлались изъ цѣльнаго камня и представляли собою четырехугольные столбы, съуженные кверху. На нихъ іероглифами описывалось самое событіе.

Обжа—оглобля у сохи; участокъ пахотной земли.

Облыжный—лживый, ложный, умышленно придуманный.

Оборотень—человѣкъ, обращенный вѣдуномъ или вѣдьмой, или самъ, какъ кудесникъ, перекидывающійся въ волка и въ другихъ животныхъ, иногда въ кустъ, камень и пр.

Объяринный—сдѣланный изъ шелковой ткани. *Объярь, объярина* бывала полосатая, травчатая, цвѣтистая и гладкая.

Обѣльный стар.—свободный отъ податей и повинностей. Въ Олонецкой губ. остались у насъ обѣльные крестьяне Ключаревы, предкамъ которыхъ была дана царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ *обѣльная грамота съ волостцею* за услуги матери его старицѣ Марѳѣ Ивановнѣ.

Обрѣтоша церк.-слав.—аор. 3 л. мн. ч.: нашли.

Ода, греч. ᾠδή пѣснь—торжественное стихотвореніе, воспѣвающее славу, величіе, побѣду.

Окольничій стар.—санъ приближеннаго къ царю боярина; по службѣ и по чину второе лицо. *Собраніе окольныхъ*—собраніе приближенныхъ царя, всегда около него находящихся.

Окорачь нарѣч.—стать на карачки, на четвереньки.

Олива—масличное дерево, маслина.

Омѣшикъ—рало у сохи, лемехъ, сошникъ.

Опала стар.—гнѣвъ, немилость государя. *Опальный*—подпавшій опалѣ.

Оплечье стар.—часть одежды, покрывающая плечо.

Ополченіе—войско изъ народа, собранное по чрезвычайному случаю. Ополченіе въ нынѣшнемъ столѣтіи собиралось у насъ трижды: въ 1806, 1812 и 1853 годахъ. Дворяне отдавали своихъ крестьянъ въ ратники и изъ среды своей выбирали ополченныхъ офицеровъ и одного общаго начальника.

Опочинъ, *опочивъ* народ.—сонъ, ночлегъ. *Опочивальня*—спальня.

Опричь, *опришенно* стар.—кромѣ. *Опричникъ*—тѣлохранитель и каратель при Грозномъ. *Опричина, опричнина*—опричники; часть государства при Грозномъ, противоположная *земщинѣ* и подчиненная дворцовому правленію, съ особыми правами.

Ораторъ, отъ лат. orare говорить—витія, проповѣдникъ, краснорѣчивый человѣкъ.

Орда—кочевое государство, ханское

становище. *Ордынецъ*—житель орды; *ордынка*—жительница орды.

Орденъ, отъ лат. ordo, odinis порядокъ. сословіе—община рыцарей или католическихъ монаховъ, отличавшихся особыми уставами и носившихъ разныя отличія, какъ-то: одѣяніе и различные кресты. Отсюда: орденъ—особой формы и цвѣта крестъ, даваемый въ награду за услуги отечеству и государству.

Ординарецъ, отъ лат. ordinare приводить въ порядокъ—военнослужащій, состоящій для посылокъ и приказаній при начальникѣ.

Оркестръ, отъ греч. ορχεομαι танцую—составъ хора музыкантовъ.

Осанна, отъ евр. hoschia спасать—спаси насъ!

Острога—рыболовное орудіе въ видѣ вилъ тройчаткой.

Открасоваться — перестать красоваться, быть величавымъ, цвѣтущимъ.

Отписка—письменный отвѣтъ, письмо, донесеніе; встарину—расписка въ платежѣ, или рѣшеніе объ отсрочкѣ чего-либо.

Отрокъ—младшій членъ княжеской дружины; служитель, рабъ.

Оттоманъ—турокъ,

Отчина—см. *вотчина*.

Отщетиться—лишить себя чего-нибудь, сдѣлаться суетнымъ.

Охлестывать—выпивать жадно, въ одинъ пріемъ.

Охобень стар.—верхняя долгая одежда съ прорѣхами подъ рукавами и съ четырехугольнымъ откиднымъ воротомъ.

Ошую церк.-слав.—по лѣвую сторону.

Ощо народ.—еще.

П.

Паѣдье—время около *паѣда*, т. е. первой ѣды, бывающей до обѣда.

Паволока стар.—шелковая или полотняная ткань; покровъ, пелена, коверъ.

Паладинъ, отъ лат. palatium дворецъ, дворъ—въ средніе вѣка, вообще странствующій рыцарь; собственно же паладинами были 24 рыцаря Круглаго стола, сподвижники Карла VIII, принесшіе извѣстные рыцарскіе обѣты.

Палата, полата—великолѣпное зданіе; присутственное мѣсто.

Паленица, поленица, отъ *поле*, стар. —богатырь, наѣздникъ, удалый молодецъ, разъѣзжающій по полю и ищущій приключеній. *Полевать*—разъѣзжать въ полѣ ради подвиговъ.

Палица стар.—дубина, палка.

Панагія, отъ греч. παν и αγία все святое—образъ Пресв. Богородицы, носимый епископами на груди.

Панъ южн., зап.—баринъ, бояринъ. *Панна*—барыня, боярыня. *Панщина*—барщина, работа на помѣщика. *Панибратъ*—ровня, короткій другъ.

Панцыръ—броня, кольчуга.

Паполома—покрывало; *папопомый* —покрытый, лишенный свободы.

Пардусъ стар.—барсъ.

Парламентъ—собраніе народныхъ депутатовъ, обсуждающее государственныя дѣла.

Парадъ, отъ франц. parer украшать—праздничный уборъ, нарядъ; смотръ войскамъ предъ разводомъ по карауламъ. *Парадный*—торжественный или праздничный.

Па́ровокъ стар. и малорос.—парень.

Партія, отъ лат. pars, partis часть —соединеніе нѣсколькихъ или многихъ лицъ для одной какой-либо цѣли. *Партизанъ*—начальникъ отряда войскъ, дѣйствующаго отдѣльно, набѣгами.

Патріархъ, отъ греч. πατήρ отецъ и αρχη начало—высшее духовное лицо.

Патріотъ, отъ греч. πατριά или πάτρα отечество—любящій свое отечество и стоящій за его интересы съ самопожертвованіемъ.

Патронъ франц.—бумажная или металлическая маленькая трубочка съ зарядомъ для огнестрѣльнаго оружія.

Паче церк.-слав.—тѣмъ болѣе, лучше.

Паша, отъ тур. basch голова—турецкій генералъ.

Пергаментъ—кожа животныхъ, преимущественно телятъ, выдѣланная такъ, что могла служить вмѣсто бумаги. Пергаментъ изобрѣтенъ въ городѣ Пергамѣ во второмъ вѣкѣ до Р. Х.

Переволока—перетаскиваніе, перемѣщеніе тягою, волокомъ.

Перевѣтъ—передача вѣстей; наушничество, сплетничество.

Перлъ, франц. perle—драгоцѣнность, лучшій жемчугъ.

Переметный народ.—непостоянный, измѣнчивый, кидающійся въ разныя стороны.

Перепасть—падать по временамъ; доставаться.

Переходня—мостки.

Пернатый—крылатый.

Перси церк.-слав.—грудь, передняя часть тѣла отъ шеи до живота.

Персона, лат. persona, соб. маска—лицо, личность, особа.

Пестовать церк.-слав.—воспитывать, холить, беречь.

Печаловаться—скорбѣть, горевать; ревностно заступаться, брать на свое попеченіе; плакаться, жаловаться. *Печальникъ*—покровитель, заступникъ.

Пилигримъ—странникъ.

Пиратъ—морской разбойникъ.

Пищаль стар.—ружье.

Піита греч.—поэтъ, стихотворецъ.

Плакунъ *трава*—трава, отъ которой плачутъ бѣсы и вѣдьмы; корень ея, хранящій отъ соблазна, собираютъ въ Иванову ночь (на 24 іюня).

Планъ лат.—изображеніе предмета на плоскости; предположеніе, обдуманный порядокъ дѣйствія.

Пловъ, *пилавъ* татар.—каша съ изюмомъ, крутая, разсыпчатая, политая топленымъ масломъ, иногда съ бараниной или курицей.

Побаровать—отстаивать, защищать.

Повадка народ.—вкоренившаяся привычка.

Повалежный—сухой, лежачій.

Повапленный—раскрашенный снаружи.

Повертокъ *на ножку*—вертлявый, проворный.

Повинность—обязанность, долгъ. *Повинный*—виновный, провинившійся.

Поволить—захотѣть, пожелать; потребовать, приказать.

Поворуза стар.—тесьма, снурокъ.

Повѣнечное—плата за вѣнчаніе.

Поганый стар.—невѣрный, языческій, нехристь.

Погребъ древ.-рус.—темница, тюрьма.

Погромъ—разгромъ, опустошеніе, разореніе.

Подагра, изъ греч. ποῦς, ποδος нога и αγρευω беру, хватаю—болѣзнь въ ножныхъ суставахъ, особенно въ пальцахъ.

Подборъ—основаніе, фундаментъ, исподній накатъ или черный полъ.

Подколодный—коварный, злой.

Поднизь стар.—жемчужная или бисерная бахрома въ женскихъ головныхъ уборахъ.

Подрукавникъ—оборка подъ рукавомъ, пристегиваемая по запястью.

Подъѣздъ стар.—военный разъѣздъ: *„казаковъ емлютъ... въ подъѣзды, подсматривать, а непріятельскіе сторожи скрадывать“* (Кошихинъ); объѣздъ, осмотръ начальникомъ края: *„иде владыка въ Псковъ, на подъѣздъ, и плесковичи суда не даша.“*

Подъять—поднять, взнести, взвести.

Подъячій стар.—приказный служитель; писецъ въ судахъ.

Позиція, отъ лат. posui, positum кладу, полагаю—мѣстоположеніе.

Политикъ, отъ греч. πόλις городъ, государство—умный, ловкій, государственный дѣятель; скрытный и хитрый человѣкъ.

Полица—полка, доска, придѣланная къ стѣнѣ или въ шкафу, для постановки и поклажи.

Поліелейный *колоколъ*, отъ греч. πολυ много и ελεον масло—второй по величинѣ.

Полканъ—сказочное существо кентавръ, передняя часть котораго была человѣческая, а задняя лошадиная. Полагаютъ, что въ этомъ миѳѣ древность изображала перваго человѣка или первый народъ, который открылъ искусство управлять лошадью. Древніе были убѣждены въ существованіи кентавровъ; Плутархъ и Плиній утверждаютъ, что видѣли ихъ собственными глазами.

Полкъ стар.—ополченіе, походъ.

Полóнъ—полноглас. форма слова *плѣнъ*, отс. *полонянникъ, полоняничекъ*—плѣнникъ.

Полтея, *пóлоть*, *полть* стар.—половина туши, вдоль разрубленной.

Полымя—полноглас. форма слова *пламя*.

Пометывать—побрасывать, покидывать.

Понеже церк.-слав.—поелику, потому что.

Понтонъ, отъ франц. pont = лат. pons мостъ—легкая разборная лодка, служащая въ войскахъ для быстрой постановки мостовъ.

Понтъ—море; въ частности, Черное море.

По́рокъ стар.—стѣнобитное орудіе, таранъ: „*Начаша Батый пороки ставити, и бити на градъ.*“

Порты—ткань, одежда. *Портомойница, протомойница*—прачка.

Порфира—см. *багряница.*

Посадъ—встарину было то же, что мы называемъ городомъ вообще, т. е. населеніе съ правительственными или присутственными мѣстами. Посады строились близъ городовъ и раскидывались около нихъ. Такъ какъ для защиты своей посады обводились иногда валами, стѣнами и рвами, то раздѣлялись на двѣ части: *острогъ*—укрѣпленную часть окологороднаго поселенія, и *посадъ собственно*—поселокъ внѣ острога; за послѣднимъ шли слободы. *Посадскій человѣкъ* стар.—мѣщанинъ. *Посадникъ*—въ древнихъ городахъ начальникъ общинной расправы, предсѣдательствовавшій на народныхъ вѣчахъ.

Постельница стар.—прислужница при спальнѣ: „*Постельницы, которыя постели постилаютъ подъ царицу и подъ боярынь*“ (Кошихинъ).

Потиръ, греч. ποτήρ—чаша, въ которую вливается и въ которой освящается вино въ таинствѣ св. Причащенія.

Потникъ, *потничекъ*—войлокъ, подкладываемый подъ сѣдло или подъ сѣделку, чтобъ не тереть спину лошади.

Потьма—темь, темнота, мракъ, потемки.

Поученый—наученный, наставленный, получившій назиданіе и совѣты.

Похвальный—достойный хвалы, одобренія.

Почать церк.-слав.—начать, стать.

Почестной *столъ*—почетный, въ почетъ кому либо, празднество: „*И бояринъ посылаетъ къ посламъ съ почестнымъ столомъ, съ ѣствою и питьемъ*“ (Кошихинъ).

Почи́нокъ—починъ, начало; встарину начало и закладка новой пашни въ лѣсу, а съ нею и заселенья; расчистка, пожегъ; выселокъ, новоселокъ. *Починковое* хозяйство—расчистка и выжегъ лѣсу, по мѣрѣ силъ и надобности—является кореннымъ въ Россіи.

Почто церк.-слав.—зачѣмъ.

Пошевъ, *пошевни* стар.—розвальни, широкія сани, обшитыя лубомъ.

Поэзія, греч. ποίησις творчество—все художественное, духовно и нравственно прекрасное, выраженное словами и притомъ болѣе мѣрною рѣчью. *Поэтъ*—піита, стихотворецъ, писатель. *Поэтическій*—относящійся къ поэзіи, изящный. *Поэма*—поэтическое произведеніе, изображающее или историческое событіе, имѣвшее особенно важное значеніе въ жизни народа, или вымышленное происшествіе, которое выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ и въ которомъ дѣйствуютъ лица, способныя къ героизму.

Пояти церк.-слав.—взять, жениться. *Пояша*—аор. 3 л. мн. ч.: взяли.

Правежъ стар.—публичное истязаніе при сборѣ дани, употребляемое татарами; взысканіе долга.

Правило, *на правило становиться*—молитва по уставу.

Пращуръ—предокъ.

Пращъ, *праща*—ручное орудіе для метанія камней.

Прейти церк.-слав.—перейти, отойти, отправиться.

Препона—преграда, помѣха, задержка.

Престати церк.-слав.—перестать, утихнуть; *преста*—аор. 3. л. ед. ч.: пересталъ (а, о).

Претендовать, отъ лат. praetendere простирающій свои права—предъявлять свои права на что-либо.

Прещенье—угроза, страхъ; наказаніе; гоненіе, фанатизмъ.

Приборный—подобранный.

Привилегія—право, преимущество.

Приводъ стар.—допросъ подсудимаго у судьи или на судѣ.

Пригородъ стар.—городокъ, при-

писанный къ городу и находящійся отъ него въ зависимости.

Приказъ стар.—правительственное мѣсто въ Московской Руси, соотвѣтствующее нынѣшнимъ министерствамъ. Всѣхъ приказовъ насчитывалось до 40: *приказъ большого дворца*—придворный, *вотчинный*—удѣльный, *посольскій*—иностранныхъ дѣлъ, *разрядный*—податей, *разбойный*—уголовный, *холопій*—о холопахъ и проч. Стрѣльцы также управлялись приказами, а потому дѣлились на приказы, на полки; стрѣлецкимъ приказомъ управлялъ стрѣлецкій голова, позже полковникъ. *Приказный*—служащій въ приказѣ, въ судѣ, въ канцеляріи; канцелярскій служитель, писецъ.

Принцъ, *принцесса*, отъ лат. princeps начальникъ—члены владѣтельнаго дома.

Присно церк.-слав.—всегда, непрестанно, безпрерывно.

Присп ѣшникъ стар.—поваръ; подручникъ въ какой либо работѣ; слуга, лакей.

Приставъ стар.—караульный, канвойный; разсыльный для созыва отвѣтчиковъ къ суду.

Причаянный—чающій.

Провѣщать — проговорить; предсказать.

Прозритель стар.—прозорливецъ, провидецъ, знающій будущее напередъ.

Прологъ греч.—на языкѣ общежитія, введеніе къ драмѣ или поэмѣ; на языкѣ церкви—книга, содержащая краткія жизнеописанія святыхъ, расположенныя по днямъ, въ которые совершается память святыхъ, и краткія слова, поученія отцовъ Церкви, читаемыя при богослуженіи.

Протекторъ лат.—покровитель.

Профессоръ, отъ лат. profiteor, professus проповѣдую—лицо, читающее лекціи въ высшихъ учебныхъ зеведеніяхъ.

Проэктъ, отъ лат. projicio напередъ набрасываю—планъ, предначертаніе всякаго дѣла, изложеніе того, что имѣетъ совершиться.

Пря—споръ, тяжба, ссора.

Прямоѣзжая *дорога* стар.—прямая, самая близкая.

Пунктъ, отъ лат. pungere кольнуть—точка; мѣсто, означенное въ точности; статья, параграфъ и его подраздѣленія.

Пуншъ англ.—напитокъ изъ чая съ сахаромъ и ромомъ.

Пурпуръ—багряный. червленый.

Путь *неготовый* народ.—неправильный, грѣшный.

Пушкарь—артиллеристъ, канонеръ, воинъ при пушкѣ.

Пуща—густой лѣсъ, чаща.

Пьедесталъ франц.—подставка, подножіе, основаніе.

Пятина—одна изъ пяти частей древней Новгородской области.

Пятокъ стар.—пятница. *Пятидесятникъ*—имѣющій подъ своимъ началомъ 50 человѣкъ, полусотникъ, подсотникъ.

Р.

Работникъ стар.—рабъ, отс.: *работа*—рабство, *работай нами*—возьми насъ въ рабство, повелѣвай нами. У Нестора „*а другия работѣ предасть* (т. е. Ольга) *мужемъ своимъ*“—отдала въ рабство.

Рада малорос.—совѣщательное собра-казаковъ, сходка, вѣче.

Размирье, *розмирье*—время между миромъ и открытою войною.

Рака—гробница, вмѣщающая въ себѣ мощи угодника Божія.

Ракитовъ *кустъ* народ.—отъ *ракита*—ветла, отс. *ракитникъ*—названіе куста cytisus laburnum.

Рамо церк.-слав.—плечо, мн. ч.—*рамена*—плечи.

Рапортъ, отъ франц. rapporter назадъ принести—донесеніе по службѣ младшаго старшему.

Рапсодъ, греч. ῥαφῳδία—пѣвецъ древней Греціи, обходившій города и пѣвшій рапсодіи, т. е. пѣсни изъ Иліады и Одиссеи.

Раскатъ стар.—валъ или укрѣпленіе города, также плоская насыпь или помостъ подъ валомъ крѣпости для постановки пушки.

Расшива—большое плоскодонное, парусное судно.

Ратай, *оратай*, отъ глаг. *орати*—землепашецъ, пахарь. Извѣстный языковѣдъ Максъ Мюллеръ отъ корня этого глагола производитъ слово *арієцъ*.

Ратитися, *ратиться*, отъ сущ. *рать*—брань, битва; войско. *Ратникъ*—

воинъ, входящій въ ополченіе. *Ратные люди* стар.—воины. *Ратоборецъ*—ратникъ, воинъ.

Рачить—заботиться, обращать особенное вниманіе; *раченье*—забота.

Рдяный—красный, кровавый.

Революція, отъ лат. revolvere перевертывать—мятежъ.

Регулярный, отъ лат. regula линейка, правильность—устроенный, правильно сдѣланный. *Регулярное войско*—строевое, обученное.

Редакція, отъ лат. redigere приводить въ порядокъ—способъ изложенія бумаги, статьи, книги; контора, завѣдующая изданіемъ журнала, газеты.

Редутъ, франц. redoute, отъ итал. ridotto убѣжище—отдѣльное укрѣпленіе, крѣпостца для помѣщенія артиллеріи, чтобы отстаивать извѣстное мѣсто, или останавливать движеніе непріятеля; оно обыкновенно состоитъ изъ земляного вала, рва и бруствера (земляного вала, или другой ограды, черезъ которую отстрѣливаются).

Реестровый, рейстровый *казакъ*—записанный на службу.

Резань, *резана* стар.—мелкая монета, равная нынѣш 20 коп.; двѣ съ половиною резани составляли ногату.

Резидентъ франц. — посланникъ; *резиденція*—столица, мѣстопребываніе государя, правительства.

Резонъ, франц. raison умъ, разсудокъ—побудительная причина, основаніе, по которому что-либо дѣлается.

Рекрутъ, отъ франц. recroitre прирастить—новобранецъ въ войскахъ. Рекрутскіе наборы въ Россіи получили свое начало при Петрѣ В. въ 1704 г.

Ректоръ, отъ лат. regere управлять—начальникъ духовныхъ академій, семинарій и профессоръ, управляющій дѣлами университета.

Религія, отъ лат. religare связывать—служеніе Богу, вѣроисповѣданіе.

Рельсъ, англ. rail—вообще полоса изъ чего бы то ни было, желѣза, камня, дерева и т. п., положенная на шоссе съ тѣмъ, чтобы принимать колеса возковъ; въ частности полоса, по которой идетъ поѣздъ желѣзной дороги. Цѣль рельсовъ—уменьшать трудность, которую испытываетъ возка (движеніе) экипажа по обыкновеннымъ дорогамъ: рельсъ представляетъ колесамъ поверхность одинаковую и всегда ровно сопротивляющуюся.

Реляція лат.—донесеніе о военныхъ дѣйствіяхъ.

Ременчатый *стулъ*—покрытый ремнями или кожею.

Рескриптъ, отъ лат. rescribere писать къ кому—обращеніе государя къ кому-либо съ изъявленіемъ благодарности, благоволенія или награды.

Республика, отъ лат. res дѣло и publica общественное—народное правленіе; земля, управляемая безъ государя, чрезъ выборныхъ.

Реформа лат.—преобразованіе.

Ржа—ржавчина.

Рифейскіе *верхи*—горы, иначе называемыя *Гиперборейскими*. Древніе греки полагали, что онѣ находятся на сѣверѣ, и представляли ихъ вѣчно покрытыми снѣгами и льдомъ.

Риѳма, греч. ῥυθμός—окончаніе двухъ или нѣсколькихъ слоговъ, одинаковыхъ по звукамъ въ стихахъ.

Рогатина—ручное оружіе, напоминающее копье, съ которымъ охотятся на медвѣдей.

Родичъ—сродникъ, по большой части въ восходящей линіи *Сродичъ* стар.—свой, родной, сродный человѣкъ.

Розмыслъ стар.—инженеръ.

Рокотать—издавать звукъ, звучать. *Рокотъ*—грохотъ, перекатъ густыхъ, низкихъ звуковъ.

Роль франц.—значеніе человѣка въ свѣтѣ, въ отношеніяхъ къ обществу или къ различнымъ дѣламъ.

Романъ лат.—повѣствованіе, въ которомъ изображается жизнь человѣка, съ ея тревогами и волненіями, съ горестями и радостями.

Россомаха—хищный звѣрь с. Руси и Сибири, побольше барсука, рыжебурый, съ медвѣжьими лапами.

Рота нѣм. — четвертая часть баталіона.

Рубить *городъ*—см. *городъ*.

Руно—овечья шерсть.

Рушить—разрѣзать (напр. жареную лебедь).

Р ы д в а н ъ стар.—колымага, большая карета.

Р ы н д а стар.—тѣлохранитель, оруженосецъ.

Р ы т ы й *бархатъ*—не простой, но съ клѣтками, разводами или цвѣтами.

Р ы ц а р ь (Ritter)—конный воинъ изъ знатной фамиліи. Рыцарство получило свое начало еще при Хлодвигѣ, но окончательно выдѣлилось въ самостоятельное сословіе при Карлѣ В., образовавъ изъ себя особый орденъ, имѣвшій главными правилами своими благочестіе, вѣрность, неустрашимость, честность, глубокое уваженіе къ женскому полу, защиту угнетенныхъ и невинныхъ и т. п. Впослѣдствіи рыцарское общество распалось на множество отдѣльныхъ орденовъ, какъ напр.: *Храмовниковъ*, получившихъ начало въ Палестинѣ, *Меченосцевъ* или *Ливонскихъ рыцарей* и проч. Долѣе прочихъ существовалъ орденъ *Мальтійскихъ* рыцарей, уничтоженный Наполеономъ.

Р я д ы *рядить* — устроять, распоряжаться, судить; *рядъ*, *рядокъ*--порядокъ, череда: *егда обыде рядъ всѣхъ града того людей*; распоряженіе, договоръ, духовное завѣщаніе: *рядъ сыномъ своимъ и самой княгинѣ*.

С.

С а г а, сканд. sage—преданіе, облеченное въ форму поэтическаго разсказа.

С а м о п а л ъ стар.—пищаль, ружье безъ кремня, съ куркомъ, въ который вставлялся тлѣющійся фитиль.

С а н ъ—важный чинъ, степень гражданская. *Сановитый*—видный, рослый, статный.

С а р а ц и н ы—имя, впервые встрѣчающееся въ IV в. у бл. Іеронима, который называетъ такъ аравитянъ. Нѣкоторые ученые производятъ его отъ араб. *сараксъ*—разбойникъ, другіе отъ евр. *саракъ*—пустынникъ, бѣдный человѣкъ, третьи видятъ въ немъ искаженіе слова *шараклюна*—восточный. Въ средніе вѣка сарацинами называли въ Европѣ вообще всѣхъ магометанъ, съ которыми воевали христіане, потомъ названіе это распространилось на турокъ и вообще на всѣхъ язычниковъ, противъ которыхъ проповѣдывались крестовые походы.

С а р м а т ы—первоначальное наименованіе древнихъ обитателей с.-в. Европы, единоплеменныхъ скиѳамъ; впослѣдствіи этимъ словомъ называютъ поляковъ.

С а т и р а — поэтическое произведеніе, въ которомъ выражается негодованіе противъ общественныхъ пороковъ.

С а т и р ы — по греческой миѳологіи, боги лѣсовъ, съ безобразными лицами, съ рогами и хвостомъ, на козьихъ ножкахъ, съ туловищемъ человѣка. Они жили въ лѣсахъ и издѣвались надъ проходящими.

С а ф и р н ы *крылы*—прозрачныя, голубыя, какъ яхонтъ, или синія, какъ рубинъ.

С а х а р н о е *ястно* народ. — сладкое, вкусное; сдобное печенье.

С а я н ъ—распашной сарафанъ.

С в и т а, отъ лат. sequi слѣдовать—приближенные государя, тоже, что встарину окольничіи.

С г р а б и т ь с я—собраться въ кучу.

С е церк.-слав.—вотъ.

С е й м ъ—законодательное и распорядительное собраніе сословій въ Польшѣ.

С е к р е т ъ франц., отъ лат. secretum отдѣляю, укрываю—тайна, тщательно скрываемая.

С е н а т ъ, отъ лат. senex старый—верховный совѣтъ у римлянъ, гдѣ засѣдали граждане не молодыхъ, а преклонныхъ лѣтъ. Сенатъ установленъ Петромъ I въ 1711 г., по причинѣ частыхъ отлучекъ государя, и потому указы Сената считались наравнѣ съ царскими. Нынѣ онъ утратилъ многое изъ своей области вѣдѣнія и не похожъ на Сенатъ первоначальный. Теперь онъ является высшимъ судебнымъ правительственнымъ учрежденіемъ и предназначенъ для объясненія и обнародованія законовъ и всѣхъ распоряженій верховной власти.

С е р а с к и р ъ, изъ перс. ser глава и asker господинъ—главнокомандующій.

С е р д ю к и—пѣшее казачье войско въ Малороссіи, составлявшее охранительную стражу при гетманѣ.

С е р ж а н т ъ (франц.) стар.—старшій унтеръ-офицеръ; въ прошломъ столѣтіи у насъ было въ обычаѣ записывать малолѣтнихъ дѣтей дворянъ и вельможъ въ сержанты, ради выслуги лѣтъ.

Серна—дикая коза.

Сигналъ, лат. signum знакъ—условленный знакъ, поданный для начатія какого-либо дѣйствія.

Сидѣлецъ стар.—осажденный.

Символъ греч.—представленіе мысли или отвлеченнаго предмета въ образѣ предмета чувственнаго; исповѣданіе, выражающее въ краткихъ, простыхъ, но точныхъ словахъ главное содержаніе христіанскаго ученія.

Симпатія греч.—сочувствіе, влеченіе.

Синклитъ, *сигклитъ*, отъ греч. συγκαλέω созываю—высшія присутственныя мѣста, вмѣстѣ взятыя; духовенство.

Синодикъ греч.—поминальникъ, т. е. книжка, куда вносятся имена для поминовенія во время литургіи.

Сице церк.-слав.—такъ, такимъ образомъ.

Сиповочка, стар. *сипоша*—тростниковая или ивовая дудка, свирель. *Сиповщикъ*—дудочникъ, свирельщикъ.

Скальдъ—вдохновенный пѣвецъ.

Скатный *жемчугъ*—круглый, ровный, окатистый.

Скарлатъ, отъ стар. *скара*—необдѣланная шкура, кожа, сырье, мягкая рухлядь, пушной товаръ: „*изъ Руси* (идетъ) *скара и воскъ*“ (Лаврент. лѣтопись).

Скипетръ, отъ греч. σκήπτρω опираюсь—особаго устройства жезлъ, знакъ царскаго достоинства.

Скитъ—пустынь, обитель отшельниковъ; раскольничій монастырь.

Склепъ—подземная погребальница съ каменными сводами.

Скоморохъ стар.—народный увеселитель, фигляръ, комедіантъ, гусляръ, одѣтый всегда въ шутовской (дурацкій) нарядъ, со звонками и бубенчиками. Скоморохи были у славянъ искони; они являлись на игрища съ музыкой, наряжались въ маскарадныя платья, пѣли, плясали, кривлялись и творили разныя „глумы.“ Важное значеніе скомороховъ у славянъ-язычниковъ доказывается участіемъ ихъ въ религіозныхъ обрядахъ (на праздникахъ, свадьбахъ и поминкахъ) и сильными нападками на нихъ духовенства. Въ XI в. скоморохи подняли въ Польшѣ народное возстаніе противъ христіанъ, подобно тому, какъ у насъ эти возстанія дѣлались по наущенію волхвовъ и кудесниковъ. Несмотря на преслѣдованія, скоморошество, какъ промыселъ, исчезаетъ у насъ только въ XVIII стол.

Скрижаль—доска, таблица: *скрижаль завѣта*, *скрижаль сердца*.

Скульптура, отъ лат. sculpere вырѣзывать изъ камня—ваяніе; *скульпторъ*—ваятель.

Смердъ стар.—простолюдинъ; свободный человѣкъ низкаго званія, принадлежащій къ черни.

Снѣдь стар.—ѣда, съѣстное.

Собина стар.—милый, дорогой, также наслѣдство отъ матери. *Собинный*—особенный, не въ примѣръ другимъ.

Сойма—одномачтовое палубное суденко, на Ладогѣ и Онегѣ. *Соймище*—сходка, сборище.

Соловый, *солововый* народ.—о лошадяхъ: имѣющій свѣтложелтую шерсть, хвостъ и гриву бѣлые.

Солоница—земля или почва, пропитанная солью.

Сонмъ, *сонмище*—съѣздъ, сходбище, толпа; судилище.

Сорога—рыбка сѣрушка, плотва, плотица.

Соромъ—полноглас. форма слова *срамъ*.

Сотня *съ конца*—встарь жители Новгорода и пригородовъ его по промысламъ дѣлились на *сотни*, и писались: *сотня гостиная*, *суконная* и т. д. *Сотскій*—выборный полицейскій надзиратель, служитель и разсыльный при полиціи.

Сотреть—уничтожить, разрушить, сокрушить.

Сподъ народ.—изъ подъ.

Спорынья, *спорынья*—уродливое, болѣзненное черное зерно во ржи, съ сѣроватою, приторною на вкусъ мучною мякотью; успѣхъ, выгода, прибыль, ростъ.

Спорядy народ.—сряду, сподрядъ, сплошь, безъ выбору.

Сступиться—спѣшиться.

Ставка стар.—палатка, шатеръ, житье на время. *Ставленникъ дворскій*—кандидатъ на придворную должность.

Станъ—мѣсто стоянки; бивакъ, лагерь. *Станишникъ*—разбойникъ.

Степенный *посадникъ*—служащій,

дѣйствительный, въ отличіе отъ *стараго*, служившаго прежде.

Стезя—дорога, путь, направленіе; слѣдъ, признаки прошедшаго: *итти стезею отцовъ*.

Стенать стар — плакать, рыдать, кручиниться.

Стиль греч.—слогъ, способъ выраженія.

Стихарь греч.—нижнее облаченіе архіереевъ и священниковъ и верхнее діаконовъ, а иногда и церковнослужителей.

Стихія греч.—подъ этимъ словомъ древніе греки разумѣли тѣ вещества, которыя служили для состава тѣлъ природы. Со временъ Аристотеля греки стали принимать четыре стихіи: *огонь, воздухъ, воду* и *землю*. Впослѣдствіи изслѣдованія ученыхъ показали, что эти вещества вовсе не принадлежатъ къ стихіямъ, или къ веществамъ простымъ, которыя служатъ началомъ тѣлъ; но названіе стихій удержалось за ними и теперь, такъ какъ эти вещества принимаютъ самое дѣятельное участіе въ жизни растеній, животныхъ и человѣка.

Стогна стар.—площадь, улица.

Столбунецъ стар.—женскій головной уборъ, кокошникъ.

Стоики, отъ греч. στόα портикъ—философы, учившіе, что счастіе человѣка заключается въ возможности переносить безъ жалобъ всѣ страданія и лишенія.

Стократно—сто разъ, много разъ.

Столпнякъ—столбы, подпорки.

Столъ стар.—престолъ: „*отня злата стола*"; отс. *стольный*—престольный, *столица*. *Стольникъ* стар.—придворный санъ, смотритель за царскимъ столомъ; *комнатный стольникъ*—при столѣ царской семьи.

Стопа стар.—стаканъ, кружка, чарка.

Сторожевой полкъ стар.—передовой отрядъ, авангардъ. *Стражникъ*—сторожъ, стражъ. одинъ изъ служителей стражи.

Стремянной, *стремянный*—конюхъ; встарь придворный сановникъ, подводившій царю коня, ходившій при *стремени*, а также у саней и каретъ, во время царскихъ выѣздовъ.

Сторица—сотня, много разъ; у Ев. Луки: *сотвори плодъ сторицею*.

Строфа, отъ греч. στρέφω обращаю—опредѣленное количество стиховъ, послѣ пѣнія которыхъ хоръ оборачивался въ ту или другую сторону; куплетъ.

Стругъ стар.—рѣчное, гребное, парусное судно

Стрѣльцы—войско, существовавшее на Руси со временъ Іоанна Грознаго до Петра В. Стрѣлецкіе полки состояли изъ 1000 и болѣе человѣкъ; они управлялись сперва головами, впослѣдствіи полковниками. Вооруженіе стрѣльцовъ состояло изъ мушкетовъ, бердышей, копій и палокъ; въ мирное время они исполняли караулы и занимались ремеслами и торговлей, а въ военное составляли готовую рать противъ непріятеля. Званіе стрѣльцовъ было наслѣдственнымъ. Слободы и улицы, гдѣ жили стрѣльцы, въ нѣкоторыхъ городахъ Россіи до сихъ поръ сохранили названіе *стрѣлецкихъ*.

Стѣнобойный *снарядъ*—окованное съ носка бревно на вѣсу, которое раскачиваютъ, чтобы пробить стѣну; пòрокъ.

Стягъ стар.—знамя, хоругвь. *Стяжать*—пріобрѣсть, добыть.

Сугубо, отъ неупотреб. *губый*—вдвое.

Судная *изба* стар.—мѣсто, гдѣ сосредоточивалось управленіе судебными дѣлами. Имена: *Судебный приказъ*, *Судебная изба*, *Судъ* встрѣчаются уже въ царствованіе Іоанна IV.

Суконникъ—торговецъ сукномъ; ткачъ, мастеръ.

Султанъ, отъ араб. salita твердый, имѣющій власть—титулъ турецкаго государя; украшенье изъ перьевъ или стоячая кисть на каскѣ.

Сумятица—суматоха, тревога, безпорядокъ.

Супротивъ народ.—напротивъ, встрѣчу, наперекоръ. *Супротивникъ*—врагъ, непріятель, соперникъ.

Схизматикъ, отъ греч. *схизма* расколъ, ересь—раскольникъ.

Схима греч.—наивысшая степень отреченія отъ міра, обѣтъ не выходить изъ своей кельи. *Схимонахиня*—монахиня, принявшая схиму.

Сходня—помостъ съ набитыми на немъ брусками для схода на берегъ.

Сцена лат.—1) часть дѣйствія въ драматическомъ сочиненіи; 2) мѣсто въ театрѣ,

гдѣ разыгрывается представленіе и 3) положеніе лицъ въ какомъ-либо случаѣ, большею частію неожиданное.

Сыромятная *кожа*—выдѣланная исключительно черезъ одно только моченіе.

Сыроядецъ стар.—употребляющій въ пищу сырую рыбу, сырое мясо; звѣрь, кровопійца.

Сытить—насытить, насыщать. *Сытникъ* стар.—„*чинъ ихъ таковъ: на Москвѣ и въ походахъ царскихъ носятъ суды съ питьемъ, и куды царю лучится итти или ѣхати вечеровою порою, и они ѣздятъ и ходятъ со свѣчами* (Кошихинъ)."

Съѣзжій *дворъ, изба*—сборный, общій.

Сѣкира церк.-слав. и стар.—топоръ.

Сѣнный стар., отъ *сѣни*—переднія комнаты въ княжескомъ и господскомъ домѣ: „*поставити церковь Божію въ сѣняхъ." Сѣнная дѣвушка*—работница на барскомъ дворѣ, при госпожѣ.

Сѣнь—тѣнь.

Сѣча—рукопашный бой, битва, сраженіе холоднымъ оружіемъ.

Сюжетъ франц.—предметъ, содержаніе сочиненія.

Ся *дни*—сегодня, теперь, въ настоящее время. *Ся дѣти*—дѣться.

Т.

Тавръ—знакъ, мѣтка, клеймо.

Талантъ—у древнихъ, единица монеты и вѣса, такъ у евреевъ: священный талантъ= приблизительно 2580 р., народный—1290 р.; нынѣ—даръ, способность.

Талеръ—см. *ефимокъ.*

Тальникъ—кустарная ива, верба.

Тать церк.-слав. и стар.—воръ, похититель.

Тафья—шапочка, родъ скуфьи.

Тевтонецъ—рыцарь Нѣмецкаго или Тевтонскаго ордена, учрежденнаго герцогомъ швабскимъ Фридрихомъ въ 1190 г. для защиты христіанской религіи и смотрѣнія за больными въ Св. землѣ. Около 1226 г. поляки призвали тевтонцевъ на помощь противъ пруссаковъ; тевтонцы покорили послѣднихъ, поселились въ ихъ землѣ, а вскорѣ соединились съ Меченосцами и вмѣстѣ съ ними образовали одинъ общій *Ливонскій* орденъ, который прекратилъ свое существованіе при Іоаннѣ Грозномъ.

Тектъ—крикъ дятла.

Телескопъ греч.—зрительная труба съ вогнутымъ металлическимъ зеркаломъ, показывающая отдаленные предметы ясно и въ большомъ видѣ.

Тендеръ англ.—повозка съ водой, дровами или углемъ позади паровоза.

Теремъ стар.—княжескій, потомъ царскій дворецъ; боярскій домъ, большія хоромы.

Терраса франц., отъ лат. terra земля —постепенно возвышающаяся земляная насыпь, или открытая площадка.

Тесмяный—сдѣланный изъ тесьмы.

Тетива—веревка, стягивающая концы лука между собою.

Тимпанъ, отъ греч. τύμπω ударяю—древнее музыкальное орудіе, бубны, литавры.

Типъ греч., отъ τυπτω бью—образъ съ опредѣленными, неизмѣнными чертами, который служитъ образцомъ для всѣхъ однородныхъ предметовъ.

Тиранъ греч.—мучитель, злоупотребляющій властью. Имя это дано было впервые 30-ти сановникамъ, избраннымъ покорителемъ Аѳинъ Лизандромъ для управленія этимъ городомъ и правившимъ въ немъ съ большою жестокостію.

Титаны—по греч. миѳологіи, сыновья Неба и Земли, гиганты чудовищнаго роста, одаренные необыкновенною силою. Желая свергнуть Юпитера съ престола, они взгромоздили горы на горы, чтобы добраться до неба, но Юпитеръ поразилъ ихъ молніей и свергнулъ въ Тартаръ (въ адъ).

Титулъ лат.—особое названіе должностныхъ лицъ, сообразно съ ихъ званіемъ и должностью.

Тишѣя народ.—тише.

Тіара греч.—митра или корона Римскаго папы, составленная изъ трехъ коронъ и оканчивающаяся вверху шаромъ съ крестомъ.

Тіунъ, *тивунъ* стар.—приказчикъ, управитель въ имѣніи изъ холоповъ; должностное лицо, преимущественно судья. *Тіунова изба*—судная.

Тожно народ.—тогда, теперь, потомъ.

Токмо церк.-слав.—только.

Толико церк.-слав.—столько.

Торжище стар. и церк.-слав.—торговая площадь, рынокъ. *Торговая казнь* стар.—производившаяся на торговой площади.

Торокъ народ.—одинъ изъ двухъ ремней сзади сѣдла, которыми привязываютъ то, что везетъ съ собою всадникъ.

Тостъ англ.—застольное пожеланіе, заздравье.

Трагедія, изъ греч. τραγός козелъ и ᾠδή пѣсня—драматическое произведеніе, изображающее борьбу человѣка съ судьбою, исходъ которой паденіе, гибель.

Трактатъ, отъ лат. tractare разсуждать—договоръ между державами.

Траншея, отъ франц. trancher отрѣзывать—длинный, сухой ровъ, служащій подступомъ къ укрѣпленію и прикрывающій осаждающихъ.

Трапеза—столъ, столовая комната, обѣдъ.

Трибуналъ лат.—верховное судилище.

Тризна стар.—поминки по усопшемъ на могилѣ его, сопровождаемыя пиршествомъ, играми и воинскими состязаніями; память о таковомъ поминовеніи сохранилась доселѣ въ пословицѣ: „*по дѣдѣ сгибокъ, по бабѣ щипокъ*." Слово *тризна* Соловьевъ объясняетъ литов. triesina—скачка, ристалище, отъ лит. глаг. tristi—ристать.

Трикраты—трижды.

Тріумфъ лат.—великолѣпная церемонія и чрезвычайныя почести, оказываемыя отечествомъ побѣдителю. У насъ тріумфы появляются впервые при Петрѣ В., который хотѣлъ ими поднять въ своемъ народѣ духъ соревнованія. Изъ Петровскихъ тріумфовъ особенно замѣчателенъ тріумфъ, данный въ Москвѣ, по случаю заключенія мира съ Швеціей, 18 окт. 1721 г. и продолжавшійся въ теченіе 12 дней.

Трофей греч.—побѣдная добыча, касающаяся чести войска, какъ-то, отбитое знамя, оружіе и т. п.

Трясина—зыбкое мѣсто, болото, гдѣ вода выступаетъ подъ ногою.

Туга стар.—печаль, скорбь.

Тулъ—колчанъ, влагалище для стрѣлъ.

Туне—даромъ, безъ пользы.

Турниръ нѣм.—военныя игры или состязанія рыцарей, бывшія въ обычаѣ въ средніе вѣка.

Туръ стар.—волъ; *буй-туръ*—буйволъ, *турица*—буйволица, сохранившіеся у насъ только въ Бѣловѣжской пущѣ (Гродн. губ.). *Буй-туръ* (ярый волъ)—украшающій эпитетъ древней рус. поэзіи, встрѣчающійся въ стихахъ и лѣтописяхъ: „*храбръ бо бѣ* (Романъ), *яко и туръ*."

Тысяцкій стар.—главный воевода полка древ. Руси. Князья имѣли своихъ тысяцкихъ, а города своихъ; послѣдніе избирались изъ бояръ. Въ Новгородѣ послѣ посадника тысяцкій былъ первое лицо; онъ избирался вѣчемъ и являлся главою войска, набраннаго изъ горожанъ.

Тѣснота стар.—притѣсненіе.

Тюльери—королевскій замокъ въ Парижѣ.

Тюрьки, или *туранцы*—общее наименованіе народовъ монгольскаго племени. Максъ Мюллеръ производитъ слово *туранецъ* отъ корня *тура*—наѣздникъ, всадникъ.

Тяга *земли*—центръ тяжести.

У.

Уборъ—нарядъ, праздничное платье. *Уборный* столъ—убранный.

Убрусъ церк.-слав.—платъ, платокъ, полотенце; встарину почетная ширинка, поднесенная молодою, на поклонъ.

Угодье—всякая статья сельскаго хозяйства: поле, лугъ, лѣсъ, рѣка, озеро и проч.

Уголовіе—преступленіе, за которое виновный подлежалъ или смертной казни, или тяжкой, торговой карѣ.

Угольчатый — угловатый, многоугольный.

Угоріе—подножье горъ, полоса между плоскостью и горами.

Угры—венгры. *Угорскія горы*—Карпатскія.

Удѣлъ стар.—княжество, владѣнье князя. *Удѣльный*—относящійся къ удѣлу.

Ужахнуться народ.—ужаснуться.

Узорочье стар.—драгоцѣнныя вещи и ткани съ литыми или рѣзными, съ шитыми или ткаными узорами, служащія къ украшенію и великолѣпію. *Узорочатая палата*—украшенная узорочьемъ.

Уланы—такъ называлась прежде азіатская милиція, введенная въ прошедшемъ столѣтіи въ регулярныя войска; теперь же

уланами наз. полки легкой кавалеріи. Уланы вооружены саблями, пиками и пистолетами.

Улусъ, тур. ulus племя—округъ земли, занимаемый татарами, или имъ подчиненный. *Улусникъ* — татарскій чиновникъ, владѣющій землей.

Ундина, отъ лат. Unda вода— героиня нѣмецкой сказки Фуке, передѣланной Жуковскимъ (въ 1836 г.). Ундина— прекрасная, рѣзвая, игривая водяная фея.

Универсалъ, отъ лат. universus весь, цѣлый— окружная грамота, манифестъ.

Университетъ, отъ лат. universitas всеобщность, корпорація—нынѣ высшее учебное заведеніе. Названіе это является впервые въ XIII стол., когда учреждены были учебныя заведенія для всѣхъ сословій, гдѣ преподавались всѣ науки. Первый университетъ основанъ въ Болоньѣ.

Унія, отъ лат. unus одинъ, unio единеніе— соединеніе. Въ исторіи Россіи такъ наз. насильственно произведенное польскою шляхтою соединеніе Литвы съ Польшею и такое же насильственное навязываніе соединенія православныхъ съ Римскою Церковію. *Уніатъ*— послѣдователь церковной уніи.

Упадка народ.—боязнь, трусость. *Говорить не съ упадкою*— смѣло, бодро.

Уразъ— ударъ, рана, увѣчье.

Урманскій, *Мурманскій*, испор. изъ *Норманскій, берегъ*— часть Архангельской губерніи отъ устья Бѣлаго м., или, по мнѣнію другихъ, отъ рѣки Попоя, на 800 верстъ до норвежской границы. *Мурмане*—обитатели Мурманскаго берега.

Урна лат.— сосудъ, въ который клался пепелъ послѣ сожженія трупа умершаго. По формѣ своей урны чаще всего походили на вазу.

Урывочекъ *черевъ* народ.--выраженіе, употребляемое матерью о своемъ дѣтищѣ.

Урядить—устроить, установить порядокъ; встарину, въ областяхъ, присоединяемыхъ къ Москвѣ, ввести общее управленіе.

Усовица— несогласіе, раздоръ, вражда.

Утлый—дырявый, скважистый.

Ухожье — отхожее поле, пустошь; пчельникъ, пасѣка.

Ф.

Фавны—боги, покровители земледѣлія, потомки Фавна, миѳическаго царя Лаціума. Поэты представляли ихъ съ козлиными рогами и козлинымъ отъ пояса тулувищемъ и ногами, но съ болѣе привѣтливыми лицами, нежели у сатировъ. Они жили по нѣскольку столѣтій.

Фаворитъ, отъ лат. favor благосклонность, милость— любимецъ.

Фалафѣй— фалалей, простакъ, простофиля.

Фанатизмъ, отъ лат. fanum капище, храмъ — грубое, неправильное религіозное убѣжденіе, ни передъ чѣмъ не отступающее и ничего противнаго себѣ не терпящее.

Фантазія греч.—творческое воображеніе, мечта, вымыселъ. *Фантастическій* —мечтательный, несбыточный.

Фашина, отъ лат. fascius пукъ, связка —связка хворосту, употребляемая при устройствѣ платинъ, или при переходѣ войскъ черезъ рвы къ осаждаемой крѣпости.

Фебъ, отъ греч. φως свѣтъ—богъ солнца и свѣта, искусствъ, поэзіи и медицины, иначе Апполонъ, сынъ Юпитера и Латоны. Онъ жилъ на Парнассѣ, управлялъ музами и колесницею солнца.

Фелонь греч — риза, верхнее облаченіе священника.

Фениксъ греч.— баснословная птица, величиною съ орла, съ золотыми и красными перьями. Говорятъ, фениксъ происходилъ изъ Индіи и, прилетая оттуда въ Египетъ, сожигалъ себя, а изъ пепла его рождался червь, который отъ дѣйствія солнечной теплоты производилъ новаго феникса. Фениксъ символически перешелъ въ христіанскую религію и принятъ за эмблему безсмертія.

Феноменъ, отъ греч. φαινω являюсь — явленіе, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ.

Ферязь стар.—мужское долгое платье, съ длинными рукавами, безъ воротника и перехвата; у женщинъ—сарафанъ, застегнутый донизу.

Физикъ, отъ греч. φυσις природа— занимающійся физикою, т. е. наукою о силахъ природы и о явленіяхъ ихъ на землѣ и въ окружающемъ ее воздухѣ.

Фiалъ греч.—чаша, сосудъ для питья.

Флангъ франц.—сторона, бокъ, крыло войска.

Франки—одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ варварскихъ народовъ II и III в., составившiйся изъ нѣсколькихъ германскихъ племенъ. Римскiе историки впервые упоминаютъ о франкахъ по случаю побѣды, одержанной надъ ними импер. Аврелiаномъ въ 241 г. Въ настоящее время франками называютъ иногда французовъ, а на Востокѣ всѣхъ европейцевъ.

Фрегатъ франц.—трехмачтовое военное судно съ одной закрытою батареей.

Фура нѣм.—длинная большая телѣга въ з. Россiи. *Фургонъ*—фура, употребляемая въ войскахъ для перевозки вещей.

Фуражъ фран.—кормъ для лошадей. *Фуражиръ*—лицо въ войскѣ, обязанное добывать фуражъ.

Х.

Ханъ, *каганъ*—азiатское названiе правителя, царя.

Хаосъ греч., церк.-слав. хаѡсъ—состоянiе вселенной до сотворенiя мiра; неустройство, безпорядокъ.

Характеръ греч.—совокупность отличительныхъ, присущихъ человѣку, или предмету чертъ. *Характеризовать*—описать, изобразить рѣзкими чертами.

Хартiя, *харатья* стар.—папиръ, пергаментъ и все, на чемъ писали древнiе; древняя рукопись; отс. *харатейный*—писанный на хартiи.

Химера греч.—несбыточная мечта. Въ греч. миѳологiи чудовище съ длинною головою, низкимъ тѣломъ и драконовымъ хвостомъ.

Химикъ, отъ греч. χυμός сокъ и χέω разливаю—занимающiйся химiей, т. е. наукою о законахъ соединенiя и разложенiя тѣлъ.

Хирургъ, отъ греч. χείρ рука и ουργέω дѣйствую—врачъ, производящiй операцiи надъ больнымъ тѣломъ человѣка.

Хламида церк.—мантiя, плащъ.

Хожатель, хожалый—разсыльный.

Хойлище—громадный ротъ, пасть.

Холопъ стар.—рабъ; дворовый крѣпостной человѣкъ; встарину такъ называлъ себя каждый подданный въ отношенiи къ государю.

Хоробрый, *хоробрый*—полногласн. форма слова *храбрый*.

Хроника, *хронографъ*, отъ греч. χρόνος время—лѣтопись, т. е. такое повѣствовательное сочиненiе, въ которомъ разсказъ происшествiй расположенъ собственно по порядку времени, а не по однородности содержанiя.

Хужѣе народ.—хуже.

Хуторъ южн.—изба со скотомъ и сельскимъ хозяйствомъ, усадебка.

Ц.

Центръ лат.—точка въ кругѣ, равноотстоящая отъ всѣхъ точекъ окружности; вообще средоточiе; предметъ, къ которому стягиваются и влекутся всѣ другiе.

Церемонiя франц.—установленный или обычный внѣшнiй порядокъ, обрядъ, чинъ.

Циклъ греч.—кругъ; перiодъ изъ извѣстнаго числа лѣтъ

Цугъ, отъ нѣм. ziehen тянуть—запряжка лошадей въ экипажъ попарно.

Цымбалы стар., *кимвалы*—музыкальный инструментъ, напоминающiй гусли, по струнамъ котораго бьютъ крючечками.

Цыфирь—счетъ, счисленiе, ариѳметика.

Цѣвье—стержень, ось.

Цѣловальникъ стар.—цѣловавшiй крестъ; присяжный, давшiй присягу.

Ч.

Чайка—небольшое судно съ веслами и парусами, въ Венгрiи, на Черномъ морѣ и Архипелагѣ.

Чалма тур.—головной уборъ у восточныхъ народовъ изъ куска бѣлой ткани, для защиты головы отъ лучей солнца.

Чары церк.-слав.—волшебство, колдовство, обаянiе; въ повѣсти „Горе-Злосчастье" —черевики, женскiе башмаки.

Чекмень—полукафтанъ съ перехватомъ

Челядь стар.—прислуга, дворня, домачадцы. *Челядинецъ*—дворовый человѣкъ. *Челобитье* стар.—поклонъ, просьба, покорность; отс. *челобитня*—просьба, жалоба.

Чепракъ тур.—суконное одѣяло на спинѣ и бокахъ лошади, на которое кладется сѣдло.

Чер(в)леный, *червчатый*—багряный, красный, пурпуровый.

Червонецъ—смотр. *дукатъ.*

Черево — полногласн. форма слова *чрево*—животъ, утроба.

Чернь, *черный людъ* стар.—простой народъ; *черный*—простолюдинъ, чернорабочій: „*И бояромъ, ижитьимъ, и купцемъ, и чернымъ, благословеніе*“. *Черная дань* — дань съ простого народа. *Чернедь*—особая порода черныхъ утокъ. *Чернизина* — всякая мѣстная чернота, черное пятно. *Чернокнижество*—колдовство. *Черноризецъ*—монахъ.

Чертогъ—большой, богато убранный покой въ теремѣ.

Чета—пара, скопище, толпа.

Четвертовать— казнить смертію чрезъ отсѣченіе рукъ, ногъ и головы: „*за убійства же, и иныя злыя дѣла, живаго чертвертаютъ*“ (Кошихинъ).

Четьи-Минеи—ежемѣсячныя чтенія, содержащія житія всѣхъ святыхъ, чтимыхъ Русскою Церковію.

Чинара, чинаръ—дерево яворъ, чрезвычайно красивое и развѣсистое, имѣющее прекрасный, гладкій, желтый стволъ и большіе, широкіе листья.

Чингалище стар.—кинжалъ, большой ножъ.

Чинить—учинять, творить, устраивать.

Чресла церк.-слав.—бедра, поясница.

Чукши, *чукчи*—дикари, живущіе въ самомъ с.-в. углу азіатскаго материка.

Ш.

Шабашъ, евр. szabat--суббота, день молитвы; у рабочихъ—прекращеніе дневныхъ занятій.

Шайтанъ татар.—чортъ, бѣсъ, дьяволъ, сатана.

Шакалъ, араб. shekâl—хищный звѣрь изъ породы волковъ; водится въ жаркихъ странахъ.

Шалыга—посохъ съ загнутымъ къ рукѣ концомъ; кистень.

Шальвары—шаровары, широкіе брюки.

Шаманъ татар.— жрецъ, кудесникъ, волхвъ сибирскихъ инородцевъ.

Шанецъ нѣм.—земляной окопъ, полевое укрѣпленіе.

Шебека — небольшое трехмачтовое судно.

Шелепуга—плеть, кнутъ, нагайка.

Ширинка—полотнище отъ цѣлой ткани, полотенце; шейный платокъ.

Шишакъ—см. *шлемъ*.

Шлемъ, *шеломъ*—головной уборъ воина, нынѣ каска.

Шлюпка англ.—гребное судно при корабляхъ.

Шляхта—дворянское сословіе въ Польшѣ. *Шляхтичъ*—польскій дворянинъ, имѣвшій право засѣдать на сеймахъ. *Шляхетный*—относящійся къ шляхтѣ.

Шляхъ, *шляга* стар.—степныя дороги, которыми крымскіе татары вторгались въ Россію. Извѣстнѣйшая шляга была *Муравская*, пролегавшая по верховьямъ рр., впадающихъ въ Сѣверный Донецъ, прямо къ Тулѣ.

Шнека—ладья, рыболовная лодка.

Шестопёръ—оружіе для боя; родъ булавы, у которой головка сдѣлана наподобіе перьевъ стрѣлы; такихъ металлическихъ стрѣлъ насаживалось отъ 6 до 12.

Шомполъ, нѣм. Stämpel—прутъ, чаще желѣзный, при огнестрѣльномъ оружіи для забиванія заряда.

Штабъ-офицеръ—военные чины съ маіора до полковника включительно.

Штандартъ нѣм. — знамя коннаго полка; на кораблѣ—знакъ въ видѣ знамени, означающій присутствіе государя.

Штатъ нѣм.—положеніе, роспись о числѣ чиновъ и содержаніи ихъ.

Штурмъ, отъ нѣм. stürmen брать приступомъ—приступъ.

Шуйца—лѣвая рука.

Щ.

Щитъ—старинное военное орудіе, которымъ прикрывали тѣло во время нападенія непріятелей; все то, что служитъ обороною; защитникъ.

Э.

Эвксинъ, *Эвксинскій понтъ*—древнее названіе Чернаго моря.

Экспедиція лат.—посылка въ отдаленное мѣсто для исполненія общественнаго порученія.

Экстренный, отъ лат. extra внѣ—непредвидѣнный, нетерпящій отлагательства.

Электричество, отъ греч. ἤλεκτρον смола, янтарь—тончайшее невѣсомое вещество, при треніи тѣлъ обнаруживающееся блестящими искрами. Эта великая сила природы получила свое названіе отъ янтаря, потому что въ немъ было въ первый разъ замѣчено свойство электричества.

Элементъ лат.—простое, несложное вещество; основаніе, начало.

Эллада—Греція. *Эллинъ*—грекъ.

Эмблема, отъ греч. ἐμβάλλω подставляю—фигура, служащая для изображенія отвлеченнаго понятія.

Эпиграфъ, отъ греч. ἐπιγράφω надписываю — краткое изреченіе, пословица, мысль, помѣщаемая подъ заглавіемъ книгъ или сочиненій для означенія ихъ содержанія. Употребленіе эпиграфовъ восходитъ къ глубокой древности.

Эпосъ—повѣствовательная поэзія. *Эпопея*—героическая поэма.

Эпоха, отъ греч. ἐπέχομαι удерживаюсь—важное историческое событіе, отъ котораго считаютъ новый періодъ исторіи.

Эскадра франц.—отрядъ во флотѣ, состоящій изъ 9—20 судовъ.

Эскадронъ—отрядъ, рота конницы.

Этюдъ фран.—разсказъ, очеркъ.

Эфіопъ—чернокожій, житель *Эфіопіи*—средней Африки.

Эѳиръ греч—по мнѣнію естествоиспытателей, тончайшее вещество, наполняющее все небесное пространство.

Ю.

Юрта перс.—жилище кочевыхъ народовъ, удобопереносимое съ одного мѣста на другое.

Я.

Яворъ—см. *чинара*.

Язъ др.-рус., церк.-слав. азъ—я.

Языкъ, *языцы*—народъ, племя; иноплеменники; язычники.

Яко церк.-слав—какъ, какъ-бы, ибо, что, чтобы, когда.

Янычары, отъ *яни джери*, или *ени чери* новое войско—турецкое войско, извѣстное въ исторіи Порты своею храбростію и неповиновеніемъ. Янычары были сформированы въ 1326 г. изъ христіанскихъ дѣтей, воспитанныхъ въ мусульманской вѣрѣ, и впослѣдствіи пополнялись также изъ христіанскихъ мальчиковъ. Войско это было уничтожено въ 1826 г.

Ямь—финны, обитавшіе въ зап. части Ингерманландіи, нынѣш. С.-Петербург. губ.

Ярлыкъ тур.—встарину ханская грамота, посланіе.

Ярмо, *яремъ*—иго, рабство.

Яровчатый народ. — бойкій, неудержный, быстрый, ретивый.

Ярый—пылкій, неустрашимый, мужественный; злой, лютый. *Яръ* то же, что *буй*; въ др.-чешск. стихахъ „tur iarі" — ярый туръ.

Ясаулъ, есаулъ—сотенный въ казачьихъ полкахъ; у разбойн.—помощникъ атамана.

Яти церк.-слав.—взять. *Яша*—аор. 3 л. мн. ч.: взяли. *Ятъ бысть*—былъ взятъ.

Ячный—житный, хлѣбный.

Яшма—крѣпкій камень *ясписъ* разныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ.

Ѳ.

Ѳемида—въ греческой миѳологіи, богиня правосудія, въ видѣ женщины съ завязанными глазами, съ мечомъ въ одной и вѣсами въ другой рукѣ. *Ѳемидинъ дворецъ*—судебное мѣсто.

Ѳиміамъ греч.—ладонъ и вообще всякая благовонная смола. Употребленіе его было извѣстно въ самой глубокой древности.

КОНЕЦЪ.

ОПЕЧАТКИ.

Страница.	Столбецъ.	Строка.	Напечатано:	Должно быть:
10	лв.	сверх. 3	Изборьстѣ	Изборьстѣ
17	„	сниз. 7	подерживаетъ	поддерживаетъ
27	пр.	„ 1	городавъ	городовъ
53	лв.	сниз. 6	пѣнію что	пѣнію, что
—	„	„ 21	лѣтописью иначе	лѣтописью, иначе
67	„	„ 1	Каразинъ	Карамзинъ
82	„	„ 2	наволиша	навалиша
100	„	„ 11	весть	ввесть
101	пр.	сверх. 4	энакъ	знакъ
102	лв.	сниз. 1	недежда	надежда
—	пр.	сверх. 18	но такъ, какъ	но такъ какъ
103	лв.	„ 5	Беликій	Великій
—	„	сниз. 6	всечастно	всечасно
—	пр.	„ 12	причитала	причитала,
104	„	сверх. 13	приклониться	преклониться
105	„	сниз. 3	потому что	потому, что
—	„	„ 2	Солунскаго	Селунскаго
107	лв.	сверх. 1	сберегатель	оберегатель
—	пр.	сниз. 24	на богатырѣ	на богатырѣ,
—	„	„ 21	можетъ быть	можетъ быть,
—	„	„ 16	объбсняютъ	объясняютъ
—	„	„ 12	Миллера;	Миллера,
108	лв.	„ 10	калипк	калики
109	„	сверх. 15	князьамъ-боярамъ	князьямъ-боярамъ
110	„	сниз. 2	бежества	божества
112	„	сверх. 26	количище	каличище
—	„	сниз. 20	жо	же
—	пр.	„ 5	Жидовскою	Жидовскою,
113	„	„ 1	Боогродицѣ	Богородицѣ
115	лв.	сниз. 17	подвигомъ который	подвигомъ, который
—	„	„ 6	въ Кіевѣ какъ	въ Кіевѣ, какъ
117	пр.	„ 5	былъ	былъ,
144	„	сверх. 20	женитеся	женитися
149	„	„ 24	властелану	властелину
150	лв.	сниз. 18	бозцѣнокъ	безцѣнокъ
156	пр.	сверх. 16	бозумцевъ	безумцевъ
169	лв.	„ 22	невродимы	невредимы
177	пр.	сниз. 3	государства такъ	государства, такъ
178	лв.	„ 4	сво й	своей
181	пр.	сверх. 12	праведенъ какъ	праведенъ, какъ
183	„	сниз. 7	сидѣль	сидѣлъ
184	лв.	„ 14	а химандритъ	архимандритъ
190	„	„ 19	чишу	чашу
200	„	сверх. 10	земн я	земная

Страница.	Столбецъ.	Строка.	Напечатано:	Должно быть:
211	пр.	сверх. 15	сумъ	самъ
215	лв.	„ 9	нобѣга	набѣга
—	пр.	сниз. 2	Тушипо	Тушино
218	лв.	„ 8	Грознаго а толпы ино-вѣрцевъ пришедшихъ	Грознаго, а толпы иновѣр-цевъ, пришедшихъ
231	пр.	„ 21	башенъ.	башенъ
235	лв.	сверх. 18	что, Сусанинъ	что Сусанинъ
240	пр.	„ 13	бозмолвіе	безмолвіе
—	„	сниз. 7	Бога.	Бога,
245	„	„ 14	гесударства.	государства
246	„	„ 19	неспѣсивый	неспесивый
253	лв.	„ 8	тоскавала,	тосковала,
266	„	„ 2	Собѣвскій	Собѣсскій
268	пр.	сверх. 4	на темъ	на тѣмъ
269	„	„ 18	пыхъ	ныхъ
309	лв.	сниз. 18	завидилъ	завидѣлъ
334	пр.	„ 20	раскошнаго	роскошнаго
360	„	„ 2	Fесamp	Fécamp
401	лв.	„ 19	заря	заря,
—	пр.	„ 7	прекресной	прекрасной
402	„	„ 18	Міръ	Миръ
—	„	„ 16	міра	мира
405	пр.	сверх. 13	по	про
439	„	„ 11	Ακαδημια	Ακαδημία
—	„	„ 20	καϑιξω	καϑίξω
—	„	сниз. 3	al-gieber	al-djeber
440	лв.	сверх. 5	ἄλλος	ἄλλος
—	„	сниз. 22	ἄν	ἄν
—	„	„ 14	Церквью	Церковью
—	пр.	сверх. 8	ἆδωμα	ἄρωμα
442	лв.	„ 23	βιβλος	βίβλος
—	пр.	„ 3	βορέυς	βορεύς
443	лв.	сниз. 20	βἀρβαρος	βάρβαρος
447	„	сверх. 3	ἐλαιος	ἐλαίος
—	„	„ 5	ἁιρέω	αἱρέω
449	„	„ 9	kalioum	kalioun
—	„	„ 29	καρδια	καρδία
—	„	сниз. 3	κελλεὶον	κελλεῖον
450	„	сверх. 6	κολοςςός	κολοσσός
—	пр.	„ 12	alkoràn	alkorân
451	лв.	сниз. 22	couris	courir
—	пр.	„ 26	ληδαργια	ληϑαργία
453	лв.	сверх. 7	meschiah	Maschiah
—	„	сниз. 21	πολις	πόλις
455	„	сверх. 3	odinis	ordinis
—	пр.	сниз. 20	πατὴρ	πατήρ
456	„	сверх. 3	ποδος	ποδὸς

Bayerische Staatsbibliothek München

Franz Steckeler
Buchbinderei
8884 Höchstädt/Do.

BSB Bayerische StaatsBibliothek

MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Romanovič, P. P.

Russkaja starina v rodnoj poėzii Illjustr. sbornik stichotvornych obrazcov s priměč. i slovarem

Novgorod 1890

4 P.o.russ. 4 z
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11519251-7